This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

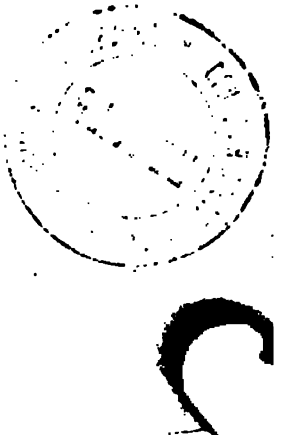
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PG
3114
.G5

БИБЛІОТЕКА
О. д. д. ср. Высшимъ Женскимъ Курсамъ.
Шкафъ VI.
Полка 5.
Место 2.
ЭКЗЕМПЛЯРЪ № 2.
Не выдается.

АМИ БЫЛИНЪ



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Gilferding, A. F.
ex LGO

ОНЕЖСКІЯ БЫЛИНЫ

ЗАПИСАННЫЯ

АЛЕКСАНДРОМЪ ѲЕДОРОВИЧЕМЪ

ГИЛЬФЕРДИНГОМЪ

ЛѢТОМЪ 1871 ГОДА

1792

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ ОНЕЖСКИХЪ РАПСОДОВЪ И НАПѢѢАМИ БЫЛИНЪ

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1873

PG3114
G5

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ покойнаго Александра Ѳедоровича Гильфердинга было, весьма рѣдкое у насъ, стремленіе къ ученымъ путешествіямъ по Россіи и землямъ Славянскимъ: въ послѣдніе годы, не проходило ни одного лѣта безъ посѣщенія имъ того, или другого славяно-русскаго края; каждая такая поѣздка, важная для ученаго сама-по-себѣ, какъ провѣрка и дополненіе его кабинетныхъ занятій и домысловъ, — приносила цѣнные матеріалы и вклады въ науку. Такъ, и въ лѣтніе мѣсяцы 1871 года Гильфердингу пожелалось «побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы». «Въ особенности (замѣчаетъ Гильфердингъ) манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ». «Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ, счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя». Хотя Гильфердингъ видитъ этотъ «счастливый случай» въ встрѣчѣ своей съ сказителемъ Іевомъ Еремѣевымъ, но главная причина, почему онъ изъ туриста превратился въ собирателя, есть сама «счастливая натура» Гильфердинга, богато-одаренная, роскошно образованная и развившаяся въ учено-литературной русской средѣ, между такъ-называемыми славянофилами. Увлекшись встрѣтившимся первымъ сказителемъ, Гильфердингъ, съ необычайнымъ одушевленіемъ и поражающею энергіею, взялся за записываніе былинъ, и въ два мѣсяца (точнѣе — въ 48 * дней) состави-

* См. ниже, «Дневникъ путешествія.»

лась рукопись въ 1203 полулиста (болѣе 2000 страницъ), писанная вся, отъ первой до послѣдней строки, рукою покойнаго! Прослушано 70 пѣвцовъ и пѣвицъ, собраны и составлены ихъ біографіи, записано и провѣрено 318 былинъ! Человѣчное и умѣлое обращеніе съ Онежскимъ крестьяниномъ-раскольникомъ, щедрая расплата съ сказителями — привлекли къ Гильфердингу столько пѣвцовъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ Гильфердингъ записывалъ былины «до полнаго физическаго утомленія». Кажется, этого громаднаго, собраннаго имъ, матеріала было достаточно; но не успѣлъ наступить іюнь мѣсяцъ 1872 года, какъ Гильфердингъ отправился изъ Петербурга на новые поиски за былинами. Поѣздка эта въ самомъ началѣ была прервана всего менѣе ожидаемою катастрофою: 20 іюня, общество и наука понесли большую, незамѣнимую потерю въ лицѣ Гильфердинга.....

Къ изданію на собственное иждивеніе своего собранія былинъ Гильфердингъ приступилъ еще осенью 1871 года. Вся рукопись, приготовленная имъ къ печати, сразу отдана была въ типографію, и при жизни его отпечатана почти половина, именно: двадцать одинъ листъ. Правописаніе, какъ замѣтитъ читатель, было принято по преимуществу фонетическое, что̀ особенно видно на нѣкоторыхъ прилагательныхъ окончаніяхъ. Иногда въ такихъ случаяхъ, а также и для отмѣтки другихъ особенностей, при печатаніи употреблялся курсивный шрифтъ. Къ тексту приложены два портрета сказителей (Рябинина и Щеголёнка) и напѣвы былинъ. Передъ текстомъ перепечатана изъ мартовской книжки «Вѣстника Европы» за 1872 годъ статья Гильфердинга «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды», въ которой нѣкоторыя позднѣйшія рукописныя добавленія автора отмѣчены уго̀льными скобками. Въ концѣ оглавленія помѣщенъ списокъ былинъ по содержанію. Словарь-указатель не приложенъ потому, что онъ задержалъ бы надолго выходъ книги и увеличилъ бы ея цѣну; такъ какъ онъ самъ-по-себѣ можетъ составить изрядную книжку листовъ въ 12 — 15 печатныхъ, то, вѣроятно, и будетъ изданъ особо.

Въ заключеніе мы должны сказать, что намъ досталась честь докончить печатаніе собранія былинъ Гильфердинга, равно какъ и принять участіе и въ первой его половинѣ.

Петръ Гильтебрандтъ.

ДНЕВНИКЪ *)

ПУТЕШЕСТВІЯ АЛЕКСАНДРА ѲЕДОРОВИЧА ГИЛЬФЕРДИНГА.

ІЮНЬ

20 — Петрозаводскъ, № 149.
29 — Петрозаводскъ, № 150.
30 — Петрозаводскъ, № 151.
„ — Онего, №№ 163, 164, 166, 167.

ІЮЛЬ

1 — Горское, №№ 165, 168, 169.
3 — Леликово, №№ 91, 92, 93, 94, 95, 104, 105, 106, 110, 111.
4 — Леликово, №№ 96, 97, 107, 108, 109, 118, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143.
5 — Кижи, №№ 112, 120, 145.
6 — Кижи, №№ 75, 77, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 121, 126.
7 — Дуткинъ-Наволокъ въ Кижахъ, №№ 73, 80, 87, 113, 114, 115, 116, 117, 123.
8 — Кижи, №№ 74, 76, 78, 81, 83, 85, 88.
10 — Тамбица, №№ 40, 41, 42.
„ — Типеница, №№ 43, 44.
11 — Толвуй, №№ 38, 39.
12 — Толвуй, №№ 33, 34, 36, 37.
14 — Масельга, №№ 25, 26, 27, 28, 29.
„ — Маткозеро, №№ 30, 31.
15 — Тайгеница, №№ 178, 179, 180, 181, 183, 184.
„ — Выгозеро, №№ 190, 191, 192, 193, 194.
16 — Выгозеро, № 171.
„ — Тайгеница, №№ 173, 174, 176, 177.
17 — Тайгеница, №№ 170, 172, 175, 186, 188, 189.
„ — Данилово, №№ 185, 187.

---

*) Дневникъ этотъ составленъ на основаніи датъ, имѣющихся въ концѣ каждой былины: число, мѣстность и №№ былинъ. Только подъ девятью былинами (№№ 130, 144, 146, 147, 148, 152, 153, 154, 155) Гильфердингъ позабылъ поставить дату; но, судя по пѣвцамъ, отъ которыхъ онѣ записаны,—должны быть отнесены къ 30 іюня и 5 іюля. Кромѣ того, нѣкоторыя былины записаны въ Петербургѣ отъ пріѣзжавшихъ къ Гильфердингу рапсодовъ въ сентябрѣ (№№ 119, 122, 124, 125, 127, 128, 129), въ октябрѣ (№ 156) и въ ноябрѣ (№№ 79, 82, 84, 86, 89, 90, 160).

19 — Чолмужи, №№ 32, 35, 157.
20 — Чолмужи, №№ 158, 159, 161, 162.
21 — дер. Римъ на Пудожской Горѣ, № 6.
22 — тамъ же, №№ 2, 5, 8, 10, 16, 17, 21.
23 — тамъ же, №№ 7, 12, 18, 19, 20, 22, 23, 24.
24 — тамъ же, №№ 1, 3, 4, 9, 13, 14, 15.
25 — Тайгеница, № 182.
26 — Марнаволокъ, №№ 11, 45, 46, 47, 48, 50, 53, 54.
27 — Марнаволокъ, №№ 49, 51, 52.
28 — Шаль, №№ 55, 58, 59, 60, 61.
29 — Шаль, №№ 56, 57, 62, 66, 68.
31 — Пудожъ, №№ 63, 64, 65, 67.

АВГУСТЪ

1 — Сумозеро, № 70.
2 — Сумозеро, № 69.
4 — Куганаволокъ на Водлозерѣ, №№ 71, 72.
5 — Водлозеро, №№ 212, 213.
6 — Водлозеро, №№ 206, 207, 208, 209, 216, 217, 218.
7 — Куганаволокъ, №№ 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 214, 215.
8 — рѣка Черева, № 210.
„ — Заволочье, № 211.
10 — Кенозеро, №№ 226, 228, 230.
11 — д. Немятова на Кенозерѣ, №№ 220, 221, 223, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 258.
12 — тамъ же, №№ 219, 222, 224, 225, 254, 255, 256, 259, 261, 262, 263, 264, 293, 294, 295.
13 — Кенозеро, №№ 245, 246, 247, 248, 257, 260.
14 — тамъ же, №№ 227, 229, 231, 249, 250, 251, 273, 274, 275, 276, 286.
15 — тамъ же, №№ 232, 233, 235, 252, 253, 270, 271, 272, 292.
16 — тамъ же, №№ 234, 236, 237, 238.
„ — Кенозерскій погостъ, №№ 277, 278, 279, 280.
„ — д. Немятова, №№ 281, 282, 283, 287, 288, 289, 290, 291.
17 — Кенозеро, №№ 265, 266, 267, 268, 269, 284, 285, 296, 297, 298, 299, 300, 301.
18 — Ошевенскъ, №№ 302, 303.
23 — Моша, №№ 315.
24 — Моша, №№ 304, 305, 306, 307. [illegible] 8.
25 — Моша, №№ 311, 312, 316,

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНІЯ

и

ЕЯ НАРОДНЫЕ РАПСОДЫ.

Мнѣ давно хотѣлось побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы составить себѣ понятіе о его населеніи, которое до сихъ поръ живетъ въ эпохѣ первобытной борьбы съ невзгодами враждебной природы. Въ особенности манило меня въ Олонецкую губернію желаніе послушать хоть одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ рапсодовъ, какихъ здѣсь нашелъ П. Н. Рыбниковъ. Самъ Пав. Ник. поощрялъ меня къ поѣздкѣ въ этотъ край, подавъ надежду, что она можетъ быть не безполезна и послѣ его работъ; онъ съ величайшею обязательностью сообщилъ мнѣ практическіе совѣты, извлеченные изъ опыта десятилѣтняго пребыванія въ Олонецкой губерніи. Имѣя передъ собою два свободныхъ мѣсяца нынѣшнимъ лѣтомъ, я расположилъ свою поѣздку такъ, чтобы посѣтить мѣстности, которыя были мнѣ указаны г. Рыбниковымъ, какъ пребываніе лучшихъ «сказителей», именно: Сѣнную Губу и Кижи на южной оконечности Заонежскаго полуострова, Толвуй на его сѣверной сторонѣ, Пудожское побережье на сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, Кенозеро въ сѣверо-восточномъ углу Пудожскаго и такъ-называемую Мошенскую сторону въ сѣверо-восточномъ углу Каргопольскаго уѣзда. Кромѣ того, предварительно переѣзда въ Сѣнную Губу, я изъ Петрозаводска заглянулъ въ Горскій погостъ и Мелую Губу; потомъ изъ Толвуи переѣхалъ въ Повѣнецъ и оттуда сдѣлалъ экскурсію черезъ Масельгу на Выгозеро и въ Даниловъ; а на Кенозеро поѣхалъ не прямымъ путемъ изъ Пудожа, а черезъ Сумозеро и Водлозеро. Эту длинную дорогу зигзагами, начатую изъ Петрозаводска 30-го іюня, я окончилъ въ Вельскѣ 27-го августа.

Я изложу съ нѣкоторою подробностью результаты моей поѣздки по отношенію къ предмету, который меня занималъ спеціально, именно — народной эпической поэзіи; но какъ Олонецкая губернія и особенно сѣверо-восточная ея часть вообще мало извѣстна, то предпошлю этимъ спеціальнымъ замѣчаніямъ нѣсколько словъ, чтобы сказать общее

впечатлѣніе, какое этотъ край произвелъ на меня. Общее впечатлѣніе — и тяжелое и вмѣстѣ отрадное. Отрадно видѣть сѣверно-русскаго крестьянина этой мѣстности (другихъ не знаю и о нихъ не говорю), отрадно видѣть его *самого по себѣ;* тяжело видѣть обстановку, въ которую онъ поставленъ природою, еще тяжеле—ту, въ которой держитъ его масса сложившихся и наслоившихся недоразумѣній. Народа добрѣе, честнѣе и болѣе одареннаго природнымъ умомъ и житейскимъ смысломъ я не видывалъ; онъ поражаетъ путешественника столько же своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, сколько отсутствіемъ корысти. Самый бѣдный крестьянинъ, у котораго хлѣба не достаетъ на пропитаніе, и тотъ принимаетъ плату за оказанное одолженіе, иногда сопряженное съ тяжелымъ трудомъ и потерею времени, какъ нѣчто такое, чего онъ не ждалъ и не требуетъ. Онъ садится въ лодку гребцомъ, работаетъ весломъ часовъ 15 къ-ряду, не теряя до конца хорошаго расположенія духа и своей прирожденной шутливости. Пріученный большинствомъ мѣстнаго чиновничества къ крайне безцеремонному (чтобы выразиться помягче) обращенію, онъ относится къ этому съ изумительнымъ добродушіемъ и не обнаруживаетъ ни тѣни недовѣрія и непріязни къ нашему брату, человѣку привилегированнаго класса, хотя ему доводится имѣть дѣло только съ самыми непривлекательными его экземплярами. При первомъ признакѣ человѣчнаго съ нимъ обхожденія, онъ такъ сказать расцвѣтаетъ, дѣлается дружественнымъ и готовъ оказать вамъ всякую услугу, но между тѣмъ никогда не впадетъ въ тотъ тяжелый тонъ грубой, безтактной фамильярности, отъ котораго не всегда можетъ удержаться простолюдинъ на Западѣ, когда съ нимъ захочетъ сблизиться человѣкъ изъ болѣе образованнаго слоя общества. Что касается матеріальной обстановки сѣверно-русскаго крестьянина и его экономическаго быта, то для сужденія о томъ потребовались бы совсѣмъ другія изслѣдованія чѣмъ тѣ, какимъ я посвятилъ свое время въ эту поѣздку. Ограничусь только самыми общими замѣчаніями. Матеріальная обстановка сѣверно-русскаго крестьянина нѣсколько сносна у Онежскаго озера, потому что тутъ онъ располагаетъ обширнымъ водоемомъ, который находится въ прямой связи съ Петербургскимъ портомъ; но дальше къ сѣверу и востоку вы видите только лѣсъ, лѣсъ и болото и опять лѣсъ; озёра, разбросанныя въ этомъ краѣ, служатъ только для сообщенія между деревнями, ихъ окружающими. Климатъ такой, что здѣсь природа отказываетъ въ томъ, безъ чего намъ трудно себѣ представить жизнь русскаго человѣка; у него нѣтъ ни капусты, ни гречи, ни огурцовъ, ни луку; овесъ, разными способами приготовляемый, составляетъ существеннѣйшую часть пищи. Отсутствуетъ и другая принадлежность русскаго народа — телѣга. Телѣга не можетъ пройти по тамошнимъ болотистымъ дорогамъ. Она появляется только 35 верстъ южнѣе Кенозера, въ Ошевенской волости, съ которой начинается болѣе сухая и плодородная часть Каргопольскаго уѣзда. Сѣвернѣе, около Кенозера, Водлозера, Выгозера и по Заонежью возятъ что-нужно и лѣтомъ на саняхъ (дровняхъ), или же на волокáхъ, т.-е. оглобляхъ, которыя передними концами прикрѣплены къ хомуту, а задними волочатся по землѣ; къ нимъ придѣлана поперечная доска, къ которой привязывается кладь. Когда же нужно ѣхать человѣку, онъ отправляется

верхомъ тамъ, гдѣ не можетъ пользоваться водянымъ сообщеніемъ. Для своза хлѣба съ ближайшихъ къ деревнямъ полей есть кое-гдѣ двухколесныя таратайки, съ неуклюже сколоченными, скорѣе многоугольными, чѣмъ круглыми, деревянными безъ желѣзныхъ шинъ колесами, таратайки, передъ которыми здѣшнія чухонскія кажутся усовершенствованнымъ экипажемъ.

Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелаго труда требуетъ отъ человѣка эта сѣверная природа. Главныя и единственно-прибыльныя работы — распахиваніе «нивъ», т. е. полянъ, расчищаемыхъ изъ-подъ лѣсу и черезъ три года забрасываемыхъ, и рыбная ловля въ осеннее время—сопряжены съ невѣроятными физическими усиліями. Но, чтобы существовать, крестьянинъ долженъ соединять съ этимъ и всевозможные другіе заработки: потому никто не ограничивается однимъ хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ; кто занимается въ свободное время какимъ-нибудь деревенскимъ ремесломъ, кто идетъ въ извозъ къ Бѣлому морю зимою, а лѣтомъ въ бурлаки на каналъ, кто «полѣсуетъ», т. е. стрѣляетъ и ловитъ дичь и т. д. Женщины и дѣвушки принуждены работать столько же, сколько мужчины. Крестьянинъ этихъ мѣстъ радъ и доволенъ, если совокупными усиліями семьи онъ, по тамошнему выраженію, «огорюетъ» какъ-нибудь подати и не умретъ съ голоду. Это — народъ-труженикъ въ полномъ смыслѣ слова.

И что особенно грустно, это слышать единогласно и повсемѣстно и видѣть несомнѣнные признаки, что тамошній народъ бѣднѣетъ, что положеніе его ухудшилось въ послѣднее время противъ прежняго. Это — благодаря нашей братьѣ бюрократамъ. Кому-то изъ нихъ пришло въ голову, что интересъ казны требуетъ охраненія лѣсовъ нашего Сѣвера отъ крестьянъ, которые распахиваютъ въ нихъ свои «нивы». Подсѣчное хозяйство было сочтено за неправильное, хищническое, варварское; забыли только, что безъ него тамъ жить нельзя; что только свѣжая лѣсная земля даетъ въ этомъ климатѣ урожай, окупающій трудъ; что распахиваются только такія мѣста, на которыхъ растетъ мелкій березовый и ольховый лѣсъ, никуда не годный, а цѣннаго лѣсу не трогаютъ, по той простой причинѣ, что земля, на которой растетъ сосна и лиственица, подъ посѣвъ не годится; что наконецъ полянки, которыя крестьяне въ силахъ распахать, составляютъ самую микроскопическую величину въ безконечности тамошнихъ «суземковъ» — поросшихъ лѣсомъ безлюдныхъ пространствъ, раздѣляющихъ поселенія на нашемъ Сѣверѣ. Нѣтъ, казенный интересъ превыше всего, а казенный интересъ требуетъ-молъ охраненія лѣсовъ! И вотъ крестьянскія расчистки были обставлены такими стѣсненіями, что, при добросовѣстномъ и «неусыпномъ» исполненіи на мѣстѣ предписаній, населеніе цѣлыхъ волостей вдругъ лишалось главнаго средства пропитанія, и крестьяне благословляли судьбу тамъ, гдѣ исполнитель позволялъ себя усыплять.

Это — одно изъ проявленій бюрократической опеки на нашемъ Сѣверѣ. Но есть проявленіе болѣе общее и также неотрадное, хотя оно не такъ ощутительно въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно, что всѣ крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Олонецкой губерніи принадлежатъ къ разряду крестьянъ государственныхъ. Какіе были ихъ вну-

тренніе распорядки въ прежнія времена—не знаю; но, со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, они попали подъ непосредственную чиновничью опеку. Хоть имъ предоставлялись всѣ формы выборнаго общественнаго самоуправленія, но въ сущности вся власть передана была въ руки окружного начальника, и выборные головы и расправы стали только исполнителями его приказаній. Это до такой степени отъучило тамошнихъ крестьянъ отъ серьезнаго отношенія къ своему общественному управленію, что и въ настоящее время, когда опека снята, они слишкомъ недовѣрчиво смотрятъ на данныя имъ права, считаютъ мирового посредника такимъ же начальникомъ, какимъ былъ окружной, и неохотно идутъ на общественныя должности, видя въ нихъ однѣ только хлопоты и отвѣтственность. По всей вѣроятности, пройдетъ цѣлое поколѣніе, пока изгладится этотъ мертвящій слѣдъ прежней чиновничьей опеки.

Но гдѣ слѣды бюрократическихъ «мѣропріятій» производятъ потрясающее впечатлѣніе, это—въ сѣверной части Повѣнецкаго уѣзда, около Выгозера! Едва ли есть страна, гдѣ жизнь горьчѣе для человѣка: ибо земля почти отказываетъ ему въ вознагражденіи за ея обработку, хлѣбъ то-и-дѣло вымерзаетъ, рыбы не много и не такая, которая годилась бы для вывоза, сплавлять лѣсъ некуда, звѣриный промыселъ недостаточенъ, чтобы кормить населеніе, слишкомъ для этого густое. Словомъ, здѣсь нужно безконечное, безъисходное труженичество, чтобы только прокормиться. Какое же остается утѣшеніе человѣку при такой жизни? Одно единственное — религія, и дѣйствительно: народъ здѣсь отличается особенною набожностью. Но что же? Вы пріѣзжаете въ село и среди опрятныхъ, красивыхъ его избъ васъ поражаетъ видъ какой-то печальной развалины. Проходя мимо, крестьяне, васъ провожающіе, благоговѣйно снимаютъ шапки и крестятся.—«Что это такое за развалина?»—«Да это была наша часовня, а лѣтъ двадцать тому назадъ пришелъ изъ Питера приказъ, да пріѣзжалъ изъ губерніи чиновникъ, вывезъ наши образа, запечаталъ часовню, снялъ съ нея крестъ и запретилъ намъ до нея дотронуться. Такъ она и стоитъ вотъ ужъ двадцать лѣтъ и скоро совсѣмъ развалится».—«А гдѣ же теперь бываетъ у васъ богослуженіе?»—«Да нигдѣ, батюшко, потому намъ всякое «оказательство» запрещено». Другой крестьянинъ — православный — поясняетъ, что въ этомъ селѣ живутъ все раскольники и начальство строго смотритъ, чтобы не было у нихъ богослуженія. И это не въ одномъ мѣстѣ, а то же самое почти въ каждомъ селѣ: вездѣ разваливающіяся часовни, запечатанныя по распоряженіямъ изъ Петербурга; кладбища съ заколоченными воротами, въ которыя строго воспрещено входить, дабы кто-нибудь изъ раскольниковъ не отважился служить заупокойную службу по родителямъ; вездѣ это доброе, привѣтливое, кроткое населеніе тружениковъ-Выгозеровъ лишено утѣшенія религіи! И всего курьезнѣе, что это дѣлается не изъ какого-нибудь фанатизма къ православію, а просто такъ, по канцелярской рутинѣ.

Со мной ѣхалъ русскій простолюдинъ, петербургскій житель. Когда мы проѣхали первыя раскольничьи селенія, онъ вдругъ сдѣлалъ мнѣ такой наивный вопросъ: «Скажите, отчего это у насъ въ Петербургѣ позволяютъ и католикамъ и лютеранамъ имѣть свои церкви на Невскомъ проспектѣ, и позволяютъ жидамъ и мусульманамъ служить

по своей вѣрѣ, а здѣсь такъ стѣсняютъ нашихъ русскихъ мужичковъ въ ихъ вѣрѣ? Вѣдь они, какъ мы, вѣруютъ въ Господа Іисуса Христа, а не то что жиды, которые Христа проклинаютъ; у нихъ тѣ же святые и тѣ же молитвы какъ у насъ, а не то что у лютеранъ и католиковъ, а ихъ такъ стѣсняютъ, что даже покойника не даютъ отпѣть и въ самый большой праздникъ не позволяютъ служить»!

Признаюсь, я не нашелъ отвѣта. Нашелъ ли бы что̀ отвѣчать кто-либо изъ моихъ благосклонныхъ читателей?

Ограничиваюсь этими общими впечатлѣніями и перехожу къ тому, что̀ меня преимущественно занимало въ Олонецкомъ краѣ, именно—къ остаткамъ народной эпической поэзіи. Побывавши въ Олонецкой губерніи, особенно—въ сѣверной и восточной ея частяхъ, легко уяснить себѣ причины, по которымъ могла сохраниться здѣсь въ народной памяти эпическая поэзія, давно исчезнувшая въ другихъ мѣстахъ Россіи. Этихъ причинъ двѣ, и необходимо было ихъ совмѣстное дѣйствіе; эти причины—*свобода* и *глушь*.

Народъ здѣсь оставался всегда свободнымъ отъ крѣпостного рабства. Ощущая себя свободнымъ человѣкомъ, русскій крестьянинъ Заонежья не терялъ сочувствія къ идеаламъ свободной силы, воспѣваемымъ въ старинныхъ рапсодіяхъ. Напротивъ того, что̀ могло бы остаться сроднаго въ типѣ эпическаго богатыря человѣку, чувствовавшему себя рабомъ?

Въ то же время свободный крестьянинъ Заонежья жилъ въ глуши, которая охраняла его отъ вліяній, разлагающихъ и убивающихъ первобытную эпическую поэзію: къ нему не проникали ни солдатскій постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода; его едва коснулась и грамотность, такъ что даже въ настоящее время грамотный человѣкъ между крестьянами этого края есть весьма рѣдкое исключеніе. Такимъ образомъ, здѣсь могли удержаться въ полной силѣ стихіи, составляющія необходимое условіе для сохраненія эпической поэзіи: вѣрность старинѣ и вѣра въ чудесное. Вѣрность старинѣ такова, что она препятствуетъ даже такимъ нововведеніямъ, которыхъ польза очевидна и которыя приняты во всей Россіи. Такъ, напр., сѣно косятъ не косами, а горбушами, не только тамъ, гдѣ это можетъ быть удобно, т. е. между деревьями и по кочкамъ, а на самыхъ гладкихъ и хорошихъ лугахъ, хотя косьба горбушами требуетъ вдвое больше напряженія и времени. Изъ крестьянъ болѣе развитые сами признаютъ это, но говорятъ, что ничего не подѣлаешь: «наши дѣды и отцы косили горбушею», это доводъ, противъ котораго заонежскій крестьянинъ не принимаетъ возраженія. Тотъ же отцовскій и дѣдовскій обычай поддерживаетъ изнурительное для лошади употребленіе дровней лѣтомъ даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно бы пользоваться телѣгою. Какъ было при отцахъ и дѣдахъ, такъ должно оставаться и теперь: понятно, какое это благопріятное условіе для сохраненія древнихъ преданій и былинъ. Въ то же время вся совокупность условій, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, устраняетъ отъ него все, что̀ могло бы ослабить въ немъ наивность дѣдовскихъ вѣрованій. Безъ вѣры въ чудесное невозможно, чтобы продолжала жить природною, непосредственною жизнію эпическая поэзія. Когда человѣкъ усомнится, чтобы богатырь могъ носить палицу

въ сорокъ пудъ или одинъ положить на мѣстѣ цѣлое войско, — эпическая поэзія въ немъ убита. А множество признаковъ убѣдили меня, что сѣверно-русскій крестьянинъ, поющій былины, и огромное большинство тѣхъ, которые его слушаютъ, — безусловно вѣрятъ въ истину чудесъ, какія въ былинѣ изображаются. Мнѣ очень памятенъ переѣздъ съ Сумозера на Водлозеро; меня сопровождалъ извѣстный уже г. Рыбникову сказитель Андрей Сорокинъ, и отъ скуки затянулъ длинную былину про сорокъ каликъ съ каликою. Между нимъ и мною ѣхалъ хозяинъ лошади, которая шла подо мною, и онъ, никогда не слыхавъ этой былины, постоянно сопровождалъ ее своими замѣчаніями. «Ахъ она мерзкая баба», повторилъ онъ нѣсколько разъ, слушая, какъ княгиня Опраксія соблазняла каличьяго атамана сотворить съ нею грѣхъ. «Эка братъ бѣда пришла!» воскликнулъ онъ, когда у атамана въ подсумкѣ оказалась положенная туда мстительною княгинею чаша княженецкая, и атаману пришлось самому осудить себя на жестокую казнь:

А не рушайте вы заповѣди великіей,
А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыи,
А й рубите-тко руки бѣлыи,
А й со лба-то копайте очи ясныи,
А й тяните-ко языкъ мнѣ-ка со темени,
А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру-землю.

«Вотъ чудесно, право!» было его заключеніе, когда пѣвецъ пропѣлъ о томъ, какъ приходилъ Микола Можайскій,

А ему вложилъ да ноги рѣзвыи,
А вложилъ да руки бѣлыи,
А положилъ ему да очи ясныи,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлую грудь.

Словомъ, мой провожатый слушалъ всю эту былину съ такою же вѣрою въ дѣйствительность того, что въ ней разсказывается, какъ еслибы дѣло шло о событіи вчерашняго дня, правда, необыкновенномъ и удивительномъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрномъ. То же самое наблюденіе мнѣ пришлось дѣлать много разъ. Иногда самъ пѣвецъ былины, когда заставишь пѣть ее съ разстановкою, необходимою для записыванья, вставляетъ между стихами свои комментаріи, и комментаріи эти свидѣтельствуютъ, что онъ вполнѣ живетъ мыслію въ томъ мірѣ, который воспѣваетъ. Такъ, напр., Никифоръ Прохоровъ сопровождалъ событія, описываемыя имъ въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ, такими замѣчаніями: «каково, братцы, три мѣсяца прожить въ землѣ!» или: «вишь поганая змѣя, выдумала еще хитрить»; или «вотъ, подумаешь, бабьи уловки каковы» и т. д. Когда со стороны какого-нибудь изъ грамотѣевъ заявляется сомнѣніе, дѣйствительно ли все было такъ, какъ поется въ былинѣ, рапсодъ объясняетъ дѣло весьма просто: «встарину-де люди были вовсе не такіе какъ теперь». Только отъ двухъ сказителей я слышалъ выраженіе нѣкотораго — и тотъ и дру-

гой не только грамотные, но и начётчики, одинъ перешедшій изъ раскола въ единовѣріе, другой недавно «остаровѣрившійся». И тотъ и другой говорили мнѣ, что имъ трудно вѣрится, будто богатыри дѣйствительно имѣли такую силу, какая имъ приписывается въ былинахъ, будто, напр., Илья Муромецъ могъ побить сразу 40 тысячъ разбойниковъ, но что они поютъ такъ, потому что такъ слышали отъ отца. Но эти скептики составляютъ самыя рѣдкія исключенія.

Огромное большинство живетъ еще вполнѣ подъ господствомъ эпическаго міросозерцанія. Потому неудивительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого края эпическая поэзія и теперь ключомъ бьетъ.

Я никакъ не ожидалъ найти въ этомъ отношеніи такой богатой жатвы. Имѣя въ виду, что сборникъ г. Рыбникова былъ плодомъ многолѣтняго пребыванія въ краѣ, я, располагавшій только двумя мѣсяцами, вовсе не разсчитывалъ вначалѣ на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотѣлъ только удовлетворить личному любопытству знакомствомъ съ нѣсколькими сказителями. Между тѣмъ счастливый случай скоро заставилъ меня изъ туриста превратиться въ собирателя. Въ Петрозаводскѣ указали мнѣ слѣпого старика-крестьянина, пріѣхавшаго туда для закупокъ. Онъ сначала неохотно сознался, что знаетъ кое-какія «старины», но какъ собирался ѣхать домой въ ту же сторону, куда лежалъ путь и мнѣ, то согласился сѣсть въ мою лодку. Дорогой я упросилъ его сказать свои старины, и старикъ Іевъ Еремѣевъ запѣлъ превосходную былину про превращенія Добрыни подъ магическимъ дѣйствіемъ нашей русской Цирцеи, Маринки:

Она стало-то Добрынюшку обвертывати:
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрыню да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ:
Рожки у тура да въ золоти,
Ножки у тура да въ серебри,
Шерсть на туру да рыжа бархату.

Мнѣ не приходилось читать столь полнаго и архаическаго пересказа этой былины, и впечатлѣніе, подъ которымъ я находился, усилилось еще болѣе, когда я тутъ же, изъ разговора Іева Еремѣева съ другими крестьянами узналъ, что онъ — завзятый раскольникъ.

Между тѣмъ руководствуясь сборникомъ г. Рыбникова и объясненіемъ его [1]), я

[1]) См. «Замѣтку» его, т. III, стр. IX: «Шунгскіе туземцы смотрѣли на старину даже не совсѣмъ доброжелательно. Ихъ занимала только религіозная старина, и тутъ у меня подтвердилось замѣчаніе, сдѣланное мною еще въ Черниговской губерніи: гдѣ сильно разовьется старообрядчество, тамъ народъ интересуется памятниками поэзіи и вообще искусства лишь настолько, насколько они причастны религіозной области и насколько они поддерживаются обычаемъ, возъимѣвшимъ силу съ XVII вѣка. Къ мірскимъ пѣснямъ ревностные старовѣры большею частію относятся еще съ тѣмъ настроеніемъ, которое вызвало въ аскетахъ древней Руси такого рода запрещеніе: «пѣсней сатанинскихъ не пѣти и мірскихъ людей не соблазняти». Потому въ Повѣнецкомъ уѣздѣ слышно едва-едва про двухъ-трехъ сказителей».

былъ увѣренъ, что у раскольниковъ нельзя найти никакихъ остатковъ народнаго эпоса, и думалъ, что посѣщеніе мѣстъ, гдѣ преобладаетъ старообрядчество, было бы для меня потерею времени. Явно языческая былина, пропѣтая человѣкомъ, извѣстнымъ своими раскольничьими убѣжденіями, совершенно мѣняла эти предположенія, отчасти даже самый планъ путешествія. Я сталъ подозрѣвать (а потомъ вполнѣ убѣдился), что г. Рыбниковъ не могъ найти ничего у старообрядцевъ по своему личному положенію, какъ членъ мѣстной губернской администраціи, но что въ дѣйствительности былины поются и раскольниками. Вмѣсто того, чтобы избѣгать мѣстъ населенныхъ старовѣрами, я рѣшился побывать въ самомъ центрѣ этого населенія, на Выгозерѣ. Программа на случай встрѣчи съ старообрядцами была у меня готовая: обходиться съ ними вѣжливо, не употреблять выраженій, оскорбительныхъ для ихъ религіознаго чувства, не вызывать религіозныхъ споровъ, а когда зайдетъ рѣчь о религіи, относиться къ ихъ вѣрованіямъ тѣмъ тономъ уваженія, которымъ принято въ образованномъ обществѣ говорить съ иновѣрцемъ объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Программа кажется не хитрая, но, сколько мнѣ удалось замѣтить, она была тамъ до нѣкоторой степени новостью. Не знаю, приписать ли моей программѣ, что предвѣщанія, мною слышанныя, будто я встрѣчу со стороны раскольниковъ самый грубый пріемъ и что они мнѣ ничего не сообщатъ, нигдѣ не сбывались. Разумѣется, я не дѣлалъ никакихъ щекотливыхъ разспросовъ; но былины они вездѣ охотно сказывали и позволяли записывать. Въ одномъ случаѣ нельзя было даже ожидать такого довѣрія. Мнѣ было извѣстно имя одного крестьянина въ Каргопольскомъ уѣздѣ, какъ отличнаго сказителя. Пріѣхавъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ живетъ, я хотѣлъ послать нарочнаго, чтобы пригласить его къ себѣ. «Это совершенно безполезно, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ дома, гдѣ я остановился; деньги, которыя вы заплатите гонцу (а нужно было ѣхать верстъ за 40 по очень дурной дорогѣ верхомъ) пропадутъ даромъ. Этотъ человѣкъ недавно только, всего года три тому, остаровѣрился (т.-е. перешелъ изъ православія въ расколъ) и боится попасть за это подъ отвѣтъ; онъ ни за что не поѣдетъ къ вамъ». Тѣмъ не менѣе я настоялъ на посылкѣ гонца, который на другой день вернулся съ весьма неопредѣленнымъ отвѣтомъ, «что молъ подумаетъ, что ему нездоровится» и проч. — «Ну, я такъ и зналъ, говоритъ мой хозяинъ; нѣтъ, онъ не пріѣдетъ». — «А ежели я къ нему поѣду, то скажетъ ли онъ свои былины?» — «Конечно скажетъ, гостю вѣдь отказать нельзя». Я уже сталъ собираться въ дорогу, какъ прискакалъ самъ «остаровѣрившійся» сказитель, который, дѣйствительно, своими былинами оправдалъ желаніе его послушать. Потомъ я узналъ, что онъ, по дорогѣ, заѣзжалъ къ какой-то наставницѣ, которая тамошнимъ раскольникамъ «за попа служитъ», и что она ему разрѣшила ѣхать сказывать старины.

Очень помогла мнѣ въ собираніи былинъ и другая, тоже совершенно случайная встрѣча при самомъ началѣ моей поѣздки.

Еще на пароходѣ, везшемъ меня изъ Петербурга, найдя себѣ мѣстечко на носовой палубѣ, я разговорился тутъ съ нѣкоторыми крестьянами изъ Заонежья, разспросилъ ихъ о сказителяхъ, которые мнѣ извѣстны были по книгѣ г. Рыбникова, и узналъ

между прочимъ, что объ одномъ изъ этихъ сказителей, Абрамѣ Евтихіевѣ, можно получить свѣдѣнія въ самомъ Петрозаводскѣ, потому что тамъ живетъ его сынъ. Старикъ оказался въ гостяхъ у сына, и уже въ самый день моего пріѣзда я имѣлъ удовольствіе услышать его прекрасныя былины. Мы съ нимъ сошлись такъ, что онъ охотно согласился сопровождать меня по всему Заонежью и до самого Каргополя и былъ мнѣ весьма полезенъ. Будучи по ремеслу крестьянскимъ портнымъ, онъ всю осень и зиму ходитъ по деревнямъ Заонежья, останавливаясь тамъ, гдѣ нужна его работа. Такимъ образомъ у него есть знакомые во всѣхъ углахъ этого края, и благодаря ему легко устранялось недовѣріе, съ какимъ крестьяне обыкновенно смотрятъ на пріѣзжаго изъ Петербурга. Я старался останавливаться въ такихъ селеніяхъ, гдѣ можно было разсчитывать навѣрно услышать былины; а пока я ихъ тамъ записывалъ, Абрамъ Евтихіевъ, бывало, пойдетъ по окрестности, иногда далеко, верстъ за 40 и даже за 50, «доставать сказителей», какъ онъ выражался; удостовѣренные имъ, что они будутъ вознаграждены, крестьяне шли очень охотно сообщить свои былины; потомъ слухъ о вознагражденіи приводилъ и такихъ, про которыхъ мы не знали. Случалось такъ, что инымъ приходилось ждать очереди по два и по три дня, между тѣмъ какъ я записывалъ былины до полнаго физическаго утомленія. Такимъ образомъ въ короткое время двухъ мѣсяцевъ удалось найти 70 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, знающихъ былины. Я долженъ прибавить, что въ этомъ числѣ 16 человѣкъ [1]) извѣстны были частію лично, частію чрезъ посредство другихъ г. Рыбникову, что за симъ 5 человѣкъ [2]), отъ которыхъ у него записаны былины, съ того времени умерли, и что наконецъ 7 человѣкъ, упоминаемыхъ въ его сборникѣ, либо остались въ сторонѣ отъ моего пути, либо случайно не были мною отысканы. При знакомствѣ съ пѣвцами и пѣвицами былинъ я старался обращать вниманіе на личныя обстоятельства каждаго, чтобы уяснить себѣ вліяніе личности сказителя на характеръ самыхъ рапсодій; въ составляемомъ мною сборникѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія о каждомъ сказителѣ и сказительницѣ. Здѣсь позволю себѣ привести нѣкоторыя общія замѣчанія, основанныя на знакомствѣ съ этими 70 ю личностями.

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что былины сохранились только въ средѣ крестьянъ; я упомяну ниже объ единственномъ встрѣченномъ мною исключеніи, которое впрочемъ имѣетъ совершенно случайный характеръ. Мнѣ указывали на какого-то пономаря, а въ другомъ мѣстѣ на дьячка, которые будто бы знаютъ «старины»; обнадеживали, что услышу «старины» отъ одного изъ такъ-называемыхъ «обѣльныхъ

---

[1]) Рябининъ, Кузьма Романовъ, Прохоровъ, Паромскій старикъ (т.-е. Иванъ Сивцевъ), Бутылка (т.-е. Абрамъ Евтихіевъ), Сорокинъ, Оедотовъ (т.-е. Дутиковъ), Іевлевъ, Потахинъ (т.-е. Потапъ Антоновъ), Щеголёнокъ, Корниловъ, Сарафановъ, Никитинъ, Михайло Богдановъ (т.-е. Михайло Ивановъ), Лукинъ и слѣпой Иванъ (т.-е. Иванъ Фепоновъ). Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще упоминаемую въ сборникѣ г. Рыбникова «племянницу Щеголёнка» (т.-е. Прасковью Гавриловну Юхову изъ дер. Ятовщины Кижской волости): она мнѣ пѣла былины, но ихъ ужъ такъ плохо помнила и такъ путала, то я съ ея словъ ничего не рѣшился записать.

[2]) Леонтій Богдановъ, Трофимъ Романовъ, Василій Лазаревъ, Амосовъ и Савиновъ.

вотчинниковъ» въ Чолмужахъ. Но оказалось, что пономарь разсказываетъ только какія-то сказки, что дьячекъ есть повѣствователь анекдотовъ, а обѣльный вотчинникъ въ Чолмужахъ знаетъ наизустъ жалованную грамоту царя Михаила Ѳеодоровича его предку.

Во-вторыхъ: почти всѣ наши рапсоды неграмотные. Я встрѣтилъ только пятерыхъ грамотныхъ между 70-ю пѣвцами и пѣвицами былинъ (Василій Акимовъ, Андрей Сарафановъ, Иванъ Касьяновъ въ Кижскомъ краѣ, Иванъ Кропачевъ на Кенозерѣ и Николай Швецовъ на Мошѣ).

Въ-третьихъ: былины поются православными и старовѣрами совершенно одинаково, безъ малѣйшаго признака измѣненія ихъ у послѣднихъ подъ вліяніемъ ихъ религіозныхъ идей.

Въ-четвертыхъ: пѣніе былинъ не развилось на нашемъ Сѣверѣ въ профессію, какъ было въ древней Греціи, въ средніе вѣка на Западѣ и какъ мы видимъ въ Малороссіи, а остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать себѣ «старины». Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ «каликъ» на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики почти не знаютъ народныхъ былинъ. Я встрѣтилъ только одного такого пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова, извѣстнаго уже по сборнику г. Рыбникова подъ именемъ слѣпого Ивана), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ, какъ на нѣчто второстепенное и постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человѣка божія, Егорія-храбраго, Анику-воина, царя Соломона и Голубиную Книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ народныя былины.

Между сказителями, мною встрѣченными, только у одного можно было отчасти замѣтить, что онъ придаетъ нѣкоторымъ образомъ практическую цѣну знанію былинъ и считаетъ себя какъ бы пѣвцомъ былинъ по профессіи; это извѣстный по сборнику г. Рыбникова Кузьма Романовъ. Когда я пріѣхалъ въ его сосѣдство и послалъ пригласить его, то онъ отказался-было идти, потому-де, что недавно передъ этимъ какой-то баринъ заставилъ его пропѣть нѣсколько былинъ и далъ ему за это всего 10 коп. Подобнаго меркантильнаго взгляда я рѣшительно ни у кого другого изъ пѣвцовъ былинъ не встрѣчалъ; напротивъ, они обыкновенно удивлялись, что я платилъ деньги за былины, и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сказителей, молодой парень на Выгозерѣ, получивъ за то, что пропѣлъ мнѣ нѣсколько былинъ, больше, чѣмъ сколько могъ бы въ то же время заработать въ полѣ, сталъ потомъ объявлять во всеуслышаніе, что отнынѣ не будетъ пропускать мимо ушей ни одной былины, а все станетъ заучивать, потому что теперь-де видитъ, что и это знаніе имѣетъ свою цѣну. Что же касается до Кузьмы Романова, то его взглядъ на пѣніе былинъ, какъ на свою профессію, образовался, какъ кажется, только въ недавнее время, благодаря пользѣ, которую оно ему принесло: слѣпой и безпомощный старикъ, онъ, по милости г. Рыбникова, принявшаго въ немъ

участіе, сталъ получать пожизненное пособіе (по 6 руб. въ годъ), а затѣмъ удостоился даже приглашенія пропѣть былины предъ покойнымъ Цесаревичемъ, во время пріѣзда его высочества въ Олонецкую губернію: фактъ, который поднялъ Романова, какъ пѣвца былинъ, неизмѣримо высоко во мнѣніи мѣстныхъ жителей и его собственномъ.

Читатель видитъ, что обстоятельства сложились совершенно исключительно, чтобы придать пѣнію былинъ для Романова практическое значеніе; но, повторяю, этотъ случай единственный.

Затѣмъ весьма замѣчательно, что знаніе былинъ составляетъ какъ бы преимущество наиболѣе исправной части крестьянскаго населенія. Исключенія (кромѣ весьма немногихъ лицъ, которыхъ я засталъ случайно разоренными пожаромъ, либо продолжительными горячками) — составляютъ только одни слѣпые (Кузьма Романовъ, Иванъ Фепоновъ, Семенъ Корниловъ и Петръ Прохоровъ), которые поставлены своимъ физическимъ недостаткомъ въ безпомощное положеніе; но, впрочемъ, и между слѣпыми сказителями я нашелъ человѣка, именно вышеупомянутаго Іева Еремѣева, который, оставшись въ дѣтствѣ слѣпымъ и нищимъ сиротою, благодаря изумительной энергіи и способностямъ, самъ, своими трудами, создалъ себѣ порядочное хозяйство. Лучшіе пѣвцы былинъ извѣстны въ то же время какъ хорошіе и, относительно, зажиточные домохозяева: я назову Рябинина и Касьянова въ Кижахъ, Андрея Тимоѳеева въ Толвуи, Абрама Евтихіева и Петра Калинина на Пудожской-Горѣ, Никифора Прохорова въ Купецкомъ, Потапа Антонова въ Шалѣ, Сорокина на Сумозерѣ, Никитина, Ѳедора Захарова и Алексѣя Висаріонова на Выгозерѣ, Ивана Захарова, лучшаго сказителя и перваго богача на Водлозерѣ, Ивана Сивцова Пóромскаго, перваго сказителя и одного изъ зажиточнѣйшихъ крестьянъ на Кенозерѣ, кенозерскихъ же сказителей Петра Воинова и Михаила Иванова, Николая Швецова на Мошѣ и друг. Повидимому былины укладываются только въ такихъ головахъ, которыя соединяютъ природный умъ и память съ порядочностью, необходимою и для практическаго успѣха въ жизни. Сколько разъ мнѣ говорили, что въ такой-то деревнѣ я найду такого-то нищаго или такого-то кабацкаго засѣдателя, который съумѣетъ спѣть разныя «исторіи»: но нищіе по профессіи, какъ сказано выше, знали только духовные стихи, а пропившіеся въ кабакѣ мудрецы являлись съ запасомъ пѣсенъ, болѣе или менѣе разгульныхъ, и анекдотовъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, но ни одинъ рѣшительно не былъ эпическимъ рапсодомъ. Изъ крестьянъ, отъ которыхъ можно услышать былины, многіе вовсе не пьютъ вина; извѣстнаго же какъ пьяницу я между ними ни одного не встрѣтилъ.

Разспрашивая этихъ крестьянъ про обстоятельства ихъ жизни, я могъ вывести заключеніе, что сохраненію былинъ особенно благопріятствовали нѣкоторыя мастерства. Такъ, когда читатель будетъ просматривать свѣдѣнія о сказителяхъ, со словъ которыхъ мною записаны былины, онъ замѣтитъ, что многіе изъ нихъ, и именно тѣ, которые больше другихъ упомнили, либо сами занимаются портняжнымъ, или сапожнымъ ремесломъ, или изготовленіемъ рыболовныхъ снастей, либо заимствовали былины отъ лицъ, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не разъ объясняли мнѣ, что,

сидя долгіе часы на мѣстѣ за однообразною работою шитья для плетенья сѣтей приходитъ охота пѣть «старины», и онѣ тогда легко усвоиваются; напротивъ того, «крестьянство» (т. е. земледѣліе) и другія тяжелыя работы не только не оставляютъ къ тому времени, но заглушаютъ въ памяти даже то, что̀ прежде помнилось и пѣвалось. Впрочемъ, читатель долженъ имѣть въ виду, что мастерства, о которыхъ я говорю, отнюдь не составляютъ исключительнаго занятія кого-либо изъ пѣвцовъ былинъ; каждый изъ нихъ въ то же время земледѣлецъ и лѣтомъ работаетъ по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные въ свободное зимнее время занимаются мастерствомъ, благопріятствующимъ сохраненію эпическихъ пѣсенъ, тогда какъ занятія другихъ, напр., звѣриный промыселъ, лѣсныя работы, извозничество и т. п., не оставляютъ досуга для рапсодій.

Прежде чѣмъ закончу эти общія замѣчанія о нашихъ народныхъ рапсодахъ и перейду къ болѣе частнымъ, остановлюсь на двухъ фактахъ, которые указываетъ г. Рыбниковъ. Во-первыхъ, у него говорится, что «у женщинъ есть свои бабьи старины, которыя поются ими съ особенною любовью, а мужчинами не такъ-то охотно»: во-вторыхъ, онъ представляетъ эпическую поэзію какъ нѣчто вымирающее: «у большинства сказителей, говоритъ онъ, врядъ ли найдутся наслѣдники и черезъ двадцать-тридцать лѣтъ, по смерти лучшихъ представителей нынѣшняго поколѣнія пѣвцовъ, былины и въ Олонецкой губерніи удержатся въ памяти у очень немногихъ изъ сельскаго населенія». Это вполнѣ справедливо относительно той мѣстности, съ которою г. Рыбниковъ лично ознакомился, именно прибрежья Онежскаго озера; здѣсь, дѣйствительно, эпическая поэзія близка къ вымиранію, былины поются преимущественно стариками и этимъ старикамъ-сказителямъ, точно, не видно преемниковъ въ молодомъ поколѣніи; здѣсь, дѣйствительно, женщины рѣдко знаютъ другія былины, кромѣ какъ про Ставра, Ивана Годиновича и Чурилу Пленковича, которыя, кажется, ихъ интересуютъ тѣмъ, что въ этихъ былинахъ главныя дѣйствующія лица — женщины же. Но совершенно другое дѣло дальше къ сѣверу и востоку, на Выгозерѣ, на Водлозерѣ, на Кенозерѣ. Тамъ былевая поэзія живетъ столько же въ старшемъ, сколько въ молодомъ поколѣніи; тамъ незамѣтно также никакой разницы между предметами, о которыхъ поютъ мужчины и женщины. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно Кенозеро. Прибрежья этого озера, въ которое со всѣхъ сторонъ вдаются колѣнами мысы и «наволоки», такъ что, не смотря на его значительную величину, озеро имѣетъ въ каждой точкѣ видъ залива, либо пролива — прибрежья Кенозера составляютъ какъ бы отдѣльный, довольно хлѣбородный, усѣянный деревнями оазисъ среди громаднаго пустыря болотъ и лѣсовъ, и въ этомъ оазисѣ цвѣтетъ въ настоящее время эпическая поэзія. Крестьяне и крестьянки, поющія былины насчитываются здѣсь десятками; поютъ былины старый и малый; вы здѣсь услышит одинъ и тотъ же варіантъ отъ пяти-шести человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, котор живутъ въ разныхъ деревняхъ; въ то же время вы встрѣтите трехъ братьевъ, кот рые живутъ въ одномъ домѣ и изъ которыхъ каждый знаетъ свои особыя былины; встрѣтите семейство, въ которомъ и мужъ и жена охотники пѣть былины и поютъ

ныя. Женщины здѣсь воспѣваютъ тѣхъ же богатырей, какъ и мужчины, спеціальный же «бабій» богатырь Прионежья, Ставеръ, котораго хитрая жена выручаетъ отъ князя Владиміра, вовсе неизвѣстенъ кенозеркамъ. На Кенозерѣ мнѣ сказали, что знаетъ былины и супруга мѣстнаго іерея, бывшаго благочиннаго, о. Георгіевскаго. Это меня крайне удивило, потому что дотолѣ не встрѣчалось ни малѣйшаго признака, чтобы былины пѣлись внѣ крестьянской сферы, и первая моя мысль была, не принадлежитъ ли пѣвица былинъ, о которой мнѣ сказали, по происхожденію сама къ этой сферѣ. Но оказалось, что нѣтъ. Г-жа Георгіевская — дочь бывшаго прежде на Кенозерѣ священника, родилась и воспитывалась въ отцовскомъ домѣ «на погостѣ» и въ немъ же осталась жить и замужемъ. Обязательно позволивъ мнѣ записать съ ея голоса тѣ былины, которыя остались у нея въ памяти (а прежде она знала ихъ больше, пока заботы хозяйства и воспитанія дѣтей не поглотили всего ея досуга), почтенная г-жа Георгіевская разсказала, что ея отецъ, отличавшійся крайнею суровостью, строжайше запрещалъ своимъ дочерямъ пѣніе святочныхъ, плясовыхъ и т. под. пѣсенъ, которыя составляютъ обыкновенную забаву молодыхъ дѣвушекъ, такъ какъ онъ эти пѣсни почиталъ грѣховными: что́ же было дѣлать, чтобы разгонять скуку? И вотъ, дочери строгаго іерея заучили и принялись распѣвать былины, которыя онѣ слышали отъ старика-крестьянина, каждую зиму работавшаго въ ихъ домѣ какъ портной.

Другой фактъ не менѣе замѣчателенъ. Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрены Меньшиковой, записалъ былину про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкіихъ», записалъ варіантъ рѣдкой и единственно на Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, запѣла:

«Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались» и т. д.,

словомъ, пропѣла съ начала до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Іову и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала Іовы и Мары отъ другихъ «старинъ», которыя она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что къ нимъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ вслухъ при Матренѣ переводъ Іовы и Мары. Но знаменателенъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, несмотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересыпана. Не смотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму такъ же плавно и безъ запинки, какъ какую-нибудь родную

былину [1]). Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому складу, протягивая хореическое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ дактиля, она преисправно произносила слова «тамбу́ра», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ, такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины. Изъ семи человѣкъ, которыхъ мнѣ тамъ указали, какъ знатоковъ былинъ, только одинъ заимствовалъ ихъ отъ отца; всѣ прочіе выучились былинамъ на чужой сторонѣ, а если у себя дома, то отъ заѣзжихъ людей. Особенно характеристиченъ слѣдующій случай. Крестьянинъ деревни Чуялы на Водлозерѣ, Матвѣй Нигозёркинъ пропѣлъ очень складно былины про Дюка Степановича и про неудавшуюся свадьбу Алеши Поповича на Добрыниной женѣ; пропѣлъ, наконецъ, начало былины про

[1]) Для сличенія приводимъ начало этой былины, какъ ее усвоила себѣ кенозерская крестьянка и печатный текстъ Щербины:

«Іово и Мара» въ устахъ Матрены Меньшиковой.

Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростали,
Одною водицей умывались,
Однѣмъ полотномъ утирались,
Одинъ же сонъ ночью видали,
Такъ любо другъ другу въ очи смотрѣли,
И какъ солнце въ глубокое море.
Ованъ-отъ былъ удалъ изъ удалыхъ,
И не простого — господскаго рода.
А Мара-то была сиротка,
И столь была гибка, какъ ель молодая,
И мало было вѣку любить эту Мару.
Какъ не видишь, такъ та̀къ и заболѣешь,
А увидишь, такъ вылѣчитъ разомъ.
Въ пору ужъ было Іовѣ жениться,
Дѣвушкѣ Марѣ можно ужъ выйти и замужъ.
Спрашиваетъ юные Ово:
«Душа моя Мара,
Любишь ли меня, мое сердце,
Какъ я держу тебя на мысляхъ?»
Потихоньку Мара ему отвѣчала:
«Юные Ово, перо дорогое!
Дороже очей ты мнѣ своихъ,
Какъ мать сына у сердца ношу я».
Выслушалъ эти рѣчи непримѣтные сторожъ,
Донесъ онъ Овановой майки.
Говоритъ-де Овану эта майка:
Юные Ово, перо дорогое!
Забудь ты и думать объ этой дѣвчонкѣ:
Даютъ за тебя лучше и краше,
Даютъ-де Отлагича Злата Фатиму.
Не видала, что солнце что мѣсяцъ,
Не видала, какъ поля зеленѣютъ,
Не видала муравки на поли,

Печатный текстъ.

Двое милыхъ, любясь, выростали:
Юный Іово да дѣвушка Мара,
Съ малолѣтства отъ третьяго года;
Ихъ увидишь, — такъ радостно станетъ —
Скажешь, это василекъ со тминомъ...
Умывались одною водою,
Утирались однимъ полотенцемъ,
Любо въ очи другъ-другу глядѣли,
Будто солнце въ глубокое море;
Пѣли пѣсню одну вечерами,
Темной ночью одинъ сонъ видали.
Впору Іовѣ ужъ было жениться
Можно было отдать Мару замужъ...
Выросъ Іово — удалъ изъ удалыхъ,
Красотою — красивѣй дѣвицы.
Мара — слова для Мары не сыщешь! —
И на свѣтѣ такой не бывало!...
Не увидишь очей ея лучше,
Тоньше стана ея не найдется,
Миловидна, что̀ горная вила,
А гибка то, что́ ель молодая.
Годъ на Мару гляди — и все мало
Мало бъ вѣку любить эту Мару!
Какъ увидишь ее — заболѣешь,
А посмотритъ — такъ вылѣчитъ разомъ...
Но сироткой была наша Мара,
Іово жъ былъ изъ богатаго рода,
Не простого — господскаго рода.
Разъ онъ Марѣ, вздохнувши, промолвилъ:
«Такъ ли любишь меня, моя Мара,
Какъ люблю я тебя, мое сердце?»
Тихо Мара ему отвѣчала:
«Милый Іово, ты глазъ мнѣ дороже,
Завсегда ты на мысляхъ у Мары!

три поѣздки Ильи Муромца. Когда я, по обыкновенію, сталъ его разспрашивать, откуда онъ знаетъ эти былины, Нигозёркинъ разсказалъ, что онъ имъ научился не далѣе какъ *въ прошломъ году* (а надо замѣтить, что это человѣкъ уже не молодой, ему за 40 лѣтъ); что до того времени онъ никогда не пѣвалъ былинъ, но прошлою осенью заѣхалъ къ нему переночевать какой-то старичокъ-крестьянинъ изъ-за Кенозера. У него въ избѣ сидѣло тогда человѣкъ полдесятокъ, они и стали просить старичка разсказать или спѣть имъ что-нибудь. Старикъ пропѣлъ имъ былину про Дюка Степановича, и она Нигозёркину такъ понравилась, что онъ просилъ своего гостя ее спѣть другой, а потомъ еще и третій разъ. Такъ онъ ее и «понялъ». Старикъ на другой день уѣхалъ, но на возвратномъ пути опять остановился переночевать у Нигозёркина, который тогда выучилъ отъ него былину про Добрыню и Алешу; былины же про Илью Муромца не удалось запомнить всей, а только начало.

Такъ-то усвоивается эпическая поэзія на Водлозерѣ. Не знаю, не стоитъ ли явившаяся вдругъ въ Водлозерахъ охота къ былинамъ въ связи съ переходомъ въ ихъ бытѣ: они, прежде жившіе земледѣліемъ, вдругъ, вслѣдствіе усердія начальства, воспретившаго дѣлать расчистки въ окружающихъ лѣсахъ, принуждены были помирать съ голоду и, чтобы не совсѣмъ помереть, принялись плести какія-то усовершенствованныя сѣти и вылавливать рыбу изъ Водлозера: а плетеніе сѣтей, какъ мы видѣли, есть занятіе, особенно благопріятствующее былевой поэзіи.

Какъ бы то ни было, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что на Кенозерѣ и Водлозерѣ нашъ народный эпосъ еще совершенно живучъ, и можетъ тамъ долго-долго продержаться, если только въ эту глушь не проникнетъ промышленное движеніе и школа. Сравнительно съ Водлозеромъ и Кенозеромъ, берега Онежскаго озера, соединеннаго воднымъ путемъ съ Петербургомъ, суть мѣста, гораздо болѣе открытыя вліяніямъ, убивающимъ эпическую поэзію въ народѣ, и потому неудивительно, что здѣсь она уже представляетъ признаки вымиранія. Къ числу этихъ признаковъ я отношу и замѣченное г. Рыбниковымъ явленіе, что у женщинъ есть какъ-бы особыя любимыя былины. Примѣръ Кено-

---

Не видала мужчины ни разу,
И ктому же богатаго рода́,
И не простого — господскаго рода
Богатство во время тебѣ пригодится...»
и т. далѣе.

Какъ мать сына, ношу тебя въ сердцѣ..»
Ихъ подслушалъ незамѣтный сторожъ —
Мать Іована тѣ слышала рѣчи;
Злясь на Мару, сказала Іовану:
«Милый Іово, перо дорогое!
Позабудь ты объ этой дѣвчонкѣ...
Есть невѣста и лучше, и краше:
То — Фатима, Атлагича злато.
Фата съ дѣтства взлелѣяла въ клѣткѣ,
И не знаетъ, что́ солнце, что́ мѣсяцъ;
Не видала, какъ хлѣбъ зеленѣетъ,
Не видала муравки на полѣ,
Не видала ни-разу мужчины, —
А къ тому жъ и богатаго рода,
И въ подмогу богатствомъ сгодится...»
и т. далѣе.

зера показываетъ, что это не есть явленіе общее. Въ самомъ Прионежскомъ краѣ любимыя былины женщинъ про Ставра, про Ивана Годиновича, про Чурилу поются также мужчинами; но за то рѣдкая изъ женщинъ знаетъ былины болѣе такъ сказать серьезныз, какъ-то: про Илью Муромца, про Садка, про Вольгу и т. дал Мнѣ кажется, что и здѣсь одинъ и тотъ же кругъ былинъ былъ нѣкогда, какъ на Кенозерѣ, общимъ достояніемъ и мужчинъ, и женщинъ; по мѣрѣ же утраты вкуса къ эпической поэзіи, послѣднія перестали пѣть все то, что не представляло для нихъ особеннаго интереса, и такимъ образомъ сохранили въ памяти только пикантныя былины про Ставра, Чурилушку, Хотёнку Блудова и т. под.

Когда слушаешь нашихъ народныхъ рапсодовъ, — прежде всего дивишься тому, до какой степени всѣ они, всѣ безъ исключенія, вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ. Рапсоды эти далеко не равны по достоинствамъ: они представляютъ цѣлую градацію отъ истинныхъ мастеровъ, одаренныхъ несомнѣннымъ художественнымъ чувствомъ, до безобразныхъ пачкуновъ, такъ что собраніе былинъ, съ ихъ словъ записанныхъ, можно сравнить съ картинною галлереею, въ которой однообразный рядъ сюжетовъ повторялся бы въ нѣсколькихъ десяткахъ копій, начиная отъ прекраснѣйшихъ рисунковъ и кончая отвратительнымъ мараньемъ. Но каковъ бы ни былъ рисунокъ, самый изящный или каррикатурный, обликъ каждой физіономіи въ этой галлереѣ вездѣ сохраняетъ свои типическія черты. Ни разу князь Владиміръ не выступитъ изъ роли благодушнаго, но не всегда справедливаго правителя, который самъ лично совершенно безсиленъ; ни разу Илья Муромецъ не измѣнитъ типу спокойной, увѣренной въ себѣ, скромной, чуждой всякой аффектаціи и хвастовства, но требующей себѣ уваженія силы; вездѣ Добрыня явится олицетвореніемъ вѣжливости и изящнаго благородства, Алеша Поповичъ — нахальства и подлости, Чурила — франтовства и женолюбія, вездѣ Михайло Пóтыкъ будетъ разгульнымъ, увлекающимся всякими страстями удальцомъ, Ставеръ — глупымъ мужемъ умнѣйшей и преданной женщины, Василій Игнатьевичъ — пьяницей, отрезвляющимся въ минуту бѣды и который тогда становится героемъ, Дюкъ Степановичъ — хвастливымъ рыцаремъ, который пользуется преимуществами высшей цивилизаціи предъ русскими и т. д.; словомъ сказать, типичность лицъ въ нашемъ эпосѣ выработана до такой степени, что каждый изъ этихъ типовъ сталъ неизмѣннымъ общенароднымъ достояніемъ. Сѣверно-русскому крестьянину, сохраняющему въ памяти эпическія сказанія, очевидно присущи не только какія-нибудь общія неопредѣленныя представленія о его герояхъ, но живыя очертанія ихъ характеровъ; иначе наши былины, въ которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ искаженія и крайнюю путаницу въ обстоятельствахъ описываемыхъ дѣйствій, искажали и путали бы и характеры дѣйствующихъ лицъ; а этого-то никогда не бываетъ. Потому кажется, что въ сохраненіи и преемственной передачѣ былинъ, кромѣ механическаго дѣйствія памяти, должно участвовать какое-то коллективное, если можно такъ выразиться, поэтическое чутье въ народѣ. Но за симъ главнѣйшее участіе принадлежитъ памяти. Въ самомъ дѣлѣ, нужна громадная сила памяти для того, чтобы заучить и пѣть безъ за-

пинки поэмы, которыя длятся иногда по два и по три часа. Это одна изъ причинъ, что эпическая поэзія должна исчезать съ развитіемъ грамотности и промышленнаго духа въ народѣ: эпическимъ пѣснямъ нужна свободная память, онѣ могутъ вмѣститься только въ голову, не загроможденную книжнымъ ученіемъ, не занятую разсчетами житейской борьбы. Память есть единственная сила, которая сознательно для самихъ пѣвцовъ дѣйствуетъ въ усвоеніи и воспроизведеніи ихъ рапсодій; участія личнаго творчества никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, хотя оно существуетъ несомнѣнно. Изъ разговора съ любымъ сказителемъ вы сейчасъ увидите, что онъ вполнѣ чуждъ сочинительства: онъ старается пѣть именно такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомнилъ, то либо пропускаетъ, либо разсказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержанія какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпическаго склада это казалось бы весьма легко. Я былъ свидѣтелемъ смѣшного фіаско, которое потерпѣлъ одинъ водлозерскій нищій, слѣпой Анисимъ, поющій по профессіи духовные стихи: ему захотѣлось заработать у меня денегъ, и когда я ему сказалъ, что духовныхъ стиховъ мнѣ не нужно, а нужны былины, онъ, видно понадѣявшись на себя, прехладнокровно началъ пѣть про Илью Муромца; но пѣлъ онъ чепуху и нескладицу невообразимую. Такъ, напр., онъ пѣлъ:

И говоритъ-то Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Своему-то родителю батюшку и матушки,
Говоритъ-то ёнъ имъ таково слово:
А й ты родитель мой батюшка и матушка,
Дай прощеньицо благословеньицо
Во чистое поле ѣхати и поляковать
И биться и ратиться
За церкви соборныи, за весь тотъ міръ православный,
За вѣрушку да кровь отечество,
За царя да за земнаго правителя,
Всероссійскаго да содержателя,
За все воинство и христолюбимое!

Потомъ онъ сознался, что былинъ не пѣвалъ, а зналъ про Илью разсказъ только словами. Другой крестьянинъ, Андрей Сорокинъ, говорилъ мнѣ, что, будучи еще съ малолѣтства охотникомъ до былинъ, онъ иногда пытался распѣвать голосомъ, въ видѣ былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочемъ, самая эта попытка показываетъ въ Сорокинѣ склонность къ личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинахъ. И дѣйствительно: ни въ комъ не было видно такого, можно сказать, безцеремоннаго отношенія къ тексту былинъ. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышалъ отъ Сорокина, я замѣтилъ ему въ одномъ мѣстѣ, что онъ прежде пѣлъ этотъ эпизодъ иначе: «ахъ, это все равно, отвѣчалъ Сорокинъ, я могу спѣть такъ или иначе, какъ вамъ будетъ угодно»! Ничего подобнаго мнѣ ни отъ кого другого изъ сказителей не приходилось слышать, и я припи-

сываю склонности къ сочинительству въ Сорокинѣ особый характеръ, которымъ отличаются его былины, ихъ безконечную амплификацію, дѣлающую ихъ такъ скучными[1]).

Сорокинъ составляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе. Всѣ прочіе сказители всегда утверждали, что то, что́ разсказывается словами, никоимъ образомъ не можетъ быть пѣто стихомъ; когда я замѣчалъ имъ, что они пропустили что-нибудь или спѣли нескладно, то иные старались «выпомнить» лучше это мѣсто, но ни кому въ голову не приходило сгладить пропускъ или нескладицу собственнымъ измышленіемъ. Обыкновенно же, хотя бы указана была въ былинѣ явная нелѣпица, сказитель отвѣчалъ: «такъ поется», а про что̀ разъ сказано, что «такъ поется», то свято; тутъ, значитъ, разсуждать нечего. Когда попадалось въ былинѣ какое-нибудь непонятное слово и я спрашивалъ его объясненія, то получалъ его только въ такомъ случаѣ, когда слово принадлежало къ употребительнымъ мѣстнымъ провинціализмамъ: если же слово не было въ употребленіи, то былъ всегда одинъ отвѣтъ: «такъ поется», или: «такъ пѣвали старики, а что̀ значитъ, мы не знаемъ». Не разъ сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что́ дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились». Только благодаря тому, что каждый сказитель считаетъ себя обязаннымъ пѣть былину такъ, какъ самъ ее слышалъ, а его слушатели вполнѣ довольствуются тѣмъ, что «такъ поется», и объясненій никакихъ не требуютъ, — только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, неимѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что́ окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой. Нужно побывать на нашемъ Сѣверѣ, чтобы вполнѣ понять, какъ велика твердость преданія, обнаруживаемая въ народѣ его былинами. Мы, жители менѣе сѣверныхъ широтъ, не находимъ ничего особенно для насъ необычнаго въ природѣ, изображаемой нашимъ бога-

---

[1]) Г. Рыбниковъ обратилъ вниманіе на эту черту былинъ Сорокина и писалъ: «Обиліе подробностей, нѣкоторая расплывчивость, богатство эпизодовъ, соединеніе многихъ былинъ въ одну — у Сумозерскаго пѣвца (дѣло идетъ о Сорокинѣ) ясно указываетъ промыселъ сказителя, содержателя постоялаго двора: чѣмъ дольше длится былина, тѣмъ ему выгоднѣе: обязательные слушатели рады лежа слушать до поздняго вечера». (Т. IV, замѣтка, стр. XXXVI). Я долженъ оговорить ошибку, въ которую впалъ почтенный собиратель по невольному недоразумѣнію. Андрей Сорокинъ никогда не былъ содержателемъ постоялаго двора и даже крайне удивился, когда я его спросилъ объ этомъ; въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, нѣтъ ни одного постоялаго двора. Но дер. Сумозеро единственная на протяженіи 60-ти верстъ, отдѣляющихъ Водлозеро отъ гор. Пудожа; потому всѣ проѣзжающіе по этому направленію принуждены въ ней ночевать и пользуются для того гостепріемствомъ Сумозерскихъ крестьянъ, между прочимъ и Сорокина, у котораго есть своя изба. Оттого г. Рыбниковъ могъ подумать, что онъ содержитъ постоялый дворъ. Впрочемъ, не только пріемъ проѣзжихъ не составляетъ промысла для Сорокина, который живетъ исключительно хлѣбопашествомъ и съ гордостью показывалъ мнѣ большія пространства «нивъ», расчищенныхъ его руками изъ-подъ лѣсу, но обстоятельство, что онъ живетъ въ такомъ проѣзжемъ мѣстѣ какъ Сумозеро не могло повліять на складъ его былинъ, ибо онъ переселился въ эту деревню уже взрослымъ работникомъ (его принялъ въ домъ тесть), а родился и выросъ въ деревушкѣ Цепежахъ у Пудожа.

жетъ положительно, что въ старину богатырскіе подвиги совершали одинаково и мужчины и женщины, и что какъ мужчины назывались *богатырями*, такъ женщины *поляницами*. Это я слышалъ десятки разъ. [Поляница—это значитъ женщина-*богатырица*, говорилъ водлозеръ Сухановъ.] Что такое поляница? спросилъ я между прочимъ у [другого] водлозерскаго пѣвца Нигозёркина, думая поставить его втупикъ, такъ какъ онъ только недавно и случайно выучился кое-какимъ былинамъ: «А вотъ видите, отвѣчалъ онъ, досюль (т. е. въ прежнее время) и женщины воевали, ходили на войну какъ и мужчины, это *поляницы* значитъ по нашему, по-деревенски».

Не стану дѣлать гипотезъ о томъ, имѣетъ ли преданіе о женщинахъ-богатыряхъ въ нашемъ эпосѣ связь съ женщинами-воительницами, о которыхъ говорятъ писатели древности у племенъ, обитавшихъ въ Черноморскихъ краяхъ, или съ воинственными дѣвами чешскихъ легендъ, но какъ бы образъ женщины-богатыря ни сложился, — сохраненію его въ живомъ представленіи народа способствовали несомнѣнно бытовыя условія въ сѣверной части Олонецкой губерніи. Здѣсь отъ женщины требуется не только равная доля физическаго труда, но требуется та же неустрашимость и отвага, что отъ мужчины. Здѣсь женщина въ бурю должна умѣть гресть и править лодкою, въ осеннюю непогоду тянуть «кереводы» и невода, въ зимнія мятели отправляться въ извозъ къ Бѣлому морю. Олицетворяя въ богатырѣ мужскую силу и отвагу, крестьянинъ этихъ мѣстъ не могъ отдѣлять его отъ такого же героическаго типа женщины; потому такъ ясно и сохранилось здѣсь понятіе о *поляницѣ*, которое въ другихъ краяхъ Россіи потеряло свою опредѣленность. Такъ даже въ Кижахъ и на Кенозерѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, что такое поляница, скажутъ, либо что это то же самое, что богатырь, либо что поляницами назывались воители пониже степенью, чѣмъ богатыри, либо, наконецъ, отвѣтятъ просто: «такъ поется, поляница, а что такое, не знаемъ». [Впрочемъ, и тамъ лучшіе пѣвцы (напр. Рябининъ) употребляютъ названіе «поляница»,—хотя кажется безсознательно, по старой памяти,—собственно тогда, когда рѣчь идетъ о женщинахъ-воительницахъ *].

Кромѣ мѣстныхъ вліяній, въ былинѣ участвуетъ личная стихія, вносимая въ нее каждымъ пѣвцомъ; участіе это чрезвычайно велико, гораздо больше, чѣмъ можно бы предполагать, послушавъ увѣренья самихъ сказителей, что они поютъ именно такъ, какъ переняли отъ стариковъ. На Кенозерѣ я встрѣтилъ двухъ весьма замѣчательныхъ сказителей, которые заимствовали былины отъ одного и того же учителя: это—Иванъ Сивцевъ, по прозванію Пóромской, который выучился пѣть былины отъ своего отца, и Петръ Воиновъ, ученикъ того же старика Пóромскаго, у котораго онъ жилъ въ работникахъ. Если сличить былины, съ ихъ словъ записанныя, то сейчасъ замѣтишь, что онѣ весьма сходны по содержанію, но значительно рознятся въ подробностяхъ изложе-

*) [См. №№ 77 и 81. Если въ былинѣ о королевичахъ изъ Крякова (№ 87) Рябининъ по-видимому смѣшиваетъ поляницу съ богатыремъ мужескаго пола, то это произошло очевидно оттого, что часть этой былины, въ которой говорится о поляницѣ, есть почти буквальная вставка изъ другой былины, изображающей борьбу Ильи Муромца съ настоящею поляницею — его дочерью (№ 77).]

нія и оборотахъ рѣчи. Такое же различіе представляютъ былины кенозерскаго же пѣвца Андрея Гусева и тѣ же былины, какъ ихъ поетъ его сынъ Харламъ Гусевъ.

Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть двѣ составныя части: мѣста *типическія*, по большей части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. Первыя изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; переходныя мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза къ ряду одну и ту же былину,—вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти и затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью, они то-и-дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ, какъ упомянуто выше, калика, т. е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи, — Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ.

Изложенныя здѣсь наблюденія представлялись мнѣ сами собою, пока я слушалъ нашихъ сказителей и записывалъ ихъ рапсодіи. Я тогда же пришелъ къ убѣжденію, что собранныя былины должны быть, при изданіи, расположены не по предметамъ, а *по сказителямъ*. Конечно, эта система имѣетъ большія неудобства, и я первый готовъ признать, что окончательное, полное изданіе нашихъ эпическихъ пѣсенъ, точно также какъ необходимое въ литературѣ нашей очищенное изданіе избранныхъ былинъ, слѣдуетъ сдѣлать по предметамъ, съ систематическимъ подборомъ варіантовъ. Но для полнаго изданія еще не наступило время; изданіе же хрестоматіи не есть моя цѣль. Я считаю эпическія пѣсни, сохранившіяся въ народѣ нашемъ, настолько цѣнными для науки,

что онѣ заслуживаютъ всѣ изданія; при изданіи же сырого матеріала, какимъ представляется собраніе записанныхъ мною былинъ, система расположенія ихъ по рапсодамъ имѣетъ то преимущество, что при ней можетъ легко уясниться важный вопросъ объ отношеніяхъ личнаго творчества и преданія въ составѣ былинъ. Съ этой точки зрѣнія получаетъ цѣну многое, что иначе казалось бы незаслуживающимъ ни какого вниманія. Такъ, напр., читатель встрѣтитъ въ моемъ сборникѣ два ужасно плохіе варіанта извѣстной былины про отъѣздъ Добрыни Никитича и неудачное сватовство Алеши Поповича на его женѣ. Въ одномъ изъ этихъ пересказовъ всего подробнѣе описываются и выставляются ребромъ заботы Владиміра о томъ, чтобы прислуга не впускала никого посторонняго на брачный пиръ Алешинъ, и переговоры Добрыни съ служителями о томъ, чтобы ему дозволили войти: словомъ, центръ дѣйствія перенесенъ въ переднюю. Въ другомъ пересказѣ Владиміръ, чтобы понудить Добрынину жену выйти за Алешу Поповича, издаетъ указъ удалить изъ Кіева «всѣхъ вдовъ и женъ безпашпортныхъ» и грозитъ Настасьѣ этимъ закономъ. Что можетъ быть безобразнѣе того и другого пересказа? Между тѣмъ первый изъ нихъ характеристиченъ по отношенію къ личности самого пѣвца: это—молодой человѣкъ, который ходилъ бурлакомъ на Каналъ, на заработанныя деньги кутилъ въ Петербургѣ на Сѣнной, прокутившись поступилъ въ услуженіе къ какому-то купцу и недавно только воротился къ себѣ въ деревню и сѣлъ тамъ на крестьянство. Изъ всѣхъ пѣвцовъ былинъ, мнѣ встрѣтившихся, этотъ больше всѣхъ вращался въ лакейской сферѣ, и героями былины вышли у него лакеи. Пересказъ же, гдѣ говорится о безпашпортныхъ вдовахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ запечатлѣвается въ былинахъ слѣдъ событій, поражавшихъ народъ. Этотъ варіантъ, который я слышалъ единственно на Водлозерѣ, заключаетъ въ себѣ воспоминаніе того, что въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія разогнали изъ раскольничьихъ скитовъ въ Даниловѣ и на Лексѣ (т. е. за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Водлозера) всѣхъ вдовъ и дѣвицъ, проживавшихъ тамъ безъ паспортовъ.

Каждая былина вмѣщаетъ въ себѣ и наслѣдіе предковъ и личный вкладъ пѣвца; но, сверхъ того, она носитъ на себѣ и отпечатокъ мѣстности. Сколько мнѣ показалось, пѣвцы былинъ въ Олонецкой губерніи должны быть раздѣлены, по мѣстности, на двѣ большія группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ, затѣмъ, свои подраздѣленія. Эти двѣ большія группы можно бы пишущему въ Петербургѣ назвать *прионежскою* (или если угодно употребить старинное слово — *обонежскою)* и *заонежскою*, потому что первая обнимаетъ мѣстности прилегающія къ Онегу, а вторая — края, которые лежатъ къ сѣверу и востоку отъ Онега; но второе названіе произвело бы путаницу, такъ какъ слово *Заонежье* употребляется народомъ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ тому, который мы бы ему теперь придали. Заонежьемъ русскіе (когда колонизація этого края шла съ востока на западъ) назвали тотъ большой полуостровъ, который вдается въ Онежское озеро по сю сторону главнаго его бассейна. Итакъ, намъ приходится искать другого названія: я назову эту группу, въ противоположность Прионеж-

ской, группою *сѣверо-восточною*, такъ какъ она обнимаетъ окрестности Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши.

Группа *Прионежская* характеризуется пространностью былинъ, *сѣверо-восточная* группа — относительною ихъ сжатостью. Эти два типическіе признака являются какъ въ построеніи самыхъ рапсодій, такъ и въ складѣ стиха. Въ Прионежьѣ былины отличаются качествомъ, которое еще Горацій приписывалъ эпическимъ пѣснопѣніямъ, — длиннотою: — dic age *longum*, Calliope, *melos*. Въ Прионежьѣ слышатся былины въ тысячу стиховъ и болѣе, и замѣтна склонность сказителей къ длинному стиху (7-ми, 8-ми, 9-ти-стопному) со множествомъ вставочныхъ частицъ. На сѣверо-востокѣ, напротивъ того, преобладаетъ стихъ короткій, 5-ти и 6-ти-стопный; вставочныя частицы употребляются умѣреннѣе; повторенія, которыя такъ удлиняютъ былины въ устахъ прионежскихъ пѣвцовъ, здѣсь вводятся гораздо рѣже; ходъ разсказа живѣе и менѣе обставленъ подробностями, такъ что рѣдкая былина достигаетъ и 300 — 400 стиховъ. Само собою разумѣется, что и на Прионежьѣ нѣкоторыя былины бываютъ короткія, а у выгозерскихъ и кенозерскихъ сказителей попадаются такія, которыя изобилуютъ длиннотами: но я говорю объ общемъ, преобладающемъ типѣ, а въ этомъ, какъ мнѣ кажется, различіе весьма явственно.

Перехожу къ подраздѣленіямъ обѣихъ группъ и начинаю съ Прионежской. Когда я былъ на томъ полуостровѣ, который слыветъ Заонежьемъ, то слышалъ, что народъ дѣлитъ его по какому-то старинному преданію на три части: Кижи, Толвуй и Шуньгу. Имя *Кижъ* обнимаетъ югозападную часть Заонежья, т.-е. погосты Сѣнногубскій, Кижскій, Великогубскій, Яндомозерскій, Космозерскій; Толвуй есть общее названіе для восточной полосы Заонежья, т.-е. погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго, Выгозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго; наконецъ Шуньгою называется сѣверо-западный уголъ Заонежья. Про послѣдній край ничего не могу сказать, потому что въ немъ не былъ, а слышалъ, что тамъ едва ли можно встрѣтить былины; но я былъ удивленъ тѣмъ, что хотя между Кижами и Толвуей нѣтъ ни природной, ни административной, а есть только какая-то воображаемая по преданію граница,—манера у пѣвцовъ былинъ въ томъ и другомъ краѣ совершенно особенная. Въ то же время Толвуйская манера совершенно сходна съ тою, которая замѣчается на противоположномъ, сѣверо-восточномъ берегу Онежскаго озера, въ Повѣнецкомъ уѣздѣ до самаго перевала на Маселькѣ. Потому думаю, что можно Прионежскихъ рапсодовъ раздѣлить на двѣ, такъ сказать, школы — Кижскую и Толвуй-Повѣнецкую. Что это заключеніе не совсѣмъ произвольное, могу подтвердить свидѣтельствомъ самихъ крестьянъ. Въ Пудожгорскомъ погостѣ, въ деревнѣ Горкѣ, стоятъ рядомъ, бокъ-о-бокъ, избы двухъ замѣчательныхъ сказителей: Абрама Евтихіева (Бутылки), о которомъ я упоминалъ выше, и Петра Лукина Калинина. Первый сопровождалъ меня изъ Петрозаводска, ко второму мы пріѣхали въ гости на Пудожскую Гору. Когда Калининъ пропѣлъ длинную былину о Добрынюшкѣ, хозяинъ и гребцы моей лодки, привыкшіе слышать Абрама, всѣ тотчасъ замѣтили: «какъ странно, два такіе близкіе сосѣда, а сказываютъ былины совершенно разно!»

Абрамъ Евтихіевъ тотчасъ объяснилъ намъ это: «Петръ Лукичъ, говорилъ онъ, понялъ былины отъ своего отца, а я отъ своего; батюшка же мой не тутошній, онъ родомъ изъ Кижъ, съ Космозера, и переселился со мною на Пудожскую Гору, когда мнѣ уже было лѣтъ 20; оттого я и пою былины какъ Кижане, а не какъ здѣшніе.»

Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ двухъ школъ? Въ чертахъ весьма мелкихъ, но которыя даютъ, такъ сказать, тонъ всей рапсодіи, а именно въ тѣхъ безпрерывно повторяющихся вставочныхъ частицахъ, которыя служатъ какъ бы подпорками нашего эпическаго стиха, подобно гомерическимъ частицамъ ἄρα, αὖ, ἐε, δὴ и проч.

Въ Кижахъ такими частицами, — кромѣ общеупотребительныхъ *да*, *а*, *и*, *ни*, — служатъ обыкновенно: *какъ*, *вѣдь* и *де*; у Толвуйскихъ сказителей вы никогда не услышите ни *какъ*, ни *вѣдь*, ни *де* въ смыслѣ простой вставки; они опираютъ стихъ на частицахъ *нынь* или *нунь*, *же*, *было* и *есть* или *е*: это послѣднее (*есть* или, сокращенно, *е*) большею частію употребляется при глаголахъ прошедшаго времени, такъ что оно является какъ бы остаткомъ старинной формы образованія прошедшаго, но какъ смыслъ этого приставочнаго «есть» или «е» уже потерянъ, то сказители нерѣдко пользуются имъ просто для стиха.

Отъ школы Повѣнецко-Толвуйской, также какъ отъ Кижской, однако менѣе отъ первой, чѣмъ отъ послѣдней, отличаются по складу былины, которыя я слышалъ на восточной сторонѣ Онега, ближе къ городу Пудожу. Но въ этой мѣстности нашлось только четверо сказителей, изъ которыхъ у каждаго есть весьма замѣтныя особенности. Это объясняется различіемъ источниковъ ихъ былинъ. Только у одного изъ нихъ, Сорокина, онѣ мѣстнаго происхожденія; другой, Иванъ Фепоновъ, выучился былинамъ на Онегѣ-рѣкѣ; къ третьему Потапу Антонову, онѣ перешли изъ Вытегорскаго уѣзда; наконецъ Никифоромъ Прохоровымъ поются былины, занесенныя тоже изъ какого-то дальняго мѣста (его отецъ выучился имъ, когда служилъ въ-пастухахъ у помѣщика, стало быть, во всякомъ случаѣ не близко отъ родины Прохорова, потому что тамъ нѣтъ вовсе помѣщичьихъ имѣній). Итакъ, этихъ четверыхъ сказителей можно соединить по мѣстности въ группу, но нельзя назвать одною школою.

Что касается до *сѣверо-восточной* группы, то я не подмѣтилъ тамъ различія собственно въ складѣ былинъ между отдѣльными мѣстностями. Во всѣхъ мѣстностяхъ этой группы, на Выгозерѣ, Водлозерѣ, Кенозерѣ, манера сказителей одна и та же,— тѣ же короткіе стихи, та же краткость въ разсказѣ, та же относительная умѣренность въ употребленіи вставочныхъ частицъ. Тѣмъ не менѣе считаю нужнымъ раздѣлить сѣверо-восточную группу географически на Выгозерскую, Водлозерскую и Кенозерскую, потому что между этими мѣстностями есть различіе — не въ складѣ былинъ, а въ ихъ сюжетахъ. На Выгозерѣ воспѣваются тѣ же герои, что и въ Прионежьѣ: общеизвѣстные Илья Муромецъ, Добрыня, Чурило и т. д., и сверхъ того Дунай Ивановичъ, Ставеръ Годиновичъ, Дюкъ Степановичъ, Садко купецъ богатый; на Кенозерѣ же про четырехъ послѣднихъ вовсе не поютъ, про Дуная и Ставра тамъ даже не слыхивали; напротивъ того, сказанія про Илью Муромца и Чурилу здѣсь многочисленнѣе,

особенно—пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ имѣютъ у кенозерскихъ сказителей такое преобладающее значеніе, какого не видно въ Прионежьѣ; сверхъ того, на Кенозерѣ поются нѣкоторыя былины, вовсе неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, о Щелканѣ. Группа Водлозерская не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи, потому что, какъ замѣчено выше, тамъ эпическая поэзія только начинаетъ водворяться, заносимая съ разныхъ сторонъ. Наконецъ, въ послѣдней изъ мѣстностей, которыя я рѣшился причислить къ сѣверо-восточной группѣ,—на Мошѣ, слишкомъ мало остатковъ эпической поэзіи, чтобы можно было судить о ея характерѣ. Былины тамъ, по большей части, перешли въ прозаическіе разсказы въ видѣ сказокъ, и на Мошѣ остался только одинъ замѣчательный пѣвецъ былинъ (Швецовъ). Его былины довольно замѣтно отличаются отъ кенозерскихъ, и какъ Мошенскій край, по природнымъ условіямъ, всего ближе связанъ съ Шенкурскимъ уѣздомъ Архангельской губерніи, то можно бы предложить, что и въ отношеніи къ былевой поэзіи онъ составляетъ часть Шенкурской группы: но объ этой послѣдней я не имѣю никакихъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ личнаго наблюденія.

Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что кенозерскія и мошенскія былины отличаются отъ всѣхъ прочихъ по нарѣчію. На всемъ Прионежьѣ, также какъ на Выгозерѣ и на Водлозерѣ, господствуетъ сѣверно-русское нарѣчіе, въ которомъ *о* произносится всегда чисто, безъ перехода въ *а*, и родительный падежъ прилагательныхъ на *аго*, *ого* выговаривается такъ, какъ мы его пишемъ; при этомъ замѣчается еще свойственная новгородцамъ наклонность буквы *ѣ* къ звуку *и* и буквы *ц* къ звуку *ч*, но случаи, въ которыхъ вмѣсто *ѣ* слышится чистое *и*, вмѣсто *ц* — чистое *ч* рѣдки и непостоянны, обыкновенно же является средній звукъ, который трудно передать. Такъ, напр., очень рѣдко скажутъ: *бѣлый свитъ*, *молодечь*, обыкновенно же выходитъ не то *билый свитъ*, *молодечь*, не то *бѣлый свѣтъ*, *молодецъ*, а что-то среднее.

Съ Водлозера на Кенозеро ѣдешь верстъ 90 или 100 болотистыми рѣками, по совершенно безлюдному «суземку», на серединѣ котораго волокъ въ 5 верстъ и деревушка. Этотъ волокъ есть водораздѣлъ между водами балтійскаго и бѣломорскаго бассейновъ. Переѣхавъ водораздѣлъ, замѣчаешь тотчасъ и нѣкоторую перемѣну въ нарѣчіи: *ц* произносится чисто, *ѣ* уже весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*, впервые слышится переходъ *г* въ *в* въ родительномъ падежѣ, особенно въ мелкихъ словахъ *тово*, *сево*, *нево* и т. п.

Тотъ же самый говоръ слышенъ и на Мошѣ; далѣе по пути отъ Моши къ Вельску переѣзжаешь другой большой болотистый пустырь, отдѣляющій воды, которыя текутъ въ Онегу-рѣку, отъ притоковъ Сѣверной Двины. Съ этимъ водораздѣломъ опять-таки соединено измѣненіе въ нарѣчіи: ослабѣваетъ *оканье*, окончаніе *аго* чаще переходитъ въ *аво*, произношеніе *ѣ* какъ *и* совсѣмъ исчезаетъ, и любопытно, что съ перемѣною въ нарѣчіи совпадаетъ и другая, экономическая. До этого водораздѣла вся экономическая жизнь народа тяготѣетъ исключительно къ Петербургу и Архангельску, съ Москвою нѣтъ ни малѣйшей связи (кромѣ рѣдкихъ богатыхъ торговцевъ, бывающихъ на Нижегородской ярмаркѣ): за болотистымъ волокомъ, отдѣляющимъ Мошенскій

край отъ Пуйскаго, Москва является главнымъ, наиболѣе знакомымъ народу экономическимъ центромъ, Петербургъ отходитъ на второй планъ.

Я удалился отъ нити своего изложенія. Мнѣ остается къ замѣчаніямъ о складѣ нашихъ былинъ прибавить нѣсколько наблюденій насчетъ ихъ размѣра. Къ этимъ наблюденіямъ меня привела съ перваго же дня встрѣча съ Абрамомъ Евтихіевымъ, съ которымъ, какъ сказано, я познакомился при самомъ пріѣздѣ въ Петрозаводскъ. Онъ сталъ мнѣ пѣть свои былины, уже извѣстныя мнѣ по изданію г. Рыбникова, и слѣдя за ними по печатному тексту, я былъ пораженъ разницею — не въ содержаніи разсказа, а въ стихѣ. Въ печатномъ текстѣ стихотворное строеніе выражается только дактилическимъ окончаніемъ стиха; внутри же стиха никакого размѣра нѣтъ; когда же пѣлъ Абрамъ Евтихіевъ, то у него явно слышался не только музыкальный кадансъ напѣва, но и тоническое стопосложеніе стиха. Я рѣшился записать былину вновь; сказитель вызвался сказать мнѣ ее «пословесно», безъ напѣва, и говорилъ, что онъ уже привыкъ «пословесно» передавать свои былины тѣмъ, которые прежде ихъ у него «списывали». Я началъ «списывать» былину о Михайлѣ Пòтыкѣ; размѣръ исчезъ, выходила рубленая проза въ родѣ той, какою эта былина напечатана была въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ» [1]) и потомъ перешла въ сборникъ г. Рыбникова (т. I, № 38). Я попытался-было переправить эту рубленую прозу въ стихъ, заставивъ сказителя вторично пропѣть ее, но это оказалось неисполнимымъ, потому что, какъ объяснено выше, сказители каждый разъ мѣняютъ нѣсколько изложеніе былины, переставляютъ слова и частицы, то прибавляютъ, то опускаютъ какой-нибудь стихъ, то употребляютъ другія выраженія. Прислушавшись нѣсколько дней къ первымъ встрѣченнымъ сказителямъ и напрасно пробившись съ ними, чтобы записать былину совершенно вѣрно, съ соблюденіемъ размѣра, какимъ она поется, я попробовалъ пріучить своего спутника рапсода *пѣть* (а не пересказывать только словами) былину съ такою разстановкою между каждымъ стихомъ, чтобы можно было записывать. Это было легко растолковать Абраму Евтихіеву, и я рѣшился записать вновь его былины. Напѣвъ поддерживалъ стихотворный размѣръ, который при передачѣ сказителемъ былины словами тотчасъ исчезаетъ отъ пропуска вставочныхъ частицъ и сліянія двухъ стиховъ въ одинъ, и былина вышла на бумагѣ такою, какъ она дѣйствительно была пропѣта. Тотъ же пріемъ употреблялъ я впослѣдствіи со всѣми другими сказителями, и онъ мнѣ удавался почти всегда. Только въ рѣдкихъ случаяхъ (они будутъ мною всякій разъ обозначаемы) мои старанія были тщетны. Такъ черезъ-чуръ ветхій и почти глухой старикъ Кузьма-Романовъ и замѣчательная, впрочемъ, сказительница Домна Сурикова никакъ не могли приладиться къ пѣсенной передачѣ былины. Когда они начинали сказывать ее нараспѣвъ, то не въ состояніи были остановиться, чтобы не пропѣть вдругъ цѣлую тираду, которую могъ бы записать развѣ стенографъ; когда же я ихъ останавливалъ и просилъ повторить

---

[1]) По списку, доставленному П. О. Бутеневымъ.

то же потише, то впадали въ прозаическій пересказъ, въ которомъ стихосложеніе исчезало.

Записавъ съ возможною внимательностью къ стихотворному размѣру былины 70-ти сказителей и сказительницъ, позволю себѣ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Сказителей въ этомъ отношеніи можно распредѣлить на три группы:

1. Сказители, которые точно соблюдаютъ въ каждой былинѣ правильный размѣръ;
2. Сказители, которые соблюдаютъ размѣръ, но не всегда правильный; и
3. Сказители, которые вовсе не соблюдаютъ размѣра.

Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной былины; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра — дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказитетелей, у которыхъ былины и по содержанію самыя складныя, самыя полныя, самыя архаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ неправильности въ стопосложеніи, — все-таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, т.-е. то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи и во внутреннемъ складѣ былинъ.

Какой же размѣръ нашего народнаго эпическаго стиха? Не одинъ, а нѣсколько.

Г. Рыбниковъ замѣтилъ, что у Рябинина «одинъ и тотъ же быстрый голосъ очень веселъ въ Ставрѣ, въ Пòтыкѣ какъ-то заунывнѣе, а въ Вольгѣ и Микулушкѣ выходитъ торжественнымъ». Г. Рыбниковъ разумѣетъ здѣсь собственно напѣвъ, но за напѣвомъ скрывается его основа — размѣръ стиха. Въ Ставрѣ у Рябинина хорей съ дактилемъ, въ Пòтыкѣ — чистый хорей, въ Вольгѣ и Микулѣ — анапестъ. Эти три размѣра вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ его произведеній.

Преобладающій размѣръ, который я назову *обыкновеннымъ эпическимъ размѣромъ*, есть чистый хорей съ дактилическимъ окончаніемъ.

Число стопъ неопредѣленно, такъ что стихъ является *растяжимымъ*. Растяжимость при правильномъ тоническомъ размѣрѣ составляетъ отличительное свойство русскаго эпическаго стиха. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у хорошихъ пѣвцовъ растяжимость стиха бываетъ весьма умѣренная. Рѣшительное преобладаніе принадлежитъ стиху 5-ти и 6-ти-стопному, который затѣмъ можетъ расширяться до 7-ми и съуживаться до 4-хъ стопъ; стихи же длиннѣе или короче того допускаются лишь развѣ какъ самая рѣдкая аномалія. Чрезмѣрно длиннаго стиха (болѣе 8-ми стопъ) вы никогда не услышите отъ сказителя, если только онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, у которыхъ размѣръ стиха совсѣмъ разрушенъ. Встрѣчая такіе длинные стихи въ печатныхъ изданіяхъ былинъ, мы должны ихъ объяснять тѣмъ, что сказители, когда

передаютъ былину словами, безъ напѣва, часто сливаютъ два и даже три стиха въ въ одинъ. Можно также замѣтить, что въ нѣкоторыхъ былинахъ преобладаетъ типъ стиха болѣе короткаго, такъ что наибольшая часть стиховъ 4-хъ и 5-ти-стопные, въ другихъ преобладаютъ длинные, 6-ти-стопные съ примѣсью 7-ми-стопныхъ. Такъ Калининъ пѣлъ былины про Илью Муромца стихомъ по преимуществу 4-хъ и 5-ти-стопнымъ, про Добрыню Никитича 6-ти и 7-ми-стопнымъ. Любопытно было бы сравнить русскій эпическій стихъ съ такимъ же стихомъ у другихъ народовъ: какіе бы это сравненіе дало результаты? Съ стихомъ южно-славянскимъ, силлабическимъ и нерастяжимымъ (т.-е. безъ тоническаго склада и съ непремѣннымъ соблюденіемъ одинаковаго числа слоговъ), у насъ нѣтъ ничего общаго кромѣ того, что каждый стихъ, и русскій и южно-славянскій, долженъ представлять какой-нибудь болѣе или менѣе цѣльный смыслъ, какую-нибудь фразу или отдѣльный членъ фразы, не допуская ни въ какомъ случаѣ такъ-называемаго enjambement, столь любимаго напротивъ въ стихѣ древне-греческаго, германскаго и скандинавскаго эпоса.

Впрочемъ, не стану удаляться отъ своего предмета и потому возвращаюсь къ размѣрамъ олонецкихъ сказителей. Вотъ примѣръ стиха, который я назвалъ обыкновеннымъ эпическимъ [1]):

---

[1]) Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, т. I, стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по-словесно и только повѣрялась по напѣву (см. «замѣтку» въ III т., стр. XIX), а не списывалась непосредственно съ голоса. — Вотъ соотвѣтствующее мѣсто у г. Рыбникова:

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ градъ:
Подъ Черниговымъ силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времяни,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову.
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
«А й же вы, мужики Черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-кіевъ градъ».
Говорили ему мужички Черниговцы:
— А й же, удаленькій дородній добрый молодецъ,
— Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравѣла;

Изъ того ли то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой, дородній добрый молодецъ.
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольней Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано̀-то силушки чернымъ-черно,
А й чернымъ-черно какъ черна во̀рона,
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добро̀мъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черный воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.*
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьемъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Енъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ.
Выходили мужички да тутъ черниговски
И отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«А й же мужички да вы Черниговски,
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ.»
Говорили мужички ему Черниговски:
— Ты удаленькой, дородній добрый молодецъ,
— А й ты славныя богатырь святорусскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколо̀дѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла.
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжо»
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ
— На добро̀мъ кони никто да не проѣзживалъ.
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыи,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Сиди Соловей розбойникъ во сыромъ дубу,

— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватъ,
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у Грязи у Черныя
— У тоя у березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ.
— Свищетъ Соловей онъ по соловьему,
— Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Что есть людюшекъ, всѣ мертвы лежатъ. —

— Сиди Соловей розбойникъ Одихманьевъ сынъ,
— А то свищетъ Соловей да по соловьему,
— Енъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному.
— Й отъ него ли-то отъ посвисту соловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ покрыку звѣриняго
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы лежатъ. —

Этимъ размѣромъ лучшіе сказители, какъ-то Рябининъ, Еремѣевъ, Калининъ, вамъ пропоютъ былину въ тысячу слишкомъ стиховъ, не сбиваясь въ стопосложеніи. Если у нихъ въ сотнѣ стиховъ найдется одинъ какой-нибудь неправильный, то это конечно такъ же мало значитъ, какъ то, что и старикъ Гомеръ бывало, «засыпая», скажетъ плохой гекзаметръ. Но большинство нашихъ сказителей позволяютъ себѣ въ хореическомъ стихѣ двѣ вольности, которыя, впрочемъ, мало замѣтны при пѣніи былины: именно, въ началѣ стиха они изрѣдка допускаютъ приставку или недостачу одного слога, такъ что хорей превращается въ ямбъ, а въ срединѣ иногда вмѣсто хорея употребляютъ дактиль; но какъ при этомъ два краткіе слога дактиля сливаются въ произношеніи, то хореическій кадансъ отъ того не теряется. Привожу примѣръ такой былины, записанный со словъ Абрама Евтихіева:

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чисто полё
«На тую гору да сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ зміёнышёвъ,
«Ты не выручай-ко полоновъ да русьскіихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки;
«Но Пучай рѣка очинь свирипая,
«Но середняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ.»
А Добрыня своей матушки не слушался,
Какъ онъ *ѣдетъ* далече во чисто полё,
А на *тую на гору сорочинскую,*
Потопталъ онъ младыихъ зміенышевъ,
А й повыручалъ онъ полоновъ да русьскіихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси,
Онъ приправилъ своего добра коня.
Онъ добра коня да ко Пучай-рѣки.
Онъ слѣзалъ Добрыня со добра коня,
Онъ снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ *забрелъ за струечку* за первую,
Да онъ *забрелъ за струечку* за среднюю
И самъ говорилъ да таково слово:
«Мнѣ *Добрынюшки* матушка говаривала,
«Мнѣ *Микитичу* маменька й наказывала,
«Что не ѣзди-ко далече во чисто полё

«На тую гору на сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ зміенышовъ,
«А не *выручай* пóлоновъ да русьскіихъ
И не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
«Но Пучай рѣка очінь свирипая,
«А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ;
«А Пучай рѣка она кротнà-смирна
«Она будто лужа-та дождевая.»
Не успѣлъ Добрыня словца молвити, —
Вѣтра нѣтъ — да тучу нàднесло
Тучи нѣтъ — да быдто дождь дождитъ
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
Громъ громитъ да свищетъ молнія.
А какъ лéтитъ зміищо Горынчищо
О тыèхъ двѣнадцати о хоботахъ.
А Добрыня той змѣи да пріужáхнется.
Говоритъ змѣя ему проклятая:
— Ты теперича Добрыня во моихъ рукахъ;
— Захочу тебя Добрыню тéперь пóтоплю,
— Захочу тебя Добрыню тéперь съѣмъ-сождру,
— Захочу тебя Добрыню въ хоботà возьму,
— Въ хобота возьму Добрыню, во нору снесу.—
Припáдаетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
А Добрынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь былъ
Онъ нырнèтъ на бéрежокъ на тáмошной
Онъ нырнèтъ на бережокъ на здѣшный, и т. д.

Такимъ образомъ, на 52 стиха оказывается 42 совершенно правильныхъ хореическихъ, въ 4-хъ стихахъ хорей превращенъ въ ямбъ, въ 6-ти стихахъ есть дактилическія стопы вмѣсто хорея [1]). Можно сказать, что такой, нѣсколько тронутый порчею, хорей въ настоящее время преобладаетъ у олонецкихъ сказителей, за исключеніемъ немногихъ наилучшихъ, которые умѣютъ выдерживать размѣръ стиха совершенно, и съ другой стороны тѣхъ, какъ Щеголёнокъ, Сорокинъ, Сарафановъ, которые вовсе утратили размѣръ въ стихѣ.

---

[1]) Въ сборникѣ г. Рыбникова (т. I, 122) это мѣсто читается такъ по списку г. Бутенева, записанному, какъ разсказывалъ самъ Евтихіевъ, съ «пословесной» передачи былины:

Добрынюшкѣ матушка говорила:
«Что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Топтать-то молодыхъ зміенышей,
«Выручать-то полоновъ русскіихъ.
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки.
«Пучай-рѣка есть свирипая:
«Середня струйка какъ огонь сичетъ».
Добрынюшка матушки не слушался.
. . . . . .
Какъ былъ онъ во чистомъ поли,
На тыихъ горахъ на высокіихъ,
Потопталъ младыихъ змиенышей,

Второй размѣръ въ былинахъ можно назвать *игривымъ* какъ по его тону, такъ и потому, что этимъ размѣромъ сложены былины менѣе серьезныя по содержанію, а именно про Соловья Будимірова, Чурилу Пленковича, Ставра, иногда про Дуная Ивановича, а также про нашествіе Батыя на Кіевъ, событіе, которому народный эпосъ придалъ шутливый колоритъ. Размѣръ этотъ отличается тѣмъ, что хореическія стопы перемѣшаны съ дактилическими, которыя при томъ не скрадываются, какъ въ чисто-эпическомъ размѣрѣ, а выговариваются весьма явственно. Надобно замѣтить, что никогда былина не складывается цѣликомъ изъ такихъ стиховъ, — что̀ было бы черезъчуръ утомительно для слуха, — а они перемѣшиваются съ чистыми хореическими стихами. Для примѣра привожу начало пропѣтой Рябининымъ былины о Дунаѣ Ивановичѣ:

Повыручилъ полоновъ русскіихъ,
Богатырско его сердце пожадѣлося
Пожадѣлося и распотѣлося.
Онъ приправилъ своего добра коня,
Добра коня ко Пучай-рѣки,
Слѣзаетъ онъ скоро съ добра коня,
Снималъ съ себя платье цвитное,
Забрелъ за струечку за первую,
И забрелъ за струечку за среднюю.
И самъ говорилъ таково слово:
«Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
«Мнѣ Никитичу матушка наказывала, —
«Что не ѣзди далече во чисто поле,
«На тую гору Сорочинскую,
«Не топчи-ко младыихъ змиенышей.
«Не выручай полоновъ русскіихъ,
«Не куплись, Добрыня, во Пучай-рѣки,
«Что Пучай-рѣка есть свирипая:
«Середня струйка какъ огонь сичетъ.
«А Пучай-рѣка есть кротка, смирна:
«Она будто лужа дожжевая».
Какъ въ тую пору въ то время
Вѣтра нѣтъ, тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, а только дожжь дожжитъ.
Дожжя-то нѣтъ, искры сыпятся, —
Летитъ Змиище-Горынчище
О двинадцати змия о хоботахъ.
Хочетъ змия его съ конемъ сожечь,
Сама говоритъ таково слово:
— Теперечa Добрыня въ моихъ рукахъ,
— Захочу — Добрыню теперь потоплю,
— Захочу — Добрыню въ хобота возьму,
— Въ хобота возьму и на Русь возьму.
— Захочу — Добрыню съѣмъ-сожру. —
Добрынюшка плавать гораздъ онъ былъ:
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Нырнетъ на бережекъ на здѣшній.

Владыміръ князь стольно-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ-пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бо̀яровъ
Да й на русьскихъ могучихъ бога̀тырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.
А сидятъ-то молодцы на честно̀мъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны-веселы.
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры молодцы поженены,
«Красныи дѣвушки замужъ даны,
«Столько я одинъ хожу холостъ не жéненой.
«То вы знаете ль мнѣ братцы супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротивъ меня
«Очушки у ней бы ясныхъ соболей
«Бровушки у нёй бы черныхъ соболей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,
«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть, вѣкъ коро̀тати.
«А'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися?»
Всѣ бога̀тыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодци да пріутихнули
За столомъ-та сидятъ, загулялися, и т. д.

Пусть читатель сравнитъ это мѣсто съ началомъ былины того же пѣвца о Добрынѣ и Васильѣ Казиміровѣ. Тамъ Рябининъ пѣлъ:

Заводилъ почестенъ пиръ да й пированьицо,

Здѣсь:

Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо

Тамъ:

На всѣхъ сильныхъ русьскіихъ могучихъ на бога̀тырей
А й на славныхъ поляницъ на удалыихъ

Здѣсь:

Да й на русьскихъ могучихъ бога̀тырей
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыихъ.

Такимъ образомъ одинъ и тотъ же стихъ, смотря по характеру былины, складывается то хореическимъ, то дактилическимъ размѣромъ. Любопытно при томъ, что въ концѣ былинъ про Дуная и про Чурилу, когда игривый ихъ тонъ уступаетъ мѣсто трагической развязкѣ, дактилическіе стихи исчезаютъ и размѣръ переходитъ въ чистый хорей.

У нѣкоторыхъ сказителей мы находимъ особенный варіантъ дактилическаго размѣра, состоящій въ томъ, что послѣдняя стопа удлиняется и стихъ кончается не дактилемъ, а четырехъ или пяти-сложною стопою съ небольшимъ повышеніемъ голоса на

послѣднемъ слогѣ. Это придаетъ еще бо̀льшую легкость размѣру; но такіе стихи никогда не допускаются иначе, какъ въ перемежку съ обыкновенными:

Зго́воритъ младъ Соловей сынъ Гудиміровичъ:
«Сходенку выкидывай серебряную,
«Другу выкидывай подзоло́ченую,
«Третью выкидай испово́лжаную.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ.»
Брали ёны во бѣлы́и руки,
Матушку камочку узо́рчатую,
И самъ бередъ гуселка яро́вчатый,
И самъ и́детъ по сходенки золо́ченый,
Матушка идѐтъ по серебряный,
Вся его дружина по испово́лжаный;
Приходятъ оны ко Владиміру на дво̀ръ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крестъ кладетъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведѐтъ по учёному,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на сто́роны,
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узо́рчатую
Молодой княгини Опраксіи.
Взимаетъ княгиня на бѣлы́и руки́,
А взимаетъ княгиня дивуется:
Да не до́рога камочка заморская,
А и́ дороги узоры заморскіи.
Сталъ его Владиміръ выспра́шивати
Сталъ его Владиміръ вывѣ́дывати:
— Ты скажись, молодецъ, съ коѐй земли,
— Какъ молодца именѐмъ зовутъ?

Третій размѣръ, *анапестическій*, отличается тѣмъ, что вся тяжесть стиха падаетъ на послѣднюю стопу, въ которой произносятся два ударенія, одно самое рѣзкое, на послѣднемъ слогѣ, другое на третьемъ или четвертомъ слогѣ съ конца, а у одного сказителя (Висаріонова) слышалось иногда два ударенія на двухъ послѣднихъ слогахъ рядомъ, и при этомъ на послѣднемъ болѣе протяжное, такъ что стихъ выходитъ какой-то особенно медленный и грузный. Анапестическій размѣръ соотвѣтствуетъ тому, что̀ г. Рыбниковъ называетъ «торжественнымъ» напѣвомъ, и встрѣчается въ весьма немногихъ былинахъ, а именно о Вольгѣ, Микулѣ и Колыванѣ. Тѣмъ же размѣромъ пѣлась вѣроятно и быина о дѣтствѣ Ильи Муромца, но единственный сказитель, сохранившій эту былину, Щеголёнокъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые отвыкли отъ соблюденія размѣра, и только отдѣльные стихи напоминали у него анапестическій складъ. Былины о Вольгѣ и Микулѣ Селянинѣ принадлежатъ тѣмъ, которыя меньше всѣхъ интересуютъ народъ и мало поются даже тѣми, которые ихъ еще помнятъ. Потому и размѣръ, о которомъ я говорю, является вездѣ болѣе или менѣе разрушеннымъ во внутреннемъ строеніи стиха. Вотъ примѣры:

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ и преставился;
Оставалось отъ него чадо милое,
Младый Вольга̀ Святославговичъ.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ̂ть матерѣ̂ть,
Похотѣлось Вольгѝ-то много мудрости:
Щукой рыбою ходить Вольги во си́нихъ мора̀хъ,
Птицей соколомъ летать Вольги подъ о́болока̀,
Волкомъ и рыскать во чи́стыхъ поля̀хъ.
Уходили-то всѣ рыбушки въ глубо́кія моря̀,
Улетали всѣ птички за о́болокѝ,
Убѣгали-то всѣ звѣри за те́мны лѣса̀.
Сталъ Вольга̀ онъ ростѣ̂ть матерѣ̂ть
И сбиралъ соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Самъ еще Вольга̀ во тридцатыихъ, и т. д.

Рябининъ.

Или:

Во чисто̀мъ поли съѣзжа́лосѝ
Три сильніихъ могучіихъ бога́тыра̀
По имени перво̀й Колыванъ бога́тырь,
Другой Муромля̀нъ бога́тырь,
Третій Самсонъ бога́тырь.
Про между собою рѣчи говорѝлѝ,
Которыя изъ насъ будетъ бо́льшій бра̀тъ?
Говоритъ Самсо̀нъ бога́тырь:
«Кабы былъ столо̀бъ въ землѝ,
«Кабы было кольцо въ столбу̀
«Я бы землю всю во кру̀гъ поверну̀лъ.»
Говоритъ Муромля̀нъ бога́тырь:
«Я бы такожде по́верну̀лъ.»
Го́воритъ Колыва̀нъ бога́тырь:
«Я такожде мо̀гъ поверну̀ть.»
Господь Всевышнія творѐцъ
За ихнее похвале́ніё
Далъ имъ привидѣ́ніё:
Куда у ихъ было на́рчено въ путь ѣ́ха̀ть,
Лежитъ на пороги су̀мка̀,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земны́я гру̀зъ.
Выскакиватъ со своего со до́браго конѝ
Самсо̀нъ бога́тырь,
Хватаетъ таково̀ю сумку̀,
Сумка съ мѣста не ворохне́тсѧ.
Выходитъ Муромля́нъ бога́тырь
Со своего со до́браго конѝ,
Хватаетъ таково̀ю сумку̀,
По колѣнамъ въ зе́млю усѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохне́тсѧ.
Выходитъ Колыванъ бога́тырь
Со своего со до́браго конѝ,

Хватаетъ таковую сумку
По грудямъ въ землю сѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется.
Съ небесъ имъ гласъ прогласило:
Сильніи могучіи богатыри!
Отстаньте прочь отъ таковыя сумки,
Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ.
Впредки не похваляйтесь
Всёю землёю владѣти,
Наблюдайте своё доброё,
Ѣздите по Руси,
Дѣлайте защиту,
Сохраняйте Русею отъ непріятеля,
А хвастать по пустому не знайте.

Алексѣй Висаріоновъ.

Эти три размѣра: обыкновенный хореическій, хореическій съ дактилемъ и анапестическій, какъ я сказалъ, вмѣщаютъ въ себѣ весь нашъ народный эпосъ; я разумѣю циклъ былинъ, которыя составляютъ главное содержаніе эпическихъ сказаній нашего Сѣвера, такъ-называемыя кіевскія и новгородскія былины и разныя рапсодіи, тоже называемыя въ народѣ былинами, въ которыхъ описываются событія, такъ-сказать, безыменныя (напр., про братьевъ-разбойниковъ, про горѣ, про ревниваго мужа и т. д.). Но этимъ не ограничилось развитіе великорусскаго эпоса, и въ другихъ его произведеніяхъ являются и другіе размѣры. Укажу на тѣ, которыя мнѣ случилось встрѣтить занесенными въ Олонецкую губернію.

Во-первыхъ, есть типъ, сходный со вторымъ изъ приведенныхъ размѣровъ (хорей съ дактилемъ), но отличающійся тѣмъ, что стихи состоятъ изъ меньшаго числа стопъ, 3-хъ или 4-хъ вмѣсто обыкновеннаго 5-ти, 6-ти и 7-ми-стопнаго стиха. Такимъ размѣромъ поются: былина про Щелкана Дудентьевича и какая-то шутливая былина про князя Ромодановскаго и его большого быка.

А на стулѣ на бархатѣ,
На златомъ на ременьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
Ёнъ де суды разсуживалъ
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ пожаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Томкою *)
И Ерёму Новымъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе,
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова правежу,

*) Т. е. Тотьмою.

Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по колосу бралъ,
Съ улицы по курицы,
Съ мужика по пяти рублей,
У кого-де пяти рублей нѣтъ
У того онъ жену беретъ,
У кого какъ жены-то нѣтъ
И того самого беретъ.
Какъ у Щелкана не выробишься.
Со двора вонъ не выряднишься.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
Токо токо *) ты, царь Возвягъ,
Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
И ты суды разсуживалъ,
Всѣ дѣла приговаривалъ,
Всѣхъ князьевъ бояръ жаловалъ
И селами и помѣстьями,
Городамъ съ пригородками,
И Хому дарилъ Токмою
И Ерёму Новымъ-городомъ;
Подари-тко Щелканушка,
Ты любимаго зятюшка,
Меня Тверію городомъ,
Меня Тверію славною,
Меня Тверію богатою,
Двумя братцами родными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ.»
Говоритъ ему царь Возвягъ!
«Ты любимое зятюшко
Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
Заколи-ко чада милаго,
Своего сына любимаго,
Ты Гордѣя Щелкановича,
Нацѣди-ко ты чашу руды
Токо чашу серебряную,
Выпей ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой-царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ!»
Токо взявши Щелканушко
Закололъ чада милаго,
Своего сына любимаго,
И Гордѣя Щелкановича,
Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды,
Токо чашу серебряную
Выпилъ ту чашу руды,

---

[1]) Частица, сложенная изъ *то* и приставки *ко*, употребляется вмѣсто *то* или *тутъ*.

Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Подарилъ его царь Возвягъ
Ёго Тверію городомъ,
Ёго Тверію славною,
Ёго Тверью богатою,
Двумя братцами ро́дными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичемъ
И Митріемъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя ро́дна сестра̀
Токо Марья Дудентьевна!»
— «Ты прощай же мой ро́дной братъ,
Ужо по̀ роду ро̀дной-братъ,
По прозванью окаянной братъ!
И кабы̀ ти уѣхати
И назадъ не пріѣхати
Ка́бы ти самому на ножѝ остыть
И на сабли на вострые!»
И уѣхалъ Щелканушко
Еще самъ голово̀й верщилъ.

Матрена Меньшикова.

Во-вторыхъ, существуютъ былины, ясно принадлежащія XVII-му вѣку, которыя сложены тѣмъ самымъ размѣромъ, какъ записанныя для Ричарда Джемса пѣсни временъ Самозванцевъ. Это 5-ти и 6-ти-стопный хорей (изрѣдка по неправильности переходящій въ ямбъ или дактиль) съ хореическимъ же, а не дактилическимъ окончаніемъ. Произведенія, этимъ стихомъ сложенныя, уже не суть собственны былины, а скорѣе должны быть названы историческими пѣснями. Въ нихъ отсутствуетъ героическій характеръ. Когда же пѣвецъ XVII-го вѣка облекалъ событія, хотя бы близкой ему эпохи, блескомъ чудеснаго, то онъ пѣлъ о нихъ эпическимъ размѣромъ былинъ кіевскаго и новгородскаго цикла. Сравните былины, въ которыхъ героемъ является Никита Романовичъ со всѣми аттрибутами эпическаго богатыря, и историческія пѣсни, записанныя для Ричарда Джемса въ 1619 году, или нижеслѣдующую былину о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и вы увидите, что разница въ размѣрѣ совпадаетъ съ различіемъ въ самомъ тонѣ и такъ сказать освѣщеніи поэтическаго разсказа.

Посредѣ ль было московскаго царства,
Середѝ было россійскаго государства,
Какъ у свѣта у Архангела Михайла,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во ко́ло́колъ,
Всихъ князей-бояръ къ обѣднѣ созывали,
Тамъ служили святыи молебенъ.

Выходилъ наша надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ро́вно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился.
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорила наша надежда государь-царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы князья-бояра
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю, не продумать,
«А отдать ли мнѣ то городъ Смоленецъ и т. д.

Иванъ Касьяновъ.

Тѣмъ же самымъ размѣромъ сложена и весьма распространенная былина о птицахъ и звѣряхъ:

А й отчего же зима да зачалась,
А й красное лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А й красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А й малая птица пѣвица.
Садилась въ зелену садочку.
А на тое на дерево калино,
Ай начала пѣти жупѣти,
Воякими она-то ясака́ми.
А й услыхали руськія птичи,
Собиралися стады оны стадами,
Прилетали къ зелену садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ одну сторону до головами,
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утайсе:
«Кто у васъ за моремъ бо́льшій,
«Кто за Дунаечкимъ ме́ньшій?» и т. д.

Иванъ Фепоновъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть и о третьемъ разрядѣ былинъ, которыя тоже слышатся на нашемъ Сѣверѣ, хотя онѣ очевидно занесены туда случайно, — о былинахъ поволжскихъ или козацкихъ. Нужно ихъ послушать на мѣстѣ и въ большомъ числѣ, чтобы судить объ ихъ складѣ и размѣрѣ. Сколько я могъ замѣтить, онѣ составляютъ переходъ отъ эпическихъ къ лирическимъ пѣснямъ; это—единственныя былины, которыя поются съ переливами голоса, съ перехватомъ посреди стиха, съ повтореніемъ слоговъ и словъ, напримѣръ:

Какъ сбирались казаки | — на крутъ бережокъ,
Ахъ доньски гребеньски | — запорожскіи,
Запорожски казаки | — и все были яицкіи,
Ахъ атаманъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ.
Ой изъ тихаго Дону Ермакъ | — былъ Тимоѳеевичъ,
А есаулъ былъ у дон | — скихъ у казаковъ
Ахъ со Двины Оста | — фей Лаврентьевичъ.
Какъ садились казаки | — на легки стружки,
Ай на легки стружки | — сѣли на мелки павозки
Какъ грянули размахну | — ли внизъ по Волги рѣки и т. д.

Или:

Какъ во славномъ было го|роди во Вастраканѝ
Проявился тамъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ,
Какъ незнаемой дѣти|нушка невѣдомой откуль.
Баско щепетно по Ва|стракани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ офице|рушкамъ не кланяется,
Востраканскому губерна|тору челомъ ему не бьетъ.
А сапоженки на нож|кахъ шелкомъ таченый,
Черна шляпа на кудряхъ | и перщатки на рукахъ,
А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ
И какъ персидской кушачекъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
Какъ увидѣлъ молодца, губернаторъ скрычалъ:
Вы сходите приведи|те удалаго молодца.
Еще сталъ то губерна|торъ его спрашиватѝ:
«А ты скажись, скажись ко дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ,
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ|аль казачей сынъ,
«Аль ты съ нашего крѣпкато го|рода изъ Вастраканѝ?»
Какъ проговоритъ дѣти|нушка незнаемъ человѣкъ;
«Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей сынъ,
«Я не съ вашего крѣпкаго го|рода, а изъ Вастраканѝ
«Я со Камы то со рѣки | Сеньки Разина сынъ.
«Посулился мой-то ба|тюшко завтра въ гости къ вамъ быть,
«Вы умѣйте-тко моего ба|тюшка кормить его поить,
«Вы кормить его поить | и честно жаловатѝ.»

Или наконецъ:

Ой ростужится расплачется | нашъ прусской — нашъ прусской, — нашъ прусской король,
А й сидючись то на укра|сушки ой на крутой — горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку на Берлинъ — на Берлинъ — городъ,
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да на Берлинъ — на Берлинъ — городъ:
«Ты ли то укрѣпа | моя ты укрѣ — укрѣ — пушка,
«Ты мой Берлинъ | мой Берлинъ — мой Берлинъ — городъ!
«А ты кому-то моя укрѣ|пушка — доставала — достава — ласе?
«Доставаласе да достава|ласе моя укрѣ — укрѣ — пушка
Ой царю бѣлому | ой царю — ой царю — бѣлому
А какъ другому же генера|лушку Краснощо—Краснощо—кову и т. д.

Иванъ Захаровъ.

Впрочемъ, въ Олонецкой губерніи всѣ эти послѣдніе разряды пѣсенъ составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ массѣ былинъ, сложенныхъ то чистымъ хореемъ съ дак-

тилическимъ окончаніемъ, то хореемъ, смѣшаннымъ съ дактилемъ. Прислушивясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтенье Ломоносова, а есть изобрѣтенье самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзіи, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ природное языка нашего свойство, то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно знакомыхъ его уху: ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ-называемымъ имъ «тригласнымъ» риѳмамъ, т. е. дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха — этого конечно онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ.

Да извинитъ меня читатель за это отступленіе отъ своего намѣренія держаться исключительно круга фактическихъ наблюденій и замѣчаній, не вдаваясь въ область личныхъ догадокъ и толкованій. У насъ до сихъ поръ къ сожалѣнію толкованіе народнаго эпоса черезъ-чуръ опережало и перевѣшивало его собиранье. Надѣюсь, что меня не обвинятъ въ этой слабости, если я въ заключеніе моей длинной статьи представлю и съ своей стороны маленькую догадку о происхожденіи одного изъ богатырей нашихъ былинъ — Святогора. Всякій, конечно, чувствуетъ, что это имя искусственное, навѣянное сказаніемъ о томъ; что Святогоръ, какъ поется во всѣхъ о немъ былинахъ, жилъ на какихъ-то *Святыхъ-горахъ*, всякій чувствуетъ, что за этимъ именемъ скрывается что-либо другое. И вотъ одинъ изъ лучшихъ сказителей, слѣпой Иванъ Фепоновъ, пропѣлъ въ былинѣ о нашествіи Батыги на Кіевъ:

А по грѣху ли то тогда да учинилосе,
А й богатырей во Кіевѣ не случилосе:
Святополкъ богатырь на Святыхъ на горахъ,
А й молодой Добрыня во чистомъ поли,
А Алешка Поповичъ въ богомольной стороны,
А Самсонъ да Илья у синя у моря.

Въ этомъ мѣстѣ другіе сказители поютъ «Святогоръ богатырь на Святыхъ на горахъ». Я думалъ сперва, что ослышался, или что Фепоновъ ошибся, и заставилъ его потому разъ пять повторить эти самые стихи; но онъ все твердилъ свое: «*Святополкъ* богатырь на Святыхъ на горахъ», и увѣрилъ меня при этомъ что такъ-молъ поется. Мнѣ сперва показалось это имя Святополка страннымъ, а теперь думаю, что оно имѣ-

етъ значеніе. Вспомнимъ, что Святогоръ есть единственный богатырь, дружественный русскимъ, но нерусскій, богатырь, который «не ѣздилъ на Святую Русь», а къ которому, напротивъ, русскіе богатыри ѣздятъ на поклоненіе какъ къ старшему и сильнѣйшему; вспомнимъ, что онъ живетъ на горахъ, вспомнимъ его таинственное исчезновеніе, — всѣ эти черты получаютъ смыслъ только въ примѣненіи къ Святополку великоморавскому, этому древнѣйшему представителю славянской силы, этому легендарному герою, который уже въ разсказѣ Космы Пражскаго укрывается въ горы и тамъ кончается таинственною смертію.

Пусть читатель судитъ о степени вѣроятности этой гипотезы. Если же она подтвердится, то личность Святогора будетъ весьма важна, какъ звено, связывающее нашъ народный эпосъ съ древностью другихъ славянъ.

А. Гильфердингъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. — ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I. **Калининъ**, Петръ Лукичъ.

1. — Святогоръ 6
2. — Садко, Вольга и Микула 9
3. — Илья Муромецъ и Соловей Разбойникъ 16
4. — Илья Муромецъ и Идолище . . . 22
5. — Добрыня Никитичъ 25
6. — Михайло Потыкъ 47
7. — Ставеръ 67
8. — Смерть Чурилы 75
9. — Дюкъ 78
10. — Князь Карамышевскій 91
11. — Рахта Рагнозерскій 97
12. — Наѣздъ Литовцевъ 100
13. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 104
14. — Гришка Отрепьевъ 110

II. **Ѳомина**, Аксинья Кузминишна.

15. — Вольга 112
16. — Илья Муромецъ 113
17. — Добрыня и Маринка 115
18. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 117
19. — Хотенъ Блудовичъ 119
20. — Дюкъ 121

III. **Кононова**, Домна Дмитріевна.

21. — Ставеръ 125

IV. **Корсаковъ**, Ѳедоръ Александровичъ.

22. — Илья Муромецъ и Идолище . . . 129
23. — Добрыня и Алеша 131
24. — Кострюкъ 138

V. **Койбинъ**, Степанъ.

25. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 141

VI. **Котова**, Марѳа Трофимовна.

26. — Добрыня и Алеша 144
27. — Чурило 148
28. — Братья разбойники и сестра . . 149
29. — Пѣтухъ и Лисица 151

VII. **Попова**, Настасья Аѳанасьевна.

30. — Василій Буслаевичъ 152
31. — Два любовника 154

ТОЛВУЙ.

VIII. **Гришинъ**, Иванъ Артемьевичъ.

32. — Вольга и Микула 157
33. — Добрыня и Алеша 160
34. — Дунай 165

35. — Чурила 169
36. — Соловей Будиміровичъ 172
37. — Взятіе Азова 174

IX. **Тимоѳеевъ**, Андрей.

38. — Добрыня и Алеша 176
39. — Михайло Потыкъ 180

X. **Прохоровъ**, Петръ.

40. — Михайло Потыкъ 190
41. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 205
42. — Наѣздъ Литовцевъ 207

XI. **Антоновъ**, Тимоѳей.

43. — Добрыня и Алеша 211
44. — Василій Буслаевичъ 215

II.

ПУДОГА.

XII. **Прохоровъ**, Никифоръ.

45. — Вольга и Микула 226
46. — Илья и сынъ 228
47. — Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ . 233
48. — Илья Муромецъ и Идолище . . . 236
49. — Добрыня и Алеша 242
50. — Нѣпра и Донъ 252
51. — Иванъ Годиновичъ 255
52. — Михайло Потыкъ 259
53. — Соловей Будиміровичъ 283
54. — Василій Буслаевичъ 289

XIII. **Фепоновъ**, Иванъ.

55. — Вольга и Микула 296
56. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 298
57. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 304
58. — Послѣдняя поѣздка Ильи Муромца 310
59. — Добрыня и Змѣй 313
60. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 321
61. — Наѣздъ Литовцевъ 325
62. — Птицы и звѣри 330

XIV. **Антоновъ**, Потапъ Трофимовичъ.

63. — Сухманъ 334
64. — Добрыня и Змѣй 338
65. — Добрыня и Алеша 347
66. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 358
67. — Смерть Чурилы 363
68. — Соловей Будиміровичъ 367

XV. **Сорокинъ**, Андрей Пантелѣевичъ.

69. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 372
70. — Садко 384
71. — Наѣздъ Литовцевъ 399
72. — Сорокъ каликъ 409

Разпорѣчія у Рыбникова 421

III.

КИЖИ.

XVI. **Рябининъ**, Трофимъ Григорьевичъ.

73. — Вольга и Микула 435
74. — Илья и Соловей разбойникъ . . 439
75. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 445
76. — Илья Муромецъ въ ссорѣ со Владиміромъ 458
77. — Илья Муромецъ и дочь его . . . 461
78. — Добрыня и Маринка 468
79. — Добрыня и Змѣй 470
80. — Добрыня и Василій Казиміровъ . 480
81. — Дунай 502
82. — Михайло Потыкъ 511
83. — Иванъ Годиновичъ 513
84. — Хотенъ Блудовичъ 517
85. — Дюкъ 521
86. — Сорокъ калѣкъ 533
87. — Королевичи изъ Крякова 534
88. — Скопинъ 540
89. — Молодецъ и худая жена 542
90. — Горе 545

XVII. **Романовъ**, Кузьма Ивановичъ.

91. — Вольга 551
92. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 556
93. — Добрыня и Змѣй 559
94. — Дунай 561
95. — Императоръ Петръ 567
96. — Сорокъ каликъ 569
97. — Молодецъ и худая жена 573

XVIII. Іевлевъ, Терентій.

98. — Микула Селяниновичъ 577
99. — Алеша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй 578
100. — Добрыня и Алеша 579
101. — Калика богатырь 584
102. — Дунай 586
103. — Василій Буслаевичъ 593

XIX. Сарафановъ, Андрей Васильевичъ.

104. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ. 597
105. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 599
106. — Илья Муромецъ и Идолище. . . 604
107. — Добрыня и Алеша. . . . . —
108. — Дунай 610
109. — Ставеръ 614
110. — Смерть Чурилы 618
111. — Гришка Отрепьевъ. 620

XX. Дьяковъ, Александръ.

112. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 621

XXI. Корниловъ, Семенъ.

113. — Настасья Никулична 624
114. — Илья Муромецъ и Сокольникъ. . 625
115. — Дюкъ 627
116. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 633
117. — Молодецъ и худая жена 634

XXII. Щеголёнокъ, Василій Петровичъ.

118. — Святогоръ и Добрыня 636
119. — Святогоръ и Садко 642
120. — Первые подвиги Ильи Муромца. 646
121. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 655
122. — Добрыня и Маринка. 660
123. — Добрыня и Змѣй 663
124. — Добрыня въ опалѣ. 667
125. — Дунай 671
126. — Хотенъ Блудовичъ. 676
127. — Чурило. 677
128. — Дюкъ. 681
129. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 683
130. — Птицы 689

XXIII. Аксеновъ, Василій.

131. — Вольга и Микула 692
132. — Добрыня 693
133. — Иванъ Гостиный сынъ 694
134. — Два любовника 696

XXIV. Неклюдина, Степанида Кононовна.

135. — Иванъ Гостиный сынъ 698
136. — Королевичи изъ Крякова. . . . 700
137. — Птицы и звѣри 702

XXV. Сурикова, Домна Васильевна.

138. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 704
139. — Дунай 711
140. — Ставеръ 717
141. — Василій Буслаевичъ 722
142. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 727
143. — Гришка Отрепьевъ. 730

XXVI. Дутиковъ, Николай Филипповъ.

144. — Илья Муромецъ и Идолище. . . 732
145. — Добрыня и Алеша. 734
146. — Садко 738
147. — Королевичи изъ Крякова. . . . 740

XXVII. Чуковъ, Абрамъ Евтихіевъ.

148. — Добрыня и Змѣй 744
149. — Добрыня и Алеша Поповичъ . . 751
150. — Михайло Потыкъ 759
151. — Ставеръ 766
152. — Дюкъ Степановичъ. 775
153. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 784
154. — Земскій соборъ 789
155. — Молодецъ и королевна. 791

XXVIII. Касьяновъ, Иванъ Аникіевичъ.

156. — Вольга. 795
157. — Добрыня и Змѣй. 799
158. — Михайло Потыкъ 811
159. — Дюкъ 817
160. — Взятіе Казани. 827
161. — Земскій соборъ . . . . . —
162. — Молодецъ и королевна 829

XXIX. Еремѣевъ, Іевъ.

163. — Добрыня и Маринка 832
164. — Хотенъ Блудовичъ 835
165. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 838
166. — Кострюкъ. 842
167. — Братья разбойники и сестра . . 844

XXX. Макарова и Пастухова.

168. — Добрыня и Алеша 845
169. — Ставеръ 851

IV.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI. Никитинъ, Өедоръ.

170. — Илья Муромецъ и Калинъ царь . 861
171. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 866
172. — Иванъ Гостиный сынъ 873
173. — Сорокъ каликъ 875
174. — Садко 877
175. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 880
176. — Братья разбойники и сестра . . 884
177. — Горе 886

XXXII. Захаровъ, Өедоръ.

178. — Илья Муромецъ и Идолище. . . 877
179. — Иванъ Годиновичъ 889
180. — Дюкъ. 892
181. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 893
182. — Королевичи изъ Кракова . . . 896
183. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 898
184. — Молодецъ и королевична Литовская 902

XXXIII. Батóвъ, Алексѣй Висаріоновъ.

185. — Колыванъ богатырь 904
186. — Илья Муромецъ и Идолище. . . 905
187. — Добрыня и Олеша 909
188. — Иванъ Годиновичъ 913
189. — Смерть Чурилы 918

XXXIV. Лисица, Елена Алексѣева.

190. — Поѣздки Ильи Муромца 922
191. — Дунай 924
192. — Данило Игнатьевичъ 927
193. — Кострюкъ 930

XXXV. Елисѣевъ, Иванъ.

194. — Женитьба Добрыни 932

V.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI. Захаровъ, Иванъ Григорьевичъ.

195. — Вольга и Микула Селяниновъ . . 941
196. — Илья Муромецъ и Идолище . . . 943
197. — Поѣздки Ильи Муромца 946
198. — Добрыня и Алеша 947
199. — Соловей Будиміровичъ 952
200. — Королевичи изъ Кракова 955
201. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ. 957
202. — Ермакъ 960
203. — Стенька Разинъ 962
204. — Шведская война. 963
205. — Прусскій король. 964

XXXVII. Сухановъ, Трофимъ Ивановичъ.

206. — Добрыня и Алеша 965
207. — Калика-богатырь. 974
208. — Соловей Будиміровичъ. 976
209. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 979

XXXVIII. Пановъ, Савелій Кузьмичъ.

210. — Илья Муромецъ. 983
211. — Добрыня и Олеша. 996

XXXIX. Өедуловъ, Павелъ Антоновичъ.

212. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 1000
213. — Дюкъ 1003

XLI. **Сухановъ**, Василій Алексѣевичъ.

215. — Добрыня и Алеша 1015

XLII. **Нигозёркинъ**, Матвей Ѳедоровичъ.

216. — Поѣздки Ильи Муромца 1022
217. — Добрыня и Алеша 1024
218. — Дюкъ 1031

VI.

КЕНОЗЕРО.

XLIII. **Сивцевъ (Пёромской)**, Иванъ Павловичъ.

219. — Илья Муромецъ и сынъ его . . . 1046
220. — Илья Муромецъ въ Цареградѣ . 1050
221. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1052
222. — Добрыня и Алеша 1054
223. — Молодость Чурилы 1059
224. — Смерть Чурилы 1065
225. — Дюкъ 1068

XLIV. **Воиновъ**, Петръ Андреевичъ.

226. — Илья Муромецъ и сынъ его . . . 1080
227. — Добрыня и Маринка 1088
228. — Добрыня и Алеша 1090
229. — Молодость Чурилы 1097
230. — Дюкъ 1104
231. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 1117

XLV. **Калитина**, Ирина Денисовна.

232. — Илья Муромецъ въ Цареградѣ . 1119
233. — Илья Муромецъ и сынъ его . . . 1124
234. — Отъѣздъ Добрыни 1127
235. — Щелканъ Дудентьевичъ 1128
236. — Гришка Отрепьевъ 1130
237. — Шведская война 1131
238. — Небылица 1132

LVI. **Трапицынъ**, Михайло Ивановъ.

— Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1133
поѣздки Ильи Муромца . . 1136
241. — Добрыня и Змѣй 1138
242. — Смерть Чурилы 1141
243. — Дюкъ 1143
244. — Грозный царь Иванъ Васильевичъ 1144

XLVII. **Костинъ**, Александръ Давыдовъ.

245. — Илья Муромецъ и Идолище . . . 1148
246. — Илья Муромецъ и сынъ его . . 1149
247. — Братья Дородовичи 1152
248. — Братья разбойники и сестра . . 1154

XLVIII. **Кукшиновъ**, Николай Ивановъ.

249. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1155
250. — Илья Муромецъ и Алеша Дородовичъ 1157
251. — Молодость Чурилы 1160

XLIX. **Патрикѣевъ**, Филиппъ Васильевичъ.

252. — Михайло Дородовичъ 1164
253. — Ревнивый мужъ 1166

L. **Кроначевъ (Лядковъ)**, Иванъ Михайловичъ.

254. — Вольга и Щелканъ 1168
255. — Микула Селяновичъ и Иванъ Годиновичъ 1169
256. — Женитьба Ивана Годиновича . . 1172
257. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1175
258. — Василій Игнатьевичъ и Батыга . 1179
259. — Василій Буслаевичъ 1184
260. — Авдотья Рязаночка 1187
261. — Кострюкъ 1191
262. — Молодецъ и рѣка Смородина . . 1193
263. — Молодецъ и королевна 1195
264. — Птицы 1197

LI. **Третьяковъ**, Игнатій Григорьевичъ.

265. — Святогоръ 1199
266. — Поѣздки Ильи Муромца 1201
267. — Добрыня и Маринка 1205
268. — Смерть Чурилы 1207
269. — Щелканъ Дудентьевичъ 1209

LII. **Гурьбинъ**, Иванъ Александровичъ.

270. — Святогоръ 1210
271. — Три поѣздки Ильи Муромца . . . 1211
272. — Дунай 1214

LIII. **Меншиковъ**, Петръ Яковлевичъ.

273. — Святогоръ 1217
274. — Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ 1219
275. — Иванъ Годиновичъ. 1221
276. — Стенька Разинъ. 1225

LIV. **Георгіевская**, Авдотья Васильевна.

277. — Хотенъ Блудовичъ. 1227
278. — Данило Игнатьевичъ. 1228
279. — Дюкъ 1230
280. — Птицы. 1231

LV. **Меньшикова**, Матрена Григорьевна.

281. — Илья Муромецъ и голи кабацкіе. 1234
282. — Хотенъ Блудовичъ. 1235
283. — Щелканъ Дудентьевичъ. 1237

LVI. **Лоскутова**, Марья Семеновна.

284. — Василій Буслаевичъ 1240
285. — Два любовника 1242

LVII. **Шумановъ**, Ѳедоръ Григорьевичъ.

286. — Василій Буслаевичъ 1243

LVIII. **Гусевъ**, Андрей Тимоѳеевичъ.

287. — Три поѣздки Ильи Муромца. . . 1246
288. — Добрыня и Маринка. 1249
289. — Добрыня и Змѣй 1251
290. — Добрыня и Алеша. 1252

LIX. **Гусевъ**, Харламъ Андреевичъ.

291. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1255
292. — Добрыня и Алеша 1258

LX. **Андреева**, Ирина.

293. — Иванъ Годиновичъ 1262
294. — Братья разбойники 1265
295. — Небылица. 1266

LXI. **Максимовъ**, Степанъ Ильичъ.

296. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 1267
297. — Старина о большомъ быкѣ . . . 1272

LXII. **Максимовъ**, Андрей Ильичъ.

298. — Птицы 1275

LXIII. **Максимова**, Варвара Ивановна.

299. — Князь Михайло 1277
300. — Невольное постриженіе 1278

LXIV. **Лоскутовъ**, Ѳедоръ Никифоровичъ.

301. — Сорокъ каликъ 1279

LXV. **Завалъ**, Ефимъ Яковлевичъ.

302. — Королевичи изъ Крякова. . . . 1280
303. — Старина о большомъ быкѣ . . . 1284

VII.

МОША.

LXVI. **Швецовъ**, Николай Михайловичъ.

304. — Илья Муромецъ и Калинъ царь. 1293
305. — Три поѣздки Ильи Муромца . . 1299
306. — Добрыня и Алеша. 1302
307. — Иванъ Годиновичъ 1306
308. — Хотенъ Блудовичъ 1309
309. — Смерть Чурилы. 1312
310. — Кострюкъ 1315
311. — Молодецъ и королевна. 1317
312. — Петербургская старинка 1319

LXVII. **Юрьевъ**, Антонъ Степановичъ.

313. — Добрыня 1320
314. — Молодецъ и королевна. 1321

LXVIII. **Макушкинъ**, Андрей Ѳедоровичъ.

315. — Добрыня и Алеша. 1323

LXIX. **Малыгинъ**, Петръ Саватьевичъ.

316. — Добрыня и Маринка. 1326

LXX. **Курниковъ**, Иванъ Ивановичъ.

317. — Кострюкъ. 1329

LXXI. **Сивцевъ**, Тимоѳей Михайловичъ.

318. — Событіе 1830-хъ годовъ 1332

СПИСОКЪ

БЫЛИНЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ.

Авдотья Рязаночка, № 260.
Азова (взятіе), № 37.
Алёша Поповичъ и Тугаринъ Змѣй, № 99.
Большой Быкъ (старина о немъ), №№ 297, 303.
Василій Буслаевичъ, №№ 30, 44, 54, 103, 141, 259, 284, 286.
Василій Игнатьевичъ и Батыга, №№ 18, 41, 60, 66, 116, 181, 231, 258.
Вольга, №№ 15, 91, 156.
Вольга и Микула, №№ 32, 45, 55, 78, 181, 195.
Вольга и Щелканъ, № 254.
Горе, №№ 90, 177.
Гришка Отрепьевъ, №№ 14, 111, 143, 236.
Данило Игнатьевичъ, №№ 192, 278.
Добрыня, №№ 5, 132, 313.
Добрыня и Алёша, №№ 23, 26, 33, 38, 43, 49, 65, 100, 107, 145, 149, 168, 187, 198, 206, 211, 215, 217, 222, 228, 290, 292, 306, 315.
Добрыня и Василій Казиміровъ, № 80.
Добрыня и Змѣй, №№ 59, 64, 79, 93, 123, 148, 157, 241, 289.
Добрыня и Маринка, №№ 17, 78, 122, 163, 227, 267, 288, 316.
Добрыня въ опалѣ, № 124.
Добрыни (женитьба), № 194.
Добрыни (отъѣздъ), № 234.
Дородовичи (братья), № 247.
Дунай, №№ 34, 81, 94, 102, 108, 125, 139, 191, 214, 272.
Дюкъ, №№ 9, 20, 85, 115, 128, 152, 159, 180, 213, 218, 225, 230, 243, 279.
Ермакъ, № 202.
Земскій Соборъ, №№ 154, 161.
Иванъ Васильевичъ (грозный царь), №№ 13, 25, 129, 142, 153, 165, 175, 183, 201, 209, 244.
Иванъ Годиновичъ, №№ 51, 83, 179, 188, 275, 307.
Ивана Годиновича (женитьба), №№ 256, 293.
Иванъ Гостиный сынъ, №№ 133, 135, 172.
Илья Муромецъ, №№ 16, 210.
Ильи Муромца (первые подвиги), № 120.
Ильи Муромца (поѣздки), №№ 190, 197, 216, 266.
Ильи Муромца (три поѣздки), №№ 221, 240, 271, 287, 291, 305.
Ильи Муромца (послѣдняя поѣздка), № 58.
Илья въ ссорѣ съ Владиміромъ, №№ 47, 76.
Илья Муромецъ въ Цареградѣ, №№ 220, 232.
Илья Муромецъ и дочь его, № 77.
Илья Муромецъ и сынъ его, №№ 46, 219, 226, 233, 246.

Илья Муромецъ и Алёша Дородовичъ, № 250.
Илья Муромецъ и голи кабацкіе, №№ 239, 249, 257, 281.
Илья Муромецъ и Идолище, №№ 4, 22, 48, 106, 144, 178, 186, 196, 245.
Илья Муромецъ и Калинъ царь, №№ 57, 69, 75, 92, 105, 121, 138, 170, 296, 304.
Илья Муромецъ и Сокольникъ, № 114.
Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ, №№ 3, 56, 74, 104, 112, 171, 212, 274.
Казани (взятіе), № 160.
Калика-богатырь, №№ 101, 207.
Каликъ (сорокъ), №№ 72, 86, 96, 173, 301.
Карамышевскій (князь), № 10.
Колыванъ-богатырь, № 185.
Королевичи изъ Крякова, №№ 87, 136, 147, 182, 200, 302.
Кострюкъ, №№ 24, 166, 193, 261, 310, 317.
Литовцевъ (наѣздъ), №№ 12, 42, 61.
Любовника (два), №№ 31, 134, 285.
Микула Селяниновичъ, № 98.
Микула Селяниновичъ и Иванъ Годиновичъ, № 255.
Михайло (князь), № 299.
Михайло Дородовичъ, № 252.
Михайло Потыкъ, №№ 6, 40, 52, 82, 150, 158.
Молодецъ и королевична Литовская, № 184.
Молодецъ и королевна, №№ 155, 162, 263, 311, 314.
Молодецъ и рѣка Смородина, № 262.
Молодецъ и худая жена, №№ 89, 97, 117.
Настасья Никулична, № 113.
Небылица, №№ 238, 295.
Невольное постриженіе, № 300.
Нѣпра и Донъ, № 50.
Петербургская старина, № 312.
Петръ (императоръ), № 95.
Прусскій король, № 205.
Птицы, №№ 130, 264, 280, 298.
Птицы и звѣри, №№ 62, 137.
Пѣтухъ и Лисица, № 29.
Разбойники (братья) и сестра, №№ 28, 167, 176, 248, 294.
Рахта Рагнозерскій, № 11.
Ревнивый мужъ, № 253.
Садко, №№ 70, 146, 174.
Садко, Вольга и Микула, № 2.
Святогоръ, №№ 1, 265, 270, 273.
Святогоръ и Добрыня, № 118.
Святогоръ и Садко, № 110.
Скопинъ, № 88.
Событіе 1830-хъ годовъ. № 318.
Соловей Будиміровичъ, №№ 36, 58, 68, 199, 208.
Ставеръ, №№ 7, 21, 109, 140, 151, 169.
Стенька Разинъ, №№ 203, 276.
Сухманъ, № 63.
Хотенъ Блудовичъ, №№ 19, 84, 126, 164, 277, 282, 308.
Чурило, №№ 27, 35, 127.
Чурилы (молодость), №№ 223, 229, 251.
Чурилы (смерть), №№ 8, 67, 110, 189, 224, 242, 268, 309.
Шведская война, №№ 204, 237.
Щелканъ Дудентьевичъ, №№ 235, 269, 283.

I.

ПОВѢНЕЦКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

ТОЛВУЙ.

ПОВѢНЕЦЪ.

I.

КАЛИНИНЪ.

Петръ Лукичъ Калининъ, крестьянинъ дер. Горка Пудожгорскаго погоста (Повѣнецкаго уѣзда) 43 лѣтъ, средняго роста, съ черными волосами, небольшой черной бородкой и голубыми глазами, странно неповоротливый и неуклюжій. По ремеслу онъ портной; мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ онъ много ходилъ по деревнямъ въ окрестностяхъ Шуньги и Толвуи для портняжныхъ работъ и при этомъ привыкъ пѣть былины, которыя частью слышалъ отъ стариковъ въ тѣхъ мѣстахъ, частью же перенялъ у своего отца; послѣдній, по словамъ Калинина, зналъ ихъ очень много. Въ послѣдствіи Калининъ бросилъ портняжное дѣло и «сталъ на крестьянство»; съ этого времени онъ рѣже поетъ былины и многія изъ нихъ забылъ, въ молодости же онъ зналъ ихъ столько, что и въ недѣлю бы не переслушать. О громадной памяти Калинина свидѣтельствуетъ то, что кромѣ былинъ, ниже помѣщаемыхъ, онъ знаетъ еще много духовныхъ стиховъ и предлинныхъ сказокъ. Калининъ поетъ не очень изящно, но весьма складно, строго соблюдая стихотворный размѣръ и сбиваясь съ него только въ тѣхъ былинахъ, которыя онъ уже плохо помнитъ, какъ напр. въ Святогорѣ (№ 1) и Садкѣ (№ 2). Про послѣднюю онъ говорилъ, что слышалъ ее болѣе лѣтъ 20 тому назадъ отъ древняго старика нищаго гдѣ-то около Толвуи или Шуньги и тотчасъ ее перенялъ, но уже не пѣвалъ ея лѣтъ 20 и потому многое въ ней забылъ. — Г. Рыбниковъ приглашалъ Калинина къ себѣ, но онъ, какъ разсказывалъ, не рѣшился къ нему ѣхать и постарался также уклониться отъ писаря, которому мѣстный исправникъ поручилъ записать его былины для г. Рыбникова. Писарь этотъ записалъ (и то сокращенно) двѣ былины съ его словъ (см. сборникъ г. Рыбникова т. IV, №№ 12 и 17, гдѣ онъ по ошибкѣ названъ Васильемъ Лукинымъ; въ «замѣткѣ» къ III-му тому стр. XXXVI онъ упоминается подъ именемъ Петра Лукина).

Былины, здѣсь печатаемыя, записаны всѣ «съ голоса», т. е. въ томъ видѣ, какъ онѣ поются, а не съ пословеснаго пересказа стиховъ.

—

1.

СВЯТОГОРЪ *).

На тыхъ горахъ высокіихъ,
На той на Святой Горы,
Былъ богатырь чюдныи,
Что ль во весь же міръ онъ дивныи,

*) По словамъ пѣвца, это есть окончаніе очень пространной былины про Святогора; но больше этого отрывка онъ не могъ припомнить.

Во весь же міръ былъ дивныи.
Не ѣздилъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.
Хотѣлъ узнать казакъ нашъ Илья Муромецъ
Славнаго Святогора нунь *) богáтыря.
Отправляется казакъ нашъ Илья Муромецъ
Къ тому же Святогору тутъ богáтырю
На тыи было горы на высокіи.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А на тыи было горушки высокіи
Къ тому же Святогору да богáтырю,
Пріѣзжаетъ-то къ ему да поблизёхонько,
А й поклонъ ведетъ да понизёхонько:
«Здравствуешь богáтырище порныи **)
«Порныи богáтырь ты да дивныи!»
— Ты откуда, добрый молодецъ,
— Какъ тя нарекаютъ по отечеству?
«Я есть города нунь Муромля
«А села да Карачаева,
«Я старыи казакъ да Илья Муромецъ.
«Захотѣлъ я посмотрѣть Святогора нунь богáтыря:
«Онъ не ѣздитъ нунь на матушку сыру землю,
«Къ намъ богáтырямъ да онъ не явится.»
Отвѣчаетъ богáтырь было порныи:
— Я бы ѣздилъ тутъ на матушку сыру землю,—
— Не носитъ меня мать сыра земля,
— Мнѣ не придано тутъ ѣздить на святую Русь,
— Мнѣ позволено тутъ ѣздить по горамъ да по высокіимъ
— Да по щéлейкамъ ***) по толстымъ.
— А ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мы съѣздимъ же-ко нунечу по щéлейкамъ,
— А поѣздимъ-ко со мной да по Святымъ Горамъ.
Ѣздили оны было по щелейкамъ,
Разъѣзжали тутъ оны да по Святымъ Горамъ,
Ѣздили оны по многу времени,
Ѣздили оны да забавлялися.
Находили тутъ оны да чюдо чюдное,
Находили тутъ оны да диво дивное,
Находили площаницу ****) да огромную.
Говоритъ богáтырь Ильи Муромцу:
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ка въ площаницу да въ огромную:
— Поглядимъ-ка площаницы мы огромною,
— Что она тебѣ поладится-ль?—
Спускáется казакъ да Илья Муромецъ,

*) Нунь, нуньчу, нунечу — вмѣсто нынь, ныньче.
**) т. е. крѣпкій.
***) Щелья — скала.
****) Площаница — гробъ.

Опускался тутъ казакъ да изъ добра коня
А ложился было въ гробъ въ этòтъ въ огромныи,—
А этотъ гробъ-то Ильи Муромцу да дологъ есть.
Опускается богáтырь Святогорскіи
А съ того было съ добра коня,
А ложился въ площаницу онъ во дивную,—
Та же площаница да по немъ пришла,
Самъ же съ площаницы тутъ не выстанетъ:
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— Ты повыздынь съ площаницы да огромныи.—
Приставае тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богáтырю,—
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богáтыря
А съ того гробà глубокаго.
Говоритъ же тутъ богáтырь Святогорскій:
— Ты сломай-ко эти щелья да высокіи
— А повыздынь-ко съ гробá меня глубокаго.—
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Какъ ударилъ своей палицей
Да по щелейки по толстыи,
А по той горы да по высокіи, —
Ставился тутъ обручъ да желѣзныи
Черезъ тотъ да гробъ еще великіи,
Черезъ тую площаницу было дивную.
Бьетъ тутъ Илья Муромецъ да дрýгой разъ, —
Что ударитъ, тутъ же обручъ было ставится.
Отвѣчаетъ тутъ богáтырь Святогорскіи:
— Видно тутъ же есть богáтырь да кончается!
— Ахъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— А ты съѣзди-тко да къ моему было родителю
— Къ древному да батюшку,
— Къ древному да темному,
— Ты проси-ка у мойго родителя у батюшка
— Мнѣ-ка вѣчнаго прощеньица.—
Отправляется казакъ да Илья Муромецъ
Отъ того же Святогора прочь богáтыря
На ту гору на Палавóнскую
А къ тому же старичку да было древному,
Хоть бы древному да темному.
Пріѣзжае Илья Муромецъ
На ту на гору Палавóнскую
Къ древному да къ темному:
«Здравствуешь, престарыи да дѣдушка,
«Древныи ты темныи!
«Я привезъ тебѣ поклонъ да челомъ-битьицо
«Отъ твоего сынà любимаго
«Отъ того же Святогора я богáтыря:
«Проситъ онъ прощеньица да вѣчнаго.
«Какъ легъ же въ площаницу онъ въ огромную
«Да во тотъ было во гробъ во каменной,
«Я оттуль не могъ его повыздынуть».

Розсердился тутъ старикъ да было темныи,
Темныи старикъ да было древніи:
— Знать убилъ же Святогора ты богатыря,
— Пріѣзжаешь нунь ко мнѣ-ка-ва со вѣдома,
— Ты привозишь мнѣ-ка вѣсточку нерадостну.—
Какъ хватитъ тутъ же палицу да богатырскую
Да помахне во богатыря,
А й богатырь тутъ увернется,
Да старикъ тутъ образумится.
Далъ ему да вѣчное прощеньицо
Святогору да богатырю
Да и сыну да любезному.
Пріѣзжаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Къ Святогору да богатырю,
Онъ привозитъ тутъ прощенье ему вѣчное.
Съ имъ же онъ да тутъ прощается,
Святогоръ же тутъ же онъ кончается.

Записано въ дер. Римъ
на Пудожской Горѣ 24 іюля.

—

2. XX

САДКО, ВОЛЬГА И МИКУЛА *).

Во славномъ во Нови граді
Находится купецъ да богатый,
Былъ работникъ Сатокъ новгородскій
Отправлялись купци новгородскій
Торговать за сине море
. . . . . **)
Торговали за синимъ за славнымъ морюшкомъ.
Отправляются они во славный во Новгородъ,
Выѣзжали они среди моря.
Становились корабли новгородскій,
Стояли на мори трои суткй,
Не куда оны не подаваются.
Говорятъ купци новгородскій:
«Требуе изъ насъ Водяной царь
«Каку ни съ насъ онъ пошлину.»
Отвѣцае вода имъ матушка:
— Проситъ человѣка Водяной царь. —
Выбирали купци новгородскій
Изъ артели человѣка въ синё море.

*) Эта былина отличается особымъ размѣромъ, съ двумя удареніями въ концѣ стиха, при чёмъ удареніе на послѣднемъ слогѣ произносится особенно рѣзко.

**) Калининъ не могъ припомнить названія страны, куда купцы поѣхали.

Пожелалъ съ артели Сатокъ работничокъ,
Рядилъ много злата серебра
И мелкихъ съ ихъ же жемчуговъ:
Буде буду я на святую Русь,
Должны отдать купци новгородскій.
Отпускали Сатка работничка
Во славно во синё море
На двухъ дощечкахъ дубовыихъ.
Отправлялся Сатокъ работничокъ
За большое у нихъ было золото.
Спустился Сатокъ работничокъ
Во славно во синё море.
Приходитъ къ силы къ отпадшій,
Къ тому къ царю къ невѣрному,
Къ тому приходитъ къ двору къ царевому.
На трехъ столбахъ у двора царевагo
Положено по голови человѣческой.
Говоритъ Сатокъ работничокъ:
«Ляже видно моя головушка
«У того царя невѣрнагo,
«У той же силы отпадшію».
Приходитъ Сатокъ работничокъ,
Приходитъ же онъ въ царской домъ
И на то онъ судилищо:
Остужается царь невѣрный
Со своей молодой женой,
И спрашиватъ Сатка работничка:
— Что Сатокъ работничокъ?» —
«Отъ тѣхъ купцовъ новгородскійхъ
«Посланъ Сатокъ работничокъ.
«Объ чёмъ ты, царь невѣрный,
«Требуешь человѣка ты съ Руси?»
— И зову я къ себѣ на судилищо,—
— Спорилъ со своей молодой женой:
— Что на Россіи у васъ нуньчу дѣется:
— Дороже булатъ-желѣзо краснаго видь золота?
Отвѣчаетъ Сатокъ работничокъ:
«У насъ на Россіи нунь діется,—
«Подороже булатъ-желѣзо краснаго видь золота».
Скочилъ же царь невѣрный,
Тяпне въ руки саблю вострую,
Отсѣкъ царици буйну голову *).
Отвѣчаетъ Сатку работничку:
— Ай Сатокъ работничокъ!
— Не угодно ли служить царю невѣрному?—
«Отъ васъ, царь, не отнимаюсь,
«Только хотѣлось бы не бѣлый свѣтъ.»

*) Пѣвецъ объяснилъ, что царица, жена Водянаго, увѣряла, будто на Руси золото дороже желѣза, и что для разрѣшенія этого спора потребовалъ Водяной человѣка съ Руси.

— Женись-ко, Сатóкъ работничòкъ,
— Награжу тебя Сатóкъ имѣніёмъ. —
Не отнимался Сатóкъ работничòкъ
Отъ того царя невѣрнаго.
Приводитъ ёнъ ему три дѣвушкѝ:
Двѣ дѣвушки бѣленькѝхъ,
Третья дѣвушка черная,
Черна дѣвчонька чиганочкà.
Ступае дивчонька нá ногу
Тому Сатку работничку,—
Догадался Сатóкъ работничòкъ,
Отвѣчаетъ царю невѣрному:
«Возьму я дѣвушку чéрную.»
Отвелъ же невѣрный цàрь
Ему дѣвушку чéрную.
Ложился Сатокъ работничòкъ
И спать онъ съ дѣвушкой чéрною.
Говоритъ ему дѣвушка чéрная,
Черна дивчонька чиганочка:
— Не вались, Сатóкъ работничòкъ,
— Близехонько ко мни къ дѣвушкѝ,
— Накинь свои рýчки Сатковый,
— Накинь конецъ пéрстикòвъ. —
Накинулъ Сатóкъ работничòкъ,
Накинулъ онъ конецъ перстичкòвъ,—
И тутъ Сатóкъ работничòкъ
Объявился въ тую ночь въ Новѝ градѝ
И лежитъ покрай матушки Вóлховà,
Одни ручки въ воды́ егò.
Пріѣзжаютъ купцѝ новгородскій
Изъ-за славнаго синя́ морà:
Получилъ съ ихъ злато и сéребрò,
Получилъ съ ихъ и мелкіи жемчутѝ.
Вознесся Сатокъ работничòкъ
Вознесся е славою,
Прописалъ себя въ купцѝ богатый.
Кажется Сатку́ богатому,
Не во снѣ ему́ кажется,
На яву ему́ видится:
— Вяжи-тко ты шелкóвъ невòдъ,
— Лови-тко ты въ матушки Волховѝ
— Что попадетъ тебѣ въ неводкѝ:
— Сострой амбары́ велѝкій,
— Въ амбары́ вали безпощадно грязь.—
Попадае мусоръ и чéврой *) тýтъ,
Попадае листья и дубья колóдинкѝ.
Валилъ въ амбары́ велѝкій
И всяку неподóльну грязь.
Вси новгородчана смѣялисѝ
Надъ тымъ Саткомъ работничкòмъ:
— Вознесся Сатокъ работничòкъ,
— Прописалъ себя въ купéчествò
— И залогу велѝкагò,
— А нунь ловитъ мусоръ и чеврой тýтъ
— И всяку неподóльну грязь,
— И валитъ въ амбары́ велѝкій! —
На яву у Сатка причудилосѝ,
Все золото серебро въ амбарѣ объявилосѝ.
Произвелъ Саткó купецъ богáтый
И все на денежный счетъ же вдрýгъ, —
И не узналъ свою казну безсмѣтную.
Повыхвасталъ Саткó богатый,
Повыхвасталъ съ купцами новгорóдскимà:
«Ай же вы купци новгорóдскій,
«Ай же вы купци издревле здѝ!
«Я повыкуплю у васъ запасы всѣ хлѣбный,
«Повыкуплю товары вси крáсный
«И на свое былò имѣніё
«И на свою злату́ казну́!»
И вси купци новгорóдскій
Вси купци задýмалисѝ:
— Неужто не можетъ поставить на Сатка купца богáтаго
— Хлѣбовъ запасныихъ и товаровъ намъ красныихъ,
— Чтобы не выкупить Сатку́ купцу́ богатому́
— Нашего имýществà? —
Не смѣли бить о велѝкъ залòгъ,
Не смѣли на одѝнъ же рàзъ,
А били съ Саткомъ они нá три рàзъ, —
Били купци о своихъ главàхъ,
И Сатокъ купецъ богатый
Билъ о своей буйной гóловы́.
Сталъ купить запасы онъ хлѣбный
И товары вси красный,
Очистилъ вси лавки у купцовъ нóвгородскіихъ.
Нечего купить Сатку богатому
У тыхъ купцовъ нóвгородскіихъ,
Повыкупилъ съ лабазовъ запасы всѣ хлѣбный,
Съ лавокъ товары вси красный.
Наставляли купци было въ дрýгой рàзъ
Про того Сатка купца богатагò,
Сталъ купить Сатокъ въ дрýгой рàзъ
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары все красный,
Повыкупилъ на свое большое имѣніё
Изъ лабазовъ запасы онъ хлѣбный,
Изъ лавокъ товары всѣ красный,
Не осталось запасовъ тутъ хлѣбныихъ,
Не осталось товаровъ тутъ красныихъ.

*) Чеврой — рѣчной песокъ.

Сами купци новгородскій
Сами купци призадумалйсь,
Сами купци пріужахнулйсь:
— Набъ *) намъ поставить буйны головы,
— Не заправимъ запасовъ мы хлѣбныйхъ,
— Не заправимъ товаровъ мы красныйхъ,
— Чтобъ не выкупить Сатку купцу богатому. —
Писали купцамъ греческймъ,
Писали купцамъ заморскіймъ:
Пособили бы наставить запасы же хлѣбный,
Пособили бы наставить товары все красный.
Наставили купци заморскій,
Заморскіи купци что ли греческй,
Наставили запасы тутъ хлѣбный,
Наставили товары тутъ красний
Въ пóмочь купцамъ нóвгородскіймъ
Сталъ купить Сатокъ купецъ богатый
Въ томъ въ своёмъ въ Новй градй,
Повыкупилъ Сатокъ онъ же трéтью часть:
Не хватае у Сатка больше золота
Купить тутъ запасовъ да хлѣбныйхъ,
Да товаровъ да красныйхъ.
За свое за бахвальство за ложноё,
За свое пустое за хвастаньё
Отсѣчь набъ Сатку буйна гóлова,
Прикончить Сатку своя скора жизнь.
Сбѣжалъ Сатокъ купецъ богатый
Отъ тыхъ купцёвъ новгородскіихъ,
Сбѣжалъ изъ думы изъ крѣпкій
Къ тому Вольгй Всеславьеву:
«Молодой Вольгá Всеславьевйчъ,
«Сберегй меня Сатка купца богатагò
«Отъ тою смерти напрáсною
«За своё за ложноё хвастаньё!»
Одѣвался Вольгá Всеславьевйчъ
И въ латы богатырскій,
Беретъ орудію богатырскую,
Ставился Вольгá Всеславьевйчъ,
Ставился на матушку на Вóлховò,
Ставился на шйрокъ мостъ,
Казнилъ онъ народъ безщадно безпошлинно,
Рыть *) народъ во матушку во Вóлховò
И всихъ кунцёвъ новгородскійхъ;
Бѣжали купцй новгородскій,
Тый мужики новгородчанà
Къ тому было отцу его крестному
Къ тому Вольги Всеславьева:
— Упроси-тко ты Вольгý Всеславьева.

*) Набъ — надобно.
*) Рыть — сбрасывать.

— За того Сатка купца богатаго
— Казнитъ народъ безданно безпошлинно.—
Одѣвается отецъ его крестный,
Кладывае колоколъ себя нá главу
Кладывае колоколъ же мѣдный,
Мѣдныи колоколъ еще сорокъ пудъ.
Идетъ къ крестовому дитятку
Къ тому Вольги Всеславьеву:
«Ай крестовое мое ты дитяткò,
«Ай Вольгà Всеславьевйчъ!
«Не казни жъ народъ безданно безпошлинно
«За того купца ты невѣрнаго,
«Не за вѣрнаго купца богатаго,
«За богатаго Сатка новгородскаго!»
Упирается отца онъ крестнаго,
А ударилъ отца онъ крестнаго
Своимъ копьемъ бурзамецкіимъ
Во его буйную голову,
Въ тотъ колоколъ было мѣдный
И молодой Вольгá Всеславьевйчъ.
И лопнулъ колоколъ было мѣдный
На главы у того отца крестоваго.
Убилъ отца онъ крестоваго.
Тутъ самъ Вольгá ужахнулся вдрýгъ,
Убирался онъ съ матушки съ Волхова,
Приходитъ къ родители къ матери,
Самъ Вольга и хвастаетъ:
— Ай родитель моя матушка!
— Я сдѣлалъ теперь незаконный судъ,
— Убилъ своего отца было крестнаго.—
Говоритъ родитель ему матушка
Тому Вольги Всеславьеву:
«Молодой Вольга Всеславьевичъ!
«Не потерпитъ тебя небесной царь,
«Что убилъ отца ты крестнаго,
«За ту напрасну смерть».
Молодой Вольга Всеславьевичъ
Справляется къ дружины хороброю,
Набралъ дружины хороброю
Набралъ сорокъ стрѣльцёвъ молодыхъ молодцёвъ,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Отправляется съ дружиной хороброю,
Отправляется Вольгá Всеславьевйчъ,
Отправлялся въ дальню сторонý.
Пріѣзжае Вольгá Всеславьевйчъ,
Пріѣзжае къ Викулы Селягинý.
Паше Викула Селягинъ сынъ
Во томъ въ чистóмъ полй,
Борозды гоняе предолгій,
Сошка его поскрипливàтъ,
Соловá кобылка его поступливàтъ,

Камешки вонъ вывертывàтъ,
Дéренъ Викула внизъ повертывàтъ.
Пріѣзжаетъ Вольгá Всеславьевѝчъ
Къ Викулы Селягину:
— Богъ помочь, ратарь великій,
— Во чистомъ поли попáхивàть!
— Какъ тя зовутъ, ратарь великій,
— По имени нарекаютъ по отечествý? —
Отвѣчаетъ тутъ ратарь великій,
Называется Викулушкой,
По изотчинѣ звеличается Селягинъ сынъ.
— Къ тебѣ я ѣхалъ Викула Селягинъ сынъ
— А нашолъ тебя въ чистомъ полѝ
И спрашиватъ Викула Селягинъ сынъ:
«Откуда удалой добрый молодецъ?»
— Есть я молодецъ изъ дальнихъ мѣстъ,
— По прозваньицу Вольгá Всеславьевѝчъ.—
«И вы есть Вольга Всеславьевѝчъ?
«Куда вы отправились?»
— Отправился къ Викулы Селягинý,
— Искать Викулы Селягинà,
— Что поренъ Викула Селягинъ сынъ.—
И отвѣчаетъ Викула Селягинъ сынъ:
«Велѝка сила у Викулы Селягинà,
«Какъ ратаремъ живу во чистóмъ полѝ.»
— Ай ты молодой Викула Селягинъ сынъ!
— Поѣдемъ съ нами въ Курчевецъ,
— Поѣдемъ съ нами въ Орѣховецъ.—
Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
«Я недавно былъ братцы во Курчевцѝ,
«Привезъ два мѣха соли пребóльшійхъ,
«Въ который же мѣхъ входитъ сорокъ пýдъ.»
Зоветъ его Вольгá Всеславьевичъ
Съ собою ѣхать въ Курчевецъ,
Съ собою ѣхать въ Орѣховецъ.
Не отнимался Викула Селягинъ сынъ,
Выпрягалъ кобылку онъ сóловý,
Клалъ сошку на ноженкý,
Липнулъ *) сошку далёко въ край.
Садился на кобылку па сóловý,
Поѣхалъ Викула Селягинъ сынъ.
Пошла Викулина кобылка тутъ сóловà,
Пошла во цѣлый шахъ, —
Молодой Вольгá Всеславьевѝчъ
Со своей дружиной хороброю
Одва гонятся во всю же рысь.
Испрогóворитъ Вольга Всеславьевичъ
— Ай Викула Селягинъ сынъ!
— Эта бы кобыла конемъ былà,
— Стоѝла бы кобыла пятьсотъ рублёвъ.—
Отвѣчае Викула Селягинъ сынъ:
«Не возьму за кобылу цѣлой тысящѝ.»
Поѣхали въ путь дороженку,
Не доѣхали до города Орѣхова,
Попадае имъ камень огромный,
На камешки подпись великаѝ:
Скакать черезъ этотъ же камешóкъ
Тому же богатырю
Тому Вольгѝ Всеславьевý,
Дружинушки его въ поперёгъ каменà,
Ему Вольгѝ вдоль камешкà, —
Не скочитъ Вольгá Всеславьевѝчъ,
Тутъ будетъ Вольги скóра смерть.
Отправляется дружина хоробрая,
Скакала она впоперёгъ сёго каменà;
Направляется Вольгá Всеславьевѝчъ
Скочить сёго вдоль каменà.
Скочилъ Вольгá Всеславьевѝчъ
Черезъ всю длину сёго каменà,
Задѣвае копь подковамы
За длинныи за камешóкъ.
Застрадалъ Вольгá Всеславьевѝчъ,
Не доѣхалъ Вольгá до Орѣховца,
Скончался на той пути дороженкѣ
И тотъ же Вольгá Всеславьевѝчъ.
Доставала дружина хоробрая
Доставала Вольгý Всеславьевà
Въ свое же мѣсто великое *).
Тутъ же Вольга приставился.

Записано тамъ же, 22 іюля.

*) т. е. кинулъ.

*) Пѣвецъ не могъ припомнить названія мѣста, куда дружина отвезла похоронить Вольгу.

—

3.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Того ли города онъ Муромля,
Изъ того ли нунь села да Карачаева,
А Илья да сынъ Ивановѝчъ
Проситъ у родителя прощеньица,
Онъ прощенья проситъ съ благословленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову,
Отъ Чернигова-то ѣхать нунь ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.

Далъ отецъ прощенье съ блословленьицомъ
Ѣхать къ городу Чернигову.
Онъ садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ же въ руки онъ да ту́гой лукъ,
А поѣхалъ онъ прямой дорожкой неокольною
А отъ города отъ Муромля
А до города Чернигова.
Перевелъ станы́ больши́ разбойнички,
Онъ очистилъ тутъ дороженки.
Подъѣзжаетъ тутъ онъ подъ Черниговъ градъ.
Гди стоитъ тутъ войско бусурманьское
А й подъ городомъ Черниговымъ,—
Тутъ не сдѣлано ни выпуску ни выѣзду
Что ли князю да черниговску.
Молодой Илья да сынъ Ивановичъ
Онъ прибилъ же тое войско всё буса́рское (*такъ*),
Всихъ татаръ да всихъ поганыихъ,
Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ,
Збавилъ князя да черниговска
Отъ татаръ было поганыихъ.
Пріѣзжаетъ тутъ ко князю ко черниговску,
Князь черниговскій зраду́ется:
«Ты откуда, добрый молодецъ,
«Ты коей земли, коей орды,
«Какъ тя нарекаютъ по отечеству?»
— Я́ есть города отъ Муромля
— Да села есть Карачаевска,
— Да Илья же сынъ Ивановичъ. —
Принялъ его князь черниговскій
Во великое себѣ-ка-ва гостебищо,
Онъ дарилъ ему да че́стныи подарочки,
Подарилъ тутъ е орудію да богаты́рскую,
Подарилъ копьё да ему вострое,
Да пожертвовалъ ёнъ саблю ему вострую.
Тутъ поѣхалъ да Илья же сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
А прямой дорожкой не окольною,
А гди Со́ловей да сынъ Рахматовичъ
А сидитъ онъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Бьетъ онъ свистомъ соловьиныимъ,
Покрыкомъ своимъ звѣриныимъ.
Тутъ есть ста́ны да разбойнички
Да артели тутъ великіи
На прямой дорожки не окольныи.
Тутъ поѣхалъ же Илья да сынъ Ивановичъ
Отъ Чернигова до Кіева,
Перевелъ же ста́ны вси разбойнички,
Онъ убилъ артели вси разбойниковъ.
Подъѣзжае подъ гнѣздо да Соловьиное
Того Со́ловья Рахматова.
Засвисталъ же Со́ловей Рахматовичъ,
Засвисталъ по соловьиному,
Закрычалъ онъ по звѣриному;
У Ильи сына̀ Иванова
Добрый конь его да подтыкается,
Спа́дать со рѣзвы́ихъ ногъ,
Падатъ онъ же на колѣночка.
Говоритъ Илья Ивановичъ:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
— Что же ты да ноньче подтыкаешься?
— Что ль ты не бывалъ да во темно́мъ лѣсу,
— Не слыхалъ ты соловьинаго да по́свисту,
— Не слыхалъ ли ты звѣринаго да по́крыку?
— Ты ставай-ко на рѣзвы́ ноги,
— Ты вези-ко подъ гнѣздо да Соловьиное,
— Подъ того же было Со́ловья Рахматова! —
Подъѣзжае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ того же Со́ловья Рахматова,
Подъ гнѣздо да соловьиноё.
Какъ подъѣхалъ Илья да сынъ Ивановичъ
Подъ гнѣздо да Соловьиное,
Онъ натягивалъ свой ту́гой лукъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелко́выи,
А накладывалъ тутъ стрѣлочку калёную,
Стрѣлилъ стрѣлочку во Со́ловья
Во того да во Рахматова,
Во того да во разбойника;
Попадала тая стрѣлочка
А во Со́ловья Рахматова
И свалила тая стрѣлочка
Оттуль Со́ловья Рахматова,
А Рахматова разбойничка,—
Повалился будто сѣнная-та ку́чищо.
А до смерти не убило ли,
Только Со́ловья разило ли.
А Илья да сынъ Ивановичъ
Бралъ же Со́ловья Рахматова,
Бралъ Илья да за желты́ кудри,
Вязалъ Со́ловья Рахматова
Онъ ко лѣвою ко стремены.
Тутъ садился на добра коня,
По́везъ Со́ловья Рахматова
А й ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру
Черезъ тотъ же было домъ да Соловьиныи,
Гдѣ живетъ же тамъ жена е Соловьиная
Со своима тамъ же дѣткамы.
А глядятъ же его дѣтушки
Того Со́ловья Рахматова
Во косевчато окошечко,

Лен. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

Говорятъ же тыи дѣтушки:
«Ахъ ты матушка, ты матушка!
«Батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ».
Была дочь да одноглазая,
А глядитъ она въ окошечко,
А сама она да испрогóворитъ:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумны наши дѣтушки!
— А не батюшка-тотъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ-тотъ ѣде, везе батюшка.—
Говоритъ же Соловьина молода жена:
«Вы бѣжите-тко на ши́рокъ дворъ,
Тамъ здымайте подворотенку
Подворотенку да вы серебряну,
А убейте мужика да на проѣздѣ тутъ
Во своихъ было воротахъ ли.
Увидалъ же тутъ да Сóловей Рахматовичъ
Подворотенку здымаючи:
— Ахъ вы глупыи вы дѣтушки,
— Неразумныи вы дѣтушки!
— Вы зачимъ же нунь здымаете
— Подворотенку серебряну?
— Что ли у́бьете вы подворотенкой,
— Какъ не могъ-то я убить да еще раньше васъ?
— Вы зовите-тко въ гостёбищо,
— Вы дарите-тко подарочки,
— Чтобы онъ оставилъ вамъ же батюшка.—
Звали во великое гостёбищо
Да Илью сынà Иванова,
Выносили ёму честныи подарочки.
Не бралъ честныихъ подарочковъ,
Не оставилъ имъ же Сóловья Рахматова,
Везъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Тутъ же онъ пріѣхалъ да на ши́рокъ дворъ
Къ тымъ же ко полатамъ бѣлокаменнымъ,
Вяжетъ онъ коня да у столба да у точенàго
У того кольца да золоченаго,
Зашолъ же во полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писáному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
Бьетъ челомъ да покланяется
А на всихъ же па четыре на сторонушки,
Князю со княгинушкой въ óсобину:
«Здравствуй,солнышкоВладиміръстольнё-кіевской
«Со своей было княгиною!»
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты откудова, удалый доброй молодецъ,
— А коéй земли коéй орды,
— Какъ тя именéмъ зовутъ,
— Какъ тя парекаютъ по отечеству?
«Я есть города отъ Муромля
«А села да Карачаева,
«А Илья да сынъ Ивановичъ.»
— А отъ города отъ Муромля
— Отъ села да Карачаева
— Вы куда-ка нуньчу ѣхали? —
Отвѣчае тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«Мы ѣхали да на Черниговъ градъ,
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А прямой дорожкой неокольною.»
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
— Тутъ великіи артели да разбойниковъ
— На прямой дорожки неокольною. —
«Вси разбойнички убитыи,
«Вси дороженьки очищены.»
Спрашиватъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Подъ Черниговомъ да стóитъ войско бусурманское,
— Всё поганыи татарова,
— А стоитъ татаръ да много тысящей,
— Запертъ да Черниговъ градъ,
— Нѣтъ ни выходу ни выѣзду. —
Говоритъ же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
«А убито тое войско бусу́рманское,
«Да очищенъ тутъ Черниговъ градъ,
«Что ль избавленъ еще князь черниговской
«А отъ тыхъ поганыихъ татаровей.»
— Отъ Чернигова куды же вы тутъ ѣхали? —
«Ѣхали да отъ Чернигова
«Отъ Чернигова на Кіевъ градъ
«А й прямой дорожкой неокольною,
«Гди живетъ тутъ Сóловей Рахматовичъ».
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Какъ же вы оттуда-ка проѣхали?
— Тутъ великіи артели е разбойниковъ. —
«А разбойнички убитыи,
«Что ли стáночки посóжганы.»
— Тутъ же Сóловей Рахматовичъ
— Онъ сидитъ на двѣнадцати дубахъ да сорочинскіихъ,
— Не стрѣльбой пальбой онъ бьетъ да человѣческой,
— Бьетъ же пóсвистомъ да соловьинымъ,
— Бьетъ же пóкрыкомъ звѣринымъ.—
«Сóловей Рахматовичъ
«На твоемъ да широкóмъ двори
[illegible] было у лѣвои у стремены,
[illegible]ъ нунь во Кіевъ градъ.»

Князь да со княгиною
А скорешенько бѣжали да на ши́рокъ дворъ
Посмотрѣть да было Со́ловья Рахматова.
Выбѣгали тутъ на широкъ дворъ
Къ тому Со́ловью Рахматову,
А й къ Рахматову разбойнику:
— Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
— Засвищи по соловьиному,
— Закрычи-тко по звѣриному!—
Отвѣчае имъ же Со́ловей:
«Не у васъ я хлѣба кушаю,
«А не васъ я хо́чу слушати.»
А й выходитъ тутъ Илья да сынъ Ивановичъ;
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты Илья да сынъ Ивановичъ!
— За́ставь Со́ловья да за́свистать,
— Засвистать по соловьиному,
— Закрычать да по звѣриному.—
Говорилъ Илья Ивановичъ:
«Ахъ ты Со́ловей Рахматовичъ,
«Засвищи-ко ты полу́-свистомъ,
«Закрычи-ко нунь полу́-крыкомъ!»
Со́ловей Рахматовичъ,
А Рахматовичъ разбойничекъ,
Засвисталъ-то онъ во весь же свистъ,
Закрычалъ-то онъ во весь тутъ крыкъ.
Князь да со княгиною
Пали оны, о́мерли.
Какъ Илья же сынъ Ивановичъ
Какъ подскочитъ онъ ко Со́ловью,
Къ Со́ловью Рахматову
А къ Рахматову разбойнику,
Какъ отде́рнетъ да отъ стремены,
Какъ ударитъ о кирпиченъ мостъ,—
Повернулись тутъ глаза-ты вонъ косицамы,
На четыре части голова тутъ лопнула;
А ростряся князя съ княгиною,
Что ли солнышка Владиміра
А и князя стольнё-кіевска.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-Кіевской:
— Благодарствуешь Илья да сынъ Ивановичъ,
— Збавилъ насъ отъ смерти отъ напрасныя!
— Нареку тебѣ я имя да по новому:
— Быдь-ко ты казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
— А живи-тко ты у насъ во Кіеви,
— А отнынѣ ты живи вѣкъ по́ вѣку!—

Записано тамъ же, 24 іюля.

—

4.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Ай татаринъ да поганыи,
Чтоль Идолищо великое,
Набралъ силы онъ татарскіи,
Набралъ силы много тысящей,
Онъ поѣхалъ нунь татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
А й ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ да поганыи,
А Идолищо великое,
А великое да страшное,
Ставитъ силушку вкругъ Кіева,
Ставитъ силушку на много вёрстъ,
Самъ поѣхалъ онъ къ Владиміру.
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарина да онъ было поганаго,
Что ль Идолища да онъ было великаго.
Не случилоси да у Владиміра
Дома руськіихъ могучіихъ бога́тырей,—
Уѣхали богатыри въ чисто поле,
Во чисто́ поле уѣхали поляковать:
А й ни стараго каза́ка Ильи Муромца,
А й ни мо́лода Добрынюшки Никитича,
Ни Михайлы было По́тыка Иванова.
Былъ одинъ Алешенька Левонтьевичъ,
Хоть бы смѣлыи Алешка — не удалыи.
А не смѣлъ же ѣхать въ супротивности
А проти́въ было поганаго татарина
А проти́въ того Идолища великаго.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Что ль татарину да кланялся,
Звалъ онъ тутъ въ великое гостебищо,
На свое было велико пированьицо
Во свои было палаты бѣлокаменны.
Тутъ же ѣздитъ Илья Муромецъ да у Царя-града,
Онъ незгодушку про Кіевъ да провѣдаетъ.
Какъ приправитъ Илья Муромецъ да коня добраго,
Отъ Царя-града приправитъ же до Кіева,
Тутъ поѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто поле
А подъ тую было силу подъ татарскую.
Попадаетъ ему старецъ перегримищо,
Перегримищо да тутъ могучіи Иванищо;
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ты Иванищо да е могучіи!
«Не очистишь что же нуньчу града Кіева,

«Ты не у́бьешь нунь поганыихъ татаровей?»
Говорилъ ему Иванищо могучее:
— Тамъ татаринъ е вели́кіи,
— А великіи Идолищо да страшныи,
— Онъ но́ кулю да хлѣба къ выти ѣстъ,
— По ведру вина да онъ на разъ-то пьетъ,
— Такъ не смію я итти туды къ татарину. —
Говоритъ ему казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ти Иванищо могучее!
«Дай-ко мнѣ-ка платьицевъ нунь старческихъ
«Да лаптёвъ же мнѣ-ка нуньчу старческихъ,
«Своей шляпы нунь же мнѣ-ка-ва да старческой,
«Да й клюки же мнѣ-ка сорока пудовъ, —
«Не узналъ бы нунь татаринъ да поганыи,
«Что меня же нунь каза́ка Ильи Муромца,
«А Ильи сына̀ Иванова.»
— А не далъ бы я ти платьицевъ да старческихъ,
— А не сміюнé дать платьицевъ тутъ старческихъ:
— Съ чести ти не дать, такъ во́зьмешь нé съ чести,
— Не съ чести возьмéшь, ужъ мнѣ-ка бокъ набьешь!
Отдавае ему платьица-ты старчески,
Лапти тутъ давае онъ же старчески,
Шляпу онъ давае тутъ же старческу,
А клюху-ту онъ давае сорока пудовъ.
Принимастъ тутъ же платья богатырскіи
А садился на копя да богатырскаго,
Онъ поѣхалъ Ильей Муромцомъ.
А идетъ тутъ Илья Муромецъ,
Что идетъ же къ солнышку Владиміру,
Что идетъ Иванищо могучее
Въ платьяхъ тутъ же старческихъ,
Онъ идетъ мимо̀ палаты бѣлокаменны
Мимо ты косевчаты окошечка,
Гди сидитъ было Идолищо поганое,
Гди татаринъ да невѣрныи.
А взглянулъ было татаринъ во окошечко,
Самъ татаринъ испрого́воритъ,
Говоритъ же тутъ татаринъ да поганыи:
— А по платьицамъ да иде старчищо,
— По походочкѣ такъ Илья Муромецъ. —
Онъ приходитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
А въ тыи въ полаты бѣлокаменны
И во тыхъ было во платьяхъ да во старческихъ
Того старца перегримища,
Перегримища да тутъ Иванища.
Говоритъ же тутъ Идолищо поганое:
— Ай же старчищо да перегримищо!
— А й великъ у васъ казакъ да Илья Муромецъ?
Отвѣчае ему старецъ перегримищо:
«Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
«Ужъ онъ толь великъ какъ я же есть.»
— А по многу ли вашъ ѣстъ да Илья Муромецъ?—
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Не по многу ѣстъ казакъ да Илья Муромецъ:
«По три онъ калачика крупивчатыхъ.»
—Онъ по многу же ли къ выти да вина-то пьетъ?—
Отвѣчае ёму старецъ перегримищо:
«Онъ одинъ же пьетъ да нунь стаканецъ ли.»
Отвѣчаетъ тутъ Идолищо поганое:
— Это что же есть да нуньчу за бога́тырь ли!
— Какъ нашіи татарскіи бога́тыри
— По кулю да хлѣба къ выти кушаютъ,
— На разъ же по ведру вина да выпьютъ ли.—
Отвѣчаетъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Какъ у нашего попа да у Левонтья у Ростовскаго
«Какъ бывала тутъ коровища обжорища,
«По ку́бочѣ *) соломы да на ра́зъ ѣла,
«По лохани да питья е да на ра́зъ пила,
«Ѣла, ѣла, пила, пила, сама лопнула!»
Тутъ Идолищу поганому не кажется, —
Какъ ухватитъ онъ ножищо да кинжалищо
Да какъ ма́хне онъ въ каза́ка Илью Муромца,
Во того было Илью Иванова.
А казакъ тотъ былъ на ножки еще по́вертокъ,
А на печку Илья Муромецъ выскакивалъ,
На́ лету онъ ножичокъ подхватывалъ,
А назадъ да къ нему носомъ поворачивалъ, —
Какъ подскочитъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ
Со своей было клюхою сорочинскою,
Какъ ударитъ онъ его да въ буйну голову, —
Отлетѣла голова да будто путвица.
А какъ выскочитъ онъ да на ши́рокъ дворъ,
Взялъ же онъ клюхой было помахивать
А поганыихъ татаровей охаживать,
А прибилъ же всихъ поганыихъ татаровей,
А очистилъ Илья Муромецъ да Кіевъ градъ,
Збавилъ онъ же солнышка Владиміра
Изъ того же было полону великаго.
Тутъ же Ильѣ Муромцу да-е славу́ поютъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

—

*) Кубоча — тукачъ или снопъ соломы.

5.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ *).

Добрынюшки-то матушка говаривала,
Никитичу-то родненька наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты походишь нунь гулять да е во Кіевъ градъ,
«Подь ты нунь гуляй да по всимъ уличкамъ,
«И по тымъ же ты по мелкимъ переулочкамъ,
«Только пé ходи ко сукиной Маринушки,
«Къ той Маринушки Кайдаловной,
«А Кайдальевной да королевичной,
«Въ тую ли во частую во уличку,
«Да во тотъ ли нунь во мелкій переулочекъ.
«Сука блядь Маринка та Кайдальевна,
«А Кайдальевна да королевична,
«Королевична да и волшебница,
«Она много нунь казнила да князей князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ богáтырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди.
«Зáйдешь ты, Добрынюшка Никитиничъ,
«Къ той же ко Маринушкѣ Кайдаловной,
«Тамъ тебѣ Добрынѣ живу нé бывать!»
Отправляется Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ ходить гулять по городу по Кіеву,
Да по тымъ же нунь по частыимъ по уличкамъ,
Тутъ по мелкіимъ Добрыня переулочкамъ,
Ходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
А не шолъ же онъ къ Маринушкѣ Кайдаловной.
Онъ увидѣлъ голуба да со голубушкой,
А сидитъ же голубъ со голубушкой
А во той же нунь Маришки во Кайдальевны
Въ ей же онъ сидитъ голýбъ вò улички,
Сидятъ что ли голубъ со голубкою
Что ли носъ съ носкомъ а ротъ съ роткомъ.
А Добрынюшкѣ Никитичу не кажется,
Что сидитъ же тутъ да голубъ со голубушкой
Носъ съ носкомъ да было ротъ съ роткомъ,
Онъ натягивалъ тетивочки шелкóвыи,
Онъ накладывалъ тутъ стрѣлочки калéныи,
Онъ стрѣляетъ тутъ же въ голубà съ голубушкой.
Не попала тая стрѣлочка каленая
А й во гóлуба да со голубкою,
А летѣла тая стрѣлочка прямо во высóкъ теремъ,
Въ то было окошечко косевчато
Къ сукѣ ко Маринушки Кайдальевной,
А й Кайдальевной да королевичной.
Тутъ скорешенько Добрыня шолъ да широкіимъ дворомъ,
Поскорѣе тутъ Добрыня по крылечику,
Вѣжливѣе же Добрыня по новымъ сѣнямъ,
А побасче тутъ Добрыня въ новой горенкѣ,
А беретъ же свою стрѣлочку каленую.
Говоритъ ему Маришка да Кайдальевна,
А й Кайдальевна да королевична:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлаемъ, Добрынюшка, со мной любовь.»
Отвѣчаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна!
— Я тебѣ-ка-ва не полюбовничокъ. —
Обвернулся тутъ Добрыня съ новой горницы
И выходитъ тутъ Добрынюшка на шíрокъ дворъ.
Тутъ скочила же Маринушка Кайдаловна,
Брала тутъ ножищо да кинжалищо,
А стругаетъ тутъ слѣдочки да Добрынины
Рыла *) тутъ во печку во муравлену
И сама же тутъ къ слѣдочкамъ приговариватъ:
«Горите вы слѣдочки да Добрынины
«Во тóй было во печки во муравленой,
«Гори-тко во Добрынюшки по мнѣ душа!»
Воротился тутъ Добрыня съ широка двора,
А приходитъ ко Маринѣ ко Кайдальевной,
А й къ Кайдальевной да королевичной:
— Ахъ ты душенька Маринушка Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Ужъ ты сдѣлаемъ Маринушка со мной любовь,
— Ахъ ты съ душенькой съ Добрынюшкой Никитичемъ. —
«Ахъ ты мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Что же надо мной да надсмѣхаешься?
«Дáвень тебя звала въ полюбовнички,—
«Ты въ меня топерь **) Добрыня не влюблялся ли;
«Нунечу зовешь да въ полюбовницы!»
Воротила тутъ она было богáтыря
Тымъ было турòмъ да златорогіимъ,
А спустила тутъ богáтыря въ чистó поле;
А пошолъ же тутъ богáтырь по чистý полю,
А пошолъ же онъ турòмъ да златорогіимъ.
Увидае онъ тутъ стадо да гусиноё
Той же онъ Авдотьи онъ Ивановны
А желанной онъ своей да было тётушки,—
Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,

**) Калининъ пѣлъ подъ-рядъ всю былину о Добрынѣ Никитичѣ, какъ одно цѣлое, но говорилъ, что она обыкновенно поется въ трехъ частяхъ, которыя составляютъ каждая отдѣльную былину.

*) т. е. бросала.
**) т. е. въ то время.

Не оставилъ онъ гусеныша на си́мена.
Тутъ приходя пастухи было гусиныи
А приходя пастухи да жало́бу́ творятъ:
«Ахъ ты мо́лода Авдотья да Ивановна!
«А приходитъ къ намъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ гусей да до единаго,
«Не оставилъ намъ гусеныша на си́мена.»
Приходилъ же къ стаду къ лебединому,
Притопталъ же лебедей всихъ до единоё,
Не оставилъ онъ лебёдушки на си́мена.
Не поспѣли пастухи да взадъ сойти,
А приходятъ пастухи да лебединыи,
Тыи жъ пастухи да жалобу́ творятъ:
«Мо́лода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же лебедей всихъ до единоё,
«Не оставилъ онъ лебёдушки на си́мена.»
Онъ приходитъ туръ во стадо во овечьеё,
Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единою,
Не оставилъ онъ овечки имъ на си́мена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи было овечьіи:
«Молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ къ намъ туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ овецъ да до единоё,
«Не оставилъ онъ овечки намъ на си́мена.»
Шолъ же туръ да златорогіи
А во то было во стадо во скотинное,
Ко тому было ко ско́ту ко рогатому,
Притопталъ же всихъ коровъ да до единою,
Не оставилъ имъ коровушки на си́мена.
Не поспѣли пастухи да тыи взадъ сойти,
А приходя пастухи же къ ей коровьіи,
Тыи пастухи да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты молода Авдотья да Ивановна!
«Приходилъ ко стаду ко скотинному
«Приходилъ же туръ да златорогіи,
«Притопталъ же всѣхъ коровъ да до единою,
«Не оставилъ намъ коровушки на си́мена.»
Говорила тутъ Авдотья да Ивановна:
— А не быть же нунь туру́ да златорогому,
— Быть же нунь любимому племяннику,
— Мо́лоду Добрынюшки Никитичу.
— Онъ обвернутъ у Маришки у Кайдальевной
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— А повернутъ онъ туромъ да златорогінмъ.—
Находилъ же стадо онъ кониное
Тотъ же туръ да златорогіи,
Разгонялъ же всихъ коней да по чисту́ полю,
Не оставилъ имъ лошадушки на си́мена.
А й приходятъ пастухи да къ ей конины,
Сами пастухи да жалобу́ творятъ:
«Молода Авдотья ты Ивановна!
«Приходилъ же къ намъ тутъ туръ да златорогіи,
«Разгонялъ же всихъ коней да по чисту полю,
«Не оставилъ намъ лошадушки на си́мена».
Молода Авдотья да Ивановна
Повернулась тутъ она было сорокою,
А летѣла къ сукѣ ко Маринушкѣ Кайдальевной,
А садилась на окошечко косевчато.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Стала тутъ сорока выговаривать:
— Ахъ ты сука нунь Маринушка Кайдальевна,
— Ай Кайдальевна да королевична!
— А зачѣмъ же по́вернула ты Добрынюшку,
— А Добрынюшку да ты Никитича,
— Тымъ же нунь турòмъ да златорогінмъ,
— А спустила тутъ Добрыню во чисто́ поле?
— Отврати-тко ты Добрынюшку Никитича
— Отъ того же нунь турà да златорогаго:
— Не отворотишь ты Добрынюшки Никитича
— Отъ того же отъ тура да златорогаго, —
— Оверну тебя, Маринушка, сорокою,
— Я спущу тебя, Маришка, во чисто полё, —
— Вѣкъ же ты летай да тамъ сорокою!—
Обвернулась тутъ Маришка да сорокою,
А летѣла тутъ сорока во чисто́ поле,
А садиласи къ туру да на злати рога.
Стала тутъ сорока выщекатывать,
Взя́ла тутъ сорока выговаривать:
«Ай же туръ да златорогіи,
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Сдѣлай съ нами заповѣдь великую
«А принять со мной съ Маришкой по злату вѣнцу,—
«Отврачу я отъ турà тя златорогаго».
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты душенька Маринуша Кайдальевна,
— А й Кайдальевна да королевична!
— Отврати-тко отъ турà да златорогаго,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой, Марина, по злату вѣнцу.
Отвернула отъ турà да златорогаго
Мо́лода Добрынюшку Никитича.
Приходили тутъ ко городу ко Кіеву
Къ ласковому князю ко Владиміру,
Принялъ со Мариной по злату вѣнцу.
А проводитъ онъ свою да было свадебку,
Отправляется во ложни да во теплыи
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Самъ же онъ служаночкамъ наказываетъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Попрошу у васъ же чару зелена́ вина,

— Вы попрежде мни подайте саблю вострую. —
Шолъ же онъ во ложни да во теплыи;
Обернула тутъ его да горносталущкомъ,
Взяла горносталина попуживать,
Взяла горносталина покышкивать,
Приломалъ же горносталь да свои нёкти прочь.
Обернула тутъ она его соколикомъ,
Взяла тутъ соколика попуживать,
Взяла тутъ соколика покышкиватъ,
Примахалъ соко́лъ да свои крыльица.
Тутъ смолился онъ Маринуши Кайдальевной,
Ай Кайдальевной да королевичной:
— Не могу летать я нунечку соколикомъ,
— Примахалъ свои я нуньчу крыльица,
— Ты позволь-ко мнѣ-ка выпить чару зелена вина.
Молода Маришка да Кайдальевна,
Ай Кайдальевна да королевична,
Отвернула тутъ Добрыню добрымъ мо́лодцемъ;
А скрычалъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же слуги мои вѣрныи,
— Вы подайте-тко мнѣ чару зелена вина! —
Подавали ему тутъ слуги вѣрныи,
Поскорешенько тутъ подавали саблю вострую.
Нѐ пилъ онъ тутъ чары зелена вина,
Сма́хне онъ Добрыня саблей вострою
И отнесъ же онъ Маринѣ буйну голову,
А за ей было поступки неумильніи.
Поутру сходилъ во теплую свою да парну баенку,
Идутъ же было князи тутъ да бояра:
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Со своей да съ любимо́й семьей
«Съ той было Маринушкой Кайдальевной,
«А й Кайдальевной да королевичной!»
— А й же нунь вы князи еще бо́яра,
— Вси же вы Владиміровы дво́ряна!
— Я вечоръ же братци былъ жена́тъ нѐ хо́лостъ,
— А нынечу я сталъ братци холо́стъ нѐ жѐнатъ!
— Я отсѣкъ же нунь Маринѣ буйну голову
— За ейны было поступки неумильніи. —
«Благодарствуешь Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что отсѣкъ же ты Маринки буйну голову
«За ейны поступки неумильніи!
«Много тутъ казнила да народу она русьскаго,
«Много тутъ князей она князевичевъ,
«Много королей да королевичевъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырей,
«А безъ счету тутъ народушку да черняди!»

—

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
«Не топчи-тко тамъ ты малыихъ змiенышовъ,
«Не выручай же по́лону тамъ русьскаго,
«Не купись-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣки;
«Тая рѣка свирипая,
«Свирипая рѣка сама сердитая:
«Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
«Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
«Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
«Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью».
Мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Онъ не слушалъ да родители тутъ матушки
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной,
Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
То́пталъ онъ тутъ малыихъ змѣенышковъ,
Выручалъ тутъ полону да русьскаго.
Тутъ купался да Добрыня во Пучай-рѣки,
Самъ же тутъ Добрыня испроговорилъ:
— Матушка Добрынюшки говаривала,
— Родная Никитичу нака́зывала:
— «Ты не ѣзди-тко на гору сорочинскую,
— «Не топчи-тко тамъ ты малыихъ змiенышовъ,
— «Не купись Добрыня во Пучай-рѣки,
— «Тая рѣка свирипая,
— «Свирипая рѣка да е сердитая:
— «Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
— «Изъ-за дру́гоей же струйки искра сыплется,
— «Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
— «Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
— Эта матушка Пучай-рѣка
— Какъ ложинушка дождёвая. —
Не поспѣлъ тутъ жѐ Добрыня словця мо́лвити, —
Изъ-за первоя же струйки какъ огонь сѣчетъ,
Изъ-за другою же струйки искра сыплется,
Изъ-за третьеей же струйки дымъ столбомъ валитъ,
Дымъ столбомъ валитъ да самъ со пламенью.
Выходитъ тутъ змѣя было проклятая,
О двѣнадцати змѣя было о хоботахъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Захочу я нынь Добрынюшку цѣло́ сожру,
«Захочу Добрыню въ хобота возьму,
«Захочу Добрынюшку въ полонъ снесу».
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай же ты змѣя было проклятая!
— Ты поспѣла бы Добрынюшку да за́хватить,
— Въ ты пору Добрынюшкой похвастати, —
— А нуньчу Добрыня не въ твоихъ рукахъ.
Ны́рнетъ тутъ Добрынюшка у бережка,
Вынырнулъ Добрынюшка на дру́гоёмъ, —

Нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
Нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться.
Самъ же тутъ Добрыня пріужа́хнется,
Самъ Добрыня испрого́воритъ:
— Видно нонечу Добрынюшкѣ кончинушка! —
Лежитъ тутъ колпакъ да земли греческой,
А вѣсу-то колпакъ буде трехъ пудовъ.
Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ,
Сбился на змѣю да онъ съ колѣнками,
Выхватилъ ножищо да кинжалищо,
Хоче онъ змѣю было поросшастать.
Змѣя ему да тутъ смолиласи:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Быдь-ка ты Добрынюшка да большій братъ,
«Я теби да сёстра меньшая.
«Сдѣламъ мы же заповѣдъ великую:
«Тебѣ-ка-ва не ѣздить нинь на гору сорочинскую,
«Не топтать же здѣ-ка маленькихъ зміёнышковъ,
«Не выру́чать по́лону да русьскаго;
«А я теби сестра да буду меньшая, —
«Мнѣ-ка не летать да на святую Русь,
«А не брать же больше по́лону да русьскаго,
«Не носить же мнѣ народу христіаньскаго».
Отслабилъ онъ колѣнъ да богатырскіихъ.
Змѣя была да тутъ лукавая, —
Сподъ колѣнъ да тутъ змѣя свернуласи,
Улетѣла тутъ змѣя да во кувыль-траву.
И мо́лодый Добрыня сынъ Никитиничъ
Пошолъ же онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Къ своей тутъ къ родители ко матушки,
Къ честной вдовы Офимьѣ Олександровной.
И самъ Добрыня порасхвастался:
— Какъ нѣту у Добрыни ко́ня добраго,
— Какъ нѣту у Добрыни ко́пья востраго,
— Не на комъ поѣхать нынь Добрынѣ во чисто поле! —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Какъ солнышко у насъ идетъ на вечерѣ,
«Почестный пиръ идетъ у насъ на весели,
«А мнѣ-ка-ва Владиміру не весело.
«Одна у мня любимая племянничка,
«И мо́лода Забава дочь Потятична;
«Летѣла тутъ змѣя у насъ проклятая,
«Летѣла же змѣя да черезъ Кіевъ градъ;
«Ходила нунь Забава дочь Потятична
«Она съ мамкамы да съ нянькамы
«Въ зеленомъ саду гулятиться.
«Подпада́ла тутъ змѣя было проклятая
«Ко той матушки да ко сырой земли,
«Ухватила тутъ Забаву дочь Потятичну
«Въ зеленомъ саду да ю гуляючи
«Во свои было во хобота змѣиныи,
«Унесла она въ пещерушку змѣиную».
Сидятъ же тутъ два русьскіихъ могучіихъ богатыря:
Сидитъ же тутъ Алешенька Левонтьевичъ,
Во дру́гіихъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Вы русьскіи могучіи богатыри,
«Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
«Можь ли ты достать у насъ Забаву дочь Потятичну,
«Изъ той было пещеры изъ змѣиною?»
Испроговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ было на семъ свѣти,
— Я слыхалъ же отъ Добрынюшки Никитича:
— Добрынюшка змѣй было крестовый братъ.
— Отдастъ же тутъ змѣя проклятая
— Мо́лоду Добрынюшки Никитичу
— Безъ бою безъ драки кроволитія
— Тую же нунь Забаву дочь Потятичну. —
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты достань-ко нунь Забаву дочь Потятичну
«Да изъ той было пещерушки змѣиною.
«Не достанешь ты Забавы дочь Потятичной,
«Прикажу теби Добрыня голову́ рубить».
Повѣсилъ тутъ Добрыня буйну голову,
Утопилъ же очи ясныи
А во тотъ ли во кирпиченъ мостъ,
Ничего ему Добрыня не отвѣтствуетъ.
Ставаетъ тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
Отдастъ ему великое почтеніё
Ему нунь за весело пированіё.
И пошолъ же ко родители ко матушкѣ
И къ честной вдовы Офимьи Олександровной.
Тутъ стрѣтаетъ его да родитель матушка,
Сама же тутъ Добрынѣ испроговоритъ:
«Что же ты рожоноё не весело,
«Буйну голову ро́жоноё повѣсило?
«Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Али ѣствы-ты были не по́ уму?
«Али питьица-ты были не по разуму?
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобою надсмѣялся ли?
«Али пьяница ли тамъ тебя пріо́бозвалъ?
«Али чарою тебя да тамъ пріо́бнесли?»
Говорилъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Говорилъ же онъ родители тутъ матушкѣ
А честной вдовы Офимьи Олександровной:

— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Ѣствы-ты же были мнѣ-ка пó уму
— А и питьица-ты были мнѣ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріóбнесли
— А дуракъ-тотъ надо мною не смѣялся же
— А и пьяница меня да не пріóбозвалъ;
— А накинулъ на насъ службу да великую
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
— А достать было Забаву дочь Потятичну
— А изъ той было пещеры изъ змѣиною,—
— А нунь нѣту у Добрыни кóня добраго
— А нунь нѣту у Добрыни кóпья востраго,
— Не съ чѣмъ мни поѣхати на гору сорочинскую
— Къ той было змѣи нынь ко проклятою. —
Говорила тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«А рожоное моё ты нынь же дитятко,
«Молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«Богу ты молись да спать ложись,
«Буде утро мудро мудренѣе буде вечера —
«День у насъ же буде тамъ прибыточёнъ.
«Ты поди-ко на конюшню на стоялую,
«Ты бери коня съ конюшенки стоялыя,—
«Батюшковъ же конь стоитъ да дѣдушковъ,
«А стоитъ буркó пятнадцать лѣтъ,
«По колѣнъ въ наземъ же ноги призарóщены,
«Дверь по поясу въ паземъ зарóщена.»
Приходитъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А ко той ли ко конюшенькѣ стоялыя,
Повыдернулъ же дверь онъ вонъ ѝзъ назму,
Конь же ноги ѝзъ назму да вонъ выдéргиватъ,
А беретъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Беретъ Добрынюшка добрá коня
На ту же на узду да на тесмяную,
Выводитъ изъ конюшенки стоялыи,
Кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма.
Ложился тутъ Добрыня на велѝкъ одёръ.
Ставае онъ по утрушку ранехонько,
Умывается онъ да и бѣлехонько,
Сваряжается да хорошохонько,
А сѣдлае своего да онъ добрá коня,
Кладывáе онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
И садился тутъ Добрыня на добра коня.
Провожаетъ тутъ родитель его матушка
А честна вдова Офимья Олександровна,
На поѣздѣ ему плёточку нунь подала,
Подала тутъ плётку шамахинскую
А семи шелковъ да было разныхъ,
А Добрынюшкѣ она было наказыватъ:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Вотъ теби да плетка шамахинская:
«Съѣдешь ты на гору сорочинскую,
«Станешь тóптать маленькихъ зміенышовъ,
«Выручать тутъ полону да русьскаго,
«Да не станетъ твой же бурушко поскакивать
«А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать,—
«Ты хлыщи бурка да нунь промéжъ уши,
«Ты промéжъ ушѝ хлыщи да ты промéжъ ноги,
«Ты промéжъ ногѝ да прóмежъ задніи,
«Самъ бурку да приговаривай:
««Бурушка ты нунь поскакивай,
««А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!»»
Тутъ простиласи да воротиласи.
Видли тутъ Добрынюшку да сядучи,
А не видли тутъ удáлаго поѣдучи.
Не дорожками поѣхалъ не воротами,
Черезъ ту стѣну̀ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Онъ на тую гору сорочинскую.
Сталъ топтать да маленькихъ зміенышовъ,
Выручать да полону нунь русьскаго.
Подточили тутъ змiёныши бурку да щоточки,
А не сталъ же его бурушко поскакивать.
На кони же тутъ Добрыня пріужáхнется, —
Нунечку Добрынюшки кончинушка!
Спомнилъ онъ наказъ да было матушкинъ,
Сунулъ онъ же руку во глубокъ карманъ,
Выдернулъ же плётку шамахинскую
А семи шелковъ да шамахинскіихъ,
Сталъ хлыстать бурка да онъ промéжъ уши,
Промéжъ ушѝ да онъ промéжъ ноги,
А промéжъ ногѝ да прóмежъ задніи,
Самъ бурку да приговариватъ:
— Ахъ ты бурушко, да нунь поскакивай,
— А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивай!
Сталъ же ёго бурушко поскакивать
А зміенышовъ отъ ногъ да прочь отряхивать,
Притопталъ же всихъ онъ маленькихъ зміенышковъ,
Выручалъ онъ полону да русьскаго.
И выходитъ тутъ змѣя было проклятая
Да изъ той было пещеры изъ змѣиною
И сама же тутъ Добрыни испроговоритъ:
«Ахъ ты душенька Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты порушилъ свою заповѣдь великую,
«Ты пріѣхалъ нунь на гору сорочинскую
«А топтать же мóихъ маленькихъ зміенышовъ.»
Говоритъ же тутъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты змія проклятая!
— Я ли нунь порушилъ свою заповѣдь,

— Али ты змѣя проклятая порушила?
— Ты зачимъ летѣла черезъ Кіевъ градъ,
— Унесла у насъ Забаву дочь Потятичну?
— Ты отдай-ка мнѣ Забаву дочь Потятичну
— Безъ бою безъ драки кроволитія.—
Не отдавала она безъ бою безъ драки кроволитія,
Заводила она бой драку великую
Да большое тутъ съ Добрыней кроволитіё.
Бился тутъ Добрыня со змѣёй трои сутки
А не може онъ побить змѣи проклятою.
Наконець хотѣлъ Добрынюшка отъѣхати, —
Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бился со змѣёй ты да трои сутки,
«А побейся-ко съ змѣёй да еще три часу».
Тутъ побился онъ Добрыня еще три часу,
А побилъ змѣю да онъ проклятую.
Попустила кровь свою змѣиную,
Отъ востока кровь она да внизъ да запада,
А не прижре матушка да тутъ сыра земля
Этой крови да змѣиною.
А стоитъ же тутъ Добрыня во крови трои сутки,
На кони сидитъ Добрыня — пріужахнется,
Хочетъ тутъ Добрыня прочь отъѣхати.
Зъ-за небесей Добрынѣ снова гласъ гласитъ:
«Ай ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Бей-ко ты копьемъ да бурзамецкіимъ
«Да во ту же матушку сыру землю,
«Самъ къ земли да приговаривай.»
Сталъ же бить да во сыру землю,
Самъ къ земли да приговаривать:
— Розступись-ко ты же матушка сыра земля
— На четыре на вси стороны,
— Ты прижри-ко эту кровь да всю змѣиную! —
Розступилась было матушка сыра земля
На всихъ на четыре да на стороны,
Прижрала да кровь въ себя змѣиную.
Опускается Добрынюшка съ добра коня
И пошолъ же по пещерамъ по змѣиныимъ,
Изъ тыи же изъ пещеры изъ змѣиною
Сталъ же выводить да полону онъ русьскаго,
Много вывелъ онъ было князей князевичевъ,
Много королей да королевичевъ,
Много онъ дѣвицъ да королевичныхъ,
Много пунь дѣвицъ да и князевичныхъ
А изъ той было пещеры изъ змѣиною, —
А не може онъ найти Забавы дочь Потятичной.
Много онъ прошолъ пещеръ змѣиныихъ
И заходитъ онъ въ пещеру во послѣднюю,
Онъ нашолъ же тамъ Забаву дочь Потятичну
Въ той послѣдней пещеры во змѣиною.
А выводитъ онъ Забаву дочь Потятичну
А изъ той было пещерушки змѣиною,
Да выводитъ онъ Забавушку на бѣлый свѣтъ,
Говоритъ же королямъ да королевичамъ,
Говоритъ князямъ да онъ князевичамъ
И дѣвицамъ королевичнымъ
И дѣвицамъ онъ да нунь князевичнымъ:
— Кто откуль вы да унесены,
— Всякъ ступайте въ свою сторону
— А сбирайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
— И не тропе васъ змѣя болѣ проклятая.
— А убита е змѣя да та проклятая
— А пропущена да кровь она змѣиная
— Отъ востока кровь да внизъ до запада,
— Не унесетъ нунь болѣ полону да русьскаго
— И народу христіаньскаго.
— А убита е змѣя да у Добрынюшки
— И приконьчена да жизнь нуньчу змѣиная. —
А садился тутъ Добрыня на добра коня,
Бралъ же онъ Забаву дочь Потятичну
А садилъ же онъ Забаву на право стегно
А поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.
Испрогоборитъ Забава дочь Потятична:
«За твою было великую за выслугу
«Назвала тебя бы я нунь батюшкомъ, —
«И назвать тебя Добрыня нуньчу не можно !
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нунь братцемъ да родимымъ,—
«А назвать тебя Добрыня нуньчу не можно!
«За твою великую за выслугу
«Я бы назвала нынь другомъ да любимымъ, —
«Въ насъ же вы Добрынюшка не влюбитесь!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
Молодой Забавы дочь Потятичной:
— Ахъ ты молода Забава дочь Потятична!
— Вы есть нуньчу роду княженецкаго,
— Я есть роду христіаньскаго:
— Насъ нельзя назвать же другомъ да любимымъ.
А везетъ же онъ Добрыня по чисту полю,
Онъ наѣхалъ во чистомъ поли да ископыть,
Ископыть да лошадиную,
А какъ стульями земля да проворочена.
Тутъ поѣхалъ нунь Добрыня сынъ Никитиничъ
Той же ископытью лошадиною,
Онъ увидѣлъ тутъ Алешеньку Левонтьева:
— Ай же ты Алешенька Левонтьевичъ!
— Ты прими отъ насъ Забаву дочь Потятичну.
— Везъ же я Забаву да во честности,
— Да отъ насъ прими Олешенька во честности,
— Не стыди-тко ей да личка бѣлаго, —
— Ты пристыдишь ей да личко бѣлое,

— Мнѣ-ка-ва она да тутъ пожалится,
— Я те завтра тутъ Олешка голову́ срублю!
— А свези-ко ты къ Владиміру во честности,
— Къ солнышку ко князю стольнё-кіевску. —
Отправляетъ тутъ Забаву дочь Потятичну
Съ тымъ было Олешенькой Левонтьевымъ,
Самъ поѣхалъ ископытью лошадиною.
Наѣзжае онъ бога́тыря въ чисто́мъ поли, —
А сидитъ богатырь на добро́мъ кони,
А сидитъ богатырь въ платьяхъ женскіихъ.
Говоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Е же не бога́тырь на добро́мъ кони,
— Есть же поляница знать удалая
— А кака́ ни тутъ дѣвица либо женщина! —
И поѣхалъ тутъ Добрыня на бога́тыря,
Онъ ударилъ поляницу въ буйну голову.
А сидитъ же поляница — не своро́хнется
А назадъ тутъ поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня — пріужа́хнется,
Отъѣзжае прочь Добрыня отъ бога́тыря
А отъ той же поляницы отъ удалыя:
— Видно смѣлостью Добрынюшкѣ по старому,
— Видно сила у Добрыни не по прежному! —
А стоитъ же во чистомъ поли да сы́рой дубъ
Да въ обнёмъ же онъ стоитъ да человѣческій.
Наѣзжаетъ же Добрынюшка на сы́рой дубъ
А попробывать да силы богатырскіи.
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сы́рой дубъ,
Онъ росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня — пріужа́хнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Разъѣзжается Добрыня сынъ Никитиничъ
На своёмъ же тутъ Добрыня на добромъ кони
А на ту же поляницу на удалую,
Чёсне поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница — не своро́хнется
И назадъ же поляница не оглянется.
На кони сидитъ Добрыня — самъ ужа́хнется:
— Смѣлость у Добрынюшки по прежному,
— Видно сила у Добрыни не по старому!
— Со змѣёю же Добрыня нынь повыбился! —
Отъѣзжае прочь отъ поляницы отъ удалыи,
стоитъ тутъ во чистомъ поли да сы́рой дубъ,
лъ стоитъ да въ два обнёма человѣческихъ.
Наѣзжаетъ тутъ Добрынюшка на сырой дубъ,
Какъ ударитъ тутъ Добрынюшка во сырой дубъ,
А росшибъ же дубъ да весь по ластиньямъ.
На кони сидитъ Добрыня — пріужа́хнется:
— Видно сила у Добрынюшки по старому,
— Видно смѣлость у Добрыни не по прежному!
Розгорѣлся тутъ Добрыня на добри́ кони
И наѣхалъ тутъ Добрынюшка да въ третій разъ
А на ту же поляницу на удалую,
Да ударитъ поляницу въ буйну голову.
На кони сидитъ же поляница, сворохнуласе
И назадъ же поляница оглянуласе,
Говоритъ же поляница да удалая:
«Думала же, русскіи комарики покусываютъ, —
«Ажно русскіи бога́тыри пощалкиваютъ!»
Ухватила тутъ Добрыню за желты́ кудри,
Сдернула Добрынюшку съ коня долой
А спустила тутъ Добрыню во глубокъ мѣшокъ,
А во тотъ мѣшокъ да тутъ во кожаной.
А повезъ же ейный было добрый конь,
А повезъ же онъ да по чисту полю,
Испровѣщится же ейный добрый конь:
— Ай же поляница ты уда́лая,
— Молода́ Настасья дочь Никулична!
— Не могу везти да двухъ бога́тырей:
— Силою бога́тырь супротивъ тебя,
— Смѣлостью бога́тырь да вдвоёмъ тебя. —
Молода Настасья дочь Никулична
Здымала тутъ бога́тыря съ мѣшка да вонъ же съ кожаньца,
Сама къ бога́тырю да испрого́воритъ:
«Старыи бога́тырь да матёрыи —
«Назову я нунь себѣ-ка-ва да батюшкой;
«Ежели бога́тырь да моло́дыи,
«Ежели бога́тырь намъ прилюбится,
«Назову я се́бѣ другомъ да любимымъ;
«Ежели богатырь не прилюбится, —
«На долонь кладу, другой прижму
«И въ овсяный блинъ да ёго сдѣлаю».
Увидала тутъ Добрынюшку Никитича:
«Здравствуй душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты поляница да удалая!
— Что же ты меня да нуньчу знаешь ли?
— Я тобя да нунь не знаю ли. —
«А бывала я во городи во Кіеви,
«Я видала тя Добрынюшку Никитича,
«А тебѣ же меня нуньчу негдѣ знать.
«Я того же короля дочь ляховицкаго,
«Молода Настасья дочь Никулична,
«А поѣхала въ чисто́ поле поляковать
«А искать же я собѣ-ка супротивничка.
«Во́зьмешь ли Добрыня во замужество, —
«Я спущу тебя Добрынюшка во живности,
«Сдѣлай со мной заповѣдь великую.
«А не сдѣлаешь ты заповѣди да великія, —

«На долонь кладу, другой сверху́ прижму,
«Сдѣлаю тебя я да въ овсяный блинъ».
— Ахъ ты молода Настасья дочь Никулична!
— Ты спусти меня во живности,
— Сдѣлаю я заповѣдь великую,
— Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу.
Сдѣлали тутъ заповѣдь великую.
Нунь поѣхали ко городу ко Кіеву
Да ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаютъ тутъ ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
А къ своей было къ родители ко матушки
А къ честнòй вдовы Офимьи Олександровной,
А стрѣтаетъ тутъ родитель е́го матушка
А честнà вдова Офимья Олександровна,
И сама же у Добрынюшки да спра́шиватъ:
«Ты кого привезъ, Добрыня сынъ Никитиничъ?»
— Ай честна вдова Офимья Олександровна,
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
— Я привезъ себѣ-ка супротивную,
— Молоду Настасью дочь Никуличну,
— А принять же съ ей съ Настасьей по злату вѣнцу.—
Отправлялись же ко ласковому князю ко Владиміру
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крестъ-то клалъ да по писа́ному,
Бьетъ челомъ Добрыня поклапяется
Да на всихъ же на четыре онъ на стороны,
Князю со княгинушкой въ особину:
— Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской! —
«Здравствуешь, Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты кого привезъ, Добрынюшка Никитиничъ?»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я привезъ же нынь себѣ-ка супротивную,
— А принять же намъ съ Настасьей по злату вѣнцу.—
Сдѣлали объ ихъ же публикацію,
Провели же ю да въ вѣрушку крещоную,
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же онъ съ Настасьей вѣкъ коро́тати.

—

Добрынюшка-тотъ матушкѣ говаривалъ,
А Никитиничъ-тотъ ро́дненькой наказывалъ:
— Ты зачѣмъ меня несчастнаго споро́дила!
— Спороди́ла бы, родитель моя матушка,
— Обвертѣла бы мою да буйну голову,
— Обвертѣла тонкимъ бѣленькимъ рукавчикомъ,
— А спустила бы во черное-то море во турецкое,—
— Я бы вѣкъ да тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
— Я отнынѣ бы Добрыня вѣкъ да по́ вѣку,
— Я не ѣздилъ бы Добрыня по святой Руси,
— Я не билъ бы нунь Добрыня безповинныхъ душъ,
— Не слезилъ бы я Добрыня отцей матерей,
— Не спускалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушокъ!—
Отвѣчала тутъ родитель ёму матушка
А честна вдова Офимья Олександровна:
«Я бы рада тя споро́дити
«А таланомъ-участью да въ Илью Муромца,
«Силою во Святогора нунь бога́тыря,
«Красотою было въ Осипа прекраснаго,
«Славою было въ Вольгу́ Всеславьева,
«А й богачествомъ въ купца Садка богатаго,
«А й богатаго купца да новгородскаго,
«А смѣлостью въ Олешку во Поповича,
«А походкою щаплывою
«Во того было Чурилушку Пленко́вича,—
«Только вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича:
«Тыи ста́тьи есть да дру́гихъ Богъ не далъ,
«Дру́гихъ Богъ теби не далъ да не пожаловалъ».
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ
На родитель свою матушку,
Да скорешенько Добрынюшка на дворъ-тотъ шолъ
А сѣдлаетъ тутъ Добрынюшка добра коня,
Кладыва́е онъ же потнички на потнички
Да на потнички онъ кла́де войлочки
А на войлочки черкальское сѣделышко,
А подтягиватъ двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ
А тринадцатый для-ради крѣпости,
Чтобы добрый конь изъ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
А у той ли у правыи у стре́мены
Провожала е́го тутъ родитель матушка,
А у той было у лѣвыи у стре́мены
Провожала-то его да любима́ семья,
Молода́ Настасья да Микулична,
А тутъ честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
А у той было у лѣвыи у стремены
Иде молода Настасья дочь Никулична,
Стала у Добрынюшки выспрашивать,
Она стала у Никитича вывѣдывать:
«Ахъ ты душенька Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты скажи-тко нунь, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А когда же ждать тя нуньчу со чиста́ поля
«А когда тя сожидаться въ сво́ю сторону?»
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты мо́лода Настасья дочь Никулична!

— Какъ ты стала у Добрынюшки выспрашивать,
— Стала у Никитича вывѣдывать,
— Я ти стану нунь высказывать:
— Жди-тко ты Добрынюшку по три́ годы,—
— Я по три годы не буду, жди по дру́го три,
— А какъ про́йде тому времени да шесть годовъ,
— Я не буту тутъ Добрыня изъ чиста поля,—
— Хоть вдовой живи да хоть заму́жъ поди,
— По́ди за́ князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Только не́ ходи за брата за названаго,
— За того было Олешеньку Поповича.—
Тутъ простиласи да воротиласи
А домой пошла, сама заплакала.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло-то тому времечки да три годы,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала ждать Добрынюшку по дру́го три.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А пришло-то тому времени да шесть годовъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Онъ привозитъ было вѣсточку нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
А честна̀ вдова Офимья Олександровна
Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ го́лоскомъ поваживать:
«А лежитъ въ чистомъ поли Добрынюшка убитыи!»
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди за́ князя хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могу́чаго бога́тыря.»
А побольше тутъ зовутъ-то за Олешеньку,
За того было Олешку за Поповича.
Не пошла она не за́ князя не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
Не за смѣлаго Олешку за Поповича:
«Справила я заповѣдь-то мужнюю,
«Справлю свою заповѣдь-то женьскую.»
Стала ждать Добрынюшку по дру́го шесть.
День-то за день будто дождь сѣкётъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростётъ,
Годъ-тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ же тутъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Пріѣзжаетъ тутъ Олешенька Левонтьевичъ,
Пріѣзжаетъ тутъ Олешка да во дру́гой разъ,
А привозитъ было вѣсточку въ дру́гой разъ,
Тую вѣсточку привозитъ да нерадостну:
А побитъ лежитъ Добрыня во чисто́мъ поли,
А плеча его да испрострѣляны,
Голова его да испроломана,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-тотъ захаживать
А Настасью-ту Никуличну засватывать:
«Поди хоть за́ князя, хоть за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря».
А побольше стали звать да за Олешеньку,
За того было Олешеньку Поповича.
Не пошла она не за́ князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
А пошла заму́жъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Что ли свадебка у нихъ была по третій день
А севодня-то итти да ко Божьёй церквы.
Ѣздитъ тутъ Добрыня у Царя-града.
Конь-то тутъ Добрынинъ подтыкается
А къ сырой земли да приклоняется:
— Ахъ ты волчья сыть, медвѣжья выть!
— Что же ты да нуньчу подтыкаешься?
— Надъ собой ли ты незгодушку-ту вѣдаешь,
— Надъ собой ли вѣдаешь, аль на́до мной,
— Надо мной Добрынюшкой Никитичомъ?—
Изъ небесъ было Добрынюшки да гласъ гласитъ:
«Ахъ ты мо́лодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А твоя-та любима́ семья за му́жъ пошла
«А за смѣлаго Олешку за Поповича,
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять-же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу.»
Розсердился тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
Какъ приправилъ ко́ня добраго
Отъ Царя-града на Кіевъ градъ,
Не дорожкамы поѣхалъ не воротамы,
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущалъ,
А ко Кіеву Добрынюшка прискакивалъ,
А пріѣхалъ онъ ко славному ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Черезъ ту стѣну наѣхалъ городовую,
Черезъ тую башню наугольную,
А къ тому было подворьицу вдовиному,
А къ честно̀й вдовы Офимьи Олександровной,
Со чиста̀ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
А не спрашивалъ у двѣрей онъ придверничковъ,
У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
Всихъ же прочь взашей да и отталкивать,

А бѣжитъ тутъ во полаты бѣлокаменны.
Вси придвернички да приворотнички
Вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«А честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чиста̀ поля наѣхалъ онъ скоры́мъ гоньцёмъ,
«Ко подворьицу онъ ѣхалъ ко вдовиному,
«Онъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Всихъ же насъ тутъ взáшей прочь отталкивалъ!»
А честна вдова Офимья Александровна
Она взя́ла по полатамъ-то похаживать,
Своимъ женскіимъ тутъ го́лоскомъ поважи́вать:
«А прошло-то времени двѣнадцать лѣтъ,
«Закатилось у меня да красно солнышко,
«Какъ уѣхалъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А уѣхалъ тутъ Добрыня да́лече дале́че во чисто́ поле, —
«А лежитъ же тутъ Добрыня во чисто́мъ поли,
«А плеча его да испростреляны,
«Голова его да испроломана,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ!
«А какъ нунечку было теперечку
«Закатается да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ!»
Испрого́воритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ай честна вдова Офимья Олександровна!
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ —
— А Добрыня-тотъ поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я-то нунь поѣхалъ да ко Кіеву —
— А не слу́читъ ли ти Богъ же быть во Кіеви,
— А велѣлъ спросить про мо́лоду Настасью про Микулычну,
— Про Добрынину да любиму́ семью. —
Испрого́воритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А какъ нунечу Добрынина да любима́ семья
«А какъ нунечу Настасья да заму́жъ пошла
«За того за смѣлаго Олешку за Поповича.
«Свадебка у нихъ было по третій день,
«А принять же имъ съ Олешкой по злату вѣнцу.»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка крестовый братъ,
— Мнѣ-ка-ва Добрынюшка наказывалъ:
— Слу́читъ Богъ же быть теби во Кіеви
— У того было подворьица вдовинаго,
— А велѣлъ же взять онъ платья скоморовскіи
— Въ новой горенки да тутъ на стопочки,
— А въ глубокіихъ своихъ во погребахъ
— Взять дубинку сорока пудовъ,
— А на свадебки меня бы не обидѣли,
— Да велѣлъ же взять гусёлышка яровчаты,
— Да во томъ же во глубокоемъ во погреби. —
А честна вдова Офимья Олександровна
Тутъ скорёшенько бѣжала въ нову горенку,
Притащила ёму платья скоморовскіи,
Отмыкала о́на по́греба глубокіи,
Подавала тутъ гусёлышка яровчаты,
Самъ же взялъ дубинку сорока пудовъ,
А пошолъ же скоморошиной на свадебку.
А приходитъ скоморошиной на свадебку
А й къ тому двору да княженецкому,
А не спрашиватъ у дверей да придверничковъ,
У воротъ не спрашиватъ да приворотничковъ,
Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ.
Вси придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Этотъ-то удалый добрый молодецъ
«Со чиста̀ поля онъ давень ѣхалъ да скоры́мъ гоньцёмъ
«Ко тому было подворью ко вдовиному,
«Тамъ не спрашивалъ у дверей да придверничковъ,
«У воротъ не спрашивалъ да приворотничковъ,
«Онъ всихъ взáшей прочь отталкивалъ;
«Нунь идетъ на княженецкій дворъ,
«Нунь идетъ да скоморошиной,
«А не спрашиватъ у дверей да придверничковъ,
«У воротъ насъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь насъ всихъ отталкиватъ.»
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удáла скоморошина!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ давень ко подворьицу,
«А къ тому подворьицу вдовиному,
«Тамъ не спрашивашь ты у дверей придверничковъ
«У воротъ не спрашивашь да приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивалъ?
«Нунь идешь на княженецкій дворъ
«И не спрашивашь ты у дверей придверничковъ,
«У воротъ-то нашихъ приворотничковъ,
«Взáшей прочь ты всихъ отталкивашь?»
Скоморошина тутъ въ рѣчи да не вчуется,
Скоморошина тутъ къ рѣчамъ да не примется,
Говоритъ же тутъ удáла скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Гдѣ-то наше мѣсто скоморовское? —
Отвѣчае князь Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ваше мѣсто скоморовское
«Что ль на печки да на зáпечки».
Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрёзговалъ
А скочилъ на печку на муравлену,
Заиграетъ тутъ въ гуселышка яровчаты

А на той было на печки на муравленой,
А играетъ-то Добрынюшка во Кіеви
А на вы́игрышъ беретъ да во Цари-гради,
А отъ стараго да всихъ до малаго
А повыигралъ поименно.
Вси же за столомъ да призадумались,
Вси же тутъ игры да призаслухались,
Вси же за столомъ да испрогóворятъ:
«А не быть же нунь удалой скоморошины,
«Быть же нунь дородню добру молодцу,
«Свято-русьскому могучему богáтырю!»
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина,
«А дородній добрый молодецъ!
«Опускайся-ко изъ печки да изъ зáпечка,
«Дамъ теби три мѣста три любимыихъ:
«Одно мѣсто нунь возли́ меня,
«Друго мѣсто супротивъ меня,
«Третье мѣсто куда самъ захошь.»
Говоритъ же тутъ удала скоморошина:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Дай-ко мнѣ-ка мѣсто на скамеечкѣ
— Супротивъ было княгинушки молóдыи,
— Молодóй Настасьи да Никуличной. —
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты удала скоморошина!
«Дано ти три мѣста три любимыихъ,—
«Куды знаешь ты туды садись,
«Что ты здумаешь такъ тó дѣлай,
«Что захочешь такъ ты тó твори!»
— А позволь-ко мнѣ, Владиміръ стольнё-кіевской,
— Налить чару зеленá вина. —
Наливае было чару зелена вина
А опустить въ чару свой злачéнъ перстень
А подноситъ онъ Настасьи да Никуличной,
Той княгинушки молóдыи:
— Ахъ ты мóлода Настасья дочь Никулична!
— Ужъ ты хошь добра—такъ нуньчу пьешь до дна,
— А не хошь добра—такъ ты не пьешь до дна.
Мóлода Настасья дочь Никулична
Взáла она чару единóй рукой,
Выпила ту чару едины́мъ духомъ,
Тутъ увидла въ чары свой злаченъ перстень,
Да которымъ съ Добрыней обручаласи,
Сама же óна князю поклониласи:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А не тотъ мой мужъ, который нунь возли́ меня,
«Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня.
«Тутъ пріѣхалъ нунь Добрыня въ свою сторону,
«Онъ напомнилъ тутъ Добрыня отца матушку,
«Отыскалъ Добрыня молоду жену».

Ай выходитъ зъ-за столовъ да вонъ зъ-за дýбовыхъ,
Пала тутъ Добрыни во рѣзви́ ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«А во той ви́ны прости меня во глупости,
«Что не по твойму́ наказу я нунь сдѣлала,
«А пошла за мýжъ за смѣлаго Олешку за Поповича,
«А во той вины прости меня во глупости!»
Говоритъ же тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я тутъ разуму да женскому:
— У ней волосъ дологъ ýмъ кóрóтóкъ, —
— А я дивую нунь же солнышку Владиміру
— Со своей было княгиною:
— Онъ же солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Онъ же былъ да сватомъ ли,
— А княгинушка да свахою,—
— Отъ живаго мужа жонушку за мýжъ берутъ,
просватаютъ! —
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпичень мостъ
Со своей было княгиною.
Тутъ выходитъ да Олешенька Левонтьевичъ
Зъ-за тыихъ столовъ да бѣлодýбовыхъ,
Палъ же тутъ Добрынѣ во рѣзви́ ноги:
«Ты прости, прости, Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Что я пóсидѣлъ возли́ твоей княгинушки молóдыи,
«Мóлодой Настасьи дочь Никуличной!»
— Ай же братецъ ты назваными,
— Ай Олешенька Левонтьевичъ!
— А во той-то ви́ны братецъ тебя Богъ проститъ,
— А во дрýгой вины братецъ тебя нé прощу:
— А зачѣмъ же пріѣзжалъ ты изъ чистá поля,
— Привозилъ же про насъ вѣсточку нерадостну,
— Что лежитъ побитъ Добрыня во чистомъ поли,
— А плеча его да испрострѣляны,
— Голова его да испроломана,
— Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ?
— Ты слезилъ же нунь родитель мою матушку
— А честну́ вдову Офимью Олександровну.
— Тяжелешенько тутъ óна по мнѣ плакала
— А слезила тутъ она да очи ясныи,
— А скорбила тутъ она да личко бѣлоё,
— Тяжелешенько онà да по мнѣ плакала! —
Какъ ухватитъ онъ Алёшку за желты кудри,
Взялъ же онъ Алешеньку охаживать,
А не слышно было въ бухканьи да охканья!
Хоть и всякой-то на свѣти женится,
Да не всякому женитьба удавается,
А не дай Богъ да женитьбы да Олешкиной!
Только тутъ Алешка и женатъ бывалъ,
Только тутъ Алешка да съ женой сыпалъ.

Синему морю да на тишину,
Всѣмъ добрыимъ же людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 22 и 23 іюля.

—

6.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ

(См. Рыбникова, т. IV № 12).

А й у солнышка да у Владиміра
Пированьицо было по третій день.
Солнышко идетъ на вечери,
А почестный пиръ идетъ на весели,
Вси-то на пиру да напивалиси,
Вси же на честномъ да наѣдалиси,
Вси же на пиру и поросхвастались.
Испрогóворитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:
«Нечѣмъ солнышку Владиміру похвастати.
«Не повыправлёны дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Сидятъ же тутъ три русьскіихъ могучіихъ богáтыря:
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же вы три русьскіихъ могучіихъ богáтыря!
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Вы съѣздитé-тко въ Каменну́ Орду,
«Въ Каменну́ю-то Орду въ большу землю,
«Повыправьте-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣздитé-тко вы да нé въ большу землю,
«Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
«Тамъ повыправьтé-тко дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«Третьи могучіи богáтырь да Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Ты съѣздú-тко въ землю во Подольскую,
«Тамъ повыправь-ко ты дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
А богáтыри они да призадумались
И повѣсили свои да буйны головы,
Утопили свои очи ясныи
Да во тотъ же во кирпичень мостъ.
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Что же вы богáтыри задумались?
— А держи́те-тко богáтыри отвѣтъ-же нынь. —
Испрогóворитъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отправляй-ко ты меня да во большу землю,
«Во большую ту землю да въ Каменну́ Орду,
«Тамъ повыправлю да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Испрогóворитъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Отправляй-ко ты меня да не въ большу землю,
— Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
— Тамъ повыправлю да дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ Владиміру да испроговоритъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отправляй-ко ты меня въ землю Подольскую,
«Я повыправлю да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною».
Первый русьскіи могучій бóгатырь,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Ставае онъ по утрышку ранёхонько,
Умывается онъ да и бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Онъ сѣдлае своего добра коня,
Кладывáе онъ же потнички на потнички,
А на потнички онъ клáде войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли доброй конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистòмъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
Тутъ не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богáтырь опочивъ держалъ.
Другій русьскіи могучій бóгатырь,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько,

Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ богатырь опочивъ держалъ.
А третьи же русьскіи могучій бо́гатырь,
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ ставае по утрышку ранёхонько,
Умывается было бѣлёхонько,
Снаряжается да хорошохонько,
Сѣдлае своего добра́ коня,
Кладывае было потнички на потнички,
А на потнички онъ кладе войлочки,
А на войлочки черкальское сѣделышко,
Подтягиватъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Онъ тринадцатый-тотъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли добрый конь же съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли да удалаго поѣдучи.
Не дорожкамы поѣхалъ, не воротамы,
Черезъ ту стѣну́ поѣхалъ городовую,
Черезъ тую было башню наугольную,
Да къ тому кресту поѣхалъ Леванидову.
Тутъ бога́тырь опочивъ держалъ.
Тутъ крестами да бога́тыри побратались,
Назвались да братьями крестовыми.
Испрого́воритъ казакъ да Илья Муромецъ:
— Кто попрежде насъ тутъ е повыправитъ,
— Къ дру́гому на стрѣту братцы по́спѣвать. —
Тутъ простилиси да оны братьица.
Старыи казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ во большу землю,
Во бо́льшую ту землю да въ Каменну́ Орду
Онъ повыправлять да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися *),
А не стали о́тдавать да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
По своему онъ съ мужичками распоряжается,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися **),
Стали отдавать да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Съѣхалъ онъ же не въ большу землю,
Не въ большую-ту землю да въ Золоту Орду,
Сталъ же выправлять да даней выходовъ,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вдругъ да скашевалися,
А не стали отдавать да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Молодой Добрынюшка Никитиничъ
По своему онъ съ мужичками распоря́дился,
Мужички же перепалися,
Отъ его да ростулялися,
Стали отдавать да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Съѣхалъ въ землю во Подольскую,
Сталъ же выправлять да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Мужички же вси да скашевалися,
А не стали отдавать да даней выходовъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Распорядился тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Распорядился онъ по богатырскому.
Мужички же перепалися,
Отъ его да растулялися,
Стали отдавать да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Онъ повыправилъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

---

*) т. е. взбунтовались.
**) Попратались.

Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ было ходить гулятъ по заводямъ,
Стрѣлять же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ.
Ходилъ гулялъ по заводямъ,
Стрѣлялъ же онъ да бѣлыихъ лебёдушокъ,
Находилъ же онъ да бѣлую лебёдушку,
Плаваетъ лебёдушка на заводи.
Онъ натягивалъ же было тýгой лукъ,
Накладыватъ онъ стрѣлочку каленую,
Хочетъ стрѣлить бѣлую лебёдушку,
Лебёдушка ему да испрогóворитъ:
«Ай Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не стрѣляй-ко ты же бѣлою лебёдушки.
«Я есть же нонь не бѣлая лебёдушка,
«Есть же я да красна дѣвушка,
«Марья лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична да я подолянка.
«Не убей-ко ты меня же нунь подолянки,
«Ты возьми меня нунь во замужество,
«Ты свези-тко нунь меня во Кіевъ градъ,
«Проведи-тко мѐня въ вѣрушку крещоную,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцю,
«Станемъ мы же вѣкъ съ тобой корóтати».
Задавался тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,
Дѣлалъ же онъ съ Марьей да великъ залогъ.
Получаетъ тутъ же дани выходы
Со того же короля да со подольскаго,
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Отправляется онъ было въ Кіевъ градъ,
Ко тому было ко солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжаетъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
А ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Привозитъ онъ да дани выходы
Изъ той было изъ зéмли изъ подольскіи,
Отъ того же кóроля да отъ подольскаго.
Отдавае онъ Владиміру да князю стольнё-кіевску,
Князь же тутъ да зрадовáлся ли.
Получае онъ съ Михайлы Пóтыка Иванова,
Получае онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольнё-кіевской,
Что повыправилъ ты дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
Изъ той ли зéмли изъ подольскіи.
Марью лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну да онъ подолянку,
Онъ привёлъ же было въ вѣрушку крещоную,
Сдѣлалъ съ ею заповѣдь великую:
Кто изъ насъ да нунь попéреди,
Кто пойдетъ да во сырý землю,
Дрýгому итти да на три мѣсяца,
Итти же во сыру землю.
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Что ты дѣлаешь да заповѣдь великую,
— Заповѣдь да неподольную,
— Да на долго тутъ итти да во сыру землю? —
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ Михайло испрогóворитъ:
«Видно надо сдѣлать мнѣ-ка заповѣдь великую
«Съ Марьей лебедь бѣлою,
«Что она-то мнѣ-ка прилюбилася.»
А принялъ-то же съ ей да по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ею вѣкъ корóтати.
Въ тую пору да во тó время
Наѣзжае было царь Бухарь заморскіи,
Наѣзжае царь Бухарь съ посланникомъ,
Правитъ онъ да дани выходы
Что ли съ солнышка Владиміра,
Что ль со князя стольнё-кіевска:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты пожалуй-ко нунь дани выходы
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Призывае онъ Михайлу Пóтыка Иванова:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пріѣзжае къ намъ же царь Бухарь заморскіи,
«Правитъ онъ же съ насъ да дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.»
Испрогóворитъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты садись-ко нунь Владиміръ на ременьчатъ стулъ,
— Пиши-тко было ерлычкѝ да скорописчаты:
— Отправлены да дани выходы
— За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
— За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
— За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
— Я поѣду нынечу безъ даней выходовъ. —
Онъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Поѣзжаетъ онъ къ царю Бухáрю да заморскому,
Повозитъ ёрлычки да скорописчаты

Къ тому же онъ къ царю ко Бухарю да ко заморскому,
Что отправлены да дани выходы
За Михайлой Пóтыкомъ Ивановымъ
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Пріѣзжаетъ къ Бухарю царю заморскому,
Подаваетъ ёрлычки да скорописчаты
Да царю Бухарю заморскому.
Принимае было царь Бухарь заморскіи
Тыи ёрлыки да скорописчаты,
Скорешенько ерлычки да роспечатыватъ,
Поскорѣе того да онъ прочитыватъ,
Самъ же царь Бухарь да тутъ зрадýется:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Гдѣ же ý васъ выходы остались?»
— У насъ оси да въ телѣжкахъ приломились,
— Да телѣжки у насъ поломались.
— Тамъ починщички да въ поли пріостались,
— А телѣжекъ во чистòмъ поли починивать.»
Испрогóворитъ царь Бухарь заморскіи:
«Ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ же нынь у васъ да на Россіи забавляются?»
— У насъ же на Россіи забавляются, —
— Нынь играютъ да во шашечки дубовыи,
— Что ли ставятъ да дощечки да кленовыи. —
Доставали тутъ дощечку да кленовую,
Что же ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую тутъ на дощечку на кленовую;
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи
Тую было дощечку да кленовую.
А на ту дощечку на кленовую
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Ставилъ же онъ своего добра коня,
Ставилъ же свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ же дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли было въ шашечки дубовыи,
Тую было дощечку да кленовую.
Проигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Проигралъ онъ своего добрá коня,
Проигралъ же онъ свою да буйну голову
На той было дощечки на кленовою
Тому Бухарю онъ царю заморскому.
Тутъ царь Бухарь было заморскіи,
Тутъ же царь да онъ зрадýется.
Ставили дощечку да во дрýгой разъ,
Ставили тутъ шашечки дубовыи
На тую же на дощечку на кленовую.
Ставилъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
На ту было на дощечку на кленовую
Свою же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну подолянку;
Въ дрýгихъ ставилъ онъ родитель свою матушку
На тую же на дощечку на кленовую.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ тутъ Михайлина добрá коня,
Ставилъ тутъ его да буйну голову,
Ставилъ онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Тутъ играли да дощечку да во дрýгой разъ.
Сыграли было дощечку въ дрýгой разъ,
Повыигралъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Своего повыигралъ добрá коня,
Повыигралъ свою да буйну голову
И повыигралъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
Ставили дощечку они въ третій разъ.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною
На ту было дощечку на кленовую,
Ставилъ своего добра коня,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Царь Бухарь было заморскіи
Ставилъ на дощечку на кленовую,
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго.
Стали тутъ играть дощечку да во третій разъ,
Играли тутъ дощечку да во третій разъ.
Тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Повыигралъ дощечку было въ третій разъ,
Повыигралъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго
Со царя Бухáря со заморскаго.
Розсердился было царь Бухарь заморскіи,
Ставили дощечку во четвертый разъ.
Ставилъ онъ все царство все бухарское заморское,
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ онъ полъ-царства полъ-имянства онъ заморскаго,
Ставилъ онъ да дани выходы
За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
За тринадцать лѣтъ да съ половиною.

Играли тутъ дощечку да въ четвертый разъ.
Повыигралъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ дощечку да въ четвертый разъ
Со того царя Бухаря онъ съ заморскаго,
Повыигралъ все царство онъ бухарско да заморское.
Ставили дощечку они въ пятый разъ.
Царь Бухарь было заморскіи,
Ставилъ онъ свою да буйну голову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ставилъ царство тутъ бухарско да заморское
На ту было дощечку да на пятую.
Стали тутъ играть да óны въ шашечки.....
На пятý-то дверь тутъ отворяется,
Крестовый ёму братецъ да пихается,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Мóлодой ~~ты Пóтыкъ~~ сынъ Ивановичъ!
«Играешь ты во шашечки въ дубовыи
«Да на той же на дощечки на кленовыи,
«Надъ собой же ты незгодушки не вѣдаешь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Что она же нынчу было пóмерла.»
Михайло Пóтыкъ ~~сынъ Ивановичъ~~
Онъ скочилъ же на свои да на рѣзвы ноги,
Ухватитъ онъ дощечку да кленовую
Съ тыма шашкамы съ дубовыма,
Ударилъ онъ во двери съ ободвереньемъ,
Повыставилъ онъ двери вонъ со лѝпиной.
Перепался было царь Бухарь заморскіи,
Смолился онъ Михайлы Пóтыку Иванову:
— Михайла Потыкъ ты Ивановичъ!
— Ты оставь меня царя да нунь во живности,—
— Получай же нунь ты царство все бухарское заморское! —
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Самъ же тутъ да братьямъ испрогóворитъ:
«Ай вы братьица мои было крестовыи!
«Получайте-тко нунь съ царя со Бухáря со заморскаго
«Вы царство нунь бухарско все заморское,
«Оставьте-ко царя да посидѣльщичкомъ,
«Не досугъ же мнѣ-ка-ва съ нимъ нунь угладиться (*такъ*).
«Я поѣду нунь ко городу ко Кіеву
«А й по ласковому князю ко Владиміру.»
Тутъ уѣхалъ да Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
А русьскіи могучіи богáтыри
Получали тутъ съ царя да дани выходы,
Получали тутъ же царство да бухарско все заморское,
Оставили царя да посидѣльщичкомъ.
~~А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ~~
Пріѣзжае онъ ко городу ко Кіеву
А й по ласковому князю ко Владиміру.
Князь же тутъ его да было спрашиватъ:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ же ты оттуль да нонь повыѣхалъ? —
Испрогóворитъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Повыиграны у насъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною,
«Съ того царя Бухаря да съ заморскаго,
«Да повыиграно царство все бухарско все заморское
«И съ того царя съ Бухаря да съ заморскаго,
«Все царьство все имянство все бухарьское.
«Остались получать же тамъ богáтыри,
«Мои братьица крестовыи,
«Старыи казакъ да Илья Муромецъ
«И мóлодый Добрыня сынъ Никитиничъ.»
— Да чимъ же нонь тебя мнѣ наскори пожертвовать?
— Города ли теби дать да съ пригородками,
— Аль села тебѣ же дать да со приселками,
— Золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью? —
«Ничего же мнѣ-ка-ва не надобно,
«Городовъ мнѣ нонь не надо съ пригородками,
«Что ли селъ не надо со приселками,
«Золотой казны не надобно по надобью,
«Дай-ко на царевыихъ на кáбакахъ,
«Дай-ко мни поволечку великую
«Пить же мнѣ вино да нонь безденежно,
«Гдѣ кружкою да полукружкою,
«Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
«А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.»
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Далъ ему поволечку великую
На тыхъ же на царéвыихъ на кáбакахъ
Пить ему вино было безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлымъ ведромъ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Напрасно же ты сдѣлалъ нуньчу заповѣдь великую. —.
Испрогóворитъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!

«И тоё-то да нуньчу сдѣлано, —
«Надо нунь итти да во сыру́ землю,
«Во сыру землю итти да на три мѣсяца.»
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Приказалъ же онъ тутъ дѣлать домовищечко,
Чтобы мошно мнѣ-ка сто́я стоять,
Стоя стоять да си́дя сидѣть,
При времечки да чтобы ле́жа лечь.
Бралъ же онъ запасъ туды великіи:
Бралъ свѣчи́ туды и ладоны,
Беретъ хлѣба на три мѣсяца,
Воды бе́ретъ на три мѣсяца.
Ходилъ же онъ было ко кузницамъ,
Велѣлъ ковать же клещи да желѣзныи,
Бралъ же прутья онъ да троіи,
Первы пру́тья оловяныи,
Вторы́и было прутья онъ желѣзныи,
Третьи́ прутья онъ беретъ да туды мѣдныи.
Отправляется же онъ тутъ во сыру землю,
Отправляется онъ да на три мѣсяца.
Прожилъ тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Прожилъ въ матушкѣ сырой земли перву́ сутки,
Начинаетъ жить же онъ тутъ сутки другіи,
Приплыватъ къ ему змѣище да проклятое,
О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ.
Пролизала ему гробъ было желѣзныи.
А Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ было змѣю онъ да проклятую
Тыма̀ было клещамы да желѣзныма.
Сѣкъ же онъ ю прутьями да оловяными,
Другими сѣкъ же прутьями желѣзными,
Третьима̀ онъ сѣкъ ю прутьями да мѣдными.
Змѣя ему да тутъ смолилася:
— Ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не убей меня змѣи было проклятою,
— Дамъ тебѣ я заповидь великую
— Оживить-то нунь тебѣ-ка Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну было подолянку,
— Достану я тебѣ-ка-ва живой воды. —
Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ой же ты змѣя было проклятая,
«Ты змѣя было лукавая,
«Дай-ко ты змѣёныша въ великъ залогъ!»
Дала тутъ змѣя лукавая,
Дала тутъ змѣёныша въ великъ залогъ.
Рубилъ же онъ змѣёныша на мелкіи на часточки.
Отправляется змѣя было проклятая,
Доставаетъ тутъ она было живу воду.
Складывалъ же онъ змѣёныша во мѣсто ли,
Мочилъ же то́го малаго змѣёныша, —
Засвпвался было маленькій змѣёнышокъ.
Брызга̀лъ же Марью лебедь бѣлую,
Брызга̀лъ онъ ю во три́ же разъ:
Первый разъ она продрогнула,
Дру́гой разъ она зашевелилася,
Тре́тій разъ она да проглаголила:
— Фу фу фу я долго нунь попро́спала! —
Испрого́воритъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабъ не я, такъ ты отнынь до вѣкъ бы про́спала».
Скричалъ же тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Своимъ голосомъ да богатырскіимъ.
Теремки да пошатилися,
Околенки у нихъ да повалилися,
Вси же во́ гради да пріужа́хнулись,
Вси сами же тутъ въ городѣ спрого́ворятъ:
— И нашему уродищу въ сырой земли не по́жилось.
— Отправлялся онъ въ сыру землю да на три мѣсяца, —
— Наступаютъ нунь на насъ трои́ сутки,
— Изъ сырой земли уродищо давается. —
И здымали тутъ его да изъ сырой земли,
Изъ сырой земли на бѣлый свѣтъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ пошолъ гулять да по царевымъ по ка́бакамъ,
Пить вино да онъ безденежно,
Гдѣ кружкою да полукружкою,
Гдѣ четвертью да гдѣ полуведромъ,
А при времечки гдѣ и цѣлы́мъ ведромъ.
Марья лебедь бѣлая,
Королевична было подолянка,
Посылала она вѣдомъ королю да политовскому,
Что наѣхалъ бы король да политовскіи,
Увезъ бы онъ меня да Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую онъ да подолянку,
А й подолянку да королевичну,
Въ тую землю во литовскую.
Пріѣзжаетъ тутъ король да политовскіи,
Пріѣзжаетъ тутъ король да по молчаному,
Онъ увозитъ Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Надъ собой же онъ того да тутъ не вѣдаётъ,
Что увезъ же да король да политовскіи
Его же Марью лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да королевичну,
Королевичну онъ да подолянку.
Прискакала было вѣсточка нерадостна
Михайлы По́тыку Иванову:

«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты пьешь да прокладаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаёшь,
«Какъ твоя-то Марья лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да королевична,
«Королевична было подолянка,
«Уѣхала съ королемъ да политовскiимъ
«Во матушку да въ земляну Литву».
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Одѣвае онъ же платьица-ты женскiи,
Накручается же онъ да было женщиной
И поѣхалъ вслѣдъ же онъ погопою
За тымъ же королемъ да политовскiимъ.
Не узналъ бы да король да политовскiи,
Не узналъ бы онъ да вслѣдъ погонушки.
Подъѣзжаетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Вслѣдъ же онъ было погопою
За тымъ же королемъ да политовскiимъ.
Увидала Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка,
Сама ему да испрогóворитъ:
— Ай же ты король да политовскiи!
— Ѣде нунь за нами вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ за нами женщина, —
— Хоть и женщиной да тýда-ка сокрýченось,
— Не женщина тутъ ѣдетъ вслѣдъ погонушка,
— Ѣдетъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
— Отправляй меня скорешенько на стрѣту ли,
— И давай же мнѣ напитковъ еще сонныихъ.
— Онъ же до вина да есте спадсливый.
— Поднесу ему я чару зелена вина, —
— Гди выпье, онъ же тутъ и въ сонъ заснетъ.—
Подъѣзжаетъ тутъ къ ему она на стрѣту ли,
Тяжелешенько да ѐна плаче ли:
«Ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Увезъ меня король да политовскiи,
«Что ли силою увезъ меня изъ Кiева».
Подноситъ ѐму чару зелена вина:
«Выпей още чару зелена вина».
Гди выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Подскочила тутъ къ коню да къ богатырскому,
Принимаетъ на плечо да на волшебное,
Спустила тутъ его было черезъ плечо,
Сама же тутъ Михайлы приговариватъ:
«Гди былъ мòлодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Стань-ко нынь горючiй бѣлой камешокъ,
«Будь-ко ты Михайло нынь во камени».
Отправляется съ королемъ да политовскiимъ
Въ ту было да въ земляну Литву,
И уѣхала да въ земляну Литву
Къ тому же королю да политовскому.
Жила съ кóролемъ да политовскiимъ,
Жила ѐна много тамъ же времени.
Стосковалось было братьямъ же крестовымъ:
Старому казáку Ильѣ Муромцу,
Мóлоду Добрынюшку Никитичу.
Крутились было они каликамы,
Обували они лапти было липовы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныи,
Пошли оны да тýда-ка каликамы
Отъ солнышка Владимiра отъ князя стольнё-кiевска
Къ тому же королю да къ политовскому
Искать же тутъ Михайла Пóтыка Иванова,
Своего же было братца да крестоваго.
Въ день они идутъ было по солнышку,
А въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ тутъ изъ другою изъ рóзстани,
Выходитъ тутъ калика было старая,
И старая калика да сѣдатая,
Хотя сѣдатая калика да й плѣшатая.
— Здравствуйте, калики перехожiе! —
«Ты здравствуешь калика было старая,
«Старая калика ты матёрая,
«Ты матёрая калика да сѣдатая,
«Ты сѣдатая калика да плѣшатая».
— Куда же вы калики нунь направились? —
Испрогóворятъ тутъ русьскiи могучiи богáтыри:
«Ай же ты калика было старая!
«Хоть нынь у насъ накрученось каликамы,
«Е мы не калики перехожiи,
«Е мы русьскiи могучiи богáтыри:
«Старыи казакъ да Ильё Муромецъ,
«Мóлодый Добрынюшка Никитиничъ.
«Пошли искать Михайлы Пóтыка Иванова,
«Своего же братца мы крестоваго,
«Святорусьскаго богáтыря».
Испрогóворятъ же русскiи могучiи богáтыри:
«Ты откудова калика есть же старая?»
— Я дальняя калика есть же старая,
— И дальняя калика я не здѣшняя, —
— Пошолъ искать Михайлы Пóтыка Иванова.—
Приходили тутъ калики перехожiи
А къ тому же королю да политовскому,
Ставились калики срéди города,
Супротивъ того двора да королевскаго.
Тутъ скрыцали да калики перехожiи, —
Теремки у нихъ да пошатилиси,
Околенки у нихъ да повалилиси,

Вси же во́ гради да пріужа́хнулись:
Что же нунь да чюдо е случилоси,
Какй же намъ калики появилиси?
Испрого́воритъ король да политовскій:
«Это е три чюда объявилоси».
Говорила Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка:
— Тутъ не чюдо къ намъ же нуньчу объявилоси,
— Два бога́тыря да къ намъ же нунь явилоси:
— Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Мо́лодой Добрынюшка Никитиничъ.
— А третьяя калика незнакомая,
— Незнакомая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая,
— Тая е калика да незнаема.
— Зови-тко ты король да во гостёбищо
— Этыихъ каликъ да перехожіихъ.
— Не пойдутъ оны къ намъ да въ гостёбищо,
— Розорятъ оны же нашу земляну Литву
— Два русьскіи могучіи бога́тыря. —
Выходилъ же тутъ король да политовскіи,
Скорешенько же выходилъ на ши́рокъ дворъ
Съ той ли Марьей лебедь бѣлою,
Лебедь бѣлою да онъ подолянкой,
А подолянкой да королевичной.
Подходила она къ братьецамъ крестовымъ
Своего же она мужа да пазванаго,
Звала тутъ себѣ-ка-ва въ гостёбищо,
Тяжелешенько по нёмъ да она плакала.
Спрашивали русьскіи могучіи бога́тыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Что ли мо́лодой Добрынюшка Никитиничъ:
«Не видала ли Михайла Потыка́ да ты Иванова»?
— Не видала я Михайла По́тыка Иванова.
— Тяжелешенько по нёмъ да я же плачу есть,
— Вспомню я его да въ кажный день. —
И зовётъ она себѣ-ка-ва въ гостёбищо
Къ тому же королю да политовскому.
Тутъ приходитъ же король да политовскіи
И зовётъ же онъ бога́тырей къ собй въ гости.
Приходятъ тутъ калики перехожіи
Къ тому же ко́ролю да къ политовскому,
Гостили у того же короля да политовскаго.
Дарили имъ же честныи тутъ да́рева,
Дарили имъ же злато что ли серебро,
И мелкіи имъ тутъ же жемчуги,
И ка́менья дарили драгоцѣнныи.
Откланялись тутъ же калики перехожіи,
Отправились калики со гостёбища,
Ничего же тутъ калики не провѣдали
Про русьскаго могучаго бога́тыря,
Про Михайлу По́тыка Иванова.
Отправились же въ путь они дороженьку,
Въ день они идутъ было по солнышку,
Въ ночь они идутъ было по камешку.
Приходятъ тутъ ко бѣлому горючему ко каменю.
Испрого́воритъ калика было старая,
Еще старая калика да матёрая:
«Вамъ же нунь, калики перехожіи,
«Вамъ же нунь пойти же надо въ сторону,
«Мнѣ-ка-ва пойти надо́ же въ дру́гую.
«Будемъ на прощенье животовъ дѣлить».
Испрого́ворятъ тутъ русьскіи могучіи бога́тыри:
— Ай же ты калика нуньчу старая,
— Ты старая калика да матерая,
— Матерая калика да сѣдатая,
— Сѣдатая калика да плѣшатая!
— Ты дѣли-тко нуньчу да́рева. —
Дѣлила-то калика было старая,
Старая калика да матерая,
И дѣлила тутъ великіи подарочки,
И дѣлитъ она да на четыре да на часточки.
Испрого́ворятъ тутъ русьскіи могучіи бога́тыри:
«Что же ты, калика было старая,
«Старая калика ты матерая,
«Что дѣлйшь ты нынь подарочки,
«На четыре ты дѣлишь на часточки?
«Трое насъ же нунечу находится,
«А кому же эта часть нунь оставается?»
Говоритъ же имъ калика было старая:
— Ай же вы калики перехожіи!
— Станемъ-ко здымать мы этотъ камешокъ.
— Кто изъ насъ же здыне этотъ камешокъ черёзъ плечо,
— А тому же часть четвертая достанется. —
Думаютъ же русьскіи могучіи бога́тыри
Своимъ же тутъ умомъ да богатырскіимъ:
Неужто́ не здынемъ мы да камеця?
Часть эта́ да намъ же нынь достанется.
Испроговоритъ калика имъ же старая,
Старая калика да матерая:
— Ай вы русьскіи могучіи бога́тыри!
— А здымайте-тко горючій бѣлый камешокъ. —
Принимается Добрыня сынъ Никитиничъ
Здымать же нынь горючій бѣлый камешокъ,
Здымать же этотъ камень да черёзъ плечо.
Выздынулъ Добрынюшка до пояса, —
По колѣну тутъ Добрынюшка во землю сѣлъ,
Не могъ же онъ здынуть да было камешка
Черезъ то́е нунь плечо да богатырское.

Принимался тутъ же старыи казакъ да Ильё Муромецъ.
Онъ здымае этотъ бѣлыи горючій камешокъ,
Онъ здымае себѣ камешокъ на груди ли,
А по стегнамъ Илья Муромецъ да въ землю сѣлъ.
Приходитъ тутъ калика эта старая,
Эта старая калика да сѣдатая,
Сѣдатая калика да плѣшатая,
Налагаетъ еще руки на бѣлыи горючій камешокъ
И здымае камешокъ черéзъ плечо,
Спуститъ этотъ камешокъ черéзъ плечо,
Спуститъ камень о сыру землю,
Сама же къ каменю да приговариватъ:
— Колись-ко этотъ камешокъ да на двое,
— Иди-ко ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
— Изъ бѣлаго горючаго изъ камешка! —
Кололся этотъ камешокъ нунь на двое,
Выходитъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Увидае онъ же братьецовъ крестовыихъ.
«Здравствуйте вы братьеца крестовыи!»
— Здравствуй ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Отъ чего попалъ въ горючій бѣлый камешокъ?—
«Отъ своей же я нунь Марьи лебедь бѣлыи,
«Лебедь бѣлыи да я подолянки,
«А й подолянки да королевичной.
«Подносила ѐна зелья мнѣ-ка соннаго,
«Подносила ѐна зелены́мъ виномъ, —
«А гдѣ выпилъ, тутъ я въ сонъ заснулъ,
«И самъ себе я нонечу не вѣдаю».
Говоритъ же тутъ калика ему старая,
Старая калика да матерая:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Будешь ты у города у Кіева
— А у ласковаго князя у Владиміра,
— Ты сдѣлай-ко двѣ церкви, двѣ соборныихъ,
— Одну церковь нуньче дѣлай ты Спасителю,
— Дру́гу церковь матушкѣ да пресвятой Богородицы,
— Въ той же нунь Миколы да святителю.
— Упросила матушка да пресвятая Богородица
— А сходить меня для васъ да на сыру землю,
— Избавить нунь отъ смерти отъ напрасною,
— Отъ напрасною отъ смерти отъ волшебною.—
Простилася калика было старая,
Старая калика да матерая,
Отправилась калика въ свою сторону.
Испрогóворятъ тутъ русьскіи могучіи богáтыри:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ-ко съ нами въ свою сторону,
«Къ тому было ко городу ко Кіеву,
«Ко ласковому князю ко Владиміру».
Говорилъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же мòи братьица крестовыи!
— Мнѣ-ка-ва сходить надо во земляну Литву,
— А къ тому же королю ко политовскому.
— Угналъ онъ да моего добрá коня,
— И увезъ же Марью лебедь бѣлую,
— Лебедь бѣлую да королевичну,
— Королевичну онъ да подолянку. —
Испрогóворятъ тутъ братьица крестовыи:
«Ай ты братецъ да названыи,
«Михайла Пóтыкъ да Ивановичъ!
«Не жена теби она, да есть волшебница,
«Сконаетъ твою голову да богатырскую,
«Ты получишь отъ ей смерть напрасную».
Тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ братьицовъ крестовыихъ не слушаётъ,
Приказалъ же брать имъ этыи подарочки
И отправляться имъ ко городу ко Кіеву.
Самъ пошолъ же къ королю да политовскому,
Политовскому да земли-польскому (*такъ*),
Въ тую онъ пошолъ во земляну Литву.
Приходитъ онъ каликой перехожеей,
Ставился же онъ тутъ среди города,
Противу тутъ двора да королевскаго,
Крычалъ же онъ да во всю голову.
Теремы́ же тутъ да пошатилиси,
Что околенки у нихъ вси повалилиси,
Вси уродища оны да пріужáхнулись,
Сами же оны тутъ испрогóворятъ:
— Недавно чюда здѣ-ка были объявилиси,
— А нунь опять да чюдо появилоси. —
Испрогóворитъ тутъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да и подолянка:
«Не калика это есть да перехожая,
«А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.»
Скорешенько наливае чару зелья соннаго,
Выбѣгаетъ тутъ скоренько да на ши́рокъ дворъ,
Стрѣтаетъ тутъ Михайла Пóтыка
Съ чарой зелена вина.
Выпилъ онъ же чару зелена вина, —
Какъ онъ выпилъ чару зелена вина,
Гди выпилъ, тутъ же въ сонъ заснулъ.
Тащила тутъ во сѣни во челядинны.
Увидала тутъ Настасья королевична,
Что тащатъ си (*такъ*) богáтыря во сѣни во челядинны,
По немъ она да сжаловáлася.
Приходила тутъ во сѣни во челядинны

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Марья лебедь бѣлая,
дь бѣлая да королевична,
нвала тутъ богáтыря да нá стѣну,
ему въ руки въ ноги еще гвóздища.
ватило тутъ гвозда да ý ней пятаго,
го гвозда ему середняго,
дняго гвозда ему сердечнаго.
гала тутъ изъ сѣней изъ челядинныхъ,
гала за гвоздомъ она да пятымъ.
да Настасья королевична
скивала гвоздья вонъ да сó стѣны,
ила тутъ на мѣсто да татарина,
ила тутъ татарина да мертваго,
гваго татарина да мерзлаго.
ила тутъ Настасья королевична
было богáтыря изъ сѣней изъ челядинныхъ.
бѣгаетъ Марья лебедь бѣлая,
дь бѣлая да королевична,
левична она подолянка,
мотрѣла тутъ она да нá стѣну,
ла тутъ татарина мѣсто богáтыря.
авляется къ кóролю да политовскому,
же тутъ ему да еще хвастаетъ:
еревела я нынчу своего да ненавистничка,
ихайла Пóтыка сынá Иванова. —
килъ у Настасьи онъ дотай да трои суточки,
итъ онъ коня да богатырскаго
той было Настасьи королевичной:
ты мóлода Настасья королевична!
и-тко у родителя у батюшка,
ли нунь коня да богатырскаго
ить въ чисто поле да поляковáть.»
Настасья королевична
ниходитъ къ королю да политовскому,
му она къ родителю да батюшку:
ты старыи король да политовскіи,
ты родитель мой да батюшко!
мни коня да богатырскаго
ить въ чисто поле да поляковать,
дить лицо свое да женское. —
ритъ король же политовскіи:
на конюшни на стоялыи,
ю ты коня да нынь по разуму.»
на конюшни на стоялыи,
утъ коня да богатырскаго
тыка Иванова.
тутъ коня да богатырскаго
Пóтыка Иванова
ыльцю да королевскому.
áтырь да по женскому,
огáтырь было женщиной,
Уѣзжаетъ тутъ богáтырь во чистó поле,
Изъ чиста поля наѣхалъ онъ богáтыремъ,
Ставился же онъ тутъ середи двора,
У того же короля да политовскаго,
Онъ проситъ же тутъ войска да великаго.
Узнаваетъ Марья лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая да королевична,
Королевична да тутъ подолянка.
Скорéшенько выбѣгаетъ да на широкъ дворъ,
Наливаетъ она чару зеленымъ виномъ
И подноситъ ему зелье было сонное.
Мóлода Настасья королевична
По поясу бросилася въ окошечко:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Выпьешь чару нунь же ты да зелена вина,
— Гди выпьешь тутъ же въ сонъ заснешь.
— Будетъ ти отсѣчь она твоя да буйна голова,
— А твоей же тутъ да саблей вострою. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Не пилъ же чары зелена вина;
Смáхне онъ да саблей вострою, —
Отнесъ же ейну буйну голову
За ейны поступки неумильніи.
Розсердѣлся тутъ богáтырь святорусьскіи:
«Отнесу же королю я буйну голову,
«Розорю же я тутъ землю всю литовскую!»
Упросила тутъ Настасья королевична:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не руби-тко ты родителю да буйной головы
— За его было поступки неумильніи,
— Не розори-тко ты да земляной Литвы. —
Укротилъ же свое сердце богатырское;
Бралъ одну Настасью королевичну
Отъ того же короля да политовскаго,
Бралъ мóлоду Настасью онъ во честности.
Увезъ къ городу было ко Кіеву,
А къ ласковому князю ко Владиміру,
И привелъ же онъ тутъ въ вѣрушку крещоную.
Принялъ тутъ съ Настасьей по злату вѣнцу,
Сталъ же съ ней да вѣкъ корóтати.
Сталъ же строить онъ двѣ церкви двѣ соборныихъ,
Перву церковь онъ соборную
Строилъ онъ Спасителю,
Дрýгу церковь онъ же строилъ да соборную
Матушки да пресвятою Богородици
И Миколы онъ было святителю.
Тутъ Михайлы Пóтыку сынý Иванову славý поютъ,
Синему морю на тишину,
Всимъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 21 іюля.

—

7.

СТАВЕРЪ.

А у солнышка да у Владиміра
Пированьицо было на третій день.
А вси-то на пиру да напивалися,
Вси же на честноемъ наѣдалися,
Вси же на пиру да порасхвастались.
И'ный хвалитъ города да съ пригородками,
И'ный хвалитъ тутъ же села со приселками,
И'ный хвастаетъ тутъ золотой казной,
Золотой казной да тутъ безсмѣтною,
И'ный хвалится да добрымà тутъ комоньмы,
Разумный хвастаетъ да родной матушкой,
Безумный хвалится да молодой женой.
Сидитъ молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ,
Да ничѣмъ Ставёръ не хвастаетъ.
Ходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
Самъ солнышко да испрогóворитъ:
«Ахъ ты мóлодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«Ты не ѣшь, не пьешь, да самъ не кушаешь,
«Моей бѣлоей лебёдушки не рушаешь,
«Самъ же нунь Ставёръ да е не хвастаешь.
«У васъ нѣту городовъ да съ пригородками,
«Видно нѣтъ у васъ да селъ и со приселками,
«Нѣту золотой казны по надобью,
«Нѣту добрыхъ кóмоней по надобью,
«А не хóроша Ставрова рóдна матушка,
«Да не пóхвальна Ставрова молода жена?»
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— У насъ есть тутъ города да съ пригородками, —
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Есть у насъ и сёла со приселками, —
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Золота казна у молодца не держится *), —
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Добры комони у молодца не ѣздятся, —
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть и хороша моя да рóдна матушка, —
— То мнѣ молодцу не пóхвальба;
— Хоть бы пóхвальна моя да молода жена, —
— То мнѣ молодцу не пóхвальба:
— Она всѣхъ князей бояръ повыманитъ **),
— Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ. —

*) т. е. не издерживается, не переводится.
**) т. е. обманетъ.

А вси князи тутъ бояра призадумались.
«А похвасталъ нунь Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
«Ай похвасталъ онъ своей да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ да нунь она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ!
«Засадíмте-тко Ставра да въ пóгреба,
«А во тыи было пóгреба глубокіи.
«Пусть-ко нынь Ставрова молода жена
«Всихъ князей бояръ да насъ повыманитъ,
«Солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
Былъ же у Ставрà да было свóй чёлóвѣкъ,
А садился на Ставрова на добра коня,
Онъ поѣхалъ тутъ во землю ляховитскую,
Къ той же Василисты ко Никуличной, *)
Да къ Ставровой молодой жены.
Пріѣзжае къ Василисты ко Никуличной,
Къ той же ко Ставровой молодой жены.
Говоритъ же Василисты да Никуличной:
— Ай же Василиста дочь Никулична,
— Ай же ты Ставрова молода жена!
— А похвасталъ нунь Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— А тобой да молодой женой,
— Василистой да Никуличной,
— Что же всихъ князей бояръ да ты повыманишь,
— Солнышка Владиміра съ ума сведешь. —
Говоритъ тутъ Василиста дочь Никулична:
«Деньгами Ставра да мнѣ не выкупить,
«Силою Ставра да мнѣ не выручить, —
«Могу ли нѣтъ догадкамы да женскима».
А бѣжала тутъ она къ фельдмаршаламъ *(такъ)*,
Подрубила волосà да по мужичьему,
Набрала дружинушки хорóброю,
Сорóкъ молодцёвъ, молодыхъ борцёвъ,
Сорóкъ молодцёвъ, молодыхъ стрѣльцёвъ,
А сама она поѣхала посланникомъ,
А ко солнышку Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Оставляетъ тутъ дружину во чистóмъ поли,
А сама тутъ пріѣзжаетъ да посланникомъ.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской! —
«Ты откудовà, удалый добрый молодецъ,
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Какъ тя нунь зовутъ по имечки,
«Нарекаютъ по изотчины?»
— Я изъ зéмли ляховинскіи,
— Того кóроля сынъ ляховитскаго,

*) По объясненію Калинина, эта Василиса была сестра Настасьи Никуличны, жены Добрынинной.

— Молодой Василій да Никуличъ ли.
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ нунь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, объ свáтовстви
— На твоей было любимыи на дочери. —
«Я пойду къ дочéри нунь подумаю».
Приходитъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
А своей дочéри еще спрашиватъ:
— Ахъ ты дочь моя возлюбленна!
— Пріѣзжае короля сынъ ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— На теби любимыи на дочери да свататься. —
Отвѣчае ему дочь было возлюбленна:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу нá умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчйну самъ за женщину:
«Пельки *) мякóньки все по жёньскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты **) были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ добрá бёрёжетъ».
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ послу да ляховитскому,
Къ мóлоду Василью да Никуличу.
— Молодой Василій да Никуличь ли!
— Не угодно ли съ дороги сходить въ баенку?—
«Это, солнышко Владиміръ, да не худо намъ
«А сходить съ дороги въ теплу парну баенку».
Приказалъ Владиміръ стопить баенку,
А приходитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
Къ мóлоду Василью да Никуличу:
— А пожалуй-ко ты въ теплу парну баенку. —
А докà Владиміръ въ домѣ гладился ***),
Той порой посолъ въ байны отпарился,
Стрѣту-ту идетъ, да ему чéсть воздаетъ:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«Да на тепло-парною вашей на баенки».
Владиміръ тутъ ему да отвѣчаетъ ли:
— Что же скоро въ баенкѣ отпарились? —
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Ваше дѣло е хозяйское,
«Наше дѣло е посольное,
«Недосугъ намъ долго въ байнѣ гладиться,
«Въ тепло-парною тамъ париться.
«Я пріѣхалъ вамъ о добромъ дѣлѣ да объ свáто-ствѣ

*) Груди.
**) Мѣста подъ кольцами.
***) т. е. ладился, собирался.

«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду еще къ дочéри тамъ подумаю. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ приходитъ тутъ, дочéри самъ же спрашиватъ:
— Ай ты дочь моя возлюбленна!
— Того кóроля сынъ ляховитскаго,
— Молодой Василій да Никуличъ ли,
— Онъ пріѣхалъ да о добромъ дѣлѣ да о свáтов-ствѣ
— На тебѣ было любимыи на дочери. —
Отвѣчае дочь ему любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу нá умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчйну самъ за женщину:
«Пельки мякóньки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ добрá бережетъ».
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
Тутъ приходитъ да къ Василію ко Никуличу;
— Ахъ ты мóлодой Василій да Никуличъ ли!
— Ты пройди въ палаты бѣлокаменны,
— Тамъ ты хлѣба соли да откушаешь,
— А отдóхнешь послѣ тепло-парной баенки. —
А проходитъ онъ въ палаты бѣлокаменны,
Тамъ же онъ да хлѣба кушаётъ.
А выходитъ онъ изъ-зá столовъ
И Владиміру да чéсть воздаетъ.
А отводитъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
А во тыи нунь да ложни да во тёплыи.
Молодой Василій да Никуличъ ли,
Гдѣ головой-то быть, да тутъ же женой легъ.
Выходитъ онъ изъ ложни да изъ теплыи:
«Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
«На твоей да тамъ на ложни да на теплыи!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свá-товствѣ
«На твоей любимыя на дочери».
Отвѣчаетъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду еще къ дочéри, тамъ подумаю. —
Тутъ заходитъ онъ во ложни да во теплыи,
Смотритъ тамъ плеча да богатырскіи,—
А широкій плеча да богатырскіи.
И приходитъ онъ къ дочéри, самъ же спрашиватъ:
«Ай ты дочь моя возлюбленна!
«Того кóроля сынъ ляховитскаго,
«Мóлодой Василій да Никуличъ ли,
«А пріѣхалъ къ намъ о добромъ дѣлѣ да о свáтов-ствѣ

«На тебѣ было любимыи на дочери».
Отвѣчае дочь ему любимая:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньчу нá умѣ,
— Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
— Выдаваешь ты дѣвчйну самъ за женщину:
— Пельки мякóньки все по женьскому,
— Ричь поговоры все по женьскому,
— Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
— Она стёгна жметъ добрá бережетъ. —
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла еще да поотвѣдаю. —
Приходитъ тутъ къ Василью ко Никуличу:
«Ахъ ты мóлодой Василій да Никуличъ ли!
«Неугодно ли съ дворянами потѣшиться,
«Пострѣлять въ колечко золоченое?»
Отвѣчаетъ тутъ Василій да Никуличъ ли:
— Оставлены стрѣльци да во чистомъ поли.
— Мнѣ-ка-ва теперичу да самому отвѣдати,
— А стрѣлять въ колечко золочёное. —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ поставилъ молодá стрѣльця.
Первой разъ стрѣлйлъ да онъ не дóстрѣлилъ,
А другой же разъ стрѣлйлъ перéстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлйлъ да туды нé попалъ.
Молодой Василій да Никуличъ ли
А натягивалъ тетивочки шелкóвыи,
А накладывалъ онъ стрѣлочку калéную,
А стрѣляетъ тутъ въ колечко золочёное,
Попадаетъ тутъ въ колечко золочёное,
Коле стрѣлочку да нá двое,
Мѣрою однаки да вѣсóмъ равны.
Самъ Василій испрогóворитъ:
«Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свáтовствѣ
«На твоей любимыи на дочери».
— Я пойду къ дочéри, тамъ подумаю. —
Приходитъ онъ къ дочéри, самъ же спрашиватъ.
Говоритъ ему да дочь любимая:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Что у тя Владиміръ нуньчу нá умѣ,
«Что у тебя нуньчу да на разумѣ?
«Выдаваешь ты дѣвчйну самъ за женщину:
«Пельки мяконьки все по женьскому,
«Ричь поговоры все по женьскому,
«Гди жуковинья-ты были, тамъ и мѣсто знать,
«Она стёгна жметъ добрá бережетъ».
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Я пойду посла теперечь поотвѣдаю. —
А приходитъ тутъ къ Василію ко Никуличу,
Къ мóлоду Василію да Никуличу:
«Молодой Василій да Никуличъ ли!
«Неугодно ль съ моимà дворянами потѣшиться,
«А й потѣшиться да поборотиться?»
— Да оставлены борьци да во чистóмъ поли,
— Самому же нуньчу мнѣ-ка поотвѣдати. —
Тутъ выходитъ да Василій да Никуличъ ли,
Онъ выходитъ да на шйрокъ дворъ,
Сталъ съ дворянами онъ тѣшиться,
Сталъ онъ тѣшиться да онъ боротиться.
Одного захватитъ въ руку, дрýгаго да въ дрýгую,
Третьяго онъ смáхнетъ во серёдочку.
По трою же онъ Василій да на зень ложилъ, —
А которыхъ положитъ, больше ты не выстанутъ.
А выходитъ тутъ Владиміръ да на шйрокъ дворъ:
«Ахъ ты мóлодой Василій да Никуличъ ли!
«Укроти-тко свое сердце богатырское».
Испрогóворитъ мóлодый Василій да Никуличъ ли:
— Я пріѣхалъ нонь о добромъ дѣлѣ къ вамъ, о свáтовствѣ
— На твоей любимыи на дочери, —
— А ты съ чести мнѣ не дашь, такъ вóзьму нé съ чести,
— Нé съ чести возьмý, да тéби бокъ набью. —
Не пошолъ же тутъ Владиміръ больше спрашивать,
Сталъ свою тутъ дочь просватывать,
За того было Василья за Никулича,
За тую было Ставрову молодý жену.
А свадебка у нихъ была по третій день,
А Василій да Никуличъ закручинился,
Онъ повѣсилъ свóю да буйну голову,
Утопилъ же очи ясны о кирпичень мостъ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Что же ты Василій закручинился?»
— Что же мнѣ-ка стало нунь не весело:
— Батюшка ли дома у насъ пóмеръ ли,
— Али матушка у насъ да дома пóмерла,
— Аль надъ дружиной во чистóмъ поли не ладно есть.
— Нѣтъ ли ý васъ млáдыхъ загусельщичковъ,
— Поиграть да во гуселышка яровчаты,
— Звеселить мое сердечико? —
Доставали что ли младыхъ загусельщичковъ.
Все играютъ да не весело,
Не могли же звеселить Василья да Никулича.
Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Нѣтъ ли у тя млáдыхъ затюремщичковъ,
— Поиграть въ гуселышка яровчаты? —
Повыпустили младыхъ затюремщичковъ,
Стали тутъ играть въ гуселышка яровчаты,
Все играютъ да не весело.

Говоритъ было Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я слыхалъ же отъ своихъ было родителей:
— Нѣтъ ли здѣсь Ставрà Годинова.
— Онъ горазд̀ъ играть въ гуселышка яровчаты.—
Тутъ выводятъ Стáвра съ пóгребовъ глубокіихъ,
Заигралъ въ гуселышка яровчаты,
Звеселился тутъ Василій да Никуличъ ли.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты меня Ставёръ да нунь же знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Я тебя топеричку не знаю ли».
— А помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ грамотѣ учились ли,
— А моя была чернильница серебряна,
— А твое было перо да подзолочено,
— Ты тутъ помакивалъ всегды, всегды,
— А я помакивалъ тогды сегды? —
«Я съ тобою въ грамотѣ не ýчивался».
— А не помнишь ли, Ставёръ да сынъ Годиновичъ,
— А мы съ тобою сваечкой поигрывали,
— А мое было колечко золоченое,
— Твоя-то бы́ла сваечка серебряна,
— Ты тутъ попадывалъ всегды, всегды,
— А я попадывалъ тогды сегды? —
«Я-то съ тóбой сваечкой не игрывалъ».
Говоритъ же тутъ Василій да Никуличъ ли:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты спусти-ко со мной Стáвра съѣздить во чистó поле,
— Посмотрѣть дружинушки хороброю. —
Говорятъ тутъ князи бóяра:
«Какъ спустить Ставрà, такъ не видать Ставра,
«Не спустить Ставрà, такъ розгнѣвить посла».
А не смѣли тутъ посла порóзгнѣвить,
Отпустили Стáвра съѣздить во чисто поле.
Пріѣзжаетъ тутъ Василій во чисто поле
Ко своей было дружинушки хороброей.
Тутъ идетъ въ шатры да онъ полотняны,
Одѣвае платья было женьскіи,
Сокручается Василій было женщиной.
— Здравствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— А нунечу меня да ты не знаешь ли? —
Отвѣчаетъ тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Здравствуй, молодая Василиста дочь Никулична,
«Нунечу Ставрова молода жена!»
Спрашиватъ да Василиста дочь Никулична
У того Ставрà Годинова:
— Молодой же ты Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
— Ты за что же засаженъ да былъ во пóгреба? —
«Я похвасталъ нунь тобой да молодой женой,
«Что ты всихъ князей бояръ теперь повыманишь,
«Что ли солнышка Владиміра съ ума сведешь.
«А поѣдемъ, Василиста дочь Никулична,
«Мы поѣдемъ въ свою сторону».
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Намъ не честь хвала да молодецкая,
— Что ли вóровски уѣхать намъ со Кіева.
— А поѣдемъ-ко мы свадебки доигрывать.
— Вси князи да бояра нунь повы́манены,
— Солнышко Владиміръ да съ ума сведенъ. —
Накрутилась тутъ она да е посланникомъ,
Пріѣзжаетъ тутъ она ко городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру,
Что ли свадебки она доигрывать,
А сама же у Владиміра тутъ спрашиватъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— А за что же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
— А во пóгреба глубокіи? —
«А за то же засаженъ Ставёръ Годиновичъ
«А во пóгреба глубокіи:
«Онъ похвасталъ нунь своей да молодой женой:
«Всихъ князей бояръ она повыманитъ,
«Она солнышка Владиміра съ ума сведетъ».
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Что у тя Владиміръ нуньче нá умѣ,
— Что у тя Владиміръ е на разумѣ,
— Выдаваешь ты дѣвчи́ну самъ за женщину,
— А за тую за Ставрову молоду́ жену,
— А за тую Василисту за Никуличну? —
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ же очи ясны во кирпичень мостъ.
Вси же князи тутъ бояра призадумались,
Вси же князи тутъ бояра испрогóворятъ:
«Она всихъ князей бояръ да насъ повы́манила,
«Тебя солнышко Владиміръ да съ ума свела.
«Благодарствуешь Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«Зналъ похвастать молодой женой!
«Ты торгуй-ко нунь Ставёръ да здѣ во Кіевѣ,
«Ты отнынѣ же торгуй, да вѣкъ же пó вѣку,
«Здѣ во Кіевѣ безпошлинно».

Записано тамъ же, 23 іюля.

—

8.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ *).

А справляется Чурилка убирается,
Обувае сапожки зеленъ сафьянъ,
Кругъ посочка носочка яичко кати,
Пятка о пятку — туды воробей летѣлъ,
Туды воробей летѣлъ самъ крыломъ не задѣлъ.
Одѣвае онъ платьица цвѣтныи,
Одѣвае онъ шапоньку въ пятьсотъ рублей,
А й ушисту, пушисту, завѣсисту,
И спереди не видно личка бѣлаго,
И сзади не видно кудеръ жолтыихъ.
Справляется Чурилка убирается,
Убирае Чурилка добра кона,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
На потнички кладе войлочки,
А на войлочки кладётъ да онъ сѣделышко.
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Чтобы сподъ сѣдла же добрый конь не выскочилъ,
Добра молодца въ чистомъ поли не выронилъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли удала поѣдучи.
Уѣхалъ Чурила въ чисто полё,
Пріѣзжае къ Катеринѣ Микуличной,
Подъ ей же окошко косевчато,
Ко той ли Катерины Микуличной.
Увидала Катеринушка Микулична,
По поясу бросилась въ окошечко,
Говорила Чурилушки Плёнкову:
«Молодой Чурила сынъ Плёнковичъ!
«Поѣзжай-ко Чурила въ гостёбищо,
«Нѣту Безмѣра Васильевича,
«Ушолъ у насъ Безмѣръ да Васильевичъ,
«Ушолъ же Безмѣръ ко заутренки
«И буде стоять тамъ обѣденку.»
Подъѣзжае Чурила сынъ Плёнковичъ
Ко той же Катеринѣ Микуличной,
Заѣзжае Чурила на широкъ дворъ.
Выбѣгала Катерина Микулична,
Стрѣтала Чурилушку Плёнкова,
Брала за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни за злачеными,
Цѣловала въ уста его въ сахарніи.
Брала Чурилина добра коня,
Вела на конюшни стоялыи,
И сыпала пшену бѣлоярову.
Отошла отъ коня, поклониласи:
«Ѣшь-ко конь лошадь добрая!
«Не для тебя я, конь, кланяюсь,
«Для твоя (*такъ*) любимаго хозяина,
«Для того Чурилушки Плёнковича.»
Взяла тутъ Чурилушку Плёнковича,
Проводила тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Садила его было на стульчики,
Подносила дощечку дубовую.
Стали играть оны въ шашечки;
Сама же Чурилы испрогóворитъ:
«Чорта-то да не зá игра
«А во тыи во шашки во шахманки!
«Пойдемъ-ко, Чурила, позабавимся
«На тую кроватку тисовую,
»На тую перинку пуховую,
«Тамъ же Чурила позабавимся.»
Увидала дѣвчоночка чорная,
Хоть бы чорна дѣвчонка челядинка,
Тую же Катерину Микуличну
Съ тымъ же Чурилушкой Плёнковичемъ
На той же кроватки тисовыи,
На той же перинки пуховыи.
Выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ
Изъ тои кроватки съ тисовою,
Съ тои же перинрчки пуховыи,
Говорилъ же дѣвчóночку чорному:
— Ужъ ты чорна дѣвчонка чиганочка!
— Вотъ ти полтина на бѣлилишка,
— И дрýга полтина на румянишка,
— А третью полтину куды хóшь клади.
— Вотъ теби шапонька пятьсотъ рублёвъ,
— Ушиста, пушиста, завѣсиста, —
— И спереди не видно личка чорнаго,
— И сзади не видно пучка вшиваго. —
Говорила Катерина Микулична:
«Ай же Чурилушка Плёнковичъ!
«Эты полтинушки мни отдай,
«Этую шапоньку самъ держи.»
Обвернула дѣвчоночка чёрная
Изъ той же полаты бѣлокаменной,
Бѣжала дѣвчоночка во Божей храмъ
Къ тому было Безмѣру Васильевичу:
— Ахъ ты мóлодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
— Ты стоишь же зди́, Богу молишься,
— У тебя же е тамъ нунь гость въ гостяхъ,
— У твоей же Катерины Микуличной
— Е же Чурилушка Пленковичъ —
— Братъ съ сестрой что ли мужъ съ женой,
— Что ли мужъ съ женой забавляются. —
Молодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Скорешенько пошолъ со Божья́ храму

*) Размѣръ дактилическій.

Къ той же полаты бѣлокаменной.
Приходитъ ко полаты бѣлокаменной.
Выбѣгала Катеринуша Микулична,
Рострепала волоса свои женьскіи,
Стрѣтала Безмѣра Васильевича:
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Одва безъ тебя я не у́мерла,
«Заболѣло сердечко ретливое.»
Говорилъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Той же дѣвчонки челядинной:
— Завела же ты дѣвчонка доказывать,
— А нунечу дѣвчонка показывай. —
«Ахъ ты мо́лодой Безмѣръ сынъ Васильевичъ!
«Поди-ко на конюшню стоялую,
«Во твоей же конюшни стоялыи
«Стоитъ же Чурилушкинъ доброй конь
«И зобле пшену бѣлоярову.»
Приходитъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ
Онъ на тую конюшню стоялую,
Увидѣлъ Чурилина добра́ коня,
Отсѣкъ же Чурилину добру́ коню,
Отсѣкъ же ему буйну голову.
Приходитъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ же дѣвчонку испрого́ворилъ:
— Завела же ты дѣвчонка доказывать,
— Нунечу дѣвчонка показывай. —
Говорила дѣвчоночка че́рная,
Черна дѣвчонка челя́динка:
«Бери-тко ларци́ окова́нныи,
«А здымай ларци выше головы.»
Тяпнулъ ларци окова́нныи,
Ломалъ же ларци окованныи,
Увидѣлъ Чурилушку Пленкова.
Отсѣкъ же Чурилы буйну голову
За его же поступки неумильніи.
Говорила Катерина Микулична:
— Гди пала́ головка конная,
— Тутъ пала́ головка Чурилина,
— Тутъ пади головка Катеринина! —
Отсѣкъ же Безмѣръ сынъ Васильевичъ,
Отсѣкъ же Катерины буйну голову
А за ей да поступки неумильніи.
Говоритъ тутъ Безмѣръ сынъ Васильевичъ:
«Гди пала́ головка конная,
«Тутъ пала́ головка Чурилина,
«Тутъ пала́ головка Катеринина,
«Тутъ пади головка дѣвки че́рною!
«Черна дѣвчонка челя́динка,
«Знала бы дѣвчонка коровъ кормить,
«Не доказывала бы она мужнихъ женъ.»
Отсѣкъ же дѣвчонки буйну голову.
Самъ же Безмѣръ пріужахнется. —
Отсѣкъ же Безмѣръ себи голову.

Записано та ъ же, 22 іюля.

—

9.

ДЮКЪ.

А во той было Индѣюшки богатыи,
Да во той было Корелы во проклятыи.
А былъ мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А севодня день да былъ суботніи.
Онъ ходилъ гулялъ да по всимъ за́водямъ,
Онъ стрѣлялъ гусей да тамъ же лебедей, —
Сдумалъ ѣхать онъ было во Кіевъ градъ.
А севодня день братцы суботніи,
Завтра намъ итти да ко Божьёй церквы.
Онъ ставае тутъ по утрышку ранешенько,
Отправляется онъ до къ Божьёй церквы.
Онъ стоялъ же тамъ великодённую заутреню,
Сдумалъ ѣхать тутъ же онъ во Кіевъ градъ,
А приходитъ ко родители ко матушкѣ,
А къ честно́й вдовы Мамельфы Тимофеевной,
Онъ отъ той великодённыи заутрени:
«Ты родитель моя матушка;
«Ты честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощенье съ благословленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру
«Посмотрить же мнѣ-ка Кіевъ градъ.
«Скажутъ: Кіевъ градъ въ чести́ въ добри.»
Матушка ему да испрого́воритъ,
А честна́ вдова Мамельфа Тимофеевна:
— Ай рожоно мо́е дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й окольною дорожкой туды дальнею
— А гоньци гоняютъ по три мѣсяца,
— Съ коня на́ конь, съ лошади тутъ на́ лошадь.
— Пройде времени въ дороги да три мѣсяца.
— А прямой дорожкой не окольною
— Е три за́ставы великихъ:
— Перва за́става великая
— Что ли горушки толкучіи.
— Какъ росто́лнутся да горы вмѣсто сто́лнутся,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу не́ бывать.
— Дру́га за́става великая
— Что ли птичушки клевучіи.

— А росправя птици крыльица,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать.
— Третья застава великая —
— А лежитъ змѣя проклятая,
— О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
— А росправитъ змѣя хоботы,
— Тутъ ти Дюку не проѣхати,
— Молодому живу нé бывать. —
Испрогóворитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
А родители тутъ матушки,
А честнóй вдовы Мамельфы Тимофеевной:
«Ты родитель моя матушка,
«Честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
«Дай прощеньицо съ благословленьицомъ
«Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
«А й ко ласковому князю ко Владиміру:
«Дашь прощеньицо съ благословленьицомъ — поѣду ли,
«Хоть не дашь прощеньица съ благословленьицемъ —
«Все равно поѣду я.»
Дала тутъ прощенье съ бласловеньицомъ
Ѣхать къ стольнёму ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Онъ кормилъ коня пшеною бѣлояровой,
Поилъ питьями медвяныма,
Онъ сѣдлаетъ тутъ добрà коня,
Кладывае онъ же потнички на потнички,
А на потнички да клáде войлочки
А на войлочки черкальское сѣдéлышко.
Онъ подтягиватъ двѣнадцать тýгихъ подпруговъ
А тринадцатый-тотъ клалъ для-ради крѣпости,
Чтобы въ чистомъ поли добрый конь да сподъ сѣдла не выскочилъ,
Добра мóлодца въ чистòмъ полѝ нé выронилъ.
Провожаетъ-то его да рóдна матушка,
Та было Мамельфа Тимофеевна,
А сама ему наказываетъ:
— А рожоно мóе дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты не хвастай-ко своимъ большимъ имѣніемъ,
— Не быдь-ко ты рожоное захвастливо,
— Такъ не будешь ты рожоное захвачено. —
Роспростилася да воротилася.
Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли тутъ удалаго поѣдучи.
Съ горы нà гору да съ холмы нà холму
Взялъ онъ рѣки-ты озера перескакивать,
Широки раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой зáставы прискакивалъ,
А ростолнутся-то горы, вмѣсто столнутся.
Тыи горушки ростолнулись,
Не поспѣли вмѣсто столнуться, —
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы нà гору да съ холмы нà холму
Къ другой зáставы прискакивалъ.
Не поспѣли птици крыльицовъ росправити, —
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы нà гору да съ холмы нà холму
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широкѝ раздолья промежъ ногъ пущалъ.
Къ третьей зáставы прискакивалъ.
Не поспѣла змѣя хоботовъ росправити, —
Его бурушко проскакивалъ,
Его маленькій провертывалъ.
Съ горы нà гору да съ холмы нà холму
Рѣки взялъ озера перескакивать,
Широкѝ раздолья промежъ ногъ пущать,
Онъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Пріѣзжае что ли къ солнышку къ Владиміру,
А ко князю стольнё-кіевску.
Привязалъ же онъ добрà коня
У того столба да у точéнаго,
У того кольца да золочéнаго,
А й заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ кладетъ да по писáному,
А поклонъ ведетъ да по учéному,
Бьетъ челомъ да поклоняется
А на всихъ же на четыре стороны,
Князю со княгиною въ особину.
«Здравствуй, солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
«Со своей было княгиною Апраксіей!»
Говорилъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ужъ ты здравствуешь, удалый добрый молодецъ!
— И какъ тебя зовутъ нуньчу по имени,
— Нарекаютъ по отечеству? —
«Я изъ той же нунь Индѣи да богатою,
«А изъ той было Корелы я проклятою,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
— А давно ли ты бояринъ да повыѣхалъ? —
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Дома я стоялъ же тамъ заутренку,
«А сюды поспѣлъ же я нунь ко обѣденкѣ
«А вотъ было во Кіевъ градъ.»
А справляется тутъ солнышко къ обѣденкѣ
Съ тымъ же молодымъ бояриномъ,
Съ Дюкомъ нунь Степановымъ.
А пошли оны по уличкамъ,

Пали дождички великіи,
Сдѣлали тутъ уличкн да грязныи.
Шолъ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Измаралъ же онъ сапожки да зелёнъ сафьянъ.
Тутъ приходитъ да бояринъ ко обѣденки,
На сапожки тутъ бояринъ да поглядыватъ:
— А сказали было: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— Ай же въ Кіеви да не по нашему,
— Постланы мосты да все кирпичныи,
— Сыпаны пески да рудожолтыи,
— Пали дождики великіи,
— Измочили тутъ пески да рудожолтыи,
— Измаралъ-то я сапожки да зелёнъ сафьянъ.
— А у насъ было въ Индѣи во богатыи,
— А у насъ было въ Корелы во проклятыи,
— Все же стланы мостики дубовыи,
— Поверху было да сукна одинцовыи. —
А стоитъ же тутъ Чурилушка сынъ Плёнковичъ,
Говорилъ же тутъ Чурила сынъ же Плёнковичъ:
«Ай же ты мужикъ да деревенщина,
«А пустынмъ ты мужикъ да нуньчу хвастаешь!
«Ты убилъ куныя либо боярина,
«Снялъ же тутъ сапожки да зелёнъ сафьянъ,
«Самъ же ты сапожковъ знать не держивалъ,
«Все же на сапожки ты поглядывашь.
«А ударимъ-ко бояринъ во великъ залогъ,
«Ѣздить-то же намъ да е по три годы,
«А по три годы-то намъ же ѣздить по три дни,—
«Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи,—
«Чтобы конюшки у насъ да были смѣнныи.»
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Билъ же тутъ съ Чурилой о великъ залогъ,
Ѣздить имъ же нунь по три годы,
А по три годы то намъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ насъ лучше повыступитъ,
Другому изъ насъ да голова рубить.
А по Чурилушки по Плёнкови
А ручались Кіевомъ Черниговомъ,
А по томъ было по Дюкѣ по Степановѣ.
Да ручался одинъ отче да черниговской,
А крестовой его батюшко:
Ѣздить-то имъ да по три годы,
А по три годы-то имъ же ѣздить по три дни,
А который же изъ нихъ лучше повыступитъ,
Другому изъ нихъ да голова рубить.
Тутъ выходятъ отъ великодённыи обѣденки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Прошолъ къ солнышку Владиміру
А й ко князю стольнё-кіевску,
Тутъ пришолъ да хлѣба кушати
А во тыи гридни во столовыи.
Тутъ садилися за столики дубовыи,
Приносили тутъ колачики крупивчаты
Что ли Дюку да Степанову.
Сталъ же онъ колачиковъ тутъ кушати,
Мякишокъ-тотъ ѣстъ да корочку подъ столъ мечетъ:
— А сказали: Кіевъ градъ въ чести въ добри!
— А все въ Кіеви да не по нашему.
— Этыи колачики крупивчаты
— Пахнутъ-то на глинушку дожжовую,
— А на то же на помялушко сосновое.
— У моей было родители у матушки
— Есть же печки тамъ муравлены,
— Тамъ помялушка шелковыи,
— А не пахнутъ тамъ колачики на глину на дожжовую,
— А колачикъ съѣшь, другова хочется,
— Другой съѣшь, третей съ ума не йдетъ. —
Вонъ исходитъ зъ-за столовъ да за дубовыихъ,
Крестъ кладетъ да по писаному,
А поклонъ ведетъ да по ученому:
— Благодарствуешь, Владиміръ стольнё-кіевской,
— За твои было колачики крупивчаты. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ справляться во Индѣюшку,
А во ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Не спустили тутъ боярина
Ѣхать въ ту было Индѣю во богатую,
А во ту было Корелу во проклятую.
Тутъ садился да бояринъ на ременчатъ стулъ,
Пише ёрлуки да скорописчаты,
Кладывае онъ же въ сумки перемётныи,
Отпускае онъ добра коня
Съ тыма сумкамы да перемётныма
Ко своей было къ родители ко матушки,
Ко честной было Мамельфы Тимофеевной.
— Ай родитель моя матушка,
— Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Посылай-ко ты мнѣ-ка-ва нынь платьицовъ
— А на три годы пошли да ты же на три дни,
— Въ каждый день да платьица-ты смѣнныи;
— Ты пошли-ко злата серебра,
— Ты пошли-ко мнѣ на три годы,
— Ты на три годы пошли да на три дни,
— А не спустя меня съѣздить во Индѣюшку,
— А во ту было въ Индѣю во богатую,
— А во ту было въ Корелу во проклятую.
— Я ударилъ нуньчу здѣ-ка о великъ залогъ,
— Я похвасталъ знать Индѣей да богатою,
— Да похвасталъ я Корелой да проклятою:

— У насъ было во Индѣи во богатыи, —
— А стоятъ у насъ полаты бѣлокаменны,
— Что ли столбики у насъ да тамъ точеныи,
— Крышки тамъ у насъ да золоченыи,
— А за то же я захваченъ Дюкъ Степановичъ.—
Отправляетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Отправляетъ тутъ добра́ коня
Ко родители ко матушки
А къ честно́й вдовы Мамельфы Тимофеевной.
Сталъ же его бурушко поскакивать,
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,—
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ,
Не успѣли птици крыльицовъ росправити, —
Тую за́ставу проскакивалъ.
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться, —
Тую за́ставу проскакивалъ,
Ко Индѣюшки прискакивалъ,
Середи двора да ставился,
За́ржалъ лошадинымъ тутъ я́сакомъ.
Услыхала тутъ Мамельфа Тимофеевна,
Тутъ взглянула во косевчато окошечко,
Увидала тутъ боярина добра коня:
«Видно тутъ рожоное убитоё!»
Выбѣгала тутъ на ши́рокъ дворъ,
Уви́дала о́на сумки перемётныя,
Брала о́на сумки перемётныя,
Выносила сумки перемётныя,
Роспечатыватъ тутъ ёрлуки да скорописчаты,
Сама́ же тутъ да испрого́воритъ:
«Видно тутъ рожоное захвастливо,
«Тамъ мое рожоное захвачено.»
Собирала тутъ служанокъ своихъ вѣрныихъ,
Отправляе ёму платьицовъ на три́ годы,
А на три́ годы да на три дни,
Въ каждый день да трижды днёмъ
Ему платьица-ты смѣнныи.
Отпускае еще злата ёму се́ребра,
А на три́ годы да на три дни,
Чтобъ хватило да боярину
Дюку да Степанову.
Пише ёрлычки да скорописчаты
Мо́лоду боярину а Дюку да Степанову:
Да не хватитъ буде злата се́ребра,
А ко мни да вѣдомъ посылайте-тко.
Рыла она сумки перемётныи,
Отправляла тутъ его добра́ коня
Къ мо́лоду боярину а къ Дюку да Степанову
Тутъ было во Кіевъ градъ.
А й пошолъ же его бурушко поскакивать
Съ горы на́ гору да съ холмы на́ холму,
Взялъ же рѣки-ты озера перескакивать,
Широки́ раздолья промежъ ногъ пущать.
Къ первой заставы прискакивалъ.
Не успѣли горы вмѣсто столнуться, —
Тую за́ставу проскакивалъ,
Къ дру́гой за́ставы прискакивалъ.
Не успѣли птици крыльицовъ росправити, —
Тую за́ставу проскакивалъ,
Къ третьей за́ставы прискакивалъ.
Не успѣла змѣя хоботовъ росправити,—
Тую заставу проскакивалъ,
Тутъ ко городу ко Кіеву прискакивалъ.
Онъ приноситъ было сумки перемётныи,
Молоду боярину а Дюку да Степанову,
А привозитъ ёму цвѣтныи да платьица,
Онъ на три́ годы привозитъ на три дни.
Вси Кіевомъ платьицовъ ужахнулись,
Стали выбирать оны обцѣнщичковъ
А во ту было Индѣю во богатую:
Мо́лода Добрынюшку Никитича,
Въ дру́гихъ тутъ Михайлу По́тыка Иванова,
А въ третьіихъ Олешеньки Поповича.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Вы не посылайте-тко Олешеньки Поповича
— А во ту было Индѣю во богатую
— Нашихъ животовъ обцѣнивать.
— Наши жи́воты сиротскіи,
— Его глазушка поповскіи,
— Его глазушка оза́рятся,
— А не вытти ввѣкъ съ Индѣюшки.
— Вы пошлите-тко каза́ка Илью Муромца,
— Мо́лода Добрынюшку Никитича,
— Въ третьіихъ Михайлу По́тыка Иванова,
— А трехъ русьскіихъ могучіихъ богатырей,—
— А не вѣкъ же имъ тамъ животы обцѣнивать:
— Не какіе наши жи́воты, сиротскіи. —
А отправились бога́тыри,
А отправились въ Индѣю во богатую
А во ту было въ Корелу во проклятую,
Дюковы́ихъ жи́вотовъ обцѣнивать.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Сталъ же со Чурилушкой поѣзживать.
Въ каждый день Чурилушки да конюшки-ты смѣнныи
Наставляютъ ёму Кіевомъ.

А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
На росы бурка да перекатыватъ,
Шерсть же на бурки да перемѣнится,
Въ кажный день-то шерсть да на емъ смѣнная.
Одѣвае въ кажный день-то платьица онъ смѣнныи,
Да не то бояринъ и по трижды въ день.
Стали ѣздить со Чурилой было Плёнковымъ
А гулять да во чистомъ поли.
А пошли туды да русьскіи могучіи богатыри
А во ту было Индѣю во богатую
Его животовъ обцѣнивать,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Коротали тутъ въ дорогѣ да три мѣсяца,
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелушку проклятую.
Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
Усмотрѣли тутъ Корелу да проклятую.
Вся Индѣя что ли насъ да перепаласи,
Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи?
А подходятъ подъ Индѣю подъ богатую,
А подходятъ подъ Корелу подъ проклятую,
Думали Индѣя перепаласи,—
Ажно ихъ Индѣя не спугаласи,
Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти,
А й полаты тутъ у нихъ да бѣлокаменны,
Столбики у нихъ были точеныи,
Крышки-ты у нихъ да золоченыи.
Выходятъ тутъ оны да среди города
А къ той было Мамельфы Тимофеевной
Къ ей же нунь полатамъ бѣлокаменнымъ.
Тутъ идутъ же отъ обѣдни жены старо-матеры.
«Ужъ вы здравствуйте артель да жоны старо-матеры!»
Отвѣчаютъ имъ же жоны старо-матеры:
— Вы откуда добры молодцы? —
Отвѣчаютъ имъ удалы добры молодцы,
Святорусьскіи богатыри:
«Есть мы города нунь Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«А й обцѣнщички же Дюковыимъ животамъ.
«Мы пришли обцѣнивать да Дюковыихъ животовъ.
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
— Нѣту этта Дюковыи матушки,
— Этта Дюковы коровници. —
А приходитъ тутъ артель да ихъ же другая:
«Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
«Есть ли этта Дюковая матушка?»
Отвѣчаютъ тутъ же жоны старо-матеры:
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы да портомойници.»
А идётъ же тутъ артель да было третьяя:
— Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы постельници.»
А идётъ же тутъ артель четвертая:
— Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы колачници.»
А идётъ же тутъ артель да пятая:
— Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
«Нѣту этта Дюковыи матушки,
«Этта Дюковы да горничны.»
А идётъ же тутъ артель да шостая,
Тутъ идетъ жена да старо-матера,
Вся она идетъ да было въ золоти:
— Здравствуйте вы жоны старо-матеры!
— Есть ли этта Дюковая матушка? —
Говорятъ тутъ жоны старо-матеры:
«Есть же этта Дюковая матушка.»
Тутъ выходитъ Дюковая матушка,
А честна вдова Мамельфа Тимофеевна:
— А вы здравствуйте удалы добры молодцы!
— Вы коей земли, коей орды,
— Какъ васъ именёмъ зовутъ,
— Какъ васъ нарекаютъ по отечеству? —
«Есть же мы тутъ города-е Кіева
«А й отъ ласковаго князя отъ Владиміра,
«Посланы у Дюка у Степанова
«Своихъ животовъ обцѣнивать.
«Я есть старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Другой молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«Въ третьіихъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
«А й удалы добры молодцы,
«Святорусьскіи богатыри.»
— Ужъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Ужъ ты молодый Добрынюшка Никитиничъ,
— А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— А подите къ намъ да хлѣба соли нуньчу кушати,
— Бѣлою лебёдушки порушати.
— Не какіе наши животы, сиротскіи,
— Наши животы бобыльскіи,
— А не долго пройде животы обцѣнивать. —
Отправлялиси богатыри
А й во ты было полаты бѣлокаменны,
Къ той было Мамельфы Тимофеевной,
Тутъ же хлѣба кушати.
Тутъ приходятъ да во гридни во столовыи,

Крестъ кладутъ да по писáному
И поклонъ ведутъ да по учéному,
Бьютъ челомъ да поклапяются
На всѣ на четыре стороны,
Ей Мамельфы да въ особину.
Тутъ садились они хлѣба было кушати,
Ей же бѣлою лебёдушки порушати.
А колачикъ съѣли, дрýгаго тутъ хочется,
А по третьеёмъ душа горитъ.
Наѣдалиси они да было дó сыти,
Напивалиси оны да было дó пьяна.
Стали тутъ богáтыри отдохъ держать,
Спали тутъ богáтыри трой сутки.
А по той же по Индѣи по богатоей,
А по той же по Корелы по проклятоей
Потекла рѣка да было съ зóлотомъ.
Прохватились тутъ же русьскіи могучіи богáтыри,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Никитиничъ,
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
А пошли тутъ по Индѣюшки погуливать,
Узнавать было Индѣюшки богатыи,
Узнавать было Корелушки проклятыи,
Что общѣнивать Индѣя-та богатая,
А какіе есть тутъ Дюковыи жи́воты.
А во той было Индѣи во богатыи,
А во той было Корелушки проклятыи
Стланы тамъ же мостики дубовыи,
На верёхъ-то у нихъ сукна одинцовыи.
Проходили тутъ богáтыри
А по той было Индѣи по богатыи,
А узнали тутъ же Дюковыи жи́воты,
Увидали тутъ рѣку да золоченую,
И самы себи оны да испрогóворятъ:
«Какъ намъ этта Дюковыи жи́воты общѣнивать,
«Тутъ же вѣкъ свой намъ скорóтати.»
Стали тутъ же общѣнивать да жи́вотовъ,
Да общѣнивали сбрую лошадиную.
Прошло времечки безъ мала да три гóды есть,
И самы себи богáтыри спрогóворятъ:
«Ай же мы да братьица крестовыи!
«А не нужно намъ всихъ животовъ общѣнивать,
«А какъ вси намъ жи́воты общѣнивать
«Такъ намъ вѣкъ же тýда-ка скорóтати.»
Отправляются три русьскіихъ могучіихъ богатыря
А изъ той же изъ Индѣи изъ богатыи,
Да изъ той же изъ Корелы вонъ съ проклятыи
А ко стольнему ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру.
Шли въ дорогѣ да три мѣсяца,
А приходя къ городу ко Кіеву
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Говорили что ли солнышку Владиміру,
Что ли князю стольнё-кіевску:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Не могли же мы да Дюковыихъ животовъ пріобщѣнить.
«Общѣнять же тамъ намъ Дюковыи жи́воты, —
«Такъ же вѣкъ же тамъ да надо намъ скорóтати».
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ѣздилъ со Чурилушкой по три́ годы,
А по три годы, да по три дни.
А приходитъ имъ было послѣдній день,
Кто у нихъ получше да повыступитъ,
Дрýгому изъ ихъ да голова рубить.
Сегодня день братцы у насъ суботніи,
Завтра у насъ день да воскресеньицо,
А итти-то имъ да ко Божьёй церквы.
Да который-то изъ нихъ лучшé повыступитъ,
Дрýгому изъ ихъ да голова рубить.
Тутъ приходятъ да оны да ко заутренки,
А Чурилушко тотъ Пленковичъ
Ставится на крылосо на правое,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ставится на крылосо на лѣвое.
Молодой Чурилушко сынъ Пленковичъ
Сталъ же свою славушку показывать,
Сталъ же онъ тутъ плеточкой поваживать,
Онъ отъ пуговки да сталъ было до пуговки,
А й отъ петелки до петелки;
Тутъ отъ пуговки да пуговки
А й пошли враны, стали прогуркивать,
А й отъ петелки до петелки.
Поплыла змѣя, стала просвистывать.
Кіевомъ было Чернигóвомъ
Вси оны да пріужахнулись,
Вси оны да тутъ же призадумались
А самы ему да испрогóворятъ:
— Благодарствуешь Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Некудá боярину да Дюку да Степанову,
— Некудá да лучше нынь повыступить. —
Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утопилъ онъ очи ясны во кирпичень мостъ,
Самъ бояринъ призадумался.
Сталъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ онъ плеточкой поваживать,
А й отъ пуговки да онъ до пуговки,
Что ль отъ петелки да онъ до петелки.
А й отъ пуговки было до пуговки
Пошли птицушки пѣвучіи,
А й отъ петелки до петелки

Пошли звѣрюшки крыкучіи,
Вдругъ запѣли тыи птицушки пѣвучіи,
Закрычали вдругъ же звѣри вси крыкучіи.
Вси во церквы пали, обмерли.
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ай уйми-тко ты же птиценекъ пѣвучіихъ,
«Да уйми-тко всихъ же звѣрюшковъ крыкучіихъ,
«Ты оставь-ко намъ людей да хоть на симена»
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Не у васъ я хлѣба соли нуньчу кушаю,
— Я не васъ-то хочу нуньчу слушати. —
Говорилъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же отче ты черниговской!
«Ты молись-ко да крестовому нунь дитятки,
«Молоду боярину что ль Дюку да Степанову,
«Унялъ чтобы птиценекъ пѣвучіихъ,
«Чтобы унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ».
Говорилъ же ёму отче да черниговской,
А крестовый его батюшка:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты уйми-тко нуньчу птиценекъ пѣвучіихъ,
— А уйми-тко ты же звѣрюшковъ крыкучіихъ.—
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я у васъ же хлѣба соли нуньчу кушаю,
«Да я васъ же хочу слушати».
Унялъ тутъ же птиценекъ пѣвучіихъ,
Всихъ же унялъ звѣрюшковъ крыкучіихъ.
Говоритъ же тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Кто у насъ получше да повыступилъ?»
Тутъ повѣсилъ да Владиміръ буйну голову,
Утопилъ да очи ясны во кирпичень мостъ,
Ничего ему да не отвѣтствуетъ.
Испрогоборитъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Обзадорилъ ты Чурилушка сынъ Пленковичъ!
— Это молодцамъ да намъ съ тобой не похвальба,—
— А поѣдемъ-ко Чурилушка къ Пучай-рѣки,
— Скочимъ черезъ матушку Пучай-рѣку:
— Кто изъ насъ тутъ лучше да повыступитъ?—
Не хотѣлось бы Чурилушки ѣхать къ матушки Пучай-рѣки,
Его похвальба да напередъ зашла.
Поѣзжаетъ тутъ Чурилушка сынъ Пленковичъ
Что ли съ молодымъ бояриномъ
Да со Дюкомъ со Степановымъ
Къ тою матушки Пучай-рѣки.
Пріѣзжаютъ тутъ же къ матушки Пучай-рѣки
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Тотъ же да Чурилушка сынъ Пленковичъ.
Говоритъ ему бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты молодой Чурила сынъ да Пленковичъ!
«Твоя похвальба-та напередъ зашла.
«Скочи-ко черезъ матушку Пучай-рѣку
«На своемъ-то на добромъ конѣ».
Тотъ же Чурилушка сынъ Пленковичъ
Розсердилъ же тутъ онъ своего добра коня,
Скочитъ черезъ матушку Пучай-рѣку,
Осередъ рѣки Чурилушка въ воду пошолъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ приправитъ своего тутъ бурушка
Черезъ матушку Пучай-рѣку.
Съ бережка бояринъ да выскакиватъ,
Къ другому бояринъ да прискакиватъ,
Поскорешенько назадъ коня да поворачиватъ,
Осередъ рѣки бояринъ да припадыватъ,
За волосы онъ Чурилушку захватыватъ,
Да съ воды съ конёмъ выздымливатъ,
Къ солнышку къ Владиміру притаскиватъ.
— Ахъ-ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кто у насъ получше да повыступилъ? —
Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не сруби-тко ты Чурилки буйной головы
«За его теперь поступки неумильніи,
«За его было да ложное-то хвастанье».
Отвѣчаетъ тутъ бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Кабы лучше насъ Чурилушка повыступилъ,
— Мнѣ-ка-ва бы онъ срубилъ да буйну голову.
— А пустъ-ко ти, Чурилушка ты Пленковичъ,
— А не срублена твоя да буйна голова
— За твои поступки неумильніи,
— За твое за ложное за хвастанье.
— Ты княземъ да Владиміромъ упрошенный,
— Кіевскима да черниговскима,
— А й черниговскима бабамы умоленный.
— Ты не ѣзди-тко нунь съ намы со бурлаками,
— А ты ѣзди-тко нунь въ Кіеви,
— Въ Кіеви въ Чернигови межъ бабамы,
— А вѣкъ же тамъ ты ѣзди по вѣку! —

Записано тамъ же, 24 іюля.

—

10.

КНЯЗЬ КАРАМЫШЕВСКІЙ.

Былъ же славный князь да Карамы́шевской,
Жилъ онъ покрай матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Ѣздилъ онъ по матушки Вятлы́ рѣкѝ,
Прибиралъ же себи мѣсто да любимоё,
А прибралъ себи мѣсто да любимоё
Покрай матушки было Вятлы рѣки;
Далъ за мѣсто онъ пятьсотъ рублей.
Признали тутъ же князи было бо́яра
Его мѣсто да любимоё,
Давали тутъ за мѣсто цѣлу тысящу.
И тотъ же князь да Карамышевской
Заводилъ же онъ тутъ да почестный пиръ,
На князей пиръ да онъ на бо́яръ пиръ
И на всихъ гостей да званыхъ браныхъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Илья да кумъ же темныи розбойничёкъ,
Со своей было дружинушкой хороброю,
И съ Гришкой пынь съ Олешкой со Баскаковымъ,
На то же на велико пированіё
А на тотъ же на почестный пиръ.
Розсадилъ же было князь да Карамышевской,
Всихъ же розсадилъ по своимъ мѣстамъ,
Вси же ѣли, вси же пили тутъ да кушали,
Его бѣлую лебёдушку тутъ рушали.
А сидитъ Илья да кумъ же тёмныи,
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, да самъ не кушаетъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаетъ.
Ходитъ князь Иванъ да Карамышевской
По своимъ было полатамъ бѣлокаменнымъ,
И самъ же князь да испрого́воритъ:
«Ай же ты Илья да кумъ же тёмныи,
«А кумъ же темныи розбойничекъ!
«Ты что не ѣшь, не пьешь, да ты не кушаёшь,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушаешь?
«Ѣствы-ты мои теби не по́ уму,
«Али питьица мои ти не по разуму?
«Али чарою тебя да нунь пріо́бнесли,
«Аль дуракъ-тотъ надъ тобой да насмѣялся ли,
«Али пьяница тебя да нунь пріо́бозвалъ?»
— Ѣствы-ты твои да были по́ уму,
— Питьица твои былѝ по разуму,
— Чарою меня тамъ не пріо́бнесли,
— Дуракъ надо мною не смѣялся ли,
— И пьяница меня да не пріо́бозвалъ. —
Ходитъ было князь да Карамышевской
И по тымъ же по полатамъ бѣлокаменнымъ.
Говорилъ же князь да Карамышевской:
«Твое сердце знать розбойничко,
«На́ кой день же ты головушки не у́бьешь ли,
«На тотъ же день не мошь ты живъ же быть.»
Тутъ мутно е́го око помутилоси,
Розбойническое сердце розгорѣлоси
И съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Повыглянулъ на князя онъ же съ по́длобья.
Говоритъ же тутъ княгиня Карамышевска
Своему же было князю Карамышевску:
— Ай же князь да Карамышевской!
— Ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма тёмнаго,
— Ку́ма тёмнаго розбойничка.
— Его мутное тутъ око помутилоси,
— А розбойничко тутъ сердце розгорѣлоси,
— А съ по́длобья на васъ да онъ повы́глянулъ.—
Говорилъ же тутъ да князь да Карамышевской:
«Зналъ же я розбойничка роздра́жити,
«Знаю я розбойничка утѣшити.»
Шолъ же во глубокіи во по́греба,
На мису́ онъ клалъ да красна золота,
А на дру́гу кладыва́е чистаго тутъ се́ребра,
А на третьюю каменьевъ драгоцѣнныихъ.
Тутъ подноситъ онъ Илью да ку́му тёмному,
Ку́му тёмному, розбойнику,
Эти честныи да да́рева.
Принимаетъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Эти честныи подарочки,
Самъ ему да кланялся:
— Благодарствуешь да князь же Карамышевской
— За твои великіи подарочки.
— Ты не бойся-тко Ильи да ку́ма тёмнаго,
— Ку́ма тёмнаго розбойника,
— Со дружинушкой меня да со хороброю,
— Съ Гришкой нунь съ Олешкой со Баскаковымъ.
— Бойся-тко ты ноченьки нунь тёмныи,
— Темныи ты ноченьки осеннiи. —
Князь же Карамышенской зраду́ется:
Я зналъ же нунь розбойника роздра́жити,
Я умѣлъ же нунь розбойника утѣшити.
Съ той же со великою со радости,
Что утѣшилъ онъ да пунечку розбойника,
А того же нунь Илью да кума тёмнаго,
Тутъ до́пьяна же князь да напивается,
И до́сыти же князь да наѣдается,
И самъ же тутъ же князь да поросхвастался
Своимъ тутъ мѣстомъ да любимыимъ:
«Я ѣздилъ нунь по матушки Вятлы́ рѣки,
«Прибиралъ же себи мѣсто я любимоё,
«Далъ же я за мѣсто нунь пятьсотъ рублёвъ,
«Князи же бояра мни давали цѣлу тысящу,
«Я не продалъ нунь да мѣста да любимаго.»

Вси тутъ на пиру да наѣдалися,
Вси же на честномъ да напивалися,
Вси со пиру по домамъ да розбиралися.
Тутъ уѣхалъ да Илья же кумъ да тёмныи,
А Илья же кумъ да темныи розбойничекъ,
Со своей было дружиной со хороброю.
Дожидается онъ ноченьки тутъ темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи,
И дождался тутъ онъ ноченьки да темныи,
Хоть бы темныи тутъ ноченьки осенніи.
Говорилъ же онъ дружинушки хороброю:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«А поѣдемте-тко къ князю Карамышинску,
«Подъ его было подъ мѣсто подъ любимое.»
Собиралися тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Съ тымъ же нунь Ильёй да кумомъ тёмнымъ,
Кумомъ темнымъ розбойникомъ.
Садилися они въ лодочку коломенку,
Поѣзжали тутъ по матушки Вятцы рѣки,
Подъѣзжали тутъ подъ тово подъ любимоё.
Прогряну́ла было лодочка коломенка
Да проскры́пули веселышка яровчаты
А подъ то было село да подъ любимое,
Подъ того ли было князя Карамышенска.
Говорила тутъ княгиня Карамышенска:
— Ай же князь Иванъ да Карамышенской!
— А подъ нашеё село любимое
— Прогряну́ла было лодочка коломенка
— А проскрыпнули веселышка яровчаты,
— Тутъ подъѣхалъ нунь Илья къ намъ кумъ да темныи,
— Кумъ же темныи, розбойничёкъ. —
Говоритъ же было князь тутъ Карамышевской:
«Не напился бы теперечку я допьяна,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тёмнаго.
«Кабы могъ я нунь ходить да на рѣзвы́хъ ногахъ,
«Могъ носить въ рукахъ бы я черливый вязъ,
«Не боялся бы Ильи да ку́ма тёмнаго,
«Кума темнаго розбойника!»
Подъ окномъ же тутъ Илья все да повыслухалъ,
Говорилъ же Гришки нунь Олешкѣ да Баскаковымъ:
— Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
— Берите-тко конецъ бревна да слягу бѣлую,
— И выставьте-тко двери вонъ со липиньёмъ. —
Тутъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Брали тутъ конецъ бревна да слягу бѣлую,
Ударили тутъ въ двери да со липиньёмъ
И выставили двери съ ободвереньей.
Приходитъ тутъ Илья же кумъ да темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Приходитъ тутъ въ полаты бѣлокаменны,
Говоритъ же тутъ Илья да кумъ же темныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы берите-тко копье да бурзамецкое,
«Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
«А во той было во ложни да во тёплыи.»
Говорили тутъ же Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что сколоть же нунь намъ князя Карамышенска
— А во той было во теплыи во ложеньки.
— Мы ѣли, пили, тутъ же кушали,
— Его бѣлую лебедушку тутъ рушали,
— Мы приняли да честныи подарочки, —
— Не можемъ мы сколоть цунь князя Карамышенска, —
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси.
Какъ тяпне онъ копье да бурзамецкое,
И скололь же тутъ онъ князя Карамышенска
А во той было во ложни да во тёплыи.
Говорилъ же тутъ Илья да кумъ же тёмныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ:
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы сколите-тко княгину нунь за люлечкой.»
Отвѣчаютъ Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи
— Да сколоть же намъ княгину да за люлечкой!
— Она му́жа тутъ да не учи́ла ли *)
— Что роздра́жить Илью ку́ма тёмнаго. —
Его мутное тутъ око помутилоси,
А розбойницкое сердце розгорѣлоси,
И скололь же онъ княгину да за люлечкой.
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
«Вы возьмите-тко младенчика изъ люлечки,
«Рвите-тко младенчика да на двое.»
Гришка тутъ Олешка да Баскаковы
Отвѣчали тутъ Ильи да ку́му тёмному:
— Ай не носятъ насъ да ножки рѣзвыи,
— А не здынутся да ручки наши бѣлыи,
— Что его нунь душенка безвинная,
— Не училъ же онъ да отца матери! —

---

*) Ли не имѣетъ здѣсь смысла вопросительнаго, а напротивъ, утвердительный, вмѣсто: не учила вѣдь.

Мутное тутъ око помутилоси,
Хоть розбойницко же сердце розгорѣлоси,
Выхватилъ младенчика изъ люлечки,
На ногу ступилъ, за дру́гую да дернулъ ли,
На двое младенчика порозорвалъ.
Тутъ пограбилъ онъ же князя Карамышинска,
Со́жгалъ тутъ же мѣсто да любимоё,
И уѣхалъ тутъ Илья да кумъ же темныи
Со своей было дружинушкой хороброю.
Съѣхалъ тутъ Илья да въ свой же домъ
Со своей было дружинушкой хороброю.
Мутно е́го око тутъ же мутится,
Розбойническое сердце роздѣляется:
Ѣхать мнѣ ко городу ко Кіеву
А й ко ласковому князю ко Владиміру,
А й убить же тамъ Василья сына Карамышинска.
Собралъ онъ дружины сорокъ тысячей,
Самъ розбойничекъ поѣхалъ да посланникомъ
А й ко солнышку къ Владиміру,
А й ко князю стольнё-кіевску.
Пріѣзжае со дружинушкой хороброю,
Половину оставляе во чисто́мъ поли,
А съ другою пріѣзжае въ Кіевъ градъ.
Проситъ у Владиміра да войска безпощаднаго,
Онъ большаго проситъ кроволитія *).
Убоялся нашъ Владиміръ стольнё-кіевской
Тутъ Ильи да кума темнаго розбойника,
Онъ просилъ къ себѣ во гридни во столовыи,
Во великое себѣ-ка во гостёбищо.
Пожелалъ же тутъ Илья да кумъ же те́мныи,
Кумъ же темныи, розбойничёкъ,
Что ли къ солнышку къ Владиміру,
Что ль ко князю стольнё-кіевску,
А во ты ли въ гридни во столовыи
Во великое гостёбищё
Со своей дружинушкой хороброю,
Съ Гришкой со Олешкой со Баскаковымъ.
Тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Ставилъ онъ же столики дубовыи
И угащивалъ великіимъ гостебищемъ,
А садилъ Илью на мѣсто да на первое,
А садилъ во мѣсто да во бо́льшее.
Да разнощикъ былъ Василій да Ивановичъ,
Что ль любимыи его племя́нничокъ,
Племянничокъ да й крестничокъ,
Того князя Карамышевска его-то ро́дной сынъ.
Розносилъ онъ чару зелена вина
На томъ ли на великоемъ гостебищѣ.
Перву чару нёсъ онъ, не́ донесъ,
А другую нёсъ же, пе́ренесъ,
А третьей чары Ильи не́ подалъ,
А и не́ подалъ розбойничку.
Мутно его око помутилоси,
А розбойничко тутъ сердце загорѣлоси,
Съ кровью тутъ глаза да повернулиси,
Съ по́длобья да онъ повы́глянулъ
На того было Василья на Иванова.
Самъ же тутъ Илья да испрого́воритъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«И какой у тя поставленъ да розноцичокъ,—
«Перву чару нёсъ да къ намъ же не́ донесъ,
«А другу чару нёсъ да насъ онъ пе́ренесъ,
«И третьею-то чары намъ же не́ подалъ?
«А заводитъ онъ же бой драку́ великую,
«А большое онъ же съ вами кроволитіе.»
Говоритъ же тутъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же ты любимыи племянничокъ,
— Ай Василей да Ивановичъ,
— Ты крестовое мое да было дитятко!
— А зачѣмъ же ты роздра́жилъ нунь Илью да ку́ма те́мнаго,
— Кума темнаго розбойника?
— За твои поступки неумильніи
— Прикажу ти голову́ рубить! —
Тяжеле́шенько тутъ онъ да поросплакался:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
«Ты родитель мой же дѣдушка,
«Да крестовый мой же батюшко!
«Ты не носятъ да меня же ножки рѣзвыи,
«Да не здынутся мои же ручки бѣлыи
«Подать чары зелена вина.
«А й убилъ же онъ родителя нунь батюшка,
«Что ли князя Карамышенска,
«Твоего ли зятя да любимаго,
«А во той было во ложни да во те́плыи,
«А мою было родитель тутъ же матушку
«А твою было сестрицу да родимую,
«А скололъ же онъ за люлечкой,
«Моего же было братца да родимаго
«А и вьюноша тутъ малаго,
«А онъ выдернулъ изъ люлечки,
«На ногу ступилъ, за дру́гую тутъ дернулъ ли,—
«И на двоё его порозорвалъ!
«И видѣлъ бы Илью да я на ножики,
«А не то же поднести да ёму чару зелена вина,
«А тому Ильѣ да куму те́мному,
«Куму темному, розбойнику!»
Говоритъ ему Владиміръ стольнё-кіевской:

*) По объясненію пѣвца, это значитъ, что онъ объявляетъ Владиміру войну.

— Ай же ты крестово мое дитятко,
— Ай Василей да Ивановичъ!
— Буде мошь отлить ты кровь родительску,
— Буде мошь ты съ нимъ да нунь поправиться,
— Ты убей-ко нунь Илью да кума тёмнаго,
— Кума тёмнаго, розбойника. —
Мутно ёго око помутилоси,
Богатырско сердце загорѣлоси,
Подскочилъ къ столамъ да онъ дубовымъ,
Какъ ухватитъ онъ Илью да за желты кудри,
Здынетъ тутъ Илью да выше головы,
Топнулъ онъ Илью да о кирпичень мостъ,
Повернулись тутъ глаза да вонъ косящами.
Какъ ухватитъ онъ его да тутъ же за ноги,
Взялъ же онъ розбойникомъ помахивать.
Выскочилъ Василей да на широкъ дворъ,
Добирается до оси до телѣжныи,
До телѣжныи до оси до желѣзныи,
А тая-то ёму мѣра по плечу пришла.
Взялъ же по той силушки помахивать, —
Вся же сила тутъ его да розбѣжаласи,
Малыи да розбѣжалиси,
Старыи тутъ ростулялиси,
Вся та силушка назадъ ушла,
Вся же сила по своимъ мѣстамъ.
Забирается во гридни во столовыи
Что ль ко солнышку ко князю ко Владиміру.
— Благодарствуй ты любимыи племянничокъ,
— Ты племянничокъ да крестничокъ,
— Да Василей ты Ивановичъ!
— Отлилъ ты ему да кровь родительску
— Да тому было розбойничку,
— Да тому Ильи да куму тёмному. —

Записано тамъ же, 22 іюля.

—

11.

РАХТА РАГНОЗЕРСКІЙ*).

Проѣзжалъ борецъ было невѣрныи,
Много городовъ прошолъ,
Много онъ борьцовъ повалилъ,
Иныхъ онъ до смерти убилъ.
Пріѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
Самъ же князю похваляется:
«Ай же князь ты московскіи!
«Дай мнѣ нуньчу поединщичка.
«Ты не дадешь намъ да поединщичка, —
«Я вашею Москву да всю огнёмъ пряжгу.»
Много находилоси младыхъ борьцовъ,
А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
А й борецъ противъ его да не находится.
Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки
А стоятъ же мужики да балахонники,
А й самы оны да испрогоборятъ:
— Кабы нашъ-то же да Рахта рагнозерскіи,
— Этого борьца онъ бы нунь въ кучку склалъ! —
Подходитъ человѣкъ да незнакомыи,
У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашиватъ:
«Вы откуда мужички да балахонники,
«А какой же у васъ Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчали мужики да балахонники:
— Нашъ бы Рахта рагнозерскіи
— Этого борьца да онъ бы въ кучку склалъ. —
Подхватили мужиковъ да балахонниковъ
А держали ихъ-то въ крѣпости,
Отправляли тутъ скора гонца
Въ ту деревню Рагнозерскую,
За тѣмъ Рахтой рагнозерскіимъ.
Пріѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскіи
Въ ту деревню Рагнозерскую.
Не случилось было Рахты дома-ли,
При тоёмъ гонци да при московскоемъ,
Находился Рахта въ лисяхъ е.
Спрашиватъ гонецъ было московскіи:
«Этта ль есть да Рахта рагнозерскіи?»
Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
— Тутъ живетъ же Рахта рагнозерскіи.
— Ты откудова удалый добрый молодецъ?
«Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
«Тотъ гонецъ да было скорыи
«А за тѣмъ было за Рахтой рагнозерскіимъ.
«Требуе тутъ было князь московскіи

---

*) Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка къ юго-востоку отъ Пудожской горы, къ юго-западу отъ Водлозера; на картѣ неправильно написано Рангозеро. Говорятъ, будто тамъ еще существуетъ преданіе, что въ этой деревнѣ нѣкогда жилъ знаменитый борецъ. Когда Калининъ пропѣлъ эту былину, бывшій тутъ кижскій крестьянинъ В. Я. Мореходовъ сказалъ мнѣ, что онъ слыхалъ ее, когда былъ мальчикомъ лѣтъ 12-ти (т. е. лѣтъ 30 тому назадъ) отъ старика, который приходилъ къ нимъ въ домъ, что онъ помнитъ, что старикъ этотъ московскаго князя называлъ Василіемъ, но какъ по отчеству не можетъ припомнить, и что Калининъ пропустилъ одну памятную ему подробность, именно что Рахтѣ, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

«Съ тымъ борьцемъ да поборотися,
«А съ невѣрнымъ поратиться.»
Отвѣчаетъ ёму женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскій!
— Какъ изъ лѣсу приде Рахта рагнозерскій,
— Не серди ты-тко его голоднаго,
— А й голоднаго ёго да холоднаго.
— Дай ему волю хлѣба нунь покушати,
— А тожно*) ты его да нуньчу спрашивай. —
Тутъ приходитъ съ лѣсу Рахта рагнозерскій.
Зготовляетъ обѣдъ да ёму женщина,
Онъ же сѣлъ тутъ хлѣба кушати,
А поѣлъ же тутъ нунь Рахта рагнозерскій.
Ты ставае да гонецъ было московскій
А й ему же тутъ нунь поклоняется:
«Ты есть нуньчу Рахта рагнозерскій?
«Требуетъ тя князь нуньчу московскій
«Съ тымъ борьцёмъ да поборотиться,
«Что ль съ невѣрнымъ да попытатися.»
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскій,
— Нунь въ Москву свою да бѣлокаменну.
— Я послушаю нунь князя да московскаго
— А прибуду я въ Москву да на бореніе,
— Да прибуду нунь попрежде васъ.
— А прибуду буде раньше васъ,
— Гди искать мнѣ князя да московскаго? —
«Ты прибудешь нунь въ Москву да бѣлокаменну,
«Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
«Тамъ тебѣ-ка-ва покажутъ ли.»
А й гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта тутъ на лыжи было ставится,
Что ли Рахта тутъ въ Москву да отправляется,
Да попрежде тутъ гонца въ Москву онъ ставится.
Отыскалъ же тутъ онъ князя да московскаго,
А кормили тутъ его да было досыти,
А поили тутъ его да было допьяна.
Тотъ гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ.
Отвѣчае тутъ да князь было московскій:
— Здѣсь-ко Рахта что ль въ Москвы даобъявляется,
— Именёмъ своимъ да Рахта называется. —
Говоритъ гонецъ быто московскій
Что ли князю да московскому:
«Ты держи-тко ёго сутки да голоднаго,
«Тожно ты спусти къ борьцу да на бореніё
«А къ невѣрному на показаніё.»
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили тутъ его да на бореніё.
Говоритъ тутъ Рахта рагнозерскій:
— Я бороться князь да нунечу не знаю ли,
— Я поратиться съ борьцомъ да не умѣю ли, —
— Да привычка нунь у насъ да была женская. —
Какъ ухватитъ онъ борьца за плечи ли
Да топнетъ тутъ борьца да о кирпичемъ мостъ,
Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
«Ай же ты да Рахта рагнозерскій!
«Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?»
— Ничего мнѣ князь не надобно.
— Дай-ко мнѣ-ка бласловеньицо,
— Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
— Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
— А безъ нашего да дозволеньица. —
Далъ ему да князь было московскій,
Далъ ему да князь тутъ дозволеньицо,
Чтобъ не ловили безъ его благословленьица.

Записано на Мариаволокѣ, 26 іюля.

*) Тогда.

—

12.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 17).

У того же короля да политовскаго
Пированьицо было на третій день.
Вси же на пиру да напивалися,
Вси же на честнóемъ наѣдалися,
Вси же на пиру да поросхвастались.
Сидятъ на пиру два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Не ѣдятъ они, не пьютъ было, не кушаютъ,
Его бѣлою лебёдушки не рушаютъ.
Ходитъ старыи да ихъ же дядюшка,
Тотъ же нунь король да политовскій,
Политовскій король да земли польскій.
«Что же вы два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка,
«Вы не ѣли нунь, не пили, да не кушали,
«Моей бѣлою лебёдушки не рушали?
«Ѣствы-ты ли вамъ нуньчу не пó уму,
«Али питьица-ты вамъ да не по разуму,
«Али думаете думушку вы крѣпкую,
«Али крѣпкую вы думу заединую?»
Отвѣчали тутъ любимыи племяннички,
Тыи нунь поганыи татарова,
А любезному тутъ дядюшки,
Старому же королю да политовскому:

— Политовскій король да земли польскій!
— Думаемъ мы думушку нунь крѣпкую,
— Крѣпкую мы думу заединую,
— Ѣхать намъ во матушку во каменну́ Москву
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту Орду. —
Говоритъ же имъ тутъ старыи нунь дядюшка,
Тотъ же нунь король да политовскій,
Политовскій король да земли польскій:
«Ай вы два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
«Два тыихъ любимыихъ племянничка!
«Вы не ѣдьте-тко да въ каменну́ Москву,
«Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту Орду.
«Я колько́ ни нунь туды-ка-ва да ѣзживалъ,
«А во цѣлости назадъ да не пріѣзживалъ,
«Силушку свою да порострата́рю (*такъ*),
«Самъ же я король да на уходъ уйду.
«Ай совѣтуетъ вамъ старыи нунь дядюшка,
«Политовскій король да земли польскій:
«Поѣзжайте-тко въ Индѣю во богатую,
«А во ту Корелушку проклятую,
«Розорите тамъ Индѣюшку богатую,
«Розорите всю Корелу тамъ проклятую».
Два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ любимыихъ племянничка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
А послухали тутъ дядюшки да стараго,
Стараго тутъ дядюшки матераго,
А того же короля да политовскаго.
А поѣхали они да во Индѣюшку,
А въ ту было Индѣю во богатую,
А въ ту было Корелу во проклятую.
Подъѣзжали тутъ оны да подъ Индѣюшку,
А подъ ту было Индѣю подъ богатую,
А подъ ту было Корелу подъ проклятую.
Розорили тутъ Индѣю всю богатую,
Розорили всю Корелушку проклятую,
Изъ конца они въ конецъ да съ головнёй прошли.
А приходя ко кресту да Леванидову,
Стали тутъ татара опочивъ держать,
И самы́ себѣ да испрого́ворятъ:
— Ай же этымъ намъ разомъ да поладилось,
— А поѣдемъ-ка мы братцы въ каменну́ Москву,
— Въ каменну́ Москву да въ Золоту Орду! —
Пріѣзжали тутъ они да въ каменну́ Москву,
Въ каменну́ю-ту Москву да въ Золоту Орду.
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Каменну́ Москву да Золоту Орду,
Первое они тутъ сёло Ярославское,
Дру́гое тутъ сёло Переславское,
Третьее-то сёло Косы-Улицы *).

*) По объясненію пѣвца, эти три села составляли первоначально Москву, а послѣ описываемаго здѣсь разгрома она стала строиться городомъ.

Стали тутъ татара опочивъ держать,
Стали тутъ татара хлѣба кушати.
А на той было на горочки на Вшивыи
Старыи Никитушка Романовичъ.
А провѣдалъ тутъ же онъ побѣдушку *):
Розорили тутъ они да каменну́ Москву,
Первое-то сёло Ярославское,
Дру́гое-то сёло Переславское,
Третье розорили сёло Косы-Улицы.
Сталъ онъ тутъ могучима плечами поворачивать,
Самъ себи Микита испрого́воритъ:
«Ахъ ты молодость ты молодецкая!
«Улетѣла моя молодость въ чисто́ поле,
«Во чисто́ поле да яснымъ соколомъ,
«Прилетѣла ко мнѣ старость со чиста́ поля,
«Со чиста́ поля да чернымъ ворономъ,
«А садилась за плеча да богатырскій!»
Тутъ же взялъ онъ по полатамъ-то похаживать,
Своей силушки **) Микитушка наказывать:
«Ай ты силушка моя было безсмѣтная,
«А безсмѣтная ты силушка безсмертная!
«Улечу же нуньчу я въ чисто́ поле,
«Во чисто́ поле да чернымъ ворономъ».
Обернулся тутъ Микита чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же тутъ Микита во чисто́ поле.
Вся же сила у татаръ да спать поро́злегла.
Обернулся тутъ Микитушка сѣры́мъ волкомъ,
А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
Обернулся тутъ Микита добрымъ молодцомъ,
Вси замочки въ оружьицахъ повыщербилъ,
Сабелки у нихъ да вси повытупилъ,
Тесачики у нихъ да вси повыломалъ.
Обернулся онъ да горносталышкомъ
А приходитъ во полаты бѣлокаменны
Ко своей было любимоей племянничкѣ,
Къ той было Авдотьѣ ко Ивановной.
А сидитъ его племянничка за люлечкой,
Молода Авдотья да Ивановна.
— Бай люли́ дѣтищо да великоё!
— Кабы вѣдалъ ты, любимыи нашъ дядюшка,
— Старыи Микитушка Романовичъ,
— Моего бы нуньчу мужа не потре́били
— А меня бы нунь младой не обезчестили! —
Ходитъ тутъ младенчикъ трехъ годовъ,
Самъ младенчикъ испрого́воритъ:
«А родитель моя матушка,

*) т. е. бѣду.

**) *Сила* здѣсь въ смыслѣ войска.

«Мóлода Авдотья да Ивановна!
«Нашъ-то старыи тутъ дядюшка,
«Что Микитушка Романовичъ,
«А въ избушкѣ онъ у насъ нунь горносталушкомъ».
Тымъ же двумъ нунь малымъ двумъ Витвичкамъ,
Тымъ же двумъ поганымъ татаровамъ
Недосугъ же имъ было-то хлѣба кушати.
А скочили тутъ татара на рѣзвы́ ноги,
Тяпнули тутъ шубку соболиную
А накинули они на горносталушка.
Горносталь же былъ тотъ пóвертокъ,
Да въ рукавъ-то горносталь да вонъ выскакивалъ,
Что ль въ окошечко да вонъ вымахивалъ.
Обернулся онъ да чернымъ вороном,
Улетѣлъ же онъ да во чисто́ поле
А заграялъ онъ же чернымъ вороном, —
Стала тутъ Микитина да силушка коней сѣдлать.
Дру́гой разъ заграялъ чернымъ вороном, —
Силушка тутъ да поѣхала.
Третій разъ заграялъ чернымъ вороном, —
Вся Микитина тутъ силушка при е́мъ стала.
Тыхъ два тыихъ два малыихъ два Витвичка,
Два тыихъ поганыихъ татарина
Тутъ броси́лиси они да за оружьица, —
Тутъ въ оружьицахъ замочики повы́щерблены.
А броси́лиси они было за сабелки, —
Сабелки у нихъ да вси повы́тупленыи.
А броси́лиси они да за тесачики, —
Вси тесачики у нихъ да нунь повы́ломаны.
А броси́лиси они да за добры́хъ коней, —
Конюшки у нихъ да вси задавлены.
Некуда уйти было поганымъ татаровамъ.
Обступила тутъ же силушка на кругъ же ихъ
А того было Микитушки Романова.
Старыи Микитушка Романовичъ
Онъ забралъ же ихъ поганыихъ татаровей,
А забралъ же онъ великій плѣнъ,
Поплѣнилъ же силу всю татарскую,
Захватилъ же двухъ поганыихъ татариновъ.
Одному же взялъ да глаза выкопалъ,
Дру́гому же по колѣнамъ ноги вырубилъ
А садилъ же брату кошелемъ *) его:
Одинъ поди тащи его за пле́чамы,
Другой поди дорогу да показывай.
«Вы подьте-тко нунь къ старому да дядюшкѣ,
«Къ тому же королю да политовскому,
«А подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте:
«Розорили мы нуньчу каменну́ Москву,
«Каменну́ю-ту Москву да Золоту Орду,
«Первое-то село Ярославское,
«Другое-то сёло Переславское,
«Третье сёло Косы-Улицы, —
«Подьте-тко вы къ дядюшки да хвастайте!»

Записано въ дер. Римъ
на Пудожской Горѣ, 23 іюля.

*) т. е. на спину, какъ носятъ кошель.

13.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А й когда-жде *(такъ)* возсіяло солнце красное
А на томъ было на нёбушкѣ на ясноемъ,
Какъ въ ты́ пору теперичку
Воцарился нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ.
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
Онъ повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
Онъ повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
А й повынесъ онъ царенье изъ Царя-града,
А царя-то Перфила онъ подъ мечъ склонилъ,
А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
Царскую перфилу на себя одѣлъ,
Царскіи костыль да себи въ руки взялъ.
Заводилъ же онъ почестный пиръ,
А на князей пиръ, на бо́яръ пиръ
А на всихъ гостей да званыхъ бранныхъ.
Вси же на пиру да напивалиси,
Вси же на пиру да поросхвасталиси.
Поросхвастался прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Казань-града,
«Я повывелъ тутъ измѣну изъ Рязань-града,
«Я повывелъ-то измѣнушку изо́ Пскова,
«А й повынесъ я царенье изъ Царя-града,
«А царя-то Перфила я подъ мечъ склонилъ,
«А царицы-то Елены голову́ срубилъ,
«Царскую перфилу на себя одѣлъ,
«Царскіи костыль да себи въ руки взялъ.
«Я повывелъ нунь измѣну съ Новгородчины,
«Я повыведу измѣну съ каменно́й Москвы».
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го́сударь,
Самъ же испрого́воритъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменно́й Москвы.
— За однымъ столомъ измѣна хлѣба кушаетъ,
— Платьица-ты носитъ одноцвѣтныи
— А сапожки-ты на ножкахъ однолычныи. —

Мутно ёго око помутилоси,
Царско его сердце загорѣлоси.
«Ай же ты Иванушко царе́вичъ го́сударь!
«А подай-ко мнѣ измѣнщика да на́ очи,
«Я теперичку измѣнщику да голову́ срублю!»
Ходитъ тутъ Иванушко царе́вичъ го́сударь,
Самъ Иванушко да испрого́воритъ:
— Я же глупыимъ да разумомъ промолвился.
— На себя сказать, такъ живу не́ бывать,
— А й на братца ска́зать — братца жаль,
— А и жаль братца̀ не та́къ какъ себя...
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Ай родитель нашъ же батюшко!
— Ты-то ѣхалъ уличкой, —
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнiихъ по тюрьмамъ садилъ.
— Я-то ѣхалъ уличкой, —
— Иныхъ билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнiихъ по тюрьмамъ садилъ;
— А серёдечкой да ѣхалъ Ѳёдоръ да Ивановичъ,
— Билъ казнилъ да и́ныхъ вѣшалъ ли,
— Достальнiихъ по тюрьмамъ садилъ,
— Напередъ же онъ указы да порозсылалъ,
— Чтобы малыи да порозбѣгались,
— Чтобы старыи да ростулялиси...
— А нунечку теперечку
— Вся измѣнушка у насъ да вдругъ повыстала.—
Мутно ёго око помутилоси,
Его царско сердце розгорѣлоси.
«Ай же палачи вы немило́сливы!
«Вы возьмите-тко нунь Ѳёдора Иванова
«За тыи за рученьки за бѣлыи,
«За тыи перстни да за злачеными,
«Вы сведите Ѳёдора да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую на плаху да на липову,
«А срубите Ѳёдору да буйну голову
«За его поступки неумильнiи».
Сидятъ тутъ палачи да немило́сливы,
Большей тулится за средняго,
Среднiй тулится за меньшаго,
А й отъ меньшаго-то братцу вѣкъ отвѣту нѣтъ.
Сидитъ маленкiй Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ:
— Ай прегрозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Много я казнилъ князей князевичевъ,
— Много королей да королевичевъ,
— Нунь да Ѳёдору я не́ спущу. —
Бралъ тутъ Ѳёдора Иванова
За тыи за рученьки за бѣлыи,
За тыи перстни да за злачеными,
Велъ же Ѳёдора въ чисто́ поле
На тоѐ болотцо да на житное,
На тую на плаху да на липову.
А и Мареа-та Романовна
Кинулась она въ одной рубашки бе́зъ костыца *)
А въ однихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
А накинула тутъ шубку соболиную,
Черныхъ соболей да шубку во пять сотъ ру́блей,
А й бѣгомъ бѣжитъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Прибѣгала тутъ на горочку на Вшивую
Къ тому братцу ко родимому,
Ко Микитушкѣ Романову.
Не спрашиватъ тутъ у дверей придверничковъ,
У воротъ да приворотничковъ,
А прочь взашѐй она да всихъ отталкиватъ.
А й придвернички да приворотнички
Они вслѣдъ идутъ да жалобу́ творятъ:
«Ай Микитушка Романовичъ!
«Да твоя-то есть сестрица да родимая,
«Что ли Мареа-та Романовна,
«А й бѣжитъ она не въ по́крути,
«Надъ тобой она да надсмѣхается,
«Всихъ же насъ да взашей прочь отталкиватъ».
Говоритъ же тутъ Никитушка Романовичъ:
— Что же ты, сестрица да родимая,
— Что бѣжишь, надъ нами надсмѣхаешься,
— Нашихъ взашей прочь отталкиваешь? —
Тяжелешенько она да поросплакалась
А Микитушки Романову розжалилась.
«Ай ты братецъ ты родимыи
«Да Никитушка Романовичъ!
«Я ли надъ тобой да надсмѣхаюси,
«Али ты же надо мной да надсмѣхаешься,
«Али надъ собой незгодушки великiи не вѣдаешь,
«Али надъ собой да нунѣ на́до мной,
«Надъ сестрицей да родимою?
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестника,
«Али Ѳёдора Иванова,
«Увели его да во чисто́ поле
«На тоѐ болотце да на житное,
«На тую на плаху да на липову,
«Срубить Ѳёдору да буйну голову
«За него поступки неумильнiи».
Старыи Никита да Романовичъ
Бросилъ онъ кафтанъ да на одно плечо,
Кинулъ шляпу на одно ухо,
Тяпнулъ въ руки саблю вострую,

*) Костыча — родъ сарафана.

Онъ садился на коня да не на сѣдлана,
Не на сѣдлана коня да не на уздана,
Онъ садился на коня однимъ стегномъ.
Городомъ-то ѣде голосомъ крычитъ,
Голосомъ крычитъ да самъ шляпой машетъ:
— Ахъ ты маленькой Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ!
— Не клони-тко нунь же Ѳёдора Иванова
— На ту было на плаху да на липову,
— Не руби-тко Ѳёдору да буйной головы
— За его поступки неумильніи.
— Срубишь же ты Ѳёдору да буйну голову, —
— Не тотъ же кусокъ съѣшь а самъ подавишься,
— Не тотъ же стоканъ выпьешь самъ заклёкнешься! —
А не спрашиватъ Малютка воръ Шкурлатовъ сынъ,
Клонитъ Ѳёдора Иванова.
А скрычалъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай ты Ѳёдоръ да Ивановичъ!
— Не клони-тко своей буйныи ты головы,
— Царскій родъ на казени не казнится. —
А не сталъ же Ѳёдоръ да сдаватися,
А не сталъ клонить своей да буйной головы
А на тую онъ на плаху да на липову.
А розъѣхался Микитушка Романовичъ
А къ тому же палачу да немилосливу,
Къ малому Малюткѣ да Шкурлатову.
Не клонилъ же онъ Малютки да Шкурлатова
На тую на плаху да на липову, —
Какъ смахне онъ да саблей вострою,
Онъ отсѣкъ Малютки буйну голову
За него поступки неумильніи,
Что зачимъ везе на казень царскій родъ
А срубить-то ему буйну голову.
Онъ бралъ Ѳёдора было Иванова
За тый за рученьки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста его сахарніи,
Посадилъ его да на добра коня,
На свое садилъ было да на право стегно,
Повезъ Ѳёдора Иванова
А на ту было на горочку на Вшивую
А къ тому было къ подворьицу Микитину.
Севодни братцы день суботніи,
Завтра день да воскресеньицо,
Имъ итти-то ко Божьёй церкви.
А ставалъ же тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья опалёныи,
Коней подпрягаютъ воронёныихъ.
А й поѣхалъ тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ поѣхалъ ко заутрени.
А ставае тутъ Микитушка Романовичъ
А й по утрышку ранехонько,
Умывается онъ да бѣлехонько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Одѣвае платья красныи,
Коней подпрягаютъ все же рыжіихъ,
Кареты подпрягаютъ золоченыи.
Пріѣзжае онъ да тутъ же ко заутренки.
Испрогоговоритъ Микитушка Романовичъ:
— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимой семьей
— А со Марѳой-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ! —
Говоритъ же тутъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай ты старыи Никита да Романовичъ,
«Ай ты шуринъ да любимыи!
«Ты незгодушки не вѣдаешь,
«Надо мной великою незгодушки:
«Твоего-то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Что ли Ѳёдора Иванова, —
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Старыи Микитушка Романовичъ
Снова тутъ его да онъ проздравствовалъ:
— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимой семьей
— А со Марѳой-то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,
— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Никита да Романовичъ!
«Что же въ рѣчи ты не вчуешься,
«Самъ ты къ рѣчамъ да не примешься?
«Твоего то племничка,
«Племничка да крестничка,
«Нѣту Ѳёдора во живности».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— Здравствуй ты прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своей да любимой семьей
— А со Марѳой то Романовной,
— Да со Ѳёдоромъ Ивановымъ,

— Со Иваномъ-то Ивановымъ. —
Мутно его око помутилоси,
Царско его сердце розгорѣлоси.
Отвѣчае тутъ прегрозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый песъ Микитушка Романовичъ!
«Надо мною знать Микита надсмѣхаешься?
«Выдемъ отъ великодённыи заутрени,
«Прикажу теби Микита голову срубить».
Тяжелешенько тутъ царь да поросплакался:
«По ворахъ да по разбойничкахъ
«Е заступчички да заборонщички.
«По моемъ рожоноёмъ по дитятки
»Не было нунь да заступушки,
«Ни заступушки ни заборонушки!»
Говоритъ же тутъ Микитушка Романовичъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо? —
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ было Микитушка во другой разъ:
— А бываетъ ли тутъ грѣшному прощеньицо?—
«А бываетъ тутъ да грѣшному прощеньицо,
«Того грѣшнаго да негдѣ взять».
Говоритъ же тутъ Микитушка да въ третій разъ:
— А прости-тко того грѣшнаго. —
«Того грѣшнаго нунь Богъ проститъ,
«Того грѣшнаго нунь негдѣ взять!»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Ай прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ!
— Не отрублена да Ѳёдору да буйна голова,
— А отрублена Малюткѣ да Шкурлатову
— За него поступки неумильнии,
— Да зачимъ же иде казнить царскій родъ:
— Царскій родъ на казени не казнится. —
Говоритъ же нашъ прегрозный царь,
Нашъ прегрозный сударь царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старыи Микитушка Романовичъ,
«Ай да шуринъ да любимыи!
«Что теби Микитушка пожаловать?
«Города ли теби дать да съ пригородками,
«Али села дать да со приселками,
«Али силушки тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али золотой казны тобѣ-ка-ва по надобью,
«Али добрыхъ комоней тобѣ-ка-ва по надобью?»
Отвѣчаетъ тутъ Микитушка Романовичъ:
— Не надо мнѣ-ка городовъ да съ пригородками,
— Не надо мнѣ-ка селъ да со приселками,
— Мнѣ-ка силушки по надобью,
— Золотой казны по надобью,
— Добрыхъ комоней по надобью:
— Золота казна у молодца не держится *),
— Добра комони у молодца не ѣздятся.
— Дай-ко мнѣ Микитину да отчину.
— Хоть коня угони, хоть жену увёдй,
— Хоть каку ни е побѣдушку да сдѣлай ли,
— Да въ Микитину да отчину уйди,
— Того добраго же молодца да Богъ простилъ. —
А й прегрозный царь Иванъ Васильевичъ
Далъ Микитину да отчину.

Записано тамъ же, 24 іюля.

—

14.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ **).

Ай Гришка розстрига Отрепьевъ сынъ,
Не поспѣлъ воръ собака воцаритися,
Захотѣлъ воръ собака женитися,
Не у князей бояръ въ каменной Москвы,
У того короля въ земляной Литвы.
Взялъ Гришка Маришку королевичну,
Заводилъ законъ по своему:
Князи бояра къ обѣдни шли;
А й Гришка съ Маришкою въ байну шолъ.
Князи бояра отъ обѣдни шли,
А й Гришка съ Маришкой изъ байни идётъ.
У Іоанна Великаго,
У Софіи премудрыи
Приказалъ звонить въ набольшій колоколъ,
Въ самый огромныи:
«Ко мнѣ-ка-ва ѣдетъ вѣдь дальній гость,
«Дальній гость ѣде любимый тесть,
«Еще тотъ же король политовскіи,
«Политовскіи король земли польскіи,
«Ко мнѣ-ка во гостёбищо.»
Михайла князь Скопинъ московскіи
Видитъ измѣнщика,
Садился Михайла на ременьчатъ стулъ,
Писалъ ёрлуки скорописчаты ***)
Ко тому королю политовскому,
Политовскому королю ли польскому:

*) т. е. не вздерживается.
**) Размѣръ дактилическій.
***) Калиниинъ объяснилъ, что Скопинъ писалъ въ Польшу эти подложныя письма отъ имени Самозванца нарочно для того, чтобы появленіемъ полковъ въ Москвѣ возбудить бунтъ противъ Гришки.

— Политовскій король земли польскій,
— Ты мой любимый тесть!
— Ты пошли-ко мнѣ силы сорокъ тысящей,
— Очистить своя каменна́ Москва. —
Сошли ёрлуки скорописчаты
Тому королю политовскому.
Политовскій король земли польскій
Посылае силы сорокъ тысящей.
Приходитъ тутъ сила польская
Въ ту Москву бѣлокаменну.
Стоитъ Гришка рѳзстрижка Отрепьевъ сынъ
Противъ зеркала хрустальняго,
Держитъ книгу въ рукахъ волшебную,
Волхвуе Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ:
«Я стоялъ же Гришка нунь три́ годы,
«Простою я тридцать лѣтъ.»
Зглянулъ въ окошко косевчато,
Обступила сила круго́мъ вокругъ,
Все сила съ копьями.
Гришка розстрижка Отрепьевъ сынъ
Думаетъ умомъ своимъ царскіимъ:
«Подѣлаю крыльица дьявольски,
«Улечу нунь я дьяволомъ.»
Не поспѣлъ Гришка сдѣлать крыльицовъ,
Тамъ скололи Гришку розстрижку Отрепьева.
Только тутъ Гришка царемъ бывалъ,
Только тутъ Гришка вѣдь царствовалъ.

Записано тамъ же, 24 іюля.

—

II.

АКСИНЬЯ ѲОМИНА.

Аксинья Кузминишна Ѳомина, близкая сосѣдка Калинина, крестьянка дер. Римъ на Пудожской Горѣ, лѣтъ 30-ти отъ роду, большая мастерица пѣть былины и пѣсни. Ея манера пѣть отличается особенно тѣмъ, что по требованію стиха она нерѣдко, не прибѣгая къ вставнымъ частицамъ, вмѣсто того превращаетъ букву ъ въ гласный звукъ и произноситъ его какъ ы. Былины свои она научилась пѣть отъ матери, которой уже нѣтъ въ живыхъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь былинъ, она пѣла еще про отъѣздъ Добрыни и Алешу Поповича совершенно сходно съ Калининымъ, отъ котораго заимствовала эту былину, но съ нѣкоторыми пропусками и сокращеніями.

—

15.

ВОЛЬГА.

Когда зарождался младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Тогда зарождался Вольга́ богатырь.
Отъ его отъ славы богатырскою
Орги-ты *) вси да пріумолкнули,
Птица улетѣла вся подъ о́болоку́,
Рыба ушла да въ глубоки́ стана̀,
Звѣри ушли да во темны́ лѣса̀,
Царь Санталъ да въ Вольгу́ **) сбѣжалъ
Со своей царицей со Давыдьевной.
Сталъ Вольга̀ да лѣтъ десятки-то,
А й задался онъ Вольга да во мудрости,
А й во мудрости Вольга да онъ въ хитры хитрости,
Птицей онъ летать да подъ о́болоку́,
Рыбою ходить да въ глубо́ки стана̀,
Звѣрями ходить да во темны́ лѣса̀.
Овернулся Вольга̀ да малой птичиной,
Улетѣлъ-то Вольга̀ да онъ подъ о́болоку́,
А й птицу всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ставьте-тко па́сточки ***) дубовыи,
«Силышка вы ладьте-тко шелковыи,
«Птица не улетѣла бъ подъ о́болоку́.»
Овернулся Вольга̀ да свѣжей рыбиной,
А й пошолъ-то Вольга̀ да въ глубоки́ стана̀
Рыбу-то всю да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко не́вода шелко́выи,
«Проволо́ки вы кладите да золочоныи,
«Рыба не ушла бъ въ глубоки́ стана̀.»
Овернулся Вольга да лютыи́мъ звѣрёмъ,
А й ушолъ-то Вольга̀ да во темны́ лѣса,
Звѣрей-то всѣхъ да онъ поро́згонялъ.
Овернулся Вольга̀ да добрымъ молодцомъ:
«Братцы дружинушка хоробрая!
«Ладьте-тко пищалочки винтовыи,
«Закатите-тко пулечки калёныи,
«Звѣри не ушли бъ да во темны́ лѣса.»
Поѣзжае Вольга̀ въ Вольгу́-горо̀дъ.
Видла царица нехоро́шій со̀нъ:

---

*) Что значитъ «орги», пѣвица не умѣла объяснить, увѣряя только, что такъ поется.

**) Ѳомина нѣсколько разъ повторила этотъ стихъ и на вопросъ, что это значитъ: «въ Вольгу сбѣжалъ», отвѣчала только, что «такъ поется».

***) Западни для ловли птицъ.

:я соко́лъ да съ черны́мъ воронòмъ,
билъ соко́лъ да черна́ ворона̀:
й тотъ соколъ — Вольга́ богатырь,
ый тотъ воронъ — то самъ Санталъ.

писано въ дер. Римъ
ожской Горѣ, 24 іюля.

—

16.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ*).

льнято у князя у Владиміра
ился у него да почестный пиръ.
а пиру да напивалися,
а пиру да поросхвастались.
й тотъ хвастатъ золотой казной,
й тотъ хвастатъ цвѣтнымъ платьицомъ,
й тотъ хвастатъ добры́мъ конемъ;
й тотъ хвастаетъ отцомъ матерью,
безумный тотъ хвастатъ молодой женой.
ндитъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
:ндитъ да ничимъ онъ не хвастаётъ.
нёй князь да Владиміры (*такъ*)
ритъ да таково слово:
я Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
же ты сидишь ничимъ не хвастаёшь?»
атья у меня да есть на во́злюдьё (*такъ*)
лотой казны у мни да есть по надобью,
брыхъ ко́ней да на выѣздъ есть,
ца матушки да живого нѣтъ.
ть у мня да молода жена,
имья у меня да Олександровна:
анула у меня да девять царей,
сять русьскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
й оманетъ тебя стольнё-князя Владиміра.—
посадилъ ёго въ крѣпь во тёмную,
посылалъ скоры́хъ гонцёвъ
съ его-то молодой жены,
:о той Офимьѣ Олександровной:
: же молода жена Офимья Олександровна!
казывалъ да тебя Илья Муромецъ,
ья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
мануть тебѣ стольнё-князя Владиміра. —
итъ Офимья Олександровна:

:ѣсь Илья Муромецъ, конечно просто по ошибкѣ, по-
ъ въ роль, обыкновенно приписываемую Ставру Годи-

«Какъ мой мужъ да напивается,
«Такъ онъ пущай да прохмѣляется.»
Сама повыпустила скоры́хъ пословъ,
Садилась-то на стулья па дубовыи,
Подрубила-то волосы по му́жскому,
Сокрутилася да въ платьица во му́жскіи,
Обсѣдлала она да вѣдь добра̀ коня,
Брала она стрѣлочку каленую,
Палицу да во сорокъ пудъ,
Пріѣзжала ко стольнёму ко князю ко Владиміру,
Сваталася на его на родной дочери,
На Катерины она да Микуловной (*такъ*).
«Ай ты чьей земли да чьей орды?
«Ты чьего отца да чьей матушки?»
— Я есть по́солъ скорый земли русьскіи. —
Зго́воритъ Катерина Владимірна:
«Ай же ты да родный татенька!
«Глупымъ разумомъ вольничаёшь,
«Выдаваешь ты дѣвчи́ну а за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому́,
«У ей пе́ленькн *) мяконьки какъ по женскому,
«Гдѣ жуко́вины лежали тутъ и мѣста знать.»
— Молчи-тко ты дочи́, мы попытаемъ-тко,
— Можетъ ли натянуть да ту́гой лукъ,
— А й выстрѣлять да съ калено́й стрѣлы.
— Пошлемъ съ Чурилушкой Щипленковымъ
— А й на далечо чисто́ полё. —
А й Чурилушка да Щипленковичъ
А й не могъ да̀ натянуть онъ ту́гой лукъ,
А й выстрѣлить да съ калено́й стрѣлы.
По́слы **) скоры́и да зе́мли русьскіи
А натянула она да вѣдь тугой лукъ.
И выстрѣлила да съ каленой стрѣлы.
Говоритъ Катерина Владимірна·
«Ай же ты родной мой татенька!
«Глупымъ ты разумомъ вольничаёшь,
«Выдаваешь ты дѣвчину за женщину:
«У ей жопка крутенька какъ по женскому,
«У ей пе́лечки мяконьки какъ по женскому,
«Гди жуковины лежали, тутъ и мѣста знать.»
— Молчи ты дочи́, да попытаемъ-ко,
— Положимъ во спальню во теплую,
— На перина́ положимъ на пуховую.
— Если она да буде женщина,
— Буде яма на постели-то.
— Если она мужчина-то,
— Буде яма на зголовьици. —
Проспала да темну ноченьку

---

*) т. е. груди.
**) т. е. посолъ.

Ногами да на зголовьицо
А й плечами она да на постелю-то.
А й тутъ повѣрилъ стольній князь Владиміры,
А й просватывалъ свою ро́дну дочь.
Водили ихъ во церкву во Божію,
Витыма перстнями обручили-то,
Зла́тыма вѣнцами обложили-то.
Заводили они да почостный пиръ.
А й сидитъ-то послы скорыи,
Послы скорыи земли русьскіи,
Повѣшена сидитъ да буйна го́лова.
А й зго́воритъ стольный князь да Владиміры:
«Ай же послы скорыи земли русьскіи,
«Зять моло́дыи да послы скорыи!
«Ай зачѣмъ же ты вѣсишь буйну голову?»
Зго́ворилъ да таково слово:
— Стольный князь да Владиміры!
— Есть у тебя да во темно́й крѣпи
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
— Нельзя ли его да повыпустить,
— Со мною-то на почостный пиръ?
— Мы въ одномъ поли съ нимъ поѣзживали,
— Съ одной стрѣлочки мы выстрѣливали,
— Въ одно колечечко попадывали. —
Стольній князь да Владиміры
Онъ повыпустилъ да Илью Муромца,
А й на зятнинъ его да на почостный пиръ.
Зго́воритъ послы скорыи земли русьскіи
Послы скорыи да зять моло́дыи:
«Ужь ты знаешь ли Илья, догадаешься ль Илья,
«Ужь я чья жена?»
Зго́воритъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Эй же ты стольный князь да Владиміры!
— Оманула тя да моя жена,
— Выдалъ ты дѣвчи́ну а за женщину! —

Записано тамъ же, 22 іюля.

—

17.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три́ году Добрынюшка стольничалъ,
Три году Добрынюшка чашничалъ,
Три году Добрыня у воротъ простоялъ,
На десятый годъ еще гулять ушолъ.
Наказывала Добрыни ро́дна матушка:
«Ты ходи гуляй Добрынюшка по городу,
«Ты по городу гуляй по Кіеву,
«Только не ходи во улички Маринкины,
«Въ переулки не ходи да во Игнатьевски.
«Тамъ е дѣвушка да зельчица,
«Зельчица дѣвушка кореньщица.
«Извела-то она девя́ть молодцёвъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«Тебя же изведетъ да во десятыихъ.»
Забылъ-то наказанье родной матушки,
Зашолъ-то онъ во улички Маринкины.
У Маринушки да на окошечки
Сидятъ голубы да со голубушкамы,
Носочки съ носочками цѣлуются,
Они правыма крылами обнимаются.
Тутъ Добрыни въ запрету́ пришло,
Натягивалъ Добрынюшка тугой лукъ,
Направливалъ Добрыня калену́ стрѣлу,
Убилъ у Маринушку мила́ дружка,
А Ивана убилъ царевича,
По прозваньицу убилъ Туга-змѣ́евича.
Бросилась Маринушка по плечь во окно:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Холостъ ты ходишь не жена́тъ ноньку,
— Я красна дѣви́ца на выда́ваньѣ:
— Возь-ко меня да за себя́ замужъ. —
Не съ ума Добрыня слово спро́говорилъ:
«Ай же ты дѣвушка зельщица,
«Зельщица ты кореньщица!
«Извела ты девя́ть молодцёвъ,
«Девять русьскіихъ могучіихъ бога́тырёвъ,
«Меня же изведешь да во десятыихъ.»
Обвернулся Добрынюшка, домой пошолъ.
Она брала-то ножички булатніи,
Она-то рѣзала Добрынины слѣдочики,
Приговоры приговаривала крѣпкіи:
— Такъ бы рѣзало у Добрыни ретливо сердцо́ по мни. —
Обвернулся Добрынюшка и къ ей пришолъ.
Повернула Добрыню сѣрымъ волкомъ,
Отпустила Добрыню ко синю морю.
Добрынина матушка
Ена день ждала, да другой ждала,
Недѣлю ждала, да другу́ ждала,
Ена годъ еще ждала, другой ждала,
Не слыхать Добрынюшки Микитича.
Накинула шубу на одно плечо,
Приходила къ Маринкѣ подъ окошечко:
«Эй же ты дѣвушка зельчица!
«Отверни у мни Добрынюшку по старому,
«По старому Добрынюшку по прежному.
«Не отвёрнешь ты Добрынюшки по старому, —

я поверну собакою,
акой поверну тя подоконною.
› тебя потѣшу я сорокою,
окою тебя да я коловою» *).
рнула Добрынюшку по старому.
бралъ въ руки стрѣлочку каленую,
ізалъ ю на скамеечку дубовую,
трѣлялъ ёнъ Марину по чисту́ полю.

писано тамъ же. 22 іюля

—

18.

СИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

юдъ бѣлоей березки кудревастоёй
дила турица златорогая
юима турамы со дѣтушкамы.
плась турица, роспростилася:
прости-тко туры да малы дѣтушки.»
плось турамъ мимо Кіевъ градъ итти,
› тую стѣну да городовую.
сподъ той стѣны сподъ городовыи
тъ дѣвица душа красная,
укахъ носитъ сняту книгу евангельё,
только **) читае—вдвоемъ она плачётъ
ѣвица ходитъ душа красная,
е стѣна да городовая,—
свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку.

ъ восточною да сподъ сторонушки
наѣде Батыга Батыговичъ
вонмъ со сыномъ со Батыгушкою,
со затемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
со тымъ со дьячкомъ со выдумщичкомъ.
тыги-то силы сорокъ тысячей,
сына-то силы сорокъ тысячей,
ячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей,
у зятя-то силы сорокъ тысячей.
упае Батыга околъ Кіева кругомъ,
Кіевъ градъ да не малъ не великъ,
лу же летѣть да на меженный день,
маленькой птиченкѣ не пролетѣть.
во Кіевѣ Владиміръ пороздумался:

«А й не знаю я да съ Батыгою поправиться,
«А й некому съ Батыгой супротивиться.
«Косогоры *(такъ)* богатырь во Святыхъ во горахъ,
«А й Самсонъ да Илья у синя у моря,
«А й молодой Добрыня во чистомъ во поли,
«А й молодой Олеша въ богомольной стороны.»
По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.
А й приходитъ Василій ко Батыги на лицо,
Убилъ лучшінхъ головушекъ хорошенькійхъ:
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
А й убилъ дьячка онъ выдумщичка.
А й посылае Батыга скорыхъ гонцёвъ,
А й скорыхъ гонцёвъ да во Кіевъ славенъ градъ,
А й во Кіевъ славенъ градъ да виновата искать.
А й во Кіеви Владиміръ пороздумался:
«А й не знаю я да виновата найти.»
Приходили солдаты коравульныи:
— Бласлови-тко Владиміръ слово спроговорить.
— А й знаёмъ мы да виновата найти:
— По голямъ-то гулялъ двѣнадцать лѣтъ
— По прозваньицу Василій сынъ Игнатьевичъ.—
Находили Василія въ кабаки на печи,
Приводили Василія ко царю на лицё.
«Опохмѣль меня Владиміръ чарой хмѣльною.»
Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А и третью рюму да сладкаго меду.
А й сливали питьё во едино судно,
А й мѣрой питья полъ-пята ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята пуда.
Принимается Василей единой рукой,
Выпивае Василей на единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая:
А и нунѣ пойду да ко Батыги на лицо.
«Опохмѣль меня Батыга чарой хмѣльною,
«А й пособлю я тебѣ славенъ Кіевъ градъ-тотъ взять.»
А й на ты рѣчи Батыга пріокинулся.
Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А й третью рюму да сладкаго меду.
А й сливали питьё во едино судно,
А й мѣрой питья полъ-пята ведра,
А й вѣсомъ питья полъ-пята пуда.
Принимается Василей единой рукой,
Выпивае Василей во единый духъ.
Розгорѣлось у Василья ретливо сердцо,
Розмахалась у Василья ручка правая.

орока называется коловою, потому что сидитъ по коль-
і заборахъ (объясненіе пѣвицы).
т. е. столько.

А и сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
А и сталъ-то онъ силушки порубливатй.
А и были у Батыги кони добрыи,
Кони добрыи да изнаряженый.
Поѣзжае Батыга, заклинается:
«Не дай Господи ни мни да ни дѣтямъ ни моймъ,
«А й ни дѣтямъ ни моимъ ни внучатамъ,
«А не внучатамъ ни правнучатамъ!
«Видно сете во Кіеви богатыри.»

Церковно пѣтьё въ каменной Москвы,
Колокольный звонъ во Новй-городй,
Щелье каменье въ сѣверной стороны,
Мхи да болота въ поморской стороны.

Записано тамъ же, 23 іюля.

—

19.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

У стольнаго у князя у Владиміра
Заводился у него да почостный пиръ.
Было на пиру да двѣ вдовы:
Одна Маринка Часова вдова,
Друга Авдотья Блудова вдова.
Наливае Авдотья Блудова вдова,
Наливала она чару зелена вина,
Не только вина что сладкаго меду,
Подносила Маринки Часовой вдовы,
За чарою она вѣдь да посваталась
На Чайноей дѣвицы на Часовичной.
Ена вылила чару во ясны очи,
Измочила шубу черныхъ соболей.
Ушла-то Авдотья Блудова вдова,
Идетъ она домой, да прикручинивши,
Прикручинивши она да запечаливши.
Стрѣчаетъ ю мододой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Ай же родна ты да моя матушка!
«Что же ты идешь да закручинивши?
«Мѣстомъ ли тебя да пріобнизили,
«Пьяница ли городова тебя выругала,
«Аль чарою ли тебя да пріобнесли?»
— Чарою меня да не пріобнесли,
— Пьяница городовая не выругала,
— Мѣстомъ меня да не обнизили.
— Наливала я вѣдь чару зелена вина,
— А й не только вина что сладкаго меду,
— Подносила Марины Часовой вдовы,
— А й за чарою я да посваталась
— А й на Чайноей дѣвицѣ на Часовичной.
— Ена вылила чару во ясны очи,
— Измочила у мня шубу черныхъ соболей. —
«Ай же родна ты да моя матушка!
«Чайная дѣвица на моихъ рукахъ:
«Я какъ захочу, такъ за себя возьму,
«Я не захочу, — за служку за панютушку.»
Справлялся онъ да скорешенько,
Убирался онъ да хорошошенько.
Видли добра молодца сядучи,
А й не видли добра молодца поѣдучи.
А й повыѣхалъ да на чисто полё,
Ѣхалъ мимо покоевъ Маринки Часовой вдовы,
Хлопнулъ-то онъ палицей по терему,
Вси-ты терема да пошаталися,
Вереи же всѣ да розвалялися,
Терема унесъ да во чисто полё.
Чайная дѣвица Часовична
А й бросаласи да что ль поплечь въ окно.
— Ай же молодой Котёнко ты Блудовъ сынъ!
— Отца-то у тя звали видь Блудищомъ,
— А й тебя же будутъ звать да уродищомъ!
— Что же ѣздишь по городу уродуёшь?—
Енъ згóворитъ да таково слово:
«Ахъ ты Чайная дѣвица Часовична!
«У тебя-то есть да девять братцёвъ,
«У твоей-то матушки девять сынковъ:
«Пусть-ко выѣдутъ на чисто поле
«Съ молодымъ Котёнкомъ перевидѣться.»
Насыпае Марина Часова вдова,
Насыпала она мису злата серебра,
Другу насыпае скачна жемчугу,
Жертвуе стольнёму князю Владиміру,
Своему братцю родимому:
— Стольній князь да Владиміры!
— Упроси-тко молода Котёнка Блудовъ сынъ *(такъ)*,
— Чтобы взялъ бы Чайную дѣвицу Часовичну за себя замужъ,
— Не за служку бы онъ за панютушку. —
Згóворитъ стольній князь да Владиміры:
«Ай же сестрица родимая!
«Какъ же ты да напиваласи,
«Такъ же нунь да прохмѣляйся-тко.»
Згóворитъ молодой Котёнко Блудовъ сынъ:
«Кто же отъ бѣды да откупается,—
«Стольній князь да накупается?»
Прирубилъ онъ, пригубилъ да до единой головы
У Маринушки да Часовой вдовы,

А й сплѣнилъ-то онъ девя́ть сыновъ,
Покорилъ-то стольняго князя Владиміра,
Взялъ Чайну дѣвицу Часовичну
Замужъ за служку за панютушку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

—

20.

ДЮКЪ.

Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выѣзжае онъ на далече чисто́ полё,
Хоче по́стрѣлить да чорна ворона.
Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не збей моей туши о сыру́ землю,
«А й не рушай моихъ перьевъ по чисту́ полю,
«Не пролей-ко крови по сыру́ дубу!
«Слава тая по Ру́си носится:
«Старца убить не спасе́нье добыть,
«Во́рона убить не кормсть получить.
«А й поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
«Есте во Кіеви бога́тыри,
«Е кому да тамъ поправиться,
«Е кому съ тобой да супротивиться.»
Богатырское сердецко розгорѣлося,
Ворона убить не захотѣлося.
А й пріѣзжае онъ да домой-то видь
Со далеча со чиста поля:
— Ай же родна моя да вѣдь матушка,
— Ай Нанерпа ты Тимофеевна!
— Дай прощеньице мнѣ съ бласловленьицомъ,
— Я поѣду-то да во Кіевъ градъ.—
«Ай же чадо ты да мое милое,
«Мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Уродилось мое дитятко захвастливо,
«Росхватаешься животишками сиротскима.»
— А й какъ дашь прощеньице, я поѣду-то,
— А й не дашь-то, я все поѣду ли. —
«Поѣзжаешь ты чадо мое милое,
«Мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й надёжь на себя платья́ не цвѣтныи,
«А й сапожки на ноги да не зеле́нъ сафьянъ,
«А й возьми коника да мала шахманка.»
Платьица надѣлъ на се́бе цвѣтныи,
А сапожки обулъ да зеленъ сафьянъ,
Бралъ коника да мала шахманка.
Видли добра молодца сядучи,
А не видли добра молодца поѣдучи.
А й бѣжалъ конёкъ да малый шахманокъ,
Горы онъ долы промежъ ногъ пущалъ,
Маленьки озерка перепрыгивалъ,
А и быстрыи рѣчки хвосто́мъ застилалъ.
Во ихной во Индѣи въ богатоёй,
Во ихной во Корелы во проклятоёй,
Во ихной во деревеньки во Галичи,
Отходили отъ заутрены отъ раннёю,—
А й пріѣзжае онъ да во Кіевъ градъ.
Зазвонили ко обѣдни ко столовою,
А и приходитъ во черковь присвященную,
Богу онъ да низко молится,
На вси стороны да онъ вѣдь клонится,
Крёстъ онъ кладётъ да по писа́ному,
А й поклонъ онъ ведётъ да по учёному,
Съ ножки на ножку поступливатъ,
Съ пле́ча онъ на пле́че поглядыватъ,
Онъ цвѣтны́мъ платьицемъ подрачиватъ,
Стольняго онъ князя подра́живатъ.
Зго́воритъ стольній князь да Владиміръ-тотъ:
— Какая-то наѣхала холопина боярская,
— Убилъ князя либо боярина,
— Нѣтъ дакъ сильняго могучаго бога́тыря,
— А й съ того онъ содралъ платья цвѣтныи,
— А й сапожковъ зеленъ сафьянъ не держивалъ,
— Цвѣтныихъ-то платьицовъ не нашивалъ. —
Отхо́дя-то отъ обѣдни отъ столовою.
Зго́воритъ стольній князь да Владиміръ:
— Люди есть да вы вѣдь зашлыи,
— Хлѣба кушать я ми́лости прошу́. —
Зго́воритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«А й въ чужомъ-то мѣсти да къ обѣду радъ.»
А й самъ зго́воритъ да таково слово:
«Ай сказали что во Кіеви хорошо́ да хорошо̀!
«Здѣ-ка мостики да все вѣдь каменны
«А дороженьки да здѣсь вѣдь глиняны,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки мараются.
«Какъ у насъ-то во Индѣи во богатоей,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Во дере́веньки у насъ да въ Галичи,
«Мостики у насъ-то все калиновы,
«Сукна-то у насъ да одинцовыи,
«А й зеленъ сафьянъ сапожки идя чистятся,
«Во черну́ю грязь да не мараются.»
Приходитъ онъ во полаты бѣлокаменны,
А й сидитъ ёнъ за столомъ да за дубовыимъ,
Мякишокъ онъ ѣстъ, корочки подъ столъ роётъ,
Самъ въ окошечко сидитъ да поглядываетъ:
«Ай сказали что въ Кіеви хорошо́ да хорошо̀!
«Здѣ-ка печки все да вѣдь глиняны,

«А й помялушка-то все да вѣдь сосновыи,
«А й пахнутъ пирожки да на помялышка.
«Какъ у моей-то у родной у матушки
«У Наперны да Тимофеевны
«А й печки у нёй да всѣ хрустальныи,
«Помялушка у ней да семи шелковъ, —
«Пирожокъ-тотъ ѣшь — другой въ руки берёшь,
«По третьеёмъ да душа горитъ.
«Здѣ-ка домики да все каменныи,
«Крышечки да все желѣзныи.
«У насъ какъ во Индѣи во богатоёй,
«Во Корелы-то у насъ да во проклятоей,
«Въ нашей во дерёвеньки во Галичи,
«Домики у насъ да стóя мѣдныи,
«Крыши у насъ да все серебряны,
«Шóломы, потоки *) золочоные,
«Шарики самоцвѣтныи камешки,
«Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ.»
— Ай же мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— А й можешь ли да намъ сказать:
— Колько писаревъ могутъ имѣнье óписать? —
«Ай же стольнёй князь да Владиміры!
«Не описать мойго имѣнья шести писарямъ,
«Шести писарямъ да во двѣнадцать годъ.»
Отправляе стольнёй князь да Владиміры
Трехъ писарей да трехъ молóдыихъ,
Ужъ какъ мáстеровъ да онъ ученыихъ,
А й посадилъ его въ крѣпь да во тёмную.
А й приходятъ писари-то молóдыи,
Мáстеры приходятъ что ль ученыи
А во ихъ-то во Индѣю во богатую,
А во ихъ-то во Корелу во проклятую,
Во дерёвеньку его да вѣдь во Гáличу,
Къ родной его да вѣдь къ матушки
А й къ Наперны оны къ Тимофеевной:
— Здравствуёшь Наперна Тимофеевна,
— Молода боярина Дюка Степанова матушка!
— Мы посланы отъ стольняго отъ князя отъ Владиміра
— Описывать ваше что ль имѣньицо. —
Она згóворитъ да таково слово:
«Уродилось моё дитятко захвастливо,
«Росхвастался животишками сиротскима.»
Отворила она погребъ глубокіи,
Показала она сбрую лошадиную.
А й сидѣли три писаря молóдыихъ,
А й писали-то мáстера ученыи,
Шесть годовъ описали шостую частипочку
Этой сбруи лошадиноёй.

*) Шоломы — крыши, потоки — желоба для стока воды.

Самы згóворятъ да таково слово:
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку.
— Ай же родна его матушка,
— Наперна ты да Тимофеевна!
— Мы не будемъ описывать имѣньица,
— Только отвори-тко погребы глубокіи. —
Отворила она погребы глубокіи.
А й висятъ-то во погребѣ три бочечки,
А й бочечки висятъ да серебряны
На цѣпочечкахъ да золочоныихъ
А й въ одно мѣсто да пощáлкиваютъ,
Будто бѣлыи лебёдушки разговáриваютъ.
Они згóворятъ да таково слово:
— Ты прощай-ко Наперна Тимофеевна!
— Мы поѣдемъ да въ свою сторону,
— Ко стольнёму князю ко Владиміру. —
Идутъ-то мастеры молóдыи,
Писари идутъ да вѣдь ученыи.
Згóворитъ стольней князь Владиміры:
— Срубимъ мы вѣдь буйну голову
— Молоду боярину Дюку Степановичу.
— Описали три писаря молóдыихъ
— А имѣнье его во шесть годовъ. —
А й приходя ко стольнему ко князю ко Владиміру.
— Стольней князь да Владиміръ-то,
— А й тебѣ рубить да буйна голова,
— Не описать намъ имѣнья на своемъ вѣку. —
А й ~~повыпустили молодá~~ боярина ~~Дюка Степанови~~ча
А й съ темнóй крѣпи.
Онъ повыѣхалъ на чистó поле
А й побилъ молода Чурилушку Щаплёнкова,
Завоевалъ онъ двухъ братцевъ двухъ Любóвичёвъ,
А й покорилъ онъ стольняго князя Владиміра.

Записано тамъ же, 23 іюля.

—

III.

ДОМНА КОНОНОВА.

Домна Дмитріевна Кононова, мать богатыхъ крестьянъ-торговцевъ Кононовыхъ въ дер. Римъ на Пудожской Горѣ, 69-лѣтняя беззубая старуха. Она знала въ молодости довольно много былинъ и поетъ ихъ до сихъ поръ, но только для того, чтобы «тѣшить» (т. е. баюкать) внучатъ, которыхъ ей предоставлено няньчить. Съ ея словъ было очень трудно записывать, по-

что она, шамкая, выговариваетъ слишкомъ
гно. Она часто путаетъ и сбивается на
ческій ладъ сказки. Здѣсь помѣщается одна
аринка», какъ образчикъ былины, получив-
азначеніе колыбельной пѣсни. Въ такомъ
одѣ она пѣла отрывки былинъ про Илью
ца и Дюка Степановича.

—

21.

СТАВЕРЪ.

шко Владиміръ князь стольнё-кіевской
нулъ онъ почéстный пиръ
ихъ князей, на бóяра,
ихъ могучіихъ богáтырей,
ихъ поляницъ на удалыихъ.
алися на почестный пиръ
нязи и вси бóяра,
огучіи богáтыри,
оляницы удалыи.
орода Черни́-города
жае молодый Ставёръ сынъ Гординовичъ.
упенькамъ ставится тихошенько,
бнечкамъ и́де легошенько,
ъ кладе по писáному,
онъ веде по ученому
и на четыре на стороны,
шку Владиміру въ особину:
вствуй солнышко Владиміръ князь,
своей любимой племянничкой,
Анной со Владиміровной!»
итъ солнышко Владиміръ князь:
оди-тко дородній добрый молодецъ!
з коéй земли, коéй орды,
его отца, коéй матери,
къ тебя именéмъ зовутъ,
къ величаютъ по отечеству? —
зъ города Черни́-города
одой Ставёръ сынъ Гординовичъ.»
ся за дубовый столъ.
пили, веселилися,
стали пьяны-веселы,
а пиру поросхвастались.
ый хвастаетъ своей силою,
ый хвастаетъ богачествомъ,
хвастатъ добрыи́мъ конемъ,
умный хвастатъ отцомъ матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой.
Молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ
Сидитъ, не ѣстъ, не пьетъ, не кушаетъ,
Ничимъ же онъ не хвастаетъ.
Говоритъ солнышко Владиміръ князь стольнё-
кіевской:
— Что же ты, дородній добрый молодецъ,
— Сидишь, не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
— Ничимъ же ты молодецъ не хвастаешь?—
Говоритъ молодой Ставёръ сынъ Гординовичъ:
«Ай ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіев-
ской!
«Чимъ же мнѣ молодцу похвастати?
«Силою я вышелъ не сильныи,
«А богачествомъ не богатыи,
«А добрá коня не случилоси.
«Только хвастать мнѣ не хвастать ли молодой
женой,
«Молодой женой Настасьей Микуличной:
«Есть у меня молода жена,
«Вашъ Кіевъ градъ купи́тъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ.»
Тыи рѣчи ему не слюбилися,
Онъ згóворитъ своимъ слугамъ вѣрнымъ:
— Вы возьмите Ставрà, сведи́те Ставрà,
— Сведите Ставра во глубокъ погребъ,
— За его за рѣчи неумильніи,
— Заприте рѣшеточки желѣзни,
— Клади́те нáкладки булатніи. —
Взяли слуги вѣрныи,
Повели Ставра во глубокъ погребъ.
Былъ у него грозёнъ посёлъ,
Служка Микулка Селя́гиновичъ,
Садился онъ на добрá коня,
Былъ во городи во Кіеви —
Объявился въ городи въ Черни́-городи,
Приходитъ къ молодой женѣ,
Къ молодой Настасьѣ Микуличной:
«Здравствуй молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ты ѣшь да пьешь да прохлаждаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
«Засаженъ Ставёръ во глубокъ погребъ
«За свои за рѣчи неумильніи:
«Ухвасталъ тобой молодой женой,
«Что скупишь-продашь весь Кіевъ градъ,
«Самого царя съ ума выведешь.»
А скорешенько ставала на рѣзви́ ноги,
Здумала своимъ умомъ-разумомъ,
Садилась на ременьчатъ стулъ,
Подбривала волоса свои женскіи по мужичьему,

Надѣвала она платьица мужичьіи,
Сѣдлала она добрá коня.
Какъ видли Настасьюшку сядучи,
А не видли Настасьюшки поѣдучи.
Была въ городи Черни́-городи —
Объявиласи во городи во Кіеви.
По ступенцамъ идетъ тихошенько,
По си́нечкамъ и́де полегошенько,
Крестъ кладе по писáному,
Поклонъ ведс по ученому
На вси на три на четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
— Здравствуешь Владиміръ стольнё-кіевской,
— Со своей Анной со Владиміровной! —
«Поди-тко ты пожалуй добрый молодецъ!
«Ты коéй земли, коéй орды,
«Коего отца, кóей матери,
«Какъ тебя именéмъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
— Я отъ города отъ Черни́-города,
— А зовутъ Василій Микулиничъ.
— У тебя есть племянница любимая
— А по имени Анна Владиміровна,
— Хочу взять за себя, ты хоти-тко дáть за меня—
— Честнымъ пиркомъ да за свадебку. —
Говоритъ Анна Владиміровна:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ *) буде съ тоски пропасть.»
— А я могу посла отвѣдати:
— Истоплю я парну баенку,
— Сходимъ мы съ посломъ попариться. —
Истопили парну баенку,
Солнышко Владиміръ иде въ баенку,
А младой посолъ иде изъ баенки.
Говоритъ Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же грозёнъ посёлъ скорò попарился?»
— Ай ты солнышко Владиміръ стóльнё-кіевской!
— Ваше дѣло е хозяйское,
— Наше дѣло е дорожное. —
Говоритъ Анна Володиміровна:
«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропасть.»
— А я могу посла отвѣдати:
— Постелимъ ему постельку пуховую. —
Онъ полъ-ночи спалъ головой на зголовьицѣ,
А полъ-ночи спалъ ногами на зголовьицѣ.
Не могъ посла отвѣдати,
Хочетъ выдать Анну Володиміровну.
Анна Володиміровна тутъ змолиласи:

*) т. е. обоимъ.

«Не отдавай ты дѣвчину за женщину,
«Обумъ буде съ тоски пропасть.
«На лавочки сидитъ, ногами вмѣстѣ жметъ,
«Съ проволóкою глаза поваживаетъ.»
— А я могу посла отвѣдати:
— Дамъ ему стрѣлочку каленую,
— Пускай росколетъ во чистóмъ поли,
— Чтобы обѣ стороны ровнымъ ровны,
— А тамъ честнымъ пиркомъ да за свадебку. —

Раскололъ Василій Микулиничъ; потомъ онъ потребовалъ себѣ поединщика. Владиміръ спрашиваетъ, кого дать поединщикомъ? Онъ говоритъ: есть у тебя въ погребу Ставеръ Гординовичъ; дай мнѣ его въ поединщики. Тутъ они въ чистомъ полѣ съѣхались и разъѣхались; разъ съѣхались,—никой никого не ранили; она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памятýешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты стрѣлочкой въ колечко-то попадывалъ?

Онъ въ эти рѣчи не вчуется; съѣхались въ другой разъ, опять никой никого не ранили. Она говоритъ:

Помнишь ли Ставёръ, памятýешь ли Ставёръ,
Когда я колечко поставливала,
Ты сваечкой въ колечко попадывалъ?

Въ третій разъ съѣхались, опять другъ друга не ранили. Тутъ она размахнула груди свои женскіи.

Тутъ онъ бралъ ю за ручки за бѣлыи,
Цѣловалъ въ уста сахарніи,
Пошолъ ко солнышку Владиміру.

Владиміръ князь стольнё-кіевской ему простилъ вину, что похвасталъ молодой женой:

Не пустымъ онъ ей похвасталъ.

Записано тамъ же, 22 іюля.

—

IV.

КОРСАКОВЪ.

дорЪ АлександровичЪ КорсаковЪ,
тьянинЪ дер. Костиной, Песчанской волости
дней сЪ ПудожгорскоЮ, но принадлежащей кЪ
жскому уЪзду), парень 26 лЪтЪ, выучившись
ижному мастерству, ходилЪ работать по де-
имЪ и вЪ это время научился пЪть былины.
мЪ, бросивЪ это занятіе, ходилЪ бурлачить
аналЪ, работалЪ вЪ каменьщикахЪ вЪ Гат-
; истративЪ заработанныя деньги вЪ Петер-
ѣ, поступилЪ вЪ услуженье кЪ одному купцу;
нецЪ возвратился домой и, женившись, сѣлЪ
рестьянство. КорсаковЪ необыкновенный ве-
ѣакЪ, юмористЪ, мастерЪ пЪть лихія и по-
ныя пѣсни; большой охотникЪ погулять, онЪ
итЪ запѣвалой и вожакомЪ молодежи на
женскихЪ праздникахЪ. Былины отошли у
на второй планЪ; онЪ забылЪ большую часть
которыя пѣвалЪ вЪ прежнее время.

—

22.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

-изЪ-подЪ-тѣни изЪ подЪ той стѣны высокія,
подЪ той ли сподЪ березки сподЪ кудрявыя,
екала тутЪ рѣченка быстрая.
подЪ той ли изЪ-подЪ сѣверной сторонушки
тЪ тутЪ черезЪ эту быстру рѣченку,
тЪ Батыга Батыговичъ,
тЪ-то онЪ да во КіевЪ градЪ
ко ласковому князю ко Владиміру
своей ли рать-силою великою,
авилЪ тутЪ силы-то кругЪ Кіева
всѣ же на сторонушки а на шесть верстЪ,
ѣтЪ забрать нашЪ КіевЪ градЪ.
одили тутЪ тура со турятами,
со глупыма со малыма ребятами.
видѣли надЪ КіевомЪ незгодушку,
видѣли надЪ КіевомЪ великую,
видѣли надЪ КіевомЪ чудны́мЪ чудны́мЪ-чудно̀,
видѣли надЪ КіевомЪ дивны́мЪ дивны́мЪ-дивно̀.
одилЪ-то нунь нашЪ Владиміръ князь
воими подарками золочеными.
встрѣчалЪ-то БатыгуЪ БатыговицаЪ,
ПроситЪ БатыгуЪ Батыговича
А вЪ свои полаты бѣлокаменны,
И хлѣбца соли-то ему да покушати,
А колачиковЪ крупивчатыхЪ порушати.
ИдётЪ-то Одолище поганое
А ко ласковому князю ко Владиміру.
ВдругЪ посылалЪ онЪ повѣсточку
КЪ старому казакѣ кЪ Ильи Муромцу,
КЪ Ильи Муромцу да во чисто поле,
ПоспѣвалЪ бы онЪ да на боищо.
УслыхалЪ нашЪ казакЪ Илья МуромецЪ,
СталЪ-то успѣвать по своимЪ успѣхамЪ богатырскіимЪ,
СталЪ-то успѣвать со чиста поля да во КіевЪ градЪ
А ко ласковому князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онЪ во дворовую,
ОдѣваетЪ нунь одежу соби стариковскую,
Кладыва́етЪ собѣ шляпоньку пуховую,
А беретЪ вЪ руки клюху нунь горбатую,
А идетЪ онЪ нунь вЪ полату бѣлокаменну,
Ко тому ли-то кЪ Одолищу поганому.
А сидитЪ-то Одолищо поганое
За почестнымЪ столомЪ да у князя у Владиміра.
Очень нашЪ старый казакЪ Илья МуромецЪ,
Очень же низко ему кланялся:
— Здравствуй-ко Одолищо поганое! —
«Здравствуй ты калика перехожая!
«ВидалЪ ли ты, калика перехожая,
«Храбраго воина да Илью Муромца?»
ОтвѣчалЪ-то калика перехожая:
— А й такой же нашЪ бога́тырь Илья МуромецЪ,
— ОнЪ такой же есть какЪ и самый я. —
Говоритъ тутЪ Одолищо поганоё:
«А по многу ли вашЪ казакЪ Илья МуромецЪ кЪ выти хлѣба кушаётЪ?»
— Малую часть нашій кушаетЪ,
— По три-то фунтика колачиковЪ крупивчатыхЪ,
— А й по маленькой-то чашечкѣ воды-то пьетЪ.—
ОтвѣчаетЪ Одолищо поганоё:
«По семи-то пудовЪ я кЪ выти кушаю,
«По цѣлой кадки воды кушаю.»
Говоритъ тутЪ калика перехожая
А й тому ли-то Одолищу поганому:
— Была-то у моего же родна нуни батюшка,
— Была же лошадь халстная *(такЪ)*,
— А по многу она ѣла, пила, кушала,
— Очень-то скоро сама лопнула. —
Не понравилось Одолищу поганому.
ОнЪ смахнулЪ-то со стола да ножомЪ собѣ длиннымЪ,—
ЭтотЪ-то ножЪ да стоёмЪ же сталЪ.

Обвернулся нашъ калика перехожая,
А подвинулся къ Одолищу поганому, —
Какъ ударилъ ёму шляпонькой пуховою,
А й прогрязла голова тутъ у Одолища поганаго.
Старыи казакъ Илья Муромецъ
Выходилъ-то онъ во дворовую,
Онъ беретъ собѣ коня да богатырсково,
Во другихъ-то беретъ собѣ палицу стопудовую,
Въ другу-ту руку копье длинное.
Поѣхалъ онъ на рать на силушку великую,
На великую, на татарскую.
Сталъ-то по силушки поскакивать,
Онъ прибилъ нунь всю силу-то великую.
Пріѣзжаетъ-то ко князю ко Владиміру.
Сдѣлали весельицо почестный пиръ,
Стали тутъ жить оны по прежному.
Ничего-то князь нунь не опасается,
Никого ли-то нунь не сумляется.
Отправлялся нашъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли-то ко королю литомскому
Посмотрить его дочери любимоей,
Той ли-то Марьи Митріевичной.
А женитъ ему нужно братца нунь крестоваго,
А й братца того ли названаго,
А того ли то Иванушка могучаго.
Пріѣзжали тутъ ко королю литомскому,
А ко его ли-то ко доченки любимыя,
А ко той ли-то ко Марьи Митріевичной.
Взяли-то ю и въ замужество
За того ли-то Иванушка могучаго,
Сдѣлали оны да почестный пиръ,
На пиру-то вси напивалися,
На пиру-то вси похвалялися.
Говоритъ-то нашъ князь стольнё-кіевской:
«Вы вѣрныи мои да служители!
«Не съѣзжайте-ко вы со Кіева,
«А живите-тко вы да по старому,
«Живите-тко по старому по прежному.»

Записано въ дер. Римъ
на Пудожской Горѣ, 23 іюля.

—

23.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ славномъ во городѣ во Муровѣ,
А й села-тко да Качегарова,
А й у ласковаго князя у Владиміра,
Былъ у нихъ да есть почестный пиръ.
На пиру да былъ слуга вѣрныи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Во другихъ-то молодый Дюкъ Степановичъ,
А Чурилушка же Плёнковичъ,
А й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ,
А еще-то былъ Добрынюшка Микитиничъ;
Онъ захвастливый же былъ да неудачливый.
Онъ выходилъ съ почестнаго пира отъ князя отъ Владиміра,
И приходилъ-то къ государыни къ своей да родной маменьки
И воспроговорилъ же ей да таково слово:
«Ай же ты государыни Добрынюшкина матушка,
«А Ефимья ты же Олександровна!
«И ты когда меня спородила,
«Завернула бы въ камочки во крушатыя,
«Ты кидала бы меня да во сине море!
«Не ходилъ бы я Добрыня по бѣлу свѣту,
«Не рутилъ бы я Добрынюшка тутъ горькихъ слезъ.»
— Ай же ты мое да чадо милоё,
— А дитя мое любимоё,
— Ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
— Ужъ я рада бы тебя спородить,
— А я силою въ богатыря да въ Илью Муромца,
— Я богачествомъ во Дюка во Степанова,
— А я удалью въ Чурилушку е Плёнкова,
— А я смѣлостью въ Олешеньку въ Поповича.—
Какъ во пору же е во то время
Выходилъ-то нашъ Добрынюшка да онъ Микитиничъ,
Онъ-ка бралъ соби коня есте добраго,
А онъ добра коня да богатырскаго,
А сѣдлалъ ему сѣделушко черкальское,
А стремена кладетъ да золоченыя,
Онъ подтяжечки подтягивалъ шелковыя.
Одѣвае собѣ латы богатырскія,
Онъ беретъ соби копье-то въ руки длинное,
Онъ-ка палицу да стопудовую.
Онъ садился на своего добра коня
И хочетъ выѣхать онъ съ широка двора,
А съ широка двора да онъ въ чисто поле.
И наказывае на поѣздѣ таково слово
Государыни своей да родной маменькѣ,
Онъ Офимьѣ Олександровной,
И во другихъ онъ наказывалъ своей да молодой женѣ,
Молодой-то е Настасіи Микуличной:
«Я ѣду въ чисто поле,
«Проживи-тко ты, исполни мою заповѣдь,

ливи же ты нуньчу шесть годовъ,
томъ-то хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
я не буду черезъ шесть годовъ съ чиста поля,
ди хоть за богатыря, хоть за крестьянина,
оди-ка ты за братца за крестоваго,
лешеньку ты Поповича,
за бабьяго ты надсмѣшника.»
акъ видѣли богатыря-то сядучи,
дѣли богатыря поѣдучи.
акъ выѣхалъ Добрыня съ широка двора,
акъ ѣхалъ не воротами широкима,
кочилъ да черезъ стѣну городовую,
онъ съ горы на гору поскакивать,
ки раздолья между ногъ пустилъ,
акъ рѣки нунь озера перескакивалъ.
его поѣздки богатырскія,
его поступки лошадиныя
чко идетъ да какъ вода течетъ,
ь за день какъ и дождь дожжитъ.
шло-то тому времечки е шесть годовъ,
дать-то тутъ Добрынюшки съ чиста поля.
Олешенька же королевскій сынъ похаживать,
утихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской.
тали-то да е подсватывать
обрынину его да молоду жену,
Настасьюшку да е Микуличну,
то ли-то за братца за крестоваго,
ешеньку Поповича.
ожила она заповѣдь на друго шесть годовъ:
не буде нунь Добрыня сынъ Микитиничъ,
не буде онъ да со чиста поля,
отомъ я за тебя замужъ пойду.
его ли-то поѣздки богатырскія,
его ли-то поступки лошадиныя
нь *(такъ)* идетъ да какъ вода течетъ,
ь за день какъ и дождь дожжитъ.
шло-то тому времечки двѣнадцать годъ,
дать-то все Добрынюшки съ чиста поля.
ходилъ Олеша королевскій сынъ,
утихъ съ нимъ князь стольнё-кіевской,
дили на ей теперь свататься.
Добрынина да молода жена,
ода-то е Настасья да Микулична,
уда-ка она да е замужъ пошла
то ли-то за братца за крестоваго,
ешеньку она да за Поповича.
повелся-то у нихъ почестный пиръ да свадебка,
ась-то свадебка двѣнадцать дёнъ,
На пиру-то вси да напивалися,
На пиру-то вси да наѣдалися.
Очень строго е приказано
Какъ у ласковаго князя у Владиміра,
Кто если вспомнитъ на почестномъ пиру на свадебки
А й Добрынюшки его да нунь Микитича,
Еще прямо нунь сади того во крѣпости,
А не спрашивать ни роду и ни племени,
Никакого его теперь да отзыву.
Они крѣпости всѣ да повыладили,
А столбы-то вси они е повыставили,
А для всякою опасности,
Въ особину же для Добрынюшки да е Микитича,
Чтобы въ ту пору да въ то время
Не пріѣхалъ нашъ Добрыня на почестенъ пиръ.
Какъ идетъ у нихъ почестный пиръ да свадебка
И послѣдній день да е двѣнадцатой,
Какъ во ту пору во то время
Наѣзжалъ-то нашъ Добрынюшка съ чиста поля.
Онъ пріѣхалъ осерёдъ двора широкаго,
Привязалъ коня да ко столбу да ко точеному,
И къ тому ли-то кольцу да золоченому,
И приходилъ онъ къ государыни къ своей родной маменькѣ.
Ужъ онъ крёстъ-отъ да кладетъ тамъ по писаному,
Онъ поклонъ-тотъ тамъ ведетъ да по ученому,
А й на вси да на четыре на сторонушки,
Онъ какъ матушки своёй да е въ особину.
Воспроговоритъ же самъ да таково слово
А своей да-родной маменькѣ,
Онъ Офимьѣ Олександровной:
«Ужъ ты здравствуй государыни Добрынюшкина матушка!
«Отъ Добрыни я тебѣ-ка-ва поклонъ привезъ.
«Мы съ твоимъ-то чадомъ милымъ,
«А съ дѣтёмъ твоимъ да е любимымъ,
«А й съ Добрынюшкой Микитицомъ
«Вмѣстѣ были во чистомъ поли.
«Онъ поѣхалъ тамъ дороженькой окольнею,
«Я же ѣхалъ тамъ дорожкой прямоѣзжею.
«Онъ поѣхалъ на почестный пиръ на свадебку
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А ко своему-то братцу ко названому,
«А къ тому ли-то къ Олешенькѣ Поповичу.»
— Ай же ты молодая скоморошина,
— Ты кабацкая кака ни е подпорина!
— Не должно бы те да надо мною надсмѣхатися.
— Закатилоси мое да красно солнышко двѣнадцать годъ,
— Закатается теперь да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,

— А й Добрынина да молода жена,
— Молода-то е Настасья да Микулична,
— А й тутъ она замужъ ушла
— А й за братца за названаго крестоваго,
— За Олешеньку да е Поповича.
— А й ведется тамъ у нихъ почестный пиръ да свадебка,
— А ведется-то послѣдній день двѣнадцатый. —
Воспрогóворитъ Добрыня таково слово:
«Еще велѣлъ Добрынюшка Микитиничъ
«Привезти-то онъ гусёлышка яровчаты,
«А которыи находятся въ него во ложняхъ тамъ во теплыихъ
«На кроваточки кисовыя
«А на стопочки да на точёныя,
«И велѣлъ-то привезти на почестный пиръ на свадебку,
«Звеселить свое сердечко богатырскоё.»
Только стала нонь смекатися,
По рѣчамъ его да догадатися,
Кинула ему руку на голову,
Увидала у него да е примѣточку:
— Не моё ли ты да чадо милоё,
— Не моё ли ты дитя было любимоё,
— А не Добрыня ль сынъ да былъ Никитиничъ?
— Извини-ко ты да нунь пожалуста,
— Что обругала я тебя да обезчестила,
— А удаленькаго храбраго же воина. —
Цѣловала тутъ его въ бѣлы уста,
Нарекала своимъ сыномъ милымъ
А дѣтёмъ она его любимымъ.
Ухватилъ-то тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ свои-то тамъ гуселышки яровчаты,
Поскакалъ-то онъ на гридню на столовую
А ко ласковому князю ко Владиміру
Да къ названому ко братцу ко крестовому,
А къ тому ли ко Олешенькѣ Поповичу,
Да къ княгинѣ ко своей да молодой жены.
Пріѣзжалъ-то онъ ко каменнóй стѣны,
Къ широкимъ-то воротамъ, ко крѣпости.
Какъ у ласковаго князя у Владиміра
А приставлены-то всѣ да заключевнички
А всѣ главныи свои да дворнички
А ко той ли къ высокой да каменнóй стѣны
А къ воротамъ да ко широкіимъ.
Очень строго имъ наказано:
А й у князя у Владиміра
Не пущать-то на почестный пиръ на свадебку
Никакого-то безъ званія,
Безъ доклада все жъ у ласковаго князя у Владиміра.
Высыпаетъ имъ онъ злата ноньку сéребра,
А всимъ дворничкамъ да заключевничкамъ,
Онъ же скачнаго имъ жемчуга.
Очень крѣпко имъ да здоложается,
На почестный пиръ давается:
«Выпустите-ко меня вы нунь пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«А ко ласковому князю ко Владиміру.»
Не пущаютъ нунь Добрынюшки Микитича,
Не берутъ съ него ни злата нунь ни серебра,
А ни скачнаго-то жемчуга,
Не пущаютъ на почестный пиръ на свадебку
А ко братцу названому крестовому,
А къ тому ли-то къ Олешенькѣ къ Поповичу
И молодой жены къ Настасьи да къ Микуличной:
«Вы подите-ко пожалуста,
«А вси дворнички вы заключевнички,
«Здоложите-ко вы ласковому князю да Владиміру
«Обо мнѣ о храброемъ о воинѣ.»
Отошли отъ воротъ вси дворнички
А вси главные его да заключевнички.
Розгорѣлоси его сердечико ретливое,
Онъ столбы-то всѣ повышаталъ
И ворота-то во чисто поле повыкидалъ.
Онъ зашолъ-то на почестный пиръ на свадебку
И высталъ тамъ на печеньку муравую,
И сталъ онъ струночки потягивать,
Сталъ гуселышка подлаживать.
Заигралъ какъ онъ въ гуселышка яровчаты,
На почестноемъ пиру да на свадебкѣ,
На пиру-то вси да призамолкнули.
Звеселилъ-то онъ какъ ласковаго князя да Владиміра,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Ай же ты молодецъ, съ какой земли, съ какой орды?
— Я не знаю есть ли имечки тобѣ, отечества.
— Опущайся-ко со печки со муравыя,
— Ты садись-ко съ нами на почестный пиръ на золотъ стулъ
— А въ особину гдѣ мѣсто е понравится. —
Наливаетъ ёму чару зелена вина,
Еще медамы настоялыма,
Подносилъ-то тутъ Добрыни е Микитицу:
— Ай же ты да молодой игрокъ!
— Ужъ ты пей-ко отъ меня да чару зелена вина. —
А й другую чару-то подноситъ братецъ да названенькой,
Молодой князь а й Олешенька Поповичъ королевскій сынъ.
Еще третью чару наливае молода жена,

ая Настасе́я-та Микулична:
ко ты же отъ меня да чару зелена вина.
игралъ такой игрой мой прежній мужъ,
брыня сынъ Микитиничъ.»
ъ положилъ Добрынюшка Микитиничъ
і перстень-то злаченыя,
орымъ съ ней да поручалися,
о чару зелена вина,
силъ возвратно молодой жены:
же ты княгиня молода́! пей отъ меня чару
зелена вина.
ъ ты пьешь до дна, такъ увидашь добра,
не пьешь до дна, не видашь добра. —
ала Настасе́я тутъ Микулична,
ала она чару зелена вина,
на тамъ свой перстень-то злачоныя,
орымъ же съ Добрыней поручаласи.
огóворитъ она за почестнымъ пиромъ за
свадебкой,
огóворитъ она да таково слово:
'усіи пословица та водится:
жъ въ лѣсъ по дрова, жена замýжъ пошла.
ы Добрынюшка Микитиничъ,
озьми-ко нуньку плёточку шелковую,
ты бей меня-то жонушку по нáгузку!»
огóворитъ Добрыня таково слово
нестнымъ пиромъ онъ да за свадебкой:
дивую я теби да молода жена,
Настасья ты Микулична!
дивую-то названому же братцу е крестовому,
тому ли Олешеньки Поповичу, —
ь жива мужа жену беретъ;
въ другихъ-то я дивую ласковому князю е
Владиміру, —
ь жива мужа да жону сватаётъ. —
рѣлося его да сердце богатырское,
рчалъ-то онъ на братца на крестоваго,
ешеньку Поповича.
илъ его за желты́ кудри,
илъ да за почестнаго пира за свадебки,
илъ его на гридню на столовую,
акъ сталъ-то онъ по гридни да поважнвать,
одной рукѣ-то держитъ у него желты кудри,
другой рукѣ держи́тъ гуселышка яровчаты,
лъ за желты кудри поважнвать,
елышками тутъ Олешеньку охаживать.
огóворитъ Олеша таково слово:
'усіи-то пословица та водится:
какъ всякій, братцы, женится,
всякому женидьба задавается.
дай Господи на сёмъ свѣти
«Какъ Олешеньки Поповичу!»
А какъ взялъ-то онъ свою да молоду жену,
Молоду-то е Настасью Микуличну,
Увозилъ-то е возвратно въ свою сторону.
Еще ту́да-ка Олешеньки славы́ поютъ,
А тому ли-то пиру да вѣкъ пó вѣку,
А вѣкъ по вѣку отнынѣ дó вѣку.

Записано тамъ же, 23 іюля.

—

24.

КОСТРЮКЪ.

Въ той было столичѣ,
Въ дальнею граничѣ,
Была полянница-та крымская,
Царица татарская,
Съ Кострюкомъ пріумиласи,
Съ молодымъ сговориласи
Ѣхать въ царство русійское,
Государство московскоё.
До Москвы-то не доѣдучи
И до горы до Ясавулова,
Вси шатры-то тутъ роздернули,
Ербучки-то вси повыстлали *(такъ)*,
Посылали скоропослёшнаго посланничка
Ко тому ли царю къ Ивану Васильевицу,
Заказать да поотвѣдати,
Чтобы полаты онъ розглаживалъ
А ёнъ ѣствы-ты налаживалъ
А ёнъ питья-ты да принаставливалъ.
Еще ѣдетъ-то Кострюкъ Темнюкъ,
Полянница было крымская
А царица та удалая:
«Есть ли у тя Богъ на стѣны,
«Есть ли у тя хлѣбъ на столи,
«Есть ли борци на дворци,
«Да удалы добры молодци
«Съ Кострюкомъ-то поборотися,
«Со удалымъ попытатися
«А плеча да богатырскаго,
«А личя-то молодецкаго?»
Воспрогóворитъ нунь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Воспрогóворитъ ему да таково слово:
— Еще есть-то у мня Богъ на стѣны,
— Еще есть у мня же хлѣбъ на столи,
— Еще есть у мня борци на дворци, —

— Ай удалы добры молодци,
— Съ Кострюкомъ-то поцытатися,
— Съ молодымъ поотвѣдати
— А й плеча да богатырскаго,
— А личя его да молодецкаго.
— А й два братца есть крестовеньки,
— Они родиной же съ Вологды:
— Одного-то зовутъ Ѳедькою,
— А другаго есть Михалькою,
— И не бьются есть не борются,
— Одной кашки есть напорются,
— Какъ живутъ у мня въ прислужникахъ. —
Нунь въ ту пору да во то время
Наѣзжалъ самъ Кострюкъ на съѣзжій дворъ,
Онъ же къ грозному царю къ Ивану е Васильеву.
Закрычалъ-то онъ своимъ да громкимъ голосомъ,
Онъ своимъ да богатырскіимъ,
Онъ по всей землѣ, по всей орды,
Онъ по всей да подселенною:
«Ай давай же мнѣ-ка царь да супротивника.
«Если ты не дашь да супротивника,
«Я все царство нунь пройду да головнéю прокачу!»
А несетъ-то грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ несетъ же ему нунь подарочокъ,
Ему злата было сéребра.
Онъ же проситъ нунь въ свои полаты бѣлокаменны
Хлѣбца соли есть покушати
И колачиковъ порушати.
Ничего Кострюкъ не слушаетъ,
А й одно кричитъ: давай же супротивника.
Какъ во ту пору, во то время
Какъ скамья случилоси двуногая
Близко сильнаго богáтыря.
Ухватилъ-то нашъ Кострюкъ Темнюкъ
Онъ скамью да есть двуногую.
Онъ-ка билъ да всѣхъ богáтырей
Безъ разбору государскіихъ.
Какъ убилъ же тридцать есть богáтырей,
Пятьдесятъ-то онъ татариновъ,
А и пятьдесятъ-то онъ татариновъ плѣненныихъ.
Еще вси они лежатъ какъ мыши пища,
Еще моля Кострюку да Темнюку,
Сильнему богáтырю:
— Еще дай бы теби Господи
— А й на дворъ итти да скокою,
— А й со двора да окоракою! —
Какъ бѣжалъ-то нашъ Кострюкъ,
По мосткамъ-то бѣжалъ да деревяннымъ,
А мостинья-то вси да зыблются,
А тынинья-ты съ мостинья вси вонъ сыплются.
И прискакалъ-то онъ на съѣзжій дворъ
Онъ ко братцамъ ко крестовымъ,
Онъ съ нимá да поборотися,
Съ молодыма попытатися.
Ужъ какъ Ѳетеньку-то рáзъ топнулъ,
А й онъ Ѳетеньку другóй топнулъ,
И стоитъ нашъ-то Ѳетенька не шáтнется,
На головушкѣ волосушка не стряхнутся.
Какъ другой-то братецъ есть крестовенькой,
Михалка нунь въ борьбу да снаряжается,
Самъ съ собою похваляется:
«Что жъ ты братъ да поддаваешься?»
Тутъ принадывали они понижe собя,
А подхватывали Кострюка да крѣпко нá руки,
Его на руки свои да богатырскія,
И выкидывали повыше креста да Леванидова.
До зени-то не допáдучи,
А летмà въ вéрёхъ да скоро лéтячи,
На немъ кожа вся же перелопала,
А отъ рукъ ихъ богатырскіихъ,
А отъ двухъ же братцевъ есть крестовыихъ.
А рука нога ломиласи,
Глаза вонъ да воротилися.
Еще смотритъ полянница та же крымская,
Богатырша нунь сама есте удалая,
На борьбу-то все на ихъ да богатырскую
А на двухъ на братцевъ на крестовыихъ,
Ушибили Кострюка да сильна богáтыря.
Ухватила копье свое длинное,
Какъ поѣхала она въ ѣзду съ Москвы,
Она ѣде заклинается:
— А не дай мнѣ-кá-ва болѣ Господи,
— Болѣ ввѣкъ въ Москвы да нé бывать,
— И московскіихъ борцевъ да въ глаза нé видать! —
А Кострюку да Темнюку да сильнему да воину
Еще тýда-ка ему да все славы поютъ,
А вѣкъ пó вѣку отнынѣ дó вѣку.
А живётъ-то нашъ да грозный царь Иванъ Васильевичъ,
А живётъ-то онъ да звеселяется,
Звеселяется въ своихъ да радостяхъ,
Онъ своими-то же воинами защитается,
А живётъ-то онъ безъ всякои опасности,
А вѣкъ пó вѣку отнынѣ дó вѣку, аминь!

Записано тамъ же, 23 іюля.

—

V.

КОЙБИНЪ.

Степанъ Койбинъ, на Масельгѣ, старикъ лѣтъ за 60, старообрядецъ, самый зажиточный изъ крестьянъ на масельгскомъ перевалѣ. Онъ знаетъ содержаніе многихъ былинъ, но разсказываетъ ихъ словами, нѣкоторыя въ прежнее время пѣвалъ, теперь могъ припомнить «голосомъ», т. е. на распѣвъ, только одну, про грознаго царя Ивана Васильевича. Койбинъ разсказывалъ, что въ ихъ мѣстности былъ большой знатокъ былинъ, крестьянинъ Адріанъ Кипринъ, но онъ умеръ уже много лѣтъ тому назадъ, и никто его былинъ не перенялъ.

—

25.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло солнце красное
На тое на небо на ясное,
Тогда воцарился грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Коею улицей ѣхалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Иванушко Ивановичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Малюта Скурнатовичъ,
Тутъ кура́ не́ поетъ;
Коею улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ, —
Сказывалъ онъ улицы казненыи,
А вси ты улицы не казненыи,
Становилъ онъ живыхъ мертвыми.
Собирался тутъ почестенъ пиръ,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру росхвастались.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходитъ по полатѣ бѣлокаменной,
Чешетъ бороду и голову,
Самъ говоритъ таково слово:
«Вывелъ я измѣну изо́ Пскова,
«Вывелъ я измѣну съ каменно́й Москвы,
«Вывелъ я измѣну изъ Низова!»
Изъ-за того стола бѣлоду́бова,
Изъ-за тыя скамейки кленовыя
Испрого́воритъ Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь нашъ батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не вывести измѣны съ каменной Москвы.
— Таперича измѣна за столомъ сидитъ,
— Она съ нами ѣстъ да пьетъ да кушаетъ,
— Съ нами бѣлого лебедя рушаетъ. —
Его царское сердце возгорѣлося:
«Дай-ка измѣну мнѣ на́ очи!
«Отсѣку я ему буйную голову!»
Ему на́ друга сказать да на боярина,
Пролить да будетъ кровь понапрасному.
Пришло сказать на братца родимаго,
На́ того на Ѳёдора Ивановича:
— Коей улицей ѣхалъ Ѳёдоръ Ивановичъ, —
— Сказывалъ онъ улицы казненыи,
— Вси ты улицы не казненыи,
— Становилъ онъ живыхъ все мертвыма.
Тутъ его царско сердце возгорѣлося:
«Ай же вы палачи немило́сливы!
«Возьмите-тко вы Ѳёдора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Отсѣките ему буйную голову!»
Большій туляется за меньшаго,
Меньшій туляется за средняго,
А отъ средняго и отвѣту нѣтъ.
Испрого́воритъ Малюта Скурнатовичъ:
— Дѣлать намъ дѣло повелѣное,
— Сказать намъ слово говореное. —
Взяли Ѳёдора царевича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи.
Справилась тутъ Настасья Романовна
Ко своему братцу Никитѣ Романовичу, —
У ней чоботы на ножкахъ безъ чулочиковъ.
Испрого́воритъ Никита Романовичъ:
«Что это за чудо удивилося —
«Незваная та гостья пѣша́ пришла?»
— Ѳёдора царевича жива нѣту,
— Твоего любимаго племянничка! —
Тутъ Никита Романовичъ
Взялъ коня себи неосѣдлана,
Неосѣдлана, необуздана
Онъ шапкой машетъ и голосо́мъ крычитъ:
«Ай же палачи немило́сливы!
«Съѣдите́ вы этотъ кусъ и подавитесь.
«Подьте-тко на царевъ кобакъ,
«Прибирайте мо́лодца лицё въ лицё,
«Лицё въ лицё и плечо въ плечо,

«Отсѣките ему буйную голову.»
Тутъ палачи немилосливы
Прибрали молодца лицё въ лицё,
Лицё въ лицё и плечо въ плечо,
Отсѣкли ему буйную голову.
Тутъ Микита Романовичъ
Надѣваетъ платье что ни лучшее.
Пріѣзжаетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ челомъ на всѣ четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ особину.
Испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ужъ ты старая собака сѣдатый песъ!
«Али ты надо мною насмѣхаешься,
«Аль не знаешь моей незгодушки великоей?
«Я въ медвѣдно зашью и кобелямъ скормлю.»
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Какà твоя незгодушка великая?
«Өёдора царевича жива нѣту,
«Твоего любимаго племянничка.»
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Өёдоръ царéвичъ въ зеленóмъ саду гуляетъ
— И бьетъ челомъ на всѣ на четыре стороны
— А грозному царю Ивану Васильевичу въ особину. —
Тутъ испрогóворитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Никита Романовичъ!
«Города ль возьмешь съ пригородками,
«Аль безъ счету возьмешь золотой казны?»
Испрогóворитъ Никита Романовичъ:
— Не надъ мнѣ-ка ни городовъ съ пригородками,
— И не надъ мнѣ-ка золотой казны.
— Напиши ты тое слово: кто въ Микитину отчину ушелъ,
— Того и Богъ унесъ!

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

—

VI.

КОТОВА.

Мареа Трофимовна Котóва, крестьянка лѣтъ 50-ти, на Масельгѣ. Научилась кое-какимъ былинамъ отъ стариковъ, поетъ ихъ очень плавно. Кромѣ былинъ она поетъ тѣмъ же складомъ и побасенку про пѣтуха и лисицу (см. № 29); эту побасенку она называла «старинкой».

—

26.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ во городѣ во Кіеви,
У честноей вдовы Офимьи Олександровны,
А былъ-то единый сынъ Добрынюшка Микитичъ.
А спрогóворитъ своей матушкѣ,
Молодой честнóй вдовы Офимьи Олександровны
А й да таковы слова:
«Ужъ ты матушка моя, честнá вдова Офимья Олександровна!
«Ты на что меня безсчастнаго спорóдила,
«Ты на что меня да безталаннаго отрóдила?
«Ты бы силушкой спородила
«Что во стараго казáка Илью Муромца;
«Ты бы могутушкой спородила
«Во Самсона во богáтыря;
«Ты бы смѣлостью спородила
«Во Олешенку Поповича,
«Красотой меня спородила
«Да во Осипа во прекраснаго.»
Какъ спрогóворитъ да его матушка,
Молода честна вдова Офимья Олександровна
Таковы слова:
— Ужъ ты дитятко мое Добрынюшка Микитичъ!
— Ужъ я была бы да пресвятою Богородицей,
— Я спородила бы тебя
— Силушкой да во стараго казáка Илью Муромца,
— Я могутушкой бы спорóдила
— Во Самсона во богáтыря,
— И смѣлостью спородила бы во Олешенку Поповича,
— Красотою бы спородила
— Во Осипа бы во прекраснаго. —
Какъ спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ своей матушкѣ:
«Ужъ ты матушка моя,
«Молода честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты дай мнѣ-ка прощеньицё,
«Прощеньицё да благословленьицё
«Есть повыѣхать мнѣ-ка дáлеко,
«Дáлече, далéче во чистó поле,
«Мнѣ попробовать есть свой силушки,
«Силушки есть теперепку богатырскоей.

«И дашь ты прощеньице поѣду,
«Не дашь благословеньица поѣду.»
Услыхала молода его княгиня е Настасья Викулична.
— Ай же ты Добрынюшка Микитичъ есть!
— Ты куды поѣзжа́ешь,
— На кого меня молодую, несчастную,
— Нынче оставляешь? —
Какъ спрого́воритъ Добрынюшка Микитичъ таковы слова:
«Ай же ты Настасья Викулична!
«Жди-тко ты меня три́ году.
«Черезъ три году не буду — жди шесть лѣтъ,
«Черезъ шесть годовъ не буду — девять лѣтъ.
«Какъ минуется девять лѣтъ,
«Жди меня е двѣнадцать лѣтъ.
«Черезъ двѣнадцать лѣтъ не буду,
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«За купца поди, за боярина поди,
«За хрестьянина поди, за мѣща́нина поди,
«За Олешенку Поповича только не́ поди.
«Вѣдь Олешенька Поповичъ мнѣ крестовой братъ.»
Видли Добрынюшку сядучи,
А не видли Добрынюшки поѣдучи.
Первый скокъ нашли за стѣной городовою,
Другой скокъ нашли черезъ три вёрсты,
Третьёго скоку что найти не́ могли.
Ждала Настасья Викулична,
Дожидала Добрынюшку ровно три́ году.
Миновалоси е Добрынюшки ровно шесть годовъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Ждала она ровно девять лѣтъ.
Миновалоси е двѣнадцать лѣтъ,
Все-то Добрынюшки Микитича нѣтъ.
Стали-то кіевски бабы подговаривать,
Подговаривать стали, ума́нывать
Молоду Настасью Викуличну
А за этого да Олешенку Поповича,
За Олешенку да за Поповича.
Въ тую порушку да въ тое времячко
А Добрынюшки Микитичу да стосковалоси.
И ставалъ-то Добрынюшка Микитичъ есть,
А онъ есть поутру ранёшенько,
Умывается Добрынюшка бѣлёшенько,
Утирался въ тонко бѣло по́лотно.
Выходитъ-то Добрынюшка Микитичъ е
На ши́року на уличку,
Онъ глядѣлъ-то смотрѣлъ во вси стороны,
А одна сторона помилі́е всихъ.
Садился Добрынюшка Микитичъ на добра́ коня,
А й отправился Добрынюшка да въ тую сторону.
Попадаё Добрынюшкѣ Микитичу
Есть калика перехожая.
Какъ спрого́воритъ Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ты откуль идешь, откуль путь держишь?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Я иду-то со города со Кіева. —
Что ль еще того помилі́е Добрынюшкѣ Микитичу?
Сталъ онъ спрашивать калику перехожую:
«Ай же ты калика перехожая!
«Что добро дѣется во городѣ во Кіевѣ?»
Отвѣчатъ ему калика перехожая:
— Все добро дѣется во городѣ во Кіевѣ.
— Есть-то моло́дая Настасья Викулична а за му́жъ пошла,
— А за му́жъ пошла а за Олешенку,
— За Олешенку пошла за Поповича. —
Какъ еще спросилъ есть Добрынюшка Микитичъ есть:
«Ай же ты калика перехожая!
«Ужъ ты дай-ка мнѣ-ка свое платьицо,
«Платьицо черноё да дай каличьеё,
«А й каличьеё да клю́ху желѣзную.»
— Я не далъ бы тебѣ платьевъ каличьіихъ,
— Платьевъ каличьихъ, клюхи́ желѣзноей,
— Ты возьмешь у меня, да и бокъ набьешь. —
Солѣзаетъ Добрынюшка Микитичъ со добра́ коня,
Надѣваетъ на себя платья каличьіи,
Беретъ въ руки клюху желѣзную.
И пошолъ тутъ Добрынюшка Микитичъ съ горы на гору,
Онъ клюшенкой да подпирается,
Съ го́ры на гору да перескакиваётъ.
Приходитъ ко городу ко Кіеву,
А стучаетъ подъ окошечко
У староей вдовы Офимьи Олександровны:
«Ай же ты вдова да Офимья Олександровна!
«А наказывалъ Добрынюшка Микитичъ, низко кланялся,
«А велѣлъ подать гуселышка,
«Есть во темноемъ чуланчикѣ на полочкѣ.»
Есть стряхнулась Офимья Олександровна да своей старостью,
Подавала гуселышка муравчаты *(такъ)*.
Идетъ тутъ Добрынюшка Микитичъ есть на че́стной пиръ,
Онъ на честный пиръ идё па свадебку
Ко Олешенки да ко Поповичу.
Онъ не спрашиваётъ ни у дверей ни придверничковъ,

Онъ не спрашиваётъ ни у воротъ ни приворотничковъ,
Онъ становился есть о липинку,
Онъ играетъ во муравчаты гуселышка.
Еще спрашиваётъ е Олешенка Поповичъ:
— Ты скажи есть чей да откулешной,
— Ты коёй орды, ты коёй земли,
— Ты чьего есть отца, чьей матери? —
Что ль отвѣтъ-отъ держалъ есть Добрынюшка Микитичъ:
«Есть-то я теперь заводска скоморошина.»
Тутъ спрогóворитъ молода Настасья Викулична да таковы слова:
— И есть-то теперь не заводска скоморошина,
— Есть-то теперенку Добрынюшка Микитичъ.—
Наливаётъ Олешенка Поповичъ е ту чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Ужъ подноситъ ту чару е Добрынюшкѣ Микитичу.
Онъ беретъ ту чару единымъ перстомъ,
Единымъ перстомъ беретъ мизёнышкомъ.
Выпилъ онъ чару на единый здухъ.
Наливаетъ Добрынюшка Микитичъ чару зелена вина,
Подноситъ молодой Настасьи Викуличной:
«Выпьешь до дна, увидишь добра.»
Выпивала ту чару зелена вина.
Какъ поглядитъ — въ чарѣ золотой перстень,
Что ль которымъ перстнемъ обручалиси е съ Донюшкой Микитичемъ.
Какъ подходитъ Добрынюшка Микитичъ есть
Ко смирнóму ко Олешенкѣ Поповичу,
Онъ беретъ-то правой рукой е Олешеньку Поповича за желты́ кудри,
Бросилъ Олешенку да о кирпичный полъ.
Тольки Олешенка живъ бывалъ,
Съ молодой Настасьей Викуличной живалъ.
Бралъ-то онъ мóлоду Настасью Викуличну е за праву за рученку,
Проводилъ-то онъ во свои бѣлокаменны полаты,
Ко своей-то родной матушкѣ,
Ко староей вдовѣ Офимьѣ Олександровны.
Тутъ-то ёго матушка приросплакалась,
Приросплакалась е да й обрадовалась.

Записано на Масельгѣ, 14 іюля.

—

27.

ЧУРИЛО.

Во славноемъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ былъ Чурилушка Пленковичъ,
А не Пленковичъ Чурило, добрый молодецъ.
Справляется Чурило, снаряжается Чурило,
Наливаетъ Чурило ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурило личко бѣленькое,
Утирается Чурило въ тонко бѣло полотно,
Надѣваетъ сапожки на ножки зеленаго сафьяна,
Сапожки сафьяну были турецкаго,
Шитья нѣмецкаго.
Подъ пяты, подъ пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочка яичко прокатило.
На себя кафтанъ васинкóваго сукнà,
На головушку шапочку ушисту пушисту завѣсисту,
Пятьсотъ-то рублей серебромъ,
А сѣдлатъ убиратъ коня шахманка.
Были подложки шелковыи,
Пряжки застежки золочеными,
Пряжки застежки что шелкъ-то тлѣетъ,
Золото не трется, серебро не ржавѣетъ.
Видли Чурилушку сядучи,
А не видли Чурилушки поѣдучи.
Пріѣзжаетъ Чурила ко городу ко Кіеву
Да ко славному царю ко Владиміру.
Увидѣла Катерина Викулична
Чурилушку Пленковича изъ косивчата окошечка.
Она по поясъ кидалась въ косивчато окно,
Поскорѣе того на широкій дворъ,
Отворяла широки ворота,
Еще звала Чурилушку Пленковича
Ко себѣ на широкій дворъ,
Убирала коня его шахманка,
Проводила коня во конюшеньку,
А во тую во конюшню во конинную,
А во эту во стойлу лошадиную.
Наливала коню ключевóй воды въ тазъ,
Насыпала коню бѣлояровой пшены,
Пойдучи отъ коня да поклониласи:
«Ужъ ней мой конь да нечистой духъ!
«Я не ради тебя кланяюси,
«Ради Чурилушки Пленковича.
«А не Пленковичъ Чурила, добрый молодецъ.»—
«Станемъ-ко Чурила въ шашечки играть.»
Разъ-то играли проигрывались,
Другой разъ играли проигрывались.
«Бросимъ-ка Чурилушка шашочну́ игру,
«Сядемъ-ко Чурилушка на тисову́ кровать.»

Пришла черная дѣвчонка челяночка.
— Это кто у тя Катерина Викулична,
— Это кто въ гостяхъ, али брáтъ родной,
— Али братъ родной, али мýжъ грознòй? —
Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:
«Что не братъ родной и не мужъ грозной.»
Говоритъ Чурила-тотъ Пленковичъ:
— Замолчи-тко дѣвчоночка челяночка!
— Во-вотъ я тебѣ теперь шапочку дарю,
— Моя шапочка пятьсотъ рублей серебромъ,
— А ушиста пушиста завѣсиста,
— Спереди не видно личка бѣленькаго,
— Сзади не видно желтыхъ кудрей. —
Отвѣтъ держитъ Катерина Викулична:
«Не давай-ко ей шапочки дѣвчонкѣ челяночкѣ,
«Лучше самъ ты носи да Чурилушка Пленковичъ,
«Лучше ей-то ты дай полтинку серебромъ.»
Видитъ Чурила дѣлати теперь нечего.
Поѣзжаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву,
Ко тому-то царю ко Владиміру,
Крестъ-то ведетъ по писáному,
А поклонъ-то ведетъ по учéному,
Бьетъ-то челомъ царю Владиміру:
— Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
— Грозно-кіевскій великіи! —
Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
«Скажи, чей ты да откулешной,
«Ты коёй орды, ты коёй земли,
«Ты чьего отца, чьей-то матери?»
— Отца матери не помню теперь,
— Есть молодецъ я Чурилушка Пленковичъ. —

(Конца пѣвица не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

—

28.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Жила была вдовица пашница,
Какъ у той вдовы было семь сыновъ,
Было семь сыновъ да единáя дочь.
Единýю дочь сталъ сватать за синё море,
За сине морё да за глубокое,
За того купца да за богатаго.
Еще здумала да е повыдала.
Ужъ я годъ да въ умѣ не было,
Другой жила да въ разумъ не пришло,
Въ третей годъ стосковалоси.
Я у свекрушка да подаваласи,
А у свекровушки да доложиласи.
Ужъ свекрушко да отпущаетъ,
Свекровушка да снаряжаетъ.
Есть-то сѣли съ мужомъ да поѣхали.
Изъ-за лѣсу лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ да за высокіихъ
Наставала туча темная,
Туча темная да весьма грозная.
Какъ наѣхало да семь розбойничковъ,
Какъ убили моего мужа,
Какъ бросили въ синё море да моего сына,
Е повывезли меня младу на гору.
Это вси-то есть да семь розбойничковъ
Они сѣли хлѣба соли кушати,
Бѣла лебедя розрушати.
Что ль одинъ единъ розбойничекъ
Не кушаетъ, на молóдую поглядыватъ,
Что молóдая проплакиватъ.
Что ль спрашиватъ молóдую:
«Ты скажи скажи молóдая,
«Ты коёй орды, коёй земли,
«Ты чьего отца да чьёй-то матери?»
Какъ спрогóворитъ молóдая:
— Я вдовици есть-то пашници.
— Какъ у той вдовы пашници
— Было семь сыновъ да единáя дочь,
— Эти семь сыновъ да во розбой пошли,
— А меня младу да за мýжъ выдала. —
Тутъ спрогóворитъ одинъ единъ розбойничекъ:
«Ай же братцы вы мои розбойнички!
«Мы убили своегó зятя,
«Обезчестили да свою́ю сестру.
«Свою́ю сестру да свою рóдную.»
Какъ скочили ль тутъ розбойнички:
«Что ль сошьемте мы шелкóвъ невёдъ,
«Мы повыловимъ да своего зятя,
«Мы достанемъ своего племника со синя́ моря...»

(Конца не помнила).

Записано тамъ же, 14 іюля.

—

29.

ПѢТУХЪ И ЛИСИЦА.

Какъ сидѣлъ пѣтушейла духовное дитя во березонькѣ,
Какъ пришла тутъ лисиця ко березонькѣ,
Стала она пѣтуха есть оманывати,
Ай оманывати да подговаривати:
«А й же пѣтушейло е духовное дитя!
«Опустись теперь на землю.»
Сталъ пѣтушокъ опущатися,
Съ ивинки на ивинку да перепурхивать,
А съ пруточка на пруточикъ перескакивати.
Поймала лисиця пѣтуха въ когти,
Стала держать ёго плотно.
Какъ спрогóворитъ пѣтушейло духовное дитяти (*такъ*):
— Ай спусти пѣтуха меня, духовная мати!
— Будешь ты въ Даниловомъ монастыри просвирóвъ печи. —
Тутъ у лисици отслабли нёгти,
Отпустила она пѣтуха.
Тутъ-то пошла лисиця ко боярину на дворъ,
Думала себи она куру изловить.
Тутъ-то пѣтухъ запѣлъ зарычалъ,
Тутъ-то лисиця перепала есть,
Побѣжали на лисицю дѣвки съ кокотáмы,
Бабы съ помяламы,
Тутъ-то едва меня лисици не убили.
Тутъ-то думаетъ лисиця: уловлю я пѣтуха.
Тутъ поднялся пѣтухъ е на сѣдало.
Надо той лисици пѣтуха изловить,
Изловить, уморить пѣтуха, его жизни рѣшить.
Какъ пришла тутъ лисиця опять,
Опять стала пѣтуха оманывати,
А обманывати да подговаривати:
«Ай ты пѣтушейла духовноё дитя!
«Опустись теперь на землю.»
Смотритъ пѣтушейла на лисины слова,
Отвѣчатъ онъ лисици:
— Ты оманешь теперь, задавишь пѣтуха. —
«Ты не бойся теперь, духовной сынъ,
«Не омáну теперь, не зáдавлю.»
Тутъ-то лисица обáяла да обсовѣтовала.
Опустился пѣтухъ на сырý землю.
Згребла пѣтуха она въ когти,
Стала держать его плотно:
— Ай же ты есть духовная мати лисиця,
— Спусти ты пѣтуха. —
«Не отпущу я отъ себя пѣтуха:
«Ты жилъ былъ у господина на дворе,
«Захотѣлось мнѣ курицю уловить,
«Ты затрёснулъ, запѣлъ, зарычалъ.
«Налетѣли тутъ дѣвки съ кокотáмы,
«Бабы съ помяламы,
«Такъ едва меня лисици не убили въ ты поры.
«Вы блудники, беззаконники,
«По девяти, по десяти жонъ держите,
«А на улицю сходите да деретёсь,
«Не надъ малою корыстью напрасную рѣзную кровь проливаете.»
Крылушка обломала,
Перышка общипала,
Стала съ бочка теребить,—
Только и живъ былъ пѣтышка.

Записано тамъ же, 14 іюля.

—

VII.

ПОПОВА.

Настасья Аѳанасьевна Попова, молодуха-крестьянка лѣтъ 25-ти, на Масельгѣ, слыхала былины отъ своей матери, удержала въ памяти только одну про Василія Буслаева да старинку про двухъ любовниковъ. Кромѣ того она пѣла хоромъ съ Абрамомъ Евтихіевымъ старину про девять братьевъ разбойниковъ и сестру ими полоненную.

—

30.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
Съ каменнóй Москвой состарѣлся *);
Съ Новымъ-городомъ спору не было.
Одно у Буслава было отпладьице

*) Слѣдовало бы сказать:

Жилъ Буславъ состарѣлся,
Съ каменной Москвой не ссорился,

но пѣвица, на увѣреніе, что она говорила безсмыслицу, стояла на своемъ, что «такъ поется», и что пѣть иначе нельзя какъ «съ каменной Москвой состарѣлся.»

Мо́лодой Василій сынъ Буславьевичъ.
Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улици похаживать,
Съ робятмы шутки пошучивать:
Кого за ногу — нога-та прочь,
Кого за руку — рука-та прочь.
Стали при́ходить мужики да новгородскіи
Къ его матушкѣ честно́й вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ай же ты матушка честна̀ вдова Омельфа Тимофеевна!
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Молода Василія Бу́слаевича,
«Не оставитъ-то людей на си́мена!»
А во ту-то пору во то́ время
Выбиралъ себѣ княгину *) хоробрую,
Поставилъ эту чару полтора ведра:
Кто подыне эту чару едино́й рукой
Кто выпьетъ эту чару едины́мъ духомъ —
Биться, драться, ратиться;
Кто кого по́бьетъ, съ того брать пошлина:
Со дѣвокъ брать повѣнчальное,
Со стари́цъ брать постригальное,
Съ го́стей торговыхъ посуконное.
Взяла Василія Буслаевича,
Взяла родна матушка Омельфа Тимофеевна,
Взяла его за бѣлы́ руки,
Приводила его на широ́кой дворъ,
Бросила Василья во глубо́къ погребъ,
Пеньемъ ко́лодьемъ заворо́чала,
Бѣлоду́бовыма дверми перезáперла,
Булатнима замочками перезáмнула:
— Ай ты спи Василій, высыпайся тамъ! —
А выходитъ повáрная дѣвушка
А чернавушка съ вѣдромъ по́ воду,
Коромыселкомъ убила тридцать душъ,
А приходитъ да ко погребу,
Ко широкому да ко глубокому
И спроговоритъ она да таково слово:
«А ты спишь, Василей, высыпаешься,
«Надъ собою незгоды не вѣдаешь,
«А твоя княгина въ крови́ бьется,
«Булавамы у ей голова поломана,
«Кушакамы у ей голова овéрчена.»
А выскакиватъ Василей со погреба,
А со погреба со широкаго,
Со широкаго со глубокаго, —

*) Слово *княгиня* здѣсь очевидно употреблено по недоразумѣнію вмѣсто *дружина*, но Попова опять-таки увѣряла, что «такъ поется».

Не подержали Василья Буславьевича
Ни пéнья ни ко́лодья ни двери бѣлоду́бовы
Ни замочки булатніи,
Подержала Василія Буслаевича слягà сарайная,
Слягà сарайная восьми́ саженъ.
А онъ сталъ слягòй помахивать,
Куды мáхнетъ — туды улица,
Переулками нáродъ валится.
Стали приходить мужики да новгородскіи —
Къ его матушкѣ къ честной вдовы Омельфы Тимофеевной:
«Ты уйми-тко свое чадо единакое,
«Млада мо́лода Василія Буславьевича,
«Не оставитъ и людей на сѣмена!»
— Ай же вы, мужики да новгородскіи,
— Вы какую же надо мною бѣду знаете,
— А вы какъ же надо мной надсмѣхаетесь?
— Ради васъ я Василія потрéбила,
— Во глубокъ погребъ я Василья бро́сила,
— Пéньемъ ко́лодьемъ заворо́чала,
— Бѣлоду́бовыма дверма перезáперла,
— Булатнима замочками перезáмнула. —
А выходитъ его матушка,
Честна вдова Омельфа Тимофеевна,
А выходитъ она да на широкій дворъ,
Приходитъ она ко погребу широкому,
Широкому да глубокому, —
Нѣтъ Василія во по́гребу,
Пенья ко́лодья всѣ розворо́чены
А булатніи замочки порозломаны,
Бѣлодубовы двери поростворены.
Запрягала она въ одноколочку,
Выѣзжала она по Нову́-городу,
Его матушка ѣдё а рукой машётъ,
А рукой машетъ да голово́й качатъ:
— Ай же Василій Буслаевичъ,
— Ты уйми-тко свое сердце богатырское,
— Не оставишь и людей на сѣмена! —
Онъ бросилъ слягу, плюнулъ, прочь прошолъ.

Записано на Маткозерѣ, 14 іюля.

—

31.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Жило-то было девять дочерей,
Всѣ онѣ ходили во Божью церкву,
Всѣ онѣ молились по лѣстовочкѣ,

Всѣ онѣ сказали, что «Го́споди свѣтъ»,
Васильюшка скажетъ Салфеюшкѣ: «подвинься сюды».
Взялъ онъ Салфею за бѣлы́ руки,
Повелъ Салфею во Божью церкву,
Принялъ съ Салфеей золоты́ вѣнцы.
А Васильева матушка по городу идетъ,
Во правой руки зелена̀ вина́ несетъ,
А во лѣвой зелено́ яровò.
А со правой руки Василью поднесла,
Съ лѣвой руки да Салфеѣ поднесла:
«Васильюшка пей да Салфеѣ не давай,
«Салфеюшка пей да Василью не давай.»
Васильюшко пилъ да Салфеюшкѣ поднесъ,
Салфеюшка пила, Василью поднесла.
Васильюшка скажетъ: «головушка болитъ»;
Салфеюшка скажетъ: «сердечушко щемитъ».
Оны къ утру ко свѣту преста́вилися.

Васильюшка крутили въ голеву́ю *) во парчу̀,
Салфеюшку крутили во толсту́ю простину̀.
Васильюшка несли на бѣлы́хъ на рука̀хъ,
Салфеюшку несли на буйны́хъ на голова̀хъ.
Васильюшка ложили по праву сторону̀,
Салфееюшку ложили на лѣву сторону̀.
На Васильюшкѣ повыросъ частъ ракитовъ кустъ,
На Салфеюшкѣ повыросло кипарисно древò.
Уже во-мѣсто древа̀ совивалися,
А цвѣточки съ цвѣточками сплеталися.
Малыи идутъ — набалуются,
Молодыи идутъ — надивуются,
А старыи идутъ — они наплачутся.

Записано тамъ же, 14 іюля.

*) т. е. чистаго золота.

ТОЛВУЙ.

VIII.

ГРИШИНЪ.

Иванъ Артемьевичъ Гришинъ, 75-лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Загубья у Толвуи, зналъ въ прежнее время очень много былинъ, по старости лѣтъ позабылъ нѣкоторыя, а въ другихъ могъ припомнить только начало. На вопросъ, отъ кого онъ заимствовалъ свои былины, Гришинъ отвѣчалъ, что «старики пѣвали въ ихъ мѣстѣ», и онъ отъ нихъ перенялъ.

—

32.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

Молода́ Волью Всеславьевича
Жаловалъ крестовый его батюшко
Какъ двумъ городами его лучшима:
Еще Курцовцомъ его, Орѣховцомъ.
Забиралъ тутъ мо́лодой Волья́ Всеславьевичъ
Дружину онъ хоро́брую,
Забиралъ себѣ во дружину тридцать человѣкъ,
Еще самъ Волья́ во тридцатыхъ былъ.
И брали они жеребчиковъ моло́дыихъ,
Молодыихъ жеребчиковъ бухарскіихъ,
Бухарскіихъ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ нелегченыхъ.
Садились они на добры́хъ коней
Поѣхали по да́лечу-дале́чу по чисту́ полю.
Услыхали они въ чисто́мъ поли пахаря,
Пахаря-пахарюшка.
Они по день ѣхали въ чисто́мъ поли,
Пахаря не наѣхали,
И по дру́гой день ѣхали съ утра до ве́чера,
Пахаря не наѣхали,
И по тре́тій день ѣхали съ утра до вечера,
Пахаря и наѣхали.
Этотъ пахарь пашенку попахиваетъ,
У ратая сошенка его поскрипливаетъ,
А у ратая омешики прокырскиваютъ;
Да у этого пахаря у пахарюшка
Сошка-то была у его во́лжаная,
А во сошки были плотики кленовыи,
А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
Омешики на сошки были булатніи,
А присошечикъ на омешичкахъ былъ красна золота.
А у этого у пахаря у пахарюшка
Впряжена была кобылушка со́ловая;
У этой у кобылы-то у со́ловой
Хвостъ-отъ до земли розстилается,
А грива́-то колесомъ у ей завивается.
Тутъ возго́воритъ молодой Волья́ ему Всеславьевичъ:
«Надоть ли тебѣ Божья́ помочь, пахарь е пахарюшко?»
Тутъ возго́воритъ па́харь ему пахарюшко:
— Надоть-то Божья́ помочь, мо́лодой Волья́-то е Всеславьевичъ. —

Тутъ возгóворитъ мóлодой Волья̀-то е Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возгóворитъ пахарь ему пахарюшко:
— Знать-то молодца е по выѣзду,
— Сильнаго могучаго богáтыря по храбрости.—
Тутъ возгóворитъ молодой Волья̀ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты пахарь е пахарюшко!
«Ты же скажи-ко мнѣ да испотай себя,
«Какъ тебя зовутъ е по имени,
«Какъ звеличаютъ е по отечеству?»
Тутъ возгóворитъ пахарь ему пахарюшко:
— Ай же ты мóлодый Волья̀ Всеславьевичъ!
— Я какъ драни-то падеру и жита-то насѣю,
— Жито выростетъ, я п домой выволочу,
— Домой выволочу, я дома выколочу.
— Я какъ пива паварю да гостей какъ заберу,
— Гости станутъ они пить да станутъ кушати,
— И станутъ они да меня здравствовати:
— Ахъ ты̀ здравствуешь, Викула е Селя̀ниновичъ!—
Тутъ возгóворитъ молодой Волья̀ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя̀ниновичъ!
«Какъ жаловалъ крестовый меня батюшко
«А какъ двумы городами меня онъ лучшима,
«Еще Курцовцомъ да онъ Орѣховцомъ.»
Тутъ возгóворитъ Викула-то Селя̀ниновичъ:
— Ай же ты мóлодой ты Волья е Всеславьевичъ!
— Я недавно былъ вѣдь я во Курцовцѣ,
— Я недавно былъ вѣдь я въ Орѣховцѣ,
— Былъ-то вѣдь я тамъ третьёго дни,
— Закупилъ я соли ровно три мѣха,
— Въ которомъ же мѣху было пó сту пудъ,
— Положилъ я на кобылу е на сóловую
— Да самъ-то молодецъ я садился ровно сóрокъ пудъ,
— Поѣхалъ я по Курцовцу да по Орѣховцу;
— Тутъ стали мужики меня захватывать,
— Еще Курцовцы да Орѣховцы,
— И стали съ меня тутъ они грошовъ просить,
— Я зачалъ имъ тутъ кулакомъ грозить,
— Положилъ я мужиковъ тутъ больше тысячи.—
Тутъ возгóворитъ мóлодой Волья̀ ему Всеславьевичъ:
«Ай же ты Викула е Селя̀ниновичъ!
«Поидемъ отводить да мнѣ-ка вотчины.»
Тутъ обрýжился-то Викула Селя̀ниновичъ
На эту кобылу онъ на сóловую
И поѣхали по дáлечу-далéчу по чистý полю.
Викулы-то Селя̀ниновича кобыла какъ ступкомъ идетъ,
А Вольѝнъ-то конь во всю мѣть бѣжать.
Тутъ возгóворитъ Викула-то Селя̀ниновичъ:
— Ай же молодой Волья̀-то е Всеславьевичъ!
— Я забылъ-то сошку закинуть во ракитовъ кустъ:
— Не ради вора, не ради розбойника,
— А ради пропою я кабацкаго».
Тутъ мóлодой Волья̀-то е Всеславьевичъ
Воротилъ свою дружину онъ хоробрую,
Воротилъ онъ дружины ровно тридцать человѣкъ.
Ѣздили къ этой сошки они къ вóлжаныя
И не могли сошки съ земли они пóдняти;
Пріѣзжали оттуль удалы добры молодцы,
Сами говорятъ да таково слово:
«Мы не могли-то сошки съ земли пóдняти.»
Тутъ воротился самъ Викула-то Селя̀ниновичъ,
Подъѣзжалъ онъ къ этой сошкѣ онъ ко вóлжаныя,
Подхватилъ онъ сошку е на плётовищо
Да махнулъ-то эту сошку онъ въ ракитовъ кустъ *).

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

—

33.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ахъ ты свѣтъ моя рóдна матушка,
«Ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Начто же ты матушка спорóдила,
«Зачѣмъ ты меня на бѣлый свѣтъ попýстила?
«Ты бы лучше матушка меня спорóдила
«Катучимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ,
«Брала бы ты валучій камешокъ
«Во свои во бѣлыи рученки, —
«Я лежалъ бы, Добрынюшка, вѣкъ пó вѣку въ синёмъ мори.»
Тутъ возгóворитъ ему да рóдна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:

*) Слушая эту былину, другой сказитель, Иванъ Касьяновъ, объяснилъ, что онъ слышалъ, что Никула Селяниновичъ былъ отецъ той Настасьи Микуличны, полянницы удалой, на которой женился Добрыня Никитичъ; онъ же сообщилъ тогда, что его сосѣдъ Іуда Егоровъ, старообрядческій наставникъ на Косомозерѣ, знаетъ очень хорошо эту старину про Вольгу и Микулу.

ты мой есть чадо милое,
Добрынюшка Микитинецъ!
ы рада была тебя спорóдити
казáку Илью Муромца,
ы рада была тебя спорóдити
ою во Соббра во богáтыря,
лостью спорóдить въ смѣлаго Олешу во Поповича,
Богъ-то дитятко мнѣ нáдалъ тебя спорóдити. —
ошолъ онъ по конюшнямъ по стоялымъ,
ъ себѣ коня добраго
ихъ-то на конюшняхъ на стоялыхъ,
го онъ тутъ латиться да сталъ кольчужиться;
го-то онъ коня на добраго
ки-то онъ кладетъ на потнички
отнички покладываетъ все войлочки,
лочки накладываетъ онъ сѣделышко,
лышко накладываетъ онъ е черкальское,
дтягиваетъ, подлаживаетъ тýтихъ двѣнадцать подпруговъ.
я тутъ удалый добрый молодецъ
сѣделышко черкальское.
ітъ его да рóдна матушка,
вдова Офимья Олександровна,
ітъ она да на широкій бѣлый дворъ,
ітъ къ ему стрéмену она булатному,
б его ножкѣ богатырскоей.
на горюшиця поросплакалась,
оворитъ она таково слово:
же ты мой есть любимой сынъ,
е мóлодой Добрынюшка Микитинецъ!
а же ты Добрынюшка сряжаешься,
а же ты есть Добрынюшка отправляешься,
да-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
юзгóворитъ ей Добрынюшка Микитинецъ:
е ты моя есть рóдна матушка,
іà вдова Офимья Олександровна!
лаетъ меня князь Владиміръ стольнё-кіевской
ить-то за море мнѣ есть за Кіево
му-то королю да ко Бухардову,
и туды дани выходы за двѣнадцать лѣтъ.»
ітъ тутъ его есть молодá семья,
олода Настасьюшка Микулична,
ітъ кó его ко стремену булатному,
б его къ ножкѣ богатырскія,
на горюшиця поросплакалась,
о говоритъ таково слово:
ты мой вѣдь есть законный мóлодой,
е молодой Добрынюшка е Микитинецъ!
— Когда-то мнѣ горюшицѣ обжидать домой? —
Тутъ возгóворитъ Добрынюшка ей Микитинецъ:
«Ай же ты есть моя любимá семья,
«Еще молода Настасьюшка Микулична!
«Прожди-ко ты мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Если Добрынюшка въ шесть лѣтъ да не отворотится,
«Больше вѣкъ не жди Добрынюшки, вѣкъ не памятуй,
«То что поди хоть зá князя, хоть за боярина,
«Хоть за русскаго поди ты, за татарина,
«Стóльки нé ходи за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«Какъ за мóего за братца за крестоваго,
«Еще зá того за женскаго насмѣшника.»
Они видли тутъ молодца-то сядучись,
А не видли его молодца поѣдучись.
Онъ не воротами поѣхалъ, самъ черезъ стѣну,
А черезъ стѣну махнулъ да городовую,
Лише столько во чистóмъ поли пыль пошла.
Зъ горы на гору онъ вѣдь перескакивалъ,
Съ холмы нá холму онъ ли перепрядывалъ,
Такъ рѣки-ты озера промежъ ногъ спускалъ.
Куды падали копыта лошадиныя,
Туды ставились колодецы глубокія,
А глубокіи колодецы е кипячія.
Какъ дéничокъ за дéничкомъ какъ дождь идетъ,
А недѣлька за недѣлькою бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соколъ летитъ.
Прошло тому времечки шесть лѣтъ назадъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти, нѣтъ ни пóвѣсти.
Тутъ приходитъ князь Владиміръ стольнё-кіевской
Кó той къ Настасьюшкѣ Микуличной,
И сталъ-то Настасьюшку подговаривать
За того за смѣлаго Олешенку Поповица,
Еще зá его за братца за крестоваго,
За того за женскаго насмѣшника.
Тутъ возгóворитъ Настасьюшка Микулична:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я мужнюю-ту заповѣдь повыполнила,
«Прождала-то я мужа шесть лѣтъ назадъ.
«Положу я теперько свою заповѣдь,
«Прожду я мужа дрýго шесть лѣтъ;
«Ежели Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ да не отворотится,
«То что я пойду хошь за князя, хошь за боярина,
«Хошь за русскаго пойду я, за татарина,
«А хошь за того за смѣлаго Олешу за Поповича,
«Еще зá его за братца за крестоваго.»
Какъ дéничокъ за дéничкомъ какъ дождь идетъ,

Недѣлька за недѣлькой бывъ трава ростетъ,
А какъ годышекъ за годышкомъ какъ соко́лъ летитъ.
Прошло-то тому времечки двѣнадцать лѣтъ,
Нѣту отъ Добрынюшки ни вѣсти ни по́вѣсти.
Сталъ-то тутъ князь Владиміръ стольнё-кіевской,
Сталъ-то онъ къ Настасьюшкѣ подхаживать
И сталъ-то Настасьюшку онъ подговаривать
За́ того за смѣлаго Олешу за Поповича,
За́ его за братца за крестоваго.
Пошла тутъ она сама да во Божью́ церковь
Съ тымъ-то она съ Олешей со Поповичемъ,
Принимать они пошли да по злату вѣнцу.
Посли этой поры да этой времечки
Честна̀ вдова Офимья Олександровна
Садилася въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ,
Садилась она подъ окошечко косевчатоё
И сама она горюша пороспла́калась,
И сама-то она говоритъ таково слово:
— Ахъ двѣнадцать-то годышковъ назадъ закатилось у меня-то красно солнышко,
— Теперь повыкатился у меня да е свѣтёлъ мѣсяцъ! —
Изъ да́леча-дале́ча изъ чиста́ поля
Не бѣлая пороша снѣжку выпала,
По этой порошѣ по бѣлу́ снѣжку
Не бѣлъ заюшко ли онъ проскакивалъ,
Не бѣлая куропаточка тамъ напурхивала,
Наѣзжалъ удалый добрый молодецъ,
Прямо онъ ѣдетъ на Добрынинъ дворъ,
Привязалъ-то коня онъ ко столбику,
Ко тому столбу онъ точеному,
Къ эхтому колецку онъ золоченому,
Привязалъ-то онъ коня своего тутъ добраго
И самъ идё въ полаты бѣлокамены,
Крестъ-то онъ кладётъ по писа́ному,
Поклоны все ведетъ онъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Честно́й вдовы Офимьи Олександровной онъ е въ особину:
— Приказалъ-то тебѣ, Офимья Олександровна,
— Добрынюшка приказалъ тебѣ низко кланяться.
— Оставлялся твой Добрынюшка во чисто́мъ поли
— И оставлялся твой Добрынюшка во живности;
— Да еще-то мнѣ твой Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять гуселышка его яро́вчатые,
— Да еще-то мнѣ Добрынюшка пона́казалъ,
— Велѣлъ-то взять его кунью его шубоньку,
— Кунью шубоньку велѣлъ онъ взять соболинную.—
Тутъ брала-то честна́ вдова Офимья Олександровна,
Брала-то она тутъ золоты ключи
И сходила-то она во глубокъ погрёбъ,
Приносила ему кунью шубоньку,
Кунью шубоньку его соболинную,
Приносила ему гуселышка она яро́вчатые.
Снарядился тутъ удалый добрый молодецъ
И во эту кунью онъ шубоньку,
И бралъ-то онъ эти гуселышка яро́вчатыё,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
— Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Гдѣ жъ его есть любима́ семья,
— Еще мо́лода Настасьюшка Микулична? —
Тутъ возго́воритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«А ушла-то Настасьюшка Микулична,
«Ушла-то она да во Божью́ церковь,
«Принимать оны со Олешей со Поповичемъ,
«Принимать ушли по злату вѣнцу.»
Пошолъ тутъ удалой доброй молодецъ
Къ Олешѣ ко Поповичу на пированьицо.
Крестъ онъ кладетъ по писа́ному,
Поклоны все ведетъ по учёному
На всѣ ли на четыре онъ е на стороны,
Князю-то Владиміру онъ въ особину.
Самъ говоритъ тутъ таково слово:
— Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
— Дай ко упа́лому *) добру молодцу заѣзжему
— Мѣстечко мнѣ-ка скро́мноё. —
Отводили они мѣстечко ему скро́мноё
На этой на печкѣ на муравленой.
Садился тутъ удалый добрый молодецъ
На эту на печку на муравленую,
Игралъ онъ во гуселышка тутъ яровчатые,
А все наигрища приводитъ онъ Добрынины.
Тутъ стоитъ княгиня за дубовымъ столомъ,
А стоитъ она, сама поду́мливаётъ:
«Ай же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
«Приклич-ко ты удала добра молодца ко дубову́ столу,
«Выпить-то чару ему позволь ты зелена вина.»
Приклика́ли его удала добра молодца къ дубову́ столу:
— Выпивай-ко ты чару зелена вина. —
Наливали ему чару зелена вина полтора ведра,
И бралъ-то онъ какъ чару одной рукой,
Выпивалъ ту чару едины́мъ духомъ,
Положилъ въ ту чару свой злаченъ перстень,
Самъ говоритъ таково слово:

---

*) *Упалый* то же, что у другихъ сказителей *упавый* — хорошій, красивый.

э ты Настасьюшка е Микулична!
ай-ко эту чару зелена вина,
ай-ко эту чару единымъ духомъ:
о ты увидишь въ этой чары себи добра.»
эту чару полтора ведра,
ла какъ эту чару одной рукой,
ла эту чару единымъ духомъ
ла въ этой чарѣ свой злаченъ перстень,
мъ перстнемъ съ имъ да обручавши была.
озговоритъ Настасьюшка Микулична:
же ты князь Владиміръ стольнё-кіевской!
то мнѣ-ка мужъ, который подли меня,
о мнѣ-ка мужъ, который супротивъ меня.»
озговоритъ Настасьюшка Микулична:
же ты Добрынюшка Микитиничъ!
жонки е волосъ дологъ да умъ коротокъ.—
озговоритъ Добрынюшка Микитинецъ:
дивую женскому глуному разуму, —
у жонки волосъ дологъ да умъ коротокъ,—
ую вашему царскому разуму,
отъ живаго мужа вы берете за другаго.
смѣлый Олешенка Поповичъ-е,
братецъ мой крестовыи,
ыть я тебѣ яичка о Христовѣ днѣ,
ько дамъ тебѣ яичко о Петровѣ днѣ!»
ъ тутъ Олешенку онъ за бѣлы груди,
щилъ Олешенку онъ черезъ дубовъ столъ,
ъ началъ онъ Олешенку потаскивати,
ой подорожною зачалъ пощалкивати.
вси князи, вси бояра
го пиру да забросалися,
го по домамъ они разъѣзжалися.

сано въ Толвуи, 12 іюля.

—

34.

ДУНАЙ.

лъ себи дружины онъ хоробрый
Владиміръ стольнё-кіевской,
на пиру-то наѣдалися,
на пиру-то напивалися,
то на пиру оны поросхвастались.
вастатъ тымъ, да иной-то инымъ,
отъ похвасталъ золотой казной,
отъ похвасталъ своей силою,
отъ похвасталъ своей смѣлостью,
ый-отъ похвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
Самъ государь онъ свѣщёнъ радощёнъ,
И самъ-то онъ по гриденкѣ похаживаётъ,
И башмачикамы-то онъ самъ вѣдь поскрипливаетъ:
«Ай же вы князи, вси мои бояра,
«Ай же вы поляницы вси мои удалыя!
«И вси-то у меня во Кіевѣ вы пожёнены,
«И всѣ-то дѣвушки боярушки замужъ даны,
«А одинъ у васъ во Кіеви я холостъ не женатъ
«Еще князь Владиміръ стольнё-кіевской.
«Не знаете-ль гдѣ мнѣ взять супротивная?»
Выходитъ тутъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ,
Супротивъ-то государя становился онъ:
— Ты свѣтъ-то государь нашъ батюшко!
— Я знаю, гдѣ тебѣ взять бы супротивная:
— И есть какъ во той земли во лячкія,
— У того-то есть короля у ляховинскаго,
— Есте у него тамъ дви дочери:
— Первая дочь е Марья королевична, —
— Тою тебѣ государь не владати;
— И другая е дочь Опраксья королевична, —
— Было бы кому намъ поклонятися
— Всимъ городомъ намъ да всимъ Кіевомъ. —
Тутъ возговоритъ государь ему батюшко:
«Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моей казны е безчестныя,
«Бери-тко моей силы е безсмѣтныя,
«Поѣзжай-то ты во землю во лячкую,
«Ко тому ли королю да ляховинскому,
«О доброемъ дѣлѣ есть о сватовствѣ
«На молодой Опраксіи королевичной.»
Тутъ возговоритъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты государь и нашъ батюшко!
— Не надоть мнѣ казны твоей е безсчетныя,
— Не надоть мнѣ-ка силы твоей е безсмѣтныя,
— Только дай-ка мнѣ-ка смѣла Олешенку Поповича:
— Смѣлыя Олешенка Поповичъ онъ на ножку храмъ да на походку скоръ;
— Да въ другихъ дай Добрынюшку Микитича.—
Видѣли они молодцевъ тутъ сядучись
И ихъ они видѣли на добрыхъ коней поѣдучись.
Не воротами они поѣхали, черезъ стѣну,
А черезъ стѣну они махнули городовую,
А стольки во чистомъ полѣ пыль пошла.
Пріѣзжаютъ они въ землю есть во лячкую,
Ко тому-то королю они къ ляховинскому
О доброемъ дѣлѣ они о сватовствѣ.
Заѣхали они безъ слова на широкій дворъ,
Привязали тутъ оны коней ко столбику,
Ко этому ко столбику оны точеному,

Ко этому колечку оны золоченому.
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще смѣлыя Олешенька Поповичъ ты!
«Еще стой-ко ты, Олеша, на широкомъ на дворѣ,
«Еще стой-кось ты, Олешенька, самъ подогадывайся.»
Самъ иде въ полаты въ бѣлокаменны,
Высталъ на крылечко на перёное,
Самъ говоритъ онъ таково слово:
«Ай же ты братецъ мой названыя,
«Еще мóлодой Добрынюшка Микитиницъ!
«Еще стой-ко, Добрынюшка, на широкіихъ сѣняхъ,
«Еще стой-кось ты, Добрынюшка, самъ подогадывайся.»
И самъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Крестъ-то кладетъ онъ по писáному,
Поклоны всѣ ведетъ онъ по ученому,
На всѣ ли на четыре онъ на стороны,
Самому-то королю да онъ въ особину:
«Ты здравствуешь, король е ляховинскія!
«Мы пріѣхали къ тебѣ о добромъ дѣлѣ о свáтовствѣ
«На мóлодой Опраксіи королевичной,
«За ласкова князя за Владиміра.»
Тутъ возгóворитъ ему король тотъ ляховинскія:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Такй ли ты про дѣло есть не вѣдаешь,
— А такй ль надо мною насмѣхаешься?
— Еще есть у меня Опраксія е просватана.
— Во ту есть она во Золоту орду,
— За того-то короля да и за Кана. —
Тутъ возгóворитъ Дунай ему Ивановичъ:
«Ай же ты король е ляховинскія!
«Не бывать твоей Опраксіи въ Золотой орды,
«А быть твоей Опраксіи въ нашомъ Кіеви,
«За ласковымъ за княземъ за Владиміромъ.»
Этое-то слово ему не въ любовь пришло,
Онъ ударилъ тутъ Дуная по бѣлу́ лицу.
Обернулся тутъ Дунай сынъ Ивановичъ,
Ударилъ короля-то онъ по черну́ лицу;
Упалъ тутъ король е о кирпиченъ полъ.
Бралъ-то короля онъ за рѣзвы́ ноги,
Зачалъ королемъ-то онъ помахивати,
Панòвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Тамъ услышалъ е Добрынюшка Микитинецъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Добрынюшка къ ободверенкѣ,
Вырвалъ тутъ Добрынюшка онъ ободверенку;
Зачалъ тутъ Добрынюшка похаживати,
Зачалъ ободверенкой помахивати,
Панòвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Услышалъ тамъ на широкомъ на дворѣ
Смѣлыя Олешенька е Поповицъ тамъ,
Есть-то во полатахъ пошолъ шумъ-то великъ,
Прискочитъ тутъ Олеша ко телѣги ко ордынскія,
Вырвалъ онъ осище телѣжное,
Телѣжное осище оковáное,
Окованое осище ровно сорокъ пудъ;
Началъ тутъ Олешенка похаживати,
Панòвъ-то улановъ сталъ поукивати.
Выбрались три братца названыя,
Выбрались оны́ да на широкій бѣлый дворъ;
Тутъ возгóворитъ Дунай-тотъ сынъ Ивановичъ:
«Ай же вы братцы, вы мои товарища!
«Попало мнѣ Дунаю есть побивало доброе, —
«А плотенъ король на жилья есть, самъ не пóрвется.»
Выходитъ-то Опраксія королевична
Она на широкій бѣлый дворъ,
Захватила Дуная за могучіи плеча,
Еще говоритъ она таково слово:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ,
— Оставъ-кось ты татаръ хоть п на сѣмена!
— Ѣду я ко городу ко Кіеву
— За ласкова князя за Владиміра. —
Садились оны тутъ на добры́хъ коней
И брали они Опраксію королевичну,
И поѣхали по дáлечу далéчу по чисту́ полю.
Ѣхали по дáлечу далéчу по чисту́ полю,
Во чистóмъ полѣ наѣхала Марья королевична,
Она сшибла-то Дуная и съ добра коня,
Скакала-то ему она да на бѣлы́ груди,
Выдернула она ножищо е кинжалищо,
Хотѣла ему пороть и бѣлу грудь,
Сама-то говоритъ она да таково слово:
«Ай же ты есть Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Такй ль ты есть про дѣло есть не вѣдаешь,
«Не знаешь ты пошибокъ нашихъ женскіихъ?»
— А что есть пошибки ваши женскія? —
«А ты бы правою рукой да по лéлькамъ *) билъ,
«А лѣвою ногою бы подъ гузно пихнулъ.»
Онъ правою рукою ю по лелькамъ билъ,
А лѣвою ногою ю подъ гузно пихнулъ,
И слетѣла эта Марья за три пóприща.
Тутъ скакалъ-то ёй Дунай на бѣлы́ груди,
Хотѣлъ онъ ёй пороть-то бѣлу грудь;
Тутъ смолиласи Марья королевична:
«Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ,
«Не пори-ко ты моей да е бѣлóй груди!
«Ѣду я ко городу ко Кіеву,

*) т. е. по грудямъ.

«Отдавать своей сестрицы я родимыя
«За того за князя за Владиміра...»

(Дальше не помнитъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

—

35.

ЧУРИЛА.

Ѣздилъ-то Чурилушка онъ Плёнковичъ,
Ѣздилъ онъ ~~по далечу~~ далечу по чисту полю,
На своемъ-то ѣздилъ на добро́мъ конѣ,
Во своемъ онъ ѣздилъ кованóмъ сѣдлѣ.
Сѣделышко было его черкальское,
Подстéнуто было двѣнадцать тугихъ пóдпруговъ.
Подпруги были да все шелкóвыя,
Пряжечки были да золоченыя,
А шпенёчики были булатнія.
Еще шелкъ не рвется, какъ булатъ не гнется,
Красно золото съ земли оно не ржавѣётъ,
Не ради красы не ради бодрости,
А ради крѣпости богатырскія,
Добрый конь чтобы сподъ него не выпрянулъ.
Ѣхалъ онъ по городу по Кіеву,
Забирать себѣ дружину на почестенъ пиръ,
И заѣхалъ онъ къ Пермяту ко Васильевичу
Подъ тое окошечко косевчато.
Бьется-то онъ тутъ колотится
Сквозь тую блезну да сквозь хрустальную.
Отворяетъ тутъ окошечко косевчатое,
Выскакаетъ оттуль дѣвушка поваренная
И сама-то говоритъ да таково слово:
«Еще нѣтъ у насъ въ доми-то хозяина,
«Онъ уѣхалъ во Божью церковь
«Богу тамъ онъ е молитися,
«Чуднымъ образамъ онъ да поклоняется.»
Услышала Катерина тутъ Микулична,
Она бьетъ-то дѣвку по лѣву́ лицу,
Сама-то говоритъ ей таково слово:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Только знала бы ты дѣвка шти́ кашу́ варить,
— Шти кашу́ варить, работниковъ кормить,
— Не твое бы дѣло гостей отка́зывать. —
Тутъ выходитъ она на си́нечки на бѣлыя
И на ты переходечки на частыя,
Сама выходитъ она, Катерина Микулична,
Выходитъ она на широкій дворъ
И встрѣчаетъ удала добра молодца,
Еще Чурилушку е Пленковича,
И беретъ его за ручки за бѣлыя,
За его перстни́ да за злаченыя,
И цѣловала въ уста его сахарнія,
Провела его коня добраго
На свою конюшню на стоялую,
И провела его въ свою бѣлую во ковнату.
Садились оны играть-то съ ей во шахматы:
Еще разъ-то онъ игралъ да ю пóигралъ,
Еще другой-тотъ игралъ да ю пóигралъ,
А третій-тотъ разъ ей и ступить не далъ.
Тутъ возгóворитъ Катерина-та Микулична:
— Ай же ты упавый добрый молодецъ,
— Еще мóлодый Чурилушка ты Плёнковичъ!
— А знать-то мнѣ съ тобой играть во шахматы,
— А знать-то мнѣ да на тебя смотрѣть,
— А какъ бѣлое-то тѣло у меня ходунóмъ ходитъ,
— А къ бѣлому-то тѣлу да рубашка льнетъ!
— А какъ дѣлалъ бы ты дѣло есть повелёное,
— Скидывалъ бы ты шапочку, клалъ на стопочку,
— Однорядочку снялъ бы, клалъ на грядочку,
— А зелѐнъ сафьянъ сапожки снялъ бы, клалъ подъ лавочку
— Да ложился спать бы на кроваточку,
— На тую кроватку на кисóвую,
— На эту на перину на пуховую
— Да на тое на круто складно на зголовьицо
— Да подъ тое теплое ты одѣялышко подъ соболиное. —
Скидывáлся тутъ Чурилушка онъ Пленковичъ:
Однорядочку снялъ да клалъ на грядочку,
А зелѐнъ сафьянъ сапожки клалъ подъ лавочку,
И ложился спать онъ на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
Да на эту онъ перину на пуховую
Да на тое круто складно на зголовьицо
Да подъ тое одѣялышко онъ соболиноё.
Тутъ-то Катерина она Микулична
Скидывáласи она въ тонкую рубашечку безъ пояса,
Ложиласи тутъ же на кроваточку,
На тую кроватку на кисовую
И на тую перинку на пуховую,
На тое на круто складно зголовьицо
И подъ тое тепло одѣялышко соболиноё.
Услыхала тамъ дѣвушка поваренна,
Поваренная дѣвка все челя́динна,
Выходитъ-то дѣвка на бѣлы́ сѣни,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«Я пойду-то, дѣвка, на Божью церковь,
«Скажу-то Пермяту сыну Васильевичу.»

Услышалъ тутъ Чурилушка Плёнковичъ:
— Ай же ты дѣвка е страдница!
— Не ходи-ко ты, дѣвка, во Божью церковь,
— Не сказывай Пермяту сыну Васильевичу,
— А возьми-ко ты денегъ пятьдесятъ рублей,
— А когда ты, дѣвушка, замужъ пойдешь,
— Подарю я те косякъ камки,
— Еще дорогой камочки заморскія. —
Ничего того дѣвушка не послушалась,
Пошла-то она да во Божью церковь.
Пришла-то она да во Божью церковь,
Крестъ-то кладетъ по писаному,
А поклоны-то ведетъ по ученому,
На всѣ ли четыре на стороны,
Пермяту сыну Васильевичу въ особину:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты стоишь-то здѣсь да Богу молишься,
«Чуднымъ образамъ ты да поклоняешься,
«Надъ собою самъ незгоды ты не вѣдаёшь!
«Еще есть у тя въ домѣ нелюбимый гость,
«Еще молодый Чурилушка е Плёнковичъ,
«И гуляетъ онъ со Катериною Микуличной.»
Это слово-то ему не въ любовь пришло,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты, дѣвка, если быль говоришь,
— Я буду тебя, дѣвушка, жаловать,
— А если ты мнѣ, дѣвка, ложь говоришь,
— Я не дамъ тебѣ сроку на малый часъ,
— Срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову! —
Выходитъ онъ на улицу на бѣлую
И садился-то онъ на добра коня.
Пріѣзжаетъ къ своимъ полатамъ бѣлокаменнымъ
И самъ пришолъ въ полаты бѣлокаменны,
Самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Катерина е Микулична!
— Что же ты не зашла е во Божью церковь,
— Богу-то тамъ е молитися,
— Чуднымъ образамъ ты да поклоняться тамъ?—
Тутъ возговоритъ Катерина-та Микулична:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскіихъ?
«Еще нельзя-то мнѣ итти да во Божью церковь.»
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все-то ты мнѣ, дѣвка, е ложь говоришь!
— Срублю я тебѣ, дѣвка, буйну голову,
— Не дамъ я тебѣ сроку на малый часъ! —
Жалобнёшенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она таково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Сходи-ко на свою конюшню на стоялую:
«А какъ па твоей конюшнѣ на стоялоей
«Стоитъ-то тамъ Чурилинъ добрый конь.»
Сходилъ-то на конюшню на стоялую,
Увидѣлъ тамъ коня добраго Чурилинаго
И приходитъ онъ въ полаты въ бѣлокаменны.
Тутъ возговоритъ Катерина-та Микулична:
«Ай же Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«А ѣздилъ мой братецъ тотъ родимыя
«И по далечу ѣздилъ онъ по чисту полю,
«Со Чурилушкой оны да соѣзжалися
«Да конямы-то оны тамъ вѣдь е помѣнялися,
«Да пріѣхалъ-то братецъ ко мнѣ родимыя
«Да на Чурилиномъ пріѣхалъ на добромъ конѣ.»
Тутъ возговоритъ Пермятъ сынъ Васильевичъ:
— Ай же ты, дѣвка е страдница,
— Все ты мнѣ-ка, дѣвка, ложь говоришь!
— Я срублю тебѣ, дѣвка, буйну голову. —
Жалобнёшенько дѣвушка заплакала,
Сама-то говоритъ она таково слово:
«Ай же ты Пермятъ сынъ Васильевичъ!
«Сходи-ко во свою во теплую во ложню-ту,
«А спитъ-то тамъ Чурилушка, онъ не прохватится.»
Онъ сходилъ тутъ во теплую во ложню-ту,
Онъ увидѣлъ Чурила-то Пленковича,
Заздынулъ онъ мечъ-то выше головы,
Срубилъ онъ Чурилѣ буйну голову.
Тутъ-то е Чурилушкѣ славу поютъ.
Тутъ-то е Катерина Микулична
Выходитъ она на сѣнечки на бѣлыя,
На тыя переходечки на частыя:
«Ахъ ты старый песъ, ты сѣдая борода,
«А сгубилъ ты удала добра молодца,
«Еще молода Чурилушку е Пленковича!»

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

—

36.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

Изъ-подъ дуба, дуба было сыраго
Изъ-подъ вяза, вяза сподъ черлёнаго,
Изъ-подъ кустышка да сподъ ракитова,
Сподъ ты березы сподъ кудрявыя,
Изъ-подъ каменка было изъ-подъ бѣлаго
Пала, выпадала мать Нѣпра рѣка,
Выпадала она въ море, море Чёрное;
Съ по морю, по морю, морю Чёрному
Выходила она да во Турецкоё

По Турецкому морю, морю Чёрному
Выплавало оттуда тридцать карабле́й.
Единый-отъ карабль тутъ напередъ ушолъ,
Онъ на́передъ бѣжитъ да бывъ соко́лъ летитъ.
Еще носъ-корма въ ёмъ по звѣриному,
А какъ хоботы-ты мечетъ по змѣиному,
Бокова̀ выведены въ ёмъ да по туриному, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто хвоста было повѣшено
По тому волку да по замо́рскому;
Мѣсто ушей было повѣшено
По ты куницы по сибирскія, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Мѣсто бровъ было продернуто
Какъ по черному по соболю заморскому, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Шеймы *) канаты были шёлковыи, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Якори на ка́рабли булатнія,
Еще лапочки были всѣ золоче́ныя, —
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
И парусы на ка́рабли рущато́й камки,
Еще до́рога камо́чка е заморская.
Хорошо, братцѝ, карабль нашъ изукрашенъ всѣмъ!
Еще рубка на карабли была ры́бьящета.
Въ этой бесёдкѣ ры́бьящетой
Сидѣлъ мо́лодой Со́ловей Буди́міровичъ
Еще со своей родителью матушкой,
На́ имя со Ульяной со Васильевной.
Игралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Спо́тѣшалъ свою родитель матушку,
Еще па́ имя Ульяну Васильевну.
Пріѣзжали оны ко городу ко Кіеву,
Еще ко́ тому оны ко бережку ко кру́тому,
Ко́ тому песочику оны розсы́пчатому.
Выходитъ самъ Со́ловей Буди́міровичъ
И самъ говоритъ да таково слово:
«Ай же вы моя дружинушка хоробрая,
«А васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Скидыва́йте-ко вы кожа́нники лосиныя,
«Надѣвайте-ко вы кафтаны роскурла́нъ-сукна,
«Одѣвайте-ко вы шляпоньки пуховыя,
«Берите кушаки-то все шелко́выя
«Да выметывайте сходенку вы лу́женую,
«Луженую сходню, мѣдью лу́женую,
«Да насыпьте эту сходню чиста се́ребра;
«Да выметывайте сходенку вы лу́женую,
«Луженую сходню себрёлу́женую *(такъ)*,
«Да насыпьте эту сходню чиста золота;
«И третью сходенку выметывайте,
«Выметывайте вы сходенку вы лу́женую,
«Луженую сходню себрёлу́женую,
«Себрёлуженую сходню позоло́ченую.»
Выходитъ самъ Со́ловей Буди́міровичъ
Еще со́ своей съ родителью со матушкой,
Самъ онъ говоритъ тутъ таково слово:
«Ай же вы дружинушка хоробрая,
«Васъ триста молодцовъ е безъ единаго!
«Подите-тко на горку вы на конную,
«На этоей на горкѣ и на конныя,
«Гдѣ пироги и гдѣ блины́ продаютъ
«И малыи ребята тамъ барышничаютъ, —
«Поставьте къ утру свѣту мнѣ-то три́ терема,
«Еще три терема да златоверхіихъ,
«Что верхи бы со верхамы совивалися,
«Молода Забава и Путятична
«На этыи верхи бы оглядѣлася...»

(Дальше не знаетъ).

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

*) Шеймы по объясненію пѣвца значитъ «обснастка».

—

37.

ВЗЯТІЕ АЗОВА.

Какъ выходитъ вѣдь государь нашъ по́ день,
Выкликаетъ надёжда онъ по дру́той,
Выкликаетъ насъ надёжда царь по третей:
«Еще всѣ же вы князи, вси бояри
«А всѣ думскіе царевы генерала!
«Пособите государю думы думать,
«Государю чтобы дума не проду́мать,
«Какъ бы взять бы мнѣ Азо́въ горо́дъ безъ бо́ю,
«Безъ бою, безъ драки кроволитья.»
Еще большій тулится за середняго,
А середній тулится за меньшаго,
А отъ меньшаго государю ни отвѣта нѣтъ.
Выходитъ тутъ казакъ е донскіи,
Еще онъ же молодецъ е удалыи,
Супротивъ онъ государя становился,
Понизешенько надёждѣ поклонился:
— Охъ ты батюшко надёжда государь царь,
— Олексій сударь Михайловичъ московскій!
— Бласловите, государь, мнѣ словца молвить.
— Еще во́зьмемъ мы Азовъ горо́дъ безъ бою,
— Еще безъ бою возьмемъ безъ драки,
— Еще безъ больша̀ велика кроволитья. —

По головушкѣ казáченка погладилъ:
«Благодарствуёшь казакъ тебѣ донскіи,
«Еще ты же молодецъ е удалы́и,
«Еще ты же молодецъ-то есть смѣлы́е!
«Еще смѣлъ-то съ государемъ говорити:
«А какъ будетъ ли казакъ тебѣ съ дѣла,
«Я пожалую по дóрогу кафтану
«А какъ со тыма съ клинамы золотыма
«И со обвéщамы со тыма дорогима.»
Пятьсотъ они телѣжекъ снарядили,
По пяти туды казáковъ положили,
Они черныма юхтáмы накрывали,
Какъ булатнима гвоздцамы обивали.
Еще они другіе пятьсотъ тутъ снарядили,
Мякотнымъ-то товаромъ нагрузили
А туды же къ Азову пропустили.
Они стали тутъ ~~къ Азову~~ подъѣзжати.
Еще тутъ-то казаку ему не спится,
Еще бралъ-то онъ подарки дорогіи,
Къ самому-то онъ Санталу относился:
— Ахъ ты здравствуешь Санталъ ты е турецкій,
— Поздравляю тебя силой со нѣмецкой!
— Еще вó теби подарки дорогіи
— Какъ отъ нашего царя теби отъ бѣлаго.
— Да просилъ-то вѣдь нашъ царь тебя бѣлый,
— Да просилъ-то онъ въ Азовѣ торговати,
— Какъ русійскихъ товаровъ продавати
— А какъ вашихъ мы заморскіихъ покупати. —
А какъ эти ему подарки прилюбились,
Приказалъ-то онъ въ Азóвъ горòдъ въѣзжати,
Велѣлъ кажныи телѣжки осмотрити.
Какъ пятьсотъ они телѣжекъ просмотрили,
Еще дрýгіихъ телѣжекъ не сустигли,
Они всѣхъ они возовъ-то запустили.
Они зачали въ Азовѣ торговати
А своихъ они товаровъ продавати
А заморскіихъ они стали закупати,
А булатніихъ возцовъ тыхъ отдирати,
Еще черныихъ юхтòвъ тыхъ открывати
Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
Они начали въ Азови шурмовати,
Да начали турчановъ убивати,
Много множество турчановъ тутъ прибили.
А одва-то тутъ Санталъ и самъ уѣхалъ
Еще во свою столицу въ городóву.
Еще тутъ казачкамъ имъ не спится,
Оны валъ-то земляной тутъ завалили
Какъ повыше стѣны они городóвой.
Тутъ Санталъ-то онъ турецкой
Набираетъ себѣ силы сорокъ тысячъ,
Подъѣзжаетъ онъ къ Азову тутъ ко городу,
Еще началъ онъ въ Азóвъ горòдъ ломиться.
Еще валъ-то земляной оны розсыпáли,
Стѣну каменну оны да проломили,
Еще тутъ они въ Азóвъ горòдъ забились,
Еще начали въ Азовѣ шурмовати,
Оны стали казачковъ тутъ убивати.
Тутъ немножко казачковъ тутъ оставлялось.
Собирались казачки тутъ въ Бóжью церковь,
Отслужили тутъ молебенъ со обѣдней:
— Еще ай же ты Микола Чудотворецъ.
— Не придай-ко намъ напрасно умерети!
— Пострижемся мы тобѣ-ка вси въ монахи,
— Всѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи,
— Всѣ въ монахи пострижемся, въ потріархи.—
Напустилъ тутъ Микола Чудотворецъ,
Напустилъ тутъ на турчанъ онъ темну темень,
Они дружка дружку прирубили,
Какъ густымъ ту рѣку загустили.

Записано въ Толвуи, 12 іюля.

—

IX.

ТИМОФЕЕВЪ.

Андрей Тимофеевъ, крестьянинъ 60-ти лѣтъ, изъ дер. Зáгорья у Толвуи. Выучился пѣть былины у мѣстныхъ старожиловъ; земледѣлецъ.

—

38.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
«Ай же ты честнà вдова Офимья Олександровна!
«Ты бъ меня Добрыни не спорóдила,
«Спорóдила бы Добрыню, да на бѣлый свѣтъ не попýстила,
«Завертѣла бы Добрыню въ тонко бѣлое полотнище,
«Выносила бы Добрыню на гору да на Сіонскую'
«Кидала бы Добрыню во синé море,
«Катался бы, валялся Добрыня я пó вѣку,
«По вѣку и по скопчанію.»
Испрогóворитъ его да родна матушка:

— Рада бы я, дитятко, спородити
— Во того во смѣрнаго казáка Илью Муромца,
— Во того во смѣлаго Олешенку Поповича. —
Умывался тутъ Добрыня въ ключеву воду,
Сокрутился тутъ Добрыня въ платье цвѣтное,
Выходилъ онъ во свою конюшню бѣлодýбову,
Бралъ да своего-то сиза бурушка,
Сиза бурушка косматаго,
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана.
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато *(такъ)*,
Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Выходитъ его да любимá семья,
Мóлода Настасьюшка Микулична:
— Ты куда поѣзжашь, да куды пýть держишь,
— На кого ты покидаешь молоду жену? —
Испрогóворитъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ай же ты моя да любима семья!
«Когда стала ты у меня спрашивать,
«Тогда я буду теби сказывать.
«Поѣду я, добрый молодецъ,
«Во чистó поле поляковать, казáковать;
«Постою я вѣдь за вѣру христіанскую,
«Порублю я вѣдь поганыихъ татаровей.
«Сожидай-ко ты Добрыню со чистá поля ровно три годы,
«Три годы пройдетъ, да до шести годовъ, —
«Шесть годовъ пройдетъ, хошь вдовой живи,
«Хошь вдовой живи да хошь замýжъ поди,
«Зá князя поди, хошь за боярина,
«За могучаго поди богáтыря,
«Только нé ходи за того за смѣлаго,
«Только нé ходи за Олешенку Поповича.
«Олешенка Поповичъ мнѣ крестовый братъ.»
День тутъ за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ зá годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно три годы.
Приходитъ солнце Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича:
— Ты поди-ко вѣдь теперь да во замужество. —
Испрогóворитъ Настасья таково слово:
«Сожидала я Добрыню ровно три годы,
«Сожидать буду Добрыню до шести годовъ.»
День-тотъ за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ;
Проходило тому времечки шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ стольнё-кіевской
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Испрогóворитъ Настасья таково слово:
«Справляла я вѣдь мужéй завѣтъ,
«Справлять буду вѣдь вдовéй завѣтъ,
«Не пойду я до двѣнадцати годовъ.»
День-то за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ зá годъ бывъ трава ростетъ;
Проходитъ тому времечки ровно шесть годовъ.
Приходитъ Владиміръ свататься,
Свататься да низко кланяться
Зá того за смѣлаго Олешу вѣдь Поповича.
Силóй берётъ, къ ней въ думý не йдетъ.
Заводили оны тутъ да почестенъ пиръ.
У того-то вѣдь у Добрынюшки
Была малая служаночка;
Обернулась она да малой кóлпицей *),
Слетала она да во чистó поле,
Отыскала она Добрынюшку Микитича.
Онъ спитъ да проклаждается
Во своёмъ да во бѣломъ шатри:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты спишь да проклаждаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
— Нѣтъ у тебя въ домй вѣдь любимóй семьи,
— Мóлодой Настасьюшки Микуличны. —
Пробуждался тутъ Добрыня сó спу богатырскаго,
Бралъ своего да сиза бурушка
Не сѣдлана онъ да вѣдь не уздана,
Надѣвалъ онъ уздицю тесмяную,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкальсато,
Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Нé ради красы, нé ради басы,
Ради крѣпости богатырскія.
Садился тутъ Добрыня на добрá коня.
Видли добра молодца ли сядучи,
Нé видли его поѣдучи.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во свой-то онъ да во Кіевъ градъ,
Приходитъ онъ въ свою да полату бѣлокаменну,
Крестъ кладетъ онъ по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учéному,

*) Пѣвецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица. На лужицко-сербскомъ нарѣчіи *колпь* значитъ лебедь.

Кланяется онъ да на четыре вѣдь сторонушки,
Своей матушкѣ онъ въ собину:
«Здравствуй ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ѣду я добрый молодецъ со чиста́ поля,
«Кланяюсь тебѣ отъ Добрынюшки низко́й поклонъ.»
Испрого́воритъ его да родна матушка:
— Какъ бы былъ мой Добрыня въ живности,
— Не дошло бы вамъ ворамъ надрыгатися,
— Не отняли бы у меня да любимо́й семьи,
— Молодой Настасьюшки Микуличной! —
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Ѣду я добрый молодецъ со чиста́ поля.
«Наказывалъ Добрыня путь-шалыгу подорожную,
«Наказывалъ Добрыня гуселышка яровчаты,
«Сапоженки на ноженки зеле́нъ сафьянъ,
«Наказывалъ Добрыня шубо́ньку да соболиную,
«Шапочку на головочку ушистую, пушистую,
«Ушистую, пушистую, завѣсисту.»
Видитъ тутъ честна́ вдова Офимья Олександровна,
Приносила тутъ-то она да платье цвѣтное.
Походилъ тутъ Добрыня на почестенъ пиръ.
Вси на пиру мѣста были призаняты,
Садился Добрыня покрай печенки;
Вынималъ Добрынюшка гусе́лышка яровчаты,
Сталъ тутъ Добрынюшка поигрывать
Во свои гусе́лышка въ яровчаты,
Весь пѣръ-тотъ привелъ да на весельицо.
Испрого́ворятъ тутъ да таково слово:
— Какъ бы этой малой скоморошины
— Чарочка да зелена́ вина,
— Зелена вина да полтора ведра. —
Приносили ему чару зелена вина,
Зелена вина да полтора ведра.
Бралъ тутъ Добрыня едино́й рукой,
Выпивалъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Дали мнѣ чарочку зандравную,
«Дайте-тко теперь да и забавную.»
Пошолъ онъ тутъ отъ печки отъ муравлянки
Ко тому-то ко сто́лу молодецкому;
Онъ спускалъ тутъ свой злаченъ перстень
Въ тую чару зелена вина.
Испрого́воритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты мо́лода Настасья ты Микулична!
«Выпей-ко чару зелена вина, —
«Выпьешь до дна, такъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна, такъ не видать добра.»
Брала тутъ Настасья едино́й рукой,
Выпивала вѣдь Настасья едины́мъ духомъ,
Увидла тамъ-то на́ днѣ вѣдь злаченъ перстень,
Которымъ перстнемъ съ Добрыней обручалася.
Испрого́воритъ Настасья таково слово:
— Ай же ты мой ли Добрынюшка Микитиничъ!
— Бери-тко ты меня за волосы за женскіи,
— Кеди-тко *(такъ)* ты меня о бѣлоду́бовъ мостъ,
— Привяжи-тко меня къ жеребцямъ ко неученымъ,
— Ростощили бы меня да по чисту́ полю! —
Испрого́воритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Не дивую я полу женскому,
«Дивую своему брату́ крестовому!
«У жива́ мужа хочетъ жену отнять.»
Хваталъ онъ тутъ Олешу за желты́ кудри,
Кидалъ тутъ Олешу о бѣлоду́бовъ мостъ,
Зачалъ тутъ Добрыня пощалкивать
Той-то путь-шалыгой подорожноей.
Сталъ Олеша тутъ поахкивать,
Въ охканьи не слыхать его ло́чканья *).
И спустилъ его Добрыня со бѣлы́хъ рукъ.
Садился тутъ Олеша покрай лавочки,
Испрого́воритъ Олеша таково слово:
— Всякій-то чертъ на вѣку-то женится,
— Не всякому женидьба удавается. —
Только и Оле́шенька женатъ бывалъ.

Записано въ Толвуи, 11 іюля.

—

39.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Не заюшко въ чисто́мъ полѣ выскакивалъ,
Не горносталюшка выплясывалъ,
Выѣзжалъ тамъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Направлялъ онъ да коня своего богатырскаго,
Увидалъ онъ во чисто́мъ поли
Лань да златорогую,
Спускалъ своего да добра́ коня
Во всю прыть да лошадиную;
Догоняетъ онъ да эту лань да златорогую,
Хочетъ колоть ю во бѣлу́ю грудь.
Испрого́воритъ эта лань да златорогая
Человѣческимъ она голосомъ:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,

*) т. е. звука его ударовъ (такъ объяснилъ пѣвецъ).

«Не коли-тко ты да моей бѣлóй груди!
«Я есть вѣдь не лань-то златорогая,
«Я есть Марья лебедь бѣла, королевична.
«У меня на семъ свѣтѣ положенъ вѣдь такой завѣтъ:
«Кто меня можетъ на бѣгу догнать,
«За того я пойду въ замужество.»
Повернулась эта лань да златорогая
Въ человѣческій она образъ;
Онъ бралъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
За бѣлы́ руки да за златы́ перстни,
Цѣловалъ ю тутъ въ уста да во сахарніи,
Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ.
Принимали тутъ оны законъ да вѣдь сопружеской.
Сталъ онъ жить-то съ ней да на весельици,
Напиваться зеленá вина онъ допьяна.
Приходитъ онъ вó свою полату бѣлокаменну,
Стрѣтаетъ его своя да любимá семья,
Испрогóворитъ Марья ему да таково слово:
«Ай же ты моя да любимá семья!
«Я тебя скажу да таково слово:
«Кто у насъ да наперёдъ помрётъ,
«Тому-то сѣсть да во сырý землю.
«Ежли я да наперёдъ помру,
«Тебѣ со мной сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой землѣ;
«Ежли ты помрешь, я съ тобой буду сидѣть да во сырой землѣ.»
Написали они между собой вѣдь записи.
И онъ ходитъ да на царéвъ кобакъ,
Нáпивается онъ да зелена вина вѣдь допьяна.
Пріѣзжаютъ-то съ разныхъ мѣстъ да сорóкъ царей,
Сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ,
Сóрокъ королей да сóрокъ королевичевъ.
Оны пишутъ ко Владиміру,
Владиміру да стольнё-кіевскому:
— Выведи ты эту Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кровопитія. —
Собираетъ тутъ Владиміръ стольнё-кіевской
Своихъ господъ, своихъ бояръ;
Сталъ онъ тутъ Владиміръ совѣтъ совѣтовать
Со своима господамы, со своима боярамы:
«Ежели намъ не отдать этой Марьи лебедь бѣлой, королевичной,
«Приведутъ нашъ стольной Кіевъ градъ во розореніе.»
На ту пору, на то времечко
Приходитъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Въ этую полату бѣлокаменну,
Кланяется онъ Владиміру тутъ въ собину:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не отдамъ я своей душеньки
— Бéзъ бою, безъ драки, безъ великаго кровопитія. —
Бéретъ онъ своихъ да двухъ братьевъ крестовыхъ,
Бéретъ стараго казáка Илью Муромца,
Во вторыхъ беретъ Добрынюшку Микитича.
Сокрутились они въ платье женское,
Причесали они свои кудри русыя по женскому,
Садились они въ телѣжку во ордынскую,
Пріѣзжали оны да во чистó поле,
Роздернули оны тутъ вѣдь бѣлóй шатеръ.
Приходило тутъ сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ:
«Вѣрно что Владиміръ стольнё-кіевской
«Не посмѣлъ съ нами воевати де,
«Повывелъ онъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Повывелъ Марью во чистó поле.»
Испрогóворятъ тутъ оны да таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣла, королевична!
«За кого же ты за насъ замýжъ идешь?»
Испрогóворитъ Михайла самымъ тонкимъ женскимъ голосомъ:
— Кто кого изъ васъ на бою побьётъ,
— За того я вѣдь замýжъ иду. —
Выходили оны татарева во чистó поле,
Тотъ того побьётъ, другой другóго побьётъ, —
Не выходили-то у нихъ поединщика единаго.
Приходятъ оны опять да во бѣлý шатру:
«Нѣтъ у насъ такого поединщика.
«За кого же нынь ты замýжъ идешь?»
Молодецко сердечко мало стéрпливалъ,
Розгорѣлось его да сердце богатырское,
Выскакивалъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со своего онъ да бѣлá шатра;
Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
Не увидѣлъ онъ меча кладенца,
Хваталъ онъ телѣжку ордынскую,
Выхватывалъ онъ осищё желѣзное,
Зачалъ онъ осищёмъ тутъ помахивать,
Прибилъ онъ сóрокъ царей, сóрокъ царевичевъ,
Сорокъ королей, сорокъ королевичевъ.
Поѣзжали оны тутъ во Кіевъ градъ
Со своима онъ съ братьямы крестовыми.
Подъѣзжаетъ онъ да кó своей полатѣ бѣлокаменной,
Испрогóворятъ ему да таково слово:
—Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
—Нѣтъ у тебя въ доми да любимóй семьи,
—Нѣтъ у тебя да въ живности
—Мóлодой-то Марьи лебедь бѣлой, королевичной.—

Испрогóворитъ Михайло таково слово:
«Ай же вы мои плотники, работники!
«Дѣлайте гробницу не малую,
«Чтобы можно въ нёй двоимъ лежать,
«Двоимъ лежать и стóя стоять.
«Кладите-тко вы припасу съѣстнаго
«На три мѣсяца.
«Опущусь-то я съ ней да во сыру землю.
«У меня съ ней сдѣланы были записи:
«Который у насъ да напередъ умретъ,
«Другому сидѣть да ровно три мѣсяца да во сырой земли.»
Привозили эту гробницу немалую
На то кладбище,
Положили туды да Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Садился тутъ Михайло въ эту гробницу немалую;
Опущали его да во сыру землю,
Засыпали его да вѣдь желтымъ пескомъ.
Походило тому времечки ровно три недѣлюшки,
Прилыло тутъ къ ней змѣйщё веретёнище *(такъ)*,
Стало у ней сосать да вѣдь бѣлую грудь.
Хватилъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Свою саблю вострую,
Хочетъ отсѣчь у ней буйну голову.
Испрогóворитъ змѣйщё веретёнищё:
— Не руби-тко ты да моей буйной головы!
— Много я для тёби добра сдѣлаю,
— Оживлю я тёби Марью лебедь бѣлу, королевичну. —
И даётъ ему да свой великъ залогъ,
Своего она вѣдь дѣтища.
Отплываетъ отъ этой гробницы бѣлодубовой,
Приноситъ она змѣя вѣдь живой воды,
Подаваетъ она змѣя ему живу воду.
Разъ тутъ сбрызнулъ — она и здрогнула,
Другой разъ сбрызнулъ — она сидя сѣла,
Трётій разъ сбрызнулъ — она да заговорила:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Где мы теперь съ тобой находимся?»
— Находимся да во сырой земли! —
Закрычалъ онъ своимъ гóлосомъ,
Своимъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхали его да братьицо *(такъ)* крестовыи:
«Стоснулось нашему братцу крестовому во сырой земли,
«Живому тѣлу съ мертвыимъ.»
Приходили тутъ оны ко этой могилы ко кладбищу:
Желтой песокъ оны тутъ розсыпали,
Снимали-то съ этой гробницы покровъ-то вѣдь верхніи.
Выходитъ тутъ Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со сырой земли,
За собой ведетъ свою да любиму семью,
Мóлоду-то Марью лебедь бѣлу, королевичну.
Приходитъ онъ во свой во Кіевъ градъ,
Сталъ онъ жить-то вѣдь по прежному,
Напиваться зеленá вина онъ дóпьяна.
Удаляется тутъ Михайло во чистó поле,
Поляковать онъ да и казáковать;
Порублялъ онъ да вѣдь поганыихъ татáревей
За свою вѣру да христіанскую.
Пріѣзжаетъ-то съ другой земли,
Пріѣзжаетъ-то король да вѣдь ляхетскіи,
Пишетъ тутъ-то онъ да грамотку
Ко Владиміру да стольнё-кіевскому:
— Повыведи ты Марью лебедь бѣлу, королевичну,
— Во чистó поле,
— Бёзъ бою, безъ драки, безъ великаго кровопитія. —
Испрогóворитъ Владиміръ таково слово:
«Некимъ мнѣ съ нимъ да воевать будетъ, —
«Повывести надоть Марью лебедь бѣлу, королевичну,
«Во этое да во чистó поле.»
Выводили Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Во чистó поле.
Принималъ-то тутъ король да вѣдь ляхетскіи
Ю за рученки за бѣлыи,
Увозилъ онъ во свою землю.
День-то за день какъ птицá летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Годъ-тотъ за годъ бывъ трава ростетъ.
Проходило тому ровно три годы,
Пріѣзжаетъ тутъ со чистá поля
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Со своима онъ со братцамы крестовыми.
— Гдѣ же моя да любимá семья? —
Испрогóворятъ ему да таково слово:
«Увезъ твою да любиму семью
«Красивыи король да вѣдь ляхетскіи.»
Испрогóворитъ Михайла таково слово:
— Поѣду я добрый молодецъ
— Во тую землю да во ляхетскую,
— Не отдамъ я своей Марьи лебедь бѣлой, королевичной. —
Садился тутъ Михайла на добрá коня.
Видѣли оны Михайла тутъ сядучи,
Не видѣли Михайлы тутъ поѣдучи.
Пріѣзжаетъ тутъ Михайло во тую землю,
Во тую землю да во ляхетскую,

Пріѣзжаетъ-то Михайла къ тымъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Усмотрѣла его да любима́ семья
Во тое́ окно да во косевчато,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь ляхетскіи!
«Пріѣзжаетъ къ намъ теперь да нелюбимый гость.»
Наливала о́на чару зелена́ вина,
Зелена́ вина да полтора ведра,
Спускала она туды да зелья лютаго:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена заму́жъ пошла.
«Твоё есть дѣло вѣдь дорожноё,
«Мое дѣло есть да понево́льнеё,—
«Выпей-ко чару зелена вина,
«Зелена вина да полтора ведра.»
Бралъ тутъ Михайла едино́й рукой,
Выпивалъ Михайла едины́мъ духомъ.
Тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Свалился онъ со́ своего да со добра́ коня.
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь ляхетскіи!
«Ежели хочешь ты вѣдь мной владать,
«Куды надоть отвози его во чисто́ поле.»
Испрого́воритъ король да вѣдь ляхетскіи:
— Мужъ-то твой, воля́ твоя. —
Приказала она запрячь-то пару ко́ней богатырскіихъ,
Отвозила его да во чисто́ поле,
Хватала тутъ она да бѣлъ горю́чъ камень,
Колотила его да по право́й щоки:
«Окаменѣй-ко ты Михайла ровно на три годышка,
«Какъ три годы пройдетъ, пройди да сквозь сыру землю!»
Повернула его бо́льшимъ каменемъ.
День-то за день какъ птица́ летитъ,
Недѣля за недѣлю какъ дождь дожжитъ,
Проходило тутъ время ровно годышекъ.
Стоснулось имъ, братьямъ крестовыимъ,
Старому каза́ку Илью Муромцу,
Во вторыихъ-то Добрынюшкѣ Микитичу,
Сокрутились они въ платье вѣдь нищецкое,
Надѣвали себи трои они по́дсумки,
Шли они путемъ дорогою.
Выходитъ со́ сторонъ калика незнакомая:
— Ай же вы калики есть незнаемы!
— Возьмите меня да вѣдь во третьіихъ,
— Поверстайте меня да во ата́маны. —
Брали тутъ калику во товарища,
Поверстали калику во ата́маны.

Приходили они въ тую землю во ляхетскую,
Становились они да противъ черто́гъ они вѣдь царскіихъ,
Закрычали они своима голосамы зычныма:
«Ай же ты король да вѣдь ляхетскіи!
«Насыпь-ко намъ трои по́дсумки:
«Одни по́дсумки-то чиста се́ребра,
«Дру́ги по́дсумки-то красна золота,
«Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу, —
«Полно намъ каликамъ волочитися,
«Было бы намъ каликамъ по́ смерть ѣсть и пить.»
Услышалъ тутъ король да вѣдь ляхетскіи
Голоса да очень громкіи,
Король тутъ-то пріужа́хнулся.
И зглянетъ тутъ Марья лебедь бѣла, королевична,
Во тое окно да во косевчато,
Узнала-то она да этыихъ бога́тырей:
— Это вѣдь не калики есть, да есть бога́тыри,
— Моего мужа́ вѣдь прежнаго
— Есть оны да братья вѣдь крестовыи.
— Зазывай ихъ во свои полаты бѣлокаменны,
— Насыпай имъ трои по́дсумки:
— Первы по́дсумки да чиста се́ребра,
— Вто́ры по́дсумки да красна золота,
— Третьи по́дсумки да скачна жемчугу. —
Созывали ихъ во полату бѣлокаменну,
Насыпали имъ да трои по́дсумки:
Одны по́дсумки да чиста серебра,
Дру́ги по́дсумки да красна золота,
Третьи по́дсумки да скачна жемчугу.
Походятъ оны да во чисто́ полё,
Приходятъ къ этому бѣлу камню.
Испрого́воритъ калика та незнаема:
«Ай же вы мои братцы, вы товарища!
«Взяли вы меня да во товарища,
«Поверстали вы меня да во ата́маны,
«Надоть намъ теперь да вѣдь живо́тъ дѣлить.»
Снимали они тутъ трои по́дсумки
Со своихъ они тутъ плечъ да со могучіихъ,
Кла́дывали оны да во́-мѣсто.
И сталъ-то тутъ калика да незнаема
Кла́дывать онъ да на четы́ре стопы.
Испрого́ворятъ тутъ его братья крестовыи:
— Ай же ты калика есть незнаема!
— Взяли тебя мы во товарища,
— Поверстали тебя мы во ата́маны,
— Неправильнё ты вѣдь животъ дѣлишь. —
Испрого́воритъ калика-то незнаема:
«Брали меня да во товарища,
«Поверстали меня да во ата́маны,
«Я справедливо теперь животъ дѣлю:

«Который изъ насъ можетъ бѣлъ горючъ камень
«Кинуть черезъ буйну голову,
«Тому четвертая стопа достанется.»
Бралъ тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Этотъ да бѣлъ горючъ камень,
Во свое колѣно здымалъ да богатырское,
Самъ-то по щёточку въ землю зашелъ.
Подхватывалъ тутъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Здымалъ-то онъ во́ свою во грудь во бѣлую,
Уходилъ онъ по колѣнъ да во сыру землю.
Бралъ-то тутъ калика да незнаема
Этотъ-то да бѣлъ горючъ камень,
Кидалъ онъ черезъ свою да буйну голову.
Испрого́ворилъ калика таково слово:
«Впереди стань доброй молодецъ,
«Лучше стань ты, лучше прежнаго!»
Пробуждался онъ со сну да богатырскаго,
Испрого́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же вы мои братцы крестовыи,
— Какъ я долго спалъ! —
Испрого́ворятъ его братья крестовыи:
«Какъ бы не было у насъ этого товарища,
«Не былъ бы теперь ты въ живности.»
Побѣжалъ Михайла во ту землю,
Во ту землю во ляхетскую,
Становился Михайла противо полатъ да бѣлокаменныхъ,
Закрычалъ онъ богатырскіимъ-то голосомъ:
— Ай же ты красивыи король да ты ляхетскіи!
— Насыпь-ко ты мнѣ тоже трое по́дсумки:
— Первы по́дсумки-то чиста се́ребра
— Вто́ры по́дсумки-то красна золота,
— Третьи по́дсумки-то скачна жемчугу. —
Взглянула Марья лебедь бѣлая
Во тое во косевчато окошечко,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь ляхетскіи!
«Приходитъ сюда мой пре́жной мужъ.»
Наливала Марья чару зелена́ вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Положила Марья зелья лютаго,
Выходила она да на перёное крылечико.
Испрого́воритъ-то Марья таково слово:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прости меня дуру жонку стра́мницу, —
«Мужъ по дрова, жена замужъ пошла.
«Выпей-ко чарочку зелена́ вина,
«Зелена вина да полтора ведра.»
Бралъ тутъ Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ,
Бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпивалъ онъ чару едины́мъ духомъ,
Свалился онъ на сыру землю да ме́ртвымъ.
Испрого́воритъ Марья таково слово:
«Ай же ты красивыи король да вѣдь ляхетскіи!
«Ежели ты хочешь вѣдь-то мной владать,
«Куда хочешь, туды его и по́дѣвай.»
Испрого́воритъ красивыи король да вѣдь ляхетскіи:
— Мужъ твой и воля есть твоя. —
Марья лебедь бѣла, королевична,
Приказыватъ его да ко стѣны́ прибить,
Колотила ёму гвоздья желѣзныи
Во бѣлы́ руки и въ рѣзвы́ ноги.
И пошла она тутъ во кузницу,
Хотѣла она сковать ему-то длинный гвоздь,
Заковать ему да во бѣлу́ю грудь.
У него-то свѣтъ въ очахъ да помяту́шился. —
Была у этого у короля да у ляхетскаго
Едина́я дочь Настасья королевична,
Приходитъ она къ этому бога́тырю,
Испрого́воритъ она да таково слово:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Хочешь ли ты да на сёмъ свѣти еще живъ бывать?»
Испрого́воритъ Михайла таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Хотѣлось бы мнѣ да живу́ бывать. —
Испрого́воритъ она тутъ таково слово:
«Положимъ-ко мы съ тобой вѣдь заповѣдь,
«Ежели ты возьмешь меня въ замужество,
«Еще будешь ты на сёмъ свѣти живъ бывать.»
Полагаетъ тутъ Михайла вѣдь заклятіе.
Приказала она да своимъ слугамъ вѣрнымъ,
Приказала она да со стѣны-то снять,
Приказала она да на мѣсто прибить татарина,
Татарина прибить поганаго.
Отводила Михайлу во свою полату бѣлокаменну,
Добывала она тутъ дохтуровъ
Излѣчить ему эти раны великія.
Проходило тому времечки шесть недѣль,
Заживали его раны великія.
— Ай же ты Настасья королевична!
— Какъ бы повывели да моего добра́ коня,
— Обсѣдлана бы да обуздана. —
Убирается Настасья въ свое платье цвѣтное,
Приходитъ она ко своему да вѣдь родителю:
«Мнѣ что-то во сняхъ привидѣлось,
«Какъ бы видѣть-то Михайлина добра́ коня
«Обсѣдлана вѣдь и обуздана.»
Не смѣняетъ *(такъ)* онъ да своей дочери,
Приказываетъ выводить коня да богатырскаго

Къ ей крыльцу да ко перéному.
Выскакивалъ Михайла со полаты бѣлокаменной,—
Видли добра молодца на коня вѣдь сядучи,
Не видли добра молодца поѣдучи.
Уѣзжаетъ Михайла во чистó поле,
Накопляетъ силу онъ по прежному,
Пріѣзжаетъ онъ во ту землю ляхетскую,
Ко тыимъ полатамъ бѣлокаменнымъ.
Увидѣла Марья лебедь бѣла, королевична,
Со того-то со косевчата окошечка,
Наливала Марья зеленá вина,
Зелена вина да полтора ведра,
Полагала туды зелья лютаго,
Выходила она да на крылечко на перéное.
Испрогóворитъ Марья таково слово:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
— Прости мня дуру жонку стрáмницу, —
— Мужъ по дрова, жена замýжъ пошла.
— Выпей-ко чару зеленá вина!
— Твое дѣло есть дорожное,
— Мое дѣло есть да подневольнее. —
Беретъ онъ Михайла эту чару зелена вина,
Зелена вина да во правý руку.
Глядитъ въ это косевчато окошечко
Молода Нáстасья королевична:
«Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Погляди-тко ты на рýченьку на правую,
«Зглянь-ко ты на рученьку на лѣвую!»
Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на правую,
Зглянулъ тутъ Михайла на рученьку на лѣвую,
Увидѣлъ тутъ Михайла на своихъ рукахъ,
Что былú у него раны превеликіи,
Спомнилъ тутъ онъ прежній завѣтъ-то свóй,
Кидалъ онъ эту чару зеленá вина,
Зелена вина да на сырý землю,
Хваталъ тутъ Марью лебедь бѣлу, королевичну,
Кидалъ онъ Марью о сыру землю.

Записано тамъ же, 11 іюля.

—

X.

ПЕТРЪ ПРОХОРОВЪ.

Петръ Прохоровъ, крестьянинъ-слѣпецъ изъ дер. Черный Наволокъ у Тамбицы, 45-ти лѣтъ, пропитывается частью съ небольшаго участка земли, ему предоставленнаго міромъ, частью мірскимъ подаяньемъ. Разсказывалъ, что пѣть былины научился отъ захожихъ каргополовъ, бывавшихъ въ Заонежьѣ. Поетъ довольно складно, хотя не выдерживаетъ размѣра и иные стихи у него какъ бы обрываются.

—

40.

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Были званы брапы гости приходящіи
На почестный пиръ.
Красно солнышко на вечери,
Почестный пиръ на весели.
Всѣ на пиру да наѣдалися,
Всѣ на пиру да напивалися,
Всѣ на пиру-то поросхвасталисъ.
Иный хвалится добрымá конмы,
Иный хвалится своимъ имѣніемъ,
Иный хвалится золотой казной,
Глупый хвалится молодой женой.
А поросхвастался Владиміръ стольнё-кіевской:
«А у меня-то ý князя да у Владиміра
«Есть на пиру руськіихъ могучіихъ три богáтыря:
«Есть старóй казакъ да Илья Муромецъ,
«Есть Добрынюшка Микитиничъ,
«Есть Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
«Ай же вы руськіи могучіи богáтыри!
«Послужите-тко мнѣ князю-то Владиміру.
«Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Вóзьми-тко ты ýздицю тесмянýю
«Да поди-тко на конюшню на стоялую,
«Вóзьми тамъ сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тýгихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Вóзьми-тко ты ýздицю тесмяную,
«Поди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Вóзьми-тко ты уздицю тесмяную

«Да и пóди на конюшню на стоялую,
«Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
«Уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
«Подтягивай двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
«Тринадцатый для-ради крѣпости.
«Всѣ подпруги-то шелковыи,
«Шпеньки желѣза-то булатняго
«А стремена краснаго золота;
«Красно золото не ржавѣетъ,
«На конѣ добрый молодецъ не стáрѣетъ.
«Ай же ты старóй казакъ да Илья Муромецъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю да въ Золоту Орду,
«Нагрузи-тко ты оттудова дани выходы,
«Телѣжки-ты ордынскіи,
«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Съѣзди-тко ты въ большу землю во Большу Орду,
«Нагрузи-тко оттудова
«Телѣжки-ты ордынскіи,
«Отпусти ко городу ко Кіеву.
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-тко ты въ землю-ту Подольскую,
«Возьми тамъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку королевичну.»
Взялъ тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ
Уздицю тесмяную
Да и пóшелъ на конюшню на стоялую;
Онъ взялъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ тутъ ýздицю тесмяную,
Пóшелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ тутъ ýздицю тесмяную,
Пóшелъ на конюшню на стоялую,
Взялъ тамъ сѣделышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ бурушка кавурушка,
Подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Тринадцатый для-ради крѣпости.
Всѣ подпруги-то шелковыи,
Шпеньки желѣза-то булатняго,
Стремена кра
Красно
На конѣ доброй молодецъ не стáрѣетъ.
Садился тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
На добрá коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Добрынюшка Микитиничъ
Садился на добрá коня;
Видли добра молодца сядучи,
Не видли поѣдучи;
Не воротами ѣхалъ — черéзъ стѣну,
Черезъ стѣну да городовую,
Мимо тую башню наугольную.
Міѣзжали ко кресту да къ Леванидову.
Тутъ они крестамы-то побрáтались,
Назвалися братьями-то назвáными:
Который скорѣе съѣздитъ, такъ за того Бóга молить,
Который скорѣе помрётъ, такъ того пóминать.
Поѣхалъ тутъ старóй казакъ да Илья Муромецъ
Во большу землю да въ Золоту Орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы,
Телѣжки-ты ордынскіи,
Отпустилъ онъ ко городу ко Кіеву.
Поѣхалъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Во большу землю да во Большу орду,
Нагрузился-то оттудова дани выходы,
Телѣжки-ты ордынскіи,
Отпустилъ ко городу ко Кіеву.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Поѣхалъ въ землю ту Подольскую
Къ кóролю тому къ подольскому,
За щитомъ онъ взялъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подóлянку да королевичну,
Міѣзжаетъ ко городу ко Кіеву.
Міѣзжаетъ съ другой стороны посолъ да заморскіи
Отъ царя да отъ бухарьскаго,
Около города около Кіева колесомъ прошолъ,
Скрычалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ онъ по змѣиному:

:е ты Владиміръ стольнё-кіевской!
йте намъ русскую красавицю,
ю лебедь бѣлую,
лянку да королевичну;
акъ, Кіевъ за щитомъ возьмемъ,
всемъ святыню со Божьихъ церквей,
емъ держать добрыхъ комоней.
сти-тко ты дани выходы,
жи-ты ордынскіи
емлю ту Бухарьскую,
:оролю тому бухарьскому.»
ритъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
пиши-тко ты ёрлуки,
о посланы дани выходы
землю ту заморскую,
королю да ко бухарьскому
двѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ.—
вляется Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
млю ту заморскую,
ролю да ко бухарьскому.
ритъ-то русская красавица,
и лебедь бѣлая,
янка да королевична:
ке ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
цешь какъ во землю ты заморскую,
:оролю да ко бухарьскому,
рый скорѣе помрётъ, такъ прожить въ земли мертвымъ три мѣсяца.»
каетъ-то Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
млю ту заморскую,
ролю да ко бухарьскому.
выложилъ на столъ да эти ёрлуки:
воль-ко ты просматривать. —
скоро роспечатывалъ, скорѣй того просматривалъ,
онъ самъ говоритъ таково слово:
ке ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
же у тебя дани выходы?»
итъ тутъ Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ:
тались дани выходы въ чистóмъ полѣ,
телѣжкахъ оси приломалися,
талися починивать. —
:дѣлали дощечку на золоти.
йла Пóтыкъ ступéнь ступилъ,
нь ступилъ да и другой ступилъ,
й ступилъ да и треть земли выигралъ.
:дѣлали другу дощечку на золоти.
йла Потыкъ ступень ступилъ,
нь ступилъ да и другой ступилъ,
й ступилъ да и полъ-зéмли выигралъ.
Сдѣлали третью дощечку на золоти.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
Налетѣлъ сизъ голубчикъ дорогой,
Сѣлъ онъ на окошечко
И началъ выговаривать:
«Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да прокладаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Померла твоя русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая,
«Подóлянка да королевична.»
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ брóсилъ дощечку изъ дверей въ двери,
Убилъ всѣхъ у дверей придверникóвъ,
У воротъ всѣхъ приворотниковъ.
Сгóворитъ царь заморскіи да и бухарскіи:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Не убей-ко всѣхъ и до единаго,
— Оставь хоть и на сѣмина,
— Возьми всю землю заморскую
— Отъ царя да отъ бухарьскаго. —
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ всю землю заморскую
Отъ царя да отъ бухарьскаго,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣзжаетъ-то Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Ко городу ко Кіеву.
Приказалъ онъ сдѣлать домовищечко,
Чтобы можно лéжа лежать,
Лежа лежать и сидя сидѣть,
И стóя стоять.
Приказалъ онъ класть провизьи на три мѣсяца,
Приказалъ сковать онъ клещи-ты желѣзныи.
Они сдѣлали домовищечко,
Чтобы можно лежа лежать,
Лежа лежать и сидя сидѣть,
И стоя стоять.
Клали провизьи на три мѣсяца
И сковали клещи-ты желѣзныи.
Похоронили тутъ Михайлу Пóтыка сына Иванова
Съ русскоей красавицей,
Съ Марьей да лебедь бѣлоей,
Съ подóлянкой да королевичной,
Во сырý землю.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожилъ да и дрýги прожилъ,
А другія прожилъ да и третьи прожилъ.
Подплыла змѣя да подземельная,
Разъ лизнýла гробъ, надлизнула,
Другой лизнýла, пролизнула

Третій лизнула, въ гробъ плывётъ.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Захватилъ онъ клещамы-то желѣзныма
Змѣю да подземельную,
И говоритъ змѣя да подземельная:
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Спусти меня змѣю да подземельную,
«Ты возьми въ закладъ змѣёныша.
«Схожу я къ синю морю,
«Принесу живой воды да мертвóй воды,
«И оживлю твою русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку да королевичну.»
Онъ спустилъ змѣю да подземельную,
Онъ взялъ въ закладъ змѣёныша.
Сходила тутъ змѣя да подземельная
Къ синему морю,
Принесла живой воды и мертвóй воды.
Приноситъ-то Михайлы Пóтыку сыну Иванову.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ взялъ змѣёныша, рóзорвалъ,—
Разъ брызнулъ — и сросся весь,
Другой брызнулъ — зашевелился,
Третій брызнулъ — поплылъ со гроба вонъ.
Русскую красавицу Марью лебедь бѣлую
Разъ брызнулъ — кровь зайграла,
Другой брызнулъ — зашевелилася,
Третій брызнулъ — сидя сѣла,
И говоритъ таково слово:
— Ахъ какъ я дóлго спала! —
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Кабы не я, такъ ты бы и вѣкъ не стала.»
И прожили они въ земли три мѣсяца.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ;
Земля да сколыбалася,
Вси теремы да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися;
Вси въ городи да ужахнулися:
«Еще что это да за уродище!»
Сгóворитъ Владиміръ стольнё-кіевской:
— Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.—
Выкопали Михайлу Пóтыка сына Иванова
Со сырой земли.
Говоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Чимъ я теперь тебя стану жаловать?
«Дать ли тебѣ города съ пригородкамы,
«Али дать села со приселкамы,
«Али дать тебѣ золотой казны по надобью?»
Говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Не надо мнѣ городовъ да съ пригородкамы,
— Не надо мнѣ селовъ да со приселкамы,
— Не надо мнѣ золотой казны по надобью,
— А дай ты мнѣ повольку-ту великую
— Ходить по цáревымъ по кáбакамъ,
— Пить зеленó вино безденежно,
— Гдѣ кружку, гдѣ пóлкружки,
— Гдѣ полведра, гдѣ цѣлó ведро. —
Владиміръ стольнё-кіевской
Далъ-то повольку-ту великую
Михайлу Пóтыку сыну Иванову,
Ходить по цáревымъ по кáбакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Сталъ ходить Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
По цáревымъ по кáбакамъ,
Пить зелено вино безденежно,
Гдѣ кружку, гдѣ полкружки,
Гдѣ полведра, гдѣ цѣло ведро.
Пріѣхало тутъ сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
Сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ
Ко городу ко Кіеву.
У кажнаго у царя да у царевича,
У кажнаго короля да королевича
Силы по три тьмы, по три тысящи.
И говоритъ-то вѣдь сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
Сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ:
«Владиміръ стольнё-кіевской!
«Отдай намъ русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подóлянку королевичну.
«Нѣтъ, такъ Кіевъ да щитомъ возьмемъ,
«Вынесемъ святыню со Божьихъ церквей,
«Будемъ держать да добрыхъ кóмоней.»
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:
— Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты ѣшь да пьешь да прокладаешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— Пріѣхало вѣдь ко городу ко Кіеву
— Сорóкъ царей, сорокъ царевичей,
— Сорокъ королей, сорокъ королевичей.
— У кажнаго царя да у царевича,
— У кажнаго короля да королевича
— Силы по три тьмы, по три тысячи. —
Накрутился Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Русскою красавицей,
Марьей лебедь бѣлоей,
Подóлянкой да королевичной.

ъ-то къ сорока царямъ, къ сорока ца-
ревичамъ
ока королямъ, къ сорока королевичамъ
оворитъ таково слово:
сорóкъ царей, сорóкъ царевичевъ,
сóрокъ королей, сóрокъ королевичевъ!
ийте-тко вы изъ тугíхъ луковъ:
же стрѣлитъ, тотъ скорѣе придетъ,
ѣ стрѣлитъ, тотъ пóслѣ придетъ, —
я и замýжъ пойду.»
ѣлитъ да иной перéстрѣлитъ,
не можетъ перéстрѣлить.
вы, сорокъ царей, сорокъ царевичевъ,
королей, сорокъ королевичевъ!
те-тко дрýгъ друга:
кетъ бросить всѣхъ до единаго,
я и замýжъ пойду.»
осить того да иной иного,
е можетъ бросить до единаго.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
татарина,
онъ помахивать;
кнетъ — улица,
гъ — переулкамы,
всѣхъ до единаго,
ылъ и на сѣмена.
одить по цáревымъ пó кáбакамъ,
ено вино безденежно.
тутъ король да политовскiи
у ко Кiеву,
онъ силы смѣту нѣтъ,
оворитъ таково слово:
ты Владимiръ стольнё-кiевской!
ы намъ русскую красавицю,
лебедь бѣлую,
нку да королевичну.
такъ Кiевъ за щитомъ возьмемъ,
мъ святыню со Божьихъ церквей,
держать да добрыхъ кóмоней.»
тутъ вѣсточка нерадостна
йлѣ Пóтыку сыну Иванову:
йла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
шь да пьешь да прокладаешься,
собой незгодушки не вѣдаешь:
алъ вѣдь король да политовскiи
роду ко Кiеву,
лъ онъ силы смѣту нѣтъ. —
Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
гъ къ королю да къ политовскому;
тилъ долгаго татарина,
онъ помахивать;

Куда мáхнетъ — туды улица,
Отмáхнетъ — переулкамы.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Къ Михайлѣ Пóтыку сыну Иванову:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты бьешь да убиваешь вѣдь...
— Уѣхала твоя русская красавица,
— Марья лебедь бѣлая,
— Подóлянка да королевична,
— Съ королемъ да съ политовскiимъ. —
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ своего бурушка кавурушка,
Поѣхалъ онъ въ землю политовскую.
Король да политовскiи
Съ Марьей лебедь бѣлою
Прiѣзжали ко кресту ко Леванидову,
Раздернули они шúрокъ бѣлъ шатеръ,
Стали опочивъ держать.
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Прiѣзжаетъ ко бѣлý шатру,
И говоритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
«Ай же ты король да политовскiи!
«Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.»
Налила ему чару зеленá вина
Зелена вина да забудýщаго,
Выходитъ изъ бѣлá шатра,
Говоритъ-то таково слово:
— Ай же ты Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты прими чару единóй рукой
— Да выпей чару единымъ духомъ;
— Некому съ намы теперь супротивиться,
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кiеву. —
А Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
До вина-то онъ испачливъ былъ;
Онъ принялъ чару единой рукой
Да выпилъ чару единымъ духомъ,
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична,
Ухватила какъ Михайла Пóтыка сына Иванова,
Она бросила черéзъ плечо,
Згóворила таково слово:
«Стань-ко бѣлой камешокъ,
«И стой-ко камень по трú годы,
«А нѣтъ, такъ нынѣ и дó вѣка.»
И сталъ бѣлой камешокъ.
Русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,

Подо́лянка да королевична,
Поѣхали съ королемъ да политовскіимъ
Въ землю въ политовскую.
А братьица названыи,
Старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Добрынюшка Микитиничъ,
Сплели они лапо́тики,
Въ носки заплели по самоцвѣтному по камешку.
Днемъ идутъ по солнышку,
Ночью идутъ по камешку,
Приходятъ-то ко этому ко бѣлому ко каменю.
Выходитъ-то съ другой сто́роны
Старая калика сѣдатая:
«Ай же вы старыи калики сѣдатыи,
«Сѣдатыи да перехожіи!
«Рады ль вы товарища?»
Сго́ворятъ калики перехожіи:
— Ай же ты старая перехожая!
— Неужто мы не́ ради товарища? —
Пошли оны въ землю политовскую,
Къ королю да къ политовскому подъ окошечко,
Скрычали, сзычали зычнымъ голосомъ по каличьему.
Вся земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сго́воритъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
— Ай же ты король да политовскіи!
— Есть-то это деверья названыи,
— А третья калика незнаема.
— Надо взять во покои во особыи,
— Кормитъ досыти, и поить допьяна,
— И дарить до́люби. —
И взяли ихъ во покои во особыи,
Кормили досыти, поили допьяна,
И дарили долюби.
Пошли они во Кіевъ градъ,
И говоритъ-то старо́й казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты русская красавица,
«Марья лебедь бѣлая, подо́лянка да королевична!
«Ты не знаешь ли Михайлы По́тыка сына Иванова?»
Отвѣтъ держитъ русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
— Ай же вы деве́рьиця названыи!
— Не знаю Михайлы По́тыка сына Иванова
— И не могу нигдѣ наспрашивать. —
Приходятъ-то калики перехожіи
Ко этому ко бѣлому ко каменю.
Сго́воритъ старая калика сѣдатая,
Сѣдатая да перехожая:
«Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Добрынюшка Микитиничъ!
«Ста́нёмте-тко дѣлить мы жи́вотовъ.»
И сго́ворятъ калики перехожіи:
— Ай же ты старая калика сѣдатая!
— А дѣли-тко наши жи́воты. —
Онъ сталъ дѣлить ихъ жи́вотовъ
На четыре на четверти.
Сго́воритъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А что же ты, старая калика сѣдатая,
«А дѣлишь жи́воты на четыре на четверти?»
Сго́воритъ старая калика сѣдатая:
— Ай же ты старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— Съ того я дѣлю на четыре на четверти, —
— Кто можетъ здыну́ть этотъ камень чере́зъ плечо
— И броси́ть о сыру́ землю,
— Чтобы росколося камень на́ двоё,
— Тому четвертая четверть-то. —
Прискочилъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здыну́лъ камень въ колѣно, да въ колѣно въ землю загрязъ.
Прискочилъ Добрынюшка Микитиничъ
Ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здыну́лъ камень въ поясъ, да въ поясъ и въ землю загрязъ.
Старая калика сѣдатая
Прискочилъ ко этому ко бѣлому ко каменю,
Здыну́лъ камень чере́зъ плечо, броси́лъ камень о сыру́ землю
И самъ сго́ворилъ таково слово:
— Росколись-ко камень на́ двоё. —
И росколося камень на́ двоё,
Выскочилъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Со этого со бѣлаго со каменя.
И сго́воритъ тутъ старая калика сѣдатая:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Придешь какъ ко городу ко Кіеву,
— Сострой-ко церковь-ту Миколину
— Своему ты ангелу, Михайлу архангелу. —
Потерялась тутъ старая калика сѣдатая,
Сѣдатая да перехожая незна́емо.

Братьеца названыи пошли они ко городу ко Кіеву,
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Пошолъ онъ въ землю политовскую,
Къ королю да къ политовскому.
Приходитъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сгóворитъ-то русская красавица,
Марья лебедь бѣлая,
Подóлянка да королевична:
— Ай же ты король да политовскій!
— Есть это Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.—
Налила ему чару зеленá вина,
Зелена вина да забудýщаго.
Выходитъ на крылечко на дубовоё
И говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Прими чару единóй рукой
— Да выпей чару единымъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться.
— У бабы волосъ дологъ, ýмъ коротòкъ:
— Куда ведутъ, туды идетъ,
— Куды везутъ, туды ѣдётъ. —
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ принялъ чáру единóй рукой
Да й выпилъ чару единымъ духомъ, —
Какъ быдто въ сонъ заснулъ.
Ухватила тутъ русская красавица
Михайла Пóтыка сына Иванова,
Снесла она его въ сѣнй челядни-ты,
Рóспяла его на стѣну,
Въ руки забила пó гвозду,
Въ ноги забила пó гвозду,
Еще нѣтъ гвозда сердечнаго!
Сошла въ рынокъ купить гвозда сердечнаго.
Настасья королевична
Отпираетъ она окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да политовскій!
«Ты спусти скорѣй меня въ сѣни челядни-ты
«Посмотрѣть русскаго могучаго богáтыря.»
Говоритъ король да политовскій:
— А сходи, Настасья королевична,
— Въ сѣни челядни-ты,
— А посмотри русскаго могучаго богáтыря. —
Приходитъ-то Настасья королевична
Въ сѣни челядни-ты.
Нектями гвоздѝ со стѣны вырвала,
Рóспяла долгаго татарина,
Михайла Пóтыка сына Иванова
Завернула въ шубку соболиную,
Повела его во покои во особыи.
Говоритъ король да политовскій:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Кого ты ведешь въ шубки соболиныи? —
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
«Ай же ты мой батюшко король да политовскій!
«Была взята маленькая дѣвушка,
«Перепала*) она русскаго могучаго богáтыря,—
«Съ того я веду въ шубки соболиныя.»
Настасья королевична
Провела она Михайлу Пóтыка сына Иванова
Во покои во особыи.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Сутки прожилъ, другіе прожилъ,
Другіе прожилъ, третьй прожилъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
— Былй бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Былò бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Былй бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Сгóворитъ Настасья королевична:
«Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Проживи-тко ты три мѣсяца,
«Заживи-тко ты ранки кровавыи.»
Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Прожилъ онъ три мѣсяца,
Заживилъ онъ ранки-ты кровавыи,
И сгóворитъ да таково слово:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Былъ бы мнѣ бы конь да богатырскій бы,
— Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
— Была бы мнѣ да сабля вострая,
— Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
— Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
— Поѣхалъ бы я да обкольчужился,
— Убилъ бы я русскую красавицу,
— Марью лебедь бѣлую,
— Подóлянку да королевичну. —
Настасья королевична

---

*) т. е. испугалась.

Отпираетъ она окошечко
И крычитъ женскимъ голосомъ:
«Ай же ты мой батюшко король да политовскіи!
«Не могу больше жить во покояхъ во особыихъ!
«Былъ бы мнѣ конь да богатырскія,
«Были бы мнѣ латы да желѣзныи,
«Была бы мнѣ да сабля вострая,
«Было бы мнѣ копье да долгомѣрное,
«Были бы мнѣ штыки да молодецкіи,
«Поѣхала бы я да обкольчужилась
«Во чисто́ поле прогуливаться.»
Говоритъ коро́ль да политовскіи:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Возьми-тко ты уздицю тесмяную
— Да по́ди на конюшню на стоялую,
— Тамъ возьми сѣделышко черкаское,
— Ты уздай сѣдлай бурушка кавурушка,
— Подтягивай двѣнадцать ту́гихъ подпруговъ,
— Тринадцатый ради крѣпости;
— Возьми тамъ латы ты желѣзныи,
— Возьми тамъ саблю вострую,
— Возьми тамъ ты копье да долгомѣрное,
— Возьми тамъ ты штыки да молодецкіи. —
Взяла тутъ Настасья королевична
Уздицю тесмяную,
Приходитъ на конюшню на стоялую,
Взяла тамъ сѣделышко черкаское,
Уздала сѣдлала бурушка кавурушка,
Подтягивала двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Тринадцатый ради крѣпости.
Приводитъ ко крылечку ко дубовому,
Приходитъ во покои во особые,
Говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А убей-то русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну,
«Да й поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву,
«Да й примемъ съ тобой по злату вѣнцу...
«Ты примешь чару едино́й рукой,
«Ты выпьешь чару едины́мъ духомъ,
«Какъ быдто въ сонъ заснешь, —
«Выхватитъ она у тебя саблю вострую,
«Отсѣкетъ тебѣ буйну голову.»
Садился тутъ Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ на добра́ коня,
Поѣхалъ онъ да обкольчужился;
Пріѣзжаетъ къ королю да подъ окошечко,
Скрычалъ, сзычалъ зычнымъ голосомъ.
Земля да сколыбалася,
Всѣ теремы да пошатилися,
Съ церквей маковки да повалилися,
Всѣ въ городѣ да ужахнулися:
«Еще что это за уродище?»
Сго́воритъ русская красавица.
Ма́рья лебедь бѣлая,
Подо́лянка да королевична:
— Ай же ты король да политовскіи!
— Есть это Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.—
Налила ему чару зелена вина,
Зелена вина забуду́щаго,
Выходитъ на крылечко
И говоритъ таково слово:
— Ай же ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты при́ми чару едино́й рукой
— Да выпей едины́мъ духомъ.
— Некому съ нами теперь супротивиться;
— Поѣдемъ мы ко городу ко Кіеву. —
И Настасья королевична
Отпираетъ свое окошечко,
Крычитъ, зычитъ женскимъ голосомъ:
«Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не прими ты чару едино́й рукой
«Да не выпей чару единымъ духомъ,
«А убей ты русскую красавицю,
«Марью лебедь бѣлую,
«Подо́лянку да королевичну.
«Поѣдемъ съ тобой ко городу ко Кіеву
«Да примемъ съ тобой по злату вѣнцу.»
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ
Запесъ саблю вострую
Да убилъ тутъ русскую красавицю,
Марью лебедь бѣлую,
Подо́лянку да королевичну.
И пошолъ онъ во покои во особые
Къ королю да къ политовскому;
Онъ хотѣлъ убить короля да политовскаго;
А выходитъ-то Настасья королевична,
Захватила Михайлу По́тыка сына Иванова
И начала она его да уговаривать:
«Ай же ты Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«А не убей-ко ты моего батюшка,
«А поѣдемъ мы съ тобой ко городу ко Кіеву,
«Примемъ съ тобою по злату вѣнцу.»
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Они приняли по злату вѣнцу,
Съ Настасьей королевичной
Михайла По́тыкъ сынъ Ивановичъ.
Состроилъ онъ церковь-ту Миколину
Своему ангелу, Михаилу архангелу.

Старину свою синему морю на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Тамбацѣ, 10 іюля.

—

41.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Сподъ той ли сподъ березы кудреватыя,
Сподъ того ли сподъ креста Леванидова
Выходило четыре тура̀ да златорогінхъ,
Шли эты туры̀ да мимо Кіёвъ славный градъ,
Видѣли надъ Кіевомъ чудны̀мъ чудно̀,
Видѣли надъ Кіевомъ дивны̀мъ дивно̀:
А по той ли стѣны по городовыи
Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
А читаётъ святу книгу евангельё,
А не столько читаё, вдвоемъ она̀ плачётъ.
Стрѣтилась тури̇ца ихна матушка:
— Здравствуйте туры̀ да малы дѣтушки! —
«Здравствуёшь турица наша матушка!
«Шли ми туры̀ да мимо Кіевъ славной градъ,
«Видѣли надъ Кіевомъ чудны̀мъ чудно̀,
«Видѣли надъ Кіевомъ дивны̀мъ дивно̀:
«А по той ли стѣны по городовыи
«Шла ли-то душа да красна дѣвушка,
«А читаё святу книгу евангельё,
«А не столько читаё, вдвоемъ она̀ плачётъ.»
Говоритъ турица ихна матушка:
— Глупыи туры̀ да малы дѣтушки,
— Не бывали вы туры да на святой Руси,
— Не видали вы туры да свѣту бѣлаго!
— А тутъ плакала не душа красна дѣвушка,
— А тутъ плакала стѣна да городо̀вая.
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ несчастьицо,
— Она вѣдаётъ надъ Кіевомъ великое.
— А сподъ той ли сторонушки съ восточныи
— Наѣзжаетъ-то Батыга сынъ Батыговичъ
— Съ затемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
— А со тымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ. —
А роздернули они да широки бѣлы̀ шатры;
У Батыги силы сорокъ тысячей,
А й у Батыгина сына сорокъ тысячей,
А й у зятя Тараканчика Карабликова
Силы сорокъ тысячей,
У того ли дьячка да у выдумщичка
Силы сорокъ тысячей.
А не случилоси во Кіеви бога̀тырей:
А старо̀й казакъ да Илья Муромецъ
Онъ былъ въ богомольной стороны;
А случилоси во Кіеви голь кабацкая.
А Василей сынъ Игнатьевичъ.
Направляётъ онъ стрѣлочку калёную,
Онъ стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,
А убилъ-то вѣдь сына Батыгина,
А убилъ-то вѣдь зятя Тараканчика Карабликова,
А убилъ-то вѣдь того ли дьячка да выдумщичка.
А приходитъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай Батыга, опохмѣли мою буйную головушку!
«Еще знаю во Кіеви воротця незаперты,
«А не заперты воротця незаложеныи.»
Наливали ему чару зелена̀ вина,
Наливали ему дру̀гу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино̀ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ едино̀ю рукой,
Выпиваетъ единымъ духомъ.
Говорилъ-то тутъ Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай же ты Батыга, дай-ко силы сорокъ тысячей.»
Далъ ему силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ Василей сынъ Игнатьевичъ на чисто̀ на полё,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
Началъ онъ той силушки порубливатй,
Онъ прибилъ, прирубилъ до едйной головы̀.
А приходитъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Ай-ка ты Батыга, опохмѣль-ко мою буйную головушку.»
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему дру̀гу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго,
А сливали эти чары въ едино̀ мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принимаетъ-то Василей едино̀й рукой,
Выпиваетъ-то Василей едины̀мъ духомъ.
Говоритъ Василей таково слово:
«Еще знаю во Кіеви воротця незаперты,
«А незаперты воротця незаложеныи.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.»
Далъ ему Батыга силы сорокъ тысячей.
Выѣзжаетъ-то Василей на чисто̀ на полё,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
Сталъ онъ вѣдь силушку пору̀бливатй,
Онъ прибилъ, прирубилъ до едйной головы̀.

Приходитъ-то Василей сынъ Игнатьевичъ:
«Опохмѣль-ко, Батыга, буйну голову.»
Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
А сливали эти чары въ единó мѣсто;
Мѣрой эта чара полтора ведра,
Вѣсомъ эта чара полтора пуда.
Принимаетъ-то Василей единóю рукой,
Выпиваетъ-то Василей единымъ духомъ,
Говоритъ-то Василей таково слово:
«Еще знаю я во Кіеви воротця незаперты,
«А незаперты воротця незаложеный.
«Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей.»
И далъ ёму силы сорокъ тысячей.
А поѣхалъ Василей на чистó на полё,
Сталъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
Сталъ онъ той силушки порубливатй,
Онъ прибилъ прирубилъ до единой головы.
А богатырскоё сердце розгорѣлоси,
Богатырская рука да размахаласи,
Пріѣзжаетъ-то Василей къ Батыгѣ вѣдь,
Началъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
Началъ онъ той силушки порубливатй,
Онъ прибилъ, прирубилъ до единой головы.
А поѣхалъ-то Василей въ славный Кіевъ въ славный градъ.
А старину споемъ синему морю на тишину,
Вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

—

42.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника да королевскіихъ
Пріѣзжали къ дядюшкѣ,
Чолпанъ король литовскому:
— Дядюшко Чолпанъ король литовскій!
— Мы хочемъ ѣхать на святую Русь
— Къ Роману Митріевичу на почестный пиръ.—
И говоритъ имъ дядюшка Чолпанъ король литовскій:
«Ай же вы два Ливика да литовскіихъ,
«Два племянника королевскіихъ!
«Ахъ кто не ѣзживалъ на святую Русь,
«А счастливъ со Россіи не выѣзживалъ.
«Поѣзжайте-тко во чистó поле:
«Во чистóмъ поли есть вѣдь пóгребы тамъ глубокіи
«А насыпаны они золотомъ,—
«Будетъ вамъ да будетъ вашимъ дѣтямъ вѣдь.»
Оны съѣздили да во чистó полё,
Оны взяли это золото,
Пріѣзжали къ дядюшкѣ Чолпанъ король литовскому
И говорятъ да таково слово:
— Ай же ты дядюшка король Чолпанъ, король литовскій!
— А мы хочемъ ѣхать на святую Русь,
— А на святую Русь да въ каменну Москву.—
Оны здумали да й поѣхали.
Наѣзжали въ Росй они перво́ село,
Великó село да ровно три церквы;
Они ѣли пили да й пограбили,
Великó село да óгню придали.
Наѣзжали въ Росй они другó село,
Велико село да вѣдь шесть церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,
Великó село да óгню придали.
Наѣзжали въ Росй они третьё село,
Великó село да девять церквей;
Они ѣли пили да й пограбили,
Великó село да óгню придали.
Перепала тутъ вѣсточка нерадостна
Грозному царю Иванъ Васильевичу:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Ты ѣшь да пьешь да прокладаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«Наѣзжало вѣдь два Ливика литовскіихъ,
«Два племянника да королевскіихъ,
«Наѣзжали въ Росй перво́ село,
«Великó село да ровно три церквы;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село да óгню придали.
«Наѣзжали въ Росй они другó село,
«Велико село да вѣдь шесть церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село óгню придали.
«Наѣзжали въ Росй они третьё село,
«Велико село да девять церквей;
«Они ѣли пили да й пограбили,
«Велико село óгню придали.
«Увезли они Настасью Митріевну
«А съ трехмѣсячнымъ младенчикомъ.»
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Онъ бралъ себи силушки по надобью,
Онъ бралъ силушки три дружинушки;
Пошли оны къ рѣки да къ Смородины;

Онъ сдѣлалъ тутъ да три жéребья.
Первый жеребей бросилъ нá воду,
А тотъ жеребей да вѣдь кó дну шолъ:
«А этоёй дружинушкѣ убитой быть.»
Онъ сдѣлалъ дрýгой жéребей,
Онъ вѣдь бросилъ éго нá воду,
А пошолъ тотъ жеребей въ повóдь воды:
«А эта дружинушка въ полонъ будетъ взята.»
Сдѣлалъ трéтей жéребей,
Онъ бросилъ его вѣдь нá воду,
Пошолъ жеребей вѣдь встрѣтъ воды:
«Этая дружинушка со мной будетъ.»
И пошли они да во чистó поле.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же вы дружинушка хоробрая!
«Я какъ первой разъ закрычу чорнымъ ворономъ,
«Вы ѣшьте пейте да вѣдь кушайте;
«Втóрой разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы быдьте при всёй при орудіи;
«А третій разъ закрычу я чорнымъ ворономъ,
«А вы, дружинушка хоробрая,
«Вы при мни быдьте.»
И пошолъ тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Онъ зашолъ въ ложню въ оружейную,
А замочики отъ оружьицевъ онъ порóзвертѣлъ,
По чистý полю да вѣдь порóзбросалъ,
Отъ тугихъ луковъ тетивочки всѣ поóтщипалъ,
По чистý полю всѣ порóзбросалъ;
Зашолъ онъ въ стойло лошадиное,
А головушки у лошадушокъ онъ поóтрубилъ,
По чистý полю-то всѣ порóзбросалъ.
Обернулся онъ да горносталечкомъ
И началъ по бѣлý шатру онъ побѣгивать,
А вѣдь бѣлъ шатеръ сталъ продрагивать.
А говорилъ-тó тутъ младенчикъ таково слово:
«А не нашъ ли то дядюшка побѣгиваетъ,
«Что бѣлъ шатеръ да продрагиваетъ?»
Этые да два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ
Пріокрыли шубой соболиною.
Выскочилъ горносталечекъ во шубнóй рукавъ,
Обернулся онъ да чорнымъ вороном.
Онъ вѣдь сѣлъ да на сырой дубъ,
Закрычалъ онъ чорнымъ вороном;
А хоробрая да дружинушка
Оны ѣли пили да вѣдь кушали.
Гóворятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«Не крычи-тко черной воронъ на сырóмъ дубу!
«Мы скоро тебя да позáстрѣлимъ.»
А бѣжали въ ложню въ оружейную, —
А замочики да порозверчены
По чистý полю да порозбросаны.
А втóрой разъ закрычалъ чорный воронъ на сырóмъ дубу;
Вся хоробрая дружинушка обкольчужилась.
Говорятъ-то два Ливика да литовскіихъ,
Два племянника королевскіихъ:
«А не крычи-тко чорный воронъ на сырóмъ дубу!
«А мы скорó тебя да й позáстрѣлимъ.»
А хватились они да за тугй луки,—
А тетивочки пріотщипаны,
По чистý полю да порозбросаны.
Закрычалъ-то третей разъ чернóй воронъ;
А бѣжали они въ стóйлу лошадиную,—
А у лошадушекъ головушки поотрублены,
По чистý полю да порозбросаны.
Поскакала тутъ дружинушка хоробрая,
Они взяли этихъ двухъ Ливиковъ литовскіихъ,
Двухъ племянниковъ королевскіихъ,
Они взяли, руки ноги имъ повыломали,
Посадили ихъ да на лошадушки
А отправили ихъ въ землю-ту литовскую,
Къ дядюшкѣ Чолпанъ-король литовскому.
И такую оны дали заповѣдь:
«Не дай Богъ да не дай Господи
«А бывать больше на святой Руси,
«Намъ да нашимъ дѣтямъ, нашимъ внучатамъ!»

Записано тамъ же, 10 іюля.

—

XI.

ТИМОФЕЙ АНТОНОВЪ.

Тимофей Антоновъ изъ Типеницы, крестьянинъ 35-ти лѣтъ, земледѣлецъ и деревенскій сапожникъ. Его мать, умершая четыре года тому назадъ, была великая мастерица пѣть былины и знала ихъ очень много. Антоновъ сохранилъ въ памяти только двѣ изъ тѣхъ, которыя она пѣвала.

—

43.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Говаривалъ Добрынюшка матушки,
Говаривалъ да самъ наказывалъ:
«Свѣтъ ли государь да моя матушка,
«И честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня молодца безсчастнаго ро́дила?
«И ужъ какъ ты бы ме́ня ныньку ро́дила
«И во синё бы море бѣлымъ камешкомъ бросила,
«И лежалъ бы я Добрыня бѣлымъ камешкомъ
«И не ѣздилъ бы въ поле поляковать
«И не билъ бы удалыхъ добрыхъ молодцевъ
«И не слезилъ бы Добрыня отцевъ ма́терей.
«И ужъ какъ нонечку, матушка, таперечку,
«Дай же ты мнѣ-ка прощеньице,
«И прощенье дай да и благословленьице
«Мнѣ-ка ѣхать въ да́лече дале́че во чисто́ поле.
«И ужъ ты дашь прощенье, и поѣду я,
«А й не дашь прощенье, да й поѣду я.»
И заходилъ-то ёнъ въ конюшню бѣлоду́бову
И бралъ себи коня не сѣдлана,
А й не сѣдлана бралъ да не ѣзжана,
И ужъ ёнъ уздицю-ту надѣвалъ тесмяную,
И сѣделышко по́лагалъ черкальское,
Подпруги клалъ да изъ семи шелковъ,
И не ради красы да молодецкоей,
Ради крѣпости да богатырскоёй.
И ужъ какъ шелкъ-тотъ не́ рвется, булатъ не́ гнется,
Красно золото не ржавѣетъ.
И выходитъ мо́лоды *(такъ)* Настасья да Микулична,
Она спрашиватъ у Добрыни у Микитича:
— Ай же ты Добрынюшка Никитинъ сынъ!
— И ужъ ты какъ же ныньки мнѣ волю дашь:
— А й вдовой ли жить, аль заму́жъ пойти? —
«Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична,
«Ужъ какъ мужъ-то въ лѣсъ, а жена замужъ!
«Ужъ ты пожди-тко Добрыню перво шесть годовъ,—
«Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
«И пожди-тко Добрыню вто́ро шесть годовъ;
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,—
«И ужъ такъ-то теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ иди.
«Хоть ты поди нонь за князя, за боярина,
«Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
«И только не́ ходи нонь за Олешу за Поповича
«И за бабьяго да пересмѣшника.»
И ужъ какъ видли Добрыню нонь сядуци,
Ужъ не видли Добрынюшки поѣдуци.
Только въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли
Поднималася погода непомѣрная
А й отъ ископоти да лошадиноей.
И ужъ какъ ждала Настасья перво шесть годовъ,
Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылаетъ ныньку свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
—И ужъ я ждала Добрынюшку перво шесть годовъ,
—Перво шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
—Ужъ я прожду Добрыню вто́ро шесть годовъ.—
И ужъ какъ ждала Настасья вто́ро шесть годовъ,
Второ шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ,
И ужъ какъ тую пору да въ тое времечко
Честна̀ вдова Офимья Олександровна
Она пошла ко честно́й обѣдни ко заутреной.
Въ тую пору да въ то времечко,
Идетъ съ да́леча дале́ча со чиста́ поля
Три калики перехожіихъ.
И ужъ какъ гунья-ты на нихъ да сорочинскіи,
По́дсумки да рыта бархату
И лапо́тики на ножкахъ и семи шелковъ
И въ носу вплетено по камешку по яфанту.
Они въ день идутъ по красному по солнышку,
Они въ ночь идутъ по камешку по яфанту.
Перва калика перехожая
Она спрашивала пути ши́рокой дороженки
И въ да́лече въ дале́че во чисто́ поле.
И ужъ какъ дру́га-та калика перехожая
Ена проситъ милостинки да подъ окошечкомъ.
Третья-та калика перехожая
Ена безъ-просѝ *(такъ)* зашла да на вдовиный дворъ,
И ужъ крест-отъ кладетъ да по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ да по ученому
И что на вси на четыре нонь на стороны,
И ужъ какъ молодо̀й Настасьѣ нонь въ особину.
И ужъ молода Настасья да Микулична
Она съ лавочки не стала и поклону-то не во́здала.
И спрого́воритъ калика перехожая:
— А й упито было-то, уѣдено,
— И въ краснѝ-то было похожено,
— На добрыхъ коняхъ было поѣзжено!
— И ужъ какъ нонечку было топеречку
— Съ лавочки не станутъ, намъ поклону-то не во́здаютъ. —
И поворотъ держитъ калика перехожая
И во да́лече въ дале́че во чисто поле.
И приходитъ богода́ная ёйна матушка
И честна̀ вдова Офимья Олександровна
И отъ честно̀й отъ обѣдни отъ заутреной.

Какъ разсказыватъ мо́лоды Настасья да Микулична:
«Ай же богодана моя матушка,
«Ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Ужъ ты была у честной обѣдни у заутреной,
«Во тую-то пору да въ тое времечко
«Приходило со да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,
«Приходило три калѣки перехожіихъ,
«И ужъ какъ гунья-то на нихъ да сорочинскія,
«По́дсумки да рыта бархоту
«И лапотики на ножкахъ и семи шелковъ,
«Въ носу вплетено по камешку по яфанту.
«Ены въ день идутъ по красному по солнышку,
«Ены въ ночь идутъ по камешку по яфанту.»
И спрого́воритъ честна вдова да Олександровна:
— Ужъ ты мо́лоды Настасья да Микулична!
— Не калики-то были перехожіи,
— И ужъ какъ русскихъ могучихъ три бога́тыря:
— Первый бога́тырь Илья Муромецъ,
— И другой бога́тырь По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
— И ужъ какъ третій-то бога́тырь Добрынюшка Микитинъ сынъ.—
И ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
И ужъ ёнъ свата посылалъ ныньку свататься,
И княгиню Опраксію свахою.
А й отказыватъ Настасья всихъ сватовей:
«Ужъ я ждала Добрыню перво шесть годовъ,
«Ужъ я ждала Добрыню вто́ро шесть годовъ,
«Вто́ро шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
«Я пожду-то Добрыню третье шесть годовъ;
«Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ, —
«То что мнѣ-ка буде воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.»
И ужъ какъ тутъ Настасья Микулична
Ждала Добрыню третье шесть годовъ,
Третье шесть годовъ назадъ да повороту нѣтъ.
Ужъ какъ солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Свата посылалъ какъ онъ свататься,
Княгиню Опраксію свахою.
Тутъ-то вѣдь Настасья Микулична
Она спрашиватъ у своей богоданой у матушки:
— Ай же богодана моя матушка,
— Ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Какъ же мнѣ-ка ныньку волю дашь:
— Аль вдовою жить, аль замужъ пойти? —
Какъ говоритъ она да таковы слова:
«Ай же ты мо́лоды Настасья да Микулична!
«И топерь теби да воля вольная,
«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.»
И ужъ какъ тутъ Настасьюшка замужъ пошла
За этого Олешу за Поповича,
И за бабьяго да пересмѣшника.
И ужъ какъ тутъ у солнышка нынь пиръ пошолъ,
Прибѣгала со да́леча съ дале́ча со чиста́ поля,
Прибѣгала скора скоморошина
Ко честно́й вдовы Офимьи Олександровной,
Говоритъ она да таковы слова:
— И ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Ужъ ты дай-то мнѣ Добрынинъ гусёлышокъ,
— И поиграть у солнышка у князя на пиру́ вѣдь все. —
Прибѣгала скоро скоморошина
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты князь да стольнё-кіевской!
— Дай же ныньку мнѣ-ка мѣстьце сѣсть,
— Поиграть-то мнѣ въ Добрынины гуселышка.—
Говоритъ солнышко князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты скора скоморошина!
«Ужъ какъ мѣстьця-ты вси да призаняты,
«Столько мѣстьця что на печки на муравленой.»
И ужъ какъ скочитъ скора скоморошина
На эту на печку на муравлену,
Сталъ играть въ Добрынины гусёлышка;
Ужъ ёнъ также играетъ что Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Онъ съ Кѣева игралъ все до Нова́града,
А й съ Нова́града игралъ да все до Кіева.
И ужъ какъ солнышку игра та прилюбилася,
Налилъ ёму чару пива пьянаго,
Другу-ту налилъ зелена́ вина,
Зелена вина налилъ полтора ведра,
И подноситъ скорой скоморошинѣ:
«И ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей-ко чару единымъ духомъ.»
Ужъ какъ бралъ онъ чару едино́й рукой,
Выпилъ чару единымъ духомъ.
Третью-то налилъ меду сладкаго,
Подноситъ скорой скоморошинѣ:
«Ты бери-тко чару едино́й рукой,
«Выпей чару единымъ духомъ.»
И говоритъ-то скора скоморошина:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— И кому знаю, эту чару по́днесу. —
И подноситъ чару нонь мо́лоды Настасьи да Микуличной:
— Мо́лоды Настасья да Микулична!
— Бери-тко чару едино́й рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ.

—Ужъ ты пьешь до дна — увидишь добра,
—А й не пьешь до дна—да не видать добра.—
Брала она чару единой рукой,
Пила чару единымъ духомъ;
Тамъ на дни лежитъ перстень обрученыи,
Съ которымъ съ Добрыней обручаласи.
И ужъ какъ тутъ-то Настасья пріужахнулась,
Говоритъ она да таковы слова:
«Какъ не тотъ мой мужъ, кой возлѣ меня,
«А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня.»
И ужъ какъ брала его за руки за бѣлыи
Да за него за перстни за злаченыи,
И цѣловала во уста-то во сахарніи.
И ужъ какъ тутъ-то нынь Добрынюшка Микитинъ сынъ
Говоритъ-то онъ да таковы слова:
—Не дивую я да глупой женщины,
—Дивую я солнышку князю стольнё-кіевску,
—Отъ жива мужа жону отводитъ.—
И ужъ какъ бралъ-то онъ Олешу за желты кудри,
Бросилъ Олешу на кирпичень мостъ,
Только-то Олешенька и женатъ бывалъ.

Записано въ Типеницѣ, 10 іюля.

—

44.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Жилъ да былъ Буславъ да девяносто лѣтъ,
Девяносто лѣтъ да цѣлу тысящу,
И за тымъ Буславъ да переставился.
Оставлялоси да чадо милое,
А й милоё дитя да что любимоё,
Еще молодой Василій да Буславьевичъ.
И онъ сталъ на улицу похаживать,
Съ малыма ребятками побалывать,
Не хороши у него да пошли шуточки:
И кого ёнъ возьмётъ за руку,—
У того руки да быдто не было,
И кого ёнъ возьмётъ за ногу,—
У того ноги да быдто не было.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честной вдовы Намельфы Тимофеевны,
И творятъ на него жалобу великую:
«Честна вдова Намельфа Тимофеевна!
«Уйми-тко свое да чадо милое,
«А и милоё дитя да что любимоё,
«Молода Василья да Буславьева.
«Не наполнить намъ будетъ малыхъ дѣтушекъ!»
— Я теперь тебя матушка послушаю. —
Сталъ онъ стрѣлочекъ подѣлывать,
Сталъ на стрѣлочкахъ подпись-ту подписывать:
Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
На широкой дворъ да на почестенъ пиръ.
И пошли мужики да новгородчана,
Пошли старыи да идутъ малыи,
А еще къ ему да идутъ древніе.
Спрогоборитъ Василій да Буславьевичъ:
«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ.»
И пошли мужики да новгородчана,
Идутъ старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрогоборитъ Василій да Буславьевичъ:
«Кому хочется да сыто ѣсть и пить,
«Тотъ ступай къ Василью на широкой дворъ,
«На широкой дворъ да на почестенъ пиръ.»
И пошли мужики да новгородчана,
И пошли старыи да идутъ малыи,
Еще къ ему да идутъ древніе.
Испрогоборитъ Василій да Буславьевичъ:
«Не наполнить буде пива пьянаго,
«Не насытить буде меду сладкаго.»
Испрогоборитъ Василій да Буславьевичъ:
«Кто истерпитъ мой черленый вязъ,
«Тотъ выпьетъ чару зелена вина,
«Поклонъ поставитъ да й во дворъ пойдетъ.»
Еще какъ большій тулится на середняго,
Середній-то тулится да на меньшаго,
Отъ меньшаго брата отвѣта нѣтъ.
Пошли мужики да новгородчана,
И говорятъ оны да таковы слова:
— И не упито-то было да не уѣдено,
— И въ красній-то хорошо не было хожено,
— На добрыхъ коняхъ не было ѣзжено,
— Безвѣчья на вѣкъ призалізано *). —
И ужъ тутъ какъ нынь Василій да Буславьевичъ
Доньяна да ёнъ вѣдь напивается,
Испохмѣльица да зашолъ въ маленьку,
Въ маленьку зашолъ да во челядинку,
Испохмѣльица да плотно спать заснулъ.
И провѣдала его да родна матушка,
И заворочала дубьемъ да колодьямъ нонь,

*) т. е. найдено, получено, отъ глагола *лѣзть*, *залѣзать*.

Чтобы не можно вытти на святую Русь.
Идетъ дѣвушка, идетъ служаночка,
На Дунай рѣку идетъ по́ воду,
И сама Василью нынько го́воритъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Долго спишь ты, вѣдь не пробудишься,
«И твоё братьё, дружина все хоробрая,
«Въ да́лечи дале́чи во чисто́мъ поли,
«А и бьются нонь они да ратятся,
«Главы кушакамы перевязаны,
«И ужо оны да во руды́ ходятъ.»
Спрого́воритъ Василій да Буславьевичъ:
— Ай же ты дѣвушка, ай же ты служаночка!
— И сослужи-тко мнѣ службу не великую,
— И сроботай-ко роботу не тяжелую,
— И отворочай-ко все дубьё да молодья нонь
— И повыпусти Василья на святую Русь. —
Послушала его вѣдь дѣвушка,
Послушала его служаночка,
Отворочала все дубья да колодья нонь
И повыпуститъ Василія на святую Русь.
И ужъ какъ на́скори попала тутъ телѣжна ось,
Взялъ онъ осью той да помахивать,
Взялъ онъ мужиковъ да поколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли-то мужики да новгородчана
Пошли къ старци́щу, пошли къ Ондро́нищу
И къ его оци́щу *) таки крестному:
«Ай же ты старчище, ай же Ондронище!
«И уйми-тко чадо милое, дитё любимое,
«Еще мо́лода Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена.»
И пошолъ старци́ще, пошолъ Ондро́нище,
И на главы-то несе колоколъ,
Языкомъ подпирается.
Что Василій здогодается:
— Ай же ты старци́ще, ай же ты Ондронище,
— Да мое оцищё таки крестное!
— Не дано яицко ти христовское,
— Вотъ теби яичко нонь петровское,
— И ужь ты взглянь-ко на́ небо,
— Что на́ неби-то дѣется. —
И взглянулъ старчи́ще, взглянулъ Ондронище,
И у́перъ старчища да подъ ясны́ очи,
И у́палъ старчище да о сыру землю.
Только старцищё да вѣдь ёнъ живъ бывалъ.
Ужъ какъ тутъ-то нонь Василій да Буславьевичъ,
Ужъ какъ сталъ онъ осью-то помахивать,
Сталъ мужиковъ доколачивать,
И ужо мужиковъ да мало ставится.
Пошли мужики да новгородчана
Къ честно́й вдовы да къ Тимофеевной,
И говорятъ оны да таковы слова:
«И честна́ вдова да ты Намельфа Тимофеевна!
«И уйми-тко свое чадо милое,
«А и милоё дитё любимое,
«И что мо́лода ль Василья да Буславьева,
«И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена.»
И ужъ какъ тутъ честна́ вдова да Тимофеевна
И садилась ёна да на добра́ коня
И поѣхала во да́лече въ дале́че во чисто́ поле,
А еще къ нему сзади́ да призаѣхала
И захватила ёго за руки за бѣлыи
И за него перстни что за злаченые,
И говоритъ она да таковы слова:
— Ай же ты да мое дитятко,
— И ужъ ты мо́лодой Василій да Буславьевичъ!
— Теби полно во поли нонь поляковать,
— И оставь-ко мужиковъ хоть и на сѣмена. —
И говоритъ-то нонь Василій да Буславьевичъ:
«Ай же ты да моя матушка!
«Кабы ты ко мнѣ да спереди́ зашла,
«Я теперь бы тебѣ живой да не́ спустилъ,
«И росходилось мое сердце бога́тырское.
«Я теперь тебе матушка послушаю. —
«Ай же вы дружьё братьё хороброе,
«Садитесь-ко на на́сады черленые,
«Поѣдемте по славному веряжскому!»
И поѣхали по славному по веряжскому,
Заѣхали на гору сорочинскую,
И ничего-то на горы они да не́ нашли;
Столько лежитъ-то на горы да кость суха глава,
Кость суха глава да человѣчецка.
И ужъ какъ сталъ Василей кости-то попинывать,
И суху главу да поталыхивать *(такъ)*:
— Ты провѣщись-ко да кость суха глава,
— Кость суха глава да человѣчецкіимъ голосомъ,
— Али ты кость да е мошенницка,
— Али ты кость да подорожницка,
— Али ты кость да е татарская,
— Али ты кость да е крестьянская? —
И провѣщилась да кость суха глава
И человѣчецкіимъ голосомъ:
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ты меня кости не попинывай,
«И сухой главы не поталыхивай.
«Я вѣдь кость-то не мошенницка,
«Я вѣдь кость не подорожницка,
«Я вѣдь кость-то не татарская,

*) Отъ слова *отецъ*.

«Я вѣдь кость была крестьянская.
«Ай же ты Василій да Буславьевичъ!
«Ужъ какъ тутъ же будешь ты кататися,
«Тутъ же будешь ты валятися.»
Ужъ какъ тутъ Василью стосковалоси:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И пойдемте по горы по сорочинскія. —
И пошли-то по горы по сорочинскія
И ничего-то на горы они да не́ нашли;
Есть только лежитъ на горы бѣлый камешокъ,
И на камешкѣ подпись-то подписана:
И кто заѣде на гору на сорочинскую,
И скочитъ-то вдоль да бѣла камешка.
И въ долину-то камень сорока саженъ,
А въ ширину-то камень тридцати саженъ.
И ужъ тутъ-то какъ Василью призахва́стнулось:
— Ай же вы дружьё братьё хороброе!
— И скочите впоперекъ-то бѣла камешка,
— И ужъ какъ я удалый добрый молодецъ
— Скочу-то я вдоль бѣла камешка. —
И самъ заве́лъ скочить, но не до́скочилъ,
И ужъ какъ тутъ-то нонь Василью смерть случилося.
И метали они сходни-ты дубовыи,
И ужъ какъ ставили кресты животворящіи.
Спасетъ-то Богъ теби на ти́шины,
И вамъ-то добрымъ людямъ на послушанье.

Записано тамъ же, 10 іюля.

II.

ПУДОГА.

ПУДОГА.

XII.

НИКИФОРЪ ПРОХОРОВЪ.

Никифоръ Прохоровъ, крестьянинъ дер. Буракова Купецкой волости, 51 года, плотный, средняго роста мужчина, русый, съ маленькой бородкой; живетъ земледѣльческимъ трудомъ. Перенялъ всѣ былины, какія знаетъ, отъ своего отца, умершаго 80-лѣтнимъ старикомъ болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Онъ разсказывалъ, что отецъ, будучи мальчикомъ, былъ нанятъ въ пастухи къ какому-то барину, далеко отъ дому, но гдѣ именно, этого Никифоръ не помнитъ. Мальчишка-пастухъ понравился барину игрою въ рожокъ, и баринъ часто звалъ его къ себѣ въ домъ, держалъ въ комнатѣ, гдѣ сидѣлъ, и заставлялъ по временамъ играть на пастушьемъ рожкѣ, награждая за то пряниками; тѣмъ временемъ у барина сиживалъ какой-то старикъ и сказывалъ ему былины. Тутъ-то мальчикъ-пастухъ, прислушивался къ пѣнію старика, перенялъ отъ него многія изъ былинъ, которыми тотъ услаждалъ барина; когда и не было барина, онъ часто приставалъ къ этому старику, чтобы ему спѣлъ что нибудь. Таковъ, по словамъ Прохорова, единственный источникъ его былинъ; ни отъ кого другаго, кромѣ отца, онъ ихъ не заимствовалъ. Прохоровъ поетъ очень хорошо и плавно, такъ что нестрогое соблюденіе имъ размѣра дѣлается для слушателя почти незамѣтнымъ. Впрочемъ, не смотря на неточность размѣра, онъ хорошо сохраняетъ различіе по напѣву между былинами, сложенными хореическимъ стихомъ, и тѣми, въ которыхъ стихъ дактилическій (какъ напр. № 53). Никифоръ Прохоровъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, который записывалъ ихъ съ его словъ въ продолженіе цѣлаго вечера, а на слѣдующій день, уѣзжая, поручилъ записать остальныя мѣстному исправнику; послѣдній, по словамъ Прохорова, передалъ эту работу своему писарю. Одну изъ былинъ, которыя онъ пѣлъ г. Рыбникову, именно про царя Волшана и Ваньку Удовкина (Рыбн. т. I, 76), онъ въ настоящее время уже позабылъ; также не могъ припомнить ничего про Садка, о которомъ при г. Рыбниковѣ зналъ еще отрывокъ (тамъ же, 62).

45.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(См. Рыбникова, т. I, 4).

Народился Микулушка Селягиновичъ,
А тотъ этотъ Вольга да е Всеславьевичъ.
А рыбы ты ушли да въ глубокѝ станы,
А птицы улетѣли во темны́и лѣса̀,
А звѣри-то ушли за круты́и горы́.
Да тутъ этотъ Микулушка Селягиновичъ,

А тутъ Вольга̀ да Всеславьевичъ,
Повязали оны неводы шелко́вы,
А ту эту рыбушку пови́ловили.
А поладили петелки шелковы,
А ту эту птичушку пови́давили.
А поладили оружьица цильніи,
А этыхъ звѣрьёвъ да пови́стрѣляли.
Да какъ тутъ-то еще да вѣдь что́ было,
Въ поли ратай оре́тъ, сошка наскрыпливаетъ.
Какъ тутъ этотъ Микулушка Селя́гиновичъ
Онъ день-отъ ѣдетъ да другой еще,
А на третій день онъ доѣхалъ тутъ.
А нашолъ онъ тутъ въ поли да вѣдь ратая:
«А Богъ-ти помочь ратай здѣ.»
— А ты этыс Вольга̀ Всеславьевичъ,
— А пожалуй-ко Микулушка Селя́гиновичъ! —
Ино тутъ дубья да колодья въ борозду валитъ.
— Ай же ты Вольга̀ да е Всеславьевичъ *). —
А тутъ-то оны да согласилися,
А тутъ-то оны да думу думали
А ѣхать тутъ оны во Куржовецъ,
А ѣхать молодцамъ да во Орѣховецъ
А со своей со силушкой великою.
А набъ-то **) Вольгѝ да сошка о́брядить.
А подхватилъ-то своимъ чоботомъ сафьяннымъ
А тую-то сошку да ратную,
А улетѣла тая сошка по подоблачью,
А пала тая сошка на сыру́ землю,
А ушла тая сошка до рогача́ она
А во тую матушку во сыру землю.
Ино поѣхали они добры молодцы
А ко тому ко городу ко Куржову,
А ко Куржову городу къ Орѣхову.
Какъ тыи мужики были куржевски
А тыи мужики было орѣховски
А узнали ихъ-то ѣдучи,
Что ѣдутъ-то оны къ имъ во Куржовецъ,
А ѣдутъ оны къ имъ въ Орѣховецъ;
Подѣлали мосточики поддильніи,
Поддильніи мосточки все кали́новые,
Калиновы мосточки все фальшивые.
Да зашла эта силушка Никулушкина
А на эти мосточки на калиновы,
А подломились ты мосточки да калиновые,
А калиновы мосточики фальшивые,
А погинуло тутъ силушки да много той.
Какъ тутъ-то Микулушка Селя́гиновичъ,
А какъ тотъ это Вольга̀ Всеславьевичъ
А тутъ-то оны да розсердилися,
А тутъ-то оны да розгнѣвалися,
Да заѣхали молодцы да во Куржевецъ,
А заѣхали оны да во Орѣховецъ,
Нахлыстали мужиковъ оны куржевскихъ,
Нахлыстали мужиковъ оны орѣховскихъ,
А нахлыстали-то ихъ всихъ до́ люби:
Каково вамъ мужики да за дурачество!
Да поѣхали они тутъ со Куржовца,
Да поѣхали тутъ по чисту́ полю.
Да одва гонится Микулушка Селя́гиновичъ
А за этимъ Вольгой да Всеславьевичемъ.
Какъ говоритъ Микулушка Селя́гиновичъ:
«Обожди-тко меня да братъ названыи,
«А ты эты да Вольга̀ Всеславьевичъ.»
Обождалъ тутъ его Вольга̀ да Всеславьевичъ,
А сталъ Микулушка цѣны цѣнить,
А цѣны цѣнить кобылушки той:
«Да эта кобыла у тебя была со́ловая,
«Дать за эту кобылу нунь пятьсотъ рублей.
«А кабы этая кобылушка конёмъ была,
«Дать за этого коня цѣла тысяча.»
— Да ай же ты Микулушка Селя́гиновичъ!
— А не знать моей кобылушки цѣны ты цѣнить.
— Кабы этая кобылушка конёмъ-то была,
— Дакъ за этого коня цѣны не́ было бы.
— А нунь эта кобылушка кобы́лой стала̀,
— Дать за этую кобылу цѣла тысяча. —

Записано на Марнаволокѣ, 26 іюля.

*) Не смотря на всѣ указанія, что тутъ нескладица, Прохоровъ не могъ лучше припомнить это мѣсто, но говорилъ только, что самъ сознаетъ, что эта былина у него спуталась въ головѣ.

**) *Набъ* — надобно.

46.

ИЛЬЯ И СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 14).

Да на наше на село на прекрасное,
На стольнёй-отъ городъ на Кіевъ градъ
Наѣзжай молодой младо́й Соло́вниковъ,
А зъ-за того за славна за синя моря,
Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика:
«Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
«А дай-ко мнѣ-ка ты да поединщика.
«Какъ ежели какъ не даёшь какъ мнѣ,
«А я-то вѣдь вашъ стольній Кіевъ градъ

«Да я съ коньца его зажгу,
«Головнёй покачу.»
Какъ тутъ ужъ князь стольнё-кіевской
А шолъ-то онъ на выходы высокіи
А закрычалъ онъ князь во всю голову:
— Да ай же вы русійски всѣ могучіи богáтыри!
— А подите-тко на думушку великую
— А стольнёму-то князю къ Володимеру. —
Какъ услышалъ-то ужъ вѣдь этотъ крыкъ
А старыи казакъ Илья Муромецъ,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка справляется
А скоро старичокъ снаряжается.
А приходитъ Илья тутъ да Муромецъ,
Идетъ тутъ Илья онъ по новымъ сѣнямъ,
Какъ по тыи по гридни по столовыи,
Идетъ онъ старикъ, самъ шатается,
А ступеньки мостинки подгибаются.
Какъ приходитъ Илья тутъ Муромецъ,
Отворилъ онъ двери тутъ да нá пяту
А здравствуетъ онъ князя съ княгинею:
«А здравствуй-ко ты князь стольнё-кіевской
«А со своей княгинёй со Апраксіей!
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ли,
«А насъ русійскіихъ могучіихъ богáтырёвъ?»
Какъ онъ на то ему да отвѣтъ держитъ:
— Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
— Да какъ-то не крычать, не треложить мнѣ?
— Да на наше на село на прекрасное
— Да на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ,
— Не знаю я, какой то невѣжа есть,
— А наѣзжатъ зъ-за славна за синя мора
— Молодой младой сюды Солóвниковъ,
— Выпрашиватъ себѣ онъ поединщика,
— Какъ говоритъ-то ми онъ таково слово:
— «Да ай же ты да князь стольнё-кіевской!
— «Дай-ко мнѣ сюда ты поединщика.
— «Какъ ежели ты мнѣ не дáешь нунь,
— «А я вашъ стольнёй-то городъ-то Кіевъ градъ
— «Съ коньца его зажгу,
— «Головнёй его покачу.» —
Какъ это тутъ Илья да Муромецъ,
Какъ все это Ильюшка повыслушалъ,
Скочилъ онъ какъ Илья на рѣзвы ноги,
Ударилъ кулакомъ во дубовый столъ,
А розлетѣлся столъ на вси стороны:
«Да ай же ты князь стольнё-кіевской!
«Какъ я еще могу да служить-стоять
«За стольнёй-отъ городъ я за Кіевъ градъ.»
Какъ скоро тутъ еще Ильюшенка поворотъ держалъ,
Приходилъ Ильюшенка назадъ домой,
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добрá коня,
А добраго коня богатырскаго,
Клáдывае подпруги на подпруги,
А клáдывае потнички на потнички,
А клáдываетъ войлочки на войлочки,
Сѣдёлка кладывáетъ на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
А ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладывáе, самъ выговариваетъ:
«А не для-то вѣдь, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь мнѣ было угожества,
«А для укрѣпы мнѣ богатырскіи.»
Какъ видли-то вѣдь молодца тутъ сядучи,
Не видли какъ удáлаго поѣдучи,
Не знаютъ въ кою сторону поѣхалъ онъ.
Поѣхалъ тутъ Ильюша во чистó полё,
Какъ пріѣзжатъ Ильюша на Солóвника
Изъ далеча изъ чистá поля.
Какъ ударилъ онъ Солóвника въ голову
А палицой своёй богатырскою, —
Какъ сидитъ что ль Солóвниковъ, не стряхнется,
Какъ жолтыи кудёрка не сворóхнутся.
Отъѣхалъ тутъ Ильюшка, роздумался:
«А колько ни татаръ я на вѣку бивалъ,
«А съ одного вѣдь-то разу я все пóшибалъ,
«А этого вѣдь татарина не мóгъ сшибить,
«Какъ сидитъ онъ татаринъ, самъ не стряхнется,
«А жолтыи кудёрка не сворохнутся.»
Какъ приправливалъ Ильюшенка опять онъ добрá коня
А на того на млáда на Солóвника.
Какъ ударилъ онъ Соловника опять ёго въ голову
А палицой своёй богатырскою, —
А сидитъ что Соловниковъ, не стряхнется,
Жолтыи кудёрка не сворохнутся.
Какъ отъѣзжалъ Ильюша на чистó полё,
На чисто поле далечошенько,
Какъ самъ-то онъ Ильюшенка роздумался:
«Да это ужъ мнѣ ль не бѣда ль пришла,
«А не бѣда ль пришла, видно смерть пришла?»
Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
Рѣчистъ языкъ тутъ да мѣшается,
А мозги въ головы потрясаются,
А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
— Да ай же вы да слуги мои вѣрныи!
— А ѣдьте вы за славно за синё море
— А ко моей ко рóдныи ко матушки,
— А ко тыи ко матушки къ Натальюшки,
— А ѣдьте вы не съ радостнымъ извѣстьицомъ.
— Не знаю я, какой-то невѣжа есть,

— А наѣзжатъ изъ далеча ко мнѣ изъ чиста́ поля
— А бьетъ-то меня нунь въ буйну голову.
— А нуньчу у меня топерь у мо́лодца
— Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается,
— Мозги въ головы потрясаются,
— А со ясныхъ очей еще видъ теряется. —
Какъ тутъ ёго слуги-ты вѣрныи
Поѣхали туды оны съ извѣстьицомъ,
Какъ со тынмъ извѣстьицомъ нерадостнымъ.
Какъ тутъ старой тотъ казакъ Илья Муромецъ
Опять-то онъ приправливалъ добра́ коня
На того на мла́да на Соло́вника.
Какъ ударилъ онъ Соловника тутъ въ голову
Палицой своёй богатырскою,
А сидитъ-то что Соловниковъ, не стря́хнется,
Опять жолтыи кудерка не сворохнутся.
Какъ тутъ-то Илья онъ удержалъ коня,
Какъ говоритъ тутъ Илья таково слово:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Да полно е намъ да биться ратиться,
«А лучше мы еще, доброй молодецъ,
«Опустимся мы нунь со добры́хъ коней,
«Станемъ нунь биться рукопашкою.»
Какъ тутъ-то вѣдь спускалися оны съ добры́хъ коней
А на тую-то матушку сыру́ю землю,
Пошли-то оны биться рукопашкою.
Какъ тутъ-то розошлись, розбѣжалися, —
Ильюшенка да былъ онъ свыченъ-то,
А свыченъ-то Ильюшенка, догадливъ онъ, —
Какъ скоро обскочилъ на око́лъ ёго,
Ударилъ-то вѣдь въ суты́чъ да во шею-то,
Мо́лода ударилъ онъ Соло́вника.
Какъ сбилъ тутъ ёго да на сыру землю,
Какъ сѣлъ тутъ Ильюшенка Муромецъ,
А сѣлъ-то къ ёму на бѣлу́ю грудь,
А выдернулъ ножи́що самъ кинжа́лищо,
Занёсъ тутъ Ильюшенка праву́ руку
А на того на мла́да на Соло́вника, —
Тутъ рука въ плечи застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка вывѣдывать:
«Да ай же ты удалой доброй молодецъ!
«Ты скажи, скажи, не утай себя,
«Отца ли ты есть ли царевичъ былъ,
«Ли короля ли ты еще королевичъ былъ?
«А ты скажи, скажи да коёй орды,
«Ты еще скажи мнѣ да былъ коёй земли?»
Какъ го́воритъ Соло́вникъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Какъ ты нонь надо мною насмѣхаешься.
— Какъ былъ бы я у тя на бѣло́й груди,
— Да не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ бы у тя ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я ти бѣлу́ю грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ да праву́ руку,
Да рука въ плечи тутъ застояласи.
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать:
«Ай же ты удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Коёй-то орды есть, коёй земли,
«А ко́ёго отца да ко́ей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Говоритъ онъ тутъ таково слово:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Нонь ты надо мной надсмѣхаешься,
— Сидишь ты на моёй на бѣло́й груди.
— Былъ бы я у тя на бѣло́й груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь. —
Занесъ опять Ильюшенка востро́й-отъ ножъ,
Востро́й-отъ ножъ занёсъ, свою праву́ руку,
Да рука тутъ въ плечи да застояласи.
А началъ тутъ Ильюша онъ доспрашивать:
«Ай же удалой доброй молодецъ!
«А ты скажи, скажи, не утай себя,
«Коёй-то орды есть, коёй земли,
«А ко́ёго отца да ко́ей матушки?
«Царь ли ты вѣдь былъ здѣ, царевичъ ли,
«Король ли ты былъ, королевичъ здѣсь?»
Какъ началъ онъ затымъ ему высказывать:
— Ахъ ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Какъ былъ бы я у тя на бѣло́й груди,
— Не спрашивалъ бы у тя ни имени,
— Не спрашивалъ у тя бы ни изотчины,
— Прямо бы пласталъ я тебѣ бѣлу грудь!
— Когда началъ ты вѣдь нунь выспрашивать,
— Когда началъ нунь ты вѣдь довѣдывать,
— Какъ я тебѣ скажу нунь поро́зскажу:
— Есть-то я зъ-за славна зъ-за синя́ моря,
— А есть-то молодой младо́й Соло́вниковъ,
— А есть-то я отъ матушки Натальюшки,
— А вѣдь батюшка не знаю я какой-то былъ. —
Скочилъ тутъ Илья на рѣзвы́ ноги,
Здымаетъ онъ за рученки за бѣлыи:
«Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
«Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимыи!
«Какъ полно е намъ биться ратиться,
«Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ.»

Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
Бѣлыи лебёдушки порушали.
Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ,
А спитъ онъ молодецъ, проклаждается,
Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этотъ молодой младой Соловниковъ
Какъ скоро самъ съ собой думу думаетъ,
Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ
А кладывае стрѣлочку каленую,
Какъ скоро онъ стрѣлилъ еще Илью въ бѣлую грудь.
Какъ тутъ еще Ильѣ не къ суду пришло,
Какъ былъ тутъ у Ильи да золотъ крестъ,
А золотъ крестъ онъ былъ три пуда есть.
Какъ ото сна богатырь пробуждается,
Самъ на уличку онъ тутъ пометается,
Какъ выскакалъ онъ въ тонкінхъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ
А въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,—
Хватилъ-то онъ Соловника ёго за желты кудри,
Какъ бросилъ тутъ его онъ о сыру землю,
Какъ выдернулъ ножищо онъ кинжалищо,—
Какъ тутъ рука въ плечи не застояласи,
Скоро онъ пласталъ ёму бѣлую грудь,
Какъ вынималъ сердечко тутъ со печенью,
Розсѣкъ его на четыре на часточки
А роскидалъ ёго по чисту полю.
Только-то й Соловнику славы поютъ,
А Ильина-та слава не минуется,
Отнынѣ-то вѣкъ по вѣку поютъ его Ильюшенку.

Записано тамъ же, 26 іюля.

—

47.

ИЛЬЯ ВЪ ССОРѢ СЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 18).

А тотъ ли-то князь да стольнё-кіевской
А й сдѣлалъ какъ задёрнулъ свой почестной пиръ
Для князей, для бояръ да для богатырей,
А для тыхъ богатырей да русскіихъ,
Чтобы всяко званіё да шло туды
А на тотъ, на тотъ да на почестный пиръ
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго богатыря,
А стараго казака Илью Муромца.
Да тутъ-то вѣдь къ Ильюшѣ не къ лицу пришло,
А не къ лицу пришло, стало похабно есть,
И тутъ-то Илья да роззодорился,
А тутъ-то Илья да розретивился.
Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,
А тутъ-то самъ Ильюшенка роздумался:
«А что мнѣ молодцу будё подѣлати?
«А я нынь молодецъ е розгнѣванной,
«А я нынь молодецъ есть роздраженной.»
Какъ онъ-то за тымъ тутъ повыдумалъ,
А стрѣлилъ-то онъ тутъ по Божьимъ церквамъ,
А по тымъ стрѣлилъ по чудныимъ крестамъ
А по тымъ маковкамъ золоченымъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
«Да ай же вы были голи мои,
«А голи мои вы кабацкіи,
«А доброхоты-то вы еще царскіи!
«А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,
«А обирайте маковки вси золочёныи.
«А подёмте-ко вы да со мной еще
«А тотъ-то на тотъ да на царёвъ кабакъ,
«Какъ станемъ нунь пить да зелена вина,
«Да станемъ-то пить да заодно со мной.»
Да какъ тутъ-то эты да голи были,
А голи были оны кабацкіи,
А доброхоты всё были царскіи,
Обирали маковки тыи золочёныи,
Самы оны къ ёму да прибѣгаютъ всѣ:
— А батюшко ты да отецъ нашъ былъ! —
А пили тутъ оны да зелено вино,
Какъ пили тутъ оны да заоднёшенько.
Да какъ видитъ-то князь что бѣда пришла,
А бѣда-та пришла да неминучая,
Да какъ тутъ-то онъ да е скорымъ-скоро,
А скорымъ скоро, скоро скорёшенько,
А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почостный пиръ
А для стараго казака Ильи Муромца.
Да тутъ-то вѣдь князь да стольнё-кіевской,
Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть
Со князьями со бояры со русійскима
А со тыма со могучима богатырмы:
«А думайтё-тко братцы вы нунь думушку,
«А думайтё-тко братцы думу крѣпкую,
«А думайте думу не продумайте:
«А намъ кого будётъ послать да Илью позвать,
«А позвать сюды къ намъ на почестной пиръ,
«А стараго казака Илью Муромца?»
А какъ тутъ-то они да думу думали:
— А намъ-то есть кого послать Илью позвать?

— А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича,
— Онъ ёму да вѣдь братъ крестовыи,
— А крестовыи-то братецъ да названыи,
— Дакъ онъ-то, бывать, его послушаетъ. —
Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
А приходитъ-то онъ братцу да крестовому,
Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестовато:
«А здравствуй-ко братецъ мой крестовыи,
«А крестовыи братецъ мой названыи!»
Да какъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
— Ай здравствуй-ко братъ мой крестовыи,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты зачѣмъ же пришолъ да загулялъ сюда? —
«А пришолъ-то я, братецъ, загулялъ къ тебѣ,
«А о дѣлѣ-то пришолъ да не о малоемъ.
«Да у насъ-то съ тобой было ра́ньше того,
«А раньше того дѣло подѣлано
«А описи были попи́саный,
«А заповѣди да пополо́жоный,
«А слушать-то брату да ме́ньшому,
«А ме́ньшому слушать брата бо́льшого.
«Да еще-то какъ у насъ да е́сте съ тобо́й
«А слушать-то брату вѣдь бо́льшому,
«А й бо́льшому слушать бра́та ме́ньшого.»
Да тутъ го́воритъ Илья таково слово:
— Ахъ ты братецъ да мой да былъ крестовыи!
— Да какъ нунечку топеречку у насъ съ тобой
— А всѣ-то по́писи да были вѣдь попи́саны
— А заповѣди были пополо́жены,
— А слушать-то брату вѣдь ме́ньшому,
— А меньшому слушать да бо́льшого,
— А бо́льшому слушать брата меньшого.
— Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
— А не́кого бы я не послушалъ здѣ!
— Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
— А крестоваго братца я названаго.
— А тотъ ли-то князь стольнё-кіевской
— А зналъ-то послать меня кого позвать!
— Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
— Меня позвалъ туды да на почестной пиръ,
— Да я тебя братецъ же послушаю. —
Да приходитъ онъ къ князю къ Володимеру
Да тотъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
А со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитичемъ,
А со братомъ-со своимъ да со крестовымъ.
А даваютъ ему тутъ мѣсто не ме́ньшое,
А не ме́ньшое мѣсто было — бо́льшое,
А садятъ-то ихъ во большо́й уголъ,
А во большой уголъ да за большо́й-отъ столъ.
Да какъ налили тутъ ча́ру зелена́ вина,
А несли эту чару́ рядо́мъ къ ему
А къ ста́рому каза́ку къ Ильи къ Муромцу.
Да какъ принялъ онъ чару едино́й рукой
А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
А другу́ наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядо́мъ къ ему,
А принялъ тутъ Ильюша едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Какъ третью наливали мёду сладкаго,
Да принялъ молодецъ тутъ едино́й рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ во единой здохъ.
Тутъ наѣлися, напились вси, накушались,
Да стали тутъ оны да вси пьянёшеньки
А стали тутъ оны вси веселёшеньки.
Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
— Ай же ты князь стольнё-кіевской!
— А зналъ-то послать кого меня позвать,
— А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
— А того-то мни Добрынюшка Никитича.
— Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
— А не́кого-то я бы не послу́халъ здѣ,
— А скоро натянулъ бы я свой ту́гой лукъ,
— Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
— Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,
— А я убилъ бы тя князя со княгиною.
— За это я тебѣ-то нунь прощу
— А этую вину да ту великую. —

Записано тамъ же, 26 іюля.

—

48.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова. т. I, 17).

Какъ сильноё могучо-то Иванищо,
Какъ онъ Иванищо справляется,
Какъ онъ-то тутъ Иванъ да снаряжается
Итти къ городу еще Еросо́лиму,
Какъ Господу тамъ Богу помолитися,
Во Ёрдань тамъ рѣченки купатися,
Въ кипарисномъ деревци сушитися,
Господнёму да гробу приложитися.
А сильноё-то могучо Иванищо,
У ёго ла́потци на ножкахъ семи шелковъ,
Клюша́-то у его вѣдь сорокъ пудъ.
Какъ ино тутъ промежъ-то́ лапотци поплётены
Каменья-то были самоцвѣтныи.

межéнн цидень да шолъ онъ по красному
солнышку,
енну ночь онъ шолъ по дорóгому каменю
самоцвѣтному.
утъ это сильноё могучеё Иванищо
лъ къ городу еще Еросóлиму,
Господу-то Богу онъ молился есть,
рдань-то рѣченки купался онъ,
шарисномъ деревци сушился бы,
днему-то гробу приложился да.
тутъ-то онъ Иванъ поворóтъ держалъ,
ъ-то онъ тутъ шолъ мимо Цáрь-отъ градъ.
тутъ было еще въ Царй-гради
ало погано тутъ Идóлищо,
ли какъ поганы вси татарева,
скоро тутъ святыи образа были покóлоты,
черны-то грязи были потоптаны,
жьнхъ-то церквахъ онъ началъ тутъ коней
кормить.
это сильно могуче тутъ Иванищо
лъ-то онъ татарина подъ пазуху,
цилъ погана на чистó поле
алъ у поганаго доспрашиватъ:
же ты татаринъ да невѣрный былъ!
ы скажи, татаринъ, не утай себя:
ой у васъ погано есть Идолищо,
къ ли-то онъ ростомъ собой да былъ?»
итъ татаринъ таково слово:
къ есть у насъ погано есть Идолищо
долину двѣ сажени печатныихъ,
въ ширину сажень была печатная,
головйщо что вѣдь люто лохáлищо,
глазйща что пивныи чáшища,
носъ-отъ на рожѣ онъ съ локоть былъ. —
хватилъ-то онъ татарина тутъ за руку,
лъ онъ ёго въ чистó полё,
злетѣлись у татарина тутъ косточки.
лъ-то тутъ Иванищо впередъ опять,
ь онъ путемъ да дорожкою,
грѣчу тутъ ему да стрѣчается
ли казакъ Илья Муромецъ:
авствуй-ко ты старыи казакъ Илья Муро-
мецъ!»
онъ ёго вѣдь тутъ еще здравствуетъ:
равствуй сильноё могучо ты Иванищо!
ы откуль идешь, ты откуль бредешь,
ты откуль еще свой да пýть держишь? —
бреду, Илья еще Муромецъ,
того я города Еросóлима.
амъ былъ ино Господу Богу молился тамъ,
Ердань-то рѣченки купался тамъ,
«А въ кипарисномъ деревци сушился тамъ,
«Ко Господнему гробу приложился былъ.
«Какъ скоро я назадъ тутъ поворóтъ держалъ,
«Шолъ-то я назадъ мимо Царь-отъ градъ.»
Какъ началъ тутъ Ильюшенка доспрашивать,
Какъ началъ тутъ Ильюшенка довѣдывать:
— Какъ все ли-то въ Царй-гради по старому,
— Какъ все ли-то въ Царй-гради по прежному?
А говоритъ тутъ Иванъ таково слово:
«Какъ въ Цари-гради-то нуньчу не по старому,
«Въ Цари-гради-то нуньчу не по прежному.
«Одолѣли есть поганыи татарева,
«Наѣхалъ есть поганое Идолищо,
«Святыи образа былй покóлоты,
«Въ черныи грязи былй потоптаны,
«Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ.»
— Дуракъ ты сильноё могучо есть Иванищо!
— Силы у тебя есте съ два меня,
— Смѣлости, ухватки половинки нѣтъ.
— За первыя бы рѣчи тебя жаловалъ,
— За эты бы тебя й нáказалъ
— По тому-то тѣлу по нáгому!
— Зачѣмъ же ты не выручилъ царя-то Костян-
тина Боголюбова?
— Какъ ино скоро розувай же съ ногъ,
— Лапотци розувай семи шелковъ,
— А обувай мои башмачики сафьяныи.
— Сокручуся я каликой перехожею. —
Сокрутился е каликой перехожею,
Даватъ-то ему тутъ своего добрá коня:
— На-ко сильноё могучо ты Иванищо,
— А на-ко вѣдь моего ты да добрá коня!
— Хотя ты ѣзди ль, хоть водкóмъ води,
— А столько еще, сильноё могучо ты Иванищо,
— Живи-то ты на улóвномъ *) этомъ мѣстечки,
— А живи-тко ты еще, ожидай меня,
— Назадъ-то сюды буду я обратно бы.
— Давай сюды клюшý-то мнѣ-ка сорокъ пудъ.—
Не дóйдетъ тутъ Ивану розговаривать,
Скоро подаватъ ему клюшу свою сорокъ пудъ,
Взиматъ-то онъ отъ ёго тутъ добрá коня.
Пошолъ тутъ Ильюшенка скорымъ скоро
Той ли-то каликой перехожею.
Какъ приходилъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Хватилъ онъ тамъ татарина подъ пазуху,
Вытащилъ его онъ на чистó полё,
Какъ началъ у татарина доспрашивать:
— Ты скажи, татаринъ, не утай себя,

*) *Уловное* мѣсто — гдѣ легко уловить или найти кого-нибудь.

— Какой у васъ невѣжа есть поганый былъ,
— Поганый былъ поганое Идолищо? —
Какъ говоритъ татаринъ таково слово:
«Есть у насъ поганоё Идолищо
«А росту двѣ сажéни печатныхъ,
«Въ ширину сажéнь была печатная,
«А головúщо что вѣдь лютое лохалищо,
«Глазища что вѣдь пивныя чáшища,
«А носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть былъ.»
Хватилъ-то онъ татарина за руку,
Бросилъ онъ ёго во чистó поле,
Розлетѣлись у ёго тутъ косточки.
Какъ тутъ-то вѣдь еще Илья Муромецъ
Заходитъ Ильюшенка во Царь-отъ градъ,
Закрычалъ Илья тутъ во всю голову:
— Ахъ ты царь да Костянтинъ Боголюбовичъ!
— А дай-ка мнѣ калики перехожіи
— Злато мнѣ, милóстину спасéную. —
Какъ ино царь-онъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
Онъ-то вѣдь ужъ тутъ зрадовáется.
Какъ тутъ въ Цари-гради отъ крыку еще каличьяго
Теремы-то вѣдь тутъ пошаталися,
Хрустальніи оконнички посыпались,
Какъ у поганаго сердечко тутъ ужáхнулось.
Какъ говоритъ поганой таково слово:
«А царь ты Костянтинъ Боголюбовъ былъ!
«Какой это калика перехожая?»
Говоритъ тутъ царь Костянтинъ таково слово:
— Это есте русская калика здѣ. —
«Возьми-ко ты каликушку къ себѣ его,
«Корми-ко ты каликушку да пой его,
«Надай-ко ему ты злата сéребра,
«Надай-ко ему злата ты дóлюби.»
Взималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его
Въ особой-то покой да въ потайныи,
Кормилъ поилъ калику, зрадовáется,
И самъ-то онъ ему воспрогóворитъ:
«Да не красное ль то солнышко порóспекло,
«Не младъ ли здѣ свѣтелъ мѣсяцъ порóзсвѣтилъ?
«Какъ нунечку топеречку здѣ еще
«Какъ намъ еще сюда показался бы
«Какъ старыи казакъ здѣсь Илья Муромецъ.
«Какъ нунь-то есть было топеречку
«Отъ тыи бѣды онъ насъ повыручитъ,
«Отъ тыи отъ смерти безнапрасныи!»
Какъ тутъ это поганое Идолищо
Взимаетъ онъ калику на доспросъ къ себи:
— Да ай же ты калика было русская!
— Ты скажи, скажи калика, не утай себя,
— Какой-то на Руси у васъ богáтырь есть,
— А старыи казакъ есть Илья Муромецъ?
— Великъ ли онъ ростомъ, по многу ль хлѣба ѣстъ,
— По многу ль еще пьетъ зеленá вина? —
Какъ тутъ эта калика было русская
Началъ онъ калика тутъ высказывать:
«Да ай же ты поганоё Идолищо!
«У насъ-то есть во Кіеви
«Илья-то вѣдь да Муромецъ
«А вóлосомъ да возрастомъ ровнымъ съ меня,
«А мы съ имъ были братьица крестовыи,
«А хлѣба ѣстъ какъ по три-то колачика крупивчатыхъ,
«А пьетъ-то зелена вина на три пятачика на мѣдныихъ.»
— Да чортъ-то вѣдь во Кіеви-то есть, не богáтырь былъ!
— А былъ бы-то вѣдь здѣ да богáтырь тотъ,
— Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
— Другой рукой опять бы сверхý прижалъ,
— А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ,
— Дунулъ бы его во чистó поле!
— Какъ я-то еще вѣдь Идолищо
— А росту двѣ сажени печатныхъ,
— А въ ширину-то вѣдь сажень была печатная,
— Головúщо у меня да что люто лохалищо,
— Глазища у меня да что пивныи чáшища,
— Носъ-отъ вѣдь на рожи съ локоть бы.
— Какъ я-то вѣдь да къ выти хлѣба ѣмъ
— А вѣдь по три-то печи печонныхъ,
— Пью-то я еще зелена вина
— А по три-то ведра я вѣдь мѣрныхъ,
— Какъ штей-то я хлебаю — по яловицы есте русскіи *). —
Говоритъ Илья тутъ таково слово:
«У насъ какъ у попа было ростовскаго
«Какъ была что корова обжориста,
«А много она ѣла, пила, тутъ и трѣснула,
«Тебѣ-то бы поганому да также быть.»
Какъ этыи тутъ рѣчи не слюбилися,
Поганому ему не къ лицу пришли,
Хватилъ какъ онъ ножúщо тутъ кинжáлищо
Со того стола со дýбова,
Какъ бросилъ ёнъ во Илью-то Муромца,
Что въ эту калику перехожую.
Какъ тутъ-то вѣдь Ильи не дойдéтъ сидѣть,
Какъ скоро ёнъ отъ ножика отскакивалъ,
Колпакомъ тотъ ножикъ пріотваживалъ.
Какъ пролетѣлъ тутъ ножикъ да мимо-то,
Ударилъ онъ во дверь во дубовую,

*) т. е. въ этихъ щахъ есть цѣлая тёлка.

выскочила дверь тутъ съ ободверной,
на тая дверь да во сини-ты,
дцать тамъ своихъ да татаровей
ртво убило, друго ранило.
остальнй татара проклинаютъ тутъ:
ци трою проклятъ, нашъ татаринъ ты! —
тутъ опять Ильюшѣ не дойдетъ сидѣть,
онъ къ поганому подскакивалъ,
къ какъ клюшой его въ голову,
тутъ-то онъ поганый да захамкалъ есть.
лъ затымъ поганаго онъ за ноги,
началъ онъ поганымъ тутъ помахивать,
кивать Ильюша, выговаривать:
мнѣ-ка братцы нуньчу оружьё по плечу
пришло.»
тъ-то, самъ Ильюша выговариватъ:
юкъ-то поганый самъ на жилочкахъ,
нется поганый, самъ не рвется.»
ъ онъ поганыхъ тутъ охаживать
этымъ поганымъ Идолищомъ.
лъ-то онъ поганыхъ всихъ въ три часу
оставилъ тутъ поганаго на симена.
царь тутъ Костянтинъ-онъ Боголюбовичъ
царствуетъ его Илью Муромца:
агодаримъ тебя ты старыи казакъ Илья Му-
ромецъ!
нь ты насъ еще да повыручилъ,
нонь ты насъ еще да повыключилъ
ъ тыи отъ смерти безнапрасныи.
ъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
ави-тко ты здѣсь у насъ на жительствѣ,
жалую тебя я воеводою. —
говоритъ Илья ему Муромецъ:
ибо царь ты Костянтинъ Боголюбовицъ!
ослужилъ у тя столькй *) я три часу,
ислужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
у тя еще слово гладкое,
еще увѣтливо да привѣтливо.
килъ-то я у князя Володимера,
килъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккіи,
е выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
а у его я увѣтлива есть привѣтлива.
ихъ ты царь Костянтинъ Боголюбовицъ!
ьзя-то вѣдь еще мнѣ здѣ-ка жить,
зя-то вѣдь-то было, невозможно есть:
вленъ есть оставешъ *(такъ)* на дороженки.»
царь-тотъ Костянтинъ Боголюбовичъ
лъ ему чашу красна золота,
А другую-ту чашу скачна жемчугу,
Третьюю еще чиста серебра.
Какъ принималъ Ильюшенка, взималъ къ себѣ,
Высыпалъ-то въ карманъ злато серебро,
Тотъ ли-то этотъ скачный жемчужокъ,
Благодарилъ-то онъ тутъ царя Костянтина Боголюбова:
«Это вѣдь мое-то зарабочее.»
Какъ тутъ-то съ царёмъ Костянтиномъ роспростилися,
Тутъ скоро Ильюша поворотъ держалъ.
Придетъ онъ на уловно это мѣстечко,
Ажно тутъ Иванищо притаскано,
Да ажно тутъ Иванищо придерзано *).
Какъ и приходитъ тутъ Илья Муромецъ,
Скидывалъ онъ съ себя платья-ты каличьіи,
Розувалъ лапотцы семи шелковъ,
Обувалъ на ножки-то сапожки сафьянныи,
Надѣвалъ на ся платьица цвѣтныи,
Взималъ тутъ онъ къ себѣ своего добра коня,
Садился тутъ Илья на добра коня,
Тутъ-то онъ съ Иванищомъ еще роспрощается:
«Прощай-ко нунь ты сильноё могучо Иванищо!
«Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
«А выручай-ко ты Русію отъ поганыихъ.»
Да поѣхалъ тутъ Ильюшенка во Кіевъ градъ.

Записано тамъ же, 26 іюля.

—

49.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ молодой Добрынюшка Микитиницъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту полю,
Пріѣзжалъ Добрынюшка къ сыру дубу.
Какъ сидитъ-то вѣдь тутъ на сыромъ дубу,
Сидитъ-то еще сидитъ черный вранъ.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Натягивалъ скоро свой онъ тугой лукъ
А кладывае стрѣлочку каленую,
А хочетъ онъ стрѣлить тутъ черна ворона.
Воронъ тутъ ему спроязычился
А тымъ этымъ языкомъ чоловѣческимъ:
«Да ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А не стрѣли меня черна-ворона,
«Я тебѣ скажу всё порозскажу.

е. только.

*) т. е. у него платье истаскано и порвано.

«Какъ въ Кіеви ребята есть говорятъ:
«Старца-то убить есть не спасеньё,
«Какъ ворона-то стрѣлить не корысть буде получить,
«Сизымъ перьемъ воронинымъ не натѣшиться,
«Мясомъ те моимъ не наѣстися.»
Какъ у того было да у ворона
Полъ конецъ-то крылья были бѣлыи.
Какъ говоритъ-то воронъ таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«А я тебѣ скажу все порозскажу.
«Ѣдь же ты на гору на высокую
«А на тое на шоломце искатнеё,
«А тамъ-то есть три чудушка три чудныихъ,
«Тамъ-то есть три дивушка три дивныихъ:
«Какъ первое тамъ чудо бѣлымъ-бѣло,
«А другое-то чудо краснымъ-красно,
«А третьеё-то чудо чернымъ-черно.»
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ скоро молодецъ самъ пороздумался,
Говоритъ тутъ ворону: «это правда есть,
«А старца вѣдь убить буде не спасенье,
«Ворона стрѣлить не корысть буде получить,
«А сизымъ воронинымъ перьемъ мнѣ-ка не натѣшиться,
«Мясомъ мнѣ ёго не наѣстися.»
Какъ отпускалъ Добрынюшка свой тугой лукъ
А вынималъ онъ стрѣлочку каленую,
Самъ-то онъ еще тутъ пороздумался:
— А лучше я поѣду что на гору на высокую,
— На тое-то я шоломцé искатнее,
— Глядить-то тамъ три чуда я три чудныихъ,
— Глядить-то я три дивушка три дивныихъ. —
Какъ скоро онъ приправливалъ добра коня,
Тутъ скорымъ-скоро, скоро да скорёшенько
Ѣхалъ онъ на гору на высокую
А на тое-то на шоломцé искатнее.
Какъ смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
Какъ ино тутъ стоитъ шатёръ бѣлополотняной,
Какъ у шатра замокъ былъ булатніи,
На замку тутъ подпись подписана:
«Кто во шатёръ еще сюды заходитъ,
«Тотъ изъ шатра живъ да не выходитъ.»
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Ударилъ кулакомъ по замку-то онъ,
Отпалъ замокъ вѣдь тутъ на сыру землю.
Смотритъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ,
А тамъ въ шатрѣ столы были розставлены,
Тамъ въ шатрѣ да ѣствы-ты розложены.
Какъ онъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Не столько молодецъ да вѣдь ѣлъ-то пилъ,
А сколько молодецъ онъ тутъ на-земь срылъ
А спролилъ молодецъ, во ногахъ стопталъ.
А самъ молодецъ онъ да спать-то лёгъ.
А спитъ онъ молодецъ проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Изъ далеча тутъ вѣдь изъ чистá поля
А пріѣзжатъ Олеша сынъ Поповичъ былъ,
А смотритъ тутъ Олешенька на чудо-то:
Не столько вѣдь да спито, съѣдено,
Сколько спролито да срыто, въ ногахъ притоптано.
А тутъ-то вѣдь Олеша розретивился
А розгорѣлось ёго сердце богатырское.
Занесъ-то онъ востро̀ копьё вострымъ коньцёмъ,
Хочетъ онъ ударить Добрынюшку въ бѣлую грудь.
За тымъ-то онъ Олёшенька роздумался:
«Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мёртваго.
«А лучше сяду на добра̀ коня Добрынина,
«А буду биться, стану я драться ратиться
«Со тынимъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ,
«А на томъ на добро̀мъ кони Добрынинoмъ.»
Садился тутъ Олеша на добра̀ коня,
А на того добра коня Добрынина, —
Какъ ударилъ онъ Добрынюшку тупымъ коньцёмъ,
Тупымъ коньцёмъ ударилъ да вострымъ копьёмъ,
Ото сну богатырь пробуждается,
На улицу тутъ скоро пометается.
Выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочкахъ безъ чоботовъ
А въ тонкіи бѣлыи рубашкѣ что безъ пояса.
Да тутъ Добрынюшка Микитиницъ
А ухватилъ онъ свою палицу еще богатырскую,
Какъ начали тутъ драться оны ратиться.
Добрынюшка поскакиватъ пѣхотою,
Олешенька тотъ ѣздитъ на добро̀мъ конѣ,
А на томъ на добромъ конѣ Добрынинoмъ.
Какъ день бьются оны тутъ не ѣдаючи,
Ночь бьются оны да не пиваючи.
Какъ другой день бьются оны и другу ночь,
Отдо̀ху-то вѣдь тутъ имъ не дается.
А третій день бьются и третью ночь,
Отъ ихъ пошолъ-то тутъ еще стукъ да гремъ
А стала мать земелюшка продрагивать.
Какъ этотъ услыхалъ-то стукъ да гремъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Какъ тутъ сидитъ Ильюшенка, самъ думаетъ:
— А й это есте руськіи богатыри.
— Гдѣ ни-то дерутся оны, ратятся? —
Какъ скоро тутъ Ильюшенка сѣдлалъ добра̀ коня,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги,
А кладываетъ потнички на потнички,

Кладываетъ войлочки на войлочки
А кладыватъ сѣдёлка на сѣдёлышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелковыи,
Кладываетъ, самъ выговариватъ:
— А не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
— А не для-то вѣдь было для угожества,
— Для укрѣпы мнѣ богатырскіи. —
Какъ видли что вѣдь молодца да сядучи,
Не видли тутъ удалаго поѣдучи,
Не знаютъ, во кою сторону уѣхалъ онъ.
Какъ ѣхалъ тутъ Ильюша на круту гору,
На тое-то шоломцё искатнее,
Да ажно тутъ дерутся есть два русскіихъ богатыря,
Молодой Добрынюшка Микитиницъ
А смѣлыи Олешенька Поповичъ-онъ.
Какъ захватилъ Ильюшенка Добрыню во праву руку,
Олёшу захватилъ самъ во лѣвую,
А закрычалъ Ильюша во всю голову:
— Ай же вы русійскіе могучіе богатыри!
— А вы надъ чимъ деретесь да ратитесь? —
Какъ говоритъ Олеша таково слово:
«Ахъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Да какъ-то мнѣ не драться не ратиться?
«Какъ у меня въ шатрѣ были столы тамъ розставлены;
«У меня-то ѣствы вси розложены, —
«Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитиницъ,
«Не столько онъ Добрынюшка да съѣлъ да спилъ,
«А сколько онъ тутъ спролилъ да на-земь срылъ,
«На-земь срылъ Добрыня, во ногахъ стопталъ,
«А мнѣ-ка молодцу того-то жаль.»
Говоритъ Ильюша таково слово:
— Спасибо ти Олеша, за своё стоишь. —
Говоритъ Добрынюшки Микитицу:
— Да ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ,
— Крёстовый братъ ты мой да названыи!
— А ты надъ чимъ дерешься да ратишься? —
«Ахъ ты братъ мой крестовыи названыи,
«А старыи казакъ ты Илья Муромецъ!
«Какъ-то мнѣ не драться да не ратиться?
«Какъ у ёго у пса у розбойника
«Фальшивая да напись написана:
«Какъ кто въ шатёръ сюды еще заходитъ,
«Тотъ съ шатра да живъ тутъ не выходитъ;
«А я хочу-то живъ да повытти есть.»
— Спасибо ти Добрыня, на чужомъ дому смѣло поступашь. —
А ино вѣдь-то тутъ еще Ильюша воспрогоритъ:
— А укротите вы да сердцё богатырскоё,
— А назовитесь вы да братьями крестовыма,
— А лучше вы крестамы побратайтесь. —
А ёнъ ихъ улестилъ тутъ уговорилъ,
Да тутъ оны не начали больше биться ратиться,
Укротили сердцё богатырское.
Какъ тутъ оны крестамы побратались,
Назвалися братьямы крестовыма:
Добрынюшка назвался да большой братъ,
Алёшенька назвался меньшой ёму.
Какъ тутъ розошлись порозъѣхались.
Какъ тутъ-то на стольнёй-отъ городъ какъ на Кіевъ градъ
Наѣзжала тутъ погана Литва,
Одолѣли что ль поганыи татарева.
На ту пору было на то времячко
Богатырей тамъ дома не случилосе,
Случилось только два русскіихъ два богатыря,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ,
Смѣлой-то Олешенька Поповицъ былъ.
Какъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ахъ же ты Олешка сынъ Поповичъ былъ!
«Сѣдлай-ко ты своего добра коня,
«Поѣдемъ мы съ тобой во чисто полё
«А станемъ бить поганыихъ татаревей,
«Одолимъ ли тамъ мы погану Литву.»
Какъ скоро тутъ Добрынюшка сѣдлалъ добрыхъ коней,
Кладывалъ онъ подпруги на подпруги
А потнички Добрынюшка на потнички,
Войлочки что еще на войлочки,
Сѣделышка еще на сѣделышка,
Черкальское сѣдёлко на верёхъ еще,
Ты эты подтяжечки шелковыи,
А кладываетъ, самъ онъ выговариватъ:
«Не для-то мнѣ, братцы, красы басы,
«А не для-то вѣдь было для угожества,
«Для укрѣпы мнѣ богатырскіи.»
Поѣзжатъ Добрыня, самъ наказыватъ:
«Ахъ же ты моя молода жена,
«Да нунь ты Василиста Микулична!
«Уѣду я вѣдь нунь во чисто полё
«А бить тамъ я поганыихъ татаревей,
«Тую эту тамъ погану Литву.
«Какъ пройдетъ поры времечки три году,
«А живъ-то я сюда не появлюсь еще,
«Да тожно ты вѣдь хоть вдовой живи,
«А хоть ли ты тутъ да замужъ поди,
«Стольки ты не ходи-тко за Олёшенку Поповица.»
Какъ видли молодца его сядучи,
Не видли тамъ удалаго поѣдучи.
Какъ тутъ этотъ Добрынюшка Микитиницъ

А съ тымъ съ этымъ Олёшенькой Поповицемъ
Ѣхали они тутъ во чисто́ полё.
Приправливалъ Добрынюшка добра́ коня,
Заѣхалъ въ эту силушку въ серёдочку,
Какъ началъ бить ту силу татарскую, —
Олёшенька стоитъ тамъ на чисто́мъ поли,
Какъ смотритъ-то онъ на братца онъ крестоваго,
Какъ бьётся тамъ Добрынюшка Микитиницъ.
Прибилъ-то тотъ Добрынюшка Микитиницъ
Какъ этую онъ силу всю въ три́ часу.
Какъ смотритъ онъ на брата на крестоваго,
А на того Олёшеньку Поповица,
А смотритъ онъ, глядитъ, думу думаетъ:
«А видно нѣтъ жива̀ да брата-то крестоваго,
«А смѣлаго Олёшеньки Поповича.»
Какъ ино вѣдь тутъ самъ Добрынюшка роздумался:
«А видно есте путь моя хорошая.»
Какъ тутъ-то онъ поѣхалъ что за славно за синё
море́,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки свято-русскіи.
Прошло тутъ поры времечки три́ году.
Какъ тутъ этотъ Олешенька Поповичъ сынъ
Приходитъ къ Василисты къ Микуличной:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— Да я вчера гулялъ на чисто́мъ поли,
— А видѣлъ я Добрынюшку убитаго.
— Лежитъ-то онъ головушкой въ ракитовъ кустъ
— А рѣзвыми ногмы́ да во кувыль-траву.
— Поди ты Василиста за меня замужъ. —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А тая Василиста Микулична:
«Ай же ты Олешенька Поповичъ сынъ!
«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Прошло нунь поры времечки три́ году;
«Исполню я-то заповѣдь свою еще.
«А пусть-ко станетъ поры времечки шесть годовъ,
«Тожно тутъ я вѣдь замужъ пойду.»
Опять прошло тутъ времечки три́ году.
Какъ началъ тутъ Олешенька подхаживать
А со тымъ со княземъ со Владиміромъ:
— Да ахъ ты Василиста Микулична!
— А я вчера гулялъ на чисто́мъ поли,
— А видѣлъ у Добрынюшки что косточки рос-
тасканы. —
Какъ ино тутъ тая Василиста Микулична
Тутъ она еще пороздумалась:
«Исполнила я заповѣдь мужнюю,
«Исполнила я заповѣдь свою-то я,
«А нѣтъ жива̀ Добрынюшки Микитица,
«А не видать сюда ёго появится.»
Пошла тутъ за Олешеньку Поповича.
Какъ тамъ это Добрынюшка Микитиницъ
За тымъ за славнымъ за сини́мъ моремъ,
А тамъ онъ-то Добрыня на чисто́мъ поли,
На чисто́мъ поли Добрынюшка, въ бѣло́мъ шатри
А самъ онъ молодецъ забавляется,
Играетъ онъ въ доски-ты шахматны
А въ до́роги тавлеи золоче́ныи,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ тутъ-то вѣдь ёго молода жена,
А тая Василиста Микулична,
Какъ тутъ она скоро́ да замужъ пошла,
А за того Алёшеньку Поповица.
Какъ налеталъ тутъ голубъ со голубкою
А ко тому къ Добрынюшки къ Микитицу,
Садились на шатёръ на окошечко,
Началъ голубъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ тутъ голубъ погуркивать.
Началъ онъ затымъ выговаривать,
А звѣщевалъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Играешь ты въ доски во шахматы,
— Въ до́роги тавлеи золоче́ныи,
— Играшь, самъ молоде́цъ ты прокладаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— А я тебѣ звѣщу́ю провѣщу́ю есть.
— Какъ есть-то вѣдь твоя молода́ жена,
— Молода́ жена любима́ семья,
— Какъ есть-то вѣдь ужъ нунечу замужъ пошла
— За того Олешку за Поповича. —
Ско́чилъ тутъ Добрыня на рѣзвы́и ноги,
Со той со досады со великіи
Какъ бросилъ эту доску онъ ша́хматню
О тую о матушку о сыру́ землю,
Мать-то что земелюшка продрогнула.
А выходилъ тутъ Добрыня со бѣла́ шатра
А самъ скоро̀ сѣдлалъ онъ добра́ коня,
Сѣдлатъ-то онъ коня и выговариватъ:
«Ай же ты мой вѣдь ужъ добрый конь!
«Какъ нёсъ меня сюды да ты три́ году,
«Неси́-тко нунь домой меня по три́-то дня
«Во сто́льнёй-отъ какъ городъ во Кіевъ градъ.»
Садился самъ скоро на добра́ коня,
Скори́мъ скоро̀, скоро́ скорешенько,
Поѣхалъ тутъ Добрыня зъ-за синя́ моря.
Пошолъ тутъ, поскакалъ его доброй конь,
Рѣки-ты ль озёра перескакивалъ
А темной онъ тотъ лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
А синёё онъ морё на около́ бѣжалъ.
Пришолъ-то, прискакалъ ёго добрый конь во три-
то дни

стольнёй-отъ во городъ во Кіевъ градъ.
какалъ тутъ Добрыня со добра коня,
ыпалъ коню тутъ пшены бѣлояровой,
коро самъ онъ шолъ по новымъ сѣнямъ,
одилъ въ свою въ горенку во новую,
рёстъ онъ кладывае по писаному,
лонъ-то ужъ велъ по ученому,
вси тутъ на четыре сторонушки,
бдной своёй матушки въ особину:
здравствуй-ко моя ты родна матушка!»
ушка она тутъ прослезиласи,
атушка она тутъ поросплакалась:
Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
А что ты надъ старушкой надсмѣхаешься! —
ъ говоритъ Добрыня таково слово:
дно, матушка, ты меня не узнала есть.»
опять на то ёму отвѣтъ держитъ:
Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
Какъ у моёго милаго у дитятка,
А у того Добрынюшки Микитица,
На ёмъ были платьица все цвѣтныи,
А нунь-ка на тебѣ всё платьица лосиныи,
А лосиныи платья всё звѣриныи. —
ай же ты моя родна матушка!
къ видно ты меня не узнала есть.»
оритъ старушка таково слово:
Ахъ же ты удалой доброй молодецъ!
Подойди къ старушки поблизёшенько, —
А у моёго у милаго у дитятка
Была-то вѣдь знадёбка родимная,
А былъ-то на головки рубечёкъ-то есть. —
ъ онъ скоро Добрынюшка подхаживалъ
о тый старушки да ко древныи,
ъ тутъ эта старушка да пощупала,
ю было тутъ да до правды-то,
сть тамъ была знадёбка родимная.
ъ тутъ она старушка взрадоваласи,
а она съ сынкомъ тутъ поздоровкалась.
ъ говоритъ Добрыня таково слово:
ай же ты моя родна матушка!
гдѣ-то есть моя молода жона,
я Василиста Микулична?»
ъ говоритъ старушка таково слово:
Да ай же ты дитя моё милоё!
Твоя-то нунычу есть молода жона,
Молода жона да замужъ пошла
За того Алёшу за Поповича. —
ъ говоритъ Добрыня таково слово:
ахъ же ты моя ль родна матушка!
ди-ко есть во погребы глубокіи,
си ты мнѣ гусёлышка яровчаты.
«Я пойду къ Олёшѣ на почестный пиръ,
«На тую на свадебку великую.»
Какъ тутъ-то вѣдь старушенька скорымъ скоро
Бѣжала какъ во погребы глубокіи,
Взимаетъ тамъ гусёлышка яровчаты,
А ты этыи гусёлка да были еще ровно сорокъ пудъ.
Идётъ она старушка попирается,
Подаватъ Добрынюшки гусёлышка.
Взимаетъ тутъ Добрынюшка Микитиницъ
А ты эты гусёлка всё яровчаты,
Самъ скоро Добрынюшка справляется,
А скоро молодецъ наряжается
Скорой малой смѣлой скоморошиной.
Приходилъ Добрыня на почестный пиръ
А на-то столованьё на великоё.
Становился тутъ Добрыня ко порогу,
Повёлъ онъ по гусёлышкамъ яровчатымъ,
Заигралъ Добрыня по унылнёму,
По унылнёму по умильнёму.
Какъ вси-то вѣдь ужъ князи и бояра-ты
А ты эты русійскіи богатыри
Какъ вси оны тутъ пріослушались,
За тымъ заигралъ Добрыня по весёлому;
Стало красно солнышко при вечери,
А сталъ-то тутъ почестный пиръ при весели.
Какъ вси-то оны тутъ да наѣдалисе,
А вси-то оны тутъ да напивалисе,
Стали тутъ оны да пьянёшеньки.
Игратъ-то всё Добрыня по весёлому;
Какъ вси оны затымъ тутъ розскакалисе,
Какъ вси оны затымъ вѣдь росплясалисе,
А скачутъ пляшутъ вси промежу собой,
А ничего оны тутъ не вѣдаютъ.
Какъ говоритъ тутъ князь стольнё-кіевской:
— Да ай же ты удалой добрый молодецъ!
— Незнаёмъ мы теби да ни имени,
— Не знаемъ мы теби ни изотчины,
— Царь ли ты есть ли царевичъ здѣсь,
— Аль король ты да вѣдь королевичъ есть,
— Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
— Аль грозной есть посолъ ляховитскіи? —
«Не царь-то я вѣдь, не царевичъ былъ,
«А не король-то я, не королевичъ былъ,
«Не есть съ тиха Дону не донской казакъ,
«Не грозной я посолъ ляховитскіи,
«Какъ есть-то я зъ-за славна зъ-за синя моря
«А скора мала смѣла скоморошина.»
Какъ князь-то тутъ ему воспрогоборитъ:
— Ахъ скора мала смѣла скоморошина!
— А чимъ-то намъ тебя буде жаловать
— А за эту игру за умильнюю?

— Города ль тебя набъ съ пригородками,
— Али села да ти набъ со приселками,
— Аль много набъ безсчотной золотой казны?—
Какъ онъ-то вѣдь на то имъ отвѣтъ держитъ:
«Да ахъ же ты да князь стольнё-кіевской!
«Не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
«Не набъ-то мнѣ-ка селъ-то съ приселками,
«Не набъ-то мнѣ безсчотной золотой казны,—
«А у меня своёй есте до́люби.
«А столько-то вы мнѣ позвольте-ко:
«Налейте мнѣ-ка чару зелена́ вина.»
Какъ тутъ-то ему князь воспрого́воритъ:
— Скора мала смѣла скоморошина!
— Что угодно надо, то мы сдѣлаёмъ.—
Какъ налили тутъ чару зелена вина,
Подносятъ тутъ Добрынюшки Микитицу.
Какъ этотъ-то Добрынюшка Микитичъ-онъ
Спустилъ-то онъ туды свой злачонъ перстень.
А въ этую-то чашу княженецкую,
Коимъ перстнёмъ оны обручалися
Со той съ Василистой съ Микуличной.
Подноситъ эту чашу княженецкую
А той да Василисты Микуличной,
Подноситъ, самъ Добрынюшка спрого́воритъ:
«Ай ты Василиста Микулична!
«А пей-ко ты чару зелена́ вина
«Отъ малой смѣлой ты да скоморошины.
«А пей-ко ты до дна — дакъ увидашь добра,
«А не пьешь до дна — дакъ не видашь добра.»
Она тутъ Василиста Микулична
Маленько же она тутъ догадалась.
А сколько ни-то пи́ла, остатки на́-зень пи́ла-то,—
Какъ взглянетъ въ эту чашу княженецкую,
Ажно тамъ лежитъ да злачонъ перстень.
Какъ смотритъ-то она на перстень тутъ,
А на перстню тутъ подпись подписана,
Коимъ перстнёмъ оны обручалисе
Со тымъ съ Добрынюшкомъ съ Микитицомъ.
Какъ тутъ-то да Василиста-та Микулична
А й выскака́ла зъ-за стола княженецкаго,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
— Не тотъ-то вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
— А тотъ-то вѣдь мужъ, кой насупротивъ меня.—
Клонится Добрыни поклоняется,
Сама она ёму извиняется:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Исполнила я заповѣдь твою-то я,
— А другую исполнила свою-то я,
— А тожно вѣдь я тутъ замужъ пошла
— А за того Олешку за Поповича.—
Какъ говоритъ Добрынька таково слово:
«Да ай же Василиста ты Микулична!
«Когда-то ты исполнила да заповѣдь свою,—
«За твою я заповѣдь тебѣ прощу.
«Не исполнила бы заповѣдь свою-то ты,
«Отсѣкъ бы я головку тебѣ буйную.
«Пошла ты за Олешку за Поповича,—
«Дакъ я тебѣ еще за то прощу.»
Какъ тутъ затымъ Добрынюшка Микитиничъ
Хватилъ то онъ Олёшу за желты́ кудри,
А выдернулъ съ кармана плеть шелко́вую,
Какъ началъ онъ Олёшку ёго чёстовать
А началъ онъ хлыстать его Олёшеньку,
А бьетъ-то онъ тутъ, хлыщетъ, выговариватъ:
«А каково Олёшка ти жениться здѣсь,
«Отъ живого мужа жёна о́тлучать!»
Какъ клёнется Олёшка проклинается:
— А будетъ трою проклятъ на вѣку тотъ былъ,
— Кто станетъ будетъ эдакъ-то женитися,
— Отъ живого мужа жёна о́тлучать.—
Какъ нахлысталъ Добрынюшка его тутъ до́люби,
А до́люби Добрыня ёго до́сыти,
Какъ со стыду со страму со вели́кого
А тутъ этотъ Олёшенька Поповичъ-онъ
Уѣхалъ онъ безвѣстно, не знаютъ гдѣ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

—

50.

НѢПРА И ДОНЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 32).

Какъ тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
А сдѣлалъ онъ задернулъ свой почёстный пиръ.
Какъ вси-то къ ему на пиръ собиралися,
Вси тамъ на пиру наѣдалися,
Какъ вси тамъ на пиру напивалися,
Стали тамъ оны вси пьянёшеньки
А стали вси оны веселешеньки,
Князи вси бояра-то русійскіи
А тыи-ты могучи вси бога́тыри,
Какъ вси-то они вѣдь тамъ росхвастались.
Какъ тутъ была еще межу́ има
А тая эта Нѣпра королевична.
Какъ-то тая Нѣпра королевична
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«А нѣту здѣ стрѣльцовъ добрыхъ мо́лодцовъ
«Проти́во меня Нѣпры королевичной!

«Силою да нѣту ухваткою
«Противъ стараго казáка Ильи Муромца,
«А красотою еще было угожествомъ
«Противо вѣдь Михайлы Пóтыка Иванова,
«А тишиною говоромъ смиреньицомъ
«Противо-то Добрынюшки Микитица,
«А нѣту-то видь еще богачествомъ
«Противъ-то вѣдь Дюка Степанова,
«А нѣту-то да вѣдь смѣлостью
«Противо смѣлаго Алешеньки Поповича,
«Поступкою походкою пощапкою
«Противо-то Чурилки щапа *) Плёнкова.»
Сама она еще не спохвáлила
А тихаго вѣдь Дона-то сына Иванова,
А своёго-то мужа любимаго.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Ай же ты да Нѣпра королевична!
— Когда же ты охвоча-то была удáлая
— Стрѣлять-то было стрѣлочокъ каленыихъ,
— Подёмъ-ко мы съ тобой на чистó поле,
— Стáнемъ стрѣлять стрѣлочокъ каленыихъ,—
— Который вѣдь стрѣлитъ видняе-то? —
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична
Взимаетъ тутъ-то ножичокъ будатныи,
Какъ тое-то колечушко серебряно,
Относитъ что за версту за мѣрную,
Натянула тутъ она свой да тýгой лукъ
А клала ёна стрѣлочку каленую,
Стрѣлила тутъ за версту за мѣрную,
Попадала въ колечко-то серебряно,
И росколола ёна стрѣлочку равнымъ равно,
Да равнымъ-то равно стрѣлку нá двое.
А клали половинки на вѣсы они,
Никóя никоёй не перетягивать.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Какъ скоро натянулъ свой онъ тýгой лукъ,
Кладывáетъ стрѣлочку каленую.
Какъ началъ тутъ Донъ сынъ Ивановичъ,
Началъ-то онъ стрѣлочкой помахивать
А началъ вѣдь-то самъ выговаривать:
— Ай же ты моя любимá каленá стрѣла!
— Пади же ты не нá воду, не нá землю,
— А ты пади ко Нѣпры королевичной,
— А ты пади же ёй во бѣлýю грудь. —
Какъ тутъ-то тая Нѣпра королевична,
Какъ тутъ-то вѣдь она да прослезилася
А тутъ-то вѣдь она поросплакалась:
«Ахъ тихіи ты Донъ сынъ Ивановичъ!
«А не стрѣлй-тко мéня Нѣпры королевичной.
«Да несу я ти сына любимаго,
«А по колѣнъ-то ноженки во сéребри,
«А по локóть-то рýченьки во золоти,
«А по косицамъ пекутъ будто звѣздышки,
«На зади-то возсіятъ будто свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Впереди-то какъ будто солнышко.»
Какъ розгорѣлось ёго сердце богатырское,
А ничего тутъ онъ вѣдь не послѣдовалъ.
Какъ скоро онъ стрѣлилъ ю во бѣлýю грудь,
Какъ пала тутъ она на сырý землю,
Облилась óна кровью тутъ горючею.
Какъ тихіи тутъ Донъ сынъ Ивановичъ
Взимаетъ онъ ножищо тутъ кинжалищо,—
Ино ль то вѣдь еще правда ль есть?
Пласталъ-то онъ вѣдь ёй да бѣлýю грудь.
Какъ было-то вѣдь тутъ да до правды бы:
Засіянъ-то вѣдь во чреви тотъ сынъ-то былъ,
По колѣнъ-то ноженки во сéребри,
А по локóть-то рýченьки во золоти,
Назади просвичатъ будто свитёлъ мѣсяцъ,
Впереди еще какъ тамъ солнышко.
Какъ взялъ это ножищо онъ кинжалищо,
Становилъ онъ-то ножикъ вѣдь супротивъ себя,
А становилъ онъ ножикъ, выговаривалъ:
— Да куды пала головка бѣлой лебеди,
— А тутъ пади головушка сѣрá гуся. —
Палъ онъ на ножищо тутъ кинжалищо,
Да тутъ-то вѣдь имъ пришла е горькáя смерть.
Какъ отъ ихъ-то отъ крови отъ крестьянскіи,
Отъ крестьянскіи крови безнапрасныи,
Какъ протекала тутъ да Нѣпрá рѣка.
Въ глубину рѣка двадцати сажонъ,
А въ ширину рѣка сорокй саженъ *(такъ)*.
Только-то вѣдь Донушку славу поютъ,
А той ли этой Нѣпры королевичной.
Тутъ-то ихъ да жительство рѣшилося.

Записано тамъ же, 26 іюля.

*) *Щапъ* — щеголь, *пощапка* — щегольство.

51.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ *).

(См. Рыбникова, т. I, 33).

А й Иванушко, Иванушко Годиновичъ,
А поѣзжае что Иванушко женитися,
А къ гостю къ купцю еще Мйтрінщу,
А за то за славное за синё море:
«Да ахъ же ты мой родной дядюшка,
«А стольнёй ты князь да Владимеръ нашъ!
«А пожалуйте позвольте-то мнѣ-ка-ва,
«Ино силы мнѣ-ка сорокъ тысячей.
«А еще-то вы мнѣ-ка пожалуйте,
«А любезный ты мой еще дядюшка,
«А дру́го казны ты сорокъ тысячей.»
Какъ тутъ-то вѣдь князь стольнё-кіевской
А даватъ ему силы сорокъ тысячей,
А дру́го какъ денегъ сорокъ тысячей.
А тутъ-то Иванушко Годиновичъ,
А поѣхалъ онъ Иванушко женитися
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Мйтрінщу,
А пріѣзжаетъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А къ гостю къ купцю онъ тутъ къ Мйтрінщу,
А го́воритъ промолвитъ таково слово:
«А гость ты купецъ да еще Мйтрінщо!
«А есте какъ у тя да есть любе́зная дочь,
«А тая эта Марья Митріёвична,
«А отдай-ко ты повыдай за меня́ замужъ.
«А за Ивана, за Ивана за Годиновича.»
А говоритъ ёму Митрій таково слово:
— А Иванушко, Иванушко Годиновичъ!
— А выдалъ бы Марью Митріёвичну,
— А выдалъ бы повыдалъ за тебя замужъ;
— А у меня Марьюшка просватаная
— За царя за Кощега за Трипе́товича,
— Не повыдамъ я, Иванъ, за тебя замужъ. —
Ско́чилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ-то онъ ножи́що тутъ кинжа́лищо.
Какъ ударилъ тутъ Иванъ да во дубовый столъ,
А ушолъ тутъ ножикъ да до черенья.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
«Ты съ добра мнѣ отдашь, дакъ я добро́мъ возьму,
«А съ добра не отдашь, дакъ я сило́мъ возьму.»

*) Прослушавъ эту былину, Иванъ Феоновъ (см. ниже. XIII) замѣтилъ, что и самъ ее пѣвалъ въ прежнее время. съ тою только разницею, что Иванъ Годеновичъ (такъ онъ произносилъ это имя) не взялъ предложенной ему Владиміромъ силы 40 тысячей и казны, а выпросилъ себѣ только въ товарищи одного «Ефимка паромка.»

Какъ скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги
А взиматъ-то онъ Марью Митріёвичну,
А взиматъ ю за руценки за бѣлыи
А за́ тыи за перстни за злачеными.
Да какъ тутъ-то Иванушко Годиновичъ
А поѣхалъ назадъ да въ свою сторону,
А ѣдетъ тутъ Иванъ по чисту́ полю,
А ѣхалъ онъ отъѣхалъ далецёшенько.
Какъ говоритъ тутъ Иванъ да таково слово:
«А рать же вы силушка великая,
«А ѣдьте-то вы топери съ извѣстьицемъ
«А ко́ моему ко ро́дному ко дядюшкѣ,
«А къ стольнёму князю ко Владиміру:
«А взята у насъ Марья Митріёвична,
«А взята-то, взята, мы сило́мъ да везёмъ.»
Какъ ратная силушка великая
Да какъ тутъ-то она отправляласе,
А скорымъ-то скоро̀, скоро̀ скорёшенько,
А ко тому ко городу ко Кіеву
А къ стольнёму князю ко Владиміру.
Какъ тутъ тотъ Иванушко Годиновичъ
Ино хочетъ онъ съ Марьей позабавиться,
А началъ забавляться на чисто́мъ полѣ,
А на чисто́мъ-то поли да во бѣло́мъ шатри.
А живетъ тутъ молоде́цъ, забавляется,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
А на ту́-то пору́ да на то времячко
Пріѣзжаетъ Кощей да сынъ Трипе́товичъ
А къ гостю къ купцю еще къ Мйтрінщу
А за Марьей-то, за Марьей Митріёвичной.
Какъ говоритъ спромолвитъ таково слово:
— Ахъ ты гость, ты купецъ да еще Мйтрінщо!
— А ты скажи, скажи да не утай себя:
— А гдѣ у тя Марья Митріёвична? —
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово
А гость-отъ купецъ да еще Мйтрінщо:
«А царь ты Кощегъ сынъ Трипе́товичъ!
«А тая эта Марья Митріёвична
«Уве́зена у Иванушка Годиновича,
«А взята-то, взята за себя замужъ.»
Какъ царь тутъ Кощегъ сынъ Трипе́товичъ
А скоро-то онъ вѣдь снаряжается,
А скоро за Иваномъ отправляется,
А скоро за Иваномъ вслѣдъ съ угоною.
Какъ засталъ-то ёнъ Ивана на чисто́мъ поли,
А на чи́стоемъ полюшки въ бѣло́мъ шатри,
А съ той съ этой Марьей Митріёвичной.
Да увидалъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя того Кощега да Трипе́товича, —
Не до́йде тутъ Иванушку вѣдь бо́льше сидѣть.
Скочилъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,

А начали тутъ биться óны ратиться
А со царёмъ со Кощегомъ со Трипéтовичемъ;
Да побилъ тутъ Иванушко Годиновичъ
А царя да Кощега что Трипетовича,
А побилъ его, сбилъ на сыру землю,
А сѣлъ-то тутъ Иванъ да на бѣлýю грудь
А къ царю къ Кощегу къ Трипéтовичу.
А на ту-то пору да на то времечко
А ножища при себи да не случилосе.
А говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А дай-ко ты ножищо мнѣ кинжалищо
— А пластать мнѣ Кощегу бѣлáя грудь,
— А вынять что сердечушко су печенью *(такъ)*,
— А розрыть, роскидать по чистý полю. —
А говоритъ Кощегъ тутъ таково слово:
«Ай ты Марья же, Марья Митріёвична!
«А не давай-ко ты Иванушку ножи́ща того,
«А ~~ножища-то ножи~~ща ты кинжалища.
«Дай я теби скажу да все порóзскажу, —
«А поди-ко ты Марья за меня замужъ,
«Дакъ будешь станешь слыть ты царицею;
«А не ходи-ко ты за Иванушка Годиновича.
«Да если ты да вѣдь пойдёшь за его,
«Дакъ будешь ты тамъ слыть да во портомойницахъ
«А у стольняго князя у Владиміра.»
Какъ этая тутъ Марьюшка роздумаласе:
— А что мнѣ-ка слыть да въ портомойницахъ,
— А лучше мнѣ слыть буде царицею. —
Какъ тутъ-то она да вѣдь подумала;
Говоритъ опять Кощегъ таково слово:
«Да ай же ты Марья Митріёвична!
«А тащи-ко ты Ивана за желты́ кудри,
«А со тыхъ со моихъ со бѣлы́хъ грудей.»
Какъ тая тутъ Марья Митріевична
Какъ хватила тутъ Ивана за желты́ кудри,
А тащила тутъ его да со бѣлы́хъ грудей
Со царя со Кощега со Трипéтовича.
Какъ ино тутъ оны да его Иванушка Годиновича
Да связали тутъ Ивану бѣлы рученьки,
А связали-то Ивану рѣзвы поженьки,
Какъ бросили Ивана тутъ подъ сы́рой дубъ.
Да тутъ царь-то Кощегъ да сынъ Трипéтовичъ
А началъ онъ съ Марьей забавлятися.
Да на ту-то пору да на то времячко
А налеталъ налеталъ да тутъ-то чёрной вранъ,
Садился тутъ воронъ на сы́рой дубъ
А зáкрычалъ воронъ громкимъ голосомъ,
А спрояза́чился язы́комъ человѣческимъ,
А крычитъ говоритъ онъ таково слово:
— А не владѣть этой Марьей Митріёвичной
— А царю да Кощегу да Трипéтовичу,
— А владѣть этой Марьею Митріевичной
— А тому да Иванушку Годиновичу! —
А царь тутъ Кощегъ сынъ Трипéтовичъ
Услыхалъ вороні́но звѣщовáніё,
Да хватилъ-то онъ скоро свой тýгой лукъ
А кладываетъ стрѣлочку каленую,
А стрѣли́лъ-то онъ въ цéрнаго во ворона,
А стрѣли́лъ-то, стрѣли́лъ да не попалъ въ ёго.
А полетѣлъ-то тутъ воронъ далечи́мъ далеко,
А улетѣла тая стрѣлка по подóблачью.
А зашолъ тутъ Кощегъ да во бѣлóй шатеръ,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Какъ этая стрѣла да тутъ калéная
А обвернулася стрѣла назадъ обратно есть,
А пала тутъ стрѣла да на бѣлóй шатёръ,
А пала попала въ буйну ~~голову~~
А царю да Кощегу Трипéтовичу.
Да тутъ-то вѣдь царь Кощегъ сынъ Трипéтовичъ
А палъ-то онъ на матушку сыру землю,
А облился онъ кровью горючею, —
А только тутъ Кощегушку славы́ поютъ.
Какъ тая эта Марья Митріёвична
А взимала въ руки сабелку вострую,
А начала сабелкой помахивати,
А начала тутъ Марья выговаривати:
«Какъ у женщинъ-то вѣдь да какъ нýнечку
«А волосъ-то дологъ да вѣдь ýмъ коротокъ.
«А й отъ бéрежка я топерь откáчнуласе,
«А къ дрýгому какъ я не прикáчнуласе.
«А отсѣчь мнѣ Ивану буйна гóлова.»
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Ай ты Марья, ты Марья Митріёвична!
— А не сѣки́-тко ты мни да головушки, —
— А топеречка нунь я въ безвремяньицѣ, —
— А лучше ты поди да за меня замужъ.
— А столько-то я еще да вѣдь ужъ тебя,
— Да за эту вину да за великую,
— А дамъ я ти три грóзы небóльшенькіи. —
Да какъ тутъ она Марьюшка роздумаласе:
«А первую онъ грозу мнѣ-ка-ва даётъ,
«А перву даетъ, дакъ я вѣдь годъ прóживу,
«А дрýгую даетъ, дакъ я дрýгой прóживу,
«А трéтьюю даетъ, дакъ я вѣкъ прóживу.
«А отвяжу я-то Ивана отъ сырá дуба,
«Отвяжу-то ему да бѣлы рученьки,
«А отвяжу ему рѣзвы ноженьки.»
Отвязала тутъ Ивана отъ сырóго дубá,
А розвязала тутъ ему бѣлы рученьки,
Розвязала тутъ ему рѣзвы ноженьки.

Да какъ сталъ тутъ Иванъ на рѣзвы́ ноги,
А взимаетъ въ руки сабелку вострую,
Да отсѣкъ ей по колѣнъ тутъ рѣзвы ноженьки,
А потомъ да отсѣкъ да бѣлы рученьки:
— А этыхъ мнѣ-ка ноженёкъ не надобно,
— Охапляли какъ поганаго татарина.
— А этыхъ мнѣ-ка рученекъ не надобно,
— Обнимали какъ поганаго татарина. —
Да отсѣкъ-то ей еще тутъ губушки:
— А этыхъ мнѣ-ка губушекъ не надобно,
— А цѣловали что поганаго татарина. —
А только Марьи и Кощéгу славы́ поютъ.
А тутъ-то Ивапушко Годиновичъ
Пошолъ-то одинъ да добрый мóлодецъ,
А одинъ-то единъ да единéшенёкъ.
А пришолъ тутъ Иванъ да во Кіевъ градъ
А ко своему ко рóдному ко дядюшки,
А ко тому ко князю ко Владиміру,
А пришолъ-то онъ пришолъ да не привёлъ никого,
А розсказалъ незгодушку великую
А стольнёму-то князю да Владиміру:
— Да ай же ты родной мой дядюшка,
— А стольнёй ты князь да есть Владиміръ нашъ!
— А надо мной была незгода тамъ великая:
— Я покончилъ да царя да Кощега тамъ,
— А царя да Кощега Трипéтовича;
— А Марья была провинилася,
— А сдѣлала вину она великую,
— Да тамъ я Марьюшку покончилъ ю,
— А отсѣкъ-то я ей рѣзвы ноженьки,
— А отсѣкъ я потомъ да бѣлы рученьки,
— А во третьихъ отсѣкъ ей губушки. —
Ино тутъ имъ и славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 27 іюля.

—

52.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

А й старыи казакъ онъ Илья Муромецъ,
А говоритъ Ильюша таково слово:
«Да ай же мои братьица крёстовыи,
«Крёстовыи-то братьица названыи,
«А молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А ѣдь-ко ты Добрыня за синё море,
«Кори-тко ты язы́ки тамъ невѣрныи,
«Прибавляй земельки святорусскіи.
«А ты-то ѣдь еще Михайлушка
«Ко тыи ко корбы́ *) ко темныи,
«Ко тыи ко грязи́ ко черныи,
«Кори ты тамъ язы́ки все невѣрныи,
«Прибавляй земельки святорусскіи.
«А я-то видь старикъ да постарше васъ,
«Поѣду я во далéчо еще во чистó поле,
«Корить-то я язы́ки тамъ невѣрныи,
«Стану прибавлять земельки святорусскіи.»
Какъ тутъ-то молодцы да порозъѣхались
Добрынюшка уѣхалъ за синё морё,
Михайла ёнъ уѣхалъ ко корбы́ ко темныи,
А ко тыи ко грязи́ ко черныи,
Къ цáрю онъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву.
Ильюшенька уѣхалъ во чистó поле,
Корить-то тамъ язы́ки всё невѣрныи
А прибавлять земельки святорусскіи.
Пріѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ-онъ
А на тоё на дáлечо на чистó полё,
Роздёрнулъ тутъ Михайлушка свой бѣлъ шатёръ,
А бѣлъ шатёръ еще бѣлополóтняной.
Тутъ-то онъ Михайлушка роздумался:
— Не честь-то мнѣ хвала мóлодецкая
— Ѣхать молодцу мнѣ-ка томному,
— А томному молодцу мнѣ голодному;
— А лучше молодецъ я поѣмъ попью. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановичъ
Поѣлъ, попилъ Михайлушка, покушалъ онъ,
Самъ онъ молодецъ тутъ да спать-то лёгъ.
Какъ у того царя Вахрамѣя Вахрамѣева
А была жила тамъ да любезна дочь,
А тая эта Марья лебедь бѣлая.
Взимала она трубоньку подзорнюю,
Выходитъ что на выходы высокіи
А смотритъ какъ во трубоньку подзорнюю
Во далечо она во чисто полё:
Углядѣла усмотрѣла во чистóмъ поли,
Стоитъ-то тамъ шатёръ бѣлополóтняный,
Стоитъ тамъ шатёръ еще смáхнется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розмáхнется,
Стоитъ шатёръ еще вѣдь ужъ сóйдется,
Стоитъ шатёръ тамъ еще розóйдется.
Какъ смотритъ эта Марья лебедь бѣлая,
А смотритъ что она, еще думу думаетъ:
«А это есте здѣ да руськiй богáтырь же.»
Какъ бросила тутъ трубоньку подзорнюю,
Приходитъ тутъ ко рóдному ко батюшку:
«Да ай же ты да мой рóдной батюшко,

*) Что такое *корба*, пѣвецъ въ точности не зналъ, но сказалъ, что по его соображенію это должно значить лѣсъ.

«А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
«А далъ ты мнѣ прощенья благословленьица
«Летать-то мнѣ по тихіимъ за́водямъ,
«А по́ тымъ по зеленыимъ по за́тресьямъ,
«А бѣлой лебедью три́ году.
«А тамъ я налеталась нагулялася,
«Еще вѣдь я наволевалась *)
«По тыимъ по тихіимъ по за́водямъ,
«А по́ тымъ по зелёныимъ по за́тресьямъ.
«А нуньчу вѣдь ты да позволь-ко мнѣ
«А дру́го ты еще мнѣ-ка три́ году
«Ходить гулять-то во да́лечемъ мни во чисто́мъ поли,
«А красной мнѣ гулять еще дѣвушкой.»
Какъ онъ опять на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Ай же ты да дочка-та царская мудрёная!
— Когда плавала по тихіимъ по за́водямъ,
— По тымъ по зеленыимъ по за́тресьямъ,
— А бѣлой ты лебёдушкой три́ году,
— Ходи же ты гуляй красной дѣвушкой
— А друго-то еще три да три́ году,
— А тожно **) тутъ я тебя замужъ отдамъ. —
Какъ тутъ она еще поворотиласе,
Батюшку она да поклониласе.
Какъ батюшко да даваетъ ей нянёкъ мамокъ-тыхъ,
Ахъ тыхъ ли этыхъ вѣрныихъ служаночекъ.
Какъ тутъ она пошла красна дѣвушка
Во далечо она во чисто́ полё,
Скоры́мъ скоро́, скоро́ да скорёшенько,
Не могутъ за́ ней тамъ гнаться няньки-ты,
Не могутъ за́ ней гнаться служаночки.
Какъ смотритъ тутъ она красна дѣвушка,
А няньки эты всѣ да оставаются,
Какъ говоритъ она тутъ таково слово:
«Да ай же вы мои ли вы нянюшки!
«А вы назадъ топерь воротитесь-ко,
«Не нагоняться вамъ со мной красной дѣвушкой.»
Какъ нянюшки вѣдь ёй поклонилися,
Назадъ оны обратно воротилися.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая,
Выходитъ тутъ она ко бѣлу шатру,
Какъ у того шатра бѣлополотняна
Стоитъ-то тутъ, увидалъ ю добрый конь,
Какъ началъ ржать да еще копьёмъ-то мять ***)
Во матушку-ту во сыру землю,
А стала мать земелюшка продрагивать.

*) т. е. пользовалась волею. **) *Тожно* — тогда. ***) *Копьёмъ*, по объясненію пѣвца, тутъ значитъ — копытомъ; «такъ поется», утверждалъ Прохоровъ.

Какъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу онъ самъ пометается,
Выскакалъ онъ въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкіи бѣлыи рубашки безъ пояса.
Смотритъ тутъ Михайло на вси стороны,
А некого онъ не наглядѣлъ тутъ былъ.
Какъ говоритъ коню таково слово:
— Да ай ты волчья сыть травяной мѣшокъ!
— А что же ржешь ты да копьёмъ-то мнешь
— А во тую во матушку сыру землю,
— Треложишь ты русійского бога́тыря? —
Какъ взглянетъ на дру́гую шатра еще другу сто́рону,
Ажно тамъ-то вѣдь стоитъ красна дѣвушка.
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка подскакивалъ,
А хочетъ цѣловать милова́ть-то ю,
Какъ тутъ ёна ёму воспрого́воритъ:
«Ай же ты уда́лой доброй мо́лодецъ!
«Не знаю я теби да ни имени,
«Не знаю я тебя ни изотчины.
«А царь ли ты есте, ли царевичъ былъ,
«Король ли ты да королевичъ есть?
«Столько знаю да ты русской-то бога́тырь здѣсь.
«А не цѣлуй меня красной дѣвушки,
«А у меня уста были поганыи,
«А есть-то вѣдь ужъ вѣры я не вашіи,
«Не вашей-то вѣдь вѣры есть, поганая.
«А лучше-то возьми ты меня къ себѣ еще,
«Ты возьми, сади на добра́ коня,
«А ты вези меня да во Кіевъ градъ,
«А проведи во вѣру во крещеную,
«А тожно ты возьми-тко меня за себя́ замужъ.»
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла сынъ Ивановъ былъ
Садилъ онъ-то къ себѣ на добра́ коня,
Повезъ-то вѣдь ужъ ю тутъ во Кіевъ градъ;
А привозилъ Михайлушка во Кіевъ градъ,
А проводилъ во вѣру во крещеную,
А приняли оны́ тутъ златы вѣнцы,
Какъ клали оны заповѣдь великую:
Который-то у ихъ да наперёдъ умретъ,
Тому итти во матушку сыру землю на три́ году
Со тымъ со тѣломъ со мертвымъ.
Ино оны вѣдь стали жить-то быть,
Жить-то быть да семью сводить,
Какъ стали-то они дѣтей на́живать.
Да тутъ затымъ князь тотъ стольнё-кіевской
Какъ сдѣлалъ онъ задернулъ свой почестный пиръ
Для князей бояръ да для кіевскихъ
А для русійскихъ всихъ могучихъ бога́тырёвъ;
Какъ вси-то оны па́ пиръ собираются,

А вси тутъ на пиру наѣдаются,
А вси тутъ на пиру напиваются,
Стали всѣ оны тамъ пьянёшеньки,
А стали всѣ оны веселёшеньки.
Стало красно солнышко при вечери,
Да почестной пиръ, братцы, при весели.
Какъ тутъ-то вѣдь не ясныи соколы
Во чистомъ поли еще розлеталися,
Такъ русійскіе могучіе богатыри
Въ одно мѣсто съѣзжалися
А на тотъ-то на тотъ на почестной пиръ.
Ильюшенка пріѣхалъ изъ чиста поля,
Хвастаетъ Ильюшенка спрогоборитъ:
— А былъ-то я еще во чистомъ поли,
— Корилъ-то я языки все невѣрныи,
— А прибавлялъ земельки святорусскіи. —
Какъ хвастаетъ-то тутъ Добрынюшка:
«А былъ-то я за славнымъ за синимъ моремъ,
«Корилъ тамъ я языки все невѣрныи,
«А прибавлялъ земельки святорусскіи.»
Какъ ино что Михайлушки да чимъ буде повыхвастать,
Сидитъ-то тутъ Михайло думу думаетъ:
— Какъ я, у меня нуньчу у молодца
— Получена столькій есть молода жена.
— Безумной-отъ какъ хвастатъ молодой женой,
— А умной-отъ какъ хвастатъ старой матушкой.—
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка повыдумалъ:
— Какъ былъ-то я у корбы у темныи
— А у тыи у грязи я у черныи,
— А у того царя я Вахрамѣя Вахрамѣева,
— Корилъ-то я языкушки невѣрныи,
— А прибавлялъ земельки святорусскіи.
— Еще-то я съ царёмъ тамъ во другіихъ
— Игралъ-то я во доски тамъ во шахматны
— А въ дороги тавлеи золоченыи;
— Какъ я съ его еще тамъ повыигралъ
— Безсчётной-то еще-то золотой казны
— А сорокъ-то телѣгъ я ордынскіихъ.
— Повёзъ-то я казну да во Кіевъ градъ,
— Какъ отвозилъ я ю на чисто полё,
— Какъ оси-ты телѣжныи желѣзны подломилисе,
— Копалъ-то тутъ я погребы глубокіи,
— Спустилъ казну во погребы глубокіи. —
На ту пору еще на то времечко
Изъ Кіева тутъ дань поспросилисе
Къ царю тутъ къ Вахрамѣю къ Вахрамѣеву,
За двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшній.
Какъ князи тутъ-то кіевски, вси бояра
А тотъ ли этотъ князь стольнё-кіевской
Какъ говоритъ промолвитъ таково слово:
«Да ай же вы бояра вы мои всѣ кіевски,
«Русійски всё могучіи богатыри!
«Когда нунь у Михайлушка казна еще
«Повыиграна съ царя съ Вахрамѣя Вахрамѣева,
«Дакъ нунечку еще да топеречку
«Изъ Кіева нунь дань поспросилисе
«Царю тутъ Вахрамѣю Вахрамѣеву
«Пошлемъ-то мы его да туды-ка-ва
«Отдать назадъ безсчётна золота казна,
«А за двѣнадцать лѣтъ за прошлыи годы что за нунѣшній.»
Накинули тутъ службу великую
А на того Михайлу на Потыка
Вси князи тутъ бояра кіевски,
Вси русійскіи могучіи богатыри.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайла отряжается,
Какъ тутъ-то онъ Михайла снаряжается,
Опять назадъ ко корбы ко темныи
А ко тыи ко грязи ко черныи,
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А ѣхалъ онъ туды да три мѣсяца.
Какъ пріѣзжалъ онъ тутъ во царство-то
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву,
А заѣзжалъ на его да на широкъ дворъ,
А становилъ онъ добра коня вѣдь середь широка двора,
Ко тому столбу ко точеному,
А привязалъ къ кольцу къ золоченому.
Насыпалъ коню онъ пшены бѣлояровой,
Самъ онъ шолъ вѣдь тутъ по новымъ сѣнямъ,
А заходилъ въ полату во царскую
Къ царю ёнъ къ Вахрамѣю Вахрамѣеву.
Какъ скоро онъ Михайлушка докладъ держалъ,
Клонится Михайло на вси стороны,
А клонится на четыре сторонушки,
Царю да Вахрамѣю въ особину:
— Здравствуй царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!—
«Ахъ здравствуй-ко удалый доброй молодецъ!
«Не знаю я тебѣ да не имени,
«Не знаю я тебѣ не изотчины.
«А царь ли ты вѣдь есть, ли царевичъ здѣ,
«Ли король, ли ты королевичъ есть,
«Али съ тиха Дону ты донской казакъ,
«Аль грозной есть посолъ ляховитскій,
«Аль старыи казакъ ты Илья Муромецъ?»
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Не царь-то вѣдь ужъ я, не царевичъ есть,
— А не король-то я, не королевичъ есть,
— Не изъ тиха Дону не донской казакъ,
— Не грозной я посолъ ляховитскій былъ,

гарый я казакъ Илья Муромецъ.
гь-то я изъ города изъ Кіева
дой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.—
ъ же ты Михайла заѣзжалъ сюда?»
лъ-то я сюда заѣзжалъ къ тебѣ,
рь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
слыхалъ — скажутъ ты охвочъ играть
ь доски-ты шахматны,
дóроги тавлеи золочены,
го вѣдь еще ужъ также бы.
раемъ-ко во доски мы шахматны,
óроги тавлеи золочены.
хъ же ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
шь-ко ты да безсчётной золотой казны
рокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ. —
о тутъ Михайлушко спрогóворитъ:
ты царь же Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
ю я о головки молодецкіи,
я тебя буду служить да слугою вѣрною
рокъ-то годовъ тебѣ съ годичкомъ,
рокъ-то телѣгъ за ордынскіихъ. —
отъ-то царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ
играть во доски-ты шахматны
роги тавлеи золочены,
-то вѣдь онъ да пóигралъ.
тъ-то себѣ да вѣдь думаетъ:
мнѣ молодца да повыиграть.
тъ они наставили дóщечку-ту шахматну,
оны по дощечки ходить гулять.
Михайлушка ступéнь ступилъ—не дóступилъ,
й какъ ступилъ, самъ призáступилъ,
что ступилъ, его пóигралъ,
алъ безчётну золоту казну
ъ-то телѣгъ-тыхъ ордынскіихъ.
ь промолвитъ таково слово:
къ ты царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ!
речку еще было нунечку
изъ города изъ Кіева спросиласи.
-то вѣдь нунь она назадъ пойдетъ
эта безсчётна золота казна,
двѣнадцать годъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
цъ-то вѣдь тутъ дань поворотиласе. —
ъ-то вѣдь царю да Вахрамѣю Вахрамѣеву
зарко есть, роззадорило,
аль безчётной золотой казны.
зоритъ Михайлы таково слово:
дой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
рамъ еще со мной ты другой-отъ разъ.
ю я безсчётной золотой казны

«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ,
«А ты-то мнѣ служить да слугой будь вѣрною
«А сорокъ-то годовъ еще съ годичкомъ.»
Какъ бьетъ опять Михайлушко о своей головкѣ молодецкіи,
Наставили тутъ доску-ту шахматню,
Какъ начали оны тутъ ходить гулять
По тыи дощёчки по шахматнёй,
Какъ тутъ Михайлушка ступень ступилъ—не дóступилъ,
А дрýгой-то ступилъ, самъ призáступилъ,
А трéтій-то ступилъ, ёго й пóигралъ,
Какъ выигралъ безсчетной золотой казны
Сорокъ-то телѣгъ да ордынскіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
Воспроговоритъ опять ёнъ таково слово:
«Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Сыграемъ-ко мы еще остатній разъ —
«Во тыи во дощечки во шахматни.
«Какъ я-то вѣдь ужъ царь Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
«А бью съ тобой, Михайло сынъ Ивановичъ,
«А о тоёмъ о томъ великъ залогъ,
«А буду я платить дань во Кіевъ градъ,
«А за тыихъ двѣнадцать лѣтъ за прошлыи что годы что за нунѣшній,
«А сорокъ я телѣгъ да ордынскіихъ;
«А ты бей-ко о головки молодецкіи,
«Служить-то мнѣ слугою да вѣрною,
«А будь ты мнѣ служить да до смерти-то.»
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка
А бьетъ-то онъ о головки молодецкіи,
Служить-то царю до смерти-то.
Остатній разъ наставили дощёчку тутъ шахматню.
А й тутъ Михайлушка ступень ступилъ — не дóступилъ,
А дрýгой-то ступилъ, самъ призáступилъ,
А третій какъ ступилъ, ёго и пóигралъ,
Выигралъ безсчётну золоту казну,
А дань платить во Кіевъ градъ великую.
На ту пору было на то времечко
А налеталъ тутъ голубъ на окошечко,
Садился-то тутъ голубъ со голубкою,
Началъ по окошечку похаживать,
А началъ онъ затымъ выговаривать
А тымъ а тымъ языкомъ человѣческимъ:
— Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты играшь молодецъ да прокладаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
— Твоя-то есть вѣдь молода жена,

— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая, преставилась. —
Скочилъ тутъ какъ Михайла на рѣзвы́ ноги,
Хватилъ онъ эту доску тутъ шахматню,
Какъ бросилъ эту доску о кирпичной мостъ
А во полаты тутъ да во царскіи,
А терема вси тутъ пошаталисе,
Хрустальніи оконницы посыпались,
Да князи тутъ бояра вси мертвы́ лежатъ.
А царь тотъ Вахрамѣй Вахрамѣевичъ
А ходитъ-то вѣдь онъ роскоракою.
Какъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Ахъ молодой Михайло По́тыкъ сынъ Ивановичъ!
«Оставь ты мнѣ бояръ хоть на си́мена,
«Не стукай-ко доской ты во кирпичной мостъ.»
Какъ говоритъ Михайло таково слово:
— Ахъ же ты да царь Вахрамѣй Вахрамѣевъ былъ!
— А скоро же ты вези-тко безсчётну золоту казну
— Во стольнёй-отъ городъ да во Кіевъ градъ.—
Какъ скоро самъ бѣжалъ на широкій дворъ,
Какъ ино вѣдь сѣдлаетъ онъ своего добра́ коня,
Сѣдлатъ, самъ выговариватъ:
— Да ахъ же ты мой-то вѣдь ужъ добрый конь!
— А нёсъ-то ты сюды меня три мѣсяца,
— Неси-тко нунь домой меня во три́ часу. —
Приправливалъ Михайлушка добра́ коня,
Пошолъ ёнъ поскакалъ ёго добрый конь
Рѣки-ты озёра перескакивать,
А тёмной-отъ вѣдь лѣсъ промежъ ногъ пустилъ,
Пришолъ онъ прискакалъ да во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ прискакалъ вѣдь ужъ въ три́ часу.
Розсѣдлывалъ коня тутъ розуздывалъ,
А насыпа̀лъ пшены бѣлояровой,
А скоро самъ бѣжалъ онъ на выходы высокіи,
Закрычалъ Михайло во всю голову:
— Да ай же мои братьица крёсто́вы,
— Крёстовы вы братьица названы,
— Ай старыи казакъ ты Илья Муромецъ,
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А подьте-тко вы къ брату крестовому
— А на тую на думушку великую. —
Какъ тутъ-то вѣдь ужъ братьица справлялися,
Тутъ-то оны уда́лы снаряжалися,
Приходятъ оны къ брату крёстовому,
Къ мо́лоду Михайлы да къ По́тыку:
«Ай же братъ крёстовый нашъ названы!
«А ты чего крычишь, насъ треложишь ты,
«Русійскінхъ могучихъ насъ бога́тырёвъ?»
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
— Да ай же мои братьица крёстовыи,
— Крёстовыи вы братьица названы!
— Стройте вы колоду бѣлоду́бову,
— Итти-то мнѣ во матушку во сыру́ землю
— А со тымъ со тѣломъ со мёртвымъ,
— Итти-то мнѣ туды да на три́ году,—
— Чтобы можно класть-то хлѣба соли воды да туды-ка-ва,
— Чтобы было тамъ мни на три́ году запасу-то.—
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи
Скоры́мъ скоро̀, скоро̀ да скорешенько
Какъ строили колоду бѣлоду́бову;
Какъ тотъ этотъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Какъ скоро самъ бѣжалъ онъ во кузницу,
Сковалъ тамъ онъ тро́и-ты кле́ща-ты,
А трои прутья еще да желѣзныи,
А трои еще прутья оловяныи,
А третьи напослѣдъ еще мѣдныи.
Какъ заходилъ въ колоду бѣлоду́бову
А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ,
Какъ братьица крестовы тутъ названыи
Да на́били оны обручи желѣзныи
На тую колоду бѣлоду́бову.
А это тутъ вѣдь дѣло да дѣется
А во тую въ суботу въ христовскую;
Какъ тутъ эты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А братья что крёсто́вы названы,
Копали погребъ тутъ оны глубокіи,
Спустили ихъ во матушку во сыру́ землю,
Зарыли-то ихъ въ желты́ пески.
Какъ тамъ было змѣя подземельная,
Ходила тамъ змѣя по подзе́мелью,
Приходитъ къ той колоды бѣлоду́бовой,
Какъ разъ она змѣя тутъ да дёрнула,
А обручи на колоды тутъ лопнули.
Дру́той-отъ разъ еще она й дернула,
А рядъ-то ёна тёсу тутъ сдёрнула
А со тыи колоды бѣлоду́бовой.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлы не дойдетъ сидѣть,
А скоро какъ скочилъ онъ тутъ на́ ноги,
Хватилъ-то онъ тутъ кле́щи желѣзныи.
Какъ этая змѣя тутъ подземельная
Тре́тій еще разъ она дёрнула,
Остатній-то рядъ она сдёрнула.
Какъ тутъ Михайла съ женой споказалися,
Да тутъ тая змѣя зрадова́лася:
«А буду-то я нуньчу сытая,
«Сытая змѣя не голодная.
«Одно есте тѣло да мёртвое,
«Дру́га жива головка человѣческа.»
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановичъ
Захватилъ змѣю ю во кле́щи-ты,

ылъ онъ тутъ-то прутья желѣзныи,
чалъ бить поганую ю въ одноконечную *).
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
ринесу я ти живý водý да въ трй году.»
бьетъ-то змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
принесу я-то живý водý да въ двá году.»
нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
инесу-то я тебѣ живý водý въ одинъ-то годъ.»
схлысталъ онъ прутья-то желѣзныи
ю змѣю о проклятую,
илъ онъ тутъ-то прутья оловянныи,
етъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
инесу тебѣ живý водý я въ полъ-году.»
нѣтъ, мнѣ, окаянна, всё такъ долго ждать.—
етъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
ринесу живý водý въ три мѣсяца.»
нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
етъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
ринесу живý водý въ два мѣсяца.»
нѣтъ-то, мнѣ, поганая, все долго ждать. —
етъ-то онъ змѣю въ одноконечную,
схлысталъ онъ прутья оловянныи,
илъ-то онъ прутья да мѣдныи,
етъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:
юдой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
ринесу я ти живý водý а въ мѣсяцъ-то.»
нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
этъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
молится змѣя тутъ, покланяется:

*) е. безъ перерыва, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей-ко ты змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живý водý въ недѣлю-то.»
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«А принесу я ти живý водý въ три-то дни.»
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Принесу я ти живý водý въ два-то дня.»
— А нѣтъ, мнѣ, окаянная, все такъ долго ждать.—
А бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
Молится змѣя тутъ, покланяется,
А говоритъ змѣя да таково слово:
«А принесу живý водý въ одинъ-то день.»
— А нѣтъ, мнѣ, окаянна, все такъ долго ждать.—
Какъ бьетъ-то онъ змѣю въ одноконечную.
А молится змѣя тутъ, покланяется:
«Молодой Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Не бей больше змѣи, не кровавь меня,
«Принесу я ти живý водý въ трй часу.»
Какъ отпускалъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Какъ этую змѣю онъ поганую,
Какъ взялъ въ закладъ къ себи змѣёнышовъ,
Не спустилъ ихъ со змѣёй со поганою.
Полетѣла та змѣя по подзéмелью,
Принесла она живý водý въ трй часу.
Какъ скоро тутъ Михайла сынъ Ивановъ былъ
Взялъ онъ тутъ да вѣдь змѣёныша,
Ступилъ-то онъ змѣёнышу на ногу,
А какъ роздернулъ-то змѣёныша на двое,
Приклалъ-то вѣдь по старому въ однó мѣсто,
Помазалъ-то живой водой змѣёныша,
Какъ сросся-то змѣёнышъ, сталъ по старому;
А въ дрýгіихъ помазалъ — шевелился онъ,
А въ трéтьіихъ-то збрызнулъ — побѣжалъ-то какъ.
Какъ гóворитъ Михайла таково слово:
— Ай же ты змѣя да поганая!
— Клади же ты да заповѣдь великую,
— Чтобы ти нé ходить по подзéмелью,
— А не съѣдать-то бы тѣлъ ти мёртвыихъ. —
Какъ клала она заповѣдь поганая великую
А не ходить больше по подзéмелью
А не съѣдать бы тѣлъ да вѣдь мёртвыихъ,
Спустилъ-то онъ поганую, не ранилъ ли.
Какъ скоро тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ
Збрызнýлъ эту Марью лебедь бѣлую
Живой водой да ю да вѣдьою, эт

Какъ тутъ она еще да вѣдь вздрóгнула.
Какъ дрýгой разъ збрызнýлъ—она сидя сѣла-то,
А въ трéтьіихъ-то онъ збрызнýлъ—она повыстала,
А далъ воды́-то въ ротъ — она заговорила-то:
— Ахъ мóлодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— А долго-то я нунечку спáла-то. —
«Кабы не я, такъ ты вѣдь вѣкъ бы спала-то,
«А ты вѣдь да Марья лебедь бѣлая.»
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка роздумался,
А какъ бы имъ повытти со сырой земли.
Какъ думалъ-то Михайлушка, удумалъ онъ,
А закрычалъ Михайла во всю голову.
Какъ этоё дѣло-то вѣдь дѣется,
Выходитъ что народъ тутъ отъ завтренки христосскіи
На тую ца буевку да на ту сырý землю.
Какъ ино вѣдь народъ еще пріуслýхались,
А что это за чудо за диво есть,
Мертвыи въ земли закрычали вси.
Какъ этыи тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Въ одно мѣсто оны сходилися,
Сами тутъ оны вѣдь ужъ думу думаютъ:
— А видно нашъ есть братецъ былъ крестовыи,
— А стало душно-то ёму во матушки сырой земли,
— А со тымъ со тѣломъ со мёртвымъ,
— А ёнъ крычитъ вѣдь тамъ громкимъ голосомъ.—
Какъ скоро взымали лопаты желѣзныи,
Бѣжали тутъ оны да на яму-ту,
Розрыли какъ оны тутъ жолты́ пески,
Ажно тамъ оны да обы́ живы.
Какъ тутъ выходилъ Михайло изъ матушки сырой земли,
Скоро онъ тутъ съ братцами христоскался.
Какъ началъ тутъ Михайлушка жить да быть,
Тутъ пошла вѣдь славушка великая
По всёй орды, по всёй земли, по всёй да селенныи,
Какъ есть-то есте Марья лебедь бѣлая,
Лебедушка тамъ бѣлая, дочь царская,
А царская тамъ дочка мудреная,
Мудрёна она дочка безсмёртная.
Какъ на эту на славушку великую
Пріѣзжаетъ тутъ этотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ
А со своей со силою великою
А на тотъ-то да на Кіевъ градъ.
Какъ на ту пору было на то времечко
Богатырей тутъ дома не случилоси,
Столько тутъ дома да слýчился
Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка сряжается,
А тутъ-то вѣдь Михайло снаряжается
Во далечо еще во чистó поле,
А драться съ той со силою великою.
Подъѣхалъ тутъ Михайло сынъ Ивановъ былъ,
Прибилъ онъ эту силу всю въ трй часу.
Воротился тутъ Михайлушка домой онъ во Кіевъ градъ,
Да тутъ-то вѣдь Михайлушка онъ спать-то лёгъ.
Какъ спитъ онъ молодецъ прокладжается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
Опять-то пріѣзжаетъ тотъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ,
Больше того онъ со силой съ войскомъ былъ,
А во тотъ-то во тотъ да во Кіевъ градъ.
А началъ онъ тутъ Марьюшку подсватывать,
А началъ онъ тутъ Марью подговаривать:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«А ты поди-ко Марья за меня замýжъ,
«А за царя ты за Ивана за Окульева.»
Какъ началъ улещать ю, уговаривать:
«А ты поди поди за меня замýжъ,
«А будешь слыть за мной ты царицею,
«А за Михайломъ будешь слыть не царицею,
«А будешь станешь слыть портомойница
«У стольняго у князя у Владиміра.»
Какъ тутъ она еще да подумала:
— А что-то мнѣ-ка слыть портомойница,
— А лучше буде слыть мнѣ царицею
— А за тымъ за Иваномъ за Окульевымъ. —
Какъ ино тутъ она еще на то укидаласи,
Позвалась, пошла за ёгó замýжъ.
Какъ спитъ-то тутъ Михайло прокладжается,
А ничего Михайлушко не вѣдаетъ.
А тутъ-то есть его молода жена,
А тая-то вѣдь было любимá семья,
А еще она Марья лебедь бѣлая,
Замýжъ пошла за прекраснаго царя-то за Окульева.
Поѣхалъ тутъ-то царь въ свою сторону.
Какъ ото сну богáтырь пробуждается,
Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то ёго братьица пріѣхали,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Какъ началъ онъ у ихъ тутъ доспрашивать,
Началъ онъ у ихъ тутъ довѣдывать:
«Да ай же мои братьица крестовыи,
«Крёстовыи вы братьица названыи!
«А гдѣ-то есть моя молода жона,
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая?»
Какъ тутъ ёму оны воспрогóворятъ:

— Какъ слышали отъ князя отъ Владиміра,
— Твоя-то тамъ есте молода жена
— Она была вѣдь нунечку замужъ пошла
— А за царя-то за Ивана за Окульева. —
Какъ онъ на то вѣдь имъ отвѣтъ держитъ:
«Ай же мои братьица крестовыи!
«Пойдемте *) мы, братьица, за имъ слѣдъ **) съ угоною.»
Говорятъ ему таково слово:
— Да ай же ты нашъ братецъ крестовый былъ!
— Не честь-то намъ хвала молодцамъ
— А ѣхать за чужой женой еще слѣдъ съ угоною.
— Кабы ѣхать намъ-то вѣдь ужъ слѣдъ тобя,
— Дакъ ѣхали бы мы слѣдъ съ угоною. —
— А ѣдь-ко ты одинъ доброй молодецъ,
— А ѣдь-ко, ничего да не спрашивай.
— А застанешь ты вѣдь ихъ на чистомъ поли,
— А отсѣки ты тамъ царю да головушку. —
Поѣхалъ тутъ Михайла слѣдъ съ угоною,
Засталъ-то вѣдь ужъ ихъ на чистомъ поли.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Увидала тутъ Михайлушку Потыка,
Какъ тутъ скоро наливала питей она,
А питей наливала да сонныхъ.
Подходитъ тутъ къ Михайлы да къ Потыку:
«Ахъ молодъ-то ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Меня силомъ везетъ да прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
«Какъ выпей-ко ты чару зелена вина
«Со тоски досады со великіи.»
Какъ тутъ этотъ Михайла сынъ Ивановичъ
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
А по другой да тутъ душа горитъ,
Другую-то онъ выпилъ да вѣдь третью вслѣдъ.
Напился тутъ Михайла онъ допьяна,
Палъ-то на матушку на сыру землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ Ивану таково слово:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А отсѣки Михайлы ты головушку.»
Какъ говоритъ Иванъ тутъ таково слово:
— Да ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
— А соннаго-то бить что мни мёртваго.
— А лучше онъ проснится протверезится,
— Дакъ буду я бить-то ёго силою,
— Силою я войскомъ великіимъ,
— А будетъ молодцу мнѣ тутъ честь хвала. —

*) т. е. поѣдемте. **) т. е. вслѣдъ.

Какъ тутъ она еще да скорымъ скоро
Приказала-то слугамъ она вѣрнымъ
А выкопать что яму глубокую.
Какъ слуги ёй тутъ да вѣрныи
Копали оны яму глубокую.
Взимала тутъ Михайлу подъ пазухи,
Какъ бросила Михайла во сыру землю,
А приказала-то зарыть его въ песочики жолтыи.
Какъ ино тутъ впередъ оны поѣхали,
Оставался тутъ Михайла на чистомъ поли.
Какъ тутъ-то у Михайлы вѣдь добрый конь
А побѣжалъ ко городу ко Кіеву,
А прибѣгалъ тутъ конь да во Кіевъ градъ,
А началъ онъ тутъ бѣгать да по Кіеву.
Увидли-то какъ братья тутъ крестовыи,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
А старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ,
Самы какъ говорятъ промежу собой:
«А нѣтъ жива-то братца же крестоваго,
«Крестоваго-то братца названаго,
«Молода Михайлушки Потыка.»
Садились тутъ оны на добрыхъ коней,
Поѣхали они слѣдъ съ угоною.
А ѣдутъ тутъ оны по чисту поли,
Михайлинъ еще конь наперёдъ бѣжитъ.
А прибѣгалъ на яму на глубокую,
Какъ началъ тутъ онъ ржать да копьёмъ-то мять
Во матушку во ту во сыру землю.
Какъ смотрятъ эты братьица крестовыи:
«А видно этта братецъ нашъ крестовый былъ,
«А молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.»
Какъ тутъ-то вѣдь оны да скорымъ скоро
Копали эту яму глубокую,
А ёнъ-то тамъ проспался, прохмѣлился, протверезился.
Скочилъ-то тутъ Михайла на рѣзвы ноги,
Какъ говоритъ Михайла таково слово:
— Ай же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есте Марья лебедь бѣлая? —
Говорятъ тутъ братья таково слово:
«А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая
«Она-то вѣдь ужъ нунечку замужъ пошла
«А за прекраснаго царя да за Окульева.»
— Поѣдемте мы братьица съ угоною. —
Какъ говорятъ оны тутъ таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«А ѣхать намъ за бабой слѣдъ съ угоною,
«А стыдно намъ буде да похабно е.
«А ѣдь-ко ты одинъ, добрый молодецъ,
«Застанешь-то вѣдь ихъ ты на чистомъ поли,
«А ничего больше ты не слѣдуй-ко,

«А отсѣки царю ты буйну голову,
«Возьми къ себѣ ты Марью лебедь бѣлую.»
Какъ тутъ-то онъ Михайлушка справляется,
Какъ скоро слѣдъ съ угоной снаряжается.
Засталъ-то ихъ опять на чистóмъ поли,
А у тыхъ розстанокъ у крестовскіихъ,
А у того креста Леванидова.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая
Молодà Михайлу тутъ Пóтыка,
Какъ говоритъ она таково слово:
— Ай же ты прекрасный царь Иванъ Окульевъ ты!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной головы,
— А отсѣкетъ Михайла ти головушку. —
Какъ тутъ она опять скорымъ скорò
А налила питей еще сонныхъ,
Подноситъ-то Михайлушки Пóтыку,
Подноситъ-то, сама уговариватъ:
— А какъ межéнный день не можетъ живъ-то быть,
— Не можетъ живъ-то быть да безъ краснаго солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я не ѣсть не пить,
— Не ѣсть не пить, не могу больше жива быть
— А безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
— А выпей-ко съ тоски нунь съ кручинушки,
— А выпей-ко ты чару зеленá вина. —
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка на то да укидается,
А выпилъ-то онъ чару зелена вина,
А выпилъ — по другой душа горитъ,
А третью-то онъ выпилъ—самъ пьянъ-то сталъ,
А палъ на матушку на сыру землю.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову,
— Полно тутъ Михайлы слѣдъ гонятися. —
А говоритъ тутъ онъ таково слово:
«Ай же ты Марья лебедь бѣлая!
«А соннаго-то бить что мнѣ мертваго.
«А пусть-но онъ проснится, прохмѣлится, протверезится,
«А буду вѣдь я его бить войскомъ-то,
«А рать-то я вѣдь силушкой великою.»
Она ему на то отвѣтъ держитъ:
— Прибьетъ-то вѣдь силу-ту великую. —
Опять-то царь на то не слагается,
А поѣзжатъ-то царь да впередъ опять.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
Взимала тутъ Михайлушку Пóтыка,
Какъ бросила Михайлу черéзъ плечо,
А бросила, сама выговариватъ:
— А гдѣ-то былъ удáлой добрый молодецъ,
— А стань-то бѣлъ горючіи камешокъ,
— А этотъ камешокъ пролежи да наверхъ земли три́ году,
— А черезъ три́ году проди-ко онъ скрозь матушку скрозь сыру землю. —
Поѣхали оны тутъ впередъ опять,
А пріѣзжали въ эту землю Сарацынскую.
Какъ познали тутъ братьица крестовыи,
Старыи казакъ тутъ Илья Муромецъ
А молодой Добрынюшка Микитиничъ,
А не видать что братца есть крестоваго,
Мóлода Михайлы Пóтыка Иванова,
Самы тутъ говорятъ промежу́ собой:
«А набъ искать-то братца намъ крестоваго,
«А молода Михайлу Пóтыка Иванова.»
Какъ справились ёны тутъ каликамы,
Идутъ оны путёмъ да дорожкою,
Выходитъ старичокъ со сторонушки:
— А здравствуйте-тко братцы добры молодцы,
— А старыи казакъ ты Илья Муромецъ
— А молодой Добрынюшка Микитиничъ! —
А онъ-то ихъ знаетъ да оны не знаютъ кто:
«А здравствуй-ко ты еще дѣдушко.»
— А Богъ вамъ по пути добрымъ молодцамъ.
— А возьте-ко вы, братцы, во товарищи,
— Во товарищи вы возьте въ атаманы вы. —
Какъ тутъ-то оны вѣдь думу думаютъ,
Самы-то говорятъ промежу́ собой:
«Какой-то есть товарищъ еще намъ-то былъ,
«А где ёму да гнаться за намы-то!»....
«А ради мы вѣдь, дѣдушко, товарища.»
Пошолъ рядóмъ съ имá тутъ дѣдушко,
Пошолъ рядóмъ, еще напередъ-то ихъ.
А стали какъ ёны оставляться бы,
Одва-то старичка на виду ёго держатъ-то.
Какъ тутъ пришли въ землю въ Сарацынскую,
Къ прекрасному къ царю да къ Ивану Окульеву,
Ко тыи ко Марьи Вахрамѣёвной.
Какъ стали тутъ оны да рядóмъ еще,
Закрычали тутъ оны во всю голову:
— Ахъ же ты да Марья лебедь бѣлая,
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А дайте намъ злату еще милóстину спасéную. —
Какъ тутъ-то въ земли Сарацынскіи
Теремы во царстви ношаталися,
Хрустальніи оконницы посыпались

А отъ того отъ крику отъ каличьяго.
Какъ тутъ она въ окошко по пóясу бросалась,
А этая-то Марья лебедь бѣлая,
А смотрѣть-то каликъ что перехожіихъ.
А смотритъ, что сама воспрогóворитъ:
«Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
«А это не калики, есте русскіи богáтыри:
«Старыи казакъ Илья Муромецъ
«А молодой Дóбрынюшка Микитичъ-онъ,
«А трéтей я не знаю какой-то е.
«Возьми каликъ къ себи, ты кормй пои.»
Взимали тутъ каликъ да къ себѣ оны
А во тую полату во царскую,
Кормили-то поили каликъ оны досыти,
А досыти кормили ихъ да дóпьяна,
А нáдали имъ злата тутъ сéребра,
Насы́пали-то имъ да по пóдсумку.
Какъ тутъ оны пошли назадъ еще добры молодцы
Къ стольнёму ко городу ко Кіеву,
А óтошли отъ царства ровно трй версты,
Забыли оны братца что крестоваго,
А молода Михайлу Пóтыка Иванова.
Какъ отошли оны, затымъ вспоминили:
— Зачимъ-то мы пошли, а не то сдѣлали,
— Забыли-то мы братца-то крестоваго,
— Молода Михайлу Пóтыка Иванова. —
Какъ тутъ скоро назадъ ворочалися,
Самы́ тутъ говорятъ таково слово:
— Ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
— Куды дѣвала ты да братца-то крестоваго,
— А молода Михайлушку Пóтыка? —
Какъ тутъ она по поясу въ окошко-то бросалася,
Отвѣчатъ-то имъ таково слово:
«А вашъ-то есте братецъ крестовыи —
«Лежитъ онъ у розстанокъ у крестовскіихъ,
«А у того креста Леванидова,
«А бѣлымъ горючіимъ камешкомъ.»
Какъ тутъ оны поклонились воротилися,
Какъ тутъ пошли путемъ да дорогою:
Смотратъ, ищутъ братца-ю крестоваго,
Проходятъ оны братца тутъ крестоваго.
Какъ этая калика перехожая
А говоритъ тутъ имъ таково слово:
— Ай же вы да братья все крестовыи!
— Прошли да вы что братца есть крестоваго,
— А мóлода Михайлу Пóтыка Иванова. —
Какъ тутъ-то воротился старичокъ-тотъ былъ,
Приводитъ этыхъ братьицовъ крестовыихъ
Ко тому горючему ко камешку,
Да говоритъ тутъ старичокъ таково слово:
«А скидывáйте-ко вы братцы съ плечъ пóдсумки,
«А кладьте вы еще на сыру землю,
«А высыпайте вы да злато сéребро,
«А сыпьте-тко все вы въ одно мѣсто.»
Какъ высыпáли злато они серебро
А со тыихъ со тыхъ да со пóдсумковъ,
А сы́пали оны́ тутъ въ одно мѣсто.
Какъ началъ старичокъ тутъ живота дѣлить,
Дѣлитъ онъ на четыре на части бы.
Какъ тутъ-то говорятъ оны таково слово:
— Ай же ты да дѣдушко древный былъ!
— А что же ты животъ дѣлишь не ладно бы,
— А на четыре-то части не ровнó-то бы? —
Какъ говоритъ старикъ тутъ таково слово:
«А кто-то этотъ зды́нетъ да камешокъ,
«А кинетъ этотъ камень черéзъ плечо,
«Тому двѣ кучи да злата сéребра.»
А посылатъ Ильюшенка Добрынюшку
А приздынýть тотъ камешокъ горючіи.
Скочилъ-то тутъ Добрынюшка Микитичъ-онъ,
Хватилъ онъ этотъ камень, здынýлъ его,
Здынýлъ-то столько до колѣнъ-то онъ,
А больше-то Добрынюшка не мóгъ здынуть,
А бросилъ этотъ камень на сыру землю.
Подскакивалъ вѣдь тутъ Илья Муромецъ,
Здынýлъ óнъ этотъ камень до пояса,
Какъ больше-то Ильюшенка не могъ здынуть.
Какъ этотъ старичокъ тутъ подхаживалъ
А этóтъ-то онъ камешокъ покатывалъ,
А самъ онъ камешку выговаривалъ:
«А гдѣ-то былъ горючій бѣлой камешокъ,
«А стань-ко тутъ удáлый доброй молодецъ,
«А молодóй Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
«Подлекчись-ко Михайлушка лекки́мъ-лекко!»
Взималъ-то ёнъ да кинулъ черéзъ плечо,
А назади тамъ сталъ удалый доброй молодецъ,
Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ.
Какъ тутъ-то старичокъ имъ спрогóворитъ:
«Ай же вы богáтыри русьскіи!
«А я-то есть Микола можайскіи,
«А я вамъ пособляю за вѣру-отечество
«А я-то вамъ есть русскіимъ богáтырямъ.»
Да столько оны видли старичка тутъ бы.
Какъ строили оны тутъ часовенку
Тому оны Миколы можайскому.
Какъ тутъ этотъ М хайло сынъ Ивановичъ
А говоритъ-то имъ таково слово:
— Ахъ же мои братьица крестовыи!
— А гдѣ-то есть моя молода жена,
— А тая-та вѣдь Марья лебедь бѣлая? —
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Твоя-та еще есть молода жена

«Замужъ пошла за царя за Ивана за Окульева.»
Какъ говоритъ онъ имъ таково слово:
— Пойдемте-ко мы, братцы, слѣдъ съ угоною.—
Какъ говорятъ оны таково слово:
«Не честь-то намъ хвала молодецкая
«Итти намъ за чужой-то жонòй вѣдь за бабьею.
«Какъ мы-то за тобой, доброй молодецъ,
«Идемъ-то мы да слѣдъ-то съ угоною.
«Поди-тко ты одинъ, доброй молодецъ,
«А ничего не слѣдуй-ко, не спрашивай,
«А отсѣки царю ты буйну голову;
«Тутъ возьми ты Марью лебедь бѣлую.»
Какъ скоро шолъ Михайла-онъ Пóтыкъ-тотъ,
А приходилъ въ землю Сарацынскую;
Идéтъ-то онъ къ полаты ко царскіи.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ палила питей она сонныихъ
А тую эту чару зеленá вина,
Сама тутъ говоритъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевъ былъ!
— А не отсѣкъ Михайлы буйной гóловы,
— А онъ-то нонь Михайлушка живой-то сталъ.—
Какъ тутъ она подходитъ близёшонько,
А клонится Михайлы понизёшонько:
— Ахъ ты молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Силóмъ увёзъ прекрасный царь Иванъ Окульевичъ.
— Какъ нунечку еще было топерочку
— Межéнный день не можетъ живъ-то быть
— А безъ того безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
— А не могу-то я да вѣдь жива быть,
— А жива быть, не могу-то ѣсть ни пить.
— Топерь твои уста были печальніи,
— А ты-то вѣдь въ великой во кручинушки,
— А выпей-ко съ тоски ты со досадушки
— А нунечку какъ чару зеленá вина. —
Какъ выпилъ-то онъ чару — по другой душа горитъ,
А дрýгу выпилъ, еще третью слѣдъ.
Напился тутъ Михайлушка допьяна,
Палъ онъ тутъ на матушку на сырý землю.
Какъ этая тутъ Марья лебедь бѣлая
А говоритъ промолвитъ таково слово:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— А отсѣки Михайлы буйну голову. —
А говоритъ-то царь таково слово:
«Да ай же ты да Марья лебедь бѣлая!
«Не честь-то мнѣ хвала молодецкая
«А бить-то мнѣ-ка соннаго что мертваго,
«А лучше пусть проспится, прохмѣлится, протверезится,
«А буду бить ёго я вѣдь войскомъ-тымъ
«А силушкой своёй я великою.
«Какъ я ёго побью, а мнѣ-ка будетъ тутъ честь хвала
«По всёй орды еще да селенныи.»
Какъ тутъ-то эта Марья лебедь бѣлая
Бѣжала вѣдь какъ скоро въ кузницу,
Сковала тутъ ёна да вѣдь пять гвоздовъ,
Взимала она молотъ три пуда тутъ,
Хватила тутъ Михайлу какъ подъ пáзухи,
Стащила что къ стѣны-то городóвыи,
Роспялила Михайлу она на стѣну,
Забила ёму въ ногу да гвоздъ она,
А въ дрýгую забила другóй она,
А въ руку-то забила ёнà, въ дрýгу такъ,
А пятой-отъ гвоздъ ена обронила-то.
Какъ тутъ опа еще да Михайлушку
Ударила вѣдь молотомъ въ бѣлó лицо,
Облился-то онъ кровью тутъ горючею.
Какъ йно тутъ у того прекраснаго царя Ивана да Окульева
А бы́ло-то сестрица да рóдная,
А та эта Настасья Окульевна.
Пошла она гулять тутъ по городу,
Приходитъ ко стѣны къ городовыи,
А смотритъ — тутъ задёрнута чернáя зáвѣса,
Завѣшанъ тутъ Михайлушко Пóтыкъ-онъ.
Какъ тутъ она вѣдь зáвѣсы отдёрнула,
А смотритъ на Михайлушку Пóтыка.
Какъ тутъ онъ прохмѣлился добрый молодецъ,
Какъ тутъ ему она воспрогóворитъ:
— Молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Возьмешь ли ты меня за себя́ замужъ?
— А я бы-то тебя да избавила
— А отъ тыи отъ смерти безнапрасныи. —
«Да ай же ты Настасья Окульевна!
«А я тебя возьму за себя замужъ.»
А клалъ-то ёнъ тутъ заповѣдь великую.
Какъ этая Настасья тутъ Окульевна
Скорымъ скорò бѣжала въ кузницу,
Взимала óпа клéщи тамъ желѣзныи,
Отдирала отъ стѣны городóвыи
А молодá Михайлушку Пóтыка.
Взимала тамъ она съ тюрьмы грѣшника,
На мѣсто да прибила на стѣну городовую,
Гдѣ висѣлъ Михайлушка Пóтыкъ-тотъ,
А утащила тутъ Михайлушку Пóтыка
Въ особой-то покой да въ потайныи.

ыла óна нáдобей здравыихъ,
ъ скорò излѣчила тутъ Михайлушку.
утъ говоритъ таково слово:
ке ты Михайла сынъ Ивановъ былъ!
абъ-то тéби латы и кольчуги нунь,
абъ-то тéбѣ сабля-та вострая,
лица еще богатырская,
абъ-то тебѣ да добрá коня? —
ы ты Настасья Окульевна!
о, нужно, мнѣ-ка-ва надо вѣдь.»
утъ она да скорымъ скорò скорешенько
итъ да ко рóдному братцу-то:
ке ты мой братецъ родимыи,
красныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
-то красна дѣвушка нездрава е.
éсь мнѣ вó снѣ-вúдѣньи казáлось ли,
ь далъ ты ужъ мнѣ бы добрá коня,
аты-ты ужъ мнѣ-ка, кольчуги-ты,
лицу еще богатырскую,
ію да во третьіихъ вострую,
дрáва-то бы стала красна дѣвушка. —
нъ ей давалъ латы еще да кольчуги-ты,
цу еще богатырскую,
ь въ третьіихъ саблю-ту вострую,
онъ ей еще тутъ добрá коня,
коня богатырскаго.
утъ она сокрутилась обладилась,
ла коня богатырскаго,
тъѣзжала тутъ она на чистó поле,
а-то Михайлушки Пóтыку,
оворила тамъ она ему въ потай еще:
ди-ко ты Михайла на чистó поле,
амъ я теби тутъ добрá коня,
амъ теби латы кольчуги вси,
лицу еще богатырскую,
аблю еще дамъ я ти вострую. —
дилъ Михайла на чистó поле,
зжатъ Настасья-та Окульевна
на то на чистó поле
ому Михайлушки къ Пóтыку,
ватъ скоро ему тутъ добра коня,
свою богатырскую,
-ты, кольчуги богатырскіи,
ю-ту еще она вострую;
ился тутъ Михайлушка богáтыремъ.
утъ эта Настасья Окульевна
-то она назадъ домой скорымъ скорò,
итъ-то ко рóдному братцу-то:
одаримте тéбя братецъ мой родимыи!
лъ-то вѣдь какъ ты мнѣ добрá коня,
лицу ты мни богатырскую,
— А саблю ты мнѣ-ка да вострую,
— А съѣздила я вѣдь прогуляласе,
— Стала здрáва я вѣдь нуньчу красна дѣвушка.—
Сама она подвыстала на печку тутъ.
Какъ ѣдетъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Какъ на тоѐмъ на томъ добрóмъ кони.
Увидла тая Марья лебедь бѣлая,
Какъ ино тутъ подъѣзжатъ Михайло сынъ Ивановичъ
Ко тыи полаты ко царскіи;
Какъ говоритъ-то Марья лебедь бѣлая:
— Прекрасныи ты царь Иванъ Окульевичъ!
— Згубила насъ сестра твоя рóдная,
— А та эта Настасья Окульевна. —
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
Скоро она съ печки опущаласе.
Какъ тая эта Марья лебедь бѣлая
А налила питей опять сонныихъ,
А налила она тутъ, подходитъ-то
А ко тому Михайлушки Пóтыку:
— Ахъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
— Топерь-то нуньчу, нуньчу топеречку,
— Не можетъ-то межéнный день а жить-то быть,
— А жить-то быть безъ краснаго безъ солнышка,
— А такъ я безъ тобя, а мóлодой Михайла сынъ Ивановичъ,
— Не могу-то я вѣдь жúва быть,
— Не ѣсть, не пить, не жúва быть.
— Какъ топерь твои уста нунь печальніи,
— Печальніи уста да кручинніи,
— А выпей-ко ты чару зеленá вина
— Со тыи тоски со досадушки,
— А со досады съ той со великіи. —
А проситъ-то она во слёзáхъ ёго,
А во тыхъ во слёзахъ во великіихъ.
Какъ тутъ-то вѣдь Михайлушка Пóтыкъ-онъ
Занёсъ-то онъ праву руку за чару-то,
Какъ тутъ эта Настасья Окульевна
А толнýла ёнà ёго пóдъ руку, —
Улетѣла тая чара далечохонько.
Какъ тутъ молодой Михайла Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Напередъ отсѣкъ-то Марьи буйну голову,
Потомъ отсѣкъ царю да ~~прекрасному~~ Ивану Окульеву, —
А только-то вѣдь имъ тутъ славы поютъ, —
А придалъ-то онъ имъ да горькýю смерть.
Какъ скоро взялъ Настасью Окульевну,
А взялъ онъ взялъ вѣдь ю за себя замýжъ;
Пошли оны во церковь во Божію,

Какъ приняли оны тутъ златы вѣнци,
Придáлся тутъ Михайлушка на царство-то.
А сталъ-то тутъ Михайлушка царить-то жить
А лучше-то онъ стараго да лучше прежного.

Записано тамъ же, 27 іюля.

—

53.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 54).

А мхи были болота въ помóрской стороны,
А гольняя щелья *) въ Бѣлй-озерй,
А тая эта зябель въ подсиверной страны,
А сраны сарафаны по Мóши по рѣкй,
Да рострубисты становицы въ Кáргополй,
Да тутъ темныи лѣсы что смоленскіе,
А широки врата да чигарйнскіе.

А изъ-подъ дуба дуба дуба сыраго,
А изъ-подъ того сподъ камешка сподъ яфонта,
А выходила выбѣгала тамъ Волга мать рѣка,
Да какъ устьёмъ бѣжитъ да во синé море,
А во то во синé море во Турецкое;
А по той ли по матушки по Вóлги рѣкй
А бѣжало бѣжитъ а тридцать трй карабля,
А еще тамъ бѣжало бѣжитъ да безъ óдного,
А одинъ тотъ карабль есть лучше краше всѣхъ.
Да какъ тутъ въ кáраблю было напйсаноé,
Да какъ тутъ въ кáраблю напечáтаноё,
А написанъ-то носъ-отъ по змѣиному,
А корма-то была по звѣриному.
Тутъ кадóлы **) канаты были шéлковыи,
А паруса тутъ были изъ семи шелковъ,
А ты эты коржйнья ***) подзолóченыи.
Да какъ тутъ было въ томъ кáраблю
Да младъ сидитъ Сóловей да сынъ Гудйміровичъ
А со своима со дружинама съ хорóбрыма,
А хоробрыма дружинама Соловьёвыма,
Ино со своею со рóдною со мáтушкою.
Говоритъ тутъ Сóловей таково слово:
«Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинья Соловьёвыи!
«Да слушайте-тко бóльшаго й атáмана-то вы,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте-ко шестики мéрныи вы,
«А миряйте-ко лýдья *) морскй-то эты,
«А чтобы намъ молодцамъ туда проѣхати.»
Да тутъ ѣхали проѣхали что мóлодцы оны.
Да какъ тутъ Сóловей сынъ Гудйміровичъ
А гóворитъ промолвитъ таково слово:
«А взимайте въ руки трубоньки подзорніи,
«А глядите вы смотрите славный Кіевъ градъ,
«А тую эту присталь карабельную,
«Чтобы намъ молодцамъ еще попáсти тудà.»
Да тутъ ѣхали проѣхали что мóлодцы оны,
Да попали въ эту присталь карабельную,
А подъ стóльной-отъ подъ городъ какъ подъ Кіевъ градъ.
Да какъ тутъ Сóловей сынъ Гудйміровичъ
Еще гóворитъ промолвитъ таково слово:
«Ахъ вы братцы дружинушки хоробрыи,
«А хоробрыи дружинки Соловьёвыи!
«А слушайте-тко бóльшаго й атáмана-то вы,
«Да дѣлайте дѣло повелёное:
«А взимайте перву сходенку вóлжаную,
«А дрýгую сходенку серéбряную,
«А трéтью еще сходенку краснá золотà,
«А бросайте-ко сходенки на крýтъ бережòкъ.»
Какъ тутъ эты дружинушки хоробрыи,
А хоробрыи дружинья Соловьёвыи,
А взимали перву сходенку тутъ вóлжаную,
А другýю сходенку серéбряную,
Ино третьюю сходенку краснá золота,
А бросили сходенки на крýтъ бережòкъ.
«А по вóлжаной сходенки вáмъ братцы иттй,
«Все моимъ дружинушкамъ хорóбрыимъ,
«А хоробрыимъ дружинушкамъ Соловьёвыимъ;
«А по серебряпымъ сходенкамъ мáтушки моёй,
«А по зóлотой сходенкѣ мнѣ-ка иттй,
«А млáдому Сóловью сыну Гудйміровý.»
Да какъ тутъ Сóловей да сынъ Гудйміровйчъ
А взимаетъ онъ подарочки великіи,
Да сóрокъ сорокóвъ тутъ черныхъ соболёвъ,
А мéлкого звѣрю тутъ и смѣту нѣтъ;
А взимаетъ тутъ флакй да замóрскіи камкй,
А заморскіи камочки золочéныи,
Да приходитъ онъ къ князю къ Володймеру,
А вó тую во гридню во стóловую.
А крёстъ онъ кладывáе по писáному,
А поклонъ онъ вѣдь вёлъ да по учéному,

*) *Щелья* — скала; что значитъ *гольняя*, пѣвецъ не умѣлъ объяснить въ точности. **) т. е. снасти. — такъ объяснилъ пѣвецъ. ***) *Коржинья*, по словамъ Прохорова, значитъ «пропуски, крѣпости для скрѣпы судна».

*) *Луда* — мѣсто, усѣянное подводными камнями.

ıонится онъ на четыре на всѣ,
ъ вси четыре на сторонушки,
тольнёму князю-то въ особину.
(равствуетъ князя тутъ съ княгиною:
здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
со своей княгиной со Апраксіей,
со своей любимой со племянницей!»
такъ онъ его тутъ еще здравствуетъ:
ı здравствуй ты удалый добрый молодецъ!
Ie знаю я тебя ни по имени,
ı знаю что тебя да по изотчинѣ,
ı царь ли ты есть, ли царевичъ ли,
Іи король ли ты есть, королевичъ ли,
ıли съ тиха́ Дону́ ты донской казакъ,
.ли грозныи посолъ ты ляховитскій бы? —
не царь-то я, да не царевичъ былъ,
не король-то я, не королевичъ былъ,
не изъ тиха́ Дону я донско́й казакъ,
не грозныи посолъ я ляховитскій былъ;
есть какъ я зъ-за славнаго синя́ моря,
я есть младъ Со́ловей да сынъ Гудиміровичъ.
я пришолъ-то къ теби да здѣ докла́дъ держу́,
на-ко ти подарочки великіи мои,
за́ ти сорокъ сороковъ моихъ чёрныхъ собо-
лёвъ,
ино мелкого звѣрю еще смѣту нѣтъ.
на-тко ты княгиня да Опраксія,
за-тко ты подарочекъ великіи,
зозьми-тко ты флакй да замо́рскіи камкй,
заморскіи камочки золочёныи.»
ринимать-то княгиня да восхва́ливать:
. ты младъ Со́ловей да сынъ Гудиміровичъ!
. спасибо за подарочки великіи.
. не бывать-то зди камки такой во Кіеви
(не бывать, не бывать да не быва́ть таковой.—
тутъ князь-то еще да стольнё-кіевской
тутъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ!
гимъ-то мнѣ-ка тебя жа́ловати
за эти подарочки великіи?
юда ли тебѣ надо съ пригородками,
ъ села ли тебѣ надо е съ присёлками,
я много набъ безсчетной золотой казны?»
нъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
а ай же ты князь да стольнё-кіевской!
. не набъ мнѣ городовъ съ пригородками,
а не набъ мнѣ-ка селъ да съ присёлками,
. не набъ-то мни безсчетной золотой казны,
. у меня да своей есте долюби.
. столько ты мнѣ позво́ль-ко ещё
. поставить построить мнѣ-ка три́ терема́,
— А три терема мнѣ златове́рхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— А гди маленьки ребятка да сайки продаютъ,
— А гди сайки продаютъ да гди барышничаютъ.—
А говоритъ промолвитъ таково слово
Ино тотъ ли князь да стольнё-кіевской:
«Ахъ ты младъ Со́ловей да сынъ Гудиміровичъ!
«Куды знаешь туды ста́вь-ко ещё,
«А за эти подарки за великіи.»
Да скоро Со́ловей тутъ поворо́тъ держалъ.
Приходитъ ко дружинушкамъ хоробрымъ,
А хоробрымъ дружинамъ Соловьёвымъ,
Да онъ го́воритъ промолвитъ таково слово:
— Что вы братцы дружинушки хоробрыи,
— А хоробрыи дружинья Соловьевыи!
— А вы слушайте-ко бо́льшаго ата́мана-то вы,
— А скидыва́йте съ себи пла́тьица цвѣтныи,
— А надѣвайте на ся платьица лосиныи,
— А лосиныи платьица звѣриныи,
— Да взимайте-тко топорички булатніи,
— А стройте-то ставьте братцы три́ терема́,
— А три терема-то златоверхіихъ,
— Середь города да середь Кіева,
— Что верхи бы съ верхамы завивалиси,
— А что къ утру къ свѣту чтобы гото́вы былй,
— А готовы былй мнѣ-ка жи́ть перейтй. —
Какъ эты тутъ дружинушки хоробрыи
Оны слушали-то бо́льшаго й ата́мана оны,
Скидыва́ли съ се́бе платьица цвѣтныи оны,
Надѣвали на ся платьица лосиныи оны,
Да взимали тутъ топорики булатніи,
А ставили строили тутъ три́ терема́,
А три терема да златоверхіихъ,
Что верхи-ты съ верхами завиваются,
А къ утру къ свѣту гото́вы оны,
А готовы оны да мошно жи́ть перейтй.
Да какъ тутъ Соловей сынъ Гудиміровичъ
А въ тыи те́ремы да сбира́ется онъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
А съ хоробрыма съ дружинамы Соловьёвыма,
А со своей со ро́дною со ма́тушкою.
Да тутъ-то вѣдь у князя Володи́мера,
Ино тая-то любимая племянница,
Мо́лода Любавушка Забавишна,
Да взимаетъ въ руки трубоньку подзорнюю,
А шла она на выходы высокіи,
А смотритъ въ эту трубоньку подзорнюю
А по городу по городу по Кіеву;
А углядѣла усмотрѣла тамъ и три́ терема́,
А три терема да златоверхіи,
А верхи что съ верхамы завиваются,

Середь города да середь Кіева.
Какъ бросала эту трубоньку подзорнюю,
А приходитъ ко ро́дному къ дядюшкѣ,
Еще стольнему князю къ Володимеру.
«Да ай же ты мой ро́дной дядюшка!
«Да позволь-ко ты мни да красной дѣвушкѣ
«Проходиться прогуляться вдоль по Кіеву,
«Вдоль по Кіеву да мнѣ по городу.»
Да онъ-то вѣдь на то ёй отвѣтъ держитъ:
— Да ай же ты да моя любимая,
— Ай любимая любима племянничка!
— А сходи-тко ты прогуля́йся туда̀. —
Ино тутъ эта любима племянница,
Да скоры́мъ-то скоро̀, скоро̀ скорёшенько,
Да вѣдь тутъ-то она да сокруча́лася,
А вѣдь тутъ-то да снаряжалася,
Вдоль по городу гулять да вѣдь по Кіеву.
Да къ первому къ те́рему подхо́дитъ она̀,
Ино въ томъ терему́ да шопотко́мъ говорятъ,
А тутъ-то Соловьёва родна матушка
Да какъ молится-то Господу Бо́гу она̀.
Да къ дру́гому къ те́рему подхо́дитъ она̀,
А тая-то любимая племянница,
Ино въ томъ терему́ да тамъ-то стукъ да гремъ.
А тутъ-то Соловьёвыи дружинушки
Тутъ считаютъ-то безсчетну золоту казну
Да у млада Соловья Гуди́мірова.
Да какъ къ тре́тьему къ те́рему подхо́дитъ она̀,
Ино въ томъ терему́ да младъ сидитъ да Со́ловей,
А младъ сидитъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
Со своима со дружинамы съ хоробрыма,
Со хоробрыма дружинамы Соловьёвыма,
А на тоѐмъ стулѣ золочёноёмъ,
А й сидитъ-то сидитъ забавляется;
Тамъ вси скачутъ, пляшутъ оны, пѣсенки поютъ,
Во музы́ки да во скрыпочки найгрываютъ.
Да какъ тутъ эта любимая племянница
Да подходитъ она къ ему ближе́шенько
А клонится она понизе́шенько:
«Здравствуй младъ Соловей да сынъ. Гуди́міровичъ
«Со своима со дружинамы съ хоробрыма!»
Да какъ онъ-то тутъ ю да здравствуетъ:
— А здравствуй-ко Любавушка Забавишна! —
Да тутъ-то она къ ему спрого́воритъ:
«Ай ты младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ!
«А возьми-тко меня ты за себя́ замужъ.»
— Да какъ всимъ ты мнѣ дѣвушка въ любовь пришла,
— А однимъ ты мнѣ дѣвка не въ любовь пришла,
— А сама ты се́бя дѣвка просва́тываёшь.
— А твое бы-то дѣло да не этта *) быть,
— А не этта быть, да дома жить,
— А дома-то жить да ти коровъ кормить,
— А коровъ-тыхъ кормить да ти телятъ поить.—
А тутъ стало дѣвки не любёшенько,
Не любёшенько не хорошохонько,
А стало тутъ дѣвушки похабно ёй.
А тутъ скоры́мъ скоро̀, скоро̀ скоро̀ скорешенько,
А дѣвушка она да поворотъ держитъ.
А на то младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ
Ино на то да не сердился есть,
Да скоры́мъ-то скоро̀, скоро̀ скорешенько,
А тутъ слѣдъ-то онъ шолъ большимъ сватомъ,
Да приходитъ онъ къ князю Володимеру,
Ино во́ тую въ гридню во столовую,
Да онъ-то вѣдь ёму тутъ докладъ держитъ:
— А здравствуй-ко князь да стольнё-кіевской
— А со́ своей съ княгиной со Опраксіей,
— А со́ своей съ любимой со племянницей,
— А съ молодой Любавушкой Забавичной! —
Какъ онъ-то ёго вѣдь здравствуе:
«Здравствуй младъ Соловей да сынъ Гуди́міровичъ!
«А ты зачѣмъ зашолъ да здѣ докла́дъ держишь?»
— Да я зашолъ-то да здѣ докла́дъ держу
— А о добромъ дѣли́ здѣ о сва́товствѣ.
— Да есть у тя любимая племянница,
— А нельзя ли-то отдать да за меня́ замужъ?—
Да какъ сдѣлали оны тутъ рукоби́тьицо,
Да просваталъ тутъ-то князь да стольнё-кіевской
А ту эту любимую племянницу
А за млада Со́ловья сына Гуди́мірова.
А какъ шли оны во церковь тутъ во Божію,
Да тутъ приняли они да что ль златы вѣнцы,
А младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ
А съ мо́лодой Любавушкой Забавичной;
А какъ тутъ-то скоры́мъ да скорёшенько
Да завіяла пошла да тутъ-то по́витерь **)
По тому-то да синю́ морю, —
Да тутъ младъ Со́ловей да сынъ Гуди́міровичъ,
А скоры́мъ-то скоро̀ да онъ скорёшенько,
А тутъ-то со князѐмъ роспрощается,
А самъ на ка́рабли да онъ сбирается
А съ той молодой Любушкой Забавишной,
Да со сво́има со дружинамы съ хоробрыма,
А со сво́ей со ро́дною со ма́тушкою.
Какъ тутъ на карабли да собираются,
Обираютъ тутъ оны да три те́реми *(такъ)*,
Ино три терема̀ да златоверхіихъ,
А на тыи на эты да на ка́рабли.

---

*) *Этта* — здѣсь. **) т. е. попутный вѣтеръ.

:алъ онъ тутъ да вѣдь домо́й еще,
й-то домой да въ свою сторону,
лавное за славно за синё море.
ылъ тутъ онъ да жить-то быть,
ь-то быть да семью́ сводить,
ю сводить да дѣте́й нажива́ть.
ъ-то онъ тутъ по здоровому,
ь-то онъ да по хорошему.

сано тамъ же, 26 іюля.

—

54.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова. т. I, 57)

дой Васильюшко Буславьевичъ
ъ онъ задернулъ свой почестный пиръ,
ы тутъ еще да всяко званье-то
бы да къ Василью на почестный пиръ.
:утъ-то мужики-ты новгородскіи
ятъ къ Васильюшку Буславьеву
готъ-то на почестный пиръ.
готъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ
алъ ихъ встрѣчать да ухаживать,
къ мужиковъ да новгородскіихъ,—
взялъ-то онъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
подскочилъ Васильюшко къ малому къ упавому *) Потанюшкѣ,
ударилъ онъ Васильюшко Потанюшку,
къ онъ его тутъ черны́мъ вязомъ,—
ь-то тотъ Потанюшко не стря́хнется,
тыи кудёрка не сворохнутся,—
моя дружинушка хоробрая!
ь ёго Потанюшку въ большой уголъ,
большой уголъ еще за большой-отъ столъ,
лъ поилъ Потанюшку да досыти,
ыти Потанюшку да до́пьяна.
-то взялъ Васильюшко черно́й-отъ вязъ,
тутъ скоро́ Васильюшко подскакивалъ,
лъ-то Васильюшко да Ѳомушку,
ого Ѳо́му благоуродлива;
ъ тутъ Ѳо́ма да вѣдь не стря́хнется,
ли кудёрка не сворохнутся,—
моя дружинушка хоробрая!
ъ онъ и Ѳо́му за большой-отъ столъ,
За большой его столъ во большо́й уголъ,
Кормилъ поилъ еще онъ Ѳомушку
А досыти его и допьяна.
Роздра́жилъ онъ мужиковъ новгородскихъ-тыхъ;
Какъ тутъ ты мужики да новгородскіи
А тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
«А сдѣламте робята свой почестной пиръ,
«Не позовемъ-то мы Василья да Буславьева.»
Какъ тутъ бны Васильюшка не по́звали.
Какъ этотъ-то Васильюшко Буславьевичъ
А скоро молодецъ онъ отправляется,
Скоро ёнъ удалый снаряжается,
А со тыма́ дружинамы съ хоробрыма,
Съ малыимъ съ упавыимъ съ Потанюшкой,
Съ толсты́мъ еще съ Ѳомо́й благоуродливымъ.
Какъ приходитъ Василей на почестной пиръ
А къ тыимъ мужикамъ да къ новгородскіимъ,
Воспромо́лвятъ мужики тутъ таково слово:
«А не́ званому вѣдь гостю здѣ мѣста нѣтъ.»
Говоритъ Василей таково слово:
— А званому-то гостю много чести набъ *),
— Незваному-то гостю какъ и Бо́гъ пришле.—
Садился тутъ Василей за большой-отъ столъ,
За большой вѣдь столъ да во бо́льшо́й уголъ,
А оны ѣли пили тутъ и кушали.
Какъ тутъ-то мужикамъ да стало зарко-то **),
Да набъ-то мужикамъ ёго концать ***) еще,
Да того Васильюшка Буславьева,
А говорятъ промолвятъ таково слово:
«Ай же ты Васильюшко Буславьевъ былъ!
«Попишемъ-ко съ тобой мы да по́писи,
«Положимъ-ко да съ тобой еще заповѣдь,
«А съ утра́ намъ да раны́мъ ранёшенько
«На тотъ на мосточикъ на Волховой,
«А бу́дёмъ ста́нёмъ драться мы ратиться
«А мы съ тобой съ уда́лыимъ со молодцомъ,
«Съ толсты́мъ Ѳомой еще съ благоуродливымъ,
«Съ маленькимъ съ упавенькимъ Потанюшкой.
«Чтобы ты съ утра да былъ ранёшенько,
«Шолъ бы на мосточикъ на Волховой
«А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма.»
Какъ тутъ оны наѣлиси, напилиси,
Какъ вси оны тутъ накушались,
Стали тутъ они да пьянёшеньки,
А сдѣлали большо тутъ рукобитьицо;
Тутъ-то розошлись до у́тра бы.
Прознала это дѣло тутъ Васи́льёва матушка,
Пало тутъ еще къ ей извѣстьицо,

паевый — красивый.

*) *Набъ* — надобно. **) т. е. задорно. ***) т. е. съ нимъ покончить.

Набъ-то драться Васильюшку Буславьеву
Со своима со дружинамы съ хоробрыма
А на тоѐмъ мосточику па Волховомъ.
Ну приходилъ Васильюшко назадъ домой
Ко своей ко ро́дной ко матушкѣ,
Ко честно̀й вдовы къ Ѳфимьѣ къ Олександровной.
Какъ тутъ эта Васи́льёва матушка
Положила спать во погребы глубокіи,
Замнула молодца его во по́гребы.
Какъ тотъ этотъ Васильюшко спать-то легъ,
Прошла-то тая ночка тутъ темная,
Приходитъ-то день тутъ да свѣтлыи.
Какъ ты эты дружинушки хоробрыи
Ставаютъ-то по утру ранешенько,
Умываются да бѣлёшенько,
А трутся-то миткалиновымъ полотенушкомъ,
А знаютъ-то что у ихъ е подѣлано.
Какъ скоро шли па мосточикъ на Волховой,
Какъ начали оны тутъ биться ратиться
Съ тыма̀-то мужикамы съ новгородскима.
Какъ день бьются они не ѣдаючи,
А другой-то ёны̀ не пиваючи,
Отдо́ху молодцамъ не даваючи,
И третій день нача́ли-то биться тутъ,
Какъ третій день оны тутъ, третью ночь;
Какъ тутъ-то у дружинушки хоробрыи
Стали у ихъ головушки были переломаны,
Переломаны головушки розбитыи,
Платками тутъ головки перевязаны,
А кушачкамы-то были переверчены.
Какъ тутъ этотъ Василей сынъ Буславьевичъ
Спитъ онъ молодецъ тутъ проклаждается,
А надъ собой незгодушки не вѣдаетъ,
Какъ ёго были дружины-ты хоробрыи
Прибиты у его, головки переломаны.
У его-то дѣвка-та была придворная,
Выходитъ-то па рѣченку Волхово,
Выходитъ за водой съ водоносомъ-то
А смотритъ на дружинъ-тыхъ хоробрыихъ,
На малаго упаваго Потанюшку
А на толста́ еще Ѳому благоуродлива, —
А у ихъ все головки переломаны,
Платкамы-то головки переверчены,
Кушачками-то были тутъ перевязаны.
Какъ скоро тутъ она да скоры́мъ скоро
Бѣжала тая дѣвка тутъ ко погребу,
Ударила тутъ она еще водоносомъ-тымъ
А по тому замку по булатнему;
Отпалъ тутъ замокъ па сыру землю,
Ростворила да она дверь тутъ дубовую.
Прошли-то вѣдь тутъ трои суточки.
Ото сну бога́тырь пробуждается,
Какъ тотъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ.
Крычитъ-то тутъ вѣдь дѣвка громкимъ голосомъ:
— Да ахъ ты сынъ Василій е Буслаевъ былъ!
— Спишь ты молодецъ, самъ проклаждаешься,
— А надъ собой незгодушки не вѣдаешь,
— Какъ у твоихъ дружинъ все у хоробрыихъ,
— У ихъ какъ головушки были переломаны,
— Розбитыи, платкамы перевязаны. —
Какъ тутъ ото сну бога́тырь пробуждается,
На улицу самъ онъ помёта́ется,
Какъ выскочилъ онъ въ тонкихъ бѣлыихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Въ тонкіи бѣлыи рубашки самъ безъ пояса,
А ухва́тилъ-то ось телѣжную желѣзную,
Бѣжалъ онъ на мосточикъ на Волховой.
Какъ ино тутъ-то онъ воспрого́воритъ:
«Ай мо́и дружинушки хоробрыи!
«Ай укротите вы да сердце богатырское,
«Я топерь за васъ нунь поработаю,
«А подьте-тко вы братцы па отдо́хъ-то нунь.»
Какъ тутъ пошли дружинушки хоробрыи,
Тутъ они пошли да на отдо́хъ-то е.
Какъ началъ тутъ Васильюшко помахивать
Той-то осью да телѣжной желѣзною,
Куды ма́хнетъ — тутъ станутъ да улицы,
А перема́хнетъ — туды да переулочки.
Какъ началъ тутъ Васильюшко робо́тати,
Какъ видятъ тутъ мужики что бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла тутъ неминучая, —
Какъ тутъ-то вѣдь оны да пріудумали:
Какъ бы намъ еще да супротивиться?
Какъ тутъ-то вѣдь оны да еще пошли, —
А былъ тамъ жилъ еще въ мана́стыри
Старчи́що тамъ жилъ перегри́мищо, —
Какъ приходятъ мужики-ты новгородскіи,
Клонятся самы́ ёму молятся:
— Ай ты старичищо есть перегримищо!
— Послушай мужиковъ насъ новгородскихъ ты.
— Дадимъ те мы чашу красна золота,
— А дру́гую дадимъ да скачна жемчугу,
— Третьюю еще да чиста се́ребра. —
На то-то вѣдь ужъ онъ да укидается,
Позвался-то онъ вѣдь да за ихъ пошолъ
А ѣхать-то на мосточикъ-тотъ на Волховой,
А драться со Васильюшкомъ Буславьевымъ.
Навалилъ онъ колоколъ да двѣнадцать пудъ,
Навалилъ онъ къ себѣ да на го́лову,
А садился тутъ онъ на добра́ коня,
Какъ ѣхалъ онъ ко риценки Волхову,
Ко тому мосточику ко волховску,

А заѣзжаетъ на мосточикъ онъ на Волховой,
Самъ крычитъ онъ громкимъ голосомъ:
«Да ахъ же ты Васильюшко Буславьевичъ!
«Малолѣтно ты дитя не запурхивай *),
«Прямоѣзжеей дорожки не заваливай.»
Какъ онъ-то тутъ Васильюшко отвѣтъ держитъ:
— Да ахъ же ты да мой крёстный батюшко,
— А старчи́що ты былъ есть перегри́мнищо!
— Не далъ ти яичко о Христови дни,
— Дакъ дамъ я ти яичко о Петрови дни. —
Какъ скоро тутъ Васильюшко подскакивалъ,
Ударилъ-то онъ осью въ колоко́лъ-то былъ,
А розвалился тутъ колоколъ на дви стороны;
А въ дру́гихъ переправилъ ёго й въ голову,
Спихнулъ ёго во риченку во Волхово,
Со тынмъ спихнулъ да со добры́мъ конёмъ.
Какъ видятъ мужики что тутъ бѣда пришла,
Бѣда-то та пришла да неминучая,
Какъ тутъ оны опять да скоро думали,
Бѣжали тутъ къ Васильёвой да матушки,
Говорятъ промолвятъ таково слово:
«Да ахъ же ты Васильева да ро́дна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Повыручи отъ смерти безнапрасныи.»
Какъ тутъ честна̀ вдова Офимья Олександровна
Скоры́мъ скоро̀, скоро̀ да скорешенько,
Бѣжала на мосточикъ-то на Волховой
Въ тонкіи бѣлыи рубашечки безъ пояса,
Въ тонкіихъ бѣлыхъ чулочичкахъ безъ чоботовъ.
Заходила на мосточикъ на Волховъ-тотъ,
Скочила сзади-то къ Василью на могучи́ плеча,
Закрычала тутъ она во всю голову:
— Да ахъ же ты дитя моё милоё,
— Ай же ты да чадо любимоё,
— А молодой Васильюшко Буславьевичъ!
— Ахъ ты меня старушеньки послушай здѣ,
— А укроти ты сердцо богатырское,
— Полно бить те мужиковъ новгородскіихъ,
— Оставъ ты мужиковъ хоть на си́мена. —
«Ай же ты моя родна матушка,
«Честна̀ вдова Офимья Олександровна!
«Ты была вѣдь матушка догадлива,
«А ладно ты вѣдь матушка у́думала,
«Скочила ты на плечи да сза́ди мня.
«А бы въ торопяхъ есть въ озарности
«Убилъ бы тя старушку не за что-то я.
«Да нунь же, моя матушка, послушаю,
«Когда просишь ты меня добра мо́лодца,
«Я вѣдь нуньчу матушку послушаю.»

*) т. е. «не заскакивай высоко» (объясненіе пѣвца).

Да укротилъ тутъ сердце богатырское,
Пошолъ-то онъ со матушкой домой-то тутъ.

—

А молодой Васильюшко Буславьевичъ
Онъ ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Съ толстымъ ѳомой еще съ благоуродливымъ
А съ маленькимъ съ упавенькимъ Потапюшкой.
Какъ приходитъ молодой Василій сынъ Буславьевичъ,
Лежитъ-то тутъ ужъ какъ вѣдь на чисто́мъ поли
Пустая голова человическая.
Какъ тутъ этотъ Василій сынъ Буславьевичъ
Скоро къ головы онъ подскакивалъ,
А своимъ-то онъ чоботомъ подфатывалъ,
Пину́лъ онъ эту голову Васильюшко, —
Какъ улетѣла голова тутъ по подоблачью,
Пала голова тутъ на сыру землю,
Сама она ёму тутъ воспровѣщила:
«Да ахъ же ты Василій сынъ Буславьевичъ!
«Почему жъ меня заразилъ топерь?
«Лежала голова я вѣдь тридцать лѣтъ,
«Да никто-то меня вѣдь не пинывалъ,
«Да никто же какъ меня тутъ не ранивалъ,
«Какъ ты-то вѣдь ужъ нунь пину́лъ, заразилъ меня.
«Какъ будешь ты гулять во чисто́мъ поли,
«А не забудь-ко ты этого помистьица *),
«Пойдешь сюды да ты назадъ обратно бы,
«Посмотри ты на меня на безсчастну головушку.»
Какъ тутъ гулялъ Васильюшко въ чисто́мъ полѣ
А со тыма съ дружинамы съ хоробрыма,
Находился нагулялся тамъ Васильюшко,
Пошолъ назадъ туды да обратно бы
Этымъ путемъ да дорогою.
Приходитъ онъ къ уловному тому да помѣстьицу,
Гдѣ та голова тутъ лежала-то,
Какъ смотритъ-то еще—вѣдь стала тутъ гора каменная.
Какъ смотритъ тутъ Васильюшко Буславьевичъ,
Какъ на этой горы на каменной
Подпись-та была подписана:
А кто-то тутъ черезъ гору пере́скочитъ,
Перескочитъ черезъ гору три́ разу,
Того-то тутъ да вѣдь Господь проститъ;
Ахъ кто-то вѣдь есть не пере́скочитъ,
Тотъ будетъ трою проклятъ на вѣку-то былъ.
Какъ тутъ этотъ Васильюшко Буславьевичъ, —
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,

*) т. е. этого мѣста.

А во тую-то во церковь во соборную,
А всѣ каются оны да причащаются,
А й къ смерти оны всѣ да зготовляются.
А тутъ старый казакъ да Илья-Муромецъ
А онъ глаза-ты вѣдь креститъ да по писáному,
А й поклонъ-то онъ ведетъ да по учéному,
А й на вси стороны Ильюша поклоняется,
А челомъ-то онъ бьетъ да о сыру землю:
«Ай здравствуйте вси мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А й черезъ темныи лѣса да тыи Брынскіи,
«А черезъ тыи грязи теперь Черныи,
«А черезъ тое вѣдь поселье Соловыйноё.»
Говорятъ-то вѣдь мужики бекешовци:
— А не можемъ показать да мы дорожки прямоѣзжія.
— А на нашъ ли на Бекешовъ градъ
— Наступило много вѣдь поганыихъ татаревей. —
Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
А й выходитъ-то Ильюша со Божьей церквы,
А й садился-то Ильюша на добрá коня,
Выѣзжаетъ-то Ильюша вонъ изъ города,
Вырываетъ онъ дубинку въ три обóймени.
Это началъ онъ дубинушкой помахивать,
А и началъ онъ татаръ да тутъ охаживать,
А й прибилъ пригубилъ до единой головы,
А дубинку на лозинки всю порóсщолкалъ.
Это скоро тутъ Ильюша поворотъ держитъ,
Заѣзжаетъ онъ во городъ во Бекешовецъ:
«Ай же вы мужики бекешовцы!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорожку прямохожую,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ!»
А воспрогóворятъ тутъ мужики бекешовцы:
— Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
— А й живи-ко ты у насъ да воеводою,
— А береги-тко городъ нашъ Бекешовецъ! —
А воспрогóворитъ Илья да таково слово:
«А й не буду вѣдь я жить да воеводою,
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую.»
А это тутъ-то мужики бекешовци
А насыпáли оны чашу красна золота,
А другую насыпали чиста сéребра,
А третью насыпали скатна жемчугу,
А подносили тутъ Ильи да во подарочкахъ.
А й не беретъ Илья да злата серебра,
А й не мелкаго скатнаго жемчуга.
А й говорятъ да мужики да тутъ бекешовци:
— Ай же ты удáлой доброй молодецъ!
— А не проѣхать ти дорожкой прямоѣзжею,
— А заросласи тутъ дорожка да темнымъ лѣсомъ.
— А на той-то на пути да на дороженки,
— А у той-то вѣдь у грязи да у Черные,
— А у той-ли вѣдь у рѣчки у Черниговской,
— А сидитъ Сóловей розбойникъ онъ Рахмéнтовичъ,
— А сидитъ Сóловей-то онъ да на семи дубахъ,
— Это въ вóсьмыи берéзищи покляпыи.
— А засвищетъ онъ да по змѣиному,
— Закрычитъ ли-то онъ по звѣриному,
— А жолты пески со кряжиковъ посыплютсе,
— А темны лѣсы къ сырой земли приклонятсе,—
— А побьетъ-то онъ тéбя своимъ голосомъ. —
А й воспрогóворитъ Ильюня таково слово:
«Ай же вы мужики бекешовци!
«А й покажите вы дорожку прямоѣзжую.»
А й показали тутъ дорожку прямоѣзжую.
А й садился тутъ Илья да на добрá коня,
А видли добра молодца да сядучись,
А не видли тутъ удáлаго поѣдучись.
А не буйныи-ты вѣтры тутъ завѣяли,
А поѣхалъ тутъ удáлой доброй молодецъ
Этой той ли да дорожкой прямоѣзжею,
А й прямоѣзжею дорожкой прямохожею.
А пріѣзжаетъ вѣдь онъ скоро ко темнымъ лѣсамъ,
А й ко тые грязи да ко Черные,
А розвалилисе тутъ мостики дубовые,
А больше тутъ Илью не ѣхать нéкуды.
А спущался тутъ удалый со добра коня,
А ведетъ коня-то онъ на поводи,
А й правою рукой дубья колодья рветъ,
А про себя Ильюшенка онъ мостъ мостить,
И проѣзжаетъ-то Ильюша ровно тридцать верстъ.
А й садился-то Илья да на добрá коня,
Пріѣзжаетъ-то Илья ко той ли рѣчки ко Черниговской,
А онъ слышитъ тутъ гнѣздо да Соловьиное.
А сорываетъ онъ Илья да маковъ листъ,
А затыкаетъ онъ Илья да уши въ гóловы.
А увидѣлъ его Сóловей розбойникъ да Рахмéнтовичъ,
А й закрычалъ-то онъ вѣдь по звѣриному,
А свистнулъ-то онъ по змѣиному,
А ино мать сыра земля продрогнула,
А со кряжиковъ песочики посыпались,
А во рѣченки вода вся помутиласи,
А темныи да лѣсы приклонилисе,
А богатырской конь да на колѣнка палъ,
А й молодой Илья одва съ коня не палъ.
А бьетъ-то онъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
«Ай волчья сыть да травяной мѣшокъ!

«А по́ лѣсу ты конь да мой не хаживалъ,
«А й воронинаго ты крику ты не слыхивалъ?»
А подъѣзжаетъ онъ вѣдь къ кустику ракитову,
Выниналъ Ильюнюша ножи́що да кинжалищо,
А вырубилъ онъ стрѣлочку ракитову,
А й натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракитову,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариватъ:
«А ты лети, моя стрѣла, не въ тёмной лѣсъ,
«А ты лети, моя стрѣла, да не въ чисто́ полё,
«А й лети ты Со́ловью ему въ право́й-отъ глазъ,
«А вылетай-ко ты стрѣла да во лѣво́ ухо!»
А стрѣли́лъ вѣдь онъ ту стрѣлочку ракитову,
А й пала стрѣлочка розбойнику во правой глазъ,
А вылётала-то она да во лѣво́ ухо.
Покатился онъ оттуда что овсяный снопъ;
А беретъ его Илья да за бѣлы́ руки,
А вязалъ-то къ стремени да ко булатніи,
А повёзъ-то вѣдь Илья его во Кіевъ градъ.
Пріѣзжае ко поселью къ Соловьиному,
Увидали-то Илью да его дѣтушки:
— Татенька-тотъ ѣдетъ, мужика везетъ. —
А взглянула-то его да молода жона:
— Мужик-отъ ѣдетъ, Соловья везе. —
А тутъ-то дочка его бо́льшая
А выбѣгала-то она да па широкій дворъ,
А хватила подворотню въ девяносто пудъ,
А хочетъ-то ударить Илью въ голову;
А поворотушки-ты были молодецкіи,
А знаетъ онъ пошибки вси дѣво́чьіи,
А пинаетъ-то дѣвку Илья по́дъ гузно,
А бьетъ-то онъ дѣвку по бѣлы́мъ грудямъ,
А улетѣла тутъ дѣвка за широкій дворъ.
А й говорилъ тутъ онъ розбойникъ таково слово:
«Ай же ты моя да молода жона,
«Ай же вы мои да малы дѣточки!
«А й насыпайте три телѣги злата се́ребра
«А й старому каза́ку Илью Муромцу,
«А й просите-тко меня да на свою волю.»
А не беретъ Илья да не злата ни се́ребра:
— А й твой животъ да есть неправедёнъ. —
А повезъ-то онъ ко городу ко Кіеву
И ко тому ко князю ко Владиміру.
А пріѣзжаетъ-то онъ скоро да во Кіевъ градъ,
И поспѣлъ вѣдь тутъ Илья ко тые ко обѣдени ко поздные.
А й становилъ-то онъ коня на княженецкой дворъ,
А вязалъ коня къ столбу точеному
А й ко тому кольцу ко золоченому.
А й приходитъ-то Илья да во Божью церковь,
А й ко тыя обѣдени ко поздные,
А онъ крестъ-то сложилъ да по писа́ному,
А поклон-отъ онъ ведетъ да по ученому.
И отстояли оны поздную обѣденку.
А на вси стороны Илья да поклоняется,
А князю со княгиною въ особину.
А й солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
А зоветъ-то князей да на почестной пиръ
А сильнихъ могучихъ богатырей.
И заходили тутъ во гридню княженецкую,
А й въ княженецкую-ту гридню во столовую,
А садились за столы ли за дубовыи
А за тые ли за скатерти за браные
А за тые ли за ѣствы за сахарніи,
И хлѣба-то соли да ихъ кушати,
А й бѣлаго лебедя порушати.
А Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А самъ онъ на Ильюнюшку посматриватъ,
А й таково слово князь да выговариватъ:
«Ай же ты уда́лой доброй молодецъ!
«А й коей ты орды да коей земли,
«А й какъ-то тебя зовутъ по имени,
«А звеличаютъ-то тебя да по отечеству?»
А воспрого́воритъ Илья да таково слово:
— Ай же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А я есте́ изъ города изъ Муромля,
— А изъ того вѣдь я села да Карачакова,
— Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ. —
А й воспроговоритъ Владиміръ таково слово:
«А й когда же ты выѣхалъ изъ города изъ Муромля?»
А на то ему Илья да вѣдь отвѣтъ держалъ:
— А сёгоднёшняго дня простоялъ я ранныи заутрены,
— А поспѣлъ я сюда ко тыи ли ко обѣдени ко поздныи. —
А говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ай же ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й какой же ты дорожкой проѣзжалъ сюды?»
Зго́воритъ-то вѣдь да таково слово:
— А ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
— А прямоѣзжею дорожкой прямохожею. —
«А видалъ ли ты у рѣчки у Черниговской,
«А видалъ ли ты розбойника Рахментьева?»
А говоритъ-то вѣдь Ильюша таково слово:
— А привёзъ я розбойника его сюды,
— А теперь розбойникъ-то у стремены́ виситъ. —
А приказалъ-то вѣдь Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской,
А й приводилъ его Ильюня на почестный пиръ.
Зго́воритъ тутъ солнышко Владиміръ стольнё-кіевской:

«Ай ты Со́ловей розбойникъ Рахментовичъ!
«Закрычи-тко ты розбойникъ бо́льшею прогла́сицой,
«А закрычи-тко ты да по звѣриному,
«А засвищи-тко ты розбойникъ по змѣиному.»
Воспрого́воритъ розбойникъ таково слово:
— Ай же ты Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не твоё ли-то я ѣмъ, я вѣдь-то кушаю,
— Не хочу я тебя князя слушати. —
Испрого́воритъ Владиміръ таково слово:
«А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
«А й прикажи-ко закрычать да ты розбойнику.»
Воспрого́воритъ Ильюня таково слово:
— Ай ты Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ!
— Ай закрычи-тко ты да гласомъ нижніимъ. —
Это Со́ловей розбойникъ да Рахментовичъ
А скрычалъ-то онъ да гласомъ своимъ нижніимъ,
А й маковки со теремовъ посыпались,
А хрустальніе околенки розлопали,
А всѣ ли заходили окаракою,
А князь-то Владиміръ онъ со стула палъ,
А три часу́ онъ князь да безъ души лежалъ.
А это скоро вѣдь-то князь да пробуждается,
А говоритъ-то князь да таково слово:
«Положу я тя во Кіевъ градъ да воеводою.»
А й говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— Ай положишь ты меня да воевдою,
— А всѣ будутъ во Кіеви отъ меня во́яти *),
— А сердцо мое да есть розбойницко. —
А й говоритъ-то вѣдь Владиміръ стольнё-кіевской:
«А положу я тебе въ манастырь Благовѣщенской строителёмъ.»
А говоритъ-то вѣдь розбойникъ таково слово:
— А не строитель я буду, манасты́рю розоритель вѣдь. —
А й беретъ его Илья за тыи ли за рученки за бѣлыя,
А выводитъ-то Илья да во чисто́ полё,
А й привязалъ-то вѣдь Илья его на си́рой дубъ,
А натягивалъ Ильюшенка свой ту́гой лукъ,
Накладаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣлилъ-то онъ розбойнику во бѣлу грудь,
А роздробилъ-то тутъ его да бѣлу грудь, —
А й полно тутъ розбойнику розбойничать!
Это первая поѣздка Ильи. Муромца,
А по тыихъ мѣстъ поѣздка да кончается.

Записано тамъ же, 29 іюля.

*) т. е. выть.

57

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви
А й у ласкова князя у Владиміра
А начинался заводился да почестной пиръ,
А на многія на князи да па бо́яра.
А не зоветъ онъ вѣдь собѣ да во почестной пиръ
А сильніихъ могучіихъ бога́тырей.
А приходитъ-то Ильюша да не званый онъ.
А приказалъ-то вѣдь Владиміръ князь да стольнё-кіевской
Засадить его туда да во глубокъ погрёбъ
А поморить его смертью голодною.
А си́льніи кіевски бога́тыри
А розсердились тутъ на князя на Владиміра,
А оны скоро вѣдь садились на добрыхъ коней,
А уѣхали оны да во чисто́ полё,
А й во тое роздолье во широкоё:
«А й не будемъ вѣдь мы жить больше во Кіеви,
«А не будемъ мы служить князю Владиміру.»
А у князя-то вѣдь дочка-та малешенька,
А малешенька-та дочка молоде́шенька,
Во-потай бере́ ключи у своей матери
А отъ тыхъ ли-то отъ по́гребовъ глубокіихъ;
Составляетъ *) она хлѣбъ да Ильи Муромцу.
А й проходило вѣдь тутъ времени ровно три году;
А тогда же вѣдь тотъ воръ, воръ Ка́линъ царь,
А собираетъ онъ дружинушку хоробрую,
А собираетъ онъ себѣ да вѣдь много́ царей,
А мно́го-то царей да много ко́ролей,
А собрали силы оны смѣту нѣтъ,
А поѣхали ко стольнёму ко городу ко Кіеву,
А на тую ли на славу на великую,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
А хочутъ взять оны княгину да Опраксію,
А покорить себѣ-ка оны Кіевъ градъ.
Становилась эта сила близко Кіева,
Близко Кіева стоитъ да во чисто́мъ поли.
Ка́линъ царь а посылаетъ онъ поганаго татарина
А й со тымъ пи́сьмомъ со посольніимъ,
А ко тому ли-то ко князю ко Владиміру:
— Ай же ты поганыи татарищо!
— Знаешь говорить да ты по русскому,
— А мычать про себя да по татарскому?
— А й снеси-ко ты писёмышко ко князю ко Владиміру. —
А тутъ татаринъ да поганыи

*) т. е. доставляетъ, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

А садился скоро на добра́ коня,
А получаетъ онъ письмо да къ себѣ на́ руки,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву
А й ко ласкову князю ко Владиміру.
Заѣзжаетъ-то онъ въ градъ да не воротами,
А черезъ тую ли-то стѣну городо́вую,
А заѣзжаетъ онъ къ князю́ да на широкій дворъ.
А й вязалъ коня къ столбу точоному
А й ко́ тому кольцу да къ золочоному,
А й приходитъ онъ въ покои княженецкіе,
А онъ глазъ-то не крести́тъ, Богу не молится,
А не даетъ-то онъ чести Владиміру,
А положилъ-то онъ письмо да на дубовой столъ:
«А й прочитай-ко ты письмо, Владиміръ князь»
А онъ смотритъ, во письмѣ да есть написано,
А проситъ-то у князя да Ка́линъ царь
А й славнаго города да Кіева,
Да обручныя княгины да Апраксіи,
А безъ бою-то безъ драки безъ великіи
А безъ большого-то такого кроволитія.
А закручинился тотъ князь да запечалился
Это той тоской печалью онъ великою:
— А розсердѣлъ-то я теперь бога́тырей
— А стараго каза́ка Илью Муромца
— А засадилъ-то его во глубокъ погрёбъ,
— А й поморилъ его сме́ретью голодною, —
— А некому стоять буде за Кіевъ градъ. —
А дочка его была малешенька,
А малешенька-та дочка молодешенька,
А й говорила-то она да таково слово:
«Ай же ты родитель ты мой папенька!
«А слышала во церкви во писаніи,
«А старому каза́ку на бою смерть не уписана,
«И голодная смерть не уписана.
«А бери-тко князь ты золоты ключи.»
А беретъ-то князь да золоты ключи,
А отмыкаетъ-то вѣдь князь да глубоко́й погрёбъ,
А во погреби Ильюнюшка живой сидитъ,
А й горитъ у Ильюни воскова свѣча,
А читаетъ онъ вѣдь книгу да евангельё.
А извиняется тутъ князь да стольнё-кіевской
А старому каза́ку Илью Муромцу:
— А прости-тко ты меня да Илья Муромецъ!
— А посадилъ я тя во погребы глубокія,
— А хо́тѣлъ по́морить смертью голодною,
— А еще вѣдь ты Ильюнюшка да живъ вѣдь есть.
— А не знаешь ты незгодушки великія:
— А ко славному ко городу ко Кіеву
— Наѣзжалъ-то тутъ поганыи воръ Ка́линъ царь,
— А собрана дружинушка много́ царей,
— А мно́го царей-то собралъ, много ко́ролей,
— А по́добрано силы у ихъ смѣту нѣтъ,
— А все сильніи могучіи татарева.
— А не мошь ли постоять да ты за Кіевъ градъ,
— А за матушку стоять да свято-Ру́сь землю,
— А постоять ли-то за церквы за соборныя,
— А тыи за кресты животворящіе,
— А спасти насъ те́перь всѣхъ князей бояръ?
— А некому поѣхать супротиво царя Ка́лина,
— А розсердѣлъ-то я теперь бога́тырей,
— А уѣхали оны да во чисто́ полё,
— А й не бывали о́ны здѣсь да три́ году. —
А й говоритъ-то ёму старыи казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай Владиміръ князь ты стольнё-кіевской!
«А гдѣ же есте мо́и да конь добрыи?»
— А твой конь во стойлы лошадиныи. —
А й тутъ-то старыи казакъ да Илья Муромецъ
Одѣваетъ латы-ты кольчуги золоченыи,
А онъ уздаетъ сѣдлаетъ коня добраго,
А й полагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
А й полагаетъ вѣдь онъ войлочки на войлочки,
А на верёхъ-то онъ сѣдёлышко черкальское,
А й беретъ-то вѣдь Ильюня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то тутъ Илья да калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то тутъ Илья да саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то онъ да палицу военную,
А й беретъ-то онъ трубку́-ту подзорную,
А й садился Илья да на добра́ коня,
А не смѣетъ напустить на тую силу не на смѣтную *(такъ)*,
А на сильніихъ могучіихъ татаревей.
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто́ полё,
А поднимается на гору на высокую,
А й поглядѣлъ вѣдь онъ во трубку во подзорную,
А на вси-то на четыре онъ на стороны;
А со первой горы Илья да онъ спущается,
А на другую-то онъ гору поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А й на вси онъ на четыре да на стороны;
А со другой горы да онъ Илья спущается,
А на третьюю высоку поднимается,
А поглядѣлъ-то онъ во трубку во подзорную,
А на вси онъ на четыре да на стороны;
А въ той ли стороны да подвосточныя
А увидае въ поли тамъ бѣло́й шатёръ.
А пріѣзжаетъ тутъ Илья да ко бѣлу́ шатру,
А у того ли въ поли у бѣла́ шатра
А стоитъ двѣнадцать ко́ней богатырскіихъ,
А видитъ-то Илья да таково дѣло:
А стоятъ ты кони, кони тутъ русійскіи,

А ёго-то вѣдь братьицевъ крестовыихъ,
А крестовыихъ-то братцевъ вѣдь названыихъ.
А онъ вязалъ коня тутъ ко столбу точеному,
А й припущалъ-то ко пшены да бѣлояровой,
А заходилъ-то тутъ Илья да во бѣлóй шатёръ,
А глаза-ты онъ крестúтъ да по писáному,
А й поклон-отъ онъ ведетъ да по учёному,
А на вси стороны Ильюня поклоняется,
А й крёстному онъ батюшку въ особину:
«А здравствуёшь ты крёстный ты мой батюшко,
«А й Самсонъ сынъ Самойловичъ!
«А вы здравствуйте крестова моя братія,
«А крестовая вы братія названая!»
А увидали-то оны да Илью Муромца,
А скоро вѣдь скочили на рѣзвы́ ноги,
А съ Ильюшенкой тутъ братія здоровкались:
— А старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А й говорили, ты посаженъ во глубокъ погрёбъ
— У того ли-то у князя у Владиміра,
— А поморёнъ ты смерстью голодною, —
— А ты вѣрно старикъ да живъ поѣзживашь.—
А й говоритъ-то вѣдь Илья да таково слово:
«Ай же ты крёстной мой батюшко,
«А Самсонъ сынъ Самойловичъ,
«А вси братія крестовая названая!
«А поѣдемте на пóмочь на великую,
«А й насýпротивъ поѣдемъ царя Кáлина.»
А говоритъ-то вѣдь крёстной ёму батюшко:
— А я самъ-то вѣдь не ѣду, да тебя не блáсловлю,
— А не буду я стоять большé за Кіевъ градъ,
— А й не могу болѣ́ смотрѣть на князя Владиміра
— А на Апраксію да королевичну,
— А й положено заклятіё великоё. —
А говоритъ-то вѣдь Ильюня таково слово:
«Ай же ты вѣдь крёстной мой батюшко!
«А поѣдемъ-ко ты на пóмочь великую,
«Супротúвъ поѣдемъ царя Кáлина,
«А не ради вѣдь мы князя да Владиміра,
«А не ради мы княгины да Апраксіи,
«А и ради матушки поѣдемъ свято-Русь земли,
«А ради той ли-то вѣры православныя,
«А для ради церквей да мы соборныихъ,
«А для матушки да Богородицы.»
И это тутъ-то крёстный его батюшко
А вся крестовая названа его братія
А поѣхали да нá помочь великую,
А супротúвъ царя да ѐны Калина.
А выѣзжали-то на гору на высокую,
А оны брали трубку тутъ подзорную
А й поглядѣли тутъ на силу на поганую;
А стоитъ-то сила тая во чистóмъ поли,
Аки синее море колыбается,
Ино мать-та земля да подгибается.
И тутъ-то оны шатеръ розставили,
А й вязали коней къ столбу точёному,
Это тутъ-то оны да опочивъ держатъ.
А Ильюнюшки не спится, мало сóбится;
И зауснула вѣдь тутъ братія крестовая.
А встаётъ-то вѣдь Илья да на рѣзвы́ ноги
А выходитъ-то вѣдь Илья да изъ бѣлá шатра
А садился-то Илья да на добрá коня,
А спучается *) со гóры со высокія,
А напучаетъ *) онъ на рать-силу поганую
А па сильныхъ на могучихъ на татаревей.
А силу-ту онъ бьетъ да трои сутки не ѣдаючи,
А не ѣдающи Илья да не пиваюци,
А съ добрá коня Илья да не слѣзаючи,
А добрý коню отдóху не даваючи;
А бьётъ-то силу до шести онъ дёнъ,
А не ѣдающи Илья да не пиваюци,
А съ добрá коня Илья да не слѣзаючи,
А добрý коню отдóху не даваючи.
А его доброй-отъ конь да проязы́чился
А тѣмъ ли язы́комъ человѣческимъ:
— Ай ты старыи казакъ да Илья Муромецъ!
— А укроти-тко ты вѣдь сердцо богатырскоё.
— А у поганыхъ у татаревей
— А е сдѣлано три пóдкопа глубокіихъ:
— А й во первóй подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во другой подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшу да повывезу;
— А во третéй подкопъ скочу да я повыскочу,
— А тебя-то я Ильюшенку не вывезу. —
А розгорѣлось ёго сердцо богатырскоё,
А розмахалась его рученка-та правая,
А направилъ онъ коня да во глубокъ подкопъ.
Его добрый конь оттуль повыскочилъ,
А Ильюнюшку съ подкопа онъ повытащилъ;
А со дрýгаго подкопа конь повыскочилъ,
А онъ Ильюнюшку оттуда онъ повытащилъ;
А со третьяго подкопа конь повыскочилъ,
А Ильюшенки съ подкопа онъ не вытащилъ.
А сбѣжалъ его конь да во чистó полё,
Это началъ онъ вѣдь пó полю побѣгивать.
Это сильніи могучіи татарева
А здымали-то Илью да вѣдь со погреба,
А связали-то Ильи да ручки бѣлыя
А во тыи ли во пýтыни шелкóвыя,
А повели его на казень-ту на смертную,

*) т. е. спущается, напущаетъ.

А й отрубить-то вѣдь Ильи да буйна голова.
А ведутъ Илью да мимо церковь соборную,
А возмолился тутъ Илья да всѣмъ святителямъ.
А й какъ изъ далеча далеча изъ чиста поля
Набѣжалъ-то тутъ къ Ильюшенки да добрый конь,
А й хватилъ-то онъ зубамы да за тыя путыни шелковыя,
Оборвалъ-то путыни шелковыя
А слободилъ его онъ ручики да бѣлыя.
А скочилъ Илья да на добра коня,
А выѣзжаетъ-то Илья да во чисто полё,
А й натягиватъ Илья свой тугой лукъ,
Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариваётъ:
«А пади моя стрѣла ни на воду, ни на землю,
«А не въ темный лѣсъ, да не въ чисто полё,
«А пади моя стрѣла на тую ли на гору на высокую,
«А проломи-тко крышу-ту шатровую,
«А пади-тко крёстному ты батюшку,
«А крёстному ты батюшку во бѣлу грудь,
«А роздроби ему ты груди бѣлыя,
«А за тую за измѣну за великую.»
А тутъ стрѣлилъ да Илья Муромецъ;
А летѣла тутъ стрѣла да вѣдь на гору на высокую,
А й проломила она крышу-ту шатровую,
А пала она крестному отцу на бѣлу грудь,
А на бѣлую-ту грудь да во злачёный крестъ.
А ото сну тутъ крестный пробуждается,
Говоритъ-то имъ да таково слово:
— Ай вы сильніи могучіи богатыри,
— А пробуждайтесь ото сну да вы отъ крѣпкаго!
— А гдѣ-то у насъ старыи казакъ да Илья Муромецъ?
— А мы ѣдимъ да пьёмъ да проклаждаемся,
— А мы не вѣдаемъ незгоды надъ Ильюшенкой.—
А ставали вѣдь тутъ сильніи могучіи богатыри,
А скоро-то ставали на рѣзвы ноги,
А й выходили-то оны да изъ шатра долой,
А садилися оны да на добрыхъ коней,
А спущалися оны да съ высокой горы,
Нападали на поганыихъ татаревей,
А прибили прирубили да всю силу ту несмѣтную,
А несмѣтную ту силу да несчётную.
Это скоро тутъ оны да поворотъ держатъ
А й ко стольнёму ко городу ко Кіеву
А ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Заѣзжали-то ко князю да въ широкій дворъ,
А вязали-то коней къ столбу точёному,
Ко тому кольцу ко золочёному,
А приходятъ-то во гридню во столовую.
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А завелъ-то онъ тутъ свой почестный пиръ,
А на многія на князи да на бояра
А на сильнихъ на могучихъ на богатырей.
А всѣ ли на пиру да напивалисе,
А всѣ ли на пиру да наѣдалисе
А всѣ ли на пиру да пьяны веселы.
А красное солнышко при вечери,
А почестной-отъ пиръ да весь при весели.
А Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А жалуётъ онъ сильніихъ могучіихъ богатырей,
А даваетъ города да съ пригородками,
А даваетъ золоту казну безсчётную.
А князь-то онъ богатырей да содержать *) ихъ сталъ.

Записано тамъ же, 29 іюля.

—

58.

ПОСЛѢДНЯЯ ПОѢЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту полю,
И отъ младости да старъ до старости,
И отъ старости да до гробной доски,
Эдакаго чуда не наѣзживалъ:
Наѣзжаетъ старъ да три дороженки,
А й три пути широкіихъ розстаночки;
А на этыхъ путяхъ на дороженкахъ
А й стоитъ стоитъ дубовой столобъ,
А й на столби-то подпись подписана:
А й во перву дорожку ѣхать — убиту быть,
А во другую ѣхать — женату быть,
А во третью ѣхать — богату быть.
Это тутъ старъ пороздумался:
«На что мнѣ-ка-ва стару женату быть?
«Молодая-то жена да то чужа корысть.
«На что мнѣ-ка-ва стару богату быть?
«Это надо мнѣ-ка старому убиту быть.»
А поѣхалъ-то вѣдь старый въ ту дороженку.
Проѣзжаетъ-то вѣдь старый ровно три часу,
Проѣзжаетъ-то онъ мѣста ровно триста верстъ.
Заѣзжаетъ онъ за горы за высокіи,
Наѣзжаетъ терема да превысокіи,
Наѣзжаетъ-то онъ станъ да вѣдь розбойничкой,
А не много ихъ не мало сорокъ тысячей.
А увидали тутъ вѣдь стараго розбойники,
А розбойники ты всѣ да наскакалисе,

*) т. е. держать при себѣ въ чести, такъ пояснилъ пѣвецъ.

А й за стараго оны всѣ захваталисе.
Говоритъ же вѣдь имъ старый таково слово:
«Ай же вы тати да розбойники,
«Ай плуты же вы да подорожники!
«Что же взять-то вамъ съ меня со стараго?
«У меня нѣту́ ни злата, да ни се́ребра,
«А й не мелкаго ли-то да скатнаго-то жемчуга;
«А кошуля на себѣ да въ цѣлу тысячу,
«А сѣделышко черкальско во пятьсотъ рублей,
«А коню-то моему да вѣдь цѣны́ нѣту.»
И закрычалъ тамъ атаманъ да вѣдь розбойничкой,
Закрычалъ-то атаманъ да громкимъ голосомъ:
— Ай же вы тати да розбойники,
— А плуты этакіе подорожники!
— Да чего же вамъ со старымъ розговаривать?
— А й срубите-тко ему да буйну голову! —
Это тутъ вѣдь старенькой роспа́хнется,
Это началъ своей палицей помахивать;
Куда ма́хнетъ — туда улица,
Въ задъ отма́хнетъ — переулкамы.
Онъ прибилъ-то приломилъ да всихъ розбойниковъ,
И онъ съ перваго да до оста́тнёго.
Это скоро тутъ да старый поворотъ держалъ,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ,
А новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ тутъ старый, да убитъ не былъ.»
А поѣхалъ тутъ вѣдь старый гдѣ женату быть.
Ѣдетъ времечки онъ столько три́ часу,
Проѣзжаетъ онъ вѣдь мѣста ровно триста вёрстъ.
Наѣзжаетъ тутъ вѣдь старый красиво́ село,
А селомъ-то назвать да велико́ стоитъ,
Городомъ-то назвать да мало́ стоитъ;
И построенъ во сели да королевскій дворъ,
Жи́четъ душечка Маринка королевична,
Прилещаетъ-то она да добрыхъ мо́лодцовъ.
А заѣзжае тутъ вѣдь старый на широкой дворъ,
А й сходилъ тутъ старъ да со добра́ коня,
А й вязалъ-то коня къ столбу точёному
И къ тому ли-то колецку золочёному.
И выходила тутъ Маришка на широкой дворъ,
А й бере́тъ его за ручки-ты за бѣлыи
А цѣлуетъ во уста да во саха́рніи,
А проводитъ вѣдь въ полату бѣлокаменну.
А садила вѣдь его да за дубовый столъ,
А за тыя ли за скатерти шелко́выи,
А за тыя ли за ѣствы за саха́рніи,
И за сладкіе за пи́тья за медвяныи.
А сама отходя́ да поклоняется,
Зго́воритъ она ему да таково слово:
«Ѣшь-ко старъ — не наѣдайся ты,
«Пей-ко старъ — не напивайся-ко,
«Чтобы могъ бы ты со мной да позабавиться.»
Ѣстъ-то вѣдь старый наѣдается,
Пьетъ-то вѣдь старъ да напивается,
Себи никакой незгодушки не вѣдаётъ.
А вѣдь брала тутъ Маришка за́ бѣлы́ руки,
Повела-то вѣдь его да во теплу́ спальню
И ко тый кроватки ко подложистой,
Сама-то говоритъ да таково слово:
«А ложись-ко старенькой о стѣ́ночку,
«Лягу молода да я на кра́ичокъ.»
А говоритъ вѣдь ей тутъ старый таково слово:
— Ахъ ты душечка Маринка королевична!
— А ложись-ко ты Маришка да о стѣ́ночку,
— Лягу вѣдь я старый вѣдь на кра́ичокъ.
— У меня-то вѣдь у стараго теперь да не по старому,
— Не по старому у мня, да мочь не держится,
— Почасту́ я буду старый ночью вонъ ходить,
— А вонъ я ходить, да вѣдь коня смотрѣть. —
Взималъ-то ю за рученки за бѣлыи,
А кидалъ ю на кроватку на подложисту,
Провалиласи Маришка во глубокъ погрёбъ.
А й берётъ-то вѣдь старый золоты ключи,
Отмыкае старый кованы́ замки,
Выпущае онъ много́ царей,
А много́ царей да царевичёвъ,
А много́ ли королей да королевичевъ,
Много́ сильніихъ могучіихъ бога́тырей.
Говорятъ ему старому таково слово:
«А спасибо теби, старыи казакъ да Илья Муромецъ,
«Что ты выпустилъ съ неволи со великіи.»
А й беретъ вѣдь старый-то Маришку за бѣлы́ руки,
Выводилъ-то Маришку во чисто́ полё,
А й вязалъ-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивалъ-то старый да свой ту́гой лукъ,
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую,
А стрѣляетъ онъ Маришку да во бѣлу грудь,
Роздробилъ-то у Маришки ретиво́ сердцо.
Это тутъ ли-то старый поворотъ держалъ,
И пріѣзжаетъ-то старый къ дубову́ столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливалъ
И новую-ту подпись онъ подписывалъ:
«Ѣздилъ-то вѣдь старый, да женатъ не былъ.»
А поѣхалъ-то вѣдь старый гдѣ богату быть.
Проѣзжаетъ-то вѣдь времечки ровно три́ часу,
Проѣзжаетъ вѣдь онъ мѣста ровно триста верстъ.
Наѣзжаетъ вѣдь онъ въ поли да глубокъ погрёбъ,
А насыпанъ погребъ злата се́ребра,
А насыпанъ онъ туда да скатна жемчугу,

А наваленъ-то вѣдь на погребъ превели́къ камень,
А этотъ камень былъ тридевяносто пудъ.
А сходилъ-то старый со добра коня,
Подпа́лъ ли старый могучи́мъ плечомъ,
А онъ выкинулъ со погреба вели́къ камень,
А побралъ ли-то много злата много се́ребра,
Много мелкаго скатнаго жемчуга;
А й построилъ онъ церквы соборные,
Устанавливалъ звоны колокольные.
А й тутъ же вѣдь старый поворотъ держалъ.
Пріѣзжаетъ старый къ дубову́ столбу,
Старый эты подписи не зафальшивливалъ,
Новую-ту подпись подписывалъ:
«А ѣздилъ-то старый, да богатой былъ.»
Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ
А ко тымъ ли онъ пещерамъ да ко кіевскимъ,
А прилетала невиди́ма сила ангельска,
А взимали-то ёго̀ да со добра́ коня
И заносили во пещеры-ты во кіевски,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ.
А й потамѣстъ мы старому славы́ поёмъ,
Старому каза́ку Ильи Муромцю.

Записано тамъ же, 28 іюля.

—

59.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
Жилъ былъ тамъ удалый добрый мо́лодецъ,
Мо́лодой Добрынюшка Микитиничъ,
Пожелалъ-то итти онъ за охвотою.
Обуваетъ онъ сапожки на ножки зеле́нъ сафьянъ,
Одѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ онъ вѣдь шапку во пятьсотъ рублей,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой ту́гой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка розрывчатой,
А й беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленыи,
А й приходитъ-то Добрыня ко синю морю,
А й приходитъ-то Добрыня къ первой заводи;
Не попало тутъ ни гуся, ни лебедя,
А й не сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ-то Добрыня къ дру́гой заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
А й приходитъ-то Добрыня къ третьей заводи,
Не находитъ онъ ни гуся, да ни лебедя,
А й ни сѣраго-то малаго утеныша.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Скоро тутъ Добрыня поворотъ держалъ,
А й приходитъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
Во свой домъ приходитъ къ своей матушки,
А й садился онъ на лавочку брусо́вую,
Утопилъ онъ очи во дубовый мостъ.
А й подходитъ-то къ Добрыни родна матушка,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«Что же Добрыня не весёлъ пришолъ?»
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушкѣ:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты Добрыни благословленьицо,
— Ѣхать мнѣ Добрыни ко Пучай рѣки. —
Говоритъ-то вѣдь Добрыни родна матушка:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«А не дамъ я ти прощенья благословленьица
«Ѣхать ти Добрыни ко Пучай рѣки.
«Кто на Пучай рѣки на семъ свѣти́ да ѣзживалъ,
«А счастливъ-то оттуль да не пріѣзживалъ.»
Говоритъ Добрыня своей матушки:
— Ай же ты родитель моя матушка!
— А даешь мнѣ-ка́ прощеніе — поѣду я,
— Не даешь мнѣ-ка́ прощенія — поѣду я. —
А и да́ла мать прощеніе Добрынюшки
Ѣхать-то Добрыни ко Пучай рѣки.
Скидыва́етъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Одѣваетъ-то онъ платьицо дорожное,
Налагалъ-то на головку шляпу земли гречецкой,
Онъ уздалъ сѣдлалъ да вѣдь добра́ коня,
Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потники на потники,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и туго вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
Самъ ли-то Добрыня выговаривалъ:
— Не для ради красы басы, братцы, молодецкіе,
— Для укрѣпушки-то было богатырскіи. —
А й беретъ-то вѣдь Добрыня да свой ту́гой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены́ стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то онъ вѣдь палицу военную,
А й беретъ-то Добрыня слу́гу мла́даго.
А поѣдучи Добрыни родна матушка наказываетъ:
«Ай же ты молодой Добрынюшка Никитиничъ!
«Съѣдешь ты Добрыня ко Пучай рѣки,
«Одолятъ тебя жары да непомѣрныи, —
«Не купались-ко ты Добрыня во Пучай рѣки.»
Видли-то да добра молодца вѣдь сядучись,

Не видали тутъ удалаго поѣдучись.
А пріѣзжаетъ-то Добрыня ко Пучай рѣки,
Одолили ты жары да непомѣрныи,
Не попомнилъ онъ наказанья родительска.
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли греческой,
Роздѣваетъ вѣдь онъ платьица дорожныи,
Роздѣваетъ вѣдь Добрыня черны чеботы,
Скидываетъ онъ порточки семи шелковъ,
Роздѣваетъ онъ рубашку миткалиную,
Началъ тутъ Добрыня во Пучай рѣки купатися.
Черезъ перву-то струю да ныркомъ пронырнулъ,
Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ, —
А не темныя ли темени затемнѣли,
А не черныя тутъ облаци попадали,
А летитъ ко Добрынюшки люта змѣя,
А лютая-та змѣя да печерская.
Увидалъ Добрыня погану змѣю,
Черезъ перву-то струю да ныркомъ пронырнулъ,
Черезъ другую струю да онъ повынырнулъ.
Младъ-то слуга да былъ онъ торопокъ,
А угналъ-то у Добрынюшки добра коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ тугой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копьё да долгомѣрное,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Столько онъ оставилъ одну шляпоньку,
Одну шляпу-ту оставилъ земли гречецкой.
Хватилъ-то Добрыня свою шляпоньку,
А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
А отбилъ онъ у змѣи да вѣдь три хобота,
А три хобота отбилъ да что ни лучшіихъ.
А змѣя тогда Добрынюшки смолилася:
— Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
— Не придай ты мнѣ смерёти напрасныи,
— Не пролей ты моей крови безповинныи.
— А не буду я летать да по святой Руси,
— А не буду я плѣнить большё богатырей,
— А не буду я давить да молодыихъ жонъ,
— А не буду сиротать да малыхъ дѣтушекъ,
— А ты будь-ко мнѣ Добрыня да ты большой братъ,
— Я буду змѣя да сестрой меньшою. —
А на ты лясы Добрыня пріукинулся,
А спустилъ-то онъ змѣю да на свою волю;
А й пошолъ Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А й во свой-отъ домъ Добрыня къ своей матушки.
Настигаетъ вѣдь Добрыню во чистомъ поли,
Во чистомъ поли Добрынюшку да темна ночь.
А тутъ столбики Добрынюшка розставливалъ,
Бѣлополотняный шатеръ да онъ роздергивалъ,
А тутъ-то Добрыня опочивъ держалъ.
А встаетъ-то Добрыня по утру рано,
Умывался ключевой водой бѣлешенько,
Утирался въ полотно-то миткалиное,
Господу Богу да онъ молится,
Чтобы спасъ меня Господь, помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня со бѣла шатра,
А не темныя ли темени затемнѣли,
А не черныя тутъ облаци попадали, —
Летитъ по воздуху люта змѣя,
А й несетъ змѣя да дочку царскую,
Царскую-ту дочку княженецкую,
Молоду Марфиду Всеславьевну.
А й пошолъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
Приходилъ Добрыня къ своей матушки,
Во свою-ту онъ гридню во столовую,
А садился онъ на лавочку брусовую.
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
Начинаетъ-то Владиміръ да почестной пиръ
А на многія на князи да на бояры
А на сильніихъ могучіихъ богатырей,
На тыхъ паляницъ да на удалыихъ,
На всѣхъ зашлыихъ да добрыхъ молодцовъ.
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня своей матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«Дай-ко ты Добрыни мнѣ прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ Добрыни благословленьицо,
«А поѣду я Добрыня на почестной пиръ
«Ко ласкову князю ко Владиміру.»
А й говорила-то Добрыни родна матушка:
— А не дамъ я ти Добрынюшки прощеньица,
— А не дамъ я ти Добрыни благословленьица,
— Ѣхать ти Добрыни на почестной пиръ
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— А й живи-тко ты Добрыня во своёмъ дому,
— Во своёмъ дому Добрыня своей матушки,
— Ѣшь ты хлѣба соли досыти,
— Пей зелена вина ты допьяна,
— Носи-тко золотой казны ты долюби. —
А й говоритъ-то вѣдь Добрыня родной матушки:
«Ай же ты родитель моя матушка!
«А даешь мнѣ-ка прощеніе — поѣду я,
«Не даешь мнѣ-ка прощенія — поѣду я.»
Дала мать Добрынюшки прощеньицо,
Дала мать Добрыни благословеньицо.
А справляется Добрыня, снаряжается,
Обуваетъ онъ сапожики на ноженки зелёнъ сафьянъ,
Одѣваетъ-то Добрыня платье цвѣтное,
Налагаетъ вѣдь онъ шапку во пятьсотъ рублей,
А й выходитъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Онъ уздае сѣдлае коня добраго,

Налагаетъ вѣдь онъ у́здицу тесмяную,
Налагаетъ вѣдь онъ потнички на потнички,
Налагаетъ вѣдь онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское.
А и крѣпко вѣдь онъ подпруги подтягивалъ,
А и подпруги шолку̀ заморскаго,
А й заморскаго шолку̀ шолпанскаго,
Пряжки славныя мѣди бы съ казанскія *(такъ)*,
Шпенечки-то булатъ-желѣза да сибирскаго,
Не для красы басы, братцы, молодецкія,
А для укрѣпушки-то было богатырскіи.
Садился вѣдь Добрыня на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Становилъ коня-то посреди двора,
Онъ вязалъ коня къ столбу точёному,
Ко тому ли-то колецку золочёному.
А й приходитъ онъ во гридню во столовую,
А глаза-ты онъ крестѝтъ да по писа́ному,
А й поклонъ-тотъ ведетъ да по учёному,
На вси стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгиною въ особину.
А и проводили-то Добрыню во большо́ мѣсто,
А за ты за эты столы за дубовыи,
А за тыи ли за ѣства за саха́рніи,
А за тыи ли за питья за медвяныи,
Наливали ему чару зелена́ вина,
Наливали-то вторую пива пьянаго,
Наливали ему третью меду сладкаго,
Слили эты чары въ едино́ мѣсто;
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А и принималъ Добрыня единой рукой,
Выпиваетъ-то Добрыня на еди́ный духъ.
А й Владимір-отъ князь да стольнё-кіевской
А по гридни по столовой онъ похаживатъ,
Самъ онъ на́ бога́тырей посматриватъ,
Говоритъ да таково слово:
— Ай же спльніи могучіи бога́тыри!
— А накину на́ васъ службу я великую:
— Съѣздить надо во Туги́-горы,
— А й во Тугіи-горы съѣздить ко лютой змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою за дочкой княженецкою. —
Большой-отъ туляется за средняго,
Средній-отъ скрывается за меньшаго,
А отъ меньшаго отъ чину имъ отвѣту нѣтъ;
Зъ-за того ли зъ-за стола за середняго
А выходитъ-то Семенъ-тотъ баринъ Карамышецкой,
Самъ онъ зговори́тъ да таково слово:
«Ахъ ты батюшко Владиміръ стольнё-кіевской!
«А былъ-то я вчерась да во чисто́мъ поли,
«Видѣлъ я Добрыню у Пучай рѣки, —
«Со змѣею-то Добрыня дра́лся ратился.
«А змѣя-то вѣдь Добрыни извинялася,
«Называла-то Добрыню братомъ большімъ,
«А нарекала-то себя да сестрой ме́ньшою.
«Посылай-ко ты Добрыню во Туги́-горы
«А за вашею за дочкою за царскою,
«А за царскою-то дочкой княженецкою.»
Воспроговори́тъ-то князь Владимір-отъ да стольнё-кіевской:
— Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— Отправляйся ты Добрыня во Туги́-горы,
— А й во Туги-горы Добрыня ко лютой змѣи
— А за нашею за дочкою за царскою,
— А за царскою-то дочкой княженецкою. —
Закручинился Добрыня запечалился,
А й скочилъ-то тутъ Добрыня на рѣзвы́ ноги,
А и топнулъ-то Добрыня во дубовой мостъ,
А и стулья-ты дубовы зашаталисе,
А со стульевъ всѣ бояра повалялисе.
Выбѣгае тутъ Добрыня на широкой дворъ,
Отвязалъ ли-то коня да о́тъ столба,
Отъ того ли-то столба да отъ точёнаго,
Отъ того ли-то колечка золочёнаго;
А й садился-то Добрыня на добра́ коня,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка на свой-отъ дворъ,
Спущается Добрыня со добра́ коня,
А й вязалъ коня-то ко столбу точёному,
Ко тому ли-то колечку къ золочёному,
Насыпалъ-то онъ ишены да бѣлояровой.
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й во свой-отъ домъ Добрыня своей матушки.
А й садился-то Добрыня онъ на лавочку,
Повѣсилъ-то Добрыня буйну голову,
Утопилъ-то очи во дубовый мостъ.
А къ Добрынюшкѣ подходитъ его матушка,
А сама ли говорила таково слово:
«Что же ты Добрыня не весёлъ пришолъ?
«Мѣсто ли въ пиру да не по разуму,
«Али чарой ли тебя въ пиру да о́бнесли,
«Али пьяница дуракъ да въ глаза на́плевалъ,
«Али красныи дѣвицы обсмѣялисе?»
Воспроговори́тъ Добрыня своей матушкѣ:
— А мѣсто во пиру мнѣ было бо́льшое,
— А большое-то мѣсто не ме́ньшое,
— А й чарой во пиру меня не о́бнесли,
— А пьяница дуракъ да въ глаза не́ плевалъ,
— Красныя дѣвицы не обсмѣялисе;
— А Владиміръ князь да стольнё-кіевской
— А накинулъ-то онъ службу вѣдь великую:

— А надо мнѣ-ка ѣхать во Тугй-горы,
— А й во Тугй-горы ѣхать ко лютóй змѣи,
— А за ихною за дочкой княженецкою. —
А й справляется Добрыня снаряжается
А во дальнюю да въ путь дороженку.
Обувалъ Добрыня чёрны чоботы,
Одѣвалъ онъ платьица дорожныи,
Налагалъ онъ шляпу земли гречецкой,
А онъ ýздалъ сѣдлалъ коня добраго,
Налагалъ онъ ýздицу тесмяную,
Налагалъ онъ потнички на потнички,
Налагалъ онъ войлоки на войлоки,
На верёхъ-то онъ сѣделышко черкаское,
А й да туго подпруги подтягивалъ,
А й да самъ Добрыня выговаривалъ:
А не для красы басы, братцы, молодецкія,
Для укрѣпушки-то былъ богатырскія.
А й приходитъ ко Добрыни родна матушка,
Подаетъ Добрыни свой шелкóвый платъ,
Говоритъ она да таково слово:
«Ахъ ты молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«А й съѣдёшь Добрыня во Тугй горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко лютóй змѣи,
«А й ты будешь со змѣей Добрыня драться ратиться,
«А й тогда змія да побивáть будётъ, —
«Вынимай-ко ты съ кармана свой шелкóвый платъ,
«Утирай-ко ты Добрыня очи ясныи,
«Утирай-ко ты Добрыня лицко бѣлоё,
«А ужъ ты бей кóня по тучнымъ ребрамъ.»
Это тутъ ли-то Добрынюшка Микитиничъ
А й заходитъ онъ Добрыня да во свой-отъ домъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрынюшка свой тýгой лукъ,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня калены стрѣлы,
А й беретъ-то вѣдь Добрыня саблю вострую,
А й беретъ-то онъ копьё да долгомѣрное,
А й беретъ-то вѣдь онъ палицу военную,
А онъ Господу-то Богу да онъ молится,
А й да молится Миколы да святителю,
А й чтобъ спасъ Господь меня помиловалъ.
А й выходитъ-то Добрыня на широкій дворъ,
Провожаётъ-то Добрыню родна матушка,
Подаетъ-то вѣдь Добрыни шелковýю плеть,
Сама-то зговоритъ да таково слово:
«А и съѣдешь ты Добрыня во Тугй-горы,
«Во Туги-горы Добрыня ко лютóй змѣи,
«Станешь со змѣей да драться ратиться,
«А й ты бей змѣю да плёткой шóлковой,
«Покоришь змѣю да какъ скотинину,
«Какъ скотинину да вѣдь крестьяньскую.»
А й садился-то Добрыня на добрá коня.
Этта видли добра молодца вѣдь сядучись,
А й не видли вѣдь удалаго поѣдучись.
Проѣзжаетъ онъ дорожку-ту вѣдь дальнюю,
Пріѣзжаетъ-то Добрынюшка скорымъ скоро,
Становилъ коня да во чистóмъ поли
И онъ вязалъ коня да ко сырý дубу,
Самъ онъ выходилъ на тое ли на мѣсто на уловноё
А ко той пещеры ко змѣиныи.
Постоялъ тутъ вѣдь Добрыня мало времечки,
А не темныя ли тéмени затéмнѣли,
Да не черные-то облаци попадали,
А й летитъ-то лéтитъ поганá змія,
А й несётъ змія да тѣло мёртвоё,
Тѣло мёртвоё да богатырскоё.
А и увидала-то Добрынюшку Микитича,
А й спущала тѣло на сыру землю,
Этта нáчала съ Добрыней драться ратиться.
А й дрался Добрыня со змѣёю день до вечера,
А й змія-то вѣдь Добрыню побивать стала;
А й напомнилъ онъ наказанье родительско,
А и вынималъ платокъ да изъ карманчика,
А и пріобтёръ Добрыня очи ясныи,
Попріобтёръ-то Добрыня лицко бѣлоё,
И ужъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ:
— А ты волчья выть да травяной мѣшокъ!
— Что ль ты по темнý лѣсу да вѣдь не хаживалъ,
— Аль змѣинаго ты свисту да не слыхивалъ? —
А и ёго добрый конь да сталъ поскакивать,
Сталъ поскакивать да сталъ помахивать
Лучше стараго да лучше прежнаго.
Этта дрался тутъ Добрыня да другой-отъ день,
А й другой-отъ день да онъ до вечера,
А й проклятая змѣя да побивать стала.
А й напомнилъ онъ наказаньё родительско,
Вынималъ-то плетку изъ карманчика,
Бьетъ змѣю да своей плёточкой,
Укротилъ змѣю акй скотинину,
А й аки скотинину да крестіянскую.
Отрубилъ змѣи да онъ вси хоботы,
Розрубилъ змѣю да на мелкй части,
Роспиналъ змѣю да по чистý полю.
А й заходитъ онъ въ печеры во змѣиныи,
А во тыхъ ли во пещерахъ во змѣиныихъ
А роскована *) тамъ дочка княженецкая,
Въ ручки въ ножки биты гвоздія желѣзныи,
А тамъ во печерахъ во змѣиныихъ

*) т. е. прикована къ стѣнѣ руками врозь,—такъ объяснилъ Фепоновъ.

А не много ли не мало да двѣнадцать всѣхъ змiёнышовъ;
А й прибилъ-то вѣдь Добрыня всѣхъ змiёнышовъ,
А й снималъ онъ со стѣны да красну дѣвушку,
Приходилъ Добрыня на зеленый лугъ,
Къ своему Добрыня кóню доброму.
А й садился вѣдь Добрыня на добрá коня,
Прiѣзжаетъ-то Добрынюшка ко стольнему ко городу ко Кiеву
А й ко ласкову ко князю ко Владимiру,
А й привозитъ князю дочику любимую.
А й за тую-то за выслугу великую
Князь его нечимъ не жаловалъ.
Прiѣзжаетъ-то Добрынюшка во свой-отъ домъ,
А засталъ *) коня во стойлу лошадиную,
Насыпалъ коню пшены да бѣлояровой.
А й заходитъ-то Добрыня въ нову горницу,
Этта тутъ Добрыня опочивъ держалъ.
Этта тымъ поѣздка та рѣшилась.

Записано тамъ же, 28 iюля.

—

60.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 10).

Какъ изъ дáлеча было изъ чистá поля,
Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастыи,
Изъ-подъ того ли сподъ кустичка ракитова,
А й выходила-то турúца златорогая,
И выходила-то турица со турятами,
А й расходилися турѝ да во чистóмъ поли,
Во чистомъ поли туры да со турицою.
А й лучúлосе турамъ да мимо Кiевъ градъ итти,
А й видли надъ Кiевымъ чуднымъ чудно,
Видли надъ Кiевымъ дивнымъ дивно.
По той по стѣны по городовыи
Ходитъ дѣвица душа красная,
А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
А не тольки читае, да вдвой плаче.
А тому чуду туры удивилися,
Въ чистое поле возвратилися,
Сошлися, со турицей поздоровкалисе:
«А ты здравствуешь турица наша матушка!»
— Ай здравствуйте туры да малы дѣтушки!
— А гдѣ вы туры были, что вы видѣли? —
«Ай же ты турица наша матушка!
«А й были мы туры да во чистóмъ поли,
«А лучилосе намъ турамъ да мимо Кiевъ градъ итти,
«А й видѣли надъ Кiевомъ чуднымъ чудно,
«А й видѣли надъ Кiевомъ дивнымъ дивно:
«А по той стѣны по городовыи
«Ходитъ-то дѣвица душа красная,
«А на рукахъ носитъ книгу Леванидову,
«А не стольки читаетъ, да вдвой плаче.»
Говоритъ-то вѣдь турица родна матушка:
— Ай же вы туры да малы дѣтушки!
— А й не дѣвица плачетъ, да стѣнá плаче,
— А й стѣна-та плаче городовая,
— А она вѣдаетъ незгодушку надъ Кiевомъ,
— А й она вѣдаетъ незгодушку великую. —

А изъ-подъ той ли страны да сподъ восточныя
А наѣзжалъ ли Батыга сынъ Сергiевичъ,
А онъ съ сыномъ со Батыгой со Батыговичемъ,
А онъ съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,
А онъ со чернымъ дьячкомъ да со выдумщичкомъ.
А й у Батыги-то силы сорокъ тысячей,
А у сына у Батыгина силы сорокъ тысячей,
А у зятя Тараканова силы сорокъ тысячей,
А у чернаго дьячка, дьячка выдумщичка,
А той ли той да силы счёту нѣтъ,
А той ли той да силы да вѣдь смѣту нѣтъ:
Соколу будетъ летѣть да на межéнный долгiй день,
А малою-то птичики не óблетѣть.
Становилась тая сила во чистóмъ поли.
А по грѣху ли-то тогда да учинилосе,
А й богáтырей во Кiеви не лучилосе:
Святополкъ богáтырь на святыихъ на горáхъ,
А й молодой Добрыня во чистóмъ поли,
А Алешка Поповичъ въ богомóльной стороны,
А Самсонъ да Илья у синя моря.
А лучилосе во Кiеви голь кабацкая,
А по имени Василей сынъ Игнатьёвичъ.
А двѣнадцать годовъ по кабакамъ онъ гулялъ,
Пропилъ промоталъ все житьё бытьё своё,
А й пропилъ Василей коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
Съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскiимъ,
А триста онъ стрѣлочекъ въ залóгъ отдалъ.
А со похмѣлья у Василья голóвка болитъ,
Съ перепою у Василья ретиво сердцó щемитъ,
И нечимъ у Василья опохмѣлиться.
А й беретъ-то Василей да свой тýгой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Васильюшко розрывчатой,

*) т. е. поставилъ.

Налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку каленую.
А й выходитъ-то Василей вонъ изъ Кіёва,
А стрѣлилъ-то Василей да по тѣмъ шатрамъ,
А й по тѣмъ шатрамъ Василей по полотнянымъ,
А й убилъ-то Василей три головушки,
Три головушки Василей три хорошенькихъ:
А убилъ сына Батыгу Батыговича,
А убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
А убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
И это скоро-то Василей поворотъ держалъ
А й во стольнёй во славной во Кіевъ градъ.
А это тутъ Батыга сынъ Сергіевичъ
А посылаетъ-то Батыга да скорыхъ пословъ,
Скорыхъ пословъ Батыга винова́таго искать.
А й приходили-то солдаты каравульніи,
Находили-то Василья въ кабакй на печй,
Приводили-то Василья ко Батыги на лицо.
А й Василей отъ Батыги извиняется,
Низко Василей поклоняется:
«Ай прости меня Батыга во такой большой вины!
«А убилъ я три головки хорошенькихъ,
«Хорошенькихъ головки что ни лучшенькихъ:
«Убилъ сына Батыгу Батыговича,
«Убилъ зятя Тараканчика Корабликова,
«Убилъ чернаго дьячка, дьячка выдумщичка.
«А со похмѣлья у меня теперь голо́вка болитъ,
«А съ перепою у меня да ретиво сердцо́ щемитъ.
«А опохмѣль-ко меня да чарой винною,
«А выкупи-ко мнѣ да коня добраго,
«Съ той ли-то у́здицей тесмянною,
«А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскіимъ,
«А триста еще стрѣлочекъ каленыхъ.
«Еще дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
«Пособлю взять-плѣнить да теперь Кіевъ градъ.
«А знаю я воротца незаперты,
«А незаперты воротца незаложены,
«А во славный во стольнёй во Кіевъ градъ.»
А на ты лясы Батыга пріукинулся,
А выкупилъ ему да коня добраго,
А съ той ли-то уздицей тесмяною,
А съ тѣмъ сѣдломъ да со черкальскіимъ,
А триста-то стрѣлочекъ каленыхъ.
А наливаетъ ему чару зелена́ вина,
А наливаетъ-то другую пива пьянаго,
А наливаетъ-то онъ третью мёду сладкаго,
А слилъ-то эти чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
Выпиваетъ-то Василей на единый духъ.
А крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговариваё:
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чисто́мъ полѣ гулять,
«Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махать.»
И далъ ему силы сорокъ тысящей.
А выѣзжалъ Василей во чисто́ полё
А за ты эты за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
И это началъ вѣдь онъ силушки поруби́ватй,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы.
Скоро тутъ Василей поворо́тъ держалъ.
А пріѣзжаетъ тутъ Василей ко Батыги на лицо,
А й съ добра коня Васильюшка спущается,
А низко Василей поклоняется,
Самъ же онъ Батыгѣ извиняется:
«Ай прости-ко ты Батыга во такой большой вины!
«Потерялъ я вѣдь силы сорокъ тысящей.
«А со похмѣлья у меня теперь голо́вка болитъ,
«Съ перепою у меня да ретиво сердцо́ щемитъ,
«Помутились у меня да очи ясныя,
«А подрожало у меня да ретиво́ сердцо.
«А опохмѣль-ко ты меня да чарой винною,
«А дай-ко ты силы сорокъ тысящей,
«Пособлю взять-плѣнить да я Кіевъ гра́дъ.»
А на ты лясы Батыга пріукинулся,
Наливаетъ вѣдь онъ чару зелена́ вина,
Наливаетъ онъ другую пива пьянаго,
Наливаетъ вѣдь онъ третью мёду сладкаго,
Слилъ эты чары въ едино́ мѣсто.
Стала мѣрой эта чара полтора ведра,
Стала вѣсомъ эта чара полтора пуда.
А принималъ Василей едино́ю рукой,
А выпивалъ Василей на единый духъ,
А й крутешенько Василей поворачивалсе,
Веселешенько Василей поговариває:
«Ай же ты Батыга сынъ Сергіевичъ!
«Я могу теперь, Батыга, да добрымъ конёмъ владать,
«Я могу теперь, Батыга, во чисто́мъ полѣ гулять,
«Я могу теперь, Батыга, вострой са́белкой махать».
А далъ ему силы сорокъ тысящей.
А садился Василей на добра́ коня,
А выѣзжалъ Василей во чисто полё
А за ты эты за лѣсушки за тёмные,
А за ты эты за горы за высокіе,
И это началъ онъ по силушкѣ поѣзживатй,
И это началъ вѣдь онъ силушки поруби́ватй,
И онъ прибилъ прирубилъ до еди́ной головы.
А розгорѣлось у Василья ретиво́ сердцо,

А й размахалась у Василья ручка правая.
А й пріѣзжаетъ-то Василей ко Батыги на лицо̀,
И это началъ онъ по силушки поѣзживатѝ,
И это началъ вѣдь онъ силушки порубливатѝ,
А онъ прибилъ прирубилъ до единой головы.
А й тотъ ли Батыга на уходъ пошолъ,
А й бѣжитъ-то Батыга запинается,
Запинается Батыга заклинается:
— Не дай Боже, не дай Богъ да не дай дитямъ моймъ,
— Не дай дитямъ моимъ да моимъ внучатамъ
— А во Кіеви бывать да вѣдь Кіева видать! —

—

Ай чистыи полѝ были ко Опскову,
А широкѝ роздольица ко Кіеву,
А высокія-ты горы Сорочинскіи,
А церковно-то строенье въ каменнóй Москвы,
Колокольнёй-отъ звонъ да въ Новѣ-гóродѣ,
А й тёртыя колачики Валдайскія,
А й щапливы щеголивы въ Ярослáви городѝ,
Дешёвы поцѣлуи въ Бѣлозéрской сторонѣ,
А сладки напитки во Питери,
А мхи-ты болота ко синю морю,
А щельё каменьё ко сиверику̀,
А широки подолы Пудожаночки,
А й дублёны сарафаны по Опéги по рѣкѝ,
Толстобрюхіе бабенки Лёшмозёрочки,
А й пучеглазыя бабенки Пошозёрочки.
А Дунай Дунай Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай *).

Записано тамъ же, 28 іюля.

—

61.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

Ай на панови да на улáнови *(такъ)*
Тамъ жило было два Лївика,
Королевскіихъ да два племянника.
Оны думали да думу крѣпкую,
Оны хочутъ ѣхать во святую Русь,
А й во матушку да каменну̀ Москву,
Къ молодому князю Роману Мїтріевичу,
А й къ ему да на почестный пиръ.
А й приходятъ-то оны къ свóему дядюшки,
Чéмбалъ кóролю земли литовскіе:
«Ахъ ты дядюшка да нашъ Чембалъ король,
«А й Чембáлъ король земли литовскіе!
«Ужъ ты дай-ко намъ теперь прощеньицо,
«Ахъ ты дай-ко намъ да благословленьицо, —
«Хочемъ ѣхать мы да во святую Русь,
«А й во матушку да каменну̀ Москву,
«А й ко тому ко князю Роману Митріевичу,
«А й къ ему-то ѣхать на почестный пиръ.»
Говоритъ имъ дядюшка Чембалъ король,
А й Чембáлъ король земли литовскіе:
— Ай да рóдныи мои племянники!
— А й не дамъ я вамъ теперь прощеньица,
— А й не дамъ я вамъ да благословленьица,
— Это ѣхать вамъ да на святую Русь.
— Еще кто жъ ѣзжалъ да на святую Русь,
— А й счастлївъ съ Руси да не выѣзживалъ. —
Не послушали оны своёго дядюшки,
А й уздали вѣдь сѣдлали да добрыхъ коней,
Обкольчужились скоро, облатились,
А й садилисе оны да на добрыхъ коней,
Пріѣзжали-то оны да во святую Русь.
Наѣзжали-то въ Руси оно первó село,
А первó село да Ярославское,
А й первó село да прекрасївое;
А й во томъ сели да было трѝ церквы,
А й было три церквы три соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да óгню придали.
А й наѣзжалѝ въ Русѝ да второ̀ село,
А й второ село Катеринградское,
Превеликое село да прекрасивоё;
А во томъ сели да было шесть церквей,
Было шесть церквей да шесть соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
Это-то село да всё огнёмъ пожгли.
Наѣзжали во Русіи да третьё село,
А третьё село да Косоульское,
А этó-то село да превеликое,
Превеликое село да прекрасивое;
А й во томъ сели было девять церквей,
А й девять церквей было соборныихъ.
Оны жили были да пограбили,
А этó-то село да всё огнёмъ пожглѝ,
Полонили млáду полоненочку,
А мóлоду Настасью да вѣдь Мїтрьевну,
Со тыимъ младенцемъ двоюмѣсячнымъ;
Увезли далече во чистó поле
За быстру̀ рѣку да за Смородину.

*) Послѣдніе стихи суть, по замѣчанію сказителя, «небылица», которую старый калика Мѣщаниновъ — учитель Феоновa — пѣвалъ послѣ этой былины.

Во чистóмъ поли столбы розставили,
На столбы шатры оны роздернули,
Это тутъ-то мóлодцы да опочивъ держатъ,
А й не много ли не мало столько шесть-то дней.
Какъ изъ дáлеча далéча изъ чистá поля
Налетала мала птица, пѣвчій заворóночокъ *(такъ)*,
А садился онъ ко князю во зеленый садъ,
А въ саду поётъ онъ выговаривать:
«Ай ты молодой князь Романъ Мúтріевичъ!
«Ѣшь ты пьешь да прокладаешься,
«Надъ собой ты вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
«Во твою-то во святую Русь
«А й пріѣхало-то два поганыихъ два Ливика,
«Королевскіи да два племянника;
«Наѣзжали-то въ Русй они перво́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Руси они второ́ село,
«Оны жили были да пограбили,
«Оны то село да вѣдь огнёмъ пожгли;
«Наѣзжали-то въ Русй они третьё село,
«Оны жили были да пограбили,
«Это-то село да вѣдь огнёмъ пожгли,
«А полонили млáду полоненочку,
«А й твою-то родиму́ сестру
«Со тымъ младенцемъ двоюмѣсячнымъ,
«Увезли-то вѣдь далече во чисто поле,
«За быстру́ рѣку да за Смородину.»
А й закручинился тутъ князь да запечалился
Еще той тоской печалью онъ великою.
А хватилъ-то онъ ножúщо да кинжáлищо,
Кинулъ онъ ножищо во дубовой столъ,
Пролетѣло тутъ ножищо скрозь дубовой столъ,
Скрозь дубовый столъ, сталó въ кирпичный мостъ:
— Не дойдетъ-то имъ щенкамъ да надсмѣхатисе. —
А й собираетъ-то онъ силы рáвно трú полку,
Рáвно три полку да вѣдь тритысячныхъ.
Поѣзжаетъ тутъ вѣдь князь да Романъ Мúтріевичъ
А й со своей со дружиной со хороброю
А й во дáлечо далéчо во чистó полё.
Первая дружина да ѣдятъ-то пьютъ нападкою *),
Вторая-то шóломомъ роскатнымъ *),
Третья дружина ѣли столомъ скатертью.
Пріѣзжае князь да ко быстрóй рѣки,
Ко быстрой рѣки да ко Смородины;
А й вырѣзывалъ-то онъ да три жéребья,
А три жеребья вырѣзывалъ три лúповыхъ;
А й спущалъ-то онъ да первы жеребьи
На быстру́ рѣку да на Смородину:
А которыи-то ѣли пили да нападкою,
Тыи жеребьи да каменёмъ ко дну, —
А й той-то дружины да убитой быть.
А й спущаетъ онъ-то втóры жеребьи
На быстру́ю рѣку онъ да на Смородину:
А которыи-то ѣли шóломомъ роскатнымъ,
Тыи жеребьи да ѐны внúзъ быстринъ, —
Это тая-та дружина буде во полонъ взята.
А спущалъ-то онъ вѣдь третьи жеребьи:
А которыи-то ѣли столомъ скатертью,
Тыи-ты вѣдь жеребьи встрѣчу́ быстринъ, —
Это тая-то дружина да весьма храбра.
А двѣ эты́ дружины оставляетъ тутъ,
Третью-ту дружину за собой беретъ.
Выѣзжали они скоро во чистó полё;
Говоритъ тутъ младый князь Романъ да Мúтріевичъ:
— Ай же вы дружинушка хоробрая!
— А вы слушайте-тко бóльшаго вотáмана,
— А и дѣлайте вы дѣло повелёное:
— А и закрычитъ какъ черный воронъ на сыромъ дубу.
— На сыромъ дубу да во первóй наконъ,
— А й вы ѣшьте тогда вы кушайте;
— А закрычитъ чернóй-то воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во второ́й наконъ,
— Вы уздайте сѣдлайте да добры́хъ коней;
— А закрычитъ-то чéрный воронъ на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да во третéй наконъ,
— А вы ѣдьте ко шатрамъ бѣлополóтнянымъ,
— А й возьмите вы берите да вы Ливиковъ,
— Королевскіихъ возьмите вы племянниковъ. —
А самъ онъ обвернулся да сѣры́мъ волкомъ,
Это началъ онъ вѣдь по полю побѣгивать,
Это началъ онъ по чистому порыскивать,
Прибѣгалъ-то онъ вѣдь близко ко бѣлу́ шатру,
Заходилъ скорó во стойлы лошадиныи,
У добры́хъ коней головочки поборвалъ,
По чисту́ полю головочки порóскидалъ.
Обвернулся князь-то добрымъ молодцомъ,
Заходилъ-то въ кладовыи оружейныя,
А у оружьицовъ замочики повывертѣлъ,
По чисту́ полю замочики порóскидалъ.
Обвернулся бѣлымъ малымъ горнóсталёмъ,
У тугúхъ луковъ тетивочки повыщелкалъ.
Это началъ по шатру да онъ побѣгивать,
Этотъ весь шатёръ да сталъ продрагивать;

*) *Нападкою* — накидываясь на пищу и питье, какъ животныя, безъ помощи рукъ; *шоломомъ роскатнымъ*—развалившись въ лежачемъ положеніи: такъ объяснилъ пѣвецъ.

сячный младенчикъ проязычился:
ька, маменька, не мой ли-то дяденка,
братецъ по бѣлу шатру побѣгиватъ,
ѣлъ-то шатеръ да весь продрагиватъ?»
ли эти рѣчи да вѣдь Ливики,
горнóсталя поганивать,
ой éго шубонькой закидывать,
инули вѣдь шубой соболиною, —
скочилъ сподъ шубы соболиныи,
лъ-то онъ тогда да на окошечко,
ечка скочилъ да за окошечко.
лся онъ тогда да чернымъ вóрономъ,
лся-то онъ да на сы́рой дубъ;
лъ-то воронъ во первóй наконъ,
рвый-то наконъ да на сыромъ дубу.
ъ-то поганы-ты Ливики:
не крычи-тко ты чернóй ворòнъ да на сыромъ дубу!
берѐмъ-то вѣдь мы нонь туги́ луки,
пострѣ́лимъ мы тебя да черна вóрона,
кровь твою-ту прóльемъ по сыру́ дубу,
перьё-то роспустимъ по чисту́ полю! —
рычалъ тутъ вранъ да на сыромъ дубу,
сыромъ дубу да во второй наконъ.
ъ-то вѣдь тутъ Ливики таково слово:
не крычи-тко ты чернóй ворòнъ да на сыромъ дубу!
поберемъ-то мы теперь свои оружьица,
пострѣ́лимъ мы тебя да черна ворона,
кровь твою-ту прóльемъ по сыру́ дубу,
перьё-то роспустимъ по чисту́ полю!—
рычалъ тутъ вранъ да во третéй наконъ,—
тутъ дружинушка хоробрая.
ъ-то Ливики вѣдь испугалися
гіе-ты луки́ да захваталисе, —
ихъ луковъ тетивочки пощолканы,
у полю тетивочки роскиданы;
ли ѐны скоро въ оружейную,
жьицовъ замочики отверчены,
у полю замочики роскиданы;
ли тутъ во стойлу лошадиную,
у ихъ кони безъ головъ стоятъ.
лся онъ да изъ сыра дуба,
лся онъ да добрымъ мóлодцомъ.
ли ѐны тутъ поганыхъ Ливиковъ,
льшого-то руки сломали, глаза вы́копали,
льшого сломали рѣзвы́ ноги дó гузна,
адили тутъ-то мéньшого на бóльшого,
тили-то да ихъ во свою сторону.
но тамъ же, 28 іюля.

—

62.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ *).

А й отчего-те зима да зачаласе,
А и красно лѣто состоялось?
Зачалася зима да отъ мороза,
А и красно лѣто отъ солнца,
А й богатая осень отъ лѣта.
И по тыя-то осени богатой
Вылетала малая птица,
А и малая птица пѣвица;
Садилась въ зелену́ садочку,
А на тое на дерево калино *(такъ)*,
А и начала пѣти, жупѣти,
Всякими она-те ясакáми.
А й услыхали русьскія птичи,
Сбиралися стады́ оны стадами,
Прилетали къ зелену́ садочку,
А й садились птичи рядами,
Въ ѐдну сторону да головами;
А начали пѣти, жупѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Ай малая птица пѣвица!
«Скажи Божью правду, не утайсе:
«Кто у васъ за моремъ большіи,
«Кто за дунаечкимъ меньшіи?»
А отвѣтъ держитъ птица пѣвица:
— Глупыя вы русьскія птичи!
— А зачѣмъ же сюда да прилетали,
— Зáчимъ про синѐ морѐ спрашали?
— Всѣ у́ насъ вá моремъ большіи,
— Всѣ за дунаечкимъ меньшіи.
— А й крестьяна у́ насъ по деревнямъ,
— А десятски у́ насъ по селеньямъ,
— А й старосты у́ насъ по волóстямъ,
— Попы дьяки у́ насъ по погостамъ,
— Старцы игумны въ манасты́ряхъ,
— Подъячіе люди по присуствамъ,
— А гости торговы по посадамъ.
— Воеводы живутъ у нáсъ по мызамъ,
— Солдаты идутъ по походамъ,
— Цари да царьствуютъ по царьствамъ,
— А всѣ ль-то у насъ оны по службамъ,

*) Эта «старинка» отличается какъ особымъ размѣромъ, такъ и тѣмъ, что пѣвецъ въ ней неоднократно протягиваетъ буквы ъ и ь, произнося вмѣсто ъ-ра почти ы, вмѣсто ь-ря почти и. Вездѣ, гдѣ онъ это дѣлалъ, надъ буквами ъ и ь поставлена черточка. Чтобы при томъ быть вполнѣ точнымъ, собиратель, записавъ настоящую «старинку», заставилъ Фенонова еще три раза повторить ее.

— Всѣ ль-то у насъ и по роботамъ.
— А еще бы за дунаечкіимъ морёмъ
— Бѣлой-отъ колпикъ *) былъ царикъ,
— Бѣлая колпица царица.
— А гуси-ты на мори бояра,
— Лебеди бояриицкія жены,
— Соловей при нихъ веселыи
— Во всякія игры играёть,
— Все вѣдь онъ бояръ и спотѣшаёть.
— Воробьи боярьски холопы,
— Колья жердьё да роботали,
— Крестьянски конопля розбивали,
— Оттого сыты пребывали.
— А голубчик-отъ на мори попикъ,
— Голубушка-та была попадьюшка,
— А й косачки дьячки церковны,
— Тетёрки-ты дьяческія жёнки,
— Куликъ понамарь церковной.
— А травник-отъ былъ протаможникъ **),
— А тёрпукъ-отъ былъ вѣдь трапезникъ.
— А канюк-отъ былъ чѣловальникъ,
— Рябчик-отъ на мори стряпчей.
— А ластушки красны дѣвицы,
— Утки да были молодицы.
— Селезень гость торговой;
— А й по синему морю вѣдь онъ плаваёть,
— Всякими товарами торгуёть.
— Чайки-ты были водоплавки,
— Гагары-ты были рыболовки,
— А съ озера въ озёро ныряли,
— Всяку оны рыбу добывали;
— На горы ***) ихъ рыба не бывала,
— А въ торгу ихъ рыбы не видали,
— Крестьяна ихъ рыбы не ѣдали.
— А журавль-отъ былъ перевощикъ;
— По синему морю вѣдь онъ бродить,
— Русьскія птицы перевозить,
— Цвѣтнаго платія не мочить.
— Галици были черници,
— Чёрныя вранъ да игумёнъ,
— А ястрёбъ былъ и атаманомъ,
— А филин-отъ тать да розбойникъ.
— Сокол-отъ скорыи посланникъ.
— Орёл-отъ на мори налётникъ;
— Единожды въ годъ прелетаё,
— А велику себи дань собираё, —

*) Фепоновъ не умѣлъ объяснить хорошенько, что это за птица, но говорилъ въ видѣ догадки, что это должно быть какая-то птица «подорожникъ», являющаяся зимовать въ Пріонежье. У сербовъ-лужичанъ *колпь* значитъ лебедь. **) т. е. таможенный чиновникъ. ***) т. е. на сушѣ.

— По три головы да по четыре,
— Иногда по цѣлому десятку.
— А мошник-отъ *) на мори крестьянинъ,
— Копала **) крестьяньская жёнка.
— А синька блядь полежлива;
— Часто лежитъ она хвораёть,
— Долго она не пропадаёть,
— Роботы роботать она можетъ,
— Казака нанять она не смыслитъ.
— Дрозд-отъ у нёй казачёнко,
— День-то онъ ночи роботаё,
— Гроша онъ найму да не видаё.
— Кокуша ***) побѣдъна горюша;
— Много она яицъ выкладаёть,
— А счоту во яицахъ не знаёть,
— Дѣтей выводити не умѣёть.
— Куропать бобыль безпомѣстной;
— Штаники онъ носитъ съ напускамп,
— Изъ куста во кустъ перебродитъ,
— Помѣстья себѣ да не имѣёть.
— Дятель-отъ на мори плотникъ,
— Желна-та церковной строитель;
— По темному лѣсу летаёть,
— Всяко она дерево пытаёть,
— Церквы соборы роботаёть.
— Сорока кабацькая жёнка;
— Черныя чёботы держала,
— Съ ножки на ножьку скакала,
— На груди подолы подымала,
— Молодыхъ ребятъ приманяла;
— Безъ колача да ѣсть не сядёть,
— Безъ молодца да спать не ляжёть;
— Пѣшь же она курва не ходитъ,
— Всё ль-то ѣдё на подводахъ,
— А пара у ней коней вороныхъ,
— Извощички ребята молодыи.
— Ворона-та на мори бабка;
— Когти толсты грязны.
— Порядню-ту водитъ худую.
— Пѣтухи казаки донскіи, —
— То-то молодцы да удалыи;
— По многу жёнъ оны содержать,
— По три жёны да по четыре,
— Иной до цѣлаго десятка,
— А всѣхъ нарядити онъ умѣёть,
— Всѣма розрядити разумѣёть,
— Не такъ какъ на Руси у мужа
— Одна его бажопая жёнушка, —

*) т. е. глухой тетеревъ. **) Самка глухаго тетерева. ***) т. е. кукушка.

— И той нарядить онъ не умѣётъ,
— На роботу розрядить не разумѣётъ.
— А курица послѣдьняя птица;
— Кто ни ею да понимáётъ
— Всякой въ дырѣ да ковыряётъ,
— Все изъ яицá бѣднý пытáётъ,
— Любимымъ зятевьямъ и припасаётъ.

—

— Левъ-тотъ пá мори мясникъ былъ,
— Медвѣдь-отъ былъ кожедéрникъ;
— Много онъ кожъ придираётъ,
— Сопоговъ на ногахъ не видáётъ.
— Волкъ-тотъ нá мори овчинникъ;
— Много онъ овчинъ придираётъ,
— А й шубы онъ на плечахъ не видаётъ,
— Велику себи стужу принимаётъ.
— Олень-отъ скорыи посланникъ,
— Зайко-то на мори калачникъ,
— А ножки тонéньки бѣлéньки,
— Калачики пекётъ онъ и мяконьки.
— А лисица молóда молодица;
— Дологъ хвостъ — и не наступитъ,
— Здѣлаётъ вину — она не скажё.
— А собака-та зла лиха свекрова;
— День она ночи варайдáётъ,
— Дѣла никáкова не скажётъ.
— А й кошки эты были вдовицы,
— То-то сироты да бобылицы;
— Днёмъ кошки лежá по печкамъ,
— Ночью пóйдутъ по добычкамъ,
— А криночки горшочки открываютъ,
— Безъ ложки сметанъку снимаютъ,
— За то же ихъ бьютъ и безпощадно. —
А всѣмъ молодцамъ былъ и роспускъ,
Всѣмъ удáлымъ былъ и розъѣздъ:
Краснымъ дѣвицамъ по терéмамъ,
А й молóдымъ молодцáмъ былъ по лавкамъ,
А молóдыимъ молóдкамъ по скамейкамъ,
Старымъ старикамъ и по полатямъ,
Старыимъ стáрушкамъ по печкамъ.
То-то старуха на печки,
То-то старухи надоѣства, —
Кринка овсянаго тѣста.
А ѣла бы старуха, молчала,
Молчала бы старуха, не ворчала... тиру.

Записано тамъ же, 29 іюля.

—

XIV.

ПОТАПЪ АНТОНОВЪ.

Потапъ Трофимовичъ Антоновъ, крестьянинъ дер. Гагарки Шальскаго погоста, бодрый старикъ, лѣтъ подъ 70 отъ роду, занимающійся земледѣліемъ и рыболовствомъ. Былинамъ онъ выучился отъ своего дѣда, крестьянина, умершаго 97-ми лѣтъ, а дѣдъ, въ свою очередь, перенялъ ихъ отъ слѣпаго калики Мины Ефимова изъ Андомы (Вытегорскаго уѣзда), который много странствовалъ, ходилъ и въ Москву и тамъ, по увѣренію Антонова, научился «старинамъ» *). Этотъ Мина пользовался особеннымъ уваженьемъ своею мудростью; самъ Антоновъ помнитъ его въ дѣтствѣ; умеръ онъ лѣтъ 60 тому назадъ. Потапъ Антоновъ сдѣлался извѣстенъ г. Рыбникову, для сборника котораго писарь, служившій при мѣстномъ исправникѣ, записалъ съ его словъ нѣсколько былинъ. По какой-то ошибкѣ онъ при этомъ названъ Потапомъ Потахинымъ.

—

63.

СУХМАНЪ.

Было во славномъ во городѣ во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него-то тутъ почестной пиръ.
На томъ на пиру у Владиміра
Были князи вѣдь тутъ, вси вѣдь бóяра,
А вси сильни могучи вси богáтыри;
А сидитъ во самомъ-то во большóмъ углу
А Сухмáнъ да сидитъ сынъ Долмáнтьёвичъ.
Вси князи оны вси тутъ бóяра,
Сильніи могучіи богáтыри,
Ѣдятъ-то, пьютъ, вси-то кушаютъ
И бѣлую лебедь оны рушаютъ.
Молодой Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, самъ не кушаотъ,
Бѣлой лебеди самъ не рушаетъ,

*) Если Мина Ефимовъ зналъ былины, то конечно могъ ихъ почерпнуть скорѣе на родинѣ, въ Андомѣ, чѣмъ въ Москвѣ; но Москва, для крестьянина Пріонежья, является мѣстомъ крайне отдаленнымъ и мало кому знакомымъ; поэтому, вѣроятно, и сложилось понятіе, что Мина, который ходилъ въ Москву, вынесъ оттуда свою премудрость.

Нечимъ мо́лодецъ самъ не хвастаетъ.
Зго́воритъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Что же ты, Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ,
«Ты не ѣшь, ты не пьёшь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди самъ не рушаешь,
«Ничимъ молодецъ самъ не хвастаешь?»
Воспрого́воритъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко мнѣ времечки день съ утра,
— День съ утра и какъ до вечера,
— Мнѣ поѣздить Сухману нынь по за́водямъ.
— Привезу ти лебедушку живьёмъ въ руки,
— А на твои на пиръ княженецкіи,
— На твои на столъ на дубовыи. —
Далъ ему времечки день съ утра,
День съ утра и какъ до вечера.
Поѣхалъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ;
Онъ ѣздилъ день съ утра до вечера
А по тихимъ глубокимъ по заводямъ,
Не наѣхалъ ни на гуся ни на лебедя,
Ни на сѣраго на малаго утёныша.
Проѣздилъ Сухманъ трои суточки,
Пріѣхалъ Сухманъ сынъ Долма́нтьёвичъ
Ко матушкѣ ко Нѣпры́ рѣки;
А у той ли у матушки Нѣпры́ рѣки
А стоитъ-тутъ сила вѣдь-то малая, —
Вода съ пескомъ возмутилася;
Стоитъ за Нѣпро́й, за Нѣпро́ю рѣкой
А невѣрныи силы сорокъ тысячей,
Мостятъ мосты все калиновыи,
Ладятъ тутъ перейти черезъ ту́ Нѣпру,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Ладятъ Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
А Владиміра-того во полонъ-тотъ взятъ.
Тутъ Сухманъ здогодается,
А пошолъ Сухманъ за тую Нѣпру,
Находилъ ёнъ дубиночку вязиночку,
Въ долину́ какъ дубина девяти́ сажонъ,
Въ толщину какъ дубина три обо́ймени.
Тутъ Сухманъ снаряжается, —
За вершинку бралъ — съ ко́мля со́къ бѣжалъ.
Сталъ по поганымъ похаживать,
По тою по силѣ по невѣрныи,
Сталъ ёнъ дубиною помахивать,
Убилъ ёнъ татаръ сорокъ тысячей;
Со всихъ сторонъ дубину пріущолкалъ ёнъ,
Въ кровь ёнъ дубину пріома́ралъ тутъ.
А изъ поганыи изъ си́лы тутъ
Оставалося только два татарина,
А ёны́ отъ его обряжа́лися,
За тыя за кустья завалялися.
Пошолъ тутъ Сухманъ ёнъ во Кіевъ градъ
Ко тому ли князю ко Владиміру.
Го́воритъ Владиміръ таково слово:
«Что же долго ты ѣздилъ, Сухманъ, теперь?
«Ѣздилъ ты да трои суточки,
«Привезъ ты ко мнѣ нынь лебе́душку,
«Обѣщался кою да живьёмъ въ руки,
«А ни сѣраго ни малаго утёныша?»
Отвѣтъ держитъ Сухманъ какъ тутъ,
Отвѣтъ держалъ сынъ Долма́нтьёвичъ:
— Не до то́го мнѣ-ка нынь дѣялось.
— Былъ я вѣдь нынь за Нѣпро́й рѣкой,
— Увидалъ я силы сорокъ тысячей,
— Той ли силы поганыи,
— Той ли силы всё невѣрныи.
— Оны ладили тутъ какъ вѣдь Кіевъ градъ,
— Кіевъ градъ какъ огнёмъ пожгать,
— А Владиміра тебя въ полонъ какъ взять. —
А говорятъ князи́ вѣдь и бо́яра
А и сильни могучи бога́тыри:
«Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Не надъ нами Сухманъ насмѣхается,
«Надъ тобою Сухманъ нарыгается,
«Надъ тобой ли нынь какъ Владиміръ князь.»
За тыи за рѣчи за похвальныи
Посадилъ его Владиміръ стольно-кіевской
Во тый погреба во глубокіи,
Во тый темницы тёмныи.
Желѣзными плитами задви́гали,
А землёй его призасы́пали,
А травой его замуравили,
Не много ли не мало лѣтъ-то на́ тридцать.
Послали туда вѣдь-то ослѣдовать,
Къ той ли ко матушки Нѣпры́ рѣки,
Старо́го каза́ка Илью Муромца.
А пошолъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Онъ пошолъ къ матушки Нѣпры́ рѣки,
А сталъ Илья какъ по силѣ похаживать,
По той ли силы онъ поганыи,
По той ли по силы все невѣрныи,—
Онъ пашолъ тамъ дубиночку вязиночку,
А лежитъ она межъ силы межъ поганою,
А лежитъ тая дубина девяти сажонъ,
Въ толщину тая дубина три обо́ймени,
Со всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
Въ кровь дубина пріомарана.
Пошолъ да старо́й ёнъ ко городу,
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Увидалъ два татарина поганыихъ.
Говорятъ тутъ татарины поганыи:

ы куда калика перехаживашь,
ы откуль идёшь, откуль путь держишь? —
рогóворитъ старóй Илья Муромецъ:
ду вѣдь отъ города отъ Кіева,
ласкова князя Владиміра.»
рятъ татарины поганы:
васъ какъ вѣдь есть нынь во Кіеви
богáтырь старóй Илья Муромецъ;
о многу заѣдатъ-то хлѣба къ выти онъ,
о многу ль выпиватъ питья медвянаго? —
ритъ Ильюша таково слово:
асъ какъ было нынь во Кіеви,
аскова князя Владиміра,
ъ хлѣба по колачику крупивчату,
ивае стаканчикомъ медвянымъ.»
о тутъ у Ильюши вѣдь не сила есть.
акъ мы есть поганы татарова
цимъ хлѣба къ выти по печи печенаго,
о ушату пьемъ водоносныихъ. —
рогóворитъ Илья тутъ вѣдь Муромецъ:
асъ было во городѣ во Кіеви,
ласковомъ князи Владиміри,
óвищо была обжорищо,—
много ѣла, вино пíла тутъ,
ь вся она теперь перелопала.»
татаринамъ поганымъ не къ лицу пришло,
акáли со шатра полотнянаго,
ли въ Ильюшу ножищо óны тутъ.
ло тутъ во дверь во дубовую,
очила тутъ и со липíньями.
ь Ильюша старóй тутъ вѣдь Муромецъ
у свою онъ дорожную,
арилъ ёнъ по татаровамъ, —
у татариновъ души нѣту.
одитъ старóй Илья Муромецъ
ороду ко тому ко Кіеву,
аскову князю Владиміру,
гъ держалъ, выговаривалъ:
вда Сухмана Долмáнтьёвица,
ъ Сухманъ только хвастаетъ.
ъ-то я у Нѣпры рѣки,
ѣлъ силы поганой убитою,
ломъ лежитъ сорокъ тысячей.
къ тыма межъ поганыма татарамы
дѣлъ дубину девяти сажонъ,
тóлщину дубина три обóймени,
всихъ сторонъ дубина пріущолкана,
кровь-ту дубина пріомарана.»
ритъ Владиміръ таково слово:
къ же вы князи вы бóяра,
вы сильни могучи вси богáтыри!
— Выводите Сухмана со погребовъ,
— Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
— А со тыхъ ли со тéмницъ со тéмныихъ. —
Тутъ приходили князи бóяра,
Сильни могучи богáтыри;
Траву-ту всю оны тутъ вырвали,
Землю изъ плиты вѣдь повырыли,
Желѣзную плиту повыняли,
Выводили Сухмана сына Долмáнтьёвича
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со тéмницъ со тéмныихъ.
Воспрогóворятъ ему вси князи бóяра:
«Ахъ ты Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ!
«За твои услуги великіи
«Тебя пожалуетъ Владиміръ столенъ-кіевской
«Золотою казной тебя долюби,
«Городами-то да съ пригородкамы,
«Приселами-то да со приселкамы.»
Выходитъ Сухманъ сынъ Долмáнтьёвичъ
Со тыхъ погребовъ со глубокіихъ,
Со тыхъ ли со тéмницъ со тéмныихъ,
Говоритъ Сухманъ таково слово:
— А не честь хвала молодецкая
— Брать города съ пригородкамы,
— Брать присела да со приселкамы,
— Брать мнѣ безсчетна золота казна,
— А моя есть смерть напрасная,
— Отъ тыхъ отъ ранъ отъ великіихъ. —
Выдергалъ онъ листочки макóвыи:
— Протеки отъ ранъ отъ великіихъ,
— Протеки Сухманъ рѣка ты кровавая! —

Записано въ Пудожѣ, 31 іюля.

—

64.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

И задумалъ Добрынюшка поѣхать ёнъ
Ко той ли ко рѣчки ко Пучайныи.
Только проситъ Добрынюшка прощеньица,
Только проситъ Добрыня благословеньица
У родители своеи какъ у матушки,
У честнóй вдовы Офимьи Олександровной:
«Ужъ какъ дай-ко мнѣ-ка-ва прощеньицо,
«Дай-ко мнѣ-ка благословленьицо,
«Мнѣ съѣздить ко рѣчки ко Пучайныи;
«Надо въ той мнѣ рѣчкѣ покупатися,
«Простудить мнѣ-ка нынь да тѣло нѣжное.»

Отвѣтъ держитъ да ко Добрынюшки
А его же вѣдь тутъ ро́дна матушка:
— Ахъ же ты чадо мое милое,
— Молодой Добрынюшка Микитиницъ!
— А тамъ вѣдь есть змѣя какъ тутъ поганая,
— Тобе съѣстъ Добрыня, поглота́етъ она. —
Говоритъ Добрыня родной матушкѣ:
«Не боюсь я змѣи теперь поганыи.
«Ужъ ты дашь мнѣ прощенья — поѣду я
«А не дашь прощеньица — поѣду я.»
Только дала Добрынюшки прощеньицо,
Только дала Добрыни благословленьицо.
А выходитъ Добрыня на ши́рокъ дворъ,
А беретъ въ руки́ уздицу тесмяную,
На того добра́ коня ёнъ накладываетъ,
Войлочки да онъ накидываетъ,
Сѣдёлышко да онъ накладываетъ,
Тое сѣдёлышко окова́ное,
А двѣнадцати подпругами подтягивалъ,
Самъ ёнъ подпругамъ приговаривалъ.
Не просты были подпруги,— семи шелковъ,
Не простого-то шолку, — шахтанскаго,
Пряжечки изъ мѣди изъ казанскіи,
Шпенечки изъ булата были желѣзо сибирскаго.
Съ собою беретъ онъ товарища
~~Пóтыку Михайла Ивановича.~~
Во тугіи руки ту́гой быстрой лукъ,
Палицу беретъ онъ военную,
А копье-то беретъ да долгомѣрное,
Саблю взимаетъ-то востру́ю.
Сѣлъ-то Добрыня на коня добраго,
Поѣхали ко рѣки ко Пучайныи.
День-тотъ ѣдутъ не доѣдучись,
А другой ѣдутъ не видаючись,
А на третій-то день доѣзжаючись.
А пріѣхалъ Добрыня ко Пуча́й ко рѣки,
Останавливалъ коня на чисто́емъ на поли,
Привязывалъ коня да къ дубу сы́рому,
Оставлялъ-то тутъ брата крестоваго,
Пóтыку Михайла Ивановица.
Пошолъ-то Добрыня къ рѣчки быстрыи,
Ко той ли-то ко рѣчки ко свирипыи,
Скидыва́етъ съ се́бя платьё-то дорожное,
Розуваетъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли греческой,
Скидыва́етъ рубашку миткалинную,
Штанники розулъ ёнъ со па́нускамы.
Опустился Добрыня въ ричку быструю,
Сквозь тую онъ струйку вѣдь про́нырнулъ,
Сквозь другу онъ тутъ повы́нырнулъ,
Сквозь третью онъ повыскочилъ.
И это тутъ вода въ рѣки смутилась,
Лютая змѣя показалась.
~~Тутъ перепался~~ братъ крестовыи,
Пóтыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Угналъ Добрыни коня добраго,
Увёзъ у Добрыни ту́гой быстрой лукъ,
Палицу увёзъ ёнъ военную,
Копье-то увёзъ какъ долгомѣрное,
Саблю увёзъ ёнъ вѣдь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа,
Тая ли шляпа богатырская.
Тутъ вѣдь выскакивалъ со риченки,
Надѣвалъ ёнъ платье свое скоро тутъ,
Обувалъ ёнъ сапожки зеленъ сафьянъ,
Бралъ ёнъ шляпу земли греческой,
А махнулъ-то вѣдь какъ онъ на ту змѣю,
А й на тую змѣю на поганую,
Отбилъ-то у змѣи онъ три хобота,
Пропустилъ-то змѣи кровь горючую,
А сшибилъ-то змѣю да на сыру землю,
Наступилъ-то змѣи да ножкой правою,
А на тыи наступилъ да ей на хоботы,
Ладилъ отсѣчь буйну голову.
Тутъ-то змѣя ему смолилась,
Нечестлива она покорилась:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Не убей-ко змѣи меня до смерти нынь.
— Я буду змѣя теби покорная,
— А я буду змѣя теби повинная
— Спусти-ко ты змѣю да на свою волю,
— А я буду сестра теби меньшая,
— А ты будешь братъ да мнѣ-ка бо́льшіи.
А на ты лясы Добрыня пріукинулся,
Спустилъ-то змѣю да на свою волю.
Тутъ-то змѣя подымалась
Выше лѣсу того она стоящего,
Ниже облака того вѣдь летащаго,
Полетѣла змѣя какъ ко Кіёву,
Ко тому ли ко князю ко Владиміру.
Тутъ пошолъ какъ Добрынюшка во свой-тотъ домъ;
Сустигала Добрыню ночка темная
На тоёмъ поли его на чистоёмъ.
Столбички розставилъ тоцёные,
Шатёръ-тотъ роздвинулъ полотняныи,
Тутъ-то Добрыня спать ложился онъ,
На матушку ложился на сыру́ землю,
На тую ложился мураву́ траву.
Спалъ тутъ Добрыня отъ вечера,
Спалъ тутъ Добрыня до полу́ночи,
Отъ полу́ночи спалъ ёнъ вѣдь до́ утра

Отъ крѣпкаго сна пробуждается,
По утру ставалъ ёнъ ранёшенько,
Умывался водою самъ бѣлёшенько,
Утирался полотёнышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
Въ сырую во землю поклонился.
Беретъ въ руки́-то трубочку подзорную,
Оглядѣлъ ёнъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Летитъ-то тутъ змѣя поганая,
А несётъ во когтяхъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Тутъ-то Добрыня закручинился,
Тутъ какъ Добрыня запечалился.
Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
Онъ садился на брусо́ву нову лавочку,
Онъ повѣсилъ голову до само́й зени.
Подходитъ къ ему ро́дна матушка,
Она стала Добрынюшку выспрашивати,
Она стала Добрынюшку вывѣдывати:
«О чемъ ты Добрынюшка кручинишься,
«О чемъ ты Добрынюшка печалишься?»
А отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушки:
— Не объ чёмъ я Добрыня не кручинюся,
— Не объ чёмъ я Добрыня не печа́луюсь,
— Только дай-ко мнѣ-ка матушка прощеньицо,
— Только дай-ко мнѣ благословленьицо,
— Мнѣ съѣздить ко городу ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру;
— У того князя какъ у Владиміра
— А й зачался пиръ да на двѣнадцать дѐнъ,
— Для князей ли пиръ какъ для бо́яровъ
— А для сильнихъ могучихъ для бога́тырёвъ. —
Сѣлъ тутъ Добрыня на коня добраго;
Скоро будучись Добрыня на чисто́мъ на поли,
Пріѣзжаетъ ко́ городу ко Кіёву,
Ко тому ко князю ко Владиміру,
Ко тыи стѣны городо́выи,
Ко тыи ко башни угло́выи.
Прямо ѣхалъ Добрыня черезъ стѣну тутъ,
Черезъ тую стѣну городо́вую,
Черезъ тую башню угло́вую.
Заѣзжаетъ Добрыня ко Владиміру на дворъ,
Сбываетъ слѣзаетъ съ коня добраго,
Привязыватъ коня ёнъ ко столбичку,
Ко тому ли столбу ко точёному,
Ко тому ль кольцу золочёному,
Насыпаетъ пшены бѣлояровы.
Пошолъ-то вѣдь Добрыня во высо́кой домъ,
Проходитъ ёнъ во гри́деню столовую,
Гдѣ стоятъ столы тамъ дубовыи,
Кладены скатерти шелко́выи,
А укладены ѣствы саха́рніи,
А й розставлены питья медвяныи.
Онъ крестъ тутъ клалъ по писа́ному,
А поклоны-ты ведетъ по учёному,
На всѣ на четыре па стороны,
Тому же Владиміру въ особину.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
Говоритъ Владиміръ таково слово:
«Ахъ же вы князи вы бо́яра,
«А вы сильни могучи бога́тыри!
«Ставайте зъ-за сто́ловъ вы дубовыихъ,
«Зъ-за тыихъ за ѣстовъ вы саха́рніихъ,
«Зъ-за тыихъ за питьевъ вы медвяныихъ,
«Вы берите-ко гостя нынь подъ руки,
«Садите вы гостя за столъ какъ нынь,
«За тыи столы его дубовыи,
«За тыи за ѣства за саха́рніи,
«А и за тыи за питья за медвяныи,
«Проводите вы во мѣсто во бо́льшое,
«Гдѣ ему мѣсто вѣдь по́люби.»
А ставали князи́ тутъ вѣдь бо́яра,
Сильни могучи вси бога́тыри,
А взимали тутъ гостя вѣдь за руки,
Проводили за столы тыи дубовыи,
За тыи за ѣствы за саха́рніи,
За тыи за питья за медвяныи,
Наливали чару зелёнаго вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду сладкаго.
Принимаетъ Добрыня едино́й рукой,
Выпиваетъ Добрыня едины́мъ духомъ.
Ставаетъ Владиміръ на рѣзвы́ ноги,
А приходитъ Владиміръ супротивъ стола,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
«Ахъ же вы князи вы бо́яра,
«А вы сильни могучи бога́тыри!
«Кто у васъ ѣдетъ во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то вѣдь дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой государскою?»
И какъ за тыма столами за дубовыма,
За тыми за ѣствами саха́рними,
За тыма за питьями медвяныма,
Да никто ничего тутъ не спрого́воритъ;
Ни отъ бо́льшего, какъ ни отъ ме́ньшого, —
Зъ-за того стола зъ-за середнего
Меньшій бояринъ Иванъ какъ тутъ,
А по изотчины какъ Карамышовичъ,
Зъ-за стола выходитъ зъ-за середнего,
Поклонился къ Владиміру низешенько,

А ёнъ самъ згóворилъ таково слово:
— Послухай-ко Владиміръ столенъ-кіевской!
— Изъ насъ нéкому ѣхать въ Тугй-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За твоёй-то за дочкой за царскою,
— За твоёй-то дочкой княженецкою.
— А я былъ теперь какъ у риценки,
— А у той я рѣки да у Пучайныи,
— А я видѣлъ какъ тамъ Добрынюшку,
— Онъ какъ со змѣёю тамъ поляковалъ,
— А махнулъ на змѣю какъ шляпой греческой,
— А отбилъ отъ змѣи-то онъ три хобота,
— Пропустилъ-то змѣи какъ кровь горючую,
— А сшибъ-то змѣю да на сыру землю,
— Наступилъ-то змѣи какъ онъ на хоботы,
— Ладилъ отсѣчь буйну голову, —
— Это тутъ же змѣя возмолилася,
— Нечестлива ему покорилася,
— Называла его братомъ бóльшіимъ,
— А ёна называлась сестрой мéньшею.
— Дакъ ему буде ѣхать во Тугй-горы,
— Во тыи пещеры во змѣиныи,
— За твоёй топри *) дочкой за царскою,
— За твоей топри дочкой княженецкою. —
И подходитъ Владиміръ стольно-кіевской
Ко тому Добрыни близёшенько,
Говоритъ слóвце ему поскорёшенько:
«Ты послухай Добрыня сынъ Микитинецъ!
«Я накину на тя службу великую,
«А я службу накину не малую:
«А ты съѣзди отъ города отъ Кіёва,
«Отъ того князя какъ отъ Владиміра,
«А во тыи во славны Тугй-горы,
«А во тыи пещеры змѣиныи,
«За моёй-то дочкой за царскою,
«За моёй-то дочкой княженецкою.»
Ставалъ тутъ Добрыня на рѣзвы ноги,
А выходитъ зъ-за стóловъ дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ зъ-за сахарніихъ,
Зъ-за тыихъ за питьевъ за медвяныихъ,
Господу Богу помолился самъ,
Всѣмъ благодарность относилъ какъ онъ.
Становился Добрыня на своё мѣсто
Осередь той палаты грановитыя,
Топнулъ Добрыня ножкой правою,
Тымъ ли онъ чоботомъ булатніимъ, —
Весь шатёръ тутъ шатается,
Тыи столы опрокидáются,
Питья въ стоканахъ проливаются,
А бояра со стульевъ повалилисе,
По тому мосту да покатилисе.
А выходитъ Добрыня на улицку,
Къ своему коню приходитъ ко доброму:
— Ахъ ты мой конь есте добрыи,
— А не знаешь теперь ты незгодушки!
— А Владиміръ князь столенъ-кіевской
— Онъ накинулъ службу тяжёлую. —
Садился Добрыня на коня добраго
А поѣхалъ Добрынюшка во свой-отъ домъ.
Становилъ коня да своя *(такъ)* добраго
А во тую во стойлу лошадиную,
Насыпалъ пшёны бѣлояровыи.
А приходитъ Добрыня въ свой какъ домъ,
А садился онъ какъ вѣдь на лавочку,
Онъ повѣсилъ головку до самóй зени,
Самъ ёнъ кручинится, печалится.
Подходитъ къ ему какъ родна матушка,
Честнà вдова Офимья Олександровна,
Начала Добрыню выспрашивати,
Ена начала Добрыню вывѣдывати:
«Ты объ чёмъ нынѣ Добрынюшка кручинишься,
«Да объ чёмъ ты Добрынюшка печалишься?
«А ты былъ вѣдь Добрынюшка во Кіёви,
«А у ласкова князя у Владиміра,
«А на томъ ты на пиру на почéстноёмъ, —
«Али мѣсто тебѣ было не пóлюби,
«Али чара ли тебѣ не рядóмъ пришла,
«Не рядóмъ пришла какъ непочéтная,
«Али пьяница дуракъ въ глаза нáплевалъ,
«Али дѣвки-курвы насмѣялисе?»
Згóворитъ Добрыня таково слово:
— Ай же ты родитель моя матушка,
— А ты честнà вдова Офимья Олександровна!
— А вѣдь мѣсто было мнѣ-ка вѣдь пóлюби,
— А й вѣдь чара ко мнѣ да всё рядóмъ-то шла,
— А й чара тая вѣдь-то почéтная,
— Пьяница дуракъ въ глаза нé плёвалъ,
— Дѣвки-курвы не смѣялисе;
— А накинулъ Владиміръ столенъ-кіевской
— На меня службу теперь тяжёлую.
— Надо съѣздить мнѣ-ка во Тугй-горы,
— А во тыи пещеры змѣиныи,
— За его-то за дочкой за царскою,
— За его за дочкой княженецкою;
— Дакъ объ томъ я Добрынюшка кручинюсе,
— А объ томъ такъ Добрынюшка печалуюсь. —
Говоритъ родитель ему матушка,
Честнà вдова Офимья Олександровна:
«Не кручинься Добрыня, не печалуйся.
«А ѣздилъ-то вѣдь твой вѣдь батюшко

*) *Топри* — теперь.

«Во тыи во славны во Туги́-горы,
«Во тыи пещеры змеиныи,
«Побивалъ ёнъ ту змею поганую.
«Ты послухай-ко да меня матушки,
«Честнóй вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты поедешь теперь да во Туги́-горы,
«А во тыи пещеры во змеиныи,
«Не бери-тко съ собой туга быстра лука,
«Не бери-ко ты палицы военныи,
«Не бери-ко копья долгомѣрнаго,
«Не бери-ко ты сабли съ собой вострою.
«Дамъ теби плеточку семи шелковъ,
«Этой плеточкой будешь помахивать;
«А еще дамъ я тебѣ тальянской платъ,
«А рука твоя правá призамашется,
«Свѣтъ со глазъ какъ потеряется,
«Тебя станетъ змея она потаскивать,
«Станетъ лютá тебя побрасыватъ,
«Ты возьми-тко нынь свой тальянской платъ,
«Поводи по тому лицу по бѣлому,
«А утри-тко свои ты очи ясныи,
«Будешь лучше стараго да лучше прежнаго.
«Поводи кóня да по толстымъ рёбрамъ
«Тымъ платкомъ ты тальянскіимъ,
«Тогда здымай ты ручку свою правую,
«А махни плетью да ты шелкóвою, —
«Ты склонишь змею-ту на сыру землю,
«Оторвешь у змеи вѣдь шесть хоботовъ,
«Придаéшь змеи смерть ты вѣдь скорую.»
Это сѣлъ Добрыня коня добраго *(такъ)*,
Онъ поехалъ Добрыня во тыи оны
А во ты славны да во Туги́-горы,
Во тыи пещеры да во змеиныи;
Ѣхалъ Добрынюшка двѣнадцать дёнъ,
Обѣда Добрыня не обѣдывалъ,
Только колачикомъ Добрыня закусывалъ.
На тринадцатый день доѣзжаетъ онъ
А во тыи во славны во Туги́-горы,
Въ тыи пещеры змеиныи,
А ко тымъ вѣдь ёнъ ко Туги́мъ-горамъ.
А и то змеи какъ не случилосе
А во тыихъ во славныхъ во Туги́хъ-горахъ;
А во тыхъ ли во пещерахъ во змеиныихъ;
Только тамъ сидитъ одна дочка царская,
Царская дочка княженецкая.
Глядитъ Добрыня во чистó полё,
А лéтитъ змея тутъ поганая,
Во когтяхъ несетъ да тѣло мéртвое.
А увидла змея какъ Добрынюшку,
Какъ сидитъ Добрыня кони доброёмъ *(такъ)*,
А спустила змея тѣло мертвое,
А й на матушку спустила на сыру землю,
А на тую спустила мураву траву,
Сама подлетѣла ко Добрынюшкѣ:
— Ахъ же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Ты зачѣмъ нынь пріѣхалъ въ Туги́-горы,
— А во тыи пещеры змеиныи? —
Тутъ-то змея она сряжается
Со Добрынюшкой да биться ратиться.
Оны бились со змеёй трои суточки,
Не ѣдаючись какъ не пиваючись.
Стала змея тутъ поганая,
Она стала Добрынюшку покидывать,
Она стала Добрынюшку побрасывать.
А вспомнилъ онъ Добрынюшка
А родительско онъ наказаньицо,
А берéтъ-то Добрыня въ руки бѣлыи,
А берéтъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
Поводилъ ёнъ самъ какъ по бѣлу́ лицу,
Утеръ глаза да свои ясныи,
Сталъ Добрыня лучше стараго,
Сталъ Добрыня лучше прежнаго.
Поводилъ коня онъ по тучны́мъ ребрамъ,
Пошолъ его конь по чисту́ полю,
По чисту́ полю пошóлъ со храбростью.
Поималъ Добрыня змею лютую,
Поималъ Добрыня во бѣлы́ руки,
Приклонилъ Добрыня ко сырой земли,
А махнулъ-то Добрыня ру́чкой правою
Тою ли плеткою шелковою,
Оторвалъ ёнъ змеи да буйну голову.
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко пещеры той,
А ко той ли ко пещеры ко змеиныи,
А взималъ-то вѣдь тутъ дочку царскую,
Царскую дочку княженецкую.
Онъ поехалъ ко городу ко Кіёву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Тутъ онъ привезъ да дочку царскую,
Тую ли дочку княженецкую.
Выходитъ Владиміръ на крутó крыльцо,
А стрѣтаетъ Владиміръ со чéстью тутъ,
Со великою со той благодарностью:
«А спасибо ти Добрыня Микитиницъ!
«Сослужилъ мнѣ-ка службу великую,
«А привезъ мою да ты дочку царскую,
«Царскую дочку княженецкую.»
А дарилъ его Добрыню золотой казной,
А дарилъ его Добрыню платьемъ цвѣтнымъ,
Благодарность сказалъ да до самой земли:
«А спасибо-благодарно Добрынюшка!
«Послужилъ мнѣ-ка князю Владиміру.
«Никого не могъ найти я во Кіёви, —

«Изъ тыхъ только изъ богáтырёвъ
«Только ты одинъ нашолся Добрынюшка.»
Тутъ Владиміръ оставается,
А поѣхалъ Добрыня во свой онъ домъ.

Записано тамъ же, 31 іюля.

—

65.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

(См. Рыбникова, т. III, 17).

Во славномъ во городи во Кіёви,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Жили были честны́и тутъ бóяра
И вси сильни могучи богáтыри.
Воспрогóворитъ Добрыня таковое слово:
«Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
«Хочу я Добрыня поженитися
«На молодой Настасьи Микуличной.»
Это тутъ вѣдь завéлся у Добрынюшки,
Этотъ тутъ вѣдь завёлся почестной пиръ,
Перво любовь начинается,
Честны́и пиръ производится.
Пошолъ тутъ Добрыня во Божью церкву,
Принялъ Добрыня по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалися,
Златыми перстнями обручалися.
А й живетъ-то Добрынюшка при Кіёви,
Онъ при ласкови князи при Владиміри.
А изволилъ Добрыня онъ сказать теперь,
Честнóе слово воспрогóворить:
«Ахъ же ты есть молода жена,
«Молода Настасья Микулична!
«Ахъ же родитель моя матушка,
«Честнà вдова Офимья Олександровна!
«Дай мнѣ Добрынюшки прощеньицо,
«Дай-ко Добрыни благословленьицо,
«А съѣздить Добрыни на чистó на полё,
«А мнѣ ли Добрыни исполяковать,
«Могучи́ плечи́ Добрынюшки росталкивать.»
Отвѣтъ держитъ ему матушка,
Честнà вдова Офимья Олександровна:
— Поѣзжаешь Добрыня на чистóе на полё,
— На кого оставляшь стару матушку?
— На кого покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну?
— Куда оставляешь золоту казну,
— Куда кладешь-то цвётно платьицо,
— На кого еще оставишь добры́хъ коней? —
Отвѣтъ держитъ Добрыня онъ ко матушки,
Ко честнóй вдовы Офимьи Олександровной:
«Ты родитель моя-ка сударь матушка,
«Ты честнà вдова Офимья Олександровна!
«А добры́хъ коней я во пóлё спущу,
«Золоту казну я въ погребá замну,
«Цвётно платьицо я на вы́шки кладу.
«А тебе какъ родитель моя матушка,
«Честнà вдова Офимья Олександровна,
«Оставлю тебѣ я золотой казны,
«Золотой казны тебѣ безсчетныи.
«Молодой жены я завѣтъ кладу:
«Я не буду Добрынюшка съ чистá поля,
«Я не буду Добрыня ровно три́ году,
«А во ты-пору Настасья вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, да хоть замýжъ поди,
«Ты за князя поди, ли за боярина,
«Аль за сильнаго могучаго богáтыря;
«Не ходи́ только за братца за крестоваго,
«А за младагó Олёшу за Поповица.»
Это тутъ Добрыня спаряжается,
А й на добры́хъ коней-то онъ сбирается,
А берéтъ съ собой нынече товарища,
Брата берéтъ-то онъ крестоваго,
А и Пóтыку Михайлу Ивановица,
И поѣхали оны́ на чистóе на полё.
День отъ дни какъ коротается,
Скоро будутъ здѣсь они какъ на чисты́хъ на поляхъ
А на тыхъ ли на роздольицахъ широкіихъ.
Оны ѣхали, дорожку продолжали тутъ,
А пріѣхали оны на чистó на полё
А на тыи на роздольица широкіи,
Подѣлали тутъ стойлы лошадиныи,
Роздернули шатры полотняныи,
Насыпáли пшены бѣлояровыи
Во тыхъ ли во стойлахъ лошадиныихъ.
Оны-то вѣдь стали пировати тутъ,
Хлѣба соли тутъ покушати,
По чары выпить зеленáго вина,
По другой-то выпить пива пьянаго,
По третьей выпить меду сладкаго.
Поѣли попили покушали,
Сдѣлали пыпь опочивъ себѣ,
А й ложилися спать во бѣлыхъ шатрахъ,
А й ложилися спать по вечеру
И спали тутъ ёны дó утра,
До того же спали до бѣлá свѣту.
Тутъ Добрыня профатается,
Самъ говоритъ таково слово:

«Стань-ко братъ мой крестовый,
«Подъ ты Михайла сынъ Ивановичъ,
«Ото крѣпка сна да пробудись-ко ты.»
Ставалъ его братъ тутъ крестовый,
Вымылъ очи свѣжо́й водой,
Утерся полотенышкомъ сушохонько,
Господу Богу помо́лился,
На вси стороны вѣдь ёнъ покло́нился,
И пошолъ во конюшни лошадиныи,
Засмотрить пошолъ ёнъ да добры́хъ коней,
Всѣ ль кони стоятъ тамъ по старому,
Всѣ ль кони стоятъ тутъ по прежному.
Осмотрѣлъ, оглядѣлъ онъ коней добрыихъ,
Всѣ кони стоятъ тамъ по прежному,
Зоблютъ пшену бѣлоя́ровую.
Пошолъ ёнъ какъ отъ добры́хъ коней,
И взялъ ёнъ тутъ вѣдь во бѣлы́ руки,
Трубочку взялъ ёнъ подзорную,
Поглядѣлъ ёнъ тутъ во чисто́ полё,
Оглядѣлъ ёнъ во чисто полё какъ тутъ,
Во тое во поле во чистоё,
А ко той ли горы онъ ко высокіи,
Ко тымъ лѣсамъ ко дремуціимъ, —
Подъ той ли подъ горою подъ высокою
А стоитъ вѣдь конь тамъ богатырскіи,
А сидитъ на кони воинъ главныи:
Голова на нёмъ какъ бу́ракъ си́льная,
И глаза у него какъ чаши пи́вныи,
Носъ палица какъ богатырская;
На лѣво́й ноги какъ борзо́й кобель,
На право́й ноги какъ ясёнъ соколъ.
Это тотъ ли кобель воспрово́ркиваетъ,
А ясёнъ соколъ какъ воспросвистываетъ,
И также бога́тырь воспрого́ворилъ ёнъ:
— Я матушку русьску́ землю,
— А русьску́ землю я наскрозь пройду,
— Что нилучшіихъ бога́тыревъ въполонъ возьму.—
Это тутъ его братъ крестовый,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ,
Ёнъ повѣсилъ головушку до самой земли,
А идетъ-то онъ, самъ кручинится,
А идетъ-то, самъ ёнъ печалится;
А стрѣтаетъ его братъ тутъ крестовый,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ:
«Объ чемъ ты мой братъ нынь кручинишься,
«Объ чемъ ты скоро нынь запечалился?»
Отвѣтъ дёржитъ брату́ крестовому
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
— Видѣлъ бога́тыря престрашнаго,
— А сидитъ бога́тырь на добро́мъ кони,
— А сидитъ-то бога́тырь, самъ шатается,
— Ладитъ-то ёнъ русьску землю наскрозь пройти,
— Насъ бога́тыревъ нынь какъ во полонъ взимать. —
Возго́воритъ Добрыня таково слово:
«Поѣзжай-ко бога́тырь поскорёшенько,
«По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ!
«Прогони-тко бога́тыря съ чиста́ поля,
«Со тою со силою великою,
«Со тою со силою невѣрною.»
Поклонился братъ ему крестовый,
По́тыкъ Михайла сынъ Ивановичъ:
— Я не смѣю поѣхать на чисто́ полё
— На этого бога́тыря престрашнаго, —
— Я этого бога́тыря весьма́ боюсь. —
Это-то Добрынюшка выходитъ самъ
Со того ль шатра полотнянаго:
«Оставляйся братъ ты мой крестовый,
«Стереги береги ты бѣло́й шатёръ;
«Я поѣду Добрыня на чисто́ полё
«Предъ того ль бога́тыря престрашнаго.»
Выскакивалъ Добрыня скорымъ на́ скоро
На тое сѣделышко окова́ное,
Взимаетъ палицу военную,
А копьё-то беретъ долгомѣрное,
Поводами коня онъ призадергиваетъ,
Шпорамы коня подшевеливаётъ.
Никуда какъ Добрыня не оглянется,
Только смотритъ Добрыня во чисто́ полё,
На того ли престрашнаго бога́тыря.
Онъ наѣхалъ Добрыня предъ бога́тыря,
Закрычалъ-то Добрыня во всю голову,
Колько у Добрыни было го́лоса:
«Что же ты бога́тырь сидишь на́ кони,
«А не стрѣтаешь меня таперь Добрынюшку?
«Надо намъ съ тобою познакомиться.»
Приздынулъ ёнъ головки бога́тырь тутъ,
Самъ зго́воритъ таково слово:
— Молодой Добрыня не поѣзживай,
— А русьской бога́тырь не попурхивай,
— А будешь въ мои руки пойманой,
— А вдругъ ты будешь пріобщи́паной! —
А на то Добрыня не согла́сёнъ былъ.
Розгорѣлось ёго сердцо богатырское,
Розогналъ ёнъ коня какъ по чисту́ полю,
Билъ коня ёнъ по туцны́мъ рёбрамъ,
А поѣхалъ онъ на ручку онъ на правую,
Сталъ бить рубить онъ силу тутъ поганую,
Когора́ стояла при бога́тыри.
Дока́ ладился онъ бога́тырь, ладился,
А во ты-пору Добрынюшка прикончилъ всѣхъ,
А убилъ ёнъ силы поганыи,

А убилъ ёнъ силы сорокъ тысяцей.
Самъ онъ говорилъ таково слово
Молодой Добрыня Микитиницъ:
«Выѣзжай-ко богáтырь на чистó на полё!
«У меня палица какъ розмахаласе,
«Сила какъ росходиласе.»
Поѣхалъ богáтырь на чистó на полё,
Розъѣздъ-то дѣлали великіи.
Съѣхались на копья на вострыи,
Копья по яблокамъ срывалисе,
А другъ друга оны не ранили.
А съѣхались они на палицы,
А й на палицы тыи военныи,
Другъ друга тутъ пріударили,
Ни который котораго не ранили.
Третій разъ оны съѣхались
А на тыи на сабли на вострыи, —
Отфатилъ Добрыня богáтырю,
Отфатилъ ёнъ Добрыня бýйну голову.
Палъ тутъ богáтырь со добрá коня,
Тотъ богáтырь кончается.
Тутъ поѣхалъ Добрыня къ своему шатру,
Къ своему шатру онъ ко бѣлому,
А ко брату тому онъ ко крестовому.
Сходилъ Добрыня ёнъ съ коня добраго,
Становилъ коня да ёнъ въ стойлы-ты,
А во стойлы во тыи лошадиныи.
День-тотъ за день какъ водá текетъ,
А недѣля за недѣлю какъ трава ростетъ;
Прошло того времечку вѣдь трй году,
А не видать Добрыни со чистá поля.
Сталъ Владиміръ тутъ подхаживать,
Молодую Настасью подговаривать
За его ли за брата за крестоваго,
А за млáдаго Алёшу Поповица.
Отвѣтъ держитъ Настасья Микулична:
— Я исполнила заповѣдь женскую,
— Я исполню вѣдь заповѣдь мýжскую.
— А не будетъ Добрыня со чистá поля,
— А пройдетъ того времечки-то вѣдь шесть годовъ,
— Я во ты-пору Настасья вдовой живу,
— Хоть вдовой живу я, хоть замýжъ пойду,
— Я за князя ль пойду, за боярина,
— А за сильнаго могучаго богáтыря,
— Не пойду ль только за брата крестоваго,
— А за млáдаго Олёшу Поповица. —
Это день отъ дни какъ продолжается,
А ѣздитъ Добрыня на чистыхъ на поляхъ,
А проходитъ-то времечки вѣдь шесть годовъ,
А не видать-то Добрыни со чистá поля.
Это сталъ Владиміръ ёнъ подхаживать,
Сталъ ёнъ Настасью подговаривать:
«Ты поди поди Настасья Микулична,
«А поди топере во замужество,
«А за братца поди-ка за крестоваго,
«За младаго Алёшу за Поповица;
«А я былъ Владиміръ на чистóмъ поли,
«Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
«А лежитъ убитъ Добрыня на чистóмъ поли,
«А ёнъ ножкамы лежитъ вдоль дороженки,
«Буйной головой лежитъ во ракитовъ кустъ,
«А ёнъ ручкамы лежитъ о сырý землю,
«Сквозь его ребра травка выросла,
«Росцвѣли цвѣточки лазуревы.»
Это тутъ Настасья пріодумалась:
— Я не знаю сама своей головушки,
— А сама своей головушки подѣвати,
— А меня не въ честь берутъ, какъ неохвотою,
— А и силою меня берутъ неволею. —
А про то вѣдь Добрынюшка не вѣдаетъ,
Какъ тутъ вѣдь Настасья просваталась
За того ли за брата за крестоваго,
И за млáдаго Олёшу за Поповица.
А на тую на пору въ тое времячко
А пріѣхалъ къ Добрынюшки богáтырь нынь,
А на томъ ли богáтырь на добрóмъ кони,
А й на томъ ли богáтырь кованóмъ сѣдли.
Это тотъ ли богáтырь съ Золотой Орды,
Да король земли какъ онъ бухарскіи.
Онъ проситъ король земли бухарскіи
Выѣхать Добрыню на чистóе на полё.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Молодой богáтырь Золотой Орды,
«Еще король земли бухарскіи!
«А ѣздишь ты, да не попурхивай,
«А будешь ты курёнокъ пойманой,
«А млáдой богáтырь ты общипаной.»
Скорымъ-на-скоро Добрыня снаряжается
На своёмъ Добрыня кони доброёмъ
А на томъ ли Добрыня кованóмъ сѣдли;
Они съѣхались на копья на вострыи,
Копья пополамъ приломилиси,
Другъ друга они не ранили;
А й на тыи на палицы военныи,
Палици у нихъ сломилиси,
Другъ друга они не ранили.
Третій разъ оны какъ тутъ посъѣхались.
Оба выпали они со добрыхъ коней,
Стали оны собой таскатися,
Подъ нимà земля какъ подгибатися.
Розгорѣлся Добрыня Микитиницъ

ердцомъ онъ тутъ богатырскіимъ,
короля за желты кудри,
короля ёнъ па сыру землю,
олю на бѣлы груди,
ъ ёнъ Добрыня саблю вострую, —
рука тутъ застояласе.
ъ Добрынюшка выспрашивать,
ъ богатыря вывѣдывать:
кись, скажись, богатырь, со коей земли,
бя богатырь именемъ зовутъ,
еличаютъ по отечеству?»
король ни съ упадкою:
ѣдатый пёсъ ты сѣда брада!
я какъ былъ на твоихъ грудяхъ,
спрашивалъ бы ни роду ни племени,
имени тебѣ бы ни отечества;
алъ те груди вѣдь я бѣлыи,
малъ бы сердце со опеченью. —
ъ Добрыня ручку правую,
ъ Добрыня саблю вострую
ъ ёнъ отсѣчь буйну голову, —
рука тутъ застояласе.
ъ Добрынюшка выспрашивати,
ъ Добрынюшка вывѣдывати:
ись, молодецъ ты богатырь нынь:
земли ты, со коей орды,
олодца именемъ зовутъ?»
король таково слово:
ь вѣдь богатырь Золотой Орды,
оль земли я есть бухарскіи. —
ъ Добрыня за бѣлы руки,
ь *(такъ)* Добрыня отъ сырой земли,
ъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Добрыня таково слово:
сь-ко богатырь на добра коня,
й-ко богатырь во свою землю,
о землю да Золоту Орду.
тебѣ колечко подзолоченое,
-тко топерь да своей матушки,
й свези топеричу подарочокъ,
свези ты челомъ-битьице.»
тутъ король земли бухарскіи,
лъ король-тотъ во свою землю.
лъ Добрыня во бѣлы шатры,
о спать какъ Добрынюшка
ыхъ при латахъ богатырскіихъ,
лъ король, тутъ пріодумался:
сть хвала мнѣ молодецкая
ѣхать мнѣ-ка во свою землю,
авную мою Золоту Орду,
и матушкѣ своей мнѣ низкой поклонъ,
— Дорогіе свезти мнѣ-ка подарочки;
— Станутъ люди всѣ мнѣ смѣятися,
— Будутъ звать меня какъ заугольніимъ,
— Будутъ звать меня какъ беззаконныимъ. —
Поворотъ держалъ богатырь со дороженки,
Пріѣзжаетъ богатырь ко бѣлу шатру,
Заздынулъ богатырь саблю вострую,
Онъ ударилъ Добрыню по бѣлой шеи.
Вострая сабля не забрала,
Прокатилась она со бѣлой шеи,
Докатилася она до рѣзвыихъ ногъ.
Тутъ Добрыня испужался есть,
Отъ крѣпкаго сну онъ пробуждается.
Возсталъ ёнъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Взималъ короля ёнъ за желты кудри,
А здымалъ короля да отъ земли сырой,
Кинулъ короля о сыру землю,
Придалъ королю смерть-ту скорую,
«Отъ кого ты чадо ты зачато было,
«Отъ кого ты чадо вѣдь посѣяно,
«Отъ того ты чадо нынь кончайся-тко!»
Это тутъ у князя у Владиміра
А пошолъ онъ начался почестной пиръ, —
Это идетъ Настасья во замужество
А й за млада Олёшу Поповица,
За его за брата за крестоваго.
А на тую пору въ тое времячко
Налеталъ тутъ голубъ со голубкою,
А садился голубъ на бѣлой шатёръ,
Полетаетъ голубъ въ каменну Москву,
Оставляетъ голубку на бѣломъ шатру.
Зговоритъ голубка голубочику:
— Не останусь голубка на бѣломъ шатру,
— Полечу съ тобой голубка въ каменну Москву.
— Какъ нынечу таперичу
— А уѣхалъ Добрыня на чисты поля,
— А оставилъ Настасью во Кіеви,
— А прошло того времечки вѣдь шесть годовъ,
— А нынь Настасья-то замужъ пошла,
— Не за князя пошла за боярина,
— Не за сильнаго могучаго богатыря,
— Пошла столько Настасья Микулична
— А за братца его за крестоваго,
— А й за млада Алёшу за Поповица. —
Это тутъ Добрыня догодается,
На своихъ коней скоро сбираются,
Они сѣли, съ товарищомъ поѣхали
Ко тому ли князю ко Владиміру,
Ко братцу тому ли ко крестовому,
Ко младому Алеши ко Поповицу,

Ко ему топерь на почестной пиръ.
Подъѣхали оны тутъ ко Кіёву,
Розлагали розсѣдлали коней добрыихъ
А спустили коней да во чисты поля.
А приходитъ Добрыня во свой-тотъ домъ,
Ко родители ко той ли ко матушки,
Ко честнòй вдовы Офимьи Александровной,
Самъ ёнъ во платьи во дорожноёмъ.
Это тутъ вдова какъ перепалась,
Крѣпко вдова испугалась.
Говоритъ Добрыня таково слово:
«Ты послухай, честна̀ вдова Офимья Александровна!
«Накорми меня топерь со дороженки,
«Поднеси мнѣ-ка чару зелёнаго вина,
«Это дру́гу поднеси мнѣ пива пьянаго,
«Третью поднеси мнѣ меду сладкаго.»
Это тутъ его узнала родна матушка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна.
А зго́воритъ Добрыня таково слово:
«А гдѣ моя нынь молода жена,
«Гдѣ моя топерь любима́ семья,
«Молода Настасья Микулична?»
— А твоя топерь молода жена,
— А твоя топерь да любима́ семья,
— Она топерь да заму́жъ пошла;
— А не за князя идетъ вѣдь за боярина,
— Не за сильняго могучаго бога́тыря,
— Берутъ ю за брата за крестоваго,
— А за мла́да Олешеньку Поповица.
— А не въ честь берутъ ю, не охвотушкой,
— А й силою берутъ ю неволюшкой. —
Сокрутился Добрынюшка Микитиницъ
А во тыи во платья каличьіи,
Взядъ въ руки гусе́лка яро́вчатыи,
И пошолъ вѣдь онъ тутъ на почестной пиръ
Ко тому ёнъ князю ко Владиміру,
Ко младому́ Олеши ко Поповицу.
Приходитъ ёнъ тутъ во высокой домъ,
Онъ проходитъ во гридню столовую,
Гдѣ сидятъ тамъ князи вѣдь бо́яра
А и сильни могучи тутъ бога́тыря,
Гдѣ сидитъ князь тутъ моло́дыи,
А Алешенька тутъ Поповиницъ,
Подли его сидитъ тутъ Настасья Микулична.
Говоритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Дай-ко калики то̀перь ми́стечко
— А на тую на печку мура́вленую. —
А тутъ ёму дали вѣдь ми́стечко
А на той ли на печки мура́вленыи.
Сѣлъ тутъ калика, слово вымолвилъ:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіёвской!
— Позволь-ко калики заиграть топерь,
— А позволь-ко Владиміръ заиграть-то мнѣ,
— Какъ мнѣ-ка калики во гусе́лышка,
— А во тыи ли во гусли яро́вчатыи. —
Заиграла калика въ гусе́лышка,
Во тыи во гусли яровчатыи,
Тонцы повелъ отъ Нова-го́рода,
Другіе повелъ отъ Царя́-града.
Это тутъ Владиміръ здогодается:
«Выходи-ко калика со за́печья,
«А садись-ко калика за дубовый столъ,
«Супротивъ князя топерь моло́дого,
«Супротиво княгины Опраксіи,
«Молодой Настасьи Микуличной.»
Го́воритъ калика таково слово:
— Ахъ же ты Владиміръ столенъ-кіёвской!
— А налей-ко калики ты вѣдь чару нынь,
— Чару наливай умѣрённую. —
Это тутъ Владиміръ догодается,
Наливалъ ему чару зелёнаго вина̀,
Дру́гу наливалъ тутъ пива пьянаго,
Третью наливалъ ёнъ меду сладкаго.
Это тутъ у калики розгорѣлосе
Сердце его какъ богатырское:
— А позволь-ко, Владиміръ столенъ-кіёвской,
— А налить мнѣ нынь чару зелёна́ вина,
— Поднести вѣдь нынь молодой Настасьи Микуличной. —
«Наливай-ко калика какъ ты знаешь нынь.»
Наливалъ калика, приговаривалъ,
Спускалъ туда перстень именитыя,
Копмъ пе́рстнёмъ обручалися,
Подносилъ молодой княгини Микуличной,
Самъ подноситъ, выговариватъ:
— Прими-тко нынь ты Настасья Микулична,
— Прими-тко нынь отъ калики зелена́ вина,
— Принимай Настасья едино́й рукой,
— Выпивай Настасья едини́мъ духомъ.
— Пьешь Настасья вѣдь нынь до дна,
— Увидашь Настасья себѣ добра. —
Принимала Настасья едино́й рукой,
Выпивала Настасья едини́мъ духомъ;
Она пила чару, оглядѣла тутъ
Спущоный перстенъ именитыя,
Копмъ перстнёмъ обручалися.
Скочила зъ-за столовъ зъ-за дубовыихъ,
Зъ-за тыихъ за ѣстовъ за саха́рніихъ:
«Ахъ же вы князи, вы бо́яра,
«Сильни могучи вси бога́тыри!

«А не тотъ вѣдь мужъ, кой подли́ меня,
«А тотъ мой мужъ да супротивъ меня.
«Прости-ко, Добрынюшка Микитиницъ,
«Мужъ ты мой Богомъ суждёныи,
«А женихъ ты мой какъ обручёныи,
«Не дивуй-ко ты разуму женскому,
«Подивуй-ко ты разуму му́жскому!
«А не честью-то берутъ меня охвотою,
«Силою берутъ меня неволею.»
Это тутъ Добрыня росходился самъ,
Самъ говорилъ таково слово:
— Не дивую я разуму-то женскому,
— Подивую я разуму му́жскому,
— А честны́ завѣты исполнила.
— Не пріѣхалъ Добрыня со чиста́ поля,
— Не пріѣхалъ я Добрыня ровно три́ году,
— Не пріѣхалъ Добрыня ровно шесть годовъ,
— Пала вѣсточка ко мнѣ нерадостна.
— Я топерь пріѣхалъ ко Кіёву,
— Ко ласкову князю ко Владиміру.
— Ахъ ты Владиміръ столенъ-кіевской!
— Что ты Владиміръ топерь дѣлаешь,
— Отъ жива мужа какъ ты жену берешь! —
Подходитъ нынь Добрыня Микитиницъ
А ко брату тому ко крестовому,
А къ Олёши тому ко Поповицу:
— А на что ты, братъ мой крестовыи,
— А берешь мою нынь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну? —
А взималъ ёнъ Олешу за желты́ кудри,
А кидалъ ёнъ Олёшу о кирпичной мостъ,
Попридалъ Олёшѣ смерть-ту скорую.
Сталъ Добрынюшка похаживать,
Съ ноги на́ ногу Добрынюшка поступывать,
Зычнымъ голосомъ по терему поваживать:
— Ахъ же князи́ видно бо́яра,
— А вы сильни могучи богатыри,
— Ай ты нашъ Владиміръ на что нынь укинулись,
— Дѣлаете дѣло нехорошее! —
Это тутъ бояра перепалися,
Со того пиру какъ розбѣга́лися.
Говоритъ Добрыня таково слово:
— Ахъ же Владиміръ столенъ-кіевской!
— Я служилъ тебѣ какъ вѣрой правдою,
— А ты вѣдь сдѣлалъ дѣло доброё:
— Молоду Настасью Микуличну
— А силою берешь ты великою.
— Ты прощай меня нынь-ка, Владиміръ князь! —
Взялъ Настасью за бѣлы́ руки,
Повёлъ Настасью во свой онъ домъ.
Это тутъ Добрыня наживается,
А исторія-рѣчь тымъ кончается.

Записано тамъ же, 31 іюля.

—

66. Лучше 60

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. III, 37).

Динь-динь-динь изъ подъ того креста Леванидова
Выходило выбѣгало два тура три́ тура̀.
Случилосе турамъ мимо Кіевъ градъ итти;
Оны видли надъ Кіевымъ дивнымъ дивно,
Они видли надъ Кіевомъ чудны́мъ чудно:
Выходила дѣвица, слезно плакала,
Она книгу читала евангелью,
А и не только читала, вдвоёмъ плакала.
Соходились туры со ро́дной матушкой:
«Здравствуй турица родна матушка,
«Ты здравствуй турица златорогая!
«А мы шли туры да мимо Кіёвъ градъ,
«А й мы видли надъ Кіевымъ дивны́мъ дивно,
«А и видѣли надъ Кіевымъ чудны́мъ чудно:
«Выходила дѣвица, слезно плакала,
«На рукахъ держитъ книгу святу евангелью,
«А и не только читаетъ, вдвоёмъ плачетъ.»
— А й вы глупы туры-ты малы дѣтушки!
— Не дѣвица выходила, слезно плакала,
— А й не книгу читала не евангелью, —
— Тутъ плакала стѣна городо́вая;
— Она свѣдала надъ Кіевымъ незгодушку:
— Наѣхалъ князь Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— Со зятемъ Тороканчикомъ Корабликовымъ,
— Со тымъ дьячкомъ со выдумщичкомъ.
— У Батыгушки силы сорокъ тысячей,
— А у сынушка силы сорокъ тысячей,
— А у зятюшка силы сорокъ тысячей,
— У дьячка ль было силы сорокъ тысячей. —
Проситъ Батыга отъ Кіёва,
Проситъ Батыга супротивника,
Проситъ Батыга поединщика:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Дай-ко мнѣ-ка супротивника,
«Дай-ко мнѣ поединщика,
«Чтобы со мной съ Батыгой поправиться.»
Да несчастно во Кіеви случилоси,

Что ни лучшихъ богатырей не згодилоси.
Святогоръ богатырь на святыхъ на горахъ,
А Илья да Самсонъ у синяго у моря,
Добрынюшка Микитичъ во чистыхъ во поляхъ,
А Алеша богомолъ въ богомольнёй стороны.
Жилъ-то былъ голь кабацкая,
Пропилъ промоталъ всё житьё бытьё своё,
А идетъ-то онъ ко Владиміру на дворъ,
Крёстъ кладетъ-то по писаному,
А поклоны ведетъ по ученому
На всѣ три на четыре на стороны,
Князю Владиміру въ особину:
— Здравствуй Владиміръ стольне-кіевской!
— Опохмѣль-ко Василья чарой пьяною.
— У Васи съ похмѣлья буйна голова болитъ,
— У Василья ретиво сердцо щемитъ. —
Приказалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
Наливать ему чару зеленаго вина,
Другу наливать пива пьянаго,
Третью наливать меду сладкаго.
Становилось питья полъ-пята пуда,
Становилось питья полтора ведра.
Принималъ тутъ Василій единою рукой,
Выпилъ Василій единымъ духомъ,
Самъ ёнъ Василій слово вымолвилъ:
— Я теперь могу на своёмъ кони сидѣть,
— Я теперь могу своей саблей владѣть,
— Которая сабля во сорокъ пудъ. —
Взималъ выбиралъ да коня добраго,
Шелковую уздицу налагалъ на его,
На косматаго коня войлокъ накидывалъ,
Сѣделышко черкаско накладывалъ,
А двѣнадцать подпругъ онъ подтягивалъ,
Не для ради красы басы угожества,
Для-ради укрѣпы богатырскіи;
Булатъ не гнется не ломится,
Шелковы подпруги не оборвутся.
Тугіе луки по бокамъ металъ,
Калену стрѣлу онъ въ подзолотку *(такъ)* клалъ,
Шолковъ онъ поводъ въ бѣлы руки бралъ,
Шпорами коня онъ потыкивалъ.
Конь его добрый поскакивалъ
За ту за стѣну городовую
И за ту за башню заугловую.
Поѣхалъ Василей на чисто на полё,
Видитъ Батыгу на чистомъ на поли.
Натягалъ Василей калёный лукъ,
Стрѣлку вынималъ съ подзолоточки,
Стрѣлилъ по головамъ что ни лучшенкіимъ,
Убилъ сына Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Тороканчика Корабликова,
Убилъ черна дьячка ёнъ выдумщика.
У Батыги вѣдь кони хорошіи,
У Батыги вѣдь кони снарядныи, —
Посылаетъ Батыга скорыхъ гонцовъ,
Скорыхъ гонцовъ въ славенъ Кіевъ градъ.
Кіевъ градъ онъ немалой есть, —
Соколу летѣть на упрягу ему,
Маленькой птицѣ натѣшиться,
Виноватаго во Кіеви не взыскати.
Ѣдетъ Василей ко Батыги на лицо
На своёмъ кони онъ на доброёмъ
И на томъ сѣдли на оковаиоёмъ.
Рѣки озёра межу ноги пускалъ,
Сини моря ёнъ около скакалъ,
На горы высоки выскакиваетъ,
Хвостъ по земли розстилается,
Грива подъ копыта подвивается,
Огненный пламень вымахиваетъ,
Тымъ лукомъ калёнымъ выстрѣливаетъ,
Вострымъ копьёмъ онъ помахиваетъ.
Отъ того копья какъ отъ востраго,
Отъ той отъ палицы воспныи
На Батыгу страхъ да уклоняется,
Стоитъ онъ Батыга, удивляется:
Колько ни было какъ выѣзживано,
На такомъ было страху не ставано,
Какъ ѣдетъ отъ города отъ Кіева,
Отъ того отъ князя отъ Владиміра,
Ѣдетъ богатырь удалый молодецъ,
Самъ онъ собою тутъ не хвастаетъ,
Только страшно стоять-то на чистомъ на поли.
Пріѣхалъ Василей ко Батыгѣ на лицо:
— Здравствуй Батыга Батыговичъ,
— Со своимъ со сыномъ со Батыгою,
— Со зятемъ Тороканомъ Корабликовымъ! —
Отвѣтъ держитъ тотъ Батыга нынь:
«Нѣту сына Батыги Батыговича,
«Нѣту зятя Тороканa Корабликова,
«Нѣту черна дьячка какъ выдумщичка!»
Отвѣтъ держалъ Василей ко Батыги нынь:
— Прости-ко меня во первой нынь вины,
— Во первой вины прости во великіи!
— Я убилъ у тебя сына Батыгу нынь,
— Убилъ зятя Тороканa Корабликова,
— Убилъ черна дьячка я выдумщичка.
— За свою за вину за великую
— Я могу послужить какъ Батыги тебѣ,
— Дай-ко мнѣ силы сорокъ тысячей,
— Я поѣду ко городу ко Кіеву
— А ко ласкову князю ко Владиміру,
— А мы Кіевъ градъ да мы огнёмъ пожгёмъ,

Владиміра мы во полонъ возьмём.—
ты лясы Батыга пріукинулся,
ему силы сорокъ тысячей.
алъ Василей на чисто́ на полё,
ротъ держалъ на ручку на правую,
ёкъ прирубилъ до одной головы.
ъ ёде Василей ко Батыги на лицо:
рости-ко Батыга во другой вины,
другой вины ты меня великіи!
отерялъ я силы сорокъ тысячей.
нь я въ городи повысмотрѣлъ,
нь я во Кіеви повыглядѣлъ,
ё стоятъ воротца отло́женный.
ямо нынь мы поѣдемъ и ко Кіёву,
лько дай мнѣ-ка силы сорокъ тысячей.—
поѣхалъ со тою-то со силою,
ротъ держалъ на ручку на правую,
цей бьётъ онъ военною,
ёмъ ёнъ бьётъ да долгомѣрнымъ,
ставилъ Василей ни единой головы.
алъ Василей ко Батыги на лицо,
мъ ему билъ и поклоняется:
еще вѣдь во городѣ все высмотрѣлъ,
нынь же Батыга постою за тебя.—
ему силы сорокъ тысячей,
къ сороковъ все черныхъ соболёвъ,
сребра ему смѣту нѣтъ.
ѣхалъ Василей на чисто́ на полё,
ко Кіеву со радостью,
онъ силу вѣдь са́блей рубитъ.
алъ Батыга вѣдь трубочку,
очку натягивалъ подзорную,
тъ онъ во славно во чисто́ полё,
ому ль ко городу ко Кіёву,
ому ль ко князю Владиміру,
ли поля-то онъ на чистыи,
луга на зелёныи,
на травы на шелко́выи,—
ъ дѣло не хорошеё.
ется Батыга на до́брыхъ конёй,
кае Батыга во свою скоро землю,
ю во землю во невѣрную.
ется Батыга проклинается:
дай мнѣ нынь подъ Кіевымъ бывать,
могу я теперь про Кіевъ про́сказать,
оту казну я истра́тилъ всю!
ъ градъ онъ не малый есть,
Кіеви бога́тыревъ смѣту нѣтъ.»
ли лучшіе бога́тыри во Кіёви,
а казна-то во Черниговѣ,
но платье въ Новѣ-городи,
Хлѣбны запасы Смоле́нца городу́.
Поѣхалъ Батыга онъ отъ Кіева,
День онъ ночь удаляется
Отъ того ли отъ города отъ Кіева,
Отъ того ли князя отъ Владиміра.
Увидѣлъ Василей Игнатьёвъ сынъ,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Роскипѣлась его мысель молодецкая,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Не поѣду ко городу ко Кіеву,
— Ко тому князю къ Владиміру,
— Поѣду въ сугонъ да въ слѣды Батыгины,
— Пусть онъ Батыга не хвастаетъ,
— Со мной съ бога́тыремъ нынь повидается.
— Я поѣду вѣдь нынь да спрошу его:
— Что же те Батыги не слюбилоси,
— Ты поѣхалъ вѣдь нынь-ка отъ Кіёва,
— Да поѣхалъ ты, не простился нынь
— Съ тымъ ли съ городомъ со Кіёвымъ?—
Это тутъ Батыги не слюбилоси,
Обнажилъ онъ Батыга саблю вострую
На того ли на Василья на Игнатьевича,
На храбраго воина военнаго.
Взималъ ёнъ тутъ какъ Василей нунь
А й наѣхалъ Василей съ саблей вострою,
Отсѣкъ-то Василей буйну голову
А невѣрному Батыги по ко́реню.
А упалъ-то Батыга съ ко́ня добраго
На тую на матушку сыру землю
А на ту ёнъ на мураву траву.
Отъѣзжаетъ Василей отъ Батыги нынь,
Прирубилъ прикосилъ послѣдню силу тутъ.
Поѣхалъ Василей ёнъ ко Кіёву,
Ко тому ко князю Владиміру,
Кричалъ онъ Василей на поли на томъ,
На поли на томъ какъ на чистоёмъ:
— Прикажи-тко, Владиміръ стольнё-кіевской,
— Отпереть мнѣ ворота широкіи,
— Заѣхать на кони мнѣ-ка на доброёмъ
— За тую стѣну городо́вую,
— За тую за башню угло́вую!—
Отворили ворота широко́ ему,
Заѣзжае Василей на ко́ни до́броёмъ,
Сходитъ слѣзаетъ съ ко́ня добраго,
Самъ онъ привязыватъ коня́ какъ тутъ
Ко тому столбу ёнъ точеному,
Насыпатъ пшены бѣлоя́ровыи;
Заходитъ ёнъ въ полату бѣлока́менную,
Крёстъ кладыва́етъ по писа́ному,
Поклоны веде́тъ-то по учёному.
Говоритъ Владиміръ таково слово:

«Ахъ же слуги мои вѣрныи,
«Слуги вы мои княженецкіи!
«Допросите Василья вы какъ нынечу,
«Каково ёнъ ѣздилъ во чистóмъ поли.»
Какъ спросили слуги его вѣрныи,
Тыи слуги княженецкіи:
— Каково ты ѣздилъ во чистóмъ поли? —
Згóворитъ Василей таково слово:
«Вся сила вѣдь воспорублена,
«Славны богáтыри привыбиты.»
Какъ завелъ тутъ князь какъ Владиміръ нынь,
Для того воина для главнаго,
Завелъ ёнъ балъ какъ на двѣнадцать дёнъ;
А на томъ ~~на пиру княженецкомъ~~
А сидятъ тамъ вси князи бóяра,
А вси говорятъ таково слово:
— Ахъ же Василей Игнатьёвъ сынъ!
— Вѣдь всѣ ли богáтыри розъѣхались,
— А хоть ты нынь съѣздилъ на чистó полё,
— Постоялъ ты Василей за Кіевъ градъ,
— За того князя за Владиміра! —
И на томъ ли пиру вси росходятся,
И пиръ тотъ весь да нынь кончается.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

—

67.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова, т. III, 26).

Ѣздитъ Чурилушка выгýливаетъ,
На своемъ Чурила на дóбромъ конѝ,
Пріѣхалъ Чурила къ Вельминóму домý,
Скрычалъ-то Чурила во всю головý:
«Въ домѣ ль Вельмà сынъ Васи́льевичъ?»
Выходитъ выбѣгатъ Катеринушка,
Выходитъ она дочь Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
— Да нѣту Вéльма сына Васи́льевичà,
— Уполъ Вельмà во Божью церкву.
— Что же ты Чурила не пожаловалъ? —
А отвѣтъ держалъ какъ Чурилушка:
«Не въ убори я былъ, Катеринушка:
«Нынь я Чурила обладился,
«Лапотци обувалъ я семи шелковъ,
«Пóдпяты пяты шилóмъ вострý,
«Около носовъ яицóмъ прокатить,
«Пóдъ пяты пяты воробéй пролетитъ;
«Шапочка ушиста пушиста былò,
«Хорошо была надвѣсистаà,
«Сопереди не видно лица бѣлаго,
«Иззади не видно шеи бѣлыи, —
«Дакъ нынь я Чурилушка обладился
«И такъ я Чурилушка пріѣхалъ къ тебѣ.»
Воспрося его Катеринушка
Брáла за ручки за бѣлыи
И провела его въ полату браную,
Садилась за столы дубовыи,
За тыи за ѣствы сахáрніи,
Наливала ёму питья медяныи,
Отходя же сама низко кланялася:
— Ѣшь-ко пей ты Чурилушка,
— Покушай-ко ты нынь Поплёнковичъ! —
Поѣлъ-то попилъ какъ Чурилушка,
Изъ-за стола выходитъ дубоваго,
Зъ-за тыи за ѣствы сахарніи,
Зъ-за того питья за медянаго,
Господу Богу поклонится,
На всѣ стороны онъ поклоняется,
Катерину да ёнъ въ особину:
«Благодарно тебѣ Катеринушка,
«Благодарно тебѣ дочь Микулична!»
Отвѣтъ держала Катеринушка:
— На дóбро тебѣ-ка здоровьице,
— Да на дóбро тебѣ-ка Чурилушка,
— Чурилушка да ты Поплéнковицъ! —
Взяла за ручки за бѣлыи,
За его перстнѝ за злачеными,
Повела его въ спаленку теплую,
Къ той ли ко кроватки ко кисовыи,
Къ той ли ко перинушки ко пуховыи,
Ко крýтому высокому зголовьицу,
Къ тому ль одѣялу соболиному.
Сама говорила таковóе слово:
«Изволь-ко ложиться Цурилушка,
«Изволь-ко ложиться сынъ Поплéнковичъ!»
Лёгъ тутъ спать какъ Чурилушка,
Лёгъ тутъ спать да сынъ Поплéнковичъ,
Подли éго-то Катеринушка,
Да подли бочка дочь Микулична.
Оны стали-то жити-то быти оны,
Межу сóбою времечки корóтати.
Какъ на тую пору въ тое времячко
Провидала дѣвка дворовая,
Дворовая дѣвка челягична. —
Башмáченка обувала на босýю ногý,
Шубу надѣвала на однóе плечо,
Бѣжала дѣвчéнка ко Божьéи церквѝ,

Крычала дѣвчонка во всю голову:
— Что же ты, Вельмà сынъ Васильёвичъ,
— Стоишь ты Вельмà во Божьéй церквы,
— Господу Богу Вельмà молишься,
— До мосту́ ты Вéльма поклоняешься,
— Надъ собой ты незгодушки не вѣдаешь!
— Есть у тебя во твоёмъ дому,
— Во твоёмъ дому какъ нелюбимый гость.
— Онъ ѣстъ-то пьетъ прокладается,
— Со твоею женой забавляется. —
Онъ кинулъ головушку межу́ плечью,
Утупилъ ясны очи въ калиновъ мостъ,
Самъ згóворилъ таково слово:
«Ахъ ты вѣдь дѣвка дворовая,
«Дворовая ты дѣвка челягична!
«А никто тебя дѣвку не спрáшиваетъ,
«А никто тебя дѣвку вывѣдываетъ (*такъ*)!
«Знала бы ты дѣвка своё дѣло,
«А своё бы ты дѣвка дворовоё,
«Знала бы ты дѣвка коровъ кормить,
«Знала бы ты дѣвка теляшóвъ поить!
«Правду говоришь — во замýжъ возьму,
«А неправду говоришь — голову́ срублю.»
Какъ бѣжала тутъ дѣвка на своё мѣсто,
На своё на мѣсто на прежноё.
А приходитъ Вельмà отъ Божьéй церквы,
Приходитъ-то Вельмà ко конюшенки,
Ко той ли ко стойлы лошадиныи,
Гдѣ стоялъ-то конь его добрыи, —
А не видитъ коня своя (*такъ*) добраго,
Только видитъ коня ёнъ Чурилушкинà;
Онъ зоблетъ пшену бѣлояровую,
А его видно конь какъ прióтогнанъ,
А Вельмúнъ же конь тутъ прióтведенъ.
Такъ отходитъ отъ конюшни стоялыи
А отъ той ли отъ стойлы лошадиныи,
Приходитъ къ воротцамъ рѣшóтчатыимъ,
Да ко тыимъ ко пятничкамъ (*такъ*) булатнiимъ,
Ко тымъ ли петличкамъ шелкóвенькiимъ;
У тыхъ воротецъ колотится,
У тыхъ воротецъ давается.
Это тутъ Катеринушка,
Это тутъ дочь она Микулична,
Крику ёна испугаласи,
Крику сама перепаласи.
Бѣжитъ она какъ въ одныхъ чулкахъ,
Да безъ чéрныихъ бѣжитъ безъ чéботовъ,
Въ одной тоненькой мягкóй рубашечки;
У ней женскiи волосы рострéпаныи,
У ей нѣжна грудь бѣлà покáзаная.
Отпирала воротца рѣшóтчатый.
Говоритъ Вéльма тутъ сынъ Васильёвичъ:
«Что же ты Катеринушка
«Видно крѣпко меня испугаласи?
«Въ одныхъ бѣлыхъ чулкахъ ты безъ чеботовъ,
«Въ одной тоненькой мягкóй рубашечки.»
Отвѣтъ держала Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочй Микулична:
— Ахъ же ты Вельмà сынъ Васильёвичъ!
— Мнѣ ль Катеринушки не можется,
— Мнѣ ль Микуличной хворается,
— Да крѣпко мнѣ не домогается. —
Пошолъ-то Вельмà тутъ по полатушки,
Да увидѣлъ лапóтцы Чурилушкины:
«Эты лапóтцы у Чурúлушки видалъ.»
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ держитъ дочь Микуличка:
— Ахъ же Вельмà сынъ Васильевичъ!
— А эты лапóтцы братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ-то Вельмà да по полатушки,
А увидѣлъ шапку Чурилушкину:
«А эту шапку на Чурúлы видалъ,
«Этую шапку у Чурúлы слыхалъ.»
Отвѣтъ дёржитъ Катеринушка,
Отвѣтъ дёржитъ дочь Микулична:
— Это шапка братца моего,
— А по смерти моей по души отдать. —
Пошолъ Вельмà ёнъ во спаленку,
Увидѣлъ тамъ какъ Чурилушку
Нá той кровати кисовыи,
Нá той перины пуховыи,
Подъ тымъ одѣяломъ соболиныимъ.
Да на томъ ли еще на зголовьицѣ,
Обвернулся на стѣнку лицовую,
Кó той ко стопочкѣ точеныи.
Взялъ-то Вельмà да саблю вострую,
Отсѣкъ-то Чурилы буйну голову.
Поворотъ держалъ на ручку на правую:
«Гдѣ пала головка Чурилушкина,
«Тутъ пади головка Катеринушкина!»
Такъ дѣвку дворовую,
Этую дѣвку челягичну,
Ёнъ отмылъ чередúлъ,
Въ цвѣтно плáтьё снарядúлъ,
По утру по свѣту къ вѣнцу пошолъ,
Во тую они во Божью церкву,
Принимали они да по злату вѣнцу,
Златыми вѣнцами повѣнчалисе,
Златыми перстнями обручалисе.
Приходитъ Вельмà тутъ во полатушку,
Приводилъ ёнъ ту за бѣлу́ руку.

Такъ оны нынѣ теперичу
Стали жити-то быти оны,
Межу собой времечки коротати.
Тутъ Чурилушки славу поютъ,
Тутъ Катерины неминуему.

Записано въ Пудожѣ. 31 іюля.

—

68.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 32).

Изъ-за того острова Кадольскаго,
Изъ-за того ли моря за Дунайскаго,
Выходило выбѣгало тридцать карабдей.
Ино на тыихъ было тутъ на карабляхъ
Тридцать молодцевъ безъ единаго,
Самъ Соловей во тридцатыихъ,
Тридцать одна его матушка родна.
Хорошо карабли изукрашены,
Хорошо карабли изнаряжены:
И носъ корма да по туриному,
Широкй бока по лосиному,
Парусы крупчатой камки,
Якори на карабляхъ булатніи,
У якорёвъ колечика серебряный,
Кадолы-ты *) изъ семи шелковъ;
И мѣсто было руля повѣшено
По заморскому соболю по дорогому,
Да руль-то былъ заналаженной.
И на томъ было какъ на карабли
Младъ Соловейко Гудиміровичъ.
Самъ зговорилъ таково слово:
«Ай вся моя дружина хоробрая!
«Дѣлайте дѣло повелѣное,
«Слушайте большаго атамана.
«Вы берите-тко трубочки подзорныи,
«Глядите во славно во синé морё,
«Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Наглядите въ присталь карабельнюю.»
И ставали во машты высокіи,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Слушали большаго атамана,
Глядѣли во славно синее морё,
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру,
Углядѣли присталь карабельнюю.
Скоро будучи съ караблемъ подъ Кіевомъ,
Забѣгали во присталь карабельнюю,
Парусы спускали крупчатой камки,
Якори бросали булатніи.
Зговоритъ младъ Соловей сынъ Гудиміровичъ:
«Сходенку выкидывай серебряную,
«Другу выкидай подзолоченую,
«Третью выкидай исповолжаную.
«Берите подарки умильніи,
«Куницъ вы лисицъ да заморскіихъ.»
Брали ёны во бѣлыи руки,
Матушка камочку узорчатую,
И самъ беретъ гуселка яровчатый,
И самъ идетъ по сходенки золоченый,
Матушка идетъ по серебряный,
Вся его дружина по исповолжаный;
Приходятъ оны ко Владиміру на дворъ.
Приходитъ въ палату грановитую,
Крёстъ кладетъ по писаному,
А поклоны-ты ведетъ по ученому,
На всѣ три вѣдь на четыре онъ на стороны,
Тому ли Владиміру въ особину.
Подаютъ ему подарочки хорошіе,
Матушка камочку узорчатую
Молодой княгины Опраксіи.
Взимаетъ княгина на бѣлыи руки,
А взимаетъ княгина, дивуетси:
Да не дорога камочка заморская,
А й дороги узоры заморскіи!
Сталъ его Владиміръ выспрашивати,
Сталъ его Владиміръ вывѣдывати:
— Ты скажись, молодецъ, со коей земли,
— Какъ молодца именемъ зовутъ? —
Подходитъ къ ему поблизешенько,
Поклонился князю самъ низешенько:
«Зъ-за того я моря зъ-за Дунайскаго,
«Зъ-за того я острова Кадольскаго
«Душечка удалый добрый молодецъ,
«Младъ Соловейко да сынъ Гудиміровичъ.»
— Ты зачѣмъ же сюда побывалъ ко мни?
— Торгомъ торговать ли на съѣздъ ко мни,
— Ли на съѣздъ ко мни, ли на житьё пожить?
Отвѣтъ держалъ Соловеюшко,
Младъ Соловей да сынъ Гудиміровичъ:
«Не торгомъ торговать да не на съѣздъ къ тобѣ,
«Я пріѣхалъ къ тобѣ какъ на житьё пожить.
«Дай-ко мнѣ да теперь мистечка
«Подли себя да ты подли бочка.

*) т. е. снасти, такъ объяснилъ пѣвецъ.

у тя молода племянница,
да Забавушка Путятична,
й какъ есть во зеленыхъ садохъ *(такъ)*
ица вязьё повырощеноё:
оль-ко мнѣ-ка нунь су *(такъ)* повырубити,
саду вонъ мнѣ повыметати,
роить мнѣ да тамъ три терема,
ро́ими со синями съ нарядними.»
нтъ Владиміръ таково́е сло́во:
тыи за рѣчи умильніи,
твои слова постановныи,
ай нынь теперь въ зеленыи сады,
ай ты дѣло повелѣное. —
приходитъ Соло́вьюшко,
Со́ловей да сынъ Гудиміровичъ,
ей дружины ко хоробрыи,
ть молодцовъ безъ единого,
йте вы дѣло повелѣноё,
айте бо́льшаго ата́мана,
те вы нынь да во бѣлы руки
ты ль топорики булатніи,
лайте кирочки лопаточки,
вы таперь да въ зеленыи сады —
вы вязьа всё повырубитѐ,
ъ саду вонъ да вы повымечитѐ,
и коренья вы повыкопайтѐ;
ройте вы тамъ да ровно три терема,
ро́има со синями съ нарядними, —
гру мнѣ-ка стать нынь-ка жить пойти.»
дѣло повелѣноё,
ли бо́льшаго ата́мана,
ли топорики булатніи,
ли кирочки лопаточки,
то вязьа повырубили,
ду вонъ какъ тутъ повыметали,
ли оны вѣдь тутъ три терема,
има со синями съ нарядними;
у свѣту они жить пошли.
у было какъ тутъ ранёшенько
ала какъ есть нынь Забавушка,
Забава Утятична,
лась водою тутъ бѣлёшенько,
лась полотёнушкомъ сушёхонько,
споду Богу помолилась,
а она тутъ во окошечко,
о о́на тутъ счудоваласе,
о о́на тутъ здивоваласе:
это нынь чудо счу́дилосѐ,
о пиво да воспроку́рилосѐ?
о моихъ топерь зеленыхъ садахъ
убьицо вязья все повырублено —
— А изъ саду вонъ оны повыметаны. —
Какъ шубу надѣвала на одно плечо,
Башмачки надѣвала на босу́ ногу,
Пошла ёна Забава въ зелены сады,
Приходитъ она ко пе́рву терему́, —
Въ первомъ терему шопотко́мъ говорятъ:
Молится матушка вѣдь Господу,
Умаливатъ за сына за любимаго,
За мла́даго сына Гудиміровà.
Приходитъ она ко дру́гу терему́, —
Въ другомъ терему́ стучитъ гремитъ,
Стучитъ гремитъ какъ золота казна:
Считаетъ Соловей да золоту казну,
Золоту казну ёнъ тутъ безсчётную.
Приходила она ко тре́тью терему́, —
Тамъ играютъ во гусе́лка яро́вчатый,
Тонцы ведутъ отъ Нова́-города,
Дру́ги ведутъ-то отъ Еро́солима,
Припѣвы припѣваютъ хоро́шій.
Заходила Забава Утятична
Во тотъ ли она во бѣло́й шатёръ,
Крёстъ она клала́ по писа́ному,
Поклоны-ты вела какъ по учёному,
На вси три вѣдь на четыре какъ на сто́роны,
Той ли дружины въ особину;
Садилась на брусо́ву нову лавочку,
Сидѣла она видно де́нь съ утра,
День съ утра она до вечера,
А отъ вечера какъ до полуночи,
Отъ полуночи какъ до бѣла́ свѣту.
По утру было тутъ поранёшенько
Приходитъ душечка уда́лый мо́лодецъ,
Младъ Соловейка сынъ Гудиміровичъ,
Самъ онъ говоритъ таково́е слово:
«Чья у васъ дѣви́ца присва́танаа,
«Чья у васъ дѣви́ца незна́емаа?»
Ставала Забава на рѣзвы ноги,
Поклонилась Забава до самой земли:
— Здравствуй уда́лый добрый молодецъ,
— Младъ Солове́йко Гудиміровичъ!
— Есть ты мо́лодецъ вѣдь неже́нёный,
— Я ли дѣви́ца на выда́ваньи. —
Зго́воритъ душка уда́лый добрый мо́лодецъ,
Младъ Солове́й да сынъ Гудиміровичъ:
«За всё тебя дѣвица, за всё люблю,
«За одно тебя дѣвица я ника́къ не люблю,
«Ты сама себе дѣвица просва́тала....
«Ступай-ко дѣви́ца ты во сво́й нынь до́мъ,
«Бей-ко челомъ поклоняйси-тко
«Князю ль тому же ты Владиміру,
«Чтобы онъ завёлъ какъ нынь почестный пиръ.»

Такъ пошла нынь дѣвица какъ во свой тутъ домъ,
Била дѣвица и челомъ она
Ко тому ко князю Владиміру:
— Ты послушай-ко нынь мой ты дядюшка,
— Ты Владиміръ князь-ко стольне-кіевской!
— Во своей полаты грановитыи
— Для меня любимой племянницы
— Заведи-ко ты нынь какъ почестный пиръ,
— Чтобы было мнѣ чимъ нынь похвастати. —
А какъ завелъ вѣдь ей тутъ дядюшка,
Онъ завелъ нынь тутъ какъ почестный пиръ.
На томъ на пиру да было весело,
Пили ѣли проклаждалися.
Тогда приходитъ удалый молодецъ,
Младъ Соловейко сынъ Гудиміровичъ,
Беретъ ее дѣвицу за бѣлы руки,
Пошли оны съ дѣвицей во Божью церкву,
Златыми перстнями да обручалися,
Златыми вѣнцами да повѣнчалися.
Приходитъ Соловей ко Владиміру,
Приноситъ благодарность великую,
Дѣлатъ почетъ ему честныи,
Честныи почетъ и благодарныи.
Пошолъ Соловей да во свой тутъ домъ,
Сталъ Соловей-то жить и быть,
Межу собой времечки коротати.
Здунинай Дунай сынъ Ивановичъ Дунай,
Сынъ Ивановичъ Дунай про то дѣло не знай.

Мхи да болота въ Поморской стороны,
Щелья каменья Подсѣверной страны.
Претолстыи горы высокіи,
Превысоки лѣса все дремучіи.
А рострубисты сарафаны по Моши по рѣки,
Здунинай Дунай про то дѣло не знай.

Записано въ Шалѣ, 29 іюля.

—

XV.

АНДРЕЙ СОРОКИНЪ.

Андрей Пантелѣевъ Сорокинъ, крестьянинъ дер. Новинка на Сумозерѣ, 43 лѣтъ, черноволосый, средняго роста, съ небольшой бородкой; живетъ земледѣліемъ; родился и жилъ до 30-лѣтняго возраста въ дер. Ценежахъ у Пудожа, переселился на Сумозеро въ домъ тестя, у котораго не было сыновей. Его отецъ и дѣдъ не пѣвали былинъ; онъ выучился имъ мальчикомъ и молодымъ человѣкомъ, когда живалъ подолгу на мельницѣ, гдѣ собиралось много крестьянъ изъ окрестныхъ деревень и коротали время, распѣвая «старины». Въ числѣ своихъ учителей Сорокинъ называлъ старика Аѳанасья изъ Кулгали у Пудожа; отъ него онъ перенялъ былину про Соловья Будиміровича. Сорокинъ поетъ весьма пріятнымъ голосомъ и складною, мѣрною рѣчью былины, не смотря на то, что вовсе не соблюдаетъ въ нихъ размѣра. Онъ пробовалъ когда-то распѣвать въ видѣ былинъ и сказки, которыя разсказываются «словами» (т. е. прозаическою рѣчью), но это, какъ онъ говорилъ, ему не удавалось: видя, что дѣло не ладится, онъ бросилъ эту мысль. Сорокинъ пріѣзжалъ къ г. Рыбникову, который частью самъ записалъ его былины, частью поручилъ это писарю. При сличеніи напечатанныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова былинъ Сорокина съ тѣмъ, какъ онъ ихъ пѣлъ нынѣ, не оказалось почти никакой разницы, кромѣ нѣкоторыхъ частицъ (*а и*, *какъ*), которыя Сорокинъ ставитъ въ началѣ каждаго почти стиха при пѣніи былины «голосомъ» и опускаетъ при пословесной ея передачѣ. Такъ какъ, по отсутствію размѣра въ былинахъ Сорокина, онѣ, будучи записаны съ голоса, не разнятся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ и случайныхъ измѣненій, отъ текста, напечатаннаго въ сборникѣ г. Рыбникова, то тѣ былины, которыя вошли въ этотъ сборникъ, здѣсь не повторяются, а приводятся лишь существенные въ нихъ варіанты, цѣликомъ же печатаются только былины, у г. Рыбникова не помѣщенныя.

—

69.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й не волна ли какъ на мори расходилася,
А й не сине море всколыбалоси,
А й взволновался да вѣдь Калинъ царь,
А й на славныи на стольныи на городъ на Кіевъ онъ,
А й на солнышка князя Владиміра,
А й какъ онъ на святую Русь.
А й какъ бралъ ёнъ съ сорока земель
А й какъ сорокъ ёнъ королей да королевичевъ;

А й за кажнымъ королёмъ королевичемъ
А й какъ силы было какъ по сóроку ужъ тысячей.
А й какъ бралъ ёнъ пятьсотъ князей да бояръ онъ невѣрныихъ,
А й за кажнымъ силы по сороку было тысячей.
А й какъ пришолъ онъ подъ славныи подъ стольніи
А й подъ городъ по Кіевъ-онъ,
А й становился ёнъ ко матушки да Елисей-рѣки,
А й во ты во поля во Елисина.
А й какъ тутъ безбожныи Калинъ царь
Призывалъ онъ посланника да любезнаго,
А й какъ самъ говорилъ онъ посланнику таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезный!
«А й неси какъ мою чернилицу да вальячную,
«А й неси моё перо какъ лебединое,
«А й неси листъ бумагу гербовую.»
А й какъ тутъ безбожный Калинъ царь
А й садился онъ да на ременчатъ стулъ,
А къ тому онъ столику ко дубовому;
А й какъ началъ онъ ёрлуковъ да написывать,
А й какъ началъ силу свою онъ да назначивать,
А й писалъ ужъ какъ силушки много да тысячей,
А й какъ ёнъ ерлуки запечатывалъ,
Подавалъ-то онъ посланнику да любезному,
А й какъ говорилъ ёнъ ему таково слово:
«Ай же ты посланникъ любезный безызмѣнный!
«А й бери ерлуки во бѣлы руки,
«А ступай-ко садись на добрá коня,
«А й поѣзжай-ко ты во славный во Кіевъ во городъ-онъ,
«А й ко солнышку ко князю ѣдь прямо на широкъ дворъ,
«А станови-тко добрá коня осерéдь двора широка,
«Осередь двора широка княженецкаго,
«А самъ прямо поди-тко въ полаты вѣдь княженецкіи,
«А какъ проходи въ полаты-ты княженецкіи,
«А й какъ русьскому Богу не кланяйся,
«А й какъ солнышку князю челомъ не бей,
«Не клони ёму буйны головушки,
«Кладывай ерлуки ему на дубовый столъ,
«А й да говори рѣчи съ нимъ да не съ упадкою,
«А й скажи: ««солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й бери ерлуки во бѣлы рѣки,
««А й ерлуки роспечатывай,
««А й какъ ты роспечатывай да розвертывай,
««А й до кажнаго словечка да высматривай.»»
«А й скажи ему да еще таковы слова,
«А й скажи: ««солнышко князь стольнё-кіевской!
««А й по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й со Божьихъ какъ церквей да чудны кресты повыснимай,
««Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиныи,
««А й стоять нашіимъ да добрымъ конямъ.
««А й еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й умой-ко полаты вѣдь бѣлокаменны,
««А стоять нашей рать силы великіи.
««А еще по всему какъ по городу какъ по Кіеву
««А й широкіи улушки да повыпаши.»»
«А й потомъ повернись да поди съ полатъ вонъ съ бѣлокаменныхъ,
«А й потомъ садись на своего на добрá коня,
«А й поѣзжай въ свою рать силу великую.»
А й какъ тутъ посланникъ любезный безызмѣнный
А й какъ шолъ садился ёнъ на своего добрá коня,
А й какъ ѣхалъ во славный да во стольный
А й во городъ во Кіев-отъ;
А й пріѣзжалъ какъ онъ ко солнышку князю къ Владиміру,
А й пріѣзжалъ къ нему онъ на широкъ дворъ,
Становилъ какъ онъ да добрá коня
Осерéдь двора широка княженецкаго,
А й какъ самъ онъ шолъ прямо въ полаты княженецкіе,
А й какъ русьскому Богу не кланялся,
А й какъ солнышку князю челомъ не билъ,
Не клонилъ ему буйны головушки.
А й какъ самъ кладывалъ ерлуки на дубовый столъ
Говорилъ какъ рѣчи самъ да не съ упадкою,
А й какъ говорилъ: —ужъ ты солнышко Владиміръ князь,
— А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А й ты бери ерлуки во бѣлы руки,
— А ерлуки роспечатывай,
— А ты еще ихъ да розвертывай,
— А й до кажнаго словечка да высматривай.
— А ты еще да послухай-ко
— А что теби я скажу:
— А й какъ ты по всёму какъ по городу по Кіеву
— А й широкіи улушки повыпаши,
— А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны кресты повыснимай,
— Во церквахъ сдѣлай стойлы лошадиные,
— А й стояти нашимъ добрымъ конямъ;
— А еще какъ по городу да по Кіеву
— А умой-ко полаты вѣдь ты бѣлокаменны,
— А й стоять нашей рать силы великіей. —
А потомъ повернулся ёнъ
А пошолъ онъ съ полатъ-то княженецкіихъ,

Выходилъ-то онъ на широкъ дворъ,
А й какъ онъ садился на своего да на добра́ коня,
А й какъ онъ поѣхалъ въ свою рать силу великую.
А й какъ тутъ солнышко да Владиміръ князь
А ставалъ ёнъ какъ со мѣста да со бо́льшого,
А й взималъ свой золотой тотъ стулъ,
А й садился ко тому столу ко дубовому,
А й какъ бралъ е́рлуки да во бѣлы́ руки,
Ерлуки онъ тутъ роспечатывалъ,
Роспечатывалъ онъ розвертывалъ,
А й до кажнаго словечка онъ высматривалъ.
А й какъ тутъ увидѣлъ ёнъ какъ у матушки,
А у матушки да Елисей-рѣки,
А й во тыхъ во поляхъ во Елисинахъ,
А стоитъ какъ безбожный Ка́линъ царь
Со своёй силой съ невѣрною,
А й какъ силушки на чисто́мъ поли
А й какъ мелкаго лѣсу да шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега;
А й какъ знаме́ньёвъ на чисто́мъ поли
А й какъ будто сухого лѣсу жаро́ваго.
А й какъ тутъ устрашился солнышко Владиміръ князь,
А й повѣсилъ свою буйную ёнъ головушку
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичной полъ,
А й самъ говорилъ да еще таковы слова:
«Ай же ты жона́ моя да любезная,
«А й княгина Апраксія!
«А й пришло видно времечко да великоё,
«А й пришло видно въ полонъ отдать
«Славный городъ намъ Кіев-отъ
«А й безбожному царю ужъ какъ Калину!
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего,
«А й какъ всѣмъ-то князьямъ да бояринамъ,
«Всѣмъ сенато́рамъ-то думнымъ,
«А какъ всѣмъ вельможамъ, купцамъ да всѣмъ богатымъ,
«А й какъ всѣмъ поляницамъ уда́лымъ,
«А й русейскимъ сильнымъ могучимъ бога́тырямъ,
«А й пришлось имъ да порозъѣхаться,
«А й повыѣхать какъ со города да со Кіева,
«А й какъ намъ съ тобой на убѣгъ бѣжать.
«А й какъ видно дѣлать намъ нечего
«Со безбожнымъ царемъ да намъ со Калинымъ!»
А какъ давалъ какъ ёй ерлуки скорописчаты,
А й какъ брала ёна́ ерлуки во бѣлы́ руки,
А й какъ начала да читать она розсматривать,
А й сама говорила вѣдь таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я́ скажу.
— А й возьми-тко ты публикуй-ко вѣдь
— А указы ты строгіе,
— А й по городу по Кіеву,
— А й по городу по Чернигову,
— А й по прочіимъ городамъ по губерскіимъ, по уѣзднымъ,
— А й выпущай затюремщиковъ грѣшниковъ,
— А й прощай-ко во всѣхъ винахъ великіихъ,
— А й какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестенъ пиръ.
— А й какъ призывай-ко сильніихъ могучіихъ бога́тырей,
— Призывай-ко ста́раго казака́ да Илью Муромца.
— А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владиміра,
— А може пріѣде къ тебѣ да на почестенъ пиръ.
— А пусть-ко оны со честно́го пиру да порозъѣдутся да порозо́йдутся,
— А мы тожно *) съ тобой на убѣгъ пойдемъ.—
А й какъ солнышко да Владиміръ князь стольнекіевской
А й писалъ онъ письма скорыи,
Письма строгіи,
Призывалъ куліерковъ онъ вѣдь скорыихъ,
А й розсылалъ письма ёнъ по городу по Кіеву,
А й какъ ёнъ да по городу Чернигову,
А й по прочимъ городамъ по губерскіимъ по уѣзднымъ,
По своимъ городамъ да по русейскіимъ;
А й выпущалъ затюремщиковъ грѣшниковъ,
А й прощалъ какъ во всѣхъ винахъ-то ихъ великіихъ,
А й просилъ къ себѣ ихъ всѣхъ да на почестенъ пиръ,
А й какъ всѣхъ онъ князей бояръ топерь,
А й какъ всѣхъ сенато́ровъ какъ думныихъ,
А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей теперь богатыихъ,
А й какъ поляницъ да всѣхъ удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей,
А й просилъ онъ стараго казака Илью Муромца.
А й топерь послѣ этого
А й какъ много сбиралосе, какъ много съѣзжалосе,
А й князей бояръ топерь,
А й сенато́ровъ да думныихъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей.
А й наѣхали ко солнышку князю Владиміру,

*) т. е. тогда.

А й наѣхали на ши́рокъ дворъ,
А й какъ на́гнали да добры́хъ коней
Полонъ ши́рокъ дворъ да княженецкіи.
Набрались полны какъ полаты княженецкіи
А все князей да бояръ топерь,
А й сенато́ровъ да думныхъ,
А й вельможъ, купцей богатыихъ,
Поляницъ да удалыихъ,
А й русейскихъ сильнихъ могучихъ бога́тырей;
А й садилися какъ за ты столы за дубовые,
А за ты скамейки за окольніе,
А за тыи за ѣствы за саха́рніе,
За напитки за тыи за медвяные.
А какъ начали пить топерь, проклаждаются,
Надъ собою незгоды не начаючи,
А й какъ всѣ на пиру пьяны веселы,
А й какъ столько не веселъ былъ одинъ солнышко Владиміръ князь.
А й какъ ходитъ по полатамъ княженецкіимъ,
А й повѣшена буйная головушка
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясны во кирпичной полъ.
А й какъ самъ говорилъ топерь таковы слова:
«Ай же вы князи бояра вѣдь,
«А й какъ сенато́ры да думные,
«А й вельможи, купци вы богатые,
«Поляници удалые,
«А й русейскіе сильни могучіи бога́тыри!
«А й какъ вы у мня на чество́мъ пиру
«А вы у мня да пьяны веселы,
«А вы всѣ напивалисе,
«Похвальбамы вы всѣ пофалялисе.
«А й какъ столько вы не знаете,
«А й надъ намы есть незгода великая:
«А у матушки да Елисей-рѣки,
«А й во тыхъ во поляхъ во Ели́синахъ
«А й стоитъ какъ безбожный Калинъ царь
«Со своей какъ со ратью силой великою;
«А й стоитъ ужъ какъ силушки на чисто́мъ поли
«А й какъ будто мелкаго лѣсу шумячего;
«А й какъ знаме́ньёвъ на чисто́мъ поли
«А й какъ будто сухого лѣсу жаро́ваго.
«А намъ да приказано
«А по всёму какъ по городу по Кіеву
«А й широкіи улушки повыпахать,
«А й съ Божьихъ какъ церквей да чудны́ кресты повыснимать,
«Во церквахъ сдѣлать стойлы лошадиные,
«А по всёму какъ по городу по Кіеву
«А умыть полаты бѣлокаменны,
«А стоять ихней рать силы великіи.»
А й тутъ бралъ ерлуки скорописчаты,
Подавалъ старому казаку́ да Ильи Муромцу.
Тотъ какъ бралъ ерлуки на бѣлы́ руки,
А ерлыки началъ розвертывать,
А началъ ерлуки да онъ розсматривать,—
Такъ и тотъ повѣсилъ буйну голову
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притупилъ очи ясны во кирпичный полъ.
А й какъ понесли эти ерлуки съ рукъ какъ па́ руки,
А й какъ начали всѣ розсматривать,
Такъ и всѣ какъ повѣсили буйны головы
Ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Потому что оны да устрашилисе.
А й какъ говорилъ ужъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же гости бажёные любезные,
«Ай русейскіе сильніи могучіи бога́тыри!
«А что же заведемъ да топерь дѣлати?»
А й какъ тутъ ставалъ какъ со мѣста со бо́льшаго на рѣзвы́ ноги,
А ставалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ самъ говорилъ топерь да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь!
— А й послушай-ко что я скажу.
— А й возьми-ко насыпь ты топеричко
— А й какъ перву телѣгу ордынскую,
— А й насыпь-ко краснаго золота,
— А й насыпь-ко дру́гу телѣгу чистаго се́ребра,
— А й насыпь-ко третью телѣгу мелкаго да крупнаго скатняго жемчугу,
— А й кати-тко въ подарочкахъ
— Ко безбожному царю да ко Калину,
— А проси-тко ты стро́ку на три мѣсяца.
— А ежели бъ далъ онъ намъ строку на три мѣсяца,
— А й какъ я да въ три мѣсяца
— А какъ съѣзжу я къ чисту́ полю,
— А какъ я сберу свою дружину да хоробрую,
— А какъ сберу я тридцать молодцовъ да безъ единаго,
— А тогда я съѣзжу ко безбожному царю ко Калину,
— Въ рать его силу да великую.
— А й тогда да я попробую,
— А я да отвѣдаю,
— А врядъ больше пріѣде онъ
— А й ко славному ко городу ко Кіеву. —
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской

Приказалъ онъ какъ насыпать перву телѣгу да ордынскую
А й какъ красного золота,
А й какъ другу телѣгу чистаго серебра,
А й какъ третьюю телѣгу мелкаго крупнаго скатнаго да жемчугу;
А й покатили русейскіи посланники
А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра
Ко безбожному царю топерь да ко Калину,
А й просили строку топерь да на три мѣсяца.
Говорилъ какъ безбожный Калинъ царь:
«Ай же вы русейскіе вы посланники
«А отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра!
«А хошь возьму я ваши подарочки дороги,
«А какъ дамъ я строку вамъ на три мѣсяца,
«А чтобы да въ три мѣсяца,
«Чтобы было все исполнено
«По моему да приказаньицу:
«А всѣ улушки роспаханы,
«А со всѣхъ церквей чудны кресты снятые,
«Въ церквахъ сдѣланы стойлы лошадиные.
«А умыты полаты бѣлокаменны.»
А воротились взадъ какъ русейскіи посланники,
А сказали солнышку князю таковы слова
И розсказали какъ да приказано.
А й какъ тутъ-то старой казакъ Илья Муромецъ
А й какъ всё ёнъ то же повыслухалъ,
А какъ скоро шолъ ёнъ, садился на добра коня,
А какъ скоро поѣхалъ ёнъ да въ чисто поле,
А какъ сбиратъ-то онъ своей дружины да хоробрыей;
А какъ вѣдь топеречку послѣ этого
А й промедлилось времечки три мѣсяца,
Не видать какъ старого казака Ильи Муромца да изъ чиста поля.
А й какъ солнышко князь опять да не веселъ сталъ,
А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ видно какъ пришло тое времечко да великое,
— А й какъ топерь пришло да отдать въ полонъ
— А какъ славный городъ намъ Кіев-отъ;
— А какъ всѣмъ князьямъ да боярамъ вѣдь
— А й какъ быть да порозъѣхаться,
— А й какъ всѣмъ полянницамъ удалымъ,
— А й русейскимъ сильнімъ могучимъ богатырямъ
— А намъ пришло съ тобой какъ на убѣгъ бѣжать.
— А какъ видно на кого была надѣя великая,
— А й на стараго казака да Илью Муромца,
— А й у того топерь да уѣхано
— А въ далечо далечо да въ чисто поле,
— А й не будетъ ёнъ изъ чиста поля. —
А й какъ тутъ ёна говоритъ ему таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Забери остатнее столованье да почестенъ пиръ,
«А й забери-тко ты топерь всѣхъ князей бояръ,
«Всѣхъ сенаторовъ да думныхъ,
«А й какъ всѣхъ вельможъ, купцей богатыихъ,
«Всѣхъ полянницъ да ты удалыхъ,
«А русейскихъ сильныхъ могучихъ богатырей.
«А какъ пусть-ко вѣдь со честна пира порозойдутся,
«Со честнаго пиру порозъѣдутся.»
А й какъ забиралъ онъ остатнее столованье да почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ пріѣзжали князи бояра вѣдь,
Сенаторы да думные,
А й вельможи, купци всѣ богатые,
Полянници удалые,
А русейски сильни могучи богатыри
А й ко солнышку князю Владиміру на почестенъ пиръ;
А й какъ вѣдь набрались полны полаты бѣлокаменны
Все удалыхъ добрыхъ молодцовъ.
А й какъ вѣдь да садилисе
А й за ты столы за дубовыи княженецкіе,
А за ты за ѣствы сахарніе,
А за ты за напитки за медвяныи.
А какъ болѣ сидятъ оны,
Никто не пьетъ да не кушаетъ,
А у всѣхъ повѣшены да буйны головы
А й какъ ниже плечъ своихъ могучіихъ,
Притуплены очушки ясныи,
Очушки ясныи во кирпичной полъ.
А тутъ еще какъ съ мѣста середняго
А еще ставалъ удалый добрый молодецъ,
А ставалъ какъ вѣдь молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
А ставалъ какъ молодой Ермакъ да на рѣзвы ноги,
А говорилъ молодой Ермакъ да таковы слова:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь стольнекіевской!
— А спусти-тко меня да ты въ чисто поле.
— А й какъ съѣзжу я да сыщу топерь
— А какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всей я съ дружиной со хороброю. —
А й какъ ёнъ говорилъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,

«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молодéцъ молодёшенокъ,
«А й какъ ты молодéцъ да лѣтъ двѣнадцати,
«Не бывать тебѣ да въ чистóмъ поли,
«Не видать те стараго казака да Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знатъ куда у его топерь уѣхано,
«А какъ може уѣхано
«Край свѣтушка край бѣлаго.»
А какъ наливалъ ему чару онъ да зелена́ вина,
Зелена вина чара мѣрой полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда,
А й подавалъ ему единóй рукой,
Принималъ какъ онъ да единóй рукой,
Выпивалъ онъ какъ да единымъ здухомъ.
Онъ опять онъ давается ѣхати въ чистó поле:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да столь-не-кіевской!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я какъ стараго казака да Илью Муромца
— А со всей съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ ёнъ да говорилъ ему:
«Ай же ты молодой Ермакъ,
«Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ!
«А й какъ ты молодéцъ молодёшенокъ,
«Молодéцъ ты лѣтъ да двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чистóмъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь промедлилось времечки ровно да три мѣсяца,
«А й какъ може въ три мѣсяца
«А уѣхано край свѣтушка край бѣлаго.»
Наливалъ ему какъ вторую-ту чару зелена́ вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да единóй рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ здухомъ.
А й опять онъ давается ѣхать во чистó полё:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А спусти меня да въ чистó полё,
— А съѣзжу сыщу я стараго казака да Илью Муромца
— А со всей я съ дружиной съ хороброю. —
А й какъ тутъ говорилъ ему солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты молодой Ермакъ,

»Молодой Ермакъ сынъ Тимофеевичъ!
«А й какъ ты молодéцъ да молодёшенокъ,
«Ты какъ молодéцъ да лѣтъ двѣнадцати,
«А й не бывать тебѣ да въ чистóмъ поли,
«Не видать те стараго казака Ильи Муромца.
«Вѣдь какъ промедлилось времечки да три мѣсяца,
«А въ три мѣсяца Богъ знатъ куда у его уѣхано,
«А й какъ може уѣхано край свѣтушку край бѣлаго.»
А й наливалъ ему третью да чару зелена́ вина,
А й какъ мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ какъ чара ровно полтора пуда.
А й подавалъ-то ему солнышко князь да единóй рукой,
Принималъ какъ молодой Ермакъ да единóй рукой,
Выпивалъ какъ молодой Ермакъ да единымъ здухомъ.
А й потомъ какъ онъ ставалъ да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ тутъ скакалъ черезъ ты столы ёнъ дубовые,
Черезъ ты ѣствы́ сахáрніе,
А черезъ ты напитки да медвяные,
А й какъ столько едва да рóзобралъ
А на стопочки приправу свою да богатырскую,
А й какъ онъ приправу вѣдь да богатырскую.
А й бѣжалъ потомъ онъ на шúрокъ дворъ,
А й садился ёнъ на своего на добрá коня,
А й поѣхалъ онъ съ того ли двора да княженецкаго.
А тутъ какъ топеречко солнышко Владиміръ князь
А й не знатъ какъ куда уѣхалъ молодой Ермакъ:
А искать ли онъ да стараго казака Ильи Муромца,
Али онъ уѣхалъ въ поля да во Елúсина?
А онъ прямо ѣхалъ въ ты поля во Елúсина,
А й поѣхалъ ко матушкѣ да Елисей-рѣки.
А й какъ онъ увидѣлъ на тыхъ поляхъ на Елисинахъ,
А стоитъ-то ужъ силушки какъ на чистóмъ поли,
А какъ мелкаго лѣсу шумячего,
А й не видно ни краю да ни берега,
А й какъ знамéньёвъ на чистóмъ поли
Какъ сухого лѣсу жарóваго.
А й какъ тутъ ли самъ пороздумался:
А хошь много силы на чистóмъ поли,
А й какъ столько могу я розбить на своёмъ да на добрóмъ конѣ,
А не захватить меня во рать во силы великіей
А поганымъ воинамъ,
А й потому что у мня подо мной да конь крылатый.
А й столько хоче спуститься на рать на силу великую,

А й какъ шумъ зашумѣлъ изъ чиста́ поля,
А какъ онъ посмотритъ вѣдь на чисто́ полё,
А какъ ажно ѣде старо́й казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й со всёй онъ съ дружиной съ хороброю.
А й какъ тутъ ужъ какъ съѣхалось
А й какъ тридцать молодцовъ да со единымъ,
А й какъ тридцать сильныхъ русейскихъ бога́тырей:
А й какъ тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
А й говоритъ своей дружины да хоробрыей:
— Ай же вы пятнадцать молодцовъ да вы удалыихъ!
— А й поѣзжайте-тко о матушку Елисей-рѣку,
— А й не упущайте-ко силы за матушку Елисей-рѣку,
— А й какъ другіе поѣзжайте-тко на чисто́ полё,
— Становитесь-ко ра́тёй силой великою,
— А не упущайте-ко силушки да на чисто́ полё,
— Съ краю рубите до единаго. —
А й какъ тутъ право́й рукой да поѣхалъ старо́й казакъ,
А й старо́й-то казакъ да Илья Муромецъ:
А й лѣвой рукой какъ поѣхалъ да молодой Ермакъ,
Молодой Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ;
А й какъ начали рубить да силушку на чисто́мъ поли,
А й какъ начали прижимать со всѣхъ да со сторонушокъ, —
А какъ не промедлилось времечки ровно до шести часовъ,
А той порой до тымъ времечкомъ
А й какъ силу присѣкли до единаго.
А й какъ тутъ молодой Ермакъ какъ розъѣхался
Ко безбожному царю ёнъ ко Калину,
Изымалъ царя Калина за желты́ кудри,
А й какъ самъ сказалъ ему таковы слова:
«А й какъ вотъ тебѣ, безбожный Калинъ царь,
«Вотъ тебѣ улушки роспаханы,
«Со тыхъ Божьихъ церквей чудны́ кресты сняты вѣдь,
«А й какъ вотъ во церквахъ сдѣланы стойлы лошадиныи,
«Вотъ те умыты да вѣдь полаты бѣлокаменны!
«Нѣтъ, не приписывай ерлуковъ скорописчатыхъ
«А й ко нашему солнышку князю Владиміру,
«А й съ угрозамы со великима!»
А й здынулъ его выше буйныя головушки,
А спустилъ какъ о матушку да о сыру́ землю.
А й какъ тутъ у царя какъ у Калина
А й на ёмъ да кожа лопнула,
А й какъ тутъ царь Калину славы́ поютъ.
А й какъ тутъ удалыи добры мо́лодцы
А й садилисе на добры́хъ коней
А й отправились во славныи какъ во стольніи
А й во городъ во Кіёв-отъ
А й ко солнышку князю Владиміру,
А й пріѣхали, какъ сказали вѣдь,
Что убитъ безбожный Калинъ царь,
А со всёю со рать силой великою, —
А й какъ тутъ солнышко какъ Владиміръ князь
А й на радости на великіей
А й какъ тутъ для уда́лыхъ для мо́лодцовъ
Забиралъ столованье почестенъ пиръ;
А й какъ начали пить, кушать вѣдь, добромъ прокладаются,
А й какъ надъ собой незгоды болѣ не нача́ются.
А й какъ публиковалъ указъ онъ строгіи
А й по городу по Кіеву,
Розотворилъ какъ онъ всѣ кабаки конторы онъ,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зелено́ вино;
Кто не пье зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяныя;
А кто не пьетъ пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ меды стоялые, —
Чтобы всѣ да веселилисе.
А топерь да посли этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.
А й Дунай, Дунай,
Болѣ вѣкъ не знай.

Записано на Сумозерѣ, 2 августа.

—

70.

САДКО.

А какъ вѣдь во славноёмъ въ Новѣ́-гради,
А й какъ былъ Садке́ да гусельщик-отъ,
А й какъ не было много несчотной золотой казны,
А й какъ только ёнъ ходилъ по честны́мъ пирамъ,
Спотѣшалъ какъ онъ да купцей, бояръ,
Веселилъ какъ онъ ихъ на́ честны́хъ пирахъ.
А й какъ тутъ на́дъ Садкомъ топерь да случилосе,
Не зовутъ Садка́ ужъ цѣлый день да на почестенъ пиръ,
А й не зовутъ какъ другой день на почестенъ пиръ,
А й какъ третій день не зовутъ да на почестенъ пиръ.
А й какъ Садку́ топерь да соскучилось,

А й пошолъ Садке́ да ко Ильме́нь онъ ко озеру,
А й садился онъ на синь на горючъ камень,
А й какъ началъ играть онъ во гусли во яровчаты,
А игралъ съ утра какъ день топерь до вечера.
А й по вечеру́ какъ по поздному
А й волна ужъ въ озере́ какъ сходиласе,
А какъ вѣдь вода съ пескомъ топерь смутиласе,
А й устрашился Садке́ топеречку да сидѣти онъ,
Одолѣлъ какъ Садка страхъ топерь великiй,
А й пошолъ вонъ Садке́ да отъ озера,
А й пошолъ Садке́ какъ во Но́въ-городъ.
А опять какъ прошла топерь тёмна ночь,
А й опять какъ на дру́той день
Не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А другой-то да не зовутъ его на почестенъ пиръ,
А й какъ третiй-то день не зовутъ на почестенъ пиръ.
А й какъ опять Садку топерь да соскучилось,
А пошолъ Садкѐ ко Ильме́нь да онъ ко озеру,
А й садился онъ опять на синь да на горючъ камень
У Ильме́нь да онъ у озера.
А й какъ началъ играть онъ опять во гусли во яровчаты,
А игралъ ужъ какъ съ утра день до вечера.
А й какъ по вечеру опять какъ по поздному
А й волна ужъ какъ въ озери сходиласе,
А й какъ вода съ пескомъ топерь смутиласе,
А й устрашился опять Садкѐ да новгородскiи,
Одолѣлъ Садка ужъ какъ страхъ топерь великiи.
А какъ пошолъ опять какъ отъ Ильме́нь да отъ озера,
А какъ онъ пошолъ во свой да онъ во Но́въ-городъ.
А й какъ тутъ опять надъ нимъ да случилосе,
Не зовутъ Садка опять да на почестенъ пиръ.
А й какъ тутъ опять другой день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й какъ третiй день не зовутъ Садка да на почестенъ пиръ,
А й опять Садку топерь да соскучилось.
А й пошолъ Садкѐ ко Ильме́нь да ко озеру,
А й какъ онъ садился на синь горючъ камень да объ озеро,
А й какъ началъ играть во гусли во яровчаты,
А й какъ вѣдь опять игралъ онъ съ утра до вечера,
А волна ужъ какъ въ озери сходиласе,
А вода ли съ пескомъ да смутиласе;
А тутъ осмѣлился какъ Садке́ да новгородскiи
А сидѣть играть какъ онъ объ озеро.
А й какъ тутъ вышелъ Царь-Водяно́й топерь со озера,
А й какъ самъ говоритъ Царь Водяно́й да таковы слова:
«Благодаримъ-ка Садке́ да новгородскiи!
«А спотѣшилъ насъ топерь да ты во озери,
«А у мня было да какъ во озери,
«А й какъ у мня столованье да почестенъ пиръ,
«А й какъ всѣхъ розвеселилъ у мня да на честно́мъ пиру
«А й любезныихъ да гостей моихъ.
«А й какъ я не знаю топерь Садка тебя да чѣмъ пожаловать:
«А ступай, Садкѐ, топеря да во свой во Новъ-городъ,
«А й какъ завтра позовутъ тебя да на почестенъ пиръ,
«А й какъ будетъ у купца столованьё почестенъ пиръ,
«А й какъ много будетъ купцей на пиру много новгородскiихъ,
«А й какъ будутъ всѣ на пиру да напиватисе,
«Будутъ всѣ на пиру да наѣдатисе,
«А й какъ будутъ всѣ пофальбами теперь да пофалятисе,
«А й кто чимъ будетъ теперь да фастати,
«А й кто чимъ будетъ топерь да похвалятисе;
«А и́ной какъ будетъ фастати да несчётной золотой казной,
«А какъ и́ной будетъ фастать добры́мъ конемъ,
«Иной буде фастать силой удачей молодецкою,
«А и́ной буде фастать моло́дый молодечествомъ,
«А какъ умной разумной да буде фастати
«Старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
«А й безумный дуракъ да буде фастати
«А й своей онъ какъ молодой женой;
«А ты, Садко, да пофастай-ко:
««А я знаю, что во Ильме́нь да во озери
««А что есте рыба-то перья золоты вѣдь.»»
«А какъ будутъ купцы да богаты
«А съ тобой да будутъ спо́ровать,
«А что нѣту рыбы такою вѣдь,
«А что топерь да золоты вѣдь,
«А ты съ нима бей о залогъ топерь великiи,
«Залагай свою буйную да голову,
«А какъ съ нихъ выряжай топерь
«А какъ лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима да товарамы;
«А потомъ свяжите неводъ да ше́лковой,
«Прiѣзжайте вы ловить да во Ильме́нь во озеро,
«А закиньте три тонѝ во Ильме́нь да во озери,
«А я въ кажну тоню дамъ топерь по рыбины,
«Ужъ какъ перья золоты вѣдь.

«А й получишь лавки во ряду да во гостиноёмъ
«Съ дорогима вѣдь товарамы;
«А й потомъ будешь ты купецъ Садкé какъ новгородскіи,
«А купецъ будешь богатыи.»
А й пошолъ Садкѐ во свой да какъ во Новъ-городъ.
А й какъ вѣдь да на дрýгой день
А какъ пóзвали Садка да на почестенъ пиръ
А й къ купцю да богатому.
А й какъ тутъ да много сбиралосе
А й къ купцю да на почестенъ пиръ
А купцей какъ богатыихъ новгородскіихъ;
А й какъ всѣ топерь на пиру напивалиси,
А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
А й пофальбами всѣ пофалялисе.
А кто чѣмъ ужъ какъ теперь да фастаетъ,
А кто чѣмъ на пиру да похваляется;
А и́ной фастае какъ несчотной золотой казной,
А и́ной фастае да добры́мъ конёмъ,
А и́ной фастае силой удачей молодецкою;
А й какъ умной топерь ужъ какъ фастаетъ
А й старымъ батюшкомъ, старой матушкой,
А й безумной дуракъ ужъ какъ фастаетъ,
А й какъ фастае да какъ своей молодой женой;
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ да онъ не фастаетъ,
А сидитъ Садкѐ какъ ничимъ онъ не похваляется.
А й какъ тутъ сидятъ купци богатыи новгородскіи,
А й какъ говорятъ Садкý таковы слова:
— А что же, Садкѐ, сидишь, ничимъ же ты не фастаешь,
— Что ничимъ, Садкѐ, да ты не похваляешься?—
А й говоритъ Садкѐ таковы слова:
«Ай же вы купци богатые новгородскіе!
«А й какъ чимъ мнѣ Садку топерь фастати,
«А какъ чѣмъ-то Садку похвалятися?
«А нѣту у мня много несчотной золотой казны,
«А нѣту у мня какъ прекрасной молодой жены,
«А какъ мнѣ Садку только есть однымъ да мнѣ пофастати:
«Во Ильмень да какъ во озери
«А есте рыба какъ перья золотыи вѣдь.»
А й какъ тутъ купци богатыи новгородскіи
А й начали съ нимъ да оны спóровать,
Во Ильмень да что во озери
А нѣту рыбы такою что,
Чтобы были перья золотыи вѣдь.
А й какъ говорилъ Садкѐ новгородскіи:
«Дакъ заложу я свою буйную головушку,
«Болѣ заложить да ý мня нечего.»
А оны говоря: мы заложимъ въ ряду да во гостиноёмъ
Шесть купцей, шесть богатыихъ;
А залагали вѣдь какъ по лавочки,
Съ дорогима да съ товарамы.
А й тутъ посли этого
А связали неводъ шёлковой,
А й поѣхали ловить какъ въ Ильмéнь да какъ во озеро,
А й закидывали тоню во Ильмéнь да вѣдь во озери,
А рыбу ужъ какъ добыли перья золотыи вѣдь;
А й закинули дрýгу тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли другую рыбину перья золотыи вѣдь;
А й закинули третью тоню во Ильмень да вѣдь во озери,
А й какъ добыли ужъ какъ рыбинку перья золотыи вѣдь.
А топерь какъ купци да новгородскіи богатыи
А й какъ видятъ — дѣлать да нечего,
А й какъ вышло прáвильнё, какъ говорилъ Садкé да новгородскіи,
А й какъ отперлись ёны да отъ лавочокъ,
А въ ряду да во гостиноёмъ,
А й съ дорогима вѣдь съ товарамы.
А й какъ тутъ получилъ Садкѐ да новгородскіи
А й въ ряду во гостиноёмъ
А шесть ужъ какъ лавочокъ съ дорогима онъ товарамы,
А й записался Садкé въ купци да въ новгородскіи,
А й какъ сталъ топерь Садкé купецъ богатыи.
А какъ сталъ торговать Садкé да топеречку
Въ своёмъ да онъ во городи,
А й какъ сталъ ѣздить Садкé торговать да по всѣмъ мѣстамъ,
А й по прочимъ городамъ да онъ по дальніимъ,
А й какъ сталъ получать барыши да онъ великіе.
А й какъ тутъ да послѣ этого
А женился какъ Садкé купецъ новгородскіи богатыи.
А еще какъ Садкé послѣ этого
А й какъ выстроилъ онъ полаты бѣлокаменны,
А й какъ сдѣлалъ Садкѐ да въ своихъ онъ полатушкахъ,
А й какъ обдѣлалъ въ теремахъ все да по небесному:
А й какъ нá неби пекéтъ да красное ужъ солнышко,
Въ теремахъ у его пекéтъ да красно солнышко;
А й какъ нá неби свѣтитъ младъ да свѣтёлъ мѣсяцъ,
У ёгò въ теремахъ да младъ свѣтёлъ мѣсяцъ;

А й какъ на́ небп пекутъ да звѣзды частыи,
А у его въ теремахъ пекутъ да звѣзды частыи;
А й какъ всѣмъ изукрасилъ Садке́ свои полаты бѣлокаменны.
А й топерь какъ вѣдь послѣ этого
А й сбиралъ Садке́ столованьё да почестенъ пиръ.
А й какъ всѣхъ своихъ купцей богатыихъ новгородскіихъ,
А й какъ всѣхъ-то господъ онъ своихъ новгородскіихъ,
А й какъ онъ еще настоятелей своихъ да новгородскіихъ;
А й какъ были настоятели новгородскіе
А й Луна Зиновьевъ вѣдь да Ѳома да Назарьевъ вѣдь;
А еще какъ сбиралъ-то онъ всихъ мужиковъ новгородскіихъ,
А й какъ повелъ Садке́ столованьё почестенъ пиръ богатыи.
А топерь какъ всѣ у Садка на честно́мъ пиру,
А й какъ всѣ у Садка да напивалисе,
А й какъ всѣ у Садка топерь да наѣдалисе,
А й похвальбами́-то всѣ да пофалялисе.
А й кто чимъ на пиру ужъ какъ фастаетъ,
А й кто чѣмъ на пиру похваляется;
А и́ной какъ фастае несчотной золотой казной,
А и́ной фастае какъ добры́мъ конёмъ,
А и́ной фаста силой могучою богатырскою,
А и́ной фастае славнымъ отечествомъ,
А и́ной фастатъ молодымъ да молодечествомъ;
А какъ умной разумной какъ фастаетъ
Старымъ батюшкомъ да старой матушкой,
А й безумный дуракъ ужъ какъ фастаетъ
А й своей да молодой женой.
А й какъ вѣдь Садке́ по полатушкамъ онъ похаживатъ,
А й Садке́ ли-то самъ да выговариватъ:
«Ай же вы купци новгородскіе вы богатые,
«Ай же всѣ господа новгородскіе,
«Ай же всѣ настоятели новгородскіе,
«Мужики какъ вы да новгородскіе!
«А у меня какъ вси вы на честно́мъ пиру
«А вси вы у мня какъ пьяны веселы,
«А какъ вси на пиру напивалисе,
«А й какъ всѣ на пиру да наѣдалисе,
«А й похвальбами всѣ вы похвалялисе.
«А й кто чимъ у васъ топерь хвастае:
«А и́ной хвастае какъ былицею,
«А и́ной фастае у васъ да небылицею.
«А какъ чѣмъ буде мнѣ Садку́ топерь пофастати?
«А й у мня у Садка́ новгородскаго
«А золота казна у мня топерь не то́щится,
«А цвѣтное платьице у мня топерь не дёржится,
«А й дружинушка хоробрая не измѣняется;
«А столько мнѣ Садку буде́ пофастати
«А й своей мнѣ несчётной золотой казной:
«А й на свою я несчётну золоту казну
«А й повыкуплю я какъ всѣ товары новгородскіе,
«А какъ всѣ худы товары я добрые,
«А что не буде болѣ товаровъ въ продажѣ во городи.»
А й какъ ставали тутъ настоятели вѣдь новгородскіе,
А й Ѳома да Назарьевъ вѣдь,
А Лука да Зиновьевъ вѣдь,
А й какъ тутъ ставали да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ говорили самы́ вѣдь да таковы слова:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскіи!
— А о чомъ ли о многомъ бьешь съ намы о великъ закладъ,
— Ежели выкупишь товары новгородскіе,
— А й худы товары всѣ добрыи,
— Чтобы не было въ продажѣ товаровъ да во городи? —
А й говорилъ Садке имъ намѣсто таковы слова:
«Ай же вы настоятели новгородскіе!
«А сколько угодно у мня фатитъ заложить безсчётной золотой казны.»
А й говоря настоятели намѣсто новгородскіе:
— Ай же ты Садке да новгородскіи!
— А хошь ударь съ намы ты о тридцати о тысячахъ. —
А ударилъ Садке́ о тридцати да вѣдь о тысячахъ.
А й какъ всѣ со честного пи́ру розъѣзжалисе,
А й какъ всѣ со честнаго пи́ру розбиралисе
А й какъ по своимъ домамъ по своимъ мѣстамъ;
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ на другой день вставалъ по утру да по раному,
А й какъ вѣдь будилъ онъ свою вѣдь дружинушку хоробрую,
А й давалъ какъ онъ да дружинушки
А й какъ до́люби онъ безсчётныи золоты́ казны;
А какъ спущалъ онъ по улицамъ торговымъ,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиной рядъ,
А й какъ тутъ повыкупилъ онъ товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й ставалъ какъ на дру́гой день
Садке́ купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ онъ будилъ дружинушку хоробрую,

А й давалъ ужъ какъ до́люби безсчётныи золоты́ казны,
А й какъ самъ прямо шолъ во гостиный рядъ,—
А й какъ тутъ много товаровъ принавезено,
А й какъ много товаровъ принаполнено
А й на ту на славу великую новгородскую;
Онъ повыкупилъ еще товары новгородскіе,
А й худы товары всѣ добрые.
А й на третій день ставалъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
А й будилъ какъ онъ да дружинушку хоробрую,
А й давалъ ужъ какъ до́люби дружинушки
А й какъ много несчётной золотой казны,
А й какъ роспущалъ онъ дружинушку по улицамъ торговымъ,
А й какъ самъ онъ прямо шолъ да во гостиный рядъ, —
А й какъ тутъ на славу великую новгородскую
А й подоспѣли какъ товары вѣдь московскіе,
А й какъ тутъ принаполнился какъ гостиной рядъ
А й дорогима товарамы вѣдь московскима.
А й какъ тутъ Садке топерь да пороздумался:
«А й какъ я повыкуплю еще товары всѣ московскіе, —
«А й на тую на славу великую новгородскую
«А й подоспѣютъ вѣдь какъ товары заморскіе,
«А й какъ вѣдь топерь ужъ какъ мнѣ Садку
«А й не выкупить какъ товаровъ вѣдь
«Со всёго да со бѣла́ свѣту.
«А й какъ лучше пусть не я да богатѣе,
«А Садкѐ купецъ да новгородскіій,
«А й какъ пусть побога́тѣе меня славный Новъгородъ,
«Что не могъ не я да повыкупить
«А й товаровъ новгородскіихъ,
«Чтобы не было продажи да во городи;
«А лучше отдамъ я денежокъ тридцать тысячей,
«Залогъ свой великіій!»
А отдавалъ ужъ какъ денежокъ тридцать тысячей,
Отпирался отъ залогу да великаго.
А потомъ какъ построилъ тридцать ка́раблей,
Тридцать ка́раблей, тридцать че́рныихъ,
А й какъ вѣдь свалилъ онъ товары новгородскіе
А й на черныи на карабли,
А й поѣхалъ торговать купецъ богатый новгородскіій
А й какъ на своихъ на черныхъ на ка́рабляхъ.
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
А й со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплывалъ да во Неву рѣку,
А й какъ со Невы́ рѣки какъ выѣхалъ на синѐ морё.
А й какъ ѣхалъ онъ по синю́ морю,
А й какъ тутъ воротилъ онъ въ Золоту Орду.
А й какъ тамъ продавалъ онъ товары да вѣдь новгородскіе,
А й получалъ онъ барыши топерь великіе,
А й какъ насы́палъ онъ бочки вѣдь сороко́вки-ты
А й какъ краснаго золота;
А й насыпалъ онъ много бочекъ да чистаго се́ребра,
А еще насыпа́лъ онъ много бочекъ мелкаго онъ крупнаго скатнаго жемчугу.
А какъ потомъ поѣхалъ онъ зъ-за Золотой Орды,
А й какъ выѣхалъ топеречку опять да на синѐ морё,
А й какъ на синемъ морѣ устоялисе да черны ка́рабли,
А й какъ волной-то бьетъ и паруса-то рветъ,
А й какъ ломатъ черны ка́рабли, —
А все съ мѣста не йдутъ черны ка́рабли.
А й воспрого́ворилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А й ко своей онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ сколько ни по морю ѣздили,
«А мы Морскому Царю дани да не плачивали.
«А топерь-то дани требуетъ Морской-то Царь въ синѐ морё.»
А й тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синѐ морё
«А й какъ бочку сороковку краснаго золота.»
А й какъ тутъ дружина да хоробрая
А й какъ брали бочку сороковку краснаго золота,
А мёта́ли бочку въ синѐ морё.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й ломатъ черны ка́рабли да на синѐмъ мори,—
Всё не йдутъ съ мѣста ка́рабли да на синѐмъ мори.
А й опять воспрого́ворилъ Садке купецъ богатый новгородскіій
А й своей какъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружинушка моя ты хоробрая!
«А видно мало этой дани Царю Морскому въ синѐ морё.
«А й возьмите-тко вы мечи-тко въ синѐ морё
«А й какъ другую вѣдь бочку чистаго се́ребра.»
А й какъ тутъ дружинушка хоробрая
А кидали какъ дру́гую бочку въ синѐ морё
А какъ чистаго да се́ребра.
А й какъ все волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,

А й ломатъ черны ка́рабли да на синёмъ мори,—
А все не йдутъ съ мѣста ка́рабли да на синёмъ мори.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А й какъ своёй онъ дружинушки хоробрыи:
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А видно этой мало какъ дани въ синё морё.
«А берите-тко третью бочку да крупнаго мелкаго скатняго жемчугу,
«А кидайте-тко бочку въ синё морё.»
А какъ тутъ дружина хоробрая
А й какъ брали бочку крупнаго мелкаго скатняго жемчугу,
А кидали бочку въ синё морё.
А й какъ все на синёмъ мори стоятъ да черны ка́рабли,
А волной-то бьетъ, паруса-то рветъ,
А й какъ все ломатъ черны ка́рабли, —
А й все съ мѣста не йдутъ да черны ка́рабли.
А й какъ тутъ говорилъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А своёй какъ дружинушки онъ хоробрыи:
«Ай же ты любезная какъ дружинушка да хоробрая!
«А видно Морской-то Царь требуе какъ живой головы у насъ въ синё морё.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й возьмите-тко ужъ какъ дѣлайте
«А й да жéребья да себѣ вóлжаны,
«А й какъ всякъ свои и́мена вы пишите на жéребьи,
«А спущайте жеребья на синё морё;
«А я сдѣлаю себѣ-то я жеребей на красное-то на золото *).
«А й какъ спустимъ жеребья топерь мы на синё морё,
«А й какъ чей у насъ жеребей топерь да ко дну пойдетъ,
«А тому итти какъ у насъ да въ синё морё.»
А у всёй какъ у дружины хоробрыи
А й жеребья топерь гоголёмъ пловутъ,
А й у Садка купца гостя богатаго да ключомъ на дно.
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й какъ эты жéребьи есть неправильни;
«А й вы сдѣлайте жеребьи какъ на красное да золото,
«А я сдѣлаю жеребей да дубовыи.

*) т. е., какъ объяснилъ сказитель, съ золотою надписью.

«А й какъ вы пишите всякъ свои и́мена да на жéребьи,
«А й спущайте-тко жеребьи на синё морё.
«А й какъ чей у насъ жéребей да ко дну пойдетъ,
«А тому какъ у насъ итти да въ синё морё.»
А й какъ вся тутъ дружинушка хоробрая
А й спущали жеребья́ на синё морё,
А й у всёй какъ у дружинушки хоробрыи
А й какъ всѣ жеребья́ какъ топерь да гоголёмъ пловутъ,
А Садковъ какъ жéребей да топерь ключомъ на дно.
А й опять говорилъ Садке да таковы слова:
«А какъ эты жеребьи есть неправильни.
«Ай же ты дружина хоробрая!
«А й какъ дѣлайте вы какъ жеребьи дубовыи,
«А й какъ сдѣлаю я жеребей липовой,
«А какъ будемъ писать мы и́мена всѣ на жеребьи,
«А спущать ужъ какъ будемъ жеребья́ мы на синё морё,
«А топерь какъ въ остатніихъ *)
«Какъ чей топерь жеребей ко дну пойдетъ,
«А й тому какъ итти у насъ да въ синё морё.»
А й какъ тутъ вся дружина хоробрая
А й какъ дѣлали жеребьи всѣ дубовые,
А онъ дѣлалъ ужъ какъ жеребей себѣ липовой.
А й какъ всякъ свои и́мена да писали на жеребьи,
А й спущали жеребья́ на синё морё.
А у всёй дружинушки вѣдь хоробрыей
А й жеребья́ топерь гоголёмъ плывутъ да на синёмъ мори,
А й у Садка купца богатаго новгородскаго ключомъ на дно.
А какъ тутъ говорилъ Садкѐ таковы слова:
«А й какъ видно Садку да дѣлать топерь нечего,
«А й самого Садка требуетъ Царь Морской да въ синё морё.
«Ай же ты дружинушка моя да хоробрая любезная!
«А й возьмите-тко вы несите-тко
«А й мою какъ чернильницу вы вальячную,
«А й неси-тко какъ перо лебединоё,
«А й несите-тко вы бумаги топерь вы мнѣ гербовыи.»
А й какъ тутъ какъ дружинушка вѣдь хоробрая
А несли ему какъ чернильницу да вальячную,
А й несли какъ перо лебединоё,
А й несли какъ листъ-бумагу какъ гербовую.
А й какъ тутъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А садился ёнъ на ременчатъ стулъ
А къ тому онъ къ столику ко дубовому,

*) т. е. въ послѣдній разъ.

А й какъ началъ онъ имѣньица своего да онъ отписывать,
А какъ отписывалъ онъ имѣнья по Божьимъ церквамъ,
А й какъ много отписывалъ онъ имѣнья нищей братіи,
А какъ ино имѣньицо онъ отписывалъ да молодой жены,
А й достальнёё имѣнье отписывалъ дружины онъ хоробрыей.
А й какъ самъ потомъ заплакалъ ёнъ,
Говорилъ ёнъ какъ дружинушкѣ хоробрыей:
«Ай же ты дружина хоробрая да любезная!
«А й полагайте вы доску дубовую на синё морё,
«А что мнѣ свалиться Садку мнѣ-ка на доску,
«А не то какъ страшно мнѣ принять смерть во синёмъ мори.»
А й какъ тутъ онъ еще взималъ съ собой свои гусёлка яровчаты,
А й заплакалъ горько, прощался ёнъ съ дружинушкой хороброю,
А й прощался ёнъ топеречку со всимъ да со бѣлымъ свѣтомъ,
А й какъ онъ топеречку какъ прощался вѣдь
А со своимъ онъ со Новымъ со городомъ;
А потомъ свалился па доску онъ на дубовую,
А й понесло какъ Садка на доски да по синю морю.
А й какъ тутъ побѣжали черны-ты карабли,
А й какъ будто полетѣли черны вороны;
А й какъ тутъ остался топеръ Садкѐ да на синёмъ мори.
А й какъ вѣдь со страху великаго
А заснулъ Садке на той доскѣ на дубовыи.
А какъ вѣдь проснулся Садке купецъ богатыи новгородскіій
А й въ Окіянъ-мори да на самомъ дни,
А увидѣлъ — скрозь воду пекетъ красно солнушко,
А какъ вѣдь очудилась *(такъ)* возлѣ полата бѣлокаменна,
А заходилъ какъ онъ въ полату бѣлокаменну,
А й сидитъ топеръ какъ во полатушкахъ
А й какъ Царь-то Морской топеръ на стули вѣдь,
А й говорилъ Царь-то Морской таковы слова:
— А й какъ здравствуйте купецъ богатыи,
— Садке да новгородскіій!
— А й какъ сколько ни по морю ѣздилъ ты,
— А й какъ Морскому Царю дани не плачивалъ въ синё морё,
— А й топеръ ужъ самъ весь пришолъ ко мнѣ да во подарс
— Ахъ скажутъ, ты мастёръ играть во гусли во яровчаты:
— А поиграй-ко мнѣ какъ въ гусли во яровчаты.—
А какъ тутъ Садкѐ видитъ, въ синемъ морѣ дѣлать нечего,
Принужонъ онъ играть какъ во гусли во яровчаты;
А й какъ началъ играть Садкѐ какъ во гусли во яровчаты,
А какъ началъ плясать Царь Морской топеръ въ синёмъ мори,
А отъ него сколебалосе все синё морё
А сходиласе волна да на синёмъ мори,
А й какъ сталъ онъ розбивать много черныхъ карабле́й да на синёмъ мори,
А й какъ много стало вѣдь тонуть народу да въ синё морё,
А й какъ много стало гинуть имѣньица да въ синё морё.
А какъ топеръ на синёмъ мори многи люди добры,
А й какъ многи вѣдь да люди православные,
Отъ желаньица какъ молятся Миколы да Можайскому,
А й чтобы повынесъ Микулай ихъ угодникъ изъ синя́ моря.
А какъ тутъ Садка новгородскаго какъ чёсну́ло въ плечо да во правое,
А й какъ обернулся назадъ Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,—
А стоитъ какъ топеръ старичокъ да назади ужъ какъ бѣлыи сѣдаты,
А й какъ говорилъ да старичокъ таковы слова:
«А й какъ полно те играть, Садкѐ, во гусли во яровчаты въ синёмъ мори»
А й говоритъ Садке какъ намѣсто таковы слова:
— А й топеръ у мня не своя воля да въ синёмъ мори,
— Заставлятъ какъ играть меня Царь Морской.—
А й говорилъ опять старичокъ намѣсто таковы слова:
«А й какъ ты, Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
«А й какъ ты струночки повырви-ко,
«Какъ шпинёчики повыломай,
«А й какъ ты скажи топеръ Царю Морскому вѣдь:
«А й у мня струнъ не случилосе,
«Шпинёчиковъ у мня не пригодилосе,
«А й какъ болѣ играть у мня не во что.
«А тебѣ скаже какъ Царь Морской:
«А й не угодно ли тебѣ Садкѐ женитися въ синёмъ мори
«А й на душечкѣ какъ на красной на дѣвушкѣ?
«А ты скажи ему топеръ да въ синёмъ мори,

«А й скажи: Царь Морской, какъ воля твоя топерь въ синёмъ мори,
«А й какъ что ты знашь, то и дѣлай-ко.
«А й какъ онъ скажетъ тебѣ да топеречку:
«А й зáутра ты приготовляйся-тко,
«А й Садке купецъ богатый новгородскіій,
«А й выбирай, какъ скажетъ, ты дѣвицу себѣ пó уму по разуму,
«Такъ ты смотри, перво тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А ты другое тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А какъ третье тристá дѣвицъ ты стадо прóпусти,
«А въ томъ стади на конци на остатніемъ
«А й идетъ какъ дѣвица красавица,
«А по фамиліи какъ Чернава-то:
«Такъ ты эту Чернаву-то бери въ замужество;
«А й тогда ты Садке да счастливъ будешь.
«А й какъ лягешь спать первой ночи вѣдь,
«А смотри, не твори блудá никакого-то
«Съ той дѣвицей со Чернавою.
«Какъ проснешься тутъ ты въ синёмъ мори,
«Такъ будешь въ Новѣ градѣ на крутомъ кряжу,
«А о ту о риченку о Чернаву-ту.
«А ежели сотворишь какъ блудъ ты въ синёмъ мори,
«Такъ ты останешься на вѣки да въ синёмъ мори.
«А когда ты будешь вѣдь на святой Руси,
«Да во своёмъ да ты да во городи,
«А й тогда построй ты церковь соборную
«Да Николы да Можайскому,
«А й какъ есть я Микола Можайскіій.»
А какъ тутъ потерялся топерь старичокъ да сѣдатыій.
А й какъ тутъ Садке купецъ богатый новгородскій въ синёмъ мори
А й какъ струночки онъ повы́рывалъ,
Шпинёчики у гусёлышекъ повыломалъ,
А не сталъ вѣдь онъ болѣ играти во гусли во яровчаты.
А й остоялся какъ Царь Морской,
Не сталъ плясать онъ топерь въ синёмъ мори.
А й какъ самъ говорилъ ужъ Царь таковы слова:
— А что же не играшь, Садке купецъ богатый новгородскіій,
— А й во гусли вѣдь да во яровчаты? —
А й говорилъ Садке таковы слова:
«А й топерь струночки какъ я повы́рывалъ,
«Шпинёчики я повыломалъ,
«А у меня болѣ съ собой ничего да не случилосе.»
А й какъ говорилъ Царь Морской:
— Не угодно ли тебѣ женитися, Садке, въ синёмъ мори,
— А й какъ вѣдь на душечкѣ на красной да на дѣвушкѣ? —
А й какъ онъ намѣсто вѣдь говорилъ ему:
«А й топерь какъ волюшка твоя надо мной въ синёмъ мори.»
А й какъ тутъ говорилъ ужъ Царь Морской:
— Ай же ты Садке купецъ богатый новгородскіій!
— А й зáутра выбирай себѣ дѣвицу да красавицу
— По уму себѣ да по разуму. —
А й какъ дошло дѣло до утра вѣдь до раннаго,
А й какъ сталъ Садке купецъ богатый новгородскіій,
А й какъ пошолъ выбирать себѣ дѣвици красавици,
А й посмотритъ, стоитъ ужъ какъ Царь Морской.
А й какъ тристá дѣвицъ повели мимо ихъ-то вѣдь,
А онъ-то перво тристá дѣвицъ да стадо прóпустилъ,
А друго онъ тристá дѣвицъ да стадо прóпустилъ,
А й третье онъ тристá дѣвицъ да стадо прóпустилъ.
А посмотритъ, позади идетъ дѣвица красавица,
А й по фамиліи что какъ зовутъ Чернавою.
А онъ ту Чернаву любовалъ, бралъ за себя во замужество.
А й какъ тутъ говорилъ Царь Морской таковы слова:
— А й какъ ты умѣлъ да женитися, Садке, въ синёмъ мори. —
А топерь какъ пошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ въ синёмъ мори,
А й какъ тутъ прошло у нихъ столованье да почестенъ пиръ,
А какъ тутъ ложился спать Садкѐ купецъ богатый новгородскіій
А въ синёмъ мори онъ съ дѣвицею съ красавицей,
А во спальней онъ да во тёплоей;
А й не творилъ съ нёй блудá никакова, да заснулъ въ сонъ во крѣпкій.
А й какъ онъ проснулся Садкѐ купецъ богатый новгородскіій,
Ажно очудился Садкѐ во своёмъ да во городи,
О рѣку о Чернаву на крутóмъ кряжу.
А й какъ тутъ увидѣлъ, — бѣжатъ по Волхову
А свои да черныи да кáрабли,
А какъ вѣдь дружинушка какъ хоробрая
А поминаютъ вѣдь Садка въ синёмъ мори,
А й Садка купца богатаго да жена его
А поминатъ Садка со всей дружиною хороброю.
А какъ тутъ увидла дружинушка,

Что стоитъ Садкѐ на крутомъ кряжу да о Волхово,
А й какъ тутъ дружинушка вся она росчудоваласе,
А й какъ тому чуду вѣдь сдивовалаасе,
Что оставили мы Садка да на синёмъ мори,
А Садкѐ впереди насъ да во своемъ во городи.
А й какъ встрѣтилъ вѣдь Садкѐ дружинушку хоробрую,
Вси черные тутъ ка́рабли,
А какъ топерь поздоровкались,
Пошли во полаты Садка купца богатаго.
А какъ онъ топеречку здоровкался со своею съ молодой женой.
А й топерь какъ онъ послѣ этого
А й повыгрузилъ онъ со ка́раблей
А какъ всё своё да онъ имѣньицо,
А й повыкатилъ какъ ёнъ всю свою да несчётну золоту казну.
А й топерь какъ на свою онъ несчетну золоту казну
А й какъ сдѣлалъ церковь соборную
Николы да Можайскому,
А й какъ другую церковь сдѣлалъ Пресвятыи Богородицы.
А й топерь какъ вѣдь да послѣ этого
А й какъ началъ Господу Богу онъ да молитися,
А й о своихъ грѣхахъ да онъ прощатися;
А какъ болѣ не сталъ выѣзжать да на синѐ морё,
А й какъ сталъ проживать во своёмъ да онъ во городи.
А й топерь какъ вѣдь да послѣ этого
А й тому да всему да славы́ поютъ.

Записано тамъ же, 1 августа.

—

71.

НАѢЗДЪ ЛИТОВЦЕВЪ.

А й какъ у Чемба́ла короля у литовскаго
А й какъ былъ столованье почестенъ пиръ,
А для своихъ какъ для па́новьёвъ для ула́новьёвъ,
А для бурзо́въ поганыихъ татаровьевъ.
А й какъ вси на пиру напивалисе,
А й какъ вси на пиру да наѣдалисе,
А й пофа́льбамы всѣ пофалялисе.
А й какъ вѣдь король по полатушкамъ какъ похаживатъ,
А й король какъ увидѣлъ за тыма́ столамы дубовыма,
А й увидѣлъ ёнъ, сидятъ два любезныихъ племянника,
А й не пьютъ да не кушаютъ,
Бѣлой лебеди да не рушаютъ,
А сидятъ, повѣшены буйныя головушки
А й пониже своихъ плечъ могучіихъ,
А й притуплены очушки ясныи въ кирпичной полъ,
Призадумались уда́лы добры мо́лодцы.
А говорилъ имъ какъ родитель свой ужъ какъ дядюшка,
А й Чембалъ король да литовскіій:
«Ай же вы два витничка два совѣтничка,
«А й два любезныихъ королевскіихъ да племянника!
«А й сидите за столамы дубовыма,
«А й какъ не пьете́ вы не ку́шаёте,
«Бѣлой лебеди вы не ру́шаёте,
«А й повѣсили буйны головы ниже плечъ своихъ могучіихъ,
«А й притупили какъ очушки ясныи во кирпичной полъ.
«А развѣ вамъ какъ напиточки мои не по нраву-то,
«А ѣствы мои не по обычаю,
«Али мужикъ деревенщина
«А обнесъ васъ словамы да нехоро́шима,
«Али вы каку ни незгодушку свѣдали
«А й надъ своёй да надъ буйной головушкой,
«Али вы какъ да въ чисто́мъ поли
«Аль заслышали рать-силу каку нибудь великую?»
А й оны говорятъ ему таковы слова:
— Ай же ты родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да ты литовскіій!
— Никакой вѣдь какъ мужикъ деревенщина
— Не обнесъ насъ словамы нехорошима,
— Никакой вѣдь мы незгодушки не свѣдали,
— А никакой рать-силы великіи да не наслышали
— А й какъ мы да въ чисто́мъ поли;
— А й какъ ѣствы намъ всѣ по нраву-то,
— А й напиточки да по обычаю, —
— А й какъ только не можемъ боль терпѣть славы да великіи
— А й про князя Романа Митріёвича:
— А й про его слава́ иде́ да великая
— А й по всимъ землямъ по всимъ ордамъ,
— А й по всимъ чужимъ дальніимъ сторонушкамъ.
— А й родитель ты нашъ дядюшка,
— А й Чембалъ король да литовскіи!
— А й давай-ко силы намъ да сорокъ тысячей,
— А й поѣдемъ мы на святую Русь,
— А ко князю Роману Митріёвичу,
— А подъ матушку славну каменну́ Москву. —

А й говорилъ имъ ужъ какъ дядюшка:
«Ай же вы два любезныи племянника!
«А у мня была пора-сила великая,
«Я не смѣлъ ѣхать да на святую Русь
«А ко князю Роману Митріёвичу,
«А й потому что я да слыхалъ топерь,
«А й какъ князь Романъ Ми́трьевичъ,
«А во матушки славной каменно́й Москвы,
«А какъ ёнъ да хитёръ мудёръ,
«А какъ знатъ язы́ки какъ ужъ птичьіи,
«Знатъ ёнъ язы́ки какъ врани́ныи,
«А какъ ёнъ мастеръ вѣдь по полямъ скакать,
«А й по полямъ скакать да онъ сѣры́мъ волкомъ,
«А по темнымъ лѣсамъ летать да чернымъ во́рономъ,
«А по крутымъ горамъ скакать черны́мъ да горносталюшкомъ,
«А й какъ по синіимъ морямъ плавать сѣрой утушкой:
«Такъ вѣдь я терпѣлъ славу ужъ какъ вѣкъ по́ вѣку,
«А не смѣлъ я ѣхать на святую Русь.
«А й какъ сколько ни я слыхалъ, на святую Русь
«А какъ силушки важивали,
«А взадъ ужъ какъ силушки ввѣкъ не вываживали.
«А й какъ я дамъ вамъ силы вѣдь сорокъ тысячей,
«А какъ силу-войско все вѣдь латничковъ я кольчужничковъ,
«А силу-войско на добры́хъ коняхъ,
«А поѣзжайте-тко во землю во Лимоньскую,
«А й какъ та земля есть пребогатѣюща,
«А й какъ въ той земли много есть краснаго золота,
«А й какъ въ той земли много есть да чиста се́ребра,
«А й какъ много есть мелкаго скатняго да жемчугу,
«А силы-рати въ ней мало можется:
«А й какъ можете тую землю въ полонъ-то взять.»
А й любезныи племянники да согласилисе.
А й какъ давалъ вѣдь имъ дядюшка
А Чембалъ король литовскіій
А й какъ силушки сорокъ тысячей,
А й какъ силушку войско вѣдь на добры́хъ коняхъ,
А й все латничковъ все кольчужничковъ,
А й отпущалъ ихъ во землю вѣдь да во Лимоньскую.
А й какъ отправились оны да поѣхали
А со всей со ратью со силой великою;
А й какъ съѣхали во землю вѣдь во Лимоньскую,
А тую землю всю въ полонъ взяли,
А й самого короля предали смерти да злою вѣдь.
А й какъ съ той земли со Лимоньскіей
А какъ по́гнали добры́хъ коней
А стады́-ты стадамы вѣдь,
А й повели какъ добрыхъ мо́лодцевъ
А ряды́-ты рядамы вѣдь;
А й какъ вели моло́дыихъ моло́душокъ,
А какъ красныихъ дѣвушокъ,
А и повели оны толпи́цами.
А й какъ краснаго золота,
А й какъ чистаго да се́ребра,
А й какъ мелкаго скатняго да же́мчугу
А покатили многи телѣги да ордынскіи.
А какъ выѣхали на славное чисто́ полё,
А й какъ на чисто́мъ полѣ порождумались:
А однакоже вышла намъ путь счастливая!
А й два братца вѣдь два родимыихъ,
А й два любезныхъ королевскіихъ племянника,
А й говоря какъ самы проме́жъ собой:
— А однакоже когда вышла намъ путь счастливая,
— А й поѣдемъ-ка мы на святую Русь,
— А й подъ матушку славную каменну́ Москву,
— А ко князю Роману Митріёвичу. —
А й какъ взяли оны да отправились,
А й пріѣхали какъ подъ матушку славну каменну́ Москву.
А подъ той какъ подъ матушкой славной каменно́й Москвой
А розбили четыре села да что ни лучшіихъ,
А какъ перво село Лягово,
А какъ дру́го село Коротяево,
А какъ третьее село Карачаево,
А какъ четвертое село что ни лучшее Косы-улицы.
А у князя Романа Митріёвича
А й убили зятя любезнаго,
А й увезли Настасью вѣдь да Митріевичну
А й со любезной какъ со племянчкой съ трехъ да ми́сячной.
А й увезли оны какъ ко рубежу ко московскому,
А й какъ тутъ роздёрнули шатры оны да шолковы,
А й какъ начали стоять добры молодцы,
А дожидаютъ какъ осени богатыей хлѣбородныей:
А й будетъ бора́нъ тучёнъ, да овёсъ ядрёнъ,
А й когда повыростутъ пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
А й тогда оны грозятся какъ заѣхати
А й во матушку славну каменну́ Москву,
А ко князю Роману вѣдь да Митріёвичу.
А й говорятъ какъ самы проме́жъ собой:
— А й московскій князь Ро́манъ Митрьевичъ
— А й не смѣлъ какъ намъ показаться на свѣтлы́ очи! —

А й во матушки славной каменнóй Москвы
А у князя Романа Митріёвича
А какъ былъ забранъ столованье почестенъ пиръ,
А й какъ для ради своего силы-войска великаго,
А й какъ для ради своихъ сильнихъ могучихъ богáтырей;
А какъ пьетъ-то онъ, кушатъ, проклаждается,
А й незгодушки великіи да не начается.
А какъ летитъ вóронъ черныи мимо подкóпьё,
А й садился какъ супротивъ князя Романа Митріёвича
А й какъ воронъ во садъ да во зеленый,
А й какъ ёнъ на яблонь на кудрявую;
А й грае воронъ вѣдь да по вранинному:
«Ай же ты московскій князь Рóманъ Митрьевичъ!
«Пьешь ты, кушашь вѣдь да проклаждаешься,
«А й надъ собой незгодушки да не начаешься!
«А й отъ Чембала короля отъ литовскаго
«А й наѣхало два любезныихъ два племянника
«А й подъ матушку славную каменнý Москву,
«А й розбили твои четыре села да что ни лучшіихъ:
«А перво село ужъ какъ Лягово,
«А дрýго какъ село да Коротяево,
«А й какъ третьеё село да Карачаево,
«А четвертоё село да Косы-улицы,
«А й убили твоего зятя любезнаго,
«А увезли твою сестрицу родимую,
«А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Митріéвичну,
«А со своимъ да со младенчикомъ,
«А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
«А й ко рубежу ко московскому.
«А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
«А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
«А во вашіи во травки во шолковы,
«А во вашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи.
«А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;
«А й когда вѣдь будетъ борáнъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
«А й повыростутъ пшеници бѣлоярыи,
«А тогда еще грозятся заѣхати
«А й во матушку славну каменнý Москву;
«А еще говорятъ ёны самы промежъ собой:
«А что московскіій князь Рóманъ Митрьевичъ
«А не смѣлъ намъ показаться на свѣтлы́ очи.»
А какъ тутъ московскіій князь Рóманъ Митрьевичъ
А й ставалъ какъ онъ да на рѣзвы́ ноги,
А й говорилъ онъ таковы слова:
— А й же сила вы сила какъ любезная войско сорокъ тысячей,
— А всѣ князи бояра вѣдь,
— А сенатóры мои да думныи!
— А пьетé, кушаете, проклаждаетесь,
— А й надъ собой незгодушки какъ не начаетесь.
— А получилъ я какъ сейчасъ ужъ какъ вѣсточку передостну,
— А какъ вѣсть-то я нехорошую:
— А вѣдь отъ Чембала короля отъ литовскаго
— А й наѣхало два любезныихъ два племянника,
— А й подъ нашу матушку славную каменну Москву,
— А й розбили наши четыре села да что ни лучшіихъ:
— А перво село ужъ какъ Лягово,
— А дрýго какъ село да Коротяево,
— А й какъ третьеё село да Карачаево,
— А четвертоё село да Косы-улицы,
— А й убили моего зятя любезнаго,
— А увезли мою сестрицу родимую,
— А й какъ вѣдь Настасью вѣдь да Митріевичну,
— А со своимъ да со младенчикомъ,
— А со младенчикомъ съ трёхъ да мѣсячнымъ,
— А й ко рубежу ко московскому.
— А стоятъ оны какъ у рубежа да у московскаго,
— А й какъ спущены у ихъ добры́ кони
— А во нашіи во травки во шолковы,
— А во нашіи пшеницы вѣдь да бѣлоярыи,
— А й дожидаютъ осени какъ богатыей хлѣбородныей;
— А й когда вѣдь будетъ борáнъ тучёнъ да овесъ ядрёнъ,
— А й повыростутъ пшеници бѣлоярыи,
— А тогда еще грозятся заѣхати
— А й во матушку славну каменнý Москву.
— Ай же сила моя все войско вы сорокъ тысячей,
— А какъ сила войско латнички все кольчужнички,
— А сила войско все на добры́хъ коняхъ!
— А вы сѣдлайте-тко да уздайте добры́хъ коней
— А й крѣпко-на-крѣпко туго-нá-туго,
— А поѣдемъ мы за имá вслѣдъ топерь съ угоною,
— А й чтобы королевская какъ щéнядь да бѣлогубая
— А чтобы ёна могла да намы фастати,
— А й какъ фастати нашей матушкой славной каменнóй Москвой!
— А топерь какъ мы поѣдемъ вслѣдъ да съ угоною. —
А сила войско все сорокъ тысячей
А сѣдлали уздали добры́хъ коней,

А й туго-на-туго крѣпко-на-крѣпко,
А какъ всѣ садилисе на добрыхъ коней,
А й поѣхали вслѣдъ съ угоною;
А й какъ всѣ оны да отправилисъ,
А отправился московскій съ нима́ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ.
А пріѣзжали какъ оны ко рѣки да ко Березины,
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А припущалъ да свою силушку
А какъ пить да ко рѣки ко Березины,
А начала сила пить во рѣки во Березины,
А й какъ сила пи́ла во рѣки во Березины,
А какъ смотритъ на силушку
А й московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ:
А какъ и́на сила пьетъ да нападкою,
А и́на сила пьетъ шоломамы да черпушкамы.
А й московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й говорилъ ёнъ да таковы слова
А силы любезною:
— Ай же сила моя вы любезная,
— А сила войско сорокъ тысячей!
— А й котора сила пи́ла нападкою,
— А поѣзжайте-тко а й взадъ да во матушку славную каменну́ Москву,
— А й той силушки на бою да мертво́й-то быть.—
А й котора сила пила шоломамы черпушкамы,
А й какъ тую силу за собой-то бралъ,
А й какъ выѣхалъ онъ на да́лечо на дале́чо на чисто́ полё,
Становилъ свою силу на чисто́мъ поли,
А й какъ самъ своей силы ёнъ наказывалъ:
— Ай же сила любезная моя, войско сорокъ тысячей!
— А й вы, какъ кормите-тко вы добры́хъ коней,
— А не травкамы вы не шо́лковма *(такъ)*,
— А й кормите-тко пшеницамы да бѣлоярыма,
— А самы слухайте:
— А й загра́ю я перво́й наконъ да по враниному, —
— А й какъ да сѣдлайте-тко уздайте-тко добры́хъ коней;
— А заграю я какъ второй наконъ по враниному, —
— А какъ вы приго́товля́йтесь-ко;
— А й заграю третёй наконъ какъ я по враниному, —
— А какъ ѣдьте-ко скоры́мъ скоро̀, скоро-на́-скоро,
— А й заставайте-ко меня во живностяхъ. —
А й какъ самъ обернулся онъ черным вороно́мъ,
Полетѣлъ какъ онъ да по чисту полю,
А прилеталъ какъ онъ ко рубежу ко московскому;
А й какъ тамъ у ихъ какъ бѣлы шатры да пороздёрнуты,
А тамъ у ихъ добры́ кони пороспущены,
Пороспущены да по чисту́ полю;
А й у ихъ вѣдь сабелки какъ порозмётаны,
А какъ оружія порозмётаны;
А какъ копьица вострыи порозмётаны,
А й туги луки порозмётаны,
А й какъ сила крѣпко спитъ да не пробудится.
А й какъ вѣдь московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
А й какъ о́бернулся ёнъ да сѣры́мъ волкомъ,
А й какъ началъ ёнъ гонять ихныихъ добры́хъ коней,
А й какъ началъ гонять да по чисту́ полю,
А у и́ныхъ горлышка ёнъ повырвалъ вѣдь,
А и́ныхъ загналъ во рѣку да во Березину.
А й потомъ какъ обернулся онъ тонкимъ бѣлымъ да горносталюшкомъ,
А й заскакивалъ къ нимъ онъ во шатрики,
А й какъ тамъ топерь онъ у тугихъ луковъ
А й тетивочки какъ онъ да повыѣлъ вѣдь,
А у копьицовъ ко́нечки да всѣ повыломалъ,
У оружіевъ кремешки да всѣ повывертѣлъ,
А у сабелокъ всѣ остре́ица повыщипалъ.
А й какъ племничка трехъ да мѣсячна
А провѣщилась язы́комъ она да по хорошему:
«Ай же ты родитель моя да матушка,
«А й Настасья Митріёвична!
«А твой братецъ любезный,
«А какъ мой родитель да какъ дядюшка,
«А московскій князь Романъ Митрьевичъ
«А поскакива онъ по шатрику
«Тонкимъ бѣлымъ да горносталюшкомъ,
«А выручае насъ со полону ёнъ великаго.»
А й какъ тутъ услышали два любезныихъ королевскіихъ
А два любезныхъ два племянника,
А какъ говорятъ самы вѣдь таковы слова:
— А ставай-ка наша сила войско великоё,
— А скоры́мъ скоро да скоро-на-скоро,
— А и́майте горносталюшка да во шатрикахъ!—
А начали имать горносталюшка да во шатрикахъ,
А й начали да закидывать
А й какъ шубкамы его да соболиныма,
А й какъ онъ по шубонькѣ, по рукавчику,
А й выскакивалъ да онъ на улушку.
А й какъ тамъ обернулся онъ да черным вороно́мъ.
А й какъ бы летѣлъ онъ на сы́рой дубъ,

А й какъ заграялъ онъ да во всю голову,
А й заграялъ онъ да по вранинному.
А й какъ сила его топерь да услышала,
А сѣдлаютъ уздаютъ добрыхъ коней.
А й говорятъ два любезныихъ племянника,
А й два любезныихъ королевскіихъ,
А й Чембала короля да литовскаго,
А й говорятъ оны таковы слова:
— А й не грай, не грай, московскій князь Ро́манъ Митрьевичъ,
— А й какъ ты на сыромъ дубу,
— На сыромъ дубу да чернымъ вороно́мъ!
— А й мы натянемъ какъ свои да тугі́ луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,
— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— Предаемъ ти смерть ужъ какъ въ чисто́мъ поли. —
А й какъ онъ заграялъ вѣдь второй наконъ по вранинному,
А й какъ сила его топерь услышала,
А й какъ начали вѣдь садиться да на добры́хъ коней,
А й какъ начали приготовлятися.
А й какъ говорятъ-то вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
— А не грай, не грай, какъ московскіій
— А князь Ро́манъ Митрьевичъ чернымъ вороно́мъ,
— А какъ по вранинному на сыромъ дубу!
— А какъ мы натянемъ свои да туги луки,
— А й мы кладёмъ свои калены́ стрѣлы,
— А мы спустимъ твою тушу о сыру землю,
— А й роспустимъ твое перье по чисту́ полю,
— А прольемъ твою кровь да по сыру дубу,
— А предаимъ ти смерть какъ мы скорую. —
А й заграялъ онъ третей наконъ да по вранинному,
А й какъ сила ёго́ топерь да услышала,
А й какъ вѣдь поѣхали скоры́мъ скоро̀, скоро-на́ скоро.
Пріѣзжали какъ къ Литвы да поганыей,
А й какъ начали рубить оны Литву да поганую.
А й какъ тутъ какъ сила да невѣрная,
А й какъ сила вѣдь да литовская,
А хваталасе сила вѣдь да за тугі́ луки, —
А у тугихъ луковъ тетивочки всѣ повы́ѣдены;
А й какъ сила хваталасе за копьица, —
А у копьицовъ ко́нечки всѣ повы́ломаны;
А сила хваталась за оружіё, —
А й у оружіёвъ кре́мешки всѣ повы́верчены;
А сила хваталасе за вострыи за сабелки,—
А й у сабелокъ всѣ остре́ица какъ повы́щипаны.
А й тою порою тымъ какъ времечкомъ
А пресѣкли всю силушку литовскую,
А й какъ изымали двухъ королевскіихъ племянниковъ.
А й бо́льшому брату копали вѣдь со лба да очи ясныи,
А й ме́ньшому отрубили ноги рѣзвыи,
А й садили безногаго на безглазаго,
А й отпущали во землю вѣдь да во литовскую,
А къ Чембалу къ королю ко литовскому.
А й сказалъ московскій князь Романъ Митрьевичъ таковы слова:
«Ай же вы любезныихъ два королевскіихъ племянника!
«Сойдете́ въ свою землю во литовскую,
«А къ своему ужъ къ дядюшкѣ
«Къ Чембалу королю ко литовскому,
«А скажите-тко ему таковы слова:
«А что московскій князь Ро́манъ Ми́трьевичъ
«А какъ старостью ёнъ не ста́рѣетъ,
«А й голова ёго не сѣдатѣетъ,
«А сердце ёго да не ржавѣетъ,
«А слава́ ему вѣкъ по вѣку́ да не минуется.»
А й какъ тутъ отправились два любезныихъ королевскіихъ племянника
А въ свою землю во литовскую.
А какъ князь Ро́манъ Митрьевичъ
Со своей онъ со силою
А отправился во матушку славну каменну́ Москву.
А й какъ тутъ два любезныихъ королевскіихъ два племянника
А й приходили какъ къ родителю ко дядюшки,
А къ Чембалу королю да ко литовскому.
А увидѣлъ ихъ какъ дядюшка Чембалъ король литовскіій
А какъ двухъ своихъ любезныихъ племянниковъ,
А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ,
А й какъ самъ говорилъ какъ имъ таковы слова:
— Ай же вы два любезныихъ моихъ да два племянничка!
— А какъ я говорилъ, что не йдите-тко на славную на святую Русь
— А й подъ матушку славну каменну́ Москву,
— А й ко князю Роману вы да Митріёвичу,
— А й какъ князь Ро́манъ Ми́трьевичъ на святой Руси хитёръ-мудёръ,
— А что не вынести вамъ съ Русеюшки головушокъ.
— А какъ сколько ни на святую Русь какъ ѣзживано,

— А й какъ на святую Русь силы важивано,
— А й со святой Русеи силы взадъ не вываживали,
— А не бе́зъ чего *) отъ князя Ро́мана Митріе́вича! —
А й говорили вѣдь два любезныихъ королевскіихъ племянника:
«А й родитель ты нашъ дядюшка,
«А Чембалъ король литовскіій!
«А й казни насъ казенью своеручною,
«А й копай-ко насъ во матушку сыру́ землю,
«А не можемъ мы болѣ терпѣть безчестья да великаго,
«А что мы со святой Руси
«А пріѣхалъ какъ безногой на безглазоёмъ!»
А какъ дядюшка Чембалъ король да литовскіій,
А хоша жалко было, только вѣдь казнилъ своихъ племянниковъ
А своей казенью да своеручною,
А копалъ какъ ихъ во матушку сыру землю,
Хоронилъ ихъ со славою великою.
А й какъ двумъ королевскіимъ да племянникамъ
А топерь да имъ славы́ поютъ.
А Дунай Дунай да болѣ вѣкъ не знай.

Записано въ Куга-наволокѣ на Водюзерѣ, 4 августа.

72.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

А й на тоёмъ вѣдь на полѣ на турецкоёмъ
А й какъ вѣдь сбиралосе какъ съѣзжалосе
А й какъ много сильніихъ могучіихъ какъ бога́тырей,
А й какъ тридцать бога́тырей со единымъ;
А й единыи былъ бога́тырь-отъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ.
А спустилисе оны какъ съ добры́хъ коней,
А й какъ вѣдь садилисе на лужокъ на зеленый,
А й садилисе да бесѣдовать.
А й какъ стали тутъ они топерь розсужать промежъ собой,
А й какъ кто гдѣ бывалъ уда́лый добрый мо́лодецъ,
А й кто бывалъ какъ въ какой земли да въ какой орды,
А кто гдѣ-ка билъ поганыихъ татаровьёвъ,
А й кто билъ поганыихъ пдо́лищовъ.
А й какъ выслушалъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ
А й какъ рѣчь онъ отъ сильніихъ бога́тырей,
А й какъ самъ говорилъ имъ да таковы слова:
«Ай же вы какъ сильніи могучіи вы бога́тыри!
«А предъ Богомъ согрѣшили вы тяжко вѣдь,
«Вѣдь убили много буйныихъ головушокъ понапрасно вѣдь,
«А пролили крови да горючіей.
«А й согласны ли вы что да я вамъ скажу:
«А й не лучше ли забросить топерь войско намъ великое,
«А й какъ ѣздить намъ да по чисту́ полю, —
«А й какъ намъ сходить-то ко граду къ Еросо́лиму,
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу намъ да приложитисе,
«А во Ердань рѣки окупатисе,
«Во своихъ грѣхахъ да намъ прощатисе?
«А столько *), вы сильніи вы бога́тыри,
«А въ томъ класть надо намъ заповѣдь себѣ великая,
«А й чтобы не красть намъ да бы не во́ровать,
«А й на женскую прелесть не упадывать,
«И не кровавить намъ своихъ рукъ да больше вѣкъ да богатырскіихъ.
«А й кто станетъ красть либо во́ровать,
«А й на женскую прелесть да упадывать,
«А либо кровавить да руку вѣдь богатырскую,
«А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвыи,
«По локо́тъ отсѣчь да руки бѣлые,
«А со лба какъ копать да очи ясные,
«А тянуть ёму какъ языкъ теперь со темени,
«А й копать по грудямъ какъ во матушку сыру землю.»
А й какъ оны всѣ тому дѣлу не устрашилисе,
Оны всѣ согласилисе.
А какъ оны да спустили добры́хъ коней
А во травки во шолковы
А й на ты поля да на чистыя,
А й самы надѣвали какъ платья калицкія,
Какъ тутъ оны кла́дывали да подсумки,
А й подсумки да каличьіи,
На свои плеча вѣдь да богатырскія,
А й какъ брали оны по клюки по дорожныей,
А й какъ тутъ оны да отправились,
А й какъ вѣдь пошли какъ уда́лы добры молодцы
А й ко граду вѣдь да Еросо́лиму.
А й какъ встрѣтили какъ въ чисто́мъ поли

*) т. е. недавно.

*) т. е. только.

А й какъ солнышка князя да Владиміра,
А й какъ самы вѣдь топерь говорятъ таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Сотвори-тко намъ ужъ какъ мілостыню руко-давную благословлённую,
— Сорока намъ каликамъ со единою. —
А й какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со единымъ!
«А й у мня хлѣба да соли вѣдь съ собой да не случилосе,
«А у мня золотой казны не пригодилосе.
«А й ступайте-тко во городъ во Кіев-отъ
«А й какъ къ мóей княгины Апраксіи,
«А она накормитъ напоитъ-то васъ,
«А й да вы да ночуйте-тко
«У мня въ полатахъ княженецкіихъ,
«А й скажите, что послалъ да солнышко Владиміръ князь
«Насъ изъ чистá поля.»
А оны пошли какъ отправились во городъ во Кіев-отъ,
А й пришли какъ ко князю на шúрокъ дворъ,
А потомъ проходили въ полаты вѣдь княженецкія,
А й какъ вѣдь говорятъ самы-то таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й какъ послалъ насъ изъ чистá поля
— А й какъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской,
— А й какъ онъ велѣлъ накормить напоить тебѣ,
— А й мы бýдёмъ да ночевать топерь. —
А й какъ она вѣдь скорымъ скорò, скоро-нá-скоро
Приказала какъ вѣдь поставить столы да дубовые,
Наносить ѣстовъ сахáрніихъ,
Наносить какъ напитковъ да медвяныихъ.
А й какъ тутъ наѣлись да накушались
А й какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ тутъ выходили зъ-за тыхъ столовъ зъ-за дубовыихъ,
А й топерь спать оны ложилисе.
А й какъ тутъ все ихъ замичала княгина Апраксія,
А й что одинъ изъ артели былъ да прекрасныи,
Что называли его молодой Касьянъ да Офонасьевичъ;
А й какъ не могла она заснуть во спальни княженецкоей;
А й пришла она да смотрить топерь,
А что всѣ ли спя удалы добры молодцы,
А й какъ приходила къ нимъ добрымъ молодцамъ, —
А й какъ всѣ спятъ сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
А й какъ вѣдь единая калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь она говоритъ сама таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно Господу Богу молитисе,
«А й пора тебѣ спать топерь ложитисе.
«А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
«А на тую перину пуховую.»
А й какъ ёнъ отвернулся, сказалъ-то ёй:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А й поди же прочь отъ меня съ добра.
— Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,
— Не хочу я сквернить спальни княженецкіей,
— Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
— А й когда я пошолъ Богу молитися. —
А й она овернулась, ушла топерь
А й во спальню вѣдь княженецкую;
А й не могла да заснуть топерь.
А опять топерь она пришла какъ къ каликушки,
А ёнъ все не спитъ, да Богу молится.
А она говоритъ опять ему да таковы слова:
«Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
«А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
«А й пора топерь спать тобѣ ложитисе.
«А й пойдемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
«А й на ту перину пуховую.»
А й какъ онъ овернулся, сказалъ-то ёй:
— Ай же ты княгина да Апраксія!
— А й же ты съ добра какъ прочь поди отъ меня да отъ молодца.
— А й пойду ли я съ тобой во спальню княженецкую,
— А й когда пошолъ Господу Богу я молитисе,
— А й когда клáдена заповѣдь у насъ да великая,
— А й не красть да намъ не вóровать,
— А й на женскія прелести не упадывать,
— А й не кровавить да рукъ своихъ да богатырскіихъ,
— А й сходить намъ ко граду къ Еросóлиму,
— А й какъ Господу Богу помолиться намъ,
— Ко Господню гробу приложитисе,
— Во Ерданъ рѣкѣ окупатисе,
— Во своихъ какъ грѣхахъ да намъ прощатисе;
— А й какъ ежели стане красть либо вóровать,
— А й на женскую прелесть упадывать,
— А й какъ кровавить руки да бѣлые,
— А й такому по колѣнъ отрубить да ноги рѣзвые,

— По локо́тъ отрубить да руки бѣлые,
— А й со лба какъ копать да очи ясные,
— А й тянуть намъ языкъ да вѣдь со темени.—
А она опять какъ поворотилась,
А ушла опять во спальню она княженецкую.
А й она еще тому не устрашилась,
А еще она спать да не ложилась,
А еще пришла ко каликушки;
А все какъ калика не спитъ, да Богу молится.
А й какъ вѣдь ёна говоритъ таковы слова:
Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
А й какъ полно те Господу Богу молитисе,
А й пора тебѣ спать, смотри, ложитисе.
А й подемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую.»
А й какъ онъ отворотился вѣдь добрый молодецъ,
А й хватилъ свою дубину да дорожную,
А держалъ онъ замахъ да великій,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты княгина Апраксія!
— А ежели ты какъ съ добра не пойдёшь топерь,
— А ударю какъ я дубиной дорожною,
— А тутъ у мня ты падешь да на кирпичной полъ. —
А она топерь какъ тутъ да устрашилась,
А й какъ скоро взадъ поворотилась,
А й тожно какъ опять сошла во спальню княженецкую.
А й потомъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
А тутъ какъ спать да ёнъ ложился-то,
А й заснулъ какъ во сонъ да богатырскій.
А она тамъ во спальнѣ что удумала
А й княгина Апраксія, —
А й какъ взяла еще вышла со спальни княженецкіей,
А пришла она тихошенько,
А й гдѣ спятъ какъ удалы добры молодцы,
А какъ сорокъ каликъ да со каликою;
А она какъ раньше замѣтила
А у мо́лода Касьяна Офонасьева,
А что у его былъ какъ по́дсумокъ,
А й какъ лыту *(такъ)* бархату краснаго;
А й какъ взяла роспорола ужъ его какъ подсумокъ,
А ладыва́ла ту́ды чашу княженецкую,
А й зашила какъ бархатней подсумокъ,
А й потомъ шла какъ во спальню княженецкую.
А потомъ прошло времечко да до утрія,
А й ставали какъ сорокъ каликъ да со каликою,
А й какъ начали оны обуватисе, умыватисе,
А й какъ начали Господу Богу да молитисе.
А й потомъ какъ княгина Апраксія
Приказала поставить столы она дубовые,
А й наносить ѣстовъ сахарніихъ
А й напитокъ медвяныихъ;
А й какъ вѣдь садила сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати.
А й какъ садилисе сорокъ каликъ со каликою
А й какъ хлѣба соли да кушати,
А й наѣлисе оны ужъ какъ досыта,
А й наѣлись, напились да накушались.
Потомъ вышли зъ-за столовъ оны дубовыихъ,
А й благодарили княгину Апраксію,
А й какъ Бога молили за солнышка князя Владиміра.
А й потомъ надѣвали какъ платья каличьіи,
А потомъ брали они свои подсумки бархатніи,
А й клада́ли на плеча́ богатырскіи,
А й потомъ поклонилисе княгины Апраксіи,
А потомъ оны да отправились,
А опять какъ пошли оны ко граду Еросо́лиму.
А потомъ какъ вѣдь да наѣхалъ изъ чиста́ поля
А й какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ садился хлѣба кушать да трапе́зовать,
А й какъ вѣдь стали искать чаши княженецкіей,—
А й какъ нѣту нигдѣ чаши вѣдь княженецкіей.
А й какъ начали искать по всѣмъ полатамъ княженецкіимъ,
А й какъ тутъ говорилъ ужъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й куда же дѣвалась
«А й какъ чаша вѣдь княженецкая?
«Кто у насъ унесъ чашу вѣдь княженецкую?»
А й говоритъ княгина вѣдь таковы сло́ва:
«Ай же солнышко Владиміръ князь!
«А й у тя были посланы изъ чиста́ поля
«А й какъ сорокъ каликъ да со единымъ:
«Не оны ли унесли чашу вѣдь княженецкую?
«А оны вѣдь здѣсь ночевали-то,
«А й недавно отправились въ чисто полё.
«А й смотри, оны унесли твою чашу княженецкую.»
А й какъ солнышко да Владиміръ князь,
А й Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
А й какъ ёнъ скоры́мъ скоро̀, скоро-на́-скоро,
А приказывалъ свои́хъ сильнихъ бога́тырей,
А й какъ самъ говорилъ онъ бога́тырямъ таковы слова:
— Ай же вы любезныи бога́тыри!
— А кто бы у васъ съѣздилъ въ чисто́ полё
— А й да вслѣдъ съ угоною за каликамы?
— А й какъ вѣдь и каликушки
— Унесли какъ чашу княженецкую. —

А й какъ тутъ говорилъ старой казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же солнышко да Владиміръ князь,
«А й Владиміръ князь да стольне-кіевской!
«А это не сорокъ каликъ да со каликою,
«А смотри сорокъ сильніихъ могучіихъ богатырей.
«А только же намъ кого да послать будетъ?»
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
— А пошлёмте смѣлаго Олешенку Поповича. —
А посылали какъ смѣлаго Олешу да Поповича,
А велѣли спросить Олёши по хорошему.
А Олешенька шолъ какъ садился на добра коня,
А Олеша не боялся да отправился.
А й какъ засталъ сорокъ каликъ да онъ въ чистомъ поли,
А й сидя калики, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А й какъ онъ говорилъ каликамъ таковы слова:
«Ай же вы сорокъ каликъ со каликою»!
«А видно вы не сорокъ каликъ да со каликою,
«А й какъ сорокъ воровъ сорокъ розбойниковъ!
«А украли вы чашу вѣдь княженецкую,
«А съ добра вы отдайте чашу вѣдь княженецкую.»
А й какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
А й ставалъ да на рѣзвы ноги,
А взималъ свою дубину онъ дорожную,
А держалъ онъ замахъ топерь да великіи,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
— А й какой ты пріѣхалъ изъ города изъ Кіева,
— Я те дамъ какъ вѣдь чашу княженецкую, —
— А й какъ ты у мня не долго скатишься вѣдь съ добра коня!
— Развѣ мы украли чашу княженецкую?
— А й какъ развѣ приходили для вашей чаши княженецкіей? —
А Олёшенька со страху великаго,
А Олёша видитъ, дѣлать топерь нечего,
А й поворотилъ скоро Олеша да добра коня,
А й какъ скоро поѣхалъ онъ въ городъ во Кіев-отъ,
Скоро пріѣзжалъ ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А й какъ самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
«А й дѣйствительно какъ не сорокъ каликъ со каликою,
«А дѣйствительно сорокъ воровъ сорокъ розбойниковъ.
«А й какъ я спросилъ вѣдь про чашу про княженецкую,
«А оны какъ всѣ на меня да сходилисе,
«А одинъ хватилъ какъ дубину да дорожную,
«А едва не убилъ меня да на добромъ кони,
«А едва я уѣхалъ вѣдь да изъ чиста поля.»
А й тутъ говорилъ опять старой казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— А й не гляди-тко ты на дурака какъ на смѣлаго Олёшу на Поповича, —
— А я знаю какъ Олёшенька спрашивалъ.
— А й какъ надо послать намъ туда больше некого,
— А й послати намъ молодаго Добрыню да Никитича, —
— А тотъ ужъ спроситъ вѣдь да по хорошему. —
А й послали какъ молодаго какъ Добрыню какъ Никитича,
А й поѣхалъ молодой Добрынюшка въ чисто поле,
А й засталъ ихъ на томъ на одномъ да на мѣстечки;
А все сидя, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А й какъ ёнъ говорилъ молодой Добрыня Микитиничъ:
«А какъ здравствуйте, сорокъ каликъ да со каликою,
«А хлѣбъ да соль, какъ сорокъ каликъ со каликою!»
А они говоря: — поди пожалуй, удалой добрый молодецъ,
— Хлѣба кушать, удалой доброй молодецъ,
— А садись-ко съ нами за кумпанью хлѣба кушати. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитинецъ:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А что я вамъ скажу да добрымъ молодцамъ:
«А й какъ вѣдь топерь у насъ какъ во городѣ да во Кіевѣ
«А й какъ сдѣлалась тревога да великая,
«Потерялась золотая чаша княженецкая,
«Безъ которой чаши князь топерь хлѣба не кушаетъ.
«А какъ вы поищите-тко, добры молодцы,
«Не попала ли къ вамъ въ ошибку къ какому ли къ молодцу въ подсумокъ.»
А оны какъ всѣ-то другъ на друга розглядѣлисе,
А не знаютъ что да топерь дѣлати.
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ:
— Ай же вы товарищи вы любезные,
— А й калики богомольніи!
— А й роспорите свои да подсумки
— А покажите ёму молодцу. —
А й какъ всѣ каликушки ставали на рѣзвы ноги,

А всѣ брали свои ужъ какъ подсумки,
А й показали молодому Добрыни да Микитичу.
А не въ какомъ какъ во подсумки
А й какъ не нашлась чаша вѣдь княженецкая;
А й розвёртывалъ ужъ какъ подсумокъ
Молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А свой подсумокъ бархатнёй,
А й какъ тутъ объявилась чаша княженецкая.
А й какъ тутъ оны всѣ взволновалисе,
А й топерь всѣ какъ счудовалисе:
— А кто насъ звалъ Господу Богу молитисе,
— А кто кладáлъ у насъ заповѣдь великую,
— А у того какъ очýдилась чаша княженецкая.—
А й какъ самы всѣ вѣдь говорятъ таковы слова:
— Ай же ты молодой Касьянъ да Офонасьевичъ!
— А что мы будемъ съ тобой да топерь дѣлати?
— А й ты самъ вѣдь какъ кладáлъ заповѣдь великую. —
А й какъ тутъ говорилъ молодой Касьянъ Офонасьевичъ:
«Ай же вы любезныи товарищи!
«А я что не укралъ вѣдь чаши княженецкіей;
«А й ночёсь вѣдь три рáзъ приходила княгина да Апраксія,
«А меня звáла во спальню княженецкую,
«А черезъ то кладена чаша княженецкая,
«А что я не шолъ во спальню княженецкую.
«А й какъ вѣдь ужъ вы дѣлайте дѣло повелѣное,
«А не рушайте вы заповѣди великіей:
«А какъ вы сѣките мнѣ ноги рѣзвыя,
«А й рубите-тко руки бѣлыя,
«А й со лба-то копайте очи ясные,
«А й тяните-тко языкъ мнѣ-ка со темени,
«А й копайте какъ по грудямъ во матушку сыру землю!»
А оны какъ тутъ топерь какъ всѣ оны заплакали,
А отъ желанья какъ начали съ нимъ прощатисе,
А какъ всѣ отъ желанья съ нимъ простилисе.
А хоша жалко было, только приступилисе,
А й по колѣнъ отсѣкли ему да ноги рѣзвыя,
По локòтъ отрубили руки бѣлыя,
А со лба какъ копали очи ясные,
А й тянули языкъ ему со темени,
А й копали по грудямъ во матушку сыру землю;
А й потомъ какъ со мёртвымъ простилисе,
А й какъ тутъ оны какъ заплакали, отправились
А какъ граду вѣдь да Еросóлиму.
А й какъ тутъ молодой Добрыня Микитиничъ
А й какъ высмотрѣлъ всё да ихъ дѣяньицо,
А й какъ скоро-нá-скоро тоже ёнъ топерь отправился
А со чашою да княженецкою,
А й во городъ онъ во Кіев-отъ.
А й пріѣзжалъ онъ какъ во городъ во Кіев-отъ
А й ко солнышку князю да на широкъ дворъ,
А й потомъ шолъ въ полаты княженецкіе,
Подавалъ солнышку князю чашу княженецкую,
А й какъ самъ говорилъ да таковы слова:
— Ай же солнышко Владимíръ князь ты да столь-не-кіевской!
— А й какое я чудушко видѣлъ да въ чистóмъ поли, —
— А хоша не сорокъ каликъ да со каликою,
— А сорокъ сильніихъ богáтырей.
— А столько видно крѣпко кладена заповѣдь великая
— А итти Господу Богу да молитисе.
— А не украли чаши оны вѣдь княженецкіе,
— А какъ ни будетъ въ ошибку понала имъ чаша княженецкая. —
А й не сказалъ того, что звала княгина да Апраксія
А й во спальню вѣдь княженецкую,
А что онъ не шолъ во спальню княженецкую,
Черезъ то она зашила вѣдь чашу княженецкую;
А столько ёнъ да сказалъ топерь:
— А й у кого какъ нашлась чаша вѣдь княженецкая,
— А того казнили какъ оны топерь въ чистóмъ поли:
— По колѣнъ отсѣкли ноги рѣзвыя,
— По локòтъ отрубили руки бѣлыя,
— А со лба какъ копали очи ясные,
— А й тянули языкъ оны со темени,
— А й копали по грудямъ во матушку сыру землю. —
А й началъ солнышко князь туда справлятисе,
И начало много богáтырей справлятисе,
А смотрить того дѣла да великаго.
А й какъ той порой да тымъ времячкомъ
А впереди какъ ихъ добрыхъ мóлодцовъ
Къ молодому Касьяну къ Офонасьеву
Приходилъ какъ Микола да Можайскіій,
А ему какъ вложилъ да ноги рѣзвыя,
А вложилъ да руки бѣлыя,
А й положилъ ёму да очи ясные,
Положилъ языкъ во темя вѣдь,
А й положилъ какъ здыханье во бѣлýю грудь,
А й поставилъ какъ ёгó да на рѣзвы́ ноги,
А й какъ самъ говорилъ ему да таковы слова:
«А й ступай, молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,

«А й на первыи на станціи *)
«А й застанешь свою да дружью-братію,
«А й своихъ да ты товарищовъ.
«А меня вѣдь Господь послалъ
«А къ тебѣ да добру молодцу,
«А потому что ты напрасно сказнёнъ да добрый молодецъ:
«Не укралъ ты вѣдь чаши княженецкіей,
«А за то меня вѣдь Господь послалъ.
«А какъ сходишь ты ко граду да къ Еросо́лиму,
«Ко святой святыни Богу помолитисе,
«Ко Господню гробу приложитисе,
«А во Ерданъ какъ рѣки да окупаетесь,
«А й во своихъ грѣхахъ да попрощаетесь,
«А й какъ взадъ да вы воротитесь
«А къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
«А й поѣдете по своимъ мѣстамъ,
«А й тогда какъ съѣдешь во свою ужъ какъ землю ты,
«А сдѣлай-ко церковь ты да соборную,
«А ты Миколы ~~да Можайскому~~;
«А я какъ есть Микола да Можайскіій.»
А й тутъ потерялся старичокъ да топерь бѣлый.
А й какъ тутъ молодой Касьянъ топерь отправился,
А какъ засталъ своихъ топерь товарищовъ
А какъ по вечеру да по позднему,
А оны сидя́, хлѣба кушаютъ, трапезуютъ.
А оны какъ топерь ли тому чуду счудова́лисе,
Что сказнили молодого Касьяна Офонасьева,
А й какъ ёнъ насъ да засталъ топерь;
А й какъ что надъ нимъ да топерь счу́дилось,
А какъ видно такъ ему Господь благословилъ топерь,
А не кто йной не помогъ ему;
А какъ всѣ оны обрадовались ужъ какъ радостью великою.
А й потомъ какъ на тое на мѣсто-то,
Гдѣ былъ сказнёнъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ,
А й поѣхалъ какъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской;
А наѣхало съ нимъ много прочіихъ бога́тырей.
А столько знать тая яма великая,
А гдѣ былъ сказнёнъ уда́лой добрый молодецъ,
Гдѣ закопанъ во матушку сыру землю.
А такъ вѣдь то́му чуду чудуются,
А на то оны расположилисе:
А й куды ни унесенъ у нихъ топерь
А й закопанъ во матушку сыру землю.
А и тутъ оны какъ поѣхали во городъ во Кіев-отъ.
А й какъ тутъ сорокъ сильніихъ бога́тырей
Приходили во градъ да Еросо́лим-отъ,
А й какъ Господу Богу помолилисе,
Ко Господню гробу приложилисе,
А й во Ерданъ какъ рѣки да окупалисе,
А й во своихъ какъ грѣхахъ да попрощалисе.
А й ужъ какъ взадъ оны да отправились
А й со града вѣдь да Еросо́лима
А й къ своимъ да къ добры́мъ конямъ,
А пришли оны опять какъ во городъ во Кіев-отъ,
Приходили ко солнышку князю да на ши́рокъ дворъ
А й попросили какъ милостины рукоданныей,
Рукоданныи благословлённыей:
— Ай же солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А й сотвори-тко намъ да Христа ради,
— А й какъ милостину намъ да Христа ради,
— Чтобы было сорока каликамъ пообѣдати.—
А й закричали всѣ вдругъ да громкимъ голосомъ,
Ажно задрожали полаты княженецкія.
А й говорилъ какъ имъ топерь солнышко Владиміръ князь:
«Ай же вы сорокъ каликъ да со каликою!
«А ступайте-тко во полаты хлѣба кушати,
«Во полаты вѣдь княженецкія.
«А й накормлю я васъ сорокъ каликъ да со единымъ,
«А напою васъ сорокъ каликъ да со единымъ.»
А оны говорятъ топерь да таковы слова:
— А не йдемъ мы къ тебѣ во полаты княженецкія;
— Потому мы не йдемъ къ тебѣ,
— А что у тя княгина Апраксія
— А опять нашему мо́лоду Касьяну Офонасьеву
— А положитъ во подсумокъ
— А чашу вѣдь княженецкую,
— А украде у тя у солнышка у князя у Владиміра.
— Оногда ночёва́ли, такъ знаемъ мы,
— А ёна какъ звала его во спальню княженецкую,
— А ёнъ не шолъ какъ съ ней во спальню княженецкую,
— А за то ему ёна какъ твою чашу княженецкую
— А клала во подсумокъ во бархатнёй,—
— А за то какъ казнили его мы да добра молодца;
— А хоша сказнили, только онъ сходилъ съ нами ко граду Еросо́лиму.—
А й какъ солнышко да Владиміръ князь да стольнё-кіевской
А й какъ милостину далъ рукоданную да благословлённую Христа ради,

*) Пѣвецъ видимо искалъ слова и, какъ бы не находя настоящаго выраженія, пропѣлъ: «станціи».

› буде каликамъ пообѣдати.
ъ сошли топерь да на чисто́ поле,
істо полё къ своимъ добры́мъ конямъ,
ту что не́далечо были порато*) коннооставлены
› города да отъ Кіёва;
приходили какъ къ добры́мъ конямъ,
нились хлѣба кушать да трапезовать.
ли какъ, попи́ли, покушали,
потомъ какъ начали брать своихъ добры́хъ коней,
какъ начали сѣдлать уздать добры́хъ коней,
какъ начали отправляться по своимъ да по сторонушкамъ,
начали другъ съ другомъ прощатисе.
ѣ простились вѣдь да отъ желаньица,
топерь всё да порозъѣхались
по своимъ мѣстамъ, по своимъ домамъ.
къ больше изъ нихъ какъ не́ какой не сталъ ѣздить да въ чисто́ поле,
не стали кровавить рукъ да богатырскіихъ.
какъ тутъ молодой Касьянъ да Офонасьевичъ
жалъ во свою какъ онъ во землю-ту,
гамъ какъ состроилъ церковь соборную
Миколы онъ да Можайскому.
какъ началъ ёнъ какъ тутъ Господу Богу да молитисе,
какъ началъ въ своихъ грѣхахъ прощатисе.
топерь да послѣ этого
гому да всему да славы́ поютъ.
Дунай Дунай болѣ вѣкъ не знай.

писано тамъ же, 4 августа.

—

огда Сорокинъ пѣлъ былины, которыя запи-
были съ его словъ г. Рыбниковымъ, оказа-
слѣдующія замѣтныя разнорѣчія:

ЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СЪ ВЛАДИМІРОМЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63).

ъ 5. «Упавенькой» а не «упаленькой».
104. На шумъ на гамъ на великіи
› на тотъ ли городъ на Смоленскіій.
129. Сколько самъ-то билъ, втрое конёмъ
ыталъ.

*) т. е. очень.

Ст. 137. Во городъ Смоля́гиной.
Ст. 138. Мужики Смолягинцы (тоже ст. 175).
Ст. 159. Удаленькой какъ упавенькой.
Ст. 181. Скакали вси на стѣну городовую.
Ст. 196. Суды суди ты всё пра́вильни.
Послѣ ст. 210. А й какъ есте двѣ дорожки путистыя.
Ст. 227. На крякпо́вистыхъ.
Ст. 263. Волчья сыть пеляной мѣшокъ.
Ст. 265. Крику звѣринаго, той прогласицы богатырскіи.
Ст. 282. Покатился Соловеюшко со гнѣздышка.
Послѣ ст. 290. Самъ робота дорожку прямоѣзжену.
Ст. 298. Ко посе́льницу Соловьиному.
Ст. 306. «Привязана» вмѣсто «прикована».
Ст. 345. «Скатняго», а не «скачнаго».
Ст. 361. Во Кіев-отъ (такъ вездѣ, вмѣсто: во Кіевъ-то).
Ст. 365. княженецкаго.
Стихи 388—393 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 414, 417, 426, 428, 440, 443. «на зени» вмѣсто «на земли» или «мертвы».
Послѣ ст. 449. Пошолъ на городъ на Кіев-отъ

Вмѣсто ст. 469—493 Сорокинъ пѣлъ:

А какъ солнышко князь какъ вышелъ на улушку на ши́рокую,
А на свой онъ да на ши́рокъ дворъ.
А со своима какъ съ русейскима какъ бога́тырьми,
А й увидѣлъ середи двора чудо чудное,
А й увидѣлъ дивушко дивное,
А й какъ стоитъ осередь двора ужъ какъ добрый конь,
Ни къ чему конь да не привязыванъ.
А й у коня какъ у стремены,
А й у стремены у правой у булатніей,
А й какъ стоитъ чудушко чудное, диво дивное,
А й стоитъ проклятой Со́ловей
А й привязанъ жолтыма кудеркамы онъ ко стремены.
А й какъ тутъ онъ пороздумался, началъ совѣтовать
А й съ любезныма какъ съ русейскима бога́тырями:
«А й какъ кто пріѣхалъ къ намъ во городъ во Кіёв-отъ?
«А й какъ ежели пріѣхала какъ невѣжа поганая
«А й погано Идолищо,
«Тамъ русскому Богу ёнъ не кла́нялся бъ,
«Солнышку князю челомъ не билъ.
«А й какой нибудь свой русьскій есть богатырь-отъ.»

А й какъ тутъ говорилъ молодой Добрыня Микитиницъ:
— Ай же солнышко Владиміръ князь стольнёкіевской!
— А какъ я всѣхъ русейскіихъ богáтырей знаю на святой Руси,
— А какъ столько я да не знаю вѣдь,
— А какъ есте говорятъ топерь
— А во городи какъ во Муромци
— А какъ въ томъ селѣ въ Карачаевомъ
— А какъ е старóй казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
— А ему вѣдь на бою смерть-та не написана,
— А какъ тутъ-то дѣлать съ нимъ намъ-то нечего,
— Какъ намъ вѣдь-то всимъ городомъ Кіёвымъ,
— А й какъ столько намъ кого послать позвать его,
— А й позвать его на почестенъ пиръ. —
А й говорилъ какъ солнышко да Владиміръ князь:
«А й кого же намъ да позвать будетъ?
«А й какъ ежели да послать-то намъ
«А й какъ смѣлаго Олёшеньку Поповича и проч.

Вмѣсто ст. 512, 513. А й нынѣ послалъ позвать тебя.
Ст. 537, 538 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 580, 581 пропущены.
Ст. 645. Фасталъ, може, небылицею.
Ст. 649 подъ городомъ подъ Смоленскіимъ.
Ст. 656 отъ города отъ Смоленскаго.
Послѣ ст. 658. Ай во тыхъ лѣсахъ во Брянскіихъ.
Ст. 666. Привéзенъ у мня.
Ст. 752. покарамбались.
Ст. 769. Не строитель вѣдь, а вѣковой разоритель онъ.
Послѣ ст. 785. А сиди тутъ Соловей вѣки нерушимые.

—

2. СТАВЕРЪ.

(У Рыбникова. т. II, № 19).

Послѣ стиха 9 Сорокинъ пѣлъ:

«А й во славномъ городѣ да въ Черниговѣ
Какъ прослышалъ-то старъ Ставёръ сынъ Годиновичъ
А й про тотъ столованье онъ почестенъ пиръ,
А й какъ говорилъ своёй Василисты Микулиной:
«Ай же ты моя молода жена,
«Ай молода жена любимá семья,
«Ай молода Василиста да Микулична!
«А я поѣду во славныи во стольніи
«А й во городъ во Кіев-отъ
«А й ко солнышку князю Владиміру
«А й на тотъ столованьё почестенъ пиръ.»
А й тутъ ёна говоритъ ему таковы слова:
— Ай ты мужъ ты мой любезныи,
— Ай ужъ старъ ты Ставёръ сынъ Годиновичъ!
— А й не велѣла бы тебѣ ужъ какъ ѣхати,
— Набъ чтобъ ты не сдѣлался тамъ несчастнымъ.
— Какъ будете вы пьяны веселы,
— Какъ будете вы всѣ фастасти,
— А ты старъ охотникъ пофастати:
— Ты смотри не фастай мной молодой женой,
— А пичѣмъ смотри не фастай тамъ,
— Не фастай во городи во Кіеви.

Потомъ Сорокинъ описывалъ, какъ Ставеръ сѣдлаетъ коня, одѣвается, пріѣзжаетъ въ Кіевъ, ставитъ коня на дворѣ княженецкомъ, входитъ въ полаты, кланяется; тутъ всѣ садятся за столъ и тогда слѣдуетъ продолженіе былины, со стиха 10 у Рыбникова.

Ст. 96. потнички на потнички
Послѣ ст. 109: Брала съ собой дружинушку хоробрую
Дружинушку что у Ставрá была.
Послѣ ст. 112: Оставила дружину во чистомъ поли
Сама поѣхала во городъ Кіев-отъ.
Послѣ ст. 132: Возрощёной ты мой батюшко (такъ и въ другихъ мѣстахъ былины).
Ст. 147: «посла», вмѣсто «послать».
Ст. 182: острéице, вмѣсто острице (такъ и въ другихъ мѣстахъ).
Ст. 208. на вѣсы на вѣрные.
Ст. 221. Раньше солнышка князя Владиміра *).
Ст. 342. На свой на шúрокъ дворъ.

—

*) Въ этомъ же смыслѣ, очевидно, Сорокинъ, когда пѣлъ г. Рыбникову, употребилъ выраженіе: «вставала по утру по раннему—*до* солнышка князя до Владимера»; потому нельзя понять, какое тутъ «замѣчательное отождествленіе солнышка Владиміра съ раннимъ утреннимъ солнцемъ» найдено издателемъ II-го тома Рыбниковскаго сборника.

3. ДЮКЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 30).

Стихъ 2 Сорокинъ пропустилъ.
Ст. 21. Прогласици поѣздки богатырскія, дѣла ратняго.
Ст. 67 шоломчатую, вмѣсто холомчатую.
Ст. 135 богатырь-отъ, вмѣсто богатырь (такъ и въ другихъ стихахъ былины, оканчивающихся этимъ словомъ).

Послѣ ст. 264 Сорокинъ вставилъ:

А й выходили съ шатра да со шолкова
А й на улушку на широкую,
А й какъ тутъ говорилъ какъ старо́й казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же братецъ мой да крестовыи
«Ай молодой бояринъ Дюкъ да Степановичъ!
«А й куда же мы да коня кладемъ
«А й поганаго да Идолища?
«А топерь у насъ есть по коню по доброму,
«А какъ гнать намъ его топерь некуда.
«А й гдѣ видно пала головка хозяйская,
«А тутъ пади да головушка добра коня!»
А й чеснулъ коня какъ межъ ушей рукой правою.
А й какъ конь-тотъ палъ да на сыру землю.

Ст. 307 Изъ той *Коре́ти* богатыя, вмѣсто «Корелы»; такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ этой былины.
Ст. 317: Либо халуина господская,
Либо волочага голь кабацкая.
Ст. 381. «мостовъ калиновыхъ», а не «каленыихъ».
Ст. 430. «задушилися», вм. «заткнулися».
Ст. 481. Аль будьто мужики залисскіи.
Ст. 487. «пороздорили», вм. «пороссорились».
Ст. 664. Со города со Галичи.
Ст. 822. «Не далъ бы», вмѣсто «далъ ли».
Ст. 823. «надсматривалъ», вм. «засматривалъ».

—

4. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

(У Рыбникова, т. II, № 31).

Ст. 3. ко Опскову.
Ст. 8. мимо Казань мимо Астрахань.
Ст. 19. «черненые», вмѣсто «черные».
Ст. 46. Буди́міровичъ (а не Будиморовичъ, какъ отмѣчено въ примѣчаніи къ этому стиху).
Ст. 61. шапочки гладены черны-мурмонки.
Ст. 75. скатняго (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. скачнаго).
Ст. 91. Кіев-отъ (такъ и въ другихъ мѣстахъ, вм. Кіевъ, когда этимъ кончается стихъ).
Ст. 102. «присталь», а не «пристань».
Ст. 109. сундуки окова́ные.
Послѣ ст. 139. Любезной племянницы солнышка князя Владиміра.
Ст. 205. Три терема златоверхіихъ.
Ст. 214. «розували», ст. 215. «обували», вм. «скидывали», «одѣвали».
Ст. 229. «стекольчаты», а не «стекольныи».
Послѣ ст. 263. Не зналъ что забаяти.

Послѣ ст. 296 Сорокинъ вставилъ:

А й какъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Призывалъ онъ свою любезную племянницу,
Молоду Любаву Путятичну:
«Ай же ты любезная племянница
«Молода Любава Путятична!
«А й желаешь ли итти ужъ какъ за́муж-отъ
«Ужъ какъ въ тую землю Веденецкую,
«А й за млада Соловья сына какъ Буди́міровича?»
А й какъ вѣдь ёна говоритъ ему таковы слова:
— А й родитель мой дядюшка,
— Возрощёный мой какъ батюшко!
— А й какъ воля топерь твоя надъ красною надъ дѣвушкой,
— А хошь отдавай, хоша ты нѣтъ меня. —
А какъ ёнъ говоритъ: «я желаю вѣдь отдать тебя.»
А й она говоритъ: «ежели желаешь ты отдать меня
Такъ я иду за его во замужество.»

Конецъ былины, начиная съ стиха 305, Сорокинъ пѣлъ такъ:

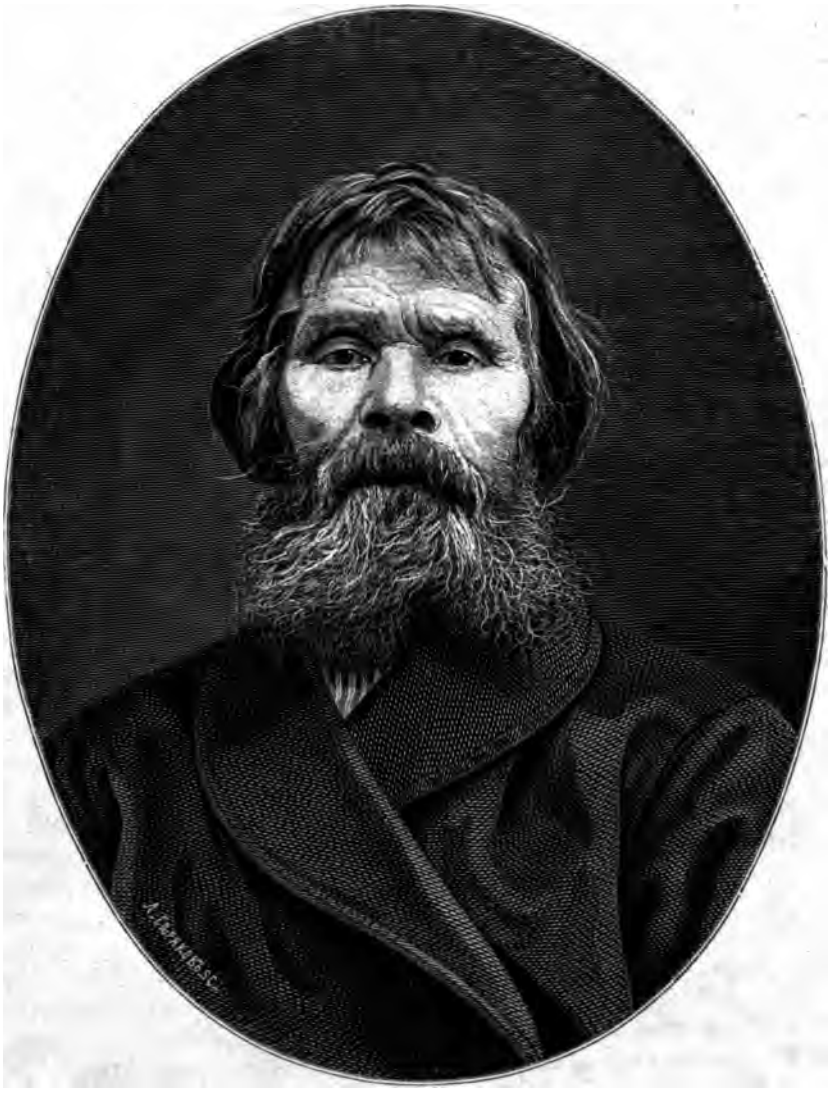
А й какъ тутъ честнымъ пирко́мъ да за свадебку.
А й какъ тутъ младъ Соловей сынъ Буди́міровичъ
А й какъ началъ дарить-то ёнъ
А й князей бояръ да господъ-то всѣхъ
А й краснымъ золотомъ, а й какъ чистымъ да се́ребромъ,
А й какъ мелкимъ скатніимъ жемчугомъ;
А й какъ далъ солнышку князю много несчётной золотой казны,
А для того онъ далъ топеречку,
А й чтобы ёнъ да его да для молодца
Для пріѣзду счастливаго
И для его да для свадебки,
По всему какъ по городу да по Кіеву

А й розотворилъ всѣ кабаки конторы пивоварни-ты,
Чтобы весь народъ какъ пилъ да зелено́ вино,
А й какъ кто не пье да зелена́ вина,
Тотъ бы пилъ да пива пьяные,
А й какъ кто не пье пивовъ пьяныихъ,
Тотъ бы пилъ да мёды сладкіе,
Чтобы знали что да наѣхалъ вѣдь
А й какъ младъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А й зъ-за славнаго синя́ моря
А й свататься па молодой Любавы Путятичной.
Шолъ-то пиръ какъ у ихъ трои сутки-ты,
А й топерь какъ послѣ троихъ суточекъ
А й какъ говорилъ да солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты младъ Соловей сынъ Будиміровъ,
«А й любезныи пынь племянникъ мой!
«А й какъ здѣ ли будешь вѣнчаться съ нѣй,
«А такъ домой какъ будешь отправлятися?»
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— А я буду такъ домой да отправлятися. —
А й какъ топерь да послѣ этого
А й какъ началъ ёнъ отправлятися,
А й какъ началъ ёнъ на черныи на ка́рабли сбиратися,
А й какъ приказалъ дружинушки все сбирать на черныи на ка́рабли.
А й какъ тутъ оставлялъ солнышку князю Владиміру
А й три терема да златоверхіихъ
Въ томъ саду во Путятичномъ,
А й на той на горки да на Конныи.
А й потомъ послѣ этого
А й дарилъ какъ солнышко Владиміръ князь
А й свою любезную племянницу
А й какъ краснымъ золотомъ.
А й да чистымъ да се́ребромъ,
Мелкіимъ скатніимъ жемчугомъ,
А вещамы всё разныма,
А какъ началъ отпущать ю за славное синё море;
А й пошли провожать какъ ю,
А й какъ вѣдь молоду Любаву да Путятичну
А й какъ многи князя бояра вѣдь,
Сенато́ры да думные
И вельможи, купци всѣ богатые,
А й какъ многи поляницы да удалые,
Многи русейскіе сильни бога́тыри,
Провожалъ свой какъ дядюшка
А й какъ солнышко Владиміръ князь да стольнёкіевской
А й на черные на ка́рабли.
А й потомъ какъ отправился
А й какъ младъ Соловей сынъ Будиміровъ,
Приказалъ отвалить да свои ка́рабли
А й во славное синё морё,
А й какъ онъ поѣхалъ за славное синё морё
Въ сво́ю землю вѣдь да Веденецкую,
Пріѣзжалъ какъ въ сво́ю землю Веденецкую,
Для своихъ мужиковъ веденецкіихъ
Для своихъ всѣхъ господъ да веденецкіихъ,
Для купцей богатыхъ веденецкіихъ,
А й завёлъ столованье да почестенъ пиръ,
Повѣнчался тутъ съ молодой Любавой да Путятичной.
А топерь у ихъ да послѣ этого
А какъ сталъ младъ Соловей въ земли да веденецкоей
Съ молодой Любавой да Путятичной,
А тому да всему славы́ поютъ.
А й Дунай Дунай, да болѣ ввѣкъ не знай.

III.

КИЖИ.

Къ стр. 433.



ТРОФИМЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РЯБИНИНЪ.

КИЖИ.

XVI.

РЯБИНИНЪ.

Трофимъ Григорьевичъ Рябининъ, крестьянинъ дер. Серёдки, Кижской волости, 78 лѣтъ отъ роду, еще бодрый старикъ средняго роста, почти безъ сѣдины. Родился въ дер. Гарницы сосѣдняго съ Кижскимъ Сѣнногубскаго погоста. Его отецъ былъ взятъ въ милицію во время шведской войны (должно быть при Екатеринѣ), когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ. Черезъ годъ послѣ ухода отца на службу, мать умерла, отецъ былъ убитъ на войнѣ. Молодаго Трофима Григорьева воспиталъ «православный мѣръ». Когда подросъ, онъ, чтобы не просить милостыни и не быть въ тягость чужимъ людямъ, сталъ ходить по окрестнымъ деревнямъ чинить сѣтки, ловушки и другія рыболовныя снасти. При этомъ ему случалось работать подолгу вмѣстѣ съ Ильею Елустафьевымъ, бѣднымъ старикомъ съ Волкострова, дер. Шляминской, который, «откачнувшись» отъ своего сына, ходилъ тоже по волостямъ и пропитывался тѣмъ, что «ладилъ» (т. е. мастерилъ) и чинилъ всякаго рода сѣти для рыбной ловли. Этотъ Илья Елустафьевъ (умершій тому назадъ лѣтъ 40, девяноста лѣтъ отъ роду) зналъ очень много былинъ и пѣвалъ ихъ за работой, и Рябининъ многое отъ него «понялъ». Между прочимъ, отъ него онъ научился былинамъ про Илью и Калина царя и Молодца и худую жену. Въ 1812 году онъ поступилъ въ работники въ домъ своего дяди Игнатія Иванова Андреевыхъ (въ дер. Гарницы), который по словамъ его былъ самымъ лучшимъ пѣвцомъ былинъ во всемъ ихъ краѣ и превосходилъ даже Елустафьева. Тутъ же жилъ и зять Игнатія Иванова, Василій Софроновъ Сарафановъ (отецъ нынѣшняго сказателя Сарафанова, см. ниже) и былъ тоже мастеръ пѣть былины. Отъ Игнатія Иванова Рябининъ «понялъ» наибольшую часть своихъ былинъ, именно про Вольгу, Илью и Соловья разбойника, Илью узнающаго свою дочь, Дуная, Потыка, королевичей изъ Крякова и Скопина. Былины про Добрыню въ борьбѣ со змѣемъ и про Добрыню въ отъѣздѣ съ Василіемъ Казиміровымъ онъ узналъ еще ранѣе того, отъ крестьянина Ивана Агапитова Завьялова въ Гарницахъ, котораго слышалъ въ дѣтствѣ (Завьяловъ, по словамъ Рябинина, умеръ почти 70 лѣтъ тому назадъ); про Дюка онъ научился отъ старика Ивана Кокойкина, жившаго до 100 годовъ; про Ивана Годиновича отъ крестьянина Ѳедора Трепалина изъ дер. Мигуровъ: у обоихъ послѣднихъ (Кокойкина и Трепалина) ему случалось по временамъ бывать въ работникахъ. 24 лѣтъ отъ роду Рябининъ женился и перешелъ въ домъ тестя въ дер. Середка, гдѣ съ тѣхъ поръ живетъ на крестьянствѣ. Но кромѣ хлѣбопашества, главное его занятіе составляла рыбная ловля. Не ограничиваясь промысломъ около дома, онъ разъ 40 на своемъ вѣку ходилъ съ другими

крестьянами изъ Заонежья на ловлю въ Ладожское озеро; бывалъ раза два въ Петербургѣ, но на самое короткое время, только для сбыта рыбы. Онъ считается весьма исправнымъ домохозяиномъ, хотя не изъ самыхъ зажиточныхъ. Изъ четырехъ его сыновей двое были взяты въ солдаты и умерли на службѣ; двое живутъ при отцѣ и отчасти переняли отъ него умѣнье пѣть былины. Рябининъ извѣстенъ былъ г. Рыбникову, который записалъ съ его словъ 23 былины (считая въ томъ числѣ отрывки). Въ настоящее время онъ всѣхъ не могъ уже вспомнить. Всѣ здѣсь помѣщаемыя былины записаны у него «съ голоса». Пребываніе Рябинина въ Петербургѣ, куда онъ прибылъ по приглашенію Отдѣленія Этнографіи Русскаго Географическаго Общества, дало случай вновь повѣрить прежнюю запись. Рябининъ разсказывалъ, что онъ слыхалъ отъ стариковъ и разныя другія былины, которыхъ не упомнилъ. Такъ онъ слышалъ, но очень давно, отъ одного старика былину про рагнозерскаго старика Ѳёдора Рахкоя, который ходилъ бороться въ Москву (сравн. былину про Рахту рагнозерскаго, которая помѣщена выше подъ № 11); отъ вышеупомянутаго Завьялова слышалъ онъ большую былину про Михайлу Потыка, которая, судя по тому, какъ онъ передавалъ ея содержаніе, была сходна съ тою, которую пѣлъ Калининъ о томъ же богатырѣ (см. выше № 6).

—

73.

ВОЛЬГА И МИКУЛА.

(У Рыбникова, т. I, 3).

Жилъ Святославъ девяносто лѣтъ,
Жилъ Святославъ да переставился.
Оставалось отъ него чадо милое
Молодой Вольга Святославговичъ.
Сталъ Вольга ростѣть матерѣть,
Похотѣлося Вольгѣ да много мудростей:
Щукой рыбою ходить Вольгѣ во синіихъ моряхъ,
Птицей соколомъ летать Вольгѣ подъ оболокѣ,
Волкомъ и рыскать во чистыхъ поляхъ.
Уходили-то вси рыбушки во глубоки моря,
Улетали вси птички за оболокѣ,
Убѣгали вси звѣри за темны лѣса.
Сталъ Вольга онъ ростѣть матерѣть
И сбѣралъ соби дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцевъ безъ единого,
Самъ еще Вольга во тридцатыихъ.
Былъ у него родной дядюшка,
Славныи князь Владиміръ стольно-кіевской;
Жаловалъ его трёма городама всё крестьянами:
Первымъ городомъ Гурчовцемъ,
Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Онъ поѣхалъ къ городамъ и за получкою
Со своёй дружинушкой хороброю.
Выѣхалъ Вольга во чисто поле,
Енъ услышалъ во чистомъ поли ратоя;
А оретъ въ поли ратой, понукиваетъ,
А у ратоя-то сошка поскрипываетъ,
Да по камешкамъ омешики прочиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга онъ до ратоя,
День съ утра ѣхалъ до вечера,
Да не могъ ратоя въ полѣ наѣхати.
А орётъ-то въ поли ратой, понукиваетъ,
А у ратоя сошка поскрипываетъ,
Да по камешкамъ омешики прочиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга еще другой день,
Другой день съ утра до пабѣдья,
Со своей со дружинушкой хороброю.
Енъ наѣхалъ въ чистомъ поли ратоя,
А оретъ въ полѣ ратой, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ,
Въ край онъ уѣдетъ — другаго невидать.
То коренья каменья вывертываетъ,
Да великія онъ каменья вси въ борозду валитъ.
У ратоя кобылка соловенька,
Да у ратоя сошка кленовая,
Гужики у ратоя шелковыя.
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Богъ теби помочь оратаюшко,
«А орать да пахать да крестьяновати,
«Съ края въ край бороздки пометывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Да поди-ко ты, Вольга Святославговичъ!
— Мни-ка надобно Божья помочь крестьяновать,
— Съ края въ край бороздки пометывать.
— А и далече ль Вольга ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
Говорилъ Вольга таковы слова:
«А ѣду къ городамъ я за получкою,
«Къ первому ко городу ко Гурчёвцу,
«Къ другому-то городу къ Орѣховцу,
«Къ третьему городу къ Крестьяновцу.»
Говорилъ оратай таковы слова:

1) Про Вольгу и Микулу (см. № 73, стр. 435).

Довольно скоро.

Жилъ Святославъ де-вя-но-сто лѣтъ, Жилъ Святославъ да пе-ре-ста-вил-ся, Ос-та-

валось отъ не-го ча-до ми-ло-ё Мо-ло-дый Вольга Свято-славговичъ.

Сталъ Вольга ёнъ ро-стѣть матерѣть, По-хо-тѣ-ло-ся Воль-гѣ много муд-ро-стей:

Щукой ры-бо-ю хо-дить ё-му во си-ні-ихъ моряхъ, Птицей со-ко-ломъ летать Воль-

(медленнѣе.)

гй подъ о-бо-ло-ки, Ры-ска-ти волкомъ во чи-стыхъ по-ляхъ.

2) Про Добрыню и Василія Казимірова (см. № 80, стр. 480).

Умѣренно.

На чест-номъ пиру Владыміръ сталъ похаживать: Ай же вы мо-и да кня-

зи бо-я-ра, Сильны рус-скі-е мо гу-чі-е бо-га-ты-ря! Задол-

жалъ-то я ко ко-ро-лю-то Бо-ті-я-ну Бо-ті-я-но-ву, Да во

даль-ні-я во зем-ли Со-ро-чин-скі-я Да за ста-ры-е то го-ды и за но-

вѣшній, И сполна я го-су-да-рю за двѣ-надцать годъ.

— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— Да недавно былъ я въ городи — третьяго дни
— На своей кобылкѣ соловою,
— А привезъ оттуль соли я два́ мѣха̀,
— Два мѣха-то соли привезъ по со́року пу́дъ,
— А живутъ мужики тамъ розбойники,
— Ены просятъ грошёвъ подорожныихъ.
— А я былъ съ шалыгой подорожною,
— А платилъ имъ гроши я подорожныи:
— А кой сто́я стоитъ, тотъ и си́дя сидѝтъ,
— А кой сидя сидитъ, тотъ и ле́жа лежѝтъ *). —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же оратай ора́таюшко̀!
«Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ,
«Да ко тѣмъ къ городамъ за получкою.»
Этотъ оратай оратаюшко
Гужики съ сошки онъ повыстенулъ
Да кобылку изъ сошки повы́вернулъ,
А со тою онъ сошки со кленовенькой,
А й оставилъ онъ тутъ сошку кленовую,
Онъ садился на кобылку соловеньку;
Они сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
По славному роздольицу чисту́ полю.
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— А оставилъ я сошку въ борозочки....
— Да не гля-ради прохожаго проѣзжаго,
— Ради мужика деревенщины:
— Они сошку съ земельки повыдернутъ,
— Изъ омешиковъ земельку повытряхнутъ,
— Изъ сошки омешики повыколнутъ, —
— Мнѣ нечѣмъ будетъ мо́лодцу крестьяновати̇.
— А пошли ты дружинушку хоробрую,
— Чтобы сошку съ земельки повы́дернули̇
— Изъ омешиковъ земелька повы́тряхнули̇,
— Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ. —
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ тутъ два да три добрыхъ мо́лодца
Со своей съ дружинушки съ хороброей
Да ко этой ко сошкѣ кленовенькой,
Чтобы сошку съ земельки повы́дернули̇,
Изъ омешиковъ земельку повы́тряхнули̇,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Ѣдутъ туды два да три добрыхъ мо́лодца
Ко это́й ко сошики кленовоей;
Они сошку за обжи круго́мъ вертятъ,
А имъ сошки отъ зе́мли поднять нельзя,
Да не могутъ они сошку съ земельки повы́дернути̇,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ
Онъ своей дружинушки хороброей
А ко это́й ко сошкѣ кленовоей.
Пріѣхали они цѣлымъ десяточкомъ
Ко этой славной ко сошкѣ кленовенькой;
Оны сошку за обжи кружкомъ вертятъ, —
Сошки отъ земли поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернути̇,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнути̇,
Бросить со́шки за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ всю дружинушку хоробрую,
То онъ тридцать молодцовъ безъ единаго.
Этая дружинушка хоробрая,
Тридцать молодцовъ да безъ единаго,
А подъѣхали ко сошкѣ кленовенькой,
Брали сошку за обжи, кружкомъ вертятъ, —
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ они сошки съ земельки повы́дернути̇,
Изъ омешиковъ земельки повы́тряхнути̇,
Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
Го́воритъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ Святославговичъ!
— То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,
— А не могутъ оны сошки съ земельки повыдернуть,
— Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
— Бросити сошки за ракитовъ кустъ.
— Не дружинушка тутъ есте хоробрая,
— Столько одна есте хлѣбоясть. —
Этотъ оратай ора́таюшко̀
Онъ подъѣхалъ на кобылкѣ соловенькой
А ко этоей ко сошкѣ кленовенькой,
Бралъ эту сошку одно́й ручкой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
Да по славному роздолью чисту́ полю.
А у ратоя кобылка она ры́сью идётъ,
А Вольги́нъ-тотъ конь да поска́кивае́тъ;
А у ратоя кобылка гру́дью пошла̀,
Такъ Вольги́нъ-тотъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ покры́кивати̇,
Сталъ колпакомъ Вольга̀ пома́хивати̇,
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Стой-ко постой да ора́таюшко̀!»
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:

*) Въ другой разъ Рябининъ вмѣсто «тотъ и лежа лежитъ», пѣлъ: «тотъ и вѣкъ не стоитъ».

«Ай же оратай ора́таюшко̀,
«Эта кобылка конёмъ бы была̀,
«За эту кобы́лку пятьсо́тъ бы далѝ.»
Го́воритъ оратай таковы слова:
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
— Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конёмъ бы была̀,
— Этой бы кобылки и смѣты нѣтъ. —
Го́ворилъ Вольга̀ таковы слова:
«Ай же ты оратай оратаюшко!
«Какъ-то тобя да именёмъ зовутъ,
«Какъ звеличаютъ по отечеству?»
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же Вольга̀ ты Святославговичъ!
— Ржи напашу, въ скирды складу̀,
— Въ скирды складу да домой вы́волочу̀,
— Домой выволочу, дома вы́молочу̀,
— Драни надеру да то я пи́ва наварю̀,
— Пива наварю, мужичко́въ напою̀,
— Станутъ мужички меня поклѝкиватѝ:
— Ай ты мо́лодой Микулушка Селя́ниновичъ! —

Записано въ Кижахъ,
дер. Дуткинъ-Наволокъ, 7 іюля;
повѣрено въ Петербургѣ,
4 декабря.

—

74.

ИЛЬЯ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова. т. I, 10).

Изъ того ли-то изъ города изъ Муромля,
Изъ того села да съ Карачирова,
Выѣзжалъ удаленькой дородній добрый мо́лодецъ,
Онъ стоялъ заутрену во Муромли
А й къ обѣденкѣ поспѣть хотѣлъ онъ въ стольнёй Кіевъ градъ,
Да й подъѣхалъ онъ ко славному ко городу къ Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано̀-то силушки черны́мъ черно,
А й черны́мъ черно какъ черна во́рона;
Такъ пѣхотою никто тутъ не прохаживатъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживатъ,
Птица черной воронъ не пролетыватъ,
Сѣрый звѣрь да не прорыскиватъ.
А подъѣхалъ какъ ко силушкѣ великоей,
Онъ какъ сталъ-то эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да сталъ копьёмъ колоть,
А й побилъ онъ эту силу всю великую.
Ёнъ подъѣхалъ-то подъ славный подъ Черниговъ градъ;
Выходили мужички да тутъ черниговски
Й отворяли-то ворота во Черниговъ градъ,
А й зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ-то имъ Илья да таковы слова:
«Ай же мужички да вы Черниговски!
«Я не йду къ вамъ во Черниговъ воеводою.
«Укажите мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую да въ стольній Кіевъ градъ.»
Говорили мужички ему черниговски:
— Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
— Ай ты славныя бога́тырь святорусьскіи!
— Прямоѣзжая дорожка заколо́дѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
— А й по той ли по дорожкѣ прямоѣзжою
— Да й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— На добро́мъ кони никто да не проѣзживалъ:
— Какъ у той ли-то у грязи-то у Черноей,
— Да у той ли у березы у покляпыя,
— Да у той ли рѣчки у Смородины,
— У того креста у Леванидова,
— Си́ди Соло́вей розбойникъ во сыро́мъ дубу,
— Си́ди Со́ловей розбойникъ Одіхмантьевъ сынъ,
— А то свищетъ Со́ловей да по соло́вьему
— Ёнъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному
— Й отъ него ли-то отъ по́свисту со́ловьяго,
— Й отъ него ли-то отъ по́крыку звѣринаго,
— То всѣ травушки мурàвы уплетаются,
— Всѣ лазуревы цвѣточки отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвы́ лежатъ.
— Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
— А й окольноёй дорожкой цѣла тысяща. —
Онъ спустилъ добра́ коня да й богатырскаго,
Онъ поѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею.
Ёго добрый конь да богатырскіи
Съ горы на гору сталъ перескакивать,
Съ холмы на́ холму сталъ перемахивать,
Мелки рѣченки озерка промежъ ногъ спущалъ.
Подъѣзжаетъ онъ ко рѣчкѣ ко Смородинки,
Да ко тоей онъ ко Грязи онъ ко Черноей,
Да ко тою ко березы ко покляпыя,
Къ то́му славному кресту ко Леванидову.
Засвисталъ-то Со́ловей да й по соло́вьему
Закрычалъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
Такъ всѣ травушки муравы уплетались,

лазуревы цвѣточки отсыпалися,
ы лѣсушки къ землѣ вси приклонилися.
добрый конь да богатырскіи
ь на корзни́ *(такъ)* да потыкается;
какъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
гъ плеточку шелко́вую въ бѣлу́ руку,
ь билъ коня а по крутымъ ребрамъ;
илъ-то онъ Илья да таковы слова:
ты волчья сыть да й травяной мѣшокъ!
ты итти не хошь али нести не мошь?
ты на корзни́ собака потыкаешься?
слыхалъ ли посвисту соло́вьяго,
слыхалъ ли покрыку звѣринаго,
видалъ ли ты ударовъ богатырскіихъ?»
тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
ретъ-то онъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
ои беретъ во бѣлы онъ во ручушки,
тетивочку шелковеньку натягивалъ
ь стрѣлочку каленую накладывалъ,
нъ стрѣлилъ въ то́го Со́ловья розбойника,
выбилъ право око со косичею.
спустилъ-то Со́ловья да на сыру землю,
тегнулъ его ко правому ко стремечки булатнему,
повезъ его по славну по чисту́ полю,
гнѣздышко́ повезъ да Соловьиное.
омъ гнѣздышкѣ да Соловьиноемъ
чилось быть да и три дочери,
три дочери его любимыихъ;
на дочка эта смотритъ во окошечко косевчато,
ритъ ёна да таковы слова:
етъ-то нашъ батюшко чисты́мъ полемъ,
сидитъ-то на добро́мъ кони,
везетъ ёнъ мужичища деревенщину,
у праваго у стремени прикована.—
адѣла его дру́га дочь любимая,
рила-то она да таковы слова:
тъ батюшко роздольицемъ чисты́мъ полемъ
й везетъ онъ мужичища деревенщину,
й ко правому ко стремени прикована.»
адѣла его меньша дочь любимая,
рила-то она да таковы слова:
етъ мужичищо деревенщина,
й сидитъ мужикъ онъ на добро́мъ кони,
й везетъ-то наша батюшка у стремени,
булатняго у стремени прикована.
му выбито-то право око со косичею.—
рила то й она да таковы слова:
й же мужевья наши любимыи!
берите-тко рогатины звѣриныи,
бѣжите-тко въ роздольице чисто́ поле
— Да вы бейте мужичища деревенщину.—
Эти мужевья да ихъ любимыи,
Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали какъ рогатины звѣриныи
Да и бѣжали-то оны да й во чисто́ поле
Ко тому ли къ мужичищу деревенщинѣ,
Да хотятъ убить-то мужичища деревенщину.
Говоритъ имъ Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Ай же зятевья мои любимыи!
«Побросайте-тко рогатины звѣриныи,
«Вы зовите мужика да деревенщину,
«Въ сво́ё гнѣздышко зовите Соловьиное,
«Да кормите ёго ѣствушкой сахарною,
«Да вы пойте ёго питьицемъ медвяныимъ,
«Да й дарите ёму да́ры драгоцѣнные.»
Эты зятевья да Соловьиныи
Побросали-то рогатины звѣриныи
А й зовутъ-то мужика да й деревенщину
Во то гнѣздышко да Соловьиное;
Да й мужик-отъ деревенщина не слушатся,
А онъ ѣдетъ-то по славному чисту́ полю,
Прямоѣзжею дорожкой въ стольнёй Кіевъ градъ.
Енъ пріѣхалъ-то во славный стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ.
А й Владыміръ князь онъ вышелъ со Божьёй церквы,
Онъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Оны сѣли ѣсть да́ пить да хлѣба кушати,
Хлѣба кушати да пообѣдати.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Становилъ коня да посерёдъ двора,
Самъ идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столовую во горенку,
На́ пяту онъ дверь-ту порозмахивалъ,
Крест-отъ клалъ ёнъ по писа́ному,
Велъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владыміру въ особину,
Еще всимъ его князьямъ онъ подколѣнныимъ.
Тутъ Владыміръ князь сталъ мо́лодца выспрашивать:
— Ты скажи-тко, ты откулешной, дородній добрый мо́лодецъ,
— То́бе какъ-то молодца да имене́мъ зовутъ,
— Звеличаютъ удала́го по отечеству?—
Говорилъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Есть я съ славнаго изъ города изъ Муромля,
«Изъ того села да съ Карачирова,

«Есть я старыя казакъ да Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.»
Говоритъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да й давно ли ты повыѣхалъ изъ Муромля
— И которою дороженкой ты ѣхалъ въ стольнёй Кіевъ градъ? —
Говорилъ Илья онъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«Я стоялъ заутрену христовскую во Муромли,
«А й къ обѣденки поспѣть хотѣлъ я въ стольнёй Кіевъ градъ,
«То моя дорожка призамѣшкалась;
«А я ѣхалъ-то дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею дороженкой я ѣхалъ мимо-то Черниговъ градъ,
«Ѣхалъ мимо эту Грязь да мимо Черную,
«Мимо славну рѣченку Смородину,
«Мимо славную березу-ту поклапую,
«Мимо славный ѣхалъ Леванидовъ крестъ.»
Говорилъ ему Владыміръ таковы слова:
— Ай же мужичищо деревенщина,
— Во глазахъ мужикъ да подлыгаешься,
— Во глазахъ мужикъ да насмѣхаешься!
— Какъ у славнаго у города Чернигова
— Нагнанò тутъ силы много множество,
— То пѣхотою никто да не прохаживалъ,
— И на добромъ конѣ никто да не проѣзживалъ,
— Туды сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ,
— Птица черный воронъ не пролетывалъ;
— А у той ли-то у Грязи-то у Черной,
— Да у славной у рѣчки у Смородины,
— А й у той ли у березы у поклапою,
— У того креста у Леванидова,
— Соловéй сидитъ розбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— То какъ свищетъ Сóловей да по солóвьему,
— Какъ крычитъ злодѣй розбойникъ по звѣриному,
— То всѣ травушки муравы уплетаются,
— А лазуревы цвѣтки прочь отсыпаются,
— Темны лѣсушки къ земли вси приклоняются,
— А что есть людей, то вси мертвó лежатъ. —
Говорилъ ему Илья да таковы слова:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Соловей розбойникъ на твоемъ дворе,
«Ему выбито вѣдь право око со косичею,
«Й онъ ко стремени булатнему прикованой.»
То Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Онъ скорешенько ставалъ да на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
То онъ шапочку соболью на одно ушко,
Онъ выходитъ-то на свой-то на широкой дворъ
Посмотрѣть на Сóловья розбойника.
Говорилъ-то вѣдь Владыміръ князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Сóловей, ты по солóвьему
— Закрычи-тко ты, собака, по звѣриному. —
Говорилъ-то Сóловей ему розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
«Не у васъ-то я сегодня, князь, обѣдаю,
«А не васъ-то я хочу да и послушати,
«Я обѣдалъ-то у стараго казáка Ильи Муромца,
«Да его хочу-то я послушати.»
Говорилъ-то какъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать ты Сóловью да й по солóвьему,
— Прикажи-тко закрычать да по звѣриному. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Ай же Сóловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ!
«Засвищи-тко ты во пóлъ-свисту солóвьяго,
«Закрычи-тко ты во пóлъ-крыку звѣринаго.»
Говорилъ-то ёму Сóловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ:
— Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
— Мои раночки кровавы запечатались,
— Да не ходятъ-то мои уста сахáрніи,
— Не могу я засвистать да й по солóвьеву
— Закрычать-то не могу я по звѣриному.
— А й вели-тко князю ты Владыміру
— Налить чару мни да зеленá вина,
— Я повыпью-то какъ чару зеленá вина,
— Мои раночки кровавы порозóйдутся
— Да й уста мои сахарни поросходятся,
— Да тогда я засвищу да по солóвьему,
— Да тогда я закрычу да по звѣриному. —
Говорилъ Илья-тотъ князю онъ Владыміру:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Ты поди въ свою столовую во горенку,
«Наливай-ко чару зеленá вина,
«Ты не малую стопу да полтора ведра,
«Подноси-тко къ Сóловью къ розбойнику.»
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ скоренько шолъ въ столову свою горенку,
Наливалъ онъ чару зеленá вина,
Да не малу онъ стопу да полторá ведра,
Розводилъ медами онъ стоялыма,
Приносилъ-то ёнъ ко Сóловью розбойнику.
Соловей розбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принялъ чарочку отъ князя онъ одной ручкой,
Выпилъ чарочку-ту Соловей однымъ духомъ,
Засвисталъ какъ Соловей тутъ по солóвьему,

Закрычалъ розбойникъ по звѣриному,
Маковки на теремахъ покривились
А окóленки во теремахъ розсыпались
Отъ него отъ посвисту соловьяго,
А что есть-то людюшокъ, такъ вси мертвы́ лежатъ;
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Куньей шубонькой онъ укрывается.
А й тутъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Онъ скорешенько садился на добрá коня,
А й онъ везъ-то Сóловья да во чистó поле,
Й онъ срубилъ ему да буйну голову.
Говорилъ Илья да таковы слова:
«Тоби полно-тко свистать да по солóвьему,
«Тоби полно-тко крычать да по звѣриному,
«Тоби полно-тко слезить да отцей-мáтерей,
«Тоби полно-тко вдовить да женъ молóдыихъ,
«Тоби полно-тко спущать-то сиротать да малыхъ дѣтушокъ.»
А тутъ Сóловью ему й славу́ поютъ,
А й славу́ поютъ ему вѣкъ пó вѣку.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

—

75.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Порозгнѣвался на стараго казáка Илью Муромца,
Засадилъ его во погребъ во холодныи
Да на три-то году пóры времени.
А у славнаго у князя у Владыміра
Была дочь да одинакая,
Она видитъ: это дѣло есть немалое,
А что посадилъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Стараго казáка Илью Муромца
Въ тотъ во погребъ во холодныи;
А онъ могъ бы постоять одинъ за вѣру за отечество,
Могъ бы постоять одинъ за Кіевъ градъ,
Могъ бы постоять одинъ за церкви за соборныи,
Могъ бы поберечь онъ князя да Владыміра,
Могъ бы поберечь Опраксу королевичну.
Приказала сдѣлать да ключи поддѣльные,
Положила-то людей да потаенныихъ,
Приказала-то на погребъ на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховыи,
Одѣяла приказала снёсти теплыи,
Ена ѣствушку поставить да хорошую,
И одежу смѣнятъ съ нова нá ново
Тому старому казáку Ильѣ Муромцу.
А Владыміръ князь про то не вѣдаётъ.
И воспылалъ-то тутъ собака Кáлинъ царь на Кіевъ градъ
И хотитъ ёнъ рóзорить да стольній Кіевъ градъ,
Чернедь-мужичковъ онъ всѣхъ повырубить,
Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
Князю-то Владыміру да голова срубить
Да со той Опраксой королевичной.
Посылаетъ-то собака Калинъ царь посланника,
А посланника во стольній Кіевъ градъ,
И даетъ ему ёнъ грамоту посыльную
И посланнику-то онъ наказывалъ:
«Какъ поѣдешь ты во стольній Кіевъ градъ,
«Будешь ты посланникъ въ стольнеёмъ во Кіевѣ
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«Будешь на него на широкóмъ дворѣ
«И сойдешь какъ тутъ ты со добрá коня,
«Да й спущай коня ты на посыльной дворъ,
«Самъ поди-тко во полату бѣлокаменну,
«Да пройдешь полатой бѣлокаменной,
«Да й войдешь въ его столовую во горенку,
«На пяту́ ты дверь да порозмахивай,
«Не снимай-ко киверá съ головушки,
«Подходи-ко ты ко столику къ дубовому,
«Становись-ко супротивъ князя Владыміра,
«Полагай-ко грамоту на зóлотъ столъ,
«Говори-тко князю ты Владыміру:
««Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
««Ты бери-тко грамоту посыльную
««Да смотри, что въ грамотѣ написано,
««Да гляди, что въ грамотѣ да напечатано;
««Очищай-ко ты всѣ улички стрѣлецкіи,
««Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
««По всему-то городу по Кіеву,
««А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
««Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ
««Нáставь сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ,
««Чтобъ стояли бочка о бочку близко-пó-близку,
««Чтобы было у́ чего стоять собакѣ царю Калину
««Со своими-то войскамы со великима
««Во твоемъ во городѣ во Кіевѣ.»»
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Бралъ-то книгу онъ посыльную,
Да и грамоту ту роспечатывалъ,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ написано,
И смотрѣлъ, что въ грамотѣ да напечатано,
А что велѣно очистить улицы стрѣлецкіи
И большіе дворы княженецкіе,

Да наставить сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
А по всѣмъ по улицамъ широкіимъ
Да по всѣмъ-то переулкамъ княженецкіимъ.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Видитъ: есть это̀ дѣло̀ немалое,
А немало дѣло-то, великое,
А садился-то Владыміръ князь да на черленый стулъ,
Да писалъ-то вѣдь онъ грамоту повинную:
— Ай же ты собака да и Калинъ царь!
— Дай-ко мнѣ ты по̀ры времечки на трй году,
— На три го́ду дай и на три мѣсяца,
— На три мѣсяца да е́ще на три дня,
— Мнѣ очистить улицы стрѣлецкіи,
— Всѣ великіе дворы да княженецкіи,
— Накурить мнѣ сладкіихъ хмѣльныхъ напиточекъ
— Да й наставить по всему-то городу по Кіеву
— Да й по всѣмъ по улицамъ широкіимъ,
— По всимъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ. —
Отсылаетъ эту грамоту повинную,
Отсылаетъ ко собакѣ царю Калину;
А й собака тотъ да Калинъ царь
Далъ ему онъ по̀ры времечки на трй году,
На три го́ду далъ и на три мѣсяца,
На три мѣсяца да е́ще на три дня.
Еще день за день вѣдь какъ и дождь дождитъ,
А недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Прошло по̀ры времечки да трй году,
А три го́ду да три мѣсяца,
А три мѣсяца и е́ще три-то дня;
Тутъ подъѣхалъ вѣдь собака Калинъ царь,
Онъ подъѣхалъ вѣдь подъ Кіевъ градъ
Со своими со войскамы со великима.
Тутъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ по горенки да сталъ похаживать,
Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слёзы вѣдь горючіи,
Шелковы́мъ платкомъ князь утирается,
Говоритъ Владыміръ князь да таковы слова:
«Нѣтъ жива́-то стараго каза́ка Ильи Муромца,
«Не́кому стоять теперь за вѣру за отечество,
«Не́кому стоять за церквы вѣдь за Божіи,
«Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
«Да вѣдь некому сберечь князя Владыміра
«Да и той Опраксы королевичной!»
Говоритъ ему любима дочь да таковы слова:
— Ай ты батюшко Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
— Вѣдь есть живъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— Вѣдь онъ живъ на погребѣ холодноемъ. —
Тутъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Онъ скорешенько беретъ да золоты ключи
Да идетъ на погребъ на холодныи,
Отмыкаетъ онъ скоренько погребъ да холодныи
Да подходитъ ко рѣшоткамъ ко желѣзныимъ,
Ростворилъ-то онъ рѣшотки да желѣзныи.
Да тамъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ во погребѣ сидитъ-то, самъ не ста́рится;
Тамъ перинушки подушечки пуховыи,
Одѣяла спе́сены тамъ теплыи,
Ѣствушка поставлена хорошая,
А одежица на немъ да жи́ветъ смѣнная.
Ёнъ беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За его за перстни за злаченыи,
Выводилъ его со погреба холоднаго,
Приводилъ его въ полату бѣлокаменну,
Становилъ-то онъ Илью да супроти́въ себя,
Цѣловалъ въ уста его саха́рніи,
Заводилъ его за столики дубовыи,
Да садилъ Илью-то ёнъ подли́ себя,
И кормилъ его да ѣствушкой саха́рнею,
Да поилъ-то пи́тьицемъ медвяныимъ,
И говорилъ-то онъ Ильѣ да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Нашъ-то Кіевъ градъ нынь въ полону стоитъ,
«Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кіевъ градъ
«Со своима со войскамы со великима.
«А постой-ко ты за вѣру за отечество,
«И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
«Да постой за матушки Божьи церквы,
«Да постой-ко ты за князя за Владыміра
«Да постой-ко за Опраксу королевичну!»
Такъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Выходилъ онъ со полаты бѣлокаменной,
Шолъ по городу онъ да по Кіеву,
Заходилъ въ свою полату бѣлокаменну,
Да спросилъ-то какъ онъ па́робка любимаго,
Шолъ со паробкомъ да со любимымъ
А на свой на славный на широкій дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Посмотрѣлъ добра коня онъ богатырскаго.
Говорилъ Илья да таковы слова:
— Ай же ты мой паробокъ любимыи,
— Вѣрный ты слуга мой безызмѣнныи,
— Хорошо держалъ моёго коня ты богатырскаго! —
Цѣловалъ его онъ во уста саха́рніи,
Выводилъ добра́ коня съ конюшенки стоялыи
А й на тотъ на славный на широкій дворъ.
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Сталъ добра́ коня тутъ онъ засѣдлывать;

На коня накладываетъ потничекъ,
А на потничекъ накладываетъ войлочекъ,
Потничекъ онъ клалъ да вѣдь шелковенькой,
А на потничекъ подкладывалъ подпотничекъ,
На подпотничекъ сѣделко клалъ черкасское,
А черкасское сѣдёлышко недержано,
И подтягивалъ двѣнадцать подпруговъ шелковыихъ,
И шпилёчики онъ втягивалъ булатніи,
А стремяночки покладывалъ булатніи,
Пряжечки покладывалъ онъ красна золота, —
Да не для красы угожества,
Ради крѣпости все богатырскоей:
Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не рвутся,
Да булатъ желѣзо гнется, не ломается,
Пряжечки-ты красна золота
Онѣ мокнутъ, да не ржавѣютъ.
И садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Бралъ съ собой доспѣхи крѣпки богатырскіи,
Во-первы́хъ бралъ палицу булатнюю,
Во-вторыхъ бралъ ко́пье боржамецкое,
А еще бралъ свою саблю вострую,
А йще бралъ шалыгу подорожную,
И поѣхалъ онъ изъ города изъ Кіева.
Выѣхалъ Илья да во чисто́ поле
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскіимъ.
Посмотрѣть на во́йска на татарскіи:
Нагнано́-то силы много множество,
Какъ онъ покрыку отъ человѣчьяго,
Какъ отъ ржанья лошадинаго
Унываетъ сердце человѣческо.
Тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Не могъ ко́нца краю силушкѣ наѣхати.
Онъ повыскочилъ на гору на высокую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Посмотрѣлъ на силушку татарскую,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
И повыскочилъ онъ на́ гору на дру́гую,
Посмотрѣлъ на всѣ на три четыре стороны,
Ко́нца краю силы насмотрѣть не могъ.
Онъ спустился съ той со го́ры со высокіи,
Да онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю
И повыскочилъ на третью гору на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную вѣдь сторону,
Насмотрѣлъ онъ подъ восточной сто́роной,
Насмотрѣлъ онъ тамъ шатры́ бѣлы
И у бѣлыихъ шатровъ-то кони богатырскіи.
Онъ спустился съ той съ горы высокіи
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Пріѣзжалъ Илья къ шатрамъ ко бѣлынмъ,
Какъ сходилъ Илья да со добра́ коня
Да у тыхъ шатровъ у бѣлыихъ
А тамъ сто́ятъ кони богатырскіи,
У того ли по́лотна стоя́тъ у бѣлаго,
Они зоблютъ-то пшену да бѣлоярову.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Поотвѣдать мнѣ-ка счастія великаго.»
Онъ накинулъ поводы шелко́вы
На добра́ коня да й богатырскаго
Да спустилъ коня ко по́лотну ко бѣлому:
«А й допустятъ ли-то кони богатырскіи
«Моего коня да богатырскаго
«Ко тому ли по́лотну ко бѣлому
«Позобать пшену да бѣлоярову?»
Его добрый конь идетъ-то грудью къ по́лотну,
А идетъ зобать пшену да бѣлоярову;
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
А идетъ ёнъ да во бѣлъ шатёръ.
Приходитъ Илья Муромецъ во бѣлъ шатёръ;
Въ томъ бѣло́мъ шатри двѣнадцать-то бога́тырей
И бога́тыри всё святорусьскіи,
Они сѣли хлѣба соли кушати
А и сѣли-то они да пообѣдати.
Говоритъ Илья да таковы слова:
«Хлѣбъ да соль, бога́тыри да святорусьскіи
«А и крестный ты мой батюшка
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!»
Говоритъ ему да крестный батюшка:
— А й поди ты крестничекъ любимыи,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
— А садись-ко съ нами пообѣдати. —
И онъ высталъ ли да на рѣзвы́ ноги,
Съ И́льей Муромцемъ да поздоровкались
Поздоровкались они да цѣловалися,
Посадили Илью Муромца да за единый столъ
Хлѣба соли да покушати.
Ихъ двѣнадцать-то бога́тырей,
И́лья Муромецъ да онъ тринадцатый.
Оны по́ѣли, попи́ли, пообѣдали,
Выходили зъ-за стола изъ-за дубоваго,
Они Господу Богу помолилися;
Говорилъ имъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Крестный ты мой батюшка Самсонъ Самойловичъ
«И вы русьскіи могучіи бога́тыри!
«Вы сѣдлайте-тко добры́хъ коней
«А й садитесь вы да на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте-тко да во роздольицо чисто́ поле,
«А й подъ тотъ подъ славный стольній Кіевъ градъ.
«Какъ подъ нашимъ-то подъ городомъ подъ Кіевомъ
«А стоитъ собака Калинъ царь,
«А стоитъ со во́йскамы великима,
«Розорить хоти́тъ ёнъ стольній Кіевъ градъ,

«Чернедь мужиковъ онъ всѣхъ повырубить,
«Божьи церквы всѣ на дымъ спустить,
«Князю-то Владыміру да со Опраксой королевичной
«Онъ срубить-то хочетъ буйны головы.
«Вы постойте-тко за вѣру за отечество,
«Вы постойте-тко за славный стольній Кіевъ градъ
«Вы постойте-тко за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя Владыміра
«И со той Опраксой королевичной!»
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимый,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра.—
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«А й Самсонъ да ты Самойловичъ!
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее,
«Какъ собака Калинъ царь онъ розоритъ да Кіевъ градъ,
«Да онъ чернедь мужиковъ-то всѣхъ повырубитъ,
«Да онъ Божьи церквы всѣ на дымъ спуститъ,
«Да князю Владыміру съ Опраксой королевичной
«А онъ срубитъ имъ да буйныя головушки.
«Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
«И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной.»
Говоритъ Самсонъ Самойловичъ да таковы слова:
— Ай же крестничекъ ты мой любимый,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра.—
Говоритъ-то старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же ты мой крестный батюшка,
«Ай Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Это дѣло у насъ будетъ нехорошее!
«Вы сѣдлайте-тко добрыхъ коней
«И садитесь-ко вы на добрыхъ коней,
«Поѣзжайте-тко въ чисто́ поле подъ Кіевъ градъ,
«И постойте вы за вѣру за отечество,
«И постойте вы за славный стольній Кіевъ градъ,
«И постойте вы за церквы-ты за Божіи,
«Вы поберегите-тко князя Владыміра
«И со той съ Опраксой королевичной.»
Говоритъ ему Самсонъ Самойловичъ:
— Ай же крестничекъ ты мой любимый,
— Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— А й не будемъ мы да и коней сѣдлать,
— И не будемъ мы садиться на добрыхъ коней,
— Не поѣдемъ мы во славно во чисто́ поле,
— Да не будемъ мы стоять за вѣру за отечество,
— Да не будемъ мы стоять за стольній Кіевъ градъ,
— Да не будемъ мы стоять за матушки Божьи церквы,
— Да не будемъ мы беречь князя Владыміра
— Да еще съ Опраксой королевичной:
— У него вѣдь есте много да князей бояръ,
— Кормитъ ихъ и по́итъ да и жалуетъ,
— Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владыміра.—
А й тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ
Онъ какъ видитъ, что дѣло́ ему не по́люби,
А й выходитъ-то Илья да со бѣла́ шатра,
Приходилъ къ добру́ коню да богатырскому,
Бралъ его за поводы шелко́выи,
Отводилъ отъ по́лотна отъ бѣлаго
А отъ той пшены отъ бѣлояровой,
Да садился И́лья на добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по роздольицу чисту́ полю
И подъѣхалъ онъ ко во́йскамъ ко татарскіимъ.
Не ясёнъ соколъ да напущаетъ на гусей на лебедей
Да на малыхъ перелётныихъ на сѣрыхъ утушекъ,
Напущаетъ-то бога́тырь святорусьскія
А на тую ли на силу на татарскую.
Онъ спустилъ коня́ да богатырскаго,
Да поѣхалъ ли по той по силушкѣ татарскоей,

Сталъ онъ силушку конёмъ топтать,
Сталъ конёмъ топтать, копьёмъ колоть,
Сталъ онъ бить ту силушку великую,
А онъ силу бьетъ будтò траву коситъ.
Его добрый конь да богатырскіи
Испровѣщился языкомъ человѣческимъ:
— Ай же славныи богáтырь святорусьскіи!
— Хоть ты наступилъ на силу на великую,
— Не побить тоби той силушки великіи:
— Нагнанó у собаки царя Калина,
— Нагнанó той силы много множество,
— И у нéго есте сильныи богáтыри,
— Полянницы есте да удалыи;
— У него собаки цáря Калина
— Сдѣланы-то трои вѣдь подкопы да глубокіи
— Да во славномъ роздольицѣ чистóмъ поли.
— Когда будешь ѣздить по тому роздольицу чистý полю,
— Будешь бить-то силу ту великую,
— Какъ просядемъ мы въ подкопы во глубокіи,
— Такъ изъ первыихъ подкоповъ я повыскочу
— Да тобя оттуль-то я повыздыну;
— Какъ просядемъ мы въ подкопы-ты во дрýгіи,
— И оттуль-то я повыскочу
— И тобѝ оттуль-то я повыздыну;
— Еще въ третьіи подкопы во глубокіи,
— А вѣдь тутъ-то я повыскочу,
— Да оттуль тебя-то не повыздыну,
— Ты останешься въ подкопахъ во глубокіихъ.—
А йще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Ему дѣло-то вѣдь не слюбилоси,
И беретъ онъ плётку шелкову въ бѣлы́ руки,
А онъ бьетъ коня да по крутымъ ребрамъ,
Говорилъ ёнъ кóню таковы слова:
«Ай же ты собачище измѣнное!
«Я тобя кормлю пою да и улáживаю,
«А ты хочешь меня оставить во чистóмъ поли,
«Да во тыхъ подкопахъ во глубокіихъ!»
И поѣхалъ Илья по роздольицу чистý полю
Во тую во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила не умéньшится.
Й онъ просѣлъ въ подкопы во глубокіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ,
Онъ повыскочилъ, Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чистý полю
Во тую во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
И онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добрóмъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ просѣлъ съ конемъ да богатырскіимъ,
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во дрýгіи;
Ёго добрый конь оттуль повыскочилъ
Да Илью оттуль повыздынулъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго
По тому роздольицу чистý полю
Во тую во силушку великую,
Сталъ конемъ топтать да и копьемъ колоть,
Й онъ бьетъ-то силу какъ траву коситъ;
У Ильи-то сила меньше вѣдь не ставится,
На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится.
Й онъ попалъ въ подкопы-ты во третьіи,
Онъ просѣлъ съ конёмъ въ подкопы-ты глубокіи;
Его добрый конь да богатырскіи
Еще съ третьіихъ подкоповъ онъ повыскочилъ,
Да оттуль Ильи онъ не повыздынулъ, —
Сползанулъ *) Илья да со добрá коня
Й оставался онъ въ подкопѣ во глубокоемъ.
Да пришли татара-то поганыи
Да хотѣли захватить они добрá коня;
Его конь-то богатырскіи
Не сдался имъ во бѣлы́ руки,
Убѣжалъ-то добрый конь да во чистó поле.
Тутъ пришли татара-ты поганыи
А напáдали на стараго казáка Илью Муромца,
А й сковали ему ножки рѣзвыи,
И связали ему ручки бѣлыи.
Говорили-то татары таковы слова:
«Отрубить ему да буйную головушку.»
Говорятъ ины татара таковы слова:
«А й не надо рýбить ему буйной гóловы,
«Мы сведёмъ Илью къ собакѣ цáрю Калину,
«Что онъ хочетъ, то надъ нимъ да сдѣлаетъ.»
Повели Илью да по чистý полю
А ко тымъ полаткамъ полотнянымъ,
Приводили ко полаткѣ полотнянной,
Привели его къ собакѣ цáрю Калину,
Становили супротивъ собаки цáря Калина.
Говорили татара таковы слова:
«Ай же ты собака да нашъ Калинъ царь!
«Захватили мы да стараго казáка Илью Муромца
«Да во тыхъ-то во подкопахъ во глубокіихъ,
«И привели къ тобѣ къ собакѣ цáрю Калину;
«Что ты знаешь, то надъ нимъ и дѣлаешь.»
Тутъ собака Калинъ царь говорилъ Ильѣ да таковы слова:
— Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!

*) Соскользнулъ.

— Молодой щенокъ да напустилъ на силу на великую,
— Тóбѣ гдѣ-то одному побить моя силà великая!
— Вы роскуйте-тко Ильѣ да ножки рѣзвыи,
— Розвяжите-тко Ильѣ да ручки бѣлыи. —
И росковали ему ножки рѣзвыи,
Розвязали ему ручки бѣлыи.
Говорилъ собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— Да садись-ко ты со мной а за единый столъ,
— Ѣшь-ко ѣствушку мою сахáрнюю,
— Да и пей-ко мои питьица медвяныи,
— И одежь-ко ты мою одежу дрогоцѣнную,
— И держи-тко *) мòю золоту казну,
— Золоту казну держи по надобью,
— Не служи-тко ты князю Владыміру,
— Да служи-тко ты собакѣ цáрю Калину. —
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А й не сяду я съ тобой да за единый столъ,
«Не буду́ ѣсть твоихъ ѣствушекъ сахáрніихъ,
«Не буду́ пить твоихъ питьицевъ медвяныихъ,
«Не буду́ носить твоей одежи дрогоцѣнныи,
«Не буду́ держать твоей безсчетной золотой казны,
«Не буду́ служить тобѣ собакѣ цáрю Калину,
«Еще бу́ду слу́жить я за вѣру за отечество,
«А й буду́ стоять за стольній Кіевъ градъ,
«А буду́ стоять за церквы за Господніи,
«А буду́ стоять за князя за Владыміра
«И со той Опраксой королевичной.»
Тутъ старóй казакъ да Илья Муромецъ
Онъ выходитъ со полатки полотняной
Да ушолъ въ роздольицо въ чистó поле.
Да тѣснить стали его татара-ты поганыи,
Хóтятъ обневолить они стараго казáка Илью Муромца.
А у стараго казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспѣховъ крѣпкіихъ,
Нечѣмъ-то ему съ татарамы да попротивиться.
Старыя казакъ да Илья Муромецъ
Видитъ ёнъ — дѣлò немалое,
Да схватилъ татарина ёнъ за ноги,
Тако сталъ татариномъ помахивать,
Сталъ ёнъ бить татаръ татариномъ,
Й отъ него татара стали бѣгати,
И прошолъ ёнъ скрозь всю силушку татарскую,
Вышелъ онъ въ роздольицо чистó поле,
Да онъ бросилъ-то татарина да въ сторону,
То идетъ онъ по роздольицу чисту полю.
При соби-то нѣтъ коня да богатырскаго,
При соби-то нѣтъ доспѣховъ крѣпкіихъ.
Засвисталъ въ свистокъ Илья онъ богатырскіи,
Услыхалъ ёгò добрый конь да во чистóмъ полѣ,
Прибѣжалъ онъ къ старому казáку Ильѣ Муромцу.
Еще старыя казакъ да Илья Муромецъ
Какъ садился онъ да на добрá коня
И поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Выскочилъ онъ да на гóру на высокую,
Посмотрѣлъ-то подъ восточную онъ сторону, —
А й подъ той ли подъ восточной подъ сторонушкой
А й у тыхъ ли у шатровъ у бѣлыихъ
Стóятъ добры кони богатырскіи.
А тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Опустился ёнъ да со добрá коня,
Бралъ свой ту́гой лукъ розрывчатой въ бѣлы́ ручки,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Й онъ спущалъ ту стрѣлочку во бѣлъ шатёръ,
Говорилъ Илья да таковы слова:
«А лети-тко, стрѣлочка каленая,
«А лети-тко, стрѣлочка, во бѣлъ шатёръ,
«Да сыми-тко крышу со бѣлá шатра,
«Да пади-тко стрѣлка на бѣлы́ груди
«Къ моему ко батюшкѣ ко крестному,
«И проползни-тко *) по груди ты по бѣлыи,
«Сдѣлай-ко ты сцапину **) да маленьку,
«Маленькую сцапинку да невеликую.
«Онъ и спитъ тамъ, прохлажается,
«А мнѣ здѣсь-то одному да мало можется.»
Й онъ спустилъ какъ эту тетивочку шелкóвую
Да спустилъ онъ эту стрѣлочку каленую, —
Да просвиснула какъ эта стрѣлочка каленая
Да во тотъ во славныи во бѣлъ шатёръ,
Она сняла крышу со бѣлá шатра,
Пала она стрѣлка на бѣлы́ груди
Ко тому ли-то Самсону ко Самойлóвичу,
По бѣлóй груди вѣдь стрѣлочка проползнула
Сдѣлала она да сцапинку-то маленьку.
А й тутъ славныя богáтырь свято-руськіи,
А й Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,
Пробудился-то Самсонъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ свои очи ясныи, —
Да какъ снята крыша со бѣлá шатра
Пролетѣла стрѣлка по бѣлóй груди,
Она сцапиночку сдѣлала да на бѣлóй груди.
Й онъ скорешенько сталъ на рѣзвы́ ноги,
Говорилъ Самсонъ да таковы слова:
— Ай же славныи мои богáтыри вы святоруськіи,
— Вы скорешенько сѣдлайте-тко добры́хъ коней,

*) т. е. издерживай.

*) т. е. проскользни. **) т. е. царапину.

садитесь-тко вы на добры́хъ коней!
ѣ отъ крестничка да отъ любимаго
плетѣли-то подарочки да нелюбимыи,
етѣла стрѣлочка каленая
ѣзъ мой-то славный бѣлъ шатёръ,
крышу сняла вѣдь да со бѣла́ шатра,
проползнула-то стрѣлка по бѣло́й груди,
сцапинку-то дала по бѣло́й груди,
ько малу сцапинку-то дала невеликую:
одился мнѣ Самсону крестъ на вороти,
стъ на вороти шести пудовъ;
ь бы не былъ крестъ да на моёй груди,
рвала́ бы мнѣ буйну голову. —
ога́тыри всѣ святорусьскіи
вѣдь сѣдлали да добры́хъ коней
лись мо́лодцы да на добры́хъ коней,
али роздольицемъ чисты́мъ полемъ
у ко городу ко Кіеву,
ъ они силамъ ко татарскіимъ.
ой горы да со высокіи
ѣлъ ли старыя казакъ да Илья Муромецъ,
дуть вѣдь бога́тыри чисты́мъ полемъ,
дуть вѣдь да на добры́хъ коняхъ.
тился ёнъ съ горы высокіи
ѣхалъ ёнъ къ бога́тырямъ ко святорусь-
скіимъ —
ѣнадцать-то бога́тырей, Илья тринадцатый.
хали они ко силушкѣ татарскоей,
тили ко́ней богатырскіихъ,
бить-то силушку татарскую,
тали тутъ всю силушку великую,
хали къ полаткѣ полотняноей;
ъ собака Калинъ царь въ полаткѣ полот-
няноей.
ъ-то какъ бога́тыри да святорусьскіи:
рубить-то буйную головушку
ому собакѣ ца́рю Калину. —
ъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ:
то рубить ему да буйная головушка?
ѣзёмте-тко его во стольній Кіевъ градъ
ко славному ко князю ко Владыміру.»
и его собаку ца́ря Калина
отъ во славный Кіевъ градъ
лавному ко князю ко Владыміру,
и его въ полату бѣлокаменну
лавному ко князю ко Владыміру.
ыміръ князь да стольнё-кіевской
ретъ собаку за бѣлы́ руки
ъ его за столики дубовыи,
ъ его ѣствушкой саха́рнею
ъ-то питьицемъ медвянымъ.
Говорилъ ему собака Калинъ царь да таковы слова:
— Ай же ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
— Не сруби-тко мнѣ да буйной го́ловы!
— Мы напишемъ про́межъ собой записи великіи,
— Буду тебѣ пла́тить дани вѣкъ и по́ вѣку,
— А тобѣ-то князю я Владыміру! —
А тутъ той старинкѣ и славу́ поютъ,
А по тыихъ мѣстъ старинка и покончилась.

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

—

76.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ССОРѢ СО ВЛАДИМІРОМЪ.

Славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Собиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
На многихъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныхъ могучіихъ бога́тырей;
А на пиръ ли-то онъ не позвалъ
Стараго каза́ка Ильи Муромца.
Старому каза́ку Ильѣ Муромцу
За досаду показалось-то великую,
Й онъ не знаетъ что вѣдь сдѣлати
Супротивъ тому князю Владыміру.
Й онъ беретъ-то какъ свой ту́гой лукъ розрыв-
чатый,
А онъ стрѣлочки беретъ каленыи,
Выходилъ Илья онъ да на Кіевъ градъ
И по граду Кіеву сталъ онъ похаживать
И на матушки Божьи церквы погуливать.
На церквахъ-то онъ кресты вси да повыломалъ,
Маковки онъ золочены вси повыстрѣлялъ.
Да кричалъ Илья онъ во всю голову,
Во всю голову кричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ай же пьяницы вы го́люшки кабацкіи!
«Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
«Й обирайте-тко вы маковки да золочены,
«То несите въ кабаки въ домы питейные,
«Да вы пейте-тко да вина до́сыта.»
Тамъ доносятъ-то вѣдь князю да Владыміру:
— Ай Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— А ты ѣшь да пьешь да на честно́мъ пиру,
— А какъ старой-отъ казакъ да Илья Муромецъ
— Ёнъ по городу по Кіеву похаживатъ,
— Ёнъ на матушки Божьи церквы погуливатъ,
— На Божьихъ церквахъ кресты повыломилъ
— А всѣ маковки онъ золочены повыстрѣлялъ;
— А й кричитъ-то вѣдь Илья онъ во всю голову,

— Во всю голову кричитъ онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же пьяницы вы голюшки кабацкіи!
— Да и выходите съ кабаковъ домовъ питейныихъ
— Й обирайте-тко вы маковки да золочены,
— То несите въ кабаки въ домы питейные
— Да вы пейте-тко да вина досыта. —
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
И онъ сталъ Владиміръ дума думати,
Ёму какъ-то надобно съ Ильей да помиритися.
И завелъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской,
Онъ завелъ почестенъ пиръ да и на другой день.
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
Да 'ще онъ сталъ да и дума думати:
«Мнѣ кого послать будетъ на пиръ позвать
«Того стараго казака Илью Муромца?
«Самому пойти мнѣ-то Владиміру не хочется,
«А Опраксія послать, — то не къ лицу идетъ.»
Й онъ какъ шолъ-то по столовой своей горенкѣ,
Шолъ-то онъ о столики дубовыи,
Становился супротивъ молодаго Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты молоденькой Добрынюшка, сходи-тко ты
«Къ старому казакѣ къ Ильи Муромцу,
«Да зайди въ полаты бѣлокаменны,
«Да пройди-тко во столовую во горенку,
«На пяту-то дверь ты порозмахивай
«Еще крестъ клади да й по писаному,
«Да й поклонъ веди-тко по ученому,
«А й ты бей челомъ да низко кланяйся
«А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
«А й до самой матушки сырой земли
«Старому казакѣ Ильи Муромцу,
«Говори-тко Ильи ты да таковы слова:
««Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
««Я пришолъ къ тобѣ отъ князя отъ Владиміра
««Й отъ Опраксіи отъ королевичной,
««Да пришолъ тобе позвать я на почестенъ пиръ.»»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорешенько-то сталъ да на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапочку соболью на одно ушко,
Выходилъ онъ со столовою со горенки,
Да й прошолъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ Добрыня онъ на Кіевъ градъ,
Ёнъ пошолъ-то какъ по городу по Кіеву,
Пришолъ къ старому казакѣ къ Ильѣ Муромцу
Да въ его полаты бѣлокаменны,
Ёнъ пришолъ какъ во столовую во горенку,
На пяту-то онъ дверь да порозмахивалъ,
Да онъ крест-отъ клалъ да по писаному,
Да й поклоны велъ да по ученому,
А 'ще билъ-то онъ челомъ да низко кланялся
А й до тыхъ половъ и до кирпичныихъ
Да й до самой матушки сырой земли,
Говорилъ-то онъ Ильи да таковы слова:
«Ай же братецъ ты мой да крестовыи,
«Старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Я къ тоби посланъ отъ князя отъ Владиміра,
«Отъ Опраксы королевичной,
«А й позвать тобя да й на почестенъ пиръ.»
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ножки,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Да онъ шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они полатой бѣлокаменной,
Выходили-то они на стольній Кіевъ градъ,
Пошли оны ко князю къ Владиміру
Да й на славный-отъ почестенъ пиръ.
Тамъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
Онъ во горенки да вѣдь похаживалъ,
Да въ окошечко онъ князь посматривалъ,
Говоритъ-то со Опраксой королевичной:
«Подойдутъ ли ко мнѣ какъ два русскіихъ богатыря
«Да на мой-отъ славный на почестенъ пиръ?»
И прошли они въ полату въ бѣлокаменну,
И взошли они въ столовую во горенку.
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
Со Опраксіей да королевичной
Подошли-то они къ старому казакѣ къ Ильѣ Муромцу,
Они брали-то за ручушки за бѣлыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же старыя казакъ ты Илья Муромецъ!
«Твоё мѣстечко было да вѣдь пониже всихъ,
«Топерь мѣстечко за столикомъ повыше всихъ!
«Ты садись-ко да за столикъ за дубовыи.»
Тутъ кормили его ѣствушкой сахарнею,
А й поили питьицемъ медвянымъ.
Они тутъ съ Ильей и помирилися.

Записано тамъ же, 8 іюля.

—

77.

ИЛЬЯ МУРОМЦЕЦЪ И ДОЧЬ ЕГО.

(См. Рыбникова, т. I, 12).

А й на славноей московскоей на за́ставы
Стояло́ двѣнадцать бога́тырей ихъ святорусьскіихъ,
А по нёй по славной по московскоей по за́ставы
А й пѣхотою никто да не прохаживалъ,
На добро́мъ кони никто тутъ не проѣзживалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ,
А й ще сѣрый звѣрь да не прорыскивалъ.
А й то черезъ эту славную московскую-то за́ставу
Ѣдетъ поляничища удалая,
А й удала поляничища великая,
Конь подъ нёю какъ сильня́ гора,
Поляница на кони будто́ сѣнна́ копна,
У ней шапочка надѣта на головушку
А й пушистая сама завѣсиста,
Спереду-то не видать личка́ румянаго
И сзаду́ не видѣть шеи бѣлоей.
Ёна ѣхала собака насмѣялася,
Не сказала Божьёй помочи бога́тырямъ,
Ена ѣдетъ прямоѣзжею дорожкой къ стольне-Кіеву.
Говоритъ тутъ старыя казакъ да Илья Муромецъ:
«Ай же братьица мои крестовыи,
«Ай бога́тыря вы святорусьскіи,
«Ай вы славная дружинушка хоробрая!
«Кому ѣхать намъ въ роздольице чисто́ поле?
«Поотвѣдать надо силушки великою
«Да й у той у поляницы у удалою.»
Говорилъ-то тутъ Олешенка Григорьевичъ:
— Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
— Посмотрю на поляницу на удалую. —
Какъ садился-то Олеша на добра́ коня,
А онъ выѣхалъ въ роздольицо чисто́ поле,
Посмотрѣлъ на поляницу зъ-за сыра́ дуба,
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да й не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Поскорешенько Олеша поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую,
Говорилъ-то и Олеша таковы слова:
— Ай вы славныи бога́тыри да святорусьскіи!
— Хоть-то былъ я во роздольицѣ чисто́мъ поли,
— Да й не смѣлъ я къ поляничищу подъѣхати,
— А й не могъ я у ней силушки отвѣдати. —
Говорилъ-то тутъ молоденькой Добрынюшка:
«Я поѣду во роздольицо чисто́ поле,
Посмотрю на поляницу на удалую.
Тутъ Добрынюшка садился на добра́ коня
Да й поѣхалъ во роздольицо чисто́ поле,
Онъ наѣхалъ поляницу во чисто́мъ поли,
Такъ не смѣлъ онъ къ поляницищу подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силушки отвѣдати.
Ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Ёна ѣздитъ въ поли, сама тѣшится,
На право́й руки у нёй-то соловей сидитъ,
На лѣво́й руки да жаворолёночекъ.
А й тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подъѣхати,
Да не могъ у ней онъ силы поотвѣдати;
Поскорешенко назадъ онъ поворотъ держалъ,
Пріѣзжалъ на за́ставу московскую.
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Да бога́тыря вы славны святорусьскіи!
«То хоть былъ я во роздольицѣ чисто́мъ поли,
«Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
«Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
«На право́й руки у нёй-то соловей сидитъ,
«На лѣво́й руки да жаворолёночекъ.
«Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подъѣхати
«И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
«Ёна ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
«Ёна кличетъ выкликаетъ поединщика,
«Супротивъ собя да супротивника,
«Изъ чиста́ поля да и наѣздника,
«Поляница говоритъ да таковы слова:
««Какъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
««Какъ не да́етъ мнѣ-ка онъ да супротивника,
««Изъ чиста́ поля да и наѣздника,
««А й пріѣду я тогда во славной стольній Кіевъ градъ,
««Розорю-то славный стольній Кіевъ градъ,
««А я чернедь мужичковъ-тихъ всихъ повырублю
««А Божьи церквы я всѣ на дымъ спущу,
««Самому князю́ Владыміру я голову́ срублю
««Со Опраксіёй да съ королевичной!»»
Говоритъ имъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
— А й бога́тыря вы святорусьскіи,
— Славная дружинушка хоробрая!
— Я поѣду во роздольицо чисто́ поле, —
— На бою-то мнѣ-ка смерть да не написана;
— Поотвѣдаю я силушки великою
— Да у той у поляницы у удалою. —
Говорилъ ему Добрынюшка Микитинецъ:
«Ай же старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«Ты поѣдешь во роздольицо чисто́ поле
«Да на тыя на удары на тяжелыи,

«Да й на тыя на небоища на смёртныи,
«Намъ куда́ велишь итти да й ку́ды ѣхати?»
Говорилъ-то имъ Илья да таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— Поѣзжайте-тко роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
— Заѣзжайте вы на гору на высокую,
— Посмотрите вы на драку богатырскую:
— Надо мною будетъ братци безвременьицо,
— Такъ поспѣйте ко мни братьица на выруку.—
Да й садился тутъ Илья да на добра́ коня,
Ёнъ поѣхалъ по роздольицу чисту́ полю,
Ёнъ повыскочилъ на гору на высокую,
А й сходилъ Илья онъ со добра́ коня,
Посмотрѣлъ на поляницу на удалую,
Какъ-то ѣздитъ поляничищо въ чисто́мъ поли;
Й она ѣздитъ поляница по чисту́ полю
На добро́мъ кони на богатырскоёмъ,
Она шуточки-ты шутитъ не великіи,
А й кидастъ она палицу булатнюю
А й подъ облаку да подъ ходячую,
На добро́мъ кони она да вѣдь подъѣзживатъ,
А й одною ру́кой палицу подхватыватъ,
Какъ перомъ-то лебединымъ поигрыватъ,
А й такъ эту палицу булатнюю покидыватъ.
И подходилъ-то какъ Илья онъ ко добру́ копю,
Да онъ палъ на бе́дра лошадиныи,
Говорилъ-то какъ Илья онъ таковы слова:
— Ай же бурушко мой маленькой косматенькой!
— Послужи-тко мнѣ да вѣрой правдою,
— Вѣрой правдой послужи-тко неизмѣнною,
— А й по старому служи еще по прежному,
— Не отдай меня татарину въ чисто́мъ поли,
— Чтобъ срубилъ мнѣ-ка̀ татаринъ буйну голову! —
А й садился тутъ Илья онъ па добра́ коня,
То онъ ѣхалъ по роздолью по чисту́ полю
Й онъ наѣхалъ поляницу во чисто́мъ поли,
Поляници онъ подъѣхалъ со бѣла́ лица,
Поляницу становилъ онъ супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:
— Ай же поляница ты уда́лая!
— Надобно другъ у́ друга́ намъ силушки отвѣдати.
— Порозъѣдемся съ роздольица съ чиста́ поля
— На своихъ на до́брыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
— Да пріударимъ-ко во палици булатніи,
— А й тутъ силушки другъ у́ друга́ й отвѣдаёмъ.—
Порозъѣхались онѣ да на добры́хъ коняхъ
Да й по славну по роздольицу чисту́ полю,
Й оны съѣхались съ чиста́ поля да со роздольица
На своихъ-то ко́няхъ богатырскіихъ,
То пріударили во палици булатніи,
Ёны другъ друга́-то били по бѣлы́мъ грудямъ,
Ёны били другъ друга́ да не жалухою
Да со всёю сво́ей силы съ богатырскою, —
У нихъ палицы въ рукахъ да й погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
А подъ ни́ма-то доспѣхи были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
А не били о́ны другъ друга́, не ранили,
Ни котораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«Какъ намъ силушка́ другъ у друга́ отвѣдати?
«Порозъѣхаться съ роздольица съ чиста́ поля
«На своихъ на добрыхъ ко́няхъ богатырскіихъ,
«Пріударить надо въ копья въ муржамецкіи,
«Тутъ мы силушка́ другъ у друга́ й отвѣдаёмъ.»
Порозъѣхались оны да на добры́хъ коняхъ
А й во славноё въ роздольицо чисто́ поле,
Припустили о́ны другъ къ другу́ добры́хъ коней,
Порозъѣхались съ роздольица съ чиста́ поля,
Пріударили во копья въ муржамецкіи,
Ёны другъ друга́-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлы́мъ грудямъ, —
Такъ у нихъ въ рукахъ-то копья погибалися
А й по маковкамъ да й отломилися.
Такъ доспѣхи-ты подъ ни́ма были крѣпкіи,
Ёны другъ друга́ не сшибли со добры́хъ коней,
Да й не били, другъ друга́ не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ ко́ней богатырскіихъ,
Говорили-то оны да промежду́ собой:
«А 'ще какъ-то намъ у другъ друга́-то силушка отвѣдати?
«Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
«Тутъ у другъ друга мы силушка отвѣдаемъ.»
Тутъ сходили молодци съ добры́хъ коней,
Опустилися на матушку сыру землю,
Пошли-то о́ны биться боемъ рукопашкою.
Еще эта поляничища удалая
А й весьма была она да зла-догадлива
Й учена́ была бороться объ одной ручкѣ;
Подходила-то ко старому каза́кѣ къ Ильѣ Муромцу,
Подхватила-то Илью да на косу́ бодру (*такъ*),
Да спустила-то на матушку сыру́ землю,
Да ступила Ильѣ Муромцу на бѣлу грудь,
Она брала-то рогатину звѣриную,
Заносила-то свою да руку правую,
Заносила руку выше го́ловы,
Опустить хотѣла ниже пояса....
На бою-то И́льѣ смерть и не написана,
У ней правая рука въ плечи да застоялася,

Во ясны́хъ очахъ да й помутился свѣтъ,
Она стала у бога́тыря выспрашивать:
«Ай скажи-тко ты богатырь святорусьскій,
«Тóбе какъ-то молодца да именѐмъ зовутъ,
«Звеличаютъ удалóго по отечеству?»
А йще старыя казак-отъ Илья Муромецъ —
Розгорѣлось ёго сердце богатырское,
Й онъ смахнулъ своёй да правой ручушкой,
Да онъ сшибъ-то вѣдь бога́тыря съ бѣлóй груди,
Ёнъ скорешенко скочилъ-то на рѣзвы́ ножки,
Онъ хватилъ какъ поляницу на косу́ бодру,
Да спустилъ онъ ю на матушку сыру́ землю,
Да ступилъ онъ поляници на бѣлы́ груди,
А й беретъ-то въ руки свой булатній ножъ,
Заносилъ свою онъ ручку правую,
Заносилъ онъ выше гóловы,
Опустить онъ хочетъ ручку ниже пояса;
А й по Божьему ли по велѣнію
Права ручушка въ плечи-то остояласи,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляничища выспрашивать:
— Да й скажи-тко, поляница, попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Еще какъ-то поляничку именѐмъ зовутъ,
— Удалу́ю звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка новодревная *(такъ)*!
«Тóби просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь-то на моёй да на бѣлóй груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать хоти́шь мои да груди бѣлыи!
«Я стояла на твоёй какъ на бѣлóй груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё сердцé со печеней
«Не спросила бы отца твоёго й матери,
«Твоегó ни роду я ни племени.»
И розгорѣлось сердцо у бога́тыря
Да й у стараго каза́ка Ильи Муромца,
Заносилъ-то онъ свою да ручку правую,
Заздыну́лъ онъ ручку выше головы,
Опустить хоти́тъ ю ниже пояса;
Тутъ по Божьему да по велѣнію
Права ручушка въ плечи да остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ,
Такъ онъ сталъ у поляницы-то выспрашивать:
— Ты скажи-тко поляница мни провѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тобя какъ-то поляничку именѐмъ зовутъ,
— Звеличаютъ удалу́ю по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базы́ка новодревная!
«Тоби просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты на моёй да на бѣлóй груди,
«Во руки ты держишь свой булатній ножъ,
«Роспластать ты мни хоти́шь да груди бѣлыи!
«Какъ стояла бъ я да на твоёй бѣлóй груди,
«Я пластала бы твои да груди бѣлыи,
«Доставала бы твое сердцé со печенью,
«Не спросила бы ни батюшка ни матушки,
«Твоего-то я ни роду да ни племени.»
Тутъ у стараго каза́ка Ильи Муромца
Розгорѣлось ёго сердце богатырское
Ёнъ еще занесъ да руку правую,
А й здыну́лъ-то ручку выше головы,
А спустить хотѣлъ ёнъ ниже пояса.
По Господнему тутъ по велѣнію
Права ручушка въ плечи-то остоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ-то помутился свѣтъ.
Ёнъ еще-то сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-то поляница попровѣдай-ко,
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы,
— Тобе какъ мнѣ поляницу именѐмъ назвать
— Й удалу́ю звеличати по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ты удаленькой дородній добрый мóлодецъ,
«Ай ты славныя бога́тырь святорусьскій!
«Когда сталъ ты у меня да и выспрашивать,
«Я про то стану́ теби высказывать.
«Есть я родомъ изъ земли да изъ Тальянскою *)
«У меня есть рóдна матушка честна́ вдова,
«Да честна вдова она колачница,
«Кóлачи пекла да тымъ меня воспи́тала
«А й до полнаго да вѣдь до возрасту;
«Тогда стала я имѣть въ плечахъ да силушку великую,
«Избирала мнѣ-ка матушка добра́ коня,
«А й добра коня да богатырскаго,
«Й отпустила мéня ѣхать на святую Русь
«Поискать соби да рóдна батюшка,
«Поотвѣдать мнѣ да роду племени.»
А й тутъ старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Ёнъ скоренько соскочилъ да со бѣлóй груди,
Бралъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за перстни за злаченыи,
Онъ здыну́лъ-то ю со матушки сырóй земли,
Становилъ-то онъ ю на рѣзвы́ ножки,
На рѣзвы́ онъ ножки ставилъ супротивъ себя,
Цѣловалъ ю во уста ёнъ во саха́рніи,
Называлъ ю сóби дочерью любимою:
— А когда я былъ во той земли во Тальянскою *),

*) Пѣвецъ сперва говорилъ: «во Глянскою» (или «въ Оглянскою»), а потомъ поправлялся: «во Тальянскою.»

— Три году́ служилъ у короля тальянскаго,
— Да я жилъ тогда да й у честно́й вдовы,
— У честно́й вдовы да й у колачницы,
— У ней спалъ я на кроваткѣ на тесовоей
— Да на той перинкѣ на пуховоей,
— У самой ли у́ нёй на бѣло́й груди. —
Й о́пы сѣли на добры́хъ коней да порозъѣхались
Да по славну по роздольицу чисту́ полю.
Еще старый-отъ казакъ да Илья Муромецъ
Пороздёрнулъ онъ свой ша́тёръ бѣлыи,
Да онъ легъ-то спать да й проклаждатися
А послѣ ~~бою онъ да послѣ~~ драки;
А й какъ эта поляничища удалая
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
На кони она сидѣла, пороздумалась:
«Хоть-то съѣздила на славну на святую Русь,
«Такъ я на́жила себѣ посмѣхъ великіи:
«Этотъ славныи бога́тырь святорусьскіи
«А й онъ назвалъ тую мою матку блядкою,
«Ме́не назвалъ выблядкомъ.
«Я поѣду во роздольице въ чисто́ поле
«Да ~~убью-то~~ я въ поли́ бога́тыря,
«Не спущу это́й посмѣшки на святую Русь,
«На святую Русь да и на бѣлый свѣтъ.»
Ёна ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Насмотрѣла-то она да бѣлъ шатеръ
Подъѣзжала-то она да ко бѣлу́ шатру,
Она била-то рогатиной звѣриною
А во этотъ-то во славный бѣлъ шатеръ,—
Улетѣлъ-то ша́теръ бѣлый съ Ильи Муромца.
Его доброй конь да богатырскіи
А онъ ржётъ-то конь да й во всю голову,
Бьетъ ногамы въ матушку въ сыру́ землю;
Илья Муромецъ онъ спитъ тамъ, не пробудится
Отъ того отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Эта поляничища уда́лая
Ёна бьетъ его рогатиной звѣриною,
Ена бьетъ его да по бѣло́й груди,—
Еще спитъ Илья да й не пробудится
А отъ крѣпка сна отъ богатырскаго.
Погодился у Ильи да крестъ на вороти,
Крестъ на вороти да полтора пуда:
Пробудился онъ звону отъ крестоваго,
А й онъ скинулъ-то свои да ясны очушки,
Какъ надъ верхомъ-тымъ стоитъ вѣдь поляничища удалая,
На добро́мъ кони на богатырскоемъ,
Бьетъ рогатиной звѣриной по бѣло́й груди.
Тутъ скочилъ-то какъ Илья онъ на рѣзвы́ ноги,
А схватилъ какъ поляницу за желты́ кудри,
Да спустилъ енъ поляницу на сыру́ земля,
Да ступилъ енъ поляницы на праву́ ногу,
Да онъ дернулъ поляницу за лѣву́ ногу
А онъ на́двоё да ю порбзорвалъ,
А й ~~рубилъ онъ поляницу~~ по мелки́мъ кускамъ.
Да садился-то Илья да на добра́ коня,
Да онъ рылъ-то *) ты кусочки по чисту́ полю
Да онъ перву половинку-то кормилъ сѣры́мъ волкамъ,
А другую половину чернымъ во́ронамъ.
А й тутъ поляници ёй славу́ поютъ,
Славу́ поютъ вѣкъ по́ вѣку.

Записано тамъ же, 6 іюля.

—

78.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Три годика Добрынюшка-то чашничалъ,
Три годика Добрынюшка-то стольничалъ,
Да три году́ Добрыня у воротъ стоялъ.
Похотѣлось-то моло́дому Добрынюшкѣ
Походить по городу по Кіеву,
Погулять по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ.
Говоритъ Добрынѣ ро́дна матушка:
«Ай же ты свѣтъ мое чадо милое,
«Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
«Ты ходи гуляй по городу по Кіеву
«Да й по всѣмъ-то уличкамъ широкіимъ,
«По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
«Не ходи только въ татарскую въ слободушку,
«Не зайди только въ Маринкину во улицу,
«А й убила-то Маринка трехъ бога́тырей,
«Да й убьётъ тобя она четвертаго.»
Молодой Добрынюшка Микитиничъ
Какъ беретъ свой ту́гой лукъ розрывчатый,
Бе́ретъ стрѣлочки Добрынюшка каленыи,
Й онъ пошолъ ходить по городу по Кіеву,
Й онъ гулялъ-то какъ по улицамъ широкіимъ,
По всѣмъ славнымъ переулкамъ княженецкіимъ,
Прогулялъ онъ цѣлый день съ утра до вечера;
И на поздней онъ да то на вечерѣ
Похотѣлось молодому-то Добрынюшкѣ
Да й сходить ёму́ въ татарскую слободушку
А й зайти-то во Маринкину во улицу,
По́смотрѣть на ней **) полаты бѣлокаменны.

*) т. е. бросалъ. **) т. е. на ея.

ъ зашолъ-то какъ въ татарскую слободушку
прошолъ-то во Маринкину во улицу,
трѣлъ на нёй полаты бѣлокаменны;
у ней-то у полаты бѣлокаменной
вернута полатка полотняная,
видитъ-то какъ Маринка во полатки полотняноей,
Да й сидитъ она съ татариномъ поганымъ,
А й со тымъ сидитъ Горынищемъ проклятымъ,
Да й сидитъ она въ полаткѣ, сама гладится *).
То молодому Добрынюшкѣ-то дѣло не слюбилоси,
Й онъ беретъ свой тугой лукъ розрывчатой,
Во свои беретъ во бѣлыя въ ручушки,
Налагаетъ-то онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Онъ спустилъ тую тетивочку шелковеньку
Да во эту въ стрѣлку во каленую.
Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й во эту во полатку въ полотняную,
То онъ на-двоё Горынища й порозорвалъ.
Тутъ хотитъ какъ пойти молодой Добрынюшка
Да со этой со татарской со слободушки
Да со этой ли съ Маринкиной со улицы.
Никуды Добрынюшки пойти-то нѣтъ пути;
А йще видитъ-то молоденькой Добрынюшка,
Что дѣло-то есте да немалое,
Подошолъ онъ ко полаткѣ полотняноей,
Говорилъ-то ёнъ Маринкѣ таковы слова:
«А идешь ли ты Маринка за меня замужъ?»
Говорила-то Маринка таковы слова:
— А й молоденькой Добрынюшка,
— А 'ще славныя богатырь святорусьскіи!
— Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
— За молодаго Добрынюшку Никитича. —
Й онъ бралъ ю за ручушки за бѣлыи
И за нёй ю бралъ за перстни за злаченыи,
И выводитъ ю съ полатки полотняноей,
Становилъ-то онъ Маринку супротивъ собя,
Говорилъ-то онъ Маринкѣ таковы слова:
«А пойдемъ-ко мы Маринка во чисто поле,
«Вокругъ кустышка ракитова съ тобою повѣнчаемся,
«Да тогда ты будешь вѣдь моя жена.»
То какъ взялъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да за перстни ю бралъ за злаченыи,
Да й повелъ Маринку во чисто поле
Приводилъ онъ ю ко кустышку ракитову,
Вокругъ кустышка ракитова они да повѣнчалися.
Становилъ-то ю Добрыня супротивъ собя,
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й топерь-ко ты Маринка есть моя жена,
«А должна ты мни повиноватися.»
То онъ бралъ свою да саблю вострую,
Во свои ю бралъ во бѣлы ручушки,
Й онъ смахнулъ-то своёй саблей востроей,
И срубилъ-то онъ ёй ножки по колѣночкамъ;
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти ноженки да рѣзвыи?
«Й оплетали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго.»
Й онъ другой-то разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ ёй ручки по локоточкамъ;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто-то эти бѣлыи да ручушки?
«Й обнимали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго.»
И онъ еще третій разъ смахнулъ да саблей востроей,
А срубилъ-то ёй уста сахарніи;
Говорилъ Добрыня таковы слова:
«А й почто эты уста сахарніи?
«Цѣловали-то татарина поганаго,
«А й того Горынища проклятаго.»
А й тутъ ей Маринки да славу поютъ
Славу поютъ вѣкъ по вѣку.

Записано тамъ же, 8 іюля.

*) т. е. нѣжится.

—

79.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ.

Да й спородила Добрыню родна матушка
Да возростила до полнаго до возраста;
Сталъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
На добромъ конѣ въ чисто полё поѣзживать,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.
Пріѣзжалъ Добрыня изъ чиста поля,
А й сходилъ-то какъ Добрынюшка съ добра копя
И онъ шолъ въ свою полату въ бѣлокаменну,
Проходилъ онъ во столову свою горенку,
Ко своей ко родною ко матушки.
Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
«Ай же свѣтъ моё цадо любимоё,
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты на добромъ конѣ въ чисто поле поѣзживашь,
«Да ты малыехъ змѣёнышевъ потаптывашь.
«Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка

«Да ты дáлече далéче во чистó поле,
«Кó тымъ славныемъ горамъ да къ сорочинскінмъ,
«Да ко тымъ порáмъ да ко змѣиныемъ,
«Не тонци-ко ты тамъ малыехъ змѣёнышевъ,
«Не входи-ко ты во нóры въ змѣиныя,
«Не выпущай-ко пóлоновъ оттуль расейскінхъ;
«Не съѣзжай-ко ты молоденькой Добрынюшка
«Ко той славною ко матушки къ Пучай-рѣки,
«Не ходи-ко ты купаться во Пучай-рѣки,
«То Пучай-рѣка очюнь свирипая,
«Во Пучай-рѣки двѣ струйки óчюнь быстрыихъ:
«Перва струечка въ Пучай-рѣки быстрымъ быстра,
«Дрýга струечка быстра, быдтò огонь сѣкетъ.»
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Рóдной матушки-то онъ не слушатся,
Выходилъ онъ со столовой свóей горенки
Да й во славныя полаты бѣлокаменны,
Й одѣвалъ соби одежицу снаряднную
Да й рубашечки-манѣшечки шелкóвеньки,
Всю одёжицу одѣлъ онъ да хорошеньку,
А хорошеньку одежицу снаряднную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
Да й на свой на славный на широкъ на дворъ,
Заходилъ онъ во конюшеньку стоялую,
Бралъ добрá коня онъ богатырскаго,
Бралъ добрá коня Добрынюшка, засѣдлывалъ,
А й садился-то Добрыня на добрá коня,
Да съ собою бралъ онъ паличку булатнюю,
Да й не для-ради да драки кроволитьица великаго,
А онъ бралъ-то для потѣхи молодецкою.
То повыѣхалъ Добрынюшка въ чистó поле
На добрóмъ кони на богатырскоёмъ,
То онъ ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера
Да по славну по роздольицу чистý полю.
Похотѣлось-то молóдому Добрынюшки
Ёму съѣздити во дáлече чистó поле,
Да й ко тымъ горамъ ко сорочинскіемъ,
Да й ко тымъ норамъ да ко змѣиныемъ.
Й онъ спустилъ коня да богатырскаго,
Да й поѣхалъ по роздольицу чистý полю.
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ:
То онъ день ѣдéтъ по красному по солнышку,
Да онъ въ ночь ѣхáлъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Пріѣзжалъ онъ ко горамъ да къ сорочинскіемъ,
Сталъ онъ ѣздить по роздольицу чистý полю,
Онъ-то ѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Потопталъ онъ много множество змѣёнышовъ.
Й услыхалъ-то тутъ молóденькой Добрынюшка—
Ёго доброй конь да богатырскіи
А й сталъ нá ноги да конь припадывать.

А й поѣхалъ-то молóденькой Добрынюшка
Отъ тыхъ славныихъ отъ горъ отъ сорочинскіихъ
Да й отъ тыхъ отъ норъ онъ отъ змѣиныихъ,
Да й поѣхалъ-то Добрыня въ стольнёй Кіевъ градъ.
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;
То онъ въ день ѣдéтъ по красному по солнышку,
А онъ въ ночь ѣдéтъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ повыѣхалъ въ роздольицо въ чистó полё.
Похотѣлось тутъ млóдому Добрынюшки
Съѣздить-то ко славной ко Пучай-рѣки,
Посмотрѣть ему на славную Пучай-рѣку.
То онъ ѣхалъ по роздольицу чистý полю,
Да пріѣхалъ онъ ко славной ко Пучай-рѣки,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добрá коня,
Посмотрѣлъ-то онъ на славную Пучай-рѣку.
Похотѣлось тутъ молóдому Добрынюшки
Покупатися во славной во Пучай-рѣки;
Онъ одёжицю съ собя снималъ всю дó-нага,
Да й пошолъ-то онъ купаться во Пучай-рѣку.
Тамъ на тую пору на то времецко
А й на славноёй да на Пучай-рѣки
Да й случились быть тутъ красны дѣвушки;
Óны клеплютъ топко бѣленькое платьицо,
Говорятъ оны молóдому Добрынюшки:
— Ты удаленькой дороднёй доброй молодецъ!
— То во нашою во славной во Пучай-рѣки
— Наги добры молодци не куплются,
— Óны куплются въ тонкиихъ бѣлыхъ полóтняныхъ рубашечкахъ. —
Говорилъ-то имъ молоденькой Добрынюшки:
«Ай жо дѣвушки да вы голубушки,
«Бѣломойницы вы портомойницы!
«Ничего-то вы вѣдь дѣвушки не знаете,
«Только знайте-тко вы дѣвушки самы́ собя.»
Онъ пошолъ-то какъ купаться во Пучай-рѣку,
Перешолъ Добрыня перву струечку,
Перешолъ Добрыня дрýгу струечку,
Перешолъ-то онъ Пучай-рѣку отъ бережка до дрýгого;
Похотѣлось тутъ молóдому Добрынюшки
Покупаться во Пучай-рѣки, поныркати.
Тамъ на тую пору на то времецко
Да изъ дáлеча далéча изъ чистá поля,
Изъ-подъ западнёй да сподъ сторонушки,
Да й не дождь дожжитъ да й то не громъ громитъ,
А й не громъ громитъ, да шумъ великъ идетъ:
Налетѣла надъ молóдаго Добрынюшку
А й змѣйнищо да то Горынищо,
А й о трехъ змѣнищо о гóловахъ,

О двѣнадцати она о хоботахъ;
Надлетѣла надъ молодаго Добрынюшку,
Говорила-то змѣищо таковы слова:
— А топерь Добрынюшка въ моихъ рукахъ,
— А въ моихъ рукахъ да онъ въ моёй воли!
— А 'ще что я похочу, то надъ нимъ сдѣлаю:
— Похочу-то я молодаго Добрынюшку,
— Похочу, Добрынюшку въ полонъ возьму,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и огнемъ пожгу,
— Похочу-то я Добрынюшку-то и въ собя пожру.—
Й у того ли у молодаго Добрынюшки
Ёго сердце богатырско не ужахнулось;
Онъ гораздъ былъ плавать по быстрымъ рѣкамъ,
Да й нырнулъ-то онъ отъ бережка ко другому,
Да й отъ другаго отъ бережка ко етому.
Й онъ воспомнилъ тутъ свою да родну матушку:
«Не велѣла мнѣ да родна матушка
«Уѣзжать-то далече въ чисто полё,
«Да й ко тымъ она горамъ ко сорочинскіимъ,
«Да й ко тымъ норамъ да ко змѣинымъ,
«Не велѣла мнѣ-ка ѣздить ко Пучай-рѣки,
«Не велѣла мнѣ купаться во Пучай-рѣки.
«Да и не за то ли здѣ-ка ноньчу страньствую?»
Й онъ ащо нырнулъ отъ бережка до бережка,
Выходилъ Добрыня на крутой берёгъ.
Тутъ змѣинищо Горынищо проклятоё
Она стала на Добрыню искры сыпати,
Она стала жгать да тѣла бѣлаго.
Й у того ли у молодаго Добрынюшки
Не случилося ничто быть въ бѣлыхъ ручушкахъ,
Да и ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Поглянулъ-то какъ молоденькой Добрынюшка
По тому по крутому по бережку,
Не случилося ничто лежать на крутоёмъ на берегу,
Ёму ничего взять въ бѣлыи во ручушки,
Ёму нечимъ со змѣищомъ попротивиться.
Ёна сыплетъ ёго искрой неутышною *(такъ)*,
Ёна жгётъ ёго да тѣло бѣлое.
Столько увидалъ молоденькой Добрынюшка,
Да й на крутоёмъ да онъ на береги
То лежитъ колпакъ да земли греческой;
Енъ берётъ-то тотъ колпакъ да во бѣлы ручки,
Онъ со тою ли досадушки великою
Да ударилъ онъ змѣинища Горынища.
Еще пала-то змѣя да на сыру землю,
На сыру-то землю пала во ковыль траву.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Очюнь смѣлой былъ да оворотистой,
Да й скочилъ-то онъ змѣищу на бѣлы груди,
Роспластать-то ёй хотитъ да груди бѣлыи,
Онъ хотитъ-то ёй срубить да буйны головы.
Тутъ змѣинищо Горынищо молиласи:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Не убей меня да змѣи лютою,
— Да спусти-тко полетать да по бѣлу свѣту.
— Мы напишемъ съ тобой записи промежъ собой,
— То велики записи немалыи:
— Не съѣзжаться бы вѣкъ по вѣку въ чистомъ поли,
— Намъ не дѣлать бою драки кроволитія промежъ собой,
— Бою драки кроволитія великаго. —
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ скорёшенько сходилъ-то со бѣлой груди;
Написали оны записи промежъ собой,
То велики оны записи немалыи:
Не съѣзжаться бы вѣкъ по вѣку въ чистомъ поли,
Намъ не дѣлать бою драки кроволитьица промежъ собой.
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорёшенько бѣжалъ да ко добру коню,
Надѣвалъ свою одёжицу снарядную,
А й рубашечки-манѣшечки шелковеньки,
Всю одёжицу надѣлъ снарядную,
Онъ скорёшенько садился на добра коня,
Выѣзжалъ Добрыня во чисто полё,
Посмотрѣть-то на змѣищо на Горынищо,
Да которымъ она мѣстечкомъ полетитъ по чисту полю.
Да й летѣла-то змѣищо черезъ Кіевъ градъ,
Ко сырой земли змѣинищо припадала,
Унесла она у князя у Владыміра,
Унесла-то племничку любимую,
Да прекрасную Забавушку Путятичну.
То пріѣхалъ-то Добрыня въ стольній Кіевъ градъ,
Да на свой Добрыня на широкой дворъ,
Да сходилъ Добрынюшка съ добра коня.
Подбѣгаетъ къ нему паробокъ любимыи,
Онъ берётъ коня да й богатырскаго,
Да й повелъ въ конюшенку въ стоялую,
Сталъ добра коня да ёнъ розсёдлывать,
Да сталъ паробокъ добра коня кормить поить,
Онъ кормить поить да сталъ улаживать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ прошолъ своёй полатой бѣлокаменной,
Заходилъ онъ во столову свою горенку
Ко своёй ко родною ко матушки,
То ничимъ Добрынюшка не хвастаётъ.

—

Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
На почестенъ пиръ ко князю сталъ похаживать;

То ходилъ Добрынюшка по дёнь поры,
Да ходилъ Добрыня по другой поры,
Да ходилъ Добрынюшка по третей день.
То Владиміръ князь-отъ стольне-кіевской
Онъ по горенкѣ да и похаживатъ,
Пословечно государь онъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бояра,
«Сильни русьскіе могучіе богатыря,
«Еще вси волхи бы всѣ волшебники!
«Есть ли въ нашеёмъ во городи во Кіеви
«Таковы люди чтобъ съѣздить имъ да во чисто поле,
«Ко тымъ славнымъ горамъ да сорочинскіимъ,
«Ко тымъ славнымъ норамъ да ко змѣинымъ,
«Кто бы могъ сходить во норы во змѣиныи,
«Кто бы могъ достать да племничку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну?»
Таковыхъ людей во градѣ не находится;
Не могутъ-то съѣздити во далече чисто поле,
Ко тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскіимъ,
Да ко тымъ норамъ да ко змѣинымъ.
Тутъ Владиміръ князь-отъ стольнё-кіевской
А й по горенки да князь похаживалъ,
Пословечно государь ёнъ выговаривалъ:
«Ай жо вы мои да князи бояра,
«Сильни русьскіи могучіе богатыря!
«Задолжалъ-то я во земли во невѣрныи,
«У меня-то дани есть неплочены
«За двѣнадцать годъ да съ половиною.»
Приходилъ-то онъ къ Михайлушкѣ ко Потыку,
Говорилъ Михайлы таковы слова:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«А й ты съѣзди-тко во землю въ Политовскую,
«Къ королю-то къ Чубадѣю къ политовскому,
«Отвези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да й съ половиною.»
Пришолъ къ старому къ казакѣ къ Ильи Муромцу,
Говорилъ Владиміръ таковы слова:
«Ай ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
«А ты съѣзди-тко во землю-ту во Шведскую,
«А ко тому королю ты съѣзди къ шведскому,
«Вывези-тко дани за двѣнадцать годъ,
«За двѣнадцать годъ да съ половиною.»
Тутъ Олешенька Григорьевичъ по горенкѣ похаживатъ,
Пословечно князю выговариватъ:
— Ты Владиміръ князь да столенъ-кіевской!
— А й накинь-то ту вѣдь служобку великую,
— Да велику служобку немалую,
— На того да па молодаго Добрынюшку,
— Чтобы съѣздилъ онъ во далече чисто полё,
— Ко тымъ славнымъ ко горамъ да сорочинскіимъ,
— Да сходилъ бы онъ во норы во змѣиныи,
— Отыскалъ бы твою племничку любимую,
— Да прекрасную Забавушку Путятичну,
— А привёзъ бы ёнъ Забаву въ стольнё-Кіевъ градъ
— Да къ тоби ко князю на широкой дворъ,
— Да привелъ бы во полаты въ бѣлокаменны,
— Да онъ подалъ бы тобѣ ю во бѣлы руки. —
Тутъ Владиміръ князь да стольнё-кіевской
Приходилъ-то онъ къ молодому Добрынюшки,
Говорилъ Добрыни таковы слова:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Налогаю тоби службу великую,
«Да й велику службу немаленьку:
«А й ты съѣзди-тко во далече далече во чисто поле,
«Ко тымъ славнымъ ко горамъ ко сорочинскіимъ,
«Да сходи-тко ты во норы во змѣиныя,
«Отыщи-тко племничку любимую
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Привези-тко ты ю въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Приведи-тко мни въ полаты въ бѣлокаменны,
«Да подай-ко ты Забаву во бѣлы руки.»
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ за столикомъ сидитъ, самъ запечалился,
Запечалился онъ закручинился.
Выходилъ-то онъ за столиковъ дубовыехъ,
Выходилъ онъ за скамеечокъ окольніихъ,
Проходилъ-то ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной,
Онъ съ честна пиру идетъ да и не весело.
Приходилъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Проходилъ онъ во столову свою горенку,
Ко своёй ко родною ко матушки.
Говоритъ Добрыни родна матушка:
— Ай ты свѣтъ моё чадо любимое,
— Да й молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— Что съ честна пиру пришолъ да ты не весело?
— То мѣстечико было въ пиру не по чину?
— Али чарою въ пиру тобя пріобнесли?
— Аль кто пьяница дуракъ да пріобгалился *)? —
Говорилъ Добрыня родной матушки:
«Ай жо свѣтъ моя ты родна матушка!
«Да въ пиру-то мѣсто было по чину,
«А 'ще чарой во пиру меня не обнесли,
«Да то пьяница дуракъ да не обгалился, —
«А й Владиміръ князь-отъ стольнё-кіевской
«Наложилъ-то мни-ка службу великую,

*) т. е. насмѣялся.

«А й великую мни служобку не малую:
«Вéлѣлъ съѣздить мни во дáлече въ чистó поле,
«Кó тымъ славнымъ ко горамъ да къ сорочинскіимъ,
«Онъ велѣлъ сходить во норы во змѣиныи,
«Отыскать мнѣ вéлѣлъ племничку любимую,
«А прекрасную Забавушку Путятичну,
«Да и привезти велѣлъ ю въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Привезти ко князю на широкой дворъ,
«Привезти ю во полаты въ бѣлокаменны,
«Пóдать князю-то да во бѣлы́ руки.»
Говорила тутъ Добрыни рóдна матушка:
— Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
— А ты ѣшь-ка ней да на спокой ложись,
— Утро мудренѣе жи́ветъ *) вечера. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣлъ-то ѣствушокъ сахáрніихъ,
Да попилъ-то питьицовъ медвяныихъ,
Молодой Добрыня на спокой улёгъ.
Да й по утрушку да то ранёхонько,
До исходъ зори да раннё-утренной,
До выстáванья да красна солнышка,
Да й будила-то Добрыню рóдна матушка:
— А ставай-ко ты молоденькой Добрынюшка!
— Да ты дѣлай дѣло повелѣное,
— Сослужи-тко эту слýжобку великую. —
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скоренько сталъ да то й отъ крѣпка сна,
Умывался-то Добрынюшка бѣлёшенько,
Надѣвался онъ да й хорошохонько,
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
Да й на свой на славный на широкой дворъ,
Проходилъ ёнъ во конюшеньку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Да й сѣдлалъ Добрынюшка добрá коня,
Да й садился-то Добрыня на добрá коня,
Выѣзжалъ Добрыня съ широкá двора.
Тутъ заплакала Добрынюшкина матушка,
Она стала-то ронить да слёзъ горючіихъ,
Она стала-то скорбить да ли́чка бѣлаго,
Говорила-то она да й таковы слова:
— Я Добрынюшку безсчастнаго спорóдила!
— Какъ войдетъ-то енъ во норы въ змѣиныи,
— Да войдетъ ко тымъ змѣямъ ко лютыимъ,
— Поростóчатъ-то его да тѣло бѣлое,
— Еще выпьютъ со Добрыни суровýю кровь. —
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чистý полю.
Еще день-то зá день быдто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ;
Да онъ въ день ѣхáлъ по красному по солнышку,
То онъ въ ночь ѣхáлъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Онъ подъѣхалъ ко горамъ да къ сорочинскіимъ,
Да сталъ ѣздить по роздольицу чистý полю,
Сталъ онъ малыехъ змѣёнышевъ потаптывать.
Й онъ проѣздилъ цѣлый день съ утра до вечера,
Притопталъ-то много множество змiёнышовъ.
Й услыхалъ молóденькой Добрынюшка —
Ёго доброй конь да богатырскіи
А сталъ нá ноги да конь припадывать.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Бéретъ плеточку шелкóву во бѣлы́ руки,
То онъ билъ коня да й богатырскаго,
Первый разъ его ударилъ промежý уши,
Дрýгой разъ ударилъ промежý ноги,
Прóмежъ ноги онъ ударилъ прóмежъ заднiи,
Да й онъ билъ коня да не жалухою,
Да со всей онъ силы съ богатырскою,
Ёнъ давалъ ему удары-ты тяжелыи.
Его доброй конь да богатырскіи
По чистý полю онъ сталъ поскакивать,
По цѣлóй версты онъ сталъ помахивать,
По колѣну сталъ въ земелюшку погрязывать,
Изъ земелюшки сталъ нóжёкъ ёнъ выхватывать,
По сѣнной купны земельки ёнъ вывёртывалъ,
За три выстрѣлу *(такъ)* онъ камешки откидывалъ.
Й онъ скакалъ-то по чистý полю, помахивалъ,
Й онъ отъ ногъ своихъ змѣёнышевъ отряхивалъ,
Потопталъ всихъ малыихъ змiёнышовъ.
Подъѣзжалъ онъ ко норамъ да ко змѣиныимъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Да й сходилъ Добрыня со добрá коня
Онъ на матушку да на сыру землю,
Облащался-то *(такъ)* молоденькой Добрынюшка
Во доспѣхи онъ да въ свóи крѣпкіи:
Во-первы́хъ бралъ саблю свóю вострую,
На бѣлы́ груди копьё клалъ мурзамецкоё,
Онъ подъ лѣвую да и подъ пазушку
Пологалъ ёнъ палицку булатнюю,
Подъ кушакъ ёнъ клалъ шалыгу подорожную,
Й онъ пошолъ во ты во норы во змѣиныи.
Приходилъ ёнъ ко норамъ да ко змѣиныимъ, —
Тамъ затворамы затворено-то мѣдныма,
Да подпорамы-то пóдперто жалѣзныма,
Такъ нельзя войти во норы во змѣиныи.
То молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А подпоры онъ жалѣзныи откидывалъ,
Да й затворы-ты онъ мѣдныи отдвигивалъ,
Онъ прошолъ во норы во змѣиныи.
Посмотрѣлъ-то онъ на норы на змѣиныи,

*) т. е. бываетъ.

Насыпалъ-то первы мисы чиста сéребра,
Да й другія мисы красна золота,
Третьи мисы насыпалъ онъ скатна жемчугу,
Приносилъ онъ во полату бѣлокаменну,
Подавалъ богáтырямъ да святорусьскіимъ
Со своихъ-то онъ со бѣлыихъ со ручушекъ.
Тутъ богáтыри да святорусьскіи
Й оны Господу тутъ Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонушки клонилися,
Да со всима молодцамы попростилися,
Да съ самымъ они со княземъ со Владыміромъ,
Со Опраксіей да королевичной.
Выходили молодцы они съ полатъ да бѣлокаменныхъ,
Шли оны по граду-то по Кіеву,
Оны думушку-то думали заобщую:
«Гдѣ намъ съѣхаться въ роздольицѣ въ чистóмъ поли,
«На своихъ на добрыихъ коняхъ да богатырскіихъ?»
Говорилъ-то имъ Васильюшко Казиміровъ:
— Ай же братьица мои крестовыи,
— Ай ты славная дружинушка хоробрая!
— То мы съѣдемся въ роздольици чистóмъ поли
— Да у славнаго сыра дубà у Нéвида,
— Да й у славнаго у каменя у Латыря
— Да й на тыхъ мы на дороженкахъ крестовыихъ. —
Тутъ пошли-то добры мóлодцы въ свои полаты бѣлокаменны,
Оны стали добрыхъ конюшокъ засѣдлывать,
Да засѣдлывать добрыхъ коней улаживать.
Мóлодой Добрынюшка Микитинецъ
Й онъ пришолъ въ свою полату бѣлокаменну,
Со честнà пиру пришолъ-то да не весело.
Говорила тутъ Добрыни рóдна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадó любимое!
«Ты съ честна пирý пришолъ да что не весело?
«То ли мѣстечко въ пиру было не пó чину?
«Али чарою въ пиру тобя пріобнесли?
«Али пьяница дуракъ кто пріобгалился?»
Говорилъ-то ей Добрыня таковы слова:
— Ай же свѣтъ моя ты рóдна матушка!
— А 'ще мѣсто-то въ пиру мнѣ было пó чину,
— Меня чарою въ пиру да тамъ не óбнесли
— А 'ще пьяница дуракъ мнѣ не обгалился.
— То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
— Наложилъ ёнъ слýжобку великую
— И велику слýжобку немалую:
— Отвести-то надо дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною,
— Да й во дальніи во земли въ Сорочинскіи,
— Да во ту во саму во темнý орду. —
Говорилъ-то ёнъ да свóёй рóдной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты рóдна матушка!
— Да й безчастнаго спорóдила Добрынюшку:
— Éще лучше бы Добрынюшку спорóдила
— А й горючіимъ да бѣлымъ камешкомъ,
— Завертѣла бы во тонкой бѣленькой рукавчичекъ,
— Подошла бы ты ко славному къ Кіянъ-морю,
— Бросила бы ты да этотъ камешокъ въ Кіянъ-море,
— Въ Окіянъ-море глубокое! —
Говорила тутъ Добрынѣ родна мáтушка,
Говорила óна да горькò заплакала:
«Ай же свѣтъ моё чадó любимое,
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Если бъ знала надъ тобою я незгодушку,
«Еще этое бы знала безвремéньице великое,
«То не такъ бы я тобя Добрынюшку спорóдила:
«Я спорóдила бъ тобя да и Добрынюшку
«Возрастомъ-то въ стараго казáка Илью Муромца,
«Тóбе силушкой Добрынюшку спорóдила
«Да й во славна Святогора во богáтыря,
«Я бы смѣлостью Добрынюшку спорóдила
«Да й во славнаго богáтыря въ Олешеньку Поповича,
«Красотою бы спорóдила Добрынюшку
«Да во славнаго-то князя во Владыміра!»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Говорилъ своёй онъ рóдной матушкѣ:
— Ай же свѣтъ моя ты рóдна матушка
— Да й честнà вдова Намельфа Тимофеевна,
— Дай прощеньицо мнѣ-кà благословленьицо,
— Дай на тыя вѣки нерушимыи! —
И тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
Надѣвалъ онъ на себя одежицу дорогоцѣнную
И рубашечки маншечки шелкóвеньки,
Всю хорошеньку одежицу снарядную;
Выходилъ онъ изъ полаты бѣлокаменной
А й на свой-то вышелъ на широкой дворъ,
Заходилъ онъ во конюшенку въ стоялую,
Бралъ коня Добрыня богатырскаго,
Выводилъ онъ со конюшенки стоялоей
А на свой-тотъ вывелъ на широкой дворъ,
Сталъ добрá коня Добрынюшка засѣдлывать,
Сталъ засѣдлывать добрá коня улаживать;
На добрá коня покладываетъ потничекъ,
А онъ потничкомъ да то клалъ войлочекъ,
Да подъ потникомъ подпотничекъ шелкóвенькой,
На подпотничекъ сѣделышко черкасское,

каское сѣделышко хорошенько,
горое сѣделышко было да изукрашено,
ма-то шелками пообшивано,
червонымъ золотомъ обвивано;
ъ подпруги подтягивалъ шелковеньки,
шпилечики онъ встягивалъ булатніи,
ечки онъ полагалъ да красна золота,
надцать подпруговъ подтягалъ настоящіихъ,
гринадцатой-тотъ подпругъ онъ поклáдаетъ запасныи.
итъ Добрынѣ родна матушка:
ке свѣтъ моё чадо любимое,
олоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
оклáдалъ на добрá коня да богатырскаго
ѣнадцать подпруговъ да настоящіихъ:
что же полагаешь ты тринадцатый-то подпругъ да запасныи?»
илъ-то ёй Добрыня таковы слова:
же свѣтъ моя ты родна матушка!
къ я буду-то во дáлече далéче во чистóмъ поли
во тою во земли во Сорочинскою,
тую порушку да въ тое времечко
ѣзжать будутъ ко мнѣ людй могучіи,
будутъ-то силушки моей отвѣдывать
й тѣснить-то будутъ во чистóмъ поли:
тую порушку да въ тое времечко
хочу я съ нима попротивиться,
обы было мнѣ на что да понадѣяться,
обы добрый конь мой да и богатырскіи
-подъ сѣделышка да онъ не выскочилъ,
на кони сидѣлъ бы доброй мóлодецъ, не старился. —
адится-то Добрыня на добрá коня;
ила тутъ Добрынина-та матушка:
ке свѣтъ моя любимая семеюшка,
ода Настасьюшка Микулична!
ого сидишь во теремѣ въ златомъ верху?
ъ собою ли незгодушки не вѣдаёшь?
тается-то наше красно солнышко
а этыи за горы за высокіи
за этыи за лѣсушки за темныи,
съѣзжаетъ-то Добрыня съ широкá двора.
поди-тко ты скоренько на широкъ на дворъ,
зайди-тко ты Добрынюшкѣ съ бѣлá лица,
йди къ него ко правому ко стремячкѣ,
ри-тко ты Добрынѣ не съ упадкою,
роси-тко у молóдаго Добрынюшки:
далéче ль ѣдетъ, куды путь держитъ?
ю ждать велитъ намъ, когды дóждать?
ь когда й велитъ въ окошечко посматриватъ?»

Мóлода Настасьюшка Микулична
Какъ скорешенько бѣжала на широкій дворъ,
И въ одной тонкóй рубашечкѣ безъ пояса
И въ одныхъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
То зашла она Добрынѣ со бѣлá личка,
Подошла къ него ко стремечки ко правому,
Да й ко правому ко стремечки къ булатнему,
И говорила-то Добрынѣ не съ упадкою:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«Ты далéче ль ѣдешь, куды путь держишь?
«Скоро ль ждать велишь намъ, когда дóждать?
«Намъ когда велишь въ окошечко посматривать?»
Говорилъ-то ёй Добрыня таковы слова:
— Ай же ты моя любимая семеюшка,
— Молодá Настасьюшка Микулична!
— Когда стала у меня про то выспрашивать,
— Я станý про то тебѣ высказывать:
— Перво шесть годовъ-то за собя пожди,
— Дрýго шесть годовъ такъ за меня пожди,
— Того времечки исполнится двѣнадцать годъ,
— Да й ходи-тко ты тогда во мой зеленой садъ,
— Ты посматривай-тко на сахáрне мое деревце:
— Если буде прилетать-то голубъ со голубушкой,
— Станетъ голубъ со голубушкой на деревцѣ прогуркивать,
— А что нѣтъ живà Добрынюшки Микитинца,
— А й побитъ Добрынюшка въ чистóмъ поли,
— Поросспластаны его да груди бѣлыи,
— Да й повынято его сердцé со пéченей,
— Поотрублена ему буйнá головушка,
— А й брошѐнъ Добрыня за ракитовъ кустъ, —
— Въ тую порушку да въ тое времечко
— Да смотри ты на свой на широкій дворъ:
— Прибѣжитъ-то какъ мой добрый конь да богатырскій
— А й на вашъ-то на вдовиной дворъ,
— А й тогда вы въ тую пору въ тое времечко
— Про меня тогда вы и узнаете,
— А что нѣтъ живà Добрынюшки Микитинца;
— А й тогда ты хоть вдовой живи, а хоть замýжъ поди,
— Хоть за князя ты поди, хоть за боярина,
— Хоть за сильняго за русьскаго могучаго богáтыря,
— Столько не ходи-тко замужъ за богáтыря,
— За того Олешенку Поповича,
— А й за бабьяго да за насмѣшника, —
— А й Олеша-тотъ Поповичъ мнѣ названый брат. —
На кони-то молодца да вид'ли сядучись,

Со двора его не видѣли поѣдучись.
Со двора онъ ѣхалъ не воротами,
Й онъ изъ города-то ѣхалъ не дорожкою,
Ѣхалъ прямо черезъ стѣну городовую.
Какъ онъ ѣхалъ по роздольицу чисту полю,
Похотѣлось тутъ молодому Добрынюшкѣ
Попытать коня да й богатырскаго,
Поотвѣдать ёго силушку великую.
Да й беретъ онъ плёточку шелкову во бѣлы руки,
Да онъ билъ коня да по крутымъ ребрамъ,
По крутымъ ребрамъ ёнъ билъ да не жалухою,
А й со всёю своей силы съ богатырскою.
Его доброй конь да богатырскій
То пошолъ скакать да по чисту полю,
По цѣлой версты онъ да поскакивалъ,
По колѣнушку въ земельку ёнъ угрязывалъ,
Изъ земельки свои ноженьки выхватывалъ,
По сѣнной купны земелюшки вывертывалъ,
За три выстрѣлу онъ камешки откидывалъ.
Такъ не молвія въ чистомъ поли промолвила,
Да й проѣхалъ-то Добрыня на добромъ кони,
То вси травушки муравы оплеталися,
Вси лазуревы цвѣточки осыпалися,
И мелкіи лѣсушки къ земли вси приклонялися.
Онъ-то ѣхалъ по роздольицу чисту полю,
А й ко сырому ко дубу ёнъ ко Невину,
Къ тому славному ко каменю Олатырю;
Ёнъ наѣхалъ своихъ братьицевъ крестовыхъ.
И сходили молодци тутъ со добрыхъ коней,
Да й ходили-то пѣхотой по чисту полю,
Й оны думушку все думали-то крѣпкую,
Думушку-ту крѣпкую великую,
Что намъ дальняя дорожка не короткая;
Й они сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ.
Они въ день ѣдутъ по красному по солнышку,
Въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дождитъ,
Да й недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ,
Добры молодци дороженку коротаютъ.
Оны ѣдутъ-то по славному роздольицу чисту полю,
Да й пріѣхали во земли Сорочинскіи,
Къ королю-то Ботеяну на широкой дворъ.
Съ добрыхъ коней молодци да й опустилися,
То не спустили добрыхъ коней на посыльной дворъ;
Молодой Васильюшко Казиміровъ
Онъ беретъ свое копье да муржамецкое,
Онъ спустилъ копье во матушку-то во сыру землю,
Во сыру землю спустилъ копье вострымъ концемъ,
Добрыхъ коней бы къ копью да онъ привязывалъ,
Никого-то къ добрымъ конямъ не приказывалъ.
Пороздернули оны полотно бѣлое,
Насыпали-то пшену да бѣлоярову
Своимъ добрымъ конямъ богатырскіимъ.
Да беретъ-то дани онъ подъ пазушку,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Да еще онъ беретъ грамоту повинную;
Брали они мисы чиста серебра,
А й другія мисы брали съ краснымъ золотомъ,
Третьи мисы они брали скатна жемчугу,
И пошли оны въ полаты бѣлокаменны,
Заходили во полату въ бѣлокаменну,
Да й пошли-то во столовую во горенку.
Молодой Васильюшко Казиміровъ
На пяту онъ идетъ двери порозмахиватъ,
То они какъ Господу-то Богу помолилися,
Оны крест-отъ клали по писаному,
Да й вели поклоны по ученому,
На вси на три на четыре на сторонушки да низко кланялись,
Самому-то королю въ особину,
Еще всимъ его князьямъ да подколѣннымъ.
Сталъ король у добрыхъ у молодцевъ выспрашивать:
«Вы откулешни дородни добры молодци?
«Еще какъ-то молодцевъ васъ именёмъ зовутъ
«Звеличаютъ молодцевъ васъ по отечеству?»
Говорили молодци да таковы слова:
— Есте мы со матушки святой Руси
— Да й отъ славнаго отъ князя отъ Владыміра,
— Привезли какъ къ тобѣ дани за двѣнадцать годъ,
— За двѣнадцать годъ да съ половиною. —
Полагать ли стали даней-тыхъ на золотъ столъ,
Положили-то двѣнадцать лебедей, двѣнадцать креченей,
Положили первы мисы чиста серебра,
А й другія мисы красна золота,
Третьи мисы полагали скатна жемчуга,
Положили грамоту повинную.
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновичъ
Ёнъ садилъ-то ихъ за столикъ за дубовыи
Да й за тыя ли скамеечки окольніи,
То онъ не ѣствушкой кормилъ ихъ да сахарнею
Да й не питьицемъ поилъ ихъ да медвянымъ,
Да онъ сталъ у добрыхъ молодцевъ выспрашивать:
«Ай же вы удаленьки дородни добры молодци!
«Еще есть ли-то на вашей на святой Руси
«Да у славнаго у князя у Владыміра,
«У нихъ есть ли та игра да и картежная,
«А играютъ ли оны да въ шашки шахматы
«Да й во славны во велёи во нѣмецкіи?

«А 'ще кто изъ васъ гораздъ съиграть во шашки-ты во шахматы,
«Да во славны во веле́и въ нѣмецкіи?»
Говорилъ ему молоденькой Васильюшко Казимі-ровъ:
— Ай же славныи король земли Литовскія!
— У меня всѣ игроки дома́ оставлены,
— Только есте у меня надѣюшка
— То на Спаса на Пречисту Богородицу,
— Да на своего на братца на крестоваго,
— На молодаго Добрынюшку Микитинца. —
Приносили къ нимъ-то доску эту шашецну;
Какъ сыграли въ первый разъ да въ игру шашечну,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Ёнъ со тою со великой со горячности
Просмотрѣлъ одинъ да ступень шашечной,
Обыгралъ его король да вѣдь литовскіи
Ботіянъ да Ботіяновецъ,
Й онъ повыигралъ у молода Добрынюшки добра́ коня,
А й добра́ коня онъ богатырскаго.
А й подъ другую игру они залоги-ты поклáдали,
А й король-отъ полагаетъ онъ великую безсчетну золоту казну,
А и молодой Добрынюшка Микитинецъ
Положилъ залогомъ свою буйную головушку.
Какъ сыграли-то они да еще другой разъ,
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Тутъ онъ короля да и пообыгралъ.
Еще третей разъ сыграли игру шашечну.
Говорилъ-то вѣдь король-тотъ Ботіянъ да Ботія-новецъ:
«Ай же славныи богатыри вы святорусьскіи!
«Изъ васъ кто-то есть гораздъ стрѣлять изъ луку изъ розрывчата
«И пропущать тая стрѣлочка калёная
«По тому ли по острёю по ножовому,
«Да во тое во колечико серебряно,
«Чтобы стрѣлочка катилася калёная
«По тому катилася острёю по ножовому,
«На двѣ стороны она шла бы вѣсомъ ровно
«И угодила бы въ колечико серебряно?»
Говорилъ Васильюшко Казиміровъ:
— Ай же король Ботіянъ да Ботіяновецъ!
— Я не зналъ твоей утѣхи королевскою,
— Да своей не зналъ ухватки богатырскою.
— У меня всѣ стрѣльцы-ты дома́ оставлены,
— У меня столько надѣюшка
— Что на Спаса на пречисту Богородицу,
— Да на своего на братца на крестоваго
— Да на молода Добрынюшку Микитинца. —
Говорилъ король своимъ онъ слугамъ вѣрнымъ:
«Ай же вы мои да слуги вѣрныя!
«Вы подите-ко на погребъ на глубокія
«А й несите-тко мой королевской лукъ,
«Да й подайте-тко богатырю да святорусьскому
«А й молодому Добрынюшкѣ Микитинцу.»
И пошли его да слуги вѣрныя,
На него-то шли на погребъ на глубокіи,
А й несутъ они да королевской лукъ,
А и три ихъ четырѐ татарина,
Подносили-то къ молодому къ Добрынюшкѣ.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
А й беретъ онъ тугой лукъ розрывчатый,
Сталъ онъ стрѣлочекъ Добрынюшка накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,—
И сталъ тугой лукъ розрывчатый полапывать,
А й порозорвалъ онъ тугой лукъ, повыломалъ.
Говорилъ-то тутъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты король Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— А й твое-то есте дрянное лученочко пометное,
— Да не изъ чего богатырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то мнѣ-ка стрѣлочку каленую
— По тому острію по ножовому
— Да й во тое во колечико серебряно. —
Говорилъ король онъ таковы слова:
«Ай же вы да слуги мои вѣрныи!
«Вы ступайте-тко на мои на глубокъ погребъ,
«Да двѣнадцать вы богатырей могучіихъ,
«И неси-тко мой вы самолучшій лукъ,
«Самолучшій лукъ вы королевскіи.»
Какъ идетъ туда дружина королевская,
Да двѣнадцать молодцёвъ да все богатырей,
И несутъ они да королевской лукъ,
Да й подносятъ ко молоду ко Добрынюшкѣ.
Молодои-то Добрынюшка Микитиницъ
Берётъ-то онъ ихъ тугой лукъ розрывчатый,
Какъ-то сталъ Добрыня стрѣлочекъ накладывать,
Сталъ тетивочекъ Добрынюшка натягивать,
Да и шелковы тетивочки-ты стали всѣ полапывать,
А й порозорвалъ онъ тугой лукъ, повыломалъ.
И говорилъ-то какъ Добрыня таковы слова:
— Ай же ты король Ботьянъ да Ботіяновецъ!
— Твое дрянное лученочко пометное,
— Да не изъ чего богатырю повыстрѣлить,
— Пропустить-то этой стрѣлочки каленыи
— По тому острёю по ножовому,
— Да й во то въ колечико серебряно. —
Говоритъ-то тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
— Ай же братецъ мой крестовыи,
— Молодой Иванушко Дубровичу *(такъ)*!
— А й поди-ко ты на славной на широкой дворъ

— Къ моему коню да къ богатырскому,
— Моего коня ты уговаривай,
— Поди-тко ты къ правому ко стремени булатнему,
— Отстени мой тугой лукъ розрывчатой,
— Да й неси-тко во полату бѣлокаменну
— Мое дряпное лученышко завозное. —
Какъ идетъ Иванъ Дубровицъ на широкъ на дворъ,
Ко добру коню онъ шолъ да ко Добрынину,
Сталъ добра коня онъ уговаривать,
Шолъ ко правому онъ стремени къ булатнему,
Отстянулъ-то онъ и тугой лукъ розрывчатой,
Енъ понесъ-то во полату бѣлокаменну.
У того молодаго Добрынюшки Микитинца
Во тоемъ луку да во розрывчатомъ,
Во томъ ли-то да въ тупомъ концу,
Были сдѣланы гуселышка яровчаты,
Да не для-ради красы онъ сдѣлалъ для угожества,
А то для-ради потѣхи молодецкою;
Такъ понесъ Иванъ Дубровичъ этотъ тугой лукъ,
Этотъ тугой лукъ понесъ да и розрывчатой,
Да й во славны во полаты бѣлокаменны,
И заигралъ ёнъ во гуселышка въ яровчаты.
Тутъ всѣ татара той игры розслухались,
И не слыхали-то игры такой на семъ свѣти.
Подносилъ-то ёнъ вѣдь тугой лукъ розрывчатой
Да ко своему ко братцу ко крестовому
Да й ко молоду къ Добрынюшкѣ Микитинцу.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ беретъ свой тугой лукъ розрывчатой
И во свои беретъ во бѣлыя во ручушки,
Становился-то й Добрыня на рѣзвы ножки
Супротивъ колечика серебряна,
Й онъ три разъ стрѣлялъ Добрынюшка Микитинецъ
По тому онъ по острію по ножовому,
Угодилъ три разъ въ колечико серебряно
А й король-отъ Ботіянъ да Ботіяновецъ
Становился-то онъ супротивъ колечика серебряна,
А онъ бралъ-то свой-отъ тугой лукъ розрывчатой,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковую,
Да спустилъ эту тетивочку шелковую
Да во эту ёнъ во стрѣлочку каленую.
Первой разъ-то стрѣлилъ, енъ перестрѣлилъ,
А й другой разъ стрѣлилъ, такъ не дострѣлилъ,
Третій разъ-то какъ онъ стрѣлилъ, такъ попасть не могъ.
Королю-то это дѣло не слюбилося,
Не слюбилось это дѣло, не въ любо пришло,
Говоритъ король-отъ таковы слова:
«Ай же славныя богатырь святорусьскія!
«Кто изъ васъ естѐ гораздъ бороться объ одной ручкѣ?
«Выходите-тко на мой вы на широкой дворъ,
«Вы съ татарама моими поборитеся,
«У нихъ силушки великой пріотвѣдайте.»
А й Васильюшко Казиміровъ
Говорилъ ёнъ таковы слова:
— Ай же король ты Ботьянъ да Ботіяновичъ!
— У меня что есть борцёвъ дома оставлены,
— У меня столько надѣюшка
— Что на Спаса на Пречисту Богородицу,
— Да й на своего на братца на крестоваго
— Да й на молода Добрынюшку Микитинца. —
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
А й пошолъ бороться на широкой дворъ,
Пошелъ силушки великой у татаръ да поотвѣдати.
А й король-тотъ Ботіянъ да й Ботіяновичъ,
Молодой Васильюшка Казиміровъ
Съ молодымъ Иванушкомъ Дубровицемъ
Выходили на балхонъ на королевскіи
А смотрѣть-то на борьбу на богатырскую.
Еще вышелъ-то Добрыня на широкой дворъ,
Да сталъ по двору Добрынюшка похаживать,
На татаръ Добрыня сталъ посматривать.
А й стоятъ татара на него на широкомъ дворѣ,
Во плечахъ-то у татаръ есть велика сажень,
А й между глазами у татаръ есть велика пядень,
А й головушки на плечахъ какъ пивной котелъ.
Й они стали-то татара по двору похаживать,
Стали молода Добрынюшку поталкивать.
Молодои-то Добрынюшка Микитинецъ
А онъ сталъ татаръ да оттолыкивать,
Й оттолыкивать онъ сталъ татаръ, попинывать,
Сталъ ёнъ по двору татаръ да и покидывать;
А й пошло-то ко Добрынюшкѣ татаръ къ нему десятками.
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Еще видитъ дѣло ёнъ великое,
Воскрычалъ-то вѣдь Добрыня жалкимъ голосомъ,
Жалкимъ голосомъ крычалъ онъ во всю голову:
«Ай же братьица мои да вы крестовыи,
«Славныи вы русьскіе могучіе богатыря!
«Да й побьютъ-то насъ татары во темной орды,
«Положить намъ будетъ здѣсь буйны головушки,
«Не бывать намъ больше на святой Руси,
«Не видать намъ будетъ больше града Кіева,
«Не видать намъ князя-то Владыміра,
«Не видать Опраксіи намъ королевичной.»
Отворились тутъ ворота на широкой дворъ,
И пошло оттуль да силушки черным черно.

того ли у молодаго Добрынюшки
училося ничто-то быть во бѣлыхъ ручушкахъ,
нечѣмъ-то съ татарамы да й попротивиться.
хватилъ татарина-то за ноги,
онъ сталъ татариномъ помахивать,
ъ сталъ татаръ да поколачивать, —
гаринъ-то вѣдь гнется да не ломится.
дой Иванушко Дубович-отъ
очилъ съ балхону королевскаго,
бѣжалъ скоренько на широкой дворъ,
схватилъ Иванушко телѣжну ось,
онъ сталъ телѣжной осью-то помахивать,
онъ сталъ татаръ-то поколачивать.
вышли со двора да изъ широкаго
на тотъ на городъ королевскій,
и стали бить-то силушку великую.
ды идутъ они, такъ падетъ уличкой,
повернутся, такъ падетъ переулкамы.
билися тутъ цѣлыя-то суточки
даючись да й не пиваючись,
побили оны силушку великую.
рилъ король-отъ таковы слова:
й же славный ты богатырь святорусьскія,
олодой Васильюшко Казиміровъ!
ы на мой поди-тко да на славной градъ,
а й уйми-тко ты богатырей своихъ да святорусьскіихъ,
тобъ оставили мнѣ силы на посѣмена!
олучайте-тко вы дани себѣ выходы
за старыя за годы и за нынѣшній,
а и за вси вы за времена да й за досюлешни,
сполна-то государю за двѣнадцать годъ. —
дой Васильюшко Казиміровъ
скорешенько идетъ да на широкъ на дворъ,
садился-то Василій на добра коня,
жалъ-то какъ Василій на великой градъ,
поѣхалъ-то по славному по городу
воемъ добромъ конѣ на богатырскоемъ,
ѣхалъ-то онъ братьицевъ крестовыихъ;
подъѣхалъ-то къ молодому къ Добрынюшки,
галъ-то онъ свои да храпы крѣпкіи
на него на плечка на могучіи,
ворилъ ему Василій таковы слова:
й же ты молоденькой Добрынюшка!
сегодня ты да вѣдь позавтракалъ,
й оставь-ко мнѣ хоть пообѣдати,
а уйми-тко еще братца-то крестоваго,
олода Иванушка Дубровича,
пойдемте-тко въ полаты бѣлокаменны
ъ королю-то ко Ботеяну къ Ботеянову,
олучать-то будемъ дани за двѣнадцать годъ.—
Шли-то какъ они да на широкъ на дворъ,
Да й прошли они въ полаты бѣлокаменны,
Приносилъ король имъ дани за двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать лебедей, двѣнадцать крещеней,
И принесъ къ нимъ грамоту повинную,
Да й принесъ имъ первы мисы чиста серебра,
Имъ принесъ другія мисы красна золота,
Третьи мисы приносилъ енъ скатна жемчуга;
Далъ имъ грамоту да ёнъ повинную,
А й платить-то надо дани выходы,
Платить-то славному-то князю и Владыміру,
Да й платить-то надобно вѣкъ по вѣку.
Выходили молодци да на широкъ на дворъ,
Садились молодци-то й на добрыхъ коней,
Й оны ѣхали роздольицемъ чистымъ полемъ.
И еще день за день быдто дождь дожжитъ,
Да недѣля за недѣлей какъ рѣка бѣжитъ;
Ёны ѣдутъ въ день по красному по солнышку,
Ены въ ночь ѣдутъ по свѣтлому по мѣсяцу,
Ены вскорѣ добры молодци дороженьку коротали,
Они скоро ѣхали чистымъ полемъ,
Пріѣзжали-то ко дубу-то ко Невину,
Да й ко славноёму каменю къ Олатырю.
А со тою со пути а со дороженьки
Похотѣлось отдохнуть имъ добрымъ молодцамъ;
Пороздернули оны да шатры бѣлыи,
Они хлѣба соли-то покушали,
И они легли-то спать да й проклаждатися.
Тамъ на тую пору на то времячко
Прилетаетъ голубъ со голубкою,
Да й садится голубъ ёнъ на сырой дубъ,
На сыромъ дубѣ сталъ голубъ со голубушкой прогуркивать:
«Ай же ты молоденькой Добрынюшка!
«Во шатрѣ ты спишь да проклажаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь.
«А й твоя-то молода жена Настасья-то Микулична
«А й замужъ идетъ да й за богатыря,
«Да й за славнаго Олешу за Поповича.»
Молодои-то Добрынюшка Микитиничъ
Онъ скорешенько скочилъ-то на рѣзвы ножки,
И скорешенько сѣдлалъ добра коня,
И скоренько-то садился на добра коня,
Скоро ѣхалъ онъ роздольицемъ чистымъ полемъ
Да во тотъ-то славный стольній Кіевъ градъ.
Да й пріѣхалъ-то Добрынюшка Микитинецъ
На свой славный на широкъ на дворъ,
Становилъ коня онъ богатырскаго
Ко тому къ крылечику къ переному,
Пристянулъ-то ёго поводомъ шелковымъ
Да къ тому колечику къ серебряну,

А онъ самъ идетъ въ полату бѣлокаменну,
Да й прошолъ въ свою въ столовую во горенку,
Й усмотрѣлъ-то ёнъ свою-ту родну матушку;
А й сидитъ-то ёго матушка не весело,
Она ронитъ-то свои да горючи слёзы.
Ёнъ-то матушкѣ Добрынюшка поклонъ принесъ:
— Ай же свѣтъ честна вдова Намельфа Тимофеевна!
— А я отъ Добрынюшки съ чиста поля поклонъ привезъ.
— Мы съ Добрынюшкой вчерась да порозъѣхались,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А меня послалъ онъ къ стольнё-Кіеву,
— А й къ тоби вѣдь онъ зайти велѣлъ да на широкой дворъ
— Да й сходить къ тоби въ полаты бѣлокаменны,
— Да й велѣлъ тоби сходить на погребы глубокіи,
— Принести велѣлъ со погреба лапотики шелковеньки,
— Да велѣлъ-то принести еще-то платьице да скоморовчато,
— Да и принести велѣлъ гуселышки яровчаты,
— Да въ кой гуселышки-то съ молоду Добрынюшка поигрывалъ;
— Да й велѣлъ сходить Добрыня на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да сходить велѣлъ ко князю ко Олешеньку къ Поповичу
— Да ко тоей ко княгинѣ ко молодоей,
— Ко Настасьюшкѣ да й ко Микуличной. —
Говорила-то ему вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Надо мною тебѣ просто надемѣхатися
«И надъ моимъ-то вѣдь дворомъ да надъ вдовинымъ.
«Если былъ бы живъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
«Не дошло бъ тобѣ смѣяться надо мной
«Да надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ.»
Молодой Добрынюшка Микитинецъ
Передъ нёй стоитъ, самъ низко кланяётся:
— Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чистомъ полѣ,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкой дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапотики шелковыи,
— Принести-то велѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-ка сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю Олешеньку Поповичу,
— Къ той княгины ко молодоей,
— Къ той Настасьѣ да Микуличной. —
Говорила-то вдова да горько плакала:
«Ай же мужичищо деревенщина!
«Во глазахъ собака насмѣхаешься,
«Во глазахъ собака подлыгаешься!
«Если бъ была бы эта славушка да й на святой Руси,
«А что есть-то живъ Добрынюшка Микитинецъ,
«Не дошло бы-то смѣяться надъ моимъ-то надъ дворомъ,
«Надъ моимъ дворомъ да надъ вдовинымъ.»
Молодой-то Добрынюшка Микитинецъ
Поскорешеньку онъ ей поклонъ отнесъ:
— Ты честна вдова Мамельфа Тимофеевна!
— Мы вчерась съ Добрынюшкой розъѣхались,
— Да й во славноемъ роздольицѣ въ чистомъ полѣ,
— А й Добрынюшка поѣхалъ ко Царю-граду,
— А й послалъ меня ёнъ къ стольнё-Кіеву,
— Да велѣлъ къ тобѣ заѣхать на широкъ на дворъ
— Да сходить велѣлъ въ полаты бѣлокаменны,
— Да й тебѣ велѣлъ молоденькой Добрынюшка,
— Сходить велѣлъ на погребъ на глубокія,
— Принести оттуль лапотики шелковыи,
— Принести-то велѣлъ платьицо да скоморовчато,
— Да й подать велѣлъ Добрынюшка гуселышки яровчаты,
— Да й велѣлъ мнѣ-ка сходить ёнъ на почестенъ пиръ
— Ко тому ко князю ко Владыміру,
— Да къ тому князю Олешеньку Поповичу,
— Къ молодой княгинѣ ко Настасьѣ ко Микуличной. —
Да честна вдова Намельфа Тимофеевна
Да и горько она да и заплакала,
И говорила-то вдова да таковы слова:
«Не узналъ-то святымъ Духомъ вѣдь мужище деревенщина,
«Не узналъ ёнъ про лапотики Добрынины,
«Не узналъ-то ёнъ про платье скоморовчато,
«Не узналъ-то про гуселышки яровчаты.»
Ёна брала-то скоренько золоты ключи,

скорешенько на погребъ на глубокіи,
приносила-то лапотики шелковыи,
осила платьё скоморовчато,
осила-то гуселышка яровчаты,
вала мужичищу деревенщинѣ.
ылъ-то мужичищо деревенщина:
ı честнà вдова Мамельфа Тимофеевна!
ѣстяхъ мы росли съ молоденькимъ Добрынюшкомъ,
ѣстяхъ грамотѣ училися,
ни'мы съ Добрыней по однакому
намъ одежица съ Добрынюшкой-то ладилась. —
-то сталъ мужичищо деревенщина,
обулъ лапотики шелковыи
надѣлъ-то вѣдь онъ платье скоморовчато,
ылы́ ручкѝ гуселка бралъ яровчаты, —
лапотики на ноженки Добрынюшкѣ поладились,
платьице-то скоморовчато
ося Добрынюшкѣ поладилось.
пошолъ-то какъ Добрыня на почестенъ пиръ,
придверники стоятъ да приворотники,
не стали допущать-то какъ Добрынюшку.
ой Добрынюшка Микитинецъ
онъ сталъ придверниковъ отпихивать,
ротниковъ онъ сталъ да оттолыкивать,
ошолъ-то во полату бѣлокаменну,
одилъ ёнъ во столовую во горенку;
приходятъ-то ко князю ко Владыміру,
иносятъ къ нёму жалобу великую:
Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
ь пришолъ-то скоморохъ къ намъ на почестенъ пиръ,
придверниковъ розбилъ всихъ приворотниковъ,
докладу ёнъ зашолъ сюда въ полаты бѣлокаменны.»
лоденькой Добрынюшка Микитинецъ
оловой онъ по горенкѣ похаживатъ,
ъ князю-то Владыміру да поговариватъ:
Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
ще гди у васъ сидятъ-то скоморохи на честнóмъ пиру?
ижи-тко изобрать мнѣ-кà мѣстечко на честнóмъ пиру,
ижи-тко ты Владыміръ мнѣ игру играть,
ру и́грать во гуселышка яровчаты,
спотѣшить мнѣ-ка самого князя Владыміра,
спотѣшить мнѣ-ка князя да Олешеньку Поповича,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-та молóдая,
— А й княгина-та Настасья да Микулична. —
Говорилъ-то какъ молóдому Добрынюшкѣ,
Говорилъ-то ёму Владыміръ князь:
«Ай же молодой ты скоморошина!
«Ты поди садись-ко пóблизко той печеньки кирпичною,
«А играй игру въ гуселка во яровчаты,
«Воспотѣшь-ка самого князя Владыміра,
«Воспотѣшь-ко князя-то Олешеньку Поповича,
«Воспотѣшь-ко ты княгину-ту молóдую,
«Мóлоду Настасьюшку Микуличну.»
Какъ садился-то молоденькой Добрынюшка
Близко печки сѣлъ близкò кирпичною,
Бралъ гуселышка Добрынюшка въ бѣлы́ ручки,
Заигралъ Добрынюшка въ гуселышка,
Онъ игру играетъ все хорошеньку,
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,
Что изъ Кіева да й до Царя-града,
Изъ Царя-града до Еросóлиму,
Съ Еросóлиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще вси-то скоморохи пріумолкнули,
Еще вси-то игроки-то порозслýхались,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣти;
Самому князю Владыміру ему игра слюбилася.
Какъ ставалъ-то князь Владыміръ на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ онъ чару зеленá вина,
Енъ не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ-то онъ медами все стоялыма;
Самъ Владыміръ князь-отъ стольне-кіевской
Подносилъ-то эту чару зеленá вина
Ко тому онъ къ молодому скоморошинѣ.
Молодой да скоморошина
Енъ скорёшенько ставаетъ на рѣзвы́ ножки,
Бéретъ чарочку-ту онъ ~~да во бѣлы́~~ ручки,
Принимаетъ чарочку одной ручкой,
Выпиваетъ эту чарочку однимъ духомъ;
Подаетъ-то нáзадъ князю онъ Владыміру,
Понизешенько Владыміру онъ кланялся:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Отъ васъ выпилъ-то я чару зеленá вина,
— Мнѣ лозволь еще сыграть-то во гуселышка яровчаты,
—Воспотѣшить князя мнѣ Олешеньку Поповича.—
А й позволилъ-то ему Владыміръ князь
А играть игру въ гуселышка яровчаты,
Воспотѣшить князя-то Олешеньку Поповича.
Й онъ садился близко печеньки кирпичныя,
И заигралъ онъ во гуселышка яровчаты,
Игралъ-то вѣдь игру онъ все хорошеньку.
И выигрывалъ наигрыши хорошеньки,

Что изъ Кіева да й до Царя-градя,
Изъ Царя-града до Еросо́лиму,
Съ Еросолиму ко тою ко землѣ да къ Сорочинскоей.
Еще всѣ-то игроки-то порозслухались,
Молодые скоморохи пріумолкнули,
А и не слыхали и́гры эдакой на семъ свѣтѣ.
Такъ игра эта̀ Владыміру слюбилася,
Говорилъ Владыміръ таковы слова
А й тому князю̀ Олешенькѣ Поповичу:
«Ай ставай-ко ты Олеша на рѣзвы́ ноги,
«А бери-тко чару во бѣлы́ руки,
«Наливай-ко чару зелена́ вина,
«Да й не малую стопу да полтора ведра,
«И розводи медамы все стоялыма,
«Поднеси-тко къ молодому скоморошинѣ.»
А й ставалъ Олешенька Поповичъ на рѣзвы́ ноги
А бралъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Подносилъ-то къ молодому скоморошинѣ.
А й ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвы́ ножки
А онъ чарочку-то бралъ въ бѣлы́ руки
Отъ того-то отъ Олешеньки Поповича,
Принималъ онъ эту чарочку одной рукой,
Выпивалъ онъ чарочку однѣмъ духомъ.
Енъ садился-то на мѣсто скоморовское,
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владиміръ князь да стольнё-кіевской!
— А позволь играть въ гуселышка яровчаты,
— Воспотѣшить мнѣ княгина-то моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична. —
Тутъ онъ бралъ гуселышка яровчаты въ бѣлы́ руки,
А игру игралъ да онъ хорошую,
Онъ наигрыши выигрывалъ хорошеньки,
А изъ Кіева да й до Царяграда,
Изъ Царя-града до Еросо́лима,
Съ Еросолима ко той къ землѣ да къ Сорочинскоей.
То весьма эти́ наигрыши Владыміру слюбилися.
Говорилъ ему Владыміръ князь да стольне-кіевской:
«Ай же ты моло́дой скоморошина!
«Подходи-тко ко столу да княженецкому,
«А й садись-ко съ намы за единой столъ:
«Перво мѣстечко тоби да есть подли́ меня,
«Дру́го мѣстечко подли князя̀ Олешеньки Поповича,
«Третье мѣстечко избирай-ко со̀би по́люби.»
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— А й то не́ любо мнѣ мѣстечко подли́ тобя,
— А то не любо мнѣ мѣстечко подли́ князя
— А подли князя́ Олешеньки Поповича,
— Любо мѣстечко мнѣ супротивъ княгины-той моло́доей,
— Супротивъ Настасьюшки Микуличной. —
Какъ садился скоморохъ съ нимъ за единый столъ,
Супротивъ княгини сѣлъ моло́доей,
Супротивъ Настасьюшки Микуличной.
Говорилъ-то скоморох-отъ таковы слова:
— Ай ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— Выпилъ рюмочку отъ князя я Владыміра,
— А й позволь-ко на́лить рюмочку мнѣ зелена́ вина,
— Поднести мнѣ да ко князю ко Владыміру. —
Какъ ставалъ-то скоморохъ да на рѣзвы́ ножки,
Наливалъ-то рюмочку онъ зелена́ вина,
То не малу онъ стопу да полтора ведра,
И розводилъ-то онъ медамы все стоялыма,
Приносилъ ко князю ко Владыміру.
А Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской,
Онъ ставалъ скоренько на рѣзвы́ ножки,
А онъ бралъ ту рюмочку одной рукой,
Выпилъ рюмочку Владыміръ единымъ духомъ.
Говорилъ-то скоморохъ да й таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
— На́лилъ-то я рюмочку какъ князю-то Владыміру,
— Позволь по́днести мнѣ еще рюмочку
— А тому князю̀ Олешеньки Поповичу. —
Наливалъ-то какъ онъ чару зелена́ вина,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Подносилъ князю̀ Олешеньки Поповичу.
А й ставалъ Олеша на рѣзвы́ ножки,
Принялъ чарочку Олеша во бѣлы́ ручки,
Бралъ-то чарочку Олешенька одной ручкой,
Выпилъ чарочку Олешенька однимъ духомъ.
Скоморохъ имъ говорилъ да таковы слова:
— А Владыміръ князь ты стольнё-кіевской!
— По́зволь чарочку налить мнѣ зелена́ вина,
— Поднести княгинюшкѣ моло́доей,
— А той ли Настасьюшкѣ Микуличной. —
То онъ бралъ какъ чарочку въ бѣлы́ руки,
Наливалъ онъ чару зелена́ вина,
А не малую стопу да полтора ведра,
Розводилъ медамы все стоялыма,
Онъ спустилъ туда онъ свой злаченъ перстень,
Въ этую спустилъ во чарочку,
Подносилъ онъ ко Настасьюшкѣ Микуличной,
Говорилъ-то ей онъ таковы слова:
— Ай же ты княгина да моло́дая,
— Мо́лода Настасьюшка Микулична!
— Испей чарочку отъ насъ ты зелена́ вина. —
Молода Настасьюшка Микулична
То скорешенько ставала на рѣзвы́ ноги,
Эту брала чарочку въ бѣлы́ ручки,

Подносила ко устамъ своимъ сахарніимъ.
Говорилъ ей скоморохъ да таковы слова:
— Молода Настасьюшка Микулична!
— Если хошь добра, такъ ты пей до дна. —
Молода Настасьюшка Микулична
Она женщина была не глупая,
Она пила-то вѣдь чарочку до донышка,
А ко нёю ко устамъ да ко сахарніимъ
Прикатился къ ней да тутъ злаченъ перстень;
Она стрáхнетъ этотъ перстень на дубовый столъ,
И смотрѣла-то на этотъ на злаченъ перстень,
Да которымъ óна перстнемъ обручалася
Да во матушкѣ да во Божьéй церквы;
Положила она чарочку на зóлотъ столъ
Й оперлась о нёго плечка о могучіи,
Да й скочила-то Настасья черезъ золотъ столъ,
Говорила-то она да й таковы слова:
«Ай же свѣтъ моя любимая здержавушка,
«Молодой Добрынюшка Микитинецъ!
«А й у бабы волосъ дологъ, умъ корóткою *(такъ)*:
«Не послушала твоёго наказу богатырскаго,
«Я пошла замýжъ за славнаго богáтыря,
«За того Олешеньку Поповича.»
Тутъ молодой Добрынюшка Микитинецъ
Онъ скорешенько встаетъ да й на рѣзвы ножки,
Да й беретъ-то онъ Олешу за желты кудри,
Бросилъ онъ Олешу о кирпичной мостъ,
Да онъ выдернулъ шалыгу подорожную,
Сталъ шалыгою Олешеньку охаживать,
Говорилъ-то вѣдь Добрыня таковы слова:
— Ай же хошь ты у живá мужа жену отнять?—
Заступать-то сталъ да и Владыміръ князь
За того онъ за Олешеньку Поповича:
«Ты молоденькой Добрынюшка Микитинецъ!
«Да й прости-тко насъ во этой глупости.»
Говорилъ молоденькой Добрынюшка:
— Ай ты славныи Владыміръ князь да стольне-
кіевской!
— Да ты самъ ходилъ Настасью сватати,
— А й Опраксія ходила она свахою....
— Ты свою-то жóну гложешь, еще самъ скребешь,
— А й чужую жóну ты замýжъ даешь. —
Тутъ молоденькой Добрынюшка Микитинецъ
А й беретъ-то ёнъ Настасьюшку Микуличну
А за ней ли-то за рученьки за бѣлыи,
То за нёй беретъ за перстни за злачены,
А повёлъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Во свою привелъ столову ю во горенку;
Стали жить-то быть да вѣкъ любовь творить.

Записано тамъ же, 7 іюля;
повѣрено въ Петербургѣ, 26 ноября.

81.

ДУНАЙ *).

(См. Рыбникова, т. I, 31).

А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Заводилъ онъ почестенъ пиръ пированьицо
А й на всѣхъ-то на князей на бóяровъ,
Да й на русьскихъ могучихъ богáтырей,
На всѣхъ славныхъ поляницъ на удалыхъ.
А сидятъ-то мóлодци на честнóмъ пиру,
Всѣ-то сидятъ пьяны веселы;
Владыміръ князь по горенки похаживалъ,
Пословечно государь выговаривалъ:
«Всѣ есть добры мóлодци поженены,
«Красныи дѣвушки замýжъ даны,
«Столько я одинъ хожу холóстъ не жененой:
«То вы знаете ль мнѣ братци супротивничку,
«Чтобы личушкомъ она да й супротивъ меня,
«Очушки у нёй бы ясныхъ соколовъ,
«Бровушки у ней бы черныхъ сóболей,
«А походочкой она бы лани бѣлою,
«Бѣлою лани напольскою,
«Напольской лани златорогія,
«А чтобы было бы мнѣ съ кимъ жить да быть,
вѣкъ корóтати,
«А 'ще вамъ молодцамъ было бъ то кому поклонятися?»
Всѣ богáтыри за столикомъ умолкнули,
Всѣ молодцй да пріутихнули,
За столомъ-то сидятъ затулялися:
Бóльшая тулится къ середнюю,
Середняя тулится за меньшую,
А отъ меньшой тулицы отвѣту нѣтъ.
Зъ-за тогó за столичка дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ

*) Эта былина, какъ она записана при первой встрѣчѣ собирателя съ Рябининымъ въ Кижахъ и здѣсь напечатана, представляетъ размѣръ, который можно назвать дактилическимъ. Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ ее нѣсколько иначе, растягивая стихи и придавая имъ, посредствомъ вставочныхъ частицъ и удлиненія нѣкоторыхъ словъ, обыкновенный размѣръ другихъ былинъ — размѣръ хореическій. На вопросъ о причинѣ этого Рябининъ отвѣчалъ, что отъ утомленія онъ не можетъ попасть на настоящій «голосъ» этой былины, который для него теперь сталъ слишкомъ труденъ, и потому перемѣнилъ ея складъ на болѣе легкій. На предложеніе собирателя записать былину во второй разъ, какъ онъ ее сталъ пѣть въ Петербургѣ, Рябининъ отвѣчалъ просьбою этого не дѣлать, потому что въ такомъ случаѣ былина о Дунаѣ явилась бы не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Вышелъ старыя Пермінъ сынъ Ивановичъ, —
Понизешеньку князю поклоняется:
— Ты Владыміръ князь и стольнё-кіевской!
— Бласлови-ко государь мни словце вымолвить.
— А 'ще знаю я тоби супротивничку:
— Личушкомъ-то она супротивъ тобя,
— Очушки у нёй ясныхъ соколовъ,
— Бровушки у ней черныхъ соболей,
— А походочкой она лани бѣлыя,
— Она бѣлыя лани напольскія,
— А напольской лани златорогою;
— Тоби буде съ кимъ жить, вѣкъ коротати,
— Намъ молодцамъ будетъ-то кому поклонятися.
— А во той ли во славной въ хороброй Литвы,
— У того ли-то у короля литовскаго *),
— Есть прекрасна дочь Опраксья королевична,
— Да й сидитъ она во тереми въ златомъ верху;
— На ню красное солнышко не обпекетъ,
— Буйныи вѣтрушки не обвѣютъ,
— Многіи люди не обгалятся **).
— Есть-то у короля друга дочь,
— Друга дочь Настасья королевична;
— Она ѣздитъ во чистомъ поли, полякуетъ,
— Сильнё поляничнщо удалое. —
Говорилъ Владыміръ таковы слова:
«Ай же мои князи бояра,
«Сильніи русьскіи могучіи богатыря,
«Славны поляници вси удалыи!
«Мни кого-то послать изъ васъ-то посвататься,
«За меня за князя Владыміра,
«У того ли-то у короля литовскаго *)
«На прекрасной на Опраксьи королевичной?»
Всё за столомъ сидятъ умолкнули,
Всё молодци пріутихнули.
Старыя Пермінъ сынъ Ивановичъ,
А по горенкѣ Пермінъ ёнъ похаживаетъ,
Пословечно князю ёнъ выговариваетъ:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!
— Благослови мнѣ государь словцё молвити.
— А й то знаю я послать кого посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у короля литовскаго
— На прекрасной Опраксьи королевичной:
— Послать тихаго Дунаюшка Ивановича;
— Тихія Дунай во послахъ бывалъ,
— Тихія Дунай много земель зналъ,
— Тихія Дунай говорить гораздъ, —
— Да ёму-то Дунаюшку посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— У того у короля литовскаго
— На прекрасноей Опраксьи королевичной. —
Славныя Владыміръ стольно-кіевской
Скоро шолъ по горенкѣ столовыи,
Бралъ-то онъ чарочку въ бѣлы руки,
Наливалъ-то онъ чару зелена вина,
А не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы стоялыма,
Подносилъ онъ-то ко тихому Дунаюшку,
Ко тому Дунаюшку Ивановичу;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ скорешенько ставаетъ на рѣзвы ножки,
Чару бралъ отъ князя во бѣлы ручки,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ-то онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ чарочку онъ князю Владыміру,
Понизенько онъ князю поклоняется:
«А Владыміръ ты князь стольнё-кіевской!
«Благослови мнѣ государь словцё вымолвить.
«Ѣду я посвататься за князя за Владыміра
«И у того у короля литовскаго
«На прекрасной Опраксьи королевичной;
«Столько дай-ко ты мнѣ еще товарища,
«Молода Васильюшка Казімірова.»
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Онъ скорешенько бралъ чару во бѣлы ручки,
Наливалъ онъ чару зелена вина,
Не малую стопу — полтора ведра,
Розводилъ ёнъ медамы все стоялыма,
Подносилъ ёнъ къ Василью Казімірову.
Молодой Василій Казіміровичъ
Онъ скорешенько ставалъ на рѣзвы ножки,
Чарочку онъ бралъ во бѣлы ручки
Отъ того отъ князя Владыміра,
Принялъ-то онъ чарочку одной ручкой,
Выпилъ онъ чарочку однымъ душкомъ,
Подалъ онъ чарочку князю Владыміру,
Понизешенько Владыміру поклоняется:
— Ты Владыміръ князь стольнё-кіевской!
— Бласлови государь словцё вымолвить.
— Ѣду я съ Дунаюшкомъ посвататься
— За тобя за князя за Владыміра
— А й у славнаго у короля литовскаго
— Прекрасную Опраксью королевичну;
— Дай-ко ещё намъ товарища,
— Моего-то братца крестоваго,
— А Васильюшка паробка заморскаго:
— А ёму-то Васильюшку коней сѣдлать,
— Да ему-то Васильюшку розсѣдлывать,
— А ему-то Васильюшку плети подавать,

*) Въ Петербургѣ Рябининъ пѣлъ: «короля хоробровскаго».
**) т. е. не посмѣются.

ку плети подавать, ему плети принимать.—
ыміръ князь стольнё-кіевской
гъ онъ чарочку во бѣлы руки,
ваетъ онъ чару зелена вина,
малую стопу — полтора ведра,
одилъ ёнъ медамы все стоялыма,
осилъ ёнъ къ Васильюшку ко паробку,
Васильюшку къ паробку заморскому.
овился Василей на рѣзвы ножки,
ь-то онъ чару во бѣлы ручки,
ялъ онъ чарочку одной ручкой,
лъ онъ чарочку однимъ душкомъ,
адыміру-то князю поклоняется.
шли они съ полаты бѣлокаменны,
дили молодци они на Кіевъ градъ,
въ свои полаты бѣлокаменныи,
дали добрыхъ коней богатырскіихъ,
ѣхали роздольицемъ чистымъ полемъ
славную въ эту въ хоробру Литву.
іѣхали оны на широкъ на дворъ
ому ли оны къ королю литовскому.
я Дунаюшко Ивановичъ
товарищемъ Василіемъ Казиміровымъ
шли они въ полаты бѣлокаменныи,
асильюшко паробокъ заморскіій
ъ-то онъ по двору похаживать,
обою сталъ добрыхъ коней поваживать.
я Дунаюшко Ивановичъ,
одой Василей Казиміровъ,
прошли они въ полаты бѣлокаменны,
дили во столовую во горенку,
яту дверь порозмахивали,
Господу Богу помолилися,
челомъ низко кланялися,
ому-то королю они въ особину,
ъ-то князьямъ подколѣннымъ.
лъ ихъ король за единой столъ,
рмилъ-то ихъ ѣствушкой сахарнею,
илъ-то ихъ питьицемъ медвяныимъ.
му Дунаюшку Ивановичу
осилъ къ нему чару зелена вина,
е малую стопу — полтора ведра;
я Дунаюшко Ивановичъ,
орешенько ставалъ на рѣзвы ножки,
чку онъ бралъ во бѣлы ручки,
ъ-то онъ чарочку одной ручкой, —
за этою за чарочкой посватался
го у короля литовскаго
го на дочери любимоёй,
прекрасноёй Опраксы королевичной,
воёго за князя Владыміра.

Говорилъ король таковы слова:
«Глупый князь Владыміръ стольнё-кіевской:
«Енъ не зналъ кого послать ко мнѣ посвататься,
«Изъ бояръ мнѣ-ка боярина богатаго,
«Изъ богатырей богатыря могучаго,
«Изъ крестьянъ мнѣ-ка крестьянина хорошаго,—
«Онъ послалъ мнѣ-ка холопину дворянскую!
«Ай же мои слуги вѣрныи,
«Вы берите-тко Дуная за бѣлы ручки,
«Да й ведите-тко на погребъ холодныи,
«За нёго за рѣчи неумильныи.»
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро-то онъ скочитъ черезъ золотъ столъ,
А схватилъ ёнъ татарина за ноги,
Сталъ ёнъ татариномъ помахивати,
Сталъ бить татаръ, поколачивати, —
А король-то по застолью бѣгаётъ,
Куньею шубой укрывается.
Говоритъ король таковы слова:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А садись-ко со мной за единой столъ,
«Ѣшь-ко ты пей съ одной мисочки.
«Сдѣлаемъ съ тобою мы сватовство
«Да на моёй ли на дочери любимою,
«На прекрасноей Опраксы королевичной,
«За того за князя Владыміра.»
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Ай же король ты литовскіи!
— Еще не учёстовалъ молодцевъ пріѣдучись,
— Не ужаловать-то молодцевъ поѣдучись.
— Въ честь я Опраксію да королевичну
— Да возьму-то я за князя за Владыміра, —
— А не въ честь я возьму за товарища
— За того Васильюшка Казимірова. —
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Скоро шолъ полатой бѣлокаменною,
Выходилъ-то Дунай на широкъ на дворъ,
Проходилъ ёнъ ко терему къ златымъ верхамъ,
Сталъ Дунаюшко замочиковъ отщалкивати,
Сталъ Дунаюшко онъ дверцей выставливати,
Онъ приходитъ-то во теремъ во златы верхи;
По тому-то терему злату верху
А Опраксія королевична похаживаётъ
А въ одной тонкой рубашкѣ безъ пояса,
А въ однихъ тонкихъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая коса пороспущена.
Воспроговорилъ Дунай таковы слова:
— Ай же ты Опраксія королевична!
— А идешь ли ты замужъ за князя за Владыміра? —
Говоритъ ёму Опраксія королевична:

«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«Три́ году я Господу молилася,
«Чтобъ попасть мнѣ-ка за́мужъ за князя за Владыміра»
Бралъ ёнъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ ю за перстни злачены,
Цѣловалъ въ уста во саха́рніи
А за нёи за рѣчи умильніи,
Выводилъ онъ ю со те́рема златыхъ верховъ,
Приводилъ ю Дунай на широкой дворъ,
А садилъ ю Дунай на добра́ коня,
На добра́ коня садилъ къ головы́ хребтомъ,
Самъ Дунаюшко садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
А по славному роздолью чисту́ полю;
Ихъ достигла темна ночка въ чисто́мъ поли,
Они спать легли проклаждатися.
Говоритъ-то Дунаюшку Ивановичу
А прекрасная Опраксія королевична:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«У меня-то вѣдь есть сестра ро́дная,
«А Настасья есть королевична,
«Она сильня поляница и уда́лая,
«Она ѣзди во чисто́мъ поли, полякуетъ, —
«Какъ наѣдетъ-то она ко бѣлы́мъ шатрамъ,
«Во бѣлы́хъ шатрахъ намъ живы́мъ не бывать.»
Эта Настасья королевична
Узнала про сестрицу свою ро́дную, —
Увезли у ней сестрицу на святую Русь,
Не влюби у нихъ брали бога́тыри;
Она ѣхала въ погону по чисту́ полю,
А скакала на кони богатырскоемъ
Да по славну роздолью чисту́ полю;
По цѣлой версты конь поскакивалъ,
По колѣнъ онъ въ земелюшку угрязывалъ,
Онъ съ земелюшки ножки выхватывалъ,
По сѣнной купны онъ земелики вывертывалъ,
За три вы́стрѣлы камешки откидывалъ.
Не путёмъ она ѣдетъ не дороженкой,
Она ѣхала роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Проѣхала она да сестру ро́дную,
А проѣхала она и мимо Кіевъ градъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Садился Дунай на добры́хъ коней,
А садилъ ёнъ Опраксу королевичну
А Василью Кази́мірову да й на добра́ коня,
А садилъ-то ю къ головы хребтомъ,
А Васильюшко-то садился къ головы лицёмъ.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
А послалъ съ нима па́робка любимаго,
Онъ того Василія заморскаго,
Отвести ю князю на широкой дворъ,
Отвести въ полаты бѣлокаменны
А подать-то ю князю во бѣлы́ ручки.
А самъ тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ поѣхалъ во роздолье чисто́ поле
Посмотрѣть на поляницу удалую,
А й на этую Настасью королевичну.
Молодой Васильюшко Кази́міровъ,
Со своимъ со паробкомъ любимымъ,
Они ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
На добры́хъ коняхъ на богатырскіихъ,
Ускоряли-то оны скоро-на́-скори,
Пріѣхали-то они въ стольнёй Кіевъ градъ
А ко славному ко князю на широкой дворъ,
А скорешенько спустились со добры́хъ коней,
Опустили-то Опраксію королевичну
Со добра́ коня съ богатырскаго.
А повелъ-то ю Васильюшко Кази́міровъ
Во эту́ полату бѣлокаменную
Ко тому ко князю ко Владыміру,
Подалъ онъ ю во бѣлы́ ручки.
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Ѣхалъ онъ роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
Енъ наѣхалъ поляницю во чисто́мъ поли,
Становилъ ёнъ поляницю супротивъ собя,
Говорилъ ёнъ поляници таковы слова:
— Ай же Настасья королевична!
— Я досталъ твою сестрицу родимую,
— А досталъ замужъ за князя Владыміра,
— Ты идёшь ли за́мужъ за Дунаюшка,
— За того за Дунаюшка Ивановича? —
Говорила Настасья королевична:
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ,
«Славныи бога́тырь святорусьскіи!
«Если ты мной не ломаешься,
«Я иду это за́мужъ за Дунаюшка,
«За тобя Дунаюшка Ивановича.»
Оны сѣли на добры́хъ коней, поѣхали.
Пріѣхали они въ стольнё-Кіевъ градъ,
А пріѣхали ко матушкѣ къ Божьёй церквы;
А Владыміръ князь стольнё-кіевской
Повѣнчался ёнъ во матушкѣ въ Божьёй церквы
А со тою со Опраксой королевичной,
А й выходитъ ёнъ со Божьёй церквы, —
Тихія Дунаюшко въ церкву́ пошолъ
Повѣнчатися съ сестрицей со дру́гою,
А со тою съ Настасьей королевичной.
Во Божьёй церквы повѣнчалися,
Принимали-то оны золоты вѣнци,
Они заповѣдь великую покла́дали:
А что жить-то имъ быть, вѣкъ коро́тати.

Выходилъ-то Дунай со Божьей церквы,
Приходилъ ёнъ ко князю ко Владыміру,
Сдѣлали оны тутъ почестенъ пиръ,
А й на всѣхъ-то князей на всѣхъ бояровъ,
На всѣхъ русьскіихъ могучіихъ богатырей,
На всѣхъ славныихъ поляницъ на удалыихъ.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру поросхвастались.
Хвастаетъ богатой золотой казной,
Золотой казной онъ безсчетною,
Щеголь хвастаетъ одежей дрогоцѣнною,
Сильній хвастаетъ-то силушкой великою,
И ной хвастаетъ богатырь добрымъ конемъ;
Тихія Дунаюшко Ивановичъ
Онъ выходитъ-то зъ-за столика дубоваго,
Изъ-за тыхъ скамеёкъ окольніихъ,
Отъ своей семеюшки любимоёй,
Отъ молодой отъ Настасьи королевичной,
Сталъ Дунаюшко по горенкѣ похаживати,
Пословечно Дунай выговаривати:
— Нѣтъ мене лучше молодця во всемъ Кіевѣ!
— А й никто не смѣлъ ѣхать посвататься
— Да й за славнаго за князя Владыміра
— На Опраксіи королевичной, —
— Самъ я женился и людей женилъ,
— Самъ я боецъ и удалой молодецъ,
— А гораздъ-то стрѣлять я изъ луку изъ тугаго!—
Говорила Настасья королевична:
«Свѣтъ ты здержавушка любимая,
«Тихія Дунаюшко Ивановичъ!
«А нечѣмъ-то вѣдь я да не хуже тобя:
«Сила моя есть побольше твоёй,
«А ухваточка моя удалѣе тобя.»
А Дунаюшку-то дѣло не слюбилося,
А молода жена перехвастала.
Говорилъ Дунай таковы слова:
— Ай же Настасья королевична!
— А ставай-ко ты на рѣзвы ножки,
— Поѣдемъ мы съ тобой во чисто поле,
— Востроты мы у другъ друга отвѣдаемъ. —
Вышелъ Дунай во чисто поле,
Положилъ ёнъ колечко серебряно
На свою на буйну головушку,
А й наставилъ ёнъ свой вострый ножъ,
Говорилъ ёнъ Настасьи королевичной:
— Ай же Настасья королевична!
— Отойди-тко отъ меня да за пятьсотъ шаховъ,
— Пропусти-тко эту стрѣлочку каленую
— По тому острею по ножевому,
— Чтобы стрѣлочка катилась на двѣ стороны,
— На двѣ стороны катилась вѣсомъ равна
— И угодила бы въ колечко серебряное. —
Этая Настасья королевична
Она брала свой тугой лукъ розрывчатой,
Налагала она стрѣлочку каленую,
Натягала она тетивочку шелковеньку
А спущала въ эту стрѣлочку каленую;
Пропустила эту стрѣлочку каленую
По тому острію по ножевому,
Прокатилась эта стрѣлочка каленая
По тому острію на двѣ стороны вѣсомъ ровно,
Угодила во колечко серебряно.
Три разъ она Настасьюшка прострѣлила
Изъ того изъ лука изъ розрывчата
По тому острею по ножевому,
Пропустила эту стрѣлочку каленую
Да й во то ли во колечко во серебряно.
Говорилъ-то ёнъ Дунай да таковы слова:
— Становись-ко ты Настасья супротивъ меня.—
Онъ поклàдалъ ёй колечико серебряно
Да на нёй на буйную головушку,
Ёнъ наставилъ свою ножъ булатнею *(такъ)*
И то отшелъ онъ отъ Настасьюшки пятьсотъ шаховъ.
То Настасья королевична молилася,
А й молилася она да й горько плакала:
«Ай же тихія Дунаюшко Ивановичъ,
«Ты меня прости во женской глупости!
«А й по поясу вкопай меня въ сыру землю,
«А 'ще бей-ко ты меня да й по нагу тѣлу,
«А прости меня во глупости во женекою,
«Не стрѣляй-ко ты изъ луку изъ розрывчата,
«Не спущай-ко стрѣлочки каленыя
«По тому ты по острею по ножевому
«Да й во то колечко во серебряно.
«А й теперь-то ты Дунаюшко хмѣльнёшенекъ,
«А й теперь Дунаюшко пьянешенекъ,
«А убьешь меня ту молоду жену,
«А й ты сдѣлашь двѣ головки безповинныихъ.
«У меня съ тобой во чревѣ есть чадо посѣяно,
«По колѣнкамъ у него есть ножки въ серебри,
«По локоточкамъ ёго ручки въ красномъ золоти,
«А назади у него пекетъ свѣтелъ мѣсяцъ,
«Отъ ясныхъ очей какъ будто лучъ пекетъ.»
Ничего тому Дунай да не пытаючись,
Какъ бралъ тугой лукъ да свой розрывчатой,
Наложилъ-то стрѣлочку каленую,
Ёнъ спустилъ тетивочку шелковую.
Пролетѣла эта стрѣлочка каленая
А й Настасьѣ королевичной да во бѣлы груди,
А й тутъ Настасьюшки славу поютъ.

Пришелъ тихія Дунаюшко Ивановичъ,
Подошолъ онъ къ нёй да поросплакался.
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Росплаталъ онъ ёй да чрево женское,
Посмотрѣлъ-то какъ у нихъ чадо засѣяно:
По колѣночкамъ-то ножки въ серебри,
По локоточкамъ-то ручки въ красномъ золоти,
По косицамъ у него какъ звѣзды частыя,
Назаду-то него да какъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Отъ очей-тыхъ отъ него какъ быдто лучъ пекетъ.
Да тутъ тихія Дунаюшко росплакался,
И говорилъ Дунай да таковы слова:
— Ай по тыхъ поръ видно что Дунаюшко женатъ бывалъ! —
Становилъ-то онъ свою да саблю вострую,
Говорилъ Дунай да таковы слова:
— Напередъ-то протекла рѣка Настасьина,
— А другая протеки рѣка Дунаева! —
Становилъ свою онъ саблю вострую,
Да онъ палъ на саблю-ту на вострую.
Отрубилъ свою буйну головушку.
Тутъ Дунаюшку съ Настасьюшкой славу поютъ,
Имъ славу поютъ да вѣки по вѣку.

Записано въ Кижахъ. 8 іюля.

—

82.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 35).

Да й ходилъ-то молодецъ да изъ орды въ орду,
Загулялъ-то молодецъ да къ королю въ Литву.
А й король-отъ молодца онъ любитъ жалуетъ,
Королевна молодца ёна въ люби держитъ.
Да й ходилъ-то молодецъ да поросхвастался:
«Да й ходилъ-то молодецъ да изъ орды въ орду,
«Загулялъ-то молодецъ да къ королю въ Литву,
«А король-то молодца да любитъ жалуетъ,
«Королевна молодца она въ люби держитъ.»
Да й ходилъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да й ходилъ ко тою славною ко матушки Пучай рѣки,
Да й стрѣлялъ Михайла гусей лебедей,
Да й стрѣлялъ-то перелётныхъ сѣрыхъ утушокъ.
Да й по той ли-то по матушки Пучай рѣки
То пловетъ колода бѣлодубая,
Да й на тою на колоды бѣлодубовой
Сидитъ бѣленька на нёй лебёдушка.
Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А й берётъ-то онъ свой тугой лукъ розрывчатой,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Хотитъ подстрѣлить онъ бѣлую лебёдушку.
Поднималася та бѣлая лебёдушка
Да й на ты на крыла лебединыи,
Вылетала-то она да й на крутой берёгъ,
Обвернулась-то лебёдка красной дѣвушкой.
Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Онъ подходитъ-то да къ красной дѣвушки,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Да й за нёй ли бралъ за перстни за злачеными,
Цѣловать хотѣлъ въ уста ю во сахарніи.
Говорила-то ему да красна дѣвушка:
«Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
«Не цѣлуй-ко ты меня да красной дѣвушки!
«А я дѣвушка есть роду-то невѣрнаго,
«Да й невѣрнаго есть роду некрещоная.
«Ты когда меня сведёшь да въ стольнё-Кіевъ градъ,
«Да когда достáвляешь *(такъ)* въ вѣрушку крещоную,
«Да й тогда съ тобой мы повѣнчаемся,
«Да й тогда съ тобой мы нацѣлуемся.»
То Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
А й беретъ-то онъ да красну дѣвицю
Да за нёю-то за ручушки за бѣлыи,
Да за нёю бралъ за перстни за злачеными,
А онъ велъ-то ю да въ стольнё-Кіевъ градъ,
Приходилъ-то съ нёй ко матушки Божьёй церкви,
Да завелъ ю въ матушку въ Божью церковь.
Тутъ крестили ю да и молитвили,
Имя-то ёй дали Марья лебедь бѣлая.
Ёны тутъ съ Михайлой повѣнчалися,
Ёны Господу тутъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту да й приложилися.
Выходили ёны съ матушки съ Божьёй церкви,
Шли по славному по городу по Кіеву,
Во свою-то шли въ полату въ бѣлокаменну,
Проходили во столову свою горенку,
Стали жить да быть, во вѣкъ любовь творить.

Записано въ Петербургѣ. 27 ноября.

—

83.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 34).

ой Иванушко Годиновичъ
ылъ-то онъ да поженитися,
ылъ во славной Золотой Орды
экрасноёй Настасьи Митріёвичной.
лъ ему Владыміръ князь да стольнё-кіевской:
е крестничекъ ты мой любимыи!
шь ѣхать пожениться въ Золоту Орду?
ты брать будёшь съ собой да въ Золоту Орду?
безсчетную велику золоту казну,
одежицу ты брать дорогоцѣнную,
брать ты будешь силушку *) великую?»
ылъ Иванушко Годиновичъ:
ѣ крестовый ты мой батюшка,
ты славныя Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
и не надобно безсчетной золотой казны:
отой казной мнѣ дѣвушки не выкупить;
ы арміи великія не надобно:
ѣ не дракою брать дѣвушку, да не войскамы великима;
не надобно одежи дрогоцѣнней.
ть пойдетъ въ люби Настасья Митріёвична,
къ возьму въ люби Настасью Митріевичну,
къ не надо бы одежи дрогоцѣнноей,
й не надо мни безсчетной золотой казны,
не надо силы арміи великоёй,
ько дай мнѣ-ка̀ да па̀робка любимаго,
обы паробку добра̀ коня сѣдлать,
обы паробку коня розсѣдлывать,
у плетка по̀давать да плетка при́нимать.—
дыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
къ далъ ему-то паробка любимаго,
сѣли на добры́хъ коней, поѣхали
ой Иванушко Годиновичъ
оимъ со па̀робкомъ любимымъ.
ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ,
ъ день ѣду́тъ по красному по солнышку,
ъ ночь ѣду́тъ по свѣтлому по мѣсяцу,
яютъ-то дороженьку чисты́мъ полемъ.
ріѣхали они во Золоту Орду
Ко прекрасноёй Настасьѣ Митріевичной,—
А у ней-то сватухи́ сидятъ,
Сватухи сидятъ да тою сватаютъ
За того за сына-то за царьского,
За того за Ѳёдора Иванова.
Какъ посваталъ ю Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріевична,
— А й поди-тко ты да за меня замужъ!
— Я свезу тобя на славну на святую Русь,
— Я доста̀влѣю *(такъ)* тебя во вѣрушку крещоную,
— А 'ще будешь ты у насъ да роду вѣрнаго,
— А 'ще дѣтушки пойдутъ крещеныи. —
Позвалась она пойти заму́жъ Иванушка Годинова *(такъ)*.
Какъ приказала-то сѣдлать она добра̀ коня,
А й сѣдлали-то они добры́хъ коней,
Да й поѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ
Съ этой славноёй да Золотой Орды,
Оны ѣхали роздольицемъ чисты́мъ полемъ.
Молодой Иванушко Годиновичъ
А й отправилъ-то онъ паробка любимаго
А во тотъ во славный въ стольне-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
«Я въ люби везу Настасью Митріёвичну.»
Его паробокъ да то любимыи
И онъ поѣхалъ-то скоренько по чисту́ полю
Да й во тотъ во славной въ стольнё-Кіевъ градъ,
Онъ пріѣхалъ-то ко князю ко Владыміру,
Онъ пришолъ къ нему въ полату бѣлокаменну,
Говорилъ-то князю таковы слова:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Какъ въ люби везетъ Настасью Митріёвичну
«Да твой крестничекъ любимыи,
«Молодой Иванушко Годиновичъ.»
Тамъ на тую пору на то времечко
А настигъ ихъ царьской сынъ да во чисто́мъ поли,
А и тотъ вѣдь Ѳёдор-отъ Ивановичъ.
Иванушко Годиновичъ онъ ѣдетъ по праву́ руку Настасьи Митріёвичной,
А й по лѣвую да ёй по рученьку
А поѣхалъ царьской сынъ Ѳедо̀ръ Ивановичъ;
Сталъ Настасью Митріёвичну
Царьской сынъ да уговаривать:
— Ай же ты Настасья Митріёвична!
— Ты куда умъ клала и заму́жъ пошла?
— Какъ будешь ты во городѣ во Кіевѣ
— Казачихою у князя у Владыміра,
— У Опраксіи у королевичной,
— Еще будешь ты да портомойницей.
— За меня поди замужъ за сына царьского,

*) Рыбниковъ пропѣлъ сперва: «ту армію великую», а поправившись, сказалъ: «силушку великую».

— У меня будешь ты да царицею. —
А й у той ли у Настасьи Митріевичной
А туды у нею й умъ пошелъ,
Да й пошла замужъ за сына-то за царьского.
Они возмутъ-то привяжутъ какъ Иванушку Годинова
Да й ко славному да ко сыру дубу;
Пороздернули они свою полатку полотняную,
Оны спали во полатки полотняноей,
Оны гладились въ полатки, тамо листились.
Ены вышли со полатки полотняноей;
Тамъ на тую порушку да й на то времечко
Черезъ ихъ летѣло два бѣлыхъ два лебедя.
Говорила-то Настасья Митріевична,
Говорила-то она да й сыну царьскому;
«Ай же царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичъ!
«Захотѣлось на поносѣ мнѣ-ка мяса лебединаго.
«Ты возьми-тко тугой лукъ розрывчатой,
«Натяни-тко ты тетивочку шелковеньку,
«Наложи-тко стрѣлочку каленую,
«Подстрѣль бѣлую да мнѣ лебедушку,
«Мнѣ покушать мяса лебединаго.»
Царьской сынъ Ѳедоръ Ивановичъ
Скоро бралъ свой тугой лукъ розрывчатой,
Натянулъ-то онъ тетивочку шелковую,
Наложилъ онъ стрѣлочку каленую,
Енъ спустилъ тетивочку шелковую
Въ эвту стрѣлочку онъ во каленую;
А й во верхъ-то полетѣла эта стрѣлочка каленая,
А й по Божьему да й по велѣнью
А свилась-то стрѣлочка каленая,
Она пала-то да во головушку,
Во головушку-ту пала сыну царьскому,
А й тому вѣдь Ѳедору Иванову.
Тутъ-то Ѳедору да й сыну царьскому,
А ему славу поютъ да вѣки по вѣку.
Тутъ Настасья Митріевична
Какъ стала по чисту полю похаживать;
А Иванушко стоитъ ёнъ у сыра дуба,
У сыра дуба стоитъ ёнъ да привязаной.
Говоритъ ему Настасья Митріевична:
«Ай же молодой Иванушко Годиновичъ!
«А й прости-тко ты меня да въ женской глупости,
«А возьми меня замужъ да красну дѣвушку,
«Да й свези-тко ты меня да на святую Русь,
«А й во славною во стольне-Кіевъ градъ,
«Да й доставлѣшь мене въ вѣрушку крещеную;
«А сходимъ мы съ тобой да во Божью церковь,
«А и примемъ мы съ тобой да золоты вѣнцы,
«Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую,
«Намъ въ люби бы жить съ тобой вѣкъ по вѣку.»
Говорилъ-то ёй Иванушко Годиновичъ:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— Какъ ты справишь-то три заповѣди женскіихъ,
— А тогда ты будешь и моя жена. —
Отвязала-то Иванушка она да отъ сыра дуба.
Тутъ молодой Иванушко Годиновичъ
Становилъ Настасью супротивъ себя,
Во свои во бѣлы онъ во ручушки
А онъ бралъ свою да саблю вострую,
Й онъ смахнулъ своей да саблю вострою,
Да срубилъ ёй ножки по колѣночкамъ.
Говорилъ Иванушко ёнъ таковы слова:
— А почто-то эти ноженки-ты рѣзвыи?
— Оплетали-то татарина поганаго,
— А й того-то Ѳедора Иванова. —
И то смахнулъ своей онъ саблей вострою,
Отрубилъ ей ручки по локоточкамъ,
Говорилъ Иванъ да таковы слова:
— А й почто-то эти ручки бѣлыи?
— Обнимали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳедора Иванова. —
Онъ смахнулъ еще да саблей вострою,
Отрубилъ-то ёй уста сахарніи,
Говорилъ да какъ Иванушко да таковы слова:
— А й почто эти уста сахарніи?
— Цѣловали-то татарина поганаго,
— А й того ли Ѳедора Иванова. —
А 'ще тутъ Настасьюшкѣ славу поютъ,
Ей славу поютъ да вѣки по вѣку.
Молодой Иванушко Годиновичъ
Онъ садился скоро на добра коня,
Онъ да ѣхалъ какъ роздольицемъ чистымъ полемъ
Да во славный свой да стольне-Кіевъ градъ.
Тамъ Владыміръ князь да стольнё-кіевской,
А крестовой его батюшко,
Дожидаетъ крестничка любимаго
Со Настасьюшкой да Митріевичной.
А пріѣхалъ-то Иванушко Годиновичъ
А й по вечеру онъ да поздешенько,
А онъ крадчи-то заѣхалъ на широкой дворъ,
Бояцись пришолъ въ полату бѣлокаменну
Да й ко славному ко князю ко Владыміру;
Говоритъ ему да тутъ Владыміръ князь:
«Ай же ты Иванушко Годиновичъ!
«А 'ще гди твоя княгина есть молодая,
«Молода Настасья Митріевична?»
Говорилъ ёму Иванушко Годиновичъ:
— Ай же славныя Владыміръ стольне-кіевской,
— А крестовою да ты мой батюшко!
— А й всякъ молодецъ на сёмъ свѣтѣ онъ женится,

— А не всякому женидьба удавается, —
— Видно только я Иванушко й женатъ бывалъ.—

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

—

84.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ *).

(См. Рыбникова. т. I, 43).

А й во славноёмъ во городи во Кіеви,
Славного у́ князя Владыміра,
Заводился у́ князя почестенъ пиръ.
Было на пиру у него двѣ вдовы:
Первая вдова-то честно-Блу́дова жена̀,
Дру́гая вдова была купе́ць-жона.
Къ че́стной вдовы къ честно-Блу́дова жены̀
Подносили къ тоей чару зелена́ вина,
Да не малую стопу—полтора ведра.
Че́стна вдова честно-Блу́дова жена̀
Ставала-то она да на рѣзвы́ ноги,
Брала эту чарочку въ бѣлы́ ручки,
Й она за этоей за чарочкой посва́талась
За своёго за́ сына за любимаго,
За того Хотинушку за Блу́довица
А у че́стной вдовы́ у купе́ць у жоны̀,
На прекрасной Офимьи купе́ць-доцерй.
Честная вдова та купе́ць-жона̀
Скорёшенько ставала й на рѣзвы́ ноги,
Брала отъ нёй чарочку въ бѣлы́ руцки,
А назадъ-то ёй чарочку повы́плеснула̀,
Куньюю шубоньку облила,
Курвой блядію оклёскивала̀;
Говорила-то вдова таковы слова:
«Ай ты глупая вдова честно-Блу́дова жона̀!
«Тоби до́йдетъ ли Офимья моя взя́ть за сына̀,
«Да й за твоего Хотинушку за Блу́довица̀?
«А й сидитъ моя Офимья во тереми,
«А й во славномъ си́ди въ тереми въ злато́мъ верху,
«На́ ню красное солнышко не о́бпекётъ,
«На́ ню буйныи вѣтрушки не о́бвѣютъ,
«Многіи люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ-то со паробко́мъ любимыимъ,
«Ищетъ бобоваго зе́рнедки,
«Гди бы что Хотинушки обѣдъ сочинѝть.»
Че́стна вдова честно-Блу́дова жона̀
Со честна́ пиру пошла она не весело,
Припечаливши пошла прикручинивши,
Приклонивъ *(такъ)* буйную головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю;
А подходитъ-то 'на къ терему къ высокому.
Со того со терема высокого,
Изъ того съ косевчата окошечка,
Сквозь то хрустальнё стеко́лышко,
Усмотрѣлъ Хотинушка Блудовичъ
Идуцись-то свою онъ ро́дну матушку:
Со честна пиру идётъ она не весело,
Прикручинивши идётъ припечаливши,
Приклонивъ буйну головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопила во сыру землю.
Выскочилъ Хоти́нъ на круто́й на крылѐчь,
Говорилъ Хоти́нъ а таковы слова:
— Свѣтъ ты моя ро́дна матушка,
— Че́стная вдова ты честно-Блу́дова жена̀!
— Что же ты идёшь съ пиру не весело?
— Мѣсто въ пиру было не по́ чину,
— Чарой ли въ пиру тобя прі́обнесли,
— Аль кто пьяница дуракъ прі́обгалился? —
Воспрого́вори вдова таковы слова:
«Свѣтъ ты моё чадо́ любимоё,
«Молодой Хотинушка Блудовичъ!
«Мѣсто въ пиру было мни по́ чину,
«Чарою меня въ пиру не о́бнесли,
«Пьяница дуракъ не обгалился;
«Насмѣялась надо мной честная́ вдова,
«Че́стна вдова-то купе́ць-жона:
«Подносили ко мни чару зелена́ вина;
«Я скорёшенько ставала на рѣзвы́ ножки,
«Брала эту чарочку въ бѣлы́ руки,
«Я за этою за чарочкой посва́талась
«За тобя за́ сына любимого,
«А за мо́лода Хотинушку за Блу́довица̀
«Да у че́стной вдовы у купе́ць у жоны̀,
«На прекрасной Офимьи купе́ць-дочерй.
«Че́стна вдова честно-Блу́дова жона̀
«Скорёшенько ставала на рѣзвы́ ноги,
«Брала мою чару во бѣлы́ руки,
«А й назадъ она чарочку повы́плеснула̀,
«Кунью мою шубоньку облила,
«Меня курвой блядію оклёскивала̀,
«Говорила мни вдова таковы слова:
«Глупа ты вдова честно-Блудова жона!
«До́йдетъ ли Офимья тоби взять за́ сына,

*) Размѣръ дактилическій.

«Да й за своего Хотинушку за Блудовича?
«Сидитъ моя Офимья во тереми,
«А во тереми сидитъ во златомъ верху,
«На ню красноё солнышко не обпекётъ,
«Буйныи вѣтры не обвѣютъ,
«Многія люди не обгалятся.
«Твой сынъ Хотинушка Блудовичъ
«Ѣздитъ онъ по городу, уродуетъ
«Со своимъ со паробкомъ любимымъ,
«Ищетъ бобоваго зёрнедки,
«Гди-то бы Хотинушки обѣдъ сочинить.»
Воспрогóворилъ Хотинка таковы слова:
— Свѣтъ ты моя да рóдна матушка,
— Ахъ ты чéстная вдова честно-Блýдова жонà!
— Въ честь я Офимку за собá возьму,
— А й не въ честь я Офимку за товарища,
— Да за своёгò за паробка любимаго. —
Повернéтся Хотинушка въ высокъ терёмъ,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечко,
Шапочку соболью на одно ушко,
Шолъ ёнъ полатой бѣлокаменной,
Выходилъ-то Хотинъ а на широкъ на дворъ,
Заходилъ ёнъ во конюшеньку стоялую,
Выводилъ ёнъ коня богатырского,
Ёнъ садился на добрá коня не сѣдлана,
Бралъ свою палицку булатнюю,
Поѣхалъ-то Хотинушка въ чистó поле.
На добрóмъ кони въ чистóмъ поли поѣзживаётъ,
Сталъ онъ шуточокъ Хотинушка пошýчивати,
Сталъ онъ паличку булатню покидывати,
На добрóмъ кони Хотинушка подъѣзживаётъ,
Онъ одною ручкой паличку подхвáтываётъ, —
Не велика ёго паличка булатняя,
Вѣсу она й девяносто пудъ.
А й у мóлода Хотинушки у Блýдовичà
Кровь-то въ нёмъ и роспылаласи,
Сердцё ёгó розгорѣлоси
За этý родительску обидушку.
То онъ поѣхалъ по роздолью чистý полю,
А во всю ёнъ ѣхалъ въ силу лошадиную,
Онъ подъѣхалъ какъ ко терему къ златý верху,
Билъ онъ палицей булатнёй по терему,
Да по славному по терему златý верху;
Маковки па тереми покривилися,
Да й околенки во тереми розсыпалися.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Сходитъ онъ скоренько со добрá коня,
Подходитъ онъ ко терему къ злату верху,
Сталъ ёнъ замочиковъ отщáлкивати,
Сталъ ёнъ дверцей выстáвливати,
А приходитъ онъ во теремъ во златы верхи.
Ходитъ Офимья по терему
А въ одной тонкòй рубашки безъ пояса,
А въ одныхъ тонкихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
У нёй русая косá поросплýщенай.
Говорилъ Хотинъ а таковы слова:
— Ай же Офимья купéць-дочи!
— А идёшь ли ты зáмужъ за Хотинушку,
— За того Хотинушку за Блýдовичà? —
Воспрогóворитъ Офимья таковы слова:
«Три году я Господу молиласи,
«Что попасть бы мнѣ замужъ за Хотинушку,
«За того Хотинушку за Блудовича.»
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣлыи,
Бралъ за ней за перстни злачеными,
Цѣловалъ въ уста во сахарніи
Онъ за нёй за рѣчи за умильніи,
Выводилъ онъ Офимью со терема,
А привелъ-то Офимью ко добрý копю,
Ко добрý коню привелъ къ богатырскому,
Да й садилъ ёнъ Офимью на добрá коня,
На коня онъ ю садилъ къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ.
Оны сѣли на добрá коня, поѣхали
Да по славному городу по Кіёву,
Да й пріѣхали ко матушки къ Божьёй церквы.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько-то сходитъ со добрá коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добрá коня,
Бралъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
Бралъ за нёй за перстни злачеными,
Да повелъ ю во матушку въ Божью церковь.
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Молодой Хотинушка Блудовичъ
А садилъ онъ ю да на добрá коня,
На добрá коня садилъ ю къ головы хребтомъ,
Самъ ёнъ садился къ головы лицёмъ,
Да пріѣхали къ Хотину на широкъ на дворъ.
Молодой Хотинушка Блудовичъ
Онъ скорёшенько сходитъ со добрá коня,
Опущаетъ онъ Офимью со добрá коня,
А й берётъ онъ ю за ручушки за бѣленьки,
А за нёй берётъ за перстни злачеными,
Шли оны полатой бѣлокаменной,
Проходили во столову свою въ горенку.
Стали жить да быть, вѣкъ корóтати.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

—

85.

ДЮКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 41).

› тою ли со Галичи съ проклятою,
› той ли славноя съ Индѣи со богатою,
о славнаго богата съ Вóлынъ-города,
ынъ-города да со индѣйскаго,
кался молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
ыѣхать на матушку святую Русь,
грѣть-то онъ хотѣтъ на славной стольнё-
Кіевъ градъ,
грѣть хотѣтъ на славнаго на князя на Вла-
дыміра,
екрасную Опраксію на королевичну,
грѣть хотитъ на сильніихъ на русьскихъ на
могучіихъ богáтырей,
ѣхъ славныхъ поляницъ онъ на удалыихъ.
ла Дюку рóдна матушка:
дой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
› сряжаешься ты на святую Русь,
отрѣть хотѣшь ты на святую Русь,
отрѣть хотѣшь на князя на Владыміра,
на душечку прекрасну королевичну,
на сильніихъ могучихъ на богáтырей,
сихъ славныхъ поляницъ-то на удалыихъ,—
ывать тоби да й на святой Руси,
ндать тоби да й стольнё-Кіева:
до славнаго до города до Кіева
оитъ три зáставы великіихъ:
а зáстава-то змѣи поклёвучіи,
а зáстава е звѣри поѣдучіи,
ья зáстава-то горушки толкучіи.»
ой бояринъ Дюкъ Степановичъ
матушки да онъ не слушатся,
ѣдлалъ коня да богатырскаго,
аетъ Дюкъ да въ стольной Кіевъ градъ.
ла Дюку рóдна матушка:
е свѣтъ моё чадó любимоё,
дой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
› будешь ты на матушкѣ святой Руси,
когда будёшь во градѣ ты во Кіевѣ,
будёшь когда у князя у Владыміра,
охвочь ты испивать такъ зеленá вина,
нехвастай-ко своимъ худошествомъ *(такъ)*
отивъ русьскихъ могучіихъ богáтырей.»
поѣхалъ Дюкъ онъ на добрóмъ конѣ,
зжаетъ Дюкъ ко первоей ко зáставы,
тынмъ змѣямъ поклевучіимъ.
Бéретъ плетку онъ шелкóву во бѣлы́ ручки,
А онъ билъ коня-то по крутымъ ребрамъ.
Его добрый конь да богатырскія
Поднимался онъ отъ матушки сырой земли,
Перéскочилъ онъ черезъ зáставу великую,
Черезъ змѣевъ этихъ поклевучіихъ.
Енъ поѣхалъ-то роздольицемъ чистымъ полемъ,
Подъѣзжалъ онъ къ дрýгой зáставы великою,
Да ко тымъ звѣрямъ ко поѣдучіимъ.
То онъ билъ коня да по крутымъ бедрамъ,
А билъ плéточкой своей шелковенькой.
Его добрый конь да богатырскія
Какъ вспрянулъ отъ матушки сырой земли,
Перенёсъ ёнъ черезъ зáставу великую,
Черезъ тыхъ звѣрей да поѣдучіихъ.
Онъ поѣхалъ по роздольицу чистý полю,
Подъѣзжаетъ ёнъ ко третьеёй ко зáставы вели-
коей,
А й ко тымъ ко гóрамъ потолкучіимъ.
Эты горушки толкучи вмѣсто столнулись,
Вмѣсто столнулиеь оны да поростолнулись,—
Проскочилъ онъ прóмежъ горушки толкучіи.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ поѣхалъ по роздольицу чистý полю,
Да повыѣхалъ на матушку святую Русь.
То пріѣхалъ онъ во славный стольной Кіевъ градъ
Да й ко ласкову ко князю на широкъ на дворъ.
То Владыміра-то въ домѣ не случилося,
А й ушолъ-то князь Владыміръ во Божью церковь
Ушелъ Господу онъ Богу помолитися,
Ко Господнему кресту онъ приложитися.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ пошолъ по граду-то по Кіеву,
Енъ зашолъ во матушку Божью церкву,
То онъ крестъ кладетъ да й по писáному,
Енъ ведетъ поклоны по учёному,
На всѣ на три на четыре на сторонушки онъ
кланялся
Онъ до тыхъ половъ да до кирпичныихъ,
А й до матушки онъ до сырой земли,
Самому князю Владыміру въ особину,
Всимъ его князьямъ онъ подколѣннымъ.
По правý руку Владыміра стоялъ-то вѣдь молоденькой Добрынюшка,
По лѣвý руку-ту князя-то Владыміра
Стóялъ молодой Щурилушко-то Плёнковичъ.
Сталъ Владыміръ князь у Дюка повыспрашивать:
— Ты скажи откуль, удалый добрый молодецъ?
— Ты коёй земли да ты коёй Литвы?
— Тóбя-то какъ-то молодця да именёмъ назвать,
— Зéличати удалого по отечéству? —

Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай ты славный князь Владыміръ стольне-кіевской!
«Есте я изъ Галичи проклятоей,
«Да изъ тою со Индѣюшки богатою,
«Да со славнаго богата съ Волынъ-города,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
Говоритъ-то вѣдь Щурилушка-тотъ Плёнковичъ,
Да и говорилъ Щурила таковы слова:
— Ты Владыміръ князь да стольне-кіевской!
— Во глазахъ мужикъ да подлыгается,
— Да и во глазахъ собака насмѣхается!
— Повороты есте тутъ не Дюковы,
— Поговорюшка-то есть не Дюкова,
— А й должёнъ тутъ быть холопина дворянская.—
Это дѣло-то и Дюку не слюбилося.
Выходили-то со матушки Божьёй церквы
Да й пошли оны по городу по Кіеву.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владыміру отгадывать:
«Ай ты славный князь Владыміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіеви-то все да не по нашему:
«Настланы у васъ мосточики кирпичные,
«Да й поручинки положены калиновы, —
«Какъ идешь-то по мосточкамъ по кирпичнымъ,
«Мѣдноё гвоздьё да пріущиплется,
«Цвѣтно платьице да призабрыжжется.
«Какъ во нашей-то Индѣюшки богатоёй
«Да й во нашемъ въ славномъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то родноёй у матушки —
«У ней настланы мосточки все калиновы,
«Да й положены поручинки серебряны,
«Да й на эти на мосты да на кирпичныи
«Настланы-то у ней сукна гормузинные:
«Какъ пойдешь-то по мосточкамъ по калиновымъ,
«Да о эти о поручинки серебряны,
«Мѣдное гвоздьё у насъ такъ не ущиплется,
«Цвѣтно платьицё да й не забрыжжется.»
А й ко тымъ рѣчамъ Владыміръ князь не примется.
Приходили во полаты въ бѣлокаменны,
То садилися за столики дубовыя,
Да й за тыя за скамеечки окольніи;
Оны сѣли-то ѣсть ѣствушки сахарнею,
Испивать-то питьицёвъ медвяныхъ.
Подносили къ нимъ колачиковъ-тыхъ пшонныхъ;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Сталъ загадочекъ Владыміру отгадывать,
А' ще корочку-ту ёнъ вокругъ кусалъ,
А й середочку-то ёнъ такъ кобелямъ бросалъ.
То Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Да все въ Кіевѣ у васъ есть не по нашему:
«Да й у васъ какъ сдѣлана-то бочечка дубовая,
«Да й набиваны обручики еловыи,
«У' васъ дѣлано мѣшалочко сосновое,
«А 'ще тутъ у васъ да й колачи мѣсятъ;
«У васъ дѣлана какъ печка-та кирпичная,
«У васъ топятся-то дровця-ты еловыи,
«У васъ дѣлано помялышко сосновое,
«А и тутъ у васъ да колачи пекутъ.
«Какъ во нашою въ Индѣи во богатою
«Да во славномъ во богатомъ Волынъ-городѣ,
«У моёй-то родною у матушки,
«У' ней сдѣлана-то бочечка серебряна,
«А й обручики набиты золочеными,
«Да й положены туды да й меды сладкіи;
«У ней сдѣлано мѣшалочко дубовое,
«Оны тутъ да й колачи мѣсятъ;
«У ней сдѣлана-то печечка кирпичная,
«У ней топятся-то дровця-ты дубовыи,
«У ней сдѣлано помялышко шелковое,
«Настлано туда бумаги-то гербовою,
«А 'ще тутъ оны да й колачи пекутъ.»
Владыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
Подносили къ имъ да сладку водочку;
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Беретъ рюмочку онъ во бѣлы ручки,
Подносилъ онъ эту рюмочку къ устамъ своимъ сахарніимъ,
Да й по горенки онъ водочку повыплескалъ;
Говорилъ-то Дюкъ имъ таковы слова:
«Ай ты славныя Владыміръ стольнё-кіевской!
«У васъ въ Кіевѣ-то все вѣдь не по нашему:
«У васъ сдѣланы есть бочечки дубовыи,
«Да й набиваны обручики еловыи,
«Туда водочка винцё у васъ положено
«Да й на эты на погребы глубокіи,
«У васъ водочка винцё тамъ призадохнется,
«А й нельзя-то испивать да сладкой водочки;
«Какъ во нашею Индѣюшки богатою
«Да й во славноёмъ богатомъ въ Волынъ-городѣ,
«У моёй ли-то у родною у матушки,
«У ней сдѣланы какъ бочечки серебряны,
«А й набиты обручки да золоченые,
«У ней водочка винцё туда положено,
«У ней поднято на воздухъ-тотъ не лёккіи
«Да на тыя-то цѣпочечки на мѣдныи, —
«У насъ водочка винцё такъ не задохнется,
«А 'ще чарочку-ту пьешь, такъ другой хочется,

другу пьешь, по третьей-то душа горитъ.»
ыміръ князь ко тымъ рѣчамъ не примется.
урилушко-тотъ Плёнковичъ по горенки
похаживатъ,
слова Щурило поговариватъ:
же ты холопина дворянска поросхвастался
своимъ ты да имѣніёмъ богачествомъ,
осхвастался уѣдамы ты сладкима,
поросхвастался ты питьнымы медвяныма?
даримъ-ко со мною да великъ закладъ:
три году поры времени проѣздити
своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
ы кажный день одежица носить намъ
снова-на-ново,
а-на-ново носить бы что ни лучшая. —
й бояринъ Дюкъ Степановичъ
ъ Щурилу таковы слова:
молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
просто бить со мною о великъ закладъ,
живешь ты въ своемъ городѣ во Кіевѣ.
ъ полны кладовыи-ты одежицы накладены,
е естѐ одежица дорожная,
латьица да все завозныи.»
й бояринъ Дюкъ Степановичъ
орешенько садился на черленой стулъ,
салъ-то письма скорописчаты
й ко родною ко матушкѣ:
свѣтъ моя ты родна матушка!
ювыручь-ко меня ты со неволюшки,
того ли сподъ закладу сподъ тяжелаго;
шли-тко мнѣ одежицы снарядноёй,
хватило на три года поры времени,
ержать чтобы одежа снова-на-ново,
-на-ново держать да чтобы кажный день,
и кажный день держать да что ни лучшая.»
й бояринъ Дюкъ Степановичъ
ошолъ полатой бѣлокаменной,
лъ-то онъ бояринъ на широкой дворъ,
ходитъ ко добру коню да къ богатырскому,
ѣтъ онъ камвертъ да подъ сѣделышко,
лъ коня онъ богатырскаго,
ъ коню онъ таковы слова:
ай-ко ты мой добрый конь да богатырскіи
во славну во Индѣюшку въ богатую,
ѣжи-тко ты на славный на широкъ на дворъ,
ъимъ-то конюхамъ любимымъ.»
лъ-то его добрый конь да богатырскіи
славному роздольицу чисту полю,
алъ онъ во Индѣюшку въ богатую,
адъ онъ въ славныи Волынъ-городъ
свой-то онъ да на широкой дворъ.

Усмотрѣли ёго конюхи любимыи,
Приходили-то ко Дюковой ко матушкѣ,
Ко честнòй вдовы Настасьи ко Васильевной,
Приходили òны къ нёй да поклонялися:
— Ты честнà вдова Настасья да Васильевна!
— Прибѣжалъ-то Дюковъ конь да на широкъ на
дворъ. —
Тутъ сидитъ она да и горько заплакала:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
«Положилъ свою буйну головушку
«Да й на матушкѣ на славной на святой Руси.»
Подошла она къ коню да къ богатырскому,
Приказала-то добра коня розсѣдлывать;
Розсѣдлали-то добра коня да й богатырскаго,
Тамъ нашла она камвертикъ, роспечатала,
Посмотрѣла что у Дюка принаписано.
Она скоро шла въ полату бѣлокаменну,
Она брала-то скоренько золоты ключи,
Шла на тыя кладовыя на платёныи *),
Полагала-то одежи снова-на-ново,
А й на три году да поры времени,
Да й набила-то вѣдь сумки переметныи;
Она кинула скоренько на добра коня
Черезъ этоё сѣделышко черкаское,
Отпустила-то коня да въ стольне-Кіевъ градъ.
Пошелъ добрый конь да по чисту полю,
Прибѣгалъ-то онъ да въ стольнё-Кіевъ градъ
Да й ко славному-то князю на широкой дворъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выходилъ-то онъ да й на широкой дворъ,
Подходилъ-то онъ къ коню да къ богатырскому,
Да онъ бралъ-то сумки переметныя,
Бралъ-то эти сумки, роспечатывалъ,
Посмотрѣлъ-то на одежи дрогоцѣнныи,
Положилъ-то эти сумки за крѣпкой замокъ.
Сталъ одежицы оттуля Дюкъ понашивать,
На добромъ конѣ сталъ со Щурилою поѣзживать;
Ѣздятъ кажный день оны да и по городу,
Да й по городу ѣздàтъ по Кіеву,
Да й проѣздили они по годъ поры,
Да проѣздили оны да еще другой годъ,
Да й проѣздили ещѐ оны и третій годъ.
Какъ по третій годъ да й на послѣдній день
Имъ поѣхать надобно къ обѣденкѣ Христовскою,
Молодой Щурилушко-то Пленковичъ
Надѣвалъ одежицу снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:
У рубашечки манѣшечки шелковеньки,
Кунью шубку онъ надѣлъ на плечка на могучіи,

*) т. е. въ которыхъ держатъ платье.

Еще строчка строчена-то чистымъ сéребромъ,
Дрýга строчка строчена такъ краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вшиваны шелкóвыи,
Пуговки положены да золочеными;
А й во этыи во петелки шелкóвыи
А то вплéтано по красной по дѣвушки,
Въ эвты пуговки-ты въ золочеными
А й то вливанo по доброму по молодцу:
Какъ застёпутся, такъ и обóймутся,
Поростёнутся, такъ поцѣлуются.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ надѣлъ одежицу да все снарядную,
Енъ снарядную одежицу хорошеньку:
Енъ рубашечки манѣшечки шелкóвеньки,
Онъ надѣлъ еще свою да кунью шубоньку,
Одна строчка строчена такъ чистымъ сéребромъ,
Дрýга строчка строчена-то краснымъ золотомъ,
Петелки-ты вплетаны шелковеньки,
Пуговки-ты вливаны да золочеными,
Въ петелки-ты вплетано по красной по дѣвушкѣ,
А й во пуговки-ты вливано по доброму по молодцу:
Какъ застёпутся, такъ и обóймутся,
А й ростёнутся, такъ поцѣлуются.
У молóдаго у Дюка у боярина
На головушку надѣта есте шапочка, —
Спéреду введенъ да то свѣтéлъ мѣсяцъ,
А й вокругъ-то введены-то звѣзды частыи,
На верху шеломъ какъ быдто жаръ горитъ.
А й пришли-то молодцы оны въ Божью церковь.
Какъ Владыміръ князь-отъ стольнё-кіевской
Поглянулъ-то вѣдь Владыміръ на праву руку,
На молóдаго Щурилушку на Плёнкова,
Говорилъ Владыміръ таковы слова:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
— Прозаклáдалъ все имѣніе богачество
— А молóдому Щурилушкѣ-то Плёнкову. —
Говорилъ Перми́нъ-то сынъ Ивановичъ,
Говорилъ ёнъ князю-то Владыміру:
«Ты Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Посмотри-тко ты да на лѣву руку:
«Молодой Щурилушка-тотъ Плёнковичъ
«Прозаклáдалъ ёнъ свою буйну головушку.»
То Владыміръ князь да стольнё-кіевской
Посмотрѣлъ-то онъ да на лѣву руку,
На молóдаго на Дюка на боярина,
Какъ одежица на немъ да что ни лучшая,
Шапочка надѣта на головушку,
Спéреду введенъ да и свѣтéлъ мѣсяцъ,
По косицамъ введены да звѣзды частыи,
А шеломъ на шапочкѣ какъ быдто жаръ горитъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Бéретъ плеточку шелкóву во бѣлы ручки,
Прóвелъ плеточкой шелкóвой по бѣлóй груди, —
Еще петелки-ты свищутъ по солóвьему,
А й то пуговки крычатъ-то по звѣриному.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
По бѣлóй груди сталъ плеточкой поваживать,
А й народъ сталъ падать на кирпичной мостъ
Отъ того отъ пóсвисту солóвьяго,
Отъ того отъ пóкрыку звѣринаго.
Говорилъ ёму Владыміръ князь да стольнё-кіевской
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Перестань-ко вóдить плеткой по бѣлóй груди,
— Тоби полно-тко ронить да людей чернети. —
Ены Господу какъ Богу помолилися,
Ко Господнему кресту какъ прилежилися,
Выходили-то со матушки съ Божьёй церквы,
Да й пришли въ полаты бѣлокаменны
Да й ко славному-то князю ко Владыміру,
Ены стали-то ѣсть ѣствушки сахáрнею,
Испивать-то стали питьицевъ медвяныхъ.
Подходилъ-то какъ Щурилушка-тотъ Пленковичъ
Ко тымъ столикамъ онъ ко дубовымъ,
Говорилъ Щурила таковы слова:
«А й что ты холопина дворянская росхвастался
«Своймъ имѣніёмъ богачествомъ великіемъ?
«Да й ударимъ-ко со мной въ великъ закладъ,
«Чтобы намъ-то скóчить черезъ славну матушку Пучай-рѣку.»
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Молодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
— Тóби просто бить со мною о великъ закладъ,
— Какъ твой добрый конь да богатырскія
— У своихъ стоитъ у конюховъ любимыхъ,
— Зоблетъ онъ пшену да бѣлоярову,
— Испиваетъ свѣжу ключеву воду, —
— А мое-то жеребятушко дорожное,
— А й дорожноё да призаѣхано. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ бѣжалъ-то какъ скоренько на широкой дворъ
Къ своему коню онъ богатырскому,
Палъ-то онъ на бéдра лошадиныи,
Говорилъ-то онъ коню да таковы слова:
— А й мой добрый конь да богатырскія!
— Мошь ли выручить меня ты со неволюшки,
— Сподъ того закладу сподъ великаго,
— Еще мошь ли ты скочить черезъ славну Нѣпру-рѣку *)? —

*) Пропѣвъ: «Нѣпру-рѣку», Рябининъ поправился и сказалъ: «Пучай-рѣку», и на вопросъ собирателя объявилъ, что надо пѣть: «Пучай-рѣку» и что онъ обмолвился, назвавъ рѣку Нѣпрою.

овѣщилъ ёму добрый конь да богатырскіи,
говорилъ языкомъ человѣческимъ:
одой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
ты бей въ великъ закладъ, закладайся."
урилушки-то конь мой меньшій братъ,
у стараго казака Ильи Муромца
добрый конь такъ мнѣ-ка большій братъ:
го есть трои крылышка подкожныи,
ня есть двое крылышка подкожныи,
олодаго Щурилушка у Плёнкова
го коня да й богатырскаго
одны-то есте крылышка подкожныи.
подойдетъ какова пора да каково времё,
ступлю тогда я брату большему,
меньшому брату съ мене нечто взять.»
ой бояринъ Дюкъ Степановичъ
коренько шолъ въ полаты бѣлокаменны,
или-то съ Щурилушкой великъ закладъ,
великъ закладъ да то не малыи:
ой бояринъ Дюкъ Степановичъ
залогомъ-тымъ покладаетъ безсчетну золоту казну,
ой Щурилушко-то Плёнковичъ
покладаетъ залогомъ буйну голову.
сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
ко славною ко матушкѣ къ Пучай-рѣкѣ.
нима ѣдутъ русьскіи могучіи богатыря
отрѣть на нихъ замашки богатырскіи.
съѣхали съ роздольица чиста поля,
устили добрыхъ коней богатырскіихъ
скакать-то черезъ матушку Пучай-рѣку.
ой бояринъ Дюкъ Степановичъ
проскочитъ черезъ славную Пучай-рѣку
на тотъ на славный крутой бережекъ;
ой Щурилушко-то Плёнковичъ
редъ рѣки онъ пріогрюшился *(такъ)*
обрымъ конемъ да съ богатырскіимъ.
нулъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
нѣтъ при немъ да и товарища,
го плавае Щурила посерёдъ рѣки;
ой бояринъ Дюкъ Степановичъ
орешенько онъ поворотъ держалъ,
устилъ коня онъ богатырскаго
ить черезъ матушку Пучай-рѣку,
скочилъ-то ёго добрый конь да богатырскіи
зъ славну матушку Пучай-рѣку,
удерушка Щурилу ёнъ повыхватилъ,
учай-рѣки Щурилу ёнъ повытащилъ,
зъ посадилъ Щурилу на крутой берёгъ,
рилъ Щурилы таковы слова:
олодой Щурилушка ты Плёнковичъ!
— Да й не надо ти смѣяться вкругъ богатырей,
— Да й не надобно Щурилы да въ заклады бить,
— А й ходи-тко ты Щурилушка по Кіеву,
— А й по Кіеву ходи за блядкамы. —
Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали,
А й пріѣхали ко князю ко Владыміру
На него на славный на широкой дворъ,
Заходили во полату въ бѣлокаменну.
Говорилъ Щурилушка-тотъ Плёнковичъ:
«Ты Владыміръ князь нашъ стольнё-кіевской!
«Полагай-ко писарёвъ ты да оцѣнщиковъ,
«Отпущай-ко во Индѣю во богатую
«Описать у Дюка ихъ богачество,
«Ихъ богачество да все имѣніё,
«Ихъ великую безсчётну золоту казну.»
Тутъ славныя Владыміръ стольнё-кіевской
Посылаетъ онъ двѣнадцать-то богатырей да святорусьскіихъ:
— Поѣзжайте-тко богатыри вы во Индѣюшку,
— Й учитайте-тко имѣніе богачество,
— Ихъ великую безсчётну золоту казну. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Да по горенкѣ онъ да похаживатъ,
А Владыміру онъ князю выговариватъ:
«А й Владыміръ князь да стольнё-кіевской!
«Посылай-ко ты всѣхъ русьскіихъ могучіихъ богатырей,
«А двѣнадцать-то богатырей-тыхъ святорусьскіихъ,
«Не посылай-ко ты богатыря Олешеньки,
«Молода Олешеньки Поповича:
«А онъ роду есте-то поповскаго,
«У него глазеночка завидливы;
«Какъ увидитъ ёнъ имѣніе богачество,
«Да й увидитъ енъ безсчетну золоту казну,
«Не поѣдетъ больше въ стольне-Кіевъ градъ,
«Онъ положитъ тамъ буйну головушку.»
Какъ садились молодци-ты на добрыхъ коней,
Ены ѣхали роздольицемъ чистымъ полемъ.
А й во тою во Индѣюшки въ богатоей
Да во славноёмъ въ богатомъ въ Волынъ-городѣ
У нихъ кровельки все были золочеными;
Оны ѣхали роздольицемъ чистымъ полёмъ,
Да й заѣхали на гору на высокую
Посмотрѣть-то на Индѣю на богатую;
А во томъ ли-то во славномъ Волынъ-городѣ
Кровельки да золоченыи
Отдали оны какъ быдто жаръ горитъ.
Говорятъ богатыря да святорусьскіи:
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
— Прозакладалъ все имѣніе богачество,

— А срубить теби буйна̀ головушка!
— А Волынъ твой городъ вѣдь огнёмъ горитъ,
— Молодой ты Дюкъ, ты прозакла́дался! —
Какъ пріѣхали во славныи въ Волы́нъ-городъ,
А й на тотъ на славный на широкой дворъ,
По всему ёго двору да по широкому
Настланы̀ да сукна гормузинныя.
Становили оны коней богатырскіихъ
Посередъ двора оны широкаго,
Да й пошли самы̀ въ полаты въ бѣлокаменны;
Такъ у Дюка-то ступеньки есть серебряны,
А й то грядочки у Дюка все орленыи,
А й орленыи да золоченыи.
То пришли они въ полаты во перво́й покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ стороны-то низко поклонялися:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасьюшка Васильевна,
— Ай ты Дюковая матушка! —
Говорилъ имъ Дюкъ да таковы слова:
«А й не матушка моя тутъ есть не ро́дная,
«А й тутъ есть моя да рукомойница,
«Полагаетъ она воду въ рукомойничекъ.»
Проходили молодцы оны въ другой покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говорилъ имъ Дюк-отъ таковы слова:
«Да й не матушка тутъ есть моя не ро́дная,
«А тутъ есть моя да судомойница.»
А й прошли они еще въ третёй покой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки поклонилися,
А честно̀й вдовы да и въ особину:
— Ай ты здравствуешь честна̀ вдова Настасья да Васильевна! —
Говоритъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Да й не матушка тутъ есть моя не ро́дная,
«А и есть моя да то и стольница.»
Тутъ прошли они еще въ покой четвертой,
Оны Господу-то Богу помолилися,
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
Да честно̀й вдовы Настасьѣ-той Васильевной
Низко кланялись-то ёй въ особину.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай вы славные бога́тыря да святорусьскіи!
«Тутъ сидитъ моя да ро́дна матушка,
«То честна̀ вдова Настасья да Васильевна.»
Какъ скорешенько честна̀ вдова ставала на рѣзвы́ ножки,
Со своимъ она со сыномъ со любимымъ
Со пути да со дороженьки она тутъ поздоровкалась.
Говорилъ-то молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ай же свѣтъ моя ты ро́дна матушка,
«Ты честна̀ вдова Настасья да Васильевна!
«Какъ пріѣхали бога́тыря да святорусьскіи
«Описать имѣніё нашё богачество,
«Описать нашу̀ безсчетну золоту казну.»
То честна̀ вдова Настасья-то Васильевна
Да й скорешенько беретъ-то золоты ключи,
Повела по кла́довымъ да по богатымъ,
Повела по погреба́мъ глубокіимъ.
Еще тихія Дунаюшко Ивановичъ
Говорилъ Дунаюшко онъ таковы слова:
— Ай же братьица мои да вы крестовыи!
— То пишите письма въ стольнёй Кіевъ градъ
— Да й ко славному-то князю ко Владыміру:
— Да й во нашоемъ во городѣ во Кіевѣ
— Да й не хватитъ-то безсчетной золотой казни
— Да й купить-то только перья со чернилами
— Да во тою во Индѣюшки въ богатою
— Описать безсчетна золота казна,
— Описать богачество великоё. —
Тутъ молодо̀й бояринъ Дюкъ Степановичъ
Приказалъ онъ накрывать на столики дубовыи,
Становить-то ѣствушки саха́рніи,
Станови́ть-то питьица медвяныи.
Онъ садилъ бога́тырей да святорусьскіихъ
Да й за тыя столики дубовыи,
Онъ кормить-то сталъ ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Сталъ поить ихъ питьицемъ медвянымъ;
О́ны рюмочку-то пьютъ, такъ дру́гой хочется,
О́ны дру́гую-ту пьютъ, такъ по третьёй душа горитъ.
Тутъ бога́тыри да святорусьскіи
А й поѣли-то оны покушали,
Выходили изъ-за столиковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыхъ скамеечекъ окольніихъ,
Оны Господу-то Богу помолилися
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялись,
А самой честно̀й вдовы да ёй въ особину
А й до тыхъ половъ да и кирпичныхъ,
А й до тою ли до матушки сырой земли.

Записано въ Кижахъ, 8 іюля.

—

86.

СОРОКЪ КАЛѢКЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 39).

Да й ходили-то калѣки перехожіи,
А й лапо́тики на ножкахъ-то шелко́веньки,
Й у нихъ по́дсумки-ты сшиты съ черна бархату,
Да во нихъ рукахъ-то клю́хи кости рыбьею,
На головушкахъ-то шляпки земли гречецкой.
Да й ходили молодци они съ земли́ въ землю,
Загуляли молодци да къ королю въ Литву,
Ко тому-то за́шли къ ко́ролю въ литовскому,
Заходили къ королю да й на широкой дворъ,
Становились молодци да й посерёдъ двора,
Супротивъ окошечка косявчата,
Попросили-то у короля мило́стинки,
Да й воскрыкнули оны да громкимъ голосомъ,
Громкимъ голосомъ крыкну́ли во всю голову:
«Ай же батюшко король литовскіи!
«Сотвори король да намъ мило́стинку,
«А и тымъ калѣкамъ перехожіимъ:
«Не рублямы мы берёмъ да не полтинкамы,
«А берёмъ-то мы цѣлы́ма ты́сящмы.»
А й отъ нихъ-то покрыковъ отъ богатырскіихъ,
Да й отъ голосовъ отъ нихъ отъ молодецкіихъ,
А на теремахъ-то маковки покри́вились,
А й въ окошечкахъ окоденки розсыпались.
Поглянулъ король въ косявчато окошечко,
Говорилъ король-отъ таковы слова:
— Ай же вы мои да слуги вѣрныи!
— Да й подите-тко вы на́ мой на широкъ на дворъ, —
— Не калѣки-то пришли не перехожіи,
— Да пришли бога́тыря къ намъ святорусьскіи.
— Вы берите-тко за ручушки за бѣлыи,
— Да й за нихъ-то перстни за злачеными,
— Да й ведите-тко въ рехте́ли *(такъ)* въ королевскіи,
— Да й во славныи въ полаты бѣлокаменны,
— Да й садите ихъ за столики дубовыи,
— Да й за тые за скамеечки окольніи.
— Вы кормите-ко ихъ ѣствушкой саха́рнею,
— То вы пойте-ко ихъ питьицемъ медвяныимъ,
— Да й дарите-тко имъ да́ры дрогоцѣнныи. —
Шли туды ёго да слуги вѣрныи,
А й на славной шли оны широкой дворъ,
Оны брали ихъ за ручушки за бѣлыи,
То за нихъ-то перстни за злачеными,
То вели оны въ рехте́ли въ королевскіи,
Да й во славныи въ полаты въ бѣлокаменны,
А й садили ихъ за столички дубовыи,
Да за тыя за скамеечки окольніи,
А й кормили-то ихъ ѣствушкой саха́рнею,
Да й поили-то ихъ питьицемъ медвяныимъ,
Да й дарили да́ры дрогоцѣнныи:
Насыпали мисы чиста се́ребра,
Да й другіе мисы красна золота,
Третьи мисы насыпали скатно-жемчугомъ.
Принесли оны къ калѣкамъ перехожіимъ,
Да й пошли эты калѣки похвалялися:
«Ай ты славныя король литовскія!
«Да й умѣлъ калѣкъ кормить поить,
«Да й умѣлъ дарить-то да́ры дрогоцѣнныи!»
Выходили молодци да во чисто́ поле
Да й прошли во славнёй въ стольнё-Кіевъ градъ,
Розошлись въ свои полаты бѣло́каменны,
Стали жить-то быть да вѣкъ коро́тати.

(Больше не знаетъ.)

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

—

87.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

(См. Рыбникова, т. I, 72).

Изъ того было́ изъ города изъ Крякова,
Съ то́го сла́внаго села да со Березова,
А со тою ли со улицы Рогатицы,
Изъ того подворья богатырскаго,
О́хвочь ѣздить молодецъ былъ за охвоткою;
А й стрѣлялъ-то онъ да й гу́сей лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушокъ.
То онъ ѣздилъ по роздольицу чисту́ полю,
Цѣлый день съ утра ѣздилъ до вечера,
Да и не наѣхалъ онъ ни гуся онъ ни лебедя,
Да й не малаго да перелетнаго утенушка.
Онъ по дру́гой день ѣздилъ съ утра до па́бѣдья,
Енъ подъѣхалъ-то ко синему ко морюшку,
Насмотрѣлъ двѣ бѣлыя лебедушки:
Да на той ли какъ на тихой за́берёги,
Да на томъ зеленоемъ на за́тресьи
Плаваютъ двѣ лебеди, колыблются.
Становилъ-то онъ коня да богатырскаго,
А свой ту́гой лукъ розрывчатой отстегивалъ
Отъ того отъ праваго отъ стремечка булатняго,

Наложилъ-то онъ и стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Хотитъ подстрѣлить двухъ бѣлыихъ лебедушокъ.
Воспроговорили бѣлыя лебедушки,
Проязычили языкомъ человѣческимъ:
«Ты удаленькой дороднёй добрый молодецъ,
«Ай ты славныя богатырь святорусьскіи!
«Хошь насъ подстрѣлишь двухъ бѣлыихъ лебедушекъ,
«Не укрятаешь плеча могучаго,
«Не утѣшишь сердца молодецкаго.
«Не дви лебеди мы есть да не дви бѣлыихъ,
«Есть двѣ дѣвушки да есть двѣ красныихъ,
«Двѣ прекрасныихъ Настасьи Митріѣвичны.
«Мы летаемъ-то отъ пана отъ поганаго,
«Мы летаемъ поры времени по три году,
«Улетѣли мы за синеё за морюшко.
«Поѣзжай-ко ты въ роздольице чисто поле,
«Да й ко славному ко городу ко Кіеву,
«Да й ко ласковому князю ко Владыміру:
«А й Владыміръ князь онъ ѣстъ-то пьетъ и проклаждается,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаетъ.
«Какъ поѣдешь ты роздольицемъ чистымъ полемъ,
«Да пріѣдешь ты къ сыру дубу крякновисту
«Насмотри-тко птицу во сыромъ дубѣ,
«Сидитъ птица черной воронъ во сыромъ дубѣ,
«Перьице у ворона черным черно,
«Крыльицо у ворона бѣлымъ бѣло,
«Перьица роспущены до матушки сырой земли.»
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— Хоть-то подстрѣлю двухъ бѣлыихъ лебедушокъ,
— Да й побью я двѣ головки безповинныихъ,
— Не укрятаю плеча могучаго,
— Не утѣшу сердца молодецкаго. —
Енъ сымаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковеньку,
А й свой тугой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки булатнёму,
Да й поѣхалъ онъ роздольицемъ чистымъ полемъ
А й ко славному ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжалъ онъ ко сыру дубу крякновисту,
Насмотрѣлъ ёнъ птицу черна ворона;
Сиди птица черный воронъ во сыромъ дубѣ,
Перьицо у ворона черным черно,
Крыльицо у ворона бѣлымъ бѣло,
А й роспущены перьица до матушки сырой земли;
Эдакою птицы на свѣтѣ не видано,
А й на бѣлоемъ да и не слыхано.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ отъ праваго отъ стремечки булатнёго
Отстянулъ свой тугой лукъ розрывчатый,
Наложилъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Натянулъ тетивочку шелковеньку,
Говорилъ-то молодецъ да й таковы слова:
— Я подстрѣлю эту птицу черна ворона,
— Его кровь-то росточу да по сыру дубу,
— Его тушицю спущу я на сыру землю,
— Перьицо я роспущу да по чисту полю
— Да по тою по долинушкѣ широкою. —
Воспроговорилъ-то воронъ птица черная,
Испровѣщилъ да языкомъ человѣческимъ:
«Ты удаленькой дородній добрый молодецъ,
«Славныя богатырь святорусьскія!
«Ты слыхалъ ли поговорю на святой Руси:
«Въ кельи старця-то убить—такъ то не спасенье,
«Черна ворона подстрѣлить—то не корысть волучить.
«Хоть подстрѣлишь мене птицю черна ворона,
«Поросточишь мою кровь ты по сыру дубу,
«Спустишь тушицю на матушку сыру землю,
«Не укрятаешь плеча да ты могучаго,
«Не утѣшишь сердця молодецкаго.
«Поѣзжай-ко ты во славный стольнёй Кіевъ градъ,
«Да й ко славному ко князю ко Владыміру, —
«А й у славнаго ~~то князя~~ у Владыміра
«Есть почестенъ пиръ да й пированьицо,
«То онъ ѣстъ да пьетъ да й проклаждается,
«Надъ собою князь незгодушки не вѣдаетъ:
«То вѣдь ѣздитъ поляничищо въ чистомъ поли,
«Она кличетъ выкликаетъ поединщика,
«Супротивъ собя да й супротивника,
«Изъ чиста поля она наѣздника:
««Онъ не дастъ ли мнѣ-ка если поединщика,
««Супротивъ меня да й супротивника,
««Изъ чиста поля да что наѣздника, —
««Розорю я славный стольній Кіевъ градъ,
««А 'ще чернедь мужичковъ-то всѣхъ повырублю,
««Всѣ Божьи церквы-то я на дымъ спущу,
««Самому князю Владыміру я голову срублю
««Со Опраксіей да королевичной.»
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
На добромъ конѣ сидитъ, самъ пороздумался:
— То слыхалъ я поговорю на святой Руси:
— Въ кельи старця-то убить—такъ то не спасенье,
— Черна ворона подстрѣлить—то не корысть волучить;
— Хоть я подстрѣлю-то птицу черна ворона,
— Росточу-то его кровь да по сыру дубу,
— Его тушицю спущу да й на сыру землю,
— Роспущу-то ёго перьице да й по чисту полю

— Да по тою по долинушкѣ широкою, —
— Не укрятаю плеча-то я могучаго
— И не утѣшу сердця молодецкаго. —
Онъ снимаетъ эту стрѣлочку каленую,
Отпустилъ тетивочку шелковую,
А свой тугой лукъ розрывчатый пристегивалъ
А й ко правому ко стремечки къ булатнёму,
На кони сидитъ да й пороздумался:
— Прямоѣзжею дороженькой поѣхать въ стольнёй Кіевъ градъ,
— То не честь мнѣ-ка хвала да й отъ богатырей,
— А й не выслуга отъ князя отъ Владыміра, —
— А поѣхать мнѣ дорожкой во чисто поле
— А й ко тою поляницицу удалою, —
— А й убьетъ-то поляница во чистомъ полѣ,
— Не бывать-то мни да на святой Руси,
— А и не видать-то молодцю мнѣ свѣту бѣлаго.—
Онъ спустилъ коня да й богатырскаго,
Енъ поѣхалъ по роздольицу чисту полю,
Енъ подъѣхалъ къ поляници ко удалою.
Оны съѣхалися добры молодцы да й поздоровкались,
Они дѣлали сговоръ да й промежду собой,
Какъ другъ у друга намъ силушки отвѣдати:
Намъ розъѣхаться съ роздольица чиста поля
На своихъ на коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ палици булатніи,
Тутъ мы силушки у другъ друга отвѣдаемъ.
Порозъѣхались они да на добрыхъ коняхъ
По славному роздольицу чисту полю;
Они съѣхались съ роздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во палици булатніи,
Они другъ друга-то били не жалухою, —
Со всей силушки да богатырскіи
Били палицми *(такъ)* булатнима да по бѣлымъ грудямъ.
И у нихъ палици въ рукахъ да погибалися,
А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ени другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Да й не били оны другъ друга, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили молодци оны добрыхъ коней
Й они дѣлали сговоръ да промежду собой,
Порозъѣхаться съ роздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударить надо въ копья муржамецкія,
Надо силушки у другъ друга отвѣдати.
Порозъѣхались съ роздольица чиста поля
На своихъ на добрыхъ коняхъ богатырскіихъ,
Пріударили во копья муржамецкія,
Они другъ друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по бѣлымъ грудямъ.
У нихъ копья-ты въ рукахъ да погибалися,
А й по маковкамъ да й отломилися;
А й подъ нима какъ доспѣхи были крѣпкіи,
Ени другъ друга не сшибли со добрыхъ коней,
Да й не били оны другъ друга, не ранили,
Никотораго мѣстечка не кровавили.
Становили добрыхъ коней богатырскіихъ,
Говорили молодци-ты промежду собой:
Опуститься надо со добрыхъ коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то намъ боемъ рукопашкою,
Тутъ у другъ друга мы силушку отвѣдаемъ.
Выходили молодци они съ добрыхъ коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боемъ рукопашкою.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ весьма былъ обученъ бороться объ одной ручкѣ;
Подошолъ онъ къ поляницицу удалою,
Да й схватилъ онъ поляницу на косу бодру *(такъ)*,
Да й спустилъ на матушку сыру землю,
Вынималъ-то свой онъ ножъ булатнюю *(такъ)*,
Заносилъ свою да ручку правую,
Заносилъ онъ ручку выше головы,
Да й спустить хотѣлъ ю ниже пояса.—
Права ручушку въ плечахъ да застоялася,
Въ ясныхъ очушкахъ да й помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-ко:
— Ты съ коей Литвы, да ты съ коей земли,
— Тобе какъ-то поляничку именѣмъ зовутъ
— Й удалую звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница й горько плакала:
«Ай ты старая базыка новодревная *(такъ)*!
«Тоби просто надо мною насмѣхатися,
«Какъ стоишь ты на моей бѣлой груди
«И въ рукахъ ты держишь свой булатній ножъ,
«Ты хотишь пластать мои да груди бѣлыи,
«Доставать хотишь моё сердцё со печеней!
«Есть стояла я бы на твоей бѣлой груди,
«Да пластала бы твои я груди бѣлыи,
«Доставала бы твоё да сердце съ печеней, —
«Не спросила бъ я отця твоёго матери,
«А ни твоего ни роду я ни племени.»
Розгорѣлось сердце у богатыря
А у молода Петроя у Петровича.
Енъ занесъ свою да ручку правую,
Ручку правую занесъ онъ выше головы,

Опустить ю хочетъ ниже пояса, —
Права ручушка въ плечи да застояласе,
Въ ясныхъ очушкахъ да помутился свѣтъ.
То онъ сталъ у поляницы повыспрашивать:
— Ты скажи-тко, поляница, мнѣ провѣдай-тко:
— Ты коей земли да ты коей Литвы,
— Тóбя какъ-то поляничку именéмъ зовутъ,
— Тóбя какъ-то звеличаютъ по отечеству? —
Говорила поляница таковы слова:
«Ай ты славныя богатырь святорусьскія!
«А й ты когда сталъ у меня выспрашивать,
«Я стану̀ про то тобѣ высказывать:
«Родомъ есть изъ города изъ Крякова,
«Изъ того села да со Березова,
«А й со тою ли со улицы Рогатицы,
«Со того подворья богатырскаго,
«Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ.
«Увезёнъ былъ маленькимъ робеночкомъ:
«Увезли меня татара-ты поганыи,
«Да й во ту во славну въ хоробру̀ Литву,
«То возрóстили до полного до возросту;
«Во плечахъ сталъ я имѣть-то силушку великую,
«Избиралъ коня соби я богатырскаго,
«Я повыѣхалъ на матушку святую Русь
«Поискать собѣ я óтца матушки,
«Поотвѣдать своего да роду племени.»
Молодой Пéтрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скорешенько соскочитъ со бѣлóй груди,
То й беретъ его за ручушки за бѣлыи,
За него беретъ за перстни за злаченые,
То здымалъ его со матушки сырой земли,
Становилъ онъ молодця да й на рѣзвы̀ ноги,
На рѣзвы̀ ноги да й супротивъ собя,
Цѣловалъ ёгò въ уста онъ во сахáрніи,
Называлъ-то братцемъ сòби рóднымъ.
Ены сѣли на добрыхъ коней, поѣхали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Березову,
Да ко тою улици Рогатицы,
Къ тому славному къ подворью богатырскому;
Пріѣзжали-то оны̀ да й на широкой дворъ,
Какъ сходили молодцы они съ добры̀хъ коней,
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Онъ бѣжалъ скорò въ полату бѣлокаменну;
Молодой Лука Петровичъ королевской сынъ
А й сталъ по двору Лука похаживать,
За собою сталъ добрá коня поваживать.
Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ
Енъ скоренько шолъ полатой бѣлокаменной,
Проходилъ ёнъ во столову свою горенку,
Ко своей ко рóдной пришелъ матушкѣ:
— Ай ты свѣтъ моя да й рóдна матушка!
— Какъ-то былъ я во роздольицѣ чистóмъ поли,
— Да й наѣхалъ я въ чистóмъ поли татарина,
— А кормилъ я ёго ѣствушкой сахáрнею,
— Да й поилъ я ёго питьицемъ медвянымъ. —
Говоритъ ему тутъ рóдна матушка:
«Ай же свѣтъ моё чадó любимое,
«Молодой Петрой Петровичъ королевской сынъ!
«Какъ наѣхалъ ты въ чистóмъ поли татарина,
«То не ѣствушкой кормилъ бы ты сахáрнею,
«То не питьицемъ поилъ бы ты медвянымъ,
«А й то билъ бы ёго палицей булатнею,
«Да й кололъ бы ты ёгò да кóпьемъ вострымъ.
«Увезли у тóбя братця они рóднаго,
«Увезли-то ёны малымъ робёночкомъ,
«Увезли его татары-ты поганыи!»
Говорилъ Петрой Петровичъ таковы слова:
— Ай ты свѣтъ моя да рóдна матушка!
— Не татарина наѣхалъ я въ чистóмъ поле,
— А й наѣхалъ братця сóби рóднаго,
— Мóлода Луку да я Петровича.
— А й Лука Петровичъ по двору похаживать,
— За собой добрá коня поваживать. —
То честнà вдова Настасья-то Васильевна
Какъ скорешенько бѣжала на широкой дворъ,
Да й въ одной тонкóй рубашечкѣ безъ пояса,
Въ óдныхъ тóнкіихъ чулочикахъ безъ чоботовъ,
Приходила къ свóему да къ сыну рóдному,
Къ мóлоду Луки да й ко Петровичу,
Ена брала-то за ручушки за бѣленьки,
За него-то перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста его въ сахáрніи,
Называла-то соби да сыномъ рóднымъ;
Да й вела его въ полату бѣлокаменну,
Да вела въ столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовыи,
Ихъ кормила ѣствушкой сахáрнею,
Да й поила-то ихъ питьицемъ медвянымъ.
Они стали жить быть, вѣкъ корóтати.

Записано тамъ же, 7 іюля.

—

88.

СКОПИНЪ.

Обошла Москву Литва поганая,
Да й садился тутъ Скопинъ да на добрá коня,
Еще ѣхалъ-то Скопинъ да и во Новгородъ,

Онъ заутрену служилъ пречистой Богородицѣ,
На заутрену онъ положилъ пятьсотъ рублей,
На обѣдню полагалъ онъ цѣлу тысящу,
Собиралъ ёнъ мужичковъ да новгородскіихъ,
Говорилъ ёнъ мужичкамъ да новгородскіимъ:
«Ай же мужички вы новгородскія!
«Соберите-тко мнѣ силушки сорокъ тысящъ
«Да й повыгнать изъ Москвы Литва поганая.»
Эты мужички да новгородскія
Собирали ёму силушки сорокъ тысящъ;
Ѣхалъ-то Скопинъ да къ каменной Москвы
Со своима со войскамы со великима.
У Литвы Москва да поприза́нята,
А й всѣ домы у Литвы да призаставлены,
А й оружьямы литовскима
Магазеи принаполнены,
Ему нѐкакъ-то подъѣхать къ каменной Москвы.
А 'ще шолъ Скопинъ по славной каменной Москвы,
Приходилъ-то онъ ко князю ко московскому,
Ко тому къ Микитушкѣ къ Романову.
А 'ще грозный царь Иванъ Васильевичъ
Во Москвы живетъ да ёнъ не весело
Онъ со этою царицей со московскою,
Да со тою со Настасьюшкой Романовной,
Енъ про нихъ дѣла̀ да и не вѣдаётъ.
Говорилъ Скопин-отъ князю-то московскому:
«Ай же князь Микитушка Романовичъ,
«Розоритъ нашу́ Москву Литва поганая!»
Тутъ московской князь Микитушка Романовичъ
А й садился-то Микита на черленый стулъ,
Й онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да пониже плечъ своихъ могучіихъ,
Ясны очушки втопилъ онъ во кирпичной мостъ,
Говорилъ-то тутъ Микита таковы слова:
— Ай же молодость моя молодая!
— Улетѣла отъ меня да й во чисто́ поле,
— Во чисто́ поле да яснымъ соколомъ!
— Ай ты старость ты моя да и глубокая!
— Налетала ты да изъ чиста́ поля,
— Изъ чиста́ поля да чернымъ ворономъ,
— Да й садилася ко мнѣ на плечка на могучіи!—
А й тутъ сталъ Микита на рѣзвы́ ноги,
А й то палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обернулся тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ,
Й онъ бѣжалъ по славной каменной Москвы,
Забѣгалъ онъ въ магазеи въ оружейные,—
Отъ оружей всѣ замочки прочь повыщелкалъ;
Онъ бѣжалъ-то на конюшни лошадиныи,—
У добры́хъ коней всѣ глодочки повыторкалъ;
Бѣжалъ онъ тонкимъ бѣлымъ горностальчикомъ
Во свою полату бѣлокаменну,
А й тутъ палъ Микита о кирпичной мостъ,
Обернулся, сталъ Микита добрымъ молодцемъ.
Выходилъ-то какъ Микита на широкой дворъ,
Отобралъ добра́ коня Микита богатырскаго,
Й онъ сѣдлалъ коня да богатырскаго,
Онъ повыѣхалъ на славну каменну́ Москву
Воевать съ Литвою со поганою.
Какъ пошла Литва погана по конюшнямъ лошадиныимъ,
Да у добры́хъ коней вси глодочки росторканы;
То пошли оны по тымъ славнымъ магазеямъ оружейныимъ,
Отъ оружей всѣ замочки отщолканы,—
То имъ нечѣмъ воевать да съ каменной Москвой.
А й поганая Литва она въ побѣгъ пошла,
А й очистили-то славну каменну́ Москву.
Еще тымъ эти дѣла покончились.

Записано тамъ же, 8 іюля.

—

89.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

А й сидитъ сидитъ кручиненъ доброй молодецъ,
Да й сидитъ печаленъ доброй молодецъ,
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да й пониже плечъ своихъ могучіихъ.
«Ты чего сидишь печаленъ, доброй молодецъ,
«Ты чего сидишь кручиненъ, доброй молодецъ?»
— Еще какъ-то молодцю мнѣ не кручиниться?
— Еще какъ-то молодцю мнѣ не печалиться?
— Какъ вечоръ-то легъ я — не поужиналъ,
— Я утрось-то сталъ да не позавтракалъ,
— Пообѣдати схватился — тамъ и хлѣба нѣтъ.
— Поневолили-то молодца женитися,
— Поженили-то въ деревни у сусѣдушка,
— У сусѣда оны брали у богатаго
— Да й приданаго-то много — человѣкъ худой.
— А й приданоё виситъ на грядочкѣ,
— Да й худая жонка-та на ручки спитъ.
— То мнѣ не съ кимъ добру молодцю погладиться*),
— Да и не съ кимъ добру молодцю полиститься**).—
Й оттого-то молодецъ да во гульбу пошолъ,
Во гульбу пошолъ да во гуляньицо;
Еще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
Да й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,

*) т. е. повѣжиться. **) т. е. поласкаться.

Да пошолъ-то молодецъ а изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да изъ орды въ орду,
И зашолъ-то къ королю къ литовскому,
Да й задался во служенiё къ литовской королевичной,
Да й служилъ у нёй двѣнадцать годъ,
А двѣнадцать годъ служилъ онъ вѣрой правдою,
Вѣрой правдой онъ служилъ да неизмѣною:
На кроватки спалъ онъ на тисовою,
А й на той онъ на перинкѣ на пуховою,
У самой ли-то у ней да на бѣлой груди.
Стосковалось тутъ дородню добру молодцю
По своёй-то по родимой по сторонушки,
Онъ докладалъ королю литовскому:
— Ай ты батюшко король литовскiи!
— Стосковалось по родимой мни сторонушки,
— Захотѣлось посмотрѣть мнѣ на отцовско на помѣстьицо:
— Тамъ не выросло ль зелёное кропивушко? —
Приказалъ король ёму коня сѣдлать,
Королевична литовская
Насыпала-то безсчетну золоту казну,
Во шелковъ камвертъ да запечатала,
Положила она молодцю въ глубокъ карманъ;
А й поѣхалъ тутъ дородней добрый молодецъ.
А 'ще день за день какъ быдто дождь дожжитъ,
То й недѣля за недѣлю какъ рѣка бѣжитъ,
А й то ѣхалъ молодецъ да изъ орды въ орду,
Да й проѣхалъ молодецъ онъ изъ земли въ землю,
Прiѣзжалъ онъ на отцёвско на помѣстьицо.
На отцёвскоёмъ да й на помѣстьицѣ
То стоитъ худая мала хизинка,
Да й у той ли малой худой хизинки
Ходитъ малыихъ два глупыихъ два вьюнышка *).
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй молодецъ:
— Ай же малыи вы глупы вьюнышки!
— Вы котораго-то дому да коёй семьи?
— Еще есть ли-то у васъ да отецъ матушка?—
тОвѣцали ёму малы глупы вьюнышки:
«Ай ты дядюшка да и незнаёмой!
«Столько есть у насъ одна родитель матушка,
«А й то нѣтъ у насъ да родна батюшка.»
Говорилъ-то имъ дороднёй доброй молодецъ:
— Ай же малыи вы глупы вьюнышки!
— А й куды у васъ ушла да родна матушка?—
Говорили ему глупы малы вьюнышки:
«А й ушла-то наша родна матушка
«На крестьяньскую да на роботушку,
«А и тымъ она да насъ воспитыватъ.»

*) т. е. юноши.

Й онъ стоялъ-то вѣдь до поздного до вечера.
Тутъ худая-та жона, да жона умная,
Жона умная многоразумная,
То идетъ она съ крестьяньской со роботушки,
Во правой руки несётъ-то косу вострую,
Во лѣвой руки несётъ-то грабли частыи,
На плечахъ бедна горюшиця дрова несётъ,
Приходила-то къ худою къ малой хизинки.
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй молодецъ:
— А й честная ль ты вдова аль жона мужняя?—
Отвѣцала-то ёму да жона умная,
Жона умная многоразумная:
«Не вдова-то есть, жона не мужняя,
«Сирота я есть да горе-горькая.»
Говорилъ-то ёй дороднёй доброй молодецъ:
— Не вдова ты есть, да жона мужняя. —
«Почому ты меня знаешь жону мужнюю?»
— Потому я знаю жону мужнюю,
— Что съ тобою мы росли да близко-по-близку,
— Да играли мы съ тобою въ шашки въ шахматы
— Да во славны во велеи во нѣмецкiи,
— А й тогда съ тобя я часто ѣзды бралъ....
— Подойди-тко ты ко мни да жона умная,
— Жона умная многоразумная,
— Положи-тко свои ручки во глубокъ карманъ,
— Вынимай-ко изъ кармана ты шелковъ камвертъ,
— Вынимай камвертъ да роспечатывай. —
То худая-та жона да жона умная,
Жона умная многоразумная,
Подошла она къ дородню добру молодцю,
Положила свои ручушки въ глубокъ карманъ,
Вынимала-то оттуль она шолковъ камвертъ,
Вынимала-то камвертъ да роспечатала,
Находила во камвертѣ свой злачёнъ перстень,—
А когда оны вѣнчалися во матушки,
Да й во матушки вѣнцались во Божьёй церкви,
Тогда этымъ она нёрстнёмъ обручалася.
Й она брала-то за ручушки за бѣлыи,
За нёго за перстни за злачены,
Цѣловала во уста его сахарнiи,
Называла-то соби мужомъ любимымъ.

Записано въ Петербургѣ, 25 ноября.

—

90.

ГОРЕ.

(См. Рыбникова, т. I, 85).

А й батюшка у матушки
Какъ жилъ-то мо́лодецъ да онъ во дрокушкѣ *),
А онъ ѣлъ сладко́ да и носи́лъ красно̀,
А й носилъ красно́ да робота́лъ лёкко.
Похотѣлось тутъ дородню добру мо́лодцю
Да й сходить ёму на чу́жу на сторонушку,
Посмотрѣть людей да показать собя.
Да ёнъ дѣлалъ-то одёжицу хорошеньку,
А онъ шилъ собѣ да кунью шубоньку,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ се́ребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стро́чилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше го́ловы,
Спереду-то не́ видать личка̀ румянаго,
Изъ-заду̀ не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то со́болей заморьскіихъ,
А й кушачикъ опоясалъ онъ шелко́венькой,
Да й перцаточки на ручки съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапоженьки на ноженьки сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
Подъ пяту́ подъ пя́ту воробей лети;
А онъ денежекъ-тыхъ взялъ да пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей-то взялъ ёнъ со полтинкою,
Да й пошолъ-то ёнъ на чу́жую на дальну на сторонушку.
Приходилъ-то онъ ко городу ко чу́жому,
Тутъ сустигла мо́лодца да ночка тёмная,
Да й не знаетъ онъ куды да пріютитися,
Городъ чужъ, людѝ ему незнаемы.
А й пришолъ-то ёнъ къ царе́воему ~~на кабакъ~~,
Еще тутъ-то мо́лодецъ да запечалился,
Еще тутъ-то мо́лодецъ да й закручинился,
Приклонилъ буйну̀ головушку къ сыро́й земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру́ землю.
Изъ того царе́вого изъ ка́бака
Выходило ба́бищо курвя́жищо,
Да й турыжна ба́бищо ярыжная,
А й стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У́ ней кровь въ лици да какъ у за́яца,
Во лицѝ яго́дици *) какъ цвѣту макова.
Она стала во́кругъ молодца похаживать:
«Ты чого̀ стоишь кручиненъ, доброй мо́лодецъ?
«То ли городъ тоби чужъ, людѝ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Ты поди-тко мо́лодецъ да й во царевъ кабакъ,
«Выпей рюмочку вина зеленаго,
«Да и тутъ ты мо́лодецъ да роскуражишься,
«Тутъ пойдешь по городу похаживать,
«Да й будёшь по чу́жому погуливать,
«Да чужихъ людей да познава́ть будёшь:»
Енъ послушалъ ба́бища курвяжища,
Да й турыжной ба́бища ярыжною;
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
Выпилъ рюмочку да още дру́гую,
Испивалъ-то онъ да й третью рюмочку,
А и тутъ-то молодецъ да й роскуражился,
А онъ ба́бищой турыжной позабавился.
Такъ онъ денежокъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесять рублей онъ пропилъ со полтинкою,
Обвалился молодецъ тутъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нёму голюшки кабацныи
Й отпоясали кушачикъ семишолковый,
А й то сняли съ нёго шубоньку-ту кунью,
А й съ головушки-то шапочку-ту сняли соболиную,
Съ ручокъ сняли-то перцаточки да съ чистымъ се́ребромъ,
Да й сапоженьки розули съ ногъ сафьянныи,
А й лапо́тики обули ёму липовы,
Да й рого́заньку надѣли ёму липову,
Да й поношену да тую брошену,
На головушку колпакъ надѣли липовой,
Да й поношеной да тотъ и брошеной.
Пробудился молоде́цъ да ёнъ отъ крѣпка сна,
Да й отъ крѣпка сна отъ молодецкаго,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки, —
А вся снята-то одёжа дрогоцѣнная,
А й надѣто-то одёженько всё липово.
Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да запечаливши,
Тутъ сидитъ-то мо́лодецъ да й закручинивши,
Енъ повѣсилъ свою буйную головушку
Да й на правую онъ на сторонушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошла-то къ нёму ба́бищо курвяжищо,
Да й турыжно бабищо ярыжное,
То стано́мъ ровна̀ да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто̀ у заяца,
Во лицѝ яго́дици-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зелена́ вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй мо́лодецъ!
«Да испей-ко чару зелена́ вина, —

*) т. е. баловствѣ или вѣгѣ. **) т. е. щеки.

«Тóби полно добру мóлодцю печалиться,
«Тóби полно добру мóлодцю кручиниться.»
Выпилъ рюмочку вина зеленаго,
А и тутъ-то молодéцъ ёнъ роскуражился,
Выходилъ-то молодéцъ съ царева кáбака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чýжому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужúхъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку,
Онъ задáлся во роботушку въ басонскую.
Онъ живётъ-то доброй мóлодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мóлодецъ другóи годъ,
Да й живётъ-то доброй мóлодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесять рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ сóби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ сéребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стрóчилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше гóловы,
Спереду-то нé видать личкà румянаго,
Изъ-задý не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,
Дорогихъ-то сóболей заморьскiихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то пóдъ пяту подъ пя́ту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чýжому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла мóлодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да прiютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царéвоёму къ кáбаку,
Припечаливши стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сырóй земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сырý землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило бáбищо курвяжищо,
Она стала вокругъ мóлодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ доброй молодецъ?
«Ты чого стоишь кручиненъ доброй молодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, людѝ незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да прiютитися?
«Да й поди-тко мóлодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зеленá вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чýжа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей.»
Енъ послушалъ бáбища курвяжища,
Да й турыжной бáбища ярыжною.

Заходилъ-то мóлодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ мóлодецъ да то и дрýгую
Выпилъ мóлодецъ да еще третьюю,
Еще тутъ-то мóлодецъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ енъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нему голюшки кабацныи,
Отпóсали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ нéго куньюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перщаточки-ты сняли съ чистымъ сéребромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился молодецъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки, —
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму бáбищо курвяжищо,
То станóмъ ровнà да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдтò у заяца,
Во лицѝ ягóдици-то цвѣту макова.
Подносила къ нёму чару зеленá вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй мóлодецъ!
«Да испей-ко чару зеленá вина,
«А 'ще ~~тутъ-то мóлодецъ ти роскуражишься.~~»
Тутъ удаленькой дороднiй доброй мóлодецъ
Испивалъ онъ чару зеленá вина,
Выходилъ-то мóлодецъ съ царева кáбака,
Ёнъ пошолъ ходить по городу по чýжому,
Да онъ сталъ-то познавать да онъ чужихъ людей.
Проходилъ ёнъ цѣлой день съ утра й до вечера,
Ёнъ зашолъ къ хозяину къ басонщичку.
Онъ задáлся во роботýшку въ басонскую.
Онъ живётъ-то доброй мóлодецъ по годъ поры,
Да й живётъ-то доброй мóлодецъ другóи годъ,
Да й живётъ-то доброй мóлодецъ по третей годъ,
Еще денежокъ ёнъ нажилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей ёнъ нажилъ со полтинкою.
Сшилъ онъ соби шубоньку-ту куньюю,
По подолу онъ строчилъ ю чистымъ сéребромъ,
По рукавчикамъ да й околъ ворота
Стрóчилъ шубоньку да краснымъ золотомъ;
Воротъ шилъ-то въ шубки выше гóловы,
Спереду-то нé видать личкà румянаго,
Изъ-задý не видно шеи бѣлою;
На головушку-ту шапочку онъ шилъ да соболиную,

Дорогихъ-то соболей заморьскіихъ,
Онъ кушачик-отъ купилъ да семишолковый,
Онъ сапожки сшилъ соби сафьянныи:
Вокругъ носика-то носа яицёмъ кати,
А й то подъ пяту подъ пяту воробей летитъ.
Онъ пошолъ ходить по городу по чужому,
Онъ ходилъ гулялъ да день до вечера,
Да й сустигла молодца да ночка темная.
Енъ не знаетъ да куды да пріютитися,
Подходилъ-то ёнъ къ царевоёму къ кабаку,
Припечалившн стоитъ онъ прикручинивши,
Приклонилъ свою головушку къ сырой земли,
Ясны очушки втопилъ онъ во сыру землю.
Со того ли кабака да со цареваго
Выходило бабищо курвяжищо,
Она стала вокругъ молодця похаживать,
Говорила-то й она да таковы слова:
«Ты чого стоишь печаленъ, доброй молодецъ?
«Ты чого стоишь кручиненъ, доброй молодецъ?
«То ли городъ чужъ тоби, люди незнаемы,
«Да й не знаешь ты куда да пріютитися?
«Да й поди-тко молодецъ да й во царевъ кабакъ,
«А й ты рюмочку-ту выпей зелена вина,
«Еще тутъ ты молодецъ да роскуражишься,
«Будешь познавать ты чужа города,
«Познавать-то будешь ты чужихъ людей.»
Енъ послушалъ бабища курвяжища,
Да й турыжной бабища ярыжною.
Заходилъ-то молодецъ ёнъ во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмочку вина зеленого,
Выпилъ молодецъ да то и другую,
Выпилъ молодецъ да еще й третьюю,
Еще тутъ-то молодецъ да роскуражился,
Да онъ денежекъ-тыхъ пропилъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ рублей онъ пропилъ со полтиною.
Обвалился молодецъ енъ на царевъ кабакъ.
Подошли-то къ нему голюшки кабацныи,
Отнесали кушачикъ семишолковый,
Да то сняли съ него купьюю-ту шубоньку,
Сняли шапочку да соболиную,
Да й перщаточки-ты сняли съ чистымъ серебромъ,
Да й сапожки-ты розули съ ногъ сафьянныи.
Пробудился молодецъ отъ крѣпка сна,
Пороскинулъ онъ свои да ясны очушки, —
То вѣдь снята вся одёжа дрогоцѣнная,
А й одёжица одѣта-то всё липова,
Да й поношена да тая брошена.
Запечалился ёнъ закручинился,
Да й повѣсилъ свою буйную головушку,
Ясны очушки втопилъ ёнъ во кирпичной мостъ.
Подошло-то къ нёму бабищо курвяжищо,
То станомъ ровна да и лицёмъ бѣла,
У ней кровь въ лици быдто у заяца,
Во лицѣ ягодици-то цвѣту макова;
Подносила къ нёму чару зелена вина:
«Ты удаленькой дороднёй доброй молодецъ!
«Да испей-ко чару зелена вина.»
Испивалъ-то молодецъ онъ чару зелена вина,
Выходилъ ёнъ съ кабака да й со цареваго,
Обернулся доброй молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Побѣжалъ-то онъ отъ Горюшка въ чисто поле, —
А и Горюшко за нимъ собакою.
Обернулся-то да й доброй молодецъ,
Полетѣлъ-то онъ да яснымъ соколомъ, —
Горюшко вслѣдъ за нимъ чернымъ ворономъ....
А и тутъ-то доброй молодецъ приставился.
Да свезли-то на могилу на родительску,
Положили добра молодца въ сыру землю, —
Прибѣгало тутъ да къ нёму Горюшко,
Прибѣгало Горе, объ немъ плакало:
— А й хорошъ ты былъ удаленькой дороднёй молодецъ!
— Я топерь пойду во славну въ каменну Москву,
— У меня тамъ есть еще лучши тобя. —

Записано въ Петербургѣ, 27 ноября.

—

XVII.

КУЗЬМА РОМАНОВЪ.

Кузьма Ивановичъ Романовъ, крестьянинъ дер. Лонгасы, Сѣнногубской волости, лѣтъ за 80, слѣпой съ малолѣтства, щедушный, небольшаго роста, сгорбленный, сѣденькой старичокъ. Онъ съ молоду остался безпомощнымъ сиротою на попеченіи міра, который сдалъ приходившійся на долю Романова участокъ другому крестьянину, съ обязательствомъ доставлять ему сколько нужно для пропитанія. Такъ онъ прожилъ весь вѣкъ, занимая избушку, доставшуюся ему отъ родителей. Былины онъ заимствовалъ отъ того же Ильи Елустафьева, отъ котораго учился и Рябининъ; по его словамъ, онъ кромѣ Елустафьева не имѣлъ другаго учителя. Поётъ онъ былины слабымъ, дребезжащимъ голосомъ, не договаривая конца стиховъ. Въ большей части былинъ онъ не помнитъ конца или разсказываетъ конецъ словами. При этомъ оказалось, что когда

онъ пѣлъ свои былины г. Рыбникову, болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, онъ обрывалъ ихъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь, и что какъ самый кругъ былинъ, которыя онъ поётъ, такъ и текстъ каждой изъ нихъ остались безъ всякаго существеннаго измѣненія. Съ тѣхъ поръ какъ записывалъ съ его словъ г. Рыбниковъ, онъ забылъ только былину про Василія Буслаева, которую и тогда онъ плохо зналъ и могъ возстановить въ памяти только при помощи покойнаго Леонтія Богданова. Кузьма Романовъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сказителей, упоминаемыхъ въ настоящемъ сборникѣ, тѣмъ что онъ считаетъ пѣніе былинъ чѣмъ-то въ родѣ профессіи, составляющей его извѣстность и дающей ему нѣкоторую прибыль. Судя по его разговорамъ, этотъ взглядъ особенно укоренился въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ приглашонъ спѣть былины передъ покойнымъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ во время его путешествія на сѣверъ. Кузьма Романовъ считаетъ себя первымъ сказителемъ и не охотно признаетъ, чтобы кто либо другой зналъ порядочно былины. При всемъ стараніи, невозможно было записать его былины съ напѣва, такъ какъ онъ, разъ «взявъ былину на́ голосъ», не въ состояніи уже остановиться. Потому былины, здѣсь печатаемыя, не представляютъ размѣра съ тою вѣрностью, съ какою Романовъ его дѣйствительно соблюдаетъ, когда распѣваетъ былины; притомъ Романовъ, совершенно беззубый, произносилъ такъ невнятно, что собиратель нѣкоторыхъ стиховъ не могъ хорошенько разслышать и принужденъ былъ въ этихъ случаяхъ придерживаться текста Рыбникова. Кромѣ помѣщаемыхъ здѣсь былинъ, онъ сказывалъ еще былину про Хотена (Рыбн. т. II, 22) совершенно сходно съ Рыбниковскимъ текстомъ.

—

91.

ВОЛЬГА.

(См. Рыбникова, т. I, 1).

Закатилось красное солнышко
За лѣсушки за темныя, за моря за широкія,
Розсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу́ небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буславлевичъ
На святой Руси.
И росъ Вольга̀ Буславлевичъ до пяти годковъ,
Пошолъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ по сырой земли;
Мать сыра земля сколыбалася,
Звѣри въ лѣсахъ розбѣжалися,
Птицы по подоблачью розлеталися,
И рыбы по синю морю розметалися.
И пошолъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Обучаться всякихъ хитростей-мудростей,
Всякихъ язы́ковъ онъ разныихъ;
Задался Вольга сударь Буславлевичъ на́ семь годъ,
А прожилъ двѣнадцать лѣтъ,
Обучался хитростямъ мудростямъ,
Всякихъ язы́ковъ разныихъ.
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину, хоробрую,
И тридцать бога́тырей безъ единаго,
Самъ становился тридцатыимъ:
«Ай же вы дружина моя добрая хоробрая!
«Слушайте большаго братца атамана-то,
«И дѣлайте дѣло повелѣное:
«Вейте веревочки шелко́выя,
«Становите веревочки по темну́ лѣсу,
«Становите веревочки по сырой земли,
«А ловите вы куницъ лисицъ,
«Дикихъ звѣрей черныхъ соболей
«И подкопучіихъ бѣлыхъ заячковъ,
«Бѣлыхъ заячковъ, малыхъ горносталюшковъ,
«И ловите по три дня по три́ ночи.»
Слушали большаго братца атамана-то,
Дѣлали дѣло повелѣное:
Вили веревочки шелко́выя,
Становили веревочки по темну́ лѣсу по сырой земли,
Ловили по три дня по три́ ночи, —
Не могли добыть ни одного звѣрка.
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся онъ леви́мъ звѣрёмъ *(такъ)*;
Поскочилъ по сырой земли по темну́ лѣсу,
Заворачивалъ куницъ лисицъ,
И дикихъ звѣрей черныхъ соболей,
И бѣлыхъ поскакучіихъ заячковъ,
И малыхъ горносталюшковъ.
И будетъ во градѣ во Кіевѣ
А со своею дружиною со доброю,
И скажетъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ:
«Дружинушка ты моя добрая хоробрая!
«Слухайте большаго братца атамана-то
«И дѣлайте дѣло повелёное,
«А вейте силышка шелковыя,

овите силышка на темный лѣсъ,
емный лѣсъ на самый верхъ,
те гусей лебедей, ясныихъ соколей,
лую птицу-ту пташицу,
вите по три дни и по три ночи.»
кали большаго братца атамана-то,
али дѣло повелёное:
и силышка шелковы,
вили силышка на темный лѣсъ на самый верхъ;
и по три дни по три ночи, —
гли добыть ни одной птички.
нулся Вольга сударь Буславлевичъ Наўй птицей,
ѣлъ по подоблачью.
ачивалъ гусей лебедей, ясныихъ соколей,
ую птицу-ту пташицу.
утъ во городѣ во Кіевѣ
ей дружинушкой со доброю;
тъ Вольга сударь Буславлевичъ:
кина моя добрая хоробрая!
айте большаго братца атамана-то,
йте вы дѣло повелёное:
мите топоры дроворубные,
йте судёнышко дубовое,
ите путевьй шелковыя,
жайте вы на сине море,
те рыбу семжинку да бѣлужинку,
еньку плотиченьку,
рогую рыбку осетринку,
вите по три дни по три ночи.»
хали большаго братца атамана-то,
и дѣло повелёное:
топоры дроворубные,
ли судёнышко дубовое,
и путевьй шелковыя,
кали на сине море,
и по три дни по три ночи, —
гли добыть ни одной рыбки.
нулся Вольга сударь Буславлевичъ рыбой щучинкой
ѣжалъ по синю морю.
ачивалъ рыбу семжинку бѣлужинку,
ньку, плотиченьку,
ую рыбку осетринку.
утъ во градѣ во Кіевѣ
оею дружиною со доброю,
жетъ Вольга сударь Буславлевичъ:
кина моя добрая хоробрая!
слушайте большаго братца атамана-то:
бы намъ послать во Турецъ землю,
«Провѣдати про думу про царскую,
«И что царь думы думаетъ,
«И думаетъ ли ѣхать на святую Русь?
«А стараго послать — будетъ долго ждать;
«Да середняго послать-то — виномъ запоятъ,
«А малаго послать, —
«Маленькой съ дѣвушкамы заиграется,
«А со молодушкамы роспотѣшится,
«А со старыма старушкамы разговоръ держать,
«И буде намъ долго ждать.
«А видно буде Вольгѣ самому пойти!»
Повернулся Вольга сударь Буславлевичъ
Малою птицею-пташицей,
Полетѣлъ ёнъ по подоблачью.
И будетъ скоро во той земли Турецкоей,
Будетъ у сантала у турецкаго,
А у той полаты бѣлокаменной,
Противъ самыихъ окошечекъ,
И слухаетъ онъ рѣчи тайныя. —
Говоритъ царь со царицею:
«Ай же ты царица Панталовна!
«А ты знаешь ли про то, вѣдаешь?
«На Руси-то трава ростетъ не по старому,
«Цвѣты цвѣтутъ не по прежному,
«А на Руси трава растетъ не по прежному,
«А видно Вольгй-то живаго нѣтъ.
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я себѣ девять городовъ,
«Подарю я девять сыновъ,
«А тебѣ царица Панталовна
«Подарю я шубоньку дорогу.»
Проговоритъ царица Панталовна:
— Ай же ты царь Турецъ-санталъ!
— А я знаю про то, вѣдаю.
— На Руси трава все ростетъ по старому,
— Цвѣты-то цвѣтутъ все по прежному.
— А ночесь спалось, во сняхъ видѣлось:
— Бывъ сподъ восточныя сподъ сторонушки
— Налетала птица малая пташица,
— А сподъ западней сподъ сторонушки
— Налетала птица черной воронъ;
— Слеталися оны во чистомъ полѣ,
— Промежду собой подиралися;
— Малая птица пташица
— Чернаго ворона повыклевала,
— И по перышку она повыщипала
— А на вѣтеръ все повыпускала.
— То есть Вольга сударь Буславлевичъ,
— А что черной воронъ — Турецъ-санталъ. —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ай же ты царица Панталовна!

«А я думаю скоро ѣхать на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку до́рогу.»
Говоритъ царица Панталовна:
— А не взять тебѣ девяти городовъ,
— И не подарить тебѣ девяти сыновъ,
— И не привезти тебѣ шубоньки до́рогой! —
Проговоритъ царь Турецъ-санталъ:
«Ахъ ты старый чортъ!
«Сама спала, себѣ сонъ видѣла!»
И ударитъ онъ по бѣлу́ лицу,
И пове́рнется, — по дру́гому,
И кинетъ царицу о кирпичень полъ,
И кинетъ ю второй-то разъ:
«А поѣду я на святую Русь,
«Возьму я девя́ть городовъ,
«Подарю девя́ть сыновъ,
«Привезу себѣ шубоньку до́рогу!»
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся сѣры́мъ волкомъ,
И поскочилъ-то ёнъ на конюшенъ дворъ,
Добрыхъ коней-тѣхъ всѣхъ пе́ребралъ,
Глотки-то у всѣхъ у нихъ пе́рервалъ.
А повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малымъ горносталюшкомъ,
Поскочилъ во горницу въ оружейную,
Тугіе луки пере́ломалъ,
И шелко́выя тетивочки пе́рервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ,
Вострыя сабли повыщербилъ,
Палицы булатныя дугой согнулъ.
Тутъ Вольга̀ сударь Буславлевичъ,
Повернулся Вольга̀ сударь Буславлевичъ
Малою птицею пташицей, —
И будетъ скоро во градѣ во Кіевѣ,
И пове́рнулся онъ добрымъ мо́лодцомъ
И будетъ онъ съ своею со дружиною со доброю:
«Дружина моя добрая хоробрая!
«Пойдемте мы во Турецъ-землю.»
И пошли оны во Турецъ-землю,
И силу турецкую во полонъ брали:
«Дружина моя добрая хоробрая!
«Станемъ-те теперь полону подѣлять!»
Что́ было на́ дѣлу дорого,
Что было на́ дѣлу дешево?
А добрые кони по семи рублей,
А оружье булатное по шести рублей,
Вострыя сабли по пяти рублей,
Палицы булатныя по три́ рубля.
А то было на́ дѣлу дешево — женскій полъ:
Старушечки были по полушечки,
А молодушечки по двѣ полушечки,
А красныя дѣвушки по денежкѣ.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

—

92.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См Рыбникова. т. I. 21).

А собака ты собака злодѣй Ка́линъ царь!
А думаетъ онъ думушку недобрую,
Совѣты совѣтуетъ не хорошіе,
А й помышляетъ онъ собака Калинъ царь
А отъ жива мужа жену отнять,
У того у князя Владиміра
Молоду Опраксу королевичну.
А собирается онъ собака злодѣй Калинъ царь,
Собираетъ силы и смѣты нѣтъ,
Собиралъ сорокъ царей, сорокъ ко́ролей,
У всякаго было у царя у царевича
По сорока было тысячей, по тысячѣ,
У всякаго было у короля у королевича
По триста было тысячей, по тысячѣ.
Собирался собака ровно три году,
Во четвертый годъ собака во походъ пошолъ,
И какъ скоро онъ буде на томъ поле на Кули́ковѣ,
И розставилъ ёнъ силу по чисту́ полю,
А самъ сходилъ собака со добра́ коня,
А писалъ ярлыки скорописчаты,
Не чернилами писалъ, краснымъ золотомъ;
А день проѣздилъ, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
А выбиралъ все татаръ самолучшіихъ.
И по дру́гой день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскою,
И по третій день проѣздилъ день, съ утра день до вечера,
По силы по татарскія,
А выбиралъ татарина самолучшаго,
Выбиралъ татарина лучшаго, самолучшаго,
Отдавалъ ярлыки скорописчаты,
А говорилъ ему наказывалъ:
«Поѣзжай ко городу ко Кіеву,
«А не въѣзжай въ ворота бѣлоду́бовы,
«А ты скачи черезъ стѣну городо́вую

«А пріѣзжай къ крылечку ко перёному,
«Не привязывай коня, да не приказывай,
«Бѣжи скорѣй въ палаты княженецкія,
«А поди въ палату не съ упадкою,
«А отворяй двери все на́ пяту,
«А отворяй двери, не за́пирай,
«И поди въ палату княженецкую,
«Отдавай ярлыки князю Владиміру,
«И самъ изъ словъ выговаривай:
««Ай же ты Владиміръ стольно-кіевской!
««Очистилъ бы палату княженецкую,
««А стоять бы самому царю Ка́лину,
««Очистилъ бы подворья богатырскія,
««А стоять тамъ силы татарскоей.»»
«И самъ скоро поворотъ держи,
«И бѣжи скорѣе на широкой дворъ,
«И садись скорѣе на добра коня,
«Поѣзжай въ ворота бѣлоду́бовы.»
Поѣхалъ татаринъ ко городу ко Кіеву,
Сдѣлалъ дѣло повелёное.
Князь Владиміръ стольно-кіевскій,
А собиралъ всѣхъ могучіихъ бога́тырей,
А самъ князь Владиміръ поросплакался,
А всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ роскланялся:
— Ай же вы могучіе бога́тыри!
— Какъ бы съ непріятелемъ поправиться? —
Вси могучіи бога́тыри отвѣтъ держатъ:
«Князь Владиміръ стольно-кіевской!
«Думаемъ съ непріятелемъ-тымъ поправиться.»
И бысть *(такъ)* князь веселъ радостенъ.
А всѣ единъ по единому
Изъ города изъ Кіева онѣ повыѣдутъ.
У его-то былъ любимый ли племничекъ,
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ, —
А приходитъ онъ къ дядюшкѣ къ князю Владиміру,
А бьетъ челомъ, покланяется:
«А дядюшка князь ты Владиміръ стольнё-кіевской!
«А дай мнѣ прощеньице благословленьице
«А изъ города изъ Кіева повыѣхать!»
А прого́воритъ князь Владиміръ стольнё-кіевской:
— Ай же любимый мой племничекъ,
— Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
— А ты младешенекъ да ты глупешенекъ,
— А отъ роду вѣку двѣнадцать лѣтъ,
— А устрашишься ты вѣдь ужа́хнешься
— Силы войска татарскаго:
— Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
— А изъ города изъ Кіева повыѣхать. —
А спрого́воритъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Дядюшка князь Владиміръ стольно-кіевской!
«А ты дашь мнѣ прощеньице, повыѣду,
«Аль не дашь мнѣ прощеньица, повыѣду.»
А и скоро бѣжитъ во конюшенъ дворъ
А беретъ себѣ коня добраго,
Добраго коня лучшаго,
Коня лучшаго самолучшаго,
А сѣдлаетъ уздаетъ коня добраго,
И беретъ себѣ копье вострое,
Копье вострое, палицу булатнюю,
А скоро изъ города изъ Кіева повыѣдетъ,
А скоро будетъ на томъ полѣ на Еле́скинѣ,
А у того вѣдь у сы́ра дуба Не́вида,
У того у каменя у Латыря,
Гдѣ съѣзжалися могучіи бога́тыри;
И скоро сходилъ съ добра́ коня,
И сталъ по бѣлымъ шатрамъ поглядывать:
А въ которомъ шатрѣ былъ старый казакъ,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А на томъ шатрѣ было три примѣточки,
А примѣточки были замѣчёныя,
А три кисточки были золочёныя;
А на Добрынюшки Никитича на томъ шатрѣ
А двѣ кисточки были шёлковы;
А на Алешеньки Поповича на томъ шатрѣ
Была кисточка едина шёлкова.
И пошолъ ёнъ въ бѣлой шатеръ,
И приходилъ во единъ бѣлой шатеръ,
И бьетъ челомъ поклоняется
Всѣмъ могучіимъ бога́тырямъ:
«Ай же вы могучіи бога́тыри!
«Ѣдите́, пьете́, утѣшаетесь,
«Во всякія игры забавляетесь,
«А остался князь Владиміръ стольно-кіевской
«Кручиноватъ, печаловатъ,
«Кручиноватъ князь, печаловатъ.»
Прого́ворятъ могучіи бога́тыри:
— Ай ты мла́дой Ермакъ Тимофеевичъ!
— Пойди-ка ты на сырой дубъ на́ Невидъ,
— Погляди ты на силу войско татарское. —
И онъ скоро бѣжитъ на сы́рой дубъ
И поглядитъ на войско татарское;
Опустился со сыра дуба,
И садился на добра́ коня,
И поѣхалъ въ войско татарское.
А прошло времени не малое,
И схватились всѣ могучіи бога́тыри:
— Ай же вы бога́тыри могучіи!
— Что же долго нѣту со сыра дуба?
— Видно устрашился онъ силы-войска татарскаго. —
Посылаютъ Алешеньку Поповича:
— Поди-тко Алешенька сынъ Ивановичъ,

— Погляди со сыра дуба на войско татарское.—
Поглядѣлъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Ажно ѣздитъ по силу по татарскую
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ:
Куды ѣздитъ, туды улица,
А пове́рнетъ — переулкамы.
Какъ пришолъ Алешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ,
Говоритъ имъ таковы слова:
«Ай же братцы могучіи бога́тыри!
«А ѣздитъ Ермакъ по силу по татарскую,
«Куды ѣздитъ, туды улица,
«А пове́рнетъ — переулкамы.»
Посылаютъ Добрынюшка Никитича:
— Поди, Добрынюшка Никитиничъ,
— Мла́даго Ермака Тимофеевича
— Ласковыма словамы его уговаривай,
— И удерживай баграмы желѣзныма,
— Укротилъ бы свое сердце богатырское. —
И скоро Добрынюшка Никитиничъ
Поѣхалъ въ силу войско татарское,
И захватывалъ баграмы желѣзныма,
И уговаривалъ словамы ласковыма:
«Укроти свое сердце богатырское,
«Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты младешенекъ глупешенекъ,
«Сорвешься ты, надо́рвешься.»
И укротилъ свое сердце молодецкое
Мла́дый Ермакъ Тимофеевичъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

93.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 23).

Поросплачется поростужится
Добрынюшка Микитиничъ
Предъ своей передъ государыней матушкой:
«Ай же ты моя ро́дна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Александровна!
«Для чего ты меня несчастнаго споро́дила
«Несчастнаго, неталаннаго?
«А спородила бы ты, матушка,
«Счасками бы ты споро́дила
«Въ стольно-кіевскаго князя во Владиміра,
«А красою бы ты споро́дила
«Во Осипа прекраснаго,
«А силою бы ты споро́дила
«А въ стараго каза́ка Илью Муромца,
«А смѣлостью бы ты споро́дила
«Во Алешу во Поповича!»
Отвѣтъ держитъ честна́ вдова Офимья Александровна:
— Ай же ты чадо милоё,
— Ты ча́делко мое любимоё,
— Молодой Добрынюшка Микитиничъ!
— А ты вѣдь Добрынюшка въ послахъ бывалъ,
— Ты Добрынюшка говорить гораздъ,
— А ты говорить гораздъ, разговаривать. —
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Посылаютъ меня матушка въ землю Сорочинскую,
«Во тую землю на Пучай-рѣку,
«Выручать-то княженецкую племянницу.»
Первый посолъ отъ города отъ Кіева
Старый казакъ Илья Муромецъ,
А второй посолъ Добрынюшка Микитиничъ.
И поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ
Въ тую въ землю Сорочинскую;
И скоро́ будетъ на той рѣки на Пучай-рѣки,
И хочетъ Добрынюшка Микитиничъ
Хочетъ купаться во Пучай-рѣки,
Хочетъ купаться нагимъ тѣломъ.
На той рѣки дѣвицы платье мыли бѣлили;
Прого́ворятъ всѣ дѣвицы портомойницы,
Портомойницы, бѣломойницы:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— У насъ не ку́плятся во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ,
— У насъ ку́плятся во Пучай-рѣки во рубашечкахъ. —
А прого́воритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Дѣвицы вы красавицы,
«Портомойницы, бѣломойницы!
«А вы самы спали, сébѣ сонъ видѣли!»
А скидываетъ ёнъ бѣлую рубашечку
И ку́плется во Пучай-рѣки нагимъ тѣломъ;
И первую струю, струю быструю
Онъ пе́реплылъ струю, пе́реплылъ,
И другую струю, струю быструю,
Онъ пе́реплылъ струю, пе́реплылъ.
И закрычалъ-то малой па́робка,
Закрычалъ па́робка громкимъ голосомъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Изъ-подъ западнія сторонушки иде шумъ великъ! —
Налетѣла змѣя лютая Горынцята;
И скорешенько Добрынюшка поворотъ держалъ,

И приплылъ ёнъ ко круто-красному бережку,
И одѣваетъ ёнъ тонку бѣлую рубашечку,
И скоро ёнъ облатился и обкольчужился,
И хватаетъ ёнъ палицу булатнюю,
И бьетъ змѣю лютую по змѣинымъ по хоботамъ,
Бьетъ онъ змѣю палицей булатнею,
А тутъ змѣя ему молилася:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Отдамъ я вашу королевичну.... —

(Далѣе пѣвецъ не помнилъ.)

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

94.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. I, 30).

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Было пированьице почестенъ пиръ
На многихъ князей на бояровъ,
На могучіихъ на богатырей,
На всѣхъ купцовъ на торговыихъ,
На всѣхъ мужиковъ деревенскіихъ.
Красное солнышко на вечерѣ,
Почестенъ пиръ идетъ на веселѣ.
Испрогóворитъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Ай вы всѣ князи бóяра,
«Всѣ могучіи богáтыри,
«Всѣ купцы торговыи
«Всѣ мужики деревенскіи!
«Всѣ на пиру поженены,
«Одинъ я князь не женатый есть.
«Знаете ль вы про меня княгину супротивную,
«Чтобы ростомъ была высокая,
«Станомъ она становитая,
«И на лицо она красовитая,
«Походка у ней частà и рѣчь баска,
«Было бы мнѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
«Дума думати, долгіе вѣки корóтати,
«И всѣмъ вамъ князьямъ всѣмъ бóярамъ,
«Всѣмъ могучіимъ богáтырямъ,
«Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
«Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
«И всему красному городу Кіеву
«Было бы кому поклонятися?»
Всѣ на пиру призамолкнули
И ни отъ кого на пиру отвѣта нѣтъ.
Одинъ удалый добрый мóлодецъ,
Изъ-по имени Дунаюшка Ивановичъ,
Выходилъ за столика дубоваго,
Очень онъ пьянъ — не шатается,
Говоритъ рѣчи — не смѣшается,
Низки поклоны поклоняется:
— Князь Владиміръ стольно-кіевской!
— Я знаю про то вѣдаю
— Про тебя княгину супротивную:
— Во той во земли въ хоробрóй Литвы,
— У того королевскаго величества,
— Есть двѣ дочери великія,
— Обѣ дочери на выдáваньи:
— Бóльшая дочь Настасья королевична,
— Тая дочь все полякуетъ;
— А меньшая дочь все при домѣ живетъ,
— Тая есть Опракса королевична:
— Она ростомъ высокая,
— Станомъ она становитая,
— И лицомъ она красовитая,
— Походка у ней частà и рѣчь баска,
— Будетъ тебѣ князю съ кѣмъ жить да быть,
— Дума думати, долгіе вѣки корóтати,
— И всѣмъ князьямъ всѣмъ бóярамъ,
— Всѣмъ могучіимъ богáтырямъ,
— Всѣмъ купцамъ торговыимъ,
— Всѣмъ мужикамъ деревенскіимъ,
— И всему красному городу Кіеву
— Будетъ кому поклапятися. —
Этыя рѣчи слюбилися;
Скáжетъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Дунаюшка Ивановичъ!
«Возьми ты у меня силы сорокъ тысячей,
«Возьми казны десять тысячей,
«И поѣзжай во тую землю въ хоробрý Литву,
«И добрымъ словомъ посватайся:
«Буде въ честь не даютъ, такъ ты силóй возьми,
«А столько привези Опраксу королевичну.»
Прогóворитъ Дунаюшка Ивановичъ:
— Солнышко ты Владиміръ стольно-кіевской!
— Не надо-ка-ва силы сорокъ тысячей,
— Но надо казны десять тысячей;
— Дай-ка ты мнѣ любимаго товарища,
— Любимаго товарища Добрыню Никитича. —
Испрогóворитъ князь Владиміръ стольно-кіевской:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Пожалуй ты къ Дунаюшкѣ въ товарищи.»
Скоро Добрынюшка понакнулся *(такъ)*
И скоро оны выѣдутъ со города со Кіева,

Скоро садились на добрыхъ коней;
Видли добрыхъ молодцевъ сядучись,
Не видли добрыхъ молодцевъ ѣдучись:
Быдто ясные соколы попурхнули,
Такъ добрые молодцы повыѣхали.
И скоро будутъ во той земли въ хороброй Литвы,
У того королевскаго величества,
На тотъ дворъ на королевскій,
Противу самыихъ окошечекъ.
И скоро сходили со добрыхъ коней.
Проговоритъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Стой ты у коней, коней паси,
«А поглядывай на ринду *(такъ)* королевскую,
«На палату княженецкую:
«Каково мнѣ-ка будетъ, такъ тебя позову,
«А каково бы время, такъ пріуѣхать бы.»
А приходитъ къ королевскому величеству;
Знаетъ онъ порядню королевскую:
Не надо креститься, молитвиться, —
Бьетъ челомъ, поклоняется:
«Здравствуй батюшка король хороброй Литвы!»
А оглянется король хороброй Литвы:
— Прежняя ты слуга, слуга вѣрная!
— Жилъ ты у меня три году,
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ жилъ ты во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ ты во стольникахъ,
— Вѣрой служилъ, вѣрой правдою:
— За твои услуги молодецкія
— Посажу тебя за большій столъ,
— За большій столъ, въ большо мѣсто;
— Ѣшь молодецъ досыта
— И пей молодецъ долюби. —
И посадилъ его за большій столъ, въ большо мѣсто,
Сталъ его король выспрашивать:
— Скажи, скажи, Дунай, не утай себя,
— Куды ты поѣхалъ, куды путь держишь?
— Насъ ли посмотрѣть али себя показать,
— А у насъ ли пожить а еще послужить? —
«Батюшка король хороброй Литвы!
«А поѣхалъ я за добрымъ дѣломъ, —
«Засвататься на твоей дочери на Опраксіи.»
Этыи рѣчи ему не слюбилися:
— Ай же ты Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не за свое дѣло взялся — за бездѣльице:
— Меньшую дочь ты просватываешь,
— А большую дочь чѣмъ засадилъ?
— Ай же вы татаровья могучіи!
— Возьмите Дуная за бѣлы руки,
— А сведите Дуная во глубокъ погребъ,
— Заприте рѣшоткамы желѣзныма,
— Задвиньте доскамы дубовыма,
— Засыпьте пескамы рудожелтыма;
— Пусть-ка Дунай во Литвы погоститъ,
— Во Литвы погоститъ, въ погребу посидитъ,
— А можетъ Дунай догадается. —
Выставалъ Дунай на рѣзвы ноги
И здымалъ рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о дубовый столъ:
Столы дубовые роскрятались,
Питья на столахъ проливалися,
Вся посуда розсыпалася.
Всѣ татаровья испужалися,
Скоро прибѣжали слуги вѣрные
Со того двора съ королевскаго:
«Ай же ты батюшка король хороброй Литвы!
«Ѣшь ты, пьешь, утѣшаешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
«На дворѣ дѣтина не знай собой —
«Во лѣвой рукѣ два повода добрыхъ коней,
«А во правой рукѣ дубина сарацинская —
«Какъ бывъ ясный соколъ попурхиваетъ,
«Такъ тотъ добрый молодецъ поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиною розмахиваетъ,
«И убилъ татаръ до одиного,
«Не оставитъ татаръ на сѣмена.»
Тутъ король догадается,
Проговоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Напомни ты старую хлѣбъ да соль,
— Оставь татаръ хоть на сѣмена:
— Отдамъ свою дочь королевичну
— За вашего князя за Владиміра. —
Скоро оны садились на добрыхъ коней,
Скоро поѣхали съ того двора королевскаго
Съ молодой Опраксой королевичной.
И во тыя пути во дороженьки
Сустигала ихъ ночька темная;
Роздернули полатку полотняную
И тутъ добры молодцы и спать легли;
Во ноженьки поставили добрыхъ коней,
А въ головы вострыи копьи,
А по правую руку сабли вострыя,
А по лѣвую кинжалища булатныя.
И спятъ добры молодцы высыпаются,
Темную ночь коротаючись;
Ничего добры молодцы не видѣли,
Хоть не видѣли оны, столько слышали,
Какъ ѣхалъ татаринъ на чисто поле.
Повставали поутру ранешенько,
И выходили на путь на дороженьку:

Ѣдетъ татаринъ въ погону въ слѣдъ,
Добрый конь въ дорожку до щеточки прогрязывалъ,
Камешки съ дорожки вывертывалъ,
За два выстрѣла камешки выметывалъ.
Поѣхалъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ Опраксой королевичной ко городу ко Кіеву;
Поѣхалъ Дунаюшка Ивановичъ
По этой по лошадиной по ископыти
За тымъ татариномъ въ погону въ слѣдъ.
Гдѣ было татарина такъ доѣзжать,
Гдѣ было татарина копьемъ торыкать,
Такъ съ татариномъ промолвился:
«Стой ты татаринъ во чистомъ полѣ,
«Рыкни татаринъ по звѣриному,
«Свисни татаринъ по змѣиному!»
Рыкнулъ татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ татаринъ по змѣиному:
Темные лѣсы роспадались,
Въ чистомъ полѣ камешки роскатывались,
Траванька въ чистомъ полѣ повянула,
Цвѣточки на землю повысыпались, —
Упалъ Дунаюшка съ добра коня.
Скоро Дунаюшка ставалъ на рѣзвы ноги,
И сшибъ татарина съ добра коня:
«Скажи ты татаринъ не утай собою:
«Чьего ты татаринъ роду, чьего племени?»
Говорилъ татаринъ таковы слова:
— Ай же Дунай сынъ Ивановичъ!
— Какъ бывъ былъ я на твоихъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ ни родины ни дѣдины,
— А пластáлъ бы твои груди бѣлыя. —
Садился Дунаюшка на бѣлы груди,
Какъ роскинулъ плащи татарскіе,
Хочетъ пластать груди бѣлыя, —
А видитъ по пéрькамъ что женскій полъ.
У его сердечушко ужáхнулось,
А рука въ плечи застоялася:
— Что же ты Дунаюшка не óпозналъ?
— А мы въ óдной дороженьки не ѣзживали,
— Въ одной бесѣдушки не сиживали,
— Съ одной чарочки не кушивали?
— А ты жилъ у насъ ровно три году:
— Первый годъ жилъ ты во конюхахъ,
— А другой годъ ты жилъ во чашникахъ,
— А третій годъ жилъ во стольникахъ. —
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ мы скоро ко городу ко Кіеву,
«И примемъ мы чудны кресты золоты вѣнцы.»
Пріѣхали ко городу ко Кіеву
Ко той ко церкви соборныя;
Мéньша сестрица вѣнчается,
Бóльша сестрица къ вѣнцу пришла.
Пиръ у нихъ пошолъ ровно по три дни;
На пиру Дунаюшка росхвастался:
«Во всемъ городѣ во Кіевѣ
«Нѣтъ такого молодца на Дуная Ивановича:
«Самъ себя женилъ, а друга подарилъ.»
Отвѣтъ держитъ Настасья королевична:
— Ай же ты Дунай Ивановичъ!
— Не пустымъ ли ты Дунаюшка росхвастался?
— А и не долго я въ городѣ пóбыла,
— А много въ городѣ прízнала:
— Нѣтъ такого молодца на щепленьице,
— На щепленьице *) — Добрыни Никитича,
— А нѣтъ на смѣлость Алеши Поповича,
— А на выстрѣлъ нѣтъ Настасьи королевичной:
— А стрѣляла я стрѣлочку каленую,
— Попадáла стрѣлкой въ ножечнóй острей,
— Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки, —
— Обѣ половинки ровны пришли,
— На взглядъ ровнаки и вѣсóмъ ровны. —
И тутъ Дунаюшки ко стыду пришло,
Скажетъ Дунаюшка Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья королевична!
«Поѣдемъ Настасьюшка въ чистó поле,
«Стрѣлять стрѣлочки каленыя.»
И выѣхали во чистó поле:
И стрѣляла ёна стрѣлочку каленую,
И попадáла стрѣлкой въ ножечнóй острей,
Розсѣкала стрѣлочку на двѣ половиночки,
Обѣ половинки ровны пришли,
На взглядъ ровнаки и вѣсóмъ ровны.
И стрѣлилъ Дунаюшка Ивановичъ;
Такъ разъ стрѣлилъ, перéстрѣлилъ,
Дрýгой разъ стрѣлилъ, не дóстрѣлилъ,
И третій разъ стрѣлилъ, попасть не могъ.
Тутъ розсердился Дунаюшка Ивановичъ,
Наставилъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы груди.
Тутъ Настасья ему смолилася:
— Ай же Дунаюшка Ивановичъ!
— Лучше ты мнѣ-ка-ва прúгрози три грозы,
— А не стрѣляй стрѣлочки каленыя;
— Первую грозу мнѣ-ка прúгрози:
— Возьми ты плеточку шелковую,
— Омочи плетку въ горячý смолу
— И бей меня по нагý тѣлу;
— И другую грозу мнѣ-ка прúгрози:
— Возьми меня за волосы за женскія,

*) т. е. изящная походка и манеры, — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— Привяжи ко стремены сѣдельному
— И гоняй коня по чисту́ полю;
— А третью грозу мнѣ-ка при́грози:
— Веди меня во улицу крестовую
— И копай по пе́рькамъ во сыру землю,
— И бей меня клиньямы дубовыма,
— И засыпь пескамы рудожелтыма,
— Голодомъ мори, овсомъ корми,
— А держи меня ровно три мѣсяца,
— А дай мнѣ-ка чо́рево повы́носити,
— Дай мнѣ младенца поотро́дити,
— Свои хоть сѣмена на свѣтъ спустить.
— У меня во черевѣ младенецъ есть —
— Такого младенца во градѣ нѣтъ:
— По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
— По локо́тъ руки-то въ золотѣ,
— По косицамъ частыя звѣздочки,
— А въ теми́ печетъ красно солнышко! —
На эти онъ рѣчи не взираючись,
И спущаетъ стрѣлочку каленую
Во Настасьины бѣлы́ груди;
Пала Настасья на головушку;
Пласталъ ёнъ ёй груди́ бѣлы,
Вынималъ сердце со печенью, —
У нея во черевѣ младенецъ есть,
Такого младенца во градѣ нѣтъ:
По колѣнъ ножки-то въ се́ребрѣ,
По локо́тъ руки-то въ золотѣ,
По косицамъ частыя звѣздочки,
А въ теми́ печетъ красное солнышко.
Тутъ самъ ёнъ на свои руки посе́гнулся.
Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекала рѣчка Дунай рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекала рѣчка Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

95.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 42).

Ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту́ полю,
Искалъ себи-ка поединщичка,
И находилъ ёнъ шестьдесятъ уда́лыхъ добрыхъ мо́лодцевъ.
И сидятъ ёны во еди́н' кругу *(такъ)*,
Подѣляють они золоту казну,
Золотой казны сорокъ тысячей.
Прого́воритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы уда́лыи дородни добры мо́лодцы!
«Дай-ко мнѣ-ка-ва золо́той казны малый жеребе́ечекъ.»
А проговорятъ вси удалыи добры мо́лодцы:
— А голяцокъ-то дородній добрый мо́лодецъ!
— Не можешь ты нажить себи золотой казны. —
Показалось это слово за досаду за обиду за великую,
Ухватилъ енъ черлиный *(такъ)* вязъ,
Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой земли;
Отъ того удару молодецкаго
Мать сыра земля всколыбалася,
Добрыи молодцы испугалися,
По чисту́ полю розбѣжалися,
Оставили золоту казну,
Золоту казну сорокъ тысячей.
Взялъ онъ золоту казну,
Пошолъ во каменну́ Москву,
Приходилъ на царевъ кабакъ,
Поилъ пьяницъ а голей кабацкіихъ:
«Пейте пьяницы голи́ кабацкіи,
«Не пропить моей золотой казны.»
А пригодилися служки монастырскіе,
Доносили императорскому величеству
Петру Алексѣевичу;
И сталъ его императорско величество,
Петръ императоръ Алексѣевичъ,
Сталъ его допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькой дородній добрый мо́лодецъ!
— Былъ ли ты красть мана́стыря Румянцева? —
Такъ этотъ удаленькой добрый молодецъ прого́воритъ:
«Петръ императоръ Алексѣевичъ!
«Я не былъ красть мана́стыря Румянцева,
«А ходилъ гулялъ по чисту́ полю,
«А искалъ себи-ка поединщичка
«И находилъ во чисто́мъ полѣ:
«А сидятъ они во един' кругу
«И подѣляютъ они золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
«И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя мала́го жеребеечка.
«А они говорятъ удалы мо́лодцы:
««Голяцокъ-ты дородній добрый молодецъ!
««Не можешь ты нажить себи золотой казны!
«Показалось мнѣ это слово за досаду за обиду за великую:

«Ухватилъ я черлиный вязъ,
«Ударилъ черлинымъ вязомъ по сырой землѣ;
«Отъ того удару молодецкаго
«Мать сыра земля всколыбалася,
«Добрыи молодцы испугалися,
«По чисту́ полю розбѣжалися,
«Взялъ я золоту казну,
«Пошолъ въ каменну́ Москву.»
И прого́воритъ Петръ императоръ Алексѣевичъ:
— Ай же ты удаленькой дородній добрый мо́лодецъ!
— Ходи-гуляй по чисту́ полю
— И стой за вѣру христіанскую! —

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

96.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 18).

Собиралося сорокъ калѣкъ со калѣкою,
А самъ-то атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ,
А собиралися калѣки на зеленый лугъ,
А садились калѣки во единый кругъ,
Думали они думушку-ту добрую
А совѣты совѣтуютъ хорошіе,
А итти оны ко городу Еросо́лиму,
Ко святой святынѣ помолитися,
Господнему гробу приложитися.
А оны положили заповѣдь великую:
«А кто обворуется и кто облядуется,
«Того бить клюха́мы каличьима,
«Тянуть языкъ вонъ со теменю,
«И копать очи ясныя косицамы,
«А копать того во сыру землю по бѣлы́мъ грудямъ.»
И пошли они, — котомочки бархатны,
Изъ чернаго бархата заморскаго,
И повышили краснымъ золотомъ,
И повысадили скатнымъ жемчугомъ;
У котомочекъ лямочки семи шелковъ;
На ножкахъ сапожки турецъ-сафьянъ,
А не простого сафьяну — заморскаго;
На головушкахъ шляпы земли Греческой.
А клюшья у калѣкъ-тыхъ рыбья кость,
И взяли они-ко по камешку Анта́венту.
А скоро калѣки въ походъ пошли;
А въ день идутъ по красному по солнышку,
Ночь идутъ по камешку Анта́венту;
А будутъ они на чисто́ поле,
И садилися они во единый кругъ,
Думали думушку добрую,
А совѣты совѣтуютъ хорошіе:
А зайти ко городу ко Кіеву
А ко князю ко Владиміру
Поѣсть, попить, хлѣба покушати.
И приходили ко городу ко Кіеву,
И закрычали калѣки громкимъ голосомъ:
««Свѣтъ надежа князь Владиміръ стольно-кіевской!
««А пошли мы ко городу къ Еросо́лиму,
««А зашли ко городу ко Кіеву,
««А поѣсть, попить, хлѣба покушати.»»
А тая-то побѣда *) учинилася,
А князя дома не случилося;
А выходила Опракса королевична,
Бьетъ челомъ поклоняется:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Пойдите во столову богатырскую,
«И дамъ вамъ ѣствушку саха́рнюю
«И дамъ питьицевъ медвяныихъ, —
«Ѣшьте досыти, пейте вы до́люби!»
Приходили во столову богатырскую;
Подавали имъ ѣствушку саха́рнюю,
И дали питьицевъ медвяныихъ;
Ѣли они досыти, пили долюби,
И много они благодарствуютъ:
««Благодарствуешь, княгина Опракса королевична,
««За хлѣбъ за соль, за всѣ кушанья.»»
Дарила ихъ Опракса королевична
Чистымъ се́ребромъ краснымъ золотомъ,
А самого-то атамана скатнымъ жемчугомъ.
А прого́воритъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А пожалуй-ко во спальну во теплую:
«Есть молвить я словечушко тайное.»
Проходили во спальну во теплую,
А садились па кроваточку тесовую;
И прого́воритъ Опракса королевична:
«Ай же ты атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ!
«А сдѣлаемъ любовь со мной великую.»
А й да прого́воритъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ:
— А какъ пошли мы ко городу Еросо́лиму,
— Положили мы заповѣдь великую:
— «Кто обворуется, облядуется,

*) т. е. бѣда.

— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю,
— «И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.» —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывала въ переплеты калѣчьіи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чисто поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы во городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,
«А дарила насъ чистымъ серебромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»
И проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А проговорятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной.»
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклескали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,
И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчьіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы каличьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросолиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны очи:

И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси́ двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:
«Ай же ты Ѳома сударь Ивановичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы́ груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за нашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ *) былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться уда́лому доброму мо́лодцу;
И поженили отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки коро́тати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки.»
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,

*) т. е. въ баловствѣ.

Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,
Зачалъ жить быть, вѣкушку коро́тати.
День по день и недѣля по недѣлѣ и го́дъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
«Во люби держитъ меня у сердечушка.»
Пригодилися слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На уда́лаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немило́сливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завяжите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя черно́й тафтой,
— Сведите его на чисто́ поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя черно́й тафтой
И повели его удалаго дородня добра мо́лодца
Во чисто́ поле на казень смертную.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немило́сливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,
«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной.»
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дородній добрый мо́лодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка

— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю,
— «И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.» —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывала въ переплеты калѣчьіи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чисто поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы во городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,
«А дарила насъ чистымъ серебромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»
И проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А проговорятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной.»
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклескали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,
И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчьіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы каличьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросолиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны очи:

И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси́ двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:
«Ай же ты Ѳома сударь Ивановичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы́ груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за нашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ *) былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться уда́лому доброму мо́лодцу;
И поженили отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки коро́тати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки.»
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,
Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,
Зачалъ жить быть, вѣкушку коро́тати.
День по день и недѣля по недѣлѣ и го́дъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
«Во люби держитъ меня у сердечушка.»
Пригодилися слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На уда́лаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немило́сливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завяжите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя черно́й тафтой,
— Сведите его на чисто́ поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя черно́й тафтой
И повели его удалаго дородня добра мо́лодца
Во чисто́ поле на казень смертную.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немило́сливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,
«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной.»
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дородній добрый мо́лодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка

*) т. е. въ баловствѣ.

— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю,
— «И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.» —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывала въ переплеты калѣчьіи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чисто поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы во городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,
«А дарила насъ чистымъ серебромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»
И проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А проговорятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной.»
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклескали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,
И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчьіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы каличьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросолиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны очи:

И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси́ двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:
«Ай же ты Ѳома сударь Ивановичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы́ груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за нашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ *) былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться уда́лому доброму мо́лодцу;
И поженили отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки коро́тати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки.»
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,

*) т. е. въ баловствѣ.

Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,
Зачалъ жить быть, вѣкушку коро́тати.
День по день и недѣля по недѣлѣ и го́дъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
«Во люби держитъ меня у сердечушка.»
Пригодилися слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На уда́лаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немило́сливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завя́жите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя черно́й тафтой,
— Сведите его на чисто́ поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя черно́й тафтой
И повели его удалаго дородня добра мо́лодца
Во чисто́ поле на казень смертную.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немило́сливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,
«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной.»
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дородній добрый мо́лодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка

— «Бить того клюхами каличьима,
— «И копать очи ясныя косицамы,
— «А тянуть языкъ со теменю,
— «И копать во сыру землю по бѣлымъ грудямъ.» —
Эты ей рѣчи не слюбилися,
А бѣжитъ скорехонько въ особливъ покой,
А хватала чашу княженецкую
И кладывала въ переплеты калѣчьіи.
А скоро вѣдь калѣки въ походъ пошли,
Выходили они на чисто поле,
Садились калѣки во единый кругъ,
И тутъ калѣки поросхвастались:
«Были мы во городѣ во Кіевѣ,
«Пили, ѣли, хлѣба кушали
«А дарила Опракса королевична,
«А дарила насъ чистымъ серебромъ,
«Дарила насъ краснымъ золотомъ,
«А самого атамана скатнымъ жемчугомъ.»
И проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ не кому!»
А повыскочитъ Чурилушка сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду-то я ко кругу калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я вѣдь чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ къ кругу-то калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
А говоритъ онъ да не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли вы чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Скочили калѣки на рѣзвы ноги,
А какъ ему штаны бархатны оттыкали,
И жопу ему клюхамы натыкали;
А проговорятъ калѣки перехожіе:
«Пойди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую
«Князю Владиміру, Опраксѣ королевичной.»
А приходитъ Чурила сынъ Пленковичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
А повыскочитъ Алеша Поповичъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— Пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу я чашу княженецкую. —
И приходитъ онъ ко кругу калѣчьему,
А не бьетъ челомъ, не поклоняется,
И говоритъ не съ упадкою:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— А ѣли вы, много хлѣба стрескали,
— А украли чашу княженецкую....
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите вы чашу княженецкую. —
Эты имъ рѣчи не слюбилися,
Какъ скочили калѣки на рѣзвы ноги
И ему штаны бархатны оттыкали,
Наклескали жопу долонямы:
«Поди ко городу ко Кіеву
«И неси на насъ жалобу великую.»
И приходитъ ко городу ко Кіеву:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А не калѣки есть, воры грабители. —
Проговоритъ княгина Опракса королевична:
«Ѣсть да пить — такъ во Кіевѣ,
«А постоять за Кіевъ — такъ некому!»
Повыскочитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты княгина Опракса королевична!
— А пойду я ко кругу-то вѣдь калѣчьему,
— Сдѣлаю обыски великіе,
— Отыщу чашу княженецкую. —
И приходитъ ко кругу калѣчьему,
И бьетъ челомъ, поклоняется:
— Ай же вы калѣки перехожіе!
— Были вы во городѣ во Кіевѣ,
— Ѣли, пили, хлѣба кушали;
— У насъ чаша княженецкая затерялася:
— Сдѣлайте обыски великіе,
— Отыщите чашу княженецкую. —
Сдѣлали обыски великіе,
Отыскали чашу княженецкую
У атамана-то Ѳомы Ивановича
Въ переплетахъ калѣчьіихъ;
Какъ отыскали чашу княженецкую,
И били его клюхамы каличьима,
А копали очи ясныя косицамы,
И тянули языкъ вонъ со теменю,
А копали въ сыру землю по бѣлымъ грудямъ
А били клиньями дубовыми;
А пошли-то калѣки ко городу Еросолиму.
А за ихъ за неправду великую
Напустилъ Господь темень на ясны очи:

И пошли они калѣки не дорогою,
А ходятъ они по чисту́ полю не дорогою,
Не дорогою, бездорожицей.
А за его правду великую
Послалъ Господь съ небеси́ двухъ ангеловъ,
И вложили душеньку въ бѣлы́ груди,
И приставили очи ясныя къ бѣлу́ лицу.
И пошолъ атаманъ Ѳома сударь Ивановичъ по чисту́ полю,
И ходятъ калѣки, кричатъ по чисту́ полю,
Не дорогою ходятъ, бездорожицей.
Закричалъ Ѳома сударь Ивановичъ:
«Ай же вы калѣки перехожіе!
«Что же вы ходите не дорогою, бездорожицей?»
И кричатъ всѣ калѣки громкимъ голосомъ:
«Ай же ты Ѳома сударь Ивановичъ!
«За твою за правду великую
«А вложилъ Господь тебѣ душеньку въ бѣлы́ груди,
«А приставилъ очи ясныя ко бѣлу́ лицу;
«А за нашу за неправду великую
«Напустилъ темень на ясны́ очи.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

97.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

(См. Рыбникова, т. I, 78).

Жилъ былъ у батюшки единый сынъ,
Во дрокушкѣ *) былъ у матушки
И во люби былъ у батюшки.
Похотѣли отецъ съ матушкой
Пожениться удалому доброму мо́лодцу;
И пожениля отецъ съ матушкой
Не въ простомъ мѣсти, а въ богатоемъ:
«Приданаго много, — человѣкъ худой;
«А не съ кѣмъ будетъ жить да быть,
«Думу думати, долгіе вѣки коротати.
«Приданому будетъ висѣть на грядочки,
«А цвѣтну платьицу на грядочки,
«И на грядочки, на гвоздики,
«А худой жены на моей руки.»
Отдалялся загулялся добрый молодецъ,
Загулялся въ хоробру́ Литву,

*) т. е. въ баловствѣ.

Задался добрый молодецъ къ королевскому величеству,
Задался королевскому величеству на двѣнадцать лѣтъ,
Зачалъ жить быть, вѣкушку коро́тати.
День по день и недѣля по недѣлѣ и го́дъ по годъ
Прошло времячко ровно двѣнадцать лѣтъ.
Стосковался, сгорѣвался, шолъ на царевъ кабакъ
И пилъ винца кабацкаго;
Ударила хмѣлина кабацкая.
Тутъ добрый молодецъ поросхвастался:
«Король-тотъ меня жалуетъ,
«Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
«Во люби держитъ меня у сердечушка.»
Пригодилися слуги королевскіе,
Доносили королевскому величеству такія рѣчи похвальныя,
Не съ убавочкомъ, а со прибавочкомъ.
Воспылался королевское величество
На удалаго дородня добра молодца:
— Ай же слуги вы королевскіе,
— Палачи вы немило́сливы!
— Подите скуйте ему ножки рѣзвыя,
— Завяжите ручки бѣлыя,
— Закройте очи ясныя черно́й тафтой,
— Сведите его на чисто́ поле,
— Рубите казните буйну голову,
— За эти за рѣчи за похвальныя. —
Шли слуги королевскіе,
Сковали ножки рѣзвыя,
Связали ручки бѣлыя,
Завязали очи ясныя черно́й тафтой
И повели его удалаго дородня добра мо́лодца
Во чисто́ поле на казень смертную.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Ай же вы слуги королевскіе,
«Палачи вы немило́сливы!
«Возьмите у меня денегъ пять рублей,
«Ведите помимо полату королевскую,
«Мимо тое окошечко косявчето,
«Дайте мнѣ-ка волюшку попроститися
«Съ душкой красною дѣвушкой,
«Со Аннушкой королевичной.»
Взяли его денежекъ пять рублей,
Повели мимо полату королевскую
И мимо окошечко косявчето.
Крычитъ дородній добрый мо́лодецъ
Громкимъ голосомъ во всю голову:
«Прости, прости душка красна дѣвушка Аннушка!
«Повели меня на казень смертную!»
Услышала душка красна дѣвушка Аннушка

Его громкаго голоса,
Кидалася въ окошечко по поясу,
Крычала зычнымъ *(такъ)* голосомъ:
— Ай же вы слуги королевскіе,
— Палачи немило́сливы!
— Ведите вы его въ полату королевскую, въ покои особливые;
— Стану добра молодца допрашивать. —
Приводили его въ полату королевскую,
Въ полату королевскую, въ покои особливые.
Стала душка красна дѣвушка Аннушка
Его удалаго дородня добра мо́лодца допрашивать:
— Скажи, скажи удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
— Жилъ ты былъ у моего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
— Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ,
— За что топеричу мой батюшка на тебя прогнѣвался? —
Прого́воритъ удаленькій дородній добрый мо́лодецъ:
«Жилъ былъ у твоего батюшки двѣнадцать лѣтъ,
«Вѣрой жилъ, правдой жилъ, неизмѣной жилъ;
«Стосковался сгоревался добрый молодецъ,
«Такъ шолъ на царевъ кабакъ
«И пилъ вина кабацкаго,
«Ударила хмѣлина кабацкая;
«Тутъ-то я поросхвастался:
««Король-тотъ меня жалуетъ,
««Королевна душка красна дѣвушка Аннушка
««Во люби держитъ меня да у сердечушка.»
Скажетъ душка красная дѣвушка Аннушка:
— Ай же слуги королевскіе,
— Палачи немило́стивы!
— Возьмите у меня денегъ пятьдесятъ рублей,
— Роскуйте ему ножки рѣзвыя,
— Розвяжите ручки бѣлыя,
— Откройте ему очи ясныя,
— И спустите его на свою́ волю,
— На свою родиму на сторонушку,
— Ко своему къ отцу ко матери,
— Ко своёй жены неудачливой. —
И взяли у ёй денегъ пятьдесятъ рублей,
Росковали ножки рѣзвыя,
Розвязали ручки бѣлыя,
Открыли очи ясныя,
И спустили его на свою́ волю,
И пошолъ на свою родимую сторонушку;
И дала душка красна дѣвушка Аннушка
Ему денегъ ровно семьсотъ рублей.
Во тою пути во дороженьки
Проходило три дороженьки:
Первая дорожка къ отцу къ матери,
И дру́гая дорожка къ роду племени,
А третья дорожка къ молодой жены.
И тутъ-то добрый мо́лодецъ пороздумался:
«Въ котору мнѣ дорожку пойти будетъ?
«Пойти мнѣ въ дорожку къ отцу къ матери,
«Отца матери можетъ живаго нѣтъ;
«А пойти какъ къ роду племени,
«Не познаетъ родъ племя любимое.»
Пошолъ дородній добрый мо́лодецъ
Къ молодой жены неудачливой.
Въ этой пути во дороженьки
Приходила полата бѣлокаменна;
Столбички точеные, а повыше рукъ золоченые,
Обиты окошечки куницамы, лисицамы
И дорогими соболямы заморскима;
Играетъ на улицы два юноша малыихъ:
«Ай же вы юноши малые!
«Есть ли у васъ родима матушка,
«Есть ли у васъ ро́дный батюшка?»
Прого́ворятъ юноши малые:
— Ай же ты нашъ дядюшка!
— Есть у насъ родима матушка,
— Осталась отъ батюшка беременна
— А принесла насъ два юношей малыихъ;
— А нашъ батюшка въ гульбу ушолъ,
— Двѣнадцать лѣтъ да слыху нѣтъ. —
Захваталъ ихъ ручкамы бѣлыма,
Цѣловалъ во уста во саха́рніи:
«Ай же вы юноши малые!
«Я вамъ не дядюшка, ро́дный батюшка,
«Подите скажите своёй родимой матушкѣ:
««Нашъ, скажите, батюшка съ гульбы пришолъ.»»
Скакали бѣжали два юноши малые:
— Ай же ты родимая матушка!
— Нашъ батюшка съ гульбы пришолъ. —
Бѣжитъ молода жена неудачлива:
— Ай же ты милая моя ладушка,
— Крѣпкая здержавушка!
— Поди въ полату бѣлокаменну,
— Полно по чужой сторонушкѣ шататися! —

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

XVIII.

ТЕРЕНТІЙ ІЕВЛЕВЪ.

ерентій Іевлевъ, крестьянинъ съ Волк-
ова, Кижской волости, лѣтъ съ небольшимъ
, высокаго роста, богатырскаго тѣлосложенія,
агообразнымъ лицомъ, русый, съ большою
ю бородою. Внукъ Ильи Елустафьева, отъ
раго Рябининъ и Романовъ учились были-
. Сынъ этого Елустафьева, Іевъ, отецъ Те-
ія, вовсе не перенялъ отъ своего родителя
ія былинъ, потому что ему недосугъ былъ,
сѣлъ на «крестьянство» и занялся имъ
ючительно. Дѣдъ, напротивъ того, живя
ъ ладахъ съ сыномъ, мало занимался кре-
ствомъ, а больше ходилъ по людямъ, ра-
я разнаго рода рыболовныя снасти. При этомъ
часто бралъ съ собою мальчика Терентія, и
ъ удержалъ въ памяти кое-что изъ пѣсенъ,
рыми старикъ сопровождалъ свою работу.
по малолѣтству онъ могъ «понять» только
ю часть того, что зналъ дѣдъ (Елустафьевъ
ъ, когда внуку было около 10 лѣтъ), и по-
, наслѣдовавъ отцу въ крестьянствѣ, онъ не
ъ времени распѣвать былины, и онѣ заглохли
о памяти. Терентій считается весьма исправ-
ъ домохозяиномъ и очень уважается. Онъ из-
энъ былъ г. Рыбникову, который лично за-
ъ былины съ его словъ.

—

98.

МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 1).

улушка Селяниновичъ
ъ у него кобыла Подыни-голова.
ъ тутъ Микулушка оралъ да пахалъ,
ъ сосенки да ёлки въ борозду валилъ,
ъ ржи-то напахалъ да домой выволочилъ,
ой выволочилъ да дома вымолотилъ,
ъ пива накурилъ, да гостей назвалъ.
и пиво пить да все Микулушку хвалить:
тебѣ было Микулушкѣ орать да пахать,
тебѣ Микулушкѣ крестьяновать!»

—

Былъ онъ Микулушка въ городи во Кіевѣ,
А ёнъ вывезъ-то соли оттуль два́ мѣха,
Въ который мѣхъ походитъ пудовъ по со́року.

(Больше не помнитъ.)

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

—

99.

АЛЕША ПОПОВИЧЪ И ТУГАРИНЪ ЗМѢЙ.

Какъ Олешенька Поповичъ сынъ Ивановичъ
Ёнъ на да́лечи дале́чи на чисто́мъ поли
Да ѣдетъ-ка тутъ Олешенька да и на добро́мъ конѣ,
Да какъ видитъ-то онъ Тугарина невѣрнаго,
Высоко летитъ Тугаринъ, близъ подъ о́блакой.
Какъ тутъ Олешенька спустился-то съ добра́ коня,
Да какъ ставился Олеша на востокъ лицёмъ,
Да онъ молится тутъ Господу святителю:
«Дай-ко ты Господи дождичка частаго да и мелкаго,
«Чтобы омочило у Тугарина бумажны крыльиця,
«Спустился бы Тугаринъ на сыру́ землю,
«Да какъ мнѣ было съ Тугариномъ посъѣхаться.»
Да и по Олешенькину тутъ моленію,
Какъ по Божьему-то по велѣнію,
Наставала тученька-та темная
Съ частымъ дождичкомъ да съ молніей,
Омочило у Тугарина бумажныя крыльиця,
Спустился тутъ Тугаринъ на сыру́ землю.
Да какъ ѣдетъ-то Тугаринъ на добро́мъ конѣ,
На добро́мъ конѣ да по сырой землѣ,
А идетъ Олешенка къ нему на стрѣтушку.
Какъ тутъ Задолище *(такъ)* поганое
Замахнулся онъ кинжаломъ-то булатнымъ,
Что срубить Олешѣ буйну голову;
Да какъ былъ Олешенка востёръ собою,
Завернулся онъ за ту гриву лошадиную,
Промахнулся тутъ Тугаринъ-тотъ невѣрный,
Ушло съ рукъ кинжалище булатное,
Ушло въ землю до чéреня.
Какъ былъ Олешенка востёръ собою,
Повывернулся тутъ онъ зъ-за гривы лошадиноей,
Енъ ударитъ своей палицей военноей Тугарина,—
Своротилось главище на праву́ страну,
А 'ще тулово́ да на лѣвую.
Беретъ Олешенка Поповичъ сынъ Ивановичъ
Кинжалище булатное,
Воткнулъ онъ въ буйную голову, —

Не можетъ енъ главища на плечо поднять,
Закрычалъ онъ своимъ зычнымъ жалкимъ голосомъ:
«Ужъ вы служки панюшки, вѣрны нянюшки *(такъ)*!
«Подсобите-ко главище на плечо поднять.»
Подбѣжали служки панюшки, вѣрны нянюшки,
Подсобили главище на плечо поднять.
Несётъ онъ тутъ къ своему добру́ коню,
Привязалъ онъ желтыма волосочкамы
Ко тымъ стремянамъ да лошадиныимъ,
Поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Подъѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Крычитъ онъ да во всю голову:
«Ай же вы бабы портомойницы!
«Я привезъ-то вамъ буцѝще со чиста́ поля,—
«Вы хоть платье мойте, а́ хоть зо́лу варите,
«Хоть всимъ городомъ срать ходите.»

Записано тамъ же, 6 іюля.

—

100.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Какъ Добрынюшка-то своей матушкѣ говаривалъ:
«Ай же моя матушка да ты родимая!
«На что же меня несчастнаго да и споро́дила,
«Не во своего государя свѣта батюшка,
«Да не въ сильняго могучаго бога́тыря,
«Да й не въ купца гостѝ торговаго?
«Когда же ты меня да поотро́дила,
«Свертѣла ты бъ меня въ камо́чку во крупчатую,
«Снесла бы ты меня да край синя́ моря,
«Спустила бъ ты меня да на святу́ воду,
«Такъ шолъ бы я туды на са́мо дно,
«Лежалъ бы я да й мѣсто камешка самоцвѣтнаго;
«Буйны бъ вѣтрушки тамъ на меня не вѣяли,
«Добры бъ людушки тамъ про меня не баяли.
«Какъ нонечку-таперечку посылаетъ меня солнышко,
«Солнышко Владиміръ князь да столенъ кіевской
«Во ту да въ матушку въ каменну́ Москву,
«Во каменну́ Москву да въ хоробру́ Литву
«За той меня за данью да за почлиной.
«Розстояньице туда есть полномѣрное,
«Житье туды есть все невѣрное.
«Но когда я ту́ды съѣзжу, когда здѣсь буду,
«Бывать ли мнѣ на роди́мой на́ сторонкѣ, аль не́ бывать,
«Видать ли мнѣ родимая сторонушка, аль той не́ видать.»
Идетъ ли тутъ Добрынюшка да й на широкой дворъ,
Енъ сѣдлаетъ да уздае́тъ коня добраго.
Говоритъ ли тутъ честна́ вдова Офимья Олександровна,
Да ко сво́ей тутъ она невѣстушки:
— Ай же ты моя невѣстушка!
— Поди-тко ты да й на широкой дворъ,
— Спроси-тко ты у своего да богосу́женаго:
— Куда онъ поѣзжаетъ, куда путь держитъ,
— Когда онъ оттуль будетъ, когда ждать велитъ? —
«Ай же ты молода жена Настасья дочь Микулична!
«Когда ты у меня поспро́сила:
«Перво три́ году ты по́ждп ме́не за́ меня,
«А 'ще друго три по́ждп ме́не за́ себя, —
«Пойдетъ ли того времечки шесть лѣтъ назадъ,
«Да за тое шесть и другое шесть,
«Да тутъ сполнится вѣдь времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Буду живъ такъ я здѣсь буду,
«А живъ не́ буду, такъ и ждать некого.
«Да еще я тутъ теби пона́кажу:
«Какъ послѣ моего бываньица
«Хоть замужъ поди, хоть вдовой живи,
«Хоть ты за́ князя поди, хоть за боярина,
«Хоть за сильняго могучаго за бога́тыря,
«Столько не ходи за смѣлаго за Олешеньку за Поповича,
«Какъ Олешенка Поповичъ названый братъ, да мнѣ-ка ме́ньшой братъ,
«А я Олешенкѣ-то есте бо́льшой братъ.»
Какъ садился тутъ Добрынюшка да на добра коня,
Тутъ вид'ли добраго-то молодца сядучи,
Не вид'ли со двора его поѣдучи.
Со двора-то онъ поѣхалъ не воротами,
Въ чисто́ полюшко поѣхалъ не дорогою.
Идетъ-то тутъ честна́ вдова Офимья Олександровна
Во свои во покои во любимыи,
Садилась она на брусову бѣлу лавочку,
Глядитъ она на да́лече дале́че на чисто́ поле,
Ена горькима слезами да обливается,
Полотнинымъ рукавцемъ поотирается,
Сама говоритъ да таково слово:
— Закатилося сугрѣвное межённое тёплое красное солнышко
— За лѣсушки да темныи, за горушки да высокіи,
— За мхи, за озера за широкіи.
— Столько свѣтитъ на́ меня теперечку свѣтёлъ мѣсяцъ, —

алася со мной невѣстушка молода Настасья
дочь Микулична.—
гъ годъ по годъ бывъ трава ростетъ,
къ три-то прождала мене за́ меня,
три-то года прождала мене за́ себя,
прошло ли того времечки шесть лѣтъ назадъ;
шесть прождала да и другое шесть.
сполнилось тутъ времечки двѣнадцать лѣтъ,
иходитъ съ поля вѣсточка нерадостна:
на да́лечи дале́чи на чисто́мъ полѣ
ежитъ Добрынюшка да на сыро́й земли,
ь бѣлы груди копьемъ проко́лото,
на верху выросла вѣдь травонька шелковая,
ѣли цвѣточики лазуревы.
сталъ ли тутъ Олешенька Поповичъ сынъ
Ивановичъ
одхаживать, подсватывать да подговаривать,
подбили тутъ Настасью съ ума разума.
ли они свадебку почестный пиръ,
мало не много на двѣнадцать дёнъ.
со да́лечи дале́чи со чиста́ поля
аетъ тутъ дѣтинушка залѣщанинъ,
анинъ да деревенщенинъ
той Офимьѣ Олександровнѣ,
ѣдь прямо ѣдетъ на широкой дворъ,
змахивалъ воротца-ты на́ пяту,
рашивалъ онъ ни придворничковъ ни при-
дверничковъ,
идверничковъ ни приворотничковъ,
розмахивалъ воротца-тыи на́ пяту,
ъ ставилъ тутъ коня да середи двора,
ивязанаго́ да и не приказанаго.
ли дѣтинушка во рингу *(такъ)* княже-
нецкую,
ъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
оклонъ ведетъ да по учёному.
тутъ го́воритъ честна́ вдова Офимья Олек-
сандровна:
же ты дѣтинушка залѣщанинъ да дере-
венщенинъ!
ступаешь ты на мой да на вдовиной дворѣ,
несу я князю-то Владиміру,
засадитъ ёнъ тебя да во глубо́къ погрёбъ.—
ке ты честна́ вдова Офимья Олександровна!
ъ гдѣ-то у тебя невѣстушка,
да жена Настасья дочь Микулична?»
къ пришла шишла́ *) ёна замужъ пошла
того за смѣлаго Олешеньку да за Поповича.—

— —

а вопросъ, что это значитъ, пѣвецъ отвѣчалъ, что «такъ
», что это значитъ «фантазія».

«Да ёна́ вѣдь не вдова, да е́сте му́жняя жена:
«Я да́лече дале́че на чисто́мъ поли
«Я видѣлъ Добрынюшку на добро́мъ конѣ,
«Я третьёго дни съ Добрынюшкой порозъѣхался,
«Тебѣ правлю поклонъ да челомъ-би́тьице
«Отъ того Добрынюшки Микитича.»
А тутъ стала вѣдь вдова да рада весела.
Какъ еще Добрынюшка тутъ матушкѣ наказывалъ,
Какъ спустилась бы она да во глубо́къ погрёбъ,
Розвертѣла бы камочку-ту крупчатую,
Подала бы мнѣ платьица-ты цвѣтныи,—
Пошолъ бы я на нихъ на́ пиръ на смѣре́ную на
свадебку.
Положилъ-то ёнъ гусёлу́шки яровчаты подъ праву́
полу,
Пошолъ на нихъ на́ пиръ на смѣре́ную на сва-
дебку,
Приходитъ онъ во рингу княженецкую,
Ёнъ крестъ несетъ да й по писа́ному,
А и поклонъ ведетъ да по учёному,
Да ёнъ на вси на три на четыре на сторонушки,
Да ёнъ князю-то Владиміру поклонъ несетъ въ
особину,
Новобрачному да съ новобрачноёй.
Говоритъ ли тутъ Владиміръ князь да столенъ
кіевской:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревен-
щенинъ!
— Что же ты по́долгу долгаешься,
— Цо́тику на смѣреную на свадебку наряжаешься?
— То́перь вси-то е́сте мѣста да перезаняты
— Подъ князямы да подъ боярамы,
— Вси сидятъ, ѣдятъ да хлѣба кушаютъ,
— Какъ надобно итти да во Божью церковь
— Намъ ставить молодыхъ подъ златы вѣнци.
— Столько просто одно мѣстечко да скоморошное
— На той на печи на земляноей.—
Поскочилъ дѣтинушка залѣщанинъ да и деревен-
щенинъ
Енъ на ту на печку на земляную,
Положилъ гусёлышка на свои колѣна молодецкія,
Учалъ почалъ во гуселышка выигрывать,
То играетъ онъ отъ Царяграда,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросо́лима.
Этто всѣма-та игра да прилюбилася;
Наливалъ тутъ чарочку зелена́ вина
Владиміръ князь да столенъ кіевской,
Подливалъ онъ-то и медку сладкаго,
Да скрычалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревен-
щенинъ!

— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена вина. —
Ёнъ спустился-то со печки со земляноёй,
Выпилъ выкушалъ чару да зелена вина,
Поскочилъ на печку на земляную,
Учалъ почалъ во гуселышка выигрывать,
Играетъ-то онъ отъ Царяграда,
Выпѣваетъ онъ отъ Еросолима.
Этто всѣмъ-та игра да прилюбиласе,
Они-то всѣ да порозслухались.
Наливалъ онъ князь Владиміръ столенъ кіевской чару зелена вина,
Подливалъ онъ въ чару медку сладкаго,
Вскрычалъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
— Ай же ты дѣтинушка залѣщанинъ да деревенщенинъ!
— Спустись-ко ты со печки со земляноей,
— Выпей выкушай чару да зелена вина.
— Да какъ перво мѣстечко теби возли меня,
— А 'ще друго мѣсто супротивъ меня,
— А еще третье мѣстечко гди по разуму,
— Хоть самъ ты пей, хоть кому любо тому подноси. —
Наливалъ онъ чарочку зелена вина,
Подливалъ ёнъ въ чару медку сладкаго,
Да снялъ-то онъ съ правой руки злаченъ перстень,
А спустилъ-то ёнъ въ чару да въ зелено вино,
Подносилъ-то онъ Настасьѣ да Микуличной,
Да ёнъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Какъ выпьешь чарочку до дна, такъ увидашь добра,
«А не выпьешь чарочки до дна, такъ не видать добра.»
А какъ чарочку-то она какъ выфуткала *) да выкушала,
Прикатился къ нёй къ устамъ золоченъ перстень.
Беретъ она ручкой лѣвою, надѣваетъ на ручку на правую,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Какъ не тотъ мой мужъ, который сидитъ подли меня,
— А тотъ мой мужъ, который стоитъ супротивъ меня. —
Какъ идетъ Добрынюшка въ большой уголъ,
Онъ беретъ Олешеньку за желты кудри,
Да й повыхватилъ на рингу княженецкую;
Ёнъ ударитъ-то Олешеньку да о кирпиченъ полъ,
Его хочетъ переправить а 'ще и другой разъ.

*) Іевлевъ не могъ объяснить точнаго значенія этого слова и сказалъ только, что «такъ поется.»

Какъ былъ у нихъ-то вѣдь старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Захватилъ его за плечка за могучія,
Онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Не убей-ко за напрасницу богатыря,
«Хоть онъ силой-то не силенъ, да напускомъ смѣлъ.»
Беретъ-то ёнъ ю за ручку за правую,
Беретъ ю своей ручкой лѣвою,
Енъ крестъ несетъ да й по писаному,
Енъ поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Поворотился ёнъ со ринги съ княженецкоей,
Повелъ ю во свои покои во любимыи,
Зовётъ-то ёнъ дружину всю хоробрую:
— Пойдемъ-ко со мной во покои во любимыи,
— Стану я годины именины вси выправливать,
— Вси выправливать за двѣнадцать лѣтъ. —

Записано тамъ же, 6 іюля.

—

101.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

Какъ съ-подъ ельничку да съ-подъ березничку,
Да съ-подъ частаго молодаго съ-подъ олешничку,
Выходилъ каликушка не маленькій.
На ногахъ лапотики-тѣ у него семи шелковъ,
Не простыхъ шелковъ да самошинскіихъ;
Какъ въ косы-тѣ заплетено было по камешку,
По камешку по самоцвѣтному,
Что-ль не для-ради красы басы,
Для ради крѣпости богатырскоей,
Чтобы свѣтло было итти по тымъ путямъ,
По широкимъ путямъ по дороженкамъ.
О костыль каликушка опираласи,
Высоко каликушка поднималаси,
Поднялся тутъ каликушка поповыше лѣсу столчаго,
Поднялся тутъ каликушка попониже оболочи ходячаго,
Прискакалъ каликушка ко Пучай-рѣчкѣ, —
Немала рѣчка—триста пятьдесятъ.
На тыхъ поляхъ да на Куликовыхъ,
На тыхъ лугахъ да на зеленыхъ,
Тамъ не облачко да призасинѣло,
Тамъ не рощица да березовая, —

ика стоитъ да городо́вая,
ика стоитъ армія.
тыль каликушка опираласи,
за рѣчку каликушка поднималаси.
чила каликушка въ эту силу да городо́вую,
чила каликушка въ эту армію:
сорокъ царей сорокъ цареевичевъ,
съ королевъ сорокъ королевичей,
мелкой-то силушкѣ и смѣты нѣтъ,
дитъ ту́рчанка да богатырченка.
сталъ каликушка выспрашивать:
скажи турка̀ да не утай меня,
утай меня да не сгуби собя:
ь-то эта силушка снаряжена?»
арядилась эта силушка ко городу ко Кіеву,
четъ Кіевъ городъ да головнёй катить,
й добрыхъ коней да табунами брать,
асныхъ дѣвушекъ во полонъ взымать,
старыхъ людей да на огни́ сожгать. —
взялъ его каликушка за желты́ кудри,
кнулъ каликушка на свой помахъ,
пустилъ его да й до сыро́й земли;
ла у турки коженка
зна̀ да й до головушки.
тыль каликушка да й опираласи,
о калика поднималаси.
ися тотъ каликушка попо̀выше лѣсу стоячаго,
ися тотъ каликушка попониже оболочка ходячаго,
скакалъ ко городу ко Кіеву,
въ Кіевъ градъ скакалъ да не дорогою,
въ Кіевъ градъ зашелъ да не воротами,
ъ ту башку̀ *(такъ)* да наугольную,
чалъ каликушка въ полголоса, —
міръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
на ходитъ роскаракою.
былъ у нихъ Добрынюшка Микитиничъ,
тилъ Добрынюшка черленый вязъ,
билъ каликушка да по головушкѣ,
стоитъ каликушка—не стря́хнется,
ы кудрушки да й не сворохнутся.
былъ у нихъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Муромецъ да й сынъ Ивановичъ,
амъ говоритъ да таковы слова:
вы глупыи неразумныи бога́тыри!
спѣшились бы-то каликушку бить бранить,
спѣшились бы каликушку кормить поить,
ихъ новостей-то у него выспрашивать.»
алъ каликушкѣ чару да полтора ведра,
осилъ ему да едино́й рукой;
Выпивалъ каликушка да за единый духъ.
Они стали каликушку кормить поить,
Всякихъ новостей-тыхъ у него выспрашивать,
Сдѣлали во городѣ во Кіевѣ осторожности великіи.

Записано тамъ же, 6 іюля.

—

102.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т. II, 12).

Во стольномъ во городѣ во Кіеви,
Да и у ласкова князя у Владиміра,
Былъ-то вѣдь у него почёстной пиръ;
А какъ всѣ-то на пиру были пособраны,
Всѣ были вси князи, вси бо́яре,
А всѣ сильни́ могучіи бога́тыри,
Да всѣ тутъ поляниченки уда́лыи.
Они всѣ были за столы посаженыи,
Всѣмъ были кушанья налаженыи,
Да какъ всѣ они сидятъ да пьютъ, хлѣба кушаютъ,
Потѣшаются да похваляются:
А какъ умный-отъ хвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный-отъ хвастаетъ молодой женой,
А худой молодой неудацливой.
А какъ го́вори Владиміръ князь столенъ кіевской:
«А всѣ всѣ у мёня были пожененыи,
«Вы вы были у меня повѣнчаныи,
«А единъ-то у васъ князь не женатъ,
«А Владиміръ князь столенъ кіевской.
«А вы знаете ли ему да вѣдаете ль ему супротивную?
«А была бы-то жена мнѣ хорошая:
«Ена ростомъ-тымъ да высокая,
«А и садо́мъ-тымъ она да садомитая *(такъ)*,
«А красой-то она да красови́тая,
«У нея кровь-то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
«А какъ было бы то мнѣ-ка съ ней жить да и быть,
«А и долгій-отъ вѣкъ-то коро́тати,
«А 'ще было бы-то вамъ кому честь воздать,
«А 'ще было бы-то кому и поклонятися.»
А тутъ всѣ за столомъ призамолкнули,
Всѣ за столомъ пріутихнули,
Да й никто ника́кого словечка не вымолвитъ,
А еще большіи тулятся за средняго,

Средніи тулятся за меньшаго,
А отъ меньшаго-то и отговору нѣтъ.
Да какъ выходилъ Дунаюшко Ивановичъ,
А выходилъ-то изъ запечья,
А онъ подходилъ-то ко тому столу княженецкому,
Да енъ самъ говоритъ да таковы слова:
— А вѣдь знаю то бы я да вѣдь вѣдаю:
— Какъ далече далече подъ сточной стороной,
— У того ли короля храбра Литскаго *(такъ)*,
— А какъ есть у него да дви дочери,
— А й двѣ дочери обѣ хорошіи,
— Только большая дочи мало при доми живѣтъ
— Она ѣздитъ во чисто поле поляковать;
— А какъ меньша дочи всегда при доми, —
— А 'ще большая Настасья королевична,
— А какъ меньшая эта Опраксимья.
— Опраксимья эта королевична
— А й была бы то би жена да хорошая,
— Она ростомъ-тымъ да высокая,
— А и садомъ-тымъ она да садомитая,
— А красой-то она да красовитая,
— У нея кровь то бы въ лици какъ у бѣлаго заяца,
— А какъ было бы-то тобѣ съ ней жить да и быть,
— А и долгій-отъ вѣкъ-то коротати,
— А 'ще было бы-то намъ кому честь воздать,
— А 'ще было бы-то кому и поклонятися. —
«Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А умѣлъ же ты теперечко повыхвастать,
«А умѣй-ко ты оттуль ее повывести.
«Много ли туды ты силы возьмешь,
«Много ли возьмешь золотой казны?»
— А не надобно мни сила княженецкая
— И не надобно мни золотой казны,
— Да не биться тамъ мнѣ не ратиться;
— Столько дай мнѣ-ка-ва во товарищи
— Во товарищи Добрынюшку Микитича,
— А 'ще мнѣ-ка-ва двухъ жеребчиковъ неѣзжаныхъ
— Чтобы два сѣдла оба недержаныи,
— Да вѣдь узды обѣ неузданыи,
— Двѣ плеточки обѣ нехлыстаныи;
— Да пиши-тко ты ёрлыки о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ
— На той на дочери на Опраксимьи,
— На Опраксимьи королевичной. —
А сѣдлали уздали добрыхъ коней,
Да и поѣхали ко матушкѣ къ каменной Москвы,
Къ каменной Москвы къ хороброй Литвы,
Ко тому ли королю храбро-литскому
А й о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ.
Пріѣзжаютъ-то оны въ хоробру Литву,
И они ставили тутъ коней середи двора
Непривязаныхъ да неприказаныхъ,
Да поставилъ онъ товарища Добрынюшку Микитица,
Да онъ самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— А стой-тко ты на широкомъ дворе,
— Гляди-тко на рингу королевскую,
— Какова пора, каково время,
— Чтобы можно намъ отсюль да поуѣхати. —
А идетъ-то Дунаюшко Ивановичъ
Во тую во рингу королевскую,
Да онъ крест-отъ несетъ по писанному,
Да онъ поклон-отъ ведетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Да онъ королю несетъ поклонъ въ особину:
— Ужъ ты здравствуешь батюшко король да хороброй Литвы!—
«Ужъ ты здравствуешь Дунаюшко Ивановичъ!
«Ты куда ѣдёшь, куда путь держишь?
«А ты намъ послужить или себя показать?»
— А какъ вамъ послужить и себя показать,
— А 'ще другое дѣло есть больше всѣхъ:
— Я объ добромъ дѣлѣ объ сватовствѣ
— На твоей да дочушкѣ Опраксимьи,
— На Опраксимьи на королевичной,
— Да й за нашего князя Владиміра. —
А какъ говоритъ король хороброй Литвы:
«Ай же ты Дунаюшко Ивановичъ!
«А ты взялся за безумье за великое.
«Да какъ вашъ тотъ князь не великъ собою,
«А 'ще ваши царища уродливыи,—
«Не отдамъ я своей дочери
«Да й за вашего князя Владиміра,
«А возьму ли я тебя за желты кудри,
«Посажу я тебя въ глубокъ погребъ,
«А пусть-ко Дунаюшко у насъ посидитъ,
«Да пусть-ко Дунай въ погребу погоститъ,
«То что Дунай да и обумѣется.»
Да какъ подходитъ Дунаюшко Ивановичъ
Ко тому столу да ко дубовому,
Енъ смахнулъ свои руки выше головы,
Да пустилъ онъ до стола да до дубоваго.
А какъ питья на столахъ проливаются,
А 'ще столъ въ щапьё прилямается,
А и мать земля сколыбается,
Да какъ самъ онъ говоритъ таковы слова:
— Есть я здѣсь не одинъ собою,
— Да какъ есть-то я здѣсь со товарищемъ,
— Во товарищахъ Добрынюшка Микитиницъ. —

А какъ ко́ той ли поры ко тому времени
Да вѣдь скоро со двора тутъ послы пришли:
«Ужъ ты батюшка король хороброй Литвы!
«А ты ѣшь да пьешь, спотѣшаешься,
«А ты на́дъ собой незгодушки не знаешься.
«А какъ есть-то дѣтинка не зна́мъ собою,
«Во лѣво́й рукѣ водитъ два добра́ коня,
«А во право́й дубина сарацынская;
«Какъ ясно́й соколъ по́ двору попурхиваетъ,
«А вѣдь такъ-то онъ по двору поскакиваетъ,
«На всѣ стороны дубиной помахиваетъ,
«Такъ прибилъ-то всѣхъ татаръ до единаго,
«Не оставилъ онъ татаръ тебе на сѣмена.»
Такъ какъ говоритъ король хороброй Литвы:
— Ай же Дунаюшко Ивановичъ!
— Уйми-тко ты своего товарища,
— А какъ видно-то дочу́шка Богомъ су́женая.—
Идетъ-ли Дунай на круто́й крылецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Полно тебѣ теперь уродовать,
«А какъ есть-то намъ видно Божья́ помочь.»
А какъ говорилъ король хоробро́й Литвы:
— Ужъ вы служки паню́шки вѣрныи нянюшки!
— Вы умойте убѣлите Опраксимью,
— Напушите-тко вы ёй да личко бѣлое,
— А умойте-тко вы ю бѣлешенько,
— Да сокрутите вы ю хорошешенько,
— Да веди-тко во рингу королевскую,
— Отпустить-то ее да на святую Русь
— А й въ замужество за князя Владиміра.—
Да беретъ-то Дунаюшко Ивановичъ,
А беретъ-то своей ручкой лѣвою
За ней-то за ручку за правую,
За ней-то за перстни злачены,
А онъ крест-отъ ведетъ по писа́ному,
А и поклонъ-тотъ несетъ по ученому,
На всѣ на три на четыре стороны поклоняется,
А ёнъ ко́ролю поклонъ несетъ въ особину:
«А прощай ты батюшка король хоробро́й Литвы.»
А идетъ-то ёнъ вѣдь на широкой дворъ,
А ведетъ-то онъ Опраксимью королевичну.
Какъ самъ-то онъ садился на добра́ коня,
Да и ю посадилъ на добра́ коня на татарскаго,
А онъ коня татарскаго себи въ поводъ взялъ,
Да поѣхали они ко городу ко Кіеву.
Сустига́ла на пути́ ихъ ночка темная,
Да спустился тутъ ёнъ да со добра коня,
Пороздернулъ Дунаюшко свой бѣлъ шатеръ,
Зашлы-то они да въ свой бѣлъ шатеръ,
Да ложился Дунаюшко да во ша́трихъ *(такъ)* спать;
А ёнъ во́ ноги поставилъ саблю вострую,
Да ёнъ въ голову кладетъ кинжалище булатное,
Да ёнъ по́ боци *(такъ)* кладетъ палицу военную,
А какъ тутъ-то они спятъ, сномъ темну ночку коро́таютъ.
Да какъ той-то они той ночкой темною
Хоть не видѣли, да столько слышали,
Какъ по тоей дорожкѣ Цареградскоей
Тутъ ѣхалъ татаринъ невѣрный,
Да посвистывалъ ёнъ да по змѣиному,
Да покрыкивалъ ёнъ да по звѣриному.
Да поутру ставши они дорожку осматриваютъ,
Куда ѣхалъ татаринъ невѣрный:
У того коня да у татарскаго
А какъ въ землю тутъ ножки да щетки угрязывали,
Камешки съ дорожки вывёртываны,
За три выстрѣлы камешки отмётываны.
Отпустилъ-то онъ Опраксимью королевну
Ко́ тому ли ко городу ко Кіеву
Съ тымъ ли Добрынюшкой Микитичемъ,
А какъ самъ-то онъ поѣхалъ за татариномъ въ погону вслѣдъ,
Да загналъ ёнъ татарина въ чисто́мъ поли,
Гдѣ было къ татарину молчко́мъ подъѣзжа́ть,
Гдѣ было татарина копьёмъ торыка́ть,
Такъ вѣдь ёнъ со татариномъ промолвился:
«Ска́жи татаринъ невѣрный!
«Ку́да ты ѣдёшь, куда путь держишь?»
Да тутъ крыкнетъ татаринъ по звѣриному,
Да какъ свиснетъ татаринъ по змѣиному,
Да какъ тутъ у Дунаюшка́ конь-то сполохался,
Сполохался да на колѣнка палъ;
Да ёнъ бьетъ-то коня по толсты́мъ ребрамъ,
Да ёнъ самъ говоритъ таковы слова:
«А ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Что же ты теперь потыкаешься,
«Али надо мной надсмѣхаешься?
«Не слыхалъ ли ты по́свисту да молодецкаго,
«А ты по́крыку да богатырскаго?»
Подъѣзжалъ ли Дунаюшко Ивановичъ
Подъѣзжалъ онъ къ татарину невѣрному,
Да и ударилъ онъ татарина востры́мъ копьемъ,
Вострымъ копьемъ да тупымъ концемъ,
Сбилъ ёнъ татарина съ добра́ коня,
Не казнилъ ёнъ татарина, допрашивалъ:
«Скажи татаринъ невѣрный!
«Куда ты ѣдёшь, куда путь держишь?
«А я вижу-то по пелькамъ что ты женской полкъ *(такъ)*.»
— То вчерашняго дня я дома не́ была,

Енъ въ одныхъ чулочкахъ да шелковыихъ
Повыскочилъ Васильюшко да й на широкій дворъ
Да й повыхватилъ Васильюшко телѣжну ось,
Тутъ пошолъ Васильюшко поскакивать,
На всѣ стороны телѣжной осью-то помахивать:
Да й рукой махнетъ—падетъ улица,
Другой махнетъ—падетъ переулочекъ.
Тутъ скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
Да и махалъ Васильюшко, помахивалъ.
Тутъ видитъ его дядька, крестный батюшко,
Что силы ужъ стало мало ставиться,
Поскочилъ его дядька крестный батюшко
Енъ на ту башну да й колокольнюю,
Енъ сорвалъ колоколъ до девяносто пудъ,
Надѣлъ онъ себѣ на головушку,
Идетъ-то онъ да на Обуховъ мостъ
Колокольнымъ языкомъ-то онъ подпирается,
Обуховъ мостъ да нагибается;
И онъ самъ говоритъ да таковы слова:
«Пурхалъ-то ясный соколъ, ну да й допурхалъ,
«Ходилъ-то добрый молодецъ, ну да й доходилъ!»
Какъ былъ тотъ Васильюшко востеръ собой;
Подскочилъ енъ плечкомъ подъ колоколъ
Спихнулъ онъ дядьку крестнаго батюшку подъ Обуховъ мостъ;
Да й какъ былъ Васильюшко востеръ собой,
Вернулся тутъ Васильюшка да подъ Обуховъ мостъ,
Да тамъ-то ужъ дядьки крестнаго батюшки и живаго нѣтъ,
Да повыхватилъ онъ Васильюшко языкъ-тотъ колокольный,
Онъ бьетъ-то дядьку крестнаго батюшку между уши:
«Вотъ-ти, вотъ тебѣ яичко, крестный батюшко!
«Не дано тебѣ яичко о Христови-дни,
«Ты прими-тко мое яичко о Петрови-дни!»
Повыскочилъ Васильюшка да и на Обуховъ мостъ.
Тутъ еще пошолъ Васильюшко да поскакивать,
Самъ онъ говоритъ да таковы слова:
«Тутъ-то Васильюшку червленый вязъ,
«Червленый вязъ, копье долгомѣрное,
«Тутъ-то и сабля острая и палица военная!»
Пошолъ-то тутъ Васильюшко поскакивать,
На вси стороны языкомъ колокольнімъ помахивать;
Скакалъ Васильюшко, поскакивалъ,
На всѣ стороны языкомъ-тымъ помахивалъ,
Какъ силушки-то стало мало ставиться.
Владиміръ князь столенъ кіевскій
Бѣжалъ-то къ его родной матушкѣ,
Перепросить онъ да его матушку,
Идетъ ли тутъ честна вдова,
Беретъ его за плечка за могучіи,
Сама говоритъ да таковы слова:
— Ай же ты рожоно мое дитятко,
— Молодой Васильюшка сынъ Буславьевичъ!
— Уходи-тко свои плечушка могучіи,
— Укрѣпи *(такъ)* сердечушко ретивое!
«Спасибо тебѣ, родна матушка
«Что ты сзади пришла!
«Какъ бы спереди пришла,
«Такъ тамъ же ты бы й была:
«Расходились мои плечушки могучіи,
«Разгорѣлось-то сердечушко ретивое,
«Бѣлый свѣтъ въ глазахъ да помятушился *(такъ)*.»
Беретъ его за ручки-ты за бѣлыя
Ведетъ его въ свои покои во любимыя,
Стала она его кормить поить,
Да стали они жить да быть, да все добра творить.

Записано тамъ же, 6 іюля.

—

XIX.

АНДРЕЙ САРАФАНОВЪ.

Андрей Васильевичъ Сарафановъ изъ Гарницъ, Сѣнногубской волости, крестьянинъ лѣтъ подъ 50, грамотный, пользующійся извѣстностью какъ разскащикъ, помнитъ много старинъ, которыя слышалъ отъ родителей. Его дѣдъ Игнатій Андреевъ, какъ упомянуто выше (XVI), былъ великій мастеръ пѣть былины, и отъ него-то въ дѣтствѣ Сарафановъ ихъ и перенялъ. Но, сохраняя въ памяти содержаніе былинъ, онъ почти разучился пѣсенному ихъ складу; онъ передаетъ былины прозаическимъ пересказомъ и не въ состояніи выдерживать ихъ «на голосѣ». Былинамъ онъ сталъ предпочитать сказки, которыхъ считается отличнымъ знатокомъ; нѣсколько разъ онъ предлагалъ собирателю, спрашивавшему его о былинахъ, разсказать ему про Бову королевича, Еруслана Лазаревича, Англійскаго милорда и т. под. Сарафановъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову. Сличеніе его былинъ, какъ онѣ были записаны г. Рыбниковымъ, съ нынѣшнимъ ихъ пересказомъ показываетъ въ нихъ разительный упадокъ поэтическаго склада, который можно объяснить тѣмъ,

что Сарафановъ, по его собственнымъ словамъ, съ лѣтами все болѣе и болѣе отвыкаетъ отъ распѣва былинъ, пріучившись передавать ихъ въ формѣ сказокъ.

—

104.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. III, 4).

Ѣхалъ Илья Муромецъ въ пути въ дороженкѣ,
Подъѣзжаетъ онъ къ деревни къ Обалковщинѣ,
Стрѣчаютъ его мужики да и Обалковски.
«Куда ты Илья Муромецъ ѣдешь, куда путь держишь?»
— Ай же вы мужички да Обалковски!
— Куда мнѣ дороженкою прямоѣзжою,
— Дороженкою прямоѣзжою да во Кіевъ градъ?—
«Ай же ты Илья Муромецъ!
«Ѣхать тебѣ окольной дорогой да много верстъ,
«А ѣхать мимо рѣченку Смородину
«Дорожкой прямоѣзжею.
«Только прямоѣзжая дороженка
«Завалилася дубьемъ да и колоденькамъ.»
— Отчего сія путь дороженка прямоѣзжая
— Завалилася дубьемъ да и колоденькамъ?—
«Оттого же завалилась сія рѣченка Смородина,
«Завалилась дубьемъ да колоденькамъ,
«Что свито у Соловья Рохманова
«Гнѣздо свито свое великое,
«Свито гнѣздо на двѣнадцати дубахъ,
«На двѣнадцати кокотищахъ
«И на пяти поприщахъ.
«Что мимо его гнѣзда воины не проѣзживали,
«Птицы не пролетывали,
«А боялись свисту соловьинаго,
«Отъ свисту соловьинаго живы не могли бывать.»
Илья Муромецъ и пустилъ своего коня добраго
Дороженькой прямоѣзжею,
И котора дубьёмъ колодьемъ завалилася.
Черезъ дубье колодье конь да перескакиваетъ,
Подъѣзжалъ Илья Муромецъ ко гнѣзду да соловьиному;
Засвисталъ-то Соловей Рахмановъ въ треть свисту, —
У Ильи-то Муромца сталъ конь да подтыкатися,
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, не слыхалъ чтоль свисту соловьинаго? —
Соловей Рахмановъ засвисталъ въ другой разъ.
Отъ Соловья Рахманова посвисту
Сталъ конь у Ильи Муромца гараже подтыкатися.
Илья Муромецъ билъ коня по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не ужоль не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И пустилъ коня еще шибче того;
Конь богатырскій на аршинъ сталъ землю вывертывать.
Видитъ тутъ Соловей Рахмановичъ,
Что ѣдетъ сильной храброй воинъ подъ гнѣздо соловьиное,
И Соловей Рахмановъ засвисталъ во весь свистъ;
И отъ свисту соловьинаго
Лѣса дремучіи пошаталися,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ.
И розсердился Илья Муромецъ на своего коня богатырскаго,
Билъ коня еще рѣзвѣе по крутымъ бедрамъ:
— Ай же ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Не слыхалъ ты свисту соловьинаго,
— Крыку звѣринаго? —
И еще того сильнѣе пустился подъ гнѣздо соловьиное
И Соловей Рахмановъ высунулъ изъ гнѣзда своего буйну голову.
И натягивалъ Илья свой лукъ крѣпкіи,
Накладывалъ стрѣлу каленую,
И стрѣлилъ онъ Соловья Рахманова,
И стрѣлилъ ему прямо въ правый глазъ,
И вышибъ у него правый глазъ,
И выпалъ Соловей Рахмановъ на сыру землю.
И пристягнулъ его Илья Муромецъ къ стремени булатному
И отправился впередъ путемъ дороженькой.
И случилось Ильи Муромцу ѣхать мимо мызы Соловья Рахманова.
Зятовья и смотрятъ съ мызы этой Соловья Рахманова,
И говорятъ женамъ своимъ:
«И нашъ татенька ѣдетъ Соловей Рахмановичъ,
«И у стремени мужика везетъ.»
Смотрятъ его дочери любимыи:
— Не татенька нашъ ѣде, мужика везетъ,
— А мужикъ ѣде, татеньку у стремени.—
И скоренько онѣ одѣвали свою одежду хорошую,
Выходили на широкъ дворъ,
Отпирали свои ворота крѣпкіи настежо *(такъ)*,

И подымали подворотню на цѣпяхъ
Да въ восемьдесятъ пудовъ,
И просили Илью во почестное во гостебище.
Илья Муромецъ глянулъ на нихъ широки ворота
И види Илья Муромецъ—есть фальша великая,
И проскакалъ Илья Муромецъ мимо путемъ дороженькой
И прямо онъ во Кіевъ градъ.
И пріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
Промежъ заутреней и обѣдней,
И идетъ онъ ко службѣ во Божью церковь,
И ведетъ съ собой Соловья Рахманова.
И простояли оны обѣдню во Божьей церквы,
И выходитъ весь народъ отъ обѣдни, православныи
И смотрятъ и дивятся, что привезъ Илья Муромецъ Соловья Рахманова.
Выходитъ Илья Муромецъ изъ Божьей церкви съ Соловьемъ Рахмановымъ
И говоритъ онъ Соловью Рахманову:
«Ай же ты Соловей Рахмановичъ!
«Засвищи-ко ты въ треть свисту соловьинаго.»
Тутъ Соловей Рахмановъ не послушалъ Ильи Муромца,
Не засвисталъ да въ треть свисту,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьиныи.
И отъ свисту соловьинаго,
Весь народъ да палъ о сыру землю
И словно какъ мертвы лежатъ,
И отъ свисту соловьинаго вси домы пошаталися.
И на это розсердился Илья Муромецъ,
Что не послушалъ Соловей Рахмановичъ
Что онъ велѣлъ засвистать въ треть свисту соловьинаго,
А засвисталъ да въ весь свистъ да соловьиныи,
И за то взялъ, Соловью Рахманову
Отсѣкъ Илья Муромецъ буйну голову.

Записано на Леликовѣ, 3 іюля.

—

105.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Наѣхалъ царь Калинъ подъ Кіевъ градъ,
Подъѣхалъ подъ князя подъ Владиміра,
И посылаетъ онъ посла своего вѣрнаго
Къ солнышку ко Владиміру стольнё-кіевскому:
«Ты очисти широки улицы стрѣлецкіе
«И большіе домы княженецкіе,
«Постоять тутъ царю Калину
«Со своею силушкой любимою.»
Тутъ Владиміръ князь усумнился есть
И запечалился,
Сдѣлался невеселъ, буйну головку повѣсилъ.
И пріѣзжаетъ къ нему старой казакъ Илья Муромецъ,
Отпираетъ онъ двери-тыя на пяту,
Входитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ кладетъ по писаному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
На вси да на четыре стороны поклоняется,
Еще Владиміру князю стольно-кіевскому,
Владиміру князю со княгиною въ особину.
Потомъ онъ проговорилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
— Полюби-ко мое слово что я тебѣ говорю.
— Насыпь-ка мису да чиста серебра,
— Другую мису да скачна жемчуга,
— Третью мису да красна золота,
— И станемъ мы просить да на три мѣсяца
— Строку у царя у Калина
— Очистить улицы стрѣлецкіе,
— Большіе домы княженецкіе. —
Потомъ отвезъ старый казакъ Илья Муромецъ
Эти подарки царю Калину,
И царь Калинъ ты подарки принялъ
И далъ строку на три мѣсяца.
Потомъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Поворотился на гору на Латынскую,
Гдѣ тамъ стоятъ воины кіевскіе,
Тридцать воиновъ безъ воина,
Стоятъ на горы на Латынскія.
Пріѣзжаетъ ко князю ко Владиміру
Его родный племянничекъ,
Младый Ермакъ Тимофеевичъ.
Идетъ онъ въ полату со прихваткою,
Со прихваткою не съ упадкою,
И отпираетъ онъ дверь да на пяту:
«Здравствуй солнышко Владиміръ князь!
«Что же ты сидишь невеселъ,
«Что же ты буйну голову повѣсилъ?»
— Ай же младый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Чего же мнѣ веселитися?
— Когда во Кіевѣ была добра пора,
— Тогда во Кіевѣ было защитчиковъ,
— Защитчиковъ и заступчиковъ, —
— А какъ стало во Кіевѣ недобра пора,
— Такъ нѣтъ во Кіевѣ защитчиковъ,

— Защитчиковъ и заступчиковъ. —
Отвѣчае младый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь,
«Родный мой дядюшка!
«Дай же-ко мнѣ благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице
«Выѣхать ко царю ко Калину,
«Во тую силу во поганую,
«Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ.»
Отвѣчаетъ солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты родный мой племянничекъ,
— Млáдый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты есть младёшенекъ, ты есть глупёшенекъ,
— Прервешь свою силу богатырскую,
— И убьютъ тебя татара да поганые.
— Не дамъ я тебѣ ни благословенья ни прощенья. —
Говоритъ млáдый Ермакъ Тимофеевичъ:
«Ай же ты дядюшка мой рóдный,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Дай же ты мнѣ свое благословеньице,
«Благословеньице и прощеньице,
«Повыѣхать на горушку Латынскую,
«Гди свои воины тридцать безъ воина стоитъ.»
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской
Далъ свое благословенье и прощеньице
Повыѣхать на горушку Латынскую.
Отправился млáдый Ермакъ Тимофеевичъ
На тую-то на гору на Латынскую,
И поѣхалъ онъ да во чистó поле.
Пришло двѣ пути дороженьки:
Одна на гору-ту Латынскую,
А другая къ царю Кáлину во чистó поле.
И младой Ермакъ да Тимофеевичъ
Перекрестилъ свои глаза да на востокъ итти:
«Не поѣду я на гору на Латынскую,
«А поѣду я во силу во поганую,
«Попробую я своихъ плечъ богатырскіихъ,
«Храбрости своея молодецкоей.»
И подъѣзжаетъ онъ къ царю Калину,
Ко силы ко поганоей.
Не ясёнъ соколъ напускается
На гусей лебедей, на сѣрыихъ малыихъ уточекъ,
На татаръ да на поганыихъ
Напущáется Ермакъ Тимофеевичъ.
Ѣдетъ онъ — улицá валитъ,
Свéрнетъ — переулочкой.
Бьетъ, а вдвоёмъ втроемъ конёмъ топчетъ,
И силу у царя Кáлина валóмъ валитъ.
Потомъ глядятъ съ этой горы со Латынскія
Свои воины кіевскіе.

И проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— Что больше некому выѣхать со Кіева,
— Какъ новыѣхалъ млáдый Ермакъ да Тимофеевичъ.
— Прирветъ онъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганыи. —
Посылаетъ онъ смѣлаго Алешу да Поповица:
— Ай же ты смѣлый Алеша да Поповицъ!
— Упрашивай ты млада Ермака Тимофеевича
— Словамы ласковыма,
— И накидывай ты на него да храпы *) бѣлые,
— И подтягивай его ко бѣлóй груди,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское,
— И проси-ка ты его словами ласковыма:
— Ай же ты млáдый Ермакъ Тимофеевичъ!
— Ты позавтракалъ, дай же мнѣ и пообѣдати.—
У Ермака да Тимофеевича
Розгорѣлось сердце богатырское,
Прирвалъ его храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Валять въ силу поганую.
Усмотрѣлъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Что прервалъ Ермакъ храпы бѣлые:
— Прерветъ свою силу богатырскую,
— Убьютъ его татара да поганые. —
Посылаетъ онъ Добрынюшку Микитича,
Старой казакъ Илья Муромецъ
Посылаетъ во силу во поганую:
— Поѣзжай-ко ты во силу во поганую,
— Подъѣзжай-ко ты ко млáдому Ермаку да Тимофеевичу,
— И накидывай на него да храпы бѣлые,
— И подтягивай его ты ко бѣлóй груди,
— И упрашивай его словами ласковыми,
— Чтобы укротилъ свое сердце богатырское. —
И какъ накинулъ онъ храпы бѣлые
И подтянулъ его ко своей бѣлой груди,
То младый Ермакъ да Тимофеевичъ,
Прирвалъ его да храпы бѣлые,
А еще этого сердитѣе поѣхалъ
Рубить татаръ да и поганыихъ.
Въ это же время смотритъ старый казакъ Илья Муромецъ
И видитъ, что прерветъ Ермакъ Тимофеевичъ
Свою силу богатырскую:
— Не могли тыи воины укротить его храбрости.—
Потомъ обсѣдлалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Своего добраго коня,

*) По объясненію Сарафанова, *храпы* значитъ руки, но не въ смыслѣ кисти руки, а всей руки отъ плеча.

И отправился во силу во поганую
Къ царю Калину.
Подъѣзжаетъ онъ къ младу Ермаку да Тимофеевичу,
Накинулъ онъ свои да и храпы бѣлые
Старый казакъ Илья Муромецъ:
— Ай же ты мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ!
— Укроти-ка свое сердце богатырское,
— Ты же сегодня вѣдь позавтракалъ,
— Ты же сегодня да и пообѣдалъ,
— Такъ дай-ка ты мнѣ хоть па́ужинать,
— Побить да и татаръ да поганыихъ. —
То мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ
Прервалъ у стары' казак' *(такъ)* Ильи Муромца,
Прервалъ его храпы бѣлыи.
То ѣдетъ мла́дый Ермакъ да Тимофеевичъ,
Ѣдетъ со лѣвыя фланки,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчётъ;
А потомъ поворотился старой казакъ Илья Муромецъ
Съ правая фланки.
Ѣдетъ онъ — улицей,
Пове́рнетъ — переулочкомъ,
Вало́мъ валитъ силу невѣрную,
Сколько ни бьетъ, а вдвоёмъ втроёмъ конёмъ топчетъ.
И прибили они всю силу у царя у Калина,
Всю силушку поганую.
То царь Ка́линъ и выкинулъ ихъ подарки
Три мисы: одну съ се́ребромъ,
Другу съ жемчугомъ, а третью съ краснымъ золотомъ,
И самъ на охоту шолъ
На уѣздъ въ свою сторону,
Не́ попалъ заѣхати во Кіевъ градъ.
Всѣ поѣхали во Кіевъ градъ
Всѣ сильныи могучіи бога́тыри.
И солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Встрѣчаетъ со радостью великою,
Со радостью и веселіемъ,
А въ особину мла́да Ермака да Тимофеевича.

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

106.

ИЛЬЯ МУРОМЦЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Наѣхало Идо́лище поганое,
Наѣхало на Кіевъ градъ,
И весь хочетъ градъ пожрать.
И принялъ солнышко Владиміръ князь его во Кіевъ градъ,
Во свои да во полаты бѣлокаменны,
И кормилъ его поилъ и досыта,
По волу ему жаркое жарили.
И сидитъ онъ за трапезой, жаркова кушаетъ.
Приходитъ во ту пору во то время
Старый казакъ Илья Муромецъ,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Была у крестьянина свинья да и обжорлива,
«Много ѣла да она лопнула.»
И отвѣчаетъ-то обжорище поганое:
— Ничего я больше не желаю, кабы мнѣ Ильюшу повидать,
— И никого я не боюсь, только Илью бы посмотрѣть. —
А онъ стоитъ напротивъ у стола,
Отвѣчаетъ Идо́лищу поганому:
«Гляди-ко на меня, такой же Илья.»
Онъ говоритъ Идо́лище поганое:
— Коли Илья таковъ, что за воинъ и за рыцарь есть?
— На доло́нь клану, другой прижму и буде плюсень. —
Илья въ это время розсердился,
Со своей головы киверъ свернулъ,
И въ Идолище поганое махнулъ,
И съ него голову свернулъ — пристѣнокъ выломилъ;
Только Идолище поганое и живъ бывалъ,
Только и живъ бывалъ, только Ильи́ видалъ.

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

107.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Былъ-то Добрынюшка при времени,
И онъ-то у стольнаго у Владиміра
Былъ онъ три года да во стольникахъ,
И потомъ-то вѣдь Добрынюшка проштрафился
По наговору да по богатырскому.

И взялъ-то вѣдь солнышко Владиміръ князь,
Приказалъ посадить Добрынюшку во темницы да во крѣпкіи,
И сидѣлъ Добрынюшка во темницахъ во крѣпкіихъ,
Годъ сидѣлъ Добрынюшка и три мѣсяца.
Прознала его маменка
Честна̀ вдова Офимья Александровна,
И приходитъ она къ солнышку ко князю ко Владиміру,
Отпираетъ она дверь-то да на́ пяту,
И заходитъ она во полату бѣлокаменну;
Крест-отъ она кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ она ведетъ по уче́ному,
На всѣ на четыре стороны поклоняется,
'Ще стольнё-кіевскому князю Владиміру
Со княгиною въ особину:
«А 'ще ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Зачѣмъ же ты посадилъ моего рожонаго дитятка
«Во тыи во темницы да во крѣпкіи?
«Не состоитъ на немъ никакой вины.»
И отвѣчае солнышко Владиміръ князь:
— Ай же ты честна̀ вдова Офимья Олександровна!
— Повыпущу твоего сына Добрынюшку Микитинца
— Со темницъ да и со крѣпкіихъ. —
И отправилась честна̀ вдова Офимья Олександровна
Въ свои-то вѣдь полаты бѣлокаменны.
И солнышко Владиміръ князь
Собралъ да своихъ князей бо́яровъ,
Всѣхъ могучіихъ бога́тыревъ,
Дума думати, куда бы Добрынюшку отправити,
Чтобы Добрынюшки да живу не́ бывать.
И думали всѣ князи бо́яра думу крѣпкую,
И прого́ворилъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Послать Добрынюшку Микитинца во Литву во поганую,
«Во Литву поганую ко ко́ролю литовскому
«Повыправить дань да за двѣнадцать лѣтъ.»
Это слово князю и понравилось,
Велѣлъ потребовать Добрынюшку.
И приводятъ Добрынюшку ко князю ко Владиміру.
— Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
— Тебя въ той вины прощу во первоей, —
— Съѣзди ты во Литву во поганую
— Повыправь-ко ты дань за двѣнадцать лѣтъ. —
Сдѣлался Добрынюшко невеселъ,
Отправился въ свои полаты бѣлокаменны,
Ко своей родной маменькѣ
Къ честной вдовы Офимьи Олександровнѣ,
И къ молодой женѣ Настасьѣ Николаевнѣ.
И встрѣчаетъ его съ радостью честна̀ вдова Офимья Олександровна
Своего рожонаго дитятко.
Онъ ночевалъ въ своихъ полатахъ бѣлокаменныхъ
Съ молодой женою Настасьею Николаевной,
По утру сталъ собираться въ путь дороженку
И своей онъ молодой жены наказывалъ:
«Ай же ты молода жена Настасья Николаевна!
«Жди-тко ты меня да со чиста́ поля первый годъ поры;
«Исполнится первой годъ поры, жди-тко ты меня другой годъ поры;
«Исполнится это времячко два́ году,
«И жди-тко ты меня третій годъ поры.
«Исполнится это времячко три годы;
«И жди-тко ты меня Настасья Николаевна,
«Жди-тко ты меня еще три́ года.
«Исполнится это времечко шесть лѣтъ вѣдь-то,
«И жди-тко ты меня со чиста́ поля
«Еще жди меня три года.
«Исполнится всему времечки двѣнадцать лѣтъ,
«Въ это же время молода жена Настасья Николаевна,
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ пойди,
«Только не ходи-ко ты за смѣлаго за Олешу за Поповица,
«За роднаго за племника
«За князя за Владиміроваго,
«За бабьяго насмѣшника.»
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Сталъ направляться въ путь дороженку,
Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго.
И только-то онъ сказалъ: «Прощай-ко ты моя маменка,
Честна̀ вдова Офимья Олександровна!»
И видили добра мо́лодца сядуци,
И не видили добра мо́лодца поѣдуци.
Поѣхалъ добрый молодецъ не воротамы,
Скакалъ его добрый конь стѣною городовою,
И поѣхалъ онъ изъ орды въ орду,
Въ погану Литву ко ко́ролю литовскому,
И ѣхалъ онъ въ одну сторону
Добрынюшка Микитиницъ ровно три году,
И подъѣхалъ онъ подъ Литву да подъ поганую,
И сталъ онъ во Литвы да поѣзживать
Сталъ онъ во Литвы да и куражиться,
Сталъ онъ татаръ да поколачивать,
Дани за двѣнадцать лѣтъ попрашивать.

И ѣздилъ-то Добрынюшко много времени во чистóмъ поли,
Дань-то ему почастехонько понашивали,
И стало исполняться это времечко двѣнадцать лѣтъ.
И въ это же время ему прогóворилъ сущій-вѣщій конь,
Прогóворилъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
— Насыпай-ко коню пшены́ да бѣлояровой,
— Корми-тко ты коня да и дóсыта;
— Есть надъ тобой незгодушка не малая,
— Немалая незгода, великая:
— Твоя да молода жена замýжъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповица.
— Солнышко Владиміръ князь письмо-то вѣдь составилъ
— Представилъ честнóй вдовы Офимьѣ Олександровны:
— Добрынюшка во чистóмъ полѣ лежитъ, головушка отсѣчена.—
Какъ накормилъ коня да пшеной бѣлояровой,
Ставалъ поутру да и ранешенько,
Умывался онъ бѣлешенько,
Обсѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
И отправился Добрынюшка въ свою сторону
Со Литвы да со поганыя.
Ѣхалъ въ тую сторону ровно три году,
А взадъ такъ онъ представилъ въ трои суточки.
И пріѣзжаетъ онъ прямо къ честнóй вдовы
Къ Офимьѣ Олександровны.
Приходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Отворяетъ онъ двери нá пяту:
«А здравствуешь честнà вдова Офимья Олександровна!
«Добрынюшка теби да низко кланялся.»
Отвѣчаетъ, слезно плачетъ,
Честнà вдова Офимья Олександровна:
— Почему же ты знаешь моего родимаго дитятка?
— Мое дитятко лежитъ да во чистóмъ полѣ,
— Буйна головка отсѣчена. —
Онъ да отвѣчаетъ таковы слова:
«Ай же ты честнà вдова Офимья Олександровна!
«Трои суточки какъ мы съ Добрынюшкой да порозъѣхались,
«Добрынюшка теби да низко кланялся.»
Потомъ и говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты честна вдова Офимья Олександровна!
«Подай-ка ты гуселушка яровчаты,
«Добрынюшкино платьице коморовчато *(такъ)*.»
Потомъ вѣдь честна вдова Офимья Олександровна и поросплакалась:
— Если бы не во живности остался Добрынюшка Никитиничъ,
— Такъ не зналъ бы онъ спросить про платьице коморовчато,
— Про гуселушка яровчаты. —
И взяла честна вдова Офимья Олександровна свои ключи
И сходила во пóгребы глубокіи,
И принесла она платьице коморовчато
И гуселушка яровчаты,
И подала она той малой коморошины.
Малой коморошина надѣлъ свое платьице коморовчато
И взялъ онъ гуселышка яровчаты,
И садился онъ да на добрá коня,
И поѣхалъ онъ да на почестной пиръ.
И пріѣзжаетъ малый коморошина
Ко солнышку князю ко Владиміру,
Идетъ онъ во полаты бѣлокаменны,
Идетъ-то не съ упадкою, идетъ съ прихваткою богатырскою,
Отпираетъ онъ двери-то да нá пяту,
Крест-отъ онъ кладетъ да по писáному,
А поклон-отъ ведетъ да по учéному,
На всѣ да на четыре стороны поклоняется,
А 'ще солнышку Владиміру да въ особину:
«Солнышко Владиміръ князь, дай ты малой коморошинѣ
«Мѣстечко поиграть во гуселышка яровчаты.»
Солнышко Владиміръ князь отвѣчаетъ онъ да таковы слова:
— Перво ти мѣстечко возли́ меня,
— Другое ти мѣстечко супротивъ меня,
— Третье-то мѣстечко на пéченькѣ земля́ной.—
Какъ ему отвели мѣстечко на пéченькѣ земляной,
И скочилъ малый коморошина на пéченьку земляную,
И сталъ онъ во гуселушка яровчаты поигрывать,
Всихъ да на пиру и извéселилъ,
И всихъ да на пиру игрой да утѣшилъ вѣдь.
И солнышко Владиміръ князь подходитъ къ печенькѣ земляной,
Наливаетъ ему чару зеленá вина,
И чара не мала не велика,
Мѣрой чара полтора ведра,
А вѣсомъ чара полтора пуда:
Бралъ-то вѣдь малый коморошина
Сію чару да одной рукой,
Выпивалъ-то онъ одны́мъ духомъ.

И соскочилъ-то малый коморошина со пéченьки земляноей
И сталъ онъ по мостиночкамъ поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
Подкладенки потрескивать,
И сталъ онъ малый коморошина да выговаривать:
«Былъ я во Литвы да во поганоей,
«Повыправилъ я дань да за двѣнадцать лѣтъ.»
Потомъ на пиру вси да испугалися:
— Вѣрно пріѣхалъ Добрыня со чистá поля, —
— Не бывать намъ на пиру никомý живымъ. —
А сталъ Добрынюшка съ мостиночки на мостиночку поступывать,
Стали мостиночки полапывать,
И говоритъ онъ таковы слова:
«Ай же ты солнышко Владиміръ князь!
«Налей-ко ты мнѣ чару зелена вина.»
И солнышко Владиміръ князь испугался самъ,
Что походочка его да некрасивая.
И говоритъ онъ таковы слова:
— Ай же ты малый коморошина!
— Наливай-ко ты чару своёй рукой
— И розводи-ка медами да стоялыми. —
Тотъ малый коморошина налилъ чáру зелена вина,
И подноситъ молодой женѣ Настасьѣ дочь Микуличнѣ:
«Выпей-ко ты чарочку до дна, такъ увидаешь ты добра.
«Чарочка ни мала ни велика,
«Мѣрой полтора ведра,
«Вѣсомъ полтора пуда.
«Пей сію чару до дна, увидаешь добра,
«Не пьешь чару до дна, такъ не видать тебѣ добра.»
Она брала чарочку одной рукой,
Выпивала чарочку однимъ духомъ,
И подняла съ сей чарочки злаченъ перстень,
Которымъ она съ Добрынюшкой обручалася.
Она гóворитъ таковы слова:
— Ай же солнышко Владиміръ князь!
— Не тотъ мой мужъ, который возли́ меня,
— Тотъ мой мужъ, который супротивъ меня. —
Вси-то на пиру да испугалися:
«Вѣрно Добрынюшка пріѣхалъ да во живности.»
А тутъ-то Добрынюшка Никитиничъ
Взялъ-то смѣлаго Олешу Поповича
За желты́ кудри,
И поднялъ онъ выше своей буйныя гóловы,
И хочетъ спустить его о полы да о дубовыи.
То старый казакъ Илья Муромецъ
Накинулъ онъ свои храпы́ бѣлыи:
— Оставь-ка ты у насъ Олешеньку во живности.—
Тутъ Добрынюшка спустилъ его о полà да о дубовыи.
Только смѣлый Олеша Поповичъ и женатъ бывалъ,
Только женатъ бывалъ и съ женой живалъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

108.

ДУНАЙ.

(См. Рыбникова, т III, 21).

Выходитъ солнышко Владиміръ князь
И гóворитъ своимъ да князьямъ бóярамъ:
«Солнышко у насъ на вéчерѣ,
«Почестный пиръ прошолъ на весели,
«Всѣ же вы добры мóлодцы
«У меня вы да вѣдь пожéнены,
«Одинъ-то я вѣдь солнышко Владиміръ князь
«Холостъ есть, не женатъ хожу.
«Изберите-ка мнѣ невѣсту супротивъ меня
«Возростомъ и волосомъ;
«Походочка у ней чтобы была павлиная,
«Разговоръ чтобы былъ лебединый,
«Очи были́ бы ясна сокола,
«Брови черна соболя.
«Собирайтеся-ко вси мои князи бóяра,
«Вси мои да подколѣнные,
«Подколѣнные и пóдданные мои.»
И собралися вси князи бóяра,
Сильніи могучіи богáтыри,
И думаютъ они да думу крѣпкую,
Кого послать во чужу орду.
Потомъ предъявляе имъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого намъ послать, какъ послать тихій Дунай да сынъ Ивановичъ;
— У кóроля литовскаго былъ да онъ во кóнюхахъ,
— Былъ во конюхахъ двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ бывалъ въ чужихъ земляхъ, видалъ чужихъ людей. —
Отправили его во чужу орду,
Дали помощника Добрынюшку Микитинца.
И тутъ-то они да добры мóлодцы
Сѣдлали своихъ коней да богатырскіихъ,
И видѣли добрыхъ мóлодцевъ сядуци,

А не видѣли добрыхъ молодцевъ поѣдуци;
Поѣхали они да не въ воротами,
Скакали кони богатырскіи
Черезъ стѣну городовую.
Поѣхали изъ орды въ орду, изъ земли въ землю,
И подъѣзжаютъ они подъ королевство Литовское,
И въѣзжаютъ они въ королевство Литовское,
Прямо къ ко́ролю литовскому,
И встрѣчаетъ ихъ ко́роль литовскіи.
И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Мы за добрымъ за дѣломъ пріѣхали за сва́товствомъ.»
И встрѣтилъ ко́роль литовскій во почестное гостéбище.
И отвѣчаетъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ:
«Ай ты король литовскіи!
«Пріѣхали мы къ тоби свататься,
«Только твоей большоей дочери Настасьи королевичны не надо,
«А отдай-ко за солнышко за князя Владиміра
«Меньшую дочь Марью королевичну.»
На то король Литовскій розсердился,
И розгорѣлось его сердце богатырское,
И скрычалъ своимъ подданнымъ громкимъ голосомъ:
— Оберите-ко тихій Дунай сынъ Ивановичъ,
— И Добрынюшка Никитича въ крѣпкое мѣсто.—
А они добры молодцы не зѣвали,
Они добрыхъ коней сѣдлали,
И на татаръ на поганыхъ да напустились.
Ко́роль литовскій смотритъ во чистое поле,—
Мало у него да татаръ становится.
И скрычалъ да онъ громкимъ голосомъ:
— Ай же ты тихіи Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Оставь-ко мнѣ татаръ да и на сѣмена,
— Бери-ко мою любимую да мéньшую дочерь
— За солнышка за князя за Владиміра.—
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Да Добрыня Никитиничъ
Прекратили свое сердце богатырское,
И подъѣзжаютъ они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Берутъ-то не съ упадкою, а берутъ-то со прихваткою,
Со прихваткою богатырскою.
И отправились они въ свою сторонку
Съ тою Марьею королевишной *(такъ)*,
И ѣхали они далече ль близко ль чистымъ полемъ,
И наѣхали слѣдъ рыцаря сильнаго,
Сильнаго и храбраго.
И тутъ же говоритъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ,
И говоритъ онъ да таковы слова:
«Ай же ты Добрыня Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты съ Марьею королевишной
«Во Кіевъ градъ ко Владиміру,
«А я останусь во чистомъ полѣ,
«Что за рыцарь выѣхалъ прежде насъ.»
И роспростились они тутъ, и тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Отправился этимъ слѣдомъ богатырскіимъ,
А Добрынюшка Микитиничъ во Кіевъ градъ.
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Наѣхалъ рыцаря во чисто́мъ поли,
И они съѣхались въ одно мѣсто
Два сильныихъ могучіихъ бога́тыря,
И сдѣлали они разъѣздъ во чисто́мъ полѣ,
Попробовать своихъ плечъ богатырскіихъ
И храбрости своей молодецкоей,
Ударились палицами булатными,
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Едва на конѣ усидѣлъ.
Розъѣхались опять во чисто́мъ полѣ
И съѣзжаются опять въ одно мѣсто,
Какъ двѣ горы скатываются,
И ударили они палицами булатными,
Такъ аки громъ грянулъ.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Сразу того рыцаря изъ сѣдла вышибъ,
И палъ на сыру́ землю,
И самъ наступилъ на круты бедра,
И прижалъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Тупымъ концемъ копья ко сырой земли,
И сталъ его спрашивать:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
А онъ рыцарь отвѣчаетъ:
— Если бы я сидѣлъ на твоихъ бѣлы́хъ грудяхъ,
— Не спрашивалъ бы роду племени,
— А пласталъ бы твои груди бѣлыя.—
Такъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Не пластаетъ грудей бѣлыихъ,
А опять спросилъ рыцаря:
«Какова́ ты есть роду племени,
«Какого отца матери?»
Она отвѣчаетъ:
— Я есть Настасья королевична,
— Короля литовскаго дочь.—
Опустился Дунай сынъ Ивановичъ съ добра́ коня
И бралъ ее Настасью за бѣлы́ руки,
И цѣловалъ ю въ сахарні́ уста.
И сѣли они на коней богатырскіихъ
И отправились они во Кіевъ градъ.

И пріѣхали они во Кіевъ градъ,
На пиръ поспѣли къ князю стольне-кіевскому.
Тутъ они на пиру да напивалися,
Тутъ они на пиру да наѣдалися,
Тутъ они да порасхвастались:
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ похвасталъ,
Что мастеръ въ стрѣлочку стрѣлять,
А прекрасная Настасья королевична отвѣчаетъ ему:
— Ай же тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Если стрѣлочку стрѣлишь, перéстрѣлишь,
— Либо стрѣлочку стрѣлишь, не дóстрѣлишь,
— А я стрѣлю не перéстрѣлю. —
Потомъ они выѣхали въ чистое поле
И положили цѣль куды стрѣлять.
Тихій Дунай сынъ Ивановичъ
Первой разъ стрѣлилъ, перéстрѣлилъ,
А другой разъ стрѣлилъ, не дóстрѣлилъ;
А она натягивала свой тýгой лукъ,
Положила стрѣлочку каленую,
Она стрѣлила не перестрѣлила.
Потомъ тихій Дунай сынъ Ивановичъ разсердился,
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Соскочилъ онъ съ коня богатырскаго
И схватилъ онъ Настасью королевичну съ коня да богатырскаго,
Бросилъ о сыру землю,
И заводитъ пластать дá груди бѣлыи,
Она и смолилась:
— Ай же ты тихій Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не пластай ты моихъ грудей бѣлыихъ,
— Я тебѣ въ эвтомъ брюхѣ принесу трехъ сыновъ,
— По колѣнушки въ сéребри,
— По локóточки въ золоти.
— И по косицамъ частыи звѣзды,
— А сзади у нихъ свѣтéлъ мѣсяцъ,
— А во лби красное солнышко. —
И тихій Дунай сынъ Ивановичъ —
Розгорѣлось его сердце богатырское,
И пластáлъ ей груди бѣлыи.
Какъ роспластáлъ ей груди бѣлыи,
Вынялъ оттелъ трехъ младенцевъ:
По колѣнушки въ сéребри,
По локóточки въ золоти,
И по косицамъ частыи звѣзды,
И сзади у нихъ свѣтéлъ мѣсяцъ,
А во лби красное солнышко.
Поставилъ копье тупымъ концемъ въ землю,
А на вóстрый конецъ самъ грудью палъ.
Отъ Дунаевой крови и Настасьиной крови
Протекло тутъ двѣ рѣки:
Дунай рѣка и Настасья рѣка.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

109.

СТАВЕРЪ.

Во городѣ во Кіевѣ,
У солнышка князя у Владиміра
И былъ пóчестенъ пиръ на весели.
А будетъ день на вечерѣ,
Вси на пиру да напивалися,
Вси же на пиру да наѣдалися,
Вси же на пиру да поросхвастались:
Умной-отъ хвастаетъ матушкою,
А иный-отъ хвастаетъ имѣніемъ богатствомъ,
Иный хвастаетъ плечомъ дá богатырскіимъ,
А безумный-отъ похвасталъ молодой женой.
А сидитъ же тутъ Ставеръ да Стогодиновичъ,
И говоритъ солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
«Что же ты сидишь не хвастаешь?»
— Чимъ мни-ка-ва да добру молодцу похвастати?
— И у добра молодца добры конюшки не ѣздятся,
— И у добра молодца цвѣтны платьица не носятся,
— У добра молодца золота казна не тащится *(такъ)*. —
Опять же Владиміръ князь
Говоритъ ему таковы слова:
«Отчего же у тебя золота казна не тащится?»
— Оттого у меня золота казна не тащится,
— Что сорокъ заводовъ со заводами. —
«Отчего же у тебя цвѣтно платье не носится?»
— Оттого у меня цвѣтно платье не носится,
— Что каждый день да платье смѣнное. —
«Отчего же у тебя да добры конюшки не ѣздятся?»
— А оттого у меня добры конюшки не ѣздятся,—
— Сорокъ кобылъ со кобылою
— Каждый годъ приносятъ по жеребчику.
— Есть у добра молодца молодá жена,
— Настасья дочь Микулична:
— Всихъ князей да бóяровъ да она вѣдь повыманитъ,
— Солнышка Владиміра князя и съума сведетъ.—
Тутъ ли солнышко Владиміръ князь

Скричалъ да громкимъ голосомъ:
«Ай же мои сильніи могучіи богáтыри,
«Вси же мои князья да подколѣнныи!
«Возьмите-ка Ставра да Стогодинова,
«Отведите его во темницы бѣлокаменны,
«Пущай-ка тамъ Ставеръ да обумѣется,
«Пущай-ка тамъ да образумится.»
И взяли Ставра да Стогодинова,
Посадили во темницу бѣлу каменну,
И сидѣлъ Ставеръ да Стогодиновичъ.
Прознала его молода женá,
Настасья дочь Микулична,
Она подстригла свои волосы по-мýжечки,
И окрутилась она да по-рыцарску *(такъ)*,
И обсѣдлала она коня да богатырскагó,
И взяла она палицу булатную, доспѣхи крѣпкіе,
И пріѣхала она въ стольной Кіевъ градъ,
И прямо она ко солнышку ко Владиміру,
Ко Владиміру князю стольне-кіевскому.
— Ай же ты солнышко князь стольне-кіевскій!
— Я пріѣхалъ вѣдь къ тебѣ за добрымъ дѣломъ за свáтовствомъ:
— Отдай-ка ты дочку за меня за храбраго за рыцаря. —
Солнышко Владиміръ принимаетъ во госгéбищо во почестное,
И хочетъ кразу просватать свою дочь возлюбленную;
Приходитъ дочь къ нему въ полату бѣлокаменну:
«Ай ты мой батюшко возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь!
«Не отдай-ко ты дѣвчину да за женщину,
«Не надѣлай-ко смѣху по всей Руси.»
Опять же Владиміръ князь стольне-кіевскій:
— Ахъ дочь моя возлюбленна!
— Какъ же не отдать тебя за рыцаря,
— За эдакаго за витязя? —
«Я замѣтила сего рыцаря:
«Есть дѣвчина либо женщина, —
«На рукахъ златы перстни нóшены.»
Опять говоритъ солнышку Владиміру:
«Ай же татенька мой возлюбленный!
«Надо узнать, его въ спальню позвать.
«Какъ онъ въ спальней проспитъ на пуховой постелѣ,
«Можно узнать, мужчина али женщина:
«Если мужчина — подъ грудмы́ яма будетъ,
«Если женщина, такъ подъ жопою.»
Потомъ потребовалъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь опочивать въ спальнюю.
Онъ съ радостью идетъ опочивать,
Поутру онъ вставалъ раненько
И стряхнулъ свою постелю пуховую;
Потомъ умывался онъ бѣленько,
И выходилъ изъ сей спальней изъ палаты,
И отдалъ благодарность солнышку князю Владиміру
На теплоемъ ночлегѣ, на мяккоей постелѣ,
И поѣхалъ сей рыцарь въ чистое поле прогуливаться.
И въ эвто же время княжеская дочь возлюблена
Кинулась она во спальнюю,
А на постели узнать нельзя:
Мущина ли почивалъ, али женщина?
Сей рыцарь пріѣзжаетъ со чистá поля
Опять за тымъ же добрымъ дѣломъ за свáтовствомъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Хочетъ просватать свою дочь возлюбленну
За сего рыцаря, что храбрый сей рыцарь есть.
Дочь его возлюблена выходитъ:
«Ай же ты мой татенько возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Не надѣлай-ко смѣхý по всей Руси,
«Не отдай-ко ты дѣвчины да за женщину.»
Солнышко Владиміръ князь проговорилъ да таковы слова:
— Какъ же мни тебя да не просватати?
— Какъ же мы да узнаемъ, мужчина ли али женщина? —
«Ай же ты мой тятенько возлюбленный,
«Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Истопить да парна баенка,
«Позвать да его съ пути да со дороженьки
«Въ парну баенку,
«Послать да своихъ слугъ да вѣрныихъ
«Узнать, мужчина ли есть али женщина?»
Истопили парну баенку
И проситъ сего рыцаря
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
— Ай же ты храбрый рыцарь, не угодно ли съ пути съ дороженьки
— Попариться да въ парной баенки? —
«Весьма доволенъ съ пути съ дороженьки
«Попариться да въ парной баенки.»
И скорѣе этотъ рыцарь роздѣвался,
Въ парну баенку сбирался,
И онъ шолъ въ парну баенку скоренко,
Умывался онъ бѣленько.
Направили они слугъ своихъ вѣрныихъ
За нимъ да вслѣдъ въ парну баенку,
А онъ ужъ съ баенки на встрѣчу идетъ и благодарность отдаетъ.

И тутъ же этотъ рыцарь обсѣдлалъ своего коня богатырскаго,
И выѣхалъ во чисто́ поле и скричалъ онъ по зари да по утреной:
«Ай же ты солнышко Владимiръ князь!
«Дай же ты съ Кiева мнѣ поединщика;
«А если не дашь мнѣ поединщика,
«Весь градъ плѣню, а дочь твою силой возьму.»
Солнышко Владимiръ князь стольне-кiевской испугался
И не знаетъ кого изъ рыцарей послать.
И собиралъ своихъ князей бояровъ
И съ ними думаетъ крѣпка думушка.
И говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ:
— Некого послать какъ Ставра Стогодинова. —
И говоритъ Владимiръ князь стольнё-кiевской:
«Послать не послать — выпустить Ставра Стогодинова
«Со тыхъ со темницъ да со крѣпкiихъ.»
Приводятъ Ставра да Стогодинова
Со темницъ да со крѣпкiихъ
Къ солнышку ко князю ко Владимiру:
— Ай же ты солнышко Владимiръ князь!
— Зачѣмъ же ты меня требуешь? —
«А зачѣмъ я тебя требую, —
«Въ той вины я тебя прощаю,
«Только повыѣдь во чисто́ поле,
«Побѣди-ка ты рыцаря во чисто́мъ поли.»
Потомъ Ставеръ да Стогодиновичъ
Сѣдлалъ своего коня да богатырскаго,
Повыѣхалъ онъ да во чисто́ поле
И наѣхалъ во чисто́мъ поле на рыцаря.
Сдѣлали розъѣзды во чисто́мъ поли
Попробовать своихъ плечъ богатырскiихъ,
Ударились палицамы булатныма.
Она да Ставра и зашибла вѣдь,
Ставра-да Стогодинова,
И палъ Ставеръ да на сыру землю:
— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
— Чего́ же желаешь нынь живота, али смерти?
— Помнишь ли ты Ставеръ да Стогодиновичъ,
— Какъ мы съ тобою въ одномъ училищѣ училися, —
— У меня чернильничка серебряна,
— А у тебя перышко золоченое?
— И сплошь ты въ мою черниленку помакивалъ,
— И даже частенько помакивалъ,
— А я тогда-сегда. —
Тутъ же Ставеръ не можетъ образумиться:
— Ай же ты Ставеръ да Стогодиновичъ!
— Чимъ же ты во поли похвастаешь?
— Никогда ты не хвастай молодой женой!
— Ты похвасталъ молодой женой,
— А теперь и самъ въ поли радъ жены дать. —
Потомъ розвернула свои бѣлы груди
И показала ему свое естество, —
И тутъ онъ узналъ, что своя жена,
Молода жена Настасья дочь Микулична.
Тутъ они брали другъ дружку за бѣлы́ руки.
И сѣли они тутъ на добры́хъ коней:
— Ну Ставёръ да Стогодиновичъ!
— Никогда не хвастай молодой женой, —
— Жена же тебя съ поло́ну вывела. —
И поѣхали въ свою сторону
На радость и на веселье;
Только были и во Кiеви.
А тутъ дочь отвѣчаетъ Владимiру:
«Ай же ты батюшко солнышко Владимiръ князь!
«Одва ты не падѣлалъ смѣху́ на всей Руси,
«Одва ты не отдалъ дѣвчину за женщину!»

Записано тамъ же, 4 iюля.

—

110.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

(См. Рыбникова. т. III, 25).

Во христовскую заутреню
Поѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ во Кiевъ градъ,
Поѣхалъ во Божью церковь.
И въ это же время прiѣхалъ Щурилушка Щиплёнковичъ
Къ Домнѣ Александровнѣ,
И увидала Домна Александровна,
Выходила она на ши́рокъ дворъ,
Отпирала она ши́роки врата,
И встрѣчала она Щурилушку Щиплёнковича,
Брала его за бѣлы́ руки
И цѣловала его въ сахарны́ уста,
Выпрягала его коня рыцарскаго,
Убирала коня во конюшни во новы́и,
И санки постановила во каре́тникъ во свой,
И брала она Щурилушку за бѣлы́ руки,
И проводила во полаты бѣлокаменны.
И скидыва́лъ-то онъ шубоньку куньюю,
Шапочку соболиную,
Сапоженьки козловые.
И проводила она Щурилушку
Прямо во свою во спальнюю.

И въ это же время у Щурилушки была служанка крѣпостная
И говорила ему: «ахъ Щурило, это не хорошо!»
— Дѣвка молчи, я съ те сарафанъ сдеру! —
Дѣвки-то не понравилося.
Если бъ онъ отвѣчалъ, что сарафанъ куплю,
А онъ отвѣчалъ, что сарафанъ сдеру.
Она бѣжала во Кіевъ градъ ко Божьёй церквы,
Ко большимъ ключамъ церковнымъ,
Прямо она къ Добрынюшкѣ Микитинцу:
«Ай же ты Добрынюшка Микитиницъ!
«Поѣзжай-ко ты на свой домъ, —
«Пріѣхалъ къ тебѣ гость незваный да и нежданый
«И не по обычаю тебѣ, не по разуму,
«Пріѣхалъ къ твоей Домны Александровны
«Щурилушка Щиплёнковичъ.»
То Добрынюшка Микитиницъ
Выходилъ да со Божьёй церквы,
И скакалъ онъ на своего коня да богатырскаго,
И скакалъ къ своимъ да и полатамъ бѣлокаменнымъ,
И заѣзжалъ онъ на широкъ дворъ;
И стрѣчала его Домна Александровна.
Завóди онъ своего коня да богатырскаго
Во свои да во конюшенки во новыя,
И тамъ стоитъ да конь Щурилушки Щипленковича.
И тутъ-то вѣдь и говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Онъ заходитъ въ каретничекъ во свой,
Увидалъ онъ Щурилушкины саночки самокатныя:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходи онъ въ свои полаты бѣлокаменны,
Виситъ шубонька Щурилина куньяя,
И говоритъ Добрынюшка Микитиницъ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Заходитъ онъ въ другую во комнату,
Увидалъ онъ Щурилины сапоженьки,
Соболиную шапочку на гвоздикѣ:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Нѣтъ его Щурилушки здѣсь Щипленковица.
Добрынюшка Микитиницъ
Отпираетъ двери въ свою спальнюю полату:
«Это, Домна Александровна, это что?»
— А тебѣ сударь почто? —
Розсердилося Добрынюшки сердце богатырское,
И схватилъ онъ свою саблю острую,
И отсѣкъ онъ Щурилушкѣ буйну голову
И своей молодой женѣ Домнѣ Александровной.
А потомъ Добрынюшка Никитиничъ
Съ этой служанкой повѣнчался,
А Щурилушка только и живъ бывалъ.
А Добрынюшка сталъ жить да быть, добра наживать, изъ лиха избывать.

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

111.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Гришка разстрижка когда царѣлъ въ Росеи,
И онъ царѣлъ вѣдь во Росеи
До годоваго до владычнаго до праздника
До Христова дни.
Весь народъ да вѣдь пошолъ на службу на христовскую,
А Гришка да разстрижка со своею царицею Маришкой,
Мариной Ивановной князя литовскаго дочь,
Они не на службу христовскую пошли, —
Пошли въ парную баенку,
Въ чистую умывальню,
И парились они въ парной баенкѣ,
Умывались въ умывальной
Христовскую заутреню.
Идетъ народъ отъ службы отъ христовскоей,
А Гришка разстрижка идетъ да съ парной баенки
Со своею-то царицею со Мариною Ивановной,
Князя литовскаго дочь.
И одѣвались они тутъ въ драгоцѣнныя платья,
И выходили они въ драгоцѣнныхъ платьяхъ
На гульбище на прихладище.
И у Гришки у разстрижки былъ во чистóмъ поли
Храбрый воинъ рыцарь Годуновъ,
И берегъ Гришку разстрижку.
И вдругъ со чистá поля приходитъ грамота,
Гришкѣ разстрижки со чистá поля:
Нѣтъ его защитчика во живности,
Отсѣчена ему да буйна голова.
И только Гришка царемъ бывалъ,
И только Марина Ивановна царицей была,
Рѣшили его жизнь сесвѣтную.

Записано тамъ же, 3 іюля.

—

XX.

АЛЕКСАНДРЪ ДЬЯКОВЪ.

Александръ Дьяковъ, крестьянинъ дер. Потаневщины Кижской волости, лѣтъ около 50 отъ роду. Жилъ крестьянствомъ, но въ послѣднее время ослѣпъ, и міръ опредѣлилъ его на перевозъ, положивъ ему за это содержаніе. Дьяковъ слышалъ былины отъ того же Елустафьева, о которомъ упоминалось при прежнихъ сказителяхъ; онъ удержалъ въ памяти только одну нижеслѣдующую.

—

112.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Держалъ поѣзку со Муромля,
Стоялъ христовскую заутреню во Муромлѣ,
Завѣтъ положилъ поспѣть во Кіевъ градъ
Къ обѣдни ко христоскіи,
Завѣтъ положилъ ѣхать путемъ дорожкою,
Руки не кровавити.
Вышелъ на улицу широкую,
Тутъ молодецъ пороздумался:
Есть ко Кіеву да двѣ дороженьки,
Двѣ пути двѣ дороженьки:
Первая дорожка прямоѣзжая,
Другая дорожка окольная.
Окольная дороженька семьсо́тъ-то верстъ,
А прямоѣзжая дорога ровно триста верстъ;
Сорокъ лѣтъ дорожка заколо́дѣла,
Сидитъ Со́ловей Рахмановичъ,
Сидитъ у рѣченки у Черныи
У того дуба Леванидина,
У тоя береза покляпыи;
Убилъ сорокъ бога́тыревъ съ бога́тыремъ,
А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
А тутъ сказалъ Илья Муромецъ:
«Не честь хвала ѣхать дорожкою окольною,
«А поѣду я дорожкой прямоѣзжею.»
Поѣхалъ дорожкой прямоѣзжею
Ко этой ко рѣчкѣ ко Черноей,
Ко тому дубу Леванидову,
Ко той ко березкѣ ко покляпыи.
Тутъ Со́ловей Рахмановичъ
Крыкнулъ по звѣриному,
Свиснулъ по змѣиному;
У Ильи Муромца конь на колѣнка палъ.
Илья Муромецъ бьетъ коня по тучны́мъ бедрамъ:
«Ай ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Не слыхалъ ли ты крыку звѣринаго,
«Не слыхалъ ли ты свисту змѣинаго?»
А натягивалъ-то Илья Муромецъ свой шелко́вый лукъ,
Положилъ онъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлилъ Соловью во сырой дубъ.
Пришла стрѣлочка Со́ловью во правый глазъ,
Вышла Со́ловью въ затылочекъ.
Со́ловей съ дуба́ упалъ на землю на матушку.
Привязалъ Илья Муромедъ Со́ловья ко стре́мени,
Поѣхалъ къ подворью соловьиному,
Ко тоей его семеюшкѣ любимыи.
Выѣхалъ на соловьиное поле на широкое,
Увидала дочи ме́ньшая соловьиная,
Увидала во окошечко косивчато,
Говоритъ своей матушкѣ:
— Матушка, матушка родимая!
— Батюшка ѣде, мужика везетъ,
— Мужика везетъ у стремени,
— Верхъ-то ноженьки а внизъ головушка. —
Большая дочь поглянула въ окошечко:
«Ахъ ты сестра меньшая,
«Вѣкомъ меньше, а окомъ есть тупѣе меня!
«А мужикъ-то ѣде деревенщина,
«Везетъ батюшку у стремени.»
А середняя дочи́ скочила,
Схватила подворотеньку пятьсотъ пудовъ,
Хочетъ Ильи Муромцу придать.
Илья Муромецъ ударилъ ю да и кну́товищемъ,
Она слетѣла на задній тынъ,
Тамъ на жопы по́лзаётъ, —
Батюшку не выручила, а увѣчье себѣ на вѣкъ нажила.
Говоритъ Со́ловей Рахмановичъ:
— Ай же ты моя семеюшка любимая!
— Не деритесь-ко съ Ильей Муромцемъ,
— А несите-тко ему золотой казны. —
А Илья Муромецъ копье свое вострое,
Вострое копье трехсаженное,
Тыкнулъ свое копье во матушку во сыру землю,
Велѣлъ засы́пать копье вострое,
Копье вострое золотой казной.
Они заносили, копье вострое
Золотой казной засыпали, —
А Илья Муромецъ взялъ, копье выдернулъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву

Поспѣть къ обѣдни ко христоскіи.
Пріѣхалъ онъ во Кіевъ градъ
Ко ласкову князю Владиміру,
Поставилъ коня среди двора,
Неприказана, непривязана,
Самъ пошолъ къ обѣдни ко христоскіи.
Пришолъ на крыльцо церковное;
Владиміръ идетъ отъ обѣдни христоскія.
Онъ бьетъ челомъ поклоняется:
«Здравствуешь Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Положилъ завѣтъ поспѣть ко обѣдни ко христоскіи,
«Маленько-молъ я дорожкой позашишкался *(такъ)*,
«Не попалъ къ обѣднѣ ко христовскіи,
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Привезъ я Со́ловья у стремени.»
Идетъ рядомъ со Владиміромъ,
А говорятъ князья и бо́яра:
— Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Ма́нитъ мужикъ деревенщина. —
При́шелъ Владиміръ князь на свой на широкій дворъ,
Увидѣлъ Со́ловья у стремени;
Говоритъ Ильи таково слово:
«Какъ тебя зовутъ по имени,
«Какъ величаютъ по отечеству?»
Говоритъ-то Илья Муромецъ, отвѣтъ держитъ:
— Аль зовутъ меня Ильюшенкомъ,
— Да по отечеству Ивановъ сынъ. —
Говорилъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Прошу тебя къ себѣ пожаловать
«Во почестное да и во гостебище.»

Записано въ Кижахъ, 5 іюля.

—

XXI.

СЕМЕНЪ КОРНИЛОВЪ.

Семенъ Корниловъ (по мѣстному произношенію Корныловъ), крестьянинъ дер. Ку́рьяницы Кижской волости, 52-хъ лѣтъ, высокаго роста, худой, сгорбленный, слѣпой. Онъ ослѣпъ съ 13-лѣтняго возраста и съ тѣхъ поръ кормится частью работою у родственниковъ, частью мірскою помощью. Былины узналъ отъ стороннихъ людей и поетъ ихъ весьма складно.

—

113.

НАСТАСЬЯ НИКУЛИЧНА.

(См. Рыбникова, т. II, 61).

Начинается розсказъ люди добрыи для васъ,
Какъ оратай-тотъ оре́тъ да вѣдь подсвистывае.
У оратая сошка поскрыпливае,
У оратая сошка красна́ дерева̀,
У оратая омешики сере́бряныѐ,
А присошокъ красна́ золота̀.
У оратая сапожки на ножкахъ зелёнъ сафьянъ,
Пяты шиломъ, носы востры,
Около носа яйцо прокати,
А по́дъ пяту воробей пролетитъ.
Кудри у мо́лодца качаются,
Не скачёнъ жемчугъ да розсыпается;
Брови какъ чернаго соболя,
А гла́зы какъ яснаго сокола.
А 'ще было-то у молодца похожено,
А у добраго было поѣзжено
На томъ ли на соколи на батюшкѣ
А на бо́льшоемъ ка́рабли;
У того у сокола у батюшки,
А у бо́льшаго у ка́рабля,
Носъ корма по звѣриному.
А бока-ты были по змѣиному;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Снасти канаты были ше́лковы,
Паруса были поло́тняны.
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Якори были булатные,
Булата жалѣза заморскаго;
На́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
А и на бо́льшоемъ ка́рабли,
Флюгера-то были да дорого́й камки;
А 'ще на́ томъ ли на соколи на батюшкѣ,
Да на бо́льшоемъ ка́рабли,
Была поляница удалая:
А жопка у ней крутенька по женьскому,
Поступочка у ней частенька по женьскому,
Поговорюшка у ней гладе́нька по женьскому.
Быть ли не быть ли Настасьѣ Никуличнѣ послу,
Тутъ-то Настасьѣ славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

—

114.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОКОЛЬНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 63)

Изъ-за горъ-то горъ высокіихъ,
Изъ-за лѣсушковъ дремучіихъ,
Выѣзжалъ-то татарской сынъ,
Татарской сынъ да по имени Михаило Долгомѣ-
ровичъ.
Онъ ѣдетъ по чисту́ полю и видитъ ёнъ поѣздку
богатырскую
А ископыть-ту лошадиную.
Тутъ татарско сердце розгорѣлоси,
Онъ поѣхалъ тутъ по за́рѣкамъ да вѣдь по за́-
водямъ,
Онъ стрѣлялъ тутъ гусей, ле́бедей
Да й пернастыхъ сѣрыхъ утушокъ.
И онъ увидѣлъ тутъ вѣдь сильняго могучаго бо-
га́тыря,
И сильняго могучаго богатыря, да стараго казака
да Илью Муромца.
Они по чисту́ полю да вѣдь розъѣхались,
А не двѣ тучи темныихъ сходилися,
А два сильніихъ могучіихъ бога́тыря съѣзжалися.
Оны въ первой разъ сразилися,
У нихъ копья приломилися;
А 'ще дру́гой разъ сразилися,
У нихъ сабли приломилися;
Оны въ третій разъ вѣдь сходятъ со добры́хъ коней,
Тутъ беремечкомъ схватилися.
Они долго другъ и съ другомъ тутъ водилися.
У Ильи-то права ноженька свернуласи,
Права ноженька свернуласи, лѣва ручка отмах-
нуласи,
Палъ Илья да о сыру землю.
Тутъ скочилъ татаринъ вѣдь Ильи да на бѣлы́
груди
И вынимаетъ онъ ножі́ще вѣдь кинжа́лище,
Хочетъ пла́стать вѣдь Ильи да бѣлыя груди.
Онъ сталъ поганый надсмѣхатися:
«Ужъ ты старая собака, ты сѣдатый песъ!
«Тебѣ ли ѣздить во чисто́мъ поли,
«Во чисто́мъ поли да на добро́мъ кони?
«Жилъ бы ты во городи во Кіевѣ,
«Пасъ бы ты гусей да лебедей,
«Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ.»
Это слово-то Ильи вѣдь не слюбилося,
Какъ ударилъ-то Илья вѣдь татарина въ бѣлу́ю
грудь,
Подынулъ-то онъ татарина повыше лѣсу стоячаго,
Пониже облаки ходячія,
И палъ татаринъ о сыру́ землю,
И лежитъ татаринъ вѣдь не вѣдаетъ,
Гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ буйна́ голова;
Лежалъ-то татаринъ тутъ три дни да вѣдь три
ноченьки,
А старый казакъ да Илья Муромецъ
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да на зеле́ный лугъ
Самъ онъ входитъ вѣдь во бѣлъ шатеръ,
Онъ хлѣба соли тутъ покушаетъ,
Крестъ кладетъ да по писа́ному,
Поклонъ ведетъ да по уче́ному.
А въ это время въ этотъ часъ татаринъ какъ
быдто отъ сна да пробуждается,
Сталъ на ноги, да самъ быдто шатается.
Онъ садился на добра́ коня,
Онъ поѣхалъ ко своей матушкѣ,
А й ко матушкѣ а й ко Семиго́ркѣ, бабѣ-то Вла-
дімі́ркѣ.
Онъ ѣдетъ, самъ качается,
Стрѣтаетъ его матушка Семигорка, баба да Вла-
дімі́рка,
Говоритъ ему да таково слово:
— Что же ты дитятко ѣдешь не по старому,
— Ѣдешь не по прежнему,
— Самъ сидишь въ сѣдли да вѣдь качаешься? —
И тутъ возго́воритъ молодой татарскій сынъ:
«Ты не знаешь, мать, незгодушки.
«Я наѣхалъ во чисто́мъ поли
«Старую собаку да сѣдатаго пса;
«Ужъ мы въ первый разъ да съ нимъ сразилися,
«У насъ копья приломилися;
«А 'ще другой разъ сразилися,
«У насъ сабли приломилися;
«А 'ще въ третій разъ мы сходили со добры́хъ коней
«Дружка съ дружкою беремечкомъ схватилися,
«У его у стараго да права ножка отвернулася,
«Лѣва ручка отмахнулася,
«Ужъ онъ палъ какъ о сыру землю,
«Я садился-то на бѣлы́ груди,
«Вынималъ-то я ножище кинжалище,
«И сталъ надъ нимъ да надсмѣхатися:
««Ужъ ты старая собака, сѣдатый песъ!
««Жилъ бы ты во городи во Кіеви,
««И пасъ бы ты гусей да лебедей,
««Да вѣдь пернатыхъ сѣрыхъ утушокъ!»»
«Это слово-то ему вѣдь не слюбилося,
«Онъ ударилъ-то меня да во бѣлу́ю грудь,

«Подынулъ-то меня да повыше лѣсу стоячаго,
«Пониже облаки ходячія, —
«Ужъ я палъ какъ о сыру́ землю,
«И лежалъ-то я вѣдь три дни и три ноченьки,
«Гдѣ рука, гдѣ нога, да гдѣ буйна́я голова.
«Черезъ три дни черезъ три ноченьки
«Пробуждался я отъ сна да будто пьяныи.»
Какъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка:
— Ужъ ты дитятко, моло́дой ты Сокольничекъ!
— Это вѣдь не старая собака, не сѣдатый песъ,
— А это есте старый казакъ да Илья Муромецъ.—
Тутъ у татарина сердце розгорѣлоси,
Онъ скорешенько садился на добра коня,
Онъ поѣхалъ во чисто́ поле
Ко тому ли ко бѣлу́ шатру,
Онъ пустилъ коня да вѣдь на зе́ленъ лугъ,
Онъ скочилъ въ шатеръ, да самъ не спрашивалъ,
И схватилъ-то онъ ножи́ще вѣдь кинжалище,
И ударилъ онъ Илью да во бѣлу́ю грудь,
А Илья лежитъ сонный, какъ и мертвыи;
И попало у Ильи да въ зо́лотъ крестъ.
Тутъ Илья отъ сна да пробуждается,
Тутъ хватилъ Илья татарина вѣдь за ноги
И роздёрнулъ его на́-двоё;
Одну ногу кинулъ къ Семигоркѣ, бабѣ-то Владимірѣ,
А другую ногу кинулъ во Ефратъ рѣку.
Тутъ садился-то Илья да на добра́ коня,
Тутъ поѣхалъ вѣдь Илья ко городу ко Кіеву
И ко князю ко Владиміру,
Бьетъ челомъ да поклоняется.
Тутъ Ильѣ честь пошла и славу́ поютъ.

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

—

115.

ДЮКЪ.

Какъ во той ли во Индѣи во богатыи,
Какъ во той ли во Карелы во упрямыи,
Какъ во томъ ли во городѣ Волынцѣ,
Жилъ былъ мо́лодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ.
Онъ беретъ себи свой ту́гой лукъ,
Да еще беретъ онъ тридцать три стрѣлы каленыихъ,
А тридцать-то каленыихъ а три-то золоченыихъ,
Онъ ходилъ-то [illegible] да и по за́води,
И стрѣлялъ-то гусей лебелей.
Розстрѣлялъ онъ тридцать три стрѣлы,
Не попалъ онъ ни въ единую:
«Мнѣ не жалко тридцати-то стрѣлъ,
«А только жалко мнѣ-ка трехъ-то стрѣлъ:
«Эти три стрѣлы да вѣдь каленыи,
«Оны вси да золоченыи,
«И перьямы сажоныи,
«Оны перьями орловыма, —
«Не того орла который вѣдь летаетъ во чисто́мъ поли,
«А того орла который сидитъ на́ мори,
«На мори сидитъ на камени;
«А 'ще тотъ орелъ сворохнется,
«Сине морюшко сколыблется,
«А въ дере́вняхъ пѣтухи споютъ;
«Тутъ ѣздятъ гости корабельщики,
«Обираютъ перья-ты орловыя,
«Оны привозятъ къ моей матушкѣ
«Емельфѣ Тимофеевной.»
Тутъ приходитъ молодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ
Во свои-ты полаты бѣлокаменны,
Онъ приходитъ вѣдь во гридни во столовыи,
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
У матушки своей да сдоложается,
Говоритъ да таково слово:
«Ужъ ты матушка родимая!
«Я хочу вѣдь ѣхать-то ко городу ко Кіеву
«А Богу помолитися,
«Князю кіевскому поклонитися.»
Какъ возго́воритъ ему да ро́дна матушка,
Ро́дна-матушка Емельфа Тимофеевна:
— Ужъ ты дитятко да Дюкъ Степановичъ!
— Ты еще вѣдь молодёшенёкъ,
— Эта есть дорожка дальняя,
— Кру́гомъ ѣхать г[illegible] три́ года,
— А прямо ѣхать три мѣсяца.
— На прямой-то вѣдь дороженькѣ
— Есть три за́ставы великіе:
— Перва за́става змѣиная,
— Дру́га за́става звѣриная,
— Третья за́става семь есте[illegible] бога́тырей:
— А первый нашъ казакъ Илья Муромецъ,
— А другой опять Добрынюшка Никитиничъ,
— Третій-то Олешенка Поповичъ,
— Четвертый-то Чурилушка Щапленковичъ,
— Пятый-то Михайла Долгомѣровичъ
— Шёстый сёмый два брата Агрикановы. —
Тутъ пошолъ-то Дюкъ Степановичъ
По дворамъ-то по конюшенькамъ,

По дворамъ да по конюшенькамъ
Избирать себѣ коня да вѣдь по разуму;
Онъ выбралъ-то коня себѣ по разуму,
Бурушка маленькаго и косматенькаго.
Онъ надѣлъ-то вѣдь уздицу-то тесмяную,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ кладетъ-то вѣдь сѣделышко черкаское,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ подтягиватъ подпруги шелковыя,
А семи шелковъ да шемаханскіихъ,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія;
Онъ вѣдь стягиватъ тутъ пряжки-то серебряны
И онъ вдергиватъ тутъ иглы золоченыя,
А не для красы басы молодецкія,
А для крѣпости да богатырскія.
Онъ ведетъ коня да ко перёному крыльцу,
Ко перёному крыльцу, да ко точеному столбу,
Ко точеному столбу, да ко золоченому кольцу.
Тутъ приходитъ Дюкъ Степановичъ во гридни во столовыи,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Онъ съ матушкой прощается,
Въ путь дорожку отправляется.
Видѣли добра мóлодца сядучись,
А не видѣли добра мóлодца поѣдучись,—
Только видятъ что въ поли кудельбá *(такъ)* стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣзжаетъ тутъ Дюкъ къ первой зáставы змѣиныя;
Змѣи розсержаются а на Дюка розъяряются,
Поглотить его хотятъ.
Дюкъ сталъ коня понуживать,
Сталъ бурушка поправливать,
Сталъ бурушко поскакивать,
Перву зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ дрýгой заставы пріѣхалъ онъ звѣриноей;
Звѣри розсержаются а на Дюка розъяряются,
Хочуть съ конемъ его зглотать.
Дюкъ Степановичъ бурушка поправливатъ,
Косматаго понуживатъ,
Сталъ бурушко поскакивать,
Сталъ косматенькой помахивать,
Дрýгу зáставу проѣхалъ онъ безъ пакости.
Къ третьей заставы пріѣхалъ онъ къ великоей,
Гдѣ семь стоитъ богáтырей,
Поляницъ да вѣдь удалыихъ;
Онъ пріѣхалъ вѣдь не спрашиватъ.
Тутъ выходитъ нашъ донской казакъ Илья Муромецъ,
Выходитъ со бѣлá шатра
И говоритъ да таково слово:
«Что ты за невѣжа ѣдешь мимо да не спрашиваешь?
«Мимо нашу зáставу ни конный не проѣзживалъ,
«Ни пѣшій ни прохаживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ,
«А вѣдь птица полетитъ, да и та перо сронитъ.
«Ты скажи-ко вѣдь удáлый добрый мóлодецъ,
«Изъ какой земли да изъ какой орды,
«Куда ѣдешь, куда пýть держишь,
«И какъ тебя зовутъ?»
И возгóворитъ-то мóлодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я есте изъ Индѣи изъ богатыя,
— Да изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того ли города Волынца,
— Мóлодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ;
— Ужъ я ѣду да ко городу ко Кіеву,
— Богу помолитися, князю поклонитися.
— Скажутъ, Кіевъ градъ да на красы стоитъ. —
Тутъ возгóворитъ-то Илья Муромецъ:
«Ты скажи-тко да удáлый добрый мóлодецъ,
«Ты давно ли выѣхалъ изъ Индѣи изъ богатыя?»
Тутъ отвѣтъ держитъ да Дюкъ Степановичъ:
— Я выѣхалъ-то изъ Индѣи изъ богатыя
— Послѣ поздніихъ вечеренъ,
— А хочу поспѣть въ Кіевъ на обѣдню. —
Этому Илья да поклонился,
Тутъ съ Дюкомъ-то Степановымъ простился.
Тутъ садился Дюкъ Степановичъ на добрá коня,
На добрá коня на бурушка косматаго;
Тутъ видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добра молодца поѣдучи,—
Только видятъ что въ поли кудельба стоитъ,
А подъ Дюкомъ-то конь какъ стрѣла летитъ.
Пріѣхалъ-то Дюкъ Степановичъ
Ко тому ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову ко князю ко Владиміру
Онъ ко поѣзду княженецкому.
Онъ поставилъ коня да не привязываетъ,
Ни у кого ничего да онъ не спрашиваетъ,
Онъ идетъ да вѣдь прямо во Божью церковь,
Крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учéному,
Князю Владиміру въ особину.
Они Богу помолилися, обѣдни простояли,
И выходятъ тутъ изъ церкви изъ соборныя.
Ужъ какъ сталъ-то князь Владиміръ тутъ выспрашивать:

«Ты скажи-тко да удáлый добрый мóлодецъ,
«Изъ какой земли, да изъ какой орды,
«Какого отца матери,
«Какъ тебя по имени зовутъ?»
Отвѣтъ держитъ Дюкъ Степановичъ:
— Я есть вѣдь изъ Индѣи изъ богатыя,
— Изъ Корелы изъ упрямыя,
— Съ того города Волынца,
— Мóлодой боярской сынъ да Дюкъ Степановичъ. —
Тутъ пошли они отъ церкви отъ соборныя
Прямо вѣдь на княжей дворъ,
Тутъ идетъ-то Дюкъ Степановичъ,
Да самъ-то онъ головушкой покачиватъ,
По двору идетъ, головушкой покачиватъ.
Оны приходятъ вѣдь въ полаты бѣлокаменныи
А во гридни во столовыи,
А Дюкъ Степановичъ идетъ да все головушкой покачиватъ
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по учéному,
Князю-то съ княгиною въ особину.
Тутъ садилися они да за столы за дубовыя
Да за скатерти-ты браныя.
Тутъ собралися князи бóяра
И сильніи могучіи богáтыри,
Вси за столомъ сидятъ ѣдятъ да кушаютъ,
Ѣдятъ да кушаютъ, самы все слушаютъ.
Поднесли-то Дюку Степановичу
Чару зеленá вина;
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дрýго такъ отложилъ;
Поднесли ему да чару пива пьянаго,
Онъ полъ-чарочки-то пилъ, а дрýго такъ отложилъ;
Принесли ему колачикъ крупивчатый,
Онъ полъ-колачика ѣлъ, дрýго такъ отложилъ.
Тутъ возгóворитъ Владиміръ князь да столенъ кіевской:
«Ужъ ты что же, Дюкъ Степановичъ,
«Половинку чары пьешь, а дрýгу такъ кладешь,
«А 'ще что же ты полъ-колачика ѣшь, а дрýго такъ кладешь?»
Тутъ возгóворитъ да Дюкъ Степановичъ:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь да столенъ кіевской!
— У васъ всё да не по нашему:
— Я пришолъ какъ къ вамъ во гридни во столовыи,
— У васъ стоятъ столы дубовыи,
— А на столахъ все скатерти забраныи,
— А у насъ столы да все кленовыя,
— А скатерти-ты все шелковыя,
— А семи шелковъ да шемаханскіихъ.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ печки-ты кирпичныя,
— А у насъ печки изразцовыя,
— Карнизы золоченыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У насъ вина виноградныи,
— А у васъ вина-ты простыя вѣдь;
— У насъ меды стоялыя,
— А у васъ-то меды кислые;
— У насъ колачики крупивчаты, —
— Колачик-отъ ѣшь, а по другомъ душа горитъ;
— Потому душа горитъ: у насъ помяльца-ты шелковыя,
— А мочатъ-то ихъ въ меды да вѣдь стоялые;
— У васъ помяльца-то сосновыя,
— Такъ колачики-то на хвóйку пахнутъ.
— У насъ какъ матушка Емельфа Тимофеевна
— Пойдетъ-то во церковь во соборную,
— Впереди идутъ лопатчики,
— А во слѣдъ идутъ метельщики,
— Дорожку розгребаютъ да песочкомъ посыпаютъ,
— А подъ рукой идутъ вѣдь няньки,
— А во слѣдъ идутъ служанки;
— У нея лапотики на ножкахъ шелковыя,
— Семи шелковъ да шемаханскіихъ,
— А одежа на себи да шуба соболиная, —
— Придетъ-то въ церкóвь во соборную
— Крестъ кладетъ по писáному,
— Поклонъ ведетъ по учéному,
— На вси стороны да поклоняется;
— А идетъ какъ она изъ церкви изъ соборныя
— На свой на широкой дворъ,
— У насъ-то на дворѣ да сукна посланы да одинцовыя.
— У васъ все да не по нашему:
— У васъ дорожки не розглажены,
— Песочкомъ не засыпаны,
— У васъ на дворй хоть звѣрь ногу ломи; —
— Дворники да слуги въ шашки да въ бабки играютъ,
— Въ красныхъ рубашкахъ гуляютъ. —
Тутъ они поѣли да покушали,
Они крестъ-то кладутъ по писáному,
Поклонъ ведутъ по учéному,
Князю-то Владиміру въ особину.

(Конца не помнитъ.)

Записано тамъ же, 7 іюля.

116.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

(См. Рыбникова, т. II, 65).

Изъ-подъ бѣлыя березки кудревастенькія,
Да изъ-подъ чуднаго креста да Левантинова,
Выходила тутъ турица златорогая
Съ мо́лодыма турама малыма дѣтушками.
Лучилось итти турамъ да мимо славный Кіевъ градъ.
Они видѣли—дѣвица-та ходитъ, держитъ книгу-ту ева́нгельё,
А не стольки читаетъ, а всё ёна́ плачѐтъ.
Она видѣла надъ городомъ чудны́мъ чудно̀,
Она видѣла надъ Кіевомъ дивны́мъ дивно̀,
Какъ наѣхалъ тутъ Батыгушка Батыговичъ,
А й со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Да и со зятемъ Тараканчикомъ Карабликовымъ
И со дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги-то съ сыномъ силы сорокъ тысячей,
Да у зятя-то силы сорокъ тысячей,
Да у дьячка-то вѣдь силы сорокъ тысячей.
Тутъ-то князь закручинился,
А Владиміръ запечалился.
По голямъ голи шатаются,
По царевымъ кабакамъ столыпаются,
А Василій въ кабаки безъ портокъ на печи.
А й возго́воритъ Василій таково слово:
«Наливайте-тко Васильюу чару зелена́ вина,
«А другую-то пива пьянаго,
«А третью-то сла́дкаго меду̀.»
Сливали то пи́тье да вѣдь въ одно мѣсто,
Становилоси пи́тья да полтора ведра.
Выпиваетъ тутъ Василій на единый духъ,
Говоритъ-то тутъ Василій таково слово:
«Я теперь могу добры́мъ конемъ владать,
«Я теперь могу вострой саблёй махать.»
Тутъ садился вѣдь Василій на добра́ коня,—
Видѣли добраго молодца сядучи,
А не видѣли добраго молодца поѣдучи.
Поѣхалъ вѣдь Василій не воротами,
А черезъ тую стѣну городовую,
Только видятъ — въ поли кудельба́ стоитъ,
А подъ-Васильемъ конь будто стрѣла́ летитъ.
Тутъ наѣхалъ вѣдь Василій на Батыгу,
Да со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Онъ убилъ вѣдь Батыгу Батыговича
убилъ зятя Тараканчика Карабликова
убилъ-то дьячка выдумщичка.
Поѣхалъ тутъ Василій ко городу ко Кіеву,
Да и ко ласкову ко князю ко Владиміру.
Онъ пріѣзжаетъ на княжій дворъ,
Бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ съ княземъ Владиміромъ прощается.
Тутъ-то Василью славу̀ поютъ.

Записано тамъ же, 7 іюля.

—

117.

МОЛОДЕЦЪ И ХУДАЯ ЖЕНА.

Женили меня мо́лодца,
Не у го́лова женили — у богатаго,
А приданаго-то много — человѣкъ худой;
Цвѣтное портишечко на гридочкѣ виситъ,
А худая жени́шка на ручкѣ лежитъ.
Пошолъ пошолъ уда́лый добрый мо́лодецъ
Отъ худой жены да неудачливой
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву.
Онъ бьетъ челомъ да поклоняется,
Самъ королю да во служеніе дается.
Первыхъ три́ году да онъ жилъ во конюхахъ,
А дру́го три́ году онъ жилъ да вѣдь во ключникахъ,
А третье три́ году онъ жилъ да во постельникахъ,
А четвертыхъ три́ году онъ жилъ да вѣдь во спальникахъ,
Жилъ-то онъ съ королевичною
Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.
Чрезъ двѣнадцать лѣтъ ему да захотѣлося
Съ отцемъ да съ матушкой да повидатися,
Со худой женой да неудачливой.
Онъ пошолъ пошолъ да добрый мо́лодецъ,
Онъ зашолъ да во царевъ кабакъ,
Выпилъ рюмку, выпилъ дви,
Самъ онъ поросплакался,
Поросплакался да поросхвастался:
«Ужъ какъ жилъ я у короля въ Литвы,
«У короля въ Литвы да съ королевичной,
«Первыхъ три году я жилъ да вѣдь во конюхахъ,
«Дру́гихъ три году я жилъ да вѣдь во ключникахъ,
«Третьи три году я жилъ да вѣдь въ постельникахъ,
«Четверто три году я жилъ да вѣдь во спальникахъ,
«Жилъ-то я со королевичной
«Быдто братъ съ сестрой, да быдто мужъ съ женой.»
Тутъ случились палачи да немило́сливы,

Тутъ схватили добра молодца скорёшенько;
Рѣзвы ноженьки сковали,
Бѣлы рученьки связали,
Буйну голову тряпкой завязали,
Повели его да къ королю въ Литву,
За его рѣчи неумныя,
За басни неразумныя,
И ведутъ-то его мимо королевской дворъ.
Онъ смолился палачамъ да немилóсливымъ:
«Вы не ведите-тко меня къ королю на дворъ,
«А вы ведите-тко меня да къ королевичной.»
Увидала тутъ королевична,
Идутъ-то палачи да немилóсливы, —
Она бросалась во окно да вѣдь по поясу,
Она кричала жалкимъ голосомъ:
— Ужъ вы палачи да палачи вы немилóсливы!
— Вы не водите-тко да моего слугу,
— Моего слугу на королевской дворъ,
— А вы лучше-то возьмите какого ни пьянюшечку;
— Ужъ я дамъ вамъ много злата, много сéребра.—
Палачи тутъ смилосердились,
Слугу къ ней отпускаютъ,
А пьянюшку-то къ себѣ имаютъ,
Бѣлы рученьки связали,
Рѣзвы ноженьки сковали,
И всѣ ты хвáсты королю-то розсказали;
Отсѣкли ему буйную голову.
А королевна своего слугу вѣрнаго
Накормила, напоила
И въ отлично *) платье снарядила,
Въ путь дорожку отпустила,
Отъ смерти слободила.

Записано тамъ же. 7 іюля.

—

XXII.

ВАСИЛІЙ ЩЕГОЛЕНОКЪ.

Василій Петровичъ Щеголенокъ, крестьянинъ дер. Боярщины, Кижской волости, 65-ти лѣтъ отъ роду; земледѣлецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сапожный мастеръ; пріобрѣлъ склонность къ пѣнію былинъ еще въ малолѣтствѣ, слушая своего дѣда и въ особенности дядю Тимофея, который, будучи безногимъ, сорокъ лѣтъ сидѣлъ на углу въ домѣ его отца и занимался сапожною работою. Перенявъ ремесло дяди, Щеголенокъ отъ него же научился и большей части тѣхъ былинъ, которыя помнитъ понынѣ. Поетъ онъ былины не громкимъ, но довольно пріятнымъ, хотя уже старческимъ голосомъ, соединяя, впрочемъ, часто въ одну былину разнородные предметы и не придерживаясь опредѣленнаго размѣра. Щеголенокъ былъ извѣстенъ г. Рыбникову; осенью 1871 года онъ побывалъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ прибавилъ нѣсколько былинъ къ тѣмъ, которыя онъ пѣлъ собирателю въ Кижахъ и которыхъ тогда не могъ хорошенько припомнить; при этомъ повѣренъ вновь и текстъ былинъ, записанныхъ на мѣстѣ. Всѣ былины записаны «съ голоса».— Щеголенокъ, хотя неграмотный, но большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги; это отзывается отчасти и въ тонѣ его былинъ.

—

118.

СВЯТОГОРЪ И ДОБРЫНЯ.

Да на славноей на зáставы на московскіи
Тамъ стояло двѣнадцать богáтырей;
Да проговорилъ Святогóръ богатырь,
Онъ старше всѣхъ богáтырей:
«Русскіе могучіи богáтыри,
«Ай же вы полянцы удалыя!
«Кого же намъ послать во землю во Тальянскую?
«Да послать ли Святогóра богáтыря,
«Такъ вѣдь некому стоять на зáставѣ,
«А й на заставѣ да и на московскіи.
«Да посылать ли намъ Добрынюшку Никитича
«Да во эту землю во Тальянскую,
«Да вѣдь тамъ надо ему биться ратиться,
«А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
«За свое ли за рóдно за отечество
«Да за тую ль-то за вѣру христіанскую,
«Надо повыбрать пошлина да за двѣнадцать лѣтъ.»
Да прогóворилъ-то Святогоръ тутъ богáтырь:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай ко этому подворью вдовьиному
«Честной-то вѣдь вдовы Офимьи Александровной,
«Напроси-тко Добрынюшка прощеньица,

*) т. е. въ такое платье, въ которомъ его нельзя было узнать, — такъ пояснилъ Корниловъ.

Къ стр. 6.

ВАСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ

ЩЕГОЛЕНОКЪ.

«Напроси-тко Добрыня благословеньица
«Да поѣхать ли во землю во Тальянскую,
«Тамъ надо биться ратиться
«И стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
«За свое-то ро́дно отчество
«И за ту за вѣру христіанскую.
«Тебе выбралъ ли солнышко Владиміръ князь
«Подписались русскіи могучіи бога́тыри
«И вси полянницы-ты удалыи.»
И прого́вори честна́ мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Александровна,
А прого́воритъ она да вѣдь таково слово:
— Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Я бы знала Добрынюшка, я бы вѣдала,
— Я спородила бы тебя силою великою
— Супротивъ Святогора бога́тыря,
— А смѣлостью супротивъ стараго казака, а супротивъ Ильи Муромца,
— И грамотой-то бы выучила тебя Добрынюшка
— Супротивъ Олешеньки Поповича. —
Да прого́воритъ Добрыня таково слово:
«Честна́ мужняя вдова Офимья Александровна!
«Да ты дашь прощеньице поѣду,
«А не дашь благословеньица поѣду:
«А меня выбралъ солнышко Владиміръ князь,
«А меня выбрали русскіе могучіе бога́тыри,
«Подписался Святогоръ бога́тырь.»
И высталъ Добрынюшка на свои рѣзвы́ ноги
Во своей ли полаты богатырскоей,
Онъ беретъ уздечку тесмяную,
Надѣвае на коня богатырскаго,
Кладывае на коня испотники,
На потнички да вѣдь войлочки,
На войлочки сѣделышко черкальское
И затягиваетъ двѣнадцать подпруговъ,
И во подпругахъ пряжечки серебряны,
А во пряжечкахъ штылёчики чиста золота;
Арабское золото не держится
И булатъ-то желѣзо не ржавѣетъ.
И завязываетъ Добрынюшка свясточки онъ семи шелковъ
Онъ не для ради красы, а ради крѣпости.
И прого́воритъ тутъ честна́ вдова
Да вѣдь Афимья Александровна:
— Да что же Настасья Никулична
— Со своимъ мужомъ не прощаешься? —
И она стала молода жена Настасья Никулична
На свои-то на рѣзвы́ ноги,
Да идетъ-то покоемъ бѣлоду́бовымъ
И опущается по ступеничкамъ по кру́тымъ,
Да выходитъ на улицу на ши́року,
Да прого́воритъ она да и таково слово:
«Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
«А когда те сожидать да со чиста поля?»
Да проговоритъ Добрыня таково слово:
— Сожидайте меня да вы три году;
— На проходи тому время три году,
— Сожидайте вы меня да шесть годовъ;
— И на проходи тому шесть годовъ
— Сожидайте вы меня девять лѣтъ,
— Да ждите вы меня да двѣнадцать лѣтъ.
— На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
— Тутъ ты Настасья Никулична
— Хоть заму́жъ поди, хоть вдовой живи,
— Да не ходи за смѣлаго Алешу за Поповича,
— За того ль за дѣво́чьяго насмѣшника
— И за мо́его названаго за меньшаго за брата.—
Она беретъ Настасья Никулична
А того Добрынюшку Никитича
За эти ручки за бѣлыя,
За эти перстни за злаченыя,
А цѣлуетъ въ уста во саха́рніи.
И какъ сѣлъ ли уда́лый добрый мо́лодецъ
Добрынюшка Никитиничъ,
Какъ-то видѣли добра молодца посядучи
На этого коня да богатырскаго
А на эту степь *(такъ)* да лошадиную,
А не вид'ли добра мо́лодца поѣдучи.
И скакалъ-то конь съ го́ры-то на́ гору,
И мелкіе рѣки перешахивалъ,
А большіе озера перескакивалъ,
А куда конь летитъ, туда ископыть столбомъ стаётъ.
А съѣхалъ ли Добрынюшко во землю Таліанскую;
Да вѣдь надо тамъ ему биться ратиться,
А стоять-то ему за стольный Кіевъ градъ,
За свое-то за ро́дно за отечество,
Да за ту ль-то за вѣру христіанскую.
На проходи тому времени три года,
Да не видно Добрынюшки со чиста́ поля;
На проходи тому времени шесть годовъ,
А не видно Добрынюшки со чиста́ поля;
На проходи тому времени девять лѣтъ,
А не видно Добрынюшки со чиста́ поля;
На проходи тому времени двѣнадцать лѣтъ,
А не видно Добрынюшки со чиста́ поля.
И застучалось у полаты богатырскоей
А у того ли кольца золоченаго,
А на томъ ли на крыльцѣ на перёноемъ;
Да прого́воритъ тутъ честно-мужняя вдова Афимья Александровна:

«Какъ бы былъ-то удаленькій Добрынюшка Никитиничъ,
«Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
«Надъ подворьицемъ надъ вдовиныимъ.»
Отворила да и ворота богатырскія,
Да пришло-то три калѣки перехожіи,
У калѣкъ-то лапо́тки на ножкахъ семи шелковъ,
Да котомочки за плечами бархатны,
Да пришли оны въ покои богатырскіи,
И они крест-отъ кладутъ по писа́ному,
Да поклоны ведутъ по учёному,
На двѣ на три на четыре на сторонки поклоняются,
Честноей вдовы да вѣдь Афимьѣ Александровной
И оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
— А мы видѣли Добрынюшку въ чисто́мъ поли,
— Лежитъ-то Добрынюшка убитыи,
— Буйна го́лова Добрынюшки розломана,
— Бѣлы груди у Добрынюшки роспластаны,
— Да конь богатырскій по колѣнъ въ крови.
— И ростетъ ли на Добрынюшки травонька,
— А растетъ ли на Добрынюшки шёлковая,
— Да на травоньки цвѣтутъ да вѣдь цвѣтики,
— А цвѣтики цвѣтутъ да вѣдь лазуревы. —
И прого́воритъ другой калѣка перехожіи:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«Мы пришли тебя посватати
«А за этого за смѣлаго за Олешу за Поповича,
«За того ль-то за дѣво́чьяго насмѣшника
«И за его-то за меньшаго а названаго за брата.»
Да просватала сама себя Настасья Никулична,
Увели ее старци ка́лѣки перехожіи,
Увели ее Настасью Никуличну
За этого за смѣлаго Олешу за Поповича,
За того ль за дѣвочьяго насмѣшника
А за того за меньшаго за брата названаго.
И проходи тому временьки три денька,
И застучалось у полаты богатырскою
И на томъ ли на крыльцѣ да на перёномъ
И у того ли кольца у золоченаго.
Да прого́вори честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Александровна
Да сквозь свои-то слезы да горючіи:
— И какъ былъ Добрынюшка Никитиничъ,
— Не дошло бы надсмѣяться надъ подворьицемъ,
— Надъ подворьицемъ да на вдовынымъ! —
И отворила ворота да богатырскіи,
И пришолъ ли удалъ добрый молодецъ
И пришолъ ли молодецъ незна́комый,
Онъ крестъ кладетъ по писа́ному,
Да поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется,
Честно-мужней вдовы Афимьи Александровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Онъ прого́воритъ удалый добрый мо́лодецъ:
«Честно-мужняя вдова Афимья Александровна!
«И не спознала ты Добрынюшки Никитича?»
Да беретъ ее за ручки за бѣлыи,
И за эти за перстни злаченыи,
Да цѣлуе во уста да во сахарніи.
И онъ прого́воритъ удалый-то добрый мо́лодецъ:
«А гдѣ-то жена моя Настасья Никулична?»
И прого́воритъ честно-мужняя вдова да вѣдь Афимья Александровна:
— Да твоя жена Настасья Никулична
— Да просватала сама себя
— За смѣлаго Олешу за Поповича,
— За того ль-то дѣво́чьяго насмѣшника,
— А за твоего ль-то меньшаго брата за названаго,
— На проходи тому временьки три денька. —
Да заходитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
Во свой ли кабинетъ богатырскіи,
Да беретъ три златни́цы три серебряныхъ,
И кажная златница стоитъ сто рублей,
Онъ садился-то Добрынюшка Никитиничъ
И на этого коня-то богатырскаго,
И со этыма поспѣхама богатырскими
И со этою со палицей булатнею,
Онъ и плёточкой коня Добрынюшка попуживаетъ,
И палицей булатнею Добрынюшка поигрываетъ.
И надо ѣхать Добрынюшкѣ во эту землю во Смоленскую
И ко этому Олешенькѣ Поповичу
Да на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ.
А садился Добрынюшка Никитиничъ
А на своего коня да богатырскаго, —
Куда конь летитъ, туды ископыть стаетъ,
И мелки броды перешахивалъ,
А рѣчки широки перескакивалъ,
А озера болота вокру́гъ ѣхалъ.
И пріѣхалъ Добрыня во земли Смоленскую
Ко этому Олешѣ ко Поповичу
А на ши́рокъ дворъ на богатырскіи;
Да вѣдь заперты ворота да и богатырскіи,
Да стоятъ тутъ его да слуги вѣрныи,
Не пропущаютъ туда на ши́рокъ дворъ на почестенъ пиръ
А ни коннаго ни пѣшаго.
А прого́воритъ Добрыня таково слово:
«Ай же вы слуги вѣрныи
«Алешеньки да вы Поповича!
«Вы возьмите съ меня златницу да серебряну,

«А вѣдь златница стоитъ сто рублей,
«Да пустите удáлаго добра мóлодца
«А дѣтинушку скоморошинку
«Да на шúрокъ дворъ да и на почестенъ пиръ
«Да ко этому Олеши ко Поповичу.»
Взяли-то златницу да серебряну
И отворили ворота да и богатырскіи
Да пустили дѣтинушку скоморошину.
И приходитъ дѣтинушка скоморошина,
А всѣ-то гости были званыи,
А всѣ-то были гости браныи,
Да всѣ-то гости за столомъ сидятъ.
И сѣлъ ли дѣтинка скоморошина
И на эту на печку на земляночку,
И началъ-то выигрывать въ гуселышка
Игрышки хорошіи;
Онъ первое розстояніе играетъ да й отъ до Кіева,
Да дрýгое розстояніе играетъ да й до Царяграда,
А третье розстояніе играетъ да й до земли Сорочинскоей,
Отъ Сорочинскоей до Тальянскоей,
Отъ Тальянскоей до Еросóлима.
Эти наигрыши показалися Настасьѣ Никуличной,
Прогóворитъ она да й таково слово:
— Ай же вы-то слуги-то вѣрныи
— Алешеньки-то вы Поповича!
— А вы налейте чару зеленá-то вина,
— Да не малу не большую, да полтора ведра,
— Поднесите дѣтинки скоморошинки. —
И онъ сидитъ дѣтинка скоморошина
И на этой-то на печкѣ на земляночкѣ,
И наигрыши наигрываетъ хорошіи,
И выигрыши выигрываетъ отъ Еросóлима,
Отъ Еросолима до земли Тальянскоей,
Отъ Тальянскоей до Сорочинскоей,
Отъ Сорочинскоей до Царяграда,
И отъ Царяграда да вѣдь до Кіева.
Показались-то выигрыши Настасьи Никуличной,
И онъ прогóворитъ дѣтинка скоморошина:
«Ай же вы слуги вѣрныи,
«Слуги вѣрныи богодáныи
«Алешеньки Поповича!
«Дайте мнѣ графинъ во мои руки,
«И дайте стаканъ да во мои руки,
«Я налью-то чару зеленá вина,
«Зелена вина не малу не большую, да полтора ведра,
«Да я кому знаю тому пóднесу.»
И налилъ-то дѣтинушка скоморошина,
Онъ ту чару налилъ зеленá вина,
Онъ-то ни малу ни большую, полтора ведра,
Онъ подноситъ Настасьи Никуличной,
И самъ на словахъ выговариватъ:
«Ай же ты Настасья Никулична!
«А ты пьёшь чару до дна, да ты увидишь добра,
«И не пьёшь чары до дна—ты не видишь добра.»
Она выпила чару до дóнушка
А увидла нá дни два перстня обрýчныи:
А одинъ перстень Добрынюшки Никитинича,
А другой перстень Настасьи Никуличной.
Она выстала Настасья Никулична
А за этимъ столомъ за княженецкіимъ
А за этою доской да за дубовою,
При гостяхъ-то вѣдь было званыихъ,
Званыихъ да гостяхъ чéщеныхъ,
Да прогóвори Настасья Никулична:
— Ай же ты Олешенька поповскій сынъ!
— Не тотъ мой мужъ, кто за столомъ сидитъ,
— Тотъ мой мужъ, кто середъ избы стоитъ. —
Она вышла-то Настасья Никулична
А зъ-за этого стола за княженецкаго
И захватила удáла добра мóлодца
Добрынюшка Никитинича
А за эти за ручки за бѣлыи,
А за эти за перстни за злаченыи,
Цѣловала во уста да во сахáрніи.
Да прогóворитъ Алеша поповскій сынъ
А за этимъ столомъ за окольнымъ,
И прогóворитъ таково слово:
«Ай же вы-то мои да гости званыи,
«Ай же вы-то мои да гости браныи!
«И всякъ ли-то удáлый добрый мóлодецъ поженится,
«А не всякому удáлу добру мóлодцу женидьба удавается.»
Да только Алешенька Поповичъ и женатъ бывалъ,
Да поёмъ тебѣ старинушку, славý поёмъ.

Записано въ Кижахъ, 4 іюля.

—

119.

СВЯТОГОРЪ И САДКО.

Святогоръ-то былъ богáтырь
И жилъ-то у Садкà купца богатаго,
И Садкò-то вѣдь купецъ-то былъ богатыя.
Явилась у Святогора-то богáтыря,
Явилась сила-то великая,
И прогóворилъ ли Святогоръ это богáтырь

И этому Садку богатому:
«И я поѣду-то ко стольнему ко граду ко Кіеву.»
Да проговорилъ Садко купецъ богатыя:
— Ай же Святогоръ да богатырь ты!
— И нѣтъ у насъ поспѣховъ богатырскіихъ. —
И написалъ-то листъ Садко купецъ богатыя,
Написалъ-то въ землю Сорочинскую;
Выслали-то шляпу сорочинскую
А тому ли Святогору-то богатырю,
Вѣсомъ шляпонька-то сорока пудовъ.
И облачае Святогоръ богатырь
Своего ли онъ коня да богатырскаго,
И выводитъ своего коня богатырскаго
И на этотъ дворъ Садка купца богатаго;
Надѣвае на коня уздицу тесмяную,
Во уздици повода были шелковыя,
И тыхъ ли шелковъ, шелковъ розныихъ,
Розныихъ шелковъ да шелковъ шемаханскіихъ;
Кладывае на коня Святогоръ да вѣдь богатырь,
Кладывае на коня да исподнички,
И на исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣдёлышко,
А сѣдёлышко онъ черкальское,
И затягивае подпруги двѣнадцатеры,
И завязывае свясточки семи шелковъ,
Онъ не для красы, для ради крѣпости;
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылечики въ подпругахъ-то золоченые;
И во сапожкахъ Святогора-то богатыря
Да шпорики-то были булатъ-желѣзные.
Да садился Святогоръ да богатырь
Да на этого коня богатырскаго,
Да со своими-то поспѣхами богатырскими,
Да со этоёй со палицей булатнею,
Да со этымъ мечемъ да вѣдь со вострымъ,
Да со этымъ со лукомъ со тугіимъ,
Во колчанѣ тамъ-то стрѣлочки каленыи.
И поѣхалъ-то Святогоръ-то вѣдь богатырь
От Садка купца-то вѣдь богатаго
Да въ путь въ дороженку великую.
Да проговорилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь:
«Ай ты конь-то мой богатырскій ли!
«И послужи-тко ты вѣрой правдой мнѣ.»
Онъ проговорилъ-то конь богатырскіи
Голосомъ человѣческимъ:
— Ай же Святогоръ да ты богатырь!
— Когда сѣлъ ты на степь на лошадиную,
— Да не жми-тко шпорами булатнима
— Да меня-то подъ круты ребра,
— Да не хлыщи-тко меня плёточкой шолковой
— Да по этой-то по степи лошадиною,
— Не натягивай ты поводовъ шелковыихъ, —
— И тогды могу служить вѣрой правдою тебя.—
Да вѣдь ѣдетъ Святогоръ-то богатырь,
Ѣдетъ вѣдь путемъ дороженькой,
Палицу булатнюю выкидываетъ изъ виду вонъ.
Разъяренилъ-то свое сердце богатырское
И проговорилъ-то Святогоръ тутъ богатырь:
«Какъ бы было кольцё въ небѣ въ Божьеёмъ,
«Да друго кольцо во сырой землѣ во матушки,
«Поворотилъ бы я землю-то матушку,
«Поворотилъ бы я краемъ къ верху ю.»
Задремалъ ли Святогоръ да богатырь
Да на этоемъ кони сидячи богатырскоемъ,
И наѣхалъ-то ли сзади русской могучой богатырь,
Ёнъ ударилъ-то копьемъ по плечамъ могучіимъ,
Енъ ударилъ-то концемъ да не вострымъ.
Да проговорилъ ли Святогоръ да вѣдь богатырь,
Да проговорилъ ли таково слово:
«Какъ кусаютъ мухи русскіи да до-больня.»
И онъ другой разъ ударилъ по плечамъ могучіимъ,
А копьёмъ да концомъ не вострымъ, —
И взялъ онъ росправилъ свою руку богатырскую,
Захватилъ-то русскаго могучаго богатыря,
Посадилъ въ свой колчанъ богатырской-то,
Да поѣхалъ ли путёмъ да онъ дороженькой.
Да конь богатырской у Святогора у богатыря
Да идётъ дорожкой, потыкается,
И проговорилъ-то конь и голосомъ человѣчьіимъ:
— Ай ты Святогоръ да богатырь!
— Оттого я не могу нести двухъ богатырей,
— И кладенъ у тебе да во свой колчанъ. —
Онъ и вынялъ изъ колчана да богатыря
И со этымъ конёмъ да богатырскіимъ,
И проговорилъ ли Святогоръ да тутъ богатырь:
«Да ты кто есть русской могучей богатырь?»
Онъ проговоритъ ему таково слово:
— Я богатырь отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
— Да Самсонъ да и Самойловичъ. —
Да проговорилъ ли Святогоръ тутъ богатырь:
«Ай же ты Самсонъ да ты Самойловичъ!
«По крестовому по братовству я большой братъ,
«А ты будешь ли, Самсонъ да ты Самойловичъ,
«Да ты будешь мнѣ меньшой братъ.»
Розсержаютъ они своихъ коней богатырскіихъ,
Розгоряется ихъ сердце богатырское.
И во той пути широкоёй дороженьки
Да свернулъ-то вѣдь Самсонъ да вѣдь Самойловичъ,
Да свернулъ-то во праву руку въ дороженьку окольнюю.
И пріѣхалъ-то Святогоръ да богатырь

И ко этой ли ко щельи *) ко великій,—
И вѣдь вышелъ изъ коня да богатырскаго;
Розгорѣлось его сердце богатырское,
Оглянулся вѣдь назадъ Святогоръ бога́тырь, —
А вѣдь нѣтъ Самсона-то Самойловича.
Онъ поднялся на эту-то на щельгу на великую,
Каменьевъ кидать своима руками богатырскима:
«Если поѣдетъ Самсонъ-то вѣдь Самойловичъ,
«Я убью его камнями великима
«Со щельги со кру́тою.»
Да не могъ дождать Святогоръ-то бога́тырь.
Да садился на коня своего да богатырскаго,
Онъ ѣдетъ ли путемъ дороженькой широкою,
Да идётъ-то вѣдь два старца впереди его,
Да несутъ за плечами да по сумочкѣ.
И онъ коня-то богатырскаго попуживатъ,
Да не можетъ-то достать онъ старцевъ незнакомыихъ.
И остоялись эти старцы незнакомыи,
Положили они сумочки да на сыру землю,
И прогóворитъ тутъ старецъ единó слово:
— Ай же Святогоръ да ты бога́тырь!
— Опустись-ко ты со своего коня да богатырскаго
— Да на этую на матушку сыру землю,
— Да подписана на сумочкахъ,
— Да подписана все земляная тягота:
— Ты попробуй Святогоръ да ты богатырь
— Своей силы ты великою. —
И онъ захватилъ-то сумочку однимъ перстомъ,
Другой разъ захватилъ да вѣдь одной рукой,
Да третей разъ-то Святогоръ да вѣдь бога́тырь
Потребилъ онъ свою силу всю великую,
Не могъ приздынуть онъ сумочки-то старцевой,
Онъ угрязнулъ во сыру землю по колѣночку.
Потерялись тутъ-то старци незнакомыи,
Да тутъ сѣлъ ли Святогоръ да вѣдь бога́тырь,
Да онъ сѣлъ ли на своего коня да богатырскаго,
И уходилось ёго сердце богатырское
А у этой да вѣдь у сумочки.
Да поѣхалъ ли Святогоръ да бога́тырь
Да дороженькой поѣхалъ да ши́рокой,
Попадаетъ-то на встрѣчу Самсонъ да вѣдь Самойловичъ;
Они поѣхали ко городу ко Кіеву.
Лежитъ-то вѣдь о путь о дороженьку
Да гробница тутъ да каменна,
Она óбнята обручами да желѣзныма.
Да прогóворилъ ли тутъ Святогоръ да вѣдь бога́тырь:

*) т. е. скала.

«Ай же ты Самсонъ да вѣдь Самойловичъ!
«Розруби-тко ты саблей вострою
«Да вѣдь эти обручи желѣзныи.»
Ёнъ ударилъ ли Самсонъ да вѣдь Самойловичъ
Да вѣдь по этымъ обручамъ желѣзнымъ,
И отвалились эты обручи желѣзныи
И отъ этой отъ гробницы отъ каменной,
И открылъ-то онъ доску-ту гробóвую
И отъ этой отъ гробницы-то отъ каменной.
Да прогóворилъ ли тутъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ:
— Ай ты бóльшой братъ Святогоръ да бога́тырь
— Да ты лягъ во эту во гробницу-то во каменну.—
Опустился Святогоръ да бога́тырь
Да на этую на матерь на сыру землю,
Да прошли-то его слёзы-то горючія,
А прошли-то óны изъ ясны́хъ очей,
Ёнъ и лёгъ-то во гробницу вѣдь во каменну,
Да сложилъ онъ свои руки богатырскіи
И на свои-то онъ да на бѣлы́ груди,
На бѣлы́ груди да богатырскіи.
Да тутъ принялъ себи Святогоръ да вѣдь бога́тырь,
Принялъ ёбби тутъ онъ смерть великую.
Да тутъ Святогору да бога́тырю славу́ поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 5 сентября.

—

120.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да старóй казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ сидѣлъ ли тридцать лѣтъ на сѣдалищи,
Онъ не имѣлъ-то да ни рукъ ни ногъ.
Да пришло къ нему два старцы незнакомыи.
Прогóворитъ ему старецъ да единó слово:
«Ай же 'Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Дай-ко пива выпити я́ндому́.»
Илей говоритъ-то старцю таково слово:
— Не имѣю я да вѣдь ни рукъ ни ногъ,
— Сижу тридцать лѣтъ на сѣдалищи. —
Говорилъ старый старецъ единó слово:
«Ай же 'Илей возстань ты на свои рѣзвы́ ноги,
«Иди ты 'Илей къ водоносу ты,
«Налей пи́ва яндому́,
«Принеси ты яндому́ питья́.»
Выстал'ъ 'Илей на свои рѣзвы́ ноги,
Пришолъ 'Илей къ водоносу-то

Яндому́ захватилъ пи́тія съ водоносу-то,
Приносилъ-то старцю единому;
Старецъ говоритъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты 'Илей да самъ я́ндому́.»
Выпилъ 'Илей питія я́ндому́,
Почувствовалъ ~~въ себѣ силу да~~ Великую,
Говорилъ старецъ-то друго́ слово:
«Ай же 'Илей дай же мнѣ пива̀ вы́пить яндому́.»
Онъ пошолъ по мосту по ду́бовому.
Закричали балки подъ мостомъ бѣлоду́бовымъ,
Загнулись-то тутъ мосты калиновы.
Зачерпнулъ питія 'Илей съ водоносу,
Приносилъ старцу яндому́ питія̀.
Старецъ говорилъ ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты Илей да са́мъ яндому́.»
И выпилъ 'Илей дру́гу яндому́,
Услышалъ Илей въ себи силу великую.
Прого́воритъ тутъ старецъ еще едино́ слово:
«Ай же ты 'Илей дай-ко выпить яндому́ питія̀.»
Онъ какъ выпилъ 'Илей пи́ва-то яндому́,
Онъ почуялъ въ себѣ 'Илей силу да великую.
Говорилъ другой старецъ таково слово:
— Ай же ты 'Илей налей-ко мнѣ пи́ва я̀ндому́.—
Наливаетъ 'Илей пива съ водоносу,
А приноситъ старцу-то дру́гому,
Прого́ворилъ ли старецъ таково слово:
— Если приказать тебѣ третье́ пить яндому́,
— Не удержать тебѣ силы великія,
— Не удержать тебѣ силы богатырскія. —
Выпилъ-то старецъ вѣдь са́мъ яндому́,
И прого́ворилъ старецъ да таково слово:
— Ай же ты 'Илей, да ты справься-тко да ко городу,
— Ко городу да ты ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру.
— И выйдешь изъ своего ты посе́лія
— Тутко о путь камень есть неподвижныя,
— На камени да подпись есть подписана.—
И ходитъ Илей поко́ёмъ бѣлоду́бовымъ
Да тымъ ли мостомъ да калиновымъ.
Пришли его родители да рожденыи,
Пришли оны со роботы со крестьянскоей,
Пришли его братія да родимые,
Да пришли его сестры да любимыя.
Обрадовались его рожденыи да родители,
И съ радости родители опечалились:
Тридцать лѣтъ сидѣлъ на сѣдалищи.
Не имѣлъ-то онъ ни рукъ ни ногъ.
Говоритъ 'Илей своимъ рожденымъ родителямъ,
Говоритъ 'Илей да таково слово:
«Ай же вы мои родители рожденые!
«Гди вы были па крестьянской на роботушкѣ?»
А й же отвѣчали его рожденые родители:
— Слава тебѣ Господи, тридцать лѣтъ сидѣлъ Илей да на сѣдалищи,
— Не имѣлъ 'Илей вѣдь ни рукъ ни ногъ. —
Спросилъ у рожденыихъ родителей:
«Ай же вы мои рожденые родители!
«Гдѣ вы роботали крестьянскую роботушку?»
Говорилъ ему родитель да рожденыя:
— Ай же ты Илей, мы роботаемъ лугъ-пожню,
— Чистимъ лугъ-пожню за три поприща отъ дому. —
«Ай же ты родитель мой рожденыя!
«Сведи меня туда да на займище,
«Укажите вы мнѣ мою роботушку.»
Привелъ его родитель да на займище:
«Укажи мнѣ родитель, по которыхъ мѣстъ межа»
Захватилъ Илейко лѣсу ку́сту въ пясть,
Отрубилъ лѣсы дремучіи по ко́решку,
Бросилъ на мѣсто на пристойное,
Говорилъ родителю да таково слово:
«Ай же ты мой-то родитель рожденыя!
«Полно ли тебѣ лугъ-пожню чистить.
«Простите меня съ рожденаго со мѣста.»
Отправлялся 'Илей къ стольному городу ко Кіеву.
Пришолъ къ тому камени неподвижному,
На камени была подпись да подписано:
— 'Илей, 'Илей, камень сопри съ мѣста неподвижнаго,
— Тамъ есть конь богатырскій тебѣ,
— Со всѣми-то поспѣхамы да богатырскима;
— Тамъ есть-то шубка соболиная,
— Тамъ есть-то плеточка шелко́вая,
— Тамъ есть-то палица булатняя. —
Прого́ворилъ Плей да таково слово:
«Ай же ты конь богатырской!
«Служи-тко ты вѣрою правдою мнѣ.»
Конь-то прого́ворилъ Илею таково слово:
— Ай же ты 'Илей, старо́й казакъ Илья̀ Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Ты мо́шь ли владать конемъ богатырскіимъ?—
Онъ садился старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На этого коня на богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима;
Садился тотъ старо̀й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Прого́ворилъ конь голосомъ человѣчьіимъ:
— Ай же старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Знай ты мною управлять, далъ тебѣ Господь коня да богатырскаго,

ıалъ Господь ангеловъ милосливыхъ
твое рожденое на мѣсто;
, тебѣ Господь руцѣ-нозѣ;
ıаписано теби, старой казакъ Илья Муромецъ,
ı Муромецъ сынъ Ивановичъ,
ıаписана тебѣ смерть на убоищи. —
ıалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
Муромецъ сынъ Ивановичъ,
ли-то дороженкой-то широкой.
, вѣдь мелкіи-то рѣчки перешахивалъ,
ı озера перескакивалъ.
го старой казакъ Илья Муромецъ,
Муромецъ сынъ Ивановичъ,
-то онъ попуживаетъ,
очкой шелковою дотрогиваетъ,
й булатнею старой казакъ Илья Муромецъ
игрываетъ,
булатнюю онъ кидываетъ изъ виду вонъ:
булатней сорокъ-то пудовъ.
ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ,
ло на путь ему три розстани;
станяхъ-то было тутъ написано:
у руку-то ѣхать — богату быть,
ѣхать — убитому быть,
вую руку ѣхать — женатому быть.
гмался старой казакъ Илья Муромецъ,
Муромецъ сынъ Ивановичъ:
, надо-то на старость да богатиться,
, надо-то на старость да женитися,
ıдо на старость туды-то ѣхать гдѣ убиту быть.
ıалъ старой казакъ Илья Муромецъ
въ путь дороженку во широку,
гъ наѣхалъ на четыреста разбойниковъ.
разбойники спать улеглись,
гъ разбойникъ похаживаетъ,
ваетъ, покравуливаетъ.
орилъ разбойникъ таково слово:
, ты старой казакъ Илья Муромецъ!
-ко ты намъ коня богатырскаго, —
ıею отдашь, да мы волею возьмемъ,
ею не отдашь, такъ мы неволею.
, старой казакъ Илья Муромецъ!
-ко ты палицу булатнюю, —
ıею отдашь, да мы волею возьмемъ,
ею не отдашь, такъ мы неволею.
-ко ты старой казакъ Илья Муромецъ,
-ко ты плеточку шелкову, —
ıею отдашь, да мы волею возьмемъ,
ей не отдашь, такъ мы неволею.

«Ай ты старой казакъ Илья Муромецъ!
«Отдай-ко ты шубку соболиную,—
«Ты волею отдашь, да мы волею возьмемъ,
«Волей не отдашь, такъ мы неволею.»
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— Да мнѣ на старость надо шубка погрѣватися,
— Мнѣ на старость надо конь богатырскія,
— Мнѣ стару казаку надо палица поигрывать,
— Плетка шелковая надо коня попуживать. —
И розгорѣлись его жилы богатырскія,
Розгорѣлись его руцы бѣлыя,
Умертвилъ Илей-то всѣхъ четыреста розбойничковъ,
Этого единаго розбойничка привязалъ ко стремечку булатнему,
Привязалъ къ этому ко тороку конину.
И мелки рѣчки конь перешахивалъ,
И глубоки рѣки конь перескакивалъ;
Плеточкой шелковой тутъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго попуживаетъ,
Палицей булатнею старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ изъ виду вонъ:
Палица-то булатняя сорока пудовъ.
Онъ пріѣхалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И пріѣхалъ ли ко городу ко Крякову,
Ко городу ли пріѣхалъ ко Крякову,
И къ этому Одолищу поганому.
Заѣхалъ на дворъ богатырскіи
И много множество татаръ тутъ поганыихъ
Умертвилъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Умертвилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ
И этой палицей булатнею,
А й булатнею, мечемъ богатырскіимъ.
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому кольцу ко золоченому.
Шолъ-то къ Одолищу поганому
Во эти покои бѣлодубовы.
Сидитъ тутъ Одолище поганое
И въ этой онъ покои бѣлодубовой:
Голова-то у него пивной котелъ,
Глаза-то у него пивны чаши
И между глазами у Одолища поганаго пядень.
То спроситъ Одолище поганое:
«Ай же ты крестьянской сынъ!

«Есть на Руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Онъ великъ ли-то ростомъ есть?»
Прого́воритъ крестьянской сынъ,
Прого́воритъ ему таково слово:
— Е на Руси старо́й казакъ Илья Муромецъ,
— Е онъ росту такой какъ я. —
«И много ли онъ хлѣба соли къ выти кушаетъ?»
— Онъ кушаетъ крестьянской сынъ,
— Старо́й казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
— По три фунта хлѣба ѣстъ,
— И мяса ѣстъ по три фунта,
— И пиво пьетъ по пивной по чашѣ. —
Отвѣчаетъ тутъ Одолище поганое:
«Ой же ты крестьянской сынъ!
«Какой же есть-то русскій могучо́й богатырь?
«Какъ есть-то я́ богатырь, —
«Ѣмъ-то я хлѣба по пе́чи,
«Мяса ѣмъ я по стя́гу
«И пива пью по три я́ндомы.»
Прого́ворилъ ли тутъ крестьянской-то сынъ,
Прого́ворилъ Одолищу поганому:
— У моего родителя у батюшка
— Была на дворѣ корова да обжориста,
— Ѣла да пи́ла — ю ро́зорвало. —
Одолище поганое розгорѣлось его сердце богатырское
И взялъ съ гвоздя ножи́що кинжа́лищо,
Бросило въ сына крестьянскаго.
И въ емъ была въ крестьянскомъ сынѣ,
Въ старо́мъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ухватка была богатырская,
Остранился отъ этого ножика кинжалища,
Пролетѣлъ же этотъ ножикъ кинжалищо
Во эти сѣни во рѣшетчаты.
Онъ вышелъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
И отъ этого Одолища поганаго
А съ этыхъ сѣней да со рѣшетчатыхъ
На ши́рокъ дворъ ко своему ли коню да къ богатырскому,
Увеселилось ёго сердце богатырское:
Очистилъ-де старо́й казакъ Илья Муромецъ
Путь дороженьку да ши́року
Ко этому ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли солнышку ко князю ко Владиміру.
И тутка старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ по го́роду Крякову погуливаетъ,
Онъ погуливаё а й похаживаё,
Самъ думу крѣпку подумываё:
— Надо бы ѣхать отъ города отъ Крякова
— И надо бы ѣхать въ руку во правую, —
— Въ лѣвую руку ѣхать ко Со́ловью Рахманову.—
Садился старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
На того ли коня на богатырскаго
Отъ этого ли Одолища поганаго,
Отъ этого ли отъ города Крякова;
Привязалъ ли это Одолище поганое
Старо́й казакъ Илья Муромецъ
Къ этому ко стремени булатнему
А ко этому ко то́року конину́му,
И конь мелкіи переброды перешахивалъ,
Глубокіи рѣки перескакивалъ,
Мхи и озера на обо́лъ-то держалъ.
Ѣдетъ ли путёмъ ли-то дороженькой ши́рокой
Ко этому ли Со́ловью Рахманову;
И этотъ ли Со́ловей Рахмановъ,
Явный розбойникъ по бѣлу́ свѣту,
Имѣе онъ жительство на двѣнадцати дубахъ,
Не пропущаетъ онъ къ соби ни коннаго,
Ни коннаго онъ ни пѣшаго.
Онъ ѣдетъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Палицей булатнею поигрыватъ
И палицу булатнюю выкидаетъ изъ виду вонъ,
И палица булатняя сорока пудовъ;
Плеткою коня да вѣдь шелко́вою попуживатъ.
Пріѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ко этому же полю ко великому,
Ко этому ко полю ко чистому.
Ѣзди Со́ловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ
И палицей булатнею поигрываетъ,
И палицу булатную выкидаетъ и́зъ виду вонъ.
Устрашился же у стара́ казака Ильи Муромца,
Устрашился конь да богатырскіи
Этого Со́ловья Рахманова.
Онъ свистнулъ тутъ по змѣиному,
Крыкнулъ онъ по звѣриному,
Со́ рта пламя у него пома́хиваетъ,
Съ носу искры у него попрядываютъ.
Устрашился у стара́ казака Илья Муромецъ
Этого крику да звѣринаго,
Этого свисту да змѣинаго,
Его конь да богатырскіи,
Палъ ли конь его богатырскій на сыру землю,
Палъ ли конь да на колѣна.
Прого́воритъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ай же волчья сыть, пелово́й мѣшокъ!

— Ты что же устрашился крыку звѣринаго,
— Устрашился ты свисту змѣинаго?
— Послужи-тко вѣрой правдой мнѣ. —
Они съѣхались на поли на чистоёмъ
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Со этымъ Со́ловьемъ со Рахмановымъ,
И сбилъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Этого Со́ловья Рахманова
Со сѣделышка черкаскаго,
Со этого коня да богатырскаго,
Со этой палицей со булатнею,
Съ этими поспѣхами богатырскима.
Его розгорѣлось сердце богатырское,
Вышелъ со своего добра-то коня,
Отвязалъ-то вѣдь онъ того да розбойничка
Отъ своего онъ стремени булатняго,
Отъ этого то́рока конинаго,
Еще тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Отвязалъ онъ того Одолища поганаго
Отъ этого то́рока конинаго,
Отъ этого стре́мени булатняго,
Привязалъ онъ Со́ловья Рахманова
И ко этому ко стремени булатному,
И ко этому то́року конину.
Поѣхалъ со поля тутъ со чистаго
Старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этымъ со Со́ловьемъ Рахмановымъ,
И ко этой полаты богатырскоей.
Си́дятъ въ покои богатырскоей,
Си́дятъ три дочери рожденыя,
Си́дятъ три зяти любимые.
Большая дочь поговариваетъ:
«Нашъ-то батюшка ѣдетъ со чиста́ поля,
«И русскаго могучаго бога́тыря везетъ у стремени булатняго
«И у этого то́рока конинаго.»
Середняя дочь прого́воритъ таково слово:
— Правду говоришь моя сестра ро́дная!
— Ѣдетъ родитель батюшко,
— Везетъ русскаго могучаго бога́тыря
— У этого у то́рока конинаго,
— У этого у стре́мени булатнаго. —
Меньшая сёстра́ говоритъ таково слово:
«Ай же вы сестры мои ро́дныя!
«Русскій могучій богаты́рь ѣдетъ,
«Везетъ нашего родителя батюшку
«У этого у торока конинаго,
«У этого у стремени булатняго.»
Пріѣхалъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ
Ко этой ли полаты богатырскоей,
Розгорѣлось его сердце богатырское.
Поднята у этыхъ у дочерей подворотня чугунная,
Въѣхать бы туда русскому могучу бога́тырю
На ши́рокъ туды ему на бѣлой дворъ,
Чтобы умертвить его подворотней чугунною.
Какъ была-то у него ухватка богатырская,
Узналъ онъ ихъ намѣры думныи,
Что хочютъ оны умертвити
Русского могучаго бога́тыря, —
Осадилъ своего коня да богатырскаго
Своёй назадъ уздой тесмяною, —
Спустили подворотню-ту чугунную;
Какъ была у него ухватка богатырская
Въ старо́мъ казакѣ Ильѣ Муромцѣ,
Ильѣ Муромцѣ сыну Ивановичу,
Ухватка была крестьянская,
Онъ въѣхалъ къ нимъ на широкой дворъ,
Привязалъ своего коня богатырскаго
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому кольцу къ золоченому,
Умертвилъ онъ его дочерей рожденыхъ
И въ этомъ покои бѣлодубовомъ
Умертвилъ онъ и родныхъ зятовей.
Отрубилъ имъ буйны го́ловы
Этимъ мечемъ богатырскіимъ.
Онъ здрадовался старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— И я очистилъ дорогу ко городу ко Кіеву,
— Ко солнышку князю да ко Владиміру. —
Пріѣхалъ-то въ го́родъ во Черниговъ,
Входитъ-то онъ въ церковь въ Божій храмъ,
Крест-отъ кладетъ по писа́ному,
Поклон-отъ ведетъ по учёному,
Иконамъ нерукотвореннымъ поклоняется:
— Не исполнилъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
— Заповѣди я той да Божіей,
— Надо бы служить Господу Богу во храмѣ молебенъ:
— Окровавлены руки да во человѣчью кровь. —
Онъ поѣхалъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Онъ поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко тому ль князю ко солнышку,
Ко солнышку князю ко Владиміру.
Пріѣзжаетъ онъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Отворяетъ онъ ворота да на́ пяту,
Пріѣзжаетъ онъ на княжій дворъ,
Привязалъ коня да богатырскаго,
Приходитъ въ полаты грановитыя,
Крестъ-то кладетъ по писа́ному,
Да поклонъ ведетъ по учёному,

И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
И солнышку князю да вѣдь Владиміру
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
«Ай же ты старой казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«А которой ты ѣхалъ да дороженькой?»
Отвѣчалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
— А ты солнышко Владыміръ стольнё-кіевской!
— А я ѣхалъ ли по городу по Крякову,
— И я ѣхалъ ли по Соловью Рахманову,
— И очистилъ вси пути дорожки широки
— И во всёй ли-то земли святорусскою. —

Записано въ Кижахъ, 5 іюля,
повѣрено въ Петербургѣ, 8 сентября.

—

121.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

(См. Рыбникова, т. I, 22).

Во стольноемъ во городи во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Заводилось пированьйце почестенъ пиръ,
На многихъ на князей на бояровъ,
А на русскіихъ могучіихъ богатырей,
А на всѣхъ на поляницъ на удалыихъ.
Солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской
Онъ похвастаё а вѣдь городомъ,
А вѣдь городомъ а вѣдь Кіевомъ;
Русскіи могучіи богатыри
А похвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою;
И гости купцы тутъ торговыи
А похвасталисѣ они тутъ товарами,
А тыма ли товарамы заморскими,
А куницами лисицами а черными соболями заморскими.
И умной похвастаетъ отцемъ матерью,
А безумный похваляется молодой женой.
Добрынюшка похвасталъ добрымъ конемъ,
Олеша Поповичъ онъ похвасталъ золотой казной.
Есть ли у молодца золота казна,
Золота казна да не тощится,
Малы денежки да не держатся.
Вси русскіи могучіи богатыри
Да вси поляницы удалыи
Да вси со двора росходилися
По своимъ ли-то полатамъ богатырскіимъ.
Середи-то ноченьки темныя
Вдругъ-то забило въ било колокольчато
На томъ ли дворѣ на княженецкоемъ
У солнышка князя у Владиміра;
Пришолъ татаринъ поганыи,
Ёрлыкъ на столъ выкладывалъ
Солнышку князю Владиміру,
На тотъ ли столъ на дубовыя
А на ту доску золоченую,
И самъ-то на словахъ выговаривалъ:
«Ай же солнышко Владиміръ князь,
«Владиміръ князь стольно-кіевской!
«Прибери-тко вси двора да княженецкія,
«Очисти-тко вси полаты богатырскіи,
«Очисти-тко ты улицы стрѣлецкіи
«Въѣхать Каину *(такъ)* собакѣ да поганоей
«Во стольный градъ да во Кіевъ.»
Испугался солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
Отъ Каина собаки отъ поганаго,
Отъ силы его да вѣдь великоей,
Послалъ звать русскіихъ могучіихъ богатыревъ,
Стараго казака Илью Муромца.
Вси пришли русскіи могучіи богатыри,
Вси пришли поляницы тутъ удалыи,
Нѣтъ одного стара казака,
А стара казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича.
Да проговоритъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— А й гдѣ же старой казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ? —
Привели старого казака Илью Муромца.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поклон-отъ ведетъ по ученому,
На двѣ на три на четыре стороны поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину.
Да проговоритъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь стольнё-кіевской:
— Ай же ты старой казакъ Илья Муромецъ,
— Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Какъ есть ли кому стоять за Кіевъ градъ,
— За своё ли родное отечество,
— За тую ль вѣру христіанскую? —
Да проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
«Дай-ко ты мнѣ времени и поотдохнуть,
«Не на много не на мало на двѣнадцать дней.»

Они съѣхали русскіи могучіи богатыри
Отъ этого двора княженецкаго,
Отъ солнышка князя Владиміра,
Поѣхали ко полю да ко чистому,
Роздернули шатры да бѣлыи,
Насыпали конямъ пшёны бѣлояровой,
Да вси кони стоятъ да вси пшену ѣдятъ.
Пришолъ ли-тутъ младой Ермакъ Тимофеевъ сынъ
А ко солнышку ко князю ко Владиміру
Да на широкъ дворъ на почестенъ пиръ,
Да онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняется:
— Ты солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Ты дай-ко мнѣ прощеньицо,
— Дай-ко ты мнѣ благословеньицо
— Да поѣхать ко этымъ татарамъ ко поганнымъ
— Да на это ли на поле да на чистое?
— Надо намъ тамъ биться да ратиться,
— Да стоять ли-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за родное отечество,
— За тую ли вѣру христіанскую. —
Проговорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевичъ!
«Ты есть-то вьюношъ, отъ роду тебѣ вѣдь семьнадцать лѣтъ.»
Да проговорилъ ли младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Да ты дашь ли прощеньице поѣду,
— А не дашь ли благословенья поѣду. —
«Ай же ты младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ!
«Да гдѣ же твой родной батюшко?»
Проговорилъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
— Солнышко Владиміръ князь,
— Владиміръ князь стольнё-кіевской!
— Мой-то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
— Въ старци ушолъ постригатися,
— А я поѣду ко татарамъ ко поганнымъ,
— Надо мнѣ тамъ биться ратиться,
— А стоять-то за стольный Кіевъ градъ,
— За свое ли за родное отечество. —
И поѣхалъ ли-то Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Садился да на коня богатырскаго,
А со этыма поспѣхамы богатырскима,
И плёточкой-то коня понуживаётъ
И палицей булатнею поигрываетъ,
А палицу булатнюю выкидываетъ,
И палицу выкидываетъ подъ облаки,
А палица булатняя сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
Ко этимъ шатрамъ ко бѣлымъ.
Проговоритъ старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
«Ты выстань-ко младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
«Во дубъ тотъ выстань во широкой
«И посмотри ты на поле на чистое:
«Много ль нагнано у Калина у собаки у поганыя
«Много ль нагнано татаръ да поганыхъ?»
И много множество у Калина у собаки у поганыя,
А пріѣхалъ-то Калинъ собака да поганая
Ко той ко рѣкѣ ко Смородинѣ,
Ко тому ли дубу ко широку,
Ко тому ли камеию къ Олатырю,
И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей,
И сорокъ королей королевичей;
У царей силы по цѣлой есть по тысящѣ,
А у королей по десяти тысячъ.
Ко той ли-то рѣки-то Смородинѣ,
Ко тому ли ко дубу ко широку,
Ко тому ли ко каменю къ Олатырю
Высталъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Во дубъ ли онъ да во широкой,
Посмотрѣлъ-то онъ во трубку во подзорнюю,
Какъ нагнано у Калина у собаки у поганыя
Да ко той ли рѣки ко Смородинѣ
Много множество татаръ да поганыхъ,
Вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не оскакать,
Чёрному ворону въ день не облетѣть.
Онъ вышелъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Со этого со дуба да со широка
Да на этую на матерь на сырую землю,
Проговоритъ русскіимъ могучіимъ богатырямъ:
— Русскіе вы могучіе богатыри,
— Ай же вы поляницы да удалыи!
— Не честь е вамъ — конямъ богатырскіимъ
— Въ шатрахъ да бѣлодубовыхъ
— А ѣсть-то имъ пшёну да бѣлоярову. —
Какъ садился младый Ермакъ Тимофеевъ сынъ
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ ли на это ли на поле да на чистое
Ко этыимъ ли татарамъ ко поганнымъ.
И высталъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ высталъ ли въ тотъ широкъ дубъ,
Посмотрѣлъ ли онъ на поле на чистое,
Посмотрѣлъ во трубку подзорнюю,
Какъ вѣдь сѣрому-то волку въ день-то не оскакать,

Чёрному ворону въ день не облетѣть,
Только нагнано татаръ поганыихъ.
И опустился старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А со этого со дубу да й со широка
И на этую на матерь на сырую землю,
А какъ садился на коня богатырскаго,
И плеточкой-то коня попуживаетъ,
И палицей булатнею поигрываетъ,
Палицу булатнюю выкидываетъ,
Онъ палицу булатнюю подъ облака,
А палица вѣсу сорока пудовъ.
Онъ выѣхалъ во поле во чистое
А во этымъ татарамъ ко поганымъ,
Начали они рубить татаръ да поганыихъ
Да со младымъ Ермакомъ Тимофеевымъ,
Прирубили они всѣхъ ~~татаръ да~~ поганыихъ
На этоемъ на поли да на чистоемъ,
У этой у рѣки да у Смородины,
У того ли дуба у широка,
У того ль у камени у Олатыря;
Прирубили они всѣхъ татаръ поганыихъ,
Розгорѣлися сердца богатырскія,
Росходились жилы богатырскіи.
А подумалъ ли старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
Какъ была бы сила небесная,
Прирубили бы мы силу всю небесную;
И проговорилъ да старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ проговорилъ себи да таково слово:
«Какъ явилась бы тутъ сила небесная,
«Прирубили бы мы силу всю небесную!»
Розрубятъ татарина единаго,
А сдѣлается съ едина два;
А розрубятъ и по двухъ татаръ да поганыихъ,
А сдѣлается съ двухъ да четыре.
Рубили тутъ всё татаръ да поганыихъ,
Да пересѣлся-то старой казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Отъ этыихъ татаръ да отъ поганыихъ,
Окаменѣлъ его конь да богатырской,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со старà казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца сына Ивановича *).

Записано въ Кижахъ, 6 іюля.

*) На вопросъ о томъ, откуда ему извѣстно о такой кончинѣ Ильи Муромца, Щеголенокъ отвѣчалъ, что это извѣстно изъ Пролога, и прибавилъ, что нѣкогда раскольники выправляли въ Кіевъ довѣренныхъ людей разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воротившись, разсказывали, что персты у него растянувши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ персты при крестномъ знаменіи.

122.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Да во стольноёмъ во городи во Кіеви,
И у ласкова князя у Владиміра,
И вси были богатыри позазваны,
Поляницы удалыи да й пособраны,
Да вси на пиру сыты пьяны веселы.
Да проговорилъ тутъ солнышко Владиміръ князь:
«А вси богатыри сыты пьяны веселы,
«Я могу нунь похвастать городомъ,
«Да городомъ да Кіевомъ.»
Да проговорятъ богатыри таково слово:
— Мы можемъ похвастать силой своей да богатырскою. —
Да сидитъ-то младыи Добрынюшка Никитиничъ:
«Да ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Я служу у тебя во двори да княженецкоемъ,
«Да спусти меня съѣздить по городу,
«Да по городу да по Кіеву,
«Да по этымъ по узкимъ переулочкамъ.»
Да проговорятъ тутъ русски могучи богатыри:
— Ай же ты младый-то Добрынюшка Никитиничъ!
— Поѣзжай-ко ко подворьицу ко вдовиному,
— Да проси-тко ты у честно-мужней вдовы Офимы Александровны,
— Да ты проси-тко прощеньица,
— Да проси-тко ты благословеньица.
— И ѣхать-то по городу,
— А по городу вѣдь по Кіеву,
— Да по этымъ по узкимъ переулочкамъ. —
Да проговоритъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Ай же ты младой-то Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты поѣдешь-то по городу по Кіеву,
«По этымъ по узкимъ переулочкамъ,
«Только не заѣдь въ татарскую во улицу,
«Въ Маринкину еще да во слободу:
«Она убила трёхъ-то русскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
«И убьетъ-то четвертаго русскаго могучаго богатыря.»
Енъ поѣхалъ ли младый-то Добрынюшка
Да со этыма поспѣхами богатырскима,
Да со этоёй со саблей да со востроёй,

Ёнъ поѣхалъ ли по городу по Кіеву,
Да по этымъ по частымъ переулочкамъ,
Онъ заѣхалъ ли въ татарскую улицу.
Да тамъ въ татарской да вѣдь во улицы
И пискъ да вéрезгъ велúкъ идетъ,
И розгорѣлись-то его жилы богатырскіи
Да во этыхъ во руцѣхъ да во бѣлыхъ,
Прирубилъ всѣхъ татаръ да поганыхъ.
И онъ-то ѣхалъ ли въ Маринкину во слободу,
Да пріѣхалъ ли къ полатки полотняною
И опустился со коня да богатырскаго,
И отворяе ворота да онъ-то нá пяту
Да въ эту полатку полотняную,
И тамъ сидитъ Маринка со татариномъ
И со татариномъ да со поганымъ,
Да со этымъ Одóлищомъ поганымъ,
Да со этымъ Горюнищомъ поганымъ.
Своима она рѣзвыма ногами татарина охватываетъ,
Да татарина Горюнища поганаго
Руками его бѣлыма татарина обнимáётъ,
Да татарина Горюнища поганаго
И ко бѣлымъ грудямъ да прижимаётъ,
И цѣлуетъ-то устами своими да сахáрныма
Да этого татарина Горюнища поганаго,
Да вѣдь этого Одолища поганаго.
Ёнъ прогóворилъ ли млáдый тутъ Добрынюшка:
— Ай же ты Маринушка, идёшь ли за меня замужъ? —
Ёна говорила таково слово:
«И только иду за млáдаго Добрынюшку Никитица,
«Да за русскаго могучаго богáтыря.»
Енъ прогóворилъ тутъ млáдыи Добрынюшка Никитинецъ:
— Ай же ты Маринушка, тутъ я это есть,
— Да намъ нужно повѣнчаться съ тобой околъ кустышка,
— Да во чистóмъ поли околъ кустышка ракитоваго. —
Да обвелъ ли тутъ младый Добрынюшка Никитиничъ
Околъ кустышка ракитова трú разу,
Ёнъ прогóворилъ ли тутъ да таково слово:
— Ай же ты Маринушка жена моя! —
И вынялъ съ ножней да саблю вострую
Да съ того ли темляка богатырскаго,
Отрубилъ ли ёй рѣзвы ноженки,
Рѣзвы ноженки по колѣночку,
И самъ говорилъ таково слово:
— Я за то те отрубилъ да рѣзвы ноженки:
— Когда ты сидѣла въ полатки полотняноёй
— Да со этымъ Одолищомъ поганымъ,
— Да со этымъ Горюнищомъ поганымъ,
— Ты охватывала своими ногами рѣзвыма. —
Перевéрне саблю востру на дрýгу сторону,
Отрубилъ-то ёй да руки бѣлыи,
Руки бѣлыи да по локóточки:
— Я за то те отрубилъ да руки бѣлыи:
— Когда ты сидѣла-то съ Одолищомъ поганымъ
— Въ этой полатки полотняноёй,
— Прижимала ты руками да вѣдь бѣлыма
— Ко своёй ли ты ко бѣлóй груди. —
И отрубилъ онъ у нёй буйну голову,
Да прогóворилъ тутъ млáдой да Добрынюшка:
— Оттого я отрубилъ у тебя буйну голову:
— Когда-то ты сидѣла въ полатки полотняноей
— Да съ этымъ Одолищомъ поганымъ,
— Съ этымъ Горюнищомъ поганымъ,
— Цѣловала ты устами да сахáрныма
— И этого Одолища поганаго,
— И этого Горюнища поганаго,
— И за то отрубилъ у тебя буйну голову,
— Чтобы больше не цѣловала Одолища поганаго. —
Онъ съѣхалъ ли назадъ во стольней Кіевъ градъ
Къ честно-мужней вдовы Офимьѣ Александровной.
Да прогóворитъ тутъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна:
«Да что же ты, млáдый Добрынюшка,
«Долго ѣздилъ ты по городу,
«Долго ѣздилъ-то по Кіеву,
«По этымъ по узкимъ переулочкамъ?»
— Честно-мужняя вдова да ты Офимья Александровна!
— Я былъ ли во улицы татарскоей
— Да всихъ прирубилъ тамъ татаръ я поганыхъ,
— И былъ въ Маринкиной я слóбоды,
— Повѣнчался съ нёй околъ кустышка ракитова,
— И отрубилъ ей ножки по колѣночку,
— И отрубилъ руки бѣлы по локоточку,
— И отрубилъ ёй буйну голову:
— За то я отрубилъ, что сидѣла въ полатки полотняной
— Да съ этымъ Одолищомъ поганымъ,
— Да съ этымъ Горюнищомъ поганымъ,
— Захватывала его ногами рѣзвыма,
— И обнимала его руками бѣлыма,
— Цѣловала-то устами да сахáрными
— Да вѣдь этого Горюнища поганаго. —
Да тутъ ли старинушки славý поёмъ.

Записано въ Петербургѣ, 10 сентября.

—

123.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Какъ во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласкови князи при Владиміри,
Были русскіи могучіи богáтыри,
Тыи поляницы были удáлыи.
Да прогóворилъ Добрыня таково слово,
Таково слово Добрынюшка великое:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы вси удалыи!
«У насъ нынече то время начинается,
«И время начинается середи лѣта.
«Середи-то лѣта было краснаго
«Захотилось Добрынюшкѣ Никитичу
«Окупать свое тѣло да богатырское,
«Ѣхать ли ко тоей да ко рѣченки
«А ко рѣченки а ко Почаевой.»
Пріѣхалъ ли Добрынюшка Никитиничъ
Къ честно-мужней ли вдовы Офимьѣ Олександровной
И прогóворилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя ты вдова Офимья Олександровна!
«Захотѣлось мнѣ-ка ѣхать-то ко рѣченьки
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Окупать-то свое тѣло да нáгое,
«Тѣло нáгоё богатырскоё.»
И прогóворитъ Офимья Олександровна:
— Ай же дитятко мое рожоное!
— Безъ родителя ты росъ да безъ желаннаго
— И росъ ты со родителью со матушкой.
— Да куды ты справляешься Добрынюшко,
— Да куды ты отправляешься въ широкой путь?—
Онъ прогóворилъ Добрыня таково слово:
«Честно-мужняя вдова ты Офимья Олександровна!
«Ми охвота-то поѣхать ко рѣченькѣ
«И ко этой-то ко рѣченькѣ ко Почаевой
«Покупать-то своё тѣло нáгоё,
«Тѣло нагоё богатырскоё.»
Она прогóворитъ ему да й таково слово:
— Ай ты чадо мое да ты рожоное!
— Эта рѣченка была да вѣдь Почаева —
— Поперекъ-то рѣки верста мѣрная
— И глубиной-то рѣка сорока саженъ. —
И ставаетъ-то Добрынюшка на ноженьки
И ставаетъ-то на рѣзвыи
И надѣваетъ босавички на босý ногу,
Надѣваетъ онъ одежду богатырскую,
Богатырскую одежду самолёгкую;
Надѣваетъ-то онъ шляпоньку на головушку
И выходитъ-то Добрынюшка со сѣницей,
И со сѣницей выходитъ со рѣшетчатыхъ,
И приходи Добрынюшка въ конюшню бѣлодýбову,
И отворяе ворота да онъ нá пяту,
Да беретъ-то жеребчика неѣзжанаго,
А неѣзжана жеребчика не сѣдланаго.
Надѣваетъ тутъ Добрынюшка уздицу на головушку,
На головушку да на буйную,
И уздиця была та вѣдь семи шелковъ,
Поводъ-то онъ былъ онъ сéребромъ зóлоченъ
Сéребромъ зóлоченъ да сяючімъ *(такъ)*.
Да выводитъ Добрынюшка коня да богатырскаго
А со этоей конюшни бѣлодубовой,
А не ѣзжанъ жеребецъ не сѣдланъ былъ;
Клáдываетъ на жеребчика исподнички,
На исподнички да онъ войлочки,
И на войлочки онъ сѣделышко,
Да сѣделышко онъ черкаскоё;
Затягиваетъ Добрынюшка подпруги
И подпруги затягиваетъ двѣнадцатеры, —
Пряжки во подпругахъ булатня желѣза,
А иглы во пряжечкахъ червона золота.
Крыкнулъ Добрынюшка громкимъ голосомъ:
«И поѣду ко рѣченки и ко Почаевой!»
Услыхали ёго слуги вѣрныи,
Выходятъ слуги на шúрокъ дворъ.
Онъ беретъ ли палицю булатнюю,
Енъ беретъ копье долгомѣрное,
Онъ беретъ саблю нá-поясъ,
Беретъ-то плеточку шелкóвую,
И поднимался на коня богатырскаго,
Онъ прижалъ коня да подъ круты ребра,
И шпорамы своима булатнима.
Испрогóворилъ конь таково слово:
— Ай же Добрынюшко Никитиничъ!
— Не жми-тко шпорамы меня подъ круты ребра.—
Енъ поѣхалъ ли Добрыня со широкá двора,
И выѣхалъ въ дороженьку широкую
И поѣхалъ ко рѣчкѣ ко Почаевой.
Онъ плеточкой коня Добрынюшка
И плеточкой коня да онъ попуживаетъ,
Палицей булатнею Добрынюшка поигрываётъ,
Копьемъ долгомѣрнымъ поворáчиваётъ.
И поѣхалъ онъ ко рѣчкѣ ко Почаевой,
И до рѣченьки еще тамъ три поприща
И конь-то ступае по воли своёй.
Да пріѣхалъ ли Добрынюшка ко рѣченьки,
И ко рѣченьки да ко Почаевой,
И выходитъ Добрыня со добрá коня,
Выходитъ-то Добрыня на крутóй берёгъ
И начинаетъ Добрынюшка дѣло дѣлати.

Да прогóворитъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты дѣтинка неудáкова *)!
«Покаравуль-ко ты кони да богатырскаго
«А у той ли у рѣченьки у Почаевой,
«Мнѣ охвота покупаться да й у рѣченьки
«И во рѣченьки во Почаевой,
«Покупати свое тѣло нáгое,
«Тѣло нагое да богатырское.»
Да тутъ протомойки *(такъ)* на рѣчкѣ бѣльé мыли
И бѣлье мыли оны, полоскали оны,
Да прогóворятъ Добрынѣ таково слово:
— Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
— Не купли-тко ты своего тѣла нáгаго
— И во этоёй во рѣченькѣ во Почаевой,
— Тѣла нáгаго богатырскаго,
— Да купли-тко ты въ рубашкѣ полотняноей. —
И зашолъ ли Добрынюшка во рѣченьку,
Окупалъ ли свое да тѣло богатырское
А во этоёй ли рубашкѣ полотняноей.
Да сподъ западнёй сторонкѣ стукъ да гремъ великъ идетъ.
Сколыбаласи на рѣченькѣ на Почаеви *(такъ)*
И свѣжая-та ключевая водушка,
И забилась-то волна по крутымъ берегамъ.
И надѣлся тутъ Добрынюшка въ одежду богатырскую;
Показалиси змѣя да восьмиглавая.
Да по этоёй ли по рѣчкѣ по Почаевой.
Разгорѣлось ёго сердце богатырское,
Разгорѣлись его жилы богатырскіи,
Онъ беретъ-то вѣдь Добрыня саблю въ рученьки
И во рученьки беретъ богатырскіи,
А хочетъ показнить змѣины головы,
Головы змѣины восьмиглавыи.
И смолилась тутъ змѣя восьмиглавая
И голосомъ смолилась человѣчьимъ:
«Не казни-тко ты Добрынюшка змѣиныи головы,
«Я иду ко морю, ко синю морю,
«А иду къ кóролю ко великому,
«Ко великому кóролю да у синя́ моря;
«И есть-то у него да едина дочь,
«Едина дочь королевская:
«Брови-то у нёй черна соболя,
«И очи у нёй ясна сокола,
«По косицамъ-то у нёй звѣзды частыя.
«Я достану-то, Добрынюшка Никитиничъ,
«Я достану эту королевичну отъ синя́ моря,

*) По объясненію Щеголенка, это значитъ: неудалая или неудалливая.

«Да жди-тко ты меня Добрыня три денька.»
Да проходитъ тому временки три деньку,
Приходитъ Добрынюшка ко рѣченьки,
Приходитъ Добрынюшка ко Почаевой,
Стоитъ-то тутъ дѣвица на крутомъ берегу,
А брови-ты у нёй черна соболя,
А очи-ты у ней ясна сокола,
На косицахъ-то у ней звѣзды частыя.
И захватывае Добрынюшка ю за рученьки,
Прижимае ю къ сердечушку ретивому.
Сколыбнулось ёго сердце богатырское
Да прогóворилъ Добрыня таково слово:
— Нонь поѣдемъ мы съ тобой да вѣдь ко городу,
— Да ко городу да мы ко Кіеву,
— Ко тому ли князю́ ко Владиміру.
— Могу ль-то я похвастать таковымъ словомъ
— Русскіимъ могучіимъ богáтырямъ:
— Я досталъ ли красну дѣвицу отъ синя́ моря
— Отъ синя моря отъ короля великаго. —
Да прогóворятъ тутъ русскіи могучіи богáтыри,
Да прогóворятъ тутъ поляницы удалыи:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Да досталъ ли ты ю да красну дѣвицу
«Отъ синя моря да отъ того ли кóроля
«Отъ того ли кóроля да отъ великаго?»
Заводитъ-то Добрынюшка ю въ покои бѣлодýбовы;
Устрашилась его рóдна матушка
Честная вдова Офимья Олександровна, —
И брови-то у нёй черна соболя,
А вѣдь очи-то у нёй да ясна сокола,
И на косицяхъ-то у ней звѣзды частыя.
И прогóворитъ эта честно-мужняя вдова
Да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты досталъ ли, мое ты чадо любимое,
— А дѣвицю отъ синя́ моря отъ короля да ты великаго?
— Вѣдь тутъ теби Добрынюшка Никитиничъ
— Не надѣя-то на красную на дѣвицю,
— Она вышла-то съ земли да вѣдь съ невѣрною,
— Да по заповѣди теби да видь приставила,
— Приставила змѣя да возьмиглавая.
— И оставить надо тутъ Добрынюшка этую дѣвицю
— И не взять-то ёй теби да во супружество,
— Надо докладъ сдѣлать солнышку князю Владиміру. —
Какъ прогóворитъ солнышко Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай ты Добрынюшка Никитиничъ!
«Зачѣмъ же ты оставилъ змѣю восьмиглавую,

«Зачѣмъ же ты да не рубилъ ёй да буйны головы,
«Эти головы да змѣиныя?»

(Конца не помнитъ.)

Записано въ Кижахъ, 7 іюля.

—

124.

ДОБРЫНЯ ВЪ ОПАЛѢ.

Какъ во стольнёмъ во городѣ во Кіевѣ
И у солнышка князя́ да у Владыміра
Собраны были русскіи могучіи бога́тыри,
Да тыи ли полянницы удалыи
Да во ту ли полату гряновитую.
Да тыи русскіи могучіи бога́тыри
По мѣстамъ были вѣдь розсажены,
И были они да вѣдь накормлены,
И накормлены были да вѣдь напо́ены,
И сыты они да вѣдь-то веселы.
И прого́ворилъ солнышко Владиміръ князь,
А Владиміръ князь да стольнё-кіевской:
«Ай вы русскіи могучіи бога́тыри,
«Ай же полянницы вы уда́лыи!
«Я похвастаю вѣдь городомъ,
«А городомъ да вѣдь Кіевомъ.»
Да Самсонъ да вѣдь Самойловичъ
Онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
И тотъ старо́й казакъ Илья Муромецъ
Тоже онъ похвасталъ своёй силой богатырскою,
Дюкъ-то вѣдь Степановичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой **) молодецкою,
И также-то Чурило вѣдь Щаплёнковичъ
Тоже онъ похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
Да сидитъ-то мла́дыи Добрынюшка Микитиничъ,
Да сидитъ за этыимъ столомъ да княженецкіимъ,
А не хвастаетъ онъ никакимъ словомъ.
Тутъ прого́ворилъ солнышко Владыміръ князь,
Владыміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же ты, мла́дыи Добрынюшка Микитиничъ,
«А за что же ты сидишь, ничимъ не хвастаешь?»
Онъ прого́ворилъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ:
— Ты солнышко Владыміръ князь стольне-кіевской,
— Вы русскіи могучіи богатыри,
— Вы всѣ полянницы вы удалыи!
— И я похвастаю своей молодой женой,
— Молодой Настасьей да Никуличной:
— Она князей бояръ съ ума повыведётъ
— И солнышка Владиміра вонъ повыведетъ. —
Это слово не казалось солнышку князю Владиміру,
Онъ станетъ на свои да на рёзвы ноги,
Онъ идётъ своей полатой гряновитоей
И съ ножки на ножку переступываетъ,
И по буйной головушкѣ ручками поглаживаетъ
И самъ прого́воритъ солнышко Владиміръ князь:
«И будутъ ли ко тому дѣлу охвотнички,
«Аль будутъ къ этому дѣлу невольнички?»
И у этого стола княженецкаго
Сидитъ-то тамъ дѣтинушка невеликенькой,
Самъ прого́воритъ да таково слово:
«Да къ этому дѣлу будутъ охвотнички,
«Не надо вѣдь невольничковъ.»
— Бери-тко мла́даго Добрынюшку Никитича
— За этыи за рученьки за бѣлыи,
— За этыи за перстни за злачёные,
— Отведи его во погребы глубокіе
— А за его за рѣчи неумильніи.—
Взялъ ли свёлъ ли мла́даго Добрынюшку
Со той ли со полаты гряновитыи,
И по этыимъ по узкимъ переулочкамъ,
И засадилъ во этыи во погребы глубокіе.
И со той полаты гряновитыи
Донесли таково слово честно-мужнеей вдовы Офимьѣ Александровной:
— И засаженъ ли мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ
— Во этыи во погребы глубокіи. —
Тутъ прого́воритъ честно-мужняя вдова Офимья Александровна
Сквозь свои слёзы да горючіи:
«Я ро́стила мла́даго Добрынюшку Микитича
«Не во богачестви — во сирочестви.»
И проходитъ тому времени да три денька,
И обрубила тутъ Настасья-та Никулична
Свои волоса да по мужичьему,
Да взя́ла ли коня да богатырскаго,
И взяла она свой ту́гой лукъ
Да со этыма со стрѣлочками каленыма,
И пріѣзжаетъ она ко солнышку князю Владиміру
И на княжой дворъ, на богатырской дворъ,
И прого́воритъ ли: — Посолъ земли турецкоей,
— И этого солтана да турецкаго;

*) Такъ, вмѣсто «пощапкой», т. е. щегольствомъ; но Щеголенокъ говорилъ, что не понимаетъ этого слова, чѣмъ и объясняется ошибка въ его произношеніи.

— Покаравульте-тко моего коня да богатырскаго
— И на этоёмъ двори да княженецкоёмъ,
— Я пойду ко солнышку князю Владиміру
— И во этую полату гряновитую. —
Отворялъ ворота онъ тутъ да на́ пяту
Да приходитъ тутъ въ полату гряновитую.
Тутъ всѣ сидятъ русскіи могучіи бога́тыри
И всѣ сидятъ поляницы тутъ удалыи.
Этотъ ли посолъ земли турецкоей
И этого солтана да турецкаго
Онъ крест-отъ кладётъ по писа́ному,
Поклонъ ведётъ по учёному,
На двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
И солнышку князю Владиміру въ особину:
— Ай же ты солнышко Владыміръ князь стольнекіевской!
— Я пріѣхалъ ко твоему ко городу ко Кіеву
— Да просить поединщичка,
— Да стрѣлять-то стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку да изъ ту́таго,
— И во чисто́мъ поли поставить кольцо серебряно
— И класть ли ножичекъ булатніи
— И розрубить ли эту стрѣлочку каленую по́-поламъ:
— Одна другой половина-то не бо́льше,
— Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше. —
И посылаетъ солнышко Владиміръ князь и стольнёкіевской:
«Вы русскіи могучіи бога́тыри!
«Вы подите-тко въ поле во чистое
«Стрѣлять эту стрѣлочку калёную
«Изъ этого изъ луку изъ ту́таго,
«И во это ли кольцо во серебряно,
«Во этотъ ли во ножичекъ булатніи, —
«Розрубить надо стрѣлочку каленую по́-поламъ:
«Одна другой половина-то не больше,
«Одна другой половина да вѣсомъ не тяжельше.»
Тутъ и шли русскіи могучіи богатыри
А на это ли на поле да на чистое;
Тутъ шолъ ли Самсонъ да Самойловичъ,
Тутъ шолъ ли старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Во этоемъ ли полѣ да во чистоемъ
Тамъ наложено кольцо да серебряно,
Ножичекъ тамъ наложенъ да булатній-тотъ.
Стрѣлилъ-то Самсонъ да Самойловичъ
Стрѣлочку да онъ каленую
А изъ этого изъ луку изъ ту́таго,
Первый разъ-то стрѣлилъ да перестрѣлилъ,
Дру́гой разъ-то стрѣлилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
И также старо́й казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Первый разъ-то стрѣлилъ да перестрѣлилъ,
Другой разъ-то стрѣлилъ да не до́стрѣлилъ,
А третій разъ-то стрѣлилъ да попасть не могъ.
И тутъ солнышку князю да Владиміру
Стало это дѣло за досадушку,
Стало за досадушку да за великую:
— Ты солнышко Владыміръ князь да стольнёкіевской!
— Какъ у насъ былъ ли мла́дый-то Добрынюшка Микитиничъ,
— Онъ могъ стрѣлять стрѣлочку калёную
— Изъ этого изъ луку изъ ту́таго. —
Тутъ прого́ворилъ солнышко Владиміръ князь:
«Вы русскіи могучіи богатыри!
«Вы идите-тко ко погребу глубокому,
«Вы достаньте-тко мла́даго Добрынюшку Микитича,
«Отройте-тко пески да вы жолтыи,
«Выпустите его на волю да на вольнюю.»
Вышелъ ли младыи Добрынюшка Микитиничъ
Изъ этого изъ погреба глубокаго,
И приходятъ-то къ солнышку князю да Владиміру
Самсонъ-тотъ да Самойловичъ,
Да старый казакъ Илья Муромецъ,
Приводятъ ли-то мла́даго Добрынюшку Микитича
И во этую полату гряновитую.
И прого́воритъ солнышко Владыміръ князь стольнё-кіевской:
«Да пріѣхалъ ли посолъ земли Турецкоей,
«Да вѣдь этого солтана да турецкаго,
«Проситъ онъ поединщичка
«На это ли на поле да на чистое
«Да стрѣлить ли стрѣлочку каленую.
«Вы подите-тко русскіи могучіи бога́тыри
«Со мла́дымъ Добрынюшкой Микитичемъ,
«И со своимъ ли лукомъ со ту́гіимъ.»
И стрѣли́тъ-то посолъ земли Турецкоей,
Изъ своего изъ луку да изъ ту́таго
И въ это ли кольцо во серебряно
И во этотъ ли ножичекъ булатніи,
Розрубитъ онъ стрѣлочку да вѣдь по́поламъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
И приклался ли мла́дыи Добрынюшка Никитиничъ
И со своимъ ли со лукомъ со ту́гіимъ,
Стрѣли́лъ вѣдь стрѣлочку каленую
И въ это ли кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,

И розрубилъ онъ стрѣлочку каленую пополамъ:
Одна другой половина-то не больше,
Одна другой вѣсомъ не тяжельше.
Выѣхалъ ли младый Добрынюшка Никитиничъ
Со этого ль поля да со чистаго,
Во свою ль полату богатырскую,
Ко той ли ко честнóй вдовы Офимьи Олександровной.
Онъ приходитъ въ свою полату богатырскую,
Онъ крест-отъ кладетъ по писáному,
Поклонъ ведетъ по учéному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется,
Честно-мужніи вдовы Офимьи Олександровной
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Зрадовалась честно-мужняя вдова да вѣдь Офимья Олександровна:
— Ты пріѣхалъ ли младыи Добрынюшка,
— Со этыихъ со погребовъ со глубокіихъ,
— Вышла ли волюшка вольная
— Отъ солнышка князя́ да отъ Владиміра.—
И тутъ тебѣ старинушку да славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

—

125.

ДУНАЙ.

Какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви,
У солнышка князя́ да й у Владиміра,
Были собраны русскіи могучіи богáтыри,
Да вси поляницы ли удáлыи.
Ены ѣли пили да вѣдь кушали
И за этымъ столомъ да княженецкіимъ
И стали оны да вѣдь-то нá весели.
Да прогóворилъ тутъ солнышко Владиміръ князь
Да Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Да вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы да удалыи!
«Да вы знаете ль мнѣ княгину въ супру́жество взять,
«Да было бы мнѣ съ кимъ вѣкъ коротáть,
«Да было бы съ кимъ княжество держать?»
Да прогóворилъ ли млáдый тутъ Добрынюшка:
— Я знаю къ тебѣ да вѣдь княгину взять,
— Да вѣдь будетъ тебѣ съ кимъ вѣкъ коротать,
— Да съ кимъ будетъ княжество держать:
— И есть у короля въ Литвы,
— Есть-то у него да вѣдь три дочери:
— Да перва дочь Опракса королевична,
— Да дру́га дочь Марья королевична,
— Да третья дочь да есть не въ дóрости.
— Да взять теби мошно Опраксу королевичу́,
— Да будетъ теби съ кимъ вѣкъ коротать
— Да вѣкъ коротать, да съ кѣмъ княжество держать.—
Да прогóворитъ тутъ солнышко Владиміръ князь,
Да прогóворитъ онъ да й таковó слово:
«И ай же ты млáдыи Добрынюшка Никитиничъ!
«Поѣзжай-ко ты къ королю въ Литву.»
Онъ прогóворитъ ли млáдыи Добрынюшка:
— И не честь молодцу ѣхать да единому,
— Надо взять дру́таго богáтыря.—
«Выберай себи богáтыря по разуму
«Да ѣхать съ тóбой въ землю во Литовскую.»
Онъ прогóворилъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Да поѣдемъ мы съ тобой въ землю во Литовскую,
— Къ королю туды да вѣдь къ великому,
— Да посватать-то Опраксы королевичной.—
Оны собралися русскіи могучіи богáтыри
Изъ этой-то полаты гряновитоей,
Они заходятъ-то въ конюшню богатырскую,
Надѣваютъ на коней узди́цы да тесмяныя,
Во уздицы повода́ да вѣдь шелкóвыи,
Да вѣдь тыхъ ли шóлковъ, шóлковъ разныихъ,
И разныихъ шолкóвъ да шóлковъ шанскіихъ;
Кладывáютъ на коней да вѣдь исподнички,
На исподнички да оны войлочки,
И на войлочка оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко да вѣдь черкальское,
И затягиваютъ пóдпруги двѣнадцатеры,
И во подпругахъ пряжки серебряны,
И во пряжечки штылёчики чиста золота,
И завязываютъ свясточки семи шолковъ,
И не ради-то красы, ради крѣпости,
Да тыхъ ли шелкóвъ да шóлковъ разныихъ,
Шóлковъ разныихъ да шóлковъ шанскіихъ.
И надѣли на головушку по шляпоньки,
И шляпоньки земли да сорочинскою,
И вѣсомъ шляпы сорока пудовъ;
И взяли по палицы булатнёей,
И взяли по луку по ту́гому,
И взяли по плёточки шелкóвоей,
И садились на коней да богатырскіихъ,
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на эти переулочки на кѣевски,
На эты переулочки на узеньки,
Волею идутъ кони богатырскіи.

али съ града изъ Кіева
путь да въ дороженьку,
али коней да богатырскіихъ,
али-то шпорамы вострыма
этыи да подъ круты́ ребра,
и ихъ плеточкой шелко́вою
ей по степи лошадиною.
ихъ кони богатырскіи —
озера перескакивали,
озёра перемахивали,
дутъ дремучіимъ,
отъ нихъ-то исконыть стаётъ;
али тутъ къ королю въ Литву.
тъ оны́ на королевской дворъ,
тавлено татаръ много́ поганыихъ.
лись тутъ русски могучи бога́тыри
ли-то коней да богатырскіихъ
ю на матушку да на сыру землю.
оритъ тутъ мла́дый да Добрынюшка,
зоритъ онъ да й таково слово:
ты Дунай сынъ Ивановичъ!
уль-ко ты коней да богатырскіихъ,
лъ ли младый Добрынюшка,
пошолъ да королевскіи,
е ворота онъ-то па́ пяту,
ди въ покои королевскіи.
т-отъ кладётъ по писа́ному,
нъ ведётъ по учёному,
на три на четыре сторонки поклоняется,
о дѣлае поклонъ да вѣдь въ особину.
ы Добрынюшка Никитиничъ!
ъ ли ты да й не по старому
храбру да во служеніе?»
ѣхалъ ли посватать-то Опраксы королевичной
солнышка князя Владиміра. —
ходитъ-то татаринъ да поганыи,
ли онъ да й таково слово:
оитъ ли русской могучой бога́тырь,
стоитъ да богатырскіихъ,
рубилъ-то всихъ татаръ да вѣдь поганыихъ,
ѣ татаръ да мало ставится.»
зорилъ король да й таково слово:
личь-тко ты своего русскаго бога́тыря.—
ікалъ-то Дуная сына Иваныча:
татаръ да ты поганыихъ,
ту́пай сю́ды въ полаты королевскіи,
авулятъ нашихъ-то коней да богатырскіихъ.»
олъ ли Дунай да сынъ Ивановичъ
Да во этыи полаты королевскіи;
Да прого́ворилъ тутъ мла́дой да Добрынюшка,
Онъ прого́воритъ опять да таково слово:
«Да когда къ теби пріѣхать къ королю въ Литву?»
— Когда можете вы да спра́виться,
— Тогда пріѣзжайте къ королю въ Литву,
— И отдамъ-то я Опраксу королевичну
— И за солнышка князя́ да за Влади́міра. —
Приглянулась ли Дунаю сыну Иванычу
Да вѣдь эта Марья королевична,
Да прого́ворилъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты король земли Литовскоёй!
«Я не поѣду ко городу назадъ да вѣдь ко Кіеву,
«Если ты дашь за меня Марью королевичну
«Да во этоё велико во супружество.
«Да пусть ѣде мла́дый взадъ Добрынюшка,
«И одинъ ѣде ко городу ко Кіеву.»
Ёнъ остался тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ,
Енъ остался тутъ у короля въ Литвы.
И прого́воритъ вѣдь Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Я мастеръ стрѣлять стрѣлочки калёныи
— Да во этоёмъ во поли да во чистоёмъ,
— И держать въ руки кольцо да серебряно
— Да Дунаю сыну да вѣдь Ивановичу,
— Да стрѣлить вѣдь изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго,
— И стрѣлить стрѣлочку калёную,
— И поставить тутъ да ножичокъ булатніи,
— Да противо кольца да вѣдь серебрянаго,
— Да попасть ли стрѣлочкой калёною
— Да въ это кольцо да во серебряноё,
— Да во этотъ во ножичокъ булатніи,
— Розрубить-то стрѣлочку калёную да вѣдь по́поламъ,
— И одна другой половина да не больше,
— Да чтобы вѣсомъ была одна другой да не тяжельше:
— И тошто*) иду тебѣ въ супружество. —
И натянула она свой да вѣдь ту́гой лукъ,
Да вѣдь стрѣлила стрѣлочку калёную
Да изъ этого изъ луку да изъ ту́гаго,
Да попала она въ кольцо да во серебряно
И во этотъ во ножичокъ булатніи,
И розрубила она стрѣлочку калёную
И одна другой половины не больше,
И вѣсомъ она да не тяжельше.
И онъ прого́воритъ Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты Марья королевична!

*) т. е. тогда или въ такомъ случаѣ.

«Нунь держи-тко ты кольцо да серебряно,
«Да держи-тко ножичокъ булатніи.
«Я буду стрѣлять стрѣлочку калёную
«Да изъ этого изъ луку да изъ тугаго.»
Тутъ прогóворитъ Марья королевична:
— Ай же ты Дунай да сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй-ко ты стрѣлочки калёноей.
— Не попасть теби въ кольцо да во серебряно,
— И не попасть теби въ ножичокъ булатніи,
— Не розрубить теби стрѣлочки калёноей. —
А не могъ терпѣть Дунай да сынъ Ивановичъ:
«Нѣтъ ужъ надо стрѣлить, Марья королевична,
«Да стрѣлочку да вѣдь калёную,
«Да тоже мнѣ изъ луку да изъ тугаго,
«Да попасть во кольцо да во серебряно
«Да во этотъ-то во ножичокъ булатніи.»
Она прогóворитъ Марья королевична,
Да прогóворитъ она да й таково слово:
— Да ты стрѣлишь мнѣ да во бѣлы груди.
— Я спорóжу теби сына да единаго:
— По колѣночку ножки да въ сéребри,
— По локóточки да ручки въ золоти,
— На головушки будутъ волоса звѣзды частыи,
— И очи-ты будутъ ясна сокола. —
Она стала держать Марья королевична
И этого кольца да вѣдь серéбрянаго,
Да вѣдь этого ножичка булáтняго:
И натянулъ ли тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ.
И натянулъ онъ свой да тугой лукъ,
Да спустилъ ли стрѣлочку калёную
Да изъ этого изъ луку да изъ тугаго.
Онъ первой разъ стрѣлилъ да и перéстрѣлилъ,
Да другой-то разъ стрѣлилъ да не дóстрѣлилъ,
Да въ третій разъ стрѣлилъ да въ груди попалъ
Да вѣдь этой Марьи королевичной.
Да приходитъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Онъ приходитъ тутъ да ко бѣлу тѣлу,
Росплаталъ-то ей тутъ грудюшки бѣлыи,
Да засѣянъ-то младенецъ да во чреви:
По колѣночку ножки въ серебри,
По локóточки ручки въ золоти,
На головушки волоса звѣзды частыи,
И глазушка у него ясна сокола.
И заплакалъ тутъ Дунай да сынъ Ивановичъ
Да по этоей по Марьи королевичной,
Говорилъ ли тутъ онъ да таково слово:
«Да гдѣ легла Марья королевична,
«Да на эту легла да на сыру землю,
«Да тутъ лягъ Дунай сынъ Ивановичъ.»
Да лёгъ ли Дунай сынъ Ивановичъ
И возли Марьи королевичной,
И духъ онъ отдалъ Господу Богу.
И посли этого прошла рѣченька Дунай рѣка,
Да тутъ теби старинушку славу поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 8 сентября.

—

126.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольноёмъ во городѣ во Кіевѣ,
При ласковомъ князи при Владиміри,
Была честнáя вдова Часовова жена,
Былá блудна жена да Хотинушкина мать.
Завела она-то честнà вдова Часовова жена,
Завела она тутъ да почестенъ пиръ,
Князей-то бояръ на пиръ посóбрала
И русскіихъ могучіихъ богáтыревъ позáбрала.
Они ѣли да пили на радости,
Пили хмѣльное на весели,
И были-то гости на мѣсто розсаженыи,
И носила тутъ честнà вдова Часовова жена,
Носила по честнóй по чарочкѣ,
И всимъ-то гостямъ да прихожіимъ,
И приходитъ она съ чарочкою зеленою
А къ блудноёй жены да Хотинушки мать;
Сидитъ она — буйная головушка между плечи повѣшеная
И очи ясны во калиновъ мостъ утупленыи,
Чарочки питія съ рукъ не вынимаетъ.
И прогóворитъ Хотинушкина матушка:
«И честна мужняя вдова Часовова жена!
«Я осмѣлюси словцё-то сказать, словцё выразити
«Есть у меня дѣтинушка блудной сынъ. —
«А й ты честнà вдова Часовова жена —
«Есть у тебя единая дѣвушка Устинушка:
«Отдай-ко Устинушку въ законной бракъ
«И за этого за Блудова дѣтинушку Хотинушку.»
И прогóворитъ честна вдова Часовова жена:
— И не отдамъ я Устинушку за блуднаго сына Хотинушку. —
Походятъ гости собѣ съ пиру вонъ,
И пошла тутъ Хотинушкина матушка,
Да буйную голову повѣсила,
А буйную голову междý плечи,
Утупила очи ясны во сырý землю.
И увидѣлъ блудной сынъ Хотинушка,
И приходитъ Хотинушкина матушка
Ко своёй ли полаты жилецкоей,
Да приходитъ она да вѣдь не весела.

Да прогóворитъ Хотинушка блудной сынъ:
«Ай же ты мати моя да ты рóдная!
«И была ты на почестномъ на гостёбищѣ
«А у честной вдовы Часовова жены:
«И мѣсто ль теби не по разуму,
«Аль чарой великой тебя óбнесли,
«Аль словомъ тебя опорочили?»
Говорила ему матушка словечко:
— Ай же ты блудной сынъ Хотинушка!
— Я сказала честной вдовы Часового жены,
— Я сказала ей единое словечушко:
— А дай-ко ты дочерь Устинушку
— Да за блуднаго сына Хотинушку.
— Не отдаетъ она дочери Устинушки
— За блуднаго сына Хотинушку. —
Да прогóворитъ блудный сынъ Хотинушка:
«А мы возьмемъ ее Устинушку.
«Она волею отдастъ, такъ ми волею возьмемъ,
«А вѣдь волей не отдастъ, мы неволей возьмемъ
«А не то, такъ возьмемъ кроволитіемъ.»
И посватали Устинушку въявѣ
И за этого блуднаго сына Хотинушку.
Говорила тутъ честнà вдова Часоваго жена:
— Ой же блудный сынъ да Хотинушка!
— Не отдамъ я дочери Устинушки
— За блуднаго тебе за сына Хотинушку. —
И прогóворитъ Хотинъ да таково слово:
«А мы возьмемъ Устинушку кроволитіемъ.»
Тутъ-то Устинушка не вышла
За этого за блуднаго сына Хотинушку.

(Конца не помнитъ.)

Записано въ Кижахъ. 6 іюля.

—

127.

ЧУРИЛО.

«Поженилъ-то меня батюшко а неволею,
«И женила меня матушка не охвотою,
«Да приданаго много — человѣк-отъ худой;
«Да придано большò на грядкѣ висѝтъ,
«Да золото монета въ кованóмъ ларци,
«Да худая женишка на рукѝ лежитъ,
«И на руки лежитъ да цѣловать велитъ,
«Цѣловать-то мнѣ-ка ёй не хочется.»
И заплёлъ тутъ Щурилушко Щаплёнковичъ
По самоцвѣтному по камешку
Да въ эти лапотики шелкóвыи,
Пошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Со своёй ли со сторонушки рожденыи,
Изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду.
И шолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
И шолъ ли онъ къ королю храбру,
Да нанялся къ королю хробру
Да на десять лѣтъ и во служеніе.
Онъ служилъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Королю въ Литвы да вѣдь литовскому,
Онъ служилъ да вѣрой правдою
Вѣрой правдою да безошибочно,
Да вѣдь ѣлъ да пилъ да съ одного судна.
И проходитъ ему времечко срочное,
И по своёй сторони стосковалоси
Да по этыхъ рожденыхъ родителяхъ,
Да худá-то женишечка на умъ не йдетъ.
И давае королевска ему дочерь
И даваетъ ему дéнежекъ пятьдесятъ рублей,
Пятьдесятъ-то рублей да со полтиною.
Тутъ пошолъ ли-то Щурилушка Щаплёнковичъ
Отъ короля въ Литвы да отъ литовскаго,
И пошолъ-то по городу да Окіянову,
И выходитъ супротиво того домишечку питейнаго.
Изъ питейника домишечка выходитъ-то бабёночка,
Бабёночка турыжная *) да ярыжная,
Подвигается къ Щурилушкѣ да близёхонько,
Да сама-то говоритъ да таково слово:
— Ай же ты дѣтинушка ясéнъ соколъ!
— Пріустали-то твои да рѣзвы поженьки
— Да во этой во пути да й во дороженьки,
— И примахались твои ручки бѣлыи
— А во этоёй пути да й во дороженьки.
— Припечалились уста твои сахáрныи
— А во этоей пути да й во дороженьки,
— Пріустала твоя буйная головушка
— А въ пути дороженьки во шѝрокой.
— Да ты, ясéнъ соколъ дѣтинушка,
— А зайди-тко ты да на царевъ кабакъ,
— Да ты выпей-ко да чару зеленá вина,
— И запей-ко ты медамы настоялыма,
— И окати своё ретивое сердечушко,
— И роспечаль-ко ты свои уста сахáрныи,
— Розвесели свою буйную головушку. —
И онъ зашолъ ли-то Щурилушка Щапленковичъ
Да въ это-то домишечко въ питейное,
Да онъ сѣлъ-то на скамеечку дубовую,
Наливаетъ она чару зеленá вина,
И запилъ онъ тутъ медамы настоялыма.
Тутъ прогóворитъ ясенъ соколъ Щурилушка Щаплёнковичъ:

*) По объясненію Щеголенка. *турыжная* значитъ: оборванная.

«И я жилъ молодецъ у короля въ Литвы,
«И служилъ-то я вѣрой правдою ему,
«И ѣлъ да пилъ я съ одного судна.»
И похвасталъ дочерь королевскою:
«И спалъ я у дочери королевскоей,
«И спалъ я на правой руки,
«И на правой руки у бѣлой груди,
«Цѣловалъ ю во уста да й во сахарныи.»
И услыхали тутъ короля да литовскаго
А слуги вѣдь да и вѣрныи,
Да сковали-то ему да ножки рѣзвыи,
И завѣсили ему да очи ясныи,
И хочутъ вести на поле куликовое.
И онъ проговоритъ Щурилушка Щапленковичъ:
«Ай же вы ребята короля да вы литовскаго!
«Вы возьмите съ меня денежокъ да пятьдесятъ рублей,
«И пятьдесятъ рублей да со полтиною,
«Да ведите меня мимо королевской домъ,
«Да послѣдне мни-ка съ нёй проститися,
«Да послѣдне мнѣ съ ней розставатися.»
Повели его Щурилушку Щаплёнкова
Мимо королевской домъ,
Онъ и крыкнулъ тутъ да громкимъ голосомъ:
«Ай ты дочь-то вѣдь королевская!
«Да послѣднё мни съ тобой проститися,
«Да послѣднё мни да розставатися.»
Проговоритъ-то эта дочь да королевская:
— Вы возьмите-тко съ меня да семдесятъ рублей,
— Да роскуйте ему да ножки рѣзвыи
— И розвяжите ему да ручки бѣлыи,
— И откройте ему да очи ясныи,
— Да спустите на волю да й на вольнюю. —
Онъ взяла дочь королевская
Во свои новы сѣни да рѣшотчаты.
Онъ проговоритъ Щурилушка Щаплёнковичъ:
«Я еще хочу послужить короля въ Литвы,
«Хоть еще бы послужилъ да два годика.»
Да служилъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
Да служилъ еще вѣдь да два годика.
На проходи ему времечко строчное
Ёнъ походитъ Щурилушка Щаплёнковичъ
И давае ему денежокъ пятьдесятъ рублей,
Да сама й говорила таково слово:
— Не зайди-тко больше на царевъ кабакъ,
— И не выпей болѣ чары зелена вина,
— Не запей-ко медамы настоялыма,
— Не похвастай мной королевичной. —
Да пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пошолъ онъ отъ короля съ Литвы,
И опять пришло итти по городу,
И пришло итти да по Кіянову.
И тутъ прошолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ
И этотъ городъ Кіяновъ весь,
И вышелъ на дороженьку на широку,
И пошолъ оттуда изъ земли въ землю,
Изъ земли въ землю да въ свою сторону.
Да идетъ ли Щурилушко Щаплёнковичъ,
Идетъ-то дороженькой да широкой,
Да впереди-то себя пахарь да попахиваётъ,
Лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да сошка у пахаря поскрыпываётъ.
Онъ день-то шолъ да до пахаря не дошолъ,
Да другой день-то дороженькой пошолъ,
И пахарь, слышитъ, попахиваетъ,
И лошадку-то пахарь понукиваётъ,
Да вѣдь сошка у пахаря поскрыпываётъ.
И третей-то день пошолъ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да вѣдь тоже пахарь попахиваётъ,
Да лошадку пахарь понукиваётъ,
И сошка у пахаря поскрыпываетъ.
И третей день шолъ да до пахаря дошолъ;
У пахаря лошадка пѣганенькая,
Да сошка у пахаря кленовенькая,
И омешики на сошки булатъ желѣза:
«И Богъ тебѣ помочь крестьянушко!»
— Да поди-тко дѣтинушка ясенъ соколъ. —
Тутъ пришолъ ли Щурилушка Щаплёнковичъ,
Да пришолъ ли тутъ да во свою сторону
Да ко этымъ рожденымъ родителямъ.
Престарѣли родители рожденыи;
Да здоровался Щурилушко Щаплёнковичъ,
Да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ
Да заплакали рожденыи родители:
— Да пришолъ ли ты Щурилушка Щаплёнковичъ
— Да пришолъ ты да во свою сторону. —
И прожилъ-то Щурилушка Щаплёнковичъ
И отдыхалъ на местечки три денечки,
И слыши по себѣ силу великую,
И ладитъ итти да вѣдь во Кіевъ градъ
Да ко солнышку князю да ко Владиміру,
Да даваться-то на службу богатырскую.
Ёнъ пришолъ ли-то ко городу ко Кіеву
На этотъ ли на дворъ на княженецкой-то,
Отворяе ворота да тутъ онъ на пяту
И въ этую полату гряновитую,
Да тутъ сидятъ русски могучи богатыри,
Вси поляницы тутъ удалыи,
Да за этымъ столомъ да княженецкінмъ.
Ёнъ крест-отъ кладётъ да по писаному,
Да поклон-отъ ведётъ по учоному,

цвѣ на три на четыре сторонки поклоняется
лнышку князю да вѣдь Владиміру
о дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину,
дь самъ говорилъ да таково слово:
і солнышко Владиміръ князь стольнё-кіевской!
ізьми-тко меня въ службу богатырскую.»
возьму тебя Щурилушка Щаплёнковичъ
въ службу къ себи да въ богатырскую,
лько надо служить да вѣрой правдой мнѣ,
рой правдою да безошибочно. —
тебѣ старинушку славу́ поёмъ.

исано въ Петербургѣ, 8 сентября.

—

128.

ДЮКЪ.

стольномъ во городи во Кіеви
олнышка князя́ й у Владиміра,
ился пированьицо почестенъ пиръ
ногихъ на князей на бояръ,
русскихъ могучихъ богатырёвъ,
ъ всихъ поляницъ на удалыихъ.
и на пиру сыты пьяны веселы,
і на пиру розвеселилися.
лшко Владиміръ князь стольнё-кіевской
похвастаетъ-то вѣдь городомъ,
ромъ похвастаетъ да вѣдь Кіевомъ.
онъ да Самойловичъ похвасталъ своей силой богатырской,
гавёръ да сынъ Годиновичъ
похвасталъ своей силой богатырскою,
арой казакъ Илья Муромецъ,
Муромецъ сынъ Ивановичъ,
похвасталъ своей силой богатырскою.
ешенька Попо́въ сынъ
росхвастался своей золотой казной —
ли у молодца — золото́й казной.
ідитъ ли мла́дый Добрынюшка Никитиничъ
похвасталъ своимъ-то конёмъ богатырскіимъ
адъ Ермакъ Тимоѳеевъ сынъ
похвасталъ своей силой богатырскою.
ідитъ тутъ Щурилушка Щаплёнковичъ
похвасталъ своей пошапкой молодецкою,
ідитъ тутъ Дюкъ да Степановичъ
похвасталъ своей пошапкой молодецкою.
ѣхать имъ во полё да во чистоё
зсердить своихъ коней да богатырскіихъ,
Воротиться назадъ да ко рѣченки,
Да ко рѣченки ко Почаевой,
Впоперёкъ-то рѣка верста мѣрная,
Глубиной-то рѣка да сорока сажонъ.
Это слово говоритъ Самсонъ да вѣдь Самойловичъ.
Оны вышли изъ-за стола да изъ-за окольняго,
Да изъ этоей полаты гряновитою,
Да вышли оны на широкъ на бѣлой дворъ,
Оны заходя въ конюшню богатырскую,
И надѣваютъ на коней уздицы чесмяныи.
И во уздицахъ повода были шелковыи,
Вѣдь разныхъ шолковъ шолковъ шанскіихъ,
Кладываютъ на коней оны исподнички,
На исподнички оны войлочки,
На войлочко оны сѣдёлышко,
Да сѣдёлышко они черкальское.
Да затягиваютъ подпруги двѣнадцатеры,
И завязываютъ свясточки семи шелковъ,
Да не для́ ради красы, да ради крѣпости,
Да тыхъ ли шолковъ шелковъ разныихъ,
Да разныихъ шелко́въ да ше́лковъ шанскіихъ.
Пряжечки во подпругахъ серебряны,
Да штылёчики были они чиста зо́лота,
У сапожковъ шпоры була́тъ желѣза,
И осѣдлали коней да богатырскіихъ.
Да Щурилушка тутъ Щаплёнковичъ,
Да Дюкъ да тутъ да Степановичъ,
Шляпоньки на головушки земли да Сорочинскою,
Шляпо́ньки на головушки сорока пудовъ,
И палицы́ булатни сорока́ пудовъ,
И сабли взяли съ со́бой вострыи.
Ёны садились на коней богатырскіихъ,
Выѣзжаютъ со двора да княженецкаго
И на этыи на Кѣевски переулочки,
И сзаду́ ѣдя три русскихъ могучихъ богатыря.
И напередъ ѣде́ Щурилушка Щаплёнковичъ,
Вслѣдъ ѣде Дюкъ да Степановичъ.
Да прого́ворилъ Дюкъ да Степановичъ
Да своему ли коню да богатырскому:
«Ай же ты сивушка бу́рушка,
«Да ты вѣщей во́ронке!
«Какъ ты служилъ моему родителю да батюшку,
«Также и мнѣ послужи вѣрой правдою.»
Да прого́ворилъ тутъ конь голосомъ человѣчьіимъ:
— Ай же ты Дюкъ да Степановичъ!
— Когда сядешь ты на степь да лошадиную
— Да не жми-тко ты шпорами булатныма
— Да подъ эты меня да подъ круты́ ребра,
— Не хлыщи-тко плёточкой шелковою
— Да по этоей по степи лошадиною,
— Не натягай по́водовъ да ты тесмяныихъ.

— Ты держись-ко за гриву да за святу́ гриву,
— Я тошто тебя служить буду вѣрой правдою.—
Оны съѣхали во поле да во чистое
И розсердили-то своихъ коней да богатырскіихъ.
Пріѣхали ко рѣчки ко Почаевой,
Тутъ стоитъ три русскіихъ могучіихъ богатырёвъ,
Да смотрѣть надо на чудо да на чудное.
Ёны скочили до половины рѣченки Почаевой.
Оборвалися у Щурилушки Щаплёнковича
Оборвались повода да вѣдь шелковыи.
Оборвались-то стрёмени булатніи
Въ половины-то рѣченки Почаевой.
Да проговорилъ ли Дюкъ да Степановичъ,
Онъ проговорилъ да таково слово:
«Мнѣ не жалко головы человѣчьею,
«Мнѣ жалко головы лошадиною.»
И взялъ ли коня да богатырскаго
И этого Щурилушки Щаплёнковича,
И взялъ ли Дюкъ да Степановичъ
И вытащилъ его да вѣдь изъ рѣченьки,
Да изъ рѣченьки изъ Почаевой,
И вытащилъ его да й на крутой берёгъ,
Да на этую на матушку сыру землю.
Да проговорилъ тутъ Дюкъ да Степановичъ:
«Ты не хвастай-ко Щурилушка Щаплёнковичъ,
«Да не хвастай ты на дворъ поѣдучи
«Да ты похвастай-ко со двора́ да пойдучи.»
И остудился Щурилушка Щаплёнковичъ
И всѣхъ четырехъ русскихъ могучихъ богатыревъ.
Да тутъ ли старинушку́ и славу́ поютъ.

Записано въ Петербургѣ, 9 сентября.

—

129.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда воцарился Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Тогда возсіяло на небѣ солнышко,
Тогда рыбы всѣ на глубь сошли,
Тогда сбѣжали звѣри въ лѣса тёмныи.
Мы сидѣли да были по конецъ пальца,
Мы ѣли да пили по конецъ стольца:
«Да вы слушайте братцы послухайте,
«Я скажу старину стародавную,
«Стародавную старинушку бывалую,
«Какъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Снарядилъ ли войско подъ Казань-то городъ,
«Тамъ стояло-то войско подъ Казань де городомъ
«Не много не мало семь-то головъ.»
Да проговорилъ пушкарь да таково слово:
— Да ты Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Подкопать бы намъ подкопы глубокіе
— И подъ эты подъ стѣны городовыи,
— Закатить бы намъ бочки съ зельёмъ лютымъ,
— Начинить бы намъ бочки чернымъ порохомъ,
— И зажгать бы намъ свѣчи восковыи
— Во эты во руны во бѣлыи,
— За эты за стѣны да за дубовыи,
— Во рукахъ-то свѣщи догорѣются
— Надъ стѣнами да ничево вѣдь не дѣется.—
«Ай же пушкарь да ты обманываешь!»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Ты позволь слово сказать да словцо вымолвить
— Во рукахъ-то свѣщи да оны ясно горятъ,
— За стѣнами свѣщи оны не ясно горятъ.—
Не успѣлъ ли пушкарь да слова вымолвить,
Трёснули башенки треугольныи,
Разорвало стѣны городовыи,
И зашло тутъ войско во Казань-то городъ,
Да повынесли знамёна со Каза́нь города́,
Да повынесли порфилу-ту царскую,
Изъ-за этого стола да изъ-за окольнёго.
Какъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Ёнъ по свѣтлой по свѣтлици похаживаетъ,
Ёнъ сапогъ о сапогъ поколачиваётъ,
Да самъ онъ говорилъ таково слово:
«И пунь заведу я почестенъ пиръ
«И на многихъ на князей на бояръ,
«И на русскихъ могучихъ богатырёвъ,
«И на всихъ полянницъ на удалыхъ.
«Я повыведу измѣну пунь съ каменной Москвы,
«Я повыведу измѣну со Нова́ города,
«Я повыведу измѣну да й со Опского,
«Я повыведу измѣну да й со Ва́стракани.»
Да проговорилъ тутъ грозной царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты Ѳедоръ да Ивановичъ!
«Да садись-ко на коня да й богатырскаго
«И со этыма поспѣхамы богатырскима.
«Поѣзжай-ко ты да велико́й Москвой,
«Каменной Москвой да ты великой,
«Старыхъ и малыхъ конёмъ топчи,
«Русскихъ могучихъ богатыревъ саблёй руби,
«Да ты не дѣлай-ко измѣны въ каменной Москвы.»
Да поѣхалъ ли-то Ѳедоръ да Ивановичъ
Старыхъ и малыхъ конёмъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богатырёвъ саблёй не рубилъ.
Онъ-то дѣлалъ измѣну-ту въ каменной Москвы.
Пріѣзжаетъ онъ ко двору да тутъ ко царскому,

И ко этому столу да княженецкому,
И отворяе ворота да онъ-то на́ пяту,
Онъ и крестъ-то кладётъ да и по писа́ному,
Онъ и поклонъ-то ведётъ да й по учоному,
И на двѣ на три на четыре на сторонки поклоняется,
Ивану-то Васильевичу дѣлаетъ поклонъ-то въ особину.
Тутъ какъ станетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
И на свои-то да на рѣзвы́ ноги,
И самъ говоритъ да во всю голову:
«Ай вы русскіи могучіи богатыри,
«Ай же вы поляницы удалыи!
«Я повынесъ-то знаме́на съ Каза́нь города,
«Я повынесъ ли порфилу-то царскую
«А зъ-за этого стола да зъ-за окольняго,
«Я вывелъ ли измѣну съ каменной Москвы,
«Я вывелъ ли измѣну со Нова города,
«Я вывелъ ли измѣну вѣдь со Опского,
«Я вывелъ ли измѣну и со Ва́стракани.»
Какъ сидятъ тутъ воры да й Гагарины:
— А ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Да твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
— И твоя-то измѣна на тебя глядитъ. —
Ёнъ кликнулъ Потанюшка Курлатова.
Какъ средней-то тулится за большаго,
Какъ меньшей-то тулится за средняго.
Говоритъ Потанюшка Курлатовъ сынъ:
«А видно мни да ко судьбы пришло.»
Да беретъ-то Ѳедора Ивановича,
Да беретъ-то Скурлатовъ за рученки за бѣлы,
За этыи берётъ ли за перстни злачёныи,
Да поводитъ на поле на чистое,
На ту ль-то на плаху на дубовую,
Отрубить-то ему да буйна го́лова.
И придать смерть ему напрасная,
И вынять сердце со печенью.
И взяла тутъ Настасья Романовна
И стала на свои да на рѣзвы́ ноги,
Надѣвала чере́вички на босу ногу,
Кладывала она шубу соболину на одно плечо,
И шла-то къ стару казаку да къ Никиты Романовичу.
И крест-отъ кладётъ по писаному,
Поклон-отъ ведётъ по учоному,
И на двѣ на три на четыре сторонки поклоняется
Да стару́ казаку Микиты Романовичу
Она дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину:
— Ай ты старой казакъ Микита Романовичъ!
— Да ты цьёшь да ѣшь да прокладаешься,
— А надъ нами ты незгодушки не вѣдаёшь.
— Нѣтъ-то у насъ сына да любимаго
— Ѳедора Ивановича,
— Взялъ ли Малюченка Потанюшка Курлатовъ сынъ
— И взялъ ли за рученки за бѣлыи,
— И за этыи за перстни злачёныи,
— И свёлъ ли на поле на чистое,
— На ту ль-то на плаху дубовую,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— Да придалъ-то смерть ему напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью.
— И нѣтъ твоего крестнаго любимаго
— И Ѳедора да Ивановича. —
Да проговоритъ старо́й казакъ Микита Романовичъ:
«Долго долго не пекало красно солнышко — двѣнадцать лѣтъ,
«Не бывала-то Настасья Романовна
«У стара́ казака Микита Романовича.»
Онъ сталъ ли старо́й казакъ Микита Романовичъ
И на свои сталъ на рѣзвы́ ноги,
И надѣвае босовички на босу ногу,
И надѣвае сертукъ да на одно плечо,
И онъ кидалъ колпакъ да на одно ухо.
Онъ берётъ-то коня да й богатырскаго,
Онъ садится на коня да й богатырскаго,
Онъ крикнулъ тутъ во всю голову:
«Ай же народъ сторонитесь вы!
«Старыхъ и малыхъ конёмъ стопчу,
«Русскихъ могучихъ бога́тыревъ саблёй срублю.»
Далъ народъ улицу широку да вѣдь продо́лговату,
Каменно́й Москвой ѣхать да великою.
И онъ выѣхалъ на поле да й на чистое,
Онъ и крикнулъ тутъ да во всю голову:
«Ай ты Малюченко Потанюшка Курлатовъ сынъ!
«Да ты съѣшь этотъ кусъ да подавишься,
«Да ты выпьешь эту чару захле́бнешься.»
Да пріѣхалъ ли Микита да Романовичъ
Да ко этой ко плахѣ ко дубовою,
И досталъ-то онъ Ѳёдора Ивановича,
И досталъ-то его да вѣдь во живности.
Онъ сходитъ съ коня да й богатырскаго,
Онъ берётъ-то Скурлатова за́ волосы,
Онъ кидае Скурлатова о плаху о дубовую
И отрубилъ-то ему да буйну голову,
Да придалъ смерть да напрасную,
Да вынялъ сердце со пе́ченью.
И севодня дѣется пятница великая,
Завтра буде субота христовская.
И садился тутъ старо́й казакъ Микита Романовичъ

На своего ли коня да богатырскаго,
А со этымъ ли со Оёдоромъ Ивановичемъ.
И привёзъ его въ полату богатырскую.
И въ эту въ суботу во христовскую
Какъ грозный царь Иванъ Васильевичь,
Розсылалъ-то онъ афишки по всимъ сторонамъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь вѣрнымъ,
И по своимъ-то слугамъ да вѣдь подданнымъ:
— Да вы пойдете къ заутреной христовою,
— Вы надѣтьте одежду роспечальную,
— И нѣтъ-то у мня сына да любимаго
— И Оёдора да вѣдь Ивановича.
— Да свёлъ ли Скурлатовъ на чисто поле,
— И отрубилъ-то ему да буйну голову,
— И придалъ ему смерть напрасную,
— Да вынялъ сердце со печенью. —
Да пришли эты слуги ёго вѣрныи,
И пришли эты слуги ёго подданны,
Да пришли-то во церковь во Божію,
Да ко этой заутреной христовою
И надѣта одежда роспечальная.
Да приходитъ старой казакъ Никита Романовичъ
Онъ крест-отъ кладётъ по писаному,
И поклон-отъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Онъ-то дѣлаетъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своёй семьёй, да со моёй сестрой,
— Да со тымъ ли со ясным со соколомъ
— Да со Оёдоромъ да Ивановичемъ! —
Ёнъ повёрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
И взгляне на него да немилымъ окомъ:
«Какъ былъ бы ты собака не въ церкви не въ Божьею,
«Я не далъ бы собакѣ на часъ живота.»
Какъ скаже старой казакъ Микита Романовичъ
— Да живётъ ли грѣшному прощеньицо,
— Да живётъ ли грѣшному благословеньицо? —
«Я простилъ бы да вѣдь некого,
«Я помиловалъ бы да негдѣ взять.»
И повёрнется старой казакъ Микита Романовичъ
Да со этой церкви да со Божьею,
Во свою ль-то онъ полату богатырскую,
Говоритъ-то тутъ Оёдору Иванычу:
— Ай ты мой крестничокъ да мой любимой ты!
— Я досталъ ли-то у грознаго царя у Ивана да Васильевича
— Я досталъ ли у него да вѣдь прощеньицо,
— Я досталъ ли у него да вѣдь благословеньицо.
— Да ты ставай-ко вѣдь по утрушку ранёхонько.
— Умывайся-тко да ты бѣлёхонько,
— Утирайся-тко да вѣдь сухохонько,
— Убирайся ты да хорошохонько,
— Да мы пойдемъ-то вѣдь во церковь да во Божьюю
— И ко этоёй заутреной христовою. —
И пришли оны во церковь да во Божьюю.
Да крестъ оны кладутъ да по писаному,
Да поклонъ ведутъ оны да по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны поклоняются
И грозному царю да вѣдь Ивану Васильевичу
Оны дѣлаютъ поклонъ да вѣдь въ особину.
Да проговоритъ старой казакъ Микита Романовичъ:
— Да ты здравствуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со моёй сестрой да со своёй семьёй
— Да со тымъ ли со ясным со соколомъ
— Да со Оёдоромъ со Ивановичемъ! —
Да повёрнется грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да къ стару казаку Никиты Романовичу,
Онъ берётъ его за рученки за бѣлыи,
И берётъ-то за перстни за злачоныи,
И цѣлуе во уста да во сахарныи,
Да вѣдь самъ говорилъ и таково слово:
«Ай же ты старой казакъ Микита Романовичъ!
«Да чимъ тебя на скори пожаловать:
«Городамы ли тебя и пригородкамы,
«Али ли силою тебя да вѣдь великою,
«Али золотой казной да вѣдь безсчетною?»
— Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мни не надо городовъ съ пригородкамы,
— Мни не надо-то вѣдь силы богатырскою,
— Мни не надо золотой казны безсчотною,
— И у меня-то всего того своего вѣдь есть.
— Мни пожалуй-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Да вѣдь на скори Микитину отчину.
— И кто какой грѣхъ-то сдѣлаетъ
— Кто въ Микитину отчину уйдетъ, того Богъ простилъ. —
Тутъ пожаловалъ ли грозный царь Иванъ Васильевичъ
Какъ на крутй Микитину отчину
Да стару казаку Микиты Романовичу.
Да старинушки и славу поёмъ.

Записано въ Петербургѣ. 8 сентября.

130.

ПТИЦЫ.

(См. Рыбникова, т. II, 59).

ого братцы зима становилась?
вилась зима отъ морозовъ.
братцы становилась весна красна?
красна становилась отъ зимы холодной.
братцы становилось лѣто тепло?
вилось лѣто тепло отъ весны отъ красной.
братцы становилась осень богата?
вилась осень богата отъ лѣта отъ тепла.

дутъ крестьяне стоги,
ить хорошо,
ло и прохладно.
ри живутъ по царствамъ,
ре живутъ-то по мѣстамъ,
кіи судьи живутъ по уѣздамъ,
ы-дьяки живутъ по погостамъ,
оты мелкіи люди живутъ они по подворьямъ.

то бы братцы было вѣсто:
й бабы на печи было мѣсто,
ала она бы — не бурчала бы,
бы подъ носомъ крынка съ тѣстомъ.
старики лежатъ по печамъ,
старушки лежатъ по прилавкамъ,
ы молодицы съ мужьевьями по чуланамъ спятъ,
ы дѣвицы по ошёсткамъ спятъ,
ребята спятъ по зенькамъ спятъ.

изъ далеча изъ далеча,
иняго дунайскаго моря,
летала малая птичка-пташка,
пиваетъ и русскихъ птицъ:
ке вы русскія птицы!
во вамъ жить-то на Руси?»
али русскія птицы:
же ты мала птица-пташка!
рошо намъ жить на Руси:
ѣ птицы у насъ при дѣлѣ,
всѣ птицы у насъ при работѣ
всѣ птицы у насъ при каравулѣ. —
. . . . . .

летали птицы воробьи,
ись оны по коламъ,
ись оны по изгородамъ,
Садились оны по малымъ ракитовымъ кусточкамъ
Да садились оны вдоль зеленой дубравы,
А живутъ оны въ домахъ по рагузу.
Губалъ-птица на морѣ плотникъ.
Ястребъ на морѣ стряпчій:
Съ богатаго двора беретъ по курепку,
Со вдовы съ сироты беретъ по двѣ и по три, —
То есть великая въ немъ неправда.
Лебеди на морѣ были бояра.
Канюкъ на морѣ хлопотникъ,
Гусь на морѣ морской ходатель.
Чайки на морѣ были онѣ погощанки.
Синица была на морѣ пѣвица:
И то она была не пѣвица
То она была пономарица.
И чирка на морѣ она была рыболовка
И побѣднымъ голосомъ она да рыдаетъ,
И рыбы много добываетъ:
И только съ рыбой въ ярманку не ѣздитъ,
И на тую рыбу больше призоръ не бываетъ.
Сойка на морѣ, она была верещага.
Утка на морѣ, она — сѣроплавка.
Селезень-то на морѣ — удалый добрый молодецъ,
Ластушки на морѣ были косатыя красны дѣвушки.
Соловей на морѣ птица
Хорошо поетъ, любо и слушать.
Жавроленочекъ, онъ по поднебесью летаетъ,
Жалобнехонько онъ щекотаетъ.
Вытлюкъ на морѣ травникъ, самъ лѣдникъ.
Куликъ на морѣ долгоногій,
Самъ-то былъ тонконосый.
Косачъ на морѣ казакъ донской
И тетерка на морѣ молодая жонка.
Галки на морѣ, оны погощаны.
Гагара изъ озера въ озеро она летаетъ.
Бѣлка на морѣ была росомаха.
Ворть былъ на морѣ старецъ,
И старецъ онъ былъ строитель,
И былъ строитель, то онъ былъ не строитель,
Былъ онъ монастырскій разоритель.
Журавь на морѣ пономарь монастырскій:
Въ большой колоколъ ударитъ,
Къ обѣднѣ итти заставитъ,
И ножки у него доленьки,
Чулки на ногахъ у него узеньки,
И по мосту ходить онъ не знаетъ,
И мосту мостить не умѣетъ.
И на морѣ медвѣдь кожемяка:
Много кожъ онъ сымаетъ
На ногахъ поршневъ не видаетъ.
И на морѣ волк-отъ овчинникъ:

Много овчинъ онъ снимаетъ,
Много по закустышамъ охичаетъ,
Самъ на себѣ шубы не видаетъ.
Лисица на морѣ — молода молодица:
Много винъ сдѣлае
Про себя вины не скаже,
Дологъ хвостъ на свой не ступитъ.
Заяцъ на морѣ сошки не дѣлае,
Рѣпки не паше,
Рѣпкой сытъ пребываетъ,
Онъ все крестьянина на Руси разоряетъ,
Во вѣки больше онъ сытъ пребываетъ.
Охъ тошнехонько, охъ тяжеленько, —
Кошкѣ на морѣ вдовицы,
И то бобыли — сироты,
День она по печамъ,
День она по ошёсткамъ,
И ночь-то придетъ — пойде по молочнымъ крынкамъ.
Да сорока на морѣ — кабацкая жонка:
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцевъ прибираетъ.
И курица на морѣ побѣдна птица:
И кто ню во дворѣ поимаетъ,
Всякій пирстомъ въ дыры поконае,
Оттуль яицо добывае,
И зятю тёща яйцо добываетъ,
Отъ того тещи и честь залучаетъ.
На морѣ воронница бабка пупорѣзна:
Головище у ней толстое,
Платьице у ней грязное.

Какъ будутъ люди-ты обѣдать,
Какъ станутъ пищи по подоконью бѣгать:
Холодныхъ щей не хлебали,
Горячихъ вѣкъ не видали.

Мы про то, братцы, не знали и не вѣдали,
Что знали то и сказали.

—

XXIII.

ВАСИЛІЙ АКСЕНОВЪ.

Василій Аксеновъ съ Лелякова, 80-лѣтній старикъ-крестьянинъ, грамотный, мастеръ разсказывать сказки и обладающій нѣсколькими лубочными изданіями. На вопросъ о былинахъ, онъ сперва отвѣчалъ, что ихъ всѣ забылъ, но потомъ вспомнилъ отрывокъ про Вольгу и Микулу и другія былины, здѣсь помѣщаемыя. Отъ кого онъ имъ научился, не могъ припомнить.

—

131.

ВОЛЬГА И МИКУЛА *).

Во славномъ городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра
Былъ любимый племянничекъ
Младой Вольга Святославьевичъ.
Князь Владиміръ стольнё-кіевскій
Пожаловалъ ему три города,
Три города что не лучшіихъ:
Гурсовцемъ да Череповцемъ,
Да третьимъ городомъ Орѣховцемъ.
И поѣхалъ племянникъ городовъ смотрѣть
Услыхалъ оратая на нивы **) оручиво,
Услыхалъ оратая за двѣнадцать верстъ
Како ратай покрикиваетъ,
Омешики о камешки поскрипываютъ.
А сошка-та была у него дубовая,
Омешики чистаго серебра,
А присошекъ краснаго золота.
Пріѣхалъ Вольга Святославьевичъ
Самъ говоритъ таково слово:
«Богъ помочь, крестьянинъ оратай, на нивы оручись.»
— Милости просимъ, Вольга Святославьевичъ! —
«Почему ты меня знаешь именёмъ зовешь?»
— А потому тебя знаю, именемъ зову,
— Служилъ твоему батюшкѣ двѣнадцать лѣтъ,
— А за двѣнадцать лѣтъ еще паемъ не взятъ. —
Говоритъ Вольга Святославьевичъ:
«А послужи мнѣ-ка-ва тринадцатый,
«За тринадцать лѣтъ вдругъ наемъ отдамъ.
«А съѣздимъ со мной городовъ смотрѣть.
«И какъ тебя какъ, крестьянинъ, именёмъ зовутъ?»
— Какъ я жита напашу, да домой выволочу,
— Да дома и вымолочу,
— Да солоду напарю и пива наварю,
— Гостей зазову и гостей накормлю,
— И пойдутъ гости будутъ благодаримъ

*) Старикъ Аксеновъ плохо помнилъ эту былину, и нѣкоторые стихи ему подсказывала Степанида Конова (XXI).
**) Это значитъ — въ лѣсу.

— Благодаримъ Микула Селяниновъ. —
Такъ ёнъ какъ бросилъ сошку въ ракитовъ кустъ,
Улетѣла сошка подъ óболоко,
Потомъ упала въ ракитовъ кустъ,
Сошка была двѣнадцать пудъ.
И поѣхалъ съ нимъ городовъ смотрѣть,
А сýлова кобылка пѣшóмъ идетъ,
А Вольгинъ конь пробѣгиваетъ,
А сýлова кобылка во рысь идетъ,
А Вольгинъ конь и гнаться не могъ.
Остался Вольга̀ середи̇̀ лѣса,
Колпакóмъ махалъ, голосомъ кричалъ:
«Не оставь меня, Микула Селяниновъ,
«Не оставь меня середи лѣса.»
А ёнъ скажетъ: «кабы моя кобылка конемъ была,
«Моей кобылкѣ цѣны не было.»

Записано на Леликовѣ, 4 іюля.

—

132.

ДОБРЫНЯ *).

Во славномъ городѣ во Кіевѣ
Жилъ старой Пермятъ Васильевичъ
Имѣлъ жену Катерину Микуличну.
Пріѣзжалъ къ ней гость любимый
Добрыня Микитиничь
У воротъ стучится, колотится,
Выбѣгала тутъ дѣвка поваренка,
Поваренка и челядинка,
Сама говоритъ таково слово:
«Кто у воротъ стучается?
«У насъ стараго Пермята въ домѣ нѣтъ,
«Ушолъ къ обѣднѣ къ божественной.»
Услыхала тутъ Катерина Микулична
И бьетъ она дѣвку правóй рукой на лѣвý лицу:
— Не твое дѣло гостей отказывать,
— А твое дѣло шти кашý варить,
— Шти кашý варить да казаковъ кормить. —
Запускала тутъ Добрыню Микитича,
Сѣли оны играть во шахматы.
Разъ игралъ, Катерину пóигралъ,
Другой игралъ, Катерину пóигралъ,
А третій разъ Катерина ступить не даетъ.
Говоритъ Катерина Микулична:
— Не могу смотрѣть на твою красу,
— Мое бѣлое тѣло ходунóмъ ходитъ,
— Тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ,
— Полны чóботы воды натекли.
— Ложись-ко ты Добрыня на кроваточку. —
И сталъ тутъ Добрыня попихивать,
Тесовая кроваточка поскрипывать.
А тутъ услыхала дѣвка поваренка,
Проходитъ въ эту теплую горницу,
Сама говоритъ таково слово:
«Схожу я къ старому Пермяту Васильевичу,
«Скажу, что есть у тебя гость немилый.»
Проговоритъ Добрыня Микитиницъ:
— Не ходи-тко ты дѣвка къ Пермяту Васильевичу
— Вотъ тебѣ дѣвка косякъ камки,
— Въ золотѣ камочка не погнется. —
На то дѣвка не позáрилась,
А сходила она во Божью церкву,
Сказала старому Пермяту Васильевичу:
«Есть у тебя дома не милый гость
«Занимается съ Катериной Микуличной.»
Не достоявши Пермятъ обѣдни, домой пошолъ,
Бралъ онъ въ руки саблю вострую,
Отрубилъ Добрынѣ буйную голову.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

133.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Какъ во славномъ вó граде во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Было пированьице почестенъ пиръ.
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Тотъ хвастаетъ тѣмъ, иной инымъ,
Умной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Добрымъ конемъ да отцемъ матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой.
А тутъ солнышко Владиміръ князь
Самъ да поросхвастался:
«Кто бы со мной билъ во великъ закладъ
«Скакать отъ города отъ Кіева,
«Отъ Кіева до города Чернигова,
«Между тѣми частыми межу лебедами,
«Межу тою обѣдней завтреницей,
«А пересскóку-то было да ровно триста верстъ.»
Выставалъ тутъ Иванушко Гостиный сынъ
Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Самъ говоритъ таково слово:

*) Здѣсь Добрыня, вѣроятно по обмолвкѣ, поставленъ на мѣсто Чурилы Пленковича.

— Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской!
— Я съ тобою бью во великъ закладъ
— Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова
— А перескоку было ровно триста ворстъ. —
Тутъ проговоритъ Владиміръ князь столенъ-кіевскій:
«У меня-то у князя есть триста жеребцовъ,
«Триста жеребцовъ и три жеребца.
«Кологривый жеребецъ и сивогривый живобецъ
«Есть младый косматый бурушко.
«А у тебя Иванушка Гостиный сынъ
«На космъ-то черти буде повыѣхать?»
Не досидѣвши Иванушка въ пиру домой пошолъ
Не проходитъ онъ во гридни во столовые,
А проходитъ въ конюшенку стоялую
Ко своему-то косматому ко бурушку,
Кланялся ему во правую во лѣвую во ноженку:
— Былъ я у князя на пиру.
— Въ пьяномъ разумѣ поросхвастался
— Скакать отъ города отъ Кіева до Чернигова,
— Между тыма частыма между лебедами,
— Между тою обѣдней завтреницей,
— А перескоку-то будетъ да ровно триста верстъ. —
Насыпалъ тутъ свому косматому бурушку
Пшены бѣлояровой,
Наливалъ ему питьица медвянаго,
Проходитъ во гридни во столовыи,
Во свою во теплую спаленку.
Тутъ Иванушку не очень спится,
Подушечка въ головахъ вертится.
Ставалъ онъ поутру ранёшенько,
Умывался онъ бѣлёшенько,
Одѣвалъ онъ сапожки на ножки
Зеленъ сафьянъ а носы востры,
Около пяты яичко кати,
А подъ пяту воробей пролетитъ,
Сталъ онъ латиться, булатиться,
Булатиться, кольчужиться,
Прошолъ онъ во конюшну стоялую,
Сталъ онъ сѣдлать своего бурушка,
Надѣвалъ онъ шубу соболиную,
Надѣвалъ онъ шапочку соболью
Пушисту и ушисту,
Ушисту и запѣсисту.
Спереди съ-подъ шапки глазъ не видать,
А сзади съ-подъ шапки шеи бѣлоей.
Повелъ онъ своего косматаго бурушка
За поводы шелковыи,
Косматый конь съ Иванушкой шуточки пошучивалъ,
За соболиную шубоньку покусывалъ,
По цѣлому соболю выдергивалъ.
Провелъ онъ своего косматаго бурушку
Ко князю ко Владиміру,
Привязывалъ онъ ко тому столбу да ко точёному.
Ко тому кольцу да къ золоченому,
Проходитъ онъ ко князю ко Владиміру,
Молится Богу по писаному,
Поклонъ ведетъ по учёному
На вси на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты стольне Владиміръ князь, полно спать, пора вставать,
— Закладніи заповѣди пора выполнить. —
Выставалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ай же вы мои конюхи придворныи,
«Гоните-тко вы триста жеребцёвъ и трехъ жеребцёвъ.»
Тутъ скоро конюхи пригнали триста жеребцёвъ и трехъ жеребцовъ
Кологрива жеребца и сивогрива живобеца
И младаго косматаго бурушка.
Иванушковъ конь увидалъ и заржалъ
На тѣхъ триста жеребцевъ.
Кологривый жеребецъ ископытился,
Сивогривой жеребецъ обнаричился *),
А младый косматый бурушко хвостъ заскалъ да въ поле ускалъ,
Въ теремахъ верхи пошатался,
И на столахъ питья росплескался,
А тутъ князи бояра тутъ вси мертвы лежатъ,
А Владиміръ князь ходитъ раскаракою,
Соболиной шубой укрывается,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ай же ты Иванушко Гостиный сынъ!
«Веди-тко своего косматушка бурушка съ моего двора,
«Чортъ съ тобою и съ твоимъ конемъ.»
Только-то они и ѣздили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

134.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Во славномъ городи во Кіеви
Жила-то была честная вдова,

*) Захромалъ.

у вдовушки тридцать дочерей
и оны во спасенье пошли,
разъѣхались по пустымъ пустынямъ
всѣмъ монастырямъ,
становились по крылосамъ
ѣ поютъ «Господи Боже.»
Софеюшка промолвилась:
ла сказать «Господи Боже»
гыпоры сказала: «Васильюшко подвинься сюды.»
шала Васильева матушка,
ешенько бѣжала во Кіевъ градъ,
ривенку купила зелена вина,
ругую купила зелья лютаго.
лью наливала зелена вина,
офеи наливала зелья лютаго.
ритъ она таково слово:
Васильюшко пей да Сафеи не давай,
Сафеюшка пей Василью не давай.»
асильюшко пилъ и Сафеи подносилъ,
афеюшка пила и Василью подносила.
льюшка говоритъ что головушка болитъ,
афея говоритъ: ретиво сердце щемитъ.
оба вдругъ переставились
а вдругъ переславились.
лья несутъ на буйныхъ головахъ,
афею несутъ на бѣлыхъ на рукахъ.
лья хоронили по правую руку,
афею хоронили по лѣвую руку.
Васильѣ выростало кипарично дерево,
афеѣ выростала золота верба,
вмѣсто вершочками свивалися,
мѣсто листочками слипалися.
ъ старый идетъ-то наплачется,
ладый идетъ надивуется,
алый идетъ-то натѣшится.
ъ провѣдала Васильева матушка
арично дерево повырубила,
олоту вербу повысушила.

записано тамъ же, 4 іюля.

—

XXIV.

СТЕПАНИДА НЕКЛЮДИНА.

Степанида Кононовна Неклюдина, Конона Савиновича Неклюдина съ Зяблыхъ ъ, славившагося во всемъ околоткѣ сказителя, оторомъ слыхалъ и г. Рыбниковъ (см. т. III, стр. XXVIII). Ей лѣтъ подъ 50, она, какъ незамужняя дочь, живетъ на отцовской осѣдлости, на Зяблыхъ Нивахъ у Конды, Сѣнногубской волости. Помнитъ она былины плохо, но когда слышала, какъ пѣли другіе, именно Аксёновъ, Сурикова и Дутиковъ, то нерѣдко припоминала, какъ пѣвалъ то или другое мѣсто ея отецъ, и ихъ поправляла или дополняла.

—

135.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

Въ стольнѣмъ красномъ Кіевѣ,
У ласкова князя у Владыміра,
Былъ-то у него почестенъ пиръ
На многихъ на князей на бояровъ,
На русьскіихъ могучіихъ богатыревъ.
Вси на пиру да наѣдалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да поросхвасталися:
Умный хваста отцемъ матерью,
Ой безумный хваста молодой женой,
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сидитъ-то онъ не ѣстъ не пьетъ,
Не ѣстъ не пьетъ ничѣмъ не хвастаетъ.
Сговоритъ Владиміръ стольно-кіевской:
«Душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Что же ты сидишь не ѣшь не пьешь,
«Не ѣшь не пьешь не кушаешь,
«Бѣлыя лебеди не рушаешь?
«Мѣсто ли было тебя не по люби,
«Хлѣбъ да соль не по души,
«Царой тебя пообошли
«Пьяница не надсмѣялась ли?»
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Сговоритъ онъ князю Владыміру:
— Нецѣмъ мнѣ-ка-ва похвастати
— Мѣсто мнѣ-ка по люби
— Хлѣбъ да соль мнѣ-ка по души,
— Пьяница не надсмѣялася.
— Лучше станемъ во великъ закладъ:
— Я пробью свою буйну голову,
— Ты пробей казны своей,
— Казны своей сорокъ тысящей. —
Сговорилъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«Ужъ ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Во хмѣлю дѣтина призахвастался,
«Не на комъ тебѣ повыѣхать

«По широкому роздолью розгуливати.»
Скоро пописали письма крѣпкіи,
Приложили тутъ и ручки бѣлыя,
Ѣхать имъ на добрыхъ коняхъ
Межъ обѣдней и межъ завтреней.
Межу частыма молебнама,
Кó тому ко городу ко Чернигову.
И перебѣгу ко Чернигову триста три версты мѣрныхъ.
Тутъ душка Иванъ Гостиный сынъ
Крест-отъ клалъ по писáному,
Поклоны велъ по учéному,
На вси па четыре па сторонушки,
Князю Владыміру въ особину.
Приходитъ къ полаты бѣлокаменной,
Заходитъ онъ па широкій дворъ,
Отворяетъ конюшню бѣлодубову,
Палъ ёнъ въ ножку правую,
Въ правую ножку лошадиную:
— Ай же ты мой добрый конь!
— Былъ я севодня на честнóмъ пиру,
— Пробилъ я севодня буйнýю головý.
— Можешь ли ты меня вáручити,
— Мою бýйную головку повыкупити? —
Сгóворитъ ему добрый конь,
Сгóворитъ голосомъ человѣчьимъ:
«Ай же ты душка Иванъ Гостиный сынъ!
«Князя Владиміру къ стыду приведу,
«Братца своего, его пóстрамлю,
«Твою буйную голову повыкуплю.»
Взялъ ёнъ за поводы за шелковыи,
За пóдбраздьё за серéбряно
Приводитъ ко тому и ко князю Владиміру,
Приводитъ его на широкій дворъ,
Тутъ сидятъ князи бóяра.
Сталъ онъ пó двору похаживать,
Добраго коня сталъ поважнвати.
Добрый конь сталъ за шубку похватывать
По черному соболю выдéргивати.
Тутъ сидятъ князи бояра,
Сгóворятъ тутъ князи бóяра:
— Глупый душка Иванъ Гостиный сынъ!
— Спортилъ шубу твой добрый конь. —
Душка Иванъ Гостиный сынъ
Говоритъ таково слово:
«Стоитъ эта шубка мнѣ-ка-ва пятьсотъ рублей,
«Живъ я бывалъ, шубку держивалъ,
«Живъ я буду шубку сдѣлаю въ тысящу.»
Приходитъ въ полату бѣлокáменную
Кó тому ко князю ко Владыміру,
Крест-отъ клалъ по писáному,
Поклоны велъ по учéному,
На вси на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину:
«Владиміръ князь стольне-кіевской!
«Время намъ ѣхать на добрыхъ коняхъ
«Кó тому граду ко Чернигову,
«Межу частыма молебнама,
«И перебѣгу ко Чернигову триста три верс мѣрныхъ.»
Зóвопилъ Владыміръ стольне-кіевской:
— Подьте-тко вы мои конюхи,
— Подьте вы на конюшій дворъ,
— Выбирайте-тко мои конюхи
— Тридцать жеребцёвъ, да трехъ жеребцевъ,
— Сивогрива жеребца, кологрива жеребца,
— Маленька полонéнаго воронка,
— Нá него надѣя великая. —
Душка Ивана Гостинаго
Зáржалъ ёго добрый конь,
Князя Владыміра во конюшенки
Вси ты кони мертвы лежатъ:
Сивогривый жеребецъ ископытился,
Кологривый жеребецъ на колѣнка палъ,
Маленькій полоненый воронкé
Голову заляцилъ, хвостъ заломилъ,
Хвостъ заломилъ, черезъ Пучай рѣку скочил
Въ чисто поле ушолъ.
Ай же вы князи бóяра
Буде отдали сумма великая
Душкѣ Ивану Гостиному.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

136.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА *).

Со того ли гóрода со Крякова,
Отъ того ли отъ села да отъ Берёзова,
Поѣзжалъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
На зеленое на затресье
Стрѣлять да гусей лебедей,
Малыхъ перелетныхъ утушекъ.
Онъ не стрѣлилъ ни гуся ни лебедя,
Ни малаго перелетнаго утёнуша.
Показалось это ему за досадушку,

*) По словамъ Кононовой, эта былина обыкновенно и хоромъ, въ четыре или пять голосовъ, весьма жалобным пѣвомъ.

Увидалъ онъ на сыро́мъ дубу черна ворона:
«Я подстрѣлю черна во́рона на сыро́мъ дубу,
«Спущу его тушу о сыру землю,
«Распущу его перья по чисту́ полю.»
Провѣщится птица вѣщая воронъ черныи:
— Старця убить не спасенье,
— Черна ворона подстрѣлить не корысть залучить.
— Подъѣзжай Лука Петровичъ королевской сынъ
— Во да́лече, далече во чисто́ поле,
— Во чисто́мъ полѣ теби буде Божья помочь. —
И нашолъ онъ во чисто́мъ полѣ татариновъ.
Ударили они въ сабли острыи,
Въ сабли вострыи, до обуха притупилися.
Ударили они въ палици булатныи,
У нихъ палици въ рукахъ да пагибалися.
Ударили они рукопашкою, —
Сбилъ Лука Петровичъ королевской сынъ
Татарина да онъ во сыру́ землю,
Сталъ татарину на бѣлы груди,
Заздынулъ ножище выше го́ловы.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
«Ты съ коей земли, да ты съ коей орды,
«Коего́ ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки
«Звеличаютъ тебя да по оте́честву?»
— Кабы я бы былъ да на твоихъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы ни роду ни племени,
— Не спрашивалъ бы я твоей родины,
— Пласталъ бы я твои груди бѣлыя,
— Вынималъ бы сердце со пе́ченью. —
Заздынулъ ножище на второй на конъ.
Его свѣтло око помутилося,
Рука въ плечѣ да застоялася,
Ретиво сердце пріудрогнуло:
«Ты скажи-ка мнѣ татаринъ не утай же мнѣ:
«Ты съ коей земли, да ты съ коей орды,
«Коего ты града урожденіе?
«Тебя какъ-то зовутъ мо́лодца по имечки,
«Звеличаютъ тебя да по отечеству?»
— Когда сталъ ты меня выспрашивать
— Я стану тебѣ розсказывать:
— Со того ли города со Крякова,
— Отъ того села да отъ Березова,
— По имечки меня зовутъ Васильюшкомъ,
— По отечеству я Петровъ-тотъ сынъ. —
Скочилъ Лука Петровичъ на рѣвны́ поти,
Еще бралъ-то братца за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста да во сахарніи,
Повезъ-то онъ его да въ свою сторону,
Ко своей-то ко родители ко матушкѣ
Ко честной вдовы Настасьѣ Александровнѣ.
Приходи во полату бѣлокаменну,
Крестъ онъ клалъ по писа́ному,
Поклоны-то велъ по уче́ному,
На всѣ на три на четыре сторонушки,
Своей матушкѣ бьетъ въ особину:
«Здравствуй матушка честна вдова
«Честна вдова Настасья Александровна!
«Я привезъ теби съ поля гостя любимаго.
«Составляй-ко ему ѣствушки сахарныи,
«Напиточки полаживай медвяныи.»
— Ахъ ты чадо мое милое
— Варила бы я этимъ гостямъ смолу вареную
— И толкла бы имъ версту *) толченую.
— Тому времячки есть двѣнадцать лѣтъ
— Увезли у меня сына Василья Петровича троемѣсячна. —
«Пойдемъ-ка родитель матушка,
«Не татарина привезъ тебѣ съ чиста́ поля, —
«Братца родимаго, твоего-то сына любимаго.»
Подвелъ къ столбу каменному,
Потомъ показывалъ сына любимаго,
Сдѣлали здоровье плотнехонько.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

137.

ПТИЦЫ И ЗВѢРИ **).

Отчего братцы зима становилась?
Становилась зима отъ морозовъ,
Отъ зимы наставала весна красная,
Отъ весны наставало лѣто теплое,
Отъ теплаго лѣта наставала осень богатая.
Цари-то живутъ наши по царствамъ,
Воеводы-то живутъ по уѣздамъ,
Попы дьяки живутъ по погостамъ,
Крестьне живутъ по деревнямъ,
Бобыли сироты вкругъ тыхъ же,
Чтобы было братцы про то вѣсто,
Старо́й бабы на печи бы мѣсто,
А подъ носомъ крынка съ тѣстомъ,
Чтобъ она лежала не ворчала.

*) Каменье.

**) Нѣкоторые стихи въ этой «старинкѣ» подсказывалъ Дутиковъ (XXIII).

Изъ моря мо́ря со дунайскаго моря,
Прилетала малая птица пѣвица,
Садилася на деревцо калиново.
Прилетали тутъ русьскіи птицы,
Садилися они вси по коламъ,
Садилися они вси по изгородки,
Вдоль по зеленыя дубровкѣ,
Учали жупѣть и говорити,
Какъ младъ соловей щекотати,
А русьскаго голоса являти.
Кто у насъ на морѣ больше,
Кто у насъ на морѣ меньше.

Зеле́нъ птица на морѣ наплетникъ,
Зуй на морѣ поваръ,
Клевецъ на морѣ плотникъ,
Колзанъ на морѣ поддеверье,
Витлюкъ ключникъ язычникъ,
Жаворонокъ земскій
То-есть очищикъ дерѣвенской,
Пава на морѣ гостья богата,
Павины жонки торговки,
Пѣтухи козаки донскіе
То наши молодцы удалые,
Держитъ куръ по двѣ и по три,
И держитъ по цѣлому десятку,
И всихъ онъ наряжаетъ
И вси его боятся.
Не такъ какъ на Руси крестьяне:
Одной баженой женки
И той нарядить не умѣютъ.

Сорока на морѣ кабацкая жонка
Съ ножки на ножку скакала,
Удалыхъ молодцовъ примѣчала,
То себи честь залучала.
Воро́на на морѣ пупорѣзная бабка.
Журавь на морѣ вытегорскій,
То пономарь монастырскій:
Въ бо́льшой колоколъ ударитъ,
Завтракать обѣдать кличетъ.
Побѣдная птица курица
Кто ее во дворѣ поймаетъ,
Всяка въ ней жопу покопаетъ,
Яйца добываетъ,
Зятю свѣту запасаетъ.
Отъ зятя свѣта честь залучаетъ.

Сѣрый волкъ овчинникъ.
По многу о́вецъ съѣдаетъ,
А шубу себѣ не видаетъ,
По закустошью почуетъ,
Надѣется на свою на теплую шубу.
Старый медвѣдь кожемяка,
По многу кожъ сминаетъ.
А порткёнъ на ногахъ не видаетъ.
Кошечка вдовица
Та сирота бобылица,
День она по нечамъ,
Ночь она по добычамъ:
Молосны крынки ломаетъ.
За то и бьютъ безпощадно.
Собака на мори свекрова,
Много она бранится,
Никто ея не боится.
А лисица на мори молодица:
Долгій хвостъ да не ступитъ,
Сдѣла вину да не скажетъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

XXV.

ДОМНА СУРИКОВА.

Домна Васильевна Сурикова, крестьянка дер. Конды Сѣнногубской волости, вдова лѣтъ 40, раскольница. Былины, которыя она поетъ очень складно и отчетливо, хотя слабымъ дребезжащимъ голосомъ, она переняла отъ стариковъ, между которыми особенно отличался Копонъ съ Зяблыхъ-Нивъ Пѣть съ такою разстановкою, чтобы можно было записать былины съ «голоса», а не со словесной передачи, она не могла привыкнуть. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она знала также, но уже плохо помнила, былину про Илью и Соловья разбойника, а также пѣла стихъ про царя Соломона, извѣстный по изданію г. Рыбникова.

—

138.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Рѣки-то озера ко Нову́городу,
Мхи-то болота ко Бѣлоозеры,
Широки роздо́лья ко О́ическому,
Темныя лѣса ко Смоленскому,

поля къ Ерусолóлиму.
ка Казань подошла подъ Острохань:
ъ выпадала во Черно́ море,
ли во морюшко во Черное.
ется сподобляется,
яется царь Ка́лина
льнёму городу ко Кіеву,
кову князю Владиміру,
ря со царицей во полонъ обрать,
еньку царевну въ замужеству.
ъ свою силу по три году,
ъ силы и смѣты нѣтъ.
залъ своей силы великоей
о мѣсто бросить по камешку,
гора превеличающа:
силы, что смѣты нѣтъ.
ритъ царь Ка́линъ подъ Кіевъ градъ,
вилъ свою силу въ чисто́мъ поли,
ралъ онъ лучше татаревьевъ,
ае къ стольнему городу Кіеву,
кову князю Владиміру:
те мои князи бо́яра,
послы царя Ка́лина!
те ко стольнему городу ко Кіеву,
аскову князю Владиміру,
просите у дверей придверниковъ,
ютъ не спросите приворотниковъ, —
райте вы двери на́ пяту,
ките конвертъ на золоченый столъ,
овесно ему выговаривайте
ову князю Владиміру:
ї были улици опаханы,
ї были дворы очищены,
бъ дворы богатырски,
бы полаты княженецки,
ы было гдѣ стоять царю Калину,
ы было гдѣ стоять намъ князьямъ боярамъ.»
Владиміръ стольне-кіевской
лъ онъ свой почестенъ пиръ,
хъ на князей на бояровъ,
скіихъ могучихъ бога́тыревъ.
е солнце на вечери,
енъ пиръ у нихъ на ве́сели.
пиру пьяны веселы.
того стола за дубоваго
ітъ Владиміръ стольне-кіевской,
ъ бьетъ челомъ поклоняется:
русскіи могучіи богатыри:
обите мни дума думати:
мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
етъ насъ со царицей во полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выскочилъ Алешенька Поповичъ тотъ сынъ.
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольнаго города Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра,
«Бей войска безъ драки безъ великоей.»
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіе богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выскочилъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Не отдадимъ мы стольнаго града Кіева,
«Тебе ласкова князя Владиміра
«Безъ войска безъ драки безъ великоей.»
А 'ще Владиміръ стольне-кіевской
Имъ бьетъ челомъ, поклоняется:
— Вы русскіе могучіи богатыри!
— Вы пособите мнѣ дума думати:
— Что мнѣ дѣлать съ царемъ Ка́линомъ?
— Хочетъ насъ съ царицей въ полонъ обрать,
— Душеньку царевну въ замужество. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ ёнъ таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Послыхай мене стараго каза́ка Илью Муромца
«Положи на мису красна золота,
«На другу чистаго серебра,
«На третью скатнаго жемчуга.
«Заложи коляску княженецкую,
«Меня-то возьми во запятнички,
«Съѣздимъ въ далече во чисто поле,
«Свезем къ царю Калину дороги подарочки,
«Времени упросимъ на два мѣсяца:
«Чтобы было когды улицы опахивать,
«Чтобы было когда дворы очищивать,
«Тыи бы дворы богатырскіи,
«Тыи бы полаты княженецкіи,
«Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
«Было бы стоять гдѣ князьямъ боярамъ.»
Послухалъ Владиміръ стольне-кіевской

Стараго казака Илью Муромца
Положилъ на мису красна золота,
На другу чистаго серебра,
На третью скатнаго жемчуга,
Заложилъ коляску княженецкую,
Илью Муромца взялъ въ запятнички,
Поѣхали въ далече во чисто поле,
Свезли царю Ка́лину дороги подарочки,
Времени упросили на два мѣсяца:
Чтобы было когды улицы опахивать,
Чтобы было когда дворы очищивать,
Тыи бы дворы богатырскіи,
Тыи бы полаты княженецкіи,
Чтобы было гдѣ стоять царю Ка́лину,
Чтобы было гдѣ стоять князьямъ боярамъ.
Собрались тутъ руськіи могучіи богатыри,
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Сподобляется Олешенька Поповъ-тотъ сынъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими,
Не для ради красы басы угожества,—
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,—
Одна курева стоитъ во чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Олеша во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ двадцати саженъ.
На деревце повѣсилъ одну кисточку,
Одну кисточку повѣсилъ золоченую,
Не для ради красы басы угожества,
Для ради признашки богатырскоей:
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Алеша во чистомъ поли,
На этой на за́ставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются сподобляются.
Сподобляется Добрынюшка Микитиничъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,—
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдучи
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣзжаетъ Добрыня во чисто поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ тридцати саженъ,
На деревце повѣсилъ двѣ кисточки,
Двѣ кисточки повѣсилъ золочены
Не для ради красы басы угожества,
Для ради закрѣпы богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Добрыня во чисто́мъ поли
На той ли на за́ставы великоей.
Мало по малу справляются,
Справляются сподобляются.
Сподобляется старый казакъ Илья Муромецъ
Во да́лече дале́че во чисто́ поле,
Сѣдлае уздае добра коня:
На коня положилъ онъ войлочки,
На войлочки клалъ онъ по́теси,
На потеси сѣделышко черкаское,
Подвязывалъ двѣнадцать потесей,
Подвязывалъ шелками муханьскими
Не для ради красы басы угожества,—
Для ради закрѣпы богатырскоей.
Пряжки клалъ мѣди казанскоей,
Стремянки желѣза булатнаго.
Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ въ чистомъ поли
Отъ ёго копытъ отъ лошадиныихъ.

Пріѣзжаетъ Илья во чисто́ поле
Къ тому дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому ко каменю къ Олатырю.
Роздернулъ ёнъ свой бѣлъ шатеръ,
Во шатеръ поставилъ добра коня,
Насыпалъ пшены бѣлояровой,
О шатёръ поставилъ одно деревцо,
Одно деревце поставилъ сорока саженъ,
На деревце повѣсилъ три кисточки,
Три кисточки повѣсилъ золоченыихъ,
Не ради красы басы угожества,
Для ради пристрашки богатырскоей,
Чтобы знали поганые татарова,
Что стоитъ Илья Муромецъ въ чисто́мъ поли,
На этой на за́ставы великоей.
Мало по малу справляются,
Мало по малу сподобляются.
Собрались двѣнадцать богатыревъ
На эту на заставу великую.
Тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
Енъ по городу похаживатъ,
Куньей шубой окрывается.
У стольняго у города у Кіева
Хлѣба трёснуть-ѣсть — е́ кому,
А за Кіевъ градъ по́стоять — некому.
Съ того царева со ка́бака
Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныихъ,
Повыскочилъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ай ты мой крестный батюшко!
— Дай-ко мнѣ коня богатырскаго,
— Поѣду въ да́лече во чисто́ поле
— На эту на за́ставу великую. —
Спрого́воритъ князь стольне-кіевской:
«Ты, младый вьюношъ, пере́рвешься,
«Не будешь впередъ ты богатыремъ.»
— Дашь коня, крёстный батюшка, —
— Я поѣду во чисто́ поле;
— А не дашь коня, я пѣшомъ пойду. —
Владиміръ стольне-кіевской
Онъ далъ ему добра коня.
Скочилъ Ермакъ на добра коня,
Не на сѣдланаго, не на узданаго,
Только вид'ли добра молодца сядуци,
А не вид'ли во чисто́ поле поѣдуци,
Одна курева стоитъ во чистомъ поли
Отъ его копытъ отъ лошадиныихъ.
Пріѣхалъ Ермакъ на заставу великую
Къ тому къ дубу ко Невиду,
Къ тому кресту Леванидову,
Къ бѣлому каменю къ Олатырю,
Оставилъ коня непривязанаго.
Пришелъ Ермакъ во бѣлъ шатеръ
Къ тому Ильи, Ильи Муромцу,
Сидятъ двѣнадцать богатыревъ
Играютъ въ шашки въ шахматы заморскіи.
Спрого́воритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
— Во томъ во городѣ Кіевѣ
— Хлѣба трёснуть ѣсть е́ кому, —
— А за Кіевъ градъ по́стоять некому. —
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Поди-тко младый Ермакъ Тимоѳеевичъ,
«Повыстань, поди, во сырой дубъ,
«Считай-ко силу по знаменью,
«Погляди на силу великую:
«Ужо ли сила на ходъ пошла?»
Повысталъ Ермакъ во сы́рой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую,
А тамъ сила на ходъ пошла.
Скочилъ Ермакъ со сыра́ дуба
Садился Ермакъ на добра́ коня,
Съѣхалъ въ силу великую.
Сидѣли богатыри въ бѣломъ шатрѣ.
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Сходи-тко Добрыня во сы́рой дубъ:
«Не упалъ ли Ермакъ со сыра́ дуба?»
Пришолъ Добрыня во сырой дубъ,
Поглядѣлъ на силу великую.
Тамъ не ясный соколъ полетываетъ,
Не черный воронъ попурхиваетъ,
Поскакивалъ уда́лой добрый молодецъ
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Пришолъ Добрыня со сыра дуба,
Къ Ильѣ Муромцу пришолъ во бѣло́й шатеръ:
— Ай же вы русскіе могучіе богатыри!
— Ѣздн въ силы великоей
— У насъ не ясный соколъ полетываетъ,
— Не черный воронъ попурхиваетъ,
— Поскакивае удалой добрый молодецъ
— Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ. —
Спрого́вори старый казакъ Илья Муромецъ:
«Вы русскіе могучіе богатыри!
«Садитесь богатыри на добры́хъ коней,
«Поѣзжайте въ силу великую,
«Берите храпы желѣзныи,
«Младому Ермаку Тимоѳеевичу
«Накидывайте на плечи могутніи,
«Пословесно его уговаривайте:
«Ты сегодня позавтракалъ,
«Дай ты намъ хоть пообѣдати.
«А онъ младый вьюношъ перервется,

«Не будетъ впередъ онъ богатыремъ.»
А тутъ русскіе могучіи богатыри
Брали храпы желѣзныи
Накидывали на плечи могутніи
Мла́дому Ермаку Тимоѳеевичу,
Пословесно ему выговаривали:
— Младый вьюношь перервешься
— Не будешь впредь богатыремъ.
— Ай ты младый Ермакъ Тимоѳеевичъ!
— Дай намъ хоть пообѣдати. —
Тутъ русскіе могучіи богатыри
Вывели съ силы съ великой
Младаго Ермака Тимоѳеевича.
Заѣхалъ который отъ Нова́города,
Который отъ Бѣла́озера,
Который заѣхалъ отъ Кіева,
Который заѣхалъ отъ Еросо́лима
Всю прибили силу великую.
Тутъ въ одно мѣсто богатыри съѣхались,
А тутъ они поросхвастались:
«Кабы была на небо лѣстница,
«Мы прибили бы мы всю силу небесную.»
А тутъ у́бьютъ татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Прибились они, примучились,
И другъ другаго прикололи прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,
Остался одинъ младый Ермакъ Тимоѳеевичъ.
Младый Ермакъ Тимоѳеевичъ
Пріѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
— Ай ты любимый мой крестничекъ!
— Чимъ тебя нынь мнѣ пожаловать?
— Мызами тебя, али дачами,
— Али жаловать тебя золотой казной? —
А спрого́вори младый Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Ай ты крёстный мой батюшка!
«Тымъ только меня пожалуйте:
«Въ кажномъ царевомъ ка́бакѣ,
«Пить пивцё-винцё безденежно.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

139.

ДУНАЙ.

У стольнаго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра,
Было́ пированье почестенъ пиръ,
На вси на князи, на бо́яра,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ поляницъ на удалыхъ.
Красно солнце на ве́чери,
Почестенъ пиръ у нихъ на ве́сели.
Вси на пиру пьяны ве́селы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́датью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
Кто ли конима добрыма,
Кто ли платьями цвѣтныма,
Изъ-за того стола зъ-за ду́бова,
Зъ-за того пиру́ зъ-за почо́стнаго,
Выходи Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай же вы князи, князи бо́яра,
— Всѣ руськіе могучіе бога́тыри!
— Вси вы на пиру принакормлены,
— Вси вы на пиру принапоены,
— Вси вы на пиру пьяны веселы,
— Вси вы на пиру испоженены,
— Я у васъ одинъ холостъ не́женатъ.
— Дайте вы мнѣ супротивную
— Чтобы станикомъ она была ровнёшенька,
— Ростомъ была высокёшенька,
— Очи бы были ясна со́кола,
— Брови бы были черна́ соболя,
— Чтобы тѣло было снѣгу бѣлаго,
— Волосомъ желта, и умо́мъ сверста́. —
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго.
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ сильнёй Дунай Ивановичъ,
Бьетъ челомъ поклонятся:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я тебѣ знаю супротивную.
«Е во земляхъ Ляховинскіихъ
«У ко́роля Микулы Ляховинскаго,
«Е у него дви до́чери:
«Больша дочь Настасья Микулична
«Ѣзди въ чистомъ поли, полякуетъ.
«Меньша дочь Опраксія Микулична
«За тридевять сидитъ за замочками
«За тридевять сидитъ за сторожочками.»
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
— Достаньте вы Опраксію Микуличну
— Руськіе могучіе бога́тыри. —
Спрого́вори сильнёй Дунай Ивановичъ:

«Дай ты мнѣ во товáрищи
«Хоть млáдаго Добрыню Микитьевича.
«Пишите письма скорописчаты
«О добромъ дѣлѣ о свáтовствѣ,
«Сѣдлайте уздайте добрыхъ коней.»
Дали ему во товарищахъ
Млáдаго Добрыню Микитьевича,
Писали письма скорописчаты
О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
Сѣдлали уздали добрыхъ коней,
На коней клали попýтники,
На попутники клали наметники,
На наметники сѣделышка черкасскіи,
Вид'ли добрыхъ молодцовъ сѣдучи,
А не вид'ли во чисто поле поѣдучи.
Не воротами мóлодцы поѣхали, —
Ихъ добры кони черезъ стѣну скочили городовую,
Поѣхали дорогамы не окольныма,
А поѣхали дорогамы прямоѣзжима.
Скоро скажется, а тихо дѣется.
Пріѣхали въ земли ляховинскіи,
Къ кóролю Микулѣ Ляховинскому.
Ёнъ оставилъ Добрыню середи́ двора.
Во лѣвóй рукѣ два пóвода шелковыихъ,
Держитъ два кóмоня дóбрыихъ,
Во правóй рукѣ дубинка вязовая.
А Дунай пошолъ на высóкъ теремъ,
Пришолъ Дунай на высокъ теремъ
Крестъ кладетъ по писáному,
Поклонъ ведетъ по учёному,
На двѣ нá три па четыре на сторонушки,
А кóролю Микулѣ въ особину:
«Здравствуй король земли Ляховинскія!»
Спрогóвори король земли Ляховинскія:
— Ай же вы горланы святорусскіе!
— Зачѣмъ же пріѣхали на королéвскій дворъ?
— Безданно заѣхали безпошлинно? —
Спрогóвори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Заѣхали мы на королевскій дворъ
«Хоть безданно, заѣхали безпошлинно,
«О добромъ дѣлѣ о свáтовствѣ.»
Кладывае письма скорописчаты,
На столики ёнъ на дубовые,
Спрогóвори король земли Ляховинскія:
— Хоть вы пріѣхали о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ,
— Я за ваши рѣчи неумильныя
— На годъ тебя кладу въ конюхи,
— На дрýгой кладу тебя во пóвары,
— А на третій кладу въ пóгребы глубокіи,
— Желѣзной дощечкой призадвину тебя,
— Пропитомство кладу овсá съ водой.
— Пусть-ко Дунай воспотѣшится,
— Ума разума въ головку побирается. —
Онъ повѣсилъ свою буйную головушку,
Утопилъ свои ясныя очушки
А въ тыи столики дубовыи,
Въ тыи мосты во кленовыи,
Здынулъ свою бѣлую ручушку,
Ударилъ кулакомъ во столики.
Тутъ столики вси порозсыпались,
Крыльца перильца покосились.
Король по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой окрывается:
— Ахъ ти мú ребята на бѣду попалъ,
— Ахъ ти мú ребята на великую:
— Не знаю какъ съ бѣдою розвязатися? —
Прибѣжали слуги его вѣрныи
Съ его двора королевскаго:
«Король земли ляховицкія!
«Ты ѣшь пьешь похлаждаешься,
«А надъ собою невзгоды не вѣдаешь.
«На твоемъ дворѣ на королевскоемъ
«Не ясный соколъ полетываетъ,
«Не черный воронъ попурхиваетъ:
«Поскакивалъ удалый добрый молодецъ.
«Въ лѣвой руки два повода шелковыихъ
«Держитъ два кóмоня добрыихъ,
«Во правой руки дубинка вязовая,
«Полна дубина свинцу нáлита.
«Енъ куды махнéтъ, падутъ ýлицама,
«А óтмахнетъ — переулками,
«Крупныхъ татаръ убилъ сорокъ тысячей,
«А мелкимъ татаришкомъ тымъ и смѣты нѣтъ.
«Не оставилъ татаришекъ на сѣмены.»
Король земли ляховинскія
Ёнъ по терему побѣгиваетъ,
Куньей шубой укрывается:
— Бѣжите слуги мои вѣрныи,
— Отом(к)ните тридевять замочики,
— Ведите Опраксію Микуличну,
— Мойте Опраксію бѣлешенько,
— Сокрутите ю хорошохонько,
— Посадите ю на добра коня,
— Отпустите въ земли святорусьскіи. —
Сходили слуги его вѣрныи,
Отом(к)нули тридевять замочики,
Взяли Опраксію Микуличну,
Мыли тутъ Опраксію бѣлешенько,
Сокрутили ю хорошонько,
Посадили ю на добра коня,
Отпустили въ земли святорусьскіи.
Въ томъ во чистóмъ полюшки

Сустигла ихъ темная ночушка.
Бѣлъ они шатёръ роздернули и спать легли.
Въ головы клали саблю вострую,
Возли себя копье мурмецкое,
Въ ноги палицу булатную.
Вставае сильнёй Дунай Ивановичъ
По утрушку вставае ранёшенько,
Выходи на путисту дороженку,
Тамъ ѣде полянница удалая,
По колѣнъ въ землю конь угрязываетъ.
Прибѣжалъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Вставай Добрыня Микитьевичъ!
«Садись Добрыня на добра коня,
«Поѣзжай ты въ земли святорусьски,
«Веви Опраксію Микуличну,
«Скажи поклони, челомъ-битьице,
«Всему городу Кіеву,
«Ласкову князю Владиміру.
«Ащé ль я живъ буду, поѣду за полянницей за удалою.»
Съѣхались съ полянницей они съ удалою,
Начали биться тутъ ратиться.
Ударились пáлицами булатныма, —
Палицы до рукъ приломáлися.
Ударились копьями мурамецкима, —
Копейца въ однó мѣсто свивалися.
Ударились саблями вострыма, —
Сабли до рукъ притупилися;
Боле нечѣмъ биться ратиться.
Стали биться боемъ кулачнымъ,
Ёнъ побилъ полянницу удалую:
Не самъ ёнъ побилъ, ему Богъ пособилъ.
Вынялъ съ ножни свой вострый ножъ,
Хоть пластать ёй бѣлу грудь.
А груди мяки по женьскому.
Сталъ у нёй тутъ и выспрашивать:
«Скажи полянница удалая!
«Какой ты орды и какой земли?»
А говорить полянница удалая:
— Я кабы сидѣла на твоихъ грудяхъ,
— Пластала бы твои груди бѣлыя,
— Не спрашивала бы ни какой орды ни какой земли. —
Говоритъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Не стану я пластать твоихъ бѣлыхъ грудь,
«Только скажи ты какой орды, какой земли?»
— Коли ты сталъ у меня выспрашивать,
— Я тебѣ буду высказывать:
— Я есть земли Ляховинской,
— Короля Микулы Ляховинскія
— Бóльша дочь Настасья Микулична.
— Пріѣхали горланы святорусьски,
— Увезли мою сестрицу родимую. —
Спрогóвори сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Ай же ты Настасья Микулична!
«Сядемъ-ка, пойдемъ на добрыхъ коней
«Поѣдемъ-ко къ стольнёму граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю Владиміру,
«Станемъ мы креститься молитвиться,
«Сходимъ мы съ тобою во Божью церковь,
«Примемъ мы съ тобою золоты вѣнци.»
Здымалъ ю за ручки за бѣлыи,
За тыи перстни злачеными,
Посадилъ Настасью на добра коня,
Поѣхали они тутъ во Кіевъ градъ.
Настасья Микулична во Божью церковь,
Апраксія Микулична съ Божьёй церкви.
На церковномъ крыльцѣ они встрѣтилися,
Тутъ они поздоровались,
Сходили тутъ они во Божью церковь,
Приняли тутъ они золоты вѣнци,
Жили они тутъ и три годы.
Тутъ князь Владиміръ кіевской,
Заводилъ онъ свой почестенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяровъ,
На русьскихъ могучихъ богатыревъ.
Красно солнце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на весели,
Вси на пиру пьяны веселы.
Спрогóворитъ сильнёй Дунай Ивановичъ:
«Я-ка въ зéмляхъ Ляховинскіихъ
«Какъ самъ женился, да царя женилъ,
«Вытащилъ двѣ бѣлыя двѣ лебеди.»
А спрогóвори Настасья Микуличка:
— Ай же ты сильнёй Дунай Ивановичъ!
— Хоть ты самъ женился да царя женилъ,
— Хоть ты вытащилъ двѣ бѣлыхъ лебеди;
— Много въ чистóмъ поли ѣзживалъ,
— А не стрѣливалъ только стрѣлочки каленоей,
— А не попадывалъ въ колечко золоченое.
— Какъ я стрѣлю стрѣлочку каленую,
— Такъ я попаду въ колечко золоченое,
— Не убью тебя во чистóмъ поли.
— А тебѣ не стрѣлить стрѣлочки каленой,
— Чтобы попасть въ колечко золоченое:
— Ты убьешь Настасью Микуличну. —
Тутъ они пошли во чистó поле.
Настасья Микуличка стрѣлила стрѣлочку каленую
Такъ попала въ колечко золоченое.
Тутъ она и расплакалась:
— Ай же сильнёй Дунай сынъ Ивановичъ!
— Не стрѣляй стрѣлочки каленоей,

— Тебѣ не попасть въ колечко золоченое. —
Тутъ сильнѣй Дунай Ивановичъ
Стрѣлилъ стрѣлочку каленую,
Не попалъ въ колечко золоченое,
Попалъ Настасьѣ Микуличнѣ въ бѣлы груди,
Убилъ Настасью Микуличну, расплакался:
«Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ пади и ясно́й соколъ.»
Вынялъ зъ ножни́ свой вострой ножъ,
Поставилъ вострый ножъ на сыру землю,
Тупымъ концемъ во сыру землю,
Востры́мъ концемъ во бѣлы груди.
Гдѣ пала лебедь бѣлая, тутъ протеки рѣка Черная,
А гдѣ сильный Дунай, Дунай сынъ Ивановичъ,
Тутъ протеки матушка Дунай рѣка
Отъ нынь и до вѣка.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

140.

СТАВЕРЪ.

У стольняго города у Кіева,
У ласкова князя у Владиміра
Заводилось пировинье, почестенъ пиръ
На всихъ на князей, на бояровъ,
На русскихъ могучихъ богатырей,
На всихъ полянищъ на удалыихъ.
Красно солнце на вечери,
Почестенъ пиръ у нихъ на весели.
Вси на пиру пьяны веселы,
Вси на пиру наѣдалися,
Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвастались:
Умный похвасталъ отцемъ матерью,
А безумный похвасталъ молодой женой.
Кто хвасталъ своей у́далью,
А кто хвасталъ своей у́частью.
За тымъ же столикомъ за дубовымъ
Сидитъ молодой гость Черниговской,
Мо́лодой Ставёръ сынъ Годиновичъ.
Не ѣстъ, не пьетъ ёнъ, не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ,
Ничѣмъ онъ молодецъ не хвастаетъ.
Подходитъ князь стольне-кіевской:
«Что ты молодый гость Черниговскій,
«Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ,
«Не ѣшь, не пьешь, ты не кушаешь,
«Бѣлой лебеди не рушаешь,
«Ничѣмъ ты не похвастаешь?»
Тутъ дородный добрый молодецъ
Молодой Ставёръ сынъ Годиновичъ
Наѣлся, напился, расхвастался.
— Чѣмъ мнѣ-ка молодцу хвастати?
— У меня у молода Ставра
— Сапожки на ножкахъ не держатся,
— Цвѣтныи платья не носятся,
— Золоты кареты не ломаются,
— Добрыи кони не ѣздятся,
— Вѣрныи слуги не старятся.
— А 'ще у меня у молода Ставра
— Есть-то жонка молодая,
— Всихъ князей бояръ обманула она,
— Самого царя съ ума выведетъ. —
«Ты скажи молодой Ставеръ!
«Для чего сапожки на ножкахъ не держатся,
«Цвѣтное платье не носится,
«Зо́лоты кареты не ломаются,
«Добрыи кони не ѣздятся,
«Вѣрныи слуги не ста́рятся?»
— Кожу я куплю себи хорошую,
— Мастера у меня придворны:
— Сошьютъ мнѣ-ка-ва̀ хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку по́держу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яры.
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— Оттого платьице у меня не носится:
— Суконце куплю хорошее,
— Мастера у меня придворны:
— Сошьютъ мнѣ-ка-ва̀ хорошохонько.
— Я день держу, да другой держу,
— Много что недѣльку по́держу,
— Снесу въ лавоньку торговую,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яры,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А оттого кареты не ломаются:
— Тыи кареты со двора пошли,
— А другіи кареты на готовый на дворъ придутъ.
— Да съ того добры кони не ѣздятся:
— У меня кобылочки хорошія,
— Носятъ жеребчиковъ хорошіихъ.
— Я годъ держу, да другой держу,
— Сгоню же я на рыночекъ,
— Вамъ же продамъ, князи бо́яра,
— Цѣну я съ васъ возьму полную.
— А 'ще ка у меня молода Ставра
— Есть-ка жонка молодая,
— Всихъ князей бояръ обманула ёна,

— Самого царя съ ума выведетъ. —
Тутъ его за хвастки великіи,
Тутъ его за рѣчи неумныя
Посадили въ погреба глубокіи,
Задвинули дощечками желѣзными,
Ворота засыпали песками желтыми,
Пропитомство клали овсà съ водой.
Остался у него мла́дый па́робокъ,
Одна дружинушка хорабрая.
Крестъ на лицё, съ терема́ долой.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Приходитъ къ городу Чернигову,
Идетъ ступае на высо́къ теремъ
Къ тоей Василисты Микуличной,
Крестъ кладе́ по писаному,
Поклонъ веде́ по ученому.
У ёй Василисты Микуличны
Были забраны гостюшки любимыи.
Она ѣстъ, да пьетъ, кушаетъ,
Надъ собой невзгоды не вѣдаетъ,
Что не стало у нёй молода Ставра,
Посадили его въ по́гребы глубокіи.
Спроговори младоій паробокъ:
«Ай Василиста Микулична!
«Ѣшь ты пьешь, да кушаешь,
«Надъ собою невзгоды не вѣдаешь,
«Что не стало у тебя молода Ставра.
«Посаженъ въ по́гребы глубокіи
«За его за хвастки великіи.»
Спрого́ворила Василиста Микулична:
— Подите вы гости по своимъ домамъ,
— Нынѣ мнѣ гости не до васъ пришло:
— Не стало у меня ясна сокола
— Молода Ставра сына Годиновича! —
Тутъ Василиста Микулична
Волосы подбрила по мужичьему,
Платья надѣла богатырскіи,
Сходила въ конюшечку во новую,
Взяла жеребчика неѣзжанаго.
Сѣдлала уздала добра коня,
Сѣделышко клала черкаское,
Положила стремянки булатныи,
Пряжки мѣди казанскоей:
Не для ради красы басы угожества
А для ради закрѣпы богатырскоей
Сѣла она да поѣхала.
Скоро скажется, тихо сдѣется.
Будэ у города у Кіева,
У ласкова князя Владиміра.
Остановила коня середи двора,
Непривязанаго, неприказанаго,
Скоренько идетъ на высо́къ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны веде́ по ученому,
На всѣ на четыре сторонушки,
Князю Владиміру въ особину
Съ молодой княгиней съ Опраксіей.
Спрого́вори князь стольне-кіевской:
«Откуда ты дородный добрый молодецъ?
«Откуда-ва ѣдешь, куда путь держишь?
— А есть я земли Тальянской.
— А любимый племянникъ королевскіій.
— Пріѣхалъ на твоей дочкѣ посвататься
— На мо́лодой Настасьѣ Владиміровны. —
Спрого́воритъ князь стольне-кіевскій:
«Ай же ты Настасья Владиміровна!
«Не хочу тебя держать, хочу за му́жъ отдать,
«За любимаго племянника королевскаго.»
Спрого́воритъ Настасья Владиміровна:
— Ай же ты батюшка Владиміръ стольне-кіевской!
— Не отдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по свято́й Руси.
— У ней жопа крутинька по женьскому,
— Походка частенька по женьскому.
— Груди мяконьки по женьскому. —
«Сходимъ мы съ нимъ въ парну баенку,
«Я тутъ его и по́смотрю.»
«Ай дородный добрый молодецъ!
«Не угодно ли въ баяньку попариться?»
— Не худо съ дорожки парна баенка. —
Она была да лукавая:
На тую пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила неѣзжаныхъ.
Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской.
Она той порой вымылась и упарилась,
Скоро съ баянки справилась.
«Что ты дородній добрый молодецъ
«Не долго мылся парился,
«Скоро съ баянки справился?»
— У насъ вѣдь справы не по царскому,
— А у насъ справы по дорожному. —
Спрого́ворилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты Настасья Владиміровна!
«Я отдамъ тебя за королевскаго племянника.»
— Ай же батюшко Владиміръ князь стольне-кіевской.
— Не выдай ты дѣвицы за женщины,
— Не надѣлай смѣху по святой Руси. —
«А мы его спровѣдаемъ,
«Положимъ на перину на царскую:

«Буде мужчина, — подъ плечами буде ямина,
«А женщина, — буде подъ жопою.»
Она была то лукавая:
Жопой легла на изголовьицо.
Спрогóворитъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же дородній добрый молодецъ!
«Не угодно-ль поиграть въ шашки въ шахматы заморскіи?»
А спрогóворитъ добродній добрый молодецъ:
— У насъ онъ эвтомъ дѣло не свѣдано,
— Игроки у меня съ дому не взяты.
— Пожалуй, поиграемъ въ шашки въ шахматы заморскіи. —
Обыграла царя со царицею,
Всѣхъ игроковъ придворныхъ.
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай ты дородній добрый молодецъ!
«Больше у меня нѐкому съ тобой ѝграть
«Въ шашки шахматы заморскіи.»
А спрогóворилъ дородній добрый молодецъ:
— Никто въ Расеи не могъ меня óбыграть,
— Одинъ то меня и обыгрывалъ Ставеръ Годиновичъ.
— Когда я бывалъ во Черниговѣ
— Одинъ-то онъ меня обыгрывалъ. —
Сходилъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Выпустилъ Ставра изъ погребовъ глубокіихъ.
Сѣли со Ставромъ Годиновичемъ
Они играть въ шашки шахматы заморскіи,
Спрогóвори ему дородній добрый молодецъ:
— Помнишь ли молодой Ставеръ сынъ Годиновичъ
— Какъ мы съ тобой живали во Черниговѣ?
— Я была чернильницей, а ты перомъ лебединымъ,
— Ты въ меня частенько помакивалъ,
— Я въ тебѣ тогды-сегды. —
Спрогóворилъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:
«Дородній добрый молодецъ!
«Я все позабылъ сидючи въ пóгребахъ глубокіихъ.»
Спрогóворилъ дородній добрый молодецъ:
— Помнишь Ставеръ сынъ Годиновичъ!
— Какъ мы живали во Черниговѣ
— Я ходила кобы́лицей,
— А ты жеребчикомъ некладенымъ:
— Ты на меня частенько поскакивалъ,
— Я на тебѣ тогды-сегды.
— Съѣдемся Ставеръ во чистомъ поли,
— Попробуемъ силы богатырскоей!
— Дай-ко Владиміръ стольне-кіевской
— Дай-ко Ставру молодà коня
— Съѣздить со мной во чисто поле,
— Спробовать силы богатырской! —
Сѣли на добры́хъ коней поѣхали,
Уѣхали они во Черниговъ градъ.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

141.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Въ славномъ было во Новѣгородѣ,
Жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
~~Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,~~
Живучи Буславъ не старился,
На достали Буславъ переставился,
Со Новымъ Градомъ не перечился,
Съ каменной Москвой спору не было.
Оставалоси чадо милое
Мóлодый Василій сынъ Буславьевичъ.
Сталъ по улицкамъ похаживать,
Съ робятами шуточки пошучивать:
Кого за руку дернетъ—рука съ плеча,
Кого за ногу дернетъ—нога съ колѣнъ,
Кого за голову дернетъ—голова съ плечи вонъ.
Собирались мужики новгородскіи,
Собрались къ Васильевой матушки.
«Ай же Васильева матушка,
«Молодая Фетьма Тимоѳеевна!
«Уйми свое чадо милое
«Молода Василій Буславьева.
«А не уймешь Васильюшка Буслаева,
«Будемъ унимать всимъ Новымъ Градомъ,
«Сгонимъ Васильюшка подъ Волхово,
«Пихнемъ Васильюшка въ Волхово.»
Тутъ Васильева матушка,
Молода Фетьма Тимоѳеевна,
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Хватила свое чадо милое,
Хватила подъ правую полъ пазуху.
— Ай ты Василій сынъ Буслаевичъ!
— Какъ жилъ Буславъ девяносто лѣтъ,
— Жилъ Буславъ цѣлу тысящу,
— Живучи Буславъ не старѣлся,
— На достали Буславъ переставился,
— Со Новымъ Градомъ не перечился,
— А съ каменной Москвой спору не было.
Василій сынъ Буславьевъ

Завелъ онъ свой почестенъ пиръ.
Наку́рилъ Василій зелена́ вина,
Наварилъ Василій пива пьянаго,
На бѣлой дворъ бочки выкатывалъ,
На бочкахъ подписи подписывалъ,
На вёдрахъ подрѣзи подрѣзывалъ.
Мѣрой чара полтора ведра,
Вѣсомъ чара полтора пуда.
«Тотъ поди ко мнѣ на почестенъ пиръ,
«Кто выпьетъ эту чару зелена вина,
«Кто истерпи мой черленой вязъ.»
Какъ идутъ мужики новгородскіе
Скажутъ: къ чорту Василья и съ честнымъ пиромъ.
Идетъ встрѣту маленькій Потанюшко,
На правую ножку припадываетъ,
Онъ на небо поглядываетъ.
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Не ходи Потаня на почестенъ пиръ!
«Не выпить тебѣ чары зелена́ вина,
«И не стерпѣть вяза черленаго.»
Пришелъ-то маленькій Потанюшко,
Пришелъ Потаня на почестенъ пиръ,
Хватилъ ёнъ чарочку одной рукой,
Пилъ онъ чарочку однимъ духомъ.
Хлопнулъ Василій сынъ Буслаевичъ
Хлопнулъ вязомъ черленымъ,
Стоитъ Потанюшко не стряхнется,
Его жолтыи кудри не сворохнутся.
Спрого́воритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Ай же ты маленькій Потанюшка!
— Поди ко мнѣ въ дружинушки въ хоробрыи.—
Тутъ мужики новгородскіе
Заводили они почестенъ пиръ,
Наку́рили они зелена́ вина,
Наварили пива пьянаго.
А всихъ-то они на́ пиръ по́звали,
А Василія Буславьева и не по́звали.
Спрого́вори Василій сынъ Буславьевичъ:
— Пойду я, матушка на почестенъ пиръ! —
Спрого́воритъ матушка родимая
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не ходи, Василій, на поче́стенъ пиръ!
«Вси придутъ на пиръ гости званыи,
«Ты при́дешь на пиръ незваный гость.»
Спрого́воритъ Василій сынъ Буслаевичъ:
— Пойду я, матушка, на почестенъ пиръ!
— Куда меня посадятъ, я тамъ сижу.
— Что могу достать, то я ѣмъ да пью. —
Пошли со дружиною на поче́стенъ пиръ.
Приходитъ Василій на поче́стенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіи!
«Поди Василій сынъ Буславьевичъ!
«Садись Василій во большомъ углу.»
Кормили тутъ Васильюшка досыта,
Поили Васильюшка до́пьяна.
«Бейся Васильюшка во великъ закладъ,
«Завтра итти на Волхово!
«Мы станемъ биться всимъ Новымъ-Градомъ,
«А ты двоима со дружинушкой.»
Пошелъ Василій со честна́ пиру,
Приходитъ къ матушкѣ родимоей
Прикручинивши, припечаливши.
Спрого́вори матушка родимая:
— Эй же Василій сынъ Буслаевичъ!
— Что ты Василій прикручинивши,
— Что ты Василій припечаливши?
— Вѣдь не чарой Василій тебя обнесли,
— Либо пьяница собою обезчестила? —
Спрого́вори маленькой Потанюшка,
Его дружинушка хоробрая:
«Чарой Василья не о́бнесли,
«И пьяница собака не обезчестила:
«Ёнъ глупымъ умомъ, хмѣльнымъ ра́зумомъ,
«Бился Василій о великъ закладъ:
«Что итти съ-у́тра на Волхово,
«Имъ биться всимъ Новымъ Градомъ.
«А намъ двоима со дружинушкой.»
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна
Чоботы надернула на босы́ ноги,
Шубу накинула на одно плече,
Намистку положила красна золота,
На дру́гую чистаго серебра.
На третьюю скатнаго жемчуга.
Пришла она на почестенъ пиръ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
— Здравствуйте мужики новгородскіе!
— Возьмите до́роги подарочки,
— Простите Василья во той вины. —
Говорятъ мужики новгородскіе:
«Мы не во́зьмемъ дороги подарочки
«И не простимъ Василья во той вины.
«Хоть повладѣемъ Васильевыма ко́нями добры»
«Повладѣемъ платьями цвѣтныма!»
Тутъ молодая Фетьма Тимоѳеевна,
Крестъ на лицё, да съ терема́ долой.
Ударила чоботомъ во ли́пину,
А улетѣла ли́пина во задній тынъ,
А у нихъ задній тынъ весь и разсыпался,

рыльца перильца покосилися.
Василій сынъ Буслаевичъ
ая по утру ранешенько,
ъ на Дунай рѣку купатися.
ъ стрѣту дѣвушка чернавушка.
же ты Василій сынъ Буслаевичъ!
алъ загудки загадывать,
не знаешь нонѣ отгадывать:
ибили дружину во чистомъ поли. —
Василій сынъ Буслаевичъ
ы надернулъ на босу ногу,
накинулъ на одно плече,
ъ накинулъ на одно ухо.
лъ Василій свой черленый вязъ,
калъ Василій во чисто поле.
въ стрѣчу старчищо Андронищо,
де крѣстный батюшко,
ъ на голову Софеинъ колоколъ.
же ты крѣстный батюшко!
ѣмъ надѣлъ на голову Софеинъ колоколъ?»
путь крѣстнаго батюшку,
старчищо Андронищо.
ѣжалъ Васильюшко на Волхово,
по Волхову поскакивать,
ѣнымъ вязомъ помахивать.
махнетъ—падутъ улицамъ,
перехватъ махнетъ—переулкама.
ѣнямы головы переломаны,
ѣкамы головы перевязаны.
лъ къ Васильевой матушкѣ.
ѣ же Васильева матушка,
олодая Фетьма Тимоѳеевна!
ѣми свое чадо милое,
ставь людей хоть и на сѣмена. —
Васильева матушка
ты надернула на босы ноги,
у накинула на одно плече,
ѣжала она на Волхово,
ла свое чадо милое,
ла подъ правую подъ пазуху.
же ты Василій сынъ Буславичъ!
ъ Буславъ девяносто лѣтъ,
ъ Буславъ цѣлу тысящу,
вучи Буславъ не старился,
достали Буславъ переставился,
Новымъ Градомъ не перечился,
каменной Москвой спору ве было.»
несла Василья со чиста поля,
Василій сынъ Буслаевичъ
ритъ онъ матушкѣ родимоей:
ѣ же ты матушка родимая!
— Утрось я не завтракалъ, вечеръ я и не ужиналъ,
— Дай хоть сегодня пообѣдати.
— Спусти меня молодца въ Еросолимъ градъ,
— Во святую святыню помолитися,
— Ко Христову гробу приложитися.
— Во Ердань рѣку окупатися.
— Сдѣлалъ я велико прегрѣшеніе,
— Прибилъ много мужиковъ новгородскіихъ! —
Говоритъ Васильева матушка
Молодая Фетьма Тимоѳеевна:
«Не спущу тебя Василья во Еросолимъ градъ,
«Тебе мнѣ-ка-ва больше жива не видать.»
— Ай же матушка родимая!
— Спустишь—поѣду, а не спустишь—пойду. —
Оснастили суденушко дубовое,
Со своей съ дружинушкой хороброю
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали къ матушкѣ Сивонь горы.
Пошли на матушку Сивонь гору,
Пошли по матушкѣ Сивонь горѣ,
Лежитъ тутъ кость сухоялова.
Тутъ Василій сынъ Буслаевичъ
Сталъ этой костью попинывать,
Сталъ этой костью полягивать.
Спрогóвори кость сухоялово
Гласомъ яна человѣческимъ:
«Ты бы хоть Василій сынъ Буслаевичъ
«Меня бы кости не попинывалъ,
«Меня бы кости не полягивалъ,
«Тебѣ со мной лежать во товарищахъ.»
Плюнулъ Васильюшко, да прочь пошелъ.
«Сама спала себи сонъ вид'ла.»
Сѣли въ суденушко, поѣхали.
Пріѣхали они въ Еросолимъ городъ,
Сходили въ святую святыню помолилися,
Ко Христову гробу приложилися;
Пришелъ Василій сынъ Буслаевичъ,
Окупался въ матушкѣ Ердань рѣкѣ.
Идетъ та дѣвушка чернавушка,
Говоритъ Васильюшку Буславьеву:
— Ай Василій сынъ Буслаевичъ!
— Нагимъ тѣломъ въ Ердань рѣки не куплются,
— Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!
— А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ. —
Сѣли въ суденушко, съ дружинушкой поѣхали.
Заболѣла у Васильюшка буйная головушка.
Спрогóвори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ай же дружинушка хоробрая!
«Болитъ у меня буйная головушка.

«Вечоръ были мы на матушкѣ Сивонь горѣ,
«Пошли мы съ костью разбранилися,
«Пошли мы съ костью не простилися.
«Заѣдемъ-ко на матушку Сивонь гору,
«Простимся у кости сухояловой.»
Пріѣхали на матушку Сивонь гору
Гдѣ лежала кость сухоялова.
Тутъ лежитъ въ томъ мѣстѣ синь камень.
Въ долину камень сорокъ сажень.
Въ ширину камень двадцать сажень.
Спрогóвори Василій сынъ Буслаевичъ:
«Ту дружинушка скачи въ поперекъ камня.
«А я скачу вдоль каменя;
«Перескочимъ черéзъ камень!»
Скочилъ Васильюшко вдоль каменя,
Палъ Васильюшко о синь камень.
Рѣчёнъ языкъ въ головкѣ поворотится,
Говоритъ дружинушкѣ хоробрыя:
«Съѣдешь дружинушка хоробрая
«Къ моей матушкѣ родимоей, —
«Вели поминать Васильюшка Буславьева.»

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

142.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

У Грознаго царя Ивана Васильевича
Былъ у его почéстенъ пиръ
На всихъ на князей на бóяръ,
На русьскіихъ могучіихъ богатыревъ.
Красное солнце нá вечери,
Почéстенъ пиръ у нихъ нá весели.
Вси на пиру пьяны вéселы.
Спрогóворитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Повывелъ я измѣну со Новáгорода,
«Повывелъ я измѣну съ каменной Москвы,
«Повывелъ я измѣну и со Кіева.»
Спрогóворилъ его а'ще мельщій сынъ:
— Ай же ты батюшка родимый мой!
— Хоть повывелъ ты измѣну со Кіева,
— Хоть повывелъ ты измѣну со Новáгорода,
— Хоть повывелъ ты измѣну съ каменной Москвы,
— А с у тебя измѣна подъ правимъ плечомъ.
— Какъ я которой ѣхалъ улицей,
— Я казнилъ чисто на чисто.
— Дядюшко какъ ѣхалъ улицей,
— Тоже казнилъ чисто на чисто.
— А братецъ какъ ѣхалъ улицей,
— Тотъ казнилъ чисто не нà чисто:
— Впереди себя послалъ скорй гонца,
— Чтобы мужики новгородскіи
— По погребамъ они бы охитялися,
— А желѣзными бы досками задвигалися.
— Онъ казнилъ чисто не нá чисто. —
Тутъ царьское сердце расходилося.
Хмѣльнымъ умомъ, да пьянымъ разумомъ,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Говоритъ онъ да таково слово:
«Ай палачикй немилóсливыя!
«Ведите мо'го сына бóльшаго
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсьте ему ясныя очушки,
«Сѣките ему буйную голову.»
Тутъ вси на пиру испужалися,
Тутъ вси на пиру разбѣжалися.
Зъ-за того стола зъ-за дубоваго,
Зъ-за того пиру зъ-за почостнаго,
Выходитъ воръ Малютка Скурлатовъ синъ.
Взялъ его сына бóльшаго
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злачеными,
Повелъ за болото за житное,
На тую доску на липову
Отсѣчь ему буйная головушка.
Прознала его матушка родная,
Прознала Анна Романовна.
Чоботы надернула на босы ноги,
Шубу накинула на одно плечо,
Прибѣжала къ братцу къ Микитѣ Романовичу.
Идетъ скоренько на высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому.
Спрогóвори братецъ, Микита Романовичъ.
— Нежда́на гостьица ко мнй пришла! —
Спрогóвори Анна Романовна:
«Ай же ты братецъ Микита Романовичъ!
«Ты-ль надо мною надсмѣхаешься?
«Али ты надо мной надрываешься?
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня вѣдь сына бóльшаго
«Мóлода Ѳедора Ивановича,
«Свелъ воръ Малютка Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсить ему ясныя очушки,
«Сѣчь его буйная головушка.»
Тутъ Микита Романовичъ

Скорёшенько онъ тутъ исправился:
Чоботы надернулъ на босы ноги,
Шубу накинулъ на одно плече,
Колпакъ накинулъ на одно ухо,
Палъ на коня не на сёдланаго,
Колпакомъ махалъ, голосомъ кричалъ:
— Не казните-тко вы сына царскаго! —
Пріѣхалъ за болото тутъ за житное
Къ той доски онъ къ липовой.
Положенъ Ѳедоръ Ивановичъ на тую дощечку на липовую,
Завѣшены ясныя очушки,
А не сѣчена буйная головушка.
Тутъ хватилъ его за ручки за бѣлыи,
Выздынулъ съ дощечки онъ съ липовой.
Вора Малютка сына Скурлатова
Положилъ на дощечку на липову.
Завѣсилъ ему ясныя очушки,
Сѣкъ ему буйную головушку.
Племянника на коню везетъ,
А самъ за конёмъ онъ и вслѣдъ идетъ.
Дѣло дѣялось въ Христовскую во Пятницю.
Въ Христовъ день пошли ко заутрени.
Идетъ Никита Романовичъ въ церковь божію,
Ко той Христовской ко заутрени,
Самъ идетъ, племянника подъ полой ведетъ.
Пришелъ къ царю Ивану Васильевичу:
— Что же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ, прикручинился,
— Что же ты припечалился? —
Спроговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ай же ты, братецъ, Микита Романовичъ!
«Толи-ль надо мной надсмѣхаешься,
«Аль надо мной невзгоды не вѣдаешь?
«Не стало у меня сына бо́льшаго,
«Мо́лода Ѳедора Иванова.
«Свелъ Малюта воръ Скурлатовъ сынъ
«За тое болото за житное,
«На тую доску на липову,
«Завѣсилъ ему ясныя очушки,
«Сѣкъ ему буйную головушку.
А спрого́вори Микита Романовичъ:
— Ай же ты, братецъ, царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ можно съ мертва жива сдѣлати! —
Прого́воритъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Ввѣкъ того на сёмъ свѣтѣ не водится,
«А живой съ мертваго не ро́дится.
«Кто мнѣ-ка-ва съ мертва жива́ сдѣлалъ,
«Я бы половину отдалъ своего государствія!»
Спрого́вори Микита Романовичъ:
— Мнѣ-ка-ва не надо ни злата, ни серебра,
— Ни половины твово государствія,
— А только сдѣлай Микитину отчину.
— Кто голову сдѣлаѣ, уйде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ,
— Кто коня угонитъ, уйде въ Микитину отчину, того Богъ проститъ. —
Записали записи великіи,
Показалъ ему сына бо́льшаго.
Тутъ царь Иванъ Васильевичъ
Взялъ сына бо́льшаго за ручки за бѣлыя,
Цѣловалъ его въ уста сахарныи.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

143.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Господь-то на насъ поразгнѣвался
На славное царство Расейское,
На Расейское царство Московское.
Далъ намъ Господь царя несчастливаго,
Назвался собака воръ прямымъ царемъ,
Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
Царевичемъ Митріемъ Московскіимъ.
Не успѣлъ воръ собака вцаритися,
Похотѣлъ воръ собака женитися:
Не у насъ въ Росеи въ каменной Москвы,
Не въ каменно́й Москвы—въ хороброй Литвы,
У Юрья пана Сердобольскаго,
На самой на меньшіей дочери,
На душенькѣ Маринѣ на Юрьевны.
Пиръ свадьбу играли въ Филипповъ постъ,
Вѣнецъ принимали въ Миколинъ день,
А Микола у насъ была въ пятницю.
Дошло это дѣло до велика дни,
До великаго дни до Христова дни.
У того ли у Іоанна-Великаго
Ударили во бо́льшой во колоколъ.
Всѣ князи бояри къ обѣдни пошли,
Ко той ко Христовской ко заутрени,
Воръ Гришка-Ростриженка онъ въ мыльню идетъ
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояря Богу молятся,
А воръ Гришка-Ростриженка въ мыльнѣ моется
Со душенькой Мариной со Юрьевной.
Князи бояра отъ обѣдни пошли,
Отъ той они Христовской заутрени,
Воръ Гришка-Ростриженка со мыльни идетъ
Со душенькой Мариной со Юрьевной.

На Гришкѣ тулупъ восемьсотъ рублей,
На Маринѣ салопъ въ цѣлу тысящу.
Выбѣгалъ воръ собака на царско крылечико,
Кричитъ воръ громкимъ голосомъ,
Чтобы было слышно къ королю въ Литву,
Къ Юрію пану Сердобольскому:
«Послушай Марина что я скажу,
«Послушай Марина что я говорю!
«Поди въ полату бѣлокаменну,
«Не бей челомъ княземъ боярамъ,
«Не кланяйся ты чуднымъ образамъ.
«Сѣдь, Марина, за дубовый столъ,
«Кушай рушай бѣлу лебедь,
«Проживемъ съ тобою можетъ тридцать лѣтъ.»
Прожить ли Маринѣ хоть три году —
Не прожить намъ съ тобой Марина три часу.*)
Собирались господа, бояри московскіи,
Думали думушку обчую,
Приходили ко инокѣ Мароѣ Ивановнѣ.
— Инока Мароа Ивановна!
— Вѣрно Господь на насъ разгнѣвался
— Что далъ царя несчастливаго! —
«Не-умны вы господа вси неразумны!
«Дмитрію царю вѣдь смерть придали,
«Голову рубили въ хороброй Литвы,
«А мощи хоронили подъ каменну церковь.
«А это Гришка-Рострижка Отрепьевъ сынъ
«Сидѣлъ въ тюрьмѣ ровно тридцать лѣтъ,
«Заростилъ крестъ во бѣлы груди,
«Такъ назвался собака прямымъ царемъ,
«Прямымъ царемъ, царемъ Митріемъ,
«Царевичемъ Митріемъ Московскінмъ.»
Тутъ господа бояре вси московскіи,
Собрались бояре въ одно мѣсто,
Гришкѣ-Рострижкѣ смерть придали,
А его жену въ окно бросили.

Записано тамъ же, 4 іюля.

—

XXVI.

НИКОЛАЙ ДУТИКОВЪ.

Николай Филипповъ Дутиковъ изъ Конды, крестьянинъ лѣтъ 50-ти, заимствовалъ свои былины отъ того же Конона съ Заблыхъ Нивъ, о которомъ упомянуто выше (VI и VII), но помнитъ ихъ слабо и часто не досказываетъ конца. Дутиковъ говорилъ, что онъ бывалъ въ Петрозаводскѣ у г. Рыбникова и что послѣдній записывалъ его былины. Изъ сопоставленія этого съ тѣмъ, что упоминаетъ г. Рыбниковъ о какомъ-то крестьянинѣ Ѳедотовѣ, ученикѣ Конона съ Заблыхъ Нивъ (т. III, стр. XXVIII), а также изъ сличенія текста самыхъ былинъ, оказывается, что Дутиковъ есть тотъ самый сказитель, который названъ въ сборникѣ г. Рыбникова Ѳедотовымъ; это послѣднее имя произошло отъ ошибки.

*) «Это онъ видитъ въ окно», пояснилъ сказитель.

—

144.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

(См. Рыбникова, т. III, 7).

Какъ ѣздилъ Илья Муромецъ во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ ѣздилъ за охвотою,
Стрѣлялъ Илья гусей, да лебедей,
Стрѣлялъ малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ утушекъ,
Онъ не могъ убить ни гуся, ни лебедя,
Ни малой перелетной сѣрой утицы;
А встрѣтился калѣка, калѣка перехожая,
И говоритъ Илья таково слово:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно ль ты бывалъ на святой Руси,
«На святой Руси, въ славномъ Кіевѣ,
«Давно ль ты видѣлъ князя Владиміра
«Со стольною княгиною Апраксою?»
Да спроговоритъ калѣка перехожая:
— Ай же старый казакъ Илья Муромецъ!
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я князя Владиміра
— Со стольною княгиною Апраксою;
— Надъ нима несчастьице случилося:
— Сидитъ татаринъ между княземъ и княгинею,
— Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати.
— А голова у татарина какъ пивной котёлъ,
— А глазища у татарина какъ пивныя чашки,
— А носъ-то у татарина какъ кислой пирогъ,
— А по грѣху учинилося:
— Въ Кіевѣ богатырей не случилося. —
Спроговоритъ Илья, да Илья Муромецъ:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Молодца въ тебѣ въ два меня,
«И силы то у тебя въ три меня,

«А смѣлости нѣтъ и въ полъ-меня.
«Скидывай ты платьице калѣчьское,
«Скидывай-ко подсумочки рытаго бархата,
«Скидывай-ко ты гуню сорочинскую,
«Разувай-ко лапотики шелковыя,
«И надѣвай платье богатырское,
«Садись на моего добра коня
«И поѣзжай-ка въ Муромъ градъ
«Къ тому подворью богатырскому.»
И думалъ-подумалъ калѣка перехожая:
— Не дать Ильѣ платьице, силой возметъ,
— Силой возметъ, да мнѣ-ка бокъ набьетъ. —
И складывалъ подсумки рытаго бархата,
И скидывалъ онъ гуню сорочинскую,
И разувалъ онъ лапотки шелковые,
И втыкнулъ онъ клюшку волжанку *)
Во матушку сыру землю, —
И уходила та клюшка до коковочки **;
И скидывалъ онъ шляпу греческую,
И одѣвалъ онъ платье богатырское,
Садился на добра коня.
И поѣхалъ во Муромъ градъ,
Ко тому подворью богатырскому.
Обувалъ Илья лапотики шелковые,
Одѣвалъ Илья гуню сорочинскую,
Одѣвалъ Илья подсумки рытаго бархата,
Одѣвалъ Илья шляпу греческую
И выдернулъ клюшку волжанку
Со матушки сырой земли...
Какъ скоро скажется, тихо дѣется...
И будетъ онъ во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
У него ли палатъ княженецкіихъ;
Закричалъ Илья громкимъ голосомъ:
«Солнышко, Владиміръ стольно-кіевскій!
«Сотвори-ко мнѣ милостыню:
«Было бы калѣкѣ чего ѣсть да пить,
«Да чего калѣкѣ волочитися!»
Тутъ татаринъ бросался по-плечь въ окно:
— Ай же вы горланы русскіе!
— Что вы здѣсь завѣдали,
— Что вы стали почасту учащивать?
— Ступай-ко, калѣка, прямо во высокъ теремъ. —
Проходитъ калѣка во высокъ теремъ,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Здравствуетъ князя со княгиною,
А тому-ли татарину челомъ не бьетъ.

*) Изъ дерева ивовгн.
**) До загнутаго верхняго конца палки.

Говоритъ Идолище поганое:
«Ай же ты, калѣка, калѣка перехожая!
«Давно-ль ты бывалъ на святой Руси,
«Давно-ль ты видѣлъ Илью Муромца?
«Каковъ у васъ есть Илья Муромецъ?
«А мнѣ бы Илью видѣть надо
«Я бы клалъ Ильинку на долонь
«Я ударилъ бы другой долонью сверху
«И сдѣлалъ бы Ильинку какъ овсяный блинъ.»
Говоритъ ему калѣка перехожая:
— Недавно я былъ на святой Руси, третьеводни,
— И видѣлъ я Илью, Илью Муромца.
— Илья есть мнѣ братецъ названый:
— Онъ мнѣ есть братецъ большій,
— А я ему братецъ меньшій.
— Я за своего брата хочу постоять. —
Это слово татарину не слюбилося:
Какъ схватилъ онъ со стола булатный ножъ
И кинулъ ножъ въ Илью, Илью Муромца.
Тутъ-то Ильѣ не къ суду пришло:
Увернулся онъ за печку муравленую,
А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку,
Стоечка улетѣла въ задній тынъ,
И задній тынъ весь поразсыпался.
Тутъ выходилъ Илья, Илья Муромецъ
Изъ-за печки, печки муравленой,
Какъ бралъ черезъ столъ, дубовый столъ
Бралъ татарина за желты кудри,
И здынулъ его выше буйной головушки,
И бросилъ татарина о кирпичной полъ.
И тутъ ему руки и ноги повыломалъ,
И глаза-то ему повыкопалъ,
И изъ платья вонъ повытряхнулъ.
Поѣхала Хупова та Крынская,
Со земли россійскія
И сама говоритъ таково слово:
«Здѣсь чортъ не борцы и не удалы добры молодцы!
«Почто бычо рукама ломать,
«Почто было глазъ воротить?

(Эта Хупова пріѣзжала вмѣстѣ съ татариномъ, но не помнитъ какъ оно поется.)

—

145.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ было во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова у князя у Владиміра,
Середъ было двора да княженецкаго,

А не бѣлая березка къ земли клонится,
Еще кланяется сынъ да своей матушкѣ.
«Свѣтъ ли государыня моя матушка!
«Дай-ко мнѣ прощеньице, благословеньице
«Повыѣхать во далече-далече во чисто поле,
«Поискать мнѣ-ка-ва братца названаго
«Старово ли казака да Илью Муромца.
«Да распрогнѣвался на меня солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
«Наложилъ на меня службу несносную
«Ѣхать въ землю во татарскую
«Сбирать тутъ дани да и выходы,
«Не за много, не за мало, за двѣнадцать лѣтъ.»
Спроговоритъ его родная матушка,
Честна вдова Намерфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты мое да чадо милое,
— Младый Добрынюшко Микитиничъ!
— На кого ты оставляешь свою матушку,
— На кого ты покидаешь молоду жену,
— Молоду Настасью Микуличну? —
Спроговоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Оставляю я свою матушку и молоду жену,
«Подъ опекою да стараго казака да Ильи Муромца.»
Спроговоритъ его да любима семья,
Молода Настасья Микулична:
— Ахъ ты младый Добрынюшко Микитинъ сынъ!
— Скоро ли назадъ да поворотъ держишь?—
Спроговоритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Вы ждитка-ко меня да по три году.
«А по три году не можете дождатися,
«Ждите меня да и по шесть годовъ.
«А по шесть годовъ не можете дождатися,
«Тутъ моя любима семья,
«Молода Настасья Микулична
«Хотя вдовой живи, да хоть замужъ поди.
«Поди-ко ты за князей и за бояровъ,
«Поди-ко за русскіихъ могучіихъ богатыревъ,
«А столько нѐ ходи за славнаго Алешеньку Поповича,
«За того ли за бабьяго насмѣшничка.»
А и тутъ Добрынюшко Микитиничъ
Сѣдлалъ онъ своего добра коня,
На добра коня кладывалъ потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки сѣделочко черкацкое,
Двѣнадцать подпружковъ подтягивалъ
Шелку да шемуханскаго,
Не ради красы басы угожства,
А для ради закрѣпы богатырскія.
И бралъ онъ доспѣхи богатырскіи,
И садился онъ да на добра коня.
И не одинъ поѣхалъ, со дружинкою.
Вид'ли добрыхъ коней сѣдучихъ,
А не вид'ли поѣдучихъ.
Не путемъ поѣхали дорожкою,
А прямо черезъ стѣну городовую.
Одна куровка въ чистомъ поли стоитъ
Отъ тѣхъ копытъ да лошадиныхъ.
Ждали Добрынюшко по три году,
По три году не могли дождатися.
Ждали Добрынюшку по шесть годовъ,
По шесть годовъ не могли да дождатися.
Тутъ его любима семья,
Молода Настасья Микулична
Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
Пошла она въ замужество
А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
Свадебка назначена играть двѣнадцать дней.
Тутъ какъ сидитъ его родная матушка
Во теремѣ высокоемъ.
Сама слезно да и порасплакалась.
— Не секло на меня красное солнышко по шесть годовъ,
— А пёкъ на меня младъ свѣтелъ мѣсяцъ.
— Нынече и младъ свѣтелъ мѣсяцъ закотается! —
— А подъѣзжаетъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
Ко стольному ко городу ко Кіеву.
Стрѣтается ему въ чистомъ полѣ Раньжа-калѣка перехожая.
Тутъ проговоритъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«Эй же ты, Раньжа, калѣка перехожая!
«Давно ли ты бывалъ во Кіевѣ,
«Давно ли видалъ князя Владиміра
«И княгиню Апраксію?
«Все ли они живутъ да и здравствуютъ?»
— Да не давно я былъ третьёго дни,
— Все живутъ они да и здравствуютъ. —
«Да еще спрошу, Раньжа калѣка перехожая!
«Пріѣхалъ-ли Добрыня Микитинъ сынъ со землей татарскіихъ?»
Спроговоритъ калѣка перехожая:
— Не пріѣхалъ еще Добрынюшко со землей татарскіихъ.
— А его любима семья
— Нарушила слово Добрынюшки Микитича,
— Пошла она въ замужество
— За смѣлаго Алешеньку Поповича.
— Какъ его родная матушка порасплакалась,
— Сидитъ она да въ теремѣ высокоемъ,
— Глядитъ во чисто поле въ косящатое окошечко. —

сёнъ соколъ по чисту полю полётыватъ,
етъ Добрынюшка со зёмлей татарскіихъ.
его родная матушка
дила на крылечко перёное,
а Добрынюшку за бѣлы́ руки,
его въ теремы высокіи.
гóворитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
же ты моя рóдная матушка!
дѣ моя любимá семья,
юда Настасья Микулична?»
она да порасплáкалась:
й же ты мое да чадо милое!
арушила она слово твое Добрынюшко Микитинъ сынъ,
ошла она въ замужество
смѣлаго Алешеньку Поповича,
вадебка назначена играть двѣнадцать дней.—
-то Добрынюшкѣ не дóчего.
ывалъ онъ платьице дорожное,
валъ онъ платьице богатырское,
ъ онъ гуселышка яровчатыи,
шелъ къ нимъ да на почéстной пиръ.
лся онъ у дверей да у дубовыи́хъ,
хъ у стоечекъ кленовыи́хъ,
лъ онъ играть въ гуселышка яровчата:
играетъ отъ Царáграда,
ваетъ онъ да отъ Еросóлима,
пѣвочки поетъ все къ Настасьѣ Микуличной.
услыхала тутъ Настасья Микулична
вочки Добрынюшки Микитица,
дила она зъ-за стола зъ-за дубоваго,
вала она чарочку да зелена вина,
осила Добрынюшкѣ Микитичу,
ыпилъ онъ чарочку зелена вина,
обрынюшка Микитинъ сынъ
валъ стаканъ да меду сладкаго,
устилъ онъ да свой злачёнъ перстень.
рымъ перстнемъ они да обручалися,
мъ говоритъ таково слово:
ей Настасья Микулична стаканчикъ й весь до дна,
ъ увидишь ты много добра.»
а выпила стаканъ меду сладкаго,
рикатился перстень къ устамъ ея сахарнымъ.
спрогóворитъ Настасья Микулична:
е тотъ мужъ, который со мною да за столомъ сидитъ,
тотъ мужъ, который передъ мной стоитъ.
ы прости ты Добрынюшко Микитичь меня въ такой вины!—
Спрогóворитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
«У бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ,
«Мужъ въ лѣсъ по дрова, баба и замýжъ пошла.»
«Не виню тебя молодá жена*),
«А виню Алешеньку Поповича:
«Зачѣмъ у живá мужа жену беретъ!
«А князя Владиміра — зачѣмъ сватаетъ.»
Тутъ взялъ Алешу за желты кудри,
Почалъ по терему поваживать,
А почалъ гуселкамы охаживать.
А тутъ спрогóворитъ Алешенька Поповъ тотъ сынъ:
— А всякій на сёмъ свѣтѣ женится,
— Только не всякому женитьба удавается. —
А взялъ Добрынюшка Настасью Микуличну,
Повелъ Настасьюшку во свой теремъ.

Записано на Леликовѣ, 5 іюля.

—

146.

САДКО.

(См. Рыбникова, т. III, 42).

Во славномъ было во Нови-городѣ
Жилъ-былъ Садко купецъ, богатый гость,
Да все-то у Садка по небесному:
И на небѣ солнце, въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды, —
Все-то у Садка по небесному.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во славенъ въ Новгородъ,
«Откупите-ко товары въ Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во въ Новгородъ,
Откупили товары въ Нови-городѣ,
На другой день товаровъ еще больше того.
А еще спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Еще берите золотой казны по надобью,
«Поѣзжайте-тко вы во въ Новгородъ,

*) Конецъ былины, начиная съ этого стиха, прибавила Сурикова (XXII).

«И откупите-ко товары во Нови-городѣ,
«Чтобы больше товаровъ тамъ не было.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Да они брали золотой казны по надобью,
Да ѣхали да во славенъ въ Новгородъ.
Откупили товары во Нови-городѣ:
На другой день товаровъ еще больше того.
И спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы берите золотой казны по надобью.
«А стройте-тко да тридцать кораблей,
«Носъ-корму кладите по звѣриному,
«Бока-то вы сведите по змѣиному,
«Мачты кладите краснаго деревца,
«Блочики кладите все кизюльные,
«Канатики кладите все шелковые,
«Паруса кладите полотняные,
«Якори кладите все булатніе,
«Да по черному по соболю сибирскому
«Вмѣсто бровъ продерните,
«По бурыя лисицы по сибирскія
«А вмѣсто ушей повѣсьте-тко,
«По дорогу́ по камешку по яхонту
«Вмѣсто глазъ вы вставливайте.»
Слушали дружинушки, прикащики ето,
Дѣлали дѣло повелѣное.
Да тутъ-то Садко купецъ богатый гость поѣздъ держалъ
Поѣздъ держалъ изъ Чернаго,
Изъ Черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свиряйское,
Изъ Свиряйскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянъ-море.
Всѣ-то корабли, какъ соколы, они летятъ,
А Садковъ корабль становиться сталъ,
Становиться сталъ, да онъ ко дну пошелъ.
Тутъ спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Послушайте стараго хозяина,
«Рѣжьте-тко тридцать жеребьевъ,
«И на жеребьяхъ имена вы подписывайте,
«Бросайте-тко жеребья вы на воду.»
Слушали дружинушки, прикащики его,
Рѣзали тридцать жеребьевъ,
На жеребьяхъ имена подписывали
И бросали жеребьи на воду:
Всѣ-то жеребья какъ гоголи пловутъ,
А Садковъ жеребей становиться сталъ,
Становиться сталъ, онъ ко дну пошелъ.
Да спроговоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же вы, дружинушки, прикащики мои!
«Вы тешите дощечнку дубовенькую
«И бросайте дощечнку на воду.
«А садите-тко Садка купца, гостя богатаго,
«На тую дощечиньку дубовенькую
«И полагайте мнѣ гуселки яровчаты.»
Тутъ его дружинушки, прикащики его,
Дѣлали дѣло повелѣное,
Спускали дощечики на воду,
Садили Садка купца, гостя богатаго,
На тыя дощечики на дубовыя
И полагали ему гуселки яровчаты
И тутъ его взялъ водяной царь.

(Не умѣетъ также спѣть конца при всемъ стараніи сказать складно).

—

147.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ѣздил полянница удалая
Ѳедоръ Петровичъ, княженецкій сынъ,
Во чисто́мъ поли за охвотою:
Стрѣлялъ гусей да лебедей,
Малыхъ перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ.
Увидѣлъ онъ во сыромъ дубу
Стараго чѣрнаго во́рона:
Распущены его крылушки по сыро́мъ дубу.
И говоритъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
«Я убью стараго чернаго во́рона,
«Пролью его кровь по сыру́ дубу,
«Спущу его ту́лово о сыру́ землю,
«И роспущу его перышка по чисту́ полю.»
Спроговоритъ старый черный воронъ
Гласомъ человѣческимъ:
— Ай же ты полянница расейская,
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Не бей-ка меня стараго чернаго ворона.
— Я лечу съ зе́млей татарскіихъ.
— Ѣздилъ татаринъ во чисто́мъ поли,
— Кидаетъ палицу булатнюю
— Подъ тыи подъ облаки летучіи, подхватываетъ,
— Грозится на землю святорусскую. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Садился на добра коня, поѣхалъ во земли татарскіи.
И будетъ онъ во земляхъ татарскіихъ.
Наѣхалъ татарина во чистомъ поли,
И самъ говоритъ таково слово:

«Татаринъ поганый! скажи съ коей земли,
«Съ коей земли, съ коей орды,
«И какъ тебя зовутъ по имени,
«И называютъ тебя по отчеству?»
Спрого́воритъ татаринъ поганый:
— Ай же ты поляница расейская!
— Сядемъ-ко мы на добрыхъ коней,
— И разъѣдемся по чисту полю. —
И ударились они въ палици богатырскія,
Палицы богатырскія до рукъ всѣ приломалися.
Ударились во сабельки вострыя,
Сабельки до рукъ всѣ прищелялися.
Ударились въ копейца мурамецкія,
Копейца мурамецкія до рукъ всѣ свивалися.
Опущалися оны да со добрыхъ коней.
Кому-то была на́ бою Божья помочь?
Была на́ бою Божья помочь поляницѣ расейскоей.
Побилъ онъ татарина поганаго,
Садился татарину на бѣлую грудь,
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись-ко татаринъ поганый
«Коей земли, и коей орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть тебя по отечеству?
Спрого́воритъ татаринъ поганый:
— Ай же ты поляница росейская!
— Далъ я тебѣ насмѣхатись
— Какъ ты сидишь на моихъ на бѣлыхъ на грудяхъ.
— А бы какъ былъ на твоихъ на бѣлыхъ на грудяхъ,
— Пласталъ бы тебѣ да груди бѣлыя,
— И вынималъ бы тебѣ сердце ретивое. —
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Вынималъ изъ ножней булатенъ ножъ,
И здынулъ ножъ выше буйной головушки,
И хочетъ пустить да во груди бѣлыя,
Правая рука въ плечи да застоялася.
Еще сталъ у татарина выспрашивать:
«Скажись съ коей земли, да коей орды,
«Тебя какъ зовутъ по имени,
«Называть по отечеству?»
Спрого́воритъ татаринъ поганый:
— Ай же ты поляница росейская!
— Когда сталъ ты у меня выспрашивать,
— Я тебѣ стану высказывать:
— Я есть не татаринъ да не поганый,
— Я есть съ зе́млей росейскіихъ,
— Славнаго города Очакова,
— Вотчины Березинской,
— Улицы Рогатницы,
— Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
— Увезли меня татарева поганыи
— Трехъ годовъ во земли во татарскіи.—
Тутъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ
Скорёшенько вставая на рѣзвы ноги,
И бралъ онъ братца за бѣлы руки,
И здымалъ на ножки на рѣзвыя,
И цѣловалъ во уста во сахарныи.
«Ты есте братецъ мой родимый
«Лука Петровичъ княженецкій сынъ!»
Тутъ оны садились на добрыхъ коней
И поѣхали во земли во росейскія.
Скоро скажется, да тихо дѣется,
Будутъ они во земляхъ во росейскіихъ
У славнаго города Очакова,
Во той во отчинѣ Березинской,
Во улицѣ Рогатницы,
У того ли подворья княженецкаго.
Сходили они да со добрыхъ коней,
Оставилъ Ѳедоръ Петровичъ братца у добрыхъ коней,
Самъ онъ шелъ въ палаты княженецкіи,
Говоритъ онъ родной матушкѣ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Поди-ко ты на широкій дворъ,
«Да бери-ко татарина за желты кудри,
«Да веди-ко его во палаты княженецкіи,
«Да корми-ко татарина хлѣбомъ крушивчатымъ.»
Спрого́воритъ его родная матушка:
— Ай же ты мое да чадо милое
— Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ!
— Какъ бы была у меня старая по́рушка,
— Я бы шла-то на широкій дворъ,
— Я бы брала татарина за желты кудри,
— Вела бы татарина въ погребы глубокіи,
— Кормила бы татарина пескомъ жолтымъ,
— Поила бы татарина водой болотнею. —
Спрого́воритъ Ѳедоръ Петровичъ княженецкій сынъ:
«Ай же ты моя родная матушка!
«Не татаринъ есть да не поганый,
«А есть мой братецъ родимый
«Лука Петровичъ княженецкій сынъ.
«Я привезъ его со зе́млей татарскійхъ.»
Тутъ его родная матушка
Скорёшенько надѣла чоботы на босу́ ногу,
Кунью шубоньку накинула на одно́ плечо,
Брала его да за бѣлы ручки,
Вела его въ палаты княженецкіи,
Столы она ставила дубовыи,

Скатерти стлала все браныи,
Ѣства-ты клала сахарныи.
Кормила-поила двухъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Тутъ они стали жить да быть веселитися.

—

XXVII.

АБРАМЪ ЧУКОВЪ.

Абрамъ Евтихіевъ Чуковъ, по прозванію Бутылка, крестьянинъ д. Горка, Пудожгорской волости, Повѣнецкаго уѣзда, 59-ти лѣтъ. Заимствовалъ былины отъ отца, который былъ мастеръ пѣть и зналъ очень много «старинъ». Отецъ родился и провелъ молодость на Космозерѣ, въ Кижскомъ краѣ; оттого, по свидѣтельству самого Абрама, онъ поетъ былины такъ, какъ Кижане, а не такъ, какъ ихъ поютъ другіе сказители на Пудожской Горѣ. Впослѣдствіи отецъ переселился въ Кузаранду, а оттуда уже, лѣтъ сорокъ тому, на Пудожскую Горку. Абрамъ Евтихіевъ въ молодости выучился портняжному мастерству и до сихъ поръ ежегодно проводитъ осень и зиму, странствуя по деревнямъ, чтобы шить крестьянамъ платье; преимущественно бываетъ въ Кижскомъ Заонежьѣ; за работою онъ обыкновенно распѣваетъ свои старины. Онъ, впрочемъ, ведетъ и крестьянское хозяйство, довольно порядочное, служилъ обществу въ качествѣ сборщика податей.—Абрамъ Евтихіевъ, какъ кажется, первый изъ Олонецкихъ сказителей обратилъ на себя вниманіе, чему онъ обязанъ какъ открытому, общительному характеру, такъ и тому, что часто бывалъ въ губернскомъ городѣ. По его словамъ, ужъ онъ много лѣтъ тому назадъ, еще гораздо прежде знакомства съ г. Рыбниковымъ, сдѣлался извѣстенъ какому-то генералу въ Петрозаводскѣ (должно быть, Бутеневу, бывшему начальнику горныхъ заводовъ), и по порученію этого генерала какой-то писарь списалъ у него всѣ былины, какія онъ зналъ; а зналъ онъ ихъ въ то время безъ малаго два десятка, гораздо больше, чѣмъ помнитъ теперь. Но писарь этотъ потерялъ тетрадь съ этими былинами: такъ увѣрялъ Абрамъ. Однако оказывается, что всѣ тѣ былины, которыя въ 50-хъ годахъ печатались въ «Олонецкихъ Вѣдомостяхъ» и которыя г. Рыбниковъ помѣстилъ потомъ въ своемъ сборникѣ съ простою отмѣткою «изъ Олонецкой губерніи», суть тѣ самыя, которыя поетъ Абрамъ Евтихіевъ.

—

148.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

(См. Рыбникова, т. III, 15).

Добрынюшкѣ-то матушка говаривала,
Да й Микитичу-то матушка наказывала:
«Ты не ѣзди-ко далече во чисто́ полё
«На тую гору́ да сорочинскую
«Не топчи́-ко мла́дыихъ змiёнышевъ,
«Ты не выручай-ко по́лоновъ да русьскiихъ,
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
«Но Пучай рѣка очень свирипая,
«Но сере́дняя-то струйка какъ огонь сѣчётъ.»
А Добрыня своей матушки не слушался.
Какъ онъ ѣдетъ дале́че во чисто́ полё
А на́ тую на гору сорочинскую,
Потопталъ онъ младыихъ змiёнышёвъ,
А й повыручалъ онъ да полоновъ да русьскiихъ.
Богатырско его сердце роспотѣлоси,
Роспотѣлось сердце нажадѣлоси.
Онъ приправилъ своего добра́ коня,
Онъ добра коня да ко Пучай рѣки,
Онъ слѣзалъ Добрыня со добра́ коня,
Да снималъ Добрыня платье цвѣтноё,
Да онъ за́брелъ за струёчку за первую,
Да онъ забролъ за струечку за среднюю,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Мнѣ Добрынюшки матушка говаривала,
— Мнѣ Микитичу маменька й наказывала:
— Что не ѣзди-ко далече во чисто́ полё
— На тую гору́ на сорочинскую,
— Не топчи́-ко младыихъ змiёнышовъ,
— А не выручай по́лоновъ да русьскiихъ,
— И не куплись Добрыня во Пучай рѣки.
— Но Пучай рѣка очень свирипая,
— А середняя-та струйка какъ огонь сѣчётъ.
— А Пучай рѣка она кротна́ смирна,
— Она будто лужа-то дождёвая. —
Не успѣлъ Добрыня словца смолвити,
Вѣтра нѣтъ, да тучу на́днесло,
Тучи нѣтъ, да быдто дождь дождитъ,
А й дождя-то нѣтъ, да только громъ громитъ,
Громъ громитъ, да свищетъ молвія.
А какъ лётитъ змiнщо Горынчищо

хъ двѣнадцати о хоботахъ.
рыня той змѣи да пріужахнется.
ітъ змѣя ему проклятая:
епереча Добрыня во моихъ рукахъ!
чу тебя Добрыню тéперь пóтоплю,
чу тебя Добрыню тéперь съѣмъ-сождру,
чу тебя Добрыню въ хоботà возьму,
оботà возьму, Добрыню во норý снесу.»
даетъ змѣя какъ ко быстрой рѣки,
брынюшка-то плавать онъ гораздъ вѣдь
былъ:
ырнѐтъ на бéрежокъ на тáможной,
ырнѐтъ на бéрежокъ на здѣшный.
ъ у Добрынюшки добра коня,
тъ у Добрыни платьевъ цвѣтныхъ,
ки-то лежитъ одинъ пуховъ колпакъ.
сыпанъ тотъ колпакъ да земли греческой:
су тотъ колпакъ да въ цѣло трѝ пуда.
ухватитъ онъ колпакъ да земли греческой,
пибнетъ во змѣю да во проклятую,
тшибъ змѣй двѣнадцать да всѣхъ хоботовъ.
упала-то змѣя да во кувыль траву.
нюшка на ножку онъ былъ пóвертокъ,
кóчитъ на змійнины да груди бѣлыя.
естѣ-то у Добрыни былъ булатній ножъ,
ѣдь хочетъ роспластать ей груди бѣлыи,
я Добрыни ёму смолится:
ты эй Добрыня сынъ Никитиничъ!
положимъ съ тобой заповѣдь великую:
не ѣздити далече во чистó поле,
ую на гору сорочинскую,
оптать бóльшё младыхъ змiёнышевъ,
выручать полоновъ да русьскiихъ,
упаться ти Добрыня во Пучай рѣки,
нѣ не летать да на святую Русь,
осить людей ни больше русьскiихъ,
опить мнѣ полоновъ да русьскiихъ.»
повыпуститъ змѣю какъ съ-подъ колѣнъ
своихъ,
лась змѣя да вверхъ подъ облаку.
лось ей летѣть да мимо Кiевъ градъ,
ла она князеву племянницу.
у Забаву дочь Потятичну
сь по улицы по шѝрокой.
припадаетъ змѣя да ко сырой земли,
ла она князеву племянницу,
а въ норý да въ глубокую.
солнышко Владимiръ стольне-кiевской,
пó три дня да тутъ билѝчъ *) кликалъ,

*) захарокъ.

А билѝцъ кликалъ да славныхъ рыцарей,
Кто бы могъ съѣздѝть далече во чистó поле,
На тýю на гору сорочинскую,
Сходить въ нору да въ глубокую.
А достать мою князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Говорилъ Олешонька Левонтьевичъ:
— Ахъ ты солнышко Владимiръ стольне-кiевской,
— Ты накинь-ко эту службу да великую
— На того Добрыню на Никитича.
— У него вѣдь со змѣёю заповѣдь положена,
— Что ей не летать да на святую Русь,
— А ему не ѣздить далéче во чистó полё,
— Не топтать-то мла́дыихъ змѣёнышевъ,
— Да нѐ выручать пóлоновъ да русьскiихъ.
— Такъ возьмётъ онъ князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Тутъ солнышко Владимiръ стольне-кiевской
Какъ накинулъ эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича —
Ему съѣздить далече во чистó полё
И достать ему князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Потятичну.
Онъ пошолъ домой Добрыня закручинился,
Закручинился Добрыня запечалился.
Стрѣтатъ государынѝ да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
«Ты эй рожóно мóе дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Ты чтó съ пиру идешь не веселъ-де?
«Знать что мѣсто было ти не пó чину,
«Знать чарой на пиру тебя прiобнесли,
«Аль дуракъ надъ тобою насмѣялся-де?»
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты эй государынѝ да рóдна матушка,
— Ты честна вдова Офимья Олександровна!
— Мѣсто было мнѣ-ка по чину,
— Чарой нá пиру меня не óбнесли,
— Да дуракъ-то надо мной не насмѣялся вѣдь:
— А накинулъ службу да великую
— А тотъ солнышко Владимiръ стольне-кiевской,
— Что съѣздить далéче во чисто полё,
— На тую горý да на высокую,
— Мнѣ сходить въ норý да во глубокую,
— Мнѣ достать-то князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Потятичну. —
Говоритъ Добрыни родна матушка,
Честна вдова Офимья Олександровна:
«Ложѝсь-ко спать да рано съ вечера,
«Но утро будетъ очень мудроё:

«Мудренѣе утро будетъ óно вечера.»
Онъ ставалъ по утрышку ранешенько,
Умывается да онъ бѣлёшенько,
Снаряжается онъ хорошохонько,
Да йдетъ нá конюшню на стоялую,
А беретъ въ руки узду онъ да тесмяную,
А берётъ онъ дѣдушковá да вѣдь добра коня,
Онъ поилъ бурка питьёмъ медвяныимъ,
Онъ кормилъ пшонóй да бѣлояровой,
Онъ сѣдлалъ бурка въ сѣдёлышко черкальское.
Онъ пóтнички да клалъ на потнички,
Онъ на потнички да клáдетъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдёлышко,
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ.
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца въ чистóмъ полѣ не вырутилъ.
Подпруги былй шелковыи,
А спенькй у подпругъ всё булатнии.
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шолкъ не рвётся, да булáтъ не трётся,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не старѣетъ.
Поѣзжалъ Добрыня сынъ Никитиничъ.
На прощенье ему матушка да плётку подала,
Сáма говорила таково слово:
«Какъ будешь далéче во чистомъ поли,
«На тыя горы да на высокія,
«Потóпчешь младыихъ змiёнышовъ,
«Повыручишь пóлоновъ да русьскiихъ,
«Какъ тыи-то младыи змiёныши
«Подточатъ у бурка какъ оны щоточки,
«Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
«А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,—
«Ты возьми-ко эту плёточку шелковую,
«А ты бей бурка да промежу́ ноги,
«Промежу́ ногй, да промежу́ уши,
«Промежу ноги да мéжу задниі.
«Станетъ твой бурушко поскакивать,
«А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
«Ты притопчешь всихъ да до единаго.»
Какъ будетъ онъ далече во чистомъ поли,
На тыя горы да на высокіи,
Потопталъ онъ младыихъ змiёнышовъ.
Какъ тыи-ли младыи змiёныши
Подточили у бурка какъ оны щоточки,
Что не можетъ больше бурушко поскакивать,
Змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,—
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ
Берётъ онъ плёточку шелковую,
Онъ бьётъ буркá да промежу уши,
Промежу уши, да промежу ноги,
Промежу ноги, да межу задніи.
Тутъ сталъ éго бурушко поскакивать,
А змiёнышовъ отъ ногъ да онъ отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Выходила какъ змѣя она проклятая
Изъ тыя́ норы да изъ глубокія,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Добрынюшка Никитиничъ!
— Ты знать порушилъ свою заповѣдь.
— Зачѣмъ стóпталъ младыихъ змiёнышовъ,
— Почто выручалъ полоны да русьскіи? —
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты эй змѣя да ты проклятая!
«Чортъ ли́ тя нёсъ да черезъ Кіевъ градъ.
«Ты зачѣмъ взяла́ князеву племянницу
«Молоду́ Забаву дочь Потятичну?
«Ты отдай же мнѣ-ка князеву племянницу
«Безъ бою, безъ драки кроволитія!»
Тогда змія она проклятая
Говорила-то Добрыни да Никитичу:
— Не отдамъ я тебѣ князевой племянницы
— Безъ бою, безъ драки кроволитія. —
Заводила óна бой драку́ великую.
Óны дрáлись со змѣёю тутъ трои́ сутки,
Но не могъ Добрыня змѣи перебить.
Хочетъ тутъ Добрыня отъ змѣи отстать,
Какъ съ небесъ Добрыни ёму гласъ гласитъ:
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Дрался со змѣёю ты трои́ сутки,—
«Подерись со змѣей éще три́ часу:
«Ты побьёшь змѣю да ю проклятую.»
Онъ подрался со змѣёю éще три часу,
Онъ побилъ змѣю да ю проклятую.
Тая змѣя́ она кровью́ пошла.
Стоялъ у змѣй онъ тутъ трои сутки,
А не могъ Добрыня крóви пéреждать.
Хотѣлъ Добрыня отъ крови́ отстать,
Но съ небесъ Добрыни опять гласъ гласитъ:
«Ахъ ты ей Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Стоялъ у крови́ ты тутъ трои сутки,
«Постой у крови да еще три́ часу.
«Бери своё копьё да бурзомецкое
«И бей копьёмъ да во сыру́ землю,
«Самъ копью да приговаривай:
«— Розступись-ко матушка сырá земля,
«— На четыре розступись да ты на четверти!
«— Ты пожри-ко эту кровь да всю змѣинную! —»

Розступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрáла она кровь да всю змѣиную.
Тогда Добрыня во нору пошолъ,
Во тыѝ въ норы̀ да во глубокіи.
Тамъ сидитъ сорóкъ царей сорокъ царевичёвъ,
Сорокъ королей да королевичёвъ,
А простой-то силы той и смѣту нѣтъ.
Тогда Добрынюшка Никитиничъ
Говорилъ-то онъ царямъ да онъ царевичамъ,
И тѣмъ королямъ да королевичамъ:
— Вы идите нынь туда, откель принéсены,
— А ты молода Забава дочь Потятична,
— Для тебя я эдакъ тéперь странствовалъ,
— Ты поѣдемъ-ко кó граду̀ ко Кіеву.
— А й ко ласковому князю ко Владиміру. —
Повёзъ молоду Забаву дочь Потятичну.
На тыя путь шѝрокой дороженки
Увидалъ онъ бродъ да лошадиныи,
По колѣнъ было у лошади да въ землю грязнуто.
Онъ догналъ Олешеньку Поповича,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Ты эй Олéшенька Левонтьевичъ!
— Ты возьми-ко эту князеву племянницу,
— Молоду Забаву дочь Потятичну,
— Отвези-ко къ солнышку да ко Владиміру,
— Ко Владиміру да ты во цѣлости.
— Я поѣду этымъ бродомъ лошадиныимъ. —
Онъ поѣхалъ этымъ бродомъ лошадиныимъ,
Догналъ пóляницу̀ да великую,
Онъ ударилъ свóей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
А онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому.—
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ около трёхъ сажонъ.
Онъ ударилъ своей палицей во сырой дубъ,
А росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому.
— А вѣрно смѣлость у Добрыни не по старому.—
Догналъ пóляницу да великую,
Ударилъ своей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да не оглянется,
Онъ Добрыня на кони да пріужахнется,
И самъ говорилъ да таково слово:
— Что смѣлость у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно сила у Добрыни не по старому. —
Онъ назадъ Добрынюшка воротится,
Пріѣзжалъ Добрыня ко сыру дубу.
Толщиною дубъ да былъ шести сажонъ,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею,
А росшибъ вѣдь сырой дубъ по ластиньямъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вся сила у Добрыни есть по старому,
— Вѣрно смѣлостѣ у Добрыни не по старому.—
Онъ догналъ поляницу да вѣдь въ трéтій разъ,
Онъ ударилъ свóей палицей булатнею
Тую поляницу въ буйну голову.
Поляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ да таково слово:
«Я думала комарики покýсываютъ?
«Ажно руськіи могучіи богáтыри пощалкиваютъ.»
Ухватитъ-то Добрыню за желты кудри,
Положитъ-то Добрыню во глубокъ карманъ,
Во глубокъ карманъ Добрынюшку съ конёмъ цѣло.
А везла она Добрынюшку трои̇̀ сутки,
Испровѣщится какъ ейной добрый конь
Ей но голосомъ да человическимъ:
— Молода Настасья дочь Никулична!
— Что конь у богатыря да сопротивъ меня,
— Сила у богáтыря да сопротивъ тебя:
— Не могу везти я больше васъ съ богáтыремъ! —
Говоритъ Настасья дочь Никулична:
«Ежели богáтырь да онъ старыи,
«Я богáтырю да голову срублю.
«Ежели богатырь да онъ младыи,
«Я богáтыря да во полóнъ возьму.
«Ежели богатырь мнѣ въ любовь придетъ,
«Я теперь вѣдь за богатыря за мужъ пойду.»
Вынимаетъ-то богатыря да изъ карманчика,
Тутъ ёй богатырь да понравился.
Говоритъ Настасья да Микулична:
«Ты молодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы поѣдемъ съ тóбой кó граду ко Кіеву,
«Да ко ласкову ко князю ко Владиміру,
«Примемъ мы съ тобою по злату вѣнцу.»
Тутъ пріѣхали коó (sic) граду ко Кіеву,
И ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Приняли они да по злату вѣнцу.
Тутъ по три дни было да пированьицо
Про молода Добрыню про Никитича,
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ:
А Синему морю да на тишину,
А вамъ добрымъ-тымъ людямъ на послушаньё.

—

149.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША ПОПОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 23).

Добрынюшка тотъ матушкѣ говаривалъ,
Да Никитиничь-отъ матушкѣ наказывалъ:
«Ты свѣтъ государыня да родна матушка,
«Честна́ вдова Офимья Олександровна!
«Ты зачѣмъ меня Добрынюшку несчастнаго спо-
ро́дила?
«Породила государыни бы родна матушка
«Ты бы бѣленькимъ, горючимъ меня камешкомъ,
«Завернула государыни да родна ма́тушка
«Въ тонкольняный было бѣлый во рукавничекъ,
«Да вздынула государыни да родна матушка
«Ты на вы́соку на гору Соро́чинскую
«Испустила государыня да родна матушка
«Меня въ Черное бы море, во турецкое,
«Я бы вѣкъ бы тамъ Добрыня во мори́ лежалъ,
«Я отнынѣ бы лежалъ да я бы до́ вѣку,
«Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту́ полю,
«Я не у́бивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
«Не пролилъ бы крови я напрасная,
«Не слезилъ Добрыня отцей матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрынюшка молодыхъ жонъ,
«Не спущалъ бы сиротать да малыхъ дѣтушекъ.»
Отвѣтъ держитъ государыни да родна ма́тушка,
Та честна вдова Офимья Олександровна:
— Я бы рада бы тя дитятко споро́дити:
— Я талапомъ-у́частью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора да богатыря,
— Я бы смѣлостью во смѣлаго Алешу во Попо-
вича,
— Я походкою тебя щапливою
— Во того Чурилу во Пленко́вица,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрыню во Никитича,
— Столько тыи ста́тьи есть, а другихъ Бо́гъ не
далъ,
— Другихъ Богъ статей не далъ, да не пожало-
валъ. —
Скоро-на́-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ,
Садился онъ скоро на добра́ коня,
Какъ онъ потнички клалъ да на потнички,
А на потнички клалъ войлочки,
Клалъ на войлочки черкальское сѣдѣлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ подпру-
говъ,
Онъ тринадцатой-отъ клалъ да ради крѣпости,
Чтобы добрый конь-отъ съ-подъ сѣдла не вы-
скочилъ,
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вы́рушилъ.
Подпруги были шелковыи,
А спенькй у́ подпругъ все булатніи,
Пряжи у сѣдла да красна золота.
Тотъ да шелкъ не рвется, да булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ.
Молодецъ-то на кони сидитъ, да самъ не ста-
рѣетъ.
Провожала-то Добрыню родна ма́тушка.
Простиласи и воротиласи
Домой пошла, сама заплакала.
А у тыя было у стремины у правыя,
Провожала-то Добрыню любима́ семья,
Молода Настасья дочь Микулична
(Она была взята изъ земли Полтовскія),
Сама говоритъ да таково слово:
«Ты душка́ Добрынюшка Никитиничъ!
«Ты когда Добрынюшка домо́й будешь?
«Когда со́ждать Добрыню изъ чиста́ поля?»
Отвѣтъ держитъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Когда меня ты стала спрашивать,
— Такъ теперича тебѣ я стану сказывать:
— Сождай меня Добрынюшку по три́ года.
— Если въ три года не буду, жди по дру́го три,
— А какъ сполнится то время шесть годовъ,
— Какъ не буду я Добрыня изъ чиста́ поля,
— Поминай меня Добрынюшку уби́таго.
— А тебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
— Хоть вдовой живи, да хоть замужъ поди
— Хоть ты за́ князя поди хоть за боярина,
— А хоть за руськаго могучаго бога́тыря, —
— Столько не́ ходи за мо́его за брата за названаго
— Ты за смѣлаго Алешу за Поповица. —
Его государыня-то родна матушка,
Она у́чала какъ по полати-то похаживать,
Она учала какъ голосомъ поважнвать,
И сама говоритъ да таково слово:
«Единоё-жъ было́ да солнце красное,
«Нонь тепере за темны лѣса да закатилоси,
«Стольки оставлялся младъ свѣтѣлъ мѣсяцъ.
«Какъ единое-жъ было́ да чадо милое
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничь,
«Онъ во да́лечи, дале́чи, во чистомъ поли,
«Судитъ-ли Богъ на вѣку хоть разъ видать?»
Еще стольки оставлялась любима́ семья,
Молода Настасья дочь Никулична,
На роздѣй тоски великоя кручинушки.
Стали со́ждать Добрыню изъ чиста поля по три́
годы,

А й по три́ годы, еще и по́ три дни,
Сполнилось времени цѣло три́ годы,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста́ поля.
Стали со́ждать Добрыню по друго́е три,
Тутъ какъ день за днёмъ да будьто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава ростетъ,
Годъ тотъ за годо́мъ да какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени и другое три,
Да какъ сполнилось времени да цѣло шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Какъ во тую пору, да во то время,
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ имъ вѣсточку нерадостну:
Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитица,
Онъ убитъ лежитъ да на чистомъ поли:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испрострѣляны,
Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
Какъ тогда-то государыня да родна матушка
Слезила-то свои да очи ясныи,
Скорбила-то свое да лицо бѣлое
По своёмъ рожоноёмъ по дитятки,
А по молодомъ Добрыни по Никитичи.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ-то похаживать,
Да Настасьи то Викуличной посватывать,
Посватывать да подговаривать:
— Что какъ тебѣ жить да молодо́й вдовой,
— А й моло́дый вѣкъ да свой коро́тати,
— Ты поди замужъ хоть за́ князя хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —
Говоритъ Настасья дочь Микулична:
«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Я исполнила заповѣдь ту мужнюю!
«Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
«Я исполню заповѣдь да свою женскую:
«Я прожду Добрынюшку друго́ шесть лѣтъ.
«Какъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
«Да успѣю и въ тѣ поры́ замужъ пойти.
Опять день за днёмъ да будто дожь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ тотъ за годомъ да какъ рѣка бѣжитъ,
А прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Тутъ сталъ солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Онъ Настасьи той Викуличной посва́тывать,
Посватывать да подговаривать:
— Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
— Какъ тебѣ жить да молодо́й вдовой,
— А моло́дой вѣкъ да́ свой коро́тати.
— Ты поди замужъ хоть за́ князя, хоть за боярина,
— Хоть за русьскаго могучаго бога́тыря,
— Хоть за смѣлаго Алешу за Поповича. —
Не пошла замужъ не за князя, не за боярина,
Не за русьскаго могучаго бога́тыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
А севодни имъ ити да ко божьей церкви,
Принимать съ Олешей по злату́ вѣнцу.
Въ тую-ль было пору, а въ то́ время,
А Добрыня-то случился у Царяграда,
У Добрыни конь да подтыкается.
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да ты медвѣжья шерсть!
«Ты чево севодня подтыкаешься?»
Испровѣщится какъ ему добрый конь,
Ему голосо́мъ да человѣческимъ:
— Ахъ ты эй хозяинъ мой любимыя!
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь:
— А твоя Настасья королевична
— Королевична она замужъ пошла
— За смѣлаго Олешу за Поповича.
— Какъ пиръ идётъ у нихъ по третій день,
— Севодня имъ итти да ко божьей церкви,
— Принимать съ Олешей по злату вѣнцу. —
Тутъ молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Онъ бьётъ бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,
Что сталъ его бурушка поскакивать,
Съ горы на горы да съ хо́лма на холму,
Онъ рѣки и озёры перескакивалъ,
Гдѣ широкіи раздолья—межу ногъ пущалъ.
Буде во́ градѣ во Кіевѣ.
Какъ не ясный соколъ въ перелётъ летѣлъ,
Добрый молодецъ да въ перего́нъ гони́тъ,
Не воротми ѣхалъ онъ черезъ стѣну,
Черезъ тую стѣну городо́вую,
Мимо тую башню науго́льную,
Ко тому придворью ко вдови́ному;
Онъ на дворъ заѣхалъ безобсы́лочно,
А въ палаты идетъ да бездокла́дочно,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ;
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло про́ходилъ въ полаты во вдовиныи:
Крестъ кладетъ да по писаному,
Онъ поклонъ ведетъ да по ученому,

На всѣ три, четыре да на стороны,
А честной вдовѣ Офимьѣ Олександровнѣ да въ особину:
«Здравствуешь честна́ вдова Офимья Олександровна!»
Какъ вслѣдъ идутъ придверники да приворотники,
Вслѣдъ идутъ, всѣ жалобу́ творятъ,
Самы говорятъ да таково слово:
— Ахъ ты эй Офимья Олександровна!
— Какъ этотъ-то уда́лый добрый мо́лодецъ
— Онъ наѣхалъ съ поля да скоры́мъ гонцомъ,
— На дворъ заѣхалъ безобсылочно,
— Въ полаты-то идетъ да бездокладочно,
— Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Да всѣхъ взашей прочь отталкивалъ,
— Смѣло про́ходилъ въ полаты во вдовиныи. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«Ты эй уда́лой добрый мо́лодецъ!
«Ты зачѣмъ же ѣхалъ на сиротскій дворъ да безобсылочно,
«А въ полаты ты идешь да бездокладочно,
«Ты не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
«Всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ?
«Кабы было живо мо́е чадо милое,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ, —
«Отрубилъ бы онъ тебѣ-ка буйну голову
«За твои поступки неумильніи.»
Говорилъ уда́лый добрый молодецъ:
— Я вчерась зъ Добрыней поразъѣхался,
— А Добрыня поѣхалъ ко Царю-граду,
— Я поѣхалъ да ко Кіеву. —
Говоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Во тую-ли было пору во перво шесть лѣтъ,
«Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поли,
«Привозилъ намъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ поли:
«Буйна голова его испроломана,
«Могучи плеча да испрострѣляны,
«Головой лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ.
«Я жалешенько тогда вѣдь по́ немъ плакала,
«Я слезила-то свои да очи ясныя,
«Я скорбила-то своё да лицо бѣлое
«По своёмъ рожоносмъ по дитятки.
«Я по молодомъ Добрыни по Никитичи.»
Говорилъ удалый добрый молодецъ:
— Что наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
— Спросить про него про любиму семью,
— А про мо́лоду Настасью про Микуличну. —
Говоритъ Офимья Олександровна:
«А Добрынина любима семья замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповица.
«Пиръ идетъ у нихъ по третій день,
«А сегодня имъ пти да ко божьёй церквы,
«Принимать съ Олешой по злату вѣнцу.»
Говорилъ удалой добрый мо́лодецъ:
— А наказывалъ мнѣ братецъ-отъ названыя,
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Если слу́читъ Богъ быть на́ пору тебѣ во Кіевѣ,
— То возьми моё платье скомороское,
— Да возьми мои гуселошка яро́вчаты
— Въ новой горенькѣ да все на стопочкѣ. —
Какъ бѣжала тутъ Офимья Олександровна,
Подавала ему платье скомороское,
Да гуселошка ему яровчаты.
Накрутился молодецъ какъ скоморошиной,
Да пошолъ онъ на́ хорошъ почестный пиръ,
Идетъ какъ онъ да на княженецкій дворъ,
Не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Да всѣхъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло про́ходилъ во полаты княжене́цкія.
Тутъ онъ крестъ кладётъ да по писа́ному,
А поклонъ ведетъ да по учёному,
На всѣ три четыре да на стороны,
Солнышку Владиміру да въ собину.
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольный Кіевскій
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
Вслѣдъ идуть придверники, да приворотники,
Вслѣдъ идуть, всѣ жалобу́ творять,
Сами говорятъ да таково слово:
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
«Какъ этая удала́ скоморошина
«Наѣхалъ изъ чиста́ поля скоры́мъ гонцомъ,
«А теперичу идётъ да скоморошиной,
«Насъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей онъ насъ не спрашивалъ придверниковъ,
«Да всѣхъ насъ взашей прочь отталкивалъ,
«Смѣло про́ходилъ въ полаты княженецкіе.»
Говорилъ Владиміръ стольный Кіевской:
— Ахъ ты эй удала скоморошина!
— Зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ да безобсылочно,

й въ палаты идешь бездокладочно,
не спрашивашь у воротъ да приворотни-
ковъ,
дверей не спрашивашь придверниковъ,
всѣхъ ты взашей прочь отталкивалъ? —
рошина въ рѣчамъ да не вчуеться,
рошина къ рѣчамъ не примется,
итъ удала скоморошина:
ышко Владиміръ стольный кіевскій!
ки гдѣ есть наше мѣсто скомороское!»
итъ Владиміръ стольне-кіевской:
о ваше мѣсто скомороское
на той на печкѣ на муравленой,
муравленой на печкѣ да на за́печкѣ.—
кочилъ скоро́ на мѣсто на показано,
ю на печку на муравлену.
атягивалъ тетивочки шелковыя,
струночки да золочёныя,
чалъ по стрункамъ похаживать,
ъ у́чалъ голосомъ нова́живать.
тъ-то онъ вѣдь во Кіе́ви,
выигрышъ беретъ во Цари́гради.
ювы́игралъ во́о гради во Кіе́ви,
ю Кі́еви да всѣхъ поименно,
тъ стараго да всѣхъ до малаго.
всѣ на пиру́ игры заслухались,
на пиру призамо́лкнулись,
говорятъ да таково́ слово:
ышко Владиміръ стольне-кіевскій!
ыть это уда́лой скоморо́шины.
кому ни́ быть надо русьскому
ъ уда́лому да добру молодцу.»
итъ Владиміръ стольне-кіевской:
ъ ты эй уда́ла скоморошина!
твою игру́ да за веселую,
ущайся-ко изъ печки изъ-за́печка,
садись-ко съ нами да за дубовъ столъ,
за дубовъ столъ да хлѣба кушати.
перь дамъ я ти три мѣста три любимыхъ:
рво мѣсто сядь подлѝ мене,
уго мѣсто сопротивъ мене,
етье мѣсто куды самъ захошь,
ды самъ захошь, эще пожа́луешь.—
алась скоморошина изъ печки изъ мурав-
леной,
сѣла скоморо́шина подлѣ князя́,
сѣла скоморошина да сопроти́въ князя,
илась въ скамеечку
тивъ княгины-то обручныя,
нвъ мо́лодой Настасьи да Никуличны,
итъ удала скомо́рошина:

«Ахъ ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Бласлови-ко на́лить чару зелена́ вина,
«Поднести-то эту чару кому я́ знаю,
«Кому я́ знаю, эще пожа́лую.»
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
— Ай ты эй удала скоморошина!
— Бы́ла дана ти пово́лька да великая,
— Что захочешь, такъ ты то́ дѣлай
— Что ты здумашь, да эще й то́ твори.—
Какъ тая удала скоморошина
Наливала чару зелена вина,
Да опуститъ въ чару свой злаче́нъ персте́нь,
Да подно́ситъ-то княгины поручёныя,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ты эй молода Настасья дочь Микулична!
«Прими-ко сію чару еди́ной рукой,
«Да ты выпей-ко всю чару еди́нымъ духомъ.
«Какъ ты пьешь до дна, такъ ты вѣдашь добра,
«А не пьешь до дна, такъ не видишь добра.»
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила всю чару единымъ духомъ.
Да обсмотритъ въ чары свой злаченъ перстень,
А которымъ съ Добрыней обручалася,
Сама говоритъ таково слово:
— Вы эй же вы князи, да вы бояра
— Вы всѣ же князи вы и дво́ряна!
— Вѣдь не тотъ мой мужъ, да кой подлѝ мене,
— А тотъ мой мужъ, кой сопроти́въ мене:
— Сидитъ мой мужъ да на скамеечкѣ,
— Онъ подноситъ мнѣ-ко чару зелена́ вина.—
Сама выскочитъ изъ стола да изъ-за ду́бова,
Да й упала Добрыни во рѣзвы́ ноги,
Сама говоритъ да таково слово:
— Ты эй молодой Добрыня сынъ Никитиничь!
— Ты прости прости Добрынюшка Никитиничь
— Что не по́ твоему наказу да я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Олёшенку за му́жъ пошла.
— У насъ волосъ дологъ да умъ коротокъ,
— Насъ куда ведутъ, да мы туда идёмъ,
— Насъ куда везутъ, да мы туда ѣдемъ.—
Говорилъ Добрыня сынъ Никитиничь:
«Не дивую разуму я женскому:
«Мужъ-отъ въ лѣсъ, жена и замужъ пойдетъ,
«У нихъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ,
«А дивую я солнышку Владиміру
«Со своей княгиней со Опраксіей,
«Что солнышко Владиміръ тотъ сватомъ былъ.
«А княгиня-то Опраксія да была свахою,
«Они у́ жива мужа жо́ну да просватали.»
Тутъ солнышку Владиміру въ стыду пришло,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,

Утопилъ ясны́ очи во сыру́ землю.
Говоритъ Олешенько Левонтьевичъ:
— Ты прости, прости братець мои названыя
— Молодой Добрыня сынъ Никитиничь!
— Ты въ той винѣ прости меня во глу́пости,
— Что я по́сидѣлъ подли́ твоей любимо́й семьи,
— Подли мо́лодой Настасіи да Микуличной.—
Говорилъ Добрыня сынъ Микитиничь:
«А въ той вины братець тебя Богъ проститъ
«Что ты по́сидѣлъ подли́ моей да любимо́й семьи
«Подли молодой Настасіи Микуличны!
«А въ дру́гой вины братець тебя не́ прощу.
«Когда пріѣзжалъ изъ чиста́ поля во перво́ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Микитинича
«Убитъ лежитъ да на чистомъ полѣ.
«А тогда-то государыня да моя родна́ матушка,
«А жалешенько она да по мнѣ плакала,
«Слезила-то она свои да очи ясныя,
«А скорбила-то своё да лицо бѣлое.
«Такъ во этой вины братець тебя не́ прощу.»
Какъ ухватитъ онъ Олешу за желты́ кудри,
Да онъ выдернетъ Олешку черезъ дубовъ столъ,
Какъ онъ бросить Олешу о кирпичень мостъ,
Да повыдернетъ шалыгу подорожную,
Да онъ у́чалъ шалыгищемъ охаживать,
Что въ хлопаньѣ-то охканья не слы́шно вѣдь.
Да только-то Олешенка и женатъ бывалъ,
Ну столько-то Олешенка съ женой сыпалъ.
Всякъ-то братцы на вѣку вишь женится,
И всякому женитьба удавается,
А не дай Богъ женитьбы той Олешиной.
Тутъ онъ взялъ свою да любиму семью,
Молоду Настасью да Микуличну,
И пошолъ къ государыни да и родной матушкѣ.
Да онъ адмялъ доброе здоровьице,
Тутъ вѣкъ про Добрыню старину́ скажутъ,
А синему морю на тишину,
А вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Петрозаводскѣ. 20 іюля.

—

(15)

МИХАЙЛА ПОТЫКЪ.

(См. Рыбниковъ, т. II, 16)

Во стольномъ было во городѣ Кіевѣ,
Да у ласкова у князя у Владиміра,
Какъ было пированье почестный пиръ
Да на многіихъ тыхъ князей, бояръ,
Да на всѣхъ тыхъ го́стей званыихъ браныихъ,
Званыихъ браныихъ, го́стей приходящіихъ.
Всѣ-то на́ пиру да наѣдалися,
Всѣ-то на чѣстномъ да напивалися,
Всѣ-то на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть мо́лодецъ добры́мъ конемъ,
Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ
Иный хвалится есть села и со приселками,
Иный хвалитъ города и съ пригородками,
Умный хвастаетъ да ро́дной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Изъ-за того было стола да изъ-за ду́бова
А не зо́лота звонка́ труба да вытрубила,
Испроговорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай вы, эй вы, князи бояра!
«Какъ нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастати:
«Нѣту у меня да золото́й казны.
«Ты первый русьскій сла́вный бога́тырь
«Старый казакъ Илья Муромець!
«Съѣзди-ка ты да въ золоту орду,
«Повыправь-ка мнѣ дани выходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
«За тринадцать лѣтъ да съ половиною.
«А ты дру́гой русьскій сла́вный бога́тырь
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничь!
«Съѣзди-ка ты да во Турецію,
«Повыправь-ка тамъ дани выходы,
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.
«Третій русьскій славный богатырь
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди-ко ты да во Швецію
«Ай повыправь-ко тамъ дани выходы
«За двѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ.»
Согласились три русьскихъ три могучихъ три богатыря,
Пріѣха́ли ко кресту къ Леванидову
Тутъ они крестами да побратались.
Который же изъ нихъ былъ старшій братъ?
Старый казакъ Илья Муромецъ былъ старшій братъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ былъ средній братъ,
А Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ меньшій братъ.
Который-то поразьше поѣдетъ,
А во другому-то ѣхать да и на выручку.
Старый-то казакъ Илья Муромецъ
Отправился да въ золоту орду.
Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ во Швецію.
Какъ тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ

алъ-то свои дани выходы,
зилъ ко солнышку да ко Владиміру.
аетъ онъ свои да дани выходы
Ѣнадцать годъ и за тринадцать лѣтъ,
илъ Владиміръ стольне-кіевской;
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
етъ мнѣ де Бухарь царь заморскія:
итъ онъ съ меня дáни выходы
вѣнадцать годъ за тринадцать лѣтъ,
ринадцать лѣтъ да съ половиной.»
илъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
лнышко Владиміръ стольне-кіевской!
пиши-ко ты скорописчатые ёрлыки,
го отпущены у тебя дани выходы
Михайломъ Потыкомъ сыномъ Ивановымъ,
я поѣду да безъ выходовъ.—
лъ ко Бухарю царю заморскому:
здравствуешь Бухарь да царь заморскія!
ивезъ тебѣ да дани выходы,
вѣнадцать годъ да за тринадцать лѣтъ
ринадцать лѣтъ да съ половиною.»
илъ Бухарь-то царь заморскія:
ѣ же у тебя да дани выходы?—
выходы остались во чистомъ полѣ.
зу монетою все мѣдною,
телѣжочки да пріосыпались,
остались мужики да вѣдь починивать.»

илъ Бухарь-то царь заморскія:
васъ чѣмъ въ Россіи забавляются,
той съ великія со радости,
къ получать-то у васъ да дáни выходы?—
илъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
у насъ въ Россіи забавляются:
играютъ въ карты биліарты,
граютъ въ шашечки кленовыя,
ныхъ дощечкахъ на дубовыхъ.»
тáли и́грать во шашечки кленовыя,
наставили дощечку они первую,
Бухарь да царь заморскія
илъ онъ на дощечку дани выходы,
кайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
илъ на дощечку онъ добра коня.
ралъ Михаило Потыкъ сынъ Ивановичъ,
ралъ своего онъ добра коня,
Бухарю то ему царю заморскому.
наставили дощечку они другую,
Бухарь то царь заморскія
илъ нà дощечку дани выходы,
ложилъ Михайлина добра коня,
ъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ нà дощечку буйну голову.
Сыграли то дощечку они другую,
Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Со Бухаря со царя да й дани выходы.
Наставили дощечку они третью.
Тотъ Бухарь то царь заморскія
Положилъ на дощечку онъ полцарства пол-имѣйство де,
А тотъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Положилъ на дощечку дани выходы.
Сыграли какъ дощечку они третью,
Тутъ повыигралъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
И онъ полцарства-то повыигралъ, да пол-имѣйство де,
Со Бухаря со царя да й со заморскаго.
Какъ о тую было пору да о то время,
А й дубовая то дверь да отпирается.
Приходилъ тутъ старый казакъ да Илья Муромецъ,
А самъ говорилъ да таково слово:
— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты сидишь-играешь-забавляешься,
— Надъ собой незгодушки не вѣдаешь!
— А твоя жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
— Ай подоленка да королевична,
— Уѣхала во землю политовскую.
— Со тоимъ кóролемъ со политовскіимъ. —
Разсердился тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ.
Схватитъ онъ дощечку да дубовую,
Да отброситъ въ дверь да во кленовую,
Да повылетитъ вонъ двери съ ободвереньемъ.
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:
«Ты эй же братецъ мой крестовой
«Старый казакъ да Илья Муромецъ!
«Получай-ко со Бухаря со царя да со заморскаго
«А полцарства ты, да пол-имѣйство де.
«Я поѣду нонь во́ землю политовскую,
«Я искать своей да Марьи лебедь бѣлоей,
«Я подоленки да королевичной.»
Пріѣзжаетъ онъ во землю политовскую.
Заѣхалъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А та подоленка да й королевична
Наливала чару питья забуду́щаго,
Выбѣгала на крылечко на переное,
Увидала тутъ Михайлу Потыка сына Ивановича,
Да й сама говоритъ да таково слово:

— Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ долгъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, а мы туда идемъ,
— Насъ куда везутъ, а мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ка сію чару единой рукой,
— Да ты выпей сію чару единымъ духомъ,
— Да поѣдемъ мы ко граду ко Кіеву,
— Да й ко ласкову ко князю ко Владиміру. —
Онъ Михайло до вина да былъ упачливой.
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Да онъ выпилъ вѣдь всю чару единымъ духомъ,
Гдѣ онъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.

А тая жъ вѣдь Марья лебедь бѣлая,
А й подоленка да королевична,
Броситъ то Михайла да черезъ плече,
Вела Михайлу во чисто поле,
А сама къ Михайлѣ приговаривала:
— Гдѣ былъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
— Тутъ стань бѣленькій горючій да нынѣ камешекъ. —
И тутъ Михайло да окаменѣлъ.

Съ тыя поры да съ того времени,
Сожалѣли его братьицы крестовыи,
Накрутилися они калікама,
Да й пошли они во землю политовскую.
На той на́ пути да на дороженьки
А й сустигли тутъ старчище пялигримище.
Говорилъ старчище пялигримище:
«Ахъ вы русски могучи богатыри!
«Пригласите вы старчища пялигримища
«А итти-то намъ во землю въ политовскую».
Пригласили тутъ старчища а пилигримища,
Да й пошли они во землю въ политовскую.
Да й приходятъ то во землю политовскую,
Къ тому ко́ролю да политовскому.
Пришли они къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Подъ тоё косивчато окошечко,
Попросили то они да тутъ милостыню.
Какъ тутъ терема́ да пришаталися,
А околенки да пріосыпались.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да й королевична,
И сама говоритъ да таково слово:
— Ты й король земли да политовскія!
— Это есть то не калики перехожіи,
— А есть русскіи могучіи богатыри!
— Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменныя,
— Да корми каликъ ты тѣперь досыта,
— Да напой каликъ ты тѣперь допьяна. —
Садили каликъ за столы да за дубовыи,
Онъ кормилъ каликъ да вѣдь тутъ досыта,
Онъ поилъ каликъ да вѣдь тутъ допьяна,
Онъ дарилъ каликъ да вѣдь тѣперь долюба,
Много онъ дарилъ да злата-серебра.
Пошли какъ тутъ калики перехожіе
Отъ того отъ ко́роля да политовскаго,
Пришли они къ бѣлому горючему ко камешку.
Говорилъ старчище полигримище:
«Станемте ко братцы животы дѣлить.»
Говорятъ тутъ русскіи могучіи бога́тыри:
— А дѣли-ко ты старчище полигримище! —
Онъ сталъ дѣлить старчище полигримище,
Дѣлитъ онъ на четыре да на четверти.
Говорилъ тутъ старикъ казакъ да Илья Муромецъ:
«Ахъ ты эй старчище полигримище!
«Ты что дѣлишь на четыре да на четверти?»
А говорилъ старчище полигримище:
— А тому изъ насъ братцы да четверта часть,
— Кто броситъ этотъ камешокъ черезъ плечо! —
Принялся молодой Добрыня сынъ Микитинич
Ко эвтому горючему ко камешку,
Да здынулъ онъ камень по колѣни себя, —
По колѣнушка Добрынюшка во землю угрязъ.
Прискочилъ какъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А здынулъ онъ камень по грудямъ себѣ,
По грудямъ Илья да онъ въ землю угрязъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«А здымай-ко ты старчище полигримище!»
Какъ тотъ старчище полигримище
Прискочилъ къ горючему ко камешку,
Хватилъ этотъ камень да коне́цъ рукмы,
Броситъ камень этотъ да черезъ плечо,
Самъ ко камеию да приговаривалъ:
— Гдѣ былъ бѣленькій горючій да тотъ камешокъ,
— Тутъ повыскочи Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ! —

Тутъ повыскочилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Фу, фу, фу, братцы! я коль долго спалъ!»
Говоритъ калика перехожая:
— Если бы не я, такъ ты и вѣкъ бы спалъ! —
Говорили ему да братьица крестовыи:
«Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Пойдемъ съ нами коо́ граду ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру!»
Говорилъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ:

ду къ ко́ролю да къ политовскому,
ей за Марьей лебедь бѣлоей,
оленкой королевичной. —
я онъ съ братьями крестовыми,
ходитъ онъ въ землю да политовскую,
къ ко́ролю къ политовскому.
дилъ онъ какъ на широкой дворъ,
ъ онъ голосомъ да богатырскіимъ.
то да Марья лебедь бѣлая,
енка да й королевична.
чару питья забуду́щаго,
ъ на крыльцо на переное,
орила да таково слово:
сію чару единой рукой,
ыпей чару единымъ духомъ,
емъ мы коо́ граду ко Кіеву,
скову да князю ко Владиміру.»
айло до вина то былъ упачливой:
чару единой рукой,
лъ чару единымъ духомъ.
выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
Марья лебедь бѣлая,
ла то Михайла ~~за жел~~ты кудри,
ла въ глубо́къ погребъ.
Михайлу она на́ стѣну,
ему руки-ноги гвоздями,
ло то гвозда ему сердечнаго.
она въ торгъ на ярмонку
гвозда́ ему сердечнаго.
пору да въ то время,
~~сья королевична~~
отрить русьскаго могучаго богатыря.
атырь ёй да и понравился.
она гвозди съ него нёктями,
а то татарина тутъ мёртваго,
да й мёрзлаго.
орила да такого слово:
ихайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
й мнѣ заповѣдь великую,
трубить-то Марьѣ буйну голову,
взять замужъ Настасью королевичну.—
ей заповѣдь великую.
Настасья королевична
а его въ шубу соболиную,
она въ покои во особые.
остилъ эти раночки кровавои,
года Настасья королевична
королю то политовскому:
государь мой родной батюшко!
дай-ко мнѣ коня да богатырскаго
а ѣхать во чисто поле поляковать. —

И отпустила она русскаго могучаго богатыря
Во тое во чисто поле поляковать.
Пріѣзжаетъ какъ богатырь изъ чиста поля,
Заѣзжаетъ онъ на королевской дворъ,
Закричалъ онъ голосомъ да богатырскіимъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична,
Наливала чару питья забуду́щаго.
Выбѣгаетъ на крылечко на переное,
Да подноситъ то Михайлѣ Потыку сыну Иванову:
«Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Прими-ко чару единой рукой,
«Да й выпей сію чару единымъ духомъ,
«Да поѣдемъ мы коо́ граду ко Кіеву
«Ко ласкову князю ко Владиміру.»
Мыхайло до вина да былъ упачливой:
Какъ онъ принялъ чару единой рукой,
Хотѣлъ выпить чару единымъ духомъ,
Увидала Настасья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична:
— Ты эй Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— А ты знать нарушилъ свою заповѣдь! —
Спомнилъ-то Михайла Потыкъ ~~сынъ Ивановичъ~~,
Да смахнулъ своей да саблей востроей,
И отнесъ онъ Марьѣ буйну голову,
Той подоленкѣ да королевичнѣ.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Взялъ младу Настасью королевичну,
Да й поѣхали коо́ граду ко Кіеву,
И ко ласковому князю ко Владиміру.
Тутъ по три дни было пированьице
Про Михайлу Потыка сына Ивановича,
Что отрубилъ онъ Марьѣ буйну голову,
А онъ взялъ замужъ Настасью королевичну.
Тутъ вѣкъ по Михайлу старину поютъ
Синему-то морю да на ти́шину,
А вамъ добрымъ-то людямъ на послушаньё.

Записано въ Петрозаводскѣ, 29 іюня.

—

151.

СТАВЕРЪ.

(См. Рыбникова, т. II, 20).

Во стольномъ было городѣ во Кіеви,
Да у ласкова было князя Владиміра,
Было пированьицо почестной ~~пиръ~~
А на многихъ князей да на бо́яровъ,

Да на всѣхъ тыхъ гостей званыхъ браныхъ,
Званыхъ браныхъ, гостей приходящіихъ.
Вси-то на пиру да наѣдалися,
Вси-то на честномъ да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались.
Иный хвалится есть молодецъ добрымъ конёмъ,
Иный хвастаетъ да шелковымъ портомъ,
Иный хвалитъ села со приселками.
Иный хвалитъ города да съ пригородками.
Богатый хвастатъ золотой казной,
Умный хвастатъ родной матушкой,
А безумный хвалится да молодой женой.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй, Ставеръ да сынъ Годиновичъ:
«Пріѣхалъ ты изъ земли ляховицкія,
«Ты самъ сидишь, да ты не хвастаешь.
«Аль нѣту у тебя да золотой казны?
«Аль нѣту у тебя да добрыхъ коменей?
«Аль нѣту сёлъ со приселками?
«Аль нѣту городовъ да съ пригородками?
«Аль не славна твоя да родна матушка?
«Аль не хороша твоя да молода жена?»
Говоритъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
— Хоть есть у меня да золотой казны,
— Золота казна у молодца не тощится,
— И то мнѣ молодцу не похвальба;
— Хоть есть у меня да добрыхъ комоней,
— Добры комони стоятъ да все не ѣздятся,
— И то мнѣ молодцу не похвальба;
— Хоть есть города и съ пригородками,
— И то мнѣ молодцу не похвальба;
— Хоть есть и селовъ да со приселками,
— И то мнѣ молодцу не похвальба;
— Да хоть славна-та моя родна матушка,
— Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба;
— Хоть и хороша моя да молода жена,
— Такъ и то мнѣ молодцу не похвальба;
— Васъ князей бояръ она повыманитъ,
— Тебя солнышко Владиміра съ ума сведетъ.—
Тутъ всѣ на пиру и призамолкнули.
Испроговоритъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мы засадимъ-ко Ставра во погреба глубокіи,
«Да пущай Ставрова молода жена
«А Ставра она изъ погреба повыручитъ,
«Васъ князей бояръ да всѣхъ повыманитъ
«А меня Владиміра съ ума сведетъ.»
Посадилъ Ставра во погреба глубокіи.
А былъ у Ставра тутъ свой чёловѣкъ,
Онъ садился на Ставрова на добра коня,
Уѣзжалъ во землю ляховицкую
Къ молодой Василисты ко Никуличной:
«Ахъ ты эй Василиста дочь Никулична!
«Ты сидишь да пьешь да забавляешься
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ твой молодой Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Какъ посаженъ онъ во погреба глубокіи,
«Что похвасталъ онъ тобой да молодой женой,
«Что князей бояръ ты всѣхъ повыманишь,
«Его солнышка Владиміра съ ума сведешь.»
Говоритъ Василиста дочь Никулична:
— Мнѣ-ка деньгами выкупать Ставра — не выкупить,
— Если силой выручать Ставра — не выручить,
— Я могу ли, нѣтъ, Ставра повыручить
— А своей догадочкою женскою. —
Скорешенько бѣжала она къ фершеламъ,
Подрубила волосы по молодецкіи,
Накрутилася Василіемъ Никуличемъ,
Брала дружинушки хоробрыя,
Сорокъ молодцёвъ удалыхъ стрѣльцёвъ
И сорокъ молодцёвъ удалыхъ борцёвъ,
Поѣхала ко-о граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру,
Не доѣдучи до-о града до Кіева
Пораздёрнула она хорошъ бѣлъ шатеръ
Да й оставила дружину у бѣла шатра
Сама поѣхала ко-о граду ко Кіеву
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Приходитъ во палаты бѣлокаменны,
Она крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
Она бьетъ челомъ да поклоняется
На вси три четыре на стороны,
Солнышку Владиміру въ особину:
— Здравствуй солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Съ молодой княгиной со Опраксіей! —
«Ты откуда есть, удалый добрый молодецъ,
«Ты коей орды, ты коей земли,
«Какъ тебя именёмъ зовутъ,
«Нарекаютъ тебе по отечеству?»
Говоритъ удалый добрый молодецъ:
— Что я есть изъ земли ляховицкія
— Того короля сынъ ляховицкаго,
— Молодой Василій да Микуличъ де.
— Я пріѣхалъ къ вамъ о добромъ дѣлѣ о сватовствѣ
— На твоей любимоей на дочери.—
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу съ дочерью подумаю.»

Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать.—
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю.»
Приходитъ онъ къ послу земли да ляховицкіи
Самъ говоритъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли съ пути да со дороженки
«Сходить теби во парную во баенку?»
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— И это съ дороги да не худо бы. —
Стопили ему парную-то баенку,
Попросили какъ во парную во баенку,
Онъ пошолъ во парную во баенку,
Но покудова Владиміръ снаряжается,
А посолъ той порой во баенки попарился.
Изъ байни-то идетъ, ему и честь отда́етъ:
— Благодарствуешь на парной на баенки! —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ты же ме́не въ баенки не по́ждалъ.
«Я бы въ баенку пришолъ а тебѣ па́ру поддалъ,
«Я бы пару поддалъ да и тебя обдалъ.»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Что ваше дѣло-то домашное,
— Домашное дѣло княженецкое,
— А наше дѣло-то посольное,
— Недосугъ вѣдь долго да намъ чваниться
— А во баянки-то долго да намъ париться,
— Я пріѣхалъ объ добромъ дѣлѣ объ сва́товствѣ
— На твоей любимой на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Я схожу со дочерью подумаю.»
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Го́воритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчи́ну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуко́винья-ты были, да то мѣсто знать.—
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю.»
Приходитъ онъ къ послу земли да ляховицкіи
Самъ говорилъ да та́ково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де!
«Не угодно ли тебѣ да послѣ парной баенки
«Отдохнуть во ложни-то во тёплыи?»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— И это послѣ баенки не худо бы. —
Приходитъ какъ во ложню-ту во тёплую,
Головой-то онъ ложился гдѣ ногамъ-то быть,
А ногами-то ложился на подушечку.
Какъ выходитъ вонъ изъ ложни-то изъ тёплыи,
Шолъ туда Владиміръ стольнё-кіевской,
Посмотрѣлъ онъ ложни его тёплыи,
И самъ говорилъ да таково слово:
«Есть широкія плеча да богатырскія.»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу, со дочерью подумаю.»
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Микуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ сва́товствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:

— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчіну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуковинья-ты были, да то мѣсто знать.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю.»
Приходитъ онъ къ послу земли да ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли ляховицкіи,
«Молодой Василій да Микуличъ де:
«Не угодно-ли со мóими дворянами потѣшиться,
«Сходить съ ними да на широкій дворъ
«Стрѣлять въ колечко золоченое,
«Во тое остріé да во ножевое
«Расколоть бы стрѣлочка да надвое,
«Чтобы мѣрою однаки и вѣсóмъ ровны?»
Говорилъ Василій да Никуличъ ли:
— Остались стрѣльци да во чистóмъ поли,
— Во чистомъ поли да у бѣла шатра:
— Неужоли самому-то поотвѣдати? —
Выходитъ онъ да на широкій дворъ,
Сталъ стрѣлять стрѣлокъ да пéрво князевой,
Первый разъ стрѣлилъ онъ не дóстрѣлилъ,
Дрýгой разъ стрѣлилъ онъ да перéстрѣлилъ,
Третій разъ стрѣлилъ онъ и нé попалъ.
«Стрѣляй-ко ты Василій да Никуличъ де!»
Какъ тотъ Василій да Никуличъ де
Натягиватъ скорешенько свой тугой лукъ,
Налагаетъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ во колечко золоченое
Въ тое востріé да во ножевое,
Раскололъ онъ стрѣлочку-ту надвое,
Оны мѣрою однаки и вѣсóмъ ровны.
И самъ говоритъ онъ таково слово:
— Я пріѣхалъ вѣдь о добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я еще схожу, со дочерью подумаю.»
Приходитъ-то ко дочери возлюбленной
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй же, дочь моя возлюблена,
«Пріѣхалъ есть посолъ земли ляховицкія,
«Того короля сынъ ляховицкаго,
«Молодой Василій сынъ Никуличъ де,
«Онъ объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ
«На тебѣ любимоей на дочери.
«Что-же мнѣ съ посломъ-то будетъ дѣлати?»
Говоритъ-ко дочь ему возлюблена:
— Ты эй государь мой родной батюшка!
— Что у тебя теперь на разуми?
— Отдавать дѣвчіну самъ за женщину.
— Ричь-поговоры всё по женскому,
— Пельки мяконьки всё по женскому
— Перщки тоненьки все по женскому,
— Гдѣ жуковинья-ты были, да то мѣсто знать.—
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Я схожу посла да поотвѣдаю.»
Приходитъ онъ къ послу земли да ляховицкіи
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй посолъ земли ляховицкіи,
«Молодой Василій да Никуличъ де!
«Не угодно ли со мóими дворянами потѣшиться,
«На широкомъ-то дворе да поборотися?»
Говорилъ Василій-то Никуличъ де:
— Осталися борци да во чистóмъ поли,
— Въ чистомъ поли да у бѣлá шатра:
— Неужоль мнѣ самому да поотвѣдати? —
Выходитъ онъ какъ на широкій дворъ,
Сталъ Василій тутъ боротися,
Того захватитъ въ руку, дрýгого во дрýгую
Третья склéснетъ во серёдочку,
По трое заразъ онъ на зéнь ложилъ,
Которыхъ положитъ, тыи съ мѣста нé встаютъ.
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Молодой Василій да Никуличъ де!
«Укроти-ко свое сердце богатырское,
«Оставь людей мнѣ хоть на сúмена!»
Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской
— Я пріѣхалъ вѣдь объ добромъ дѣлѣ да объ свáтовствѣ,
— На твоей любимоей на дочери.
— Что же ты со мною будешь дѣлати?
— Если съ чести нé дашь, такъ возьму нé съ чести,
— Нé съ чести возьму да тебя бокъ набью. —
Не пошолъ онъ больше къ дочери-то спрашивать,
Да сталъ онъ дочь свою просватывать.
Какъ пиръ идетъ у нихъ по третій день,
Севодни имъ итти да ко Божьёй церквы,
Принимать съ Васильемъ по златý вѣнцу.
Закручинился Василій, запечалился,
Онъ повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны очи онъ во сыру землю.
Подходитъ-то Владиміръ стольнё-кіевской:
«Ахъ ты эй Василій да Никуличъ де!
«Что же ты севодни да не веселъ есть?»

ъ Василій да Никуличъ де:
го будетъ на разумѣ не весело.
батюшко мой есть да померъ вѣдь,
матушка да моя померла.
ли у тебя да мла́дыхъ загусельщичковъ
рать въ гуселышка яровчаты?—
и они мла́дыхъ загусельщичковъ,
играютъ всё не ве́село.
ъ Василій да Никуличъ де:
ышко Владиміръ стольнё-кіевской!
ли у тебя да мла́дыхъ затюрёмщичковъ
рать во гуселышка яровчаты? —
стили младыхъ затюрёмщичковъ,
ни играютъ всё не весело.
ъ Василій да Никуличъ де:
ышко Владиміръ стольнё-кевской!
ыхалъ отъ ро́дителя отъ батюшка
былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
бя во погреба́ глубокіи.
ораздъ играть въ гуселышка яровчаты.—
ъ Владиміръ стольнё-кіевской:
какъ выпустить Ставра̀, такъ не видать Ставра
выпустить Ставра, такъ разгнѣви́ть посла. —
ѣетъ онъ посла да ра́згнѣвить,
ыпустилъ Ставра изъ погреба,
сталъ играть во гуселышка яровчаты.
нился тутъ Василій-то Никуличъ де,
говорилъ да таково слово:
нишь-ли Ставёръ да памяту́ешь ли,
мы маленьки на уличку похаживали
съ тобою сваечкой поигрывали?
-то была сваечка серебряна,
е было кольцо да подзолоченое,
попадывалъ тогды́-сегды̀
попадывалъ всегды́-всегды̀? —
ръ-то къ ричамъ да не примется,
ичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
ъ тобою сваечкой не игрывалъ.»
ъ Василій-то Никуличъ де:
нишь ли Ставёръ да памяту́ешь ли,
вѣдь вмѣстѣ съ тобой въ грамотѣ училиси,
моя была чернильница серебряна
е было перо да подзолочено:
помакивалъ тогды́-сегды̀
помакивалъ всегды́-всегды̀? —
ръ-то къ ричамъ да не примется,
ичъ вѣдь въ ричи да не вчуется:
тобою грамотѣ не учивался.»

Говорилъ Василій да Никуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Спусти Ставра съѣздить до бѣла̀ шатра.
— Посмотрѣть дружинушки хоробрыя. —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«Мнѣ спустить Ставра̀, такъ не видать Ставра,
«А не спустить Ставра, такъ розгнѣви́ть посла.»
А не смѣетъ онъ посла поро́згнѣвить,
Спустилъ Ставра съѣздить до бѣла̀ шатра,
Посмотрѣть дружинушки хоробрыя.
Пріѣхали они ко бѣлу́ шатру,
Слѣзли они со добры́хъ коней.
Тутъ мо́лодой Василій да Никуличъ де
Зашолъ онъ скоренько въ хо́рошъ бѣлъ шатеръ,
Снималъ съ себя онъ платье молодецкое,
Надѣвалъ на се́бе платье женское,
Выходитъ онъ на улицу на ши́року,
Самъ говорилъ онъ таково́ слово:
— Топерича, Ставёръ, меня ты знаешь ли? —
Говорилъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ:
«Ахъ ты эй млада Василиста дочь Микулична!
«Не поѣдемъ больше ко̀ граду ко Кіеву
«А ко ласковому князю ко Владиміру,
«А уѣдемъ мы во землю ляховицкую.»
Говорила Василиста дочь Никулична:
— А не честь хвала тебѣ-ка добру молодцу
— Тебѣ во́ровски изъ Кіева уѣхати,
— А поѣдемъ ко князю ко Владиміру,
— Мы станемъ свадебки доигрывать. —
Пріѣхали они ко солнышку Владиміру
Говорилъ Василій да Микуличъ де:
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Зачто былъ посаженъ нашъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
— У тебя во по́греба глубокіи? —
Говорилъ Владиміръ стольнё-кіевской:
«А похвасталъ онъ своей да молодой женой,
«Что князей бояръ да всѣхъ повыманитъ,
«Меня солнышка Владиміра съ ума сведетъ.»
Говорила Василиста дочь Никулична:
— Такъ что же у тебя теперь на разуми?
— Выдавать дѣвчину самъ за женщину,
— За меня-то Василисту за Микуличну! —
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло.
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны̀ очи во сыру землю,
Самъ говорилъ да таково слово:
«Ахъ ты эй Ставёръ да сынъ Годиновичъ!
«За твою великую за по́хвальбу
«А торгуй въ нашо̀мъ во́-о́ градѣ во Кіевѣ
«Ты во Кіевѣ во градѣ вѣкъ безъ пошлины.»

Тутъ Ставёръ да сынъ Годиновичъ
Поѣхалъ онъ во землю ляховицкую
Съ молодою Василистой со Микуличной.
Тутъ вѣкъ про Ставра старину́ поютъ
Синему морю-то на ти́шину,
А вамъ добрымъ людямъ на послу́шанье.

Записано тамъ же, 30 іюня.

—

152.

ДЮКЪ СТЕПАНОВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 49).

Во тоя во Индѣи во бога́тыя,
У честно́й вдовы Мамельѳы Тимоѳеевнѣ
Тамъ былъ мо́лодой боярин Дюкъ Степановичъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по тихіимъ все по за́водямъ,
Стрѣлялъ сѣрыихъ гусей и стрѣлялъ ле́бедей;
Всѣхъ повыстрѣлялъ равно триста стрѣлъ,
Равно триста стрѣлъ, эще три́ стрѣлы.
Триста-то стрѣламъ цѣну вѣдаетъ,
Только тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
Когда билъ онъ изъ-подъ каменя изъ-подъ яфонту
Онъ изъ-подъ яфонту самоцвѣтнаго,
Убилъ три орла, три орловица;
Не тѣхъ, которыи летаютъ на святой Русѣ,
Которы летаютъ надъ синемъ моремъ:
Онъ сидитъ орелъ на бѣленькомъ на ка́мешки,
И когда онъ утритъ перьица орлиныя,
Тогда ѣздятъ мужики оны Индѣйскія
Покупаютъ это перьицо орлиное
И привозятъ это перьицо орлиное
Его Дюкову-то батюшку въ подарочкахъ.
А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
И со тоя со великія со радости
Пошолъ къ государыни родной матушки
Просилъ у нёй благословенья
Ѣхать ко граду Кіеву
И ко ласковому князю ко Владиміру,
Прямой дорожкой, не окольною.
И говорила государыня ему родна матушка
Честна́ вдова Мамельѳа Тимоѳеевна:
— Ахъ ты гей рожоно моё дитятко
— Не дамъ я ти прощенья съ благословеньицомъ
— Той прямой дорожкой не окольною.
— Что на той прямой дорожки не окольныя
— Есть три за́ставы великіихъ.
— Первая та за́става великая:
— Стоятъ тамъ горы толку́чіи;
— Тыи жъ какъ горы врозь росто́лнутся
— И тогда онѣ вмѣсто сто́лнутся,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— И тутъ тебѣ молодо́му жи́ву не́ бывать.
— Другая есть великая за́става:
— Сидятъ дви птичи тамъ клевучіихъ
— Тыи птичи тебя съ конемъ склюютъ:
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати.
— Третія за́става великая:
— Лежитъ Змѣище да Горы́нчище.
— О двина́дцати змия о хо́ботахъ;
— И тая змия тебя съ конёмъ сожрётъ,
— И тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
— Тутъ тебѣ-ко-ва живому не́ бывать. —
Онъ бояринъ своей матушки не слушался,
Идетъ на конюшню на стоялую,
Беретъ узду себѣ въ руки тесмянную,
Одивалъ на мала буру́шка-кову́рушка;
По колѣнъ было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поилъ бурка́ питьемъ медвяныимъ.
И кормилъ ёго пшеною бѣлояровой,
И сѣдлалъ бурка́ на сѣдёлышко черкальское,
И по́тницки кладетъ на по́тницки,
И на потницки онъ кладетъ войлоцки,
Клалъ на войлоцки черкальское сѣдёлышко.
Всѣхъ подтягивалъ двѣнадцать тугихъ по́другов,
Тринадцатой клалъ ради крѣпости.
Подпруги были шелковыя,
Пряжи у сѣдла красна зо́лота
А шпеньки были у пряжи все булатныя
Чтобы добрый конь сподъ сѣдла не выскочилъ
Добра молодца въ чистомъ полѣ не вы́рутилъ.
Провожала-то его родна матушка
На прощанье ему словчё смолвила:
— Ахъ ты гей, рожоно мое дитятко,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Если случитъ Богъ во́ граде во́ Кіеви
— У славнаго князя у Владиміра,
— Ты не хвастай животишками сѣротскими,
— И сѣротскими животишками вдовиными. —
Первой поприщей скочилъ бурка цѣлу́ версту,
Онъ ко землѣ бурко тутъ припа́дывалъ;
Испровѣщится ему добрый конь,
Въ видѣ голоса человѣческа:
— Ты эй, хозяинъ мой любимыя,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Опущайся-ко съ меня добра́ коня,
— Бери земли сыро-матерой,
— Подвязывай подъ нелецко подъ пра́вое

подъ другое подвязывай подъ лѣвое,
гобъ не страшно бы сидить на добро́мъ кони,
я стану малый бурушко поскакивать,
ь горы на гору, и съ холмы на́ холму,
уду рѣки и возёра перескакивать
цѣ широкія раздолья — и между но́гъ пущать. —
зжаетъ онъ ко первы́я ко заставы
стоятъ тутъ горы толкучи;
жъ какъ го́ры врозь расто́лнулись
успѣли горы вмѣсто сто́лнуться,
первую заставу проскакивалъ.
ругой ко заставѣ прискакивалъ:
тъ тутъ птицы клевучіи
успѣли птицы крылышекъ распра́вити,
и другу за́ставу проска́кивалъ.
ретей ко заставѣ приска́кивалъ:
тъ змиѝщо да Горы́нчищо,
ѣнадцати змия о хо́ботахъ:
спѣла змия хо́боту расправити,
и третью за́ставу проска́кивалъ.
ко́ граду ко Кіеву приска́кивалъ,
алъ онъ на княженецкій дворъ,
тавилъ своего добра̀ коня,
а коня середь бѣла̀ двора,
ривязана и не приказана;
пошелъ во передню во столовую.
тъ кладетъ по писа̀ному,
онъ ведетъ да по учёному
сѣ три-четыре на стороны,
нни-то Опраксіи да въ со́бину:
здравствуешь, княгиня да Опраксія!
есть солнышко Владиміръ стольный кіевскій?»
чала княгиня тутъ да Опраксія:
олнышко Владиміръ стольно-кіевскій къ обѝдни сшолъ. —
пошелъ во церковь ту во Бо́жію:
ыя идетъ по улицы по ши́рокой
овыя были черною землею изнасыпаны,
по́длило водою тутъ дожжевою,
алась грязь-та по колѣну де;
ралъ онъ сапожки-ты зеленъ сафьянъ.
и во церковь-то во Божію,
одитъ онъ во церковь во Божію
тъ кладетъ по писа́ному
оклонъ ведетъ по учёному,
си три-четыре на стороны,
лнышку Владиміру да въ собину:
авствуй солнышко Владиміръ стольный кіевскій
«Съ молодой княгиней со Опраксіей!»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ты отку́дашной, уда́лой доброй молодецъ,
— Ты ко́ей орды, ты ко́ей земли,
— И какъ тебя именёмъ зовуть,
— Нарекають тебя по отечеству? —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Что я есть изъ Индѣи изъ богатыя
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
«Отстоялъ я дома раннюю заутрену
«Сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ-де.»
Говорятъ вси князи, вси бо́яра,
И тая жъ говоритъ вся мелка чета:
««Что не быть это молоду бо́ярину,
««Тому де Дюку Степанову,
««Есть какой нибудь дѣти́нушка залѣшаникъ,
««Онъ убилъ купца, либо боярина,
««Платьевъ дѣтина не видаютци,
««И все онъ на платье поглядыватъ.»»
Вышли они изъ Божьёй церквы
Становились на мѣсто на пло́ское
На тую дуброву на зеленую.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіеви у васъ да не по нашому:
«Церкви все у васъ да деревя́нныя,
«У васъ маковки на церквахъ всѣ оси́новы,
«Мостовыя у васъ черною землею изнасыпаны,
«Ихъ подлило водою тутъ дожжевою,
«Сдѣлалась грязь-то по колѣну-ди;
«Замаралъ я сапожки-ты зеле́нъ сафьянъ.»
Идуцись во церковь ту во Божію
Приходятъ тутъ ко́ князю ко Владиміру,
Садились за дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчетыхъ.
Какъ тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Онъ мякишъ-отъ ѣстъ, корку подъ сто́лъ мечётъ.
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты на что же мякишъ ѣшь, корку подъ столъ мечешь? —
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшка,
«Что Кіевъ градъ очень красивъ-добрисъ;
«Ажно въ Кіевѣ у васъ да не по нашему:
«У васъ пе́чечьки да все глиняны
«Да и помялчики у васъ сосновые,
«Пахнуть калачики крупивчеты
«На тую на глину на ручьёвую
«И на тую на сѣру на сосновую,

«На сосновую на сѣру на капучую;
«Не могу я ѣисть калачиковъ крупивчетыхъ.
«Какъ у насъ было во Индѣи во богатыя,
«Какъ у моей государыни родной матушки,
«У честной вдовы Мамельѳы Тимоѳеевной,
«Какъ пекетъ она калачики крупивчеты,
«У ней печечки все муравлены
«Да и помялчики у ней шелковыя,
«Какъ калачикъ-отъ съѣшь, другого хочется,
«Другой съѣшь — по третьему душа горитъ,
«Третій съѣшь — четвертый съ ума нейдетъ.»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Я вижу, что ты молодецъ захвасливый;
— Ты ударь съ нашимъ Чурилою великъ закладъ,
— Что вамъ ѣхать въ чисто поле поляковать
— Снова на́ ново, все на три года,
— По три года да еще и по три дни,
— Чтобы на всякій день кони были смѣнные
— И смѣнные кони перемѣнные,
— Чтобы въ три года такой больше не́ было;
— Чтобъ на всякій день платья были смѣнныя,
— Цвѣтныя платья перемѣнныя,
— Сново на́ ново, все на три́ года,
— На три́ года, да еще на́ три дни,
— Чтобы въ три года такого цвѣту не было. —
Ударили они о великъ закладъ,
По тоёмъ было Чурилѣ по Пленко́вицѣ
Держали поруку-то двумя градмы:
Первымъ Кіевомъ, другимъ Черни́говымъ;
А по тоемъ было по мо́лодомъ бояринѣ,
По немъ не было ника́ковой пору́кушки,
Столько держалъ по немъ крѣпкую поруку-ту
И тотъ владыка Черниговскій,
И тотъ крестовый его батюшка,
Не спустятъ-то боярина, домой сгонять
За своимъ за платьицемъ за цвѣтнымъ.
Закручинился бояринъ запечалился,
Повѣсилъ свою буйну голову,
Утопилъ ясны́ очи въ сыру землю
Садился скоро на ременсатъ стулъ,
И не писалъ онъ скорописчатые ерлуки,
Полагалъ въ сумки перемётныя,
Отпущалъ мала бурушка-кову́рушка.
Сталъ его бурушка поска́кивать
Съ горы на гору, съ хо́лмы на́ холму,
Рѣки-озера перескакивать,
Гдѣ широкіи раздолья межу ногъ пущать.
Куда будетъ онъ во Индѣи во богатыя
У него государыни родной матушки
Заржалъ голосомъ лошадинымъ;
Услыхала госуда́рыни родна матушка.
Выбѣгала она на крылечко на перёное,
Сама говоритъ да таково́ слово:
«Видно нѣтъ жива рожонова ди́тятки.
«Стоитъ у крыльца одинъ до́брый конь.»
Какъ увидла она сумки перемётныя,
Сама говоритъ таково слово:
«Что рожоно мое дитятко захвасливо,
«И захвасливо, да-знать-захвачено »
Брала она сумки переметныя,
И читала скорописчатые ёрлуки,
Полагала-то ему да платьевъ цвѣтныхъ,
По три па́ры положила да на всякій день,
Съ ново на ново на три года,
И на три года, эще на три дни,
Отпустила мала бурушка-ковурушко.
Какъ будетъ его бурушка во Кіеви
У Владиміра на широкомъ дворе,
Заржалъ голосомъ лошадинымъ,
Что тутъ теремы пошатилися
Да околенки чуть не сыпались,
Вси во градѣ пріужа́хнулись.
Услыхалъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Выбѣгаетъ скоро на широкій дворъ
Увидѣлъ своего добра́ коня,
Получалъ свои платьевъ цвѣтныхъ
По три пары получилъ онъ на всякій день.
Тутъ поѣхали они во чисто́ поле.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
Погналъ лошадей туды цѣлымъ стадомъ,
А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Поѣхалъ на одномъ-то добромъ конѣ.
Какъ пораньше онъ поутрушку повыстанетъ,
Бурка свого въ росы пови́катать,
И на бурки-то шерсть да перемѣнится.
Проѣздили они тутъ по три годовъ,
По три года, эще и по три дни;
Пришли они ко Божьёй церквы
Заходили въ церковь-ту во Божію.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ —
Какъ во своемъ во градѣ ему дѣется, —
Такъ становился онъ на кри́лосо на пра́вое,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Такъ становился онъ на крылосо на лѣвое.
Какъ тотъ Чурилушка Плёнковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживат
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Да изъ петелки было въ петелку.
Пловетъ Змишечко-Горынчищо.
Тутъ всѣ въ церкви пріужахнулись
Сами говоря́тъ таково́ слово:

ъ у нашего Чурилки у Пленковица
ъ отмѣточка противъ молода боярина
еще некуда бодрѣе ему выступить.»»
чинился бояринъ, запечалился,
ѣсилъ свою буйну голову,
лъ ясны очи во сыру землю,
талъ плетонкой по пуговкамъ поваживать,
талъ пуговку о пуговку позванивать:
запѣли птичы тутъ пѣвучіи,
чали звѣри тутъ рыкучіи,
вси во церкви да о зѐнь пали,
ь пали, да они обмерли.
илъ Владиміръ стольный кіевскій:
молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
іуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ
изакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
гавь людей намъ хо́ть на си́мена.—
илъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
вое вѣдь я севодня ѣмъ, да кушаю,
очу тебя теперича послушати.»
итъ владыка-то Черниговскій
крестовъ его батюшка:
ъ ты эй, крестово мое дитятко.
послушай крестоваго батюшки
іуйми-тка птичекъ ты пѣвучіихъ
изакличь-ка звѣрей тыхъ рыкучіихъ,
гавь людей хоть намъ на си́мена. —
послушалъ крестоваго батюшка
ялъ птичекъ тыхъ пѣвучіихъ,
изакликалъ звѣрей всѣхъ рыкучіихъ,
ъ говорилъ таково слово:
олнышко Владиміръ стольный кіевскій!
ь которому съ Чурилой голова рубить?»
итъ Чурилка Пленковичъ:
молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
римъ-ко еще о великъ закладъ:
реѣхать намъ черезъ Пуча́й-рѣку,
ай-рѣка на два по́прища;
орый-то не можетъ да пере́скочить,
у изъ насъ и голова́ рубить.»»
али они ко Пучай-рѣки.
илъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
й Чурилушка Пленковичъ
похвальба сегодня на перёдъ зашла,
жай черезъ рѣку́ ты попе́реди.»
Чурилушка Пленковичъ
авилъ своего добра́ коня
коня черезъ Пучай-рѣку,
у-рѣки Чурила въ воду ввѐрзился,
мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
на скоро скочилъ черезъ Пуча́й рѣку,
Еще того скорѣе поворо́тъ держалъ:
О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Онъ Чурилу за желты кудри захва́тывалъ;
Повытащилъ Чурилу съ конёмъ съ воды,
Не спустилъ Чурилы онъ до Кіева
До солнышка до Владиміра.
А самъ говоритъ таково слово:
«Ты солнышко, Владиміръ стольный кіевскій!
«Намъ которому съ Чурилой голова рубить?»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— Не руби-ко ты Чурилы буйной го́ловы,
— А оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти.—
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ ты эй, Чурилушка Плёнковичъ!
«Пусть ты княземъ ты Владиміромъ упрошенный,
«Пусть ты Кіевскими-то бабами оплаканный!
«Да не ѣзди съ нами со бурла́ками,
«А ѣзди во́ гради во Кіеви
«Ты во Кіеви во́ гради межу бабами!»
Тутъ солнышку Владиміру къ стыду пришло:
— Ахъ ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
— Ты торгуй въ нашомъ воо́ гради во Кіеви
— Въ Кіеви да вѣдь безъ пошлины. —
Тогда Владиміръ стольный кіевскій
Онъ сталъ посылать туды обцѣнщиковъ,
Его Дюковыхъ животовъ описывать:
Стараго казака Илью Муромца,
Въ другихъ смѣлаго Олешу Поповица.
Говорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Не посылайте-ко Олешеньки Поповица,
«Его глазишецка попо́вскіе,
«Пововскіе глазишецка завидливы,
«А ему оттоль съ Индѣи да не выѣхать!
«Пошли ты молода Добрынюшку Никитича.»
Какъ поѣхали въ Индѣю во богатую.
Не доѣдуци Индѣи богатыя,
Вы́стали на гору́ на высо́кую,
Увид'ли Индѣю богатую,
Сами говорятъ таково́ слово:
«Знать, что мо́лодой боярянъ Дюкъ Степановичъ
«Онъ послалъ туды вѣсточку не радостну
«Чтобы зажгали Индѣю ту богатую:
«Горитъ Индѣя та богатая!»
Какъ подъѣхали они поближе тутъ,
Увидѣли Индѣю богатую:
Тамъ крышечки въ домахъ золоченыя,
У нихъ маковки на церквахъ самоцвѣтныя,
Пріѣзжали ко Дюку ко Степанову
Къ его государыни ко родной матушки.

Идуть они по улицы по широкой
Мостовыя рудожелтыми песочками изнасыпаны,
Сорочинскія суконца приразостланы,
Не замараешь-то сапожковъ зеленъ-сафьянъ
Идуцись во церковь во Божію.
Приходятъ въ палаты бѣлокаменны
Къ его государыни родной матушки;
Сидитъ жена стара-мáтера,
Стара-мáтера сидитъ жена вся въ золоти,
Вся въ золоти она да въ серебрѣ.
Они бьютъ челомъ поклоняются,
Сами говорятъ таково слово:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Я есть не Дюковая матушка
— Я есть Дюкова портóмывница.
— Подите въ покои во другіи
— И тамъ есть Дюкова матушка. —
Приходятъ въ покои во другіи.
Сидитъ жена стара-матера,
Стара-матера жена сидитъ вся въ золоти,
Вся въ золоти, она вся въ серебри.
Они бьютъ челомъ, да кланяются:
«Ты здравствуешь, Дюкова матушка!»
Говоритъ жена стара-матера:
— Что я есть не Дюковая матушка,
— Я есть Дюкова да вѣдь калáчница
— Я пеку калачики крупивчаты
— Про того про молода боярина
— Про того про Дюка про Степанова.
— Подите-ко въ покои да въ третіи
— Тамъ есть Дюковая матушка. —
Идуть они въ покои въ третіи.
Идетъ жена стара-мáтера
Стара-матера идетъ вся въ золоти
Въ золоти она да въ серебри.
Они бьютъ челомъ, поклоняются:
«Ты здравствуешь, Дюковая матушка!»
Говоритъ жена да стара-матера:
— Вы здравствуйте, мужики да вы обцѣнщики!
— Вы за чѣмъ сюда теперь пріѣхали
— Вы сиротскихъ животишековъ описывать? —
Садилися они тутъ за дýбовъ столъ
За дубовъ столъ хлѣба кушати,
Они стали йисть калачиковъ крупивчатыхъ:
Какъ калачикъ-отъ съидятъ — другого хочется,
Другой съидятъ — по третьемъ и душа горитъ,
Третій съидятъ — четвертый и съ ума нейдетъ.
Какъ вышли они изъ-за стола изъ-за дубова
Тая жъ де Дюкова матушка
Свела ихъ во погреба глубокіи, во сбруямъ лошадиными:
Писали они тутъ по три года,
По три года, эще и ~~по три дни~~,
Не хватило тутъ бумаги листъ гербовыя
Не могли обцѣнить однѣхъ сбруй лошадиныхъ.
Говорила Дюковая матушка:
— Вы эй мужики, вы обцѣнщики,
— Вы скажите-ко солнышку Владиміру
— На бумагу-ту пущай-ко-то продастъ весь Кіевъ градъ,
— На чернила-ты продастъ весь Черниговъ градъ,
— И тожно пусть пріѣдетъ животишечковъ описывать. —
И повела она ихъ по пóгребамъ глубокіимъ:
Вúсятъ бочечки красна золота,
Вúсятъ бочечки чиста серебра
Висятъ бочечки скáтна жемчуга.
Повывела она ихъ на широкій дворъ:
И течетъ тутъ струйка золоченая,—
Тутъ они не могли и вовсе смѣты дать.
Пріѣхáли ко-ó граду ко Кіеву
И ко солнышку ко Владиміру.
И сказали солнышку Владиміру:
«Наказывала тебѣ Дюковая матушка:
«На бумагу-ту велѣла продать она весь Кіевъ градъ,
«На чернила продать весь Черниговъ градъ,
«И тожно пріѣхать животишечковъ описывать.»
Говорилъ Владиміръ стольный кіевскій:
— Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
— За твою за великую за похвальбу
— Ты торгуй въ нашемъ во гради во Кіеви,
— Во Кіеви во гради вѣкъ безъ пошлины. —
Тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Отправился къ государыни и родной матушки,
Тутъ сдѣлалъ онъ съ ней доброе здоровьице.
Тутъ вѣкъ про Дюка старинý скажуть
Синему морю да на тíшину,
А вамъ добрымъ людямъ на послýшанье.

—

153.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

(См. Рыбникова, т. I, 65).

Когда-то возсіяло солнце краснбе,
На тоёмъ-то небушкѣ на ясноемъ,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.

дилъ онъ свой хорошъ почестный пиръ:
то на пиру да наѣдалися,
то на почестномъ напивалися
н на пиру порасхвастались.
й хвастаетъ села со приселками,
ный хвалитъ города съ пригородками,
й хвалится да золотой казной,
ный хвалится родной матушкой,
мный хвастаетъ молодой женой.
за того стола да изъ-за дубова
олота звонка труба вытрубила,
оговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
оговорилъ онъ таково слово:
ъ и мнѣ царю теперь похвастати:
повынесъ-то царенье изъ Царя-града,
ескую перфиру на себя надѣлъ,
ескій костыль я себѣ въ руки взялъ,
повыведу измѣну съ каменной Москвы!»
о тыя было палаты бѣлокаменной
не красное-то солнышко каталося,
скатный жемчугъ разсыпается.
тъ маленькой Иванушко-царевичь-государь,
говорилъ да таково слово:
ы эй государь мой родной батюшка
е вывести измѣны съ каменной Москвы:
идитъ-то измѣна за однимъ столомъ,
съ-пьетъ измѣна одни кушанья,
латьи носитъ одноцвѣтныя,
а сапожки на ножкахъ одноличныя.—
не мутное око помутилося
царское сердце разгорѣлося
оворилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
ты маленькой Иванушко, царевичь-государь!
подай мнѣ измѣнщика да на очи:
змѣнщику голову срублю.»
оговорилъ Иванушко царевичь государь:
къ я глупымъ-то разумомъ промолвился
ькъ на братца мнѣ сказать, такъ мнѣ-ка братца жаль,
а себя мнѣ-ка сказать, такъ мнѣ-ка живу не бывать;
буде сказать мнѣ на братца своего,
а того на Ѳедора Ивановича.
ы ты, государь родной батюшка!
огда жъ мы брали съ тобой царскій градъ,
огда ты-то ѣхалъ да по краечку,
я-то ѣхалъ да по другому,
братецъ мой ѣхалъ по середочки.
ы съ тобою государь да все ѣхали,
ы все казнили, да все вѣшали,
— А Ѳедоръ братецъ ѣхалъ по середочкѣ,
— Напередъ пословъ да онъ поразсылалъ,
— Чтобы удалые да поразбѣгались,
— А которые по кувыль-траву да развалялися,
— А которые при домахъ оставалися.
— Теперичу измѣна вся повыстала.—
Тутъ не мутное око помутилося,
Ево царское сердце разгорѣлося:
«Ай вы ей, палачи да немилостивы!
«Вы возмите-ка Ѳедора Ивановича
«За тыя за рученки за бѣлыя,
«За тые за перстни за злаченые,
«Сведите-ка Ѳедора въ чисто поле
«А на тое болотцо-то на житное,
«А на тую на плашку на липову,
«Отрубите ему буйну голову
«За него поступки неумильные!»

Тутъ всѣ палачи поразбѣгались,
Которые разумны, растулялися,
Одинъ остался Малютка воръ Скуратовъ сынъ.
А самъ говорилъ таково слово:
««Я много вѣдь казнилъ царей, царевичевъ,
««Я безъ счету королей, да королевичей,
««А тебя-ко-ва я Ѳедора да не спущу!»»
Онъ беретъ его за ручки за бѣлыя,
За тые за перстни да за злаченые,
Повелъ Ѳедора да въ чисто поле
На тое болотечко на житное,
На тую плашечку на липову
Срубить Ѳедору да буйну голову
За него поступки неумильные.
Во тую ль было пору да во то время
Услыхала Авдотья Романовна,
Его государыни да родна матушка,
Она чеботы обула да на босу ногу,
Кунью шубу-ту одѣла на одно плечо,
Побѣжала-то на горку да на Вшивую,
А ко своему ко братцу ко родимому,
Ко тому Никиты-то Романовичу.
А срѣтатъ ю братецъ-отъ ей родимый,
А самъ говоритъ таково слово:
«Что же ты, сестрице, да не въ покрутѣ
«А въ одной ты шубы черныхъ соболей?»
Говоритъ Авдотья да Романовна:
— Ты ей же, братецъ мой родимыя!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тотъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,

— На тую плашку на липову,
— Срубить Өедору буйну голову. —
Онъ кидается, скоро бросается,
Беретъ узду въ руки тесмянную,
Бѣжалъ на конюшну на стоялую,
Одѣвалъ на мала бурушка да кавурушка,
Садился скоро на добра коня,
Не на сѣдлана, да не на уздана,
Городомъ ѣдетъ и да голосомъ кричитъ,
Голосомъ крычитъ, да самъ рукой машитъ:
«Ты ей, воръ, Малютка Скуратовъ сынъ!
«Ты не тотъ кусъ съѣшь, самъ задавишься,
«Не казни-тка млада царевича,
«Ай тогожъ-де Өедора Ивановича.»
Малютка того и не пытаючи,
Беретъ Өедора да за желты кудри,
Клонитъ на плашку на липову,
Хочетъ срубитъ да буйну голову.
А наѣхалъ Никита да Романовичь,
Смахнулъ своей саблей да востроей,
Отнесъ Малютки буйну голову,
За него поступки неумильные.
А онъ взялъ, де, Өедора Ивановича,
Увозилъ на горку да на Вшивую.

Сегодня день былъ суботнія,
Завтра день да воскресный де,
Ѣхать намъ ко ранной ко заутрени.
Какъ тотъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Что нѣтъ жива молодаго царевича,
Сокрутился онъ во платье во опальное,
Заложилъ лошадей да вороненыхъ
Подъ ты (кареты) подъ черныя,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
А тотъ Никита да Романовичъ
Заложилъ онъ лошадей да все рыжіихъ
Одѣлъ на себя платье цвѣтное,
Платье цвѣтное, самолучшее,
Поѣхалъ ко ранной ко заутрени.
Крестъ кладетъ по писаному.
Поклонъ ведетъ по ученому
На всѣ три-четыре стороны,
А Ивану Васильевичу въ собину:
«Ты здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ
«Со своей со любимой семьёй,
«Со молодой со Авдотьей со Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Иваномъ Ивановичемъ!»
Исговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ай ты же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита да Романовичъ!
— Знать ты надъ собой невзгодушки не вѣдаешь?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Ай того де Өедора Ивановича:
— Вѣдь увелъ воръ Малютка Скуратовъ сынъ
— На тое болотцо да на житное,
— Да на тую на плашку да на липову
— Срубить Өедору буйну голову
— За него поступки неумильные. —
Въ другой говоритъ Никита Романовичъ:
«Здравствуй, Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своею съ молодой семьёй,
«Съ молодой Авдотьей со Романовной,
«Со своима съ малыма съ дѣтушкамы,
«Со тыимъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты ей же, шуринъ мой любимыя,
— Ты ей, Никита Романовичъ!
— Что же ты въ рѣчи да не вчуешься?
— Вѣдь нѣтъ жива твоего любимаго племянничка,
— Тогожъ де Өедора Ивановича:
— Увелъ воръ Малютка Скуратовичъ
— На тое болотцо да на Житное,
— Ай на тую на плашку да на липову
— Срубилъ Өедору буйну голову
— За него поступки неумильные.
Третій разъ говоритъ Никита Романовичъ:
«Ты здравствуй, Грозный Иванъ Васильевичъ,
«Со своею любимой семьёй,
«Со молодой Авдотьей Романовной,
«Со своима со малыма со дѣтушкамы.
«Со тыимъ со Өедоромъ Ивановичемъ,
«Со тыимъ Иваномъ Ивановичемъ!»
Тутъ не мутное око помутилося,
Его царское сердце разгорѣлося:
— Ахъ ты ей же, шуринъ мой любимыя
— Ахъ ты ей же, Никита Романовичъ!
— Знать, ты надо мной насмѣхаешься!
— Отстою какъ я раннюю заутреню,
— Прикажу тебѣ Никиты голову срубить. —
И самъ заплакалъ горькимъ дактелемъ (птица).
— Какъ по ворахъ было по разбойникахъ.
— По разбойникахъ по ворахъ есть заступщики;
— По моемъ рожоное по дитятки,
— По тоёмъ Өедорѣ Ивановичѣ
— По немъ не было никакого заступушки! —
Говоритъ Никита Романовичъ:
«Бываетъ ли грѣшному прощенье-то?»
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:

ь бываетъ-то прощенье, тéперь взять негдѣ.—
тъ Никита Романовичъ:
рублена есть Өедору да буйна голова,
рублена да буйна голова
у Малюты да Скурлатову.»

розный царь Иванъ Васильевичъ,
дается скорó, бросается
дается за Өедора Ивановича,
я за Никиту за Романовича,
его за ручки за бѣлыя,
ъ во уста во сахарныя,
оворилъ таково слово:
-ка чѣмъ тебя наскори пожаловать?
эй же шуринъ мой любимыя,
тебѣ села со приселкамы,
дать города съ пригородкамы,
дать тебѣ да золотой казны?
тъ Никита Романовичъ:
у меня села со приселкамы
о мнѣ молодцу не похвальба
у меня города съ пригородкамы,
о мнѣ молодцу не похвальба.
у меня и золотой казны
мнѣ молодцу не похвальба,
дай-ка мнѣ Микитину да вотчину:
оть съ петли уйди, хоть коня угони,
коня угони, хоть жену уведи,
ко ушелъ бы въ Микитину вотчину,—
добраго-то молодца дá Богъ проститъ.»
жаловалъ Микитиною его вотчиной:
ть съ петли уйди, да хоть коня угони,
оня угони, да хоть жену уведи,
о ушелъ бы въ Микитину да вотчину,—
обраго-то молодца да Богъ проститъ.
ѣкъ про Микиту старину скажуть,
морю на тишину,
обрымъ людямъ на послушанье.

—

154.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

(См. Рыбникова, т. III. 46).

было Москвы да бѣлокаменной,
царствовалъ Алексѣй Михайловичъ Московской
дилъ онъ сударь изъ Божьей церкви,
Становился онъ на лобно сударь мѣсто,
На тую сударь зеленую дубраву,
Говорилъ онъ надежа-государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ай же вы, князи, вы бояра!
«Пособите государю дума думати,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю,
«То отдать-ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Али намъ за Смоленецъ постояти,
«Али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ перво князь Воротынскій,
Онъ поблизку государя становился,
А онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвити:
— Что Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Во Смоленцѣ казны вѣдь нѣтъ ни копѣйки:
— Отдаемъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— А возмемъ ко себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь
Онъ Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы, эй же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю дума думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать.
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король земли шведской:
«А ужь онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А онъ даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ не отдати,
«Али намъ да за Смоленецъ постояти,
«Аль намъ да на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка второй князь Бухарскій,
Онъ поблизку государя становился,
Да онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Алексѣй сударь Михайловичъ Московской!
— Благослови мнѣ, государь, да слово смолвить:
— Что Смоленецъ есть строенье не московско,
— А Смоленецъ есть строеньице литовско;
— Да во Смоленцѣ стрѣльцовъ вѣдь нѣтъ нисколько,
— Да во Смоленцѣ казны нѣтъ вѣдь ни копѣйки.
— Отдадимъ туда городъ-отъ Смоленецъ,
— Мы возмемъ-ко себѣ Хинскую землю.—

Государю тыя рѣчи не влюбились.
Говорилъ надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ вы эй-же, малы дѣтушки, солдаты!
«Пособите государю думу думать,
«Надо думать крѣпка дума, не продумать,
«Мнѣ-ка пишетъ нынь король да земли шведской:
«Онъ проситъ у насъ города Смоленца,
«А даваетъ ли намъ Хинскую землю.
«То отдать ли намъ Смоленецъ, не отдати,
«Да али намъ за Смоленецъ постояти,
«Да али намъ на Смоленецъ нанимати?»
Выходилъ-ка князь Данила Милославской,
Онъ поблизку государю становился,
Онъ понизку государю поклонился:
— Ахъ ты эй-ну надежа-государь-царь,
— Благослови мнѣ, государь, слово смолвить:
— Что Смоленецъ строенье не литовско,
— А Смоленецъ строеньице московско;
— А во Смоленцѣ казны есть — да смѣту нѣту:
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ постояти,
— Ужъ мы станемъ за Смоленецъ нанимати,
— Не дадимъ мы туда города Смоленца,
— А не возмемъ себѣ Хинскую землю! —
Государю тыя рѣчи прилюбились.
Говорилъ сударь надежа-государь-царь,
Алексѣй сударь Михайловичъ Московской:
«Ахъ ты эй же князь Данило Милославской!
«Мнѣ-ка чѣмъ тебя наскорѣ пожаловать,
«А я пожалую во Смоленецъ воеводой.»
Астраханскаго взялъ — повѣсилъ,
А Бухарскому-то князю голову срубилъ.

—

155.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

(См. Рыбникова, т. III, 52).

Кабы на соловья
Не зима бы студеная,
Не морозы бы были крещенскіе,
Не леталъ бы я соловей
По мхамъ, по болотечкамъ,
По частымъ наволокищамъ.
Кабы да й на молодца
Мнѣ не служба государева
(Не наборы-бы были солдатскіе),
Не ходилъ бы я молодецъ
По чужой-я по дальной стороны
По тыя бы по Свирской украины.
Прошелъ молодецъ изъ орды въ орду,
Зашелъ молодецъ къ королю въ Литву:
«Какъ батюшко, король политовскія,
«Политовскія король земли польскія!
«Прими-ко меня во слуги-рабы,
«Во слуги-рабы, хоть во конюхи.»
Я во конюхахъ жилъ цѣло три году,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ,
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меда сладкаго,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король молодца любилъ-жаловалъ,
Пожаловалъ молодца онъ во стольники.
Я во стольникахъ жилъ цѣло три годы,
Служилъ королю вѣрой-правдою,
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною.
Такъ Богъ добра молодца миловалъ,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Не шелъ молодецъ на царевъ кабакъ,
Не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не закусывалъ я бѣлымъ сахаромъ.
Пожаловалъ молодца онъ во ключники.
Я во ключникахъ жилъ цѣло три годы,
А король по сту въ годъ мнѣ-ка жаловалъ.
Вѣрой-правдою служилъ неизмѣнною,
Такъ Богъ добра молодца миловалъ.
И у того короля политовскаго
Была дочь его Настасья красивая.
Говорила королю политовскому;
«Ты батюшко король политовскій,
«Литовскій король земли польскія!
«Ты дай мнѣ ко кроваткѣ кроватничка.»
Говорилъ король политовскій:
— Молодая Настасья королевична!
— Выбирай ко кроваткѣ кроватничка,
— Хоть изъ князей, хоть изъ бояръ,
— Хоть изъ русскихъ могучихъ богатырей,
— Хоть изъ тѣхъ изъ поганыхъ татаровей. —
Говорила Настасья королевична:
«Не надо ко кроватки кроватничка
«Мнѣ не изъ князей, мнѣ не изъ бояръ,
«Мнѣ не изъ русскихъ могучихъ богатырей,
«Мнѣ не надо поганыхъ татаровей:
«Ты дай ко кроваткѣ кроватничка,
«Своего дай любимаго ключника.»

ли тутъ его ко кроваткѣ кроватничкомъ.
ъ молодецъ тутъ онъ три годы,
лъ у кровати тесовыя,
тилалъ онъ перины пуховыя,
адалъ круто-складне зголо́вьица,
ягивалъ одѣяла соболинаго, —
алъ на кровати тесовыя
одой Настасьей королевичной.
молодецъ во царевъ кабакъ,
лъ молодецъ пива пьянаго,
ыпилъ молодецъ меду сладкаго,
лъ во кружало королевское,
ъ молодецъ бѣлымъ сухаремъ.
тъ во кружалѣ расхвастался:
~~тъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ~~:
три годы служилъ я въ конюхахъ,
три годы служилъ я во стольникахъ,
е три годы служилъ я во ключникахъ,
ри годы служилъ во кроватничкахъ.
ри годы служилъ я у кроваточки:
оялъ я у кровати тесовыя,
тилалъ я перинки пуховыя,
ладалъ круто-складне зголовьице,
тягивалъ соболинаго одѣяла,
лъ на тесовыя кровати
олодой со Настасьей королевичной.»
ли меня добра молодца,
и королю политовскому,
ли въ тюрьму богадѣльную,
и тамъ меня нѣсколько.
меня добра молодца
й изъ тюрьмы богадѣльныя
на плашну на липову
ть-то мою буйну голову.
лъ онъ удалый добрый молодецъ:
, сторожа котемьскіе!
е съ меня золотой казны!
олько берите, сколько надобно,
ите меня добра молодца
мо окошко королевнино.»
какъ его добра молодца
о окошко ко́ролевнино,
алъ онъ удалый добрый молодецъ:
ая Настасья королевнина!
ъ-то меня добра молодца
ую-то плашку на липову,
ить-то мнѣ буйну голову,
хвасталъ тобой королевичной!»
ли Настасья королевична
ла косивчато окошечко,
аси въ окошко по поясу,
Говорила сторожамъ королевскіимъ:
— Вы эй сторожа королевскіи!
— Вы спустите его добра молодца,
— Возмите татарина мертваго,
— Мертваго татарина мерзлаго,
— Отрубите ему буйну голову. —
Призвала къ себѣ добра молодца,
Стала его тутъ допрашивать:
— Скажи мнѣ, удалый добрый молодецъ!
— Есть ли у тебя въ домѣ отецъ и мать,
— Да есть ли у тебя молода жена,
— Да есть ли у тебя малы дѣтушки? —
Говорилъ ей удалый добрый молодецъ:
«Что есть у меня въ дому отецъ и мать,
«Да и есть у меня молода жена,
«Да и есть у меня малы дѣтушки.»
Говорила Настасья королевична:
— Бери-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай-ка мои кованы ларци,
— Бери-ко себи золотой казны,
— Ты столько бери, сколько надобно,
— Чтобъ было твоимъ малымъ дѣтушкамъ
— Да осталось твоимъ младымъ внучатамъ. —
Тутъ вѣкъ про нее старину поютъ,
Синему морю на тишину
И вамъ добрымъ людямъ на послушанье.

—

XXVIII.

ИВАНЪ КАСЬЯНОВЪ.

Иванъ Аникіевичъ Касьяновъ, крестьянинъ с. Космозера, 40 лѣтъ отъ роду, грамотный, изъ старообрядцевъ, перешедшій лѣтъ десять тому назадъ въ единовѣріе. Научился въ молодости пѣть былины отъ стариковъ, съ которыми ѣздилъ на рыбную ловлю, преимущественно отъ нѣкоего криваго Ивана Трофимова. Въ прежнее время зналъ былинъ весьма много, но потомъ бросилъ ихъ пѣть, предавшись страстно чтенію церковныхъ книгъ для уясненія спорныхъ между православною церковью и расколомъ вопросовъ. Это и привело его въ единовѣріе, но, по словамъ Касьянова, заглушило былины въ его памяти. При встрѣчѣ съ собирателемъ въ Чолмужахъ, Касьяновъ не могъ припомнить былины о Вольгѣ, но упоминалъ, что ее отлично знаетъ и хорошо поетъ его сосѣдъ, раскольничій

наставникъ Іуда Егоровъ. Въ послѣдствіи, прибывъ въ Петербургъ, по порученію единовѣрческаго общества для сбора на церковь, онъ уже пѣлъ эту былину со словъ Егорова.

—

156.

ВОЛЬГА.

Когда возсіяло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодый Вольга,
Молодой Вольга Святославовичъ.
Какъ сталъ тутъ Вольга ростѣть матерѣть,
Похотѣлоси Вольги много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ морѣхъ,
Птицей-соколомъ летать ему подъ оболокà,
Сѣрымъ волкомъ рыскàть да по чистымъ полямъ.
Уходили всѣ рыбы во синіи морѣ,
Улетали всѣ птицы за оболокà,
Ускакали всѣ звѣри во темныи лѣсà.
Какъ сталъ тутъ Вольга ростѣть матерѣть,
Собиралъ себѣ дружинушку хоробрую:
Тридцать молодцовъ да безъ единаго,
А самъ-то былъ Вольга во тридцатыихъ.
Собиралъ себѣ жеребчиковъ темнокаріихъ,
Темнокаріихъ жеребчиковъ пелѐченыихъ.
Вотъ посѣли на добрыхъ коней поѣхали,
Поѣхали къ городамъ да за получкою.
Повыѣхали въ раздольицо чисто поле,
Услыхали во чистомъ поли оратая,
Какъ оретъ въ полѣ оратай, посвистываетъ,
Сошка у оратая поскрипливаетъ,
Омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхали-то день вѣдь съ утра дó вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Они ѣхали да вѣдь и другой день,
Другой день вѣдь съ утра дó вечера,
Не могли до оратая доѣхати.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,
Сошка у оратая поскрипливаетъ,
А омешики по камешкамъ почиркиваютъ.
Тутъ ѣхали они третій день,
А третій день еще до пáбѣдья,
А наѣхали въ чистомъ поли оратая.
Какъ оретъ въ полѣ оратай посвистываетъ,
А бороздочки онъ да помегываетъ,
А пенье коренья вывертываетъ,
А большіе-то каменья въ борозду валитъ.
У оратая кобыла солóвая,
Гужики у нея да шелковыи,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошки булатніи,
Присошечекъ у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются.
Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
Вотъ шиломъ пяты, носы востры,
Вотъ подъ пяту пяту воробей пролетитъ,
Около носа хоть яицо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчикъ у него да черна бархата.
Говоритъ-то Вольга таковы слова:
«Божья помочь тебѣ оратай-оратаюшко!
«Орать, да пахать, да крестьяноватѝ,
«А бороздки тебѣ да помегыватѝ,
«А пенья коренья вывертыватѝ,
«А большіе-то каменья въ борозду валить!»
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-ко ты Вольга Святославовичъ!
— Мнѣ-ка надобно Божья помочь крестьяноватѝ.
— А куда ты Вольга ѣдешь, куда путь держишь?
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Какъ пожаловалъ меня да рóдной дядюшка,
«Родной дядюшка да крестной батюшка,
«Ласковой Владиміръ стольне-кіевской,
«Тремя ли городами со крестьянами:
«Первымъ городомъ Курцовцомъ,
«Другимъ городомъ Орѣховцемъ,
«Третьимъ городомъ Крестьяновцемъ,
«Теперь ѣду къ городамъ да за получкою.»
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
— Они подрубятъ-то сляги калиновы,
— Да потопятъ тя въ рѣку да во Смородину!
— Я недавно тамъ былъ въ городи, третьёго-дни,
— Закупилъ я соли цѣло три мѣха,
— Каждый мѣхъ-то былъ вѣдь по сту пудъ,
— А самъ я сидѣлъ-то сорокъ пудъ,
— А тутъ стали мужички съ меня грошовъ просить.
— Я имъ сталъ-то вѣдь грошовъ дѣлить,
— А грошовъ-то стало мало ставиться,
— Мужичковъ-то вѣдь да больше ставитсе.
— Потомъ сталъ-то я ихъ вѣдь отталкивать,

ъ отталкивать да кулакомъ грозить,
ожилъ тутъ ихъ я вѣдь до тысячи:
орый стоя стоитъ, тотъ сидя сидитъ.
орый сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ.—
роговорилъ вѣдь Вольга Святославовичъ:
э ты оратай-оратаюшко!
ѣдемъ-ко со мною во товарищахъ?»
ли оратай-оратаюшко
шелковыи повыстегнулъ,
изъ сошки повывернулъ,
ли на добрыхъ коней поѣхали,
востъ-то у ней разстилается,
а-то у нея да завивается,
ая кобыла ступою пошла,
гинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
ая кобыла грудью пошла,
гинъ конь да оставается.
гъ оратай таковы слова:
ставилъ сошку во бороздечкѣ
для ради прохожаго-проѣзжаго:
оможный-то наѣдетъ — взять нечего,
огатый-тотъ наѣдетъ не позарится,
я ради мужичка да деревенщины.
ь бы сошку изъ земельки повыдернути,
омешиковъ бы земельку повытряхнути,
бросить сошку за ракитовъ кустъ. —
ѣдь Вольга Святославовичъ
етъ онъ дружинушку хоробрую,
олодцовъ да вѣдь могучіихъ,
ы сошку изъ земли да повыдернули,
ешиковъ земельку повытряхнули,
и бы сошку за ракитовъ кустъ.
аетъ дружинушка хоробрая,
олодцовъ да вѣдь могучіихъ,
ли ко сошки кленовенькой,
шку за обори вокругъ вертятъ,
огутъ сошки изъ земли поднять,
ешиковъ земельки повытряхнуть,
ь сошки за ракитовъ кустъ.
олодой Вольга Святославовичъ
етъ онъ дружинушку хоробрую,
къ онъ да вѣдь десяточкомъ.
шку за обори вокругъ вертятъ,
огутъ сошки изъ земли выдернуть,
ешиковъ земельки повытряхнуть,
ь сошки за ракитовъ кустъ.
вѣдь Вольга Святославовичъ
етъ всю свою дружинушку хоробрую,
сошку изъ земли повыдернули,
ешиковъ земельку повытряхнули,
и бы сошку за ракитовъ кустъ.

Оны сошку за обори вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки изъ земли выдернуть,
Изъ омешиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Тутъ оратай-оратаюшко,
На своей ли кобылы соловенькой,
Пріѣхалъ ко сошки кленовенькой,
Онъ бралъ-то вѣдь сошку одной рукой,
Сошку изъ земли онъ повыдернулъ,
Изъ омешиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
А тутъ сѣли на добрыхъ коней поѣхали.
Какъ хвостъ-то у ней разстилается,
А грива-то у нея да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгинъ конь да вѣдь поскакиваетъ.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгинъ конь да оставается.
Тутъ Вольга сталъ да онъ покрикивать,
Колпакомъ онъ сталъ да вѣдь помахивать.
«Ты постой-ко вѣдь оратай-оратаюшко!
«Какъ бы этая кобыла конькомъ бы была,
«За этую кобылу пятьсотъ бы дали.»
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты Вольга Святославовичъ!
— Я купилъ эту кобылу жеребёночкомъ.
— Жеребёночкомъ да изъ подъ матушки,
— Заплатилъ за кобылу пятьсотъ рублей.
— Какъ бы этая кобыла конькомъ бы была,
— За этую кобылу цѣны не было бы! —
Тутъ проговоритъ Вольга Святославовичъ:
«Ай же ты оратай-оратаюшко!
«Какъ-то тебя да именемъ зовутъ,
«Называютъ тебя да по отечеству?»
Тутъ проговорилъ оратай оратаюшко:
— Ай же ты Вольга Святославовичъ!
— Я какъ ржи-то напашу да во скидры сложу,
— Я во скидры сложу да домой выволочу,
— Домой выволочу да дома вымолочу,
— А я пива наварю да мужичковъ напою,
— А тутъ станутъ мужички меня похваливати:
— «Молодой Микула Селяниновичъ! —»
Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали по городу похаживати;
Стали города разсматривати,
А ребята-то стали поговариватй:
«Какъ этотъ третьего дни былъ, да мужичковъ
онъ билъ!»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися оны да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,

А имъ низко бы да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
— Ай же ты Никула Селяниновичъ!
— Я жалую отъ себя трема городами со крестьянамы.
— Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
— Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую! —

Записано въ Петербургѣ, 13 октября.

—

157.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынѣ говорила родна́ матушка:
«А что молодъ началъ ѣздить во чисто поле,
«А топтать-то младыихъ змѣенышевъ,
«Выручать-то полоновъ да русскіихъ.
«Не куплись Добрыня во Пучай рѣки,
«Пучай рѣка да есть великая,
«Средняя струя-то какъ огонь сѣчетъ.»
А Добрыня матушки не слушался,
Онъ зашелъ-то во конюшенку стоялую,
Онъ и взялъ себѣ да коня добраго,
Онъ сѣдлалъ во сѣделышко черкаское,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
А на потнички-то клалъ вѣдь войлочки,
Онъ на войлочки черкаское сѣделышко,
И натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый-то клалъ для ради крѣпости,
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ поѣхалъ во далече во чисто поле
На тыи горы сорочинскіи.
Притопталъ всѣхъ младыихъ зміенышовъ,
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Разгорѣлося да распотѣлося.
Онъ правилъ ко́ня ко Пучай рѣки,
Снимаетъ платьице онъ цвѣтное,
Забрелъ онъ за струечку за первую,
Забрелъ онъ за струечку среднюю,
Самъ говоритъ таково слово:
— Мнѣ Добрынѣ матушка говорила,
— Мнѣ Никитичу матушка наказывала:
— Не куплися Добрыня во Пучай рѣки!
— А Пучай рѣка да есть свѣрипая,
— Средняя струя да какъ огонь сѣчетъ.
— А Пучай рѣка да есть смирна́ крута,
— Какъ будто лужа вѣдь дождевая. —
Вотъ какъ вѣтра нѣтъ и тучу по́днесло,
Тучи нѣтъ, да быдто громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются.
Налетѣло змѣичищо Горынчищо
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
«А теперь Добрыня во моихъ рукахъ,
«Я теперь Добрыню съѣмъ-сожру,
«Съ ко́немъ съѣмъ-сожру, а захочу въ полонъ возьму!»
Какъ не было у Добрыни да добра коня,
Да не было у Добрыни платья цвѣтнаго,
Да не было меча да бурзомецкаго,
А Добрыня-то плавать гораздъ онъ былъ.
Нырнетъ на бережекъ на тамошній,
Перенырнетъ на бережекъ на здѣшній.
А только лежалъ да пуховъ колпакъ.
Насыпанъ колпакъ да земли греческой,
Вѣсомъ колпакъ ровно три пуда.
Онъ ударилъ во змѣю да во проклятую,
Отбилъ двѣнадцать хоботовъ.
Тутъ упала змѣя да во ковыль траву.
А Добрыня да на ножку по́вертокъ;
Онъ скочилъ змѣи да на бѣлы груди,
Вотъ какъ тутъ змѣя да возмолилася:
«Ай же ты Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Мы положимъ съ то́бой заповѣдь великую
«Чтобъ не ѣздить бы тебѣ во далече чисто поле,
«Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
«А моихъ-то вѣдь рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ,—
«А мнѣ не летать больше́ на святую Русь,
«Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ.»
А и та змѣя да вѣдь проклятая,
Поднялась она да вѣдь подъ облаку.
Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ градъ,
Захватила тутъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владиміръ стольне-кіевскій,
Онъ и кликалъ вѣдь былицъ да волше́бницъ,
Кто бы могъ достать Забаву дочь Путятичну.
Какъ проговоритъ Алешенька Левонтьевичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты покинь-ка эту службу на Добрынюшку,
— На молода Добрынюшку Никитинича.
— У него-то со змѣей заповѣдь положена.
— А не ѣздить боли во чисто поле,
— На тыи горы сорочинскія,

— Не топтать-то вѣдь младыхъ змѣенышевъ,
— А змѣи не летать да на святую Русь,
— Не поло́нить ей да людей русскіихъ.
— Такъ онъ можетъ достать безъ бою, безъ драки кровопролитія. —
Какъ пошелъ Добрыня закручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Утупи́лъ онъ ясны очи во сыру землю.
Какъ проговорила Добрынина матушка,
Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!
«Что же ты Добрыня закручинился?
«Али мѣсто тебѣ было не по чину,
«Али чарой на пиру тебя пообнесли,
«Ду́ракъ на́ пиру да насмѣялся-де?»
Испроговоритъ Добрыня родной матушкѣ:
— Мѣсто мнѣ было вѣдь по чину,
— Чарой меня да не пообнесли,
— А дура́къ-то на пиру не насмѣялся де.
— Какъ солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Онъ накинулъ мнѣ да службу вѣдь великую,
— Съѣздить мнѣ далече во чисто поле
— На тыи горы сорочинскіи,
— Во тую нору во глубокую,
— А достать князеву племянницу
— Молоду Забаву дочь Путятичну! —
Проговоритъ Добрынюшкина матушка:
«Молись-ко Богу и ложись-ко спать:
«Утро будетъ мудрое,
«Мудренѣе оно вечера!»
Поутру онъ вставалъ ранешенько,
Умывался водушкой бѣлешенько,
Подкрутился вѣдь да хорошехонько.
Онъ зашелъ во конюшеньку стоялую,
Онъ сѣдлалъ вѣдь ко́ня дѣдушкова,
Онъ сѣдлалъ да во сѣделышко черкаское,
Потнички онъ клалъ на потнички,
Онъ на потнички клалъ вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатой-то клалъ для ради крѣпости:
Чтобы добрый конь съ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-то были шелковыя,
А шпеньки-ты были булатніи,
Пряжки у сѣдла да красна золота.
Вотъ какъ шелкъ не рвется, а булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на конѣ сидитъ не старѣетъ.
Онъ прощался съ родной матушкой,
Пречестной вдовой да Мальфой Тимоѳеевной.
Она на прощаньице ему да плетку подала,
Сама говорила таково слово:
«Когда будешь далече во чистомъ поли
«На тыихъ горахъ да сорочинскіихъ,
«А притопчешь-то всѣхъ младыхъ змѣенышевъ,
«Подточатъ у бурка они да щоточки,
«Такъ возьми ты плеточку шелковую,
«Бей бурушки промежду ушей.
«Бей бурушки промежду ноги,
«Промежду ноги да ноги заднія.
«Станетъ бурушка-кавурушка подскакивать,
«А змѣенышевъ отъ ногъ онъ да оттряхивать,
«Притопчетъ всѣхъ да до единаго.»
Онъ пріѣхалъ-то во чисто поле
На тыи горы сорочинскіи,
Притопталъ-то онъ младыхъ змѣенышевъ.
Подточили да змѣи коню подъ щоточки,
Не можетъ бурушка болѣй да подскакивать,
Змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь оттряхивать.
Добрынюшка Микиничъ
Онъ взялъ плеточку шелковую,
Сталъ бить бурушка промежду ушей,
Промежду ушей и промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣенышевъ отъ ногъ да вѣдь отряхивать,
Притопталъ онъ всѣхъ да до единаго.
Какъ изъ норы да изъ глубокія
Выходило змѣищо Горынчищо,
Выходила змѣя да та проклятая,
Сама говоритъ да таково слово:
— Какъ у насъ съ тобой была заповѣдь положена,
— Чтобъ не ѣздить тебѣ болѣ во чисто поле,
— Не топтать-то младыхъ змѣенышевъ,
— Моихъ-то рожоныхъ малыхъ дѣтушокъ. —
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Ай же ты змѣя да ты проклятая!
«А черти-ль тебя несли да черезъ Кіевъ!
«Зачѣмъ ты взяла князеву племянницу
«Молоду Забаву дочь Путятичну?
«Ты отдай безъ брани безъ бою кровопролитія!»
Испроговоритъ змѣя та проклятая:
— Не отдамъ тебѣ безъ брани кровопролитія! —
Они тутъ дрались да цѣло по́ три дня.
А Добрыня сынъ Никитиничъ
Отшибъ у ей двѣнадцать хо́ботовъ,
Убилъ змѣю да ту проклятую.
Сошелъ во нору во глубокую,
Тамъ много князей бояровъ,
И много русскіихъ могучіихъ богатырей,

А мелкой силы и смѣты нѣтъ.
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
«Теперь вамъ да воля вольная!»
Онъ взялъ князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну,
Онъ отдалъ Алешенькѣ Поповичу
Свезти ее да во Кіевъ градъ,
Ко солнышку ко князю ко Владиміру,
А самъ увидѣлъ лошадиный бродъ:
По колѣнъ-то у бурки да ноги грáзнули.
Онъ наѣхалъ паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатнею
Да тую паляницу въ буйну голову, —
Паляница назадъ не оглянется,
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня да ко сыру дубу,
Толщину дубъ шести саженъ.
Онъ ударилъ своей палицей булатнею во сырой дубъ,
И расшибъ-то дубъ да весь по лáстиньямъ,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому.»
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница-то назадъ да не оглянется,
Добрыня на конѣ да пріужахнется.
Воротился Добрыня ко сыру дубу,
Толщиною дубъ саженъ двѣнадцати.
Онъ ударилъ своей палицей булатною во сырой дубъ,
Онъ расшибъ-то дубъ весь да по ластиньямъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Какъ сила у богатыря по старому,
«А смѣлость у богатыря не по старому.»
Онъ догналъ-то паляницу женщину великую,
Онъ ударилъ своей палицей булатною
Тую паляницу въ буйну голову.
Паляница та назадъ да пріоглянется,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала комарики покусываютъ.
— Ажно русскіи могучіи богатыри пощалкиваютъ! —
Ухватила Добрыню за желты кудри,
Посадила Добрыню во глубокъ карманъ,
А везла Добрыню цѣло по три дня.
Испроговоритъ паляницынъ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяюшка любимая!
«Не могу я васъ везти со богáтыремъ.
«Конь у богатыря супротивъ меня,
«А сила у богатыря супротивъ тебя!»
Испроговоритъ паляница женщина великая:
— Если старъ богатырь, я голову срублю,
— Если младъ богатырь, я въ полонъ возьму;
— Если ровня богатырь, я замужъ пойду! —
Повыкинетъ Добрыню изъ карманчика,
Тутъ ей Добрыня вѣдь понравился.
Поѣхали ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру
Принимать съ Добрыней по злату вѣнцу,
Побыло три дня у нихъ да пированьице.
Говорилъ Добрыня своей родной матушкѣ
Пречестной вдовѣ да Мальфѣ Тимоѳеевнѣ:
«Ты почто меня Добрынюшку несчастнаго свородила?
«Ты бы лучше меня матушка спородила
«Бѣлымъ горючімъ камешкомъ,
«Завернула бы вотонкій бѣлой рукавчичекъ,
«А спустила бы меня во сине море.
«Я бы вѣкъ тамъ Добрыня во морѣ лежалъ,
«Я не ѣздилъ бы далéче во чисто поле,
«Не проливалъ бы я напрасно крови человѣчія,
«Не слезилъ бы я Добрыня отцовъ матерей,
«Не вдовилъ бы я Добрыня молодыхъ женъ,
«Не сиротались бы да малы дѣтушки!»
Испроговоритъ да пречестна вдова Мальфа Тимоѳеевна:
— Ай же ты Добрыня свѣтъ Никитиничъ!
— Я бы рада тебя дитятко спородити
— Я таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Я бы силой въ Святогора богатыря,
— Я бы смѣлостью въ Олеша да Поповича,
— Красотою во Осифа прекраснаго,
— А походкою щепетливою во того-ли Чурилушку Пленкóвича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича,
— Только тыи статьи есть, другихъ Богъ не далъ,
— Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Провожала Добрыню родна матушка.
Какъ простилася — воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Стала по покоямъ похаживать,
Стала голосомъ она да поваживать,
Жалобнёшенько она да вѣдь съ причетью:
— Какъ у тыя было стремени у правыя,
— Провожали-то Добрыню любимá семья,
— Молода дочь Настасья Никулична.
— Провожаючи она да стала спрашивать,
— Стала спрашивать, да выговаривать:
— «Ты когда Добрынюшко домой будешь,

:да Добрыню ждать да изъ чиста поля?»
роговóритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
а ты меня стала спрашивать,
ебѣ буду наказывать:
прожди Добрыню цѣло трй году,
езъ трй года не буду — жди и дрýго три.
а исполнится времечки шесть годовъ,
е буду домой да изъ чиста поля,
инай меня Добрынюшку убитаго,
ебѣ-ка-ва Настасья воля вольная:
ь вдовой живи да хоть замужъ поди,
ь за князя поди, хоть за боярина,
ь за русскаго могучаго богáтыря,
ько нé ходй за моего братца названаго,
:мѣлаго Алешу за Поповича,
леша-то Поповичъ мой крестовый братъ! —
акъ день за днемъ будто дождь-дождитъ,
за недѣлей какъ трава растетъ,
за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
о тому времечки цѣло трй года,
залъ Добрыня изъ чиста поля.
-то за днемъ будто дождь дождитъ,
за недѣлей какъ трава растетъ,
о за годъ какъ рѣка бѣжитъ,
о тому времечки друго трй года.
исполнилось времечки шесть годовъ,
залъ Добрыня изъ чиста поля.
ю ту пору во то время
лъ Олешенька Левонтьевичь изъ чиста поля,
ъ онъ вѣсточку нерадостну,
ѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
битъ лежитъ да во чистомъ поли,
гóлова его да испроломана,
й плечи его да испрострѣлены,
й лежитъ да чрезъ ракитовъ кустъ.
стна вдова Мальфа Тимоѳеевна
нешенько она по немъ поплакала,
а свои очи ясныя,
ла свое лицо бѣлое
емъ по рожоноёмъ по дитятки,
лодомъ Добрынюшкѣ Микитичѣ.
ю ту пору во то время
солнышко Владиміръ князь похаживать,
похаживать да выговаривать:
е ты Настасья дочь Никулична!
акъ тебѣ жить да молодой вдовой,
дой свой вѣкъ да корóтати?
оди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
за русскаго могучаго богатыря,
за смѣлаго Олешу за Поповича!»

Испроговоритъ Настасья дочь Никулична:
— Я исполнила-то заповѣдь мужнюю:
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Я исполню свою заповѣдь женскую;
— Я прожду Добрыню дрýго шесть годовъ.
— Когда исполнится времечки двѣнадцать лѣтъ,
— А не будетъ Добрыни изъ чистá поля,
— Я поспѣю и тогда за мýжъ пойти. —
Вотъ какъ день за днемъ будто дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей какъ трава растетъ,
Годъ-то за годъ какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времечки друго шесть годовъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
А тутъ солнышко Владиміръ князь
Сталъ похаживать да выговаривать:
«Ай же ты Настасья дочь Никулична!
«Какъ же тебѣ жить да молодой вдовой,
«Молодой свой вѣкъ да корóтати?
«Ты поди замужъ хоть за князя поди хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«Хоть за смѣлаго Олешу за Поповича!»
Не пошла замужъ ни за князя ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Олешу за Поповича.
Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
А сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
Принимать съ Олешей по злату вѣнцу,
А Добрыня случился во Царѣградѣ.
Добрынинъ конь да спотыкается,
Испроговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Ты волчья сыть, медвѣжья шерсть!
— Ты зачѣмъ сегодня потыкаешься? —
Какъ проговоритъ Добрынѣ конь человѣческимъ голосомъ:
«Ай же ты хозяинъ мой любимый,
«Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Какъ ты ѣздишь да забавляешься,
«Надъ собой незгодушки не вѣдаешь;
«Какъ твоя да любима семья
«Молода Настасья дочь Никулична
«Замужъ пошла за смѣлаго Олешу за Поповича
«Вотъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.»
Богатырское его сердце разгорѣлося,
Взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ушей,
Сталъ онъ бурушка бить да промежду ноги,
Промежду ноги да ноги заднія.
Сталъ онъ бурушко-ковурушка поскакивать,

Съ горы на гору да съ холмы на холму,
Рѣки озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Что не ясенъ соколъ перелетъ летитъ,
Добрый молодецъ да перегонъ гонитъ.
Онъ пріѣхалъ ко граду Кіеву.
Не воротами ѣхалъ, чрезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому-ли ко подворью ко вдовиному.
Онъ поставилъ своего добра коня,
Добра коня среди бѣла двора,
Непривязана да не приказана.
Какъ пошелъ во полаты бѣлокаменны,
Онъ не спрашивалъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Онъ всѣхъ въ зашей прочь отталкивалъ.
Онъ зашелъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклоны ведетъ по ученому,
Онъ на всѣ на четыре на стороны
Пречестной вдовѣ да Мальфы Тимоѳеевны въ особину.
А вслѣдъ идутъ придвернички, да приворотнички,
Сами всѣ идутъ да жалобу творятъ:
— Ай же ты пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна!
— Какъ сей удалый добрый молодецъ
— Онъ наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцомъ,
— Онъ не воротами ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
— Мимо тую башню наугольную.
— Онъ не спрашивалъ насъ приворотниковъ,
— Онъ не спрашивалъ насъ придверниковъ,
— Онъ всѣхъ въ зашей насъ да прочь отталкивалъ. —
Какъ проговоритъ честна вдова да Мальфа Тимоѳеевна:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты зачѣмъ заѣхалъ на сиротскій дворъ,
«Да въ полаты идешь бездокладочно.
«Въ покои идешь да безобсылочно,
«А не спрашиваешь у воротъ да приворотниковъ,
«У дверей не спрашивашь да придверниковъ,
«Въ зашей прочь да всѣхъ отталкиваешь?
«Какъ бы было рожоно мое дитятко,
«Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
«За твои поступки не умильныи
«Отрубилъ бы тебѣ буйну голову.»
Какъ проговоритъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не напрасно-ли вы да согрѣшаете?
— Я вчера съ Добрыней поразъѣхался,
— Добрыня-то поѣхалъ ко Царюграду,
— Я поѣхалъ ко Кіеву.
— Велѣлъ спросить про его любиму семью,
— Про молоду Настасью да Никуличну! —
Испроговоритъ да Мальфа Тимоѳеевна:
«Какъ его Добрынина да любима семья,
«Настасья дочь Никулична замужъ пошла
«За смѣлаго Олешу за Поповича,
«Вотъ какъ пиръ у нихъ идетъ да по третій день,
«Сегодня имъ итти да ко Божьей церкви,
«Принимать съ Олешей по злату вѣнцу.
«Какъ исполнилось времечки шесть годовъ,
«Пріѣхалъ Олеша изъ чиста поля,
«И привезъ онъ вѣсточку нерадостну:
«Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитича,
«Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
«Буйна голова его да испроломана,
«Могучи плечи его да испрострѣлены,
«Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
«Жалобнешенько о немъ я да поплакала,
«Слезила я свои очи ясныя,
«Скорбила я свое лицо бѣлое
«По своемъ рожоноёмъ по дитяткѣ
«По молодомъ Добрынюшкѣ Никитичѣ.
«Стала я по покоямъ похаживать,
«Стала голосомъ я вѣдь поваживать,
«Жалобнешенько я да и съ причетью.»
Какъ проговорилъ удалый добрый молодецъ:
— Мнѣ наказывалъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Какъ есть въ горенки, да во спаленки,
— А во спаленки есть на столикѣ,
— Гуслицы его есть да яровчаты,
— Платьицо его да скоморошское. —
Одѣвался молодецъ да скоморошиной,
Пошелъ онъ на тотъ на почестный пиръ,
Онъ не спрашиваетъ у воротъ да приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
И всѣхъ въ зашей прочь да онъ отталкивалъ.
И заходитъ во палаты княженецкія,
Крестъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
— Здравствуй князь Владиміръ стольне-кіевскій
— Со своей княгиней со Опраксіей! —
Какъ вслѣдъ идутъ придвернички да приворотнички,
Сами идутъ жалобу творятъ:
«Какъ сей удалый добрый молодецъ,
«Онъ не спрашивалъ у воротъ насъ приворотниковъ.

ерей не спрашивалъ придверниковъ,
всѣхъ взашей прочь да насъ отталкивалъ.»
рошина къ рѣчамъ не принимается,
рошина къ рѣчи не вчуется,
говоритъ удала скоморошина:
ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
гдѣ вѣдь наше мѣсто скоморошиное?—
говоритъ съ сердцемъ князь Владиміръ стольне-кіевскій:
мѣсто скоморошеное
ой-то печкѣ на запечки,
апечки печки муравленой!»
коро скочилъ на мѣсто показаноё,
атягивалъ тетивочки шелковыи,
и-ли на струночки да золоченыи,
онъ по струночкамъ похаживать,
онъ голосомъ-то вѣдь поваживать.
ь въ карты играетъ во Царѣградѣ,
ыигрышъ беретъ да все во Кіеви,
гъ стараго всѣхъ да до малаго.
вси на пиру да призамолкнули,
говорятъ да таково слово:
не быть удалой скоморошинѣ,
акому либо русскому могучему богатырю!—
говоритъ Владиміръ стольне-кіевскій:
е ты удала скоморошина!
зою игру да за веселую
дайся-ко съ печки съ запечки,
рай-ко себѣ три мѣста любимыихъ:
о мѣсто подли меня,
угое мѣсто супротивъ меня,
ье мѣсто куда самъ захошь,
самъ захошь, еще пожалуешь!»
нилась скоморошина подли князя,
нилась скоморошина супротивъ князя,
лась скоморошина супротивъ княжны да поручёныя,
въ молодой Настасьи Никуличной.
говоритъ удала скоморошина:
ты солнышко Владиміръ стольне-кіевскій!
позволь мнѣ налить чару зелена вина,
поднесть-то чару кому я знаю,
у я знаю, еще пожалую!—
алъ онъ чару зелена вина,
лъ онъ въ чару свой злаченъ перстень,
силъ онъ чару молодой княжнѣ,
ой княжнѣ Настасьѣ Никуличнѣ,
ъ онъ говорилъ да таково слово:
же ты Настья Никулична!
прими-тко чару единой рукой,
пей чару единымъ духомъ.
— А какъ выпьешь до дна, увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра.—
Молода Настасья Никулична
Принимала-то чару единой рукой,
Выпивала чару единымъ духомъ,
Увидала въ чарѣ свой злаченъ перстень,
Которымъ съ Добрыней обручалися.
Испроговоритъ Настасья Никулична:
«А не тотъ мой мужъ который подли меня сидитъ,
«А тотъ мой мужъ который супротивъ меня сидитъ!»
Она скочила черезъ дубовый столъ
И упала къ Добрынѣ ко рѣзвымъ ногамъ.
«Ты прости, прости, Добрынюшка Никитиничъ,
«А во той меня вины прости во глупости,
«Что не по твоему наказу вѣдь я сдѣлала:
«Я за смѣлаго Олешенку замужъ пошла!»
И проговорилъ Добрыня сынъ Никитиничъ:
— Не дивую я разуму женскому:
— У нихъ волосъ дологъ, умъ коротокъ,
— Ихъ куда ведутъ, они туда идутъ,
— Ихъ куда везутъ, они туда ѣдутъ.
— А дивую я князю Владиміру,
— Что князь-то Владиміръ ходилъ свататься,
— А княгиня-то Опраксія да свахою,
— У живаго мужа жену просватали!—
Тутъ князю Владиміру ко стыду пришло.
Испроговоритъ Алешенка Леонтьевичъ:
«Ты прости, прости, крестовый братъ,
«Добрынюшка сынъ вѣдь Никитиничъ!
«Что я подли твоей посидѣлъ да любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной!»
Испроговоритъ Добрынюшка Никитиничъ:
— Какъ во этой винѣ братецъ тебя Богъ проститъ,
— А въ этой винѣ братецъ тебя не прощу!
— Вы пріѣхали изъ чиста поля черезъ шесть годовъ,
— Привезли вы моей матушкѣ вѣсточку нерадостну,
— Что нѣтъ жива Добрынюшки Никитинича,
— Онъ убитъ лежитъ да во чистомъ полѣ,
— Буйна голова его да испроломана,
— Могучи плечи его да испрострѣлены,
— Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ.
— Тутъ родитель моя матушка,
— Пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна,
— Жалобнешенько она по мнѣ поплакала,
— Слезила свои очи ясныя,
— Скорбила свое лицо бѣлое

— По своемъ по рожономъ по дитяткѣ
— По молодомъ Добрынюшкѣ Никитиничѣ! —
Тутъ схватилъ Олешу за желты кудри,
Да выдернулъ Олешу чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Олешу о кирпичень полъ.
Выхватилъ шалыгу подорожную,
Онъ сталъ шалыжищемъ охаживать,
А что хлопанья, что оханья не слышно вѣдь.
Что не два-ли ясныхъ сокола слеталися,
Два сильныхъ могучіихъ богатыря
Съѣзжалися на смертный бой.
А всякъ-тó братцы женится,
А не всякому женитьба удавалася.
А не дай Богъ женитьбы Олеши Поповича.
Только Олеша и женатъ бывалъ,
И женатъ бывалъ и съ женой сыпалъ.
Вотъ тутъ вѣкъ про Добрыню старину поютъ,
Синему морю на тишину
Вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 19 іюля.

—

158.

МИХАЙЛО ПОТЫКЪ.

Во стольнемъ было во городи во Кіеви,
У славнаго князя у Владиміра,
Былъ собранъ многопочетный пиръ
На всѣхъ-то князей, да вѣдь бояровъ,
На всѣхъ гостей званыхъ-избранныхъ.
А какъ всѣ на пиру наѣдалися,
А какъ всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру-то порасхвастались:
Иный хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иный хвастаетъ золотой казной.
Говорилъ тутъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Еще нечѣмъ мнѣ Владиміру похвастаться:
«Нѣтъ у меня да золотой казны.
«Еще первой русскій сильныи могучіи богатырь
«Старый казакъ да Илья Муромецъ,
«Съѣзди-ты да въ золоту орду,
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще другій русскій сильныи могучіи богатырь
«Ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Съѣзди ты во Турцію
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.
«Еще третій русскіи сильныи могучіи богатырь
«Мóлодой Добрыня сынъ Никитиничъ!
«Съѣзди ты во Швецію
«Получи тамъ дани-выходы
«За двѣнадцать лѣтъ да съ половиною.»
Собрались три сильныхъ русскихъ три могучіихъ богатыря
Ко кресту да ко Левинову.
Они тутъ крестами да побратались.
А кто изъ нихъ да будетъ большій братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ средній братъ?
А кто изъ нихъ да будетъ меньшій братъ?
А старый казакъ да Илья Муромецъ былъ большій братъ,
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А мóлодой Добрынюшка Никитиничъ былъ меньшій братъ.
А который изъ насъ раньше выѣдетъ,
А къ другому пріѣхати на выручку.
Воротился прежде всѣхъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ привезъ-то дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною.
Благодарилъ его Владиміръ стольне-кіевскій,
Говоритъ Михайлу Пóтыку сыну Ивановичу:
«Пишетъ мнѣ Бухарь да царь заморскіи:
«Проситъ съ меня дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною.»
Тутъ говоритъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
— Ты пиши-тко къ Бухарю царю заморскому,
— Что посланы-де дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною,
— А со тѣмъ ли со Михайломъ Потыкомъ,
— А я поѣду самъ туда безъ выходовъ. —
— Здравствуйте Бухарь да царь заморскіи! —
Какъ проговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«Вы коей земли, да вы коей орды?»
— Я есть изъ города изъ Кіева.
— Я привезъ вамъ дани выходы за двѣнадцать лѣтъ и съ половиною
— Отъ того ли солнышка отъ князя отъ Владиміра. —
Испроговоритъ Бухарь да царь заморскіи:
«А гдѣ же у васъ-то дани выходы?»
— А отправлены монетою все мѣдною.
— У мужичковъ телѣжки подломалися,
— Мужички остались починивать.—
Тутъ Бухарь-то царь заморскіи,
Онъ съ тоя великія со радости,
Самъ-то говоритъ да таково слово:

,съ чѣмъ въ Россіи забавляются:
'раютъ ли во карты биліартовы,
'раютъ ли во шашечки кленовыи
ı тыхъ дощечкахъ на дубовыихъ?»
:тавили да первую дощечку.
карь-то царь заморскіи
іоставилъ на дощечку дани выходы,
хайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
іоставилъ на дощечку своёго добра коня.
ıли тутъ дощечку они первую;
:ралъ Михайло да добра коня.
:тавили дощечку-то вѣдь другую.
карь-то царь заморскіи
:тавилъ на дощечку дани выходы,
:ставилъ онъ Михайлина добра коня.
хайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
іоставилъ на дощечку буйну голову,
сыграли оны дощечку да вѣдь другую,
повыигралъ Михайла дани выходы,
выигралъ Михайла своего добра коня.
:тавили дощечку они третьюю.
карь-то царь заморскіи
поставилъ на дощечку полцарства полы-
мѣнства,
хайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
іоставилъ на дощечку дани выходы,
:рали оны дощечку-то и третьюю,
повыигралъ Михайла Потыкъ сынъ Ивано-
вичъ
царства и полымѣнства.
въ ту пору, да въ то время
ая дверь да растворилася,
ой Добрыня сынъ Никитиничъ является,
ъ онъ говоритъ таково слово:
же ты крестовый братъ Михайло Потыкъ
сынъ Ивановичъ!
сидишь-играешь-забавляешься,
дъ собой-то вѣдь незгодушки не вѣдаешь.
къ твоя ли Марья лебедь бѣлая,
подоленка да королевична,
уѣхала-то въ землю политовскую,
къ со тѣмъ королемъ да политовскіимъ! —
хайлы сердце разгорѣлося,
і тяпнетъ-то дощечку-ту дубовую,
аритъ въ дверь да во кленовую,
вышибъ дверь онъ и съ одверьицемъ,
ъ онъ говоритъ да таково слово:
ке ты крестовый братъ
ой Добрынюшка Никитичъ!
получай-ко дани выходы
Бухаря царя заморскаго,
«Отвези ко солнышку Владиміру,
«Я поѣду къ королю да политовскому.»
Какъ пріѣхалъ Михайло Потыкъ сынъ Ивано-
вичъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
А сама да говоритъ да таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— У насъ волосъ дологъ, да умъ коротокъ.
— Насъ куда ведутъ, мы туда́ идемъ.
— Насъ куда везутъ, мы туда ѣдемъ.
— Ты прими-ко чару единой рукой,
— Выпей чару единымъ духомъ. —
А Михайло до вина да былъ упальчивый.
Онъ и принялъ чару единой рукой,
Онъ и выпилъ чару единымъ духомъ.
А какъ выпилъ, тутъ и въ сонъ заснулъ.
А вѣдь Марья лебедь бѣлая,
Ухватила Михайлу за желты кудри,
Потащила Михайлу во чисто поле.
Бросила Михайлу да черезъ плечо,
А сама она да пригово́рила:
«А ты стань-ко бѣленькой горючій ка́мешокъ!»
Какъ спомнили его братцы крестовыи,
Сожалѣли Михайлу Потыка Ивановича.
А старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А молодой Добрынюшка Никитиничъ
Накрутилися въ калики перехожіи,
А пошли они да въ землю политовскую.
Идучись до земли политовскія,
А сустигли старичища пилигримища.
А клюка у него да сорока пудовъ!
Пригласили старичища и въ компанію.
Приходили къ королю да политовскому,
Подъ тоё косявчато окошечко,
Сопросили они тутъ да милостины.
А'ще Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична.
Услыхала голосъ да каличьіи,
А сама-то говоритъ да таково слово:
«Ай же ты король да политовскіи!
«Ты зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
«Ты корми каликъ да до́сыта,
«Ты напой каликъ да до́пьяна,
«Ты дари каликъ да до́люба!»
И'ще тотъ король да политовскіи,
Онъ и взялъ каликъ въ полаты бѣлокаменны,
Онъ кормилъ каликъ да до́сыта,

Онъ поилъ каликъ да допьяна,
Онъ дарилъ каликъ да долюба:
Далъ и злата имъ онъ много множество.
Ты пошли калики изъ земли политовскія,
Приходили ко бѣлому ко камешку.
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Теперь время намъ братцы животовъ дѣлить.—
Испроговорятъ калики перехожія:
«Ты дѣли старичище пилигримищо.»
И тутъ сталъ старичище животовъ дѣлить,
А дѣлить-то на четыре четверти.
И проговорятъ калики перехожія:
«А кому эта вѣдь четверта часть?»
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— А тому изъ насъ вѣдь четверта часть,
— А кто броситъ этотъ камешокъ черёзъ плечо?—
Прискочилъ Добрынюшка Никитиничъ,
По колѣнъ-то каменя поднять онъ могъ,
По колѣна Добрыня онъ въ землю увязъ.
Прискочилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ,
По грудямъ-то каменя поднять онъ могъ,
По грудямъ Илья въ землю увязъ.
Испроговоритъ старый казакъ да Илья Муромецъ:
«Поднимай-ко старичищо пилигримищо
«А ты этотъ-то да бѣлый камешекъ!»
Прискочилъ пилигримищо ко камешку,
Онъ привзялъ-то камешокъ конецъ-кувши, *)
Онъ и бросилъ камешокъ черезъ плечо,
Самъ ко камешку да приговаривалъ:
— Ты повыскочь-ко тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ! —
«Фу-фу я какъ долго спалъ!»
Говоритъ старичищо пилигримищо:
— Еслибъ не я, тутъ ты и вѣкъ бы спалъ! —
Говоритъ старичищо таково слово:
— Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
— Ты когда будешь во градѣ во Кіевѣ,
— Ты поставь свѣчу Николы угоднику. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Распрощался онъ со братцима крестовыма,
Самъ пошелъ онъ въ землю политовскую.
Онъ приходитъ вѣдь на королевскій дворъ,
Закричалъ онъ богатырскіимъ да голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
Та подоленка да королевична,
Наливала питья забудущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико.
А сама да говоритъ-то таково слово!
«Ай же ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты прими-тко чару единой рукой,
«А вѣдь выпей чару единымъ духомъ.
«Мы поѣдемъ съ тобой ко граду ко Кіеву,
«А ко ласковому князю ко Владиміру.»
А Михайла до вина упальчивъ былъ.
Онъ принялъ-то чару единой рукой,
А вѣдь выпилъ чару единымъ духомъ,
А гдѣ выпилъ, онъ тутъ въ сонъ заснулъ.
Тутъ схватила Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична,
А того Михайлу за желты кудри,
Потащила его да во глубокъ погребъ,
Прибивала его да вѣдь на стѣну.
Сама побѣжала вѣдь на торжищо
Покупать-то гвоздёвъ да сердечныхъ.
У того короля да политовскаго
Была дочь Настасія красивая,
Пришла посмотрѣти русскаго богатыря.
Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ взмолился ей:
— Ай же ты Настасья королевична!
— Ты повытащи гвоздья хоть бы нёгтями,
— Я теперя Марьѣ голову срублю,
— А тебя Настасья я замужъ возьму. —
Вотъ повытащила гвоздья она нёгтями,
Прибивала мертваго татарина,
А хоть мертваго да и мерзлаго.
Повела Михайлу во покои во особые,
Увидалъ-то король политовскіи,
И самъ говоритъ да таково слово:
«Ай же ты Настасья королевична!
«Ты кого ведешь да черна съ собой?»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— У м'не была младая служаночка,
— Захотѣла посмотрѣти русскаго богатыря:
— Какъ увидѣла и испугалася,
— А теперь идетъ во покои во особые. —
Тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Онъ заростилъ тутъ кровавыи раночки,
А Настасья-то королевична
Стала просить коня-то богатырскаго
У того короля политовскаго,
А что съѣздить ей да во чисто поле.
Посадила на коня Михайлу Потыка сына Ивановича.
Тутъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Закричалъ онъ богатырскіимъ голосомъ.
Услыхала Марья лебедь бѣлая,
А подоленка да королевична.
Наливала питья забыдущаго,
Выбѣгала на перёное крылечико,
Сама говоритъ да таково слово:

*) Такъ поетъ, но не знаетъ, что значитъ.

ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
ими-тко чару единой рукой,
выпей чару единымъ духомъ.
ѣдемъ къ городу ко Кіеву
ласковому князю ко Владиміру.»
йла до вина упальчивъ былъ.
принялъ чару единой рукой,
выпить онъ да единымъ духомъ.
а Настасья королевична,
ла косивчато окошечко,
ла она жалкимъ голосомъ:
ке ты Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ!
ъ забылъ ты свою заповѣдь? —
ихайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
ахнулъ да своей саблей востроёй,
убилъ-то Марьѣ буйну голову.
тутъ Настасью да замужъ-то взялъ,
кали да ко граду ко Кіеву,
лнышку ко князю ко Владиміру.
о три дня у ихъ пированьицо.
тутъ про Михайлу старину поютъ,
морю да на тишину
сѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

но въ Чолмужахъ, 20 іюля.

—

159.

ДЮКЪ.

было Индѣи во богатыя,
молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
дилъ по тихіимъ по заводямъ,
ъ сѣрыхъ гусей и лебедей.
ѣхъ выстрѣлялъ ровно триста стрѣлъ,
триста стрѣлъ да еще три стрѣлы.
емъ-то стамъ цѣну вѣдаетъ,
тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаетъ.
зъ-подъ камешка изъ-подъ яхонта,
ъ яхонта да самоцвѣтнаго,
онъ три орла онъ три орловища,
тѣхъ убилъ, которы летаютъ по святой Руси,
ихъ убилъ, которые летаютъ по синимъ морямъ.
дутъ гости корабельщики,
ают это перушко орлиное.
ли это перушко
ке-то атласу, рыта бархату.
ли мужички-то да индѣйскіе,
Приносили это перышко въ подарочекъ
Ко его-ли ко Дюкову батюшко.
А онъ самъ стрѣлялъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
Онъ съ такихъ-ли великіихъ со радостей,
Пошелъ онъ къ государынѣ родной матушкѣ,
Просить прощеньица съ благословеньицемъ
Ѣхать ко граду ко Кіеву,
Ко ласковому ко князю ко Владиміру,
Онъ прямой дорожкой не окольною.
Какъ проговорила его государыня родна матушка,
Родна матушка Мальфа Тимоѳеевна:
«Я не дамъ тебѣ прощеньица съ благословеньицемъ,
«Ѣхать ко граду ко Кіеву,
«Ко ласкову ко князю ко Владиміру,
«Прямой дорожкой не окольною.
«А прямой дорожкой не окольною
«Есть три застави тамъ да великія:
«А первая-то застава есть горы тамъ толкучіи:
«Въ другой разъ столкнутся, а въ другой горы истолкнутся;
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ молодому живу не быть.
«Есть тамъ другая застава — птицы клевучія,
«Онѣ тебя Дюка и съ конемъ склюютъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ молодому живу не быть.
«Есть третья тамъ застава — лежитъ змѣищо горынчищо,
«О двѣнадцати змѣя о хоботахъ,
«И тая тебя и съ конемъ сожретъ.
«Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,
«Тутъ тебѣ молодому живу не быть.»
А онъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ не слушалъ своей да государыни родной матушки,
Пречестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,
Онъ пошелъ во конюшенку стоялую,
Взялъ онъ уздицу да вѣдь тесмяную,
Онъ взялъ бурушко да вѣдь ковурушка.
Какъ у бурушка по колѣнъ ноги въ землю зарощены.
Онъ кормилъ бурка пшеномъ да бѣлояровымъ,
Онъ поилъ бурка питьицемъ медвянымъ,
Онъ сѣдлалъ бурка въ черкаское сѣделышко,
Онъ потнички-то клалъ на потнички,
На потнички онъ клалъ да вѣдь войлочки,
А на войлочки черкаское сѣделышко.
Онъ натягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
А тринадцатый клалъ для ради крѣпости,

Чтобы конь съ-подъ сѣдла не выскочилъ,
Добра молодца съ сѣдла не вырутилъ.
Подпруги-ты были шелковыя,
Шпеньки у подпруговъ булатнія,
Пряжки у него да красна золота.
А какъ шелкъ не рвется, булатъ не трется,
Красно золото не ржавѣетъ,
Молодецъ на кони сидитъ не старѣетъ.
Онъ садился на добра коня,
Прощался съ государыней родной матушкой,
Какъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
На прощеньице ему да наказывала:
«Ай ты мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Если Богъ тебѣ судитъ быть во Кіевѣ,
«У ласкова князя у Владиміра,
«Ты не хвастай животишками сиротскими,
«Сиротскими животишками вдовиными!»
Перво пóприще бурке скочилъ цѣлу́ версту,
И припадывалъ къ земли сыро-мáтерой,
Испроговоритъ человѣческимъ голосомъ:
— Ай же ты хозяинъ мой любимыи!
— Опущайся-ко съ меня добра коня,
— Ты бери-тко земли да сыро-матерой,
— Ты подвязывай подъ плечико подъ право,
— Да подвязывай подъ плечико подъ лѣвое,
— Чтобъ не страшно было сидѣть на мнѣ да на добромъ конѣ. —
Какъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ опущался вѣдь да со добра коня,
А онъ бралъ земли да сыро-матерой,
Онъ подвязывалъ подъ плечико подъ правое,
Да подвязывалъ подъ плечико подъ лѣвое,
И садился онъ да на добра коня.
Тутъ сталъ бурушко-кавурушка поскакивать,
Съ горы на гору, да съ холмы нá холму,
А рѣки озёра перескакивать,
Широки́ раздолья между ногъ пущать.
А пріѣхалъ онъ кó граду ко Кіеву,
Ко ласковому князю ко Владиміру.
Заѣхалъ онъ среди бѣла двора,
Поставилъ онъ своего добра коня
Не привязана, да не приказана.
А онъ самъ взошелъ въ столову во переднюю,
Онъ крестъ кладетъ по писáному,
А поклонъ ведетъ да по ученому
А на всѣ на четыре на стороны,
А княгинѣ Апраксіи въ особину.
А спроговоритъ мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Вы здравствуйте княгиня Апраксія!
«А гдѣ солнышко Владиміръ стольне-кіевской?»
— А солнышко Владиміръ стольне-кіевской
— Ушелъ онъ во Божью церковь,
— Къ обѣдни да ко раннія. —
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ вышелъ на улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Пошелъ онъ во Божью церковь.
Мостовыя были землею призасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Пришелъ онъ во Божою церковь,
Онъ крестъ кладетъ да по писáному,
Поклонъ ведетъ да по ученому,
На всѣ на четыре на стороны,
А князю Владиміру въ особину.
Испроговоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты изъ какой земли, изъ какой орды,
«Да какъ тебя, молодецъ, именемъ зовутъ,
«Нарекаютъ по отечеству?»
— Я изъ той Индѣи изъ богатыя,
— Мóлодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
— Отстоялъ дома раннюю заутреню,
— А сюда пріѣхалъ вѣдь къ обѣдни-де. —
Какъ прогóворятъ князи бояра,
А также говорятъ и мелкá чета:
«А не быть это мóлоду Дюку Степановичу!
«А какой нибудь дѣтинушко залётаникъ.
«Онъ убилъ князя́, либó боярина,
«Онъ на платьице свое да вѣдь поглядывать.»
Какъ и вышли изъ церкви изъ Божія
На тую улицу на широкую,
На тую дуброву на зеленую,
Мостовыя были земелькой принасыпаны,
Ихъ подлило водою дождевою,
Замаралъ онъ сапожки зеленъ сафьянъ.
Какъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я слыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
— А что Кіевъ очень красивъ-добристъ,
— Ажно въ Кіевѣ все не по нашему.
— Церквы у васъ деревяныя,
— А маковки на церквахъ да осиновыя,
— А у насъ-ли во Индѣи во богатыя
— Церкви у насъ да всѣ каменныя,
— А известочкой они да отбѣлены,
— На церквахъ-то маковки самоцвѣтныя,
— На домахъ-то крышечки золоченыя,
— Мостовыя рудожолтыма пріусыпаны,
— Сорочинскія суконца прирозастланы,
— Не замараешь тутъ сапожковъ зеленъ сафьянъ.

ашли они во́ полаты княженецкія,
сь за дубовый столъ хлѣба кушати,
крупивчатыхъ колачиковъ оны рушати.
олодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
ки́шъ-то ѣстъ, а корочку подъ столъ мечетъ.
оворитъ Владиміръ стольне-кіевскій:
е ты моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
почто мяки́шъ ѣшь, а корочку подъ столъ мечешь?»
роговоритъ моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
лыхалъ отъ родителя отъ батюшки:
Кіевъ очень краси́въ-добристъ,
о въ Кіевѣ все не по нашему.
асъ печки-то каменныя,
омелечки у васъ да сосновыи.
акъ пахнутъ-то колачики крупивчиты
тую сѣру на сосновую,
сосновую сѣру на кипучую,
кипучую сѣру на горючую,
могу я ѣсть колачиковъ крупивчатыхъ.
ъ у мо́ей государыни у родной матушки,
очестной вдовы Мальфы Тимоѳеевны,
асъ печки всѣ-то мура́вленые,
омелечки у насъ да шелковыи,
екетъ она колачики крупивчаты
ъ колачикъ-то съѣшь, такъ дру́гой хочется,
ругой-то съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
акъ третій съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ. —
рого́ворилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
е ты молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
мо́лодой бояринъ самъ захвастливый.
дарь-ко съ нашимъ Чурилушкой Пленковичемъ о великъ закладъ:
ы ѣздить вамъ во чисто поле по три́ году,
три́ году да еще по три дни,
ы на всякій день кони были смѣнные,
ы смѣнные да перемѣнные,
рсти такой да бы не было,
атье на всякій день было смѣнное,
ы цвѣту такого да не было,
ъ третій день вамъ итти да ко Божьей церкви.
торый изъ васъ добрѣе вы́ступитъ,
угому изъ васъ да голова рубить!»
спустили тутъ Дюка Степановича
ить за платьемъ за цвѣтнымъ,
ю Индѣю во богатую.
ѣлъ бояринъ закручинился,
Закручинился, да запечалился,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ-то ясны очи во сыру землю.
Онъ садился вѣдь да на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые е́рлычки
Ко своей-ли государыни родной матушкѣ,
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ,
Какъ по Чурилѣ-то Пленковичу
Держали порукушку двумя грады:
А первымъ градомъ Кіевомъ,
А другимъ градомъ Черниговомъ.
А молодому боярину Дюку Степановичу
Держалъ поруку крѣпкую
Тотъ-ли владыко Черниговскій,
Его-ли ~~крестовый онъ батюшко.~~
Клалъ на бурушка сумки переметныя,
Самъ онъ говоритъ таково слово:
— Ай ты бурушко-ковурушко!
— Когда прискачешь во Индѣю во богатую
— Къ моей-то государыни родной матушкѣ,
— Ты заржай-ко голосомъ лошадинымъ! —
Услыхала голосъ лошадиный
Его-ли государыня родна матушка,
Выбѣгала на крылечико переднее,
А сама говоритъ да таково слово:
«Видно нѣтъ жива моего дитятки,
«Молода боярина Дюка Степачовича!»
Какъ увидала сумки переметныя,
И говоритъ да таково слово:
«Какъ мой-ли мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ захвастливый,
«Захвастливый, да знать захваченой!»
Вынимала скорописчатые е́рлычки,
Кладывала туды платьица на каждой день;
На каждой дёнь по три платьица,
Смѣнныя и перемѣнныя по три годы,
По три годы, еще и по три дни.
Отпущала бурушка ковурушка,
Сама говоритъ да таково слово:
«Какъ прискачешь ты во Кіевъ градъ,
«Во Кіевъ градъ на княженецкій дворъ,
«Ты заржай-ко лошадинымъ голосомъ!»
А моло́дой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Услыхалъ онъ своего добра коня,
Она взялъ сумки да вѣдь переметныя.
Тутъ поѣхали во чисто поле поляковать,
А Чурилушка Пленковичъ по́гналъ ко́ней онъ цѣлы́мъ стадомъ,
А молодый бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше-то онъ повыстанетъ,
Бурка въ росы онъ повы́катаетъ,

На буркѣ-то шерсть да перемѣнится.
И тутъ они проѣздили по три годы,
По три годы да еще по три дни.
А севодня итти имъ ко Божьей церкви.
А тому-ли Чурилушкѣ Пленковичу
Во своемъ-ли ему городѣ да дѣется,
Становился онъ на крылосо на правое,
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Становился онъ на крылосо на лѣвоё.
А Чурилушко Пленковичъ взялъ онъ плеточку шелковую,
Сталъ онъ плеточкой по пуговкамъ поважывать
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки,
Плыветъ змѣпщо горынчищо,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ.
Какъ испроговорятъ князи бояра,
И также говоритъ и вся мелка чета:
— Какъ у нашего Чурилушки Пленковича
— Есть отмѣточка противъ молода боярина Дюка Степановича! —
А молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ повѣсилъ свою да буйну голову,
Утупилъ ясны очи во сыру землю.
Онъ взялъ-то плеточку шелковую,
Сталъ плеточкой по пуговкамъ поважывать,
Пуговкой о пуговку позванивать.
Какъ отъ пуговки было да до пуговки
Налетѣли тутъ птицы клевучіи,
Наскакали тутъ звѣри рыкучіи.
А тутъ въ церкви всѣ да о зень пали,
О зень пали да ипы обмерли.
Тутъ проговоритъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Пріуми-тко ты птицъ тыхъ клевучіихъ,
«Призакличь-ко тыхъ звѣрей рыкучіихъ,
«Да оставь-ко ты народу хоть на сѣмена!»
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Я севодня не твое ѣмъ, да кушаю,
— Не хочу тебя и слушати! —
Какъ проговоритъ владыко-то Черниговски,
Его-ли крестовый батюшко:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Призакличь-ко ты птицъ клевучіихъ,
«Пріуйми-тко ты звѣрей рыкучіихъ,
«Ты оставь-ко народу намъ на сѣмена.»
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Послушался крестоваго онъ батюшки,
Призакликалъ птицъ онъ клевучіихъ,
Пріупялъ звѣрей тыхъ рикучіихъ.
Тутъ проговоритъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить?—
Какъ возговорилъ Чурилушка Пленковичъ:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ты ударь-ко со мною о великъ закладъ.
«А который изъ насъ перескочитъ черезъ Пучай рѣку,
«А который изъ насъ да не перескочитъ, —
«Тому изъ насъ да голова рубить.
«А Пучай-рѣка да на два поприща!»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— А твоя ли похвальба напередъ зашла!
— Ты скачи-ко прежде чрезъ Пучай-рѣку. —
Онъ скакалъ Чурило чрезъ Пучай рѣку:
О полу рѣки Чурило въ воду вверзился.
А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Скоро на скоро скакалъ да чрезъ Пучай рѣку,
Онъ скорѣе того поворотъ держалъ.
О полу рѣки онъ на воды припадывалъ,
И Чурилу за желты кудри захватывалъ,
Повытащилъ Чурилушку съ конемъ съ воды,
И самъ онъ говоритъ да таково слово:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольній-кіевскій!
— Намъ которому съ Чурилой голова рубить?—
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній-кіевскій:
«Ай же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не руби-тко ты Чурилы буйной головы,
«Ты оставь-ко намъ Чурилу хоть для памяти»
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай же ты Чурилушка Пленковичъ!
— А пусть ты княземъ Владиміромъ упрошенный
— А кіевскими бабами уплаканный.
— Ты не ѣзди-то съ нами со бурлаками,
— Ты не ѣзди во чисто поле поляковать,
— А живи ты во градѣ во Кіевѣ,
— Въ Кіевѣ во градѣ между бабамы! —
Тутъ Владиміръ стольній-кіевскій
Посылалъ онъ тутъ общѣнщичковъ
Во тую-ли Индѣю во богатую
Къ пречестной вдовѣ Мальфы Тимоѳеевной.
Во первыхъ стараго казака Илью Муромца,
А въ другіихъ молода Добрынюшку Никитича,
А онъ въ третьіихъ Олешушку Поповича.
Тутъ проговорилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольній кіевскій
— Не посылай-ко ты Олешушку Поповича.

глазишечка-ты поповскія,
вскія глазишечка завидливы,
хать ему изъ той Индѣи изъ богатыя.
ите-ко бумаги на три мѣсяца,
ите-ко бумаги на три году,
году, да еще на три дни. —
ышко Владиміръ стольній кіевскій,
ъ-то стараго казака Илью Муромца,
ъ-то молода Добрынушку Никитича.
хали подъ Индѣю подъ богатую,
ли на гору на высокую,
ту Индѣю да богатую,
рятъ да таково слово:
лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
слалъ онъ вѣсточку къ своей матушкѣ,
гана Индѣя та богатая.»
хали въ Индѣю ту богатую,
рквы были всѣ каменныя,
вѣсточкой отбѣлены,
хъ маковки самоцвѣтныя,
ь крышечки да золоченыя,
рудожелтыми песочками пріусыпаны,
кія суконца приразостланы.
ли они въ полаты бѣлокаменны,
тъ жена да стара-матера,
ера да и вся въ золотѣ.
ь челомъ, да поклоняются:
вствуйте да Дюковая матушка!»
ритъ жена да стара-матера:
сть-то Дюковая матушка! —
ли они въ полаты во переднія,
тъ жена да стара-матера,
того да и вся въ золоти.
ь челомъ, да поклоняются:
вствуйте да Дюковая матушка!»
ритъ жена да стара-матера:
сть-то Дюковая матушка!
-то Дюковой матушки колашница. —
е есть-то Дюковая матушка?»
ритъ жена да стара-матера:
овая матушка
она во Божою церковь,
бднѣ-то ко позднеей. —
гъ-то Дюковая матушка:
ведутъ ее подъ руки,
говоритъ де таково:
вствуйте мужички да вы оцѣнщички!
мъ сюда да вѣдь пріѣхали?
ивотишечковъ сиротскіихъ описывать?»
шли они въ полаты бѣлокаменны,
они за столы дубовыи,
И стали за столомъ они да кушати,
И крупивчатыхъ колачиковъ рушати.
Какъ колачикъ-то съѣшь, другой хочется,
Другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
А третій-то съѣшь, четвертый съ ума нейдетъ.
Тутъ пречестна вдова да Мальфа Тимоѳеевна
Привела ихъ въ погреба глубокіи,
Ко тѣмъ ли сбруямъ лошадиными,
Да тутъ они писали по три годы,
По три годы да еще по три дни.
Еще привела: висятъ бочки красна золота,
А другія висятъ чиста серебра,
А третьи висятъ скатна жемчуга.
Потомъ вывела на улицу да на широкую:
Течетъ-то струйка золоченая,
И тутъ они не могли и смѣты дать.
Сама говоритъ таково слово:
«Ай же вы мужички да вы оцѣнщички!
«Поѣзжайте вы ко́ граду ко Кіеву,
«Ко тому ли ко князю ко Владиміру,
«Вы скажите-тко князю Владиміру:
«Онъ на бумагу продастъ пусть Кіевъ градъ,
«А на чернила продастъ весь Черниговъ градъ,—
«А тогда пріѣдетъ животишечковъ сиротскіихъ описывать.»
Какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Они пріѣхали-то ко́ граду ко Кіеву,
Къ солнышку князю ко Владиміру,
И сами говорятъ да таково слово:
— Наказывала Дюковая матушка
— На́ бумагу продать весь Кіевъ градъ,
— На чернила продать Черниговъ градъ, —
— Тогда пріѣхать животишечковъ сиротскіихъ описывать? —
Тутъ проговорилъ Владиміръ стольній кіевскій:
«Ай же мо́лодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«За твою ли за великую за похвальбу,
«Ты торгуй-то въ нашемъ во́ градѣ во Кіевѣ,
«А во Кіевѣ во градѣ да безъ пошлины!»
А тутъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Онъ садился на своего добра коня,
Онъ поѣхалъ-то въ Индѣю во богатую
Ко своей государыни родной матушкѣ.
Къ пречестной вдовѣ Мальфѣ Тимоѳеевнѣ.
А онъ сдѣлалъ съ нею доброе здоровьице,
А тутъ вѣкъ про Дюка старину скажутъ,
Синему морю на ти́шину
Добрымъ людямъ на послушанье.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

—

160.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

Вы молодые ребята послушайте,
А мы стары старики да будемъ сказывати
Про грознаго царя Ивана Васильевича,
Какъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ катилъ,
А онъ пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ:
А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ,
Они грозному царю да надсмѣхаются:
«Не бывать нашей Казани да за бѣлымъ царемъ!»
Какъ тутъ государь царь Иванъ Васильевичъ
Государь царь поразгнѣвался,
Что подрывъ-то такъ долго медлится,
Приказалъ тутъ онъ да пушкарей казнить,
Всѣхъ подкопщичковъ да й зажигальщичковъ.
Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися,
Призадумалися да запечалилися.
А одинъ пушкарь поотважился,
Говоритъ пушкарь да таково слово:
«Ты позволь государь слово выговорить!»
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Какъ тутъ догорѣли зажигальнія свѣчи,
Вдругъ разорвало бочки съ порохомъ:
Стѣны крѣпости, бросало за Сулай за рѣку.
Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
Говорятъ онѣ татаре таково слово:
— Вѣчно быть нашей Казани подъ святой Русью,
— Подъ святой Русью непобѣдимою,
— Непобѣдимою Богомъ любимою! —

Записано въ Петербургѣ, 24 ноября 1871.

—

161.

ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ.

Посредѣ-ль было московскаго царства,
Середи было россійска государства,
Какъ у свѣта у Архангелы Михайлы,
У Ивана у великаго въ соборѣ,
Зазвонили во большой во колоколъ,
Всихъ князей бояръ къ обѣднѣ созывали.
Тамъ служили святыи молебенъ.
Выходилъ наша надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московской,
Становился государь на ровно мѣсто,
На всѣ стороны онъ поклонился,
Что ни золота труба да вострубила,
Не серебряная полочка звенѣла,
Зговорилъ наша надежа государь царь
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
«Ай же вы мои князья бояра!
«Пособите государю дума думать,
«Дума думать государю не продумать:
«А отдать ли мнѣ-то городъ Смоленецъ?»
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга,
Еще первыи бояринъ выступаетъ
Тимоѳей сударь Ивановичъ Казанской,
Поблизешеньку къ царю онъ становился,
Понизешеньку царю онъ поклонился.
— Ахъ ты свѣтъ наша надежа государь царь
— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій:
— Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
— Не возьми-тко мое слово во досаду,
— Не вели-тко скоро за слово казнити.
— А отдай-ко ты городъ Смоленецъ,
— А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
— Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
— Не московское строеньицо, литовско. —
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще другіи бояринъ выступаетъ,
А Илья сударь Ивановичъ Хованской,
Поблизешенько къ царю онъ становился,
Понизешенько царю онъ поклонился.
«Ахъ ты свѣтъ наша надежа государь царь
«Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!
«Бласлови-тко государь мнѣ слово молвить,
«Не возьми-тко мое слово во досаду,
«Не вели-тко скоро за слово казнити.
«Ты отдай-ко вѣдь городъ Смоленецъ
«А Смоленецъ-то городъ не крѣпокъ,
«Во Смоленцѣ золотой казны немножко,
«Не московское строеньицо, литовско.»
Государь-то вѣдь тѣмъ рѣчамъ не принялся,
Алексѣй сударь Михайловичъ московскій.
Изъ того ли изъ боярскаго изъ круга
Еще третіи бояринъ выступаетъ
А Иванъ сударь Иванычъ Милославской.
Поблизешенько къ царю онъ становился,

пенько царю онъ поклонился.
ты свѣтъ наша́ надежа государь царь
сѣй сударь Михайловичъ московскій!
тдай-ко ты вѣдь города Смоленца,
оленецъ-то вѣдь городъ очень крѣпокъ,
моленцѣ золотой казны безчётно,
итовское строеньице, московско! —
оговоритъ свѣтъ наша надежа государь
царь
і сударь Михайловичъ московскій:
ты храбрыи воинъ
сударь Иванычъ Милославской!
знаешь вѣдь съ царемъ и говорити,
ай туда во полки воеводой!»
тѣхъ бояръ велѣлъ да царь казнити.

ано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

—

162.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

ь со́ловья не зима бы да студеная,
озы бы да вѣдь крещенскіе,
лъ бы я со́ловей по мхамъ, по болотницамъ,
істынимъ да наволочищамъ.
на мо́лодца да не служба бъ государева,
оры вѣдь солдатскіе,—
лъ бы молодецъ по чужей дальней по сторонушкѣ,
ій по свирской по украинѣ.
ошелъ молоде́цъ изъ земли въ землю,
лъ молодецъ къ королю въ Литву.
батюшко да ко́роль по́льскій!
ими молодца́ во слуги-рабы,
ги-рабы прими да хоть во конюхи.»
онюхахъ-то жилъ да цѣло три годы,
лъ молодецъ во царевъ кабакъ,
лъ молодецъ меду сладкаго,
лъ молодецъ пива пьянаго,
сывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
огъ добра мо́лодца миловалъ,
ь молодца да любилъ жаловалъ.
жаловалъ молодца во стольнички.
ольникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
лъ молодецъ во царевъ кабакъ,
лъ молодецъ меду сладкаго,
лъ молодецъ пива пьянаго,
сывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Меня Богъ добра мо́лодца миловалъ,
А король молодца да любилъ жаловалъ.
А пожаловалъ-то молодца во ключники.
Я во ключникахъ-то жилъ да цѣло три годы,
Не ходилъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А не пилъ молодецъ меду сладкаго,
И не пилъ молодецъ пива пьянаго,
Не закусывалъ да бѣлымъ сахаромъ.
Какъ у того короля политовскаго,
Была дочь Настасья красивая.
— Государь-то мой да ко́роль батюшко!
— Ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка. —
Испроговоритъ король политовскій:
«Выбирай себѣ къ кровати кроватничка:
«Хоть изъ князей-то иль изъ бо́яровъ,
«Иль изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
«Или изъ тѣхъ ли поганыхъ татариновъ!»
Испроговоритъ Настасья королевична:
— Мнѣ не надо къ кровати кроватничка
— Мнѣ не съ князей-то, не изъ бо́яровъ,
— Не изъ сильныихъ могучіихъ богатырей,
— А ты дай-ко мнѣ къ кровати кроватничка
— Своего ты любимаго ключничка! —
Я въ кроватничкахъ жилъ да цѣло три годы.
Тутъ зашелъ молодецъ во царевъ кабакъ,
А напился молодецъ меду сладкаго,
А напился молодецъ пива пьянаго,
А онъ самъ говоритъ таково слово:
«Я служилъ королю всѣхъ двѣнадцать лѣтъ:
«Перво три годы служилъ я да во конюхахъ
«Друго три годы служилъ я да во стольникахъ
«Третье три годы служилъ я да во ключничкахъ,
«Четверто три годы служилъ да во постельничкахъ.
«Я тисовоей кроваточки не складывалъ,
«Я пуховоей перинки не растряхивалъ,
«Круто-складняго зголовьица не складывалъ,
«Соболина одѣяльца не натягивалъ,
«А я спалъ-то со Настасьей королевичной,
«А я спалъ у ей да на правой руки,
«Часто я бывалъ да на бѣлой груди!»
Тутъ схватили удалаго молодца,
Повели во тюрьму да богадѣльнюю.
Черезъ три дни молодцу рѣшеньицо
Отрубить-то ему буйна голова.
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Ай же вы палачи политовскіе!
«Вы берите съ меня золотой казны,
«А вы только берите, сколько надобно,
«Вы ведите меня мимо окошечекъ королевичныхъ!»

Закричалъ удалый добрый молодецъ:
«Ты прости прости Настасья королевична!
«А ведутъ меня-то на дощечку да на липову
«Отрубить-то мнѣ да буйну голову!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же вы палачи политовскіи!
— Вы спустите сего удалаго молодца.
— Вы берите съ меня золотой казны,
— А вы только берите, сколько надобно,
— Вы возьмите татарина хоть мертваго,
— А хоть мертваго, да еще мерзлаго,
— Отрубите ему да буйну голову,
— Донесите королю политовскому,
— Что за его поступки неумильныя
— А отрублена ему буйна голова!
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ай же ты удалый добрый молодецъ!
— А есть ли дома у тебя отецъ и мать,
— Есть ли у тебя да молода жена,
— А есть ли у тебя да малы дѣтушки? —
Тутъ проговоритъ удалый добрый молодецъ:
«Есть у меня дома отецъ и мать,
«Есть у меня и молода жена,
«Есть у меня и малы дѣтушки!»
Тутъ проговоритъ Настасья королевична:
— Ты возьми-ко мои золоты ключи,
— Отмыкай мои кованы ларцы,
— Ты бери себѣ да золотой казны.
— Ты только бери, сколько надобно,
— Чтобы было довольно твоимъ да малымъ дѣтушкамъ! —
А тутъ вѣкъ про Настасью старину скажутъ,
Синему морю на тишину
А вамъ всѣмъ добрымъ людямъ на послушаніе.

Записано въ Чолмужахъ, 20 іюля.

—

XXIX.

ІЕВЪ ЕРЕМѢЕВЪ.

Іевъ Еремѣевъ, слѣпой крестьянинъ дер. Кокориной въ Мелой Губѣ, старообрядецъ. Ему 56 лѣтъ отъ роду, но по глубокимъ морщинамъ его лица имѣетъ видъ древняго старика, хотя обладаетъ желѣзными мышцами и страшною силою. Трехъ лѣтъ отъ роду у него отъ оспы вытекли глаза; оставшись въ малолѣтствѣ сиротою, онъ былъ призрѣнъ добрыми людьми, но какъ скоро подросъ, началъ кормиться собстве работой. «Своими трудами праведными» мѣевъ устроилъ себѣ, съ теченіемъ вре домъ и хозяйство; не смотря на слѣпоту, стоянно ѣздитъ на рыбную ловлю, правитъ кою и всѣмъ распоряжается самъ безъ ч помощи и знаетъ такъ хорошо мѣста въ о что къ нему обращаются за совѣтами, как опытному лоцману. Еремѣевъ слыхалъ бы отъ матери и отъ стариковъ и случайно у жалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ памяти, но недосугъ было заниматься этимъ дѣломъ.

—

163.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Какъ во стольномъ было городи во Кіевѣ
Былъ бы молодой Добрынюшка Микитиницъ.
Былъ охвоцъ Добрыня за охвотою гулять,
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Встаетъ онъ по утрышку ранехонько
Умывается онъ да бѣлехонько
Снаряжается онъ хорошонько,
Убиралъ онъ своего добра коня
Во свое сѣделышко черкаское,
Взялъ съ собой онъ тугой лукъ розрывчатой
Да поѣхалъ добрый молодецъ во чисто поле
лять
За своей охвотой молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
И заѣхалъ онъ въ Маринкину во улицю.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны
На ей на косищатомъ окошечкѣ
Сидѣло два сизыихъ два голуба.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Онъ натягиваетъ тугой лукъ розрывчатой
И накладывалъ онъ стрѣлочку каленую,
Спущаетъ во сизыихъ во голубовъ.
Не летѣла стрѣлочка каленая,
Не летѣла во сизыихъ во голубовъ,
Пролетѣла стрѣлочка каленая
Къ душкѣ ко Маринкѣ во высокъ теремъ
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Скоро онъ скочилъ да со добра коня,
Скоро онъ пошолъ да по переходамъ,
Поскорѣе того по новымъ синямъ,
Буде во палаты бѣлокаменной.

тить Добрыня лица бѣлаго,
тится Добрыня чудну образу,
ою онъ стрѣлочку каленую.
арника дочь Игнатьевна
рила таково слово:
ъ Добрынюшка Микитиницъ!
Богу да не молишься,
Маринкою целомъ не бьешь?»
Добрыня сынъ Микитиницъ:
сука-блядь Маринка дочь Игнатьевна!
а во городѣ жалищица,
въ городу ты кровопивчица
извела ты безповинныихъ головъ,
хошь Добрынюшку ты ѝзвести! —
твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекнуться тѝ будётъ!—
Взялъ онъ свою стрѣлочку каленую,
Пошолъ со палаты бѣлокаменной.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
Брала ножище кинжаловое.
Подрѣзала слѣды-то Добрынины.
А й душа Добрынюшка Микитиницъ
Ѣздилъ онъ по далечу чисту полю
И поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Стала тутъ Добрынюшку тоска ушибать,
Онъ заѣхалъ во Маринкину во улицю,
Скоро онъ скочилъ да со добра коня,
Поскорѣе того по переходамъ,
Будетъ во палаты бѣлокаменной
Крестъ онъ кладетъ по ученому,
Онъ поклоны ведетъ по писаному
Молится Добрыня, поклоняется
На всѣ на четыре онъ на стороны
А души Маринки онъ въ особину.
Душка Маринка дочь Игнатьевна
А грубá сидитъ да съ мѣста нé стаетъ,
Съ мѣста нé стаетъ, сама целомъ не бьетъ,
Сама говорила таково слово:
«Ну когды Добрыня-то на своей воли гулялъ,
«Нынечэ Добрыня на моихъ рукахъ!
«Захочу, Добрынюшку я обверну.
«Обверну Добрыню я сорокою,
«Обверну Добрыню я вороною,
«Обверну Добрынюшку я свиньею,
«Обверну Добрынюшку гнѣдымъ туромъ!»
Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да свиньею
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
У ней было въ поли тридевять туровъ,
Сбылся въ поли тридесятый туръ.
Рожки у тура да въ золоти,
Ножки у тура да въ серебри,
Шерсть на туру да рыта бархату.
Добрынина ~~сестрица-та родимая~~
Ждётъ она братца да родимаго,
Сама говорила таково слово:
«Никакъ это дѣло есте нé плохо!»
Обернулася сестрица-та сорокою
Полетѣла она во Маринкину во улицю,
Къ душкѣ ко Маринкѣ дочь Игнатьевной,
Сѣла на косивчато окошечко,
Сама говорила таково слово:
— Охъ ты сука-блядь Маринка дочь Игнатьевна!
— Ты была во городѣ жалищица,
— Была въ городу ты кровопивчица,
— Много извела ты безповинныихъ головъ,
— Моего хошь братца ныньче ѝзвести!
— Да не твой е кусъ, да не тебѣ е съисть,
— Хоте буде съѣшь, да ты подавишься,
— Хоте буде глонешь, заклекнуться тѝ будётъ!
— Захочу Маринку-ту я обверну,
— Обверну Маринку я сорокою,
— Обверну Маринку я вороною,
— Обверну Маринку-ту я свиньею
— Да спущу Маринку-ту по Кіеву гулять! —
А й душа Маринка дочь Игнатьевна
Давала-то ей заповѣдь великую
Отвернуть ей братца да по старому,
Да по старому братца по прежному.
Обернулася Маринка-та сорокою,
Полетѣла въ далече чисто поле,
Будетъ-то далече далéче во чистомъ поли
У тыхъ у туриныихъ у пастыревъ,
Сѣла ко Добрынюшкѣ Микитичу,
Сѣла на плечко на правое,
Говорила она таково слово:
«А й душа Добрынюшка Микитиничъ!
«А давай-ко ты мни заповидь великую,
«Возьми ты Маринку мене за себе.
«Отверну Добрыню я по старому,
«А по старому Добрынюшку по прежному.»
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ давалъ ей заповѣдь великую
Взять Маринку-ту онъ за себе.
Она стала-то Добрынюшку отвёр~~тывать~~,
Отвернула-то Добрыню да сорокою,
Отвернула-то Добрыню да вороною,
Отвернула-то Добрынюшку да свиньею,
Отвернула-то Добрынюшку по старому

Да й по старому Добрынюшку по прежному,
Они пóшли къ городу ко Кіеву.
Они стóлы столовали да й пиры пировали.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ Маринку онъ да зá себе.
Пошли въ теплую во ложню спать.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Взялъ съ собой саблю-ту вострую
Отрубилъ Маринкину буйную голóву.
А й душа Добрынюшка Микитиничъ
Онъ стаётъ по утрышку ранёшенько,
Умывается онъ да бѣлёшенько,
Спаряжается онъ хорошохонько,
Онъ сбѣраетъ попóвъ протопóповъ всѣхъ,
Самъ говорилъ да таково слово:
— Вечоръ былъ Добрынюшка женáтъ нё холóстъ,
— Нынече Добрынюшка холóстъ нё жёнатъ,
— Óтрубилъ Маринкину буйнýю голову! —
Собѣралися попы протопопы всѣ,
Дѣлали óгни палящіи,
Рыли Маринкино бѣло тѣлò
На эти на óгни на палящіи.
Какъ у душки у Маринки дочь Игнатьевны
Во всякоемъ суставѣ по змѣёнышу,
По змѣёнышу да й по гадёнышу.

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

164.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
Заводилъ государь свой почéстный пиръ
Нá всѣ на князя, на бóяра,
На сильныи могучіи богатыри
И нá всѣ поляницы на удалыи.
Красное солнышко на вечéри,
Почестный пиръ идётъ на вéсели.
Всѣ на пиру наѣдалися
И всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильный хвастатъ своей силою,
Богатый хвастаетъ золотой казной,
Глупый хвастатъ молодой женой,
А разумный хвастатъ своей матушкой.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Да было Катерина Блудовáя жена.
Она говорила таково слово:
«Ай же ты Чайна Чусовна!
«У тебя есть дочка на выдáванью,
«У меня есть сынъ холостъ, не женатъ,
«Сдѣламъ мы съ тобой свáтовство.»
Говорила ей Чайна Чусовна:
— Ой ты Катерина Блудовá жена!
— Мы есть роду княженецкаго,
— Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— А вы есть роду каличьяго,
— Да й каличьяго роду вѣковѣчнаго.
— Но и мóлодой Катёнко Блудовскій
— Ѣзди по дáлечу чистý полю,
— Ищетъ кусá перехватнаго,
— Вó что бы Катенку подáвиться было! —
Эта Катерина Блудовá жена,
Сполъ-пиру она й вóнъ пошла.
Ѣздетъ во дáлече чистóмъ полѣ,
Стрѣтаетъ ей Катёнке Блудовской.
«Что же, родитель моя матушка!
«Съ пиру идешь кручиновато.
«Але мѣсто въ пиру было тебѣ не пó люби,
«Але ѣста тебѣ во пиру былá не пó мысли,
«Але пьяница тебя обезчестила,
«Але голь надъ тобою надсмѣяласи?»
Говорила Катерине Блудовáя жена:
— Мѣсто въ пиру было мнѣ пó люби,
— И ѣста въ пиру мни была пó мысли,
— Да и пьяница меня не обезчестила,
— Да й голь надо мной не надсмѣяласи, —
— А надсмѣяласи Чайна Чусовна.
— Дѣлала я съ ней сватовство,
— Она говорила таково слово:
— «Мы есть роду княженецкаго,
— «Княженецкаго роду вѣковѣчнаго,
— «А вы есть роду каличьяго,
— «Каличьяго роду вѣковѣчнаго.
— «Мóлодой Катёнке Блудовской,
— «Ѣзди по далечу чисту полю,
— «И ищетъ кусá перехватнаго,
— «Вó что бы Катенку задавиться бы былó.»
Говорилъ Катёнко ей Блудовской:
«Ай же родитель моя матушка!
«Ѣшь и пей, Богу молись и поди спать ложпе!
«Утро мудро, день прибыточенъ!»
Эта темная ночка на проходъ прошла.
Мóлодой Катёнко Блýдовской
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Умывается онъ бѣлешенько,
Спаряжается онъ хорошехонько.
Убиралъ онъ своего добра коня

Во свое сѣделышко черкасское.
Поѣхалъ добрый молодецъ въ чисто́ поле гулять,
За своей охвотою молодецкою,
Молодецкою охвотой богатырскою.
Взялъ онъ съ собой палицю булатную,
Да заѣхалъ онъ ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Ударилъ палицой по терему,
Теремъ палъ и загородь поломалъ,
И вышибло ворота середи́ двора,
Середи двора княженецкаго,
Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.
Ай же тутъ Чайна Чусовна
Са́ма говорила таково слово:
— Ужо Господи-свѣтъ милосердный́й Богъ!
— Не было ни вѣтра, ни ви́хоря,
— Теремъ палъ, загородь поломалъ
— И вышибло ворота середи́ двора,
— Середи двора княженецкаго,
— Княженецкаго двора вѣковѣчнаго. —
Ей была дочка любимая,
Она говорила таково слово:
«Ай же родитель моя матушка!
«Не было ни вѣтра, ни вихоря,
«Ѣхалъ Катёнке Блудовской
«И ударилъ палицей по терему.
«Теремъ палъ и загородь поломалъ,
«Вышибло ворота середи двора,
«Середи двора княженецкаго,
«Княженецкаго двора вѣковѣчнаго.»
Она была жонка упрямая,
Упрямая жонка богатая.
Нанимала бурлако́въ пятьсотъ чедовѣкъ,
И давала бурла́камъ пятьсотъ рублей.
— Ай же бурлаки вы вольница!
— Сходите во да́лече чисто́ поле,
— Тамъ увидите Катёнка Блудовска.
— Приведите вы на мои бѣлы́ руки,
— Я-то ему жону голико́мъ посѣку! —
Ай же бурлаки вольница,
Собирались они пятьсотъ человѣкъ,
И брали они пятьсотъ рублей.
Пошли во да́лече чисто́ поле,
Тамъ увидѣли Катёнка Блудовска.
Говорилъ Катёнке имъ Блудовской:
«Ай же бурлаки вы вольница!
«Если смерти вы рады, такъ ступа́йте сюда.
«Пожить вамъ охвота, такъ вы про́чь бѣги.»
Они увидѣли бѣду всѣ немину́чую,
Да затыкнули жону всѣ онучами,
Побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ.
Говорили онѣ Чайнѣ Чусовнѣ:
— Мы видѣли Катёнка Блудовска,
— Говорилъ Катёнке намъ Блудовской:
— «Ай же бурлаки вы во́льница!
— «Если смерти вы рады, такъ ступайте сюда,
— «Пожить вамъ охвота, такъ вы про́чь бѣги!»
— Мы увидѣли бѣду́ всю неминучую,
— Да затыкнули жону всѣ онучами
— И побѣжали ко Чайнѣ ко Чусовнѣ. —
Говорила имъ Чайна Чусовна:
«Ай же бурла́ки вы вольница!
«Подите во да́лече чисто́ поле.
«Вы увидите Катёнка Блудовска,
«Вы скажите Катёнку Блудовску:
«— Сдѣламъ мы съ нимъ сва́товство.» —

Записано тамъ же, 30 іюня.

—

165.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Московско царство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ люди были ка́зненныи,
«А неѐднова людей въ Москвѣ не ка́знено.»
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной,
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,
«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ,
«Дайте мнѣ на́ руки измѣнщика!»
И произитъ государь тако третій разъ.
Московско царьство все смутилося,
Царско сердце разгорѣлося,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Ходи по полатѣ бѣлокаменной
Бѣлыма руками помахивайтъ,
Копьемъ на ворота самъ подписывайтъ.
«Вывелъ я измѣну-ту изо́ Пскова,
«И вывелъ я измѣну изъ Ту́рскова,

«Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы.
«Всѣ въ Москвѣ были люди ка́зненые,
«И не е́днова людей въ Москвѣ не ка́знено.
«Дайте-ко мнѣ на руки измѣнщика,
«Кто измѣну́лъ въ каменной Москвѣ!»
Всѣ палачи поразбѣгались,
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Выскакивалъ въ полату бѣлока́менную.
— Я-то вѣдь вѣдаю измѣнщика!
— Измѣну́лъ у насъ въ каменной Москвѣ
— Мла́дой царь Ѳеодоръ Ивановичъ! —
Тутъ злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Взялъ Ѳеодора за́ руки,
За тѣи за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни́ за злачеными,
Повелъ на боло́то на житницу
Къ этой ко казени ко смертноей.
Ево родитель матушка
Побѣжала къ Микитѣ Романовичу.
Не креститъ она лица бѣлаго,
Не молится чудну образу,
Сама говорила таково́ слово:
«Ай же Микита Романовичъ,
«Братецъ ты мой родимый!
«Ѣшь и пьешь и тѣшишься,
«Надъ собой незгоды не вѣдаешь.
«Твоего любезнаго племницка,
«Давно его и жива нѣтъ.
«Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
«Увелъ на болото на житницу,
«Ко тоей ко казени ко смертноей,
«Къ этой ко кончинѣ ко послѣдней.»
Этотъ Микита Романовицъ
Скоро скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Шубу надѣлъ рукавомъ на́ голову,
Скочилъ въ конюшню бѣлоду́бовую,
Тамъ взялъ жеребчика неѣзжанаго,
И не ѣзжана жеребчика и не сѣдланаго.
Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
Буде на болотѣ на житницѣ.
Держитъ онъ Ѳедора за руки,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ужъ ты мла́дой царевицъ Ѳедоръ Ивановицъ!
— Скажи-ко ты мнѣ, попровѣдай-ка:
— Нынече смерть тебѣ скорая,
— Теперь кончина тебѣ послѣдняя.
— Кому оставишь золоты́ ключи,
— Кому ты оставишь золоту́ парчу,
— Кому оставишь платье цвѣтное,
— Кому оставишь всѣхъ добры́хъ коней? —
Говорилъ ему младой царевицъ Ѳедоръ Ивановичъ:
«Ужъ ты злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
«Да былъ бы я на тво́ей бѣло́й груди,
«Не спрашивалъ бы тво́ей золотой парчи,
«И не спрашивалъ бы твоихъ золоты́хъ ключи,
«И не спрашивалъ бы твое платье цвѣтное,
«Отрубилъ бы тебѣ буйну го́лову!»
А й же Микита Романовичъ
Ѣхалъ по да́лечу чисту́ полю,
Рукой махалъ и голосомъ кричалъ:
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ!
— Не́ убей любезнаго племницка,
— Не твой с кусъ, да не тебѣ и съись.
— Хо́те буде и съѣшь, да подавишься,
— Да хоте буде и глонешь; да заклекну́ться будетъ. —
Будетъ онъ на болотѣ на житницѣ,
Взялъ онъ Ѳедора за руки,
За тѣ за ручки за бѣлыя,
А'що за перстни за злачеными,
Цѣловалъ во уста во саха́рніи,
И поѣхали они къ каменно́й Москвѣ.
Эта темная ночка она на прохо́дъ прошла.
Этотъ Микита Романовичъ
Встаетъ онъ по утру ранешенько,
Пошелъ къ грозному царю ко Ивану ко Васильевичу
Подъ его косивчато окошечко.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Тоже встаетъ по утру ранешенько,
Сѣлъ онъ подъ косивчато окошечко,
Жалешенько самъ порасплакался:
— Потухла заря свѣтло-вечорная,
— Не видать ни краснаго солнышка,
— Младого царевича Ѳедора Ивановича.
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казени ко смертныя,
— Къ этой кончинѣ ко послѣдней! —
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Надѣвалъ платьице опальное,
Сбѣралъ онъ поповъ и протопоповъ всѣхъ.
Пошли во церковь во Божію
Слу́жить молебены великіе.
Этотъ Микита Романовичъ
Надѣвалъ онъ платьице что лучшее,
И пошелъ во церковь во Божію.
Взялъ онъ любезнаго племницка,
Оставилъ на крылечкѣ бѣлоду́бовымъ,
Прі́шелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На этого на Микиту Романовича,

Самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старый собака, сѣдатый пёсъ!
— Такиль ты надо мною надсмѣхаешься?
— Иль надъ собою незгоды не вѣдаешь?
— Твоего любезнаго племничка
— Давно его и жива́ нѣту!
— Злой Малюта сынъ Скуратьевичъ
— Увелъ на болото на житницу,
— Ко тыей ко казни ко смертноей,
— Ко этой кончинѣ ко послѣднеей: —
Говорилъ Микита Романовичъ:
«Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Не вели-ко ты́ суда́рь меня скоро́ казнить,
«Только вели мнѣ государь слово вымолвить!
«Что тому буде, кто жива найдетъ?»
Говорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Я дамъ тому села со приселками,
— Да дамъ города съ пригородками,
— И дамъ золотой казны по на́добну.
— Перво мѣсто подли́ меня,
— И дру́гое мѣсто проти́въ меня,
— А третье гдѣ тому и на́добно. —
Этотъ Микита Романовичъ
Скочилъ на крылечко бѣлоду́бово,
Взялъ онъ Ѳедора за руки,
Своего любезнаго пле́мницка
Привелъ во церковь во Божію.
Взглянулъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На своего́ сына любезнаго,
Самъ онъ говорилъ таково слово:
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— Братецъ ты мой богоданный!
— Я дамъ тебѣ села со приселками,
— И дамъ города съ пригородами,
— И дамъ золотой казны по на́добью.
— Первое мѣсто подли́ меня,
— Дру́гое мѣсто противъ меня,
— Тре́тье гдѣ тебѣ и надобно! —
Говорилъ Микита Рома́новичъ:
«Не надобно мнѣ селъ съ присёлками,
«Не надобно городовъ съ пригородками
«Да не надо и золотой казны по надобью.
«Только дай-ко Микиты таково́ слово:
«Кто голову убьетъ, или жону уведетъ,
«Того у Микиты и Богъ проститъ.»

Записано въ Горскомъ, 1 іюля.

—

166.

КОСТРЮКЪ.

Задумалъ царь государь,
Задумалъ женитися,
Во земли во невѣрныя.
Бралъ шурина любезнаго,
Та́ко бралъ во приданыихъ
Молода́ Кострюка́ Мастрюка́,
Молода Чемерю́ковица.
Этотъ ли мла́дъ Кострюкъ,
Молодой Чемерю́ковицъ,
Сидитъ за дубовы́мъ столомъ,
Хлѣба соли онъ не кушаетъ
И бѣлой лебеди не рушаетъ.
Говорилъ ему царь государь:
«Ай же ты младъ Кострюкъ,
«Молодой Чемрю́ковицъ!
«Что же хлѣба соли не кушаешь,
«И бѣлой лебеди не рушаешь?»
Говорилъ ему младъ Кострюкъ,
Молодой Чемерюковицъ:
— Ай же ты царь государь!
— Дай же ты мнѣ-ко борцовъ,
— Да и дай удалыхъ молодцовъ,
— Все названыихъ ма́стеровъ! —
Государь припечалился,
Послалъ молоды́хъ пословъ,
Послалъ по всёй орды,
И кричать во всё горло,
Покликивать имъ борцовъ,
И борцовъ удалыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Эти молоды́ послы
Пошли по всёй орды
Кричать во всё горло
И покликиваютъ онѣ борцовъ,
Да и борцовъ уда́лыхъ молодцовъ,
Все названыихъ ма́стеровъ.
Сошлись на единый дворъ
Одинъ Сенюшка маленькій,
Другой Васенька невеликъ тоже былъ,
Два братца родимыихъ.
Говорятъ таковы́ словеса:
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборо́тися.
«Да й пойдемъ съ молоды́мъ покидатися.»
Эти мла́ды послы
Пошли въ полату бѣлокаменную,
Во гридню столовую,

Говорятъ таковы словеса:
«Ай же ты младъ Кострюкъ
«Молодой Чемерюковицъ!
«Тебѣ хлѣбъ соли есть на́ столи
«Да и Богъ-отъ есть на́ стѣни,
«А борцы на широ́комъ дворцы.»
Этотъ младъ Кострюкъ
Молодой Чемерюковицъ
Скочилъ изъ-за дубова́ стола,
Задѣлъ ножкой за скамеечку:
Пятьдесятъ-то Тата́ръ онъ убилъ,
И пятьдесятъ онъ бояръ погубилъ.
Выходитъ на крылечко бѣлоду́бовое,
Взглянулъ на широкій дворъ,
Говорилъ таковы словеса:
— Это-то есть мнѣ не́ борцы,
— Да й то не удалы́ молодцы!
— Я бра́тца во ру́ку возьму,
— Да й другаго во дру́гу возьму,
— Я братцями вмѣсто хлесну,
— У нихъ кости расхлѣбаются,
— И всѣ суставы разсыплются. —
Одинъ Сенюшка маленькій
Говорилъ таковы́ словеса:
«Ужъ ты братецъ родимый мой!
«У тебя силы есть съ два́-то меня,
«А смѣлости въ по́лъ меня.
«Мы пойдемъ съ Кострюкомъ поборотися,
«Мы пойдемъ съ молодымъ покидатися!»
Пошли съ Кострюкомъ поборотися,
Пошли съ молодымъ покидатися.
Разъ-то Кострю́къ поборолъ
Да й другой разъ Кострюкъ поборолъ,
Тако третій разъ Ко́стрюка,
Тако третій разъ мла́даго,
Они силу его смятили,
Да и брали тутъ Ко́стрюка
На ручки на бѣлыи,
Кидали тутъ Ко́стрюка
Выше церкви соборныя
Со кресты Лева́нидовы.
Палъ тутъ мла́дъ Кострюкъ,
Онъ палъ о сыру́ землю.
Рубашка-та трёснула
И на себѣ кожа лопнула,
Онъ свой со́ромъ долонью закрылъ,
И побѣжалъ съ каменной Москвы,
Говорилъ таковы словеса:
— Не дай-ко мнѣ Господи
— Въ каменной Москвѣ по́бывати,
— Да й борцовъ поотвѣдывати,
— Да й борцовъ удалыхъ молодцовъ,
— Все названыхъ мастеровъ.
— Не дѣтямъ, не внучатамъ,
— Да не роду нашему Карачанамъ *). —

Записано на Онегѣ, 30 іюня.

—

167.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Покрай моря, моря синяго,
Покрай моря ай веряжскаго,
Покрай синяго моря веряжскаго.
Тамъ стояла да хоромина некрытая,
А некрытая хоромина не мшовая.
Тамъ жила была вдова благочестивая,
Было́ у вдовушки девять сыновъ,
Во десятыхъ была одинокая дочь.
И эти всѣ сынова́ въ разбо́й пошли,
Оставалася дочка единёшенька.
Какъ изъ-за синяго моря веряжскаго,
Наѣхали на дочку къ нею сва́това,
Она выдала дочку за синё море,
За этого за гостя за торговаго.
Она тамъ годъ жила не стоскулася,
Другой жила въ умѣ не было,
На третій на годочекъ стосковалася,
Она у́ мужа у свѣта подавалася,
У всёй семьѣ здоложилася.
Состроилъ ей мужъ червончатый корабъ,
Онъ носъ дѣлалъ по змѣиному,
Корму дѣлалъ по звѣриному,
Носъ грузилъ чистымъ се́ребромъ,
Середочку грузилъ краснымъ золотомъ,
Корму грузилъ скатнымъ жемчугомъ.
Онѣ сѣли съ мужемъ въ лодочку и поѣхали.
Тутъ не тёмная ноченька сустигла ихъ,
Не частыи дождики обсыпали,
Наѣхали воры разбойники,
Онѣ гостя торговаго зарѣзали,
Зарѣзали и въ воду бросили,
Онѣ жоночку рязапочку въ полонъ брали,
Въ полонъ брали обезчестили.
Всѣ эти разбойнички спать легли,
Меньшій разбойничекъ не спитъ, не лежитъ,

*) Что значитъ «Карачанамъ» пѣвецъ не умѣлъ хорошенько объяснить и сказалъ только, что такъ называется какая-то земля. Онъ растолковалъ при этомъ, что Кострюкъ былъ «полянница, т. е. дѣвица.»

:инть не лежитъ думу думаетъ,
оночки рязаночки выспрашиваетъ:
ажи жоночка рязаночка съ коёй орды,
коёй орды, съ коёй страны?»
'жъ мы жили жили по край моря,
Іокрай синяго моря веряжскаго.
'амъ стояла хоромина не крытая,
Іс крытая хоромина не мшоная.
Во той было хоромине некрытоей
Кила была вдова благочестивая.
Было у вдовушки девя́ть сыновъ,
Во десятыихъ была одинокая дочь.
' ней всѣ сынова̀ во разбой пошли,
Оставаласи дочка одинёшенька.
Изъ-за синяго моря веряжскаго,
Іаѣхали на дочку къ ней сва́това.
Она выдала дочку за синё море,
За этого гостя за торговаго. —
ь разбойничикъ расплакался.
ставайте-ко братцы родимыи!
і не гостя торговаго зарѣзали,
рѣзали и въ воду бросили,
і зарѣзали зятя любимаго.
жоночку рязапочку въ поло́нъ брали,
полонъ брали и обезчестили,
езчестили сестрицу родимую.»

писано тамъ же, 30 іюня.

—

XXX.

ПРАСКОВЬЯ МАКАРОВА и ПРАСКОВЬЯ ПОЛУЕКТОВНА ПАСТУХОВА.

Прасковья Макарова и Прасковья Полуектовна Пастухова, крестьянки дер. а въ Чоргѣ-Губѣ, лѣтъ подъ 30, поютъ на дѣлкахъ былины и разные духовные стихи, рымъ выучились отъ родителей. Былины, ь записанныя, пѣлись ими хоромъ вмѣстѣ съ тьянкою дѣвушкою, сестрою Пастуховой.

—

168.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

году Добрынюшка ключничалъ,
о три Добрыня подворотничалъ,
етье три Добрынюшко пиръ держалъ.
ѣ Добрынѣ счастья не пришло,
ь говоритъ таково слово:
«Ай же ты родитель моя матушка,
«Честна́ вдова Афимья Александровна!
«Безчастнаго Добрынюшку споро́дила,
«Безчастнаго Добрыню, безталаннаго.
«Ты бы силою, родитель, бы спородила
«Во сильныихъ могучіихъ бога́тырей,
«Смѣлостью, родитель, бы спородила
«Во смѣлаго Олёшенку Поповича,
«Таланомъ бы, родитель, спородила
«Во тыихъ купцовъ во заморскіихъ,
«Ты походочкою въ родителя спородила
«Во того родителя батюшку,
«Красотою бы, родитель, ты спородила
«Во Осипа того прекраснаго.
«А нѣтъ, такъ бы, родитель, спородила
«Катучіимъ валучимъ бѣлымъ камешкомъ.
«Завернула бы этотъ камешокъ въ полотнушко,
«Спустила бъ этотъ камешокъ въ синё морё,
«Пусть бы онъ катался, валялся
«Отъ нынѣ да, сударь, вѣку.»
Ай мать ему да отвѣтъ держитъ:
— Ай же ты рожоно мое ди́тятко,
— Ты ай Добрынюшко Микитиничъ!
— Мать пришла не Богородица,
— Рукамы я наладити тебя не́ могла.
— Какого мнѣ-ка Господь Богъ далъ! —
Это-то Добрынюшкѣ словечушко во гнѣвъ пришло,
Во гнѣвъ пришло и во претъ пришло.
Выходилъ Добрынюшка на ши́рокъ дворъ,
Отворялъ конюшенку стоялую,
Вынималъ лошадушку ѣзжалую,
Своего ли бу́рушка косматъ'вича.
Засѣдлалъ сѣделышко черкаское,
Двѣнадцать подпружковъ шелко́выихъ,
Ай не нашего шёлку заморьскаго,
Заморьскаго шолку китайскаго.
Въ воротахъ стоитъ Добрынина матушка,
Еще стоитъ молода̀ жена,
Сами говорятъ таково слово:
«Ты ай ли Добрынюшко Микитиничъ!
«И скоро ли ты домой будёшь,
«Ты домой будешь да поворотъ держишь?»
— Жена моя Настасья Микулична! *)
— Ты жди-тко меня три года.
— А я три года не буду, такъ дру́го три,
— А друго не буду, такъ еще жди тре́тьё три.
— А третьё три не буду, хоть вдовой живи,
— Хоть вдовой живи, хоть заму́жъ поди.

*) Сестреника была ея Василиса Микулична.

— А только не ходи за смѣлаго Олешеньку Поповича.
— Олешенька Поповичъ мнѣ крестовый братъ,
— Мы съ нимъ златыма крестама побратались,
— Злачеными крестама помѣнялись. —
Видѣли Добрынюшку тутъ сядучи,
А не видѣли Добрынюшки поѣдучи,
Подымулъ Добрынюшко ку́рево,
Ай курево Добрынюшко ма́рево,
Отъ неба до́ земли, о́тъ земли до́ неба.
Пріѣхалъ онъ во да́лече чисто́ поле.
Тутъ его Добрынина матушка,
Еще Добрынина молода жена,
Шли оны во высо́къ терёмъ,
Жалешенько оны пороспла́кались.
«Закатилось наше красное солнышко,
«Ай за мхи, болота, за топучіи,
«И за эты горушки высокіи,
«И за тыи лѣсушки темныи!»
Ай пріѣхалъ Добрынюшка Микитиничъ
Во далече чисто́ поле.
И сидитъ тутъ птица черна во́рона,
И онъ натягивалъ свой ту́гой лукъ,
Накладывалъ свою да калену́ стрѣлу.
Ужъ онъ хочетъ пострѣлить птиченку да черна во́рона.
Сироговоритъ тутъ птиченька черно́й воронъ
Тымъ язы́комъ человѣческимъ:
— Ай же ты Добрынюшко Микитиничъ!
— Не убей ты меня птицы черна ворона,
— Не пролей ты крови воро́ньей,
— Воро́ньей крови напрасноей!
— Не укротить тебѣ богатырскаго ретливаго сердечушка!
— Ты поди на гору на Яичкину,
— По́глянь-ко подъ сторону подъ сточную.
— Тамо стоитъ сила невѣрная,
— Ай невѣрна сила поганая,
— Людямъ тамо да проходу нѣтъ,
— Птиченки да пролету нѣтъ,
— Звѣрю тамо да пробѣгу нѣтъ,
— Добрымъ молодцамъ проѣзду нѣтъ. —
И тотъ Чурилушка Плёнковичъ,
И старый казакъ Илья Муромедъ,
Еще Добрынюшка Микитиничъ,
Ай Алешенка По́повичъ,
И стали они по силы поѣзживать,
И стали они татаръ потаптывать,
Не оставили силы на сѣмена.
Годъ по году прошло три года.
Тутъ приходятъ отъ Добрынѣ вѣсточки нерадостны,
Ай нерадостны вѣсти невеселыя:
Ле́житъ убитъ Добрынюшка въ чисто́мъ полѣ,
Ручки ножки пораскиданы,
Буйна́ головка поразломана,
Сквозь желтыя кудёрышки
Шолко́вая тра́вушка про́росла,
Ай Добрынюшкинъ конь во му до́ колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Сироговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,
«Ай законный мужъ, вѣнчальный другъ,
«Ты ко мнѣ бѣдной горюшѣ на̀ бесёду не подхаживалъ,
«Ай меня бѣдну горюшу не посватывалъ.
«И спомню я мужнюю заповѣдь,
«И проживу да ужъ я друго три.»
Ай скоро старина-та скажется,
Не скоро времечко сбывается.
Ай годъ по году прошло три году.
Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ говоритъ вѣдь онъ таково слово:
Да нынечку да теперечку
Туть они какъ въ полѣ воевали
И тутъ они сказали:
— И со небесной мы бы силой супротивились,
— А не то что съ силой проклятой! —
Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,
Спустилъ на нихъ столо́пъ о́гненный.
Они какъ столопъ перерублятъ, такъ два́ станетъ,
Два станётъ все поединщика.
Еще перерубятъ, а тутъ три станётъ,
Три станётъ все опять поединщики.
Тутъ они Богу смолилися:
— Намъ бы тое же слово да не такъ сказать! —
Годъ по году прошло опять три года.
Приходятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
Нерадостны вѣсти невеселыя:
Лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
Ручки, ножки пороскиданы,
Буйна́ головка порозломана,
Сквозь желтыя кудерышки
Шелковая тра́вушка про́росла,
А Добрынинъ конь во му до колѣнъ стоитъ.
Сталъ тутъ Алешенька къ Настасьюшкѣ подхаживать,
Сталъ онъ Настасію посватывать.
Сироговоритъ Настасья Никулична:
«Какъ былъ у меня законный мужъ,

конный мужъ, вѣнчальный другъ,
мнѣ бѣдной горюшѣ на бесёду не похаживалъ,
ня бѣдну горюшу не посватывалъ.
мню я мужнюю заповѣдь,
ву да ужъ я третье три.»
жалъ Алешенька Поповичь
лъ отъ ней прочь.
старый казакъ Илья Муромецъ.
о году прошло еще три года.
ъ Добрынюшки вѣсти приходятъ нерадостны.
Олешка Поповичъ сватаетъ.
воритъ таково слово:
былъ у меня законный мужъ
конный мужъ вѣнчальный другъ,
мнѣ бѣдной горюшѣ на бесёду не подхаживалъ.
ня бѣдну горюшу не посватывалъ,
мню я мужнюю заповѣдь.»
приходятъ тѣ же вѣсти,
ятъ отъ Добрынюшки тутъ вѣсточки нерадостны,
стны вѣсти невеселыя:
убитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
ножки пороскиданы,
головка поразломана,
желтыя кудерышки
ая тра́вушка про́росла,
ынинъ конь во мху до́ колѣнъ стоитъ,
о году прошло и двѣнадцать лѣтъ.
алъ Олешенька подхаживать,
ась Настасьюшка замýжъ по́йти.
къ пиркомъ, да за свадебку.
Добрынюшки Микитинича,
за голубка кормлёныихъ,
ныихъ два го́лубка посныихъ,
на ихъ родитель его матушка,
шенько она расплакалась:
ь Добрынюшко Микитиничъ
го́лубковъ кормлёныихъ,
на добра коня, поѣхалъ домой,
алъ ко родители матушкѣ,
ъ къ родители матушкѣ,
оворитъ таково слово:
же ты честна вдова Офимья Олександровна!
смерти Добрынюшко наказывалъ:
тъ во клѣточкѣ на гвоздику,
тъ сафьяныи сапоженки,
сударыня, подай сюда. —

Спроговоритъ честна вдова Офимья Олександровна:
«Ай же ты удалой скоморошище!
«Какъ была бы у меня силушка могутушка,
«Я бы тебя ножикомъ зарѣзала!»
Ай же спроговоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ кунья шубонька,»
— То́, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Виситъ въ клѣточкѣ на гвоздику,
— «Виситъ шапочка собольяя,»
— И то, сударыня, подай сюда.
— Еще при смерти Добрынюшка наказывалъ:
— «Во клѣточкѣ на гвоздику,
— «Висятъ яровчаты гусёлышки,»
— То, сударыня, подай сюда! —
И сокрутился Добрынюшка Микитиничъ,
Пошелъ на почестный пиръ на свадебку.
Приходитъ на почестный пиръ на свадебку,
Крестъ кладетъ по писанному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На три на четыре стороны,
Князю молодому со княгинею въ особину.
Вси есть мѣстечка призаняты,
Одно то мѣстечко на кирпичной печкѣ.
А садился тутъ Добрынюшка да на кирпичной печь,
Сталъ ёнъ во гуселышки выигрывать.
Догадалась Настасья Микулична,
Сама говоритъ таково слово:
«Удалому скоморошищу
«Поднесемъ чару зелена вина!»
И наливала чару зелена вина,
Вѣсомъ чара полтора пуда,
А мѣрой чара полтора ведра.
Возымалъ Добрыня единой рукой,
Выпивалъ Добрыня во единый здухъ.
Тутъ спустилъ свой злаченый перстень,
Спустилъ во чару зелена вина,
И поднесъ Настасьѣ Микуличной,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Микулична!
— Ужъ ты выпьешь до дна, ты увидишь добра,
— А не выпьешь до дна, не увидишь добра! —
И выпила Настасья Микулична,
Увидала вѣдь свой перстень обрученой,
Сама говоритъ таково слово:
«Не тотъ мой мужъ, который за столомъ сидитъ,

«А тотъ мой мужъ, который на кирпичной печь.»
Она и вышла зъ-за дубова́ стола.
«Прости меня Добрыня Микитиничъ!
«У бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туда умъ понесетъ,
«Ай мужъ по дрова, да жена за мужъ пошла!»
Скочилъ Добрынюшка Микитиничъ,
Схватилъ Олешеньку Поповича,
Схватилъ за желты кудри,
Бросилъ о ду́бовъ полъ.
Только Олешенька женатъ бывалъ.
Спрого́воритъ Олешенька Поповичъ:
— И всякій-то на свѣтѣ женится,
— Не всякому женидьба удавается.
— Только удалась женидьба
— Ставру Годиновичу, да Добрынюшкѣ Микитичу. —

Записано тамъ же, 1 іюля.

—

169.

СТАВЕРЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя у Владиміра
Да былъ присобранъ почестный пиръ
На вси на князи на вси бо́яра,
На вси гостюшки столовыи,
На вси людюшки торговыи,
На вси поляницы на удалыи.
И вси на пиру-то наѣдалися,
И вси на пиру-то напивалися,
И вси на пиру-то порасхвастались.
Богатый хвастаетъ золотой казной.
Умный хвастатъ отцемъ-матерью,
А безумный хвастатъ молодой женой
Сильныи Ставёръ сынъ Годиновичъ
Онъ не ѣстъ не пьетъ не кушаетъ,
Ничѣмъ онъ не хвастаетъ.
Испроговоритъ князь стольнё-кіевской:
— Что же ты, Ставёръ сынъ Годиновичъ,
— Что же ты не ѣшь не пьешь не кушаешь,
— И ничимъ же Ставёръ ты не хвастаешь? —
И тутъ добрый молодецъ росхвастался:
«Да есть у меня у добра молодца,
«Золотой казны да у меня и счету нѣтъ,
«Цвѣтныхъ платьицевъ и смѣту нѣтъ,
«Тридевять кобылицъ есть неѣзжаныихъ,
«Тридевять жеребчиковъ некладеныихъ
«Жена у меня Василиста Микулична
«Она Кіевъ градъ ку́питъ-продастъ,
«Самого царя съ ума выведетъ!»
— Ай же слуги мои вѣрныи!
— Во́зьте Ставра̀, подхватите Ставра̀
— Посадите Ставра̀ во глубо́кой погрёбъ
— За него слова неумильніи,
— За него рѣчи неучливыи! —
Взяли Ставра̀, подхватили Ставра̀
Да за не́го за ручки за бѣлыи
За́ него перстни за злачеными,
Посадили Ставра во глубокъ погрёбъ.
При Ставрѣ при Годиновѣ
Былъ молодой Ванюша воръ пова́ренокъ,
Онъ скорешенько садился на добра́ коня,
Поѣзжалъ во городъ во Чернигово.
Пріѣзжаетъ тутъ во городъ во Чернигово
Приходилъ ко Василистиной ко матушки:
«Ай же Василистина матушка!
«Да гдѣ же Василиста Микулична?»
— Василисты Микуличны-то дома нѣтъ,
— Ушла на почестный пиръ на свадебку. —
Онъ приходитъ слѣдъ туда да на почестный пиръ
Крестъ кладетъ по писа́ному,
Онъ поклонъ ведетъ по ученому
На три на четыре на сторонушки,
Князю со княгинею въ особину.
«Ай же Василиста Микулична!
«Ты ѣшь, ты пьешь, да прокладаешься,
«Надъ собою ты незгодушки не вѣдаешь,
«Какъ старыи Ставёръ да сынъ Годиновичъ
«Онъ посаженъ во глубокъ погрёбъ
«За него слова неумильніи
«За него рѣчи неучливыи!»
Скочила она зъ-за дубова́ стола,
Пала она да о бѣлый полъ,
Думала думу ровно три́ часу:
«Силой Ставра мнѣ-ка изъ Кіева не взя̀ть,
«Деньгами Ставра мнѣ-ка не вы́купити,
«Взять не взять Ставра своима догадкама женскима.»
Она волосы брила̀ по турецкому,
Кудёрышки вила̀ по молодецкому,
Штаники одѣла чернобархатный,
А сапожки на ножки зеленъ сафьянъ.
Шиломъ пятики, носы востры,
Около носочка яйчко катить,
А и по̀дъ пяту воробей пролетитъ.
Стала Василиста удали́мъ молодцомъ
Да садилась на добра коня, поѣхала.
Пріѣзжала она да во Кіевъ градъ

ь поставила коня середь широка двора,
вязанаго, непривязаного
никому неприказаного.
ітъ добрый конь, не ворохнется.
кодила тутъ во гридню во столовую.
цывала листъ посольній на дубовъ столъ
а говорила таково слово:
же ты князь стольнё-кіевской,
хотъ въ листъ гляди, хоть за листомъ слушай!
і пришолъ къ тебѣ свататься
твоей любезноей дочери
на младоей Машутѣ Владиміровной.»
ітъ князь, что удалъ молодецъ,
зь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
іде младая Машутка Владиміровна,
а говоритъ да таково слово:
Свѣтъ государь ты мой батюшко,
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
Это, сударь, есте женщина,
да примѣты ейны женскіи:
Ричь-поговоры у нея съ провизгомъ
а походочка у нея частенька,
Она на лавкѣ сидитъ — стёгна жметъ
Стёгна жметъ, живота бережетъ.
Два на двое буде намъ съ тоски померетъ.—
орилъ Владиміръ стольне-кіевской:
жно посла поотвѣдати.»
і борцовъ удалыхъ молодцовъ,
орыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
взяла борца по правую руку,
аго взяла по лѣвую руку,
стала тутъ борцами потаскивать,
ѣмъ борцамъ только можется.
ітъ князь, что удалъ молодецъ,
зь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
іде младая Машутка Владиміровна,
а говоритъ да таково слово:
Свѣтъ государь ты мой батюшко,
Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
Это, сударь, есте женщина,
да примѣты ейны женскіи:
Ричь-поговоры у нея съ провизгомъ
а походочка у нея частенька,
Она на лавкѣ сидитъ — стёгна жметъ
Стёгна жметъ, живота бережетъ.
Два на двое буде намъ со тоски померетъ.—
орилъ Владиміръ стольне-кіевской:
жно посла поотвѣдати.»
і стрѣльцовъ, удалыхъ молодцовъ,
Которыхъ лучше во Кіевѣ нѣтъ.
Одинъ стрѣлилъ не дострѣлилъ,
Другой стрѣлилъ перестрѣлилъ.
А Василиста Микулична стрѣлила
Да во цѣлочку попала.
Видитъ князь, что удалъ молодецъ,
Князь бы далъ, да посёлъ бы взялъ,
Не идё млада Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской,
— Не отдай-ко дѣвчину за женщину!
— Это, сударь, есте женщина,
— Да примѣты ейны женскіи:
— Ричь-поговоры у нея съ провизгомъ
— А походочка у нея частенька,
— Она на лавкѣ сидитъ — стёгна жметъ
— Стёгна жметъ, живота бережетъ.
— Два на двое буде намъ со тоски померетъ.—
Говорилъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Можно посла поотвѣдати.
«Мы постелемъ мягку пухову постель,
«Кладемъ круто складно зголовьицо,
«Буде стане подъ плечма ямина — мужчина будетъ,
«Буде стане подъ жопой — женщина.»
И они стлали мягку пухову постель
Положили круто складно зголовьицо.
Куда бы повалиться буйной головой
Она тутъ жопой повалилася.
По утру пришла Машутка Владиміровна,
Сама говоритъ да таково слово:
— Свѣтъ государь ты мой батюшка
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Тутъ гдѣ бы спать головой, тутъ жопой спано.
— Не отдавай мене дѣвчины за женщину. —
«Мы еще посла да поотвѣдаемъ:
«Вытопимъ теплу парну баенку.»
Пришелъ тутъ посёлъ тотъ ляховицкіи
Племничекъ да королевскіи,
Онъ не мылся, онъ да не парился,
Помочилъ свою буйну головушку.
Князь-то идетъ да во баенку,
А посёлъ-то идетъ да изъ баенки.
Испроговоритъ тутъ князь стольнё-кіевской;
«Ай же ты посёлъ да ляховицкіи,
«Племничекъ да королевскіи!
«Что же ты скоро умылся, испарился?»
Испроговоритъ посёлъ ляховицкіи:
— Ваши повороты княженецкіи,
— Наши повороты молодецкіи

— За то жалуешь любезной своей дочерью,
— Мла́дсей Машуткой Владиміровной. —
Видитъ князь, что уда́лъ молодецъ,
Тутъ веселымъ пиркомъ да за свадебку.
Испроговоритъ тутъ посёлъ ляховицкіи
Племничекъ королевскіи:
— Дайте игроковъ, удалы́хъ молодцёвъ,
— Игры бы играли во Кіевѣ,
— Тоньци выводили въ Еросо́лимъ градъ. —
Тутъ-то князь пораздумался:
«Только было игроковъ, удалыхъ молодцёвъ
«Одинъ старый Ставёръ сынъ Годиновичъ,
«Такъ посаженъ во глубокъ погребъ.
«Взя́ть Ставра̀, такъ невида́ть Ставра
«А не взять Ставра̀, такъ огрубить посла.»—
«Ай же слуги мои вѣрныи!
«Ужъ вы возьте Ставра, подхвати́те Ставра̀
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его перстни за злаченыи,
«Приведите Ставра на почестный пиръ.»
Тутъ взяли Ставра, подхватили Ставра,
Приводили Ставра на почестной пиръ.
Сталъ онъ играть да выигрывать,
Игры играетъ во Кіевѣ,
Тоньци выводитъ въ Еросо́лимъ градъ.
Тутъ-то всп на пиру поразслухались.
Испроговоритъ Василиста Микулична:
— Помнишь ли Ставёръ, памяту́ешь ли Ставёръ,
— Когда я была кобылицей, ты же́ребцемъ,
— У меня было колечечко золоченое,
— У тебя была спаечка (*такъ*) серебряна? —
. . . . . *)
Она одѣлась въ платья женскіи,
Пришла къ князю ко Владиміру
Она говоритъ да таково слово:
— Занапрасно Ставра посадили во глубокъ погребъ.
— Онъ похвасталъ, такъ были́цею. —
Испроговоритъ ему князь стольнё-кіевской:
«По́ люби бери золотой казны,
«По́ люби бери добры́хъ коней.»
Тутъ они домой поѣхали.

Записано тамъ же, 1 іюля.

—

*) Тутъ пѣвицы застыдились и пропустили цѣлое мѣсто.

IV.

ВЫГОЗЕРО.

ВЫГОЗЕРО.

XXXI.

НИКИТИНЪ.

Ѳедоръ Никитинъ, крестьянинъ родомъ съ Выгозера, лѣтъ около 45, высокій, статный, весьма пріятной наружности. Въ молодости занимался портняжнымъ мастерствомъ и въ то время выучился пѣть множество былинъ, преимущественно на поморьѣ, въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ часто бывалъ для работы; но онъ не могъ припомнить отъ кого именно онъ былины заимствовалъ. Въ послѣднее время онъ многое позабылъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ поступилъ на службу лѣснымъ стражникомъ, потому что служба эта не даетъ ему досуга распѣвать былины. Живетъ онъ теперь на Карельскомъ острову, верстъ 50 отъ Выгозерскаго погоста, но сохранилъ въ родномъ селѣ участокъ земли и крестьянское хозяйство. Никитинъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и весьма складно. Нѣкоторыя изъ его былинъ были записаны для г. Рыбникова писаремъ мѣстнаго исправника.

—

170.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Какъ подъ славныя подъ Кіевъ градъ,
И ко славному князю ~~ко Владиміру~~,
И приходитъ посёлъ да скоровѣстныя.
Приходилъ поселъ да изъ чиста поля,
А изъ чиста поля отъ Калина царя,
И отъ Калина царя да ~~Калиновича~~.
А онъ идётъ посёлъ да не съ упадкою,
А онъ не бьетъ ~~челомъ~~, не низко кланяется,
Ай прямо грядётъ въ гридни свѣтлыя,
И во тѣс ли полаты княженецкія.
А онъ бросилъ ярлыкъ на кленовый столъ,
А вѣдь сей ярлыкъ-то былъ написаный,
И чтоль на свинцу да чубаравскоемъ.
И сей ярлыкъ вѣсу былъ сорока пудовъ.
Ужъ какъ бросилъ сей ярлыкъ да на кленовый столъ,
Ай чтоль кленовый столъ да подломишася,
И тутъ Владиміръ князь да испугается,
И онъ бросилъ взоръ да на посла на скоровѣстнаго,
Испроговоритъ онъ да таково слово,
И чтоль тому послу да скоровѣстному:
«А ты откуль пришолъ да добрый молодецъ,
«И отъ кого принесъ ты сей посланый ерлыкъ?»
И чтоль отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И чтоль скорый посёлъ Василій Ивановичъ:
— Я изъ иной земли, изъ золотой орды,
— Отъ Калина ~~царя да Калиновича~~,
— Ай же ~~ты~~ Владиміръ князь да стольне-кіевскій!
— И ты давай-ко-си изъ Кіеви да поединщика,
— Поединщика да супротивника.
— И ~~супротивъ Калина царя да Калиновича~~
— Ежели не дашъ ты намъ да поединщика,
— Поединщика и супротивника,
— То мы твой славныя Кіевъ градъ въ полонъ возьмемъ,

— И въ полонъ возьмемъ и весь огнемъ сожгемъ. —
И тутъ весьма Владиміръ князь да закручинилсо,
Закручинилсо князь да запечалилсо,
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
«По грѣхамъ то вѣрно сучинилося,
«И богáтырей во градѣ не случилося.»
И какъ на тую славу на вѐликую,
Какъ прослышала во царевомъ кабаки голь кабацка,
А по имени ли тотъ Васильюшка упьянсливы.
Какъ приходилъ Василей въ гридни свѣтлыя,
И въ тѣе ли полаты княженецкія,
И онъ какъ крестъ то кладетъ да по писаному,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному,
И на всѣ стороны Василей поклоняется,
И бьетъ целомъ да о сыру землю,
И ласковóму князю Владиміру.
Испроговоритъ Василей таковы слова:
— А гой же ты Владиміръ князь да стольнё-кіевскій,
— И стольне-кіевскій славно-Владимірскій!
— И ты почто же такъ сильнё кручинишься,
— Но зачѣмъ же тебѣ да такъ печалиться?
— Развѣ нѣтъ у насъ да на святой Руси,
— Развѣ нѣтъ у насъ во стольнёмъ во градѣ въ Кіевѣ,
— Развѣ нѣтъ такова да супротивника,
— Ай сопротивъ Калинà царя да Калиновича?
— Ай какъ есть у насъ да во чистомъ полѣ,
— И во чистомъ полѣ да во бѣлóмъ шатрѣ,
— Ай есть вѣдь тамъ да удалóй добрый молодецъ.
— Эще старыя казакъ да Илья Муромецъ.
— И про него же славу про великую,
— И про него же силу богатырскую,
— И во стихахъ поютъ, и въ старинахъ скажутъ,
— И на бою ему то смерть не писана.
— А знаю я объ томъ и вѣрно вѣдаю
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ Калинà,
— И что онъ можетъ сразиться супротивъ царя да Калина. —
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
«Ай ты скорѣй достань да добра молодца,
«И славнаго казáку Илью Муромца.»
Пріѣзжаетъ Василей во чисто поле,
Во чисто поле да ко бѣлу шатру.
И во бѣломъ шатри-то спитъ да добрый молодецъ,
А онъ-то спитъ да добрый молодецъ глубокимъ сномъ,
А его добрый конь зоблетъ пшену да бѣлоярову
И щиплетъ добрый конь травеньку шелковую,
И пьетъ-то добрый конь водочку ключовую.
И дожидатъ Васильюшко упьянсливый,
И когда прохватится да добрый молодецъ,
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
И онъ воспрянулъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго,
И предъ собой увидѣлъ стоитъ да добрый молодецъ,
И тотъ ли то Васильюшко упьянсливый,
И бьетъ челомъ Василей низко кланяется,
И какъ удалому да добру молодцу,
Старому казаку да Ильѣ Муромцу.
Испроговоритъ Василей таково слово;
— А гой же ты старыя казакъ да Илья Муромецъ!
— И сослужи-тко-сь Владиміру да службу вѣрную,
— И отгони отъ Кіева цюдовища великого.
— Пріѣзжаетъ Калинъ царь Калиновичъ,
— И со той ли силой со невѣрною,
— И со тымъ ли войскóмъ со татарскіимъ. —
Цють ли выслушалъ да таковы слова
Старыя казакъ да Илья Муромецъ,
И скоро онъ беретъ своего добра коня.
И какъ садился онъ да на добра коня,
И поѣзжалъ же тутъ онъ во чисто поле,
И чтоль подъ славныя да чтоль подъ Кіевъ градъ.
Только видѣли вѣдь добра молодца какъ сѣдучи,
Но не видѣли удалаго поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,
Курева стоитъ, да пыль столбомъ валитъ.
Куда падаютъ копыта лошадиныя,
И становятся тутъ колодци ключевой воды.
И какъ доѣхалъ старыи казакъ да Илья Муромецъ
И до того ли до города Кіева,
У какъ увидѣлъ онъ тутъ стоитъ въ чистомъ поли,
И какъ увидѣлъ онъ тутъ рать-сила великая,
И во чистомъ поли вѣдь стóитъ бѣлъ шатеръ,
Въ которомъ шатрѣ былъ да Калина царь Калиновичъ.
И направлятъ коня да ко бѣлу шатру,
Ко бѣлу шатру да къ Калинý царю,
Къ Калинý царю да Калиновичу,
И какъ увидѣлъ тутъ Калина царь,

алйна царь да что-ль Калйновичъ.
ікъ садился Калйна на добра коня,
і того ли на жеребчика на ворона,
ерётъ Калйна саблю вострую,
і вторыхъ беретъ копье да долгомѣрное,
ѣзжатъ Калйна во чисто поле
противъ русскаго богатыря.
ікъ не два ли ясныхъ сокола слетаются,
і двѣ ли сильніи горы вмѣсто скатаются,
ікъ два сильніихъ могучіихъ богатыря сражаются.
ни съѣхались добры молодцы побратались,
у Калина̀ царя конь на колѣна палъ,
самъ ли Калина̀ царь подъ конёмъ лежитъ,
ізбитъ онъ до конскаго до сѣдлища.
арыя казакъ да Илья Муромецъ,
на кони сидитъ подобно какъ столѣтній дубъ.
і конѣ сидитъ да не шатается,
о сердечико да розгорается.
алъ рубить тутъ силу всю татарскую,
олилъ онъ всю кровь татарскую,
стилъ онъ вѣдь славный Кіевъ градъ,
авилъ отъ напасти онъ князя Владиміра.
ріѣзжаетъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ.
ікъ встрѣчаютъ добра молодца да по ученому,
ютъ челомъ да добру молодцу со всѣмъ усердіемъ,
ладиміръ князь да ему въ особину.
какъ спасибо тебѣ да добрый молодецъ
за то, что избавилъ отъ той напасти отъ великія,
что-ль отъ той бѣды да отъ напрасныя,
то-ль я тебя добрый молодецъ вѣдь жалую:
бери-ко-сь отъ меня да злата серебра,
ты бери отъ меня каменья драгоцѣннаго;
и городъ на-бъ тебѣ да съ пригородками,
и тебѣ села надо да съ приселками,
и тебѣ деревни надо со крестьянами?»
отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ
олнышку князю Владиміру:
Ничего вѣдь мнѣ не надобно.
Только дай-ко мнѣ похвальный листъ,
І напиши Владиміръ ты своей рукой. —

записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

—

171.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 3).

Изъ того ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того ли села да Карачаева,
Была тутъ поѣздка богатырская.
Выѣзжаетъ оттуль да добрый молодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ,
На своемъ ли выѣзжаетъ на добромъ кони,
И во томъ ли выѣзжаетъ во кованомъ сѣдлѣ.
И онъ ходилъ гулялъ да добрый молодецъ,
Ото младости гулялъ да онъ до старости.
Ѣдетъ добрый молодецъ да во чистомъ поли,
И увидѣлъ добрый молодецъ да латырь камешокъ,
И отъ камешка лежитъ три розстани,
И на камешки было подписано:
Въ первую дороженку ѣхати — убиту быть,
Во другую дороженку ѣхать — женату быть,
Третьюю дороженку ѣхати — богату быть.
Стоитъ старенькой да издивляется:
Головой качатъ самъ выговариватъ:
«Сколько лѣтъ я во чистомъ поли ходилъ гулялъ да ѣзживалъ,
«А еще такова̀го чуда не нахаживалъ.
«Но на что поѣду въ ту дороженку да гдѣ богату быть?
«Нѣту у меня да молодой жены,
«И молодой жены да любимой семьи,
«Некому держать тощить да золотой казны,
«Некому держать да платья цвѣтнаго.
«Но на что мнѣ въ ту дорожку ѣхать гдѣ женату быть?
«Вѣдь прошла моя теперь вся молодость.
«Какъ молодинка вѣдь взять да то чужа корысть,
«А какъ ста̀рая-та взять дакъ на печи лежать,
«На печи лежать да киселемъ кормить.
«Развѣ поѣду я вѣдь добрый молодецъ,
«А й во тую дороженку гдѣ убиту быть?
«А й пожилъ я вѣдь добрый молодецъ на семъ свѣти,
«И походилъ погулялъ вѣдь добрый молодецъ во чистомъ поли.»
Но поѣхалъ добрый молодецъ въ ту дорожку гдѣ убиту быть.
Только видѣли добра молодца вѣдь сядучи,
Какъ не видѣли добра молодца поѣдучи.
Во чистомъ поли да курева стоитъ,
Курева стоитъ да пыль столбомъ летитъ.

Съ горы на гору добрый мо́лодецъ поскакивалъ,
Съ холмы на́ холму добрый молодецъ попрыгивалъ,
Онъ вѣдь рѣки-ты озёра межу ногъ спущалъ,
Онъ сипи́ моря-ты на около́ъ скакалъ.
Лишь проѣхалъ добрый молодецъ Корелу проклятую,
Не доѣхалъ добрый молодецъ до Инди́и до бегатыи,
И наѣхалъ добрый молодецъ на грязи на смоленскіи,
Гдѣ стоятъ вѣдь со́рокъ тысячей разбойниковъ
И тѣ ли ночны́и тати подорожники.
И увидѣли разбойники да добра мо́лодца,
Стараго казаку Илью Муромца.
Закричалъ разбойниче́скій атаманъ большой:
— А гой же вы мои братцй-товарищи,
— И разудаленькіи вы да добры молодци!
— Принимайтесь-ко за добра молодца,
— Отбирайте отъ него да платье цвѣтное,
— Отбирайте отъ него да что-ли добра коня. —
Видитъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Видитъ онъ тутъ что да бѣда пришла,
Да бѣда пришла да неминуема.
Испроговоритъ тутъ добрый молодецъ да таково слово:
«А гой же вы сорокъ тысячъ разбойниковъ
«И тѣхъ ли тате́й ночныхъ да подорожниковъ!
«Вѣдь какъ бить трепать вамъ будетъ стара некого,
«Но вѣдь взять-то будетъ вамъ со стараго да нечего.
«Нѣтъ у стараго да золотой казны,
«Нѣтъ у стараго да платья цвѣтнаго,
«А и нѣтъ у стараго да камня драгоцѣннаго.
«Столько есть у стараго одинъ вѣдь добрый конь,
«Добрый конь у стараго да богатырскіи.
«И на добромъ конѣ вѣдь есть у стараго сѣдёлышко,
«Есть сѣдёлышко да богатырское.
«То не для красы, братцы, и не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи,
«И что можно́ было́ сидѣть да добру молодцу,
«Биться ратиться добру молодцу да во чистомъ поли.
«Но еще есть у стараго на кони уздечика тесмяная,
«И во той-ли во уздечики да во тесмяныи
«Какъ зашито есть по камешку по яфонту.
«То не для красы, братцы, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи.
«И гдѣ ходитъ вѣдь гулятъ мой добрый конь,
«И среди́ вѣдь ходитъ ночи темныи,
«И видно́ его́ да за пятнадцать верстъ да равномѣрныихъ.
«Но еще у стараго на головушкѣ да шеломчатъ колпакъ,
«Шеломчатъ колпакъ да сорока пудовъ.
«То не для красы, братцы, не для басы,
«Ради крѣпости да богатырскіи.»
Скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
Разбойническій да атаманъ большой:
— Ну чтожъ вы долго дали старому да выговаривать!
— Принимайтесь-ко вы ребятушка за дѣло ратное. —
А й тутъ вѣдь старому да за бѣду стало,
И за великую досаду показалоси.
Снималъ тутъ старый со буйной главы да шеломча́тъ колпакъ,
И онъ началъ старенькій тутъ шеломо́мъ помахивать.
Какъ въ сто́рону махнетъ — такъ тутъ и улица,
А й въ дру́гу о́нъ махнетъ — такъ переулочекъ.
А видятѣ тутъ разбойники да что бѣда пришла,
И какъ бѣда пришла и неминуема,
Скричали тутъ разбойники да зычнымъ голосомъ:
«Ты оставь-ко добрый молодецъ да хоть на сѣмена.»
Онъ прибилъ прирубилъ всю силу невѣрную,
И не оставилъ разбойниковъ на сѣмена.
Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешки подпи́сь подписывалъ:
И что ли очищена тая дорожка прямоѣзжая.
И поѣхалъ старенькой во ту дорожку гдѣ женату быть,
Выѣзжаетъ старенькой да во чисто полё,
Увидалъ тутъ старенькой полаты бѣлокаменны,
Пріѣзжаетъ тутъ старенькой къ полатамъ бѣлокаменнымъ,
Увидала тутъ да красна дѣвица,
Сильная полянница удалая,
И выходила встрѣчать да добра молодца:
— И пожалуй-ко-сь ко мнѣ да добрый молодецъ! —
И она бьетъ челомъ ему, да низко кланяйтся,
И беретъ она добра молодца да за бѣлы руки,
За бѣлы руки, да за златы перстни.
И ведетъ вѣдь добра молодца да во полаты бѣлокаменны,
Посадила добра молодца да за дубовый столъ,
Стала добра молодца она угащивать,

добраго молодца выспрашивать:
кажи-тко, скажи мнѣ добрый молодецъ!
якой земли есть, да какой орды,
чьего же отца есть, да чьеё матери?
какъ же тёбя именемъ зовутъ,
личаютъ тёбя по отечеству? —
отвѣтъ-то держалъ да добрый молодецъ:
ночто спрашиваешь объ томъ да красна дѣвица.
перь усталъ да добрый молодецъ,
перь усталъ да отдохнуть хочу.»
ретъ тутъ красна дѣвица да добра молодца,
беретъ его да за бѣлы руки,
руки да за златы перстни,
цетъ тутъ добра молодца
ли во спальню богатоубрану,
ъ тутъ добра молодца на ту кроваточку обманливу.
зоритъ тутъ молодецъ да таково слово:
ты душечка да красна дѣвица!
а ложись да на ту кроватку на тисовую.»
хватилъ тутъ добрый молодецъ да красну дѣвицу,
лъ онъ ей да по подпазушки,
лъ на тую на кроваточку,
оваточка-то эта подвернулася,
ла красна дѣвица во тотъ да во глубокъ погребъ.
лъ тутъ вѣдь старый казакъ да зычнымъ голосомъ:
же вы братцы мои да вси товарищи,
далыи да добры молодцы!
й хватай вотъ и сама идетъ.»
тъ погреба глубокія,
этъ двѣнадцать да добрыхъ молодцовъ,
льніихъ могучіихъ богатырей,
ставилъ саму да во погребѣ глубокоёмъ.
о челомъ да низко кланяются
му да добру молодцу,
му казаку Илью Муромцу.
каетъ старенькой ко камешку къ олатырю,
мешки-то онъ подпись подписывалъ:
очищена и та дороженка да прямоѣзжая.
авляетъ добрый молодецъ да своего коня
ю ли дороженку да гдѣ богату быть.
омъ поли наѣхалъ на три погреба глубокіихъ,
ыи насыпаны погреба златомъ серебромъ,
Златомъ серебромъ каменьемъ драгоцѣннымъ.
И обиралъ тутъ добрый молодецъ все злато это серебро,
И роздавалъ это злато серебро по нищей по братіи,
И роздалъ онъ злато серебро по сиротамъ да безпріютнымъ.
Но обращался добрый молодецъ ко камешку къ олатырю,
И на камешки онъ подпись подпосывалъ:
И какъ очищена эта дорожка прямоѣзжая.
И онъ задумалъ ѣхать тутъ да добрый молодецъ
И которой же дороженкой да прямоѣзжею.
И коя лежитъ дороженка отъ Кіева,
Отъ Кіева и до Чернигова,
И мѣрная дороженка была три девяноста равномѣрныхъ верстъ,
А около-то ѣздили да ровно двѣ тысящи.
И на той ли на дороженки да прямоѣзжая,
А й на шести дубахъ сидѣлъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
И онъ свисталъ вѣдь посвистомъ змѣинымъ,
И онъ кричалъ вѣдь покрикомъ звѣринымъ.
И отъ посвиста его да отъ змѣинаго,
И отъ покрика его да отъ звѣринаго,
Умирали тутъ сильныи могучіи богатыри.
Но наѣхалъ тутъ добрый молодецъ на шесть дубовъ да кряновистыихъ,
И какъ увидалъ тутъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
И видитъ онъ опасно ѣдучись-то добра молодца.
Засвисталъ онъ въ полсвиста да въ пол-змѣинаго,
Закричалъ онъ въ полкрика да въ пол-звѣринаго,
А й у стараго казаки Ильи Муромца
Бѣжитъ добрый конь да потыкается,
Отъ того ли отъ страха отъ великаго.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ тутъ бьетъ коня да выговариватъ:
«Ой же ты медвѣжій кормъ, да травяной мѣшокъ!
«Ты зачѣмъ же во чистомъ поли да потыкаешься,
«Развѣ вѣдаешь ты надъ собой незгодушку великую;
«Развѣ вѣдаешь со мной да супротивника?
«А вѣдь мнѣ-ка-ва-ли добру молодцу,
«На бою-то мнѣ вѣдь смерть не писана,
«Я не вѣдаю того что меня убьётъ.»
Какъ увидалъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
И закричалъ разбойникъ во весь крикъ да богатырскій,

Въ богатырскіи да по звѣрином,у
И засвисталъ Соловéй разбойникъ по змѣиному,
И засвисталъ во весь свистъ богатырскія.
У старенькаго вѣдь добра молодца конь на колѣни палъ.
И онъ тутъ бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
И онъ бьетъ коня, да выговариватъ:
«Ахъ ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
«Развѣ пé бывалъ ты во чистомъ поли,
«Не слыхалъ ты пóкрика звѣринаго,
«И не слыхалъ же ты и посвиста змѣинаго?»
А й беретъ вѣдь старенькой свой тýгой лукъ,
Натягаетъ свой тугой лукъ да богатырскіи,
Выниматъ колчанъ со стрѣламы да со калéными,
И полагаетъ онъ вѣдь стрѣлочку каленую,
И стрѣляетъ онъ въ Сóловья разбойника,
И прилетѣла стрѣлочка да прямо въ правый глазъ,
И тому ли собаки Сóловью разбойнику.
Увалился Соловей разбойникъ на сыру землю,
И наскакалъ же тутъ да добрый молодецъ,
И палагалъ ему да петелку шелковую,
И на его ли на гóлову татарскую,
И привязалъ тутъ петелку ко стремени,
И поѣзжалъ тутъ добрый молодецъ во славный Кіевъ градъ
И ко стольнему князю ко Владиміру.
Какъ видѣли во городи тутъ добра молодца вѣдь ѣдучи.
Какъ пріѣхалъ добрый молодецъ во Кіевъ градъ,
И привезъ тутъ онъ Сóловья разбойника Догматьева.
И во скоромъ времени узналъ Владиміръ князь
И выходилъ Владиміръ онъ да на крылечико,
Испроговоритъ Владиміръ князь да таково слово:
— И ты скажи-сь-ко скажи-сь да добрый молодецъ!
— И ты какой земли, да ты какой орды,
— И чьего отца есть и чьéё матери,
— И какъ же тебя добра молодца да именемъ зовутъ,
— И звеличаютъ по отечеству?
— И ты куда же ѣдешь, откуль путь держишь?—
Отвѣтъ держалъ да добрый молодецъ:
«А гой же ты ласковое солнышко Владиміръ князь!
«Ѣду я отъ города Чернигова,
«А й отъ Чернигова пріѣхалъ и до Кіева,
«И очистилъ ту дороженку да прямоѣзжую
«И на которой былъ тутъ Соловéй разбойникъ Догматьевичъ.
«И онъ убивалъ вѣдь свистомъ змѣинымъ,
«И покрикомъ звѣринымъ,
«Сильніихъ онъ богатырей,
«И тѣхъ ли поляницъ да всѣхъ удалыихъ.
«А я вѣдь самъ-то добрый молодецъ
«Изъ того ли города изъ Мурома,
«Изъ того села да Карачаева,
«Изъ села вѣдь Карачаева крестьянскій сынъ.
«Именемъ зовутъ меня да Илья Муромецъ,
«По отечеству да сынъ Ивановичъ.»
Собиралъ Владиміръ князь почестенъ пиръ,
И на тѣхъ ли князей и на бóяры,
И на тѣхъ ли на вельможъ да на великіихъ,
И на русскіихъ на славныихъ богатырей,
И на поляницъ да на удалыихъ.
Испроговоритъ Владиміръ таково слово:
— Ты повели-тко добрый молодецъ,
— И тому ли Сóловью разбойнику,
— Засвистать ему въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
— И закричати въ пол-крика звѣринаго.
— А й пусть потѣшатся мои всѣ князи бóяра,
— И пусть услышатъ всѣ вѣдь русскіи богáтыри,
— И тѣ ли поляницы всѣ удалыи. —
И повелѣлъ же тутъ да старыи казакъ да Илья Муромецъ
И засвистать въ пол-свиста въ пол-змѣинаго,
И закричать въ полъ-крика въ пол-звѣринаго.
Но не послушалъ татаринъ Соловей разбойникъ Догматьевичъ,
Закричалъ во весь вѣдь крикъ да богатырскіи,
Богатырскіи да по звѣриному,
И засвисталъ во весь свистъ по змѣиному.
И всѣ народъ тотъ людюшки да испугалися,
И кои мертвые, а иные окорачь ползутъ,
Владиміръ князь стоитъ онъ и шатается.
А й молодý княгиню éго Абраксину
И спасъ ся да жизнь вѣдь доброй молодецъ,
Старыи казакъ да Илья Муромецъ.
Тутъ ли ему да за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Выводилъ Сóловья да во чисто полё,
Отрубилъ у него да буйну голову,
Буйну голову его татарскую.
И тутъ ему да Соловью славý поютъ.

Записано на Выгозерѣ, 16 іюля.

—

172.

ИВАНЪ ГОСТИНЫЙ СЫНЪ.

(См. Рыбникова, т. IV, 13).

ъ батюшки было отъ умнаго,
ъ матушки да отъ разумныя,
ется чадушко безумноё,
по имени Иванушко Гостиной сынъ.
стало у Иванушка да родна батюшко,
ается у Иванушка да родна матушка,
а вдова Офимья Олександровна.
ѣетъ родна матушка да своего чада,
о ли чада милаго,
ли дитятка любимаго,
по имени Иванушка Гостипаго.
же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!
оди-тко чадо да на царевъ кабакъ,
е пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
мѣй союзъ со голями кабацкими,
вязывайся чадо со жонками со курвами,
ѣма ли со дѣвками со блядками.»
слушалъ Иванушко да своей матери,
талъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
ма ли со жонками со блядками,
ма ли со дѣвками со курвами.
прослышала да ево матушка,
а вдова Офимья Олександровна,
одила тутъ ево да родна матушка,
ла она да на царевъ кабакъ,
воритъ она да таково слово!
же вы народъ люди православныи!
видали ль вы моего да чада милаго,
илаго дитя любимаго,
ль по имени Иванушка Гостинаго?»
ворятъ народъ да православныя:
й же ты честна вдова Офимья Олександровна!
видали мы твоего да чада милаго,
о ль по имени Иванушка Гостинаго. —
воритъ тутъ Офимья Олександровна,
и ко тѣмъ голямъ ко кабацкіимъ:
же вы голи вы кабацкія!
жите-тко да гдѣ моё есть чадо милоё,
милоё дитя любимоё,
ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
о дарю васъ златомъ серебромъ.»
ли тутъ голи кабацкія
рвáнаго да добра молодца,
Ай что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
И какъ берётъ Ивана родна матушка,
И честна вдова Офимья Олександровна,
И какъ берётъ ево да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
И за бѣлы руки да за златы перстни,
И повела ево на пристань корабельную,
И ко тѣмъ ли купцамъ да ко заморьскіимъ,
И ко замóрянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
Испроговоритъ честна вдова Офимья Александровна,
Испроговоритъ она да таково слово:
«А гой же вы купци замóряна,
«И вы замóряна купци да й вавилóняна!
«И вы купите-тко да моегó чада,
«И моего ли купите чада мúлаго,
«И чада милаго купите дитя любимаго,
«И что-ль по имени Иванушка Гостинаго,
«И дайте-тко за нево мнѣ-ка-ва петьсотъ рублей.»
Испроговорятъ купци да таково слово:
— А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
— И не вора ли продашь да не разбойника?—
А й отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
Ко замóрянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
«И я не вора продаю, да не разбойника,
«А своего ли продаю да чада милаго,
«И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.»
А й отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
И что ль Иванушко Гостиной сынъ,
И ко тѣмъ купцамъ да ко замóрянамъ,
Ко замóрянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
— И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
— И что былó бы моёй матушкѣ
— И до гробнóй доски ей да не скитатися. —
И тутъ пролилъ горючія слёзы добрый молодецъ,
И въ слезáхъ-то добрый молодецъ словцо повымолвилъ:
— И ты прощай-ко-сь прощай да родна матушка,
— И какъ честнá вдова Офимья Александровна,
— И по писаному была да рóдна матушка,
— А й по житью бытью да змѣя лютая. —
И тутъ простилася да родна матушка,
А какъ простилася она да съ любимымъ сыномъ,
Съ любимымъ сыномъ да со Иванушкомъ.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

—

173.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ того-ли изъ города изъ Мурома,
Изъ того-ли села изъ Карачаева,
А изъ того-ль скита да изъ Ефимьина,
А изъ той-ли пустыни богомоленьи,
Выходило сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
Выходило сорокъ каликъ да со каликою.
Выходили онѣ да во чисто полё,
Становилися каликушки да во зелёной лугъ,
Во зеленой лугъ да во единой кругъ,
И ткнули каликушки копьицо да во сыру землю,
И на копьица положили они сумочки,
А й сумочки ты были у нихъ да рыта бархату.
И стали они думать думу заединую:
«Мы куда пойдемъ братцй каликушки да куда путь держимъ?
«И кто изъ насъ братцы каликушки буде атаманъ большой?
«Молодой Михайлушка Романовичъ да атаманъ большой.»
И стали они думать думу заединую.
«Мы пойдемъ братцы ребятушки во славный Еруса́лимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,
«И ко честнымъ мощамъ да причаститися,
«И во Ерданъ рѣки да покупатися,
«И во плакунъ травы да покататися.

«Кто изъ насъ убьетъ, или украдетъ-ли,
«Или по русскому сказать — какъ сдѣлатъ тяжкій блудный грѣхъ,
«И того казнить вѣдь казнію калицкою,
«И жива копать да по грудямъ въ сыру землю.»
И думали тутъ добры молодцы, да и пошли во чисто поле,
И во славныи Кіевъ градъ,
Ко ласкову ко солнышку Владиміру.
Не дошедши до города до Кіева,
На пути попалъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскій.
Онѣ бьютъ челомъ да о сыру землю,
И они бьютъ челомъ да низко кланяются:
«И здравствуй ласковое солнышко Владиміръ князь,
«Что-ль Владиміръ князь да стольне-кіевскій,
«Стольнё-кіевскій славно-владимірскій!
«И ты подай-ко намъ Віадиміръ князь милостыню,
«Ты подай-ко-сь намъ каликамъ перехожіимъ,
«И ты подай-кось намъ по гривнѣ золотой,
«И что было бы пройти въ славный Еросолимъ градъ,
«И ко гробу Господнему да помолитися,
«И ко святымъ мощамъ да причаститися,
«И во Іерданъ рѣкѣ да покупатися,
«И во плакунъ-травѣ да покататися.»
Подадѐ Владиміръ князь по гривнѣ золотой,
Испроговоритъ самъ да таково слово:
— А гой же вы сорокъ каликъ да добрыхъ молодцовъ,
— И сорокъ сильныихъ могучіихъ богатырей!
— Вы идите-тко добры молодцы во славныя во Кіевъ градъ,
— Ко молодой моёй жены къ Абраксины.
— И пусть примётъ она каликъ со честію,
— И пусть поитъ, кормитъ, и съ честью спать приметъ. —
И бьютъ челомъ калики о сырой земли,
И бьютъ каликушки да низко кланяются,
И самъ путь держать ко городу ко Кіеву,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксинѣ,
Какъ вступили жъ только въ славный Кіевъ градъ,
Идутъ они во тѣ полаты бѣлокаменны,
И къ молодой княгинѣ ко Абраксины,
И они бьютъ целомъ да до сырой земли,
И отъ солнышка отъ князя отъ Владиміра,
И отъ Абраксина супруга отъ законнаго.
Испроговорятъ калики таково слово:
«А гой же ты Абраксина да молода жена!
«И ты накорми каликъ, напой, да спать прими.»
Посадила Абраксина каликъ за столицки дубовыи
И за тѣя-ли за скатерёдочки за браныя.
И всѣ калики за столомъ да наѣдалися,
И всѣ каликушки да за столомъ и напивалися,
Но й всѣ каликушки да на спокой пошли,
Какъ единъ оставается калицій атаманъ большой.
И молодый Михайлушка Романовичъ.
Прельстилась въ Михайлушку молода жена Абраксина,
И стала просить его къ себѣ да на кроватичку.
— И ты пожалуй-ко да доброй молодецъ,
— Молодой Михайлушко Романовичъ!
— А не угодно-ли тебѣ да ночевать со мной,
— А й ночевать со мной да й позабавится?
Испроговоритъ каличій атаманъ большой,
Молодый Михайлушка Романовичъ:
«Вѣдь у насъ положена какъ заповѣдь великая

великая тутъ заповѣдь калицкая:
изъ насъ убьетъ, или украдетъ-ли,
по русскому сказать — какъ сдѣлать тяжкій блудный грѣхъ, —
казнить вѣдь казнію калицкою,
ива копать да по грудямъ въ сыру землю.»
дь въ томъ тутъ добра молодца да призаметили, —
ли калики да его товарищи,
пали его по грудямъ во сыру землю.
путь держатъ каликушки да во славный Ерусалимъ градъ,
і ко гробу Господнему да помолитися,
і ко святымъ мощамъ да причаститися,
Ерданъ рѣкѣ да покупатися,
плакунъ-травѣ да покататися,
ли они во славные во Еросолимъ градъ,
гробу Господнему да помолилися,
честнымъ мощамъ да причастилися,
Ерданъ рѣкѣ да покупалися,
плакунъ-травѣ да покаталися.
і взадъ тутъ путь держать-то сорокъ каликъ да добрыхъ молодцевъ.
дошли до славнаго до града Кіева,
ласкова солнышка да до Владиміра,
смотрѣли они молода Михайлушка Романова,
его-ли калицькаго да атаманъ-больша.
ъ обозрили тутъ калицьяго да атаманъ-больша,
ода Михайлушку Романовича,
-ль тутъ каликушки да удивились,
ь живой есть тутъ калицій атаманъ большой,
одый Михайлушка Романовичъ,
ь у калицьяго атаманъ-больша,
з каликушки простились,
ь избавили Михайлушку да изъ неволюшки.
путь держать да добрыя молодцы,
путь держать да во свои мѣста.

ано тамъ же, 16 іюля.

—

174.

САДКО.

ся Садко купецъ да о великъ закладъ,
ста рубляхъ онъ бился не о тысящи,
юей онъ бился о буйной головушкѣ,
изъ Новаграда товарушки повыкупить,
И какъ на желты пески товарушки повыкатить,
На черны корабли товарушки повыгрузить.
И началъ Садко купецъ богатыя,
И началъ товарушки выкупливать,
И на желты пески товарушки выкатывать,
И на черны корабли товаръ повыгрузить.
И не могъ Садко купецъ богатыя,
Столько откупить да одного молока прѣсна,
Но и въ каждый день на славушку привозятъ по два разъ.
И видитъ тутъ Садко купецъ богатыя,
И видитъ да что бѣда пришла и неминуема.
И нагрузилъ Садко купецъ богатыя,
И нагрузилъ всѣ корабли черленыя,
И отправляется Садко во сине море,
Во сине море да во соломоё.
Какъ услышалъ князь да новгородскія,
Онъ въ догонъ послалъ за Садкомъ купцомъ богатымъ,
Какъ догнать Садка купца богатаго,
Привести Садка да предъ моё лицо,
На то-ль судьбище да на страшное.
И скоро догоняли слуги вѣрныя,
Слуги вѣрныя и безызмѣнныя,
И хощутъ только схватить Садка купца богатаго.
А й видитъ Садко купецъ богатыя,
Какъ бѣда пришла да неминуема,
И беретъ Садко купецъ богатыи,
И беретъ гуселышка звончатыя,
И бросился Садко купецъ богатыи,
Да во синё море да во солоное.
И тамъ сымалъ поддонный князь Садка купца богатаго,
Ведетъ Садка во полаты бѣлокаменны
Испроговоритъ тутъ поддонный князь да таково слово:
«А гой же ты Садко купецъ богатыя!
«И ты взыграй-ко во гуселышки звончатыи,
«И ты спотѣшь, спотѣшь меня князя поддоннаго.»
И началъ Садко купецъ богатыя,
И началъ онъ въ гуселышка выигрывать.
И игралъ Садко купецъ богатыи,
И онъ игралъ въ гуселышка да трои суточки,
И тутъ поддонный князь да распотѣшился,
Какъ синё-то море всколыбалося,
Черны корабли вѣдь въ мори всѣ разрушались,
И много тутъ погинуло напрасныхъ душъ,
Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
И на четвертыя на суточки
Повалился спать Садко купецъ богатыя,

И какъ во сни кажется Садку купцу богатому
Что-ли пришла къ нему да Богородица,
Испроговоритъ ему да таково слово:
— Ты гой же Садко купецъ богатыи!
— И ты почто игралъ въ гусе́лышка звончатыя,
— И спотѣшалъ вѣдь ты Садко князя поддоннаго?
— И какъ поддонный князь да воспотѣшился,
— И въ тое время синё море всколыбалоси,
— И черны ка́рабли да разрушались,
— И много погибало тутъ напрасныхъ душъ,
— Напрасныхъ душъ да человѣческихъ.
— И ты сорви, сорви струны да у гуселышковъ,
— Ты Садко что-ли купецъ богатыи,
— И за то дарить будетъ тебя да златомъ серебромъ,
— И да́рить будетъ каменемъ да драгоцѣнным, —
— Не бери-тко, не бери да злата серебра,
— Не бери-тко каменья да драгоцѣнныи,
— И попроси себѣ невѣсту нареченую.
— И приведетъ онъ сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
— И выбирай себѣ Садко купецъ да ты богатыя,
— И выбирай себѣ которой хуже нѣтъ,
— И которой хуже нѣтъ, коей чернѣе нѣтъ. —
И воспряну́лъ Садко купецъ богатыя
И онъ отъ крѣпка сна да безпробуднаго.
И онъ во страхѣ бысть да во великоемъ,
И онъ сорвалъ да струночки звончатыя.
Приходитъ тутъ къ Садку поддонный князь,
И повелѣтъ (*такъ*) играть въ гусе́лышка звончатыи.
Испроговоритъ Садко купецъ богатыя:
«А гой же ты поддонный князь!
«Какъ нельзя взыграть въ гуселышка звончатыя,
«И какъ гуселышка у меня да потравились,
«И сорвалися струночки звончатыя.»
Испроговоритъ поддонный князь да таково слово:
— Ай же ты Садко купецъ богатыи!
— Ты за то бери съ меня да злата серебра,
— И ты еще бери-тко каменьевъ да драгоцѣнныихъ. —
Испроговоритъ Садко да таково слово:
«А й же ты поддонный князь да что-ль великія!
«А й не надо мнѣ-ка-ва да злата серебра,
«И не надо мнѣ-ка каменья да драгоцѣннаго,
«И столько дай-ко-сь мнѣ невѣсту нареченую,
«Я здѣсь у тебя хощу женитися.»
И приводилъ поддонный князь сорокъ дѣвицъ да со дѣвицею,
И выбиралъ Садко купецъ богатыя,
И выбиралъ себѣ невѣсту нареченую,
И выбираетъ дѣвицу коей хуже нѣтъ,
И ко́ей хуже нѣтъ, ко́ей чернѣе нѣтъ.
И тутъ Садко купецъ богатыи,
Началъ Садко купецъ женитися.
Всѣ прошли у него да столованія,
И отвели Садка купца богатаго,
Со своей-ли со невѣстой нареченою,
И пова́лися спать Садко купецъ богатыя,
И охапи́лъ Садко купецъ богатыи
Онъ тую-ли невѣсту нареченую.
И увидалъ Садко купецъ богатыи,
И увидалъ онъ тутъ что я въ воды лежу,
Въ воды лежу я на берегу да во своей рѣки.
И увидалъ Садко купецъ богатыи
И что-ль свои полаты бѣлокаменны,
И выходилъ Садко купецъ богатыя,
И прославлялъ пречисту Богородицу,
И что избавила меня да отъ погибели,
И отъ погибели да отъ напрасныя.

Записано тамъ же, 16 іюля.

—

175.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Какъ подъ славную да каменну Москву
И бысть напущеніе великое
И на грозного царя Ивана Васильевича
Изъ иной земли, изъ золотой орды,
Наѣзжаетъ молодой нахвальщикъ,
И со той ли со силой невѣрною,
И со тѣмъ ли со войскомъ со татарскінмъ.
А й самъ онъ мо́лодый нахвальщикъ похваляетс
«А я всю землю русскую наскрозь пройду,
«И каменну Москву я въ плѣнъ возьму.»
И какъ услышалъ эту по́хвалу
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Призываетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Своихъ трехъ сыновъ любимыихъ,
Испроговоритъ да таково слово:
— А гой же вы мои дѣточки любимыя!
— И вы берите-тко золотой казны да сколь надобно,
— И вы берите-тко войска сколько надобно,
— Поѣзжайте вы да во чисто поле,
— И поразите вы мо́лода нахвальщика. —
И принимаются тутъ дѣти царскія,
И что ль за тое ли за дѣло ратное.

И собираютъ войска полки великіе,
И отправляются они да во чисто полё.
И наказываетъ имъ да родный батюшко,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Вы поѣдете вѣдь дѣти во чисто поле,
— Станете бить рубить вы силу на вынашку,
— И не оставляйте на улици ни курици;
— И на воротахъ вы кровью подписывай,
— Какъ плѣнены эти улици Өедоромъ царевичемъ,
— Какъ плѣнены эти улицы Василіемъ Ивановичемъ. —
Выѣзжаютъ добры молодци во чисто поле,
И начали сражаться супротивъ войска невѣрнаго,
И начали рубить тутъ силу татарскую,
И не оставляютъ на улици ни курици,
На воротахъ они кровью подписыватъ:
Какъ плѣнены эти улицы Василіёмъ царевичемъ.
И какъ увидѣлъ Василій царевичъ надъ своимъ братомъ,
А что дѣлаетъ мой братъ родной измѣну великую;
И побѣдили они тутъ все войско татарское.
И какъ ѣдутъ они съ побѣдой въ каменну Москву,
И бьютъ челомъ да своему родиму отцу,
И бьютъ челомъ ему да до сырой земли:
«Какъ съ побѣдою тебѣ нашъ Грозный царь,
«Много лѣтно здравствовать тебѣ Васильевичъ!»
А й тутъ вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Какъ беретъ своихъ онъ трехъ сыновъ,
За бѣлы руки да за златы перстни,
И онъ цѣлуётъ ихъ да во уста во сахарныи.
И какъ садилъ онъ ихъ за столики да за кленовыи,
И за тѣя ли за скатерти за бѣлобраныя,
И начинается у Грознаго почестной пиръ.
Всѣ ли на пиру сидятъ да полны веселы,
Всѣ на пиру да напивалися,
Еще какъ всѣ на пиру да наѣдалися,
И всѣ на пиру да порасхвастались.
И чтоль похвасталъ грозный царь своей защитою.
— Какъ повыведу измѣнушку-ту я изъ Кіева,
— И повыведу измѣну изъ Чернигова,
— Не повыведу измѣнушку да съ каменной Москвы. —
Испроговоритъ его да родной сынъ,
А й родной сынъ Василей царевичъ младъ:
«А й не повывести измѣнушки будетъ изъ Кіева,
«И не повывести измѣны изъ Чернигова,
«И не повывесть измѣны съ каменной Москвы.
«Ужъ какъ первая измѣна за столомъ сидитъ,
«Изъ одной она чашечки ѣстъ и пьетъ,
«И платьице-то носитъ одного сукна,
«Одного сукна да одного швеца.
«Ужъ какъ на́ брата сказать, такъ брата жаль,
«А какъ по́ брати сказать — себѣ напрасна смерть.»
Какъ скричалъ сзычалъ да громкимъ голосомъ
И грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— А й гой же вы сорокъ па́лачовъ да немилосливыхъ!
— И вы возьмите скоро моего сына,
— И чтоль того ли Өедора царевича,
— И вы ведите-тко-сь на поле на ку́ликово,
— И что на тую лягу на кровавую,
— И что на тую ли на плаху на дубовую,
— И отсѣките-тко у него по плечъ да буйну голову,
— И положите его да буйну голову
— И что на тое ли на копьице на вострое,
— И принесите его да буйну голову,
— И сопротиво моихъ палатъ да бѣлокаменныхъ,
— И сопротиво ли окошечка косявчета,
— И сопротиво ли моего зеркала хрустальчаго. —
И какъ услышала его да родна матушка,
И честна царица Омельфа Тимоѳеевна.
И какъ не кукушка по городу прорыскала,
И что ль царица скоро по городу пробѣжала,
И ко тому ли братцу къ двуродимому,
И ко тому ли ко Никитушку Романову.
Приходила она во гридни свѣтлыя,
А й она крестъ-то кладётъ да по писапому,
И поклонъ тотъ ведетъ да по учёному.
«И тебѣ хлѣбъ да соль да добрый молодецъ,
«И мой ли ты вѣдь братецъ двуродимыя!
«Ѣшь ты пьешь да прокладаешься,
«И надъ собой же ты незгодушки не вѣдаешь.
«Какъ укатается изъ глазъ да красно солнышко,
«Увозятъ у меня да чада милаго,
«И твоего ли племника любимаго,
«А й на тое ли болото на куликово,
«И что ль на тую ли на плаху на дубовую,
«И какъ на тую ли на лягу на кровавую,
«И хощутъ отрубить по плечь да буйну голову.»
Чуть ли выслушалъ глаголы сестры двуродныя,
И поскорешенько Никита снаряжается,
Посмѣлешенько Романовичъ да отправлются,
А й обуваетъ онъ чебо́тики да на босу ногу,
И купью шубоньку бросаетъ на одно плечо,

И турью шапочку метаетъ на одно ухо,
И выходилъ Никитушка да на конюшенъ дворъ,
И чтоль беретъ Никитушка уздечику тесмяную,
А й выбираетъ Никитушка коня да чтоль не ѣзжана,
А й отправляется Никита во чисто поле.
Столько видѣли добра молодца вѣдь сядучись,
И какъ не видѣли Никитушки поѣдучи.
Въ чистомъ поли да курева стоитъ,
Куда падаютъ копыта лошадиныи,
И тутъ становятся колодцы ключевой воды,
А кой поспѣлъ уйти дакъ тóго Богъ унесъ,
А кой не поспѣлъ уйти, того конемъ топталъ.
И пріѣзжаетъ Никита въ поле куликово,
И закричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— А й ты стой-ко-сь палачъ да немилóсливый,
— А й ты маленькой Малютушка Шкуратьевичъ!
— И ужъ ты съѣшь кусокъ да самъ подавишься.—
А й выпадаетъ сабля со правой руки,
А й у того ли палача да немилослива.
И отрубилъ у палача да буйну голову,
И чтоль положилъ его да буйну голову,
И тутъ принесъ его да буйну голову
И сопротивъ полатъ да бѣлокаменныхъ,
И сопротиво ли окошечка косявчета,
А й сопротиво ли то зеркала хрустальнаго.
И вѣдь тутъ какъ грозный царь да запечалилсо,
Запечалилсо царь да закручинилсо.
Подаетъ сигналъ онъ по всей Москвы,
Чтобы сбирались народъ да православныи,
И поминать его да чада милаго,
И одѣли бы они платьё печальноё.
И какъ собрались народъ люди православныи,
И приходили народъ да во Божью церкву,
Приходили они во томъ ли платьѣ во опальноёмъ,
Какъ Никитушка Романовичъ пріѣхалъ въ платьѣ драгоцѣнноемъ,
И за собой привезъ онъ ёго чада милаго,
И самъ становился онъ да супротивъ царя,
А племника поставилъ позади себя.
Испроговоритъ да таково слово
Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А гой же ты старцище удальцище
«И ты Никитушка Романовичъ:
«Развѣ ты надо мной да надсмѣхаешися,
«Какъ пришелъ ты да во Божью церкву,
«И какъ пришелъ ты въ платьѣ драгоцѣнноемъ?
«Весь народъ то люди въ платьицѣ опальноёмъ.»
Испроговоритъ Никита таково слово:
— А гой же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Есть ли грѣшнику да тамъ прощеніе,
— А й виноватому да покаяніе? —
«И какъ простилъ бы я, да тóго негдѣ взять.»
И подаетъ тутъ въ руки грозному царю Ивану Васильевичу
Своего ль ему да чада милаго,
Чада милаго, дитя любимаго,
И что ль того ли Ѳедора царевича,
И какъ беретъ онъ чада за бѣлы руки,
За бѣлы́ руки да за златы перстни,
Цѣлуетъ его во уста да во сахарнія.
Испроговоритъ Никита таково слово:
«А гой же ты старикъ Никитушка Романовичъ
«Ты бери-тко-сь отъ меня да каменья драгоцѣннаго,
«И города ты бери съ пригородками,
«И села ты бери да чтоль съ приселками,
«И ты бери деревни со крестьянами.»
Испроговоритъ Никита таково слово:
— И мнѣ не надо твоёй да золотой казны,
— И мнѣ не надо твоего да каменья драгоцѣннаго,
— И не надъ (*такъ*) твоихъ градóвъ да съ пригородками,
— И не надо мнѣ твоихъ селъ да со приселками
— И не надо мнѣ-ка-ва деревёнъ да со крестьянами,
— Только дай-ко мнѣ-ка-ва Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Дай-кось мнѣ ты свою отчину. —
И кто что сдѣлалъ и сбѣжитъ, такъ того Богъ унёсъ.

Записано тамъ же, 17 іюля.

—

176.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

(См. Рыбникова, т. IV, 19.)

Какъ у вдовушки былó у пашицы,
Какъ девять сынковъ да одинака дочь.
Какъ девять сынковъ да возростáть стали,
Возростать стали да вдругъ повыросли.
И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
Одинаку дочь да замужъ выдали,
И чтоль за славноё да за синё море,
И за того купца да за богатаго.
«Ужъ я годъ жила да не стоснуласи,
«Я другой жила да въ уми не было,

«И я на третій годъ да стосковалася,
«И чтоль у свекрушка да подавалася,
«И у свекровушки да доложиласи,
«Съ мужемъ сдумали, вдвоё поѣхали,
«Чтоль за славноё за синё морё,
«За синё морё да за солоное.»
Какъ среди моря да среди синяго,
Что ль не туценки да призатемнили,
И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
Призатемнѣли черны кáрабли,
А й призабѣлѣли да тонки парусы.
Чтоль наѣхало девя́ть разбойниковъ,
И у младóй жены мужá потрéбили,
И чтоль младенцика да въ море спу́стили,
И молоду вдову да прибезчестили.
Всѣ разбойники спать улягутся,
И одному жъ разбойнику не пóспалось,
И не поспалось да призаду́малось.
И онъ началъ тутъ вдовушку выспрашивать,
И начáлъ у вдовушки вывѣдывать:
— И ты скажи́, скажи́, ты скáжись, вдовушка,
— И ты цьего роду́ и цьего племени,
— И ты цьего отца да цьёё матери?
— Еще какъ тебя да именемъ зовутъ,
— Звеличаютъ тебя да по отечеству? —
И чтоль отвѣтъ дёржитъ да молода вдова:
«Ужъ я есть-то роду сама мéньшаго,
«Ужъ я есть-то рода вдовки пашицы
«И какъ у вдовушки было у пашицы
«И чтоль девять сыновъ было одинака дочь.
«И какъ девять сыновъ да возростать стали,
«Возростать стали да вдругъ повыросли,
«И вдругъ повыросли да во разбой пошли,
«И чтоль меня едину зá мужъ выдали,
«И какъ за славноё да за синё море
«И за того́ купца да забогатаго.
«Ужъ я годъ то жила да не стоснуласи,
«И другой жила да въ уми не было,
«Я на третій годъ да стосковаласи,
«Я у свёкрушка да подаваласи,
«У свекровушки да доложиласи.
«Двое здумали, съ мужóмъ поѣхали,
«Чтоль за славноё да за синё морё
«И ко свóёй ли ко родной матушкѣ.
«Чтоль среди моря да среди синяго,
«И какъ не туценки призатемнѣли,
«И не бѣлы снѣжки да призабѣлѣли,
«Призатемнѣли вѣдь черны кáрабли,
«А й призабѣлѣли да тонки пáрусы.»
А й все то выслушалъ да тотъ разбойничекъ,
И онъ вскричалъ сзычалъ да зычнымъ голосомъ:
— И вы ставайте-тко да братья родныя!
— Своего ли зятя мы потрéбили,
— Родна племника да въ море спустили,
— Родиму сестру да прибезчестили. —
И всѣ разбойники да пробудилися
И всѣ разбойники да устрашилися,
И у родной сестры они простилися:
«И ты прости, прости да сестра родная,
«И ты во всемъ прости и ты помилуй насъ.»

Записано тамъ же, 16 іюля.

—

177.

ГОРЕ.

И какъ отъ батюшка было отъ умнаго,
И отъ матушки да отъ розумноя,
Зародилоси чадушко безумноё.
Безумноё чадо неразумноё.
И унимаетъ тутъ чадушко родна матушка:
«И не ходи-тко чадо на царевъ кабакъ,
«И не пей-ко-сь чадо да зелена вина,
«И не имѣй суюзъ со голями кабацкими,
«И не знайся ты чадо со жонками со блядками,
«И что ли со тѣма со дѣвками со курвами.»
И не послышалъ тутъ чадо родной матушки.
И какъ пошелъ тутъ чадушко да на царевъ кабакъ,
И сталъ тутъ пити кушати да зелена вина,
И сталъ знаться чадо съ голями кабацкима,
И суюзъ имѣть сталъ съ жонками со блядками,
А й со тѣма ли-то со дѣвками со курвами.
А й тутъ вѣдь къ добру молодцу да Горе привязалоси,
Какъ молодецъ со Горюшка да въ козаки пошолъ,
Еще Горе вслѣдъ да топоры́ несётъ,
Топоры несётъ само приговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ къ тебѣ я Горе привязалоси.—
И молодецъ со Горюшка да во солдатушки.
А еще Горе вслѣдъ да оружьё несётъ,
А й оружьё несётъ само выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушолъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тебѣ Горе привязалоси.—
И молодецъ со Горюшка да во быстру рѣку.
А й Горе вслѣдъ да невода́ несётъ,

И невода́ несетъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тёбѣ Горе привязалоси.—
И молодецъ-то со Горюшка да на синё море.
Еще Горе вслѣдъ да гоголёмъ пловётъ,
И гоголёмъ пловётъ да выговариватъ:
— И ты постой-ко-сь не ушелъ да добрый молодецъ,
— И не на часъ я къ тёбѣ Горе привязалоси.—
И молодецъ-то со Горюшка да во синё море.
А й тутъ-то Горе сѣло вѣдь на бѣлую грудь,
И стало Горюшко да слезно плакати.
— И тебѣ спасибо добрый молодецъ,
— И какъ умѣлъ на сёмъ свѣтй Горя́ помыкати!—
А й тутъ на вѣкъ Горе розставалоси,
И со удаленькимъ да добрымъ молодцемъ.

Записано тамъ же, 11 іюля.

—

XXXII.

Ѳ. ЗАХАРОВЪ.

Ѳедоръ Захаровъ, крестьянинъ съ Выгозера, подъ пятьдесятъ лѣтъ, земледѣлецъ; выучился былинамъ отъ заѣзжихъ людей; поетъ «голосомъ» былины про Ивана Гординовича, Батыгу и королевичей изъ Крякова; прочихъ не умѣетъ пѣть, а разсказываетъ ихъ словами, съ сохраненіемъ однако стихотворнаго склада.

—

178.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й во городѣ было во Кіеви,
А явилоси чудо неслыхано,
Наѣхало Идо́лище поганоё,
Ростомъ Идолищо трехъ аршинъ,
Межъ глазамы у него пяда мѣрная,
Глаза у него какъ чаши пивныи,
Онъ сидитъ, ѣстъ да пьетъ, прохлаждается,
Надъ Владиміромъ княземъ похваляется:
«Я Кіевъ градъ вашъ въ полонъ возьму,
«А Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«Князей бояръ всѣхъ повырублю.»
А на ту пору да на́ то времечко,
Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Онъ является Илья да ко Владиміру.
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Это кто пришелъ у васъ, какой пастухъ?»
— Это старый казакъ Илья Муромецъ. —
Испроговоритъ Идолищо поганоё:
«Онъ много-ль ѣстъ, да много-ль кушаетъ?»
А отвѣчатъ ему Илья Муромецъ:
— А колачикъ съѣмъ, дру́гой хочется.
— А дру́гой съѣмъ, съ то́го сытъ живу. —
«А я то Идолищо поганоё,
«Я по́ хлѣбу кладу за́ щеку,
«А по дру́гому кладу я за другую,
«Лебедь бѣлую на закусочку,
«Ведро мѣрное да на запивочку.»
Испроговоритъ тутъ Илья Муромецъ:
— Какъ у моего было у батюшка
— Большобрюхая коро́вищо обжорищо,
— Она много ѣла пи́ла, — да и лопнула. —
Таково́ слово ему́ за гнѣвъ пало.
Онъ бросилъ ножичищомъ кинжалищомъ
Во стараго казака Илью Муромца.
Его ножикъ Илья клюхой отвелъ,
Не попало въ Илью Муромца,
А попало въ придве́рину со две́рями.
Вышибло придверину со дверями.
И того Илья не устрашается,
А стоитъ Илья да й усмѣхается.
Самъ говоритъ таково слово:
— Не честь не хвала молодецкая,
— Окровавить полата княженецкая,
— А повывести Идолища на крылечико. —
И бралъ тутъ его за желты́ кудри,
За желты́ кудри да за бѣлы руки,
Выводилъ его изъ полаты вонъ.
Говорилъ Илья таково слово:
— Не честь будё хвала молодецкая,
— Окровавить крылечко княженецкое,
— Лучше вывести татарина на ши́рокъ дворъ.—
Поднималъ его да выше головы,
Ударилъ его о сыру́ землю,
Розбилъ его всего въ дребезги.
Тутъ среди стола бѣлодубова
Только Идолище живъ бывалъ,
Только поганоё Кіевъ бралъ;
А вся честь хвала Ильи Муромцу.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

—

179.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й у насъ было въ городи Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра,
Завелся зачался почестенъ пиръ
На многи на князи на бояра.
И на русски поляницы удалыя.
И самъ тутъ Владиміръ веселъ былъ,
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
«У насъ вси молодци были женены,
«А племянничекъ Иванушко Гординовичъ
«Онъ холостъ ходилъ и неженатъ гулялъ.
«Поѣзжай ты, Иванушко, женитися,
«Сколько надобно бери золотой казны,
«Или несчетныя силушки великія.»
Испроговоритъ Иванушко Гординовичъ:
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка,
— Солнышко Владиміръ стольнё-кіевскій!
— Мнѣ не надо твоей золотой казны,
— Мнѣ не надо твоей силы несмѣтныя.
— Только дай мнѣ три коня что ни лучшіихъ,
— Еще три молодца изобранныхъ.
— Во-первыхъ дай Добрыню Никитича,
— Во другихъ дай Алешу Поповича,
— Во третьихъ Исака Петровича.
— У мёня есть теперь невѣста повыбрана,
— А во этомъ городи Черниговѣ,
— У Митрія купца у богатаго,
— Есть душечка Настасья Митріёвична,
— Всѣмъ то Настасьюшка добрымъ добра,
— И тѣломъ Настасья быдто снѣгъ бѣла.
— У ей бровушки были черна соболя,
— У ней очушки были ясна сокола,
— Походочка у ней была павиная,
— Разговорушки были лебединые. —
А й садилися молодци поѣхали
Ко этому городу Чернигову,
Ко Митрію купцу ко торговому.
Только видѣли молодцевъ сѣдучи,
А не видѣли удалыхъ поѣдучи.
И не путемъ они ѣдутъ не дорогою,
Прямо ѣдутъ черезъ стѣну городовую.
Увидѣлъ тутъ Митрей торговый гость,
Скоро выбѣжалъ Митрей на широкъ дворъ,
Во одныхъ чулочкахъ безъ чоботовъ,
И въ одной рубашкѣ безъ шубоньки,
Принимаетъ гостей да й подчуетъ.
«Ай же вы удалыи молодцы!
«Вы чего сюда теперь пріѣхали?»
— А пріѣхали посвататься
— На твоей ли любимой на дочери,
— А й на этой Настасьѣ Митріёвичной.
— Есть ли волей не дашь, мы боёмъ возьмёмъ.
Испроговоритъ купецъ имъ богатыи:
«Ай же вы удалыи добры молодци!
«У мёня за три годы Настасьюшка просватана
«За того царя за Кощерища,
«А вы возьмите увезите, вамъ Богъ подастъ.»
Брали удалыи молодцы
Душечку Настасью Дмитріёвичну,
Посадили её на добра коня,
Повезли её ко городу Кіеву,
И ко ласкову князю Владиміру.
Не доѣдучи до города Кіева,
Попало на лѣсу три слѣдочика
И первый слѣдъ лева звѣря,
А другой слѣдъ лани бѣлыя,
А третій слѣдъ черной куночки.
Тутъ Добрынюшка поѣхалъ за левымъ-звѣрёмъ.
А Олешенька за ланью за бѣлою,
А Исакъ Петровичъ за куночкой чорною,
А Иванушка Гординовичъ
Отдыхалъ онъ съ Настасьей во бѣломъ шатрѣ.
Наѣзжаетъ тутъ царищо Кощерищо,
И говорилъ тутъ царищо таково слово:
— Ай же ты Иванушко Гординовичъ!
— Ты почто увезъ невѣсту обручёную,
— Обручёную Настасью за три года.
— А ужъ мы станемъ-ко кидать теперь жеребёй,
— Будемъ пробовать мы силу молодецкую. —
И бросилъ тутъ Иванушко Гординовичъ
Царища Кощерища о землю,
И садился ему на бѣлу грудь,
Садился Иванъ да выговаривалъ:
«Ужъ ты душечка Настасья Митріёвична!
«Ты подай ножичищо кинжалищо,
«Роспорю я теперичу татарску грудь.»
А й возмолится царищо Кощерищо:
— Ужъ ты душечка Настасья Митріевична!
— Не подай ножичища кинжалища,
— А возьми-тко Иванушка за кудри,
— А сними-тко съ меня его на землю.
— За мной будешь жить, какъ царицей слыть,
— А за Иваномъ жить, бабой портомойницей.—
А у дуры у бабы волоса долги,
Волоса долга да дума коротка.
Она взяла Иванушка за кудри,
А склонила его да на сыру землю,
Исправился царищо Кощерищо.
Нарвали они да ковыль травы,
Привязали Ивана ко сыру дубу,

Ко сыру дубу да на ковыль траву.
Сырой дубъ погибается,
А ковыль трава не порывается.
А на ту пору да на то времечко
Прилетѣло два малыхъ два сизыхъ голуба,
Прилетѣли надъ Иванушкомъ воркали:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка прикована?
«Ради дѣвки ради дурища.»
А й ты слова царю да не влюбилися,
Онъ беретъ тутъ Иванушковъ тугой лукъ,
Накладыватъ Иванову калену стрѣлу,
Направляетъ во малыхъ голубовъ.
А возмолится Иванъ у сыра дуба:
— Ужъ ты батюшко мой тугой лукъ,
— Матушка да калена стрѣла,
— Не пади стрѣла не на воду,
— Не пади стрѣла ты й не на землю,
— А воротись ко татарину во бѣлу грудь. —
По его словамъ тутъ случилося,
Калена стрѣла да воротилася,
И вышибла сердцо со печенью.
А й заплакала Настасья Митріёвична,
А отъ одного бережка откачнутось,
Ко другому да не прикачнутось.
Говоритъ ей Иванъ таково слово:
— Отвяжи меня Настасья отъ сыра дуба.
— Я не буду бить тебя наказывать,
— Только дамъ три грозы княженецкіихъ,
— Да и три тебѣ науки молодецкіихъ. —
Отвязала Настасья отъ сыра дуба,
А й беретъ тутъ Иванушко булатній ножъ,
Отсѣкъ у ей руки по локотамъ прочь.
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Съ поганымъ царемъ охаплялася. —
Отсѣкъ у ей носъ да и со губами.
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этима мѣстама цѣловалася. —
А копалъ глаза со косицамы.
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно.
— Этыма мѣстамы умилялася. —
А й тулово оставилъ на сырой земли,
Чернымъ воронамъ на граянье,
Добрымъ людюшкамъ на баянье.
Самъ поѣхалъ ко городу Кіеву,
А ко дядюшкѣ Владиміру ко Кіевску,
Розсказалъ ему обо всемъ подробно.
А и только нашъ Иванушка женатъ бывалъ,
И только Гординовичъ съ женой сыпалъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

180.

ДЮКЪ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
А й у ласкова князя у Владиміра,
Открылся зачался почестной пиръ,
На многи на князи на бояры,
И на русски поляницы удалыи.
Этотъ день идетъ къ вечеру,
А почестной пиръ сталъ на веселп.
Всѣ на пиру напивалися,
И всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Сильній-отъ хвасталъ своей силою,
А богатый хвасталъ золотой казной,
А удалой хвасталъ добрымъ конёмъ,
Умный хвасталъ отцемъ матушкой,
А безумный хвасталъ молодой женой.
Тутъ, среди стола бѣлодубова,
Сидѣлъ удалый добрый молодецъ
Молодой Дюкъ Степановичъ.
Онъ не ѣстъ, не пьетъ, не кушаётъ,
Ни съ кѣмъ не говоритъ и не хвастаетъ.
Говоритъ ему Владиміръ князь:
«Ай же ты удалый добрый молодецъ!
«Ты чего не пьешь, не кушаешь,
«Ни съ кѣмъ не говоришь, не хвастаешь?
«Развѣ пиръ тебѣ да не по разуму,
«Или ѣсть тебѣ было нечего,
«Или человѣкъ бѣдёнъ хвастать не о чемъ?»
Говоритъ ему Дюкъ Степановичъ:
— Ай ты солнышко Владиміръ стольно-кіевской
— У меня есть живота и больше вашего,
— Я отъ батюшки остался малешенёкъ,
— И не привыкъ ѣсть хлѣба чернаго,
— А у моей-то родители у матушки,
— У честной вдовы Амальфы Тимоѳеевной,
— Есть гридни палаты бѣлокаменны.
— Полы и среда одного серебра,
— Крюки пробои по булату злачёны,
— Печки тѣ были муравлены,
— Помялышка были шелковыи,
— Водушка была медовая,
— Колачики пекутъ крупивчаты.
— Колачикъ съѣшь, а другой хочется,
— А другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ,
— Если третій съѣшь, то и сытъ будешь.
— А серебра и золота смѣту нѣтъ,
— Широкій дворъ на семи верстахъ,

ѡколо заборы позолочены. —
слова Владиміръ не повѣрилсо,
нялъ молодца зá гостя,
му въ домъ послалъ Чурилу Плёнкова
ѡда Олешу Поповича,
, описать все имѣніе.
зали молодцы къ дому Дюкову,
цѣли изрядную женщину.
нившись ей проздравили:
ствуй-ко Дюкова матушка,
ıà вдова Амельфа Тимоѳеевна!»
ыла имъ женщина:
ıе Дюкова матушка,
Дюкова послѣдняя портомойница,
ы увидите Дюкову матушку,
, отворитъ вамъ глубокіи погребы
окажетъ вамъ много злата и серебра,
сякаго каменья драгоцѣннаго. —
ъ Чурила Плёнковичъ,
лъ письмо ко Владиміру:
ослушай Владиміръ кіевской!
ъ чернилъ бумаги не ставится,
Дюкà живота оставается.»

сано тамъ же, 15 Іюля.

—

181.

ИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

насъ было во городи во Кіевѣ,
, сподъ этой-то стѣны городовыя
ыло два тура златороѓія,
стрѣчу турамъ ихна мать родна.
е малыи туры неразумныи!
вы гдѣ туры были, что вы видѣли?»
, мы видѣли, мати, чудо чудное,
о чудноё вид'ли, диво дивное.
ъ ходила по стѣны красна дѣвица,
столько ходила, сколько плакала,
плакала тужила зычнымъ голосомъ. —
ы глупыи туры неразумныи!
лакала стѣна городовая,
лышала побѣду надъ Кіевомъ.»
, ту пору на другой день,
ъ Батый тутъ невѣрной царь,
имъ сыномъ Батыгою Батыгичемъ,
любимыимъ зятемъ татариномъ.
итрымъ дьячкомъ зловыдумчивымъ.
тй было силы сорокъ тысящей,
И у сына его сорокъ тысящи,
У зятя у него сорокъ тысящей,
Да й у хитраго дьячка сорокъ тысящей.
Обступили обошли они Кіевъ градъ,
И посылаетъ тутъ Батый царь скорà гонца:
— Ты поди сходи гонецъ ко Владиміру,
— Ты потребуй у него намъ пóединщика.
— А й не дастъ будетъ Владиміръ поединщика,
— Мы побьемъ разоримъ ёго Кіевъ градъ,
— Не оставимъ мы во городѣ ни óдного,
— Ни óдного Владиміру на сѣмена. —
А й приходитъ тутъ гонецъ ко Владиміру,
Ужъ онъ бросилъ ярлыкъ на крýглый столъ,
Самъ онъ садился на ременный стулъ,
Испроговоритъ татаринъ таково слово:
«Ты пожалуй намъ Владиміръ поединщика.
«А й не дашь буде Владиміръ поединщика,
«Мы побьемъ разоримъ твой Кіевъ градъ.»
Видитъ тутъ Владиміръ что бѣда пришла
И некого послати поединщика.
Самъ говоритъ таково слово:
— По грѣхамъ надо мной солучилоси,
— Молодцевъ у меня не случилоси.
— Илья Муромецъ гуляетъ во чистомъ поли,
— А Добрыня у Макары на ярмонкѣ,
— А й Олешенка Поповичъ въ Новѣгороди.
— А одинъ мóлодой Васильюшка упьянсливой
— Со похмѣльица лежитъ во цареви кабаки. —
Запечалился Владиміръ позадумался.
Услышалъ тутъ Василей такову бѣду,
Скоро шелъ на башню на стрѣльнюю,
И беретъ себѣ Васильюшко тугой лукъ,
А й накладываетъ Василей калену стрѣлу,
Онъ пущаетъ во шатры во Батыгины,
И убилъ подъ шатрамъ ровно три головы,
Что не лучшіи головушки удалыи.
Во первыхъ убилъ сына Батыгина,
Во другихъ убилъ зятя любимаго,
А й во третьихъ убилъ хитраго дьяка зловыдумчива.
Тутъ увидѣлъ Батый что бѣда пришла,
Что изъ Кіева пущёна калена́ стрѣла.
Призыватъ себѣ татарина побольше всѣхъ,
А й которой-то татаринъ былъ потолще всѣхъ,
Да й которой-то татаринъ посильнѣе всѣхъ.
Отправляетъ онъ его ко Владиміру,
Отправляетъ онъ его да и наказываетъ:
«Ты поди скорѣй татаринъ ко Владиміру,
«Ужъ ты требуй у него виноватаго.
«И кто это убилъ у меня три головы,
«Что не лучшіи головушки удалыи?»

Пріѣзжаетъ тутъ татаринъ ко Владиміру,
Онъ не вяжетъ коня да не приказываетъ,
Скоро бѣжитъ во гридню свѣтлую,
Онъ Спасову образу не молится,
И Владиміру князю челомъ не бьетъ,
Только самъ говоритъ таково слово:
— Ужь ты старая собака сѣдатый песъ!
— Это кто сошутилъ таку шуточку.
— Изъ лука пустилъ калену стрѣлу,
— А й убилъ подъ шатрами ровно три головы.
— Ты давай намъ скорѣй виноватаго.
— А й не дашь буде Владиміръ виноватаго,
— Мы сейчасъ разоримъ твой Кіевъ градъ. —
А й приходитъ тутъ Владиміръ во царевъ кабакъ,
Говоритъ тутъ Владиміръ таково слово:
«Охъ молодой Васильюшко упьянсливый!
«А не ты-ли сошутилъ таку шуточку,
«Ты убилъ у Батыги ровно три головы?
«Поѣзжай-ко къ нему ты прощатися,
«Во большой во винѣ извинятися.»
Говоритъ ему Василей упьянсливой:
— Ты послушай-ко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Не могу я теперь пристати, головы поднять,
— А й шумитъ-то болитъ буйна голова,
— Со похмѣльица дрожатъ и ножки рѣзвыя.
— Прикажи-тко ты Владиміръ опохмѣлиться,
— Хоть единою чарочкой похмѣльною,
— Чтобы мѣрою помѣрить полтора ведра. —
Принималъ Василей единой рукой,
А й выпивалъ тутъ Василей единымъ духомъ,
Да й по кабаку Василей сталъ похаживать,
Буйною головушкой покачивать,
Правою ручкой помахивать.
«Я теперь могу владѣть добрымъ копемъ,
«Я теперь могу владѣть саблей острою.»
А й приходитъ тутъ Василей ко Владиміру,
Увидалъ онъ татарина сидячаго,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
«Это что у тебя за дуракъ сидитъ?
«Это что у тебя болванъ необтесаный?
«Онъ Спасову образу не молится,
«А Владиміру князю челомъ не бьетъ.»
Выбиралъ тутъ Василей коня по люби,
На этой на конюшенкѣ княженицкою,
Сѣдлалъ уздалъ Василей приговаривалъ:
«Ужъ ты конь мой конь лошадь добрая!
«Не убойсь-тко шуму татарскаго.»
Выѣзжалъ тутъ Василей изъ Кіева,
Подъѣзжалъ ко татарамъ ко Батыевымъ,
У Батыя во винѣ онъ прощается:
«Ты прости меня Батый во большой винѣ,
«Дай мнѣ-ка силы сорокъ тысящей,
«Пособлю я тебѣ взяти нашъ Кіевъ градъ.
«Ужь я знаю гдѣ ворота худо заперты,
«Худо заперты ворота, не заложены.»
А й на ты слова Батый обнадѣялсо,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Прибилъ, пригубилъ всѣхъ до одного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
Онъ во этоей вины извиняется:
«Ты прости меня Батый во большой винѣ!
«Я попалъ на заставушки россійскіи,
«Отобрали у меня всѣхъ до одного.
«Еще дай мнѣ-ко силы сорокъ тысящей.»
А й на ты слова Батый пріукинулся,
А й давалъ ему силы сорокъ тысящей.
Выводилъ ихъ Василей во чисто поле,
Онъ прибилъ пригубилъ всѣхъ до одного.
Поскорешенько назадъ и ворочается,
И больше въ вины не прощается.
Размахалась у Василья ручка правая,
Распиналась у Василья ножка рѣзвая.
Куды рученкой махнётъ — туды улица,
Куды ноженкой пихнетъ — переулочекъ,
Вдвое втрое того топчетъ его добрый конь.
И видитъ тутъ Батый что бѣда пришла,
И самъ говоритъ таково слово:
— Не ужоль таковы люди въ Кіевѣ, —
— А одинъ молодецъ всѣхъ татаръ прибилъ? —
Поскорешенько на коней собирается,
И самъ онъ, невѣрный, заклинается:
— Не дай мнѣ-ка Богъ на Руси бывать,
— И не дѣтямъ моимъ и не внучатамъ.
— Оставайтесь во Кіеви по прежнему. —

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

182.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Ай диди диди дидюшечки,
А и изъ городка было изъ Крякова,
Изъ того села Карачаева,
А выѣзжалъ тутъ удалый добрый молодецъ,
Пётре Петровичъ королевской сынъ,
Поѣздить гуляти по чисту полю.
Онъ увидѣлъ на дубу синя ворона.
А й беретъ тутъ Пётре тугой лукъ,

ляетъ Петре калену стрѣлу.
ержется воронъ птица хитрая:
ы Петре Петровичъ королевской сынъ!
уский-ко ты Петре калену стрѣлу.
рольешь ты королевичъ воронину кровь,
ознесетъ мое перье воронинное
рокому да по чисту полю,
іютъ мои кости у сыра дуба,
а дуба на кореньицахъ.
зжай-ко Петре на гору высокую,
три-ко во страну во восточную.
амъ ѣздитъ татаринъ косинскіи,
ѣшится утѣхой молодецкою.
ечетъ онъ палицю подъ облако,
ни гонятъ да и подхватываютъ.»
здумался Петре королевскій сынъ:
-ка старца убить не спасенье,
ерна ворона убить не корысть получить.
овыстану на гору высокую,
мотрю во страну во восточную. —
идѣлъ онъ татарина косинскаго,
цкое сердце разгорѣлоси,
пробовать силы захотѣлоси.
ился къ татарину насупротивъ,
ись молодчики ударились,
арились во копья во вострыи,
вострыи копья приломалиси,
ой коего не поранили.
арились во палици булатніи,
палици въ рукахъ прищепалиси,
ой коего не поранили.
или они со добрыхъ коней,
лиси они рукопашкою,
ѣлъ королевичъ татарина.
дился татарину на бѣлу грудь,
алъ ножичищо, кинжалищо,
пороти ему бѣлу грудь.
ъ плечи его рука устояласи,
етъ ножъ съ руки на землю.
тутъ королевичъ спрашивать:
скажи, скажи татаринъ косинскіи,
коей орды татаринъ, коей земли,
ъ тебя именемъ зовутъ,
ьего отца и какой матери?—
твѣчатъ ему татаринъ косинскіи:
ты сукинъ сынъ, блядинъ сынъ молодой щенокъ!
я сидѣлъ на твоей груди,
спрашивалъ бы имени, отечества.
скоро поролъ твою бѣлу грудь
нялъ бы тебѣ сердцо со печенью,
«А й закрылъ бы тебѣ да очи ясныи.»
И говоритъ ему Пётре королевской сынъ:
— Ты послушай-ко татаринъ косинскіи!
— Ты скажи, скажи да не утаивай,
— А й какъ тебя именемъ зовутъ.
— А чьего отца ты, какой матушки? —
А й говоритъ ему татаринъ косинскіи:
«А й ты русскій удалый добрый молодецъ!
«Когда началъ меня спрашивать,
«А я тебѣ теперь буду разсказывать.
«Я есть не татаринъ не косинскіи,
«А я русской удалый добрый молодецъ,
«Изъ этого изъ города изъ Крякова,
«Изъ этого села Карачаева,
«А й Василій Петровичъ королевской сынъ.
«Когда воевали татара косинскіи,
«Тогда меня съ батюшкой малаго въ полонъ взяли,
«Въ полонъ взяли и въ Литву свезли.»
Тогда скоро скочилъ Петре на ноги,
Поднималъ онъ татарина за руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніи,
Прижималъ ко сердечику ретивому.
И садилиси они на добрыхъ коней,
Поѣзжали ко городу ко Крякову,
Ко своему селу Карачаеву.
Подъѣзжай тутъ Петре королевичъ ко дому,
Онъ кричитъ тутъ зычнымъ голосомъ:
— Свѣтъ ты государыни матушка!
— Ты бери-тко татарина за руки,
— А корми-тко татарина до сыта,
— А люби-тко татарина до'люби.
— Это есть не татаринъ косинскіи,
— А мой старшій братецъ родимыи,
— Василій Петровичъ королевскій сынъ. —

Записано тамъ же, 25 іюля.

—

183.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

А у насъ было братцы во каменной Москвѣ,
У Грознаго царя Ивана Васильевича,
Собранъ былъ да великій пиръ
На многи на князи на бояры.
Вси на пиру наѣдалиси,
Вси на пиру напивалиси.
Говоритъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Я повывелъ измѣнушку изъ Кіева,

«Я повывелъ измѣну изъ Чернигова,
«А повывелъ я измѣну изъ Пскова,
«А й повыведу измѣну съ каменной Москвы».
Зъ-за того стола да бѣлодубова,
Изъ этой скамеечки яровчатой,
Ставалъ поднимался удалой добрый молодецъ,
А по имени Иванъ да Ивановичъ.
Ставалъ молодецъ выговаривалъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— А не вывелъ ты измѣнушки изъ Кіева,
— А не вывелъ ты измѣны изъ Чернигова,
— Да не вывелъ ты измѣны изо Пскова,
— А не вывести измѣны съ каменной Москвы,
— А измѣнушка твоя за столомъ сидитъ.
— За столомъ сидитъ да во глаза глядитъ,
— Она платьице носитъ одного швеца,
— Ѣстъ-то пьётъ да съ одной чашечки. —
Испроговорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ты скажи скажи моё дитятко,
«Это кто такова измѣнушка?»
А й воспачется Иванушко Ивановичъ:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ на братца сказать, дакъ братца жаль,
— А на себя сказать, дакъ живу не быть.
— Которой улицей ѣхалъ я съ тобой,
— Мы грѣшничковъ били всё вѣшали;
— А которой улицей ѣхалъ братецъ мой,
— Онъ грѣшныхъ не билъ, а миловалъ,
— Давалъ ерлычки потаенные
— Велѣлъ виновнымъ укрытися. —
Испроговоритъ Грозный Иванъ Васильевичъ:
«А й же вы татара безбожныи,
«А й же вы палачи немилосливы!
«Вы берите-тко моего сына Ѳёдора
«За бѣлы руки, да желты кудри,
«Отвезите-тко его во чисто поле,
«Ко этому болоту куликову,
«Ко этой ко плахѣ ко липовой,
«А ко той ко сабли ко вострою.
«Отрубите-тко Ѳедору голову,
«За его за измѣнушку великую.»
Тутъ палачи испугалися,
Грознаго гласу убоялися,
Средній тулялся за старшаго,
А старшій тулялся за младшаго,
А отъ младшаго во-все й отвѣту нѣтъ.
И всѣ говорили едино слово:
— Послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Намъ нельзя поднять руки татарскія,
— На твои на роды на царскія. —
А одинъ малый Малютка Шкуратовичъ,
Онъ бралъ Ѳедора за руки,
Выводилъ его на широкій дворъ,
Посадилъ его во карету темную,
А повезъ его во чисто поле,
Ко этому болоту куликову,
Да й ко этой ко плахѣ ко липовой,
И ко этой ко сабли ко вострыя.
Видитъ царица россійская,
Молода Мареа Романовна,
Что бѣда её пристигла неминуема.
Она чоботы одѣла на босу ногу
И шубоньку бросала на одно плечо,
А й бѣжала царица каменной Москвой
Ко милому братцу родимому,
Ко этому Никитѣ Романову.
Не чорная куночка прорыскала,
Свѣтъ-государыни пробѣгнула.
А й увидѣлъ тутъ Никита Романовичъ,
Выбѣжалъ Никитушка на широкъ дворъ
И самъ говорилъ таково слово:
«Ты послушай-ко сестрица родимая,
«Молодая ты Мареа Романовна!
«А какимъ тебя вѣтрушкомъ закинуло?»
Отвѣтъ держитъ Мареа Романовна:
— Ты постушай-ко родимый мой брателко,
— Старый Никита Романовичъ!
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Старша племничка любима крестничка.
— А увезъ его Малютушка въ чисто поле,
— Отрубить у него буйну голову.
Тутъ кидался Микитушка Романовичъ
На свою онъ конюшню богатырскую.
Онъ бралъ себѣ жеребчика неѣзжана,
Неѣзжана жеребчика пекладана,
Сѣдлалъ уздалъ Никита приговаривалъ:
«А й же вы народъ да люди добрыи,
«Вы сусѣдушки мои порядовныи!
«Дайте торну путь дорожку широкую,
«Чтобы старому мощно проѣхати.»
Только видѣли Микитушку сѣдучи,
А не видѣли Романовича ѣдучи.
Только пыль пылитъ да дымъ столбомъ валитъ.
Повыѣхалъ Никита во чисто поле,
Увидалъ онъ Малютку Шкуратова.
Не доѣдучи болота куликова,
Закричалъ тутъ Никита громкимъ голосомъ:
«Ай же ты сукинъ-сынъ молодой щенокъ Малютка Шкуратовъ
«И не тотъ стаканъ выпьешь ты заклекнешься,

«А съѣшь наше мясо да и задавишься.»
Наѣхалъ Микитушка Романовичъ,
Отрубилъ у Шкуратова голову.
Бралъ онъ любимаго племничка,
Посадилъ его на добра коня,
Привозилъ тутъ Никита во полатушку.
Отправлялся ко грозному царю Ивану Васильевичу,
Бьетъ онъ челомъ да и поклоняется:
«Здравствуй грозный царь Иванъ Васильевичъ,
«Со своей ты съ любимой семьёй,
«Съ любимой семьей да съ молодой женой!»
Испроговоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ты послушай-ко Микита Романовичъ!
— Али ты надо мной да надсмѣхаешься,
— Или вовсе про незгодушку не вѣдаёшь,
— Какъ не стало у тебя да старша племничка,
— Любимаго хрестничка а моего сына Ѳедора.
— Увезъ его Малютка въ чисто поле
— Отрубить у его буйну голову. —
Испроговоритъ Микита Романовичъ:
«Ты послушай-ко грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть ли грѣшнику покаяніё,
«А виноватому бываетъ ли прощеніе?»
— А было бы оно, тéперь негдѣ взять. —
«А не отрублена Ѳедору голова,
«А отрублена Малютѣ Шкуратову.»
— Ай же ты Микита Романовичъ!
— За твою за услугу великую,
— Ты бери города съ пригородками,
— Ты бери сёла со присёламы,
— И сколько надо бери золотой казны,
— А представь ты мнѣ Ѳедора прéдъ меня.
Говоритъ ему Никита Романовичъ:
«Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
«И не надо мнѣ-ка сёлъ со присёлкамы,
«Да не надо твоей золотой казны,
«Только дай ты мнѣ Микитину отчину.
«Хошь коня угони, хошь жену уведи,
«Хошь убей голову — уйди только въ Никитину отчину.»
Который ушелъ, того Богъ унесъ,
А застали — повѣсили, тому судъ пришелъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

184.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВИЧНА ЛИТОВСКАЯ.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду, да изъ земли въ землю,
Загулялъ молодецъ въ землю литовскую,
Ко тому королю литовскому,
Господь молодца помиловалъ,
Король молодца пожаловалъ,
Принялъ молодца служить конюхомъ.
Три года служилъ молодецъ конюхомъ,
Пожаловалъ король его ключникомъ.
Три́ года молодецъ служилъ ключникомъ,
Еще король его пожаловалъ
Постельникомъ служить у своей дочери,
У этой Елены королевичной.
Служилъ молодецъ тутъ постельникомъ,
Ростилалъ онъ перинушки пуховыи,
Росправлялъ одѣяла соболиныи,
У Елены былъ да во большой любви.
По времени былъ и на бѣлой груди.
Говоритъ ему Елена королевична:
«Ай же ты удалой добрый молодецъ!
«Не ходи молодецъ въ бесѣду татарскую,
«Не пей молодецъ зелена вина,
«Не расхвастайся Еленой королевичной.»
Во одну пору во это времечко
Выходилъ молодецъ прогулятися,
Приходилъ молодецъ во царевъ кабакъ.
Увидали тутъ татаровья-улановья,
Приняли его съ честью съ радостью,
Брали его за бѣлы руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Напоили молодца они до́ пьяна.
Тутъ молодецъ порасхвастался:
— Я три годы служилъ во конюхахъ,
— Три годы служилъ я во ключникахъ,
— А теперь служу во постельникахъ.
— Постилаю перинушку пуховую,
— Росправляю одѣяло соболиное,
— А й по времени бываю у Елены на бѣлой груди. —
Тутъ скочили татаровья-улановья,
Брали молодца за желты́ кудри,
За желты́ кудри его, за бѣлы руки,
Приводили его къ королю литовскому.
«А вы сведите молодца во чисто поле.
«Отрубите ему да буйну голову.»
Тутъ взмолился удалый добрый молодецъ:

— Вы послушайте татаровья-улановья!
— Вы возьмите-тко съ меня золотой казны,
— Не ведите-ко меня во чисто полё,
— Вы сведите-тко къ Елены королевичной. —
Повели его татаровья-улановья.
Закричалъ молодецъ да зычнымъ голосомъ:
— Ты прощай, прощай мой бѣлый свѣтъ,
— Прощай милая Елена королевична. —
А й услышала Елена королевична.
Бросилась она въ окошечко косивчато,
Въ одной тутъ рубашки безъ пояса,
Сама говорила таково слово:
«Ай же вы татаровья-улановья!
«Вы ведите молодца ко мнѣ на широкъ дворъ,
«Вы берите съ меня золотой казны,
«Золотой казны сколько надобно.»
А сама стала молодца спрашивать:
«Ты скажи, молодецъ, не утаивай,
«Не утаивай, меня не оманывай,
«Холостъ ли ходишь, или женатъ гуляшь?
«Есть ли у тебя молодецъ отецъ и мать,
«Есть ли у тебя молода жена,
«Есть ли молодецъ малы дѣточки?»
Испроговоритъ удалый добрый молодецъ:
— Есть у меня отецъ и мать,
— Есть у молодца молода жена,
— Есть у меня малы дѣточки. —
«Ты возьми молодецъ золотой казны,
«Да поди молодецъ въ твою сторону.
«Ты корми молодецъ отца и мать,
«Ты люби свою молоду жену,
«А корми молодецъ, малыхъ дѣточекъ,
«А й не хвастай ты Еленой королевичной.»

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

XXXIII.

ВИСАРІОНОВЪ.

Алексѣй Висаріоновъ Ватовъ съ Выгозера, двадцати шести лѣтъ, земледѣлецъ, дюжій, неповоротливый и крайне несообщительный. Удержалъ въ памяти нѣсколько былинъ изъ тѣхъ, которыя пѣвалъ его отецъ, скончавшійся года два тому назадъ и считавшійся лучшимъ знатокомъ былинъ на Выгозерѣ. Онъ поетъ былины очень складно, вѣрно сохраняя различіе въ напѣвахъ.

—

185.

КОЛЫВАНЪ БОГАТЫРЬ.

Во чистомъ поли съѣзжалоси
Три сильніихъ могучіихъ богатыря
По имени первой Колыванъ богатырь,
Другой Муромлянъ богатырь,
Третей Самсонъ богатырь.
Промежду собою рѣчи говорили,
Которыя изъ насъ будетъ большій братъ?
Говоритъ Самсонъ богатырь:
Кабы былъ столобъ въ земли
Кабы было кольцё въ столбу
Я бы землю всю во кругъ повернулъ.
Говоритъ Муромлянъ богатырь
Я бы такожде повернулъ.
Говоритъ Колыванъ богатырь:
Я бы такожде могъ повернуть.
Господь Всевышнія творецъ
За нихнеё похваленьё
Далъ имъ привидѣніё
Куда у ихъ было норчено въ путь ѣхать,
Лежитъ на дороги сумка,
Въ таковои сумкѣ сложенъ весь земныя грузъ
Выскакиватъ со своего со добраго съ коня
Самсонъ богатырь,
Хватаетъ таковую сумку.
Сумка съ мѣста не ворохнется
Выходитъ Муромлянъ богатырь
Со своего со доброго коня
Хватаетъ таковую сумку.
По колѣнамъ въ землю усѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется
Выходитъ Колыванъ богатырь
Со своего со доброго коня,
Хватаетъ таковую сумку.
По грудямъ въ землю сѣлъ,
Сумка съ мѣста не ворохнется,
Съ небеси имъ гласъ прогласило:
Сильніи могучіи богатыри
Отстанете прочь отъ таковыя сумки,
Весь земныя грузъ въ сумку сложенъ
Впредки не похваляйтесь
Всёю землёю владѣти,
Наблюдайте своё доброё,
Ѣздите по Русей,

Дѣлайте защиту,
Сохраняйте Русéю отъ нéпріятелѝ
А хвастать по пустому вного не знайте.

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

—

186.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

Во стольнёмъ городи во Кіеви,
У ласкова князя Владыміра,
Сдѣлалась побѣдушка великая,
Великая побѣда на весь Кіевъ градъ.
Наѣхало Идолищо великоё,
Въ долину Идолищо шти саженъ,
Въ ширину Идолищо трёхъ саженъ,
Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень со локотью,
Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрная,
Мéжъ ноздрами у его изляжетъ калена̀ стрѣла,
Самъ на словахъ похваляется:
«Давайте мнѣ поединщика!
«Если нѣтъ у васъ поединщика,
«Я Божьи церквы всѣ на дымъ спущу,
«А й весь Кіевъ градъ я въ полонъ возьму.»
А й ѣстъ-то онъ пьетъ хлѣбъ-отъ за щеку,
Другой за дру́гую,
А й бѣлую лебедь на закусочку.
Выпивае онъ вѣдь напиточокъ,
По боченкѣ сороковочкѣ на единый духъ,
А во градѣ вина все мало ставится.
А й стольнія князь стольнё-кіевской,
А й видитъ бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
А й говоритъ тутъ Василей упьянсливой,
Говоритъ тутъ онъ таково слово:
— Стольнія князь стольнё-кіевской!
— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,
— Ретливо́ сердцо мнѣ пріо́бкатить,
— Буйна го́лова мнѣ изве́селить. —
Наливали ему чару зелена вина,
Мѣрой чара полтора ведра.
Принималъ Василей единой рукой,
Выпивалъ Василей единымъ духомъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:
— Ретливо́ сердцё теперь пріо́бкачено,
— Буйна го́лова теперь изве́селена̀. —
Беретъ въ руки клюху богатырскую,
Вѣсо́мъ клюха тя́нетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы на гору поскакивать,
А й сталъ онъ съ холмы на холму попрядывать:
Рѣки, мелки озера межъ ноги́ спущалъ.
Приходитъ Василей упьянстливой
Во то ли онъ во чисто́ полё,
А й встрѣчу ѣдетъ старый казакъ Илья Муромецъ
«Здравствуй Василей упьянсливой!»
— Здравствуй старый казакъ Илья Муромецъ! —
Говоритъ Илья Муромецъ таково слово:
«А й же ты Васильюшко упьянстливой!
«Все-ль есть во городѣ во Кіевѣ по старому,
«По старому-ли есть по прежнему?»
Испроговоритъ Васильюшко упьянстливой:
— Все есть во городѣ не по старому,
— Все-ль есть во городѣ не по прежнему,
— Наѣхало Идолищо великоё,
— Въ долину-то Идолищо шти сажонъ,
— Въ ширину-то Идолищо трехъ сажонъ,
— Межъ ушами у него вѣдь какъ сажень съ локотью,
— Межъ глазами у него вѣдь какъ пяда мѣрою,
— Межъ ноздрами у его вѣдь изляжетъ калена стрѣла. —
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«А й же ты Васильюшка упьянстливый!
«Силы у тебя вѣдь есть два меня,
«Смѣлости-у́дати у тебя нѣтъ въ полъ-меня.»
Выходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Со своего ли онъ вѣдь со добра коня,
И скидывае изъ себя онъ платье богатырское.
Снимае съ Василья платье калі́чьеё,
Надѣваетъ на себя онъ платье калі́чьеё,
А й на Васильюшка на упьянстлива,
Надѣвае платье богаты́рскоё.
Посадилъ Василья на своего на добра коня,
Во двѣнадцать сѣдёлышекъ засѣдлывалъ,
Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягивалъ.
Тутъ поѣхалъ Василей по чисту полю,
Безъ ума его вѣдь конь носитъ безъ памяти,
А й радъ бы Василей выпасть да нé можно.
А й старый казакъ Илья Муромецъ
Берётъ въ руку клюку богатырскую,
Вѣсомъ клюка тянетъ ровно сорокъ пудъ.
А й сталъ онъ съ горы на́ гору поскакивать,
А й сталъ онъ съ холмы на́ холму попрядывать.
Приходитъ старый казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко той ко полаты бѣлокаменной,
Крычитъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьинымъ,
Матушка сыра земля подрогнула,

Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не примется.
Крыкнулъ Илья Муромецъ дру́гой разъ,
Крыкнулъ по́крикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ по́свистомъ соловьинымъ, —
Матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна зашаталаси.
Это Идолищо не вчуется,
Не вчуется, за рѣчь не примется.
Крыкнулъ Илья Муромецъ третей разъ,
Крыкнулъ покрикомъ богатырскіимъ,
Свиснулъ посвистомъ соловьинымъ, —
Вся матушка сыра земля подрогнула,
Полата бѣлокаменна съ угла на́ уголъ зашаталаси,
А й всѣ питья по сто́ламъ расплескалиси.
Говоритъ Идолищо таково слово:
— Подите-тко-сь, выведите-тко-сь,
— Какая-сь калика перехожая,
— Перехожая калика переѣзжая? —
А идетъ старый казакъ Илья Муромецъ,
А й во тую-ли во полату бѣлокаменну,
А й онъ крестъ-отъ кладе́тъ по уче́ному,
А й поклонъ тотъ ведетъ по писа́ному.
«А й здравствуйте вси купци вси бо́яра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
Князю Владиміру со княгинею низко кланялсо,
Низко кланялсо имъ въ особину,
А этому татарину челомъ не бьетъ.
Говоритъ-отъ татаринъ таково слово:
— А й же ты калика перехожая,
— Перехожая калика, переѣзжая!
— Видалъ-ли ты, все слыхалъ-ли ты,
— Славнаго бога́тыря
— Стараго казака Илью Муромца? —
«Видалъ вѣдь я, все слыхалъ вѣдь я
«Стараго казака Илью Муромца.
«Съ меня́ ростомъ, съ меня́ толстомъ,
«Съ меня ровно всимъ вели́чествомъ.»
— По вногу ли вѣдь онъ къ выти ѣстъ? —
«А й ѣстъ онъ пьетъ во славу Божьюю,
«Колачикъ съѣстъ, по другомъ душа горитъ,
«А й другой съѣстъ, вѣдь онъ сытъ бывать.»
— По вногу ли онъ выпиватъ напиточокъ?—
«Онъ стаканчикъ выпье, по дру́гомъ душа горитъ,
«А другой выпьетъ, онъ дово́ленъ бывать.»
— Какъ бы эттакъ былъ, на доло́нь бы я клалъ,
— Да грязь родиласи.
— А я то вѣдь какъ ѣмъ-то пью.
— Хлѣбъ тотъ я за щеку,
— Другой я за дру́гую,
— Бѣлую лебедь на закусочку.
— Испиваю я вѣдь напиточокъ,
— По бочечкѣ сороковочкѣ
— На единой духъ.—
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«У моего досюль у батюшка родителя
«Была коровищо обжорищо,
«Вного питей пила, только лопнула.
«А й былъ кобелищо объѣдищо,
«Вного ѣлъ, только треснулъ онъ.»
Эта рѣчь-та татарину не любиласи.
Берётъ ножичищо кинжалищо,
А й бросилъ ножичищо кинжалищо
Въ стараго каза́ка Илью Муромца.
А й старой казакъ былъ догадливой,
Былъ догадливой самъ увѣтливой,
Отвелъ ножичищо кинжалищо
А й той ли клюкой богатырскоёй,
Пролетѣло ножичищо во липину,
Рвало ли́пину вѣдь со дверма вонъ.
Говоритъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
«Пойти взять было татарина за желты кудри.»
А й взялъ-то татарина за желты кудри,
А й самъ говоритъ таково слово:
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить полати княженецкія.»
Повывелъ татарина на новы сѣни.
«Не честь фала́ молодецкая,
«Кровавить сѣней княженецкіихъ.»
Повывелъ татарина на широкіи дворъ.
«Не честь фала молодецкая,
«Кровавить двора княженецкаго.»
Повывелъ татарина во чисто́ полё,
А й тропнулъ его единой рукой,
А й только татаринъ вѣдь живъ бывалъ.
А й сталъ онъ тоемъ туловомъ помахивать,
Куды махнетъ — улкамы,
Перемахне — переулкамы.
Ахъ какъ ребята оружьё добро,
Ай гне́тся татаринъ не ломится,
Самъ весь на жильяхъ подавается.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

—

187.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

ого ль у пана у купца сердопольскаго,
о оставленьицо оставлено.
ынюшка Микитиничъ,
ладоемъ возрастѣ,
лся отъ родителя отъ батюшка.
на вдова Степанида Обрамовна
остила своего сына,
ынюшку все Микитича,
олнаго его до возраста.
сталъ Добрынюшка Микитинецъ,
исто поле сталъ поѣзживать,
тырской силы своей пробовать,
жалъ вѣдь онъ на поединочокъ,
со многима всё со витяжлы.
на то ли на ратно на смертно побоищо,
не было съ имъ поединщичка.
прославился Добрынюшка Микитинецъ
сильнiимъ могучiимъ богатырёмъ,
прославился Добрынюшка во Кiёви,
прославился Добрынюшка въ Чернигови,
въ матушкѣ Добрыня въ каменной Москвы.
прiѣзжаетъ домой Добрынюшка
со ратнаго смертнаго побоища.
честна вдова Степанида Обрамовна
присудила Добрынюшкѣ женитися,
ы жилъ былъ онъ съ молодой женой,
е ѣздилъ бы на ратноё на смертноё побоищо.
Добрынюшка Микитинецъ,
слушался свою матушку,
иралъ себѣ княгиню обручную,
Настасьюшку Викуличну.
взялъ онъ Настасьюшку въ замужество,
самъ говоритъ таково слово:
матушка ты честна вдова
ланида Обрамовна!
душечка Настасья Викулична!
ногу я укротить своего сердца богатырскаго,
ду я во чисто поле.»
оритъ тутъ ёго матушка,
на вдова Степанида Обрамовна:
же Добрынюшка Микитинецъ!
кого же оставишь молоду жену? —
оритъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ:
же ты моя матушка,
на вдова Степанида Обрамовна!
«Кабы ты меня все спородила
«Красотою-басотою во Осипа прекраснаго,
«Силой-храбростью въ старого казака Илью Муромца,
«Смѣлостью во Олешу Поповича,
«Не ѣздилъ бы я по чисту полю,
«Не билъ бы головъ безповинныхъ,
«Не слезилъ бы я отцей, матерей.
«А й такъ не могу укротить своего сердца богатырскаго,
«А й поѣду я во чисто полё.
«Матушка Степанида Обрамовна!
«Дай-ко-сь мнѣ благословленьицо.
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во три года.
«Я не буду, не буду во три года,
«Вы ждите-тко-сь Добрынюшку во шесть годовъ.
«Я не буду, не буду во шесть годовъ,
«А й ждите-тко-сь меня вѣдь во двѣнадцать лѣтъ,
«Я не буду, не буду во двѣнадцать лѣтъ,
«Матушка Степанида Обрамовна,
«А й душечка Настасья Викулишна,
«Не читайте-тко-сь Добрынюшки во живности.
«А й душечка мнѣ молода жона,
«Настасья Викулична!
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«Только не ходи за братца крестоваго,
«За того ли за Олешенку Поповича.»
А й уѣхалъ Добрынюшка во чисто полё.
А й матушка его Степанида Обрамовна.
Молода жена Настасья Викулична.
А й ждали его домой вѣдь во три годы,
На исходѣ Добрынюшки три годы,
А й нѣту Добрынюшки во три годы.
А й ждали Добрынюшку шесть годовъ,
На исходѣ Добрынюшки во шесть годовъ,
А й нѣту Добрынюшки во шесть годовъ.
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
А й ждали Добрынюшку во девять лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки девять лѣтъ,
А й нѣту Добрынюшки во девять лѣтъ.
А й ждали Добрынюшку во двѣнадцать лѣтъ,
На исходѣ Добрынюшки двѣнадцать лѣтъ,
А й Олешенка Поповинецъ
А й сталъ тутъ къ Настасьюшкѣ поѣзживать,
Поѣзживать сталъ посватывать.
Самъ говоритъ таково слово:
— А й же ты Настасьюшка Викулична!
— Ты волей нейдешь, я боемъ возьму.—
А й бралъ-то Настасью за бѣлы руки,
За бѣлы руки, злачены перстни,
А й повозилъ Настасью во церковь во Божьюю,

А й во тотъ ли Настасью во Черниговъ градъ.
Еще тамъ столовали пировали оны,
А й мало времечко миновалоси,
А й пріѣзжаетъ Добрынюшка Микитинецъ.
А й поразвѣдалъ, что нѣту Настасьи Викуличной,
А й увезёна у Олешенки Поповича,
А й во тотъ ли она всё во Черниговъ градъ,
А й посылаетъ послá онъ ко матушки.
«Ты послушай-ко-сь меня вѣдь посёлъ вѣрныя
«А й за дéнежной расчётъ.
«А й съѣзди-тко-сь къ моёй матушкѣ,
«Къ Степанидѣ Обрамовной,
«А й, проси-тко у ёй вѣдь платья цвѣтныи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь гусёлышка нѣмецкіи,
«А й проси-тко у нёй вѣдь струночки сибирскіи,
«Для своего сына Добрыни Микитича,
«А й что набъ то росчитаюсь тебѣ за утружденіе.»
А й послухалъ его вѣдь посёлъ вѣрныя,
А й съѣздилъ вѣдь ко его ко родители ко матушки,
А й къ Степанидѣ къ Обрамовной.
А й просилъ у нёй плáтьица цвѣтныи,
А й просилъ у ней гусёлышка нѣмецкіи,
А й просилъ у ней струночки сибирскіи,
Ради своего сына Добрыни Микитича.
А й говоритъ послу его матушка,
Степанида Обрамовна:
— А й же ты посёлъ вѣрныя!
— А й гдѣ ты видѣлъ моего вѣдь чада милаго,
— А й Добрынюшку всё Микитича? —
А й отвѣчаетъ ёй вѣдь посёлъ вѣрныя:
«А й нынь мы что ни съ Добрынюшкой приразъѣхались.
«А й платьица у него на себѣ вѣдь повыдержались,
«А й платьица на себѣ вѣдь онъ носитъ лосиныи.»
Ёго матушка Степанида Обрамовна
Подавала послу всё платья цвѣтныи,
Подавала послу гусёлышка нѣмецкія,
А й струночки были сибирскія.
А й отвозилъ вѣдь посёлъ вѣрныя
Цвѣтны платьица къ Добрыни Микитичу,
А й гусёлушка нѣмецкія,
А й струночки онъ сибирскія.
А й Добрыничина Микитинецъ,
За утружденіе послу далъ несчетной золотой казны,
А й золотой казны все сколько надобно.
А й надѣвалъ на себя платьицо цвѣтноё,
А й бралъ съ сóбой гусёлышка нѣмецкіи,
А й бралъ съ сóбой струночки сибирскіи,
А й поѣзжалъ онъ ко гóроду Чернигову,
А й на тотъ ли на тотъ на почестенъ пиръ.
А й пріѣзжаетъ онъ во Черниговъ градъ,
А й приходитъ онъ на почестенъ пиръ,
А й на пиру былò большо собрáньицо,
А й на пиру былъ князь Митрей богатыя,
А й управитель города Чернигова.
А й доложилсо Добрынюшка Микитинецъ,
А й у Митрія князя бóгатаго.
— А й Митрей князь ты богатыя!
— А й дай волю-тко сыграть мнѣ въ гусёлышка нѣмецкія,
— А й дай волю-тко поподернуть въ струночки сибирскія,
— А й для мóлода Олеши Поповича.—
А й говоритъ тутъ Митрей князь таково слово:
«А й ты сыграй-ко-сь въ гуселушка нѣмецкія,
«А й поподéрни-ко въ струночки сибирскія.»
А й заигралъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
А й заигралъ тутъ въ гусёлушка нѣмецкія,
Поподёрнулъ онъ струночки сибирскія.
А й распотѣшилсо Митрей князь богатыя,
А й распотѣшилсо мóлодой Олеша Поповинецъ.
А й наливали Добрынѣ зелена вина,
А й подносили на подносѣ молодой князь Олеша Поповинецъ,
Со своёю онъ со княгинею.
А й принимаетъ чару зелена вина
Добрынюшка онъ Микитинецъ,
А й выпиваетъ чару зелена вина,
А й спущаетъ въ стоканъ свой обручной перстень.
А й говоритъ тутъ Настасьюшка Викулична:
— А й не тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ подлé меня,
— А й тотъ мнѣ мужъ, который стоитъ супротивъ меня. —
А й Добрынюшка Микитинецъ,
А й хватаетъ Олёшу Поповича за шиворотъ,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Олешенка Поповинецъ!
«Кабы не братецъ былъ ты мнѣ крестовыя,
«А й тропнулъ бы я тя вѣдь о печнóй столобъ,
«А й только бы ты живъ бывалъ.
«А й такъ сдѣлаю я тебѣ уважечку,
«Ради братца крестоваго.»
А й мóлодой Олёша Поповинецъ,
А й скоро женился, да не съ кѣмъ спать.
А й только Олёшенька женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой спалъ.
А й Добрынюшка Микитинецъ,
А й всимъ какъ онъ вѣдь честь воздалъ,
А й Митрею князю со княгинею.
Уѣзжалъ онъ во своё во помѣстьицо,

А й со своёю женою старопрежніей.
А й съ Настасьюшкой онъ съ Викуличной,
А й ко матушкѣ Степанидѣ Обрамовной.
А й полно больше Добрынюшк ѣздить по чисту полю,
Положилъ мысель и разумъ
Во своихъ полатахъ проживати.

Записано въ Даниловѣ, 17 іюля.

—

188.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во томъ-то во городи во Кіёви,
У ласкова князя Владиміра,
Завелсо завелсо почестенъ пиръ.
А й вси на пиру наѣдалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися.
А й кто вѣдь хваста отцемъ матушкой,
А иной вѣдь хваста молодой женой.
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й вси-ль добры молодцы споженены,
«Вси дѣвушки за мужъ повыданы,
«Одинъ-то единъ добрый молодецъ
«Холостъ ходилъ, не женатъ гулялъ,
«Иванушко Годиновичъ.»
А й испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— А й свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— У меня есть невѣста поприбрана,
— Поприбрана невѣста во Кіёви,
— Во Кіеви невѣста во Черниговѣ,
— У Митрея князя богатаго.
— А й всимъ-то Настасьюшка добрымъ добра,
— Тѣломъ Настасья какъ снѣгъ бѣла,
— Походочка у ёй вѣдь павлиная,
— А й тихая рѣчь лебединая,
— А й брови-ты у ёй черна соболя,
— Глаза-ты у ей ясна сокола,
— А й личико у ей вѣдь какъ маковъ цвѣтъ. —
Испроговоритъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й же ты Иванушко Годиновичъ!
«Чего-ль тебѣ вѣдь все надобно,
«Города-ль тебѣ надобъ съ пригородками,
«Аль несчетной тебѣ надо золотой казны,
«Аль силы войска тебѣ надо великаго?»
Испроговоритъ Иванушко Годиновичъ:
— Владиміръ князь стольнё-кіевской,
— Свѣтъ государь ты мой дядюшка!
— Ницёго вѣдь мнѣ-ка не надобно.
— Не надо городовъ съ пригородками,
— Не надо силы войска великаго,
— Не надо несчетной золотой казны.
— А й только дай-ко-сь три молодца что ни лучшіихъ,
— Что ни лучшіихъ перебраныхъ.
— Во-пёрвыхъ стараго казака Илью Муромца,
— А й во-другихъ Исака Петровича,
— А й во-третьихъ Алёшу Поповича. —
А й вид'ли добрыхъ молодцовъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи.
Во чистомъ полѣ курева стоитъ,
Курева стоитъ, пыль столбомъ валитъ.
Не путемъ-то ѣдутъ не дорогою,
Черезъ башню ѣдутъ треугольнюю.
Скакали кони черезъ стѣну городовую,
Пріѣзжали во тотъ ли во Черниговъ градъ,
Ко Митрею князю богатому,
А й ко той ко полаты бѣлокаменной,
А й ко тымъ крыльцамъ ко точёнымъ.
А й вязали добрыхъ коней
Ко тымъ ко кольцамъ золочёнымъ,
А идутъ во полату бѣлокаменну,
А й крестъ-то кладутъ по писаному,
Поклонъ тотъ ведутъ по уцёному.
«А й здравствуйте вси купци вси бояра,
«Вси сильни могучи богатыри!»
А й Митрею князю со княгиною
Въ особину низко кланялись.
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыи:
— Цёго пришли гостюшки небывалыи,
— Небывалыи гости неѣзжалыи?
— Садитесь-ко-сь вы хлѣба соли покушати,
— Бѣлыхъ лебедей все порушати. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Мы не хлѣба соли пришли кушати,
«Не бѣлыхъ лебедей мы всё рушати, —
«Мы пришли зашли объ староемъ дѣлѣ, объ сватовстви,
«А й сватать Настасьи Митріёвичной,
«За того-ль за Ивана Годиновича.»
Говоритъ тутъ Митрей князь богатыя:
— А й же вы добры молодци!
— За три годы Настасьюшка просватана,
— Во тую-ль во землю во невѣрную,
— За того ль за парища за Кощерища. —
Испроговорятъ добры молодци:
«Митрей князь богатыя!
«Ты волей не дашь — мы боёмъ возьмёмъ.»

Испроговоритъ Настасья Митріёвична:
— Свѣтъ государь ты мой батюшко,
— Митрей князь богатыя!
— Я не йду вѣдь во землю во невѣрную,
— За того ль за царища за Кощерища,
— Я иду за Ивана Годиновича. —
А й брали Настасью добры молодцы.
Иванушка Годиновичъ
А й бралъ онъ вѣдь за бѣлы руки,
За бѣлы руки злачены перстни.
А й водилъ вѣдь во церковь во Божьюю,
А й садились въ коресту золоченую,
А й вид'ли добрыхъ молодцевъ сядучи,
Не вид'ли удалыхъ поѣдучи,
Во чистомъ поли одна быль стоитъ.
На пути имъ попало три слѣдочика:
А й первый слѣдочикъ лева звѣря,
А й другой слѣдочекъ лапи бѣлыя,
А й третій слѣдочекъ черна соболя.
Говоритъ тутъ Иванушко Годиновичъ:
«Старый казакъ Илья Муромецъ!
«Поди-тко-сь ты за левомъ звѣрёмъ,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лева звѣря,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«А й Исакъ Петровинецъ!
«Поди-тко за лапью за бѣлыя,
«Достань-ко-сь ты вѣдь лапи бѣлыя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.
«Алеша Поповинецъ!
«Поди-тко за чернымъ за соболемъ,
«Достань-ко-сь ты черна соболя,
«А й дѣдушки все вѣдь въ подарочкахъ.»
А й остался одинъ добрый молодецъ
Иванушко вѣдь Годиновичъ,
А й самъ роскинулъ онъ бѣлъ шатеръ,
А й сталъ съ Настасьей забавлятися.
Мало времечко миновалоси,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо
Крычитъ покрикомъ богатырскінмъ,
Свиснулъ пóсвистомъ соловьинымъ,
А й самъ на словахъ выговариватъ:
— А й же ты Иванушко Годиновичъ!
— Съѣшь мое мясо подавиться. —
Видитъ Иванушко бѣда пришла,
Бѣда пришла неминучая.
Выскакивалъ изъ бѣла шатра
На тую-ль на площадь дуброву зелёную,
Глядитъ-смотритъ въ сторону полудённую,
А й ѣдетъ царищо Кощерищо.
Куды падаютъ копыта лошадиныи,
Тутъ оставятся колодци ключевой воды.
А Иванушко Годиновичъ
Выскакивалъ онъ на добра коня,
А й взялъ сбрую всю богатырскую.
Не двѣ горушки вмѣсто столкнулось,
Два богатыря вмѣсто съѣхалось.
А й помахнулись въ палици булатніи,
А й палици во цивьяхъ пригибалися,
Пригибалися переломалися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Помахнулись во сабли во вострыя,
Вострй саблй прищербилися,
Прищербилися пополамъ переломилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Помахнулись во копья во вострыи,
Вострй копья притупилися,
А й другъ друга до крови не ранили.
Выскакивали вѣдь съ добрыхъ коней,
На тую-ль на площадь дуброву зеленую,
А й схаживаются на рукопашный бой.
Иванушко Годиновичъ
А й взялъ-то татарина за шиворотъ,
А й положилъ-то своей вѣдь правой ногой
Татарина по лѣвой поги.
А й бросалъ-то его о сыру землю,
А й сѣлъ ёму па груди па бѣлыя,
А й на бѣлыя на груди па царскіи,
На царскіи груди татарскіи,
А й самъ говоритъ таково слово:
«А й же ты Настасья Митріёвична!
«Подай ножичищо кинжалищо
«Вырвать сердце со печенью татарское,
«Татарское сердце царское,
«Добрымъ людюшкамъ на сгляжёніе,
«А й старымъ старухамъ на роптаніе,
«Чернымъ воронамъ всё на граяньё,
«А й сёрымъ волкамъ всё на военьё.»
Говоритъ тутъ царищо Кощерищо:
— А й же ты Настасья Митріёвична!
— Не подай ножичища кинжалища,
— Какъ за имъ вѣдь будешь жить,
— Будешь слыть бабой простомывныя,
— Будешь старому малому кланяться.
— А й за мной вѣдь будешь жить,
— Будешь слыть царицей вѣковечной,
— Будетъ старый вѣдь малый тѣ кланяться. —
А й у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.
Выскакиваё Настасья изъ бѣла шатра,
А й хватае Иванушко Годиновича за желты кудри,
А й сбиваетъ Иванушко Годиновича о сыру землю.
А й привязали Иванушко Годиновича

Ко тому ли его ко сыру дубу,
А й той ли его всё кувыль травой,
А й сами свалились во бѣлъ шатеръ.
Мало времечко миновалоси,
Прилетѣли три сизыхъ, три малыхъ три голуба,
А й другъ промежъ другомъ спрогуркнули:
«За что эта головушка привязана,
«Привязана головушка прикована?
«Ради дѣвки, ради бляди, ради сводницы,
«Ради сводницы, всё душогубницы.»
Эта рѣчь-то татарину не влюбиласи.
Выскакиваетъ татаринъ изъ бѣла шатра,
Вытягивае у Ивана Годиновича
Съ колчана у его какъ вѣдь тугой лукъ,
А й берётъ у его калену стрѣлу,
А й тугой лукъ онъ натягиватъ,
Калену стрѣлу все направливатъ,
А й хочетъ стрѣлить сизыхъ малыхъ голубовъ.
Иванушко Годиновичъ
У сыра дуба приговариватъ:
— Ужъ ты батюшко мой тугой лукъ,
— Ужъ ты матушка калена стрѣла,
— Не пади-ко стрѣла ты ни на воду,
— Не пади-ко стрѣла ты ни на гору,
— Не пади-ко стрѣла ты ни въ сырой дубъ,
— Не стрѣли сизыхъ малыхъ голубовъ,
— Обернись стрѣла въ груди татарскіи,
— Въ татарскіи груди во царскіи,
— А й вырви-ко сердце со печенью,
— Добрымъ людишкамъ на сгляжéніе,
— А й старымъ старухамъ на роптаніе,
— Чернымъ воронамъ всё на грáяньё,
— А й сѣрымъ волкамъ всё на вóеньё. —
А й не пала стрѣла вѣдь ни нà воду,
А й не пала стрѣла вѣдь ни нá гору,
А й не пала стрѣла вѣдь ни въ сырой дубъ,
Не стрѣлила сизыхъ малыхъ голубовъ,
Обернулась стрѣла въ груди татарскіи,
А й въ татарскіи груди во царскіи,
А й вырвала сердце со печенью,
Добрымъ людишкамъ на сгляжéньё,
А й старымъ старухамъ на роптаніе,
Чернымъ вороном всё на грáянье,
А й сѣрымъ волкамъ всё на вóенье.
А й тутъ то Настасьюшко заплакала:
«Я отъ бережка откачнуласи,
«Я ко другому не прикачнуласи.»
Испроговоритъ Иванушко Годинóвичъ;
— Отвяжи-ко Настасья Митріёвична
— Отъ того ли меня отъ сыра дуба. —
Говоритъ Настасья таково слово:
«А й же ты Иванушко Годинóвичъ!
«Отвязала бы я тя отъ сыра дуба,
«А й будешь ты меня вѣдь всё бити мучити.»
Говоритъ тутъ Иванушко Годинóвичъ:
— А й же ты Настасья Митріевична!
— Я не буду тебя бить мучити,
— Только дамъ три науки молодецкіихъ,
— Молодецкіихъ науки княженецкіихъ. —
Эта рѣчь-то Настасьѣ не влюбиласи,
А й выскáкиваётъ изъ бѣла шатра,
А й на туюль на площадь дуброву зеленую,
А й берётъ въ руки саблю вострую.
А й замахъ держитъ на Иванушко Годинóвича,
А й хочетъ у него отсѣчь прочь буйну голову.
А й богатырско сердце разгорѣлоси,
Сходилсо Иванушко у сыра дуба,
Сырой дубъ къ земи приклонлется,
Самъ весь въ штильци прищербается.
Отходилъ Иванушко Годиновичъ
На свою волю отъ сыра дуба,
А й хватае Настасьюшку за желту косу,
Сбивае Настасью о сыру землю.
Отсѣкъ у ней губы вѣдь какъ съ носомъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ цѣловаласи. —
Копалъ глаза со косицамы:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно.
— Этыма мѣстамы нещастливымъ смотрѣласи. —
Отсѣкъ у ей руки по локóтамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы нещастливымъ обнималаси. —
Отсѣкъ у ней ноги по колѣнамъ прочь:
— Этыхъ мѣстъ мнѣ не надобно,
— Этыма мѣстамы несчастливымъ заплеталаси. —
А й только Иванушко женатъ бывалъ,
А й женатъ бывалъ онъ съ женой сыпалъ.
А й скоро женился, да не съ кимъ спать.

Записано въ Тайгенцѣ, 17 іюля.

—

189.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Обувается Чурила снаряжается,
Наливаетъ Чурила ключевой воды въ тазъ,
Умываетъ Чурила лицо бѣлое,
Утираетъ Чурила въ тонко льняно полотно,
Сапожки на ножки краснаго сафьяна,
Краснаго сафьяна турецкаго,

Турецкаго шитья нѣмецкаго,
Подъ пяты пяты воробей пролетѣлъ,
Около носочковъ яичко катилъ.
На головушку шапочку пятьсотъ-то рублей,
А й пушисту, пушисту завѣсисту,
Чтобы спереди не видно лица бѣлаго,
Чтобы сзади не видно желтыхъ-то кудрей.
Онъ беретъ-то коня́ да ко́ня шахманка,
Во двѣнадцать сѣдѣлышекъ засѣдлываетъ,
Во двѣнадцать онъ подпружковъ подтягиваё.
Подпружки былы шелковыи,
А й супруженки золочеными,
А й не ради красы, всё ради крѣпости.
А й шелкъ-то не рвется, булатъ тотъ не трется,
Красно золото не ржа́вѣётъ.
Вид'ли-то Чурилушку сядучись,
А й не вид'ли у́далаго поѣдучись,
Во цистомъ-то поли да одна пыль стоитъ.
Увидала Катерина Викулична,
Она во поясъ бросалась во косивчато окно,
Она скоро-то шла́ да по новы́мъ сѣнямъ,
А еще того скорѣе ко широкимъ ворота́мъ.
Отпирала широкія воро́тика,
Запущала Чурилушку Плёнковича,
А й ставила коня до во конйну стойлу,
Во конинную стойлу лошадиную,
А й насыпала пшоны да бѣлояровой.
Отошла отъ коня да поклонилася.
«Ужъ ѣшь ты конь да нецистой духъ!
«Не для тебя покланяюсь, для хозяина,
«Для хозяина да для Чурилушки,
«Для Чурилушки да для Пленковича.»
Брала Чурилу за бѣлы́и руки,
За бѣлыи руки все злачены́и перстни,
Цѣловала во уста да во сахарніи,
Проводила Чурилу во свѣтлы свѣтлици.
«Сядемъ-ко Чурилушка во ша́шечки играть.»
Оны разъ-то играли — проигрывали
Оны дру́гой-то играли — выигрывали.
«Бросимъ-ка Чурила ша́шечну игру́,
«Ляжемъ-ко Чурила на тисо́вую кровать,
«На тисовую кроватку, призабавимся.»
Увидала тутъ дѣвчоночка чёрная,
Чёрная дѣвчоночка челя́динка.
— Еще что же Катерина Викулична,
— У тя гость въ гостяхъ да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой.—
Испроговоритъ Чурилушка Пленковичъ:
«Чорна дѣвчоночка челядинка!
«Вотъ тѣ дѣвчоночка шапочка,
«Шапочка да пятьсотъ рублей,
«Ушиста, пушиста, завѣсиста,
«Чтобы спереди не видно лица чёрнаго,
«Чтобы сзади не видно вши́ваго пучка.
«Еще вотъ тѣ дѣвчонка полтинка серебра,
«Полтинка серебра да на румянишка,
«Еще вотъ тебѣ дру́га на бѣлилушка.»
Испроговоритъ Катерина Викулична:
— Еще а й же ты Чурилушка Плёнковичъ!
— Еще шапочку-то эту са́мъ сдержи,
— А й полтинки серебра мнѣ-ка-ва отдай.—
А й дѣвчоночку нало не по́ ндраву,
Она скоро-то да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божью церкву,
Не крестя ни моля да лица чёрнаго.
Испроговоритъ Пермянъ да сынъ Васи́льёвичъ;
«Еще что же ты дѣвчоночка чорная,
«Чорная дѣвчоночка челядинка,
«Не крестя ни моля да ли́ца чорнаго.»
— Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
— У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто му́жъ съ женой.—
Онъ скоро-то шолъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротàмъ.
Увидала Катерина Викулична.
«Еще охъ-ти мнѣ да пере-о́хъ-ти мнѣ,
«Куды-то я кладу да Чурилушку,
«А й Чурилушку да Плёнковича.»
Еще брала тутъ она да золоты́и ключи,
Отмыкала она тутъ кованы́и ларцы́,
Полагала Чурилушку Плёнковичà.
Она скоро-то шла да по новы́мъ сѣнàмъ,
А еще того скорѣе ко широ́кимъ воротàмъ,
Отпирала широкія воро́тика,
Запускала Пермяна Васи́льёвича.
— Еще что же Катерина Викулична,
— А въ однихъ ты чулочкахъ бе́зъ чоботкòвъ?
— У тя гость въ гостяхъ, да быдто братъ родной,
— Быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой.—
«Ты повыслушай Пермянъ да сынъ Васильёвичъ
«Еще бы́ла калика перехожая.
«Накормила, напоила, на пери́нки отдохнулъ.»
Поворотъ-то держалъ Пермянъ сынъ Васильевичъ.
Онъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю,
А еще того скорѣе во Божью церкву,
Самъ говоритъ таково́е словò:

ірна дѣвчоночка челядинка!
вела говорить, такъ ты доказывай.—
повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ
поди-тко во свою да во конйну стойлу,
конинную стойлу лошадинную,
ь стоитъ вѣдь Чурилино конишечко.»
ютъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
інъ скоро-то шелъ да по чистому полю,
е того скорѣе во конинную стойлу,
інинную стойлу лошадинную,
стоитъ-то Чурилино конишечко,
іамахъ-то держалъ да на конишечка,
нишечка головушка скатиласи.
самъ говоритъ да таковое слово:
це что же Катерина Викулична!
й откуль у тебя да конишечко,
й конишечко да Чурилино? —
повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
ь крестовыя братьпци съѣзжалися,
добрыма коньми помѣнялися.»
ютъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
інъ скоро-то шолъ по чисто́му полю,
е того скорѣе во Божью церкву,
говоритъ таковое слово:
це чорна дѣвчоночка челядинна
вела говорить, такъ ты доказывай.—
повыслушай Пермянъ да сынъ Васильевичъ!
поди-тко во свои да свѣтлы свѣтлици.»
ютъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
інъ скоро-то шолъ по чисто́му полю,
е того скорѣе въ свѣтлы свѣтлици,
іралъ-то свои да злачены́и ключи,
ралъ-то свои да кованы́и ларци,
ь выскочилъ Чурилушка Плёнковичъ.
іамахъ-то держалъ да на Чурилушку,
рилушки головушка скатиласи.
нъ Катерина Викулична:
ды пала Чурилина головушка,
гъ скатись-ко моя буйна головушка. —
амахъ-то держалъ да на Викуличну,
куличны головушка скатиласи.
не бѣлыя лебеди слсталися,
оловушки вмѣсто скатилоси.
ютъ-то держалъ Пермянъ Васильевичъ.
інъ скоро-то шелъ да по чисто́му полю,
е того скорѣе во Божью церкву,
амъ говоритъ да таковое слово:
іа дѣвчоночка челядинна!
а бы ты да коровъ кормить,
«Коровъ кормить, да телятъ поить,
«А не знала бы ты мужнихъ жонъ доказывати.»
Онъ замахъ-то держалъ да на дѣвчоночка,
У дѣвчоночки головушка скатиласи.
Онъ тупымъ-то концомъ да о сыру́ю землю,
А й онъ вострымъ концомъ да въ свою бѣлую грудь.

Записано въ Тайгеницѣ, 17 іюля.

—

XXXIV.

ЛИСИЦА.

Елена Алексѣева, по прозванію **Лисица,** съ Зубовой близъ Выгозера, бѣдная вдова, изъ раскольницъ, лѣтъ подъ 60. Извѣстна въ околоткѣ знаніемъ свадебныхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ и т. под., и этимъ получаетъ пропитаніе. Былинъ знаетъ немного, но эти поетъ весьма складно, но старческимъ, дребезжащимъ голосомъ.

—

190.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Онъ рѣки озёра чере́зъ скакалъ,
Онъ сине морюшко на око́лъ бѣжалъ.
Пріѣзжалъ старъ по чисту полю, къ сѣру камешку,
На камешкѣ подпись подписана:
Въ одну́ дорожку ѣха́ть убиту быть,
А въ другу́ ѣха́ть богату быть,
Въ тре́тью ѣхать жѐнату быть.
А стоитъ старъ удивляется,
Головой кача́, выговариватъ:
«На что мнѣ-ка стару убиту быть,
«На бою стару не написана.
«А на что мнѣ-ка стару женату быть,
«Мнѣ-ка старая взять на печи держать,
«А й моло́дая взять да чужа корысть.
«А на что мнѣ-ка стару богату быть,
«Еще нѣтъ у меня любимо́й семьи,
«Любимой семьи молодой жены,
«Молодой жены малыхъ дѣточекъ,

«Малыхъ дѣточекъ красныхъ дѣвушокъ.
«Не кому тощить золотой казны,
«Некому держать платья цвѣтного.
«А поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть.»
Попроѣдучись Индѣи богатыей,
А и не доѣдучись Корелы проклятыи,
А стоитъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ,
Стоитъ сорокъ тѣхъ же дурановъ-подорожниковъ.
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ ёго розлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,
«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«И только съ собой прилучилоси
«Одинъ соломъ на главы сорокъ тысячей,
«На ножкахъ сапожки семи шелковъ,
«Во рукахъ во ногахъ по камешку,
«По цвѣтному лазуреву по латырю,
«А чуденъ-то крестъ да семьсотъ рублей.»
Говоря воры разбойники:
— Мы убьемъ-ко стараго, пограбимъ-ко,
— Со конемъ, животомъ ёго розлучимъ. —
Говори старъ таково слово:
«Убить-то вамъ стараго некого,
«И взять-то со стараго нечего.
«Золотой казны не случилоси,
«Только прилучился добрый конь,
«И доброму коню у меня цѣны нѣтъ,
«И потому ему цѣны нѣтъ:
«Заплечены дроги (sic) камешки во гривушку во конницую,
«Положенъ во хвостикъ самоцвѣтный камешокъ,
«Не ради красы басы молодецкіи,
«Ради темныи ночи осеннiи.
«Гдѣ ходитъ гуляё добрый конь во чистомъ поли,
«Вижу за тридцать верстъ мѣрныихъ.»
Садился старъ на добра коня,
Сталъ коничкомъ порыскивать,
Куды махнётъ — улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
Смолились воры разбойники:
— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Оставь-ко ты хоть насъ на сѣмена. —
Старой казакъ Илья Муромецъ
Прирубилъ силу татарскую,
Прирубилъ силу поганую.
Пріѣзжалъ къ тому сѣру камешку,
Старую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись написывалъ:
Та дорожка очищена,
Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ
Очищена, оглажена.
Поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ женату быть.
Пріѣхалъ къ палаты бѣлокаменной,
Привязывалъ коня добраго
Ко тому столбу ко точёному,
Ко колечику вязалъ золочёному
Старой казакъ Илья Муромецъ,
И шёлъ въ полату бѣлокаменну,
И не держали замочки щурупчаты,
Отворялъ вси двери ворота великіи.
Нашелъ красну дѣвицу въ своемъ теремѣ,
И просилъ ключовъ великіихъ
Отомнуть всѣ погребы глубокіи.
И жалко красной дѣвицы
Подать ключовъ великіихъ,
Не стала красна дѣвица
Подавать ключовъ великіихъ.
Старой казакъ Илья Муромецъ
Не спрашивалъ тыхъ ключовъ великіихъ,
Онъ толнулъ красну дѣвицу во бѣлу грудь,
Просѣла она въ тыи погребы глубокіи,
И роскочились двери великіи.
Выпускалъ сорокъ купцей, сорокъ купечичей,
Сорокъ простыхъ молодцевъ со тыхъ погребовъ глубокіихъ.
Пріѣзжалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко тому ко камешку ко сѣрому,
Тую подпись выхѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
Вси эты дорожки очищены,
Очищены дорожки, оглажены
Старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ.
А не поѣду въ ту дорожку гдѣ богату быть,
Есть у меня золотой казны несчётныя,
Есть у меня казны — собины несмѣтныя.

Записано на Выгозерѣ, 15 Іюля.

—

191.

ДУНАЙ.

Дунай Дунаюшко сынъ Ивановичъ,
Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ,
Убилъ Дунаюшко головъ безповинныихъ.
Кого за руку щипнулъ, то рука прочь,

ногу щипнулъ, то нога прочь.
сь надъ Дунаюшкомъ незгодушка великая,
сь надъ царемъ незгодушка великая,
лютà змѣя пещорская,
о его племничку,
ста его хрестничку.
алъ царь про Дуная Дунаюшка,
ына Ивановича,
ать за любимою племничкой,
ста ёго хрестничкой,
отъ змѣи пещорскіи.
лгъ Дунаюшка кручинится,
головушка повѣшена.
ыя потупà держитъ.
ъ Дунаюшку рóдна матушка,
атушка, чёстна вдовушка:
ай Дунаюшко,
сынъ Ивановичъ!
унаюшко на конюшій дворъ,
і отъ батюшка добрый конь.»
унаюшко на конюшій дворъ,
ь конюшій дворъ.
ты добрый конь, вѣрнá слуга!
съѣздить ко лютóй змѣи,
отой змѣи ко пещорскіи,
обимой племничкой, царской хрестничкой. —
ъ конь языкомъ человѣческимъ:
пать лѣтъ послѣ батюшка не кармливалъ,
батюшка семнадцать лѣтъ не поилъ.»
Дунаюшко сынъ Ивановичъ
ню въ копытце правое.
ты добрый конь, вѣрнá слуга!
къ змѣи пещорскіи. —
алъ пшеницы бѣлояровой
унаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ,
лъ коня до сыта
унаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ.
а матушка сѣделышко черкальское,
а матушка узду золоченую,
а матушка плетку шелкову,
шелкову сорока пудовъ.
я Дунай на добра коня,
обра молодца сѣдучись,
и поѣдучись.
омъ поли курева стоитъ,
стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
ъ къ змѣи пещорскіи,
ь красна дѣвица Дунаюшку:
Дунаюшко Дунай сынъ Ивановичъ!
змѣя лютая

«Нажрется груди бѣлою,
«Груди бѣлою дѣвочьею.»
Наждралась змѣя пещорская
Груди бѣлыя, груди дѣвóчьею,
И повалилась змѣя пещорская,
Заснула сны крѣпкіи.
И увезъ Дунаюшко любимую племничку
Отъ змѣи пещорскіи,
И привезъ царю въ полату бѣлокаменну,
И садилъ ю на золотъ столъ.
Сталъ царь выспрашивать
И сталъ вывѣдывать:
— Ты красна дѣвица любима моя племничка,
— Отъ креста моя хрестничка!
— Везъ тебя Дунаюшко, не пристыдилъ ли,
— Везъ тебя Дунаюшко, не пристрамилъ ли? —
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Своему хрестну батюшку,
Царю великому:
«Везъ меня — не пристыдилъ,
«Везъ меня — не пристрамилъ.»
Говоритъ царь великіи:
— Ты Дунай Дунаюшко, Дунай сынъ Ивановичъ!
— Городамы ль берешь съ пригородками,
— Али селами берешь съ присéлками,
— Аль золотой казной несчётною,
— Иль силой берешь несмѣтною? —
Говоритъ Дунаюшко Ивановичъ:
— Не набъ золотой казны несчетною,
— Не набъ мнѣ силы несмѣтною,
— Не набъ мнѣ-ка-ва городовъ съ пригородкамъ,
— Осталось отъ батюшка родителя
— Золотой казны несчетною,
— Остались бочечки сороковочки,
— И вѣснутъ на цѣпочкахъ серебряныхъ.
— Ты царь великіи
— Дай-ка красну дѣвицу за меня замужъ. —
И сложился царь, отдалъ любимую племничку
За Дуная сына Ивановича,
За его вѣрну услугушку,
Съ весельемъ и радостью.

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

192.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Заводилъ государь да почестенъ пиръ,
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богáтыри,
На вси поляницы удалыи.
И вси во пиру пьяны веселы,
И вси во честномъ приросхвастались.
Да иной-то похваста золотой казной,
А иной-то похваста своей ýдатью.
А й за тымъ столомъ бѣлодубовымъ,
За той скамеечкой каленовою,
Сидитъ старыи Данилушко Игнатьевичъ.
Онъ не ѣстъ-то не пьетъ самъ не кушаё,
А ничего самъ въ пиру не хвастае.
Говоритъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Ты чего сидишь въ пиру кручинишьсе,
«Ты чего сидишь въ пиру печалишься?
«Али мѣсто въ пиру не по отчинѣ,
«Али чарой въ пиру тебя пріóбнесли,
«Али пьяница надъ тобою усмѣхнуласи.»
Говоритъ Данилушка Игнатьевичъ!
— Бласлови, осударь, слово навымолвить,
— Не сруби, осударь, буйной головы,
— Не вынь сердцá со печенью.
— Бласлови Данилу въ монастырь итти,
— Какъ постричься во старци во чорныи,
— Поскомидиться въ книги спасеныи,
— При старости Данилы бы душа спасти. —
И гóворитъ царь таково слово:
«Престарѣвшіи Данилушко Игнатьевичъ!
«Бласловилъ бы я тебя въ монастырь пойти.
«Какъ прознаютъ орды невѣрныи,
«Провѣдаютъ цари нещасливыи,
«Такъ Кіевъ градъ щепой возьмутъ,
«Да церкви Божьи на дымъ спустятъ,
«Меня осударя въ полонъ возьмутъ.»
— Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
— Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ
— И будетъ стоять по городи по Кіеви,
— И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской. —
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Нашъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Бласловилъ Данилу въ монастырь пойти
Какъ постричься во старци во чорныи,
Поскомидиться во книги спасеныя,
При старости Данилы бы душа спасти.
И прознаютъ орды невѣрныи,
Провѣдаютъ цари нещасливыи.
Да заводилъ осударь почестенъ пиръ,
На многіи на князи на бояра,
На сильни могучи богатыри,
На вси поляницы удалыи,
И вси во пиру пьяны веселы,
Вси во честномъ приросхвастались.
Да иной похваста золотой казной,
Да иной-то хвастаетъ своей ýдатью,
А иной-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И самъ осударь-та не ѣстъ не пьё.
Самъ въ пиру ничимъ не тѣшитси,
Ничимъ въ пиру онъ не хвастаё.
Говоритъ царь таково слово:
«Ой вы князи вси бояра,
«Вси сильни могучіи богатыри,
«Вси поляницы удалыи!
«Выбирайте-тко мнѣ поединщика
«Ѣхать во далечó чисто полё,
«Намъ сила считать, полки высмѣкать,
«Вывести передъ смѣтой на зóлотъ столъ.»
Изъ-за тыхъ столовъ бѣлодубовыхъ,
Изъ-за той скамеечки кленовыя,
Выставае мóлодой Иванушко Данильевичъ.
Онъ князьямъ-то бьё о лѣвý руку,
Самому осударю о правý руку.
— Ѣду во далечо въ чистó поле,
— Всю силу считаю, полки высмѣкаю,
— Приведу передъ смѣтой на зóлотъ столъ. —
Говоритъ царь таково слово:
«Нѣтъ ли поматерѣе ѣхать добра молодца?»
И говорятъ вси князи, вси бояра,
Вси сильни могучи богатыри,
Вси поляницы удалыи:
— Видѣть добра молодца по походочкамъ,
— Видѣть добра молодца по поступочкамъ.
Наливалъ осударь чару зелена вина,
Вѣсомъ та чара полтора пуда,
Мѣрой та чара полтора ведра.
Принималъ Иванушко единóй рукой,
Выпивалъ Иванушко на единый духъ.
Вид'ли добра молодца сядучись,
Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
А во чистомъ поли курева стоитъ,
Курева стоитъ, дымъ столбомъ летитъ,
На встрѣту бѣжитъ родной батюшко,
Онъ голосомъ кричитъ, шляпой машетъ.
«Мóлодой Иванушко Данильевичъ!
«Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гужъ,

ь-ко въ полъ-гужа,
ну руби съ одного плеча.»
й Иванушко Данильевичъ
день ѣздилъ по красну по солнышку,
ночь ѣздилъ по лунну по мѣсяцу,
ъ коню пшеницы бѣлояровой,
молодецъ спать-то лёгъ.
ися добрый молодецъ, стоитъ конь добрыи,
травы шелковыи,
етъ пшеницы бѣлояровой.
коня по тучнымъ ребрамъ:
ья ѣда, травяной мѣшокъ!
о же ты не зоблешь пшеницы бѣлояровой,
шь травы шелковыи? —
уе *) конь языкомъ человѣчьимъ:
гобой знаю незгодушку великую,
собою знаю незгодушку великую,
татара поганыи,
три погреба глубокіихъ
и рогатинки звѣриныя.
вой тотъ погребъ перескочу,
той тотъ погребъ перескочу,
го погреба не могу скочить,
во погребы глубокіи,
рогатинки звѣриныи.
олятъ тебя добра молодца
во путинки шелковыи,
желѣза во нѣмецкіи.»
коня по тучнымъ ребрамъ:
ья ѣда, травяной мѣшокъ!
е знашь незгодушки, не вѣдаешь. —
ся Иванушко на добра коня,
томъ поли 'ще курева стоитъ,
стоитъ, дымъ столбомъ летитъ.
лъ къ татаровамъ поганымъ.
вой тотъ погребъ перескочилъ,
той тотъ погребъ перескочилъ,
ъ конь доброй языкомъ человѣчьимъ,
ъ молоду Иванушку Данильевичу:
ой Иванушко Данильевичъ!
ты-ка мнѣ здохъ здохнуть.
хочу погребъ и третьи.»
ское сердце разретивилось,
коня по тучнымъ ребрамъ,
конь во погребы глубокіи,
рогатинки звѣриныи.
или добра молодца,

*) несколько разъ.

Связали ручки бѣлыи
Во тыи путинки шелковыи,
Во ты желѣза нѣмецкіи.
Росплакался добрый молодецъ.
Богородица Иванушку гласъ гласитъ:
— Молодый Иванушко Данильевичъ!
— Здынь-ко правую ручку выше головы,
— Лѣвую ручку ниже пояса,
— И розлопаютъ путинки шелковыи,
— И ростреска́ютъ желѣза нѣмецкіи.
Молодый Иванушко Данильевичъ
Правую ручку выше головы,
Лѣвую ручку ниже пояса.
Розлопали путинки шелковыи,
Ростреска́ли желѣза нѣмецкіи,
Онъ хватилъ татарина кой больше всихъ,
Онъ сталъ татариномъ помахивать,
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнётъ — переулкамы.
И добро оружьё татарское,
Гнется татаринъ не ломится,
На жиловы татаринъ подавается,
Во вси стороны татаринъ поклоняется.
Куды махнётъ — туды улкамы,
Куды перемахнетъ — переулкамы.
И та дорожка очищена
Молодымъ Иваномъ Данильевичемъ.

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

193.

КОСТРЮКЪ.

Ѣдетъ царица Крымская,
Ѣдо Упаво татарскіи,
Полянница удалая,
Съ молодымъ со Кострюкомъ.
Кострюкъ Кострюковичъ,
Демьянъ Демьяновичъ,
Молодой ѣдетъ черкаленецъ,
Иде царю въ нову горенку,
Идё Богу не молится,
Говоритъ не съ упадками:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Чтобъ были столы розставлены,
«Терема были роспростра́нены,
«Кушанья были налажены,
«И питья наготовлены.»
Ѣде царица Крымская,

Упавъ ѣдётъ татарскій,
Полянница ѣдё удалая,
Со молодымъ со Кострюкомъ.
И ѣде Кострюкъ Кострюковичъ,
И ѣде Демьянъ Демьяновичъ,
И ѣде молодой черкаленецъ,
Иде во нову горенку.
Во палату бѣлокаменну.
Идетъ онъ Богу не молится,
Говоритъ не съ упадкою:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Есть-ли у васъ въ Москвы борци,
«Удалы добры молодци,
«Съ Кострюкомъ поборотися,
«Его силы отвѣдати
«Плеча богатырскаго?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Ужъ ты Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
— На походочку скорёшенёкъ.
— Бѣжи Ѳедька дьякъ ко той церквы ко Божьей,
— Крыкни Ѳедька дьякъ во всю орду,
— Чтобы слышали во всю землю. —
Ѳедька дьякъ на ноженку легошенекъ,
На походочку крутёшенёкъ,
Бѣжалъ къ церквы соборныи,
Ко Михайлы Архангелу,
Ко кресту Леванидову,
Крикнулъ во всю орду,
Услышали во всю землю,
Заслышали за сорокъ верстъ мѣрныихъ.
Съ-подъ пятничкой пятны,
Съ-подъ волоцкой стороны
Бѣжитъ два братца родимыихъ:
Михалка бѣжитъ нарывается,
Иванка бѣжитъ похваляется.
Пришелъ борецъ на широкъ дворъ.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Хлѣбъ тебѣ на́ столи,
— И Богъ стоитъ на́ стѣны,
— И борецъ стоитъ на́ дворн. —
Побѣжалъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Задѣлъ ногой за́ скамью,
Убилъ соро́къ боя́ровей,
Убилъ сорокъ тата́реней,
Достальни́ лежатъ окарачками.
Дай Богъ на дворъ живу сойти,
Со двора живу не́ притти.
Пришелъ молодо́й борецъ черкаленецъ на ши́рокъ дворъ,
Ѳедька поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и дру́гой разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не шарашатся.
Онъ и третій разъ поткнулъ, Ѳедька стоитъ не тряхнется,
Желты кудерки не сворохнутся.
Говоритъ Ѳедька дьякъ таково слово:
«Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
«Смѣть ли борца побороть,
«Смѣть ли молодо́го ломать,
«Смѣть ли рука нога́ ломить,
«Смѣть ли глазъ повы́воротить?»
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
— Кабы тебѣ Господи пособить. —
Здынулъ Ѳедька дьякъ повыше церкви соборныи
Пониже креста Леванидова.
Спустилъ о кирпичный подъ,
Рубашка та лопнула
Отъ бѣлой шеи до́ груди.
А тутъ Кострюку славы́ поютъ,
Славы́ поютъ старину скажутъ.
Тутъ царица попурхивала,
На что борца поборолъ,
На что молодого ломалъ,
На что руку ногу ломилъ,
На что глазъ вонъ воротилъ.
Царица не попурхивай,
Крымска не помахивай,
Не выѣхать съ нашего граду.
И царицы славы́ поютъ,
Славы́ поютъ старину поютъ.
И только была въ граду царица крымская,
Царица крымская съ честной славою
Не выѣхала зъ граду, въ полонъ взяли.

Записано тамъ же, 15 іюля.

—

XXXV.

ЕЛИСѢЕВЪ.

Иванъ Елисѣевъ, старикъ раскольникъ, подъ 80 лѣтъ, съ Выгозера, земледѣлецъ, занимался и рыболовствомъ. Сохранилъ въ памяти только одну былину, здѣсь помѣщаемую:

—

194.

ЖЕНИТЬБА ДОБРЫНИ.

ł Добрыня Микитинецъ
›воритъ таково слово:
вы братцы крестовые:
лодой Олеша Поповинецъ,
ругихъ Исакушко Петровинецъ!
ците на конюшню великую,
е коня что ни лучшаго,
іте во сѣделышка черкацкіи,
ите коня на улушку широкую,
съѣздить Добрынюшкѣ ко городу ко Кіеву,
ласкову князю Владиміру на широкій дворъ,
гаться бы на душечкѣ Настасьѣ Митріёвичной,
ітріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной.
ь была Настасья добрымъ добра,
ıъ Настасья быдто снѣгъ бѣла,
ıка у ёй была павлиная,
›ка у Настасьи лебединая.
ı братци крестовы на конюшню великую,
коня что ни лучшаго,
ıли коня ко крылечушку точеному,
у столбу золоченому.
гъ Добрыня на новы сѣнй,
зыхъ сѣней на круто крыльцо,
го крылечко на перйнчато,
говоритъ таково слово:
вы народъ, людюшки добрые!
цвиньтесь, поростроньтесь, на три на четыре стороны,
Добрынѣ порозъѣхаться.»
видѣли Добрынюшку сѣдучись,
ıли Добрыню поѣдучись.
стоитъ, столбомъ паръ валитъ.
ıдали копыта лошадиныи,
ıя колодцы ключевой воды,
зера Добрыня межъ ногамъ спущалъ.
аетъ ко городу ко Кіеву,
кову князю Владиміру на широкій дворъ,
ıыватъ коня ко столбику точеному,
у столбу золоченому,
ıходитъ Добрыня во горницу великую.
ь ведетъ по ученому,
на четыре стороны поклоняется,
›му князю въ особину.

Выходитъ князь со горницы великоей,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же вы гостюшки заѣзжіе,
— Заѣзжіе гости захожіе!
— Вы чего пришли, чего заѣхали? —
«Мы пришли, зашли посвататься,
«На душечкѣ Настасьѣ Митріевичной,
«Митріёвичной Настасьюшкѣ Петровичной.»
Честнымъ пиркомъ да и свадебку.
Бралъ Добрыня за бѣлы руки,
Бралъ за злачены перстни,
Отвозилъ Добрыня во чисто поле.
И много-ль мало времечки ѣхали,
Какъ встрѣтились два слѣдочика.
И первой слѣдъ бѣла звѣря,
Другой слѣдъ кунушки прорыскиватъ.
Пошли братци крестовые за полѣсьицемъ *).
Молодой Добрыня Микитинецъ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ, зашелъ съ Настасьей забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалоси,
Наѣзжалъ Гришка-Растрижка нечистой духъ,
И самъ говоритъ таково слово:
— Ай же ты Настасья Митріевична!
— За емъ будешь Настасья Митріевична,
— Будутъ бабой звать портомойницей,
— Кабы за мной была Настасьюшка,
— Былъ бы старый малый кланялся. —
Хватила она за желты кудри,
Посадила Добрыню ко сыру дубу,
Приковала Добрыню ко сыру дубу,
Сама зачала съ нечестливымъ забавлятися.
И много-ль мало времечки миновалося,
Налетало три голуба,
Три малыхъ сизыхъ голубушка.
Какъ кричатъ зычатъ звонкимъ голосомъ:
«Зачто е та головушка посажена,
«Посажена головушка прикована?
«Ради дѣвки ль дуры, бляди сводницы,
«Ради сводницы ль душегубницы?
«У бабы у дуры волосъ дологъ, умъ коротокъ,
«Куды вѣтеръ повѣетъ, туды й умъ понесетъ.»
И видитъ Настасья Митріевична,
Что бѣда пришла неминучая.
Отъ бережка Настасья откачнулася,
Ко другому Настасья не прикачнулася.
Хватаетъ она палицу булатнюю во сорокъ пудъ,
Сама говоритъ таково слово:
— Ай же ты Добрыня Микитинецъ!

*) т. е. за этою дичью.

— Не станешь ли Добрыня бить мучити.
— Буде Добрыня станешь бить мучити,
— Ударю палицей булатнеёй во сорокъ пудъ.—
И его же богатырско сердце розгорѣлоси.
Сходился Добрынюшка у сыра дуба,
Вѣдь сырой дубъ ко матушкѣ сырой землѣ приклоняется,
И матушка сыра земля подрогнула,
Вси Божьи церкви пошаталиси,
Князи бояра испужалися.
И самъ говоритъ Добрыня таково слово:
«Ай же ты Настасья Митріевична!
«Не стану я тебя Настасьюшка бить мучити,
«Только дамъ я тебѣ три наукушки волшебныхъ.
«Отсѣку ей губы съ носомъ прочь:
«Этихъ мнѣ мѣстищевъ не надобно,
«Этима мѣстищамы съ нечестливымъ цѣловаласи.
«Отсѣку ей руки по локоткамъ прочь:
«Этихъ мнѣ рукъ не надобно,
«Этима рукамы съ нечестливымъ обнималаси.
«Отсѣку ей ноги по колѣнамъ прочь:
«Этихъ мнѣ ногъ не надобно,
«Этима ногамы съ нечестливымъ оплеталаси.»
И столько Добрынюшка женатъ бывалъ,
Только Добрыня съ женой сыпалъ.

Записано на Выгозерѣ, 15 іюля.

V.

ВОДЛОЗЕРО.

ВОДЛОЗЕРО.

XXXVI.

И. ЗАХАРОВЪ.

Иванъ Григорьевичъ Захаровъ, крестьянинъ дер. Пога на Водлозерѣ, 82 лѣтъ, самый зажиточный и вліятельный домохозяинъ въ своей мѣстности. Былъ человѣкъ «волокитный», т. е. разъѣзжавшій много для покупки въ деревняхъ и перепродажи рыбы, дичи и скота и снабженія Водлозёровъ хлѣбомъ и порохомъ. Во время этихъ поѣздокъ (ему случалось бывать даже на Волгѣ) онъ выучился множеству былинъ, но въ настоящее время, по старости лѣтъ, многое уже забылъ. Тѣ былины, которыя онъ помнитъ твердо, поются имъ очень складно, замѣчательно пріятнымъ голосомъ и съ соблюденіемъ различныхъ напѣвовъ; другія былины (напр. про Вольгу и про Илью съ Идолищемъ) онъ возстановлялъ съ нѣкоторымъ усиліемъ, и онѣ выходили у него не совсѣмъ складными.

—

195.

ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВЪ.

Когда возіяло красно солнышко
На тое на небо на ясное,
А тогда народился Вольга богатырь.
А звѣри ~~ты ушли во темныи лѣса,~~
Рыба та ушла во глубокій станы,
А птица улетѣла подъ оболоко,
Самъ Санталъ убѣжалъ во Золоту орду,
А со своей царицей со Давыдьевной.
А поѣзжалъ Вольга богатырь
На тое на тое на поле на чистое,
А наѣхалъ во чистомъ поли Вольга
Да Микулушку Сѣятелевича.
И говоритъ Вольга таково слово:
«А й же вы дружинушка хоробрая!
«Бросьте у мужика вы соху ту въ сторону,
«Да ведите мужика вы сюды.»
А й тутъ-то дружина хоробрая
Приходили оны къ мужику оны
Ко Микулы ко Сѣятелевичу,
А хотятъ соху бросить въ сторону,
А не могутъ-то сохи отъ земли поднять.
Приходили къ Вольгѣ оны къ Сеславьичу,
Говорятъ оны таково слово:
— А й же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— Да не можетъ у мужика-то сохи поднять.—
Подъѣзжатъ Вольга онъ самъ къ мужику,
Говоритъ онъ мужику таково слово:
«Здравствуй мужичокъ, тебя какъ зовутъ?»
— А й же ты Вольга сынъ Сеславьевичъ!
— А я есть Микула Сѣятелёвичъ. —
«А й же ты Микула Сѣятелёвичъ!
«А поѣдемъ-ко со мной Микула Сѣятелёвичъ.»
А тутъ оны поѣхали ~~въ чисто поле,~~
А говоритъ Вольга таково слово:
«Кабы этая кобыла конемъ была,
«Далъ бы я за кобылу пятьсотъ рублей.»
Говоритъ ему Микула Сѣятелёвичъ:
— Глупый ты Вольга неразумный!

— Куплена эта кобыла во Пурховцѣ во Орѣховцѣ,
— Однолѣткомъ куплена съ-подъ матушки.
— Дано за кобылу пятьсотъ рублей,
— Теперь этой кобылы цѣны-то нѣтъ. —
Говоритъ ему Вольга сынъ Сеславьевичъ:
«А й же ты Викула Сѣятелевичъ!
«Да поѣдемъ-ко со мной ты о запуски.»
А Викулина кобыла въ ходъ пошла,
Этотъ Вольгинъ конь да оставаться сталъ.

Записано на Водлозерѣ (дер. Куганаволокъ), 7 августа.

—

196.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ИДОЛИЩЕ.

А й ѣздилъ Илья Муромецъ по чисту полю,
Да наѣхалъ онъ калику перехожую.
«А здравствуй ты калика перехожая:
«Ты откуль идёшь, да откуль путь держишь?»
Говоритъ ему калика перехожая:
— Здравствуй Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
— Развѣ не узналъ меня калики перехожія?
— Да я есть сильнёё могучеё Иванищо,
— А мы съ тобой учились въ одномъ училищы,
— А я теперь иду да отъ Цариграда. —
«Ай же ты сильнёё могучеё Иванищо!
«Да все ли въ Царигради по старому,
«А все ли въ Царигради по прежнему?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— А въ Царигради да не по старому,
— Не по старому да не по прежнему.
— А пріѣхалъ поганоё Идолищо,
— Да зашелъ онъ къ царю Костянтину Боголюбовичу
— Во тыи во полаты бѣлокаменны.
— А сидитъ за столамы за дубовыма,
— А за ѣствамы сидитъ онъ за сахарнима,
— А къ царици сидитъ онъ лицинищомъ *),
— А къ царю Костянтину Боголюбовичу,
— А къ царю сидитъ онъ хребтинищомъ.
— И таковаго вора вѣкъ не видывалъ,
— И слыхомъ про вора не слыхивалъ.
— Голова у него какъ пивной котёлъ,
— А межу глазъ идётъ стрѣла калёная,
— А въ плечахъ у вора сажень косая та. —
«Чего же ты сильнее могучее Иванищо,
«Не очистилъ ты Царяграда,
«Не убилъ ты поганаго Идолища?»
— Ахъ ты свѣтъ государь да Илья Муромецъ!
— Да не смѣлъ напустить на вора на разбойника,
— Да на поганаго Идолища. —
Да говоритъ тутъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Ай же ты сильнё могучё Иванищо!
«А скидывай ты съ себя платье каличьёё,
«Да разувай съ себя лапотики семи шелковъ,
«А бери ты моего добра коня,
«Да надёжь мои платья богатырскія.
«Я пойду каликой во Царь-то градъ,
«А очищу я вѣдь Царь-тотъ градъ,
«Да убью поганаго Идолища.»
Да й тутъ Иванищо раздумался,
А й раздумался Иванищо росплакался:
— Ахъ ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
— Да кабы не ты просилъ платьёвъ каличьіихъ,
— Да не ты бы просилъ лапотиковъ семи шелковъ,
— Да не отдалъ бы я платьевъ каличьихъ,
— Да не отдалъ бы я лапотиковъ семи шелковъ,
— А въ лапотики ты было вплетено
— По дорогому камню самоцвѣтному,
— Да не для ради красы басы угожества,
— Ради темныи ноченки осеннiи. —
А й тутъ-то они платьями помѣнялися.
Надѣвалъ Илья Муромецъ платья каличьіи,
Обувалъ онъ лапотики семи шелковъ,
Да бралъ онъ дубину ту каличьюю,
Да пошолъ онъ къ Царюграду,
Да ко тому ли Костянтину Боголюбовичу.
Приходилъ калика перехожая къ Царюграду,
Приходилъ онъ на широкъ дворъ,
Закричалъ калика громкимъ голосомъ:
«А й же ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Да возьми-тко ты калику да въ полаты бѣлокаменны,
«Да накорми-тко ты калику его до сыта,
«А напой-тко ты калику его до пьяна.
«За каликой есть вѣсти не плохіи,
«А не плохіи вѣсти есть царскіи.»
А й тутъ-то царь Костянтинъ Боголюбовичъ
Выходилъ онъ на крылечко перёное.
— А ступай-ко ты калика во полату бѣлокаменну. —
Приходитъ онъ во палату бѣлокаменну,
Онъ крестъ-тотъ кладетъ по писаному,
Да поклонъ ведетъ по ученому,
Царю Костянтину Боголюбовичу онъ кланяется,

*) Т. е. лицомъ.

Поганому Идолищу не клонится.—
Говоритъ ему поганое Идолище:
«Ты откуль калика перехожая,
«Ты съ коей земли съ коей орды?»
— А я есть отъ города отъ Кіева,
— Да хожу калика по святой Руси. —
Говоритъ тутъ поганое Идолище:
«А что у васъ е во городи во Кіеви,
«Слава идетъ есть у васъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
«А великъ ли онъ ростомъ собой-то онъ?»
Говоритъ ему калика перехожая:
— Намъ вѣдь ладятся съ нимъ платья цвѣтныи. —
«А по многу ли онъ хлѣба ѣстъ?»
— Ѣстъ онъ по три калачика крупивчатыхъ. —
«Экой богатырь да еще славится,
«Я бы на руку клалъ другой ударилъ бы,
«Такъ только одинъ бы блинъ да сталъ съ него.
«Я какъ ѣмъ по три коровы яловицы,
«Да по три ведра я пива пью.»
Говоритъ тутъ калика перехожая:
— Да у нашего князя у Владиміра,
— Да й было коровищо обжорищо,
— Да много ѣла пила и трёснула.
— А й ты же поганое Идолище.
— По многу ѣшь да пьешь и трёснешь самъ. —
А й тóе татарину да не слюбилосе,
А й тóе татарину да не взглянулосе.
А беретъ татаринъ ножищо кинжалищо,
Да бросатъ въ калику перехожою.
А й тутъ-то калика перехожая,
Да онъ ускакивалъ отъ ножища кинжалища,
А й пролетѣлъ-то ножищо кинжалищо,
А й пролетѣлъ-то во липину,
Улетѣла липина со стѣной-то вся.
А й тутъ-то калика перехожая,
А ухватилъ онъ ножищо кинжалищо,
Да кидалъ онъ въ татарина поганаго
А тѣмъ ли ножищомъ кинжалищомъ, —
Пролетѣлъ ножищо кинжалищо татарина на скрозь.
А й тутъ хватилъ онъ татарина зá ноги,
А сталъ онъ татариномъ помахивать.
Говоритъ калика таково слово:
— Да ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
— Упади ты царь подъ лавицу,
— Не попади на махъ на татарскій,
— А по плечу мнѣ оружьё пришло. —
А поганый татаринъ на жильяхъ не ломится,
А и бьетъ татаръ онъ до единаго,
Прибилъ онъ всѣхъ татаръ да до единаго,
А очистилъ онъ Царьградъ весь.

Записано тамъ же. 7 августа.

—

197.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздитъ-то старъ по чисту полю,
А самъ себѣ старой дивуется:
«Ахъ ты старость ты старость ты старая,
«А старая старость глубокая,
«А глубокая старость тристá годовъ,
«А тристá годовъ да пятьдесятъ годовъ!
«Застала ты стараго во чистомъ поли,
«Во чистомъ поли застала чернымъ вороном,
«А сѣла ты на мою на буйную голову.
«А молодость моя молодость молодецкая!
«Улетѣла ты молодость во чисто поле,
«А во чисто поле да яснымъ соколомъ.»
Пріѣхалъ какъ старой ко камешку,
А ко бѣлому каменю ко Латырю
А у каменя три дороги три розстани,
А на камени подпись написана:
Въ середнюю розстань ѣхать — богату быть,
Въ правую розстань ѣхать — убиту быть,
Въ лѣвую розстань ѣхать — женату быть.
А й тутъ-то старой роздумался,
Роздумался старой росплакался:
«А на что мнѣ-ка старому женату быть,
«А на что мнѣ-ка старому богату быть?
«А поѣду въ тую розстань прямоѣзжую,
«А въ тую розстань гдѣ убиту быть.»
Выѣхалъ на поле на Елéсино,
Стоятъ-то тутъ станичники плѣничники,
Да по руському воры разбойники,
А денныи ночныи подорожники,
Хотятъ стараго убить да съ душой рóзлучить.
Говоритъ-то имъ старая старѣйшина:
«А й же вы станичники плѣничники,
«А й бить меня вамъ стараго некого,
«А взять меня со стараго вамъ нéчего.
«Однорядочка у стараго да во пятьсотъ рублей,
«А петли пугвицы у стараго да въ цѣлу тысячу,
«А мой добрый конь да цѣны смѣты нѣтъ.»
А сталъ онъ по разбойникамъ поѣзживать,
Шелковой плёточкой да сталъ помахивать,
Да тутъ разбойниковъ да мало ставится.

Да смолилисе станичники плѣнничники:
— Ай же ты старая старѣйшина!
— А оставь ты насъ да хоть на симена. —
И говоритъ имъ старая старѣйшина:
«А вы станичники плѣнничники!
«Выходите-тко вы на святую Русь,
«Запишитесь-ко въ пустыни вы въ монастыри,—
«Нѣтъ, — такъ убью васъ я до единаго.
А й тутъ-то станичники плѣнничники
Ему дали заповѣдь великую
Записаться во пустыни во манастыри.

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же. 7 августа.

—

198.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Въ стольномъ городи во Кіеви
А у ласковаго князя у Владиміра
Заводился у князя почестной пиръ
А на многи князя на бояра
И на всѣ поляницы удалыи.
Всѣ на пиру напивалисе.
Всѣ на пиру наѣдалисе,
Всѣ на пиру да пьяны-веселы.
Говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«А й же вы князи мои бояра,
«Сильніи могучіи богатыри:
«А кого мы пошлёмъ во Золоту орду
«Выправлять-то даней выходовъ
«А за старыи годы за новые
«За двѣнадцать лѣтъ.
«А Олешу Поповича намъ послать,
«Такъ онъ молодецъ холостъ не женатъ:
«Онъ съ дѣвушками загуляется,
«Съ молодушками онъ да забалуется.
«А пошлёмте мы Добрынюшку Никитича:
«Онъ молодецъ женатъ не холостъ,
«Онъ и съѣздитъ намъ въ Золоту орду,
«Выправитъ дани выходы
«Да за двѣнадцать лѣтъ.»
Написали Добрыни Микитичу посольный листъ.
А приходитъ Добрынюшка Микитиничъ къ своей матушкѣ,
А ко честной вдовы Амельфы Тимоѳеевнѣ,
Проситъ у ней прощеньица благословеньица:
— Свѣтъ государыни моя матушка!
— Дай ты мнѣ прощеніе благословеньицо
— Ѣхать-то мнѣ въ Золоту орду,
— Выправлять-то дани выходы
— За двѣнадцать лѣтъ. —
Оставается у Добрыни молода жена,
Молода жена любима семья,
Молода Настасья Микулична.
Поѣзжатъ Добрыня самъ наказыватъ:
— Ужь ты а й же моя молода жена,
— Молода жена любима семья!
— Жди-тко ты Добрыню съ чиста поля меня три года.
— Какъ не буду я съ чиста поля да перво три года,
— Ты еще меня жди да и друго три года.
— Какъ не буду я съ чиста поля да друго три года,
— Да ты еще меня жди да третье три года.
— Какъ не буду я съ чиста поля да третье три года,
— А тамъ хоть ты хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди,
— Хоть за князя поди хоть за боярина,
— А хоть за сильняго поди ты за богатыря, —
— А только не ходи ты за смѣлаго Алёшу Поповича,
— Смѣлый Алеша Поповичъ мнѣ крестовой братъ, —
— А крестовой братъ паче родного. —
Какъ вид'ли-то молодца сѣдучись,
А не вид'ли удалаго поѣдучись.
Да прошло тому времечки девять лѣтъ,
А не видать-то Добрыни изъ чиста поля.
А какъ сталъ-то ходить князь Владиміръ свататься
Да на молодой Настасьи Микуличной
А за смѣлаго Алёшу Поповича.
«А ты съ-добра не пойдешь Настасья Микулична.
«Такъ я тебя возьму въ портомойницы,
«Такъ я тебя возьму еще во постельницы,
«Такъ я тебя возьму еще во коровницы.»
— Ахъ ты солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
— Ты еще прожди-тко три года.
— Какъ не будетъ Добрыня четверто три года.
— Такъ я тошто пойду за смѣлаго Алёшу за Поповича. —
Да прошло тому времени двѣнадцать лѣтъ,
Не видать не видать Добрынюшки съ чиста поля.
А й тутъ пошла Настасья Микулична
Да за смѣлаго Алёшу Поповича,

Да пошли они пировать столовать къ князю Владиміру.
Ажно мало и по малу изъ чиста поля,
Наѣзжалъ удалый дородній доброй молодецъ.
А самъ на кони бывъ ясёнъ соколъ,
А конь тотъ подъ нимъ будто лютый звѣрь.
Пріѣзжатъ ко двору да ко Добрынину,
Приходитъ Добрыня Микитичъ тутъ
Въ домъ тотъ Добрынинной.
Онъ крёстъ тотъ кладётъ по писаному,
Да поклонъ тотъ ведётъ по учёному,
Поклонъ ведётъ да самъ здравствуетъ:
«Да ты здравствуй Добрынина матушка!
«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разъѣхался,
«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошныи,
«Онъ велѣлъ подать платья скоморошьи,
«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,
«Да итти мнѣ ко князю Владиміру да на почестенъ пиръ.»
Говоритъ тутъ Добрынина матушка:
— Отойди прочь дѣтина засельщина,
— Ты засельщина дѣтина деревенщина!
— Какъ ходя старухи кошельницы,
— Только нося висти недобрыи:
— Что лежитъ убитъ Добрынюшка въ чистомъ поли
— Головой лежитъ Добрыня ко Пучай рѣки,
— Рѣзвыма ножкамы Добрыня во чисто поле,
— Скрозь его скрозь кудри скрозь жолтые
— Проросла тутъ трава муравая,
— На трави росцвѣли цвѣточки лазуревы,
— Какъ его-то теперь молода жена,
— Молода жена любима семья,
— Да выходитъ-то за смѣлаго Олёшу за Поповича.—
Онъ ей и говоритъ-то второй наконъ:
«Да ты здравствуй ли Добрынина матушка,
«Ты честна вдова Амельфа Тимоѳеевна!
«Я вчера съ твоимъ Добрынюшкой разъѣхался
«Онъ велѣлъ подать гусли скоморошныи,
«Онъ велѣлъ подать платья скоморошьи,
«Онъ велѣлъ подать дубинку скоморошьюю,
«Да итти мнѣ къ князю Владиміру да на почестенъ пиръ.
— Отойди прочь дѣтина засельщина!
— Кабы было живо мое красное солнышко,
— Молодой тотъ Добрынюшка Микитиничъ,
— Не дошло бы тѣ невѣжи насмѣхатися,
— Ужъ не стало моего краснаго солнышка
— Да не что мнѣ дѣлать съ платьями скоморошьима,
— Да не что мнѣ дѣлать съ гуслями скоморошьима,
— Да не что мнѣ дѣлать съ дубинкой скоморошьею. —
Тутъ-то ходила въ погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошьи,
Приносила гусёлышка яровчаты,
Принесла она дубинку скоморошьюю.
Тутъ накрутился молодой скоморошинко
Удалый добрый молодецъ,
Да пошёлъ онъ къ князю Владиміру на почестной пиръ.
Приходилъ онъ во гридню столовую,
Онъ крёстъ тотъ кладётъ по писаному,
Да поклонъ ведетъ по ученому,
Онъ кланяется да поклоняется,
Да на всѣ на четыре на стороны.
Онъ кланяется тамъ и здравствуётъ:
«Здравствуй солнышко Владиміръ стольне-кіевской,
«Да со многима съ князями и со боярамы,
«Да со русскима могучими богатырямы,
«Да со своей-то со душечкой со княгиной со Опраксеей!»
Говоритъ ему князь Владиміръ стольнё-кіевской:
— Да ты поди-тко молода скоморошинко!
— А вси тыи мѣста у насъ нынь заняты,
— Да только мѣстечка немношечко
— На одной-то печкѣ на муравленой. —
Да тутъ скочилъ молода скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену,
Заигралъ онъ во гусёлышка яровчаты.
Онъ первую завёлъ отъ Кіева до Еросолима,
Онъ другу завёлъ отъ Еросолима да до Царяграда,
А всѣ пошли напѣвки ты Добрынины.
А й тутъ-то князь Владиміръ роспотѣшился.
Говоритъ онъ молодой скоморошинки:
— Поди-тко сюды молода скоморошинка!
— А я тебѣ дамъ теперь три мѣста:
— А первоё-то мѣсто подли меня,
— А другое мѣсто опротивъ меня,
— Третьёё противо княгини Настасьи Микулични. —
А тутъ-то молода скоморошинка
Садился онъ въ скамейку дубовую,
Да противо Настасьи Микуличной.
А тутъ-то Настасья Микулична,
Наливала она чару зелена вина въ полтора ведра.
Да турей тотъ рогъ мёду сладкаго,

Подносила она Добрынюшки Микитичу.
А й тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
Да бралъ онъ чару зелена вина въ полтора ведра,
А бралъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару на единый духъ,
Да й турей рогъ выпилъ мёду сладкаго,
Да спускалъ онъ въ чару перстень злачены,
Которымъ перстнемъ съ ней обручался онъ.
Да говоритъ онъ Настасьи Микуличной:
«Ты гляди-тко Настасья Микулична,
«Во чару гляди-тко злачёную.»
Какъ поглядѣла Настасья Микулична
Въ тую чару золочёную,
Взяла въ руки злачёнъ перстень,
Говоритъ тутъ Настасья Микулична:
— Да не тотъ мужъ — который подли меня сидитъ,
— А тотъ мой мужъ — которой противо меня сидитъ. —
А тутъ-то Добрыня Микитиничъ,
Да скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Да бралъ Алёшу за желты кудри,
Да онъ выдёргивалъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
А сталъ онъ по гридни потаскивать,
Да сталъ онъ Алёши приговаривать:
«Не дивую я разуму женскому, —
«Да дивуя я ти смѣлый Алёша Поповичъ ты,
«А ты-то Алёшенька да мнѣ крестовой братъ.
«Да еще тебѣ дивую, старый ты князь Владиміръ стольне-кіевской!
«А колько я тѣ дѣлалъ выслугъ-то великіихъ,
«А ты всё Владиміръ надо мной надсмѣхаешься.
«Да теперь я выправилъ изъ Золотой орды,
«Выправилъ дани и выходы
«За старыи годы за новыи.
«Везутъ тебѣ три телѣги ордынскіи:
«Три телѣги злата и серебра.»
Тутъ онъ взялъ свою молоду жену,
Молоду жену любиму семью,
Да повёлъ Добрыня къ своей матушки.
Да тутъ ли Алёшенька Поповичъ тотъ,
Да ходитъ по гридни окоракою,
А самъ ходитъ приговариватъ:
— Да всякъ-то на сёмъ свѣти женится,
— Да не всякому женидьба удавается. —
А тольки Алёшенька женатъ бывалъ.

Записано тамъ же, 7 августа.

—

199.

СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ.

А й изъ-за тóго острова Кадойлова,
А й изъ-подъ тóго вязу съ-подъ черлёнаго,
А й изъ-подъ того камешка съ-подъ бѣлаго
Изъ-подъ тóго кустышка ракитоваго,
А пала выпадала мать Нѣпра рѣка,
А устьемъ выпадала въ море Черное,
Во Черное море во Турецкое.
А по этой матери Нѣпрй по рѣки,
Вылеталъ выѣзжалъ младъ хупавъ молодецъ,
Молодъ Соловей сынъ Будиміровичъ.
Поѣзжалъ Соловей вѣдь онъ свататься
А за славноё онъ за синё морё,
Да ко славному городу ко Кіеву,
А ко ласкову князю ко Владиміру,
На его любимыи племянницы,
А на мóлодой Забавы на Путятиной.
А сталъ Соловей корабля снастить:
Носъ корма по звѣриному,
А бока у карабля всё по туриному,
А вмѣсто бровъ было вдёргивано
А по дóрогой куницы по пещерскіи,
А вмѣсто ушей было повѣшивано
А по дорогому соболю заморьскому,
А вмѣсто очей было врѣзывано
А по дорогому камню самоцвѣтному,
А не для ради красы басы угожества,
Ради темныи ноченки осенніи.
Пріѣзжалъ Соловей сынъ Будиміровичъ
А ко славному городу ко Кіеву.
А сходенки металъ онъ дорогъ рыбей зубъ,
Выходилъ выступалъ онъ на крутъ бережокъ,
А со своей дружиной со хороброю,
Чашу насыпалъ онъ красна золота,
А другу насыпалъ онъ чиста серебра,
Третью насыпалъ онъ скатнаго жемчуга,
А въ четвертыхъ беретъ онъ камочку крущатую,
Крущатую камочку дволичную.
А ничѣмъ эта камкá была не дорóга,
А не краснымъ она да была золотомъ,
А не чистымъ она да была серебромъ,
А дóрога камка была крущатая
А тымá ли цвѣтамы заморскима.
А приходилъ онъ во гридню во столовую,
Онъ крёстъ-тотъ кладетъ по писаному,
Онъ поклонъ-тотъ ведетъ по учёному,

ияется поклоняется
ѣ на четыре на стороны.
ияется, самъ чёствуетъ:
вуй Владиміръ стольнё-кіевской,
иногима князями со боярамы!»
ияется, самъ чёствуетъ,
онъ чашу красна золота
шку Владиміру стольне-кіевскому,
о подавалъ онъ чиста серебра
ушечки княгины онъ Опраксіи,
о подавалъ онъ скатня жемчуга
Забавы Путятичной.
подавалъ онъ камочку крущатую.
ияется самъ и чёствуетъ.
ірова князю полюбилисе.
князь Владиміръ стольне-кіевской,
онъ тутъ вѣдь почестенъ пиръ,
оги князя на бояра,
огихъ поляницъ на удалыихъ.
пиру напивалисе,
пиру да наѣдалисе.
~~тъ Соловей сынъ~~ Будиміровичъ:
солнышко Владиміръ стольнё-кіевской!
и государь мнѣ слово вымолвить.»
и Соловей что тебѣ надобно.—
оль мнѣ-ка-ва выстроить три терема,
терема златоверхіихъ.
ноченкой тёмною,
ноченкой осенною,
оставить-то мнѣ-ка три терема,
терема златоверхіихъ,
того полюшка чистаго,
того садочку Путятинова.»
ви Соловей гдѣ тебѣ любо.—
ъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
ъ Соловей онъ на крылечко перёное,
ъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
говоритъ онъ дружинушки хоробрыи:
вы дружинушка хоробрая!
е дѣло повелѣное.
айте-тко платьицо цвѣтное,
йте-тко платьицо лосиное,
те-тко лапотики семи шелковъ.
убья да вязья повырубити,
зъ зелена саду повымечите,
ройте-тко мнѣ-ка три терема,
рема златоверхіихъ,
четвертыхъ состройте мнѣ гостинной дворъ
ноченкой темною,
ноченкой осенною.»

А й тутъ-то дружинушка Соловьева,
Скидывали они платьица цвѣтныи,
Надѣвали кожаники лосиновыи,
Обували лапотики семи шелковъ.
Оны дубья да вязья повырубили,
Вонъ изъ зелена саду повыметали,
А состроили оны да три терема,
Три терема златоверхіихъ,
А въ четвертыхъ состроили гостиной дворъ,
Той-ли ноченкой тёмною,
А темною ноченкой осенною.
А по утру вставала дочь Путятинова,
Поглядѣла ~~во косящ~~чато окошечко.
— А что это чудо-то счудилосе,
— А что это диво-то сдивилосе?
— А вечоръ-то стоялъ да мой зелёной садъ,
— А стоялъ-то садъ онъ цѣлымъ цѣлой,
— А теперичу-то садъ онъ полонёной сталъ.
— А построено въ немъ да три терема
— А три терема златоверхіихъ,
— Да въ четвертыхъ построенъ гостиный дворъ.
— Ай же вы нёнюшки мамушки,
— Да пойдемте-тко гулять да во зелёный садъ.—
Да пришли оны гуляти во зеленый садъ,
А въ первомъ терему-то щелчокъ-молчокъ, —
То есть дружинушка Соловьева.
А въ другомъ терему да шепотомъ говорятъ, —
То есть Соловьёвая матушка,
Она Господа Бога умаливаетъ.
За своего за чада за милаго.
А въ третьёмъ терему-то гудки гудятъ,
Игры играютъ Царяграда,
Напѣвки выпѣваютъ Еросолима, —
То самъ Соловей сидитъ Будиміровичъ.
А говоритъ тутъ Забава дочь Путятична:
— Ай же вы ненюшки мамушки!
— Да зайдемте-ко въ этотъ теремъ высокіи.—
Приходила тутъ Забава дочь Путятична.
А тутъ Соловей сынъ Будиміровичъ,
А ставалъ Соловей онъ на рѣзвы ноги,
А подергивалъ онъ тутъ ременчатъ стулъ.
«Да садись-ко ты Забава Путятьевна,
«А садись-ко Забава на ременчатъ стулъ.»
А стали играть они во шахматы.
А й тутъ ли Соловей сынъ Будиміровичъ,
Разъ тотъ сыгралъ Забаву поигралъ,
Другой тотъ сыгралъ Забаву поигралъ,
Третей тотъ сыгралъ Забаву поигралъ.
А говоритъ тутъ Забава дочь Путятична:
— Ахъ молодецъ ты заулишекъ добръ!
— Кабы взялъ за себя, я бы шла за тебя. —

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
«А совсѣмъ ты мнѣ Забава въ любовь пришла,
«А однимъ ты мнѣ Забава не́ люба,
«Что сама себя Забава ты просватываёшь.»
А й тутъ ли у князя у Владиміра,
Да не пива-ты варить да не мёды-ты сычить,
Веселимъ пиркомъ да за свадебку.

Записано тамъ же. 7 августа.

—

200.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

А города было то Крякова;
А села то вѣдь было Березина,
Снаряжается да убирается
А Лука Петровичъ королевской сынъ,
Да во далече дале́че во чисто полё.
Онъ долгой день ѣздилъ до вече́ра,
А темную ночь до полуночи,
Да не могъ себѣ наѣхать супротивника,
А супротивника наѣхать поединщика,
Ему не съ кимъ розъѣздить добра коня,
Ему не съ кимъ ростолкать плеча богатырскаго,
Да утѣшить мысли молодецкіи.
А наѣхалъ во чистомъ поли —
Сидитъ на дубу на крякновистомъ,
А й сидитъ на дубу тутъ вѣдь чорной вранъ.
А й самъ-то вранъ онъ черны́мъ черёпъ,
А крылья у ворона бѣлымъ бѣлы,
А бѣлимъ бѣлы да будто бѣлый снѣгъ.
Говоритъ Лука Петровичъ королевскій сынъ!
«Натяну я ту́гой лукъ розрывчатой,
«Да убью я тя чернаго ворона,
«Пропущу твою кровь горячую
«По тому сыру дубу да по крякновисту.»
Говоритъ ему че́рный вранъ язы́комъ человѣческимъ:
— А й же ты Лука Петровичъ королевскій сынъ!
— А у васъ на Руси говорятъ пословицу:
— А старца убить не спасенье залучить,
— А й ворона убить некакую корысть получить.
— А есть какъ дале́че дале́че во чистомъ поли,
— А на поли было на Касимовскомъ,
— А ѣздитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
— Тебѣ е съ кимъ розъѣздить добра коня,
— Тебѣ е съ кимъ ростолкать плечо богатырское,
— Да утѣшить тѣ мысли молодецкіи. —
Поѣзжатъ Лука Петровичъ королевской сынъ
Да на тое поле на Касимовско.
Пріѣхалъ онъ на поле на Касимовско,
Ажно видитъ тамъ Сокольникъ на добромъ кони,
А самъ молодецъ да былъ ясёнъ соколъ,
А конь тотъ подъ нимъ будто лютый звѣрь,
Будто лютый звѣрь да на рогатину.
А съѣхались молодцы да поздоровались,
А ударились о́ны во палицы булатни,
А палицы до рукъ да приломалисе.
А ударились оны въ копья бурзомецкіи,
А другъ друга богатыри не ранили.
Да спустились оны́ на сыру землю,
Да пошли оны пировымъ боёмъ,
Пировымъ боёмъ да рукопашкою,
А й тутъ Лука Петровичъ королевскій сынъ
Да сбилъ онъ Сокольника на сыру землю,
А сѣлъ онъ тутъ на бѣлы груди,
Вынимать онъ ножищо кинжалищо.
И хочетъ пластать ему груди ты бѣлыи,
Вынимать у не́го сердце то да со печенью,
А въ плечи рука да застояласи.
Говоритъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
«Да ты скажи татаринъ не трави себя:
«Ты коей земли да ты коей орды,
«Коего отця коей матери,
«А какъ тебя молодца именемъ зовутъ,
«А какъ величаютъ по отечеству?»
Говоритъ ему Сокольникъ таково слово:
— Кабы былъ я на твоихъ бѣлыхъ грудяхъ,
— Да не спрашивалъ бы ни имени ни отчины,
— А пласталъ бы груди твои бѣлыи,
— Вынималъ бы у тя сердце со опеченью. —
Богатырское сердце озвѣрилосе,
Да хватать онъ ножищо кинжалищо,
Хочетъ ему пластать-то груди бѣлыи,
Вынимать у не́го сердце то съ печенью,
А въ плечи рука да застояласи.
Онъ его спрашиватъ второй наконъ:
«Да ты скажи Сокольникъ не трави себя:
«Тебя какъ молодца зовутъ по имени,
«Тебя какъ величаютъ по отечеству?
— Я есть города Крякова,
— А села то есть я Березина,
— Молодой Василей Петровичъ королевской сынъ.
— Когда воевали татарова Касимовцы,
— Увезли меня оны въ свою землю,
— Увезли меня да трехгодоваго.
— А у меня остался братецъ королевскій сынъ,
— Лука Петровичъ королевскій сынъ тремѣсячнымъ. —
А й тутъ-то Лука Петровичъ королевскій сынъ,

очилъ онъ на ножки на рѣзвыя,
ымалъ онъ братца за ручки за бѣлыя,
залъ во уста сахарніи:
ы здравствуй родимый мой брателко!
і вѣдь есть Лука Петровичъ королевскій сынъ.
слыхалъ отъ своей матушки,
воевали татарова Касимовци,
били-то нашего батюшка
везли въ свою землю тебя да трехгодóваго,
остался въ сели Березини тремѣсячной.»
итъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
ты братецъ Василей Петровичъ-отъ!
поѣдемъ-ко мы въ свою землю.»
итъ тутъ Василій Петровичъ королевскій сынъ:
поѣдемъ-ко къ татаровамъ Касимовцамъ,
ьемъ мы татаровей до единаго,
местимъ свою кровь ту горячую. —
итъ тутъ Лука Петровичъ королевскій сынъ:
же ты Василей Петровичъ королевскій сынъ!
оѣдемъ-ко мы къ своей матушки.»
тъ поѣхали они въ свою землю,
іѣзжали оны въ городъ въ Кряковъ-то,
ходилъ Лука Петровичъ къ своей матушки,
равствуетъ свою матушку:
вствуй ты родитель моя матушка!
къ тебѣ привёзъ татарина Касимовца.»
итъ его родитель-та матушка:
могла бъ я ни слышати ни видѣти,
о злодѣевъ Касимовскихъ татаровей. —
же ты родитель моя матушка!
атарина привезъ къ тебѣ Касимовца, —
го-то сына любимаго,
го-то братца родимаго.»

исано тамъ же, 7 августа.

—

201.

ЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

во матушкѣ было въ каменной Москвы,
Грознаго царя Ивана Васильевича,
о пированьё почестной пиръ.
а пиру напивалисе,
а пиру наѣдалисе,
ій царь тотъ Иванъ Васильевичъ стáлъ на весели:
ь онъ по гридни столовыи,
Говоритъ-то царь таково слово:
«Да повывелъ я измѣну со Кіева,
«Да повывелъ я измѣну изъ Чернигова,
«Да повывелъ я измѣну изъ Нова-города,
«А повыведу измѣну съ каменной Москвы.»
А говоритъ его сынъ тутъ любезныи Ѳедоръ Ивановичъ:
— Ахъ батюшко Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Не повывести измѣны съ каменной Москвы.
— А твой тотъ сынъ любезныи Иванъ-то Ивановичъ,
— Онъ уважатъ-то боярамъ московскіимъ,
— Онъ-то творитъ великіи милости. —
Тутъ-то Грозный царь Иванъ Васильевичъ да розретивился:
«Вы ведите-тко Ивана Ивановича,
«Да на тое-то на поле на житное,
«А отсѣките вы Ивану буйну голову.»
Какъ доносили эту вѣсточку нà-скори
Да его-то вѣдь царици благовѣрныи,
Анны доносили Романовной:
— Ай же ты царица Анна Романовна.
— Ѣшь ты пьешь да проклажаешься,
— Про великую незгодушку не вѣдаешь.
— А твой тотъ мужъ любезныи,
— Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Отпускалъ твоего-то сына любимаго Ивана Ивановича,
— А на тое на поле на житное,
— Да на тую-то на плаху кровавую,
— А велѣлъ ему отсѣчь буйну голову. —
Тутъ ли-то царица благовѣрная
А кидала она шубу на одно плечо,
А бѣжала-то она по Москвы городомъ,
Она голосомъ кричитъ-то какъ въ трубу трубитъ:
«А миръ крещеный народъ-то вы добрыи!
«Дайте путь дорожку широкую.
«А бѣжать-то мнѣ къ Микиты Романовичу.»
Какъ прибѣжала къ Микиты Романовичу!
«Ай же ты мой милый брателко,
«А старый князь Микита Романовичъ!
«А ѣшь ты пьешь проклажаешся,
«Про великую незгоду не вѣдаешь.
«А твоего-то племянника любимаго,
«А Ивана Ивановича
«Увели его на поле на житное,
«А на тую-то на плаху кровавую,
«Да велѣно отсѣчь-то буйну голову.»
А й тутъ-то Микита Романовичъ

Онъ скоро садился на добра коня,
Не на уздана коня онъ не на сѣдлана,
Онъ ѣдетъ Москвой-то вѣдь городомъ:
— А й вы люди народъ добрыи!
— Дайте путь дорожку широкую
— Ѣхать на поле на житное,
— Да на тую-то плаху кровавую,
— Да застать въ живыхъ любимаго племянника,
— Да Ивана застать мнѣ Ивачовича. —
Тутъ указъ читаютъ оны царскіи
А читаютъ указъ государевъ-отъ.
А заздынута у палача-то сабля острая.
Закричалъ тутъ Микита громкимъ голосомъ:
— Ахъ ты маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ!
— Съѣшь ты собака самъ подавишься,
— Моего-то ты любимаго племянника. —
Тутъ-то маленькой Малютушка Скурлатовъ сынъ,
Да кладалъ онъ саблю вострую да во сыру землю,
Во сыру землю тупымъ концёмъ,
А на вострой конецъ заколося самъ.
Прискакалъ тутъ Микита Романовичъ,
Онъ бралъ своего любимаго племянника да за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста да во сахарній.
Да садился Микита на добра коня,
Полагалъ племянника подъ пазуху,
Да поѣхалъ Микита въ свою вотчину.
А поутру-то ранымъ ранешенько,
Да проспался Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Сдѣлалъ онъ указъ государевой
Чтобы князи и бояра,
Вси купци да мѣщана богатыи,
А ходили бы оны въ платьяхъ-то опальныихъ.
Да не ходитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Не къ заутрены онъ ходитъ не къ обѣднѣ онъ.
Въ воскресенье пришолъ онъ во Божью церковь,
А пришолъ онъ во платьяхъ опальныихъ,
А старый князь Микита Романовичъ,
Да надѣлъ онъ платья что ни лучшіи,
Да приходитъ-то Микита во Божью церкву,
Онъ крёстъ тотъ кладё по писаному,
А поклонъ тотъ ведётъ да по учёному,
Онъ поклонъ тотъ ведё самъ и здравствуетъ:
— Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своима со любезныма со дѣтушкамы:
— Здравствуй съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Да съ Иваномъ ты здравствуй Ивановичемъ!
Говоритъ ёму грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«А й ты старый князь Микита Романовичъ!
«Во глазахъ ли ты Микита насмѣхаешься,
«Да не стало вѣдь у насъ-то Ивана Ивановича.»
Онъ ему говоритъ и второй наконъ:
— Здравствуй-ко ты грозный царь Иванъ Васильевичъ,
— Да со своима со любезныма со дѣтушкамы:
— Да ты съ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Да съ Иваномъ ты здравствуёшь Ивановичемъ! —
Говоритъ ему грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
«Да давай-ко ты мнѣ Ивана Ивановича теперь на лицо.»
А тутъ-то старый князь Микита Романовичъ,
Выводилъ-то онъ своего любезнаго племянника,
Да съ-подъ шубы выводилъ онъ соболиныи.
— На-тко ты грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Своего тутъ ты сына любимаго,
— Да Ивана Ивановича. —
А й тутъ-то вѣдь грозный царь Иванъ Васильевичъ
Обрадѣлъ *) онъ своего-то сына любимаго,
Говоритъ онъ Микиты Романовичу:
«Ахъ ты старый князь Микита Романовичъ!
«А й чѣмъ тебя Микиту буде жаловати:
«Города-ты мнѣ-ка дать тебѣ съ приселками,
«Али села-ты мнѣ дать тебѣ великіи?»
Говоритъ ему старый князь Микита Романовичъ
— Ахъ ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ не надобно городовъ съ пригородками,
— Мнѣ не надобно селъ-то съ присёлками,
— А ты сдѣлай-ко указъ мнѣ-ка царскій,
— А дай ты мнѣ Никитину отчину:
— Кто голову убьётъ, кто коня уведётъ,
— Кто коня уведётъ, да кто бабу уведётъ,
— А не было бы ни иску, ни отыску,
— Того Богъ проститъ. —

Записано тамъ же, 7 августа.

202.

ЕРМАКЪ.

Какъ сбирались казаки | на крутъ бережокъ,
Ахъ доньски гребеньски | запорожскіи,
Запорожски казаки | и все были яицкіи,
Ахъ атаманъ былъ у донс|кихъ у казаковъ,

*) Т. е. обрадовался.

ъ Тихаго Дону Ермакъ былъ Тимоѳеевичъ,
лъ былъ у донскихъ у казаковъ
Двины Остафей Лаврентьевичъ.
адились казаки | на легки стружки,
легки стружки | сѣли на мелки повозки,
грянули розмахну | ли внизъ по Волги рѣки.
це будутъ казаки | о полу онѣ пути,
пути пути будутъ противъ Охтучи рѣки,
противъ того кустышка ракитоваго,
ивъ того лужечка | ай зелёного.
рху внизъ было по матушки по Камы рѣки,
Камы рѣки | легка лодочка плыветъ,
лютымъ со зельемъ | съ чернымъ порохомъ,
трашной казной | государевой.
казны-то сидитъ | тутъ грозёнъ посёлъ,
имени Семёнъ | Костянтиновичъ,
тиновичъ Семёнъ | сидитъ Корамышевичъ.
акъ немношечко времечки миновалосе,
ивъ кустишка лодочка сверталасе,
къ лунула пушечка мѣдная,
къ розбила эту | лодочку коломянку,
убило посла | государева
ышева Семена Костянтиновича.
мы не ладно мы | два брателка удумали
убили мы посла | государева
отой казны | намъ немношко доставалосе,
валасе казны | намъ же по три тмы,
по три тьмы доставалось по три тысячи.
куды же мы братцы | воровать теперь пойдемъ?
намъ во Казань городъ итти | намъ убитымъ быть.
во Востракань итти | быть повѣшеннымъ.
пойдемте-тко братцы | во каменну Москву.

(Дальше не помнитъ).

сано тамъ же, 7 августа.

—

203.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Какъ во славномъ было городи во Вастракани,
Проявился тамъ дѣтинушка незнаемъ человѣкъ,
Какъ незнаемой дѣтинушка невѣдомой откуль.
Басно щепетно по Вастракани погуливаетъ,
Ужъ онъ штапамъ афицерушкамъ не кланяется,
Востраканскому губернатору челомъ ему не бьетъ.
А сапоженки на ножкахъ шелкомъ тáченыи,
Черна шляпа на кудряхъ | и перщатки на рукахъ,
А й свой тотъ вишневой кафтанъ | на одномъ плечи таскалъ,
И какъ персидской кушачокъ | во бѣлыхъ рукахъ держалъ.
Какъ увидѣлъ молодца | губернаторъ скрычалъ:
«Вы сходите приведите удалого молодца.»
Еще сталъ-то губернаторъ его спрашивати:
«А ты скажись скажись-ко дѣтинушка незнаемъ человѣкъ,
«Изъ тиху ли ты Дону казакъ | аль казачей сынъ
«Аль ты съ нашего крѣпкаго города изъ Вастракани.»
Какъ проговоритъ дѣтинушка незнаемъ человѣкъ:
— Изъ тиху-то я Дону не казакъ | не казачей сынъ,
— Я не съ вашего крѣпкого города а изъ Вастракани.
— Я со Камы-то со рѣки | Сеньки Разина сынъ,
— Посулился мой-то батюшко завтра въ гости къ вамъ быть,
— Вы умѣйте-тко моего батюшка кормить его поить,
— Вы кормить его поить | и честно жаловати,»
Вастраканьскому губернатору не слюбилися словеса.
«Еще есть-ли то при мнѣ | а слуги вѣрны при собѣ,
«Вы сведите-тко молодца | въ бѣлокаменну тюрьму.»
Взяли брали молодца за | желтыи волоса,
Повели его молодца | въ бѣлокаменну тюрьму.

Сверху внизъ было по ма|тушки по Камы по рѣки,
Что й по Камы по рѣки | легка лодочка пловётъ,
Какъ на той-то на легкой лодкѣ а|таманъ воровской сидитъ,
Атаманъ воровской сидитъ | Сенька Разинъ тотъ сынъ.
— Еще что-то мнѣ братцы робя|тушка тошнымъ стало тошно,
— Мнѣ тошнымъ стало тошно | и тошнёшенько,
— Вы подайте-тко воды | съ-подъ правы́и съ-подъ руки.»
II надъ водой-то Сенька волховалъ | и воду взадь выливалъ,
— Видно мой тутъ вѣдь сынокъ | а сидитъ въ бѣлокаменной тюрьмѣ,
— Приворачивайте робята | ко крутому бережку,
— Ужъ мы стѣну разобьемъ | а й тюрьму по каменю разнесёмъ,
— II Вастраканьскаго губерна|тора въ полонъ ~~къ собѣ возьмемъ~~,
— И Вастраканьскую губерна|торшу въ наложницы. —

Записано тамъ же, 7 августа.

—

204.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

А пише пише король шведскій | государыни нашой въ Москву:
«А й да милосердная государыня | не прогнѣвайся на меня,
«На меня-то Швета да на злодѣя на Шведскаго короля.
«Ай роспиши-тко ты мнѣ хватерушку | а й въ каменной Москвы постоять:
«II моей конницы пѣхотушки | и во ямской стоять улицѣ,
«А самому-то мнѣ королю | Шведскому а й въ Кремли городи постоять,
«А й у Бориса стоять у Петровича | а й Шелементьева во дворци.»
А милосердная государыни | а призадумалась стоитъ,
А наши главные всѣ фельдмаршаты | а й пріужахнулись.
Какъ у ней правой подъ ру|ченькой донской казакъ стоитъ,
Ахъ у ней подъ лѣвой подъ ру|ченькой а й часовой солдатъ стоитъ,
Ой впереди-то наши служивыи | да словцё вымолвили:
— А милосердная государыни | не печалуйся ни о чемъ,
— А й не бывать-то королю Шведскому | а й въ каменной нашой Москвы,
— А й не видать-то ему да собаки | ой нашей крѣпости.
— А ужъ мы встрѣтимъ короля Шведскаго | на Тюмень быстрой рѣки,
— А й ужъ мы встрѣтимъ, всѣ | съ королемъ побра́таемся,
— Да розоставимъ-ко мы сто|лики о й все дубовенькіе,
— О й да накатаемъ-ко мы пу|шечекъ все со ядрушками.
— А ужъ какъ мы станемъ ему подавать, онъ | не успѣетъ принимать. —

Записано тамъ же, 7 августа.

—

205.

ПРУССКІЙ КОРОЛЬ.

О й ростужится росплачется | нашъ Прусской ~~нашъ Прусской~~ *) король,
А й сидючись-то на укра|сушки а й *на крутой* горы,
А онъ глядѣлъ смотрѣлъ на свою укрѣ|пушку *на Берлинъ* городъ,
И на свою укрѣпушку | на Берлинъ да *на Берлинъ* городъ.
«Ты ли-то укрѣпа | моя *ты укрѣпушка*,
«Ты мой Берлинъ | *мой Берлинъ* городъ,
«А ты кому-то моя укрѣ|пушка *доставалась*,
«Доставаласе да достава|ласе моя ~~укрѣпушка~~,
«О й царю бѣлому | *о й царю* бѣлому,
«А какъ другому же генера|лушку *Краснощекову*.»
А й какъ ходилъ гулялъ | Краснощековъ купцемъ *по городу*,
Ахъ онъ закупаетъ-то | Краснощековъ *а й сотню* ~~ноброку~~,
И закупае еще онъ | Краснощековъ ~~сорокъ ягшечекъ~~.

*) Набранные *курсивомъ* слоги повторяются два раза.

Ахъ онъ Прускую жену | ту красавицу а й *во полонъ* беретъ,
И во полонъ-то беретъ пруску | жену и самъ онъ допросомъ *допрашиватъ*:
— А й ты скажи-тко скажи | пруска жена а й *куды Прусъ* ушелъ? —
«Ахъ вы глупы генера|лушки глупы *неразумныи*!
«А й за столомъ-то сидѣлъ | пруской король *бѣлой лебеди*,
«А й на окошечки сидѣлъ | пруской король *а й сизымъ голубомъ*,
«И на корабь полетѣлъ | пруской король вотъ онъ *чернымъ ворономъ*.»

Записано тамъ же, 4 августа.

—

XXXVII.

Т. СУХАНОВЪ.

Трофимъ Ивановичъ Сухановъ, крестьянинъ съ Охтом-острова на Водлозерѣ, 70 лѣтъ, здоровый, моложавый, еще несущій тягло и занимающійся доселѣ полѣсничествомъ. Перенялъ былины отъ отца, который умеръ подъ 100 лѣтъ отъ роду; говоритъ, что большую часть изъ нихъ забылъ, вслѣдствіе тяжелой рабочей жизни.

—

206.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славноёмъ было городи во Кіеви,
А й у ласкова князя Владиміра,
Собирается у князя почестенъ пиръ.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру наѣдалисе,
Вси ли на пиру пьяны веселы,
А вси ли на пиру порасфастались:
Умный фастатъ отцемъ матерью,
Безумной фастатъ молодой женой,
Глупой фастатъ добрымъ конемъ.
А сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ,
Не ѣстъ онъ не пьетъ да не кушаётъ,
Бѣлой лебёдушки не рушаётъ
Надъ собой онъ думушку думаётъ.
Говоритъ солнышко князь столно-кіевской:
«А чего же ты сидишь позадумался,
«Хлѣба ты соли не кушаёшь,
«Бѣлой лебёдушки не рушаёшь,
«Не пьёшъ ты чары зелена вина?»
И говоритъ князь столно-кіевской:
— Ай же вы русскіи богатыри:
— Во первыихъ казакъ Илья Муромецъ,
— Во другіихъ Добрынюшка Микитиничъ
— Вы берите злачёныи жеребьи
— Кому ѣхать въ путь богатырскую,
— Во тую въ дороженку широкую,
— Не за триста за три тысячи,
— Выправляти дани выходы за двѣнадцать лѣтъ.
— Во тыи Индѣи во богатыи,
— Не вамы были дани запущены,
— Только вамы будутъ дани взысканы. —
А й тутъ Добрынюшка поросплакался,
Своей матушки порозжалися:
— Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
— На что Добрынюшку спородила,
— Сильняго Добрынюшку не сильняго,
— Ростомъ его не высокаго,
— Красотою его не красиваго,
— А й богачествомъ не богатаго.
— Лучше родила-бъ моя матушка
— Сѣрымъ горючіимъ камешкомъ,
— Завертѣла во тонко полотенышко,
— Ставала на гору высокую,
— Розмахала Добрыню — въ море бросила.
— А лежалъ бы Добрынюшка въ синёмъ мори,
— Не ѣздилъ Добрыня по святой Руси,
— Не проливалъ бы крови христіяньскіи,
— Не вдовилъ Добрыня молодыихъ жонъ,
— Не сиротали-бъ малыя дѣточки. —
И получаетъ несчастныя жеребей.
Говоритъ онъ казаку Илью Муромцу:
— Я поѣзжаю въ путь богатырскую. —
И говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,
— Честна вдова Намельфа Тимоѳеевна! *)
— Только нѣтъ у молодца добра коня,
— Нѣту сбруюшки богатырскіи,
— Всихъ успѣховъ богатырскіихъ. —
Отвѣчае добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
«Поди на конюшню стоялую,
«А на другу поди ты на конную,
«Выбирай добра коня учёнаго.
«Буде тутъ тебѣ не прилюбится,

*) Она была полянница, сидѣла на пиру.

«Опускайся въ погрёбы глубокіи,
«Стоитъ добрыи конь богатырскіи
«На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
«На двѣнадцати тонкіихъ поводахъ,
«На тыихъ ли на поводахъ шелковыихъ,
«А не нашего шолку — Шемахинскаго.
«Тамъ есть сбруя богатырская,
«Вси успѣхи молодецкіи.»
Только Добрынюшка спрашивалъ.
Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Зъ-за того за столика дубоваго,
Бѣжалъ на конюшню стоялую.
Тутъ ему не слюбилосе,
Перешолъ на конюшенку на конную,
Нѣтъ добра коня по разуму.
Опустился въ погребы глубокіи,
Увидѣлъ коня онъ добраго,
Онъ валился коню во праву ногу:
— Ужъ ты добрый конь богатырскій!
— Служилъ конь и батюшку,
— Служилъ добрый конь дѣдушку,
— Послужи-тко Добрыни Микитичу
— Во тый пути богатырскій. —
Сталъ добра коня откáивать *(отковывать)*,
Сталъ добра коня отвязывать,
Кладывалъ онъ сѣделышко черкальское.
Самъ онъ себя сталъ окольчуживать:
Обувалъ онъ сапожки сафьянные,
Околъ носика яйцё кати,
А й подъ пяточки воробей лети.
Въ каблучкахъ были шпильки серебряны,
Шляпочки позолочены,
Не ради красы басы молодецкіи,
Ради крѣпости богатырскіи,
Одѣвалъ онъ лату богатырскую,
Не грузну́ю лату, въ девяносто пудъ.
Одѣвалъ онъ платьицо цвѣтное,
Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
Не грузную шляпу, во двѣнадцать пудъ.
Кладывалъ онъ праву́ ногу во стремено,
Во тое ли стремено булатнёё,
Скочилъ Добрыня легче заюшка,
Повернулся кручѣе горносталюшка.
Садился во сѣделышко черкальское,
Пріѣзжалъ онъ къ полаты бѣлокаменнои,
Ко своей ко матушки ко родныи,
Ко честной вдовѣ Намельфѣ Тимоѳеевной.
Говоритъ Добрыня таково слово:
— Дай-ко прощеньицо родительско,
— Мнѣ-ка ѣхать въ путь богатырскую. —
Свѣтъ добрá да éго матушка,
Полагае крестъ благословленныи,
Отправляе въ путь богатырскую.
Стоитъ молода жена Настасья Микулична,
Говоритъ Настасья Микулична:
«Ай же Добрынюшка Микитиничъ!
«Поѣзжаешь ты въ путь богатырскую,
«Когда ждать тебя со чиста поля?»
Отвѣчаё Добрыня Микитиничъ:
— Ждите Добрынюшку три года.
— Не пріѣде Добрынюшка три года,
— Еще ждите Добрынюшку три года.
— Не пріѣде Добрыня черезъ шесть годовъ,
— Еще ждите Добрынюшку три года,
— Пройде времечки всего девять лѣтъ. —
И говоритъ-то Настасьи Никуличной:
— Аль вдовой живи аль хоть замужъ поди,
— И за того поди хошь за иннаго,
— За вора́ поди хошь за разбойничка,
— Не ходи за моего за брата крестоваго,
— За смѣлаго Алёшу Поповича,
— За дѣвочьяго за насмѣшника. —
Поѣзжалъ Добрынюшка во чисто́ полё,
Аль не пыль во поли запылается,
Отъ земли пески поднималися,
Одна куревка поку́рила,
Поѣзжалъ Добрыня во чисто́ полё,
Вид'ли молодца сядучись,
А й не вид'ли удалаго поѣдучись.
Прошло тому времени три года,
Не видать Добрынюшки съ чиста поля.
Тутъ ходя старухи кошельницы *),
Они вѣсти носятъ недобрыи:
«Нѣту Добрынюшки во живности,
«Убитъ Добрыня во чистомъ поли,
«Лежитъ Добрыня о Почай рѣку,
«А й ногамы лижитъ во Почай рѣку,
«Кудрями лежитъ въ частъ ракитовъ-кустъ,
«Малолѣсны птички гнѣзда спо́вили
«Во Добрыниныхъ во желтыхъ кудряхъ.»
Тому старуха не вѣрила:
— Молода Настасья Микулична!
— Подождемъ еще времечки три года. —
Прошло того времечки шесть годовъ,
Не видать Добрынюшки съ чиста поля.
Пріѣзжаетъ Олёшенька поповскій сынъ
Со да́леча дале́ча со чиста поля,
Прямо къ доброй-то его́ матушки,
Молодой жены Настасьи Микуличной.
Говоритъ добра да его матушка:

---

*) Нищія.

— Гдѣ ты былъ Олёшенька поповскій сынъ? —
Отвѣчаетъ Олёшенька поповской сынъ:
«Ужъ я былъ во далечи далечи во чистомъ поли.»
— Не видалъ ли Добрыни Микитича? —
Отвѣчаетъ Олёшенька поповскій сынъ:
«Ужъ я видѣлъ Добрыню во чистомъ поли,
«Видилъ Добрыню убитаго:
«Лежитъ Добрыня о Пучай рѣку,
«А й ногамы лежитъ во Пучай рѣку,
«Кудрями лежитъ въ частъ ракитовъ-кустъ,
«Малолѣсны птички гнѣзда сповили
«Во Добрынниныхъ во желтыхъ кудряхъ.»
Говоритъ Настасья Микулична,
Говоритъ она Олёши Поповичу:
— Не былъ ты Олёша во чистомъ поли,
— Не видалъ ты Добрыни убитаго,
— А былъ ты съ собакамы на задворки. —
Олёши слова не слюбилисе,
Идётъ онъ съ обидою великою
Прямо ко князю Владиміру:
«Ужъ ты солнышко князь столно-кіевской!
«Пособи-тко мнѣ думы думати.
«Надо мной удовка насмѣялась
«Молодая Настасья Микулична
«Не могу на ёй сосвататься.
«Возьми меня во служители,
«Возьми меня въ сторожители,
«Буду служить вѣрой правдой.»
Говоритъ князь стольне-кіевской:
— Ай же ты Олёшенька поповской сынъ!
— Сдѣламъ указы мы грозныи,
— По первому городу по Кіеву,
— По другому городу Чернигову,
— По третьему городу Смолянску:
— Не держать бы жонъ безмужніихъ,
— Не держать удовокъ безпашпортніихъ.
— Пошлю стражовъ немилосливыхъ,
— Чтобы гнали со перваго города,
— Со перваго города Кіева,
— Со друга гнали Чернигова,
— Со третьёго со Смолянска. —
Какъ ишли стражи немилосливы,
Выгнали съ перваго города Кіева,
Выгнали съ другаго Чернигова,
Выгнали съ третьяго Смолянска,
Всихъ удовокъ безмужніихъ.
Идутъ съ обидой великою
Ко той Добрынной матушки,
Идутъ къ Настасьи Микулинчной:
«Ужъ ты свѣтъ Настасья Микулична!
«Поди за Олёшу во замужество.
«Не подёшь за Олёшу во замужество —
«Изгонятъ тебя вонъ изъ города.»
Говоритъ Настасья Микулична;
— Я порушаю мужнюю заповѣдь. —
Пожалѣла удовокъ безмужніихъ,
Пожалѣла вдовицъ безпашпортніихъ,
Не охвотою шла во замужество,
Поневолѣ пошла во замужество.
Во далечи во чистомъ поли,
Не за триста за три тысячи,
Спитъ Добрыня во бѣломъ шатри.
Стоитъ добрый конь у бѣла шатра,
Онъ копытомъ бьётъ о сыру землю,
Подъ шатромъ земля сколыбаласе,
Во рѣки вода зазыбаласе.
Скочилъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Отъ крѣпка сну богатырскаго.
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ай же добрый конь богатырскіи!
«Не во время будишь русскаго богатыря.»
Отвѣчаетъ конь по-человѣчьёму:
— Ай же Добрынюшка Микитиничъ!
— Ты не знашь незгоды великіи.
— Твоя жена Настасья Никулична
— Пошла она во замужество,
— Не охвотою по неволюшки,
— За смѣлаго Олёшу Поповича.
— Вчерасе было рукобитьицо,
— Сегодня у ихъ столованьицо. —
Тольки Добрынюшка спрашивалъ.
Садился на добра коня ученаго,
Бьётъ коня плёткой шелковою,
Бьётъ коня по тучнымъ бедрамъ.
Сталъ его добрый конь поскакивать,
Скоки даватъ съ горы на гору,
Мелки источинки въ шахъ берётъ.
Пріѣзжае къ славному городу ко Кіеву,
Ко своёй полаты бѣлокаменной.
Становился къ косивчату окошечку,
Закричалъ онъ гласомъ богатырскіимъ:
«Ай же добра да моя матушка,
«Есть ли честна вдова во живности?
«Отворяй-ко широки воротечка,
«Запусти Добрыню Микитича.»
Отвѣчатъ старуха таково слово:
— Отойдите голи кабацкіи!
— Кабы былъ Добрынюшка во живности,
— Не досугъ бы вамъ насмѣхатисе,
— Надо мной старухой пролыгатисе. —
Говоритъ Добрыня во второй наконъ:
«Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка,

«Честна вдова Намельфа Тимоѳеевна!
«Опустись ты со печки муравленой,
«Ты садись на скамейку хрустальную,
«Ты гляди въ окошко стекольчато,
«Тутъ сидитъ Добрыня на добромъ кони.»
Свѣтъ добра да его матушка
Опущалась со печки муравленой,
Садилась на скамейку хрустальную,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Только взяла дубину подорожную,
Не грузную дубину, въ девяносто пудъ,
Говорила старуха таково слово:
— А й удалый добрый молодецъ!
— Не такой Добрынюшка отпущенъ онъ
— Во тую ли путь богатырскую,
— Во тую поѣздку молодецкую,
— Его личико было бѣлоё,
— Платьицо на нёмъ цвѣтноё,
— Сапожки на ножкахъ сафьянныи,
— Шляпа была пуховая. —
Отвѣчатъ Добрыня Микитиничъ:
«Ужъ ты свѣтъ добра да моя матушка!
«Во тый пути богатырскіи
«Сапожки о стремена вытерло,
«Цвѣтное платьице сдержано,
«Пухову шляпу дождями повысѣкло,
«Личико жарамы зажарило.»
Говоритъ добра да его матушка:
— Будетъ сидитъ тутъ Добрынюшка Микитиничъ
— На своемъ кони богатырскоёмъ,
— Дакъ подашь ты крестъ благословленныи. —
Тутъ Добрыня Микитиничъ
Подавае крестъ благословленныи,
Свѣтъ доброй да своёй матушки.
Получала крестъ благословленныи,
Съ которымъ спустила во чисто поле,
Тутъ она срадовалась.
Скоро бѣжала на широкъ дворъ,
Отворяла воротца широкіи,
Запустила Добрыню Микитича.
Тутъ скочилъ Добрыня со добра коня.
Говоритъ добра да ему матушка:
— Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!
— Какъ твоя молода жена,
— Пошла ёна во замужество
— Не охвотою, по неволюшки,
— За смѣлаго Олёшу Поповича. —
Тольки Добрынюшка спрашивалъ.
Спустилъ коня на свою волю,
Самъ бѣжалъ въ полату бѣлокаменну,
Обувалъ онъ сапожки сафьянныи,
Надѣвалъ онъ платьицо цвѣтное,
Кладывалъ онъ шляпу пуховую,
Берётъ онъ гусёлушка яровчаты,
Берётъ онъ напитокъ подорожныихъ
Во правой корманъ, во лѣвой корманъ,
Берётъ онъ дубину подорожную,
Не грузну дубину, въ девяносто пудъ,
Прямо пошолъ на почестенъ пиръ.
Тутъ у солнышка князя Владиміра
Поставлены стражи немилосливы,
Сильніи могучіи богатыри —
Не ходить никому на почестенъ пиръ —
Не пущаютъ Добрыни на почестенъ пиръ.
У Добрыни сердце розгорѣлосе,
Онъ махнулъ дубиной подорожною,
Убилъ онъ сильніихъ богатырей.
Прямо идётъ на почестенъ пиръ,
Во тую полату грановитую,
Къ этымъ ко столикамъ дубовымъ,
Самъ говоритъ таково слово:
«Ужъ ты солнышко князь стольно-кіевской!
«Нѣтъ ли мѣста немношечко
«Поприсѣсть удалому молодцу?»
Отвѣчаё князь столно-кіевской:
— Вси мѣста попризаняты. —
Угледѣлъ онъ мѣста немношечко
На тыи на печки муравленой.
Скочилъ Добрыня лекче заюшка
На тую на печку муравлену,
Заигралъ онъ въ гусёлушка яровчаты.
Вси па пиру оглянулисе,
Вси на пиру ужахнулисе.
Скочитъ князь на рѣзвы ноги,
Самъ говоритъ таково слово:
— А й скоморошина удалая!
— Опустись-ко со печки муравленой:
— Первое мѣсто подлѣ меня,
— А другое тѣ мѣсто возлѣ меня,
— Третьёё мѣсто гдѣ слюбится. —
Отвѣчаетъ Добрынюшка Микитиничъ:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ стольно-кіевской
«Не спрашивай у холоднаго,
«Не спрашивай у голоднаго.
«Спѣшись-ко молодца кормить поить,
«Потомъ удалаго спрашивать.»
Приносили чару зелена вина,
Не большую чару, полтора ведра.
Принималъ Добрыня единой рукой,
Выпивалъ Добрыня на единой духъ,
Самъ говоритъ таково слово:
— Солнышко князь стольно-кіевской!

— Позволь поднести чару зелена вина,
— У м'ня есть напитковъ подорожныхъ.
— Поднести мнѣ князю со княгиною,
— Первую Настасьи Никуличной,
— А вторую Алеши Поповичу. —
Наливаетъ чару зелена вина,
Не большую чару, полтора ведра,
На вѣсъ-то чара полтора пуда,
Кладываетъ онъ перстень злачеными,
Самъ говоритъ таково слово:
— Ужъ ты пей Настасья Микулична!
— Пей-ко чарочку зелена вина,
— Пей-ко чарочку да всю до дна.
— Какъ пьешь до дна — увидашь добра,
— Не пьешь до дна — не видать добра. —
Беретъ Настасья Микулична,
Беретъ чарочку единой рукой,
Выпивала цару на единой духъ,
Къ устамъ перстень прикатается,
Свѣтъ Настасья срадоваласе.
За тынимъ за столикомъ дубовымъ,
Скочила Настасья на рѣзвы ноги,
Скочила она лекче заюшка,
Зъ-за́ того за столика дубоваго.
Прямо къ Добрыни на бѣлы груди,
Сама говоритъ таково слово:
«На тотъ мой мужъ, кой подлѣ меня,
«Тотъ мой мужъ — супротивъ меня,
«Супротивъ очей моихъ ясныихъ.»
Тутъ Добрынюшка Микитиничъ
Онъ беретъ Алёшеньку Поповича,
Зъ-за́ того за столика дубоваго,
Беретъ Алёшу за желты кудри,
Сталъ онъ дубиною накладывать.
Отъ стуканья пошло бу́каньё,
Отъ буканья пошло охканьё
По всёй полаты грянoвитыи.
Вси съ пиру розбѣжалисе,
Вси съ пиру розскакалисе,
Тольки стоитъ князь со княгиною.
Говоритъ Добрынюшка Микитиничъ:
— Чёго ты стоишь князь со княгиною,
— Чёго ты стоишь да того же ждёшь,
— Пусть тебѣ пріуважено:
— Моему-то батюшку крестовой братъ.» *)
Тутъ пошолъ Алёшенька поповской сынъ,
Пошолъ съ пиру окоракою,
Самъ идётъ съ пиру кленется,
Больше того проклинается:

*) Владиміръ.

«Всякой чортъ на сёмъ свѣтѣ женится,
«Не всякому женитьба удавается,
«Мнѣ-ка женитьба неудачная,
«Молода жена невзрачная. *)
«Удаваласе женитьба двумъ богатырямъ:
«Во первыихъ Добрынюшки Микитичу,
«Во-другіихъ старому казаку Илью Муромцу.»

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

—

207.

КАЛИКА-БОГАТЫРЬ.

А й съ-подъ ельничку съ-подъ березничку,
Изъ-подъ часта молодаго орѣшничку,
Выходила калика перехожая,
Перехожая калика переѣзжая.
У калики костыль дорогъ рыбей зубъ,
Дорогъ рыбей зубъ да въ девяносто пудъ.
О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Какъ повыше лѣсу да стоячаго,
А пониже облачка ходячаго.
Опустилася калика на тыи поля,
На тыи поля на широкія,
На тыи лужка на зеленыи,
А й о матушку-ль о Почай рѣку.
Тутъ стоитъ ли силушка несмѣтная,
А несмѣтна сила непомѣрная,
Въ три часу́ сѣру́ волку́ да не обска́кати,
Въ три часу ясну соколу да не облѣтѣти.
Осере́дъ-то силы той невѣрнои,
Сидитъ Турченко да богаты́рченко.
Онъ хватитъ Турку́ да за желты кудри,
Опустилъ Турку́ да о сыру землю.
Говоритъ калика таково слово:
«Ска́жи Ту́рченко да богатырченко!
«Много ль вашей силы соскопилосе,
«Куда эта сила снарядилосе?»
Отвѣчаетъ Турченко да богатырченко:
— Я бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
— Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
— А й уста мои да запечалились.
— Е соро́къ царей, сорокъ царевичевъ,
— Со́рокъ королей, да королевичевъ.
— Какъ у кажнаго царя царевича,
— А й у короля да королевича,

*) Т. е. дубина.

— А й по три́ тмы силы по три тысячи.
— Снарядилась ужъ силушка подъ Кіевъ-градъ,
— Хочутъ Кіевъ градъ да головнёй катить,
— Добрыхъ молодцо́въ ставить ширинками,
— А й добры́хъ коней да табунами гнать,
— А й животъ со града вонъ телѣгамы. —
О косты́ль калика подпирается,
Высоко-ль калика поднимается,
А й повыше лѣсу стоячаго,
А й пониже облачка ходячаго.
Прискакала каликушка ко городу,
А й ко славному ко городу ко Кіеву,
Она въ городъ шла да не воротамы,
Она прямо черезъ стѣну городовую,
Не что лучшу башню наугольнюю.
Становилася калика середь города,
Закричала калика во всю голову,
Съ теремовъ вершочики посыпались,
А й око́ленки да повалялисе,
На столахъ питья да поплескалисе.
Выходилъ Олешенька поповскій сынъ,
Беретъ па́лицу булатнюю,
Не́ грузну́ю палицу, да въ девяносто пудъ,
Онъ бьетъ калику по головушки,
Каликушка стоитъ не стряхнется,
Его жёлты кудри не сворохнутся.
Выходилъ Добрынюшка Микитиничъ,
Какъ беретъ Добрынюшка черлёный вязъ,
Не грузны́я вязъ, да въ девяносто пудъ *),
Онъ бьетъ калику по головушки,
Каликушка стоитъ не стряхнется,
Его жёлты кудри не сворохнутся.
Выходилъ казакъ Илья Муромецъ,
Говоритъ казакъ таково слово:
«Ужъ вы глупы русскіи бога́тыри!
«Пошто бьете калику по головушки?
«Еще набъ у калики вистей спрашивать:
«Куды шла калика, а что видѣла?»
Говоритъ калика таково слово:
— Ужъ я шла калика по тынимъ полямъ,
— По тынимъ полямъ, по широкіимъ,
— По тынимъ лужкамъ по зелёнымъ,
— А й о матушку ли о Почай рѣку.
— Ужъ я видѣла тутъ силушку великую,
— Въ три часу волку́ не обска́кати
— Въ три ясну соколу не облетѣти.
— О серёдки силы великіи
— Сидитъ Турченко богатырченко.
— Я хватилъ Турку́ за желты кудри,
— Опущалъ Турку́ о сыру землю.
— Скажи Турченко богатырченко:
— Много ль вашой силы соскопилосе,
— Куда эта сила снарядилась?
— Ужъ бы радъ сказать, да не могу стерпѣть,
— Не могу стерпѣть, да голова болитъ,
— А й уста мои да запечалились. —
Говоритъ казакъ таково слово:
«А й калика перехожая!
«А идёшь ли съ намы во товарищи,
«Ко тыи́ ли силы ко великіи?»
Отвѣчатъ калика перехожая
Старому казаку Илью Муромцу:
— Я иду со вамы во товарищи. —
Садилися богатыри́ на добрыхъ коняхъ:
Во первыхъ казакъ Илья Муромецъ,
Во другихъ Добрынюшка Микитиничъ.
Оны съ города ѣхали да не воротамы,
Прямо черезъ стѣну городовую,
Не что лучшу башню наугольнюю.
А й каликушка не осталасе,
О костыць она да подпираласе,
А скочила стѣну городовую.
Поѣзжатъ казакъ Илья Муромецъ
Во тую́ ли силу во великую,
Во тую́ ли силу право́й рукой,
Добрыня Микитиничъ лѣво́й рукой,
Калика шла серёдочкой.
Сталъ онъ своею дубиною помахивать,
Какъ куды махнулъ—дакъ пала улица,
Отмахивалъ—переулочокъ,
Прибили всю силу невѣрному.
Обращались ко славному городу,
Ко тому ли городу ко Кіеву,
Скакали черезъ стѣну городовую,
Отдавали честь князю Владиміру:
«Мы прибили силу всю невѣрную».

Записано тамъ же, 6 августа.

*) Богатыри всѣ одной силы были.

—

208.

СОЛОВЕЙ ВУДИМІРОВИЧЪ.

По морю морю морю синему,
По тому по морю по Веряйскому,
По тому по морю по Дунайскому,
Изъ-за того ли острова Кодольскаго,
Бѣжитъ побѣжитъ тридцать кораблей.
Одинъ корабль напередъ бѣжитъ,

, корма по звѣриному,
-ты у его по туриному,
ботъ-ты мечé по змѣиному,
ѣстъ очей было вставлено
орогому камню самоцвѣтному,
ѣсто бровь было кладено
орогому соболю заморьскому,
о хвоста было повѣшено
орогой лисици заморьскія.
редь корабля стоитъ три терема,
терема златоверхіихъ:
ервомъ тéремѣ стучитъ-бунчитъ,
ругомъ терему́ шепоткомъ говорятъ,
ретьёмъ терему скачутъ и пляшутъ и пѣсни поютъ,
и поютъ прикоку́ иваютъ.
Соловьева дружинушко
есятъ молодцóвъ со единымъ,
олодéцъ молодцá лучше,
самъ Соловéй сынъ Будíміровичъ
оей дружиною хороброю.
говоритъ таково слово:
же дружина хоробрая!
ворачивай къ кру́тому бéрежку,
иньте сходни дубовыи,
гіи сходни серебряны,
гьіи сходни мѣди казанскіи.»
итъ Соловей таково слово:
дружина хоробрая!
дружина золоты ключи,
ыкай дружина кованы́ ларьцы,
имай-ко камочику зóлотую,
въ золоти камочика не погнется.»
дружина золоты ключи,
кала дружина кованы ларьци,
мала камочику зóлотую,
лоти камочика не погнется.
ъ онъ подарки великіи,
ъ солнышку князю столно-кіéвску
ыма подаркамы великима,
ую полату гряновитую,
ъ онъ кладётъ по писаному,
нъ-отъ ведётъ по учёному,
онъ челомъ покланяется
и на четыре на стороны.
оворитъ таково слово:
ты солнышко князь столно-кіевской!
ко мнѣ мѣста немношечко
авить три терема златоверхіихъ.
дную ноченку во тёмную,
ёмную ноченку въ осённую,
«Къ утру свѣту жить перейти.»
— Гдѣ тебѣ мѣсто прилюбится,
— Устрой терема златоверхіи. —
Поклонился Соловéй Будíміровичъ
Солнышку князю столно-кіевску.
Онъ говоритъ таково слово:
«А й же дружина хоробрая,
«Пятьдесятъ молодцовъ со единымъ!
«Скидывайте платьицо цвѣтное,
«Надѣвайте кожáны лосиныи,
«Берите топорики булатніи,
«Поставьте три терема златоверхіихъ,
«Къ утру къ свѣту бы жить перейти.»
Въ этую во ноченку во тёмную,
Во тёмную ноченку во осённую,
И молода Забава Путятично
Во тую во поченку во темную,
Слышала стукъ и громъ она великіи,
Поглянула въ косивчату околенку:
— Что это у насъ не по старому.
— У батюшка въ зеленомъ саду
— Дубья колодья повысѣчена,
— Изъ-за саду вонъ все повы́метано,
— Стоятъ три терема златоверхіихъ. —
Она скоро скочила на рѣзвы ноги,
Чéботы обула на босу ногу,
Салопъ одѣвала на одно плечо,
По крылечику спущалась по-легошенько,
По улушкѣ шла по-скорёшенько.
У пёрваго терема послухала,
Въ тоемъ теремѝ стучитъ-бунчитъ,
Стучитъ-бунчитъ щелчитъ-молчитъ,
Тутъ Соловьёва золота казна.
У дру́гаго терема послухала,
Въ другóмъ терему́ шопоткомъ говорятъ,
Тутъ Соловьёва родна матушка,
Она зá Соловья Богá умаливала.
У третьяго терема послухала,
Въ тоёмъ терему скачутъ и пляшутъ и пѣсни поютъ,
Пѣсни поютъ прикокуйкиваютъ, —
Тутъ Соловьёва дружинушка,
Самъ Соловéй сынъ Будíміровичъ.
Она прямо идетъ во высокъ терёмъ,
Она крёстъ то кладётъ по писаному,
Поклонъ-тотъ ведётъ по учёному,
Она бьётъ челомъ поклоняется
На всѣ на четыре на стороны,
Сóловью Будíміровичу въ собипу.
— Ты молодецъ есть холостъ не женатъ,
— Я красна дѣвица на выдáваньи. —

Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
«Всимъ ты мнѣ дѣвица прилюбиласе,
«Однымъ ты мнѣ дѣвица не слюбиласе,
«Сама себя за мужъ просватываешь.»
Говоритъ Соловей сынъ Будиміровичъ:
«А й же дружина хоробрая!
«Сбирайте злачеными теремы,
«Отъѣдемъ отъ крутаго берега.»

Записано тамъ же, 6 августа.

—

209.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда же возсіяло солнце красное
На тую ли на землю свято-русскую,
Тогда же воцарился нашъ Грозныя царь,
Грозныя царь Иванъ Васильевичъ,
На тую на землю свято-русскую.
Тогда же собиралъ онъ почестенъ пиръ.
Вси ли на пиру напивалисе,
Вси ли на пиру похвалялисе:
Умный фастатъ отцемъ матерью,
Безумной фастатъ молодой женой,
Глупой фастатъ добрымъ конемъ.
Говоритъ грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
«А вывелъ я измѣну изъ Опского,
«Да вывелъ я измѣну изъ Казаньскаго,
«А вывелъ я измѣну съ Астраканьскаго,
«Да вывелъ измѣну съ Новагорода,
«Да выведу измѣну съ каменной Москвы,
«Всю неправду со святой Руси.»
Подъ его подъ ручкой подъ правою,
Сидитъ млады Иванъ тотъ Ивановичъ,
Подъ его подъ ручкой подъ лѣвою,
Сидитъ младый Ѳедоръ Ивановичъ.
Воспроговоритъ Иванъ тотъ Ивановичъ:
— Батюшко Грозныя царь Иванъ Васильевичъ!
— А вывелъ измѣну изъ Опского,
— Да вывелъ измѣну изъ Казаньскаго,
— А вывелъ измѣну съ Астраканьскаго,
— Да вывелъ измѣну съ Новагорода,
— Не вывести измѣну съ каменной Москвы,
— А всей-то неправды со святой Руси.
— У тебя измѣнщикъ за однимъ столомъ,
— Ѣздилъ по царьству Російскому,
— По тому государьству московскому,
— Улицу казнилъ онъ десятую,
— Въ десятой казнилъ онъ десятаго,
— Больше голову пѣтуньюю,
— Все ерлыки онъ подписывалъ.
— Въ той улицы больше (пѣтуны не поютъ) *)
— Въ той улицы больше щепотью не молятся.
— Не могъ вывести измѣны изо Пского,
— Не могъ вывести измѣны изъ Скопскаго
— Не могъ вывести измѣны изъ Казаньскаго,
— Не могъ вывести съ Востраканьскаго,
— Не могъ вывести измѣны съ Нова-города,
— Не могъ вывести измѣны съ каменной Москвы
— Всей неправды со святой Руси. —
Грозно царь роспаляется,
Скочитъ царь на рѣзвы ноги,
Говоритъ ли царь таково слово:
«А й палачи немилосливыи!
«Берите-тко Ѳедора Ивановича.
«За его за ручки за бѣлыи,
«За его за перстни злачеными,
«Накиньте камочку черную,
«Бросьте въ телѣгу ордынскую,
«Везите за мать Москву бѣлокаменну,
«На тое болото на Житное,
«На тую на плаху кровавую,
«Отсѣките измѣнщику голову.»
Вси палачи розбѣжалисе,
Вси палачи роскакалисе,
Большой-отъ хоронится за средняго,
Средней-отъ хоронится за меньшаго,
А отъ меньшаго стало да отвѣту нѣтъ.
Грозно царь роспаляется,
Говоритъ ли царь таково слово:
«А й палачи немилосливыи!
«Берите Ѳедора Ивановича
«За его за ручки за бѣлыи,
«За тыи за перстни злачеными,
«Накиньте камочку черную,
«Бросьте въ телѣгу ордынскую,
«Везите за мать Москву бѣлокаменну,
«На тое болото на Житное,
«На тую на плашку кровавую,
«Отсѣките измѣнщику голову.»
Изъ-за того стола за нижайшаго,
Выходитъ маленькой малютка Скурлатковъ сынъ
Беретъ онъ Ѳедора Ивановича
За его за ручки за бѣлыи,
За его за перстни злачеными,
Накинулъ камочку черную,
Бросилъ въ телѣгу ордынскую,
Повезъ за мать Москву бѣлокаменну,

*) Такъ при первоначальномъ сплошномъ распѣвѣ.

На тоё болото на Житное,
На тую на плаху кровавую,
Отсѣчь измѣнщику голову.
Молодая Марья Романовна
Скочила она на рѣзвы ноги,
Чобота обула на босу ногу,
Шубу одѣвала на одно плечо,
По крылечку спущалась полегошеньку,
По улушку бѣжала поскорешеньку,
Прямо къ Микиты Романовичу
Во тую полату гряновитую.
Крёстъ-то кладетъ по писаному,
Поклонъ-то ведётъ по учоному,
Бьетъ челомъ покланяется,
На вси на четыре на стороны,
Братцу Микиты Романовичу въ собину.
Говоритъ братецъ Микита Романовичъ:
— Что же за чудо за чудное,
— Что же за диво за дивноё,
— Не звана пришла гостья не приказывана? —
Говоритъ Марья Романовна:
«А й братецъ Микита Романовичъ!
«Потухла свѣча наша мѣстная,
«Закатилось наше красное солнышко,
«Не стало млада Ѳедора Ивановича,
«Увезъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
«На тоё болото на Житноё,
«На тую на плашку кровавую,
«Отсѣкётъ ему буйную голову.»
Скочилъ Микита на рѣзвы ноги,
Чоботы обулъ на босу ногу,
Армякъ надѣвалъ на одно плечо,
Шляпу кладывалъ на одно ухо,
Онъ бѣжитъ на конюшню стоялую,
Беретъ добра коня учоного.
Садился на добра коня не сѣдлана,
Ѣде по мать Москвы бѣлокаменной,
Шляпою маше голосомъ кричитъ:
— А й же народъ люди добрыи!
— Дайте мѣста немножечко
— Коню пройти, меня провезти,
— Скоро ѣхать за мать Москву бѣлокаменну
— На тоё болото на Житное,
— Ко тыи ко плашки кровавыи,
— Застать любезнаго племянника. —
Увидѣлъ маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ,
Закричалъ Микита во всю голову:
— Ты не ѣшь-ко собака куса сахарня,
— Хоть съѣшь собака подавишься. —
Повернулъ копье во матушку сыру землю,
Маленькой Малютка Скурлатковъ сынъ
Самъ падаетъ на востро́й конецъ.
Тутъ Скурлатковы славы́ поютъ.
Подъѣзжаетъ Микита Романовичъ
Къ этой ко плашкѣ кровавыи,
Беретъ нонь любезнаго племянничка
За его за ручки за бѣлыи,
За тыи за перстни злаченыи,
Кладыватъ его подъ правую пазушку,
Везётъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Во свой домъ да гряновитыи.
Прошло тому времечки круглой годъ.
Вспомнилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
Своего Ѳедора Ивановича,
Сдѣлалъ указы онъ грозныи
По всему по царьству російскому,
По тому ли государьству московскому,
Къ этыи обѣдни воскресенскіи,
Къ этыи заутрени Христовскіи,
Шли бы въ платьицахъ опальніихъ.
Молодой Микита Романовичъ
Надѣваё платьё что ни лучшеё,
Кладываетъ любезнаго племянничка,
Кладывае подъ правую пазушку,
Идётъ онъ къ обѣдени Христовскіи,
Крёстъ онъ кладётъ по писаному,
Поклонъ ведётъ по учёному,
Бьетъ онъ челомъ покланяется
На вси на четыре на стороны,
Грозному царю Ивану Васильевичу въ собину:
— Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своима сѣменамы царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной! —
Воспроговоритъ царь таково слово:
«Кабы былъ ты не Микита не Романовичъ,
«Отсѣкъ бы тебѣ буйну голову.»
Здравствуетъ Микита во второй наконъ:
— Здравствуй Грозный царь Иванъ Васильевичъ
— Со своима сѣменамы царскима,
— Со своей любезной семеюшкой:
— Со молодымъ Иваномъ Ивановичемъ,
— Со молодымъ Ѳедоромъ Ивановичемъ,
— Со молодой со Марьей Романовной! —
Говоритъ царь таково слово:
«А й же ты Микита Романовичъ!
«Подай скоро Ѳёдора Ивановича.
«Не подашь ты Ѳедора Ивановича,
«Отсѣку тебѣ буйну голову.»
Молодой Микита Романовичъ

Вынимаетъ Ѳедора Ивановича
Изъ этыи правыи пазушки.
Говоритъ Грозныя царь Иванъ Васильевичъ:
«А й ты Микита Романовичъ!
«Чимъ тебя буде жаловать
«За твои подарки великіи:
«Города ли тебѣ съ пригородкамы,
«Деньгамы ль золотой казной,
«Али платьицомъ тебѣ цвѣтнымъ,
«Али пожаловать добрымъ конёмъ?»
Отвѣчаетъ Микита Романовичъ:
— Не надо городовъ съ пригородкамы,
— И золота казна у м'ня не тощится,
— Цвѣтное платьё не дёржится,
— Добрые кони не ѣзжены.
— Пожалуй Микитину улицу:
— Кто голову убьё, кто жону уведётъ,
— Въ Микитину отчину зайдетъ — того Богъ простить. —

Записано тамъ же, 6 августа.

—

XXXVIII.

ПАНОВЪ.

Савелій Кузмичъ Пановъ съ Кугана-волока на Водлозерѣ, 43 лѣтъ; выучился пѣть былины на лѣсныхъ гонкахъ, гдѣ бывалъ въ работникахъ.

—

210.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

А й какъ изъ города да изъ Мурома,
А изъ того села Коротяева,
А й какъ справляется воружается,
А й какъ удаленькой да дородненькой,
А й какъ дородненькой добрый молодецъ.
А й нынь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Онъ справляется да воружается,
А й какъ въ тотъ ли во славныи да во Кіевъ градъ,
А й какъ на тотъ ли онъ на славныи на почестенъ пиръ,
А й какъ ко солнышку князю Владиміру стольнёкіевску.
А й онъ беретъ себѣ да добра коня,
Беретъ бурушка да косматушка,
А й какъ не сѣдлана добра коня беретъ не уздана,
А й какъ не уздана беретъ не обкольчужена.
Сталъ онъ бурушка осѣдлывать,
Сталъ косматушка да обкольчуживать:
А й на главу въ-первыхъ клалъ лошадиную,
А й онъ какъ клалъ уздицю тесмяную,
Какъ не ради клалъ красы басы молодецкою,
А й ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
А й на спину-ту клалъ онъ лошадиную
Двѣнадцать потниковъ двѣнадцать войлоковъ,
А й на верёхъ-то клалъ сѣдёлышко черкальское,
А й какъ не ради клалъ красы басы молодецкою,
А й ради крѣпости крѣпилъ онъ богатырскою.
А й онъ двѣнадцать нынь вязалъ подпруговъ шелковыихъ,
А й ради крѣпости крѣпилъ-то всё да богатырскою.
А й какъ подпруги у его сѣделышка да шелковыи,
А й какъ того шелку ли китайскаго,
Да славнаго того Маханскаго.
А й какъ вѣдь пряжечки нынь были мѣдныи,
А й какъ той мѣди казанской.
А й Маханскій шолкъ да не сорвется,
Какъ казанская мѣдь да не ржавѣётъ.
А й стремена булатъ желѣза нынь крѣпкаго не подогнутся,
А й тутъ не ради красы басы крѣплёно молодецкою,
А й ради крѣпости нынь крѣплёно богатырскою.
А й только вид'ли добраго молодца
А й на добраго коня вид'ли сядучись, —
А й какъ не вид'ли его удалаго да поѣдучись,
А й только одна куревка по чисту полю да покурила,
А й какъ отъ буйнаго вѣтрушка нынь зимою снѣгъ завивается, —
А й также тутъ отъ старá казака отъ добра коня,
А й отъ сырой земли песокъ-то къ верху поднимается.
А й онъ пріѣхалъ нынь на чисто полё къ трёмъ рóзстанямъ:
А й нынь какъ первая розстань во Кіевъ градъ,
Какъ другая розстань во Черниговъ-градъ,
А й нынь какъ третья та розстань дорожка прямохожая,
Прямохожая да прямоѣзжая.
А й только нынь какъ на той пути на богатырской,
А й какъ на той дорожки прямоѣзжей,

А й какъ стоитъ тамъ сила ратищё да великая.
«А й мнѣ не честь хвала молодецкая,
«Какъ мимо силушку да проѣхати,
«А й не побиться мнѣ не пораниться,
«А на бою-то мнѣ стару казаку да смерть не писана.»
А й какъ стоитъ тамъ сила великая,
А й стоятъ пановья да улановья,
А й какъ поганыи да татаровья.
А й онъ пріѣхалъ ко той ко силы ко ратищу,
А й соходилъ вѣдь онъ со добра коня,
А й енъ какъ палъ коню во праву ногу:
«А й ужъ ты бурушко мой косматушко!
«А й пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,
«А й какъ побиться мнѣ какъ пораниться
«А й со пановьямы со улановьямы,
«А й со поганыма со татаровьямы.»
А й пошолъ его добрый конь какъ ясёнъ соколъ.
А й тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
А ёнъ какъ рвалъ сырыя дубъ да крякновистый,
А й воротилъ онъ дубъ изъ сырой земли со каменьямы со кореньямы,
А й сталъ онъ тутъ сырымъ дубомъ да крякновистымъ помахивать,
А й его добрый конь сталъ по силушки тутъ поскакивать.
А й куды дубомъ махнетъ — падетъ силы улица,
Перемахнетъ — переулочекъ.
А й колько самъ-то бьётъ — вдвое конь топчётъ,
А й какъ прибилъ онъ силушку до единаго,
А й не оставилъ онъ ни единаго да тутъ во живности.
А ёнъ пріѣхалъ ко городу ко Чернигову.
А й во томъ во городи во Черниговѣ,
А й во стѣны ворота призаперты,
А й у воротъ крѣпки сторожа да поставлены,
А й стоятъ сильніи да могучіи да богатыри.
А ёнъ вѣдь тутъ да у сильніихъ у могучіихъ да у богатырей,
Да ёнъ не спрашивался не докладывался,
А й ёнъ направилъ добра коня черезъ стѣночку городовую,
А й какъ махнулъ его добрый конь черезъ тую стѣну городовую,
А й какъ котора стѣна высотой-то была двѣнадцать саженей печатніихъ,
А ёнъ заѣхалъ тутъ да въ Черниговъ градъ,
А ёнъ пріѣхалъ тутъ ко Божьёй церквы,
А й ко тому ли Ивану великому.
А й во Божьёй церквы стоятъ тутъ люди Богу молятся,
А ёны каются пріобщаются,
А й какъ со бѣлымъ свѣтушкомъ да прощаются.
А ёнъ пришолъ тутъ во славныи да великой храмъ,
А ёнъ какъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
А й во-первыхъ клонился Спасу образу,
А й во-другихъ клонился Божьей матери,
А й во третьихъ поклонился онъ тутъ всему міру.
«А й ужъ вы здравствуйте купци да Черниговци вельможи богатыи,
«А й ужъ вы сильніи могучіи да здравствуйте богатыри,
«А й ужъ вы вси поляницы*) здравствуйте да удалыи!
«А й вы объ чемъ тутъ нынь-же каетесь да причащаетесь,
«А й вы зачѣмъ же со бѣлымъ свѣтомъ прощаетесь?»
А й говорили тутъ вси купци вельможи богатыри,
Какъ вси сильніи могучіи богатыри,
А й отвѣчали поляницы удалыи:
— А й мы объ томъ вѣдь каемся причащаемся,
— А й для того со бѣлымъ свѣтомъ прощаемся, —
— А й обступила насъ сила великая,
— А й наступаютъ на насъ пановья да улановья,
— А й какъ поганыи да татаровья. —
А й говорилъ тутъ вѣдь батюшко да старой казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
«А й вы идите-тко да на славну стѣну городовую,
«А й посмотрите-тко на чисто поле,
«Нынь на тую силу великую.»
А й выходили купци бояра вельможи богатыри,
А нынь какъ вси сильніи могучіи да богатыри,
А й нынь какъ вси выбирались поляницы удалыи,
А й какъ смотрѣли во чисто поле на тую силу великую.
А гдѣ стояли пановья да улановья,
А й какъ поганыи да татаровья,
А й тутъ только на томъ поли да на чистоёмъ,
А й какъ остались знамена стоять да не русьскіи,
А й какъ осталось знамянъ многимъ многогёшенько,
А й во темномъ лѣсу какъ стоитъ знамяно,
Какъ ровнымъ много какъ лѣсу сухаго.
А й какъ народу тутъ прибито приранёно,
А й какъ приранено да привалено,

*) дѣвицы богатырицы.

Будто въ лисяхъ какъ нива приспичена.
А й оны вси ему какъ низкимъ низко кланялись:
— А й ты удаленькой да дородненькой,
— А й какъ дорóдненькой доброй молодецъ,
— А й ужъ ты старыи казакъ да Илья Муромецъ,
— А й Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
— А й хоть у насъ ты въ граци Чернигови
— А й хоть князёмъ живи, хоть королёмъ живи,
— А хоть живи бариномъ а хоть крестьяниномъ.
— А занимай себѣ три мѣста любимыихъ:
— А й ужъ какъ первое мѣсто супротивъ Ивана Великаго,
— А й какъ другое мѣсто середь рынку-то нашего столичнаго,
— А й вѣдь какъ третье мѣсто гдѣ думаешь. —
А й вѣдь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
А й вѣдь какъ только у ихъ онъ спрашивалъ,
А й вѣдь какъ только онъ тутъ сказывалъ:
«А й не живу я у васъ ни бариномъ, ни крестьяниномъ.
«А й вы скажите мнѣ про ту дороженку да прямохожую.»
А й какъ сказали оны ему про дорожку прямохожую.
А й вы скажите мнѣ про ту дороженьку да прямоѣзжую.»
А й какъ сказали оны ему про прямоѣзжоя:
— А й прямоѣзжая дороженка до Кіева одна тысяча
— А й какъ окольная дороженка есть двѣ тысячи.
— А только не ѣзди по той дорожки прямоѣзжею,
— А й какъ не ѣзди по той прямохожею:
— А й какъ на той дорожки прямохожею,
— А й какъ на той дорожки прямоѣзжею,
— Да есть три зáставы да великіихъ:
— А нынь какъ первая зáстава гóра крутая,
— А й какъ вторая-та зáстава широкá рѣка мать Смородина.
— А й въ ширину рѣка она въ шесть же вёрстъ,
— А за рѣкой живётъ тамъ разбойничокъ,
— А й по названьицю живетъ Соловьюшка,
— А вѣдь какъ тая птица рахманная.
— А только нынь по той пути по дороженки,
— А й какъ вѣдь тридцать лѣтъ никто да не хаживалъ,
— А й на добромъ кони никто туда не проѣзживалъ. —
А вѣдь какъ только старъ казакъ у ихъ выспрашивалъ,
А вѣдь какъ только Илья Муромецъ вывѣдывалъ.
А й ёнъ садился нынь на добра коня,
А ёнъ поѣхалъ по той дорожки прямохожею,
А ёнъ поѣхалъ нынь по прямоѣзжею,
А ёнъ пріѣхалъ ко первою ко заставѣ.
А й какъ пріѣхалъ онъ ко крутóй горы,
А й какъ поднялся его добрый конь отъ сырой земли,
А й какъ поднялся конь какъ ясёнъ соколъ,
А й ёнъ повыше вѣдь лѣсу стоячаго,
Какъ пониже облачка ходячаго, —
А й переѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
А й переѣхалъ онъ пéрву заставу,
А й переѣхалъ онъ гору высоку.
А й пріѣзжаетъ онъ ко второй заставы ко быстрóй рѣки,
А й какъ ко матушки ко Смородины.
А на быстрóй рѣки нѣтъ ни мостику, нѣтъ ни плотику,
Да не прибиралъ онъ тутъ мелка мистеця.
А ёнъ какъ билъ кóня по тучнымъ ребрамъ,
А й какъ махнулъ его добрый конь какъ ясёнъ соколъ,
А черезъ тую онъ махнулъ черезъ рѣку Смородину.
А й подъѣзжаетъ онъ къ третьей заставы,
А й ко тому ли къ дому Соловьиному,
А й какъ сидитъ Соловеюшко да разбойничекъ,
А по названьицу Птица Рахманная,
А й какъ сидитъ-то на семи дубахъ да на крянóвистыхъ.
А й ёнъ беретъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Да ёнъ беретъ съ плеча нынь тугіи лукъ да разрывчатой,
А й кладывáётъ на лукъ нынь какъ стрѣлочку калёную,
А ёнъ самъ тутъ какъ стрѣлочки приговаривалъ:
«А й ты лети-тко стрѣлка каленая къ Соловьюшку,
«А ты лети къ Соловьюшко во право ухо,
«Вылетай-ко стрѣлка во лѣвыи глазъ.»
А й покамѣстъ онъ тутъ стрѣлочку накладывалъ,
А й вѣдь какъ тýгіи лукъ да направливалъ,
А й какъ вѣдь той порой да тымъ временёмъ,
А й засвисталъ Соловей по соловьиному,
А й закрикалъ тутъ Соловеюшко по звѣриному,
А й заздыхалъ Соловеюшко по змѣиному.
А й у стара казака Ильи Муромца сына Ивановича,
А подъ имъ добрый конь на колѣнка палъ,

ѣнка палъ испугается.
ько старъ казакъ со добра коня сопущается,
инналъ коня по тучнымъ ребрамъ:
къ ты конь ты конь пеловой *) мѣшокъ!
вѣ ты не бывалъ вѣдь конь во темномъ лѣсу,
вѣ ты не слыхалъ вѣдь здоху змѣинаго,
вѣ ты не слыхалъ вѣдь крыку звѣринаго,
вѣ ты не слыхалъ вѣдь свисту соловьинаго.»
ъ добрый конь да на ноги всталъ,
какъ тутъ отъ стрѣльбы Соловейко на землю упалъ.
жалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ
ъѣзжаетъ онъ тутъ ко Соловьюшку,
дымаетъ отъ сырой земли да онъ Соловьюшка,
ли преспльнёго премогучаго да разбойничка.
ѣзалъ его Соловьюшко ко сѣдёлышку да ко стремену,
поѣхалъ тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ,
Муромецъ сынъ Ивановичъ,
обрый конь сталъ поскакивать,
ловьюшко у стремени сталъ поплясывать.
ѣзжаютъ оны къ тому дому Соловьиному,
му двору да ко широку.
ловьюшка дворъ да повыстроенъ,
строёнъ дворъ да повылаженъ,
семи столбахъ да на семи верстахъ.
ько тутъ увидали Соловьиныи какъ дѣточки,
орили оны родной матушки:
государыни наша матушка!
нашъ какъ батюшка ѣдетъ мужика везетъ,
какъ у стремена да привязана.—
ходила къ тому окошку косивчату,
ла дочь Елена волшебница,
ютрѣла въ то окошко косивчато.
то ли-то стеколко хрустальнее.
ъ глядѣла она да на улицу,
орила она таково слово:
и родныи братьица мои сестрици!
акъ не батюшко ѣдетъ, — мужика везётъ, —
дь какъ ѣдетъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,

— мякина отъ овса.

«А й везётъ нашего батюшка да у стремена нынь привязана.»
А й какъ бѣжала Алена волшебница да на широкъ дворъ,
А й какъ хватила она подворотенну полтораста пудъ,
А й какъ хотѣла ударить старà казака Илью Муромца сына Ивановича,
А й прямо въ лобъ ударить межъ ясны очи,
А й какъ вѣдь дать ему разъ да смёртныи.
А й вѣдь на уловочки онъ былъ ловкенькой,
А й увернулся отъ уразу великаго,
А й онъ скочилъ вѣдь тутъ старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й онъ скочилъ скóренько со добра коня,
А й какъ онъ пнулъ то Алену подъ жонищо отъ всёго зла,
А й какъ летѣла Алена волшебница черезъ широкъ дворъ,
А й какъ ко заднюю летѣла ко стѣночкѣ,
Да у стѣны-то она плаваётъ окоракою.
А й говоритъ Олена волшебница:
«Да меня чортъ-отъ кинулъ жалибницю *),
«А й какъ не доброй меня сунулъ заступницю.»
А й какъ кричитъ тутъ Алена волшебница своей матушки:
«А й государыня моя матушка!
«Вы насыпьте нынь злата да серебра,
«А й вѣдь какъ скатняго мелкаго жемчугу,
«А й какъ три нынь насыпьте подноса серебряныхъ,
«А й вы дарите стара казака Илью Муромца сына Ивановича,
«А й вы дарите его златомъ да серебромъ,
«Нынь какъ мелкіимъ скатнінмъ жемчугомъ,
«А чтобы оставилъ намъ родна батюшка,
«Хоть не ради прокормленьица, а хоть бы ради погляженьица.»
А й говоритъ тутъ какъ батюшка старой казакъ Илья Муромецъ:
— А пріѣзжай-те нынь во славный Кіевъ градъ,
— Не оставлю я вамъ батюшка на погляженьицо.
— Пріѣзжайте вслѣдъ во Кіевъ градъ,
— А пріѣзжайте вы во Кіевъ градъ на прощеньицо. —
А й только тутъ какъ поѣхалъ нашъ батюшко да старóй казакъ,
А его добрыи конь сталъ поскакивать,
А й Соловеюшко у стремени сталъ поплясывать.

*) Отца жалѣя.

А й какъ поѣхалъ да удаленькой дородненькой добрый молодецъ
А й нынь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А й какъ во славныи да во Кіевъ градъ,
Какъ ко славному князю Владиміру,
А й какъ на славныи да на почестенъ пиръ.
А й какъ на ту́ пору да на то́ время,
Какъ Владиміра князя стольне-кіевска,
А его при домѣ не случилосе.
Какъ ушелъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
Какъ ушелъ Владиміръ князь во Божій храмъ,
А й какъ ушелъ ко той обѣдени христосскіи.
А й какъ вѣдь тутъ старыи казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А ёнъ заѣхалъ ко Владиміру князю стольнё-кіевску на широкъ дворъ,
А й безъ допросу безъ докладу заѣхалъ нынь княженецкаго,
И становилъ добра коня посередь двора нынь какъ ши́рока,
А ёнъ вязалъ коня ко тому столбу ко точёному,
А й ко тому ли вязалъ кольцю да къ золочёному.
А походилъ тутъ вѣдь старъ казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Да онъ добру коню тутъ наказывалъ:
— А стой-ко бурушка, стой косматушко,
— Береги нынь бурушка косматушка береги Соловьюшка,
— А й того сильняго могучаго нынь разбойничка. —
А ёнъ еще Соловейку наказывалъ:
— Ты уйдешь Соловейко отъ моего коня,
— А отъ меня ты Соловей ни куда не уйдешь по бѣлу свѣту. —
А й какъ пришолъ тутъ вѣдь батюшко да старо́й казакъ нынь во Божій храмъ,
А й какъ во Божій храмъ да во Божью церкву,
А ёнъ какъ крёстъ кладётъ по писаному,
Онъ поклонъ веде по ученому,
Онъ Владиміру князю тутъ челомъ не бьётъ.
А й отошла тутъ обѣденка да христосская,
А й какъ пошолъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
А й какъ пошолъ онъ по городу по Кіеву,
Онъ какъ сдѣлалъ тутъ публикацею:
А й чтобы кромѣ Владиміра князя стольне-кіевска,
А й чтобы не были пиры балы да открытыи.
А й какъ выходитъ тутъ со Божьёй церквы
Какъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ идутъ тутъ по городу да по Кіеву,
Какъ идутъ тутъ голи кабацкіи пьяницы,
А межу собою они разговариваютъ:
«А что это у насъ у князя нынь да узаконено,
«А й чтобы у его у одного было пированьицо,
«Пированьицо да столованьицо?
«А й какъ вѣдь намъ голямъ да кабацкінмъ,
«Въ кабакахъ не вышло позволеньица
«А й выпить съ горюшка да съ досадушки зелена вина.»
А й говорилъ голямъ кабацкінмъ пьяницамъ
Какъ старой казакъ Илья Муромецъ:
— А й погодите голи кабацкіи пьяницы.
— Я отопру кабаки вси питейные,
— Розрѣшу я вамъ выпить зелена вина. —
А й вѣдь какъ самъ-то пошолъ тутъ батюшко нашъ старо́й казакъ,
А й ёнъ вѣдь пошолъ къ тому нынь князю Владиміру,
А й ко тому ли пошолъ ко свѣту ко солнышку,
А й какъ пришолъ къ ему да на почестенъ пиръ,
А й какъ Владиміръ князь ему челомъ не бьётъ,
Какъ челомъ не бьётъ его не здравствуётъ.
«А ты зачѣмъ идёшь да незваной гость,
«А й какъ незваной гость не приказыванъ?»
А й приказалъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
«А й вы вставайте-тко друзья да вы удалы добры молодцы!
«А й вы ведите-тко гостя за бѣлы руки,
«А й какъ за бѣлы руки ведите на широкъ дворъ
«А изъ-за того стола изъ-за дубоваго.»
А й какъ ставали два удалыихъ да два молодца,
А ёны брали стара́ казака Илью Муромца
А ёны брали его за бѣлы руки,
А й какъ оны вели его да на широкъ дворъ,
А й ёнъ какъ бралъ на двори свою палицю,
А й свою палицю взялъ булатнюю.
А й какъ кругомъ-то у князя Владиміра,
А й у того ли у свѣта у солнышка,
А й кругомъ всёй палаты бѣлокаменной,
А й были шарики принавѣшены,
А й принавѣшены да золочёныи,
А тѣмъ полата да была изукрашена,
А обломалъ тутъ вѣдь батюшко да старо́й казакъ,
А й какъ старо́й казакъ да Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А собиралъ онъ ты шарики во праву́ полу,
А й выходилъ онъ тутъ на улицу съ широка двора,

А й какъ на ту ли на дороженку да на почтовую,
А й на ту улицю да на планóвую.
Да ёнъ пошёлъ тутъ нынь на царéвъ кабакъ,
А ёнъ собралъ всихъ голéй пьяницъ кабацкіихъ,
А ёнъ пришёлъ къ кабаку, — въ кабаки ворота призáперты,
А й крѣпкимъ-нá-крѣпко да заложены,
А ёнъ кричалъ своимъ громкимъ голосомъ:
— А й посидѣльщики цѣловальники!
— А й отпирайте-тко да отложайте-тко
— А й нынь какъ славныи да царёвъ кабакъ,
— И со тыма ли со напиткамы со рóзныма. —
А отвѣчаютъ тутъ ёму чумаки цѣловальники:
«А й покамѣстъ не изойдутъ строки тому пиру княженецкому,
«А не имѣёмъ мы право отпéреть кабака да запустить тебя.»
А й какъ вѣдь только тутъ старóй казакъ Илья Муромецъ,
А й какъ вѣдь столько онъ у цѣловальничковъ тутъ спрашивалъ.
Какъ ударилъ рукою во всѣ двери,
А й какъ нá разъ тутъ двои трои двери отворилисе.
А ёнъ какъ бралъ своей силою да натурою,
А й бралъ своей силою да натурою зелена вина полтора ведра,
А принималъ то онъ единой рукой,
Да выпивалъ-то онъ тутъ на единый здохъ.
А й какъ скорымъ-скоро да скорёшенько,
А й у Владиміра князя стольнё-кіевска,
А й у того ль у свѣта у солнышка,
А й вѣдь какъ тамъ за его да схватилисе.
«А й вѣдь у насъ гость-отъ хошь не старъ ли казакъ Илья Муромецъ?»
А й говоритъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской:
— А й вы дружья братья гости любящи!
— А й вы сходите-тко да провѣдайте,
— А й гдѣ находится тамъ старóй казакъ Илья Муромецъ? —
А й какъ во томъ столы да во дубовоёмъ,
А й какъ всѣ вѣдь сидятъ во молцаночку.
А й тутъ сидитъ одинъ удалой доброй молодецъ,
А й Скоморохъ сидитъ да Скомороховичъ.
«А й вѣрно надо мнѣ итти ко стару казаку да Ильи Муромцу.»
А й вѣрно тутъ удалой доброй молодецъ да справляется,
А й какъ справляется онъ воружается.

А й какъ скорымъ-скоро было на скоро,
А й онъ приходитъ тутъ да на царевъ кабакъ,
А й во которóмъ кабаки нашъ-ко батюшко да старóй казакъ,
А й какъ старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
А ёнъ сидитъ-то тамъ пьётъ проклаждается,
А й со тыма со голямы съ кабацкима пьяницамы.
А й какъ пришолъ тутъ удалой добрый молодецъ,
А й какъ пришолъ Скоморохъ Скомороховичъ,
А й какъ низкимъ-низёхонько кланялся,
А й какъ тому ли нынь стару казаку Ильи Муромцу,
А Ильи Муромцу сыну Ивановичу,
А нынь какъ сильнёму могучему да богатырю:
«А й ты пожалуй-ко нашъ какъ батюшко да старой казакъ
«И какъ старóй казакъ да Илья Муромецъ,
«А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Да ты пожалуй-ко да на почестенъ пиръ,
«А й какъ ко нашему князю ко Владиміру,
«А й ко тому ли ко свѣту ко солнышку.»
А й воспроговорилъ тутъ удаленькой,
Какъ удаленькой да дородненькой доброй молодецъ,
А й нынь какъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Да Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— А й не иду я на вашъ на почестенъ пиръ.
— А й заведите-тко сызнóва вы почестенъ пиръ,
— А й какъ не ради вѣдь князя Владиміра,
— А для ради старá казака Ильи Муромца,
— А Ильи Муромца сына Ивановича. —
А й завели оны да почестенъ пиръ.
А й какъ пришолъ тутъ батюшко да нашъ старой казакъ,
А й нашъ старой казакъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
А й какъ низкимъ они низёхонько ему кланялись.
А какъ вѣдь онъ самъ пришолъ, Соловья привёлъ,
Отвязалъ его да отъ стремена.
А й какъ садилися съ Соловеюшкомъ оны рядышкомъ,
А й говорилъ тутъ Владиміръ князь стольне-кіевской,
А й стольне-кіевской, да красно солнышко:
«А ну-тко ты свищи нынь Соловьюшко въ полъ-свисту,
«А й да ты крычи-тко Соловьюшко ровно въ полъ-крику,

«А й да ты здыши-тко Соловьюшко ровно въ полъ-вздоху.»
А й говорилъ вѣдь тутъ Соловьюшко да разбойничокъ:
— А й ты послушай-ко Владиміръ князь стольнекіевской!
— Хоть за твоимъ столомъ сижу да пью да кушаю,
— А только не тебя я Владиміръ князь да нынь слушаю.
— А надо мною есть да нынь большіи братъ,
— А нынь какъ старый казакъ есть Илья Муромецъ.
— А если онъ прикажетъ мнѣ здыхать нынь въ полъ-здоху,
— А если онъ прикажетъ мнѣ крикать нынь какъ въ полъ-крику,
— А если онъ прикажетъ мнѣ свистать нынь какъ въ полъ-свисту. —
А говорилъ тутъ старо́й казакъ Илья Муромецъ,
А Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«А й ты кричи Соловеюшко ровно въ полъ-крику,
«Вѣрно ты здыши Соловьюшко нынь какъ въ полъ-здоху,
«А нынь свищи Соловьюшко ровно въ полъ-свисту.»
А й закрикалъ Соловьюшко ровно въ полъ-крику,
А й заздыхалъ Соловьюшко вѣрно въ полъ-здоху,
А й засвисталъ Соловьюшко вѣрно въ полъ-свисту.
А й какъ отъ крику тутъ Соловьинаго,
А й стары те́рема розсыпалисе,
А новы те́рема да пошаталисе.
А й какъ отъ здоху его люди тутъ пужалисе,
А й какъ отъ свисту люди съ пиру да розбѣжалисе.
А й какъ вѣдь бралъ тутъ Соловьюшка старо́й казакъ,
А й какъ вѣдь какъ бралъ его за бѣлы руки,
А й выводилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
А й какъ вѣдь свёлъ Соловеюшка въ тёмны погреба,
А й въ темны́ погреба да во глубокіи.
А й вѣрно тутъ Соловеюшку да славы́ поютъ,
А й только тутъ Дунай Дунай да ничего не знай.

Записано на р. Черевѣ, 8 августа.

—

211.

ДОБРЫНЯ И ОЛЕША.

Начало этой былины Пановъ пѣлъ совершенно сходно съ предъидущимъ сказителемъ. Послѣ отвѣта Настасьи Алешѣ Поповичу, что онъ не былъ въ чистомъ полѣ, а былъ съ собаками на за́дворкѣ, Пановъ продолжалъ:

А й какъ пошолъ тутъ Алёшенька да Поповскій сынъ,
А й онъ пошолъ ли тутъ ко князю Владиміру,
А й ко тому ли свѣту ко солнышку,
А й на совѣтъ пошолъ думы крѣпкіи.
«А й ты послушай-ко нашъ батюшко какъ Владиміръ князь:
«А й пособи-тко мнѣ, помоги-тко мнѣ,
«А мнѣ повенчатать нынь молодой жены,
«Той Настасьи ли свѣтъ Викуличной.
«А й вѣдь она надо мною нынь надсмѣхается,
«А й какъ она надо мною нынь да надрыгается.
«А й напишите вы указы престрогіи,
«А й нынь какъ тѣ манифесты да немилосливы:
«А й чтобы въ городи да во Кіеви,
«А й чтобы не́ были жоны безмужніи,
«А й чтобы не́ жили люди безпашпортныи.
«А если найдутся жоны безмужніи,
«А й найдутся люди да безпашпортныи,
«А й высылать ихъ изъ города да изъ Кіева,
«А й высылать ихъ на чужу на да́льнюю на сторону,
«А ихъ лишать государевой своей вотчины.»
А й какъ писали указы престрогіи,
А й нынь какъ тѣ манифесты немилосливы,
А й розсылали по городу да по Кіеву,
А й нынь какъ вси ты люди безпашпортныи убоялисе,
А й молодыи жоночки перепалисе,
А й какъ со той со страсти со ужасти.
А й какъ пошла свѣтъ Настасья Викулична,
А й какъ пошла за Алёшеньку во замужество.
А й какъ скорымъ-скоро было на скоро,
А нынь какъ красное солнышко да на вечери,
А й у Алёшеньки пиръ да на весели.
А й путь не за́ триста, за три тысячи,
А й тутъ у той ли рѣки у Смородины,
А й какъ стоитъ тамъ шатёръ бѣлополотняной,
А й во шатри спитъ удаленькой

И какъ дородненькой добрый молодецъ,
И молодой Добрынюшка Микитичъ-отъ.
А ёго добрый конь стоитъ не ѣстъ не пьётъ да не кушаётъ,
А какъ не зоблетъ пшена да бѣлоярова,
А й призадумался, запечалился
А й какъ о той незгоды великіи.
А ёнъ какъ бьётъ копытомъ лошадиными,
А й какъ о матушку бьётъ о сыру землю,
А й какъ сырая земля подъ шатерикомъ потряхается,
А только тотъ шатёръ бѣлополотняной колыбается.
А й ото сна тутъ удалой доброй молодецъ пробуждается
А молодой-то Добрынюшка да Микитинъ сынъ,
А ёнъ какъ сталъ тутъ поскорёшенько,
А ёнъ умылся тутъ да бѣлёшенько,
А ёнъ пиналъ коня по тучнымъ ребрамъ.
— А й ужъ ты конь мой конь неловой мѣшокъ,
— Неловой мѣшокъ да нынь же волчья сыть!
— А ты ужъ что стоишь да не пьешь, не ѣшь, да не кушаёшь,
— А й ты скажи-тко каку незгодушку вѣдаёшь,
— А надъ собой ли нынѣ, надо мной ли нынь?—
А й какъ заржалъ тутъ добрый конь по конину,
Только тутъ же конь проговорилъ по-человѣчьему:
«А ты послушай-ко вѣдь какъ мой сѣдакъ,
«А вѣдь какъ мой сѣдокъ, я какъ твой возакъ.
«Только у насъ нынь Добрынюшка сынъ Микитичъ-отъ,
«А й какъ у насъ-то дома не по старому,
«А й какъ у насъ-то дома не по прежному:
«А какъ твоя молода жена свѣтъ Настасья Викулична,
«А й какъ пошла она во замужество,
«А й не со охвотушки да съ неволюшки,
«А й за того ли Олёшу Поповича,
«А за того ли твоего нынь брата крестоваго.»
А й вѣдь только Добрынюшка у добра коня вѣдь спрашивалъ,
Вѣдь какъ только онъ у добра коня да вывѣдывалъ,
А ёнъ садился тутъ на добра коня,
А поднимался ёго добрый конь да отъ сырой земли,
А й ровно онъ полетѣлъ какъ ясёнъ соколъ,
А й повыше онъ лѣсу стоячаго,
А й какъ пониже поѣхалъ облачка ходячего.
А й какъ пріѣхалъ во славныи да во Кіевъ градъ,
А какъ ко той ли полаты пріѣхалъ бѣлокаменной,
Къ своему ли дому да къ широку двору.
А й во тоемъ широкомъ дворе ворота приза́перты,
А й да крѣпкимъ-на́-крѣпко да заложены.
А й какъ стучится Добрынюшка да колотится,
А й какъ у тѣхъ воротъ да у широкіихъ
А ёнъ кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А й государыни моя матушка,
«А й ты честна вдова Намельфа Тимоѳеевна!
«А й если есть ты нынь да во живности,
«А й отопри ворота широкіи,
«А й ты пусти-тко Добрынюшку меня на широкъ дворъ.»
А й какъ кричитъ старуха громкимъ голосомъ,
А й на печи кричитъ она на печномъ столби:
— А й отойдите вы голи кабацкіи пьяницы,
— А й отъ моихъ воротъ да отъ широкіихъ.
— А й какъ не вамы вороты устроены,
— А й не для васъ ворота улажены.
— А й кабы былъ Добрынюшка да во живности,
— Дакъ не досугъ бы вамъ надо мною нынь насмѣхатисе. —
А й какъ сходила старуха со той ли печи кирпични,
Сходила она да на кирпичень полъ,
А й какъ подъ то окошечко косивчато,
Какъ глядѣла во то стеколко хрустальнёё,
А й какъ глядѣла она прямо на улицу,
На улицу да на бѣлой свѣтъ,
А й на того на удалаго на дородняго,
На дородняго да добра молодца,
А на своего на Добрынюшку Микитича.
А й не узнала Добрынюшки своего Микитинича,
А послѣ той поѣздки да богатырскою,
Не узнала его да во бѣло лицё.
А й говорила старуха та престарая да предревняя:
— А й ты удаленькой да упаленькой,
— А й ты дородненькой доброй молодецъ:
— Ты какой орды да ты какой земли,
— А й какого отца какой матушки? —
А й какъ кричалъ тутъ Добрынюшка громкимъ голосомъ,
А ёнъ кричалъ ей вѣдь тутъ вторы́и разъ:
«А что же ты нынь не узнала меня матушка,
«А й ты честна вдова Намельфа Тимоѳеевна!
«А й что же ты не узнала меня во бѣло лицё?»
А й говорила намѣсто старуха престарая:
— А й потому не узнала я тебя удалой доброй молодецъ,

— А й потому не узнала да во бѣло лицё.
— А й какъ у меня Добрынюшка былъ отпущенъ бѣлымъ-бѣло,
— Какъ бѣлымъ-бѣлой да бѣлёшенёкъ,
— А й какъ бѣлёшенёкъ румяпёшенёкъ. —
А й говорилъ намѣсто Добрынюшка сынъ Микитичъ-отъ:
«А й государыни моя матушка,
«А й вѣдь честна вдова Намельфа Тимоѳеевна!
«А й вѣдь какъ ѣздилъ я во той пути богатырскою,
«А я вѣдь въ той поѣздки ѣздилъ молодецкою,
«А й у меня бѣлое личушко да вѣтрамы завѣяло,
«А й красоту во мнѣ краснымъ солнышкомъ да зажарило,
«А цвѣтно платьё у м'ня нынь дождями повыбило,
«А й какъ о темны лѣса платьё да повырвало,
«А й пуховую шляпу сучьямы повырвало.
«А й ты гляди-ко только на благословлящій крёстъ,
«А й какъ которымъ крестомъ благословила ѣхати во тую путь,
«А какъ во тую путь богатырскую,
«Да какъ во ту поѣздку молодецкую.
«А й ты еще гляди на втору примѣточку на злачонъ перстень.
«А й мы когда съ своей женой съ Настасьей Викуличной,
«А й мы когда съ ей да вѣнчалисе,
«А именнымъ перстнёмъ обручалисе.»
А вѣдь какъ тутъ старуха срадоваласе,
А какъ тутъ она да испужаласе;
А какъ бѣжала старуха на широкъ дворъ,
А й отпирала ворота широкіи,
А й какъ пустила Добрынюшку заѣхати да на широкъ дворъ,
А какъ заѣхалъ Добрынюшка да на широкъ дворъ.

(Конецъ сходенъ съ предъидущею былиною, № 206).

Записано на Заволочьѣ. 8 августа.

—

XXXIX.

ѲЕДУЛОВЪ.

Павелъ Антоновичъ Ѳедуловъ, крестьянинъ 40 лѣтъ, родомъ съ Великострова на Водлозерѣ, теперь живетъ въ дер. Бостиловѣ. Зналъ нѣсколько былинъ, которымъ выучился отъ стороннихъ людей; многое забылъ вслѣдствіе продолжительной горячки, отъ послѣдствій которой доселѣ еще не оправился.

—

212.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Старыи казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Поѣзжаетъ онъ во далечо далечо чисто поле.
Поѣзжаетъ онъ прямохожею,
Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Черниговской,
Черезъ тую грязь да черезъ Черную,
И ко стольнему ко городу ко Кіеву,
И ко ласкову князю ко Владиміру.
И ужъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Черниговской
Ужъ онъ спрашиватъ у старичковъ у черниговскихъ:
«И куды мнѣ-ка попасть эттá будетъ
«Прямохожою дорожкой прямоѣзжою,
«Черезъ тотъ ли черезъ градъ черезъ Черниговской,
«Черезъ тую грязь да черезъ Черную,
«Черезъ тую рѣчку да Смородину?»
Говорятъ тутъ старички тыи черниговскіи:
— Еще тридцать лѣтъ дорожка заколодѣла,
— Заколодѣла дорожка задубровѣла.
— Тамъ сидитъ на той дорожкѣ Соловей разбойничокъ,
— Енъ сидитъ тутъ да есть на трехъ дубахъ.
— Какъ вѣдь пѣшому тутъ нѣтъ проходища,
— Лошадиному вѣдь нѣту тутъ проѣздища,
— И вѣдь птицы нѣту тутъ пролетища. —
Какъ поѣхалъ тутъ вѣдь да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ужъ онъ ѣдетъ черезъ градъ черезъ Черниговской,
Ужъ какъ въ томъ ли гради во Чернигови,
Тутъ вѣдь стоитъ ли вѣдь войско несмѣточно.
Ужъ онъ поѣхалъ тутъ пó рать силы великіи,
Ужъ онъ нѣсколько тутъ вѣдь бьетъ да на отмашину,
Ужъ онъ только больше да конёмъ топчётъ.
Ужъ перебилъ онъ ту рать силу великую.
Ужъ какъ выходятъ старички тутъ черниговскіи
«А й же ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«Ты живи-тко у насъ полнымъ хозяиномъ:

«Золота тебѣ казна не запрещоная,
«Ужъ что тебѣ угодно то и сотворяй.»
— Ужъ мнѣ не надоть ли вѣдь вашой золотой казны,
— У м'не золотой казны безсчетныи тутъ есть.
— Только покажите мнѣ дорожку прямохожую,
— Прямохожую дорожку прямоѣзжую. —
Ужъ поѣхалъ тутъ казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Ужъ онъ ѣдетъ-то мимо то Соловьитое (sic) гнѣздышко.
Ужъ какъ сидитъ-то Соловей тутъ разбойничекъ,
Ужъ сидитъ-ли тутъ на трехъ дубахъ,
Засвисталъ тутъ Соловей разбойничокъ,
Засвисталъ тутъ Соловей по змѣиному,
Закричалъ злодѣй онъ по звѣриному.
Ужъ его добрый конь упалъ на колѣночка,
Говоритъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ужъ не слыхалъ ли развѣ свисту Соловьиного,
— Аль ты крику змѣинаго? —
Ужъ натягалъ онъ тутъ лукъ да калену стрѣлу,
Ужъ онъ стрѣлялъ Соловья тутъ разбойничка,
Ужъ онъ стрѣлялъ его да во правыи глазъ,
Вылетѣла ёго стрѣлка во лѣво ухо,
Ужъ повалился Соловей да тутъ разбойничокъ,
Ужъ онъ съ трехъ дубовъ какъ овсяной снопъ,
О сыру землю.
Ужъ онъ привязывалъ Соловья да тутъ разбойничка,
Ужъ ко булатніи ужъ онъ ко стремены.
Ужъ онъ ѣдетъ мимо то Соловьитое (sic) гнѣздышко,
Ужъ какъ глядятъ его рожоныи дѣтушки:
«А й же ты родитель наша матушка!
«Ужъ какъ ѣдетъ нашъ да тутъ батюшко,
«Везетъ голову да человѣчьюю,
«А й другу везетъ да лошадиную.»
И какъ глядитъ его родитель та матушка:
— А й же вы рожоны мои дѣтушки!
— Какъ не батюшко везетъ да голову человѣчьюю,
— Только вашъ есть батюшко у булатніи ёнъ у стремены. —
Ужъ какъ проѣзжаютъ оны къ Соловитому-то гнѣздышку,
Онъ прибилъ то Соловитое-то гнѣздышко.
Ужъ онъ ѣдетъ тутъ ко городу ко Кіеву,
А й ко ласкову князю ко Владиміру,
Ужъ пріѣзжаетъ онъ ко городу ко Кіеву,
Пріѣзжаетъ онъ ко князю Владиміру,
Пріѣзжаетъ тутъ на широкій дворъ,
Ужъ онъ приходитъ тутъ во гридню во столовую,
Говоритъ тутъ Владиміръ князь столно-кіевской:
«А й же ты старыи казакъ Илья Муромецъ!
«И ты которой же вѣдь ѣхалъ дорожкою:
«Прямоѣзжею ли дорожкой, ли окольною?»
— Ужъ я ѣхалъ вѣдь дорожкой прямохожею,
— Прямохожею дорожкой прямоѣзжею,
— Ужъ мимо того Соловья да разбойничка. —
Ужъ говоритъ тутъ Владиміръ князь столно-кіевской:
«Ужъ какъ у насъ на той дорожки прямохожею,
«Какъ тутъ сидитъ Соловей да разбойничокъ:
«Ужъ какъ пѣшому нѣту проходища,
«Лошадиному нѣту проѣздища,
«И вѣдь птицы нѣту тутъ пролетища.
«Ужъ какъ сидитъ тутъ Соловей да разбойничокъ».
Ужъ говоритъ тутъ вѣдь ёнъ да таково слово
Еще старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ:
— Ужъ Соловей да разбойничокъ,
— Ужъ у меня онъ на бѣломъ двори,
— У булатніи онъ у стремены. —
Ужъ выходилъ тутъ Владиміръ князь столно-кіевской,
Ужъ онъ выходилъ тутъ да на бѣлой дворъ,
Самъ онъ говорилъ да таково слово:
«Еще а й ты Соловей да разбойничокъ,
«Засвищи-тко ты вѣдь свистомъ соловьинымъ,
«Закричи-тко ты злодѣй да по змѣиному.»
Говоритъ тутъ Соловей да разбойничокъ:
— Еще ай же ты Владиміръ столно-кіевской!
— Ужъ не твоё я вѣдь ѣмъ пью да вѣдь кушаю,
— И не тебя я буду и слушати.
— У кого ѣмъ пью да я кушаю,
— Дакъ того я буду и слушати. —
Ужъ какъ приходитъ Владиміръ столно-кіевской:
«Ужъ ты старыи казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ!
«Ты заставь-ко засвистать Соловья по соловьиному,
«Закричать тутъ злодѣя по змѣиному.»
Какъ выходитъ старыи казакъ Илья Муромецъ,
Ужъ онъ выходитъ тутъ на бѣлой дворъ,
Ужъ онъ говоритъ Соловью да разбойнику:
— Еще ай ты Соловей да разбойничокъ:
— Засвищи-тко Соловей по соловьиному,
— Закричи злодѣй да по змѣиному. —
«А й же старыи казакъ Илья Муромецъ,
«Ужъ какъ дай-тко мнѣ головушку лошадиную

«Ты купи-тко зелена вина полтора ведра.»
Ужъ выпивалъ ёнъ тутъ чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра,
Ужъ выпивалъ онъ чару на единый духъ,
Ужъ онъ самъ онъ говоритъ таково слово:
«Еще старыи казакъ Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ:
«Еще какъ мнѣ-ка́ да буде засвистать:
«Еще въ полъ-свиста, алй во цѣлый свистъ?»
Говоритъ тутъ старыи казакъ Илья Муромецъ;
— Засвищи-тко Соловей да разбойничокъ,
— Закричи злодѣй по змѣиному,
— Засвищи ты хоть тутъ въ полъ-свиста. —
Ужъ засвисталъ тутъ Соловей да разбойничокъ,
Засвисталъ онъ свистомъ соловьинымъ,
Закричалъ злодѣй да по змѣиному.
Какъ во томъ во царствѣ во Кіеви
Ужъ вси околенки да порозсыпались.
Ужъ говоритъ тутъ Владиміръ столно-кіевской,
Столно-кіевской да князь Владимірской:
«А й же ты старыи казакъ Илья Муромецъ:
«Ты уйми-тко Соловья свиста́ть разбойника,
«Ты уйми-тко свистать свистомъ соловьинымъ,
«Да кричать злодѣя по змѣиному.»
Ужъ какъ тутъ вѣдь старыи казакъ да Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
Ужъ натягалъ ёнъ лукъ калену стрѣлу,
Калену́ю стрѣлочку розстрѣльчату,
Ужъ тугіи лукъ да ёнъ розрывчатой,
Ужъ застрѣлилъ тутъ Соловья да разбойничка.
И тутъ ёму да ёнъ вѣдь смерть придалъ.

Записано на Водлозерѣ, 5 августа.

—

213.

ДЮКЪ.

А изъ Волынца города изъ Галичи,
А изъ той Корелы пребогатыи
А исправляется да воружается
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Ко стольнёму ли городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру.
«И у миня во Кіеви да не бывано,
«А й Владиміра въ очи да не видано.»
И онъ приходитъ къ своей родители матушки:
«Ужъ ты свѣтъ родитель моя матушка,
«А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна!
«Дай прощеньицо да бласловленьицо
«Съѣздить ко городу мнѣ-ка ко Кіеву,
«Ко ласкову князю ко Владиміру.
«У меня есте во Кіеви да не бывано,
«А й Владиміра да въ очи да не видано.»
И говоритъ ёго свѣтъ родитель матушка,
А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна:
— Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
— У тебя есте умокъ тотъ молодёшенёкъ,
— Самъ не въ полноёмъ ты большомъ возрасти.
— Когда будешь въ городи во Кіеви,
— У ласкова ты князя у Владиміра,
— Ужъ ты самъ собой да не росхвастайся,
— Не житьемъ бытьемъ да не богачествомъ,
— А й не силушкой своёй богатырьскіи,
— А й не храбростью да молодецкіи.
— Много въ Кіеви есте богатырей,
— Много тамъ сильнѣихъ да очень могучѣихъ.—
Бласловила свѣтъ его родитель матушка,
А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна.
А й пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ,
А й онъ выходитъ на конюшню на стоялую
И говоритъ своимъ да малымъ конюхамъ:
«А й же вы мои да малы конюхи!
«Вы сѣдлайте-уздайте моего коня,
«Моёго вы маленькаго бурушка.
«Кладьте вы потнички да вы на потнички,
«А й на потнички кладите вы войлочки,
«А й на войлоцки кладьте сѣдёлышко.
«Ужъ вы то кладите сѣделышко черкальское,
«Подпруговъ кладите вы до двѣнадцати,
«До двѣнадцати подпруговъ шолковыихъ,
«А й того ль кладьте шолку Шаматиньскаго.
«Ужъ вы пряжочки кладите мѣдныи,
«Дорогіи мѣди вы сибирскіи.
«А й шпенёчики кладьте булатьніи,
«Дороги булату вы да заморскаго.»
Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановичъ
Ко заутренки пошолъ христосскіи,
И отстоялъ заутренку христосскую.
Онъ выходитъ Дюкъ да со Божьей церквы,
Отъ тыи заутрены отъ христосскіи,
Набъ поспѣть къ обѣденки христосски
И ко стольнёму городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю ко Владиміру.
Ёнъ приходитъ Дюкъ да къ своёй матушки,
Во свою ль ёнъ полатушку бѣлокаменную,
Ёнъ со матушкой своёй прощается.
А й выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
И толь садился ёнъ да на добра коня.
Енъ поѣхалъ тутъ да во городъ Кіевъ-онъ,

ізъ тую стѣну городовую,
ізъ тую башню что да не бо́льшую.
, пошолъ его добрый конь въ полъ де́рёвца,
приправилъ коня повыше деревца,
повыше деревца стоячаго,
пониже онъ облачка ходящаго.
ізстаяньица было немножечко
Волынца города отъ Галича
стольнёго города до Кіева,
аскова князя до Владыміра,
гаянья было триста тридцать верстъ.
ѣхалъ боярской Дюкъ Степановичъ,
зжаетъ къ стѣны онъ бѣлокаменной.
ёнъ не спрашивалъ у дверей придверничковъ,
ротъ не спрашиватъ приворотничковъ,
о ѣдетъ черезъ стѣну городовую,
зъ тую башню что да не большую.
зжатъ ко гриденки столовыи,
ко столбику да ко точёному,
къ колецушку да къ золочёному.
палъ пшона́ ёнъ бѣлоярова,
приходитъ ёнъ да во гридню во столовую,
ёнъ крестъ кладётъ да по писа́ному,
поклонъ ведётъ да по учёному,
клонился на вси четыре стороны,
Владиміру князю въ особину.
ояли обѣдёнку христосскую,
пошолъ Владиміръ князь стольно-кіевской
обѣдёнки да отъ христосскіи.
дой бояринъ Дюкъ Степановичъ
онъ вслѣдъ идётъ всё не останется,
мъ онъ говоритъ да таково слово:
же ты Владиміръ стольно-кіевской!
велика славушка шла про Кіевъ градъ,
тобя Владиміръ князь стольно-кіевской.
ему́жъ у васъ улушки есть грязныи,
ъ измаралъ я свои чоботы дорожныи?
моемъ во городи во Галичи,
оёй свѣтъ-родители да у матушки,
естной вдовы Офимьи Тимоѳеевной,
й мости́чки стланы калёныи,
мостамъ стланы сукна одинцовыи,
сукнамъ песочики посыпаны,
измараешь чоботовъ своихъ дорожныихъ.»
юрятъ ёго тутъ князья бо́яра,
юрятъ сильни́ могучіи богатыри:
й же ты Владиміръ столно-кіевской,
олно-кіевской да князь владимірской!
й не Дюкъ идётъ да тутъ Стёпановичъ,
идётъ мужикъ тутъ деревенщина,
— Деревенщина да пустохвастина. —
Какъ подходятъ ёны къ гриденки столовыи,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Ужъ онъ вслѣдъ идётъ самъ не останется,
И богатырьско ёго сердцо росходилосе,
Молодецка кровь въ ёмъ розыграласе.
Енъ началъ пло́тнымъ-плотно поступывать,
И дубово крылечко подгибается,
И мостовинники вси да ломаются,
А й стекольча́ты сини ходуномъ ходятъ.
Тутъ говоритъ Владиміръ стольне-кіевской:
«Ужъ вы глупыи мои князья бояра,
«Неразумныи да́ мои богатыри!
«Не мужикъ идётъ тутъ деревенщина,
«Не мужикъ идётъ да пустохвастина,
«Молодой идё бояринъ Дюкъ Степановичъ.»
А й проводя ёго въ гриденку столовую,
А й садятъ ёго въ мѣсто въ бо́льшое,
А й во большо́ мѣсто во большо́мъ углу,
И почитаютъ ёго гостя за́ гостя.
И становили ёны столики дубовыи,
Накрывали скатерти шелковыи,
Становили ѣствы тутъ сахарьніи,
Розводили питья тутъ медовыя,
А й садили за столики его дубовыи,
А й за тыи скатерти шелковыи,
А й во большо́ мѣсто во большомъ углу.
И вси ѣдятъ тутъ пьютъ да веселятисе (sic),
Молодой боярской Дюкъ Стёпановичъ
Ёнъ не ѣстъ не пьётъ да ёнъ не кушаё,
Ёнъ не чимъ боль молодецъ не хвастаё.
И говоритъ Владиміръ князь столно-кіевской,
Столно-кіевской да князь владимірской:
«А й же молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
«Ужъ ты что сидишь не пьешь не ѣшь да не кушаёшь,
«А й нечимъ ты молодецъ боль не хвастаёшь!»
— А й же ты Владиміръ столно-кіевской,
— Столно-кіевской да князь владимірской!
— Не могу я хлѣба соли вашой кушати.
— И почему же у́ васъ печки-ты кирпичныи,
— А й помёльца дёржите вы болотніи,
— И пеките хлибцы вы подгорѣлыи?
— Во моёмъ во городѣ во Галичи,
— У моёй родители да́ у матушки,
— У честной вдовы Офимьи Тимоѳеевной,
— У ёй печки-ты есте да муравлены,
— А й помяльца дёржи́тъ она шелковыи,
— А й пекётъ она калачики крупивчаты.
— И какъ колачикъ съѣшь — другого хочется,

— А й какъ другой-отъ съѣшь — по третьёмъ душа горитъ. —
Вынималъ онъ три калачика зъ-за пазушки,
Енъ поѣлъ попилъ своихъ калачиковъ,
Енъ упогчивалъ князя Владыміра,
Ены хлѣба-соли тутъ откушали.
А й выходя изъ-за столичковъ дубовыихъ,
Изъ-за тыихъ скатертей шелковыихъ,
Изъ-за тыихъ ѣстовъ зъ-за сахарніихъ,
Изъ-за тыихъ напиточокъ медвяныихъ,
Ены Господу Богу помолилисе.
Говоритъ Владыміръ столно-кіевской:
«Не угодно ли боярской Дюкъ Степановичъ,
«Не угодно ль съѣздить прогулятися,
«Съ моима́ со князьямы съ боярамы,
«Съ сильнима́ могучима бога́тырямы?»
Говорилъ тутъ Дюкъ да таково слово:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской!
— Буде съѣздить прогулятися,
— Не въ до́садочку съѣздить во гуляночку. —
И даватъ ёму Владыміръ столно-кіевской
Самолучшаго ёму богатыря,
А й того Щурилу щапа Пленкова.
Оны садилися тутъ на добрыхъ коней,
А й поѣхали гуляти да во чисто полё.
А й говоритъ ужъ Щурила щапа Плёнковичъ,
Самолучшой бога́тырь столно-кіевской:
«Молодой боярской Дюкъ Степановичъ!
«Поѣзжай-ко гостюшко попе́реди,
«Я поѣду я вслѣдъ тутъ да вѣдь по́зади.»
Говорилъ вѣдь Дюкъ да таково-ль слово:
— А й же ты Щурилушка щапа Плёнковичъ,
— Самолучшой богатырь столно-кіевской!
— Ты когда будёшь какъ на моёй земли,
— Ты когда будёшь да на моёй орды,
— Дакъ тогда поѣду я попе́реди. —
Оны ѣздя гуляютъ во чистомъ поли,
А й Владыміръ князь тутъ столно-кіевской
Ужъ онъ смотритъ въ ты трубы подзорныи,
Какъ гуляютъ ѣздятъ добры молодцы,
Добры молодцы да во чистомъ поли.
И говорилъ вѣдь Дюкъ ёнъ таково слово:
— А й же ты вѣдь-то да столно-кіевской
— Самолучшой ты да бога́тырь-отъ.
— Да ай же ты Щурила щапа Пленковичъ!
— Что намъ ѣздить гулять да во чистомъ поли,
— Мы поѣдемъ гулять да за Неву рѣку,
— А й по тому гулять станёмъ по кре́жику,
— Какъ по тымъ по травонькамъ шелковымъ,
— А й по тымъ по цвѣточкамъ по лазуревымъ,
— А й Нева-рѣка три вёрсты ши́рина. —
И говоритъ Щурила щапа Плёнковичъ:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Поѣзжай-ко гостюшко попе́реди,
«Я поѣду вслѣдъ тутъ да вѣдь по́зади.»
Говорилъ вѣдь Дюкъ да таково слово:
— А й же ты Щурила щапа Пленковичъ!
— Ты когда будёшь вѣдь на моёй земли,
— Ты когда будешь да на моёй орды,
— Тогда поѣду я да тутъ попе́реди. —
И самолучшой богатырь Щурила щапа Плёнковичъ,
Онъ чесалъ коня по чесны́мъ ребрамъ,
Онъ приправилъ коня черезъ Неву-рѣку,
Онъ огрузъ съ конемъ съ мечёмъ съ саблёй вострыи,
Съ саблёй вострыи да осере́дь рѣки.
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,
Ухватилъ Щурилу щапа Плёнкова,
Самолучшого его бога́тыря,
Осередь его рѣки да за желты кудри,
За желты кудри да за бѣлы руки,
Перевезъ Щурилу щапа Плёнкова
Изъ тыи онъ да изъ сере́дь рѣки.
Переѣхали ёны за Неву рѣку,
Ены тамъ ѣздя гуляютъ тутъ по кре́жику,
А й по тымъ травонькамъ по шелковымъ,
А й по тымъ цвѣточикамъ лазуревымъ.
Молодой бояринъ Дюкъ Стёпановичъ,
Енъ приправилъ коня черезъ Неву рѣку,
Переѣхалъ взадъ да во чисто полё.
А й тыи Щурила щапа Пленковичъ,
Самолучшой богатырь столно-кіевской,
Енъ не смѣетъ ѣхать зъ-за Невы рѣки,
Онъ крычитъ оттуль да перевозику.
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Пріѣзжатъ онъ къ князю тутъ Владыміру:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской:
— Столно-кіевской ты князь владымірской!
— Самолучшой богатырь Щурила щапа Пленковичъ;
— Енъ сидитъ тамъ вѣдь да за Невой рѣкой,
— Енъ кричитъ оттуль да перевозику. —
Какъ занарядилъ Владыміръ столно-кіевской
А й достать Щурилу щапа Плёнкова,
А изъ-за тыи тутъ его да зъ-за́ рѣки,
А й молодо́го боя́рского Дюка́ Степановича
Посадилъ его въ темницу тутъ во те́мную,
Енъ поставилъ тутъ вѣдь ёнъ да стражниковъ,
Посылалъ во городъ тутъ во Галичу
А й своихъ господъ ёнъ да обцѣнщиковъ,

Обцѣнить у Дюка́ вѣдь имѣньицо:
«Не пустымъ ли захвастался Дюкъ Степановичъ
«Ёнъ житьёмъ-бытьёмъ своимъ богачествомъ,
«Своёй силушкой да богатырскіи,
«Своёй храбростью да молодецкіи?
А й какъ пошли вѣдь тутъ какъ обцѣнщички,
А й приходя во городъ тутъ во Галичу,
Тамъ вѣдь увидѣли оны да портомойницу.
Оны падали тутъ на рѣзвы ножки:
«Помогай вамъ Господь портомойницы,
«Портомойницы да бѣломойницы!
«Еще какъ намъ увидать да Дюкова матушка?»
— А каки вы йдите́ добры людюшки,
— Когда пщи́те да Дюкову матушку,
— Дюкову матушку вы въ портомойницахъ.
— Ино у насъ никогда вѣдь Дюкова матушка
— Не бывать она да въ портомойницахъ. —
«А й же вы да портомойницы!
«Намъ увидѣть надо Дюкова матушку.»
— Вы живите-тко да до воскрёсна дня.
— А й воскрёсный день да вы увидите
— Какъ пойдётъ тутъ Дюкова-та матушка
— А й ко ты къ обѣдни ко воскрёсныи. —
Тутъ оны жили были до воскрёсна дня,
Зазвонили тутъ какъ въ воскре́сный день,
А й ко ты къ обѣденки къ воскре́сныи,
Тутъ какъ этыи господа обцѣнщички
А й берутъ оны да тутошна человѣка-то,
А й когда пойдетъ да Дюкова матушка.
Какъ идетъ народу вѣдь премножество,
Оны думаютъ совѣтъ удумываютъ:
«Что не Дюкова ли йдетъ тутъ вѣдь матушка?»
Дюковой матушки да ище близко нѣтъ.
Тутъ потомъ идетъ да Дюкова матушка,
Дакъ ведутъ вѣдь Дюкову есть матушку
А й за ты ведутъ ю за бѣлы руку (sic),
За бѣлы руки да во Божью церковь.
Идётъ Дюкова матушка вся въ золоти,
Идётъ Дюкова матушка вся въ серебри.
Околъ Дюковой да вѣдь тутъ матушки
Золотыи кисти и серебряны,
А й отъ Дюковой матушки да лучи пекутъ
По всему ли по городу по Галичи.
Какъ приходитъ Дюкова вѣдь матушка,
Какъ на то крылечко на церковное,
Тутъ вѣдь господа вѣдь обцѣнщички,
А й обцѣнщички да столно-кіевски,
Становилисе да на колѣночка,
Положили тутъ да эты записи,
Эты записи да на головушку.
Какъ глядитъ ёго родитель матушка,
Приниматъ у ихъ да эты записи
Во свои она да во бѣлы ручки,
Ена сама вѣдь тутъ да прослезиласе,
Горючи слёзы съ глазъ прокатилисе,
Только ничего имъ ёна не спромолвила.
Какъ прошла ёна да во Божью церковь,
Отстояла обѣдёнку воскре́сную,
Какъ пошли отъ обѣденки воскресныи,
Какъ выходитъ на церковно на крылечушко,
Сейчасъ пали господа да вѣдь обцѣнщички,
Становились оны да на колѣночка.
Какъ приходитъ къ нимъ Дюкова тутъ матушка,
А й на супротивку ихъ да устояласе,
Ёна говоритъ имъ таково слово:
«А й же вы господа да вѣдь обцѣнщички,
«А й обцѣнщички да столно-кіевски!
«Вы пришли Дюковыхъ животовъ оцѣнивать.
«А й же онъ глупой Дюкъ да неразумной сынъ,
«Молодой ёнъ боярской Дюкъ Степановичъ.
«Говорила ему родитель матушка:
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Ужъ ты будёшь въ городи во Кіеви,
«У ласкова князя у Владиміра,
«Ужъ ты самъ собой да не захвастайсе,
«Не житьёмъ-бытьёмъ своимъ богачествомъ,
«И не силушкой своей богатырськіи,
«А й не храбростью да молодецкіи
«Ёнъ захвастался боярской Дюкъ Степановичъ
«А й какъ больши а й сёротски жи́воты,
«Сёротски животы у его побѣдныи.
«Дакъ приходите господа вы тутъ обцѣнщички,
«А й послѣ обѣда въ третьёмъ часу
«Буду я оказывать вамъ Дюковыи животы.»
Оны поѣли тутъ пришли покушали,
Оны приходятъ на кое мѣсто приказаны,
Ажно идетъ тутъ Дюкова есть матушка,
Идё въ золоти да йде въ серебри.
А й ведутъ тутъ Дюкову есть матушку
А й служаночки да за бѣлы руки,
А й приходя къ погребамъ глубокіимъ,
Выниматъ она три камешка съ погрёбовъ глубокіихъ.
«А й же вы господа мои обцѣнщички!
«Можете ль этымъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»
Да когда отъ тыихъ вѣдь тутъ камешковъ,
По всему по городу по Галичи,
Всякіи огни горя, лучи пекутъ,
Ены господа да ту́тъ обцѣнщички.
Ёны стали тутъ да пороздумались,
А й не могутъ оны да тутъ цѣны вѣдь дать,
Еще что стоятъ этыи три камешка.

Говоритъ тутъ Дюкова-та матушка,
А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна:
«А й же вы господа да тутъ общѣнщички!
«Ужъ вы что вы стали подроздумались?
«Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать.
«А й надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
«Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
«Дакъ не дорого вы стоите господа общѣнщички,
«А й общѣнщички да столно-кіевски.»
Говорятъ господа вѣдь тутъ общѣнщички:
— А й же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
— А й честна вдова Офимья ты Тимоѳеевна!
— А й не можёмъ тутъ мы цѣны-есть дать
— Твоимъ ли этымъ тутъ камешкамъ.
— Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
— А й велики вѣрно что у Дюка животы.
— Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
— А ещё семь разъ спродать ёго повыкупить,
— Накупить бумаги да чернилов-то,
— То не хватитъ намъ у Дюка животовъ уписать. —
Оны пошли въ свой городъ столно-кіевской,
Оны приходя тутъ въ городъ-есть въ Кіевъ-онъ
А й ко князю ёны ко Владыміру,
Ко Владыміру да столно-кіевскому.
Еще спрашиватъ Владыміръ князь столно-кіевской:
«А й же вы господа мои общѣнщички!
«А й чимъ хвасталъ Дюкъ у насъ Степановичъ,
«А й житьёмъ-бытьёмъ онъ да богачествомъ,
«А й велики ли есть у Дюка животы?»
Говорятъ ёго тутъ князи ёго бояра,
Говорятъ сильни могучіи богатыри:
— А й же ты Владыміръ столно-кіевской,
— Столно-кіевской ты князь владымірской!
— А й велики у Дюка есте животы.
— Какъ семь продать нашъ городъ Кіевъ набъ,
— Намъ спродать ёго да и повыкупить,
— Накупить намъ бумаги да чернилов-то,
— И то не хватитъ у Дюка животовъ уписать.—
Тутъ Владыміръ князь да столно-кіевской
Выпустилъ ёнъ Дюка тутъ Степановича,
Изъ-за той тёмницы на свою волю.
Какъ занарядилъ Щурилу щапа Плёнкова
На три годину да ёнъ выщапливать,
Онъ со Дюкомъ тутъ вѣдь Степановичемъ
Ены стали вѣдь тутъ щапить-то есть.
А что деничекъ то платьё смѣнноё,
И прощапили оны тутъ два годичку.
Какъ не стало у Дюка тутъ Степановича,
Недохваточки стали во платьицахъ,
Посылаетъ ёнъ да своего коня,
А й своего коня во городъ во Галичъ-отъ,
А й привязыватъ коню да онъ записочку,
Чтобы послала родитель ёго матушка,
А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна,
А й послала бы ему да платьё смѣнноё,
Чтобы хватило на цѣлой тутъ на годичокъ.
Какъ приходитъ тутъ ёго вѣдь доброй конь,
А й во городъ ёнъ да вѣдь во Галичю,
Онъ къ стѣны приходитъ бѣлокаменны,
Началъ бить копытомъ въ подворотенку,
Въ подворотенку да во серебряну,
По всему по городу по Галичи,
А й по Галичи да только звонъ пошолъ.
Какъ выходятъ его да слуги вѣрныи,
Отворяютъ ворота ты желѣзныи,
Запущаютъ оны да доброго коня,
А й приводятъ его тутъ на бѣлой дворъ,
А й докладъ держатъ то Дюковой матушки:
«А й же ты честна вдова Офимья Тимоѳеевна!
«А й пришолъ вѣдь конь, а Дюка близко нѣтъ.»
А й выходитъ свѣтъ ёго родитель матушка,
А й выходитъ она тутъ на бѣлой дворъ,
А й берётъ она да доброго коня,
Доброго коня да во бѣлы руки,
И нашла у коня ёна записочку.
Какъ глядитъ ёго родитель матушка,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ
Ёнъ находится тамъ во несчастьицѣ,
Онъ приказыватъ да платья цвѣтнаго,
Платья цвѣтнаго ёнъ да на цѣлый годъ.
А й честна вдова Офимья Тимоѳеевна,
Она подвязывала да доброму коню,
А й ко тынмъ подпругамъ шелковымъ.
Отпустила коня да во чисто поле,
А й пошолъ ёго тутъ да вѣдь доброй конь.
А й приходитъ ёнъ да вѣдь тутъ добрый конь,
Енъ приходитъ ко князю столно-кіевскому,
А й стрѣтатъ его да Дюкъ Степановичъ,
Своёго ёнъ маленькаго бурушка.
Енъ со радостію стрѣтатъ съ весельицемъ,
Что пришолъ ёго да тутъ добрый конь,
А й принёсъ ёму да что вѣдь надобѣ.
Какъ пошёлъ тутъ Дюкъ да ёнъ выщапливать,
А й что день тутъ платьице ёго смѣнное.
Прощапилъ вѣдь онъ да тутъ вѣдь цѣлый годъ,
Только недохваточки есть на одинъ тотъ день.
Вынималъ тутъ онъ да еще сумочку,
А й котора прежде была привезена,
Вынималъ ёнъ лапотки тутъ плетёные,
Енъ пошолъ въ лапоткахъ Дюкъ плетённыхъ,

щапить пошолъ по городу Кіеву,
ко лапотки на поженкахъ посвистываютъ.
у князя тутъ да у Владыміра,
сёмъ городи да тутъ во Кіеви,
ашлось тутъ вѣдь берестины,
огли вѣдь Дюковымъ лапоточкамъ,
апоточкамъ его цѣны тутъ дать.
вѣдь Дюкъ онъ есть да какъ Степановичъ,
тутъ вѣдь Дюкъ онъ да слободенъ сталъ.
авляется во свой во городъ во Галичю,
говоритъ Дюкъ вѣдь таково слово:
й гости Владыміръ столно-кіевски!
і гости-тко князь да на ту же честь,
й на ту же честь какъ и меня употчивалъ *). —
отправился въ свой городъ Галичю,
воёй родители ко матушки,
естной вдовѣ Офимьи Тимоѳеевной.
пріѣзжаетъ во городъ тутъ во Галичю,
воёй къ родители ёнъ къ матушкѣ.
какъ тутъ свѣтъ его родитель матушка,
естна вдова Офимья Тимоѳеевна,
встрѣчатъ ёго да съ большой радостью,
льшой радостью да со весельицемъ.
идала своего Дюка Степановича,
о сына да я любимаго.»

писано тамъ же, 5 августа.

—

XL.

ПЕТРОВЪ.

Алексѣй Петровъ, крестьянинъ съ Пилстрова на Водлозерѣ, за 50 лѣтъ отъ роду; ітъ только одинъ отрывокъ былины, здѣсь аемый; слышалъ его отъ стороннихъ людей.

—

214.

ДУНАЙ.

славноёмъ городи во Кіеви,
славнаго у князя у Владиміра,
ился у его да вѣдь почестенъ пиръ.
на пиру да напивалисе,
на пиру да наѣдалисе,
Вси на пиру да пьяны веселы,
Вси на пиру порасхвастались.
Умной хвастатъ ~~отцемъ матерью~~,
А безумный хвастатъ молодой женой,
Сильный хвастатъ своей силой богатырской,
А богатый хвастаетъ имѣніемъ.
А по той ли по гридни княженецкіи
А похаживатъ славный князь да стольнё-кіевской,
Своима то бѣлыма онъ ручкамы помахиватъ,
Свои тыи желты кудёрышка подрачиватъ,
Самъ-то онъ да выговариватъ:
«Слушайте вы гости любимыи!
«Вси вы на пиру напивалисе.
«Съищите-ко мнѣ невѣсту сосватайте,
«Чтобы возрастомъ да изъ плеча въ плечо,
«Красотою то была изъ лица въ лицё,
«Чтобы было мнѣ-ка съ кимъ-то вѣкъ-отъ жить,
«Чтобы вамъ то было кому кланяться.»
А вси эти гости закручинились,
А й вси эти гости запечалились.
Еще большой-отъ туляется за средняго,
Средней-отъ туляется за меньшаго,
А отъ меньшаго да и отвѣту нѣтъ.
Зъ-за тыхъ ли столовъ зъ-за дубовыихъ,
Зъ-за тыхъ ли кушаней медовыихъ,
А выходитъ-то славныи Дунай да ~~сынъ Ивановичъ~~.
Становился онъ супротивъ его лиця княженецкаго,
Говорилъ ёму да таково слово:
— А й же ты славныи да князь ты стольнё-кіевской!
— Ты позволь сударь да словцё вымолвить:
— Съѣздимъ-то тебѣ невѣсту да сосватаемъ.
— ~~Она возростомъ да~~ изъ плеча въ плечо,
— Красотою съ тобой да изъ лиця въ лицё.
— Черны брови соболя заморскаго,
— Ясны очи сокола пролётнаго.
— Только дай-ко мнѣ да двухъ товарищовъ:
— Дай-ко мнѣ Василья да Буславьева,
— Дай-ко Ванюшенку повареннаго,
— И позволь сходить да на конюшній дворъ,
— Выбрать намъ да трёхъ жеребчиковъ,
— Трёхъ жеребчиковъ да намъ несѣдланыхъ,
— Несѣдланыхъ жеребчиковъ неѣзженыхъ. —
Воспроговоритъ славный князь да стольне-кіевской:
«Ужъ ты славныи Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Ты бери-тко ты моей казны безсчетныи,
«Ты бери моей силы колько надобно.»

*). е. пріѣзжай въ гости.

Славныи Дунай да сынъ Ивановичъ
Говорилъ ему да таково слово:
— Не набъ твоей силы мнѣ-ка мелкія,
— Не набъ твоей казны мнѣ-ка безсчетныи. —
И пошли добры молодцы да на конюшній дворъ,
Выбирали оны трёхъ жеребчиковъ неѣзженыхъ,
Облатились добры молодцы да обкольчужились,
И садились добры молодцы да на добрыхъ коней.
Вид'ли добрыхъ молодцевъ сядучись,
А не вид'ли удалыихъ поѣдучись.
Ѣхали не путемъ да не дороженкой,
И скакали черезъ стѣну городовую,
Черезъ ту ли башню наугольную.
Пріѣзжали оны ко царству Малидоньскому,
Къ Николаю державцю Малидоньскому,
Сосватались оны да на Опраксіи да Микулаевной,
И садили ей да на добрыхъ коней,
Повезли оны ко городу ко Кіеву,
Ко славному князю ко Владиміру.
Тутъ оны да заводили свадебку,
Заводили тутъ оны почестенъ пиръ.

Записано на Водлозерѣ, 7 августа.

—

XLI.

В. СУХАНОВЪ.

Василій Алексѣевичъ Сухановъ, крестьянинъ-столяръ, съ Пилмас-острова; выучился былинамъ отъ слѣпаго старика изъ деревни Волковой, Быковской волости въ Каргопольскомъ уѣздѣ и прежде часто распѣвалъ ихъ за столярною работою. Въ послѣдствіи бросилъ заниматься этою работою и почти пересталъ пѣть былины, большую часть которыхъ и забылъ.

—

215.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А еще шла подошла у насъ повыкатила,
Еще славная матушка быстра Волга рѣка,
Ёна мѣста шла ровно три тысящи верстъ,
А й широко а й далёко подъ Казань подъ городъ,
Ёна шире того далѣ подъ Вастракань.
Ёна устьё давала ровно семдесятъ вёрстъ,
А й во славное морюшко Каспицкоё.
Е широкой перевозъ тамъ подъ Невымъ подъ градомъ,
А й тёмныи лѣсушки Смоленьскіи,
И тамъ высоки были горы Сорочинскіи,
Славны тихи плеса да Черевистыи.
Теперь скажемъ про Добрынюшку мы сказочку,
А й теперь у насъ Добрыни старина пойдётъ.
И какъ во стольномъ славномъ городи во Кіеви,
А й у ласкова князя у Владимера,
Какъ корошенькой заведенъ былъ почестной пиръ,
А й для многіихъ для князей для бояръей,
А й для сильніихъ могучіихъ богатырей,
А й для всѣхъ поляницъ для удалыихъ *).
Еще всѣ на пиру да напивалисе,
А й всѣ на пиру да наѣдалисе,
А й всѣ на пиру да ньяны веселы сидятъ,
Еще всѣ на пиру да поросхвасталисе:
А й умной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
А й безумной-отъ хвастатъ молодой женой.
Выходилъ ли князь Владиміръ на крутой красёнъ крылецъ,
Ужъ онъ зритъ да глядитъ во чистое во поле.
Что ли во далечи далечи во чистомъ во поли,
Какъ не ясныи соколикъ тамъ вылётываё,
А й не бѣлыи заюшко проскакиваё,
А й не гречо-отъ (sic) головою поварачиваё,
Какъ не малый горносталюшко прорыскиваё,
Онъ не миленькіи слѣдочики прометываётъ.
Какъ изъ далеча далеча изъ чистого изъ поли,
А й повыѣхалъ удалой доброй молодецъ,
Какъ по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
Ѣде прямо ко Владиміру на широкой на дворъ,
Заходилъ Илья во гридни княженецкіи,
Еще крёстъ кладё Ильюшка по писаному,
Какъ поклонъ веде Ильюшка по ученому,
Исполна творитъ молитву поісусову.
Еще бьетъ Илей чоломъ покланяется,
А на всѣ ли на четыре на сторонушки,
Какъ Владиміру да князю бье въ особину челомъ.
А й садился Ильюша за дубовой столъ,
А й во тыи ли во почёстной во большом-уголъ
На тую ли на скамеечку на рыбчатую.
Еще всѣ ли у насъ гости ѣдятъ и пьютъ,
Еще всѣ приходящи хлѣбъ соль кушаютъ,
А бѣлую лебедь сидя рушаютъ.
Какъ Владиміръ князь по гридни похаживаё,
Еще самъ государь князь выговариваетъ:

*) Женщины-богатырицы были досель.

ъ мы всѣ на пиру да ѣдимъ мы пьемъ,
всѣ на почестномъ стали на́веселй,
й некого у насъ нынь нѣту на заставушки.
й во да́лечи дале́чи во чисто́мъ во полю,
къ летаетъ тамъ невѣжа чернымъ вороно́мъ,
пише невѣжа за́ угро́зою ко мнѣ:
й ты подай-ко князь Владимiръ поединщичка!
всѣ на пиру да замо́лча́ли да сидя́,
большой-отъ хоронится за средняго,
редній хоронится за меньшаго,
гъ меньшаго князю отвѣта нѣтъ.
о того ли со почестнаго большо́м-угла,
со той ли со скамеечки со ры́бчатыи,
одилъ ли тутъ удалой доброй молодецъ,
ь по имени Ильюшка славенъ Муромецъ.
ювился Ильюшка на рѣзвы́ ноги,
клонилъ свою головушку низёхонько,
зоё-то онъ бѣло лицё къ рѣзвымъ ногамъ:
Ахъ вы многи наши князи а й вы бояра,
А й вы сильніи могучіи богатыри,
Еще всѣ ли наши гости приходящіи!
Еще колько не молцать да говорить намъ быть.
І вѣдь топереча Ильюшъ изъ дороженки,
І вѣдь три года́ стоялъ подъ Царе́мъ подъ градо́мъ,
І вѣдь три года́ стоялъ подъ Еросо́лимомъ,
І двѣнадцать лѣтъ Ильюша на розъѣздѣ былъ,
Не видалъ во поли собачки пробѣгаючись,
І увидѣлъ бы собачку изъ лучка́ бы пострѣлилъ.
А пошлёмте-тко Добрынюшку Микитьевича,
А й во да́лечо дале́чо во чисто́е во полё,
Какъ защита-та буде славну Кіеву,
Оборона (sic) будетъ нашей крѣпости. —
ъ премла́дыи Добрынюшка Микитичъ младъ,
одилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубо́ваго стола.
ъ пошолъ тутъ Добрыня на широкой дворъ,
широкой дворъ Добрыня къ своей матушки,
шолъ къ матушки Добрынюшка росплакался,
ей матушки Добрынюшка розжалился:
къ ты свѣтъ государыни моя матушко,
ѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѳеевно!
ты на что молодца меня спородила:
къ ты силой меня матушка не си́льнёго,
къ ты смѣлостью меня мать не смѣлаго,
похавностью меня ли не похавнаго *),
къ щапствомъ щегольствомъ не щегольливаго лй,

«Красотою меня матушка не красиваго,
«Какъ имѣніемъ богатствомъ не богатаго меня́.»
Говорила тутъ Добрыни родна матушка:
— Какъ премла́дыи Добрынюшка Микитичъ младъ!
— Я бы знала молодца какъ воспоро́дити тебя́,
— Я бы силою въ Самсона Колыва́нища,
— Я бы смѣлостью въ Ильюшку славна Муромца,
— Я похавностью въ Олёшу во Попо́вичева,
— А й щапствомъ щегольствомъ въ Чурилу Плёнковича,
— Красотою бы тебя въ Осипа прекраснаго,
— А поѣздкою во Дюка во боярского.
— Какъ такого тебя чада нынь Госпо́дь зародилъ. —
Тутъ Добрынюшка со матушкой прощается,
Молодой жены Добрынюшка на́казываё:
«Ты премлада Катерина Викулична!
«Пройдетъ девять лѣтъ Добрыни во чисто́мъ во полй,
«А не будутъ къ тебѣ письма и грамоты,
«Какъ не будутъ ерлыки скоропи́счатый,
«Хоть вдовой ты живи да хоть ты за́ мужъ подй,
«Хоть ты за́ князя поди хоть за боярина,
«За купча хоть ты поди гостя торговаго,
«А не ходи-ко ты за вора́ за Олёшу Попо́вичева.
«Мнѣ похавный воръ Олёшка крестовый братъ,
«А какъ крестовой-отъ вѣдь братецъ паче ро́днаго.»
Выходилъ ли Добрыня на широкой дворъ,
Какъ садился Добрыня на добра́ коня,
Еще вид'ли добра молодца сядучись,
А не вид'ли удалаго поѣдучись.
А й да пыль-та́ вспылѣла во чистомъ поли,
Еще бѣлыи березки къ землѣ клонятся.
Еще три года стоялъ онъ подъ Царемъ-градомъ,
Еще три года стоялъ подъ Еросолимомъ,
А й двѣнадцать лѣтъ Добрыня на разъѣздѣ былъ.
Того времечки прошло ли восемнадцать лѣтъ,
На Добрыни цвѣтно платьицо поприрывалосе,
На Добрынюшки платьице звѣриное,
На Добрынюшки шапочка звѣриная.
А й тутъ похавливый Алёшенька догадливъ былъ.
А й обуздалъ обсѣдлалъ онъ своёго до́браго коня́,
Какъ объѣхалъ Алёшенька по задворкамъ,
А й назадъ къ Владимiру ворочался,
Еще самъ говоритъ таково слово:
— Ахъ ты солнышко Владимiръ стольне-кіевской князь!
— А ужъ былъ я Алёша во чистомъ во полй,
— Ужъ я видѣлъ Добрыню бита ра́нена лежйтъ,

Поступками не хорошій человѣкъ.

— Ужъ онъ буйною головушкой въ ракитовъ кустъ,
— А й да рѣзвыма ногамы во кавыль во травы.
— Что ль оружье его ручки порозмётаны лежа,
— Его добрый конь во степи гулять,
— Еще черны вороны тѣло трипкаютъ его.
— А й ты поѣдемъ-ко Владиміръ со мной свататься,
— Какъ на той ли поѣдемъ на молодой на вдовы,
— А й на прежней на Добрынинной молодою жены,
— На молодой Катерины Викуличной. —
И тутъ на силушку Владиміръ приневолилъ ей иттй,
У нихъ въ пятницю-ту было сватовство,
Во суботу у нихъ было рукобитьицо,
Еще завтра воскресенье будетъ свадебка у нихъ.
Изъ широкихъ было улушокъ Ильинскіихъ,
А й изъ мелкіихъ переулковъ изъ Марипушкиныхъ.
Какъ не ясный соколикъ тамъ вылётываё,
А й не бѣлыи заюшко проскакиваё,
Какъ не гречетъ (sic) головою поварачиваё,
Какъ не малый горностаюшко прорыскиваё,
Онъ не миленькіи слѣдочики прометываётъ,
Какъ повыѣхалъ Ильюша славенъ Муромецъ.
А й поѣхалъ Ильюша во чистое во полё,
Какъ на тую ли заставушку на Кіевску.
Какъ роздёрнулъ тамъ шатёръ бѣлополотняной,
Насыпалъ коню пшена онъ бѣлояроваго,
Какъ увидѣлъ тутъ Добрыня: стоитъ бѣлъ въ поли шатёръ,
Пріѣзжаетъ тутъ Добрыня ко бѣлу шатру,
А й выходитъ Добрыня со добра коня,
Становилъ вѣдь онъ коня къ пшену да бѣлоярову,
Какъ заходитъ Добрыня во бѣлыи во шатёръ.
Оны свидѣлись съ Ильюшей поздоровалися,
Сталъ Добрынюшка про Кіевъ-отъ выспрашивати:
«Еще всё ли у насъ въ Кіеви по старому,
«Еще всё ли у насъ въ Кіеви по прежнему?»
— Только въ Кіеви у насъ нынь не по старому,
— Столько въ Кіеви у насъ чинь не по прежнему.
— А твоя-та молода жена замужъ пошла.
— Пошла за вора Алёшу за Поповичева,
— А за нашего за братца за крестоваго.
— Ей на силушку Владиміръ приневолилъ ей иттй:
— У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,
— Во суботу у нихъ было рукобитьицё,
— Въ воскресеньице севодня у нихъ свадебка идётъ. —
Не досугъ Добрыни разговаривать съ Ильёй.
Выходилъ ~~ли тутъ Добрыня съ бѣлаго~~ шатра,
Какъ садился Добрыня на добра коня,
Оны видѣли добра молодца сядучись,
Какъ не видѣли удалаго поѣдучи,
Только пыль-та вѣдь вспылѣла во чистоемъ во полй,
Еще бѣлыи берёзки къ земли клонятся.
А й даваетъ онъ поѣздку лучше стараго,
Лучше стараго поѣздку лучше прежнаго,
Ѣдетъ прямо онъ ко городу ко Кіеву,
А не около вѣдь ѣде не воротами,
Ѣде прямо черезъ стѣну городовую,
Черезъ тую ѣде башню что не большую,
Ѣде прямо къ своей матушки на широкой на дворъ.
Говорилъ тутъ вѣдь Добрыня своей матушки:
«Ахъ ты свѣтъ ли государыни моя матушка,
«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѳеевно!
«Признавай-ко ты меня по правой по щекй,
«А й на правой на щеки есть три знамени у м'нй,
«Какъ три знамени у м'ня твои родительски.»
Говорила тутъ Добрыни родна матушка,
Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѳеевна:
— А ясный соколикъ на дворъ залетѣлъ,
— А й да бѣлая лебедка со двора сошла.
— Какъ твоя то Добрыня молода жена,
— Молодая Катерина Викулична,
— А Викулична она замужъ пошла,
— И пошла за вора за Алёшку за Поповичева,
— А за вашего за братца за крестоваго.
— Какъ на силу князь Владиміръ приневолилъ ей иттй:
— У нихъ въ пятницу-ту было сватовство,
— Во суботу у нихъ было рукобитьицё,
— Въ воскресеньице севодня у нихъ свадебка идётъ. —
Говорилъ ли тутъ Добрыня родной матушкѣ:
«Ахъ ты свѣтъ ли государыни моя матушка,
«Свѣтъ честна вдова Емельфа Тимоѳеевна!
«Принеси тко мнѣ-ка платье скоморошкино,
«Принеси-тко мнѣ-ка досочку гусельчатую,
«Принеси-ко мнѣ шалыгу подорожную,
«Подорожную шалыгу полъ-восьма пуда.»
Еще справился Добрынюшка на свадебку пошолъ.
Онъ приходитъ къ Алешки на свадебку,
Еще крестъ кладётъ Добрыня по писаному,

А й поклонъ ведётъ Добрыня по учёному,
Исполна творитъ молитву попсусову.
Еще бьётъ Добрыня челомъ и поклоняется,
А й на всѣ ли на четыре на сторонушки,
Какъ Владиміру князю да бьетъ въ особину челомъ.
Тутъ садился Добрыня на опеченку,
Сталъ Добрынюшка въ гусёлушка поигрывати.
Ужъ онъ струночку играетъ что я кіевской,
Какъ во другую играть отъ Ерусолима,
Еще въ третью про разъѣзды про Добрынюшкины.
Какъ никто этой игры не догадается,
Догадалась Добрынина молодая жена,
А й молодая Катерина Микулична.
Какъ Владиміру игра эта показалась,
Еще самъ говорилъ таково слово:
— А й ты премладая заѣзжа скоморошинка!
— А й ты поди-ко ты садись къ намъ за дубовой столъ,
— За дубовой столъ садись, вотъ три мѣста тебѣ:
— Еще перво тебѣ мѣсто, ты возлѣ меня садись,
— А другое тебѣ мѣсто супротивъ меня,
— Еще третье тебѣ мѣсто куда хочешь тутъ и сядь. —
А й садился Добрыня супротивъ своей жены,
Супротиву Катерины Микуличной.
Наливала Катерина зелена чару вина,
Подавала тутъ Добрынюшки Микитичу,
А й сама говорила таково слово:
«А ты премладый Добрыня сынъ Микитичъ младъ:
«Ужъ ты пей-ко у м'ня чару зеленого вина,
«Я другу тебѣ налью да пива пьянаго,
«Еще третью подамъ я меду сладкаго.»
А й премладый Добрыня сынъ Микитичъ младъ,
А й беретъ онъ чару зелена въ руки вина,
Опущаетъ туды перстень злачёный,
А й которымъ оны перстнемъ обручалисе,
Подавае тутъ Добрыня зелено вино назадъ.
— А й ты премлада Катерина Микулична!
— Ужъ ты выпей-ко до дна, такъ ты увидишь и добра,
— А не выпьешь до дна, такъ не видать тебѣ добра. —
Еще пила Катерина зелено вино до дна,
Какъ увидитъ Катерина тамъ злачёный перстень
А й сама говорила таково слово:
«Ахъ вы князи ли вы наши а й вы бояра,
«А й вы сильныи могучіи богатыри,
«Еще вси ли наши гости приходящіи!
«А й не тотъ мнѣ мужъ кой возлѣ меня стоитъ
«Еще тотъ мнѣ-ка мужъ кой супротивъ меня сидитъ,
«Еще прежніи Добрынюшка Микитичъ младъ.»
Выходилъ ли тутъ Добрыня зъ-за дубового стола,
Уфатилъ вѣдь онъ Алёшку за желты кудри,
А й повыдернулъ на середу кирпичную,
Взималъ въ руки онъ шалыгу подорожную,
Подорожную шалыгу полъ-восьма пуда.
Еще сталъ вѣдь онъ Алёшку тутъ работати,
А й во охканьи не слышно бухканье,
А во бухканьи не слышно охканья.
Еще всѣ со пиру да разбѣжалисе,
Еще всѣ ли съ почестного росхучалисе *),
Ужъ какъ видитъ князь Владиміръ неминучую бѣду,
Затыкаетъ онъ свою жону онучею.

Записано на Водлозерѣ, 7 августа.

—

XLII.

НИГОЗЕРКИНЪ.

Матвей Ѳедоровичъ Нигозёркинъ, крестьянинъ дер. Чуялы на Водлозерѣ, маленькій, невзрачный мужчина лѣтъ за 40, земледѣлецъ, занимающійся отчасти и рыболовствомъ. Выучился былинамъ осенью прошлаго 1870 года отъ старика, проѣзжавшаго изъ-за Кенозера черезъ его деревню и два раза проведшаго ночь въ его избѣ; до того времени былинъ не зналъ и не слыхалъ.

—

216.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А й ѣздилъ старой по чисту полю,
А ёнъ отъ младости ѣздилъ до старости,
А ёнъ отъ старости да до гробной доски,
А ёнъ стоялъ за вѣру да отечество.
А й какъ хорошъ у стараго былъ доброй конь,
А ёнъ у рѣкъ перевозу старъ не спрашивалъ,
А конь рѣки вѣдь озёра перескакивалъ,
Ёнъ эти мхи болота промежъ ногъ пущалъ,
А ёнъ спины моря тыи кругомъ бѣжалъ.

*) Попрятались.

А выѣзжае старъ на тую ли на путь,
На путь дороженку широкую,
А й какъ камени подпись есть написана,
А й на другой стороны есть напечатана:
«А й какъ въ дорожку ѣхать да богату быть.
А во дру́ту ѣхать да женату быть,
А й во третью ѣхать да й убиту быть.»
Илья Муромечъ да самъ роздумался:
«А й какъ на что старому жениться мни?
«А еще стара взять да не надержишься *);
«А й молодая взять да какъ чужа корысть.
«А й на что тутъ старому богачество?
«А й золотой казны у ёго смѣты нѣтъ.»
А ёнъ поѣхалъ старъ во ту́ю ёнъ во путь,
Во тую путь дороженку широкую — гдѣ убиту быть.
А ёнъ наѣхалъ на сорокъ на разбойниковъ,
А ёнъ на чистыихъ ночныихъ подорожниковъ.
А й какъ разбойнички ко старому трога́лисе,
А ёны хочутъ у стараго коня отнять,
Ёны хочутъ старому тутъ смерть придать,
Ёны смёрточку да ему скорую.
А й говоритъ тутъ старой таково слово:
«Ахъ вы сорокъ сорокъ вы разбойниковъ,
«А й сорокъ чистыихъ ночныихъ подорожниковъ!
«А еще гдѣ вамъ у стараго коня отнять?
«А й какъ уздица у стараго въ пятьсотъ рублей,
«А й какъ сѣдёлышко у стараго въ двѣ тысячи,
«А й самому старъ бурушку чёны́ не знатъ.
«А й какъ старъ колпакъ да со головушки,
«А еще тотъ шишакъ да девяносто пудъ.»
А ёнъ вѣдь началъ колпачкомъ да ёнъ помахивать,
А й куда махнетъ махнетъ—туда улучокъ,
А й назадь отмахнетъ — переулочокъ.
Ёнъ прибилъ тутъ сорокъ всѣхъ розбойниковъ,
А й сорокъ чистыихъ ночныихъ подорожниковъ,
А й какъ назадь тутъ старъ да ворочается,
А ёнъ вѣдь старую ту подпись вѣдь захѣривалъ,
А ёнъ нову тутъ вѣдь напечатывалъ:
«Еще та дороженка росчищена,
А й какъ росчищена дороженка розъѣзжена,
А й какъ розъѣзжена дорожка Ильёй Муромцемъ.

(*конца не знаетъ*).

Записано на Водлозерѣ, 6 августа.

—

*) Помрешь скоро.

217.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

А й во стольноёмъ во городи во Кіеви,
А й у солнышко вѣдь князя у Владиміра,
Собираются да соѣзжаются,
Соѣзжается да какъ почестный пиръ,
На царевъ царевъ да на царевичовъ,
А й на королей королей да королевичевъ,
Какъ на сильныхъ на могучихъ на богатырёвъ,
Какъ на тѣхъ ли поляницъ вельможъ да на удалыихъ.
Говоритъ тутъ солнце князь, да князь владимірской,
Князь владимірской, да стольнё-кіевской:
«А й ужъ вы князи́, князи ужъ вы боярины,
«А й ужъ вы сильніи могучіи богатыри!
«Вы поѣдьте-тко да по инымъ землямъ,
«Вы сберите-тко да дани пошлины,
«Вы за стары годы да за нынѣшній,
«Ужъ за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ.»
Какъ большой туляется за средняго,
Какъ средній туляется за меньшаго,
Какъ отъ мёньшаго отъ бѣднаго отвѣту нѣтъ.
А й изъ-за́ того стола изъ-за дубоваго,
Выходилъ удалой доброй молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Говоритъ вѣдь енъ да таково слово:
— Ужъ ты солнце князь да князь владимірской!
— Князь владимірской да стольнё-кіевской!
— Я могу поѣхать по инымъ землямъ,
— Я могу собрать да дани пошлины,
— Я за стары годы я за нынѣшній,
— Я за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ. —
Говоритъ тутъ князь да князь владимірской,
Князь владимірской, да стольнё-кіевской:
«А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
«За твою услугу да великую,
«Города тѣ дамъ я съ пригородками,
«Я села тѣ дамъ да со приселками,
«Золота казна незатворёная.»
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ,
Енъ пошолъ вѣдь енъ да со честна пира
Во свою полату бѣлокаменну,
Енъ садился на ременчатъ стулъ,
Обувалъ сапожки ёнъ козловыи,
Енъ черна козла да вѣдь заморскаго.
Одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,

› ли черна соболя заморскаго,
ь удалой доброй молодецъ,
Добрыня сынъ Микитиничъ,
ь вѣдь ёнъ да на широкій дворъ.
гъ на стойлу лошадиную,
ъ добра коня неѣзжена,
› уздицу ёнъ шелковую,
чиста шолку Шемаханскаго.
ь потнички на потнички накладывалъ,
ı на войлочки сѣделышко черкаско окованое,
ıругъ кладае до двѣнадцати,
надцату натягивалъ продольнюю,
для ради красы басы угожества,
›й укрѣпы богатырскіи.
ı изъ чиста шолку Шемаханскаго,
ı желѣза есть булатняго,
жки мѣди ты казанскіи.
ıской шолкъ не трется да не держится,
› желѣзо то не ломится,
:ка мѣдь та не заржа́вѣё.
ь удалой доброй молодецъ,
Добрыня сынъ Никитиничъ,
› бралъ вѣдь сбрую всю ёнъ лыцарску,
ı ли сбрую богатырскую.
ıхъ беретъ да онъ вѣдь вострой мечъ,
хъ беретъ да онъ вѣдь тугой лукъ,
:ретьихъ палицу булатнюю.
› вострой мечъ беретъ подъ пазуху,
› тугой лукъ да на плече́ кладалъ,
› палицу булатню ту въ кольцо кладалъ.
ıися уда́лой доброй молодецъ,
Добрыня сынъ Микитиничъ,
ли бурушка косматушка,
ıа его родитель матушка,
:тна вдова Елена Тимоѳеевна.
ена́ да таково слово:
:ы чадо, чадо моё ми́лоё,
:тя дитя моё любимоё,
ıой Добрыня сынъ Микитиничъ!
вляешься ты воружаешься,
да́лечо дале́чо по инымъ землямъ,
ирать сбирать какъ дани пошлины
ıры годы да за нынѣшній,
за тыи годы за двѣнадцать лѣтъ. —
ıхъ пришла да молода жена,
кена Настасья да Викулична.
Добрынюшка наказывалъ:
›да жена Настасьюшка Викулично!
›дъ не буду, — жди вѣдь два году,
›а не буду, — жди вѣдь три году,
«Если три не буду, — жди вѣдь шесть годовъ,
«Если шесть не буду, — жди двѣнадцать лѣтъ,
«Если двѣнадцать лѣтъ не буду — хоть вдовой живи,
«Хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди.
«За царя поди, ли за царевича,
«За короля поди, за королевича,
«Ли за сильняго за храбраго могучаго за воина.
«Не ходи за вора за Алёшеньку Поповица,
«Воръ Алёшка мнѣ крестовый братъ.»
Какъ видали добра молодца что сядучись,
Не видали добра молодца поѣдучись.
Какъ по тымъ степямъ да по саратовскимъ
Одна куревка да завивается,
Съ горы на гору да съ долы на долу.
А й конь рѣки ёнъ озера перескакивалъ,
А ёнъ мхи ты да болота промежъ ногъ пущалъ,
Ёнъ сини моря тыи кругомъ бѣжалъ.
А какъ день тутъ за день — какъ вода течё,
Какъ недѣля за недѣлю — какъ трава ростё.
Какъ прошло то тому времечки да чѣльный годъ,
Не видать Добрыни изъ чиста поля.
Какъ прошло то времечки тутъ два году,
На проходи времечки тутъ три году.
Какъ прошло времечки тутъ шесть годовъ,
На проходи времечки двѣнадцать лѣтъ.
Еще сталъ тутъ воръ Алёшенька подхаживать
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной:
— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
— Ты поди иди за м'ня да во замужество,
— За меня Олешу за Поповича.
— Я вечо́ръ вѣдь ѣздилъ по чисту полю,
— А на томъ ли поли да на лыцарскомъ
— Какъ видалъ Добрынюшка убитъ лежитъ,
— Головой лежитъ да ко сини́ морю,
— А й ноги́ рѣзвыи о ракитовъ кустъ.
— Скрозь его раны́ да скрозь кровавыи
— Проросла трава да ростелковая,
— Расцвѣли цвѣты да всѣ лазуревы. —
Говоритъ Настасья таково слово:
«Воръ Алешенька да ты Поповичъ-отъ!
«Не бывалъ вечоръ ты во чистомъ поли,
«Какъ ходилъ съ собаками на задворкахъ.»
Это слово ему не показалосе,
Не казалось слово не слюбилосе.
Какъ идетъ Алёша прямъ на царской дворъ,
Говоритъ Алёша таково слово:
— Ужъ ты солнце князь да князь владимірской,
— Князь владимірской, да стольнё-кіевской!
— Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
— Сочини указы государевы —

— Не держать удовки въ гради въ Кіеви
— Еще той Настасьи да Викуличной,
— Не хорошима словами меня озвала,
— Чго я не былъ вечоръ да во чистомъ поли,
— Я на томъ ли поли да на лыцарскомъ,
— Что ходилъ съ собакамы по задворкамъ. —
По Алешеньки да вси ручаются,
Еще сильніи могучіи богатыри,
А й вельможы поляницы да удалыи,
Ены прося солнышка да князя да Владиміра
Сочинить указъ да государевой,
Не держать удовки въ гради въ Кіеви,
Еще той Настасьи да Викуличной.
Еще солнце князь да князь владимірской,
Князь владимірской да стольнё-кіевской,
Приказалъ указы сочинить ёнъ строгіи —
Не держать удовки въ гради въ Кіеви.
Приходилъ Алёшенька Поповичъ-отъ
Ко честной вдовы Настасьи да Викуличной,
Говоритъ Алёша таково слово:
— А й ты честна вдова Настасья да Викулична!
— Если въ честь йдёшь — такъ я тя въ честь возьму.
— Если въ честь не йдёшь—такъ я не въ честь возьму.
— Красота твоя мнѣ приглянулась,
— Ты не йдешь ли за меня да во замужество,
— За меня Алёшу за Поповича,
— Какъ должна итти да съ града съ Кіева.
— Сочиненъ указъ да государевы —
— Не держать удовки въ гради въ Кіеви. —
Какъ честна вдова Настасья да Викулична,
Какъ пошла ена да во замужество,
За того Алёшу за Поповича.
Какъ во стольнёмъ городи во Кіеви,
Какъ во Кіеви да былъ почестной пиръ.
Какъ на томъ пиру да на почестноемъ,
Тамъ цари съѣзжалисе царевичи,
Короли съѣзжались королевичи,
Тамъ вѣдь сильніи могучіи богатыри,
Какъ вельможи поляницы да удалыи.
А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ
Ёнъ съѣзжаетъ съ земли съ земли съ Датскіи,
Выѣзжалъ вѣдь енъ да на чисто полё,
Ёнъ роздернулъ шатёръ бѣлополотняной,
Насыпалъ коню ишена ёнъ бѣлоярова.
Ёнъ зашелъ въ шатёръ бѣлополотняной,
Вкругъ бѣла шатра да его доброй конь,
Его добрый конь кругомъ похаживатъ,
Ёнъ не ѣстъ ишена да бѣлоярова,
Ёнъ вѣдь билъ ногамы о сыру землю,
Еще мать земля стала продрагивать.
Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Ёнъ вѣдь взялъ вѣдь палицу булатнюю,
Ёнъ вѣдь бьетъ коня да по тучнымъ ребрамъ,
Ёнъ вѣдь бьетъ коня самъ приговаривалъ:
— Ужъ ты волчья сыть да травяной мѣшокъ! —
Какъ за тымъ шатромъ бѣлополотнянымъ,
Говоритъ Добрыни добру молодцу *):
«А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Ты не бей-ко бурушка косматушка,
«Ты садись на бурушка косматушка,
«Поѣзжай-ко ты во стольнёй Кіевъ градъ.
«Какъ во томъ ли городи во Кіеви,
«Какъ во Кіеви да тамъ почестной пиръ.
«Тамъ цари съѣзжаются царевичи,
«Короли съѣзжались королевичи,
«Ужъ тамъ сильніи могучи храбры лыцари,
«Тамъ вельможи поляницы да удалыи.
«Какъ твоя теперь да молода жена,
«Молода жена да любима семья,
«Какъ пошла ёна да во замужество,
«Не за царя ёна не за царевича,
«А не за короля ёна за королевича,
«Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря,—
«За того Олеша за Поповича.»
А й молодой Добрыня сынъ Микитиничъ.
Ёнъ садился на бурушка косматушка,
Поѣзжалъ вѣдь ёнъ да во стольнёй Кіевъ градъ,
Пріѣзжалъ къ полаты бѣлокаменной.
Ёнъ во томъ ли городи во Кіеви,
Становился къ окошечку косивчату,
Ёнъ на томъ ли бурушки косматушки.
Закричалъ Добрыня громкимъ голосомъ:
— А й во моей полаты бѣлокаменной,
— Еще есть родитель моя матушка въ живностяхъ? —
Какъ честна вдова Елена Тимоѳеевна,
Какъ сидитъ старуха старо-матерша,
На печи печи да у печна столба.
Услыхала старуха старо-матерша
Ёна громкій голосъ богатырскіи.
Сопущается и съ печенки муравленой,
Ко тому окошечку косивчату,
Увидала сына да любимаго,
Молода Добрынюшку Микитича.
Какъ скочила ена да на широкій дворъ,
Отворятъ воротца да широкіи.
Заѣзжалъ Добрыня на широкой дворъ,
Говорилъ Добрыня добрый молодецъ:

*) Неизвѣстно кто, такъ слышалъ и отъ «пѣтаря».

— А й ты родитель моя матушка,
— Честна вдова Елена Тимоѳеевна!
— Еще гдѣ моя да молода жена,
— Молода жена Настасья да Викулична? —
«Ужъ ты чадо чадо моё милоё,
«Ты дитя дитя мое любимоё,
«Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ!
«Какъ твоя теперь да молода жена,
«Молода жена да любима семья,
«Какъ пошла ёна да во замужество
«Не за царя ёна не за царевича,
«Не за короля ёна за королевича,
«Не за сильняго за храбраго могучаго богатыря,
«За того ли за Олёшеньку Поповича.»
— А й ты родитель моя матушка,
— Честна вдова Елена Тимоѳеевна!
— Принеси мнѣ платье скоморошноё,
— Принеси гусёлышка яровчаты,
— Какъ пойдётъ Добрыня на почестный пиръ. —
Принесла вѣдь платье скоморошноё,
Принесла гусёлышка яровчаты,
Какъ пошолъ Добрыня на почестный пиръ.
Ёнъ иде въ полаты бѣлокаменны,
Ёнъ во тыи гридни во столовыи,
А й ёнъ крестъ кладетъ самъ по писаному,
Ёнъ поклонъ веде самъ по учёному,
Ёнъ на вси четыре да на стороны,
А й царю съ царицей да въ особину.
Говоритъ удалой доброй молодецъ,
Молодой Добрыня сынъ Микитиничъ:
— Ужъ ты солнце князь да князь Владимірской,
— Князь Владимірской, да стольнё-кіевской!
— Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
— Отведи-ка мнѣ-ка нынь вѣдь мистечко
— Мнѣ молодому теперь гусельщику. —
Говоритъ тутъ солнце князь да князь владимірской,
Князь владимірской да стольнё-кіевской;
«А й молодой молодыи гусельщичокъ!
«Еще вси мѣста да непризаняты
«У молодыихъ да у гусельщиковъ,
«Только мистечка да на печи печи,
«На печи печи да на печномъ столби.»
Какъ ставалъ Добрыня добрый молодецъ,
Ёнъ на тую печенку муравлену,
Ёнъ садился удалый добрый молодецъ,
Ёнъ садился тутъ да на печной-отъ столбъ,
Ёнъ вѣдь началъ гуселка налаживать,
Ёнъ вѣдь началъ струночки натягивать.
Ёнъ перву наладилъ съ града съ Кіева,
Ёнъ другу наладилъ изъ Чернигова,
Ёнъ вѣдь третьюю изъ каменной Москвы.
Ёнъ вѣдь началъ гуселка поигрывать, —
Какъ дивилися цари цари царевичи,
Короли дивилися королевичи,
Ужъ какъ сильніи могучіи богатыри,
Какъ вельможи полянницы да удалыи.
Еще не было молодаго гусельщика
Супротивъ Добрынюшки Микитица,
А й находится молодыи гусельщичокъ,
Ёнъ не хуже да Добрыни добра молодца,
Ёнъ вѣдь волосомъ да ёнъ вѣдь возрастомъ,
Красотой вѣдь ёнъ да всѣмъ угожествомъ
Какъ не хуже Добрынюшки Микитица.
Говоритъ тутъ солнце князь да князь владимірской
Князь владимірской, да стольнё-кіевской:
«А й молодой молодыи гусельщичокъ!
«Сопущайся-ко да и съ печна столба,
«Какъ и съ той и съ печенки муравленой.
«Еще перво мистечко подлѣ меня,
«Еще друго мѣсто супротивъ меня,
«Еще третьё мѣсто супротивъ княгины да молодыи,
«Супротивъ Настасьюшки Викуличной.»
Молодой молодыи гусельщичокъ,
А й садился ёнъ да о-середь стола
Ёнъ на ту скамеёчку кленовую,
Супротивъ княгины да молодыи,
Супротивъ Настасьи да Викуличной.
Наливали чару зелена вина,
Подносилы молодому гусельщику,
Принималъ ёнъ чару единой рукой,
Выпивалъ ёнъ чару на единой здохъ.
Говоритъ молодыи гусельщичокъ:
— Ужъ ты солнце князь, да князь владимірской,
— Князь владимірской да стольнё-кіевской!
— Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
— Какъ позволь-ка налить чару зелена вина,
— А вѣдь тую чару, кою я вѣдь пилъ,
— Поднести княгины да молодыи,
— Еще той Настасьюшки Викуличной. —
«А й молодой молодыи гусельщичокъ!
«А й наливай-ко чару зелена вина,
«А й подноси княгины да молодыи,
«Еще той Настасьи да Викуличной.»
Наливалъ ёнъ чару зелена вина,
Ёнъ спущалъ туда да именной перстень,
Какъ которымъ перстнемъ обручалисе
А со той Настасьей да Викуличной.
Подносилъ вѣдь чару приговаривалъ:
— А й молода молодая Настасья да Викулична!

— Если пьешь до дна, дакъ увидашь добра,
— А й не пьешь до дна, дакъ не видать добра.—
Принимала чару единой рукой,
Выпивала чару на единой здохъ,
Увидала перстень золочеными.
Какъ увид'ла перстень золочеными,
Какъ которымъ перстнемъ обручалисе
А й со тымъ Добрынюшкой Микитицомъ,
Положила перстень ёна на́ руку:
«Ужъ ты солнце князь да князь владимірской,
«Князь владимірской, да стольне-кіевской!
«Ты послушай князь да что тѣ я скажу:
«А не тотъ мой мужъ, кой нынь подлѣ меня,
«Еще тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня.»
Какъ ко той скамеечки кленовыи,
Какъ пошла изъ-за стола изъ-за дубоваго.
Какъ ко той скамейки ко кленовыи,
Какъ къ тому Добрынюшки Микитичу.
Розгорѣлось сердце богатырское,
Какъ ставалъ Добрыня на рѣзвы ноги,
Ёнъ взималъ Алёшу за желты кудри,
Ёнъ кидалъ Алешу о кирпичной полъ,
А ёнъ пнулъ Алешеньку подъ лавочку.
Какъ подъ лавицей Алёша выговаривалъ:
— Еще всякой-отъ дуракъ на свѣтѣ женится,
— Какъ не всякому женидьба удавается.
— Удаваласе женидьба тремъ богатырямъ:
— Еще старому казачку да Илью Муромцу,
— А й молоду Добрынюшки Микитицу,
— А й молоду Чурилы щапы Плешковицу.

Записано тамъ же, 6 августа.

—

218.

ДЮКЪ.

А й въ Волынь земли да въ золотой орды,
А й что во той Индѣи пребогаты,
Во Волынцѣ городи во Галицѣ,
А й жилъ молоденькой бояринъ Дюкъ Степановичъ.
А й какъ удаленькой да доброй молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Ёнъ пришелъ въ полату бѣлокаменну,
Ёнъ садился на лавочку брусовую,
Ёнъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,
А й ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскіихъ.
Приходила родитель сво матушка,
А й честна вдова Напельфа Тимоѳеевна,
А й говорила ёна да таково слово:
«Ужъ ты чадо, чадо моё милоё,
«А й ты дитя дитя моё любимое,
«Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«И отправляешься ты воружаешься,
«А й во перву́ поѣздку богатырскую,
«А й не въѣзжай ли на гору на Паланъ-гору,
«А на то ли мѣстечко на красивоё,
«А й на красиво мѣстечко удобноё,
«Гдѣ цари съѣзжаются царевичи,
«А й короли съѣзжались королевичи,
«А й гдѣ сильніи могучи храбры лыцари,
«А й вельможи поляничи *) тамъ удалыи.
«А й не садись съ ними во тую во компаньицу великую,
«А й какъ хвастай-ко имѣньицомъ сиротскіимъ,
«А й какъ сиротскіимъ имѣньицомъ побѣдныимъ.»
Это слово ему не слюбилосе.
А й какъ ставалъ бояринъ на рѣзвы ноги,
Ёнъ пошелъ на стойлу лошадиную,
А й выбиралъ добра коня не ѣзжана,
Налагалъ уздицю ёнъ шелковую,
А й онъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
А й онъ вѣдь потнички на потнички накладивалъ,
А й войлочки на войлочки,
Сѣделышко черкаско окова́ное,
А й подпругъ кладае до двѣнадцати,
А й онъ тринадцату натягивалъ продольнюю,
Какъ не для ради красы басы угожества,
А й для такой укрѣпы богатырскіи.
А й подпруга́ изъ чистаго шолку шемаханскаго,
А й стремена желѣза изъ булатняго,
А еще пряжки мѣди ты казанскіи.
А й Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
А й булатъ желѣзо то не ломится,
А й хошь казанска мѣдь та не заржа́вѣе.
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Ёнъ пришолъ въ полату бѣлокаменну,
Садился ёнъ да на ременчатъ стулъ,
А й обувалъ саножки онъ козловыи,
А й онъ черна козла да ёнъ заморскаго;
А й одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,
Ёнъ того ли черна соболя заморскаго,
Выходилъ удалой на широкій дворъ.
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А й онъ беретъ вѣдь сбрую всю вѣдь лыцарску:

*) Досюль женщины воевали, это — поляница значитъ по деревенски, — объяснилъ пѣвецъ.

А й во-первыхъ беретъ онъ вострой мечъ,
А й во другихъ беретъ да ёнъ вѣдь тугой лукъ,
А й онъ во-третьихъ палицу булатнюю.
А й онъ вѣдь вострой мечъ да бралъ подъ пазуху,
А й онъ вѣдь тугой лукъ да на плече кладалъ,
А й онъ вѣдь палицу булатнюю ту въ кольцо кладалъ,
А й онъ садился удалой доброй молодецъ,
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Енъ на того ли бурушка косматушка.
А й какъ видали добра молодца что сядучись,
А й не видали удала поѣзжаючись.
А й съ горы на гору да съ долы на долу,
А й какъ по тымъ степямъ по саратовскимъ
Одна куревка да завивается.
А й конь вѣдь рѣки-озёра перескакивалъ,
А й ёнъ мхи болота промежъ ногъ пущалъ,
А й какъ сини моря тыи кругомъ бѣжалъ,
Выѣзжалъ на гору онъ на Паланъ-гору,
А ёнъ на тое мѣстечко красивоё,
А й на красиво мѣстечко удобноё.
А й тамъ цари съѣзжаются царевичи,
А й короли съѣзжались королевичи,
А й тамъ вѣдь сильніи вѣдь храбрыи богатыри,
А й какъ вельможи поляницы да удалыи.
А й не садился съ нима во ту ли во кампаньицу великую,
А ёнъ не хвастаётъ имѣньицемъ спротскіимъ,
А й поѣзжалъ съ горы ёнъ съ Паланъ-горы,
А й выѣзжалъ ёнъ вѣдь во чисто полё,
А й на тое поле да на лыцарско,
И пріѣзжалъ онъ въ поли ко сыру дубу.
А й на сыромъ дубу сидитъ птица чёрный воронъ-отъ,
А й говоритъ тутъ удалой доброй молодецъ,
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
— А ужъ ты воронъ воронъ птица цорная,
— А й птица цёрная да сама вѣщая!
— А й ты скажи-ко воронъ да повѣдай-ко,
— А й не видалъ мни воронъ поединщика,
— А изъ царевъ ли изъ царевичёвъ,
— Аль изъ королей ли королевичёвъ,
— А й какъ изъ сильніихъ храбрыхъ могучіихъ изъ лыцарёвъ,
— А й какъ изъ тѣхъ вельможъ ли поляницъ да мнѣ удалыихъ.
— А й ты не скажешь воронъ сущей правды мнѣ,
— А й пострѣлю тя воронъ на сыромъ дубу,
— А изъ сыра дуба да падешь на землю. —
закричалъ тутъ воронъ громкимъ голосомъ:
«А й ты удаленькой да доброй молодецъ:
«А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«А й не стрѣляй-ко меня да чорна ворона,
«А я скажу тебѣ про поединщика,
«А я скажу тебѣ про супротивника.
«А й поѣзжай-ко къ риченкѣ Смородинѣ.
«А й какъ у той у риченки Смородины,
«А й тамъ стоитъ шатеръ бѣлополотняной,
«А ужъ тамъ терема да златоверхіи.
«А й какъ во томъ шатри бѣлополотняномъ,
«А й спитъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
«А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ.
«А й у того шатра бѣлополотняна,
«Что у шатричка да стоитъ доброй конь,
«А ёнъ при всей вѣдь сбруи богатырскои:
«А й на кони уздица е шелковая,
«Что изъ чиста-ль шолку Шемаханскаго,
«А й на ёмъ потнички на потнички накладены,
«А й на ёмъ войлочки на войлочки,
«А й на войлочкахъ черкаское сѣдёлко окованое
«А й подпругъ кругомъ да до шестнадцати,
«А й какъ семнадцата натянута продольняя,
«А й какъ не для ради красы басы угожества,
«А й для такой укрѣпы богатырскіи.
«А й подпруга изъ чиста шолку Шемаханскаго,
«А й стремена желѣза изъ булатнёго,
«А еще пряжки мѣди ты казанскія.
«Шемаханской шолкъ не трется да не держится,
«А й какъ булатъ-желѣзо то не ломится,
«А й казанска мѣдь та не заржавѣё.»
А й какъ удаленькой да доброй молодецъ,
А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А не стрѣлялъ вѣдь ёнъ да черна ворона,
А й поѣзжалъ ёнъ къ рѣченки Смородины.
Пріѣзжаё къ рѣченки Смородины,
А й тамъ стоитъ шатеръ бѣлополотняной,
А й тамъ теремъ-отъ да златоверхіи.
И у того шатра бѣлополотняна,
А й что ль у терема да златоверхаго,
А й что ль у терема да стоялъ доброй конь,
А ёнъ при всей вѣдь сбруи богатырскіи.
А й на конѣ уздица есть шелковая,
А й какъ изъ чиста шолку Шемаханскаго,
А на ёмъ потнички на потнички накладены,
А й на нёмъ войлочки на войлочки,
На войлочкахъ сѣделышко черкальско окованоё,
А подпругъ на ёмъ есть до шестнадцати,
А й какъ семнадцата натянута продольняя,
А й какъ не для ради красы басы угожества,
А й для такой укрѣпы богатырскіи.
А й какъ во томъ шатри бѣлополотняномъ,

А й въ терему во томъ да златоверхінмъ.
А й спитъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ.
А й приходилъ удалой доброй молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
А й говоритъ ёнъ таково слово:
— А й ты старый казакъ да Илья Муромечъ,
— А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ!
— А ужъ ты спишь лежишь да проклаждаешься,
— А й надъ собой незгоды не начаешься,
— А й отрублю Ильюши буйну голову. —
А й какъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
А онъ на одрй лежитъ самъ выговариватъ:
«А й ты удаленькой да добрый молодецъ,
«А й молодая млада скоморошина!
«А й ты скажись удалой доброй молодецъ:
«А изъ какой земли изъ какой орды,
«Коего отца которой матушки?
«А й ты не скажешься удалой доброй молодецъ,
«А й ужъ мы сядемъ-ко на добрыхъ коней,
«А й мы отправимся мы во чисто полё,
«А й кто вывезё головушку съ чиста поля.»
— А я скажу тебѣ да проповѣдую:
— Я съ Волынь земли да съ Золотой орды,
— Я изъ той Индѣи пребогатыи,
— Изъ Волынца города изъ Галичи,
— Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ. —
»Ужъ мы сядемъ-ко да на добрыхъ коней,
«Мы отправимся да во чисто полё,
«Кто повывезё головушку съ чиста поля.»
А й молодой бояринъ сокручинился,
А й сокручинился да запечалился.
А й онъ понизилъ буйну голову пониже плечъ,
А й ниже плечъ своихъ могучихъ богатырскінхъ,
Говоритъ вѣдь енъ да таково слово:
— А й ты старый казакъ да Илья Муромецъ!
— Еще гдѣ мнѣ стоять съ тобой въ чистомъ поли? —
Говоритъ старой казакъ да Илья Муромечъ:
«А й молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
«Не кручинься-тко да не печалься-тко,
«Назовёмся братьямы крестовыма.»
А й какъ старой казакъ да Илья Муромечъ,
А Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ,
А Илья Муромечъ да тотъ большей-отъ братъ,
А й молодой бояринъ тотъ меньшой-отъ братъ.
А й какъ старой казакъ да Илья Муромечъ,
Своего да брата ёнъ крестоваго,
А ёнъ за рученки за бѣлыи,
А ёнъ за тыи перстни за злачёныи,
А ёнъ за тыи кольца золочёныи,
А ёнъ садилъ за столички дубовыи,
А ёнъ за ты шелковы скатерти за браныи,
Ёнъ за тыи ѣствы за сахарніи,
И за такіи питья за медвяныи.
А й какъ сидятъ тутъ ѣдятъ пьютъ проклажаются,
А й какъ два брателка да два крестовыихъ,
Надъ собой незгоды не начаются.
А й какъ въ томъ шатри бѣлополотняномъ,
А й въ терему во томъ во златоверхінмъ,
А й отворялась дверь дубовая тутъ на пяту,
Какъ идётъ поганоё Инодолищо,
Ёнъ вѣдь чудному образу не молится,
Ёнъ вѣдь добрымъ молодцамъ челомъ не бьётъ.
А ёнъ садился на лавочку брусовую,
А сидучись вѣдь енъ да поросфастался
И какъ тое поганое Инодолищо:
— Я прошолъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
— Я Казань-Рязань прошолъ да Вострокань.
— Ужъ я былъ я въ городи во Кіеви,
— Я не давно ль былъ да во Чернигови,
— Я сейчасъ иду изъ каменной Москвы.
— А й не находится мнѣ поединщичка,
— Изъ царевъ царевъ мнѣ изъ царевичёвъ,
— Изъ королей королей изъ королевичёвъ,
— А й какъ изъ сильніихъ изъ храбрыихъ могучіихъ богатырёвъ,
— А й какъ изъ вельможъ мнѣ полянищъ мнѣ да удалыихъ.
— А й какъ на тотъ ли тотъ ли стольнё Кіевъ градъ,
— А идетъ честь вѣдь слава великая,
— А й что во томъ ли гради да во Кіёви,
— Есть старой казакъ да Илья Муромечъ,
— Илья Муромечъ да сынъ Ивановичъ. —
А й говоритъ погано Иподолищо:
— А Илья Муромечъ да вѣрно силёнъ есть,
— А й вѣрно силёнъ есть, да ёнъ по многу ль ѣстъ? —
А й говоритъ удалой доброй молодецъ,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ:
«Что старой казакъ да Илья Муромечъ,
«А ёнъ вѣдь выть держалъ да ёнъ не большеньку,
«По одной то ѣли крупчатой булочки,
«А й какъ крупичатымъ колачикомъ закусывалъ,
«А й какъ крупичатой колачикъ будто турей рогъ.»
А й говоритъ погано Иподолище:

А й что какой Илья мнѣ поединщичёкъ?
І того Илью да на помахъ убью.
А ужъ какъ я удалой доброй молодецъ,
А хоть выть держалъ да я вѣдь среднюю,
Іо семи хлѣбовъ да я къ выти ѣлъ,
Іо полу волу да я закусывалъ,
Гуся лебедя да на закуску ѣлъ.—
ворить Ильюша таково слово:
й у поганаго да Инодолища,
й лошаденка была да обжорищо,
обжралась пшеномъ да бѣлояровымъ.»
какъ во стольноёмъ во городи во Кіеви
оганому да Инодолищу
слово ему не прилюбилосе,
нималъ ножищо да кинжалищо,
ёнъ бросалъ Ильюши во бѣлы груди.
А й какъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
А ёнъ вѣдь зналъ увертки богатырскіи,
Отвернулся отъ ножика кинжалика.
Пролетѣлъ тутъ ножъ да скрозь дубову дверь,
Улетѣлъ тутъ ножъ да во чисто поле,
А й какъ валился ножъ да на сыру землю,
Енъ ушолъ вѣдь въ землю да й до череня.
А й какъ старый казакъ да Илья Муромечъ,
А й розгорѣлось сердце богатырское,
И отъ порога ёнъ да ворочается,
И енъ хватилъ поганаго Инодолища,
И ёнъ здымалъ его выше могучихъ плечъ,
А ёнъ бросалъ его да о кирпичной полъ,
А еще тутъ поганому славы поютъ.

Записано тамъ же, 6 августа.

VI.

КЕНОЗЕРО.

КЕНОЗЕРО.

XLIII.

ПОРОМСКОЙ.

Иванъ Павловичъ Сивцевъ, по прозванію **Поромской,** богатый крестьянинъ изъ дер. Поромска, лежащей у впаденія рѣчки Пормы въ Кенозеро, средняго роста, плотный, еще моложавый, безъ единаго сѣдаго волоса, старикъ 65 лѣтъ. Его отецъ, умершій 30 лѣтъ тому назадъ не старикъ еще человѣкомъ (на шестомъ десяткѣ отъ роду), былъ лучшій знатокъ былинъ во всемъ околоткѣ. Звали его Павломъ Семеновичемъ, и онъ былъ по ремеслу деревенскимъ портнымъ. Былины свои онъ заимствовалъ отъ стариковъ въ Плесскомъ погостѣ, что у впаденія Кены въ Онегу-рѣку (этотъ погостъ сосѣдній съ Бережно-дубровскимъ, откуда вынесъ былины Иванъ Фепоновъ, см. выше XIII). Здѣсь учителями старика Поромскаго были преимущественно двое слѣпыхъ «пѣтаря» *) — Шерёнкинъ и Подмёткинъ, оба давно умершіе. Мальчикомъ Иванъ Павловичъ сопровождалъ своего отца и помогалъ ему въ портняжной работѣ; тутъ-то онъ, слушая отца, а иногда и вышепоименованныхъ Плесскихъ пѣтарей, «понялъ старины.» Самъ онъ, съ тѣхъ поръ какъ выросъ, почти оставилъ портняжное ремесло и занимается по большей части земледѣліемъ и рыбною ловлею.

*) Слово *пѣтарь* употребляется на Кенозерѣ и Моглѣ въ томъ же смыслѣ, какъ *сказитель* на Онежскомъ побережьѣ, оно означаетъ пѣвца былинъ.

Иванъ Сивцевъ извѣстенъ былъ, хотя не лично, г. Рыбникову; въ сборникѣ его онъ упоминается подъ именемъ «Паромскаго старика»; былины, которыя были отъ него доставлены г. Рыбникову, записалъ по словамъ Сивцева, фельдшеръ, жившій въ то время на Кенозерѣ. Это лучшій изъ кенозерскихъ пѣвцовъ, но нельзя сказать, чтобы его дикція была такъ изящна, какъ напр. у Рябинина, Калинина, Никитина или Прохорова. Воиновъ (см. ниже, XLIV) поетъ изящнѣе его, но у Сивцева былины отличаются бо́льшею полнотою и складностью.

—

219.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ стольняго города изъ Кіева
Выѣзжали два могучіе богатыря:
Одинъ богатырь Илья Муромецъ,
Да другой молодецъ Добрынюшка Микитьевицъ.
Пріѣзжали богатыри на Ѳаворъ гору,
Розставляли богатыри полотнянъ шатёръ,
Во шатри-то богатыри опочивъ держатъ.
Спятъ темную ночь до бѣла́ свѣту,
Пробужается свѣтъ государь Илья Муромецъ,
Да и самъ говоритъ таково слово:
«Вставай молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!
«У насъ что де надъ шатромъ сотворилосе,
«Налетала на шатёръ да вѣща́ птица
«Вѣща́ птица черной воронъ,
«Черной воро́нъ самъ прокы́ркиватъ,

«Нерадошну вѣсточку сказывать.
«Да выходи-тко Добрыня изъ бѣла шатра,
«Погляди по дорогѣ прямоѣзжіе:
«Не проѣхала ли поляница удалая?»
Выходилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
Да поглядѣлъ по дорогѣ прямоѣзжіе,
Да проѣхала поляница удалая.
Да ево храбра поѣздка молодецкая,
Да йскопыть у коня мётана
По цѣлой-то овчинѣ по барановой.
У коня изо́ рта-то пламя́ машё,
Изъ ноздрей у коня да кудрявъ дымъ валитъ,
Да ѣде молодецъ да самъ тѣшится,
Да шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
Да назадь-то она ей подхватыватъ.
Да пришолъ Добрынюшка въ шатёръ, а самъ разсказыватъ:
— Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
— Да проѣхала поляница удалая
— Ево храбра поѣздка молодецкая,
— Ископыть у коня мётана
— По цѣлой овчинѣ по барановой.
— У коня изо рта-то пламя машё,
— Изъ ноздрей у коня да кудрявъ дымъ валитъ,
— Да ѣде молодецъ да самъ тѣшится,
— Да шибаетъ онъ палицу подъ облаки,
— Да назадь-то она ей подхватыватъ. —
Говоритъ Илья Добрыни таково слово:
«Да ты мо́лодецъ Добрынюшка Микитьевичъ!
«Поѣзжай-ко тѐперь за бога́тыремъ.
«Да буде русской богатырь — побратайся,
«А невѣрной богатырь — ты войны проси.»
Говори Добрыня Ильи таково слово:
— Ты де батюшко да Илья Муромецъ!
— Я не смѣю де ѣхать за богатыремъ. —
Говоритъ Илья Добрыни таково слово:
«Когда не смѣешь ты́ ѣхать за богатыремъ,
«Дакъ больше мнѣ въ товарищи не надобно.
«Поѣзжай-ко назадь ты во Кіевъ градъ,
«Къ молодой-то жены, да къ своей матери.»
Да ставалъ Илья на чеботы сафьянные,
Да на спини чулки кармазинные.
Надѣваетъ онъ шубу соболиную,
Да выходитъ старикъ изъ бѣла́ шатра,
Да уздалъ-сѣдлалъ онъ добра коня,
Да уздалъ-то осѣдлалъ скоро-на-скоро,
Скоро-на-скоро́ да крѣпко-на́-крѣпко.
Да скочилъ де ста́рикъ на добра коня,
Да поѣхалъ Илья за бога́тырёмъ,
Да онъ ѣдетъ изъ утра день до вечера,
Да и темную ночь до бѣла́ свѣту;
Да на другой-отъ день попущается,
Да другой день проѣхалъ изъ утра до вечера,
Да и темную ночь до бѣла свѣту,
Да догналъ онъ богатыря́ въ чистомъ поли,
Да изъ далеча-то Илья закричалъ по звѣриному,
Засвисталъ да старикъ а по змѣиному,
Да подъ богатыремъ конь на колѣни палъ.
Да ѣде богатырь не оглянется,
Да бьетъ палкой коня по тучнымъ ребрамъ:
— Ты несытая кляча конь а травяной мѣшокъ!
— Еще что ты въ полѣ птицы шарашишься,
— Налетѣла де ворона поразграялась. —
Закричалъ Илья-то во второй наконъ,
Да засвисталъ де старикъ по змѣиному,
Подъ богатыремъ конь а на колѣни палъ,
Да оборачивалъ богатырь коня къ Илью Муромцу,
Да съѣхались оны ужо копьями, —
Только копья ты въ кольцахъ попригнулисе.
Да разъѣздъ чинили на тридцати верстахъ.
Да съѣхались богатыри палками, —
Тольки палки по щербнямъ отвернулисе.
Соскочили оны со добрыхъ коней,
Да схватились оны на рукопашной бой.
Да хватилъ невѣрной богатырь Илью Муромца,
Да шибалъ де его о сыру́ землю,
Да и самъ де садился на бѣлы груди,
Да вынималъ изъ чинжалища вострой ножъ,
Да хотѣлъ ему пороть а груди бѣлые.
Да и видитъ Илья что бѣда пришла,
Поглядѣлъ онъ на ручку на правую,
На бою де старику смерть не писана.
Да сокоплялъ Илья силу всю въ одно мѣсто,
Да сшибалъ съ себя бога́тыря въ чисто поле.
Да выскочилъ онъ на рѣзвы́ ноги,
Да хватилъ де богатыря за желты кудри.
Да шибалъ ево онъ подъ облаки,
Да назадь-то онъ ево подхватывалъ.
Кабы де ево не подхватывалъ,
Дакъ предалъ бы ему смерть ту скорую,
Становилъ де богатыря протйво себя,
Да началъ е́во онъ выспрашивать:
«Скажи-тко удалый дородній добрый мо́лодецъ!
«Ты коей орды ты коей земли,
«Да котораго ты града урожденіе,
«Да и какъ тебя зовутъ по именю?
Говоритъ молодецъ таково слово:
— Да не знаю я себѣ ро́днаго батюшка,
— Да одна у м'ня есть родная матушка,
— Да старая дѣвка Сверьянична. —
Говорилъ Илья-то таково слово:

ѣдешь ты къ родной матери,
ки-тко ты матери низкой поклонъ.»
лъ молодецъ къ своей матери,
чаетъ ево матушка родимая,
говорила таково слово:
что Василей пріѣхалъ не весёлъ, а съ
чиста поля? —
де Васька своей матери:
дарыни моя ты родна матушка!
калъ богатырь меня во чистомъ полѣ.
о я было ево побилъ сидѣлъ да на бѣ-
лыхъ грудяхъ,
лъ ему пороть а груди бѣлые,
меня сшибалъ во чисто полё,
тывалъ за желты кудри,
алъ де меня подъ облаки,
дь-то онъ меня подхватывалъ.
нъ, мать, не подхватывалъ,
редалъ бы мнѣ смерть ту скорую.»
ему мать да таково слово:
ты дитя моё милоё!
утъ-то тебѣ вѣдь ужъ отецъ родной. —
де Василей своей матери:
ыни моя ты родна матушка!
хочу де я слыть заугольникомъ.
жить, алибо мнѣ-ка жить.»
ачивалъ назадь добра коня,
лъ опять къ Ильи Муромцу.
Муромецъ гдѣ бился тутъ и опочивъ
держать (sic).
ргиванъ былъ ево бѣлъ шатёръ,
чалъ де Васька зычнымъ голосомъ:
тарая собака сѣдатой пёсъ!
оди-тко ты а изъ бѣла шатра,
ѣдь жить, либо мнѣ-ка жить.»
лъ Илья на чеботы сафьянные,
ни чулки кармазинные,
цилъ Илья изъ бѣла шатра,
лъ де богатыря съ коня за желты
кудри,
лъ де онъ ево подъ облаки,
дь-то ево да не подхватывалъ,
редалъ ему смерть ту скорую.

о на Кенозерѣ (дер. Немятова), 12 августа.

—

220.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Отъ стольняго города отъ Кіева,
Да идётъ тамъ калика перехожая.
Старой волосомъ бѣлъ бородой сѣдой,
Да на старомъ была гуня сорочинская,
Да была шляпа на главы земли греческой,
Да клюша́ у калики свинцовая.
Да идётъ ли ста́рикъ подпирается,
Да йно мать земли та колыбается.
Да пришолъ-де ста́рикъ-отъ во Царьгородъ,
Да зашолъ на кружа́ло государево.
Да онъ крестъ тотъ кладётъ по писапому,
Да поклоны ведётъ по ученому.
«Да вы здравствуйте чумаки чѣловальники!
«Да мнѣ дайте вина на пятьсотъ рублей,
«Да розопьюсь — мнѣ повѣрьте на тысящу.»
Да въ закладъ имъ да́валъ-то пречудной крестъ
Изъ червоннаво краснаго золота.
Да ему́ тутова старому не вѣрили.
Да догадались одни голи кабацкіе,
Да сбиралисе голи въ единой кругъ,
Да сложилисе голи по деньги въ складъ,
Да брали вина полтора ведра,
Да подносили де калики перехожему.
Да у ихъ принималъ единой рукой,
Да выпивалъ де ста́рикъ на единой духъ,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
«Да вамъ спасибо братцы голи кабацкіе!
«На приходѣ старика вы мéня опохмѣлили,
«Да опохмѣлили пить роззадорили.»
Да съ тово де пошолъ съ кабака долой,
Да пришолъ ко глу́бокому ко погребу,
Да пиналъ ворота ногой вальячные,
Да съ крюковъ замковъ двери вонъ выставли-
валъ,
Да зашолъ де старикъ во глубокъ погрёбъ,
Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
Да другу́ю сороко́вую подъ дру́гую,
Да третью ту бочку ногой катилъ,
Да выкачивалъ на площадь торговую,
Да упоилъ де голей со всѣхъ ка́баковъ,
Да и самъ упивался онъ до́ пьяна,
Да пришолъ лёгъ спать на печку кабацкую.
Да и всѣ чумаки порасплакались,
Да къ царю пришли да поразжа́лились:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбо-
вецъ!

— Да чого невѣдомо де къ намъ за старо́й пришолъ,
— Да просилъ онъ вина на пятьсотъ рублей,
— Да роспиваться-то ладилъ на тысящу,
— Да въ закладъ давалъ намъ пречудной крестъ,
— Да изъ червонова краснаго золота,
— Да и тутъ мы ему старому не вѣрили.
— Догадалися де голи кабацкіе,
— Да купили де вина полтора ведра,
— Подносили ка́лики перехожему.
— Да у ихъ принималъ единой рукой,
— И выпивалъ де старикъ а на единый духъ.
— Да съ тово де онъ ходилъ во глубокъ погребъ,
— Да пиналъ ворота ногой вальячные,
— Да съ крюковъ замковъ двери вонъ выставливалъ.
— Да зашолъ де старикъ во глубокъ погрёбъ,
— Да и бралъ-де онъ бочку подъ пазуху,
— Да другу́ю сороко́вую подъ другую,
— Да третью ту бочку ногой катилъ,
— Да выкачивалъ на площадь торговую,
— Да упоилъ де голей со всѣхъ ка́баковъ,
— Да и самъ упивался онъ до́ пьяна,
— Нонь лежитъ на печи да на кабацкіи. —
Говоритъ туто царь Костянтинъ Боголюбовецъ:
«Да вы глупы чумаки чѣловальники!
«Да подите приведите ко мнѣ на лицо,
«Погляжу я де каковъ станомъ во́растомъ.»
Пришли чумаки чѣловальники,
Да розбудили соннаго е́го хмѣльняго.
Да скочилъ старъ со печки кабацкіе,
Да не успѣлъ хватить клюши во двѣна́дцать пудо́въ,
Да ухватилъ онъ ворonéчину дубовую,
Да сталъ онъ по ка́баку похаживать,
Да дубово́й ворonéчиной помахивать,
Да прибилъ чумаковъ чѣловальниковъ,
Да пошолъ де ста́рикъ съ кабака долой.
Да идётъ мимо палату мимо царскую,
Да закричалъ де ста́рикъ зычнымъ голосомъ:
— Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовецъ!
— Да ищи казну за Ильей славнымъ Муромцемъ,
— Да приходилъ къ тебѣ на славу на великую.
— Да и пить зелено вино безденежно. —
Да ушолъ де старикъ а во чисто́ полё,
Да разде́ргивалъ въ полѣ бѣлъ шатёръ,
Да во шатри то ста́рикъ опочивъ доржалъ.
Да мы съ той поры Илью въ старинахъ поёмъ,
Да отнынѣ поёмъ его до́ вѣку.
Да диди-диди-дудай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же, 11 августа.

—

221.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Да ѣздилъ тамъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Да хорошъ былъ у стараво добрый конь,
За рѣку ту перевозу мало спрашивалъ.
Да ѣдетъ де старый чистымъ полёмъ,
Да большой-то дорогою латынскою,
Да наѣхалъ на дороги горючъ камень.
Да на камешки подпись подписана:
«Старому де казаку да Ильѣ Муромцу
«Три пути пришло дорожки широкіе:
«А во дороженку ту ѣхать — убиту быть,
«Во другую ту ѣхать — женату быть,
«Да во третью ту ѣхать — богату быть.»
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Головой то качатъ проговариватъ:
— Да я кольки по святой Руси не ѣзживалъ,
— Тако́ва-то чуда вѣкъ не видывалъ.
— Да на что мнѣ-ка старому богачество,
— Своего де у м'ня много злата серебра,
— Да и много у меня скатнаго жемчугу.
— Да на что мнѣ-ка старому женитися,
— Да женитися мнѣ не нажитися,
— Молодая та жена взять чужа корысть,
— Да мнѣ-ка старой жены взять не хочется. —
Да поѣхалъ въ ту дорогу гдѣ убиту быть,
Да наѣхалъ на дорогѣ то станицу разбойниковъ.
Да разбойниковъ стоитъ до пяти́ ихъ сотъ,
Да хотятъ они у стараго коня отнять,
Да сидитъ де старикъ на добромъ конѣ,
Да головой то качатъ проговариватъ:
— Да вы разбойники братцы станичники!
— Вамъ убити де старика меня некого,
— Да отняти у стараво нечево.
— Да съ собою у м'ня денегъ семь тысячей,
— Да точмяна (sic) узда въ цѣлу тысящу,
— Да ковано мое сѣдло во девять тысящей.
— Своему де я добру копю цѣны́ не знай,
— Да я цѣны не знай бурку не вѣдаю:
— Да межъ ушми у м'ня у коня скаче́нъ жемчугъ,
— Драгоё самоцвѣтноё каменьё,
— Да не для ради красы басы молодецкоё,
— Для ради темной ночки осенные,
— Чтобы видно гдѣ ходитъ мой доброй конь. —
Да говорятъ ему разбойники станичники:
«Да ты старая собака сѣдатой пёсъ!

Да и долго ты сталъ разговаривать.»
Да скочилъ де старикъ со добра коня,
Да хватилъ де онъ шапку со буйной головы,
Да и началъ онъ шапкой помахивать.
Какъ куды де махнётъ — туда улица,
Да назадъ отмахнётъ — переулочки.
Да разбилъ ёнъ станицю разбойниковъ,
Да разбойниковъ разбилъ подорожниковъ.
Да садился старикъ на добра коня,
Да поѣхалъ онъ ко латыру камешку,
Да на камени подпись поднавливалъ:
Да старому де казаку а Ильѣ Муромцу
На бою старику смерть не писана,
Да и та была дорожка прочищена.»
Да отъ стольняво города отъ Кіева,
Да отъ Кіева лежитъ а ко Чернигову,
Да еще было дорожка извѣдати:
Отчево старику буде женитися,
Да жениться мнѣ не нажитися,
Да молодая жена взять чужа корысть,
Да мнѣ старой жены взяти не хочется.»
Да поѣхалъ большою дорогою,
Да наѣхалъ на дороги крѣпость богатырскую.
Да стоитъ туто церковь соборная,
Да соборная богомольняя.
Отъ тое де обѣдни полудённые,
Идетъ двѣнадцать прекрасные дѣвици,
Да посредѣ то ихъ идётъ королевична.
Говорила королевна таково слово:
— Ты удалой дородній доброй молодецъ!
— Да пожалуй ко мнѣ во высокъ терёмъ,
— Да напою накормлю хлѣбомъ солью. —
Да соходилъ де старикъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня,
Не прикована да не привязана.
Да пошолъ де старикъ во высокъ терёмъ,
Да мосты ты подъ старымъ качаются,
Переводинки перегибаются.
Да зашолъ де старикъ во высокъ терёмъ,
Да садился за столы за бѣлодубовы,
Да онъ ѣстъ де пьётъ проклажается,
Да весь дологъ день да до вечера.
Да выходилъ изъ-за стола изъ-за дубоваго
Да и самъ говорилъ таково слово:
Ты ли душечка красная дѣвушка!
Да гдѣ-ка твои ложни тёплые,
Да и гдѣ твои кровати тесовыи,
Гдѣ-ка мяккіе перины пуховые?
Да мнѣ на старость старику бы опочинуться.»
Да привела его де въ ложни теплые.
Да стоитъ старой у кровати головой качать,
Головой то качать проговаривать:
«Да я колько по святой Руси не ѣзживалъ,
«Такова де я то чуда вѣкъ не видывалъ,
«Да видно эта кроватка подложная.»
Да хватилъ королевну за бѣлы руки,
Да шибалъ ей ко стѣны кирпичные.
Одвернулась кроватка тисовая,
Да увалилась королевна во глубокъ погрёбъ.
Да выходилъ старикъ на улицю паратную,
Да нашолъ двери глубокаго погреба,
Да колодьемъ то были призавалены,
Да пескамы-ты были призасыпаны.
Да ёнъ колодья ногами расшихивалъ,
Да пески ты руками распорхивалъ,
Да нашолъ двери глубокаго погреба,
Да пиналъ ворота ногой вальячные,
Да съ крюковъ съ замковъ двери вонъ выставливалъ,
Да выпущалъ сорокъ царей сорокъ царевичевъ,
Да и сорокъ королей королевичевъ,
Сорокъ сильнихъ могучихъ богатырёвъ.
Да и самъ говорилъ таково слово:
«Да вы подьте цари по своимъ землямъ,
«Да вы короли по своимъ Литвамъ,
«Да вы богатыри по своимъ мѣстамъ.»
Да идётъ душечка красная дѣвушка,
Да ёнъ выдёргиваётъ саблю вострую,
Да срубилъ ей по плечъ буйну голову,
Да розсѣкъ разрубилъ тѣло женское,
Да куски ты разметалъ по чисту полю,
Да сѣрымъ-то волкамъ на съѣденіё,
Да чернымъ воронамъ на погрáяньё.
Да садился старикъ на добра коня,
Да пріѣхалъ онъ ко латырю каменю,
Да на камешки подпись поднавливалъ:
«Старому де казаку да Ильи Муромца,
«Да и та была дорожка прочищена.»
Да отъ стольняго отъ города отъ Кіева,
Да отъ Кіева лежитъ а ко Царюграду,
Да еще было дорожка извѣдати,
Да отчего де старику будё богачество.
Да поѣхалъ онъ большою дорогою,
Да наѣхалъ на дороги пречудной крестъ,
Да стоитъ у креста головой качать,
Головой то качать проговаривать:
«Да я колько по святой Руси не ѣзживалъ,
«Такова то де я чуда вѣкъ не видывалъ.»
Да этотъ крестъ есть не прóстъ стоитъ,
Да стоитъ онъ на глубокомъ на погребѣ,
Да есть несмѣтноё злато серебро.
Да соходилъ де Илья со добра коня,

Да и бралъ крестъ ёнъ на́ руки на бѣлые,
Да снималъ со глубокаго со погреба,
Да воздвигнулъ животъ въ славный Кіевъ градъ,
Да построилъ онъ церковь соборную,
Соборную да богомольную.
Да и тутъ вѣдь Илья-то ока́менѣлъ,
Да понынѣ ево мощи нетлѣнные.

Записано тамъ же. 11 августа.

—

222.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-за горъ-то было изъ-за высокіихъ,
Изъ-за лѣсу-то было лѣсу темнаго,
Да повышла, повышла-повыкатила
Да широкая та матушка быстра Волга́ рѣка,
Да широкая та Волга подъ Казань прошла,
Да пошире подалѣ подъ Ва́сторокань,
Да широкій перевозъ подъ Нови́мъ-городомъ,
Темные лѣсы Смоленскіе,
Да тихіе плеса́ то Чижарицкіе.
Да мѣста шла ровно три тысячи,
Да рѣкъ и ручьёвъ брала смѣты нѣтъ,
Да выпала во́ море Косиійское.
Да то де Добрынюшкѣ не сказочка,
Да теперь старины ево нача́лъ пойдётъ *).
Да въ стольнёмъ во городи во Кіеви,
Да у ласкова князя у Владиміра,
Да хорошъ заве́денъ былъ почестной пиръ,
На многи на князи да на бояра,
На сильніе могучіе бога́тыри,
Да на всѣ поляницы удалые.
Да свѣтъ государь де Владиміръ князь,
Да налилъ онъ чару зелена вина,
Да залилъ онъ чару ту сладки́мъ медомъ,
Да засыпалъ онъ чару бѣлымъ сахаромъ.
Становилосе вина да полтора ведра,
Да подноситъ онъ сильнимъ богатырямъ,
Да самъ говоритъ и таково слово:
«Вы братцы могучи бога́тыри!
«Да пишё невѣжа заугро́зою ко мнѣ,
«Да проситъ де въ поле поединщика.
«Да который изъ васъ меня выручитъ
«Отъ этой бѣды а отъ великіе?»
Всѣ во пиру призамо́лкли сидя́тъ,
Да говоритъ изъ ихъ ужо большо́й-отъ богатырь,
Да большо́й богатырь а Илья Муромецъ:
— Да вы братцы могучіе богатыри!
— Да хоша долго сидить, а говорить будётъ.
— Да кому въ поле ѣхать поединщикомъ?
— Да я вѣдь недавно изъ похо́ду де пришолъ,
— Да бился рубился съ невѣжей богатырёмъ.
— Да летаетъ невѣжа чернымъ ворономъ,
— Да я не могъ его на́ очи обо́здрити.
— Кабы увидѣлъ собаку, убилъ бы изъ туга́ лука.—
Службу-работу накинули
Да молодцу Добрынюшки Мики́тьевичу.
Да выпивалъ Добрыня чару зелена вина,
Да одва де скороталъ онъ почестной пиръ,
Да невеселъ Добрыня со пиру пошолъ,
Да невеселъ Добрыня да не радошёнъ.
Да приходитъ Добрыня къ своей матери,
Говоритъ ему матушка сударыни:
«Что ты Добрыня невесёлъ со пиру́ пришолъ?
«Мѣсто тебѣ было не по вотчины,
«Али чара тебѣ де не рядомъ дошла,
«Али безумница тебя да обезчестила?»
Говорилъ де Добрыня да отвѣтъ держитъ:
— Да государыни моя ты родна матушка!
— Что мати споро́дила несча́стливаго,
— Да несчастливаго да неталанливаго:
— Да силою меня де ты не сильняго,
— Да поѣздкой меня не наѣздника. —
Говорила ему матушка сударыни:
«Да удалый ты дородній добрый молодецъ!
«Да я рада́ молодца́ бы тя спородити.
«Ужо силою въ Самсона Колыва́новича,
«Да смѣльствомъ напускомъ въ Илью Муромца,
«Да кра́сотой во Осипа прекраснаго,
«Да кудрями въ царя де Кудреи́ница,
«Да поѣздкой во Дюка во Степановича,
«Да пощапкой въ Чурила сына Плёнковича.
«Да такова́ молодца́ тебя Госпо́дь Богъ зародѣлъ.»
Да больше Добрыня не распрашиваётъ,
Да со своею матерью прощается.
Да паче тово де съ молодой женой.
Да молодой-то жены да самъ наказывалъ:
— Да хороша Катерина дочь Микулична!
— Да я въ полѣ проѣзжу вѣдь семь годовъ,

*) Крестьянинъ Илья Максимовъ изъ Немятова на Кенозерѣ, лѣтъ 50-ти отъ роду, отецъ котораго пѣвалъ много былинъ, но который очень немногое изъ нихъ удержалъ въ памяти, говорилъ, что его отецъ начиналъ эту былину такъ:
Вышла, повышла-повыкатила да матушка Волга рѣка,
Волга рѣка широка глубока.
Мѣста-то шла она три тысящи,
Плеса-ты давала Сужерѣцкіе,
Выпала въ морё во Каримское.
Топерь-то про Добрынюшку не сказочка сказать,
А топере про Добрыню старины́ будетъ нача́лъ.

а подъ дубомъ простою да всёго девять лѣтъ,
а всё Катерина ты вдовой живи.
а тогда я не буду изъ чиста поля,
а хоть вдовой живи да хошь замужъ поди.
е ходи не за князя, не за боярина,
а вы́бери бога́тыря проти́во хошь меня̀.
а еще не ходи за Алёшу за Поповича,
а ёнъ воръ собака мнѣ кресто́вой братъ,
а крестовой-отъ братъ а паче роднаго. —
ь торока Добрыня кладётъ платье цвѣтное,
орока ты кладётъ и калены стрѣла,
орока кладетъ и золоту казну.
о Добрыня забирается.
рался Добрыня на коня́ ли самъ сѣлъ,
алъ по городу по Кіеву,
ѣхалъ Добрыня во чисто́ полё.
ь полѣ проѣздилъ онъ семь годовъ,
одъ дубомъ простоялъ а всёго девять лѣтъ,
сё Катерина-та вдовой живётъ.
ѣхалъ Алёша во чисто́ полё,
роѣздилъ ёнъ дологъ день до вечера,
ріѣхалъ ко князю самъ подска́зывается:
свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
ѣздилъ я сегодня во чисто́ полё,
видѣлъ Добрыню бита ранена лежитъ,
буйной головой а во ракитовъ кустъ,
рѣзвыми ногами во чисто полё.
ору́дія вся-де поразмётана,
черные враны тѣло трынкаютъ.»
во-то хозяйка замужъ пошла,
а премладова Алёшу за Поповича.
а силу ей князь понево́лилъ-де пойти̇̀,
ь пятницу у ихъ рукоби́тье было̀,
ь суботу у ихъ ужо и сва́дьба была̀,
оскресенье у ихъ а столованьё.
а свѣтло-то Христово воскресеніё,
ѣхалъ Илья Муромецъ въ чисто́ полё,
гнилъ Добрынюшку Микитьевича.
цетъ Добрыня изъ чиста́ поля,
ачалъ Добрыня-то про Кіевъ градъ выспра́шивати̇̀,
лья ему Муромецъ разска́зывати̇̀:
ремладыи Добрынюшка Мики́тьевичъ!
ебѣ первое сло́вцо пера́дошное:
а твоя-та хозяйка за му́жъ пошла.
а премладаго Алёшу за Поповича,
а силу-де ей князь а поневолилъ-де пойти̇̀
а сегодня у ихъ столова́ніё. —
льше Добрыня не разспра́шиваётъ,
ѣхалъ ко городу ко Кіеву.
детъ Добрыня на своёмъ широ́комъ дворѣ,
Да не узнала е́во матушка родимая,
Сама говорила таково слово:
«Ты какая поляница наѣхала,
«Не видала ли Добрынюшки Микитьевича?»
Да нельзя признать Добрынюшки Микитьевича:
Да ѣзжучись дѣтина по чисту полю,
Стоячись-де дѣтина подъ сыры́мъ дубомъ,
Истаскалосе да платье цвѣтное,
Издержалосе да золота казна,
Испошилъ-де кафтаны всё звѣриные,
Да шапки, сапоги да всё звѣриноё.
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Да помнишь ли мать, спамятуешь-ли,
— Да у Добрыни на право́мъ лицѣ три зна́мени было? —
Говорила ево матушка сударыни:
«Да роспекло-де у насъ какъ солнцо красноё,
«Да закатается-де младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
«Да твоя-та хозяйка замужъ пошла
«За премладаго Алёшу за Поповича,
«Да на силу-де ей князь поневолилъ де пойти.»
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Государыни моя ты родна матушка!
— Да мнѣ подай-ко мать платьё скоморошноё,
— Да мнѣ подай-ко мать гусли́ хрустальнии.
— Да подай мать шалыгу подорожную. —
Да пошолъ-де Добрыня во почестной пиръ,
Да садился Добрыня на упечинку,
Началъ во гусли найгрывати,
Перво́й разъ игралъ отъ Царя́-де города̀,
Друго́й разъ игралъ отъ Еруса́лима,
Трете́й разъ сталъ наигрывати̇̀,
Да всё своё-то похожденьицо разска́зывати̇̀.
Да князю эта игра и по уму пришла,
Самъ говорилъ и таково слово:
«А й же ты дѣти́на скоморошина!
«Да поди-ко дѣтина ты во поче́стной пиръ,
«Тебѣ первое мѣсто подлѣ́ меня сади̇̀сь,
«Другое́-то мѣсто супроти́во-де меня̀,
«Тре́тье-то мѣсто куды самъ похошь.»
Да пришолъ-де Добрыня во почестной пиръ
Да садился противо Алёши съ молодой женой,
Началъ во гусли найгрыва̀ти̇̀,
Пе́рвой разъ игралъ отъ Царя-де-города,
Дру́гой разъ игралъ отъ Еруса́лима,
Тре́тей разъ сталъ наигрывати,
Всё своё-то похожденьицо разска́зывати.
Никто-то тому не догадается,
А Катя тому и догадалаcе.
Говорилъ-де Добрыня таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!

— Прикажи Алёшиной да молодой жены,
— Да мнѣ налить де стаканъ-и зелена вина. —
Наливала Катерина стаканъ-и зелёнаго вина,
Положила на подносъ-и на серебряной,
Да подносила Добрыни, низко кланяласе.
Да выпилъ Добрыня стаканъ-и зелена вина,
Наливалъ стаканъ да назадь подавалъ,
Да опустилъ-де во чару ту злаченъ перстень
Молодца Добрынюшки Микитьевича,
Да самъ говорилъ-и таково слово:
— Да выпивай Катерина стаканъ до суха вина.
— Да выпьешь ты до дна, дакъ увидашь добра. —
Выпивала Катерина стаканъ до суха вина,
Да нашла де во чары-то злаченъ перстень
Да молодца Добрынюшки Микитьевича,
Да сама говорила таково слово:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да не тотъ мнѣ-ка любъ а кой подлѣ меня сидитъ,
«А тотъ мнѣ-ка любъ, кой супротиво мене,
«Да молодецъ Добрынюшка Микитьевичъ.
«Да я не знаю, откуда его Богъ принёсъ.»
Да князю эта рѣчь-и за бѣду пришла,
За великую досаду не за малую.
Да говорилъ де Добрыня таково слово:
— Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Кабы ты-де былъ а не Владиміръ князь,
— Назвалъ бы тебя я ужо сводникомъ,
— Да государыню княгину бы я сводницею.
— Да вы зачѣмъ отъ жива мужа жену да отняли? —
Да бралъ Добрыня Алёшу за желты кудри,
Да прямо черезъ столъ а передергиваётъ,
Да началъ шалыгой поворачивати:
Въ бухканьѣ не слышно охканья,
Да не далъ ему смерти скорые,
Да далъ ему безвѣчье вѣковѣчное,
Да стольки Алёша-та женатъ бывалъ,
Да стольки Алёша-та съ женой сыпалъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

223.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Въ стольнёмъ городи во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра,
Хорошій заведенъ былъ почестной пиръ,
На многіе на князи да на бояри,
Да на сильни могучіе богатыри.
Бѣлой день иде ко вечеру,
Да почестной-отъ пиръ идётъ на веселѣ.
Хорошо государь роспотѣшился,
Да выходилъ на крылечко перёное,
Здрѣлъ-смотрѣлъ во чисто полё.
Да изъ далеча далеча поля чиставо,
Толпа мужиковъ да появиласе.
Да идутъ мужики да всё Кіевляна,
Да бьютъ они князю жалобу кладутъ:
«Да солнышко Владиміръ князь!
«Дай государь свой праведные судъ,
«Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
«Да сегодня у насъ на Сарогѣ на рѣкѣ
«Да невѣдомыи люди появилисе,
«Да наѣхала дружина-та Чурилова.
«Шелковы певоды заметывали,
«Да тетивки были семи шелковъ,
«Да плутивца у сѣтокъ-то серебряные,
«Камешки позолоченые.
«А рыбу Сарогу (sic) повыловили,
«Намъ государь свѣтъ улову нѣтъ,
«Тебѣ государь свѣжа куса нѣтъ,
«Да намъ отъ тебя нѣту жалованья.
«Скажутся называются
«Всё оны дружиною Чуриловою.»
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе.
Да идутъ мужики да все Кіевляна,
Да бьютъ они челомъ жалобу кладутъ:
— Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
— Дай, государь, свой праведные судъ,
— Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
— Севодня у насъ на тихихъ на заводахъ
— Да невѣдомые люди появлялисе,
— Гуся да лебедя да повыстрѣляли,
— Сѣру пернату малу утицу.
— Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
— Тебѣ государь свѣжа куса нѣтъ,
— Намъ отъ тебя да нѣту жалованья.
— Скажутся а называются
— Всё оны дружиною Чуриловою. —
Та толпа на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе.
Да идутъ мужики да все Кіевляна,
Да бьютъ они челомъ жалобу кладутъ:
«Да солнышко да нашъ Владиміръ князь!
«Дай государь свой праведные судъ,
«Дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
«Да севодня у насъ во темныхъ во лѣсахъ
«Невѣдомые люди появилисе,

лковы тéнета заметывали,
ıокъ да лисовъ повыловили,
наго сибирскаго соболя.
ıъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
тебѣ, государь свѣтъ, корысти нѣтъ,
ıъ отъ тебя да нѣту жалованья.
жутся а называются
оны дружиною Чуриловою.»
олна на дворъ прошла,
я изъ поля появилисе.
е молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
ıдцы на коняхъ одноличные,
подъ нима да однокáріе были,
ебцы всё латынскіе,
пóвода у ихъ а сорочúпскіе,
лышка были нá золотѣ,
жки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
за сафьяну-то турецкаго,
наво покрою-то нѣмецкаго,
рѣпкаво шитья-де ярославскаго.
ы гвоздьё да были нá золотѣ,
óжаны на мóлодцахъ лосиные,
афтаны на мóлодцахъ голýбъ скурлатъ,
сточниками (sic) подпоясаносе,
ацки золотые верхи.
олодцы на кóняхъ бывъ свѣчú-де горятъ,
ни подъ нима бывъ соколы-де летятъ.
али пріѣхали во Кіевъ градъ,
гали по Кіеву урóдствовати,
укъ чеснокъ весь повырвали
ю капусту повыломали,
гарыхъ-то старухъ обезвичили,
одыхъ молодицъ въ сороми-де довели,
ныхъ дѣвицъ а опозорили.
ьютъ челомъ князю всѣмъ Кіевомъ,
нязи-ты просятъ со княгинами,
оя́ра-ты просятъ со бояры́нями,
сѣ мужики огородники:
а дай, государь, свой прáведные судъ,
а дай-ко па Чурила сына Плёнковича.
а сегодня у насъ во городѣ во Кіевѣ,
а невѣдомые люди появилисе.
а наѣхала дружина та Чурилова,
а лукъ чеснокъ весь повырвали
ı бѣлую капусту повыломали,
а старыхъ-то старухъ обезвичили,
олодыхъ молодицъ въ сороми-де довели,
расныхъ дѣвицъ а опозорили. —
оворилъ туто солнышко Владиміръ князь:
глупые вы князи да бояра,
разумные гости торговые:

«Да я не знаю Чуриловой посéличи,
«Да я не знаю Чурило гдѣ дворóмъ стоитъ.»
Да говорятъ ему князи и бояра:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да мы знаемъ Чурилову посéличу,
— Да мы знаемъ Чурило гдѣ дворóмъ стоитъ.
— Да дворъ у Чурила вѣдь не въ Кíеви стоитъ,
— Да дворъ у Чурилы не за Кіéвомъ стоитъ.
— Дворъ у Чурила на Почáй на рѣкѝ,
— У чудна креста-де Мендалидова,
— У святúхъ мощей да у Борúсовыхъ.
— Да около двора да всё булатній тынъ,
— Да вéрен были всё точéные. —
Да поднялся князь на Почáй на рѣкý,
Да со князьями-ты поѣхалъ со боярами,
Со купцами со гостями со торговыми.
Да будетъ князь на Почáй на рѣкѝ
У чудна креста-де Мендалидова,
У святыхъ мощей да у Борисовыхъ,
Да головой-то кáча, самъ проговариватъ:
«Да право мнѣ не пролгали мнѣ.»
Да дворъ у Чурила на Почáй на рѣкѝ,
Да у чудна креста-де Мендалидова,
У святыхъ мощей да у Борисовыхъ.
Да около двора всё булатній тынъ,
Да вéрен-ты были всё точёные,
Воротика-ты всё бы́ли все стекольчатые,
Подворотенки да дорогъ рúбей зубъ.
Да на томъ дворѣ-де на Чуриловомъ,
Да стояло теремовъ до семи до десяти.
Да во которыхъ теремахъ Чурúлъ самъ живётъ,
Да трои сѣни у Чурила-де косивчатые,
Трои сѣни у Чурила-де рѣшáтчатые,
Да трои сѣни у Чурила-де стекóльчатые.
Да изъ тѣхъ-де изъ вы́сокихъ изъ теремовъ,
На ту ли 'па улицу падовую,
Да выходилъ туто старыи матёрый человѣкъ.
На стáромъ шуба-та собóлья была,
Да подъ дóрогимъ подъ зéленымъ подъ стáметомъ,
Да пугвицы были вальячные,
Да вальякъ-отъ литый красна золота.
Да кланяется поклоняется,
Да самъ говоритъ и таково слово.
— Да свѣтъ-государь ты Владиміръ князь!
— Да пожалуй-ко Владиміръ во высóкъ терёмъ,
— Во высóкъ терёмъ хлѣба кушати. —
Да говорилъ Владиміръ таково слово:
«Да скажи-ко мнѣ старыи матёрый человѣкъ,
«Да какъ тебя да именёмъ зовутъ,
«Хотя зналъ у кого бы хлѣба кушати?»
— Да я Пленкó да гость Сарожанинъ,

— Да я вѣдь Чуриловъ-отъ есть батюшко.—
Да пошолъ де Владиміръ во высокъ терёмъ,
Да въ теремъ-отъ идётъ да всё дивуется.
Да хорошо де тéремы да изукрáшены были:
Полъ-середà одного серебрà,
Печки-ты были всё муравлéные,
Да потики-ты (sic) были всё серéбряные,
Да потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболѐй,
Нá стѣны сукна навиваны,
На сукна-ты стёкла набивапы.
Да всё въ терему́-де по небесному,
Да вся небесная луна-де приноведена была,
Ино всякія утѣхи несказáнные.
Да пиръ-отъ идётъ о полу́-пиру,
Да столъ-отъ идётъ о полу́-столѣ,
Владиміръ князь роспотѣшился,
Да вскрылъ онъ окошечка немножечко,
Да поглядѣлъ-де во дáлече чистó полё.
Да изъ дáлеча далéча изъ чистá поля,
Да толпа молодцовъ появилася,
Да ѣде молодцовъ а болѣ тысящи,
Да середи́-то силы ѣздитъ купáвъ молодѐцъ,
Да па мóлодцѣ шуба-та собóлья былà,
Подъ дóрогимъ подъ зéленымъ подъ стáметомъ,
Пугвицы были вальячные,
Да вальякъ-отъ литый красна золота,
Да по дóрогу яблоку свирскому.
Да ѣдё молодецъ да и самъ тѣшится,
Да съ коня-де на коня пéрескáкиваётъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваётъ,
Черезъ трéтьево да па четвёртаго,
Да вверхъ копьё побрáсываётъ,
Изъ ручки въ ручку подфатываётъ.
Да ѣхали пріѣхали па Почáй па рѣку́,
Да сила-та ушла-де по своимъ теремàмъ.
Да сказали Чурилы по незнáемыхъ гостѐй,
Да бралъ-де Чурила золоты ключи,
Да ходилъ въ амбары́ мугазенные,
Да бралъ онъ сорокъ сороковъ черныхъ соболѐвъ,
Да и многіе пары́ лисицъ да куницъ,
Подарилъ-де онъ князю Владиміру.
Да говоритъ-де Владиміръ таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жáлобщиковъ,
«Да побольше того де челомъ-бйтчиковъ,
«Да я теперь па Чурила да судá-де не дамъ.»
Да говорилъ-де Владиміръ таково слово:
«Да ты премладыи Чурилушко сынъ Плёнковичъ!
«Да хошь ли итти ко мнѣ во стольники,
«Да во стольники ко мнѣ во чашники.»
Да иной отъ бѣды какъ откупается,
А Чурила на бѣду и нарывается.
Да пошолъ ко Владиміру во стольники,
Да во стольники къ ему во чашники.
Пріѣхали они ужо во Кіевъ градъ,
Да свѣтъ государь да Владиміръ князь,
На хорошá па новаго на стольника,
Да завёлъ государь да почестной пиръ.
Да премлáдыи Чурила-то сынъ Плёнковичъ,
Да ходитъ-де ставитъ дубовы́ столы,
Да желтыми кудрями самъ потряхиваётъ,
Да жéлтыи кудри разсыпаются,
А бывъ скачéнъ жемчу́гъ раскатается.
Прекрасная княгина-та Апраксія
Да рушала мясо лебединое,
Смотрячись-де на крáсоту Чурилову,
Обрѣзала да руку бѣлу правую.
Сама говорила таково слово:
— Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
— Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
— Да помѣшался у меня разумъ во буйно́й головѣ,
— Да помутилисе у м'ня-де очи ясные,
— Да смотрячись-де на крáсоту Чурилову,
— Да на его́-то нá кудри на желтые,
— Да на его́-де нá перстни злаченые,
— Помѣшался у м'ня разумъ во буйно́й головѣ,
— Да помутились у меня да очи ясные. —
Да сама говорила таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да премлáдому Чурилу сыну Плёнковичу
— Не нá этой а ему службы быть,
— Да быть ему-де во постельникахъ,
— Да стлати ковры да подъ нась мягкіе. —
Говорилъ Владиміръ таково слово:
«Да судй тѣ Богъ княгина что въ любовь ты мнѣ пришла.
«Да кабы ты княгина не въ любовь пришла,
«Да я срубилъ бы тѣ по плечъ да буйну голову,
«Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила.»
Да снялъ-де Чурила съ этой бóльшины,
Да поставилъ на бóльшину на йную,
Да во ласковые зазыватели,
Да ходить-де по городу по Кіеву,
Да зазывати гостей во почестной пиръ.
Да премладыи Чурило-то сынъ Плёнковичъ,
Да улицми идётъ да переулкамы,
Да желтыми кудрями потряхиваётъ,
А желтые-ты кудри разсыпаются.
Да смотрячись-де на крáсоту Чурилову,
Да старицы по кельямъ онатй *) оны дерутъ,

*) Такъ; не знаетъ что: «одѣжка, должно быть.»

А молодыи молодицы въ голешища сцатъ,
Красныя дѣвки отселья (отъ селья?) дерутъ.
Да смотрячись-де на красоту Чурилову,
Да прекрасная княгина-та Апраксія
~~Да еще говорила~~ таково слово:
— Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
— Да тебѣ-де не любить, а пришло мнѣ говорить,
— Да премладому Чурилу сыну Плёнковичу,
— Да на этой а ёму службы быть,
— Да быти ёму во постельникахъ,
— Да стлати ковры подъ насъ мяккіе. —
Да видитъ Владиміръ что бѣда пришла;
Да говорилъ-де Чурилу таково слово:
«Да премладыи Чурило ты сынъ Плёнковичъ!
«Да больше въ домъ ты мнѣ не надобно.
«Да хоша въ Кіеви живи, да хоть домой поди.»
Да поклонъ отдалъ Чурила да и вонъ пошолъ.
Да вышелъ Чурило-то на Кіевъ градъ,
Да нанялъ Чурило тамъ извощика,
Да уѣхалъ Чурила на Почай на рѣку,
Да и сталъ жить быть а вѣкъ коротати.
Да мы со той поры Чурила въ старинахъ скажёмъ,
Да отнынѣ сказать а будемъ до вѣку.
А й дидп дидп дудай — болѣ впередъ не знай!

Записано тамъ же, 11 августа.

—

224.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Наканунѣ было праздника Христова дни,
Канунъ-де честнаго Благовѣщенья,
Выпадала порошица-де снѣгъ а молодой.
По той-де порохѣ по бѣлому по снѣжку
Да не бѣлый горносталь слѣды прометывалъ
Ходилъ-де гулялъ ужо купавъ молодецъ
Да на имя Чурило сынъ Плёнковичъ.
Да ронилъ ёнъ гвоздочики серебряные
Скобочки позолоченые
Да вслѣдъ ходя малые ребятушка
Да собирали гвоздочики серебряные,
Да тѣмъ-де ребята головы кормятъ
Да загулялъ-де Чурило ко Бермяты ко высокуй терему.
Да Бермяты во дому-де не случилосе,
Да одна Катерина прилучилосе.
Отворялось окошечко косивчатое,
Не бѣлая лебёдушка прокычала,
Говорила Катерина таково слово:
«Да удалый дородній добрый молодецъ!
«Да премладыи Чурила ты сынъ Плёнковичъ,
«Пожалуй ко мнѣ во высокъ терёмъ.»
Пришолъ-де Чурило во высокъ терёмъ,
Крестъ кладётъ по писаному,
Да поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
Кланяется да покланяется
На всѣ четыре на сторонушки,
Катерины Чурило и въ особину.
Да брала Катерина-та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина-та Микулична:
«Да премладыи Чурила ты сынъ Плёнковичъ!
«Да я тя поиграю, тебѣ Богъ проститъ,
«А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей.»
Да первой разъ игралъ Чурило ею матъ давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ сто рублей.
Да другой-де разъ игралъ, да ей другой-де матъ давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ двѣсти рублей.
Да третей-де разъ игралъ, да ей третей-де матъ давалъ,
Да взялъ съ Катерины денегъ триста рублей.
Да бросала-де Катерина доску хрустальную
Да шахматы бросала-де серебряные,
Да брала-де Чурила за руки за бѣлые,
Да сама говорила таково слово:
«Да ты премладыи Чурилушко сынъ Плёнковичъ!
«Да я не знаю играть съ тобою во шахматы,
«Да я не знаю глядѣть на твою красоту,
«Да на твои-ты на кудри на жёлтые,
«На твои-ты на перстни злачёные,
«Да помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
«Да помутились у меня-де очи ясные,
«Смотрячись-де Чурило на твою на красоту.»
Да вела ево во ложню во тёплую,
Да ложились спати во ложни тёплые,
Да на мякку перину на пуховую,
Да начали съ Чуриломъ забавлятисе.
Да была у Бермяты-де дѣвка черная его,
Да ходитъ она по терему, шурчитъ да бурчитъ:
— Хороша ты Катерина дочь Микулична!
— Еще я пойду къ Бермяты, навучу да намучу. —
Да тово Катерина не пытаючи,
Да во ложни съ Чуриломъ забавляется.
Да пошла-де дѣвка во Божью церковь.
Приходитъ-де дѣвка во Божью церковь,
Крестъ-отъ кладётъ и по писаному,

Да поклонъ-отъ ведётъ по ученому,
На вси стороны дѣвка поклоняется,
Да хозяину Бермяты-де въ особину:
— Ласковой мой хозяйнушко!
— Да старыи Бермята сынъ Васильевичъ,
— Да стоишь ты во церкви Богу молишься,
— Надъ собой ты незгоды-то не вѣдаешь.
— Да у тебя въ терему́ есть ужо гость гоститъ,
— Да не званый-де гость а не прика́зываной,
— Да съ твоею-то женою забавляется. —
Да говорилъ-де Бермята таково слово:
«Да правду говоришь, дѣвка, пожалую,
«А нѣтъ, тебѣ дуры сублю голову.»
Говорила-де дѣвка таково слово:
— Да мнѣ сударь не вѣришь, поди са́мъ а досмотрй. —
Да пошолъ-де Бермята изъ Божьей церквы,
Да пришолъ ко высокому ко терему,
Да застучалъ во кольцо-де во серебряное,
Спитъ Катерина не пробудится.
Да застучалъ-де Бермята во второй наконъ,
Да спитъ Катерина не пробудится.
Да застучалъ-де Бермята во третей наконъ,
Да изъ-за всей могуты де богатырскіе,
Теремы-ты всѣ да пошаталисе,
Маковки поламалисе.
Услышала Катерина та Микулична,
Да выбѣгала въ одной тоненькой рубашечкѣ безъ пояса,
Въ однѣхъ тоненькихъ чулошкахъ безъ чеботовъ,
Отпирала Катерина широкіе ворота,
Запущала Бермяту Васильевича.
Говорилъ-де Бермята таково слово:
— Что Катерина не снарядна идёшь?
— Сегодня у насъ вѣдь честной праздничёкъ.
— Честное Христово Благовѣщеньё. —
Да умѣо Катерина какъ отвѣтъ держать:
«Да ласковой мой хозяйнушко:
«Да старыи Бермята сынъ Васильевичъ,
«Да болитъ у м'ня буйна́я голова,
«Опущалась болѣсница ниже пупа и до пояса,
«Да во тѣ ли во нижніи чёрева,
«Не могу хорошо я обрядитися.»
Да пришолъ-де Бермята во высокъ терёмъ,
Да увидѣлъ-де платье всё Чурилово,
Да шапка, сапоги да всё Чурилово.
Говорилъ-де Бермята таково слово:
— Да хороша ты Катерина дочь Микулична!
— Да я этоё платье на Чурили всё видалъ. —
Да умѣе Катерина какъ отвѣтъ держать:
«Ласковой мой хозяйнушко,
«Старыи Бермята сынъ Васильевичъ!
«Да у моево родимаго у бра́телка,
«Да ко́нями съ Чурилой-то помѣняносе,
«Да цвѣтнымъ-то платьемъ побра́таносе.»
Да того-де Бермята не пытаючи,
Да беретъ-де со стопки саблю вострую,
Да идётъ-де Бермята въ ложню теплую.
Да увидѣлъ Чурила на кровати слоновыхъ костей,
На мяккой перины на пуховые.
Да не лучная зорюшка просвѣтила,
Да вострая сабелько прома́хнула,
Да не крущатая жемчужинка скатиласе,
Да Чурилова головушка свалиласе,
Да бѣлые горохъ а разстилается,
Да Чурилова кровь-и проливается,
Да по той-де по сёреды кирпичные
Да Чуриловы кудри валяютсе.
Да услышала Катерина та Микулична,
Да брала два ножа она, два вострые
Становила ножи чёренемъ во сыру́ землю,
Да разбѣгалась на ножики на вострые,
Да своею она грудью бѣлою.
Да подрѣзала жиліё ходячеё,
Да выпустила кровь-и ту горячую,
Да починуло двѣ головушки,
Да что хорошіе го́ловы не лучшіе.
Да старые Бермята сынъ Васильевичъ,
Да дождался Христова Воскресенья,
Да пропустилъ-де недѣлю ту онъ Свѣтлую.
Старую дѣвку чернавушку,
Да беретъ ёю за правую за ручеку,
Да сводилъ-де дѣвку во Божью церковь,
Да принялъ съ дѣвкой золотые вѣнцы,
Да сталъ жить быть да вѣкъ коротати.
Да мы съ той поры Бермяту въ старинахъ скажёмъ,
Да премла́даго Чурила сына Плёнковича.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

225.

ДЮКЪ.

Изъ славнаго города изъ Галича,
Изъ Волынь земли богатые,
Да изъ той Карелы изъ упрямые,
Да изъ той Сарачины изъ широки,
Изъ той Индѣи богатые,

ёнъ соколъ тамъ пролётывалъ,
бѣлой кречетко вонъ выпорхивалъ,
оѣхалъ удалой дородній доброй молодецъ,
ой боярской Дюкъ Степановичъ.
гуся ѣхалъ Дюкъ на лебедя,
сѣру пернасту малу утицу,
ь утра проѣхалъ день до вечера,
наѣхалъ нé гуся и не лебедя,
сѣрой пернастой малой утицы.
е разстрѣливалъ вѣдь Дюкъ-отъ триста стрѣлъ,
иста стрѣлъ ровно трй стрѣлы,
ой-то качатъ проговариватъ:
сѣмъ-то стрѣламъ я цѣну знаю,
ко трёмъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю.
ему эти стрѣлы были дороги?
отому эти стрѣлы были дороги,
ри гряночки были стрѣлы строганы,
зъ той тростиночки заморскіе.
ще не тѣмъ стрѣлы были дороги,
на три гряночки были стрѣлы строганы,
ѣмъ-де были стрѣлы дороги,
ны-де перомъ были сизá орла,
ого орла сиза орловича,
оторой летае по святой Руси,
ъ сорокъ, воронъ, черную галицу,
ово-де орла сиза орловича,
оторый летае по синю морю,
бьетъ-де онъ гуся да и лебедя
летаётъ садится на бѣлъ камень,
летъ ронитъ-де перьица орлиные,
тмётыватъ нá море на синеё.
ѣдутъ-де гости карабельщики,
азвозятъ тѣ перьица по всѣмъ ордамъ,
сѣмъ ордамъ по всѣмъ украинамъ,
тъ царей всё царевичёвъ,
тъ королей и королевичёвъ,
тъ сильнихъ могучихъ богатырёвъ.
ришли эты перья мнѣ въ дáровяхъ,
лъ-де я этымъ пéрьемъ трй стрѣлы.
ще не тѣмъ, братцы, были стрѣлы дороги,
перепы-де были перьемъ ещá орла, —
ѣмъ-де стрѣлы были дороги:
осъ и въ пяты втираны каменья яфанты.
стрѣла та лежитъ, такъ отъ ней лучъ печётъ,
о въ день отъ краснаго отъ солнышка,
ъ ночи то отъ свѣтлаго отъ мѣсяца.»
бралъ Дюкъ стрѣлы во единъ колчанъ.
ло то вѣдь, братцы, дѣется:
ту ли во суботу Великодённую
Да пріѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
Да ушли ко вéчерни ко Христовскіе.
Да пошолъ Дюкъ ко вéчерни Христовскіе,
Отстояли вéчерню въ церкви Божіей,
Да выходитъ-де Дюкъ изъ Божьéй церквы,
Становился на крылечки перёные.
Да выходитъ ево матушка изъ Божьéй церквы,
Да понизешенько Дюкъ поклоняется,
Да желтыма-ты кудрями до сырой земли,
Да и самъ говоритъ таково слово:
«Государыни ты свѣтъ а моя матушка!
«Да на всѣхъ городахъ, мать, много бывано,
«Да во городи во Кіеви не бывано,
«Да Владиміра князя мать не видано,
«Да государыни княгини свѣтъ Апраксіи.
«Дай мнѣ, матушко, прощенье-бласловленіе —
«Съѣздити во Кіевъ градъ,
«Повидати солнышка князя Владиміра,
«Государыню княгину свѣтъ Опраксію.»
Говорила ему мать да таково слово:
— Да свѣтъ ты моё чадо милоё,
— Да молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Да не ѣзди-тко ты ужо во Кіевъ градъ.
— Да живутъ тамъ люди всё лукавые,
— Изведутъ тебя добраго молодца,
— Бывъ хороша наливного яблока. —
Да говорилъ Дюкъ матери отвѣтъ держалъ:
«Да государыни моя ты родна матушка!
«Да дасй мать прощеньё — поѣду я,
«И не дасй мать прощенья — поѣду я.»
Да давала матушка прощеніё,
Да матушкино благословленіё,
Давала матушка плётоньку шелковую.
Да поклонъ отдáлъ Дюкъ прочь пошолъ,
Да ходилъ на конюшню стоялую,
Да выбиралъ жéребца себѣ неѣзжана,
Да изо стá бралъ да изъ тысячи,
Да и выбралъ себѣ бурушка косматаго.
Да у бурушка шорсточка трёхъ пядей,
Да у бурушка грива была трёхъ локотъ,
Да и фостъ-отъ у бурушка трёхъ сажёнъ.
Да уздалъ узду ему темняную,
Да сѣдлалъ ёнъ сѣделышко черкасское,
Да накинулъ попону пестрядиную,
Да строчена была попона въ три строки:
Да первáя строка краснымъ золотомъ,
Да другáя строка чистымъ сéребромъ,
Да третья строка мѣдью казаркою (sic).
Да котора-де была казарка мѣдь,
Да подороже ходитъ злата и серебра,
Да не дорога узда была въ цѣлу тысящу,

Да не дорого сѣдёлко во двѣ тысящи,
Да попона та была во три тысячи.
Спарядилъ-де Дюкъ лошадь богатырскую,
Да отходитъ прочь самъ посматриватъ,
Да посматриватъ Дюкъ поговариватъ:
«Да и конь ли лошадь, али лютой звѣрь,
«Да съ-подъ-наряду добра коня не видѣти.»
Да въ торока ты кладётъ платья цвѣтные,
Въ торока ты кладётъ калены стрѣлы,
Да въ торока ты кла́дётъ золоту казну,
Да скоро дѣтина забирается.
Забирался-де скоро на коня́ ли самъ сѣлъ,
Хорошо-де подъ нимъ добрый конь повысокочилъ,
Черезъ стѣну маше прямо городовую,
Черезъ высоку башню наугольнюю.
Да хорошо-де пошолъ въ поле добрый конь,
Да мети-ты мече онъ по́ версты,
Да мети-ты мече по двѣ версты,
Да по двѣ по три по пяти́-де вёрстъ.
Да повыше идётъ дерева жаровчата,
Да пониже иде облака ходячего,
Да онъ рѣки озёра межу ногъ пустилъ,
Да гладкіе мхи перескакивалъ,
Да синеё-то море кругомъ-де нёсъ.
Да налегала на молодца Горынь-змѣя,
Да о двѣнадцати зла де ли о хоботахъ,
Да и хочетъ добра коня огнёмъ пожечь.
Да добрый конь у змѣи ускакивалъ,
Да добра молодца у смерти унашивалъ.
Да налегалъ тутъ на мо́лодца лютый звѣрь,
Да хочетъ добра коня живкомъ сглотить,
Да со боярскимъ со Дюкомъ со Степановымъ.
Да доброй конь у звѣря́ ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да налетало на молодца стадо́ грачёвъ,
Да по нашему стадо черныхъ вороновъ,
Да хотятъ они молодца расто́ргнути.
Да доброй конь у грачёвъ ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да й тѣ заставы Дюкъ проѣхалъ вси,
Да на заставу пріѣхалъ на четвертую.
Да край пути стоитъ во поли бѣлъ шатёръ,
Во шатри́-то спитъ могучъ бо́гатырь,
Да старой-де казакъ Илья Муромецъ.
Да пріѣхалъ-де Дюкъ ко бѣлу шатру,
Да не съ разума слово зго́ворилъ:
«Да кто-де тамъ спитъ во бѣломъ шатрѣ,
«Да выходи-ко съ Дюкомъ поборотися.»
Да вставае Илья на чеботы сафьянные,
Да на сини чулки кармазинные,
Да выходитъ старикъ изъ бѣла шатра,
Да самъ говоритъ таково слово:
— Да я смѣю-де съ Дюкомъ поборотися,
— Поотвѣдаю-де Дюковой-то храбрости. —
Да одолила-де страсть Дюка Степанова,
Да падалъ съ коня Ильи во рѣзвы ноги,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
«Да одно у насъ на небеси-де солнце красное,
«Да одинъ на Руси-де могучъ богатырь,
«Да старо́й-де ка́закъ Илья Муромецъ!
«Да кто-де съ имъ смѣя поборотися,
«Тотъ боками отвѣдатъ матки тунъ-травы» (sic).
Да Ильи эти рѣчи полюбилисе,
Да и самъ говорилъ а таково слово:
— Да ты удалый дородній доброй молодецъ,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Да ты будёшь во городи во Кіеви,
— Да живутъ тамъ вѣдь люди всё лукавые,
— Да и станутъ налегать на тёбя молодца,
— Да ты пиши ярлы́ки скорописчаты,
— Да ко стрѣламъ ярлыки припечатывай,
— Да разстрѣливай стрѣлы во чисто́ поле.
— У меня-де летае младъ ясёнъ соколъ,
— Да собираетъ-де всѣ стрѣлы со чиста поля.
— Да пособлю-де я, дѣтина, твоему горю. —
Да поклонъ отдалъ Дюкъ на коня́ ли самъ сѣлъ,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Да пріѣхалъ онъ вѣдь во Кіевъ градъ,
Черезъ стѣну маше прямо городовую,
Да черезъ вы́соку башню наугольнюю,
Да пріѣхалъ ко палаты княженецкіе.
Соходилъ онъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня
Неприкована ево да непривязана,
Да пошолъ-де Дюкъ во высокъ терёмъ.
Да приходитъ Дюкъ во высокъ терёмъ,
Крестъ-отъ кла́дётъ по писаному,
Да поклоны ведетъ по учёному,
На всѣ стороны Дюкъ поклоняется,
Желтыма-ты ку́дрями до сырой земли.
Владиміра въ домѣ не случилосе,
Да однѣ какъ тутъ ходя люди странчіе.
Говоритъ туто Дюкъ таково слово:
«Да вы странчіе люди всѣ дворецкіе!
«Да гдѣ у васъ солнышко Владиміръ князь?»
Говорятъ ему люди странчіе:
— Да ты удалой дородній доброй молодецъ!
— Да изученье *) мы видимъ твое полное,
— Да не знамы тебя ни имени ни вотчины.

*) Образованіе.

— У насъ Владиміра въ домѣ не случилосе,
— Да ушолъ ко заутрени Христовоніе.—
Да больше Дюкъ не разговаривалъ,
Да выходилъ онъ на улицю паратную,
Да садился Дюкъ на добра коня,
Да пріѣхалъ къ со́бору Богородицы.
Соходилъ-де Дюкъ со добра коня,
Да оставливалъ онъ добра коня
Неприкована ево да непривязана,
Да зашолъ-де Дюкъ во Божью церковь.
Да крестъ-отъ кладётъ по писаному,
Поклонъ ведётъ по ученому,
Да на всѣ стороны Дюкъ а поклоняется,
Желтыма-ты ку́дрями до сырой земли.
Становился подлѣ князя Владиміра,
Промежду-де Бермяты Васильевича,
Промежду-де Чурила сына Плёнковича,
Да кланяется да поклоняется,
Да на платьё-де часто самъ посматриватъ.
«Да погода-та братцы была вёшная,
«Да я ѣхалъ мхами да болотами,
«Убрызгалъ-де я свое платьё цвѣтное.»
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово:
— Да скажись-ко у́далый дородній добрый молодецъ!
— Ты коей орды да коей земли,
— Тебя какъ молодца зовутъ по имени? —
«Да есть я изъ города изъ Галича,
«Изъ Волынъ-земли изъ богатые,
«Да изъ той Карелы изъ упрямые,
«Да изъ той Сорочины изъ широкіе,
«Да изъ той Индѣи богатые,
«Молодой-де боярской Дюкъ Степановичъ,
«Да на славу пріѣхалъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.»
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
— Да скажи удалый дородній добрый молодецъ!
— Да давно ли ты изъ города изъ Галича? —
Говоритъ-де Дюкъ ему отвѣтъ держитъ:
«Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да вечерню стоялъ я въ славномъ Галичѣ,
«Да ко заутрены поспѣлъ къ тебѣ во Кіевъ градъ.»
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
— Да до́роги ли у васъ кони въ Галичѣ? —
Да говорилъ Дюкъ Владиміру отвѣтъ держалъ:
«Да есть у насъ кони, сударь, по́ рублю,
«Да есть сударь кони по два рубли,
«Да есть по сту, по два, по пяти-де сотъ.
«Да своему-де я добру коню цѣны не знай,
«Да я цѣны не знай, бурку не вѣдаю.»
Говорилъ-де Владиміръ таково слово:
— Слушайте, братцы князи бояра!
— Да кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
— Да отъ Кіева до Галича много ль разстоянія?—
Говорятъ ему князи да и бояра:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да окольней дорогой — на шесть мисяцевъ,
«Да прямой-то дорогой — на три мисяца.
«Да были бы-де кони перемѣнные,
«Съ коня-де на́ конь перескакивать,
«Изъ сѣдла въ сѣдло лишь перемахивать.»
Да говорятъ ему князи да и бояра:
«Да свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да не быть тутъ Дюку Степанову,
«Тако быть мужичёнку засельщины,
«Да засельщины быть деревеньщины.
«Да жилъ у купца гостя торговаго,
«Да укралъ унёсъ платьё цвѣтное.
«Да жилъ у и́ного боярина,
«Да угналъ у боярина добра коня,
«На иной городъ пріѣхалъ и красуется,
«Надъ тобой-то княземъ надсмѣхается,
«Да надъ нами боярами пролыгается.»
Да отстояли оны заутрину въ церкви Божіей,
Да съ обиднею да святы́е честны́е молебены.
Выходили на улицу паратную,
Да на улици стоитъ народу и смѣты нѣтъ,
Да смотрятъ на лошадь богатырскую,
На ево-то снаряды молодецкіе.
Да садились ёны-де по добрымъ копямъ,
Да поѣхали къ высокому терему.
Да ѣдетъ-де Дюкъ головой качатъ,
Головой-то качатъ проговариватъ:
— Да у Владиміра всё а не по нашему.
— Какъ у насъ-то во городѣ во Галичѣ,
— Да у моей-то сударыни у матушки,
— Да мощёны-де были мосты всё дубовые,
— Сверху стланы-де сукна багрецовые.
— Напередъ-де пойдутъ у насъ лопатники,
— За лопатниками пойдутъ и метельщики,
— Очищаютъ дорогу су́кна стланаго.
— А твои мосты, сударь, неровные,
— Неровные мосты да всё сосновые. —
Да пріѣхали оны къ широкому двору,
Головой-то качатъ Дюкъ проговариватъ:
— Да хороша была слава́ на Владиміра,
— Да у Владиміра всё де не по нашему.
— Какъ у насъ во городи во Галичѣ,
— Да у моей-то сударыни у матушки,
— Надъ воротами было рамъ до семидесятъ.
— А у Владиміра того-де не случилосе,
— Да одна та икона была мѣстная. —

— Да описывать Дюково богачество,
— Да не описать будётъ. —
Да прощался Добрыня-то съ Дюковой матушкой,
Да садился Добрыня на добра коня,
Да поѣхалъ ко городу ко Кіеву.
Пріѣхалъ онъ въ славный Кіевъ градъ,
Да ко князю Владиміру,
Ярлыки на дубовъ столъ клалъ,
Словесно-то больше самъ розсказыватъ.
Тогда Дюкова правда сбывается,
Да будто вёшная вода розливается.
Да еще тутъ Чурилу стало зáзорко,
Да самъ говорилъ таково слово:
«Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
«Да когда же правдой дѣтина похваляется,
«Дакъ пусть со мной ударитъ о великъ закладъ:
«Скакать на добрыхъ коней,
«За матушку Почай рѣку,
«И назадь на добрыхъ коняхъ отскакивать.»
И ударились ёны о великъ закладъ,
Да не о стѣ оны и не о тысячѣ,
Да ударились оны о своихъ о буйныхъ головахъ:
Который изъ ихъ не перéскочитъ,
Дакъ у тово молодца голова срубить.
Премладыи Чурило-то сынъ Плёнковичъ,
Выводилъ-де Чурило тридцать жеребцовъ,
Изъ тридцати выбиралъ-де самодучшаго.
Да разганивалъ да онъ разъѣзживалъ,
Изъ дáлеча далéча изъ чиста поля,
Да скакалъ-де за матушку Почай рѣку.
Молодой-отъ боярской Дюкъ Степановичъ,
Да не разганивалъ да не разъѣзживалъ,
Да съ крýтого берегу коня своего приправливалъ,
Да скочилъ-де за матушку Почай рѣку,
И назадь на добромъ конѣ отскакивалъ,
И Чурила къ крýтому берегу притягивалъ.
Тогда выдéргивалъ Дюкъ-отъ саблю вострую,
Да хотѣлъ ему срубить буйну голову.
Тогда вступился князь и со княгиною,
Говорили Дюку Степанову:
— Удалый дородній добрый молодецъ!
— Не руби ты Чурилу буйной головы,
— Да спусти ты Чурила на свою волю. —
Тогда Дюкъ-отъ пипалъ Чурила правóй ногой,
Да улетѣлъ Чурило во чисто полé,
Да самъ говорилъ таково слово:
«А й де ты Чурило сухоногіе!
«Да поди щапи съ дѣвками да съ бабами,
«А съ нами съ добрыма мóлодцами.»
Да прощается Дюкъ-отъ со княземъ Владиміромъ,
Съ государынею княгиной Апраксіей:
«Да простите вы бояра всѣ Кіевски,
«Всѣ мужики огородники,
«Да споминайте вы Дюка вѣки нá вѣки.»
Да садился Дюкъ на добра коня,
Да уѣхалъ Дюкъ во свой Галичъ градъ,
Ко своей-то матушки сударыни,
Да сталъ жить быть, вѣкъ коротати.

Записано тамъ же, 11 и 12 августа.

—

XLIV.

ВОИНОВЪ.

Петръ Андреевичъ Воиновъ, крестьянинъ дер. Рыжкова на Свиномъ озерѣ (у Кенозера), высокій статный мужчина 59 лѣтъ, земледѣлецъ; въ молодости живалъ въ работникахъ у кенозерскихъ крестьянъ, между прочими — у Павла Семеновича, отца Сивцева (XLIII), отъ котораго и перенялъ нѣкоторыя былины; другимъ онъ научился отъ старика Захара Андреева, жившаго въ сосѣдней съ нимъ избѣ и занимавшагося плетеньемъ сѣтей; а этотъ Захаръ Андреевъ въ свою очередь научился былинамъ отъ того же Павла Сивцева. Петръ Воиновъ поетъ очень пріятнымъ голосомъ и складно; замѣчательно при этомъ, что былины у него не подвергались искаженіямъ, которыхъ можно бы было ожидать отъ обстоятельствъ его жизни: Воиновъ былъ долго въ Петербургѣ и служилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ артельщикахъ; во время крымской войны поступилъ въ ополченіе, гдѣ ему досталась честь быть знаменоносцемъ. По окончаніи похода, онъ возвратился на родину и сталъ крестьянствовать.

—

226.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ славнаго города изъ Кіева,
Выѣзжало двѣ поляницы двѣ удалые
А два сильные могучіе богáтыря.
Выѣзжали молодцы-де на Фаворъ-гору,
Розвернули мóлодцы бѣлой шатёръ,
Проспали-то дологъ день до вечера,
Да темнýю ночь да до бѣла свѣту.

ру на зо́рюшки на утреной,
ждается старые казакъ да Илья Муромецъ.
илъ Илья да таково слово:
ай-ко Добрынюшка Микитьевичъ!
то у насъ надъ бѣлымъ шатромъ да сдѣлалось?
етѣла вѣщая птица у насъ чёрный вранъ,
обнёшенько да онъ прокрикиватъ,
ю сказыватъ онъ вѣсточку нерадостну.
роѣхала ли поляница тутъ удалая,
е звѣрь ли подходитъ подъ добрыхъ коней?»
валъ Добрыня на рѣзвы ноги,
цилъ Добрыня изъ бѣла шатра,
дѣлъ на дорожку прямоѣзжую,
лъ въ чистомъ поли богатыря.
богатырь на добромъ кони,
рабрая поѣздка молодецкая,
ь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
-ты онъ скаче по цѣлой версты,
и-ты какъ доброй конь вымётыватъ
ѣлой овчины по барановой,
та у добра коня пламя́ машё,
ноздрей у коня да искры сыплются,
шей у коня да въ кудряхъ дымъ стаётъ.
атыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
а на кони да какъ лучи пекутъ,
тремену его да звѣзды сыплются,
ѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
стаётъ да ровно утренна.
а стремена борзой кобель проскакиватъ,
равомъ стремени сиди́тъ-то младъ сизо́й орёлъ,
рёлъ да всё насвистыватъ,
атъ, спотѣшаетъ онъ богатыря.
плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелётыватъ,
ъ уха въ ухо да висти перенашиватъ.
ъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшится,
етъ палочку подъ о́блака,
адь-то палка опущается,
а бѣлые руки подфатаючи,
рой земли не допускаючи.
одитъ подъ коней у нихъ лю́той звѣрь,
алъ Добрыня ко́ней ко бѣлу шатру,
палъ пшена да бѣлоярова.
цилъ Добрыня во бѣлой шатёръ,
илъ Добрыня таково слово:
къ ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
роѣзжала поляница тутъ удалая,
роѣзжалъ богатырь на добро́мъ конѣ.

— Его храбрая поѣздка молодецкая
— А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
— Скоки-ты онъ скаче по цѣлой версты,
— Слѣдки-ты какъ доброй конь вымётыватъ
— По цѣлой овчины по барановой,
— Изо рта у добра коня пламя́ машё,
— Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
— Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаётъ,
— У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
— А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
— Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
— Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
— Зоря стаётъ да ровно утренна.
— У лѣва стремена борзой кобель проскакиватъ,
— На правомъ стремени сиди́тъ-то младъ сизо́й орёлъ,
— Поё орёлъ да всё насвистыватъ,
— Улещатъ, спотѣшаетъ онъ богатыря.
— А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелётыватъ,
— Да изъ уха въ ухо да висти перенашиватъ.
— Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшится,
— Шибае онъ палочку подъ облака
— А назадь-то палка опущается
— Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
— До сырой земли не допускаючи.
— Подходилъ подъ коней у насъ лютой звѣрь,
— Забиралъ я коней ко бѣлу шатру,
— Насыпалъ пшена да бѣлоярова.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!
«Садись-ко ты да на добра коня,
«Поѣдь-ко ты да вслѣдъ съ угоною.»
Говорилъ Добрыня таково слово:
— Ужъ ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
— Мнѣ не дать на бога́тыря вѣдь напуску. —
Говорилъ Илья да таково слово:
«Ты худая поляница ты удалая!
«Выѣзжалъ ты въ чисто́ полё поляковать,
«Какъ наѣдешь въ чисто́мъ поли сильняй себя,
«А какъ съ тѣмъ ты будешь бой держать,
«Али ты ему будёшь покоръ держать?
«Поѣдь къ жены да къ своей матери,
«А ты мнѣ въ товарищи не надобно.»
А уздалъ Илья да тутъ добра коня,
Сѣдлалъ Илья да своего коня,
Садился Илья да на добра коня,
Поѣхалъ Илья да вслѣдъ съ угоною.
Пастигъ онъ богатыря въ чистомъ поли,

А ѣде богатырь на добромъ кони,
Его храбрая поѣздка молодецкая,
А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
Скоки-ты онъ скаче по цѣлой версты,
Слѣдки-ты какъ доброй конь выметывать
По цѣлой овчины по барановой,
Изо рта у добра коня пламя машё,
Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
Изъ ушей у коня да въ кудряхъ дымъ стаётъ.
У богатыря шишакъ на головы-де какъ огонь горитъ,
А узда на кони да какъ лучи пекутъ,
Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаётъ,
Зоря стаётъ да ровно утренна.
У лѣва стремена борзой кобель проскакиватъ,
На правомъ стремени сидитъ-то младъ сизой орёлъ,
Поё орёлъ да всё насвистыватъ,
Улещатъ, спотѣшаетъ онъ богатыря.
А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелётыватъ,
Да изъ уха въ ухо да висти перенашиватъ.
Сидитъ богатырь на добромъ конѣ самъ тѣшится,
Шибаетъ палочку подъ облака,
А назадь-то палка опущается,
Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
До сырой земли не допускаючи.
Тутъ Илья да пораздумался.
«Да и что мнѣ съ богатыремъ да будетъ дѣлати?
«Мнѣ-ка биться драться не стоять будё,
«А назадь отъѣхать дакъ не честь не слава молодецкая:
«Что настигъ я богатыря въ чистомъ поли,
«Да тутъ мнѣ съ богатыремъ не свидѣться,
«Не свидѣться не поздороваться.»
Зарыкалъ Илья да по звѣриному,
Засвисталъ Илья да по змѣиному,
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шарашишься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Налетѣла ворона порозграялась.»
А ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается.
Во-второй разъ зарыкалъ Илья да по звѣриному,
Засвисталъ Илья да по змѣиному,
Подъ богатырёмъ конь да на колѣни палъ.
Говорилъ богатырь таково слово:
— Ты мой доброй конь, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой доброй конь шарашишься,
— Пужаешься крику воронинаго.
— Налетѣла ворона поразграялась. —
Да ѣде богатырь не оглянется,
Впередъ богатырь подавается,
Да во третій разъ зарыкалъ Илья да по звѣриному,
Засвисталъ Илья да по змѣиному.
Подъ богатыремъ конь да на колѣна палъ,
Ударилъ богатырь тутъ добра коня да по тучнымъ бедрамъ.
— Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой добрый конь шарашишься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Видно мнѣ ворожишь да въ полону-де быть.—
Обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
Поѣхалъ на стрѣту къ Ильи Муромцу.
Они стали добры молодцы съѣзжатисе.
Будто двѣ сильніи горы вмѣсто свалилисе,
Будто два сильніи оболока вмѣсто солетѣлисе:
Два богатыря вмѣсто съѣзжалисе,
Они палками молодцы ударились,
А палки до рукъ поломалисе.
Да и копьями молодцы ударились,
А и копья въ кольцахъ попригнулисе,
А другъ-то друга вѣдь не ранили,
Да оба изъ сидѣлъ вонъ выпадали.
Пошли какъ онѣ на рукопашной бой,
Пошибъ-то богатырь Илью Муромца.
Садился богатырь на бѣлы груди,
Вынималъ ножище-то кинжалище,
Ево ладитъ пороть да груди бѣлые.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьёи матери?»
Говорилъ богатырь таково слово:
— А чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
Во-вторые разъ Илья да ево спрашивалъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьёи матери?»
Говорилъ богатырь таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно,
— Лежи подъ низомъ, когда-де Богъ убилъ. —
Да во третій разъ Илья да ево спрашивать:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьёи матери?»
Говорилъ богатырь таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —

видитъ Илья да неминучую,
ляетъ силу всю въ одно́ мѣсто,
лъ Илья да на праву́ руку,
авой руки́ подпи́сь подписана:
ю Ильи да смерть не писана.
лъ богатыря́ онъ за бѣлы груди,
ь сшибъ бога́тыря въ чисто полё.
валъ Илья да на рѣзвы ноги,
лъ богатыря́ да за желты́ кудри,
ь сшибъ бога́тыря подъ о́блака.
ь-то богатырь опущается,
а бѣлые руки подфатаючи.
вилъ богатыря́ онъ супротивъ себя,
сталъ бога́тыря онъ спрашивать,
ь сталъ бога́тырь ёму сказывать:
изъ за́падныхъ странъ, изъ Золото́й орды,
Петре царевичъ золотничанинъ.
спорожонъ отъ дѣвки Сиверьянчины *),
не знаю родитёли-то батюшка. —
лъ Илья да таково слово:
й ты удалый добрый молодецъ!
сь-ко ты да на добра коня,
ь-ко ты да къ ро́дной матушки,
и-тко ты да ей низко́й поклонъ
старо́ва казака Ильи Муромца.»
ся богатырь на добра коня,
каетъ богатырь къ родной матушки,
аетъ ево да родна матушка,
аетъ ево да середи двора.
ты ай ты дитя ты мое милоё!
у тя дитя да въ ли́цы кровь не та,
вился румянецъ во бѣломъ лицы.
но ты, дитя, да на побо́йщи былъ? —
лъ бога́тырь ро́дной матушки:
вѣтъ государынь мо́я матушка!
лъ я сегодня на побоищи.
ъ какъ я по чисту полю,
нгъ меня бога́тырь во чисто́мъ поли,
калъ бога́тырь по звѣри́ному,
сталъ богатырь по змѣиному,
мной доброй конь да на колёна палъ.
у я да не оглядаюсь,
ёдъ вѣдь я да подаваюсе.
второ́й разъ зарыкалъ богатырь по звѣриному
сталъ богатырь по змѣиному,
мной добрый конь да на колёна палъ.
у я да не оглядаюсь,
ёдъ вѣдь я да подаваюсе.

«И да во третій разъ зарыкалъ богатырь по звѣриному,
«Засвисталъ богатырь по змѣиному,
«Подо мной доброй конь да на колёна палъ,
«Тутъ ударилъ я добра коня да по тучнымъ бедрамъ.
— Ты волчья сыть, да травяной мѣшокъ!
— Чего ты мой добрый конь шарашишься,
— Пужаешься крику воронинаго,
— Видно мнѣ ворожишь да въ полону-де быть.—
«И обворачивалъ тутъ я добра коня,
«Поѣхалъ на стрѣту я къ богатырю.
«Какъ мы стали добры молодцы съѣзжатисе,
«Будто́ двѣ сильніи горы́ вмѣсто́ свалилисе,
«Будто два сильніи обло́ка вмѣсто солетѣлисе,
«Мы съ богатырёмъ вмѣсто съѣзжалисе,
«А палками мы съ нимъ какъ ударились,
«Да и палки до рукъ да поломались.
«А копьями мы какъ съ нимъ ударились,
«Да копья въ кольцакъ попригнулися,
«И другъ-то друга вѣдь не ранили,
«А оба изъ си́дѣлъ вонъ выпадали.
«Пошли мы какъ съ нимъ на рукопашной бой,
«Пошибъ вѣдь я да тутъ бога́тыря.
«Садился тутъ я на бѣлы груди,
«Вынималъ ножище-то кинжалище,
«Ево лажу пороть да груди бѣлые.
«Говорилъ богатырь тако́во слово:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьёи матери?
«Говорилъ вѣдь я да таково слово:
«А чортъ тебѣ мертвому и надобно.
«И во вторые разъ бога́тырь меня спрашивалъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьёи матери?»
Говорилъ вѣдь я да таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
«Да въ третей разъ богатырь меня спрашивалъ:
«Скажись удалой доброй молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца, да чьёи матери?»
Говорилъ вѣдь я да таково слово:
— Да чортъ тебѣ мёртвому и надобно. —
«Тутъ-то видитъ богатырь неминучую
«Сокопляетъ силу всю въ одно́ мѣсто,
«Ухватилъ меня онъ за бѣлы груди,
«А онъ сшибъ меня да во чисто полё.
«Выставалъ богатырь да на рѣзвы ноги,
«Ухватилъ меня онъ да за желты кудри,

ыла полянница какая-то, Богъ ее знаетъ.»

«Да и сшибъ меня онъ тутъ подъ óблака,
«Назадь какъ я тутъ опущаюсе
«Онъ на бѣлые руки подфатаючи,
«До сырой земли не допускаючи.
«Становилъ меня онъ супротивъ себя,
«А и сталъ меня онъ тутъ-то спрашивать,
«Да вѣдь сталъ-то я вѣдь ёму сказывать:
— Я изъ зáпаднихъ странъ, изъ золотóй орды,
— Я Петре царёвичъ золотничанинъ.
— Я спорожонъ отъ дѣвки Сиверьянчины,
— А не знаю родителя-то батюшка. —
«Говорилъ богатырь да таково слово:
««Да ты а й ты удалый добрый молодецъ!
««Садись-ко ты да на добра коня,
««Поѣдь-ко ты да къ рóдной матушки,
««Скажи-тко ты да ей низкóй поклонъ
««Отъ старóва казака Ильи Муромца.»»
Говорила ему да родна матушка:
— Да а й ты дитя ты мóе милоё!
— Ты бился съ родителёмъ вѣдь батюшкомъ.
— Когда ѣздила я во чистó полё поляковать,
— Съѣзжались мы съ нимъ на поединочку.
— Онъ меня побилъ, да тутъ и грѣхъ творилъ,
— Оттого ты дитя моё зарóжено. —
Говорилъ богатырь таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Поѣду я да на Фаворъ-гору,
«Предамъ ему да смерть я скорую.»
И обворачивалъ богатырь тутъ добра коня,
Пріѣзжаётъ къ Ильину да шáтру бѣлому,
Говорилъ богатырь таково слово:
— Стáвай, старая собака, ты сѣдатой пёсъ!
— Я предамъ тебѣ да смерть вѣдь скорую. —
Выставалъ Илья да на рѣзвы ноги,
Надѣвалъ халатъ да въ ростопашечку (sic),
Выходилъ Илья да изъ бѣла шатра,
Ухватилъ богатырá онъ за желты кудри,
Да онъ сшибъ богáтыря подъ óблака,
Да назадь богатырь опущается,
Онъ на бѣлые руки не подфатаючи.
Убился богатырь о сыру землю.
Говорилъ Илья да таково слово:
«Едино чадушко на сёмъ свѣтѣ зарожено,
«И тому отъ своихъ да рукъ и смерть пришла.»

Записано на Кенозерѣ, 10 августа.

—

227.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По трй годы. Добрынюшка стольничалъ,
По трй годы Добрыня приворотничалъ,
По три годы Добрынюшка чашничалъ.
На десятоё-то лѣто сталъ конёмъ владать,
Сталъ конёмъ владать Добрынюшка по городу гулять.
И матушка Добрынюшкѣ наказывала,
Государыни Добрыни наговаривала:
«Ужъ ты млаже Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Не ѣзди-тко Добрынюшка по городу гулять,
«Да не ѣзди-тко Микитинъ сынъ по Кіеву гулять.
«Ты не ѣзди-ко во улицы Игнатьевски,
«Да въ тѣ ли переулочки Маринкины.
«Да и та курвà Мариночка Игнатьевска,
«Да и сама курва Мариночка отравщичка,
«Она много отравила князей бояръ,
«А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ.
«Отравила она девять богатырей,
«Отравитъ тебя Добрыню во десятые.»
Да и матушки Добрынюшка не слушаё,
А поѣхалъ ли Добрынюшка по гóроду гулять,
Да поѣхалъ ли Микитинъ сынъ по Кіеву,
Заѣзжалъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
А во тѣ ли переулочки Маринкины.
А у той курвы Мариночки Игнатьевской,
Хорошо ли теремá да изукрашены.
Онъ увидѣлъ на Маринкиномъ тереми,
А сидятъ туто голубъ со голубкою,
Да носокъ къ носку сидя ликуются *),
А правильныма крылами обнимаются.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцо,
А натягалъ ли Добрынюшка свой тугой лукъ,
И да наклáдалъ ли Добрыня калену стрѣлу,
Да стрѣлялъ онъ тутъ во голуба съ голубкою.
Не попалъ тутъ онъ во голуба съ голубкою,
А попалъ онъ ко Маринки во высокъ терёмъ,
Да во то ли то въ окошечко косярчато (sic).
А разбилъ у ней околенку стекольчату,
А сломилъ у ней прицѣленку **) серебряну,
А убилъ онъ у Маринки дружка милаго,
А и младаго Тугарина Зміевича.
И та курвá Мариночка Игнатьевска,

*) Милуются.
**) Рама.

таласе въ окошечко по поясу,
ритъ курва́ Маринка таково слово:
й ты младые Добрынюшка Микитьевичъ!
ы на что стрѣлялъ во голуба съ голубкою,
е попалъ ты во голуба съ голубкою,
попалъ ко мнѣ ты во высокъ терёмъ,
а разбилъ у м'ня околенку стекольчату,
сломилъ у м'ня прицѣленку серебряну,
убилъ ты у меня да дружка милаго,
ладаго Тугарина Зміевича,
бирай-ко ты поди да тѣло мёртвоё.—
дилъ тутó Добрыня со добра коня,
овилъ тутъ онъ коня да ко точéному столбу,
ому ли то кольцу да золоченому.
дилъ-то Добрыня во высокъ терёмъ:
ты курва Мариночка Игнатьевска!»
таласе Мариночка за за́вѣсу,
нила ли Добрынюшку за завѣсу.
ндѣлъ туто Добрыня день до вечера,
другъ-то другу слова не прогóворили.
отолъ-то Добрынюшка изъ терема,
та курва́ Мариночка Игнатьевска,
брала то два ножика булатніе,
дрѣзала Добрынины слѣдочики,
лѣдамъ курва Маринка пригова́ривала:
ъ я рѣжу то Добрынины слѣдочики,
ъ бы рѣзала Добрынино сердечушко,
о мнѣ ли по Мариночкѣ Игнатьевской.»
ляла скоро печку муравленну,
етала-то Добрынины слѣдочики,
лѣдамъ курва Маринка пригова́ривала:
ъ горя этѣ Добрынины слѣдочики,
ъ горѣло бы Добрынино сердечушко.»
орѣлось у Добрыни ретиво сердцо
той ли по Мариночкѣ Игнатьевской.
тру вставае онъ ранёшенько,
проситъ онъ прощенія у матушки.
ы свѣтъ государынь моя матушка!
и дай-ко мнѣ прощеньицо женитися
на той ли на Мариночкѣ Игнатьевской.—
рила ли Добрыни родна матушка:
ъ ты младые Добрынюшка Микитинъ сынъ!
ь у князя ты женись, хоть у боярина.
ь у мужика женись ты у крестьянина,
дѣ дамъ тебѣ прощеніё женитися,
е дамъ тебѣ прощеньица женитися
а той курвы Мариночкѣ Игнатьевской.»
матушки Добрынюшка не слушаё,
дился ли Добрыня на добра коня,
оѣхалъ ли Добрынюшка по городу гулять.
калъ онъ тутъ во улицы Игнатьевски,
Да во тѣ ли переулки во Маринкины,
Соходилъ тутó Добрыня со добра коня,
Становилъ онъ тутъ коня да ко точеному столбу,
Ко тому ли то кольцу да золоченому,
Заходилъ ли то Добрыня во высокъ терёмъ.
А й та курва́ Мариночка Игнатьевска,
Она брала ли Добрыню за бѣлы руки,
Говорила ли Добрыни таково слово:
— Ужъ ты младые́ Добрынюшка Микитинъ сынъ!
— Топерь какъ я захочу, такъ тобóй поворочу.
— Обвернуть тебя туромъ да златорогіемъ,
— Отъ златорогаго тура поворотъ-отъ есть,
— Обвернуть тебя какъ жабой подколоднею,
— А отъ жабы подколодней повороту нѣтъ.—
А й тутъ курва́ Мариночка сдобри́ласе,
Обвернула-то туромъ да златорогіемъ,
Да спустила-то тура да во чисто полё.
А провѣдала Добрынюшкина матушка,
Пріѣзжала ко Мариночкѣ Игнатьевской,
Говорила ли Маринки таково слово:
«Ужъ ты ай Мариночка Игнатьевска!
«А ты много отравила князей бояръ,
«А поболѣ отравила удалыхъ молодцовъ,
«Отравила ты девять богатырей;
«Отравила ты Добрыню во десятые,
«Обверни́-тко ты Добрыню добрымъ мóлодцомъ,
«Я ти за Добрынюшку замýжъ возьму.
«Не обвернёшь ты какъ Добрыни добрымъ молодцомъ,
«Обверну тебя сорочкой вѣщицею.»
Да и тутъ курва Маринка перепаласе,
Обвернула-то Добрыню добрымъ молодцомъ.
А и та ли та Добрынюшкина матушка,
Обвернула-то Мариночку сорочкою,
Да и той ли то сорочкой вѣщицею,
Да спустила-то сорочку во чисто полё,
Съ-подъ гуме́ньица сорочекъ всѣхъ повы́гонила,
Изъ чиста́ поля сорочекъ всѣхъ повы́тащила.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

228.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Изъ-подъ бѣлыя березки кудреватыя,
Изъ-подъ чудна креста Леванидова,
Изъ-подъ святыхъ мощей изъ-подъ Борисовыхъ,
Изъ-подъ бѣлаго ла́тыря каменя,

Тутъ повышла, повышла-повыбѣжала,
Выбѣгала-вылегала матка Волга рѣка,
Широка матка Волга подъ Казань прошла,
Пошире того она подъ Вастракань.
Она много матка́ Волга въ собе рѣкъ побрала,-
Побольше того она ручьёвъ пожрала,
Давала плеса она Дали́нскіе,
А горы-долы Сорочинскіе,
А мѣсто-то шла она три тысячи.
А выпала Волга въ море Чёрноё,
Да устьёвъ пустила ровно семдесятъ,
Широкъ перевозъ да подъ Новы́мъ-градомъ.
Да все это братцы не сказочка,
А все это братцы прибалуточка,
Теперь-то Добрынюшки зачинъ пошолъ.
Во стольнёмъ-то городи во Кіеви,
У ласкова князь у Владиміра,
Хорошъ погодился почестной пиръ,
На многіе князи на бо́яра,
На сильни могучіе бога́тыри,
На всѣ поляницы удалые.
Да дологъ день иде ко вечеру,
Почестной пиръ иде ко ве́селу,
А красноё солнышко ко западу.
Почестной пиръ иде па весели,
Владиміръ князь да роспотѣшился,
Онъ ходитъ по гряни по столовыи,
Да самъ государь выговариватъ:
«Вы сильни могучіе богатыри,
«Вы всѣ поляницы удалые!
«Постойте за вѣру христіанскую,
«За домъ Пресвятыя Богородицы,
«За меня за князя за Владиміра,
«За княгину Опракси-Тимоѳеевну,
«За вдовъ, за сиротъ и за безсчастныхъ жонъ,
«А пищетъ невѣжа за угрозою,
«Да проситъ невѣжа поединщика.»
А всѣ тутъ богатыри замолчали,
А бо́льшей тулится за среднево
А сре́дней тулится за ме́ньшево,
Отъ меньшево царю отвѣту нѣтъ.
Возговорилъ да Илья Муромецъ:
— Вы глупые русскіе богатыри!
— Хоть долго молчать, а слово говорить.
— Не давно братцы я изъ походу-то пришолъ,
— Я жилъ на дорожки сорочинскіе,
— На крѣпости-заставы богатырскіе,
— А бился я дрался съ поединщикомъ.
— Налетѣла невѣжа чернымъ ворономъ,
— Не покажется невѣжа на мои глаза,
— А я бы невѣжу изъ туга лука убилъ.—
Накинули службу-работушку
На млада Добрынюшку Микитича,
Тутъ здробѣло у Добрыни ретиво сердцо,
Помутились у Добрыни очи ясные,
Потемнѣлъ бѣлой свѣтъ во ясны́хъ оча́хъ.
Онъ со пиру пришолъ къ родной матушки,
Да не веселъ пришолъ не радошенъ.
Говорила Добрыни родна матушка:
«Да ай ты дитя мое милоё,
«Ты младой Добрынюшка Микитьевичъ!
«А что ты не веселъ со пиру пришолъ?
«Видно мѣсто тебѣ было не по вотчины,
«Али чара пива не рядомъ дошла,
«Али пьяница тобою осмѣялась,
«Али безумница прибезчестила.»
Говорилъ Добрыня родной матушки:
— Ты свѣтъ государынь родна матушка!
— А мѣсто-то мнѣ было по вотчины,
— И чара-то пива мнѣ рядомъ дошла,
— Да пьяница мной не осмѣялась,
— Безумница не прибезчестила.
— Спородила ты меня мать несчастливаго,
— А силою меня не сильнёго,
— Да смѣлостью меня не смѣлаго,
— Поѣздочкой меня не храбраго,
— Походочкой и не щапливаго,
— Басою-красой не красовитаго,
— Кудрями меня не кудреватаго,
— Богачествомъ не богатаго. —
Говорила Добрыни родна матушка:
«Да ай ты дитя ты мое милоё!
«Я бы рада спороди́ть дитя милоё,
«А силой въ Самсона Колыванова,
«А смѣлостью да въ Илью Муромца,
«Поѣздочкой въ Дюка Степанова,
«Походочкой въ Чурила Пленкова,
«Басой-красой въ Оси́па прекраснаго,
«Кудрями въ царища Кудреянища,
«Богачествомъ дитя милоё
«Въ Садка купца да новгородскаго,
«Таково тя Господь зародилъ.»
А про́спалъ Добрыня ночку тёмную,
Поутру Добрынюшка справляется,
Съ родителью матушкой прощается,
А паче то́во съ молодой женой.
И да наказывалъ Добрыня молодой жены:
— Да ай ты моя ты молода жена,
— А ты Катерина дочь Микулична!
— Какъ будётъ Добрынюшки три годы,
— А будётъ Добрынюшки шесть годовъ,
—Пройдетъ какъ Добрыни ровно девять лѣтъ

— Не будетъ не вѣсточка, не грамотка,
— Не низко близко челомбитьицо,
— Тогда Катерина и замужъ поди,
— Выбирай жениха собѣ по разуму.
— Не ходи не за князя, не за барина,
— А вѣдь ты за русскаго богатыря,
— Выбирай-ко богатыря противо меня.
— Не ходи Катерина дочь Микулична
— За вора Олёшу за Поповича.
— Олёша Поповичъ мнѣ крестовой братъ,
— Крестовой братъ и паче родчаго. —
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ Добрынюшка во чисто полё,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто полё,
Становился на дорожку Сорочинскую,
На крѣпость-заставу богатырскую.
Онъ жилъ на дорожки ровно три года,
Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
Не сѣраго гуся пролётнаго.
А платье на молодци избилосе,
Надѣвалъ онъ платьица звѣриныя.
Захотѣлось Добрынюшки помытися,
Помытись Добрыни покупатисе,
Забродилъ онъ во матку во Пучай рѣку;
На ту ли-то пору да на то время
Налетѣла курва Яга-баба,
Падитъ Добрынюшку нага пожрать.
Говорилъ Добрыня таково слово:
— А й ты курва Яга-баба!
— Не честь не слава молодецкая
— Нагого богатыря въ воды пожрать.
— А дай-ко, курва, надѣтисе,
— Да дай-ко, курва, обутисе! —
Да дала Яга-баба надѣтисе,
А дала Яга-баба обутисе,
Совсѣмъ Добрынюшка справилсе.
А стали Добрыня съ бабой битисе,
Да бился Добрыня съ бабой шесть годовъ,
Не видѣлъ ни конного ни пѣшого,
Не сѣрого гуся пролётного,
Только видѣлъ Олёшу Поповича.
А ѣде Олёша изъ чиста поля,
Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
Пріѣзжалъ Олёша во Кіевъ градъ,
Приходилъ Олёша ко Владиміру,
Говорилъ Олёша таково слово:
«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
«Благослови государь меня женитисе
«На той Катерины на Микуличной.
«Я видѣлъ Добрыню бита ранена,
«Головою лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ,
«Ногами лежитъ да во кувыль траву,
«Да ружья, лука исприломаны,
«По сторонамъ лука исприметаны,
«А конь-отъ ходитъ въ широкихъ степяхъ.
«А летаютъ вороны-ты черные,
«А трынькаютъ тѣло Добрынино
«Нося суставы всё Добрынины.»
Говорилъ Владиміръ таково слово:
— Поди-тко Олёша ты къ ей сватайся.
— Буде добромъ идё, дакъ ей добромъ бери,
— Добромъ нейде, дакъ забоёмъ бери,
— Ты силой бери да богатырскою,
— Грозою бери да княженецкою. —
Приходилъ Олёша къ ей свататься.
Не поизволила Катерина тутъ замужъ итти.
Поизволилъ Владиміръ ей силомъ отдать,
Онъ силой отдать да богатырскою,
Грозою отдать княженецкою.
Севодня у нихъ рукобитьицо,
А завтра будетъ у нихъ свадебка.
По той ли по улки по Ильинскіи,
Не ясной соколикъ пролётывалъ,
Проѣзжалъ-пролегалъ тутъ старой казакъ.
Начальный богатырь Илья Муромецъ.
Проѣзжалъ Илья во чисто полё,
На ту на дорожку сорочинскую,
На крѣпость-заставу богатырскую,
Пріѣзжалъ ко Добрынюшки Микитичу.
Говорилъ Илья таково слово:
«А здравствуй Добрынюшка Микитьевичъ!»
Говорилъ Добрыня таково слово:
— А здравствуй любимый ты мой дядюшко,
— Начальный богатырь Илья Муромецъ! —
Тутъ-то спрашивалъ Добрынюшка про Кіевъ градъ,
Здорово ли живётъ да весь тутъ Кіевъ градъ
Перву говорилъ онъ висть нерадошну:
«Здорово живётъ да весь-то Кіевъ градъ,
«Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
«Твоя Катерина дочь Микулична,
«Выходитъ за вора Алёшу за Поповича.
«Не добромъ выходитъ, забоёмъ берё,
«Онъ силой берё да богатырскою,
«Грозою берё княженецкою.»
Говорилъ Добрыня таково слово:
— Да а й же ты любимый ты мой дядюшка,
— Начальный богатырь Илья Муромецъ!
— Пособи-тко убить курвы Ягой бабы. —
Говорилъ Илья да таково слово:
«Да а й ты Добрынюшка Микитьевичъ!
«Не честь не слава молодецкая

«Двумъ богатырямъ биться съ ódной бабою.
«А бей-ко ты бабу по бáбьему,
«По титькамъ бей да и пóдъ гузно.»
Да спомнилъ онъ старые ухваточки,
А сталъ бить по титькамъ да и пóдъ гузно,
Убилъ онъ курву Ягу-бабу.
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Кричитъ онъ вопитъ лучше старого,
Поѣздку кажетъ лучше прéжнёго,
Да прямо-то ѣде онъ во Кіевъ градъ.
Пріѣзжалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Скакалъ черезъ стѣну городовую,
Черезъ высоки башни наугольніе,
Да прямо-то ѣдё онъ ко терему,
Ко своéй родители матушки.
Пріѣзжалъ Добрынюшка ко терему,
Соходилъ Добрыня со добра коня,
Заходилъ Добрыня во высокъ теремъ,
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ выводитъ до сырой земли,
А бьетъ челомъ да на вси стороны,
Родители матушки въ особину.
— А здравствуй родитель моя матушка! —
Говорила Добрыни родна матушка:
«Ты здравствуй удалый добрый молодецъ!
«Хоть Добрынюшкой ты пазываешься,
«А нѣту Добрыни жива нá свѣтѣ.
«А видѣлъ Олёша Поповичъ-отъ,
«Онъ видѣлъ Добрыню бита-ранена,
«Головою лежитъ да въ частъ ракитовъ кустъ,
«Ногами лежитъ да во кувыль траву,
«Да ружья, лукá исприломаны,
«По сторонамъ лукá исприметаны,
«А конь-отъ ходитъ въ широкúхъ степяхъ.
«А лéтаютъ вороны-ты черные,
«А трынькаютъ тѣло Добрынино,
«Носятъ суставы всё Добрынины.»
Скидалъ Добрыня до-нага платьё,
Показывалъ пятенца родимные.
Подъ той подъ правой подъ пазушкой
А было два пятенца два черные,
Два чéрные пятенца родимные.
Говорила Добрыни родна матушка:
— Теперь возсіяло красно солнышко
— Ты млáдой Добрынюшка Микитьевичъ!
— Какъ твоя-то вѣдь и молода жена,
— Твоя Катерина дочь Микулична,
— Выходитъ за вора Олёшу за Поповича.
— Не добромъ выходитъ забоёмъ берё,
— Онъ силой берё богатырскою,
— Грозою берё княженецкою.
— Вчерасе у нихъ рукобитьицо,
— Севодня-то у нихъ свадебка. —
Говорилъ Добрыня родной матушки:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«А дай-ко мнѣ доску гусельнюю,
«Да дай-ко мнѣ платье скоморошноё,
«А дай-ко шалыгу мнѣ корманную,
«Вѣсу̀ коѝ тянé полъ-семá пуда.
«Пойду я къ Олёшѣ на свадебку.»
А дала мать доску гусельнюю,
Да дала мать платье скоморошноё,
Да дала шалыгу корманную,
Вѣсу̀ коѝ тянé полъ-семú пуда.
Пошёлъ онъ къ Олёшѣ на свадебку,
Заходилъ онъ къ Олёшѣ во высокъ терёмъ,
Садился Добрыня на ошёсточёкъ *),
Натягалъ онъ струну про Кіевъ градъ,
Другую-ту про похожденьицо,
Выигрывалъ своё рожденьицо.
Никто-то въ пиру не догадается,
Одна Катерина догадалаcе:
«Не быть то весёлой скоморошины,
А быть то Добрынюшки Микитичу.»
Владиміру игра прилюбилаcе,
Говорилъ Владиміръ таково слово:
— Да а й ты весёла скоморошина!
— Садись, скоморохъ, за дубовой столъ,
— Первóе тѣ мѣсто подлѣ меня,
— Другóе мѣсто на лавочкѣ,
— А третье мѣсто куды самъ садись. —
Садился Добрыня на скамеечку,
Супротивъ Олёшиной молодой жены,
Супротивъ Катерины-то Микуличной.
Не долго сидѣлъ а слово выдумалъ:
«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
«Благослови, государь, слово молвити.
«За слово меня да не повѣсити.
«А пусть-ко Олёшина молода жена,
«Поднесётъ мнѣ чару зелена вина.»
Дакъ тутъ-то Олёшина молода жена,
Подносила чару зелена вина.
Берётъ онъ чару единой рукой,
Выпивалъ онъ чару на единой духъ,
На отместку наливалъ самъ чару зелена вина,
Подавалъ Катерины-то Микуличной,
Подавае чару выговариватъ:
«Ужъ ты а й ты Олёшина молода жена,
«А ты Катерина дочь Микулична!

*) противъ печи.

эй до дна — дакъ увидашь добра,
ипьешь до дна — дакъ не видать добра.»
ла до дна дакъ увидала добра:
вался перстень обручёныи,
мъ перстнемъ обручалисе
рымъ Добрынюшкой Микитичемъ.
стню она да догадалась,
Катерина взрадовалась,
тъ Катерина таково слово:
диміръ ты князь да столенъ-Кіевской!
гослови, государь, слово молвити,
слово меня да не повѣсити,
ъ не тотъ мой милъ да кой подлѣ сидитъ,
отъ мой милъ кой супротивъ сидитъ. —
лъ-ка чару зелена
прежній Добрынюшка Микитьевичъ,
алъ Добрыня со скамеечки,
онъ Олёшу за желты кудри,
тяне Олешу зъ-за дубоваго стола,
ибъ-то о середу кирпичную,
алъ шалыгу корманную,
талъ Олёшу покакивать *),
алъ Олеша поахкивать.
ъ шалышномъ бухканьѣ
шно Олёшина охканья.
ько Олёша женатъ бывалъ,
ися Олёша поскимился,
ь Олёша во монастыри.
ли Добрынюшка Микитьевичъ
ъ Катерину за праву руку,
Катерину къ родной матушки.
поры да съ того времени,
Добрыню старинной сказать,
ь сказать да ево до вѣку.

исано тамъ же, 10 августа.

—

229.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

стольнемъ-то во городи во Кіеви,
ова князя у Владиміра
ъ погодился почестной пиръ
огіе князи на бояра,
ьніе могучіе богатыри,
на поляницы удалые.
день иде по вечеру,
Почестной пиръ иде ко веселу,
Красное солнышко ко западу,
Почестной пиръ иде на весели,
Владиміръ князь роспотѣшился,
Выходилъ онъ на крылечко перёное,
Овалился о перила о точеные,
Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
Изъ далеча-далеча изъ чиста поля
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ,
Владиміру-то князю до сырой земли.
«Солнышко нашъ, Владиміръ князь!
«Дай, государь-царь, правой судъ
«На вора Чурила сына Пленковича.
«У насъ было на матки на Сароги на рѣки,
«Невѣдомые люди появилисе,
«Шелковы неводы запускивали,
«Грузивца были серебряные,
«Наплавки позолоченые.
«Рыбы сорогу *) повыловили,
«Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
«Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
«Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья.»
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ жалобу кладутъ,
Владиміру-то князю до сырой земли.
— Солнышко нашъ Владиміръ князь!
— Дай, государь-царь, правой судъ
— На вора Чурила сына Пленковича.
— У насъ было на матки на Сароги на рѣки
— Невѣдомые люди появилисе,
— Во тѣхъ ли во тихихъ во заводяхъ
— Гуся-лебедя повыстрѣляли,
— Сѣрую пернату малу утушку.
— Намъ, государь свѣтъ, улову нѣтъ,
— Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
— Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья. —
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Идутъ мужики и все Кіевляна,
Бьютъ они челомъ жалобу кладутъ,
Владиміру-то князю до сырой земли.
«Солнышко нашъ Владиміръ князь!
«Дай, государь-царь, правой судъ
«На вора Чурила сына Пленковича.
«У насъ было за городомъ за Кіевомъ,
«Во тѣхъ ли рощахъ во сосновыихъ,

*) колачивать.

*) плотва.

«Невѣдомые люди появилисе.
«Шелковы тéнета протягивали,
«Кунку и лиску повыловили,
«Бѣлаго заморскаго зáяца,
«Чернаго сибирскаго соболя.
«Намъ, государь-свѣтъ, улову нѣтъ,
«Тебѣ, государь, свѣжа куса нѣтъ,
«Намъ отъ тебя нѣтъ, сударь, жалованья.»
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
Кони подъ нимá однокáріе были,
Жéребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскіё,
Сѣделышка были нá золоти.
Мóлодцы на коняхъ одномѣрные,
Платьё у нихъ однопарное,
Кожáны-ты на молодцахъ лосиные,
Кафтаны-ты на молодцахъ голýбъ скурлатъ,
Источниками-де *) подпоясалисè,
Шляпы на главахъ золоты вёршки,
Камзолы-ты штаны голоплйсовые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Дóрога сафьяну турецкаго,
Бáского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нимá бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
Ѣздя по городу уродствуютъ,
Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
Бѣлую капусту повыломали,
Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили.
Собиралисе князьё всё и бояре,
Всё ли то купцы всё торговые,
Всё ли мужики огородники.
Бьютъ они челомъ, жалобу кладутъ,
Владиміру-то князю до сырой земли.
— Солнышко нашъ Владиміръ князь!
— Дай, государь-царь, правой судъ
— На вора Чурила сына Пленковича.
— У насъ было во городи во Кіеви,
— Невѣдомые люди появилисе,
— Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ,
— Кони подъ нимá однокáріе были,
— Жéребцы всё латынскіе,
— Узды, повода сорочинскіё,
— Сѣделышка были нá золоти.

*) не знаетъ.

— Мóлодцы на коняхъ одномѣрные,
— Платьё у нихъ однопарное,
— Кожáны-ты на молодцахъ лосиные,
— Кафтаны-ты на молодцахъ голýбъ скурлатъ,
— Источниками-де подпоясалисè,
— Шляпы на главахъ золоты вёршки,
— Камзолы-ты штаны голоплйсовые,
— Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
— Дóрога сафьяну турецкаго,
— Бáского покрою нѣмецкаго,
— Крѣпкого шитья ярославскаго.
— Кони подъ нимá бы соколы летя,
— Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
— Ѣздя по городу уродствуютъ,
— Лукъ и чеснокъ весь повыщипали,
— Бѣлую капусту повыломали,
— Красныхъ-то дѣвокъ къ сорому-де привели,
— Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
— Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. —
Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
«Глупые князьё всё и бояра,
«Неразýмные купцы всё торговые!
«На ково мнѣ-ка дать, сударь, правой судъ.
«Не знаю я Чурила гдѣ дворомъ стоитъ,
«Не знаю я Чуриловой поселицы.»
Говорятъ-то князьё всё и бояра:
— Знаемъ мы Чурила гдѣ дворомъ стоитъ,
— Знаемъ мы Чурилову поселицу,
— Живётъ-то Чурилушка не въ Кіеви,
— Живётъ-то Чурилушка за Кіевомъ,
— Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
— Около двора всё булатній тынъ,
— Верхй-ты были всё точёные,
— Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
— Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
— На дворѣ есть теремовъ до семй ихъ сотъ.—
Подымается Владиміръ во чистó полё,
Подымается къ Чурилушку посéлицы глядѣть.
Садился Владиміръ на добрыхъ коней,
Пріѣзжае ко Чурилову широкому дворý,
Говорилъ-отъ Владиміръ таково слово:
«Какъ говорили мужики такъ и сдѣлалось.
«Есть туто дворъ на семи верстахъ,
«Около двора всё булатній тынъ,
«Верхй-ты были всё точёные,
«Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
«Надъ воротами иконъ до семидесятъ,
«На дворѣ есть теремовъ до семй ихъ сотъ.»
Изъ того ли изъ Чурилова широкаго двора
Выходилъ тутъ старые матерый человѣкъ,
Шуба-та на старомъ соболиная,

дорогимъ подъ зеленымъ подъ знаметомъ,
зки всё вольячные,
то вольякъ красна золота,
ому ли-то по яблоку по любскому.
ьки изъ семи шелковъ,
а-та на старомъ съ полимажами.
ылъ туто старой таково слово:
адиміръ ты нашъ князь столенъ-кіевской!
сти-тко ты, пожалуй во высокъ терёмъ —
лба ты соли покушати
лаго-то лебедя порушати. —
ылъ тутъ Владиміръ таково слово:
же ты старые матерый человѣкъ!
знаю тебя, старый, какъ по имени зовутъ,
знаю тебя, старый, по отечеству.»
ылъ туто старый таково слово:
адиміръ ты нашъ князь столенъ-кіевской!
то вѣдь Плѣнкъ, сынъ Сарожанинъ,
Сароги со рѣки, Чуриловъ батюшко. —
олъ-то Владиміръ на широкой дворъ:
рила первы сѣни рѣшетчатые,
рила други сѣни серебряные,
рила третьи сѣни были на золоти.
цилъ-то Владиміръ во высокъ терёмъ,
ерему полъ-середа одного серебра,
ы потолокъ красна золота,
еби сонце и въ тереми сонце,
еби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
еби звѣзды розсыплются,
еремы звѣзды розсыплются,
небесная луна въ терему приведена.
ися Владиміръ за дубовой столъ:
ь-отъ вѣдь идё у нихъ въ полъ-стола,
-отъ вѣдь идё у нихъ въ полъ-пира.
ное солнышко ко западу,
стной идё на весели,
иміръ князь роспотѣшился,
нулъ онъ въ окошко косѣрчатоё,
ѣлъ онъ въ поли толпа-де молодцовъ,
молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
подъ нима однокаріе были,
ебцы всё латынскіе,
повода сорочинскіё,
лышка были на золоти.
одцы на коняхъ одномѣрные,
ьё у нихъ однопарное,
ны-ты на молодцахъ лосиные,
аны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
чниками-де подпоясалисё,
пы на главахъ золоты вёршки,
олы-ты штаны голоплисовые,

Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ.
Дорога сафьяну турецкаго,
Баского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нима бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя.
Владиміръ князь исполошался,
Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
«А й же ты старые матерый человѣкъ!
«Чья эта сила появиласе?
«Не царь ли съ ордой, не король ли съ Литвой
«Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
«На любимые Забавны на племянницы?»
Говорилъ туто старый таково слово:
— Не пужайся, Владиміръ, не полошайся!
— Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой,
— Не думные бояринъ да не сватовщикъ
— На любимые Забавнѣ на племянницы,
— А ѣдутъ то Чуриловы всё стольники. —
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появиласе,
Есть молодцовъ до пяти ихъ сотъ.
Кони подъ нима однорыжи бѣжа,
Жеребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскіё,
Сѣделышка были на золоти.
Молодцы на коняхъ одномѣрные,
Платьё у нихъ однопарное,
Кожаны-ты на молодцахъ лосиные,
Источниками-де подпоясалисё,
Кафтаны-ты на молодцахъ голубъ скурлатъ,
Шляпы на главахъ золоты вёршки,
Камзолы-ты штаны голоплисовые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
Дорога сафьяну турецкаго,
Баского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нима бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя.
Владиміръ князь исполошался
Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
«А й же ты старые матерый человѣкъ!
«Чья это за сила появиласе?
«Не царь ли съ ордой, не король ли съ Литвой,
«Не думные бояринъ ли не сватовщикъ
«На любимые Забавнѣ на племянницы?»
Говорилъ туто старый таково слово:
— Не пужайся Владиміръ, не полошайся!
— Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой,
— Не думные бояринъ да не сватовщикъ
— На любимые Забавнѣ на племянницы,

— А ѣдутъ то Чуриловы все ключники.—
Та толпа-то на дворъ прошла,
Новая изъ поля появилась,
Есть молодцовъ ихъ до тысячи.
Кони подъ нима̀ однобу́ры бѣжа̀,
Же́ребцы всё латынскіе,
Узды повода сорочинскіё,
Сѣделышка были на́ золоти.
Мо́лодцы на коняхъ одномѣ́рные,
Платьё у нихъ однопарное,
Кожа́ны-ты на молодцахъ лосиные,
Кафтаны-ты на молодцахъ голу́бъ скурлатъ,
Источниками-де подпоясалисе,
Шляпы на главахъ золоты́ вёршки,
Комзолы-ты штаны голопли́совые,
Сапожки на ножкахъ зеленъ сафьянъ,
До́рога сафьяну турецкаго,
Ба́ского покрою нѣмецкаго,
Крѣпкого шитья ярославскаго.
Кони подъ нима́ бы соколы летя,
Молодцы на коняхъ какъ свѣчи горя,
Середній ѣде улицею мо́лодецъ,
Съ коня-то онъ на ко́нь переска́киваё,
Черезъ три-то онъ коня да на четвёртого.
Говорилъ тутъ Владиміръ таково слово;
«А й же ты старые матёрый человѣкъ!
«Что это ѣде за мо́лодецъ?»
— Не пужайся, Владиміръ, не полошайся,
— Ѣде мой сынишко безгодные,
— Младые Чурилушко сынъ Пленковичъ. —
Заслышалъ-то Чурило немилы́хъ гостей,
Бралъ туто Чурило золоты ключи,
Заходилъ-то Чурило во глубокъ погрёбъ,
Бралъ-то Чурила золотой казны,
Да бралъ-то Чурилушка куни́цъ и лисицъ,
Бѣлыхъ заморскихъ-то заяцовъ,
Князей-то дарилъ да онъ куницами,
Куницами дарилъ да лисицами,
А мужиковъ-то дарилъ онъ золотой казной.
Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
«Младый ты Чурилушко сынъ Пленковичъ!
«Много на тебя было просителей,
«Теперь больше того благодателей.»
Съ той поры съ того времени
Стали Чурила стариной сказать.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

230.

ДЮКЪ.

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ той Волыни земли ~~богатыя~~,
Изъ той Корелы изъ проклятыя,
Да не бѣлъ кречетушко выпо́рхивалъ,
Не бѣлъ горносталюшко проскакивалъ,
Не ясенъ соколикъ тутъ пролётывалъ,
Проѣзжалъ удалой доброй молодецъ,
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
Ѣздилъ Дюкъ да ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охвотами,
Охвотникъ стрѣлять былъ гусей лебедей
А сѣрыхъ пернатыхъ малыхъ утушекъ.
Онъ днёмъ стрѣлялъ, ночью стрѣлы сбиралъ,
Гдѣ стрѣла лежитъ, дакъ будто жаръ горитъ.
А выстрѣлялъ Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
А и триста стрѣлъ да ровно три стрѣлы,
Не убилъ ни гуся и не лебедя,
Не сѣрой пернатой малой утушки.
Собиралъ онъ стрѣлочки въ одно мѣсто,
Нашолъ-то Дюкъ да ровно триста стрѣлъ,
Не могъ найти онъ ровно трёхъ-то стрѣлъ.
Отошолъ-то Дюкъ, а самъ дивуется:
«Всѣмъ тремъ-стамъ стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
«А й тремъ стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
«Которыи стрѣлки потерялися.»
А точёны стрѣлки на двѣнадцать гранъ,
Да точёны стрѣлки позолочёны,
Пе́рены были перьями сиза орла,
Не тотъ орёлъ, кой по полямъ летатъ,
А тотъ орёлъ, кой по морямъ летатъ,
Летатъ орёлъ да за синимъ моремъ,
Дѣтей выводитъ на синимъ мори,
На бѣломъ латыри на камени.
Ѣхали гости карабельщики,
Нашли три пе́рышка орлиныи,
Приносили Дюку пе́рышка во даровахъ.
Садился Дюкъ да на добра коня,
Поѣхалъ Дюкъ да въ свою сторону.
Онъ ѣхалъ путёмъ-дорожкою широкою,
Настигъ тридцать каликъ да со каликою,
Кричитъ онъ во́питъ зычнымъ го́лосомъ:
«Али воры вы, али разбойники,
«Али вы ночныи подорожники,
«Али вы церковныи грабители?»

Говоря калики перехожіе:
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Мы не воры идёмъ, да не разбойники,
— А и мы не ночныи подорожники,
— Да мы не церковныи грабители.
— Идёмъ мы калики перехожіе,
— Идёмъ калики мы изъ Кіева,
— Идёмъ мы калики въ славный Галичъ градъ,
— Во ту Индѣрію широкую. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«А й вы, ай калики перехожіе!
«Скажите вы да мнѣ повѣдайте:
«А много ли отъ Галича до Кіева да розстояньица?»
Говоря калики перехожіе:
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— А отъ Кіева до Галича розстояньица:
— Пѣшо́ итти будё на цѣлой годъ,
— А конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
— Чтобы кони были перемѣнные,
— А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.
— На прямой дорожкѣ три заставушки:
— Перва́я заставушка — Горынь-змѣя,
— Горынь-змѣя да змѣя лютая,
— Змѣя лютая, змѣя пещерская.
— Другая заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко лютыхъ грачёвъ,
— По русски́ назвать дакъ черныхъ вороновъ.
— А тре́тья заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко лютыхъ гонцёвъ,
— По-ру́сски-то назвать дакъ сѣры́хъ волковъ.
— Четвёрта заставушка великая —
— Стоитъ шатёръ да во чистомъ поли,
— Стоитъ богатырь во бѣло́мъ шатрѣ. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Спасибо калики перехожіе!»
Поѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
Пріѣхалъ Дюкъ во славной Галичъ градъ,
Простоялъ Христосскую вечеренку.
Приходилъ-то Дюкъ да къ родной матушкѣ,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Мнѣ-ка дай прощеньицо благословлёньицо,
«Мнѣ-ка ѣхать Дюку во столенъ Кіевъ градъ.»
Говорила Дюку родна матушка:
— Да ай ты дитя, ты моё милоё,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ:
— Я не дамъ прощеньица благословленьица
— Тебѣ ѣхать Дюку въ столенъ Кіевъ градъ,
— Не поспѣть къ христосскіи заутрены.
— Пѣшо итти буде на цѣлой годъ,
— Конёмъ-то ѣхать на три мѣсяца,
— Чтобы кони были перемѣнные.
— А прямой дорожкой дакъ проѣзду нѣтъ.
— На прямой дорожкѣ три заставушки:
— Три заставы вѣдь великія:
— Перва́я заставушка — Горынь-змѣя,
— Горынь-змѣя да змѣя лютая,
— Змѣя лютая, змѣя пещерская.
— Другая заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко лютыхъ грачёвъ,
— По-русски́ назвать дакъ черныхъ вороновъ.
— А тре́тья заставушка великая —
— Стоитъ-то стадушко лютыхъ гонцёвъ,
— По-ру́сски-то назвать дакъ сѣры́хъ волковъ.
— Четверта заставушка великая —
— Да той заставушки минуть нельзя:
— Стоитъ шатёръ да во чистомъ поли,
— Стоитъ богатырь во бѣломъ шатрѣ. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Мнѣ-ка дай прощеньицо благословленьицо,
«Мнѣ-ка ѣхать Дюку въ столенъ Кіевъ градъ.
«Во всѣхъ градахъ у м'ня побывано,
«А всѣхъ князьёвъ да перевидано,
«Да всѣмъ княгинамъ-то послужено,
«Въ одномъ во Кіеви не бывано,
«Кіевско́го князя-то не видано,
«Кіевской княгинѣ-то не служено.
Говорила Дюку родна матушка:
— Я не дамъ прощеньица благословленьица —
— Тебѣ ѣхать Дюку въ столенъ Кіевъ градъ.
— Какъ вѣдь ты дитя мое занословно,
— А занословно да фастоватоё,
— Пофасташь Дюкъ ты родной матушкой,
— Пофасташь Дюкъ да ты добрымъ конёмъ,
— Пофасташь Дюкъ да золотой казной,
— Пофасташь Дюкъ да платьемъ цвѣтнымъ,
— А во Кіеви люди всё лукавыи,
— Изведутъ тебя Дюка не за денежку. —
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Тѣмъ меня ты не уграживай.
«Даси́ прощеньицо — поѣду я,
«Не даси́ прощеньица — поѣду я.»
Говорила Дюку родна матушка:
— А й ты дитя, ты моё милое,
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Тебя Богъ проститъ Господь помилуётъ. —
Выходилъ-то Дюкъ да на широкій дворъ,
На ту конюшню на стоялую,
Выбиралъ коня да собѣ добраго,

Коня добраго да не ѣзжалаго,
Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
Да шерсть у бурушка по три пяды,
А грива у бурушка да трёхъ локотъ,
А фостъ у бурушка да трёхъ сажонъ,
А фостъ и грива до сырой земли,
Фостомъ слѣды да онъ запахиватъ.
Выводилъ коня да на широкой дворъ,
Каталъ-валялъ бурушка косматаго
Во той росы да во вечерніи,
А бралъ часту рыбью ту гребёночку,
Росчесалъ онъ бурушка косматаго,
Наклалъ онъ попону пестрядиную,
Въ три строки попона была строчена:
Перва строка да краснымъ золотомъ,
Друга строка да скатнимъ жемчугомъ,
А третья строка мѣдью казанскою.
Не тѣмъ попона была дорога,
Что въ три строки попона была строчена,
А тѣмъ попона была дорога,
Что всякима манерамы выплётана,
По денежку мѣста дакъ рублемъ купить.
А не тѣмъ попона была дорога,
Что всякима манерамы выплётана,
Да и тѣмъ попона было дорога:
Во ту попону пестрядиную,
Вплётано по камешку по яфанту,
По яфанту по самоцвѣтному.
Пекутъ лучи да солнопечные,
Не ради красы басы да молодецкіе,
А ради поѣздки богатырскіе,
Чтобы днемъ и ночью видно ѣхати.
Накинулъ Дюкъ да подсѣдельники,
Наклалъ сѣделышко черкасское,
Подпрягалъ подпруги богатырскіе,
Подпруги были изъ семи шелковъ,
А пряжицы были серебряны.
Спенёчки были всё булатніе,
Да шолкъ не трется и булатъ не гнется,
Красное золото не ломится.
Подвязалъ торока-ты онъ великіе,
Нагружалъ торока-ты золотой казны,
Золотой казны да платья цвѣтнаго.
Отошолъ-то Дюкъ, а самъ дивуется:
«Али добрый конь, али ты лютый звѣрь,
«Изъ-подъ наряду добра коня не видѣти.»
Садился Дюкъ да на добра коня,
Простился Дюкъ да со всѣмъ Галичемъ,
Съ родителью матушкой въ особинку.
А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
Не видѣли Дюковой поѣздочки,
Только дымъ стоитъ да во чистомъ поли.
А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ полъ-травы,
А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ травы,
Да ѣдетъ Дюкъ тутъ-то и въ полъ-лѣсу,
А ѣдетъ Дюкъ тутъ-то поверхъ лѣсу,
Повыше лѣсу-то стоячего,
Пониже облака ходячего.
Налегала на молодца Горынь-змѣя,
Горынь-змѣя да змѣя лютая,
Она ладитъ молодца съ конёмъ пожрать.
Отъ змѣи-то добрый конь ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Налетало на молодца стадо грачовъ,
По-русски назвать дакъ черныхъ вороновъ.
Отъ грачевъ-то добрый конь ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Налегало на молодца стадо гонцёвъ,
По-русски назвать дакъ то сѣрыхъ волковъ.
Отъ гонцёвъ-то добрый конь ускакивалъ,
Добра молодца у смерти унашивалъ.
Да тѣ три заставушки проѣхано,
Четвёртой заставушки минуть нельзя.
Доѣзжалъ до шатра бѣлополотняна,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
«Еще что въ шатрѣ да за невѣжа спитъ?
«А идётъ ли съ Дюкомъ вѣдь побитися,
«Да побитися съ нимъ поборотися?»
Говоритъ въ шатрѣ да не уступываетъ:
— А я-съ-то съ Дюкомъ вѣдь побитися,
— Да я-съ-то съ Дюкомъ поборотися,
— Я отвѣдаю Дюковой-то храбрости. —
Тутъ-то видитъ Дюкъ да что бѣда пришла,
А бѣда пришла бѣда не маленька.
Соходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
Онъ снимае шляпу съ буйной головы,
Да онъ бьётъ челомъ да до сырой земли.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово;
«Да едино солнышко на небеси,
«Единъ богатырь на святой Руси.
«Единъ Илья да Илья Муромецъ!»
Ильи тѣ рѣчи прилюбились,
Да то бралъ онъ Дюка за бѣлы руки,
Да заводилъ онъ Дюка во бѣлой шатёръ,
Говорилъ онъ Дюку таково слово:
— Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
— Какъ будешь ты Дюкъ теперь во Кіеви,
—На тебя какъ буде вѣдь незгодушка,
— Незгодушка безвременьицо,
— Тебя некому молодца повыручить,
— Дакъ стрѣляй-ко ты стрѣлочки калёныя,
— Ко стрѣламъ ты ерлычки припечатывай.

— У меня летае вѣдь сизо́й орёлъ,
— Сизо́й орёлъ да по чисту полю,
— Приноситъ онъ стрѣлочки въ бѣлой шатёръ.
— А тутъ я наѣду изъ чиста поля,
— А тутъ тебя молодца повыручу. —
Садился Дюкъ да на добра коня,
Уѣхалъ Дюкъ да въ столенъ Кіевъ градъ.
Пріѣхалъ Дюкъ во столенъ Кіевъ градъ,
А ѣде прешпехтами торговыма,
А всѣ тутъ купци да и дивуются:
«Вѣкъ-то этого молодца не видано.»
Ины говорятъ такъ вѣдь и видано.
И нашъ Чурилушко щапливѣе,
Нашъ Чурило щогольливѣе.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Да ай вы купци да вы торговыи!
— А и гдѣ вашъ солнышко Владиміръ князь?—
Говоря купци да всѣ торговыи:
«Да нашъ-отъ солнышко Владиміръ князь,
«А ушолъ Владиміръ во Божью церковь,
«Ко собору пресвятыи Богородицы.»
Соходилъ-то Дюкъ да со добра коня,
Пошолъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
Поставилъ коня своего добраго,
Не привязана да не прикована.
Приступили голи тутъ кабацкіе,
Да ладя съ коня они попону снять,
А доброй конь голямъ не давается,
Со голями конь да отдирается,
Не давае конь съ себя попоны снять.
Заходилъ-то Дюкъ да во Божью церковь,
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по учёному.
Бьётъ челомъ до на вси стороны,
Владиміру князю-то въ особинку:
— Здравствуй солнышко Владиміръ князь! —
Говорилъ Владиміръ таково слово:
«Ты здравствуй удалый добрый молодецъ!
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Коего отца да чьёи матери?»
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Изъ Волынца я города изъ Галича,
— Я изъ той Волынъ-земли богатыя,
— Изъ той Корелы изъ проклятыя,
— Молодой боярской Дюкъ Степановичъ.
Отстояли Христовскую обѣденку,
Пошли какъ они да изъ Божьей церквы,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышка Владиміръ князь.
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— Какъ у насъ во городи во Галичѣ,
— У моей государыни у матушки,
— У собора пресвятыя Богородицы,
— Мощены мосточки всё калиновы,
— А вбиты гвоздочки шоломчатые,
— Розстиланы сукна багрецовые.
— А у васъ въ городи во Кіеви,
— У собора пресвятыя Богородицы,
— Мощены мостишка все сосновые,
— Худые мостишка креневатые *),
— Креневаты мостишка виловатые,
— А вбиты гвоздишка деревяные. —
А и то ли князю за бѣдно́ стало.
Да идутъ по пришпехту по торговому,
А и добрый конь идётъ да на широкій дворъ.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Ты мой маленькой бурушко косматенкой!
— Помрёшь ты добрый конь да здѣся съ голоду,
— Какъ вѣдь брошено овсишка тебѣ зяблого.
— Во своёмъ ты городѣ во Галичѣ,
— У моей государыни у матушки,
— Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлоярова. —
А и то ли князю за бѣдно́ стало.
Заходилъ тутъ Дюкъ да во высокъ терёмъ,
Садился Дюкъ да за дубовый столъ.
Понесли какъ по чары пива пьяного,
Чару въ руку взялъ да онъ и въ ротъ не взялъ.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышко Владиміръ князь,
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— А у насъ во городѣ во Галичѣ,
— У моей государыни у матушки,
— Да то копаны по́гребы глубокіе,
— На цѣпяхъ-то бочки туды спусканы,
— Проведены трубы подземельные,
— Какъ повѣютъ вѣтры по чисту полю
— Во тѣ ли погребы глубокіе,
— На цѣпяхъ-то бочки зашатаются,
— Въ бочкахъ пиво-то да сколыбается,
— Оттого пива́ не затыхаются.
— Да чарку пьёшь, а другой хочется,
— По третьей-то такъ вѣдь душа горитъ.
— У васъ во городи во Кіеви,
— Да копаны погребы глубокіе,
— А спущены бочки ты да на́ землю,
— Вы пива пьете́ да вѣдь всё затхлые,

*) кренъ — косое дерево.

— Не могу я пива-то вѣдь въ ротъ-отъ взять.—
Да и то ли князю за бѣднó стало.
Понесли колачиковъ крупнсчатыхъ,
Колачъ въ руку взялъ, да онъ и въ ротъ не взялъ.
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
— А слава велика есть на Кіевъ градъ,
— На тебя-де солнышко Владиміръ князь,
— Какъ у васъ вѣдь всё да не по нашему.
— А у насъ во городѣ во Галичѣ,
— У моей государыни у матушки,
— Да то печки были всё муравленки,
— А поды́-ты были всё серебряны,
— Да помела были всё шелковые,
— Колачики да всё крупнсчаты.
— Колачикъ съѣшь, другаго хочется,
— По третьёмъ-то такъ вѣдь душа горитъ.
— А у васъ во городи во Кіеви,
— А то печки были всё кирпичные,
— Поды-ты были вѣдь все гнилянь,
— Помяла были всё сосновые,
— Колачики да вѣдь крупнсчаты,
— А колачики да пахнутъ па́ фою,
— Не могу колачика я въ ротъ-отъ взять. —
Да и то ли князю за бѣднò стало.
Изъ-за того стола изъ-за дубоваго,
Выставалъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.
Говорилъ Чурило таково слово:
«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
«Къ намъ не Дюкъ Степановичъ наѣхалъ-то,
«Налетѣла ворона погуменная.
«Да онъ у крестьянина да въ козакахъ живё,
«Да онъ у крестьянина коня угналъ,
«А и онъ у крестьянина животы накралъ.
«А тѣмъ животомъ онъ похваляется.»
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Да а й ты Чурило сухоногоё,
— Сухоного Чурило грабоногоё!
— Я своимъ имѣньицемъ-богачествомъ
— Да и вашъ-отъ весь я столенъ Кіевъ градъ
— Я продамъ имѣньемъ да и выкуплю. —
Говорилъ Чурило таково слово:
«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
«Посадимъ-ко мы Дюка во глубокъ погрёбъ.
«А пошлёмъ-ко Олёшу мы Поповича,
«Ко Дюку имѣньица описывать.»
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
— Не посылай-ко Олёшеньки Поповича,
— А Олёшино дѣло вѣдь поповское,
— Поповско дѣло не отважноё.
— Не описать имѣнья буде въ три годы,
— Во тѣхъ межахъ ему числа не дать.
— Пошли-тко Добрынюшку Микитича.
— Добрынино дѣло вѣдь купецкое,
— Купецко дѣло всё отважноё,
— Опишё имѣнье онъ и въ три часа. —
Посылали Добрынюшку Микитича.
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ Добрыня во сла́вной Галичъ градъ,
Пріѣхалъ Добрыня во славной Галичъ градъ,
Находилъ терема-ты самолучшіе.
Сходилъ Добрыня со добра коня,
Заходилъ Добрыня во высокъ терёмъ,
Онъ крестъ кладётъ да по писаному,
Поклонъ ведётъ да по учёному,
А бьётъ челомъ да на вси стороны.
Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,
Не много шолку вѣдь, вся въ золоти,
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»
Говоритъ жена да старо-матерна:
— А язъ-то Дюку вѣдь вѣдь не матушка,
— А язъ-то Дюкова колачница. —
Да и то ли Добрыни за бѣднò стало.
Выходилъ Добрыня на широкой дворъ,
Садился Добрыня на добра коня,
Отъѣзжалъ Добрыня во чисто поле,
Роздернулъ шатеръ бѣлополотняной,
И спалъ онъ дологъ день до вечера,
А темную ночь да й до бѣла́ свѣту.
Поутру вставае онъ ранёшенько,
Садился Добрыня на добра коня,
Пріѣзжалъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
Забирается да дальше прежняго.
Тутъ сидитъ жена да старо-матерна,
Не много шолку, вѣдь вся въ золотѣ.
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да ты здравствуй Дюкова ты матушка!»
Говоритъ жена да старо-матерна:
— Да ты здравствуй удалый добрый молодецъ!
— А язъ-то Дюку вѣдь не матушка,
— Да язъ-то Дюкова божатушка *). —
Говорилъ Добрыня таково слово:
«Да и ай ты Дюкова божатушка!
«Скажи мнѣ про Дюкову-ту матушку.»
Говоритъ жена да старо-матерна:
— Да и ай ты удалой доброй молодецъ!
— Да ты въ утри стань-ко ты ранёшенько,

*) крестная мать.

и стань въ церквы нищею каликою.
къ перва́я толпа пройдё метельщиковъ,
уга́ толпа пройдё лопатниковъ,
етья толпа пройдё подстельщиковъ,
стилаютъ сукна багрецовые,
утъ какъ тутова три женщина,
сутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной,
ёй-ко ты тутъ съ ней поздороваться. —
илъ Добрыня на широкой дворъ,
ся Добрыня на добра коня,
жалъ Добрыня во чисто полё,
рнулъ шатёръ бѣлополотняной,
алъ онъ дологъ день до вечера,
ную ночь да до бѣла свѣту.
у ставае онъ ранёшенько,
ся Добрыня на добра коня,
калъ Добрыня въ славной Галичъ градъ,
вился въ церквы нищею каликою.
толпа прошла метельщиковъ,
толпа прошла лопатниковъ,
я толпа прошла подстельщиковъ,
лаютъ сукна багрецовые,
какъ тутова три женщины,
ъ подзонтикъ-отъ подсолнечной.
алъ Добрынюшка на супротивочку,
алъ Добрыня таково слово:
ы здравствуй Дюкова ты матушка!
алъ вамъ Дюкъ по челомбитьицу,
ёмъ по поклону вамъ поставити.»
ила Дюкова-та матушка:
ты здравствуй удалой доброй молодецъ!
коей земли, да ты коей орды,
его отца да чьен матери? —
илъ Добрыня таково слово:
ъ славнаго города изъ Кіева,
одой Добрынюшка Микитьевицъ.»
яли соборную обѣденку,
и какъ оны да изъ Божьей церквы,
алъ Добрыня таково слово:
ы ай ты Дюкова ты матушка!
алъ-то Дюкъ да сынъ Степановичъ
го имѣньица описывать.»
го тутъ-то Дюкова-та матушка
а во клѣтку во сапожную,
гъ Добрыня сапоговъ-то онъ перечитать,
что перечитать, глазами-то переглядѣть,
сё сапоги да не держаные.
а во клѣтку во сѣдельнюю,
гъ Добрыня сѣделъ-то перечитать,
что перечитать, глазами-то переглядѣть,
ё эти сѣдла не держаные,
А кажно сѣдло стоитъ пятьсотъ рублей.
Завела во конюшню во стоялую,
Не могъ Добрыня жеребцовъ-то онъ перечитать,
Но то что перечитать, глазами-то переглядѣть,
Не какому жеребцу дакъ онъ цѣны не знать.
Завела во погребъ сорока сажонъ,
Не могъ-то бочекъ онъ перечитать,
Не то что перечитать, глазами-то переглядѣть,
Да полные бочки красна золота,
А все это злато не держаное.
Дакъ-то тутъ Добрыня пороздумался,
Списалъ онъ грамоту посольнюю:
«Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
«Пошли-тко бумаги сюды три воза,
«А пошли сюды да тридцать писчиковъ.
«Не описать имѣнья буде въ три года,
«Во тѣхъ межахъ буде числа не дать.»
Выпущали Дюка тутъ изъ погреба,
Да и тутъ Дюкъ съ Чуриломъ приросхвастались,
Ударили да о великъ закладъ,
О великъ закладъ, да о пятьсотъ рублей —
Щапить-басить да имъ по три года,
На каждый день да платья смѣнные.
Поручились по Чурилушки всѣмъ Кіевомъ,
Никто-то по Дюки не ручается.
А и то ли Дюку за бѣдно стало.
Выходилъ-то Дюкъ да на паревъ кабакъ,
А и бралъ онъ три бочки зелена вина,
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— А и ай вы голи вы кабацкіе!
— Да и пейте вино да вы безденежно,
— Ручайтесь по Дюкѣ по Степановѣ. —
Дакъ-то тутъ-то голи поручилисе.
И они стали щапить-басить по три года.
Прощапили пробасили они три года,
Пошли къ остатніи Христосскіи заутрены,
Снаряжаютъ Чурилушку всѣмъ Кіевомъ.
Обувалъ сапожки онъ зеленъ сафьянъ,
Да носъ-отъ шиломъ и пята востра,
Съ носу къ пяты хоть яицо кати.
И надѣвалъ кафтанъ онъ съ прозументами,
А да пуговки были вольячныи,
А литъ-то вольягъ да красна золота,
По тому ли яблоку по любскому,
А петельки да изъ семи шелковъ,
Наклáдалъ шляпу съ полимажами.
Пошолъ Чурило во Божью церковь,
Всѣ Чурилу поклоняются.
Одинъ-то Дюкъ да снаряжается,
Обувалъ онъ лапти изъ семи шелковъ,
Таки были лапти востроносые,

Что вѣдь носъ-отъ шиломъ и пята востра,
Съ носу́ къ пяты хоть яицо кати;
Во тѣ во носы во лапотніе,
Вплётано по камешку по яфанту,
По яфанту по самоцвѣтному,
Пекутъ лучи да солнопечные,
Не ради красы-басы да молодецкіе,
А ради поѣздки богатырскіе,
Чтобы днёмъ и ночью видно ѣхати.
Надѣлъ Дюкъ шубу соболиную,
Подъ до́рогимъ подъ зеленымъ подъ зна́метомъ.
А пуговки были вольячные,
А литъ-то вольягъ да красна золота,
Петельки да изъ семи шелковъ,
Да въ пуговкахъ были левы́-звѣри,
А петелькахъ были люты́ змѣи.
Накладывалъ онъ шляпу семигрянчату (sic),
Пошолъ-то Дюкъ да во Божью церковь.
Зарыкали у Дюка тутъ левы́-звѣри,
Засвистали у Дюка тутъ люты́-змѣи,
Да всѣ тутъ въ Кіеви заслушались,
А всѣ тутъ-то Дюку поклонилися.
«Спасибо ты Дюкъ да сынъ Степановичъ!
«Перещапилъ Чурилушка ты Пленкова.»
Отстояли христосскую заутрену,
Пошли какъ онѣ да изъ Божьей церквы,
Да отобралъ Дюкъ съ Чурила тутъ великъ закладъ,
Великъ закладъ да вѣдь пятьсотъ рублей.
— Да ай ты Чурило сухоногоё!
— Сухоного Чурило грабоногоё!
— Баси ты Чурило передъ бабами,
— Передъ бабами да передъ дѣвками,
— А й съ нами съ молодцами ты и въ конъ нейди. —
Говорилъ Чурило таково слово:
«Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
«Ударимъ съ тобой мы о великъ закладъ,
«О великъ закладъ да о пятьсотъ рублей —
«Скакать-то намъ да на добрыхъ коняхъ,
«Черезъ ту ли скакать черезъ Пучай рѣку,
«А Пучай рѣка да ровно три версты.»
Поручились по Чурилушки всѣмъ Кіевомъ,
А никто-то по Дюкѣ не ручается.
Да голямъ-то болѣ не повѣрили,
А и то ли Дюку за бѣдно́ стало.
Выходилъ-то Дюкъ да на широкой дворъ,
Стрѣлялъ онъ стрѣлочки каленые,
Ко стрѣламъ ерлычки припечатывалъ.
Изъ того ли поля-то изъ чистаго,
Наѣзжалъ старые казакъ да Илья Муромецъ,
Поручился по Дюкѣ по Степановѣ.
Выбиралъ Чурилушко добра коня,
Добра коня да улетуника,
По чисту полю да сталъ розганивать,
А розганивалъ да онъ розъѣзживалъ.
Приправилъ Чурилушка черезъ Пучай рѣку,
Скочилъ Чурило за Пучай рѣку.
Назадъ Чурило сталъ отскакивать,
Упалъ Чурило о полу рѣки.
Молодой боярской Дюкъ Степановичъ,
Садился Дюкъ да на добра коня,
Не розганивалъ да не розъѣзживалъ,
Приправилъ Дюкъ черезъ Пучай рѣку,
Перескочилъ-то Дюкъ черезъ Пучай рѣку.
Назадъ-то Дюкъ да сталъ отскакивать,
Хватилъ Чурила за желты кудри,
А сшибъ Чурила на крутъ бе́режокъ,
Да й бралъ съ Чурила онъ великъ закладъ,
Великъ закладъ да онъ пятьсотъ рублей,
И сталъ подъ жопу-ту попинывать.
— Да ай ты Чурило сухоногоё,
— Сухоного Чурило грабоногоё!
— Баси ты Чурило передъ бабами,
— Передъ бабами да передъ дѣвками,
— А съ нами съ молодцами ты и въ конъ нейди.—
Говорилъ Владиміръ таково слово:
«Молодой ты боярской Дюкъ Степановичъ!
«Гости-тко, пожалуй во высокъ теремъ,
«А хлѣба соли ты покушати,
«А бѣлаго лебедя порушати.»
Говорилъ-то Дюкъ да таково слово:
— Владиміръ ты князь да столенъ-кіевской!
— Какъ вѣдь съ у́тра солнышко не спекло,
— Подъ вечеръ со́лнышко не огрѣё.
— На пріѣздѣ молодца ты не учостовалъ,
— А теперь на поѣздѣ не учостовать,
— А будь-ко свинья да ты безпорстная. —
Скоренько садился на добра коня,
А видѣли Дюка на коня гдѣ сѣлъ,
Не видѣли Дюковой поѣздочки.
А съ той поры да съ того времени
А стали Дюка стариной сказать,
Отнынь сказать да его до вѣку.

Записано тамъ же, 10 августа.

—

231.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

А й изъ-подъ той бѣлой березки кудреватыя,
Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова,
Туда шло девять туровъ, девять молодыихъ,
Да на встрѣчу-то турамъ да родна матушка,
Гнѣдая турпха златорогая.
Говорила-то турамъ да родна матушка:
«Ужъ вы гдѣ туры были, гдѣ гнѣдые гуляли?»
Говорятъ туто туры да родной матушки:
— Были мы туры да во чистомъ во полѣ.
— Намъ случилосе бѣжать мимо столенъ Кіевъ градъ,
— Ужъ мы видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно:
— Какъ по той ли по стѣны по городовые,
— А ходила душа красная дѣвица,
— На рукахъ носитъ Божью книгу евангельё,
— Она кое-то читала съ двое плакала. —
Говорила-то турамъ да родна матушка:
«Вы глупые туры да неразумные!
«Не красная дѣвица тутъ плакала.
«Туто плакала сама мать Богородица,
«Тужила-то о вѣрѣ христіанскіе.»
Подъ ту ли подъ стѣну городовую
Нагоняетъ тутъ Батыга силы смѣты нѣтъ,
Будто чорнаго-то лѣсу дремучаго,
Столько у Батыги силы нагнато.
А богатырей-то дома не случилосе.
А Самсонъ и Лука на святыхъ на горахъ,
А Илья-то вѣдь былъ Муромецъ въ иной земли,
А Добрыня-то Микитичъ въ зеленыхъ лужкахъ,
А Олёша-то Поповичъ на желтыхъ пескахъ.
Изъ тово ли-то изъ кабака царёваго,
Выходила туто голь-та кабацкая,
Право на имя Василей сынъ Васильевичъ.
Выходилъ онъ на крылечко перёное,
Овалился о перила о точёные,
Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистоё.
А натягалъ ли Василей свой тугой лукъ,
А накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
Да стрѣлялъ онъ по Батыгинымъ бѣлымъ шатрамъ,
А розбилъ онъ у Батыги три бѣла шатра,
А убилъ онъ у Батыги три головушки,
Три головушки убилъ самолучшіе.
Убилъ сына-то Батыгу Батыговича,
Убилъ зятя Торокашку Скурлатьевича,
Убилъ умнаго дьячка, убилъ разумнаго.
Скоро у Батыги не замѣшкалось,
Посылаетъ тутъ Батыга скораго гонца:
— Подай-ко мнѣ Владиміръ виноватаго,
— На что ты мою силу бьёшь воровски? —
Не знае тутъ Владиміръ виноватаго,
Говоря туто солдаты буфетные:
«Владиміръ ты нашъ князь столенъ-кіевской!
«Знаемъ, государь, мы виноватаго.
«Изъ того ли-то изъ кабака царёваго,
«Выходила туто голь та кабацкая,
«Право на имя Василей сынъ Васильевичъ.
«Выходилъ онъ на крылечко перёное,
«Овалился о перила о точеные,
«Здрѣлъ-смотрѣлъ въ поле чистое.
«Натягалъ ли Василій свой тугой лукъ,
«Накладалъ ли Василей калену стрѣлу,
«Стрѣлялъ туто Василій во чисто поле.»
Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
— А й же вы солдаты буфетные!
— Приведите-тко Василья ко мнѣ на лицо. —
Приводили-то Василья ко Владиміру на дворъ,
Говорилъ-то Владиміръ таково слово:
— А й же ты голь ты кабацкая!
— Не ты ли билъ силу Батыгину?
— Поѣзжай-ко ко Батыги со отвѣтомъ самъ. —
Говорилъ-то Василій таково слово:
«Владиміръ ты нашъ князь столенъ-кіевской!
«Дай-ко мнѣ-ка чару зелена вина,
«Другую-ту дай пива пьянаго,
«Третью дай чару меду сладкаго.»
Подавали ему чару зелена вина,
Другую подавали пива пьянаго,
Третью чару зелена вина,
Сливаетъ онъ питьё да всё въ одно мѣсто,
Становилося питья да полтора ведра.
Беретъ онъ чару единой рукой,
Выпивае питье на единый духъ,
Да облатился Василей обкольчужился,
Садился Василей на добра коня,
Подъѣзжаетъ во Батыгинымъ бѣлымъ шатрамъ,
Соходилъ туто Василей со добра коня,
Да идётъ онъ ко Батыгѣ низко кланяется:
«А й же ты Батыга сынъ Васильевичъ!
«Прости меня, Батыга, въ первой винѣ.
«Дай-ко мнѣ-ка силы сорокъ тысячей,
«Я пойду-де воевать столенъ Кіевъ градъ.
«Знаю я ворота незаложены,
«Незаложены ворота въ слѣпу*) сторону.»

*) южная.

Давае тутъ Батыга силы тысячей.
Да пошолъ Василей во столенъ Кіевъ градъ,
Заводилъ онъ тутъ за стѣну городовую,
Выннмаетъ тутъ Василей свой вострой мечъ,
Да и взялъ тутъ Васильюшко помахивать,
А куды-де онъ махнетъ — дакъ туды улица,
А куды онъ отмахнетъ — дакъ переулки знать,
Да прибилъ онъ эту силу сорокъ тысячей.
Обворачивалъ Василей тутъ добра коня,
Пріѣзжаетъ ко Батыгинымъ бѣлымъ шатрамъ,
Остальнюю-ту онъ силу по шатрамъ добивалъ.
У Батыги были кони тутъ добрые,
А садился Батыга на добрыхъ коней,
Да уѣхалъ ли Батыга во свою землю.
Да и тутъ-то Батыга царь закаялся:
— А не дай Богъ бывать на святой на Руси! —
Да чудные кресты въ Еросо́лимѣ,
А славные богатыри во Кіеви.
Съ той поры да съ того времени
Стали Василья стариной сказать,
Отнынь сказать да ево до́ вѣку.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

XLV.

КАЛИТИНА.

Ирина Денисовна Калитина, крестьянка 49 лѣтъ, съ Суетина-острова, что̀ на Свиномъ-озерѣ, близъ Кенозера. Ея отецъ Данило Нечаевъ, умершій лѣтъ 40 тому назадъ, зналъ очень много былинъ, и по ея словамъ былъ учителемъ Петра Воинова (который, впрочемъ, приписывалъ происхожденіе своихъ былинъ другому источнику, см. выше). Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, Калитина пѣла про молодость Чурилы, про Дюка и про Добрыню и Алешу варіанты, весьма сходные съ тѣми, которые записаны со словъ Воинова, но менѣе подробные.

—

232.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ВЪ ЦАРЕГРАДѢ.

Отъ славнаго батюшка отъ Царяграда
Пролегала путь дорожка широкая,
И долиною по дорожкѣ вѣкъ не бывано,
И шириною та дорожка тридцати саженъ.
Да по той по дорожки по широкіе,
Да идётъ-де калика перехожая.
И онъ-де волосомъ бѣлъ, бородой сѣдатъ,
Да и гуня-де на нёмъ сорочинская,
Да и шляпа-де на нёмъ земли греческой,
Да клюкою-де калика подпирается,
Подъ каликою земля подгибается.
Да приходитъ тотъ калика въ стольней Кіевъ градъ,
Да заходитъ-де старикъ во царевъ кабакъ:
«Да и здравствуйте вы чумаки цѣловальники!
«Да всѣ-то вы головы да ларечные,
«Да всѣ-то вы голи да кабацкіе.»
Да по кабаку калика похаживатъ,
И съ ноги на ногу старикъ переступыватъ,
И всѣ дубовые половки подгибаются,
Да переводины подъ старымъ шатаются,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
«Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
«Да повѣрьте мнѣ вина вы на пятьсотъ рублей.
«Буде мало розопьюсь дакъ на тысячу.»
Да сказали чумаки цѣловальники:
— Да и пе́ во что калика тебѣ вѣрити. —
Да и тутъ-де калика перехожая,
Да снимае онъ съ во́рота свой чуденъ крестъ,
Дорогаго-де червонаго золота.
И толщиною тотъ крестъ былъ во три пятки,
Да вѣсу-то тя́нулъ полъ-сема пуда,
Да не смѣли за крестъ онѣ принятисе.
Да и тутъ чумаки догадалисе,
Да сбирали голи по денежки,
И того мало не хватило по конѣечкѣ,
Да и брали-де вина полтора ведра,
Приносили-де калики перехожіе.
Да примае-де калика единой рукой,
Выпивае-де старикъ на единый духъ,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
«Да и ой же вы голи да кабацкіе!
«Не напоили старика лишь роззадорили.
«Выходите на площадку торговую,
«Напою я всѣхъ до пья́на зеленымъ виномъ.»
Да и самъ вонъ калика изъ ка́бака,
Да приходитъ онъ ко погребу-то княженецкому,
Ёнъ-де двери и колоды вонъ да выпинывалъ,
Да руками ёнъ замочики отщалкивалъ,
Да спускался во погребы глубокіе.
Да онъ бочку берётъ вина подъ пазуху,
Да другую сороковку подъ дру́гую,
Да и третью ту бочку да ногой катитъ,
Да и выкатилъ три бочки зелена вина,
Да на ту ли площадку на торговую,

ычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
ой же чумаки вы цѣловальники!
те пейте до пьяна зелена́ вина.»
тутъ чумаки упивалися,
та же калика упивалася,
ошолъ спать на́ печку кабацкую.
ти чумаки цѣловальники,
или они ко князю порозжалились,
озжалились ко князю поросплакались:
ь ты свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
у насъ-де во городи да во Кіеви,
во тѣхъ ли во ца́ревыхъ во ка́бачкахъ,
иходила-де калика перехожая:
ь волосомъ бѣлъ, бородой сѣдатъ,
и гуня-де на немъ сорочинская,
япа та на нёмъ земли греческой.
запросилъ-то онъ вина да на пятьсотъ рублей,
буде мало розопьюсь дакъ на тысячу.
ы сказали чумаки цѣловальники,
что не́ во что калика тебѣ вѣрити.
ь снимае-де съ во́рота свой чуденъ крестъ,
огаго-де червоннаго золота,
вѣсу-то тя́нулъ полъ-сема пуда,
ы не смѣли за крёстъ ему и принятиси,
и туто чумаки догодалисе,
сбирали голи по денежкѣ
ого мало не хватило по копѣечкѣ,
и брали-де вина полтора ведра,
иносили-де калики перехожіе.
примае-де калика единой рукой,
ливае-де старикъ на единой духъ,
и самъ говоритъ онъ таково слово:
и ой же вы голи да кабацкіе!
напоили старика лишь роззадорили.
ходите на площадку торговую,
апою я всѣхъ до пья́на зеленымъ виномъ.—»
и самъ вонъ калика изъ ка́бака,
приходитъ онъ ко погребу-то княженецкому,
ь-де двери и колоды вонъ да выпинывалъ,
спускался во погребы глубокіе.
онъ бочку берётъ вина подъ пазуху,
другую сороковку подъ дру́гую,
и третью ту бочку да ногой катилъ,
и выкатилъ три бочки зелена вина
на ту ли площадку на торговую,
скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
и ой же чумаки вы цѣловальники!
—«Подьте пейте до пьяна зелена́ вина.»—
—«Да и эти чумаки упивалисе
—«Да и эта же калика упивалася,
—«Да пошолъ спать на печку кабацкую.»—
И говоритъ-де Владиміръ таково слово:
—Да и ой же чумаки вы цѣловальники!
—Да ведите-ко калику ко мнѣ на дворъ,
—И погляжу-ко я ево лица-возрасту.—
Да и тутъ чумаки цѣловальники
Да и начали будить ево изъ крѣпко́го сну,
Да и сонна́го будить ещё хмѣльняго.
Да ставае-де Илья славный Муромецъ,
Ёнъ хватилъ воронечну *) дубовую,
Да прибилъ чумаковъ до единого,
Да и самъ вонъ калика изъ ка́бака,
Да идё мимо полату бѣлокаменну,
Да скрычалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
«Да и свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
«Да ищи-ко за три бочки зелена́ вина.
«Да ищи ты на Ильи славномъ Муромци,
«Ёнъ на славу **) приходилъ въ стольній Кіевъ градъ.»
Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,
И встрѣтилъ сильняго могучаго да Иванищо:
«Здравствуй сильнёё могучо Иванищо!
«Да и всё ль у васъ въ Цари-гради по старому?»
И говоритъ туто сильнёё Иванищо:
—Ужъ ты свѣтъ государь Илья Муромецъ!
—Да у насъ въ Царѣ-градѣ не по старому,
—Не по старому не по прежнему,
—Овладѣло-де поганоё Издолищо.
—Да въ церквахъ образа всё исприколоты,
—И золотая-де казна запечатано,
—Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ
—Да и со своей княгиною во стольникахъ.
—Да и сяде-де поганой хлѣба-соли кушати,
—Да по цѣлой ковригѣ ёнъ въ ротъ суё,
—Да по цѣлому быку ёнъ у выти ѣстъ,
—Да по цѣлому котлу ёнъ-де пива пьётъ,
—Да и жилъ я въ Царѣ-градѣ три́ года,
—Да не смѣлъ я въ супоръ слова молвити.—
И говоритъ-де Илья таково слово:
«Да ужъ ты сильнёё могучёё Иванищо!
«Да и силы у тебя право здвоё есть,
«Да и смѣлости удачи въ половинку нѣтъ.»
Да пошолъ-де Илья ко Царю-граду,
Да идё мимо полаты бѣлокаменны,
Да закричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:

*) полка въ избѣ.
**) нарочно.

«Ужъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Да создай-ко калики милостину,
«Да милостину подай золоту гривну.»
И отъ того ли отъ крыку богатырского,
Бѣлокаменны полаты пошаталисе,
Да напитки на столахъ проливалисе.
И говоритъ-де поганой таково слово:
— Ужъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
— Да й что у тебя за уродъ пришолъ?
— Да зови-ко ты въ полату бѣлокаменну,
— Погляжу-то я его лиця-возрасту. —
Да и царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Онъ-де скоро выходилъ на широкій дворъ:
«Ужъ ты, батюшко, калика перехожая!
«Овладѣло-де поганоё Издолищо.
«Да въ церквахъ образа всѣ исприколоты
«И золотая-де казна запечатана,
«У меня нѣтъ-те подать нынь милостины.
«Да изволь итти въ полату бѣлокаменну,
«Напою я накормлю хлѣбомъ солію.»
Да и тутъ-де калика перехожая,
Да заходитъ онъ въ полату бѣлокаменну,
Своему-де ёнъ образу молится,
Онъ кланяется поклоняется,
Да на всѣ на четыре на сторонушки,
Да поганому Издолищу челомъ не бьё.
Да тутъ-де поганоё Издолищо,
Да садился за столы хлѣба соли кушати,
Да по цѣлой коврягѣ ёнъ въ ротъ суё,
Да по цѣлому быку ёнъ у выти ѣстъ,
Да по цѣлому котлу ёнъ-де пива пьётъ,
Да и самъ говоритъ онъ таково слово:
— Да и ой же ты калика перехожая!
— Ужъ ты знашь ли Илью славнаго Муромца.
— Да по много ль Илья у васъ да у выти ѣстъ?
И говоритъ-де Илья таково слово:
«Ужъ я знаю Илью славнаго Муромца.
«Да и нашъ-отъ Илья славной Муромецъ,
«А и колачикъ онъ съѣстъ а и много два,
«Да не такъ какъ ты, кобыла обжорищо!
«Какъ у моего-то государя у батюшка,
«Эка была-де корова обжорищо,
«Да дробины-то наѣлась ей й треснуло.»
Да и тутъ-де поганому Издолищу
Да и рѣчи ты его не прилюбилися,
Да и кинулъ онъ ножищо кинжалищо,
Да Илья отъ ножа приувёрнулся,
Да и ножикъ-отъ палъ въ ободверину.
Да и тутъ-де Илья славной Муромецъ,
Да снимае-де шляпу съ буйной головы,
Да ударилъ поганаго Издолища,
Да отшибъ у поганаго голову,
И проломилъ двѣ стѣны бѣлокаменныхъ,
Да и самъ говорилъ онъ таково слово:
«Ужъ ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
«Обери-ко ты поганоё тулово,
«Да живи-ко ты въ Царѣ-градѣ по старому,
«Да моли-тко ты Бога за Илью за Муромецъ (sic),
«Онъ на славу приходилъ въ славный Царь-отъ градъ.»

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

—

233.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Выѣзжало два сильніи два могучіе два богатыри:
Илья Муромецъ, да Добрынюшка Микитинъ сынъ,
Они ѣхали да во чисто полё,
Да роздёрнули въ чистомъ поли тонкой бѣлой шатёръ,
Да и стали-то въ шатрѣ да опочикъ держать.
Да на тотъ на тонкой да на бѣлой шатёръ,
Налетѣла тутъ вранъ-отъ птица вѣщая.
Да и вранъ-отъ надъ шатромъ да вѣдь прокыркиватъ,
Да ставае Илья да славной Муромецъ,
Онъ-де будитъ Добрынюшку Микитича:
«И ты ставай-ко Добрынюшка Микитинъ сынъ,
«У насъ что надъ шатромъ-то сучинилосе,
«Не проѣхала ли поляница та удалая,
«Не подходитъ ли подъ коней у насъ лютой звѣрь.»
Да ставае Добрынюшка Микитинъ сынъ.
Выходилъ-де Добрыня изъ бѣла шатру,
Поглядѣлъ по дорожкѣ прямоѣзжіе,
Да и ѣде поляница та удалая,
Да подходитъ подъ коней у ихъ лютой звѣрь,
И забиралъ онъ коней ко бѣлу шатру,
И подавалъ пшена онъ бѣлояраго,
И говоритъ Илья да таково слово:
«Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Поѣзжай-ко въ сугонъ ты за богатыремъ.
«И буде руськой богатырь дакъ побратайся,
«А невѣрной богатырь дакъ бою проси.»
И говоритъ-де Добрыня таково слово:
— Я не смѣю въ сугонъ ѣхать за богатырёмъ.
— У богатыря у коня изъ рота-то вѣдь пламё машё,

А изъ ноздрей у коня-то искры сыплются,
А изъ ушей у коня-то кудрявъ дымъ стаётъ,
У правой ноги борзой ли кобель проскакивать,
Съ плеча на плече ясенъ соколъ перелетывать.
— Да и ѣде богатырь-отъ самъ тѣшится,
— Да кимае палку вверхъ подъ облаки. —
Да говоритъ Илья да таково слово:
«Да и ой же Добрынюшка Микитинъ сынъ!
«Да поѣзжай-ко къ женѣ да къ своей матери.
«Да ты экой въ товарищи мнѣ больше не надобно.»
Ёнъ-де скоро уздалъ-сѣдлалъ свой добра коня,
Да уздае-сѣдлае крѣпко на крѣпко,
Не ради красы-басы молодецкіе,
Ради крѣпости да богатырскіе,
И поѣзжае въ сугонъ да за богатырёмъ.
Ѣде вѣдь дологъ день ѣде до вечера,
Да и тёмну ночку до бѣла свѣту,
Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ поли.
И на другой день Илья да попущается,
И ѣде дологъ день ѣде до вечера,
Да и тёмну ночку до бѣла свѣту,
Да не можетъ догнать богатыря во чистомъ полѣ.
Да на третій день же попущается,
Да догналъ богатыря въ чистомъ поли,
И закричалъ Илья-та по звѣриному,
И засвисталъ Илья-та по змѣиному.
И у богатыря конь-де на колѣнка палъ,
Да и бьётъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:
— Ужъ ты волчья сыть конь травяной мѣшокъ!
— Да пугаешься крыку ты вороньяго. —
Да и тутъ Илья закричалъ онъ по звѣриному,
Засвисталъ-де Илья та по змѣиному,
И у богатыря конь-де на колѣнка палъ,
Да и бьётъ богатырь коня по тучнымъ бедрамъ:
— Ужъ ты волчья сыть конь травяной мѣшокъ!
— Да пугаешься крыку ты вороньяго. —
Налетѣла ворона изъ чиста поля,
Налетѣла ворона порозграялась,
Такъ тутъ-де Илья да славной Муромецъ,
И того зля закричалъ онъ по звѣриному,
И засвисталъ Илья-де по змѣиному.
И у богатыря конь-де на всѣ ноги палъ.
Да и видитъ богатырь [бѣду] неминучую,
Обворачиваё свой добра коня.
И съѣзжалось два сильніе два могучи два богатыря,
Будто двѣ сильніе горы вмѣсто скатилосе:
Да и палицами они ударились,
Да и палки у ихъ-то поломалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили.
Да и тутъ же добры молодцы порозъѣхались,
Да и копьями они ударились,
Да и копья въ кольцахъ-то погибалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили.
Да и тутъ же добры молодцы порозъѣхались,
Да и саблями они ударились,
Да и сабли у ихъ же приломалисе,
Да и другъ-то друга-то не ранили.
Да схватились они на рукопашечку,
Да ушибъ-де богатырь-отъ невѣрные,
Да ушибъ-де Илью-то о сыру землю,
Да и сѣлъ на его-то на бѣлы груди,
Да и ладитъ пороть онъ груди бѣлые,
Да и вынять сердце-то со печенью.
И говоритъ-де Илья да таково слово:
«Да и ой же удалой доброй молодецъ!
«Ты скажись какой земли, да ты какой орды,
«Да чьего отца, да ты чьей матери?»
И говоритъ-де богатырь таково слово:
— Да и чортъ тебѣ старому псу надобно,
— Да и старому да пущай мертвому. —
И поглядѣлъ-то Илья да на праву руку,
Какъ Ильи на бою-то смерть не писана.
Да стрепестался Илья да подъ богатырёмъ,
Да ушибъ-то богатыря во чисто полё,
Да и взялъ-то богатыря впереди себя,
Да и сталъ у богатыря выспрашивать:
«Ты какой земли, да ты какой орды,
«Да чьего отца, да ты чьей матери?
И говоритъ богатырь таково слово:
— Я есть сиверной страны да золотой орды,
— Да есть дѣвицы Сиверьяничны. —
И говоритъ Илья да таково слово:
«А й когда ты дѣвицы Сиверьяничны,
«Да поѣзжай-ко ты да въ свою сторону,
«Да скажи Сиверьяничны низкой поклонъ.»
Да и тутъ богатырь-отъ невѣрные,
Да поѣхалъ богатырь въ свою сторону,
Да встрѣчае родитель ёво матушка:
— Да что дитя ты моё милоё,
— Да и что моё милоё съ лица ты спалъ. —
И говорилъ богатырь таково слово:
«Ужъ ты свѣтъ государь моя матушка!
«Я наѣхалъ богатыря въ чисто́мъ поли.
«И перво я ево побилъ, а посли о́нъ меня,
«Да и сталъ у меня-то ёнъ выспрашивать,
«Я сказался дѣвицы Сиверьяничны,
«Ёнъ наказалъ тебѣ та вѣдь низко́й поклонъ.

И говоритъ дѣвица таково слово:
— Да наказалъ какъ вѣдь низкой поклонъ,
— Дакъ тутъ тебѣ дитя тебѣ родной отецъ.
— И когда ѣздила я въ полѣ полянницею,
— И тогды онъ меня побилъ, да со́ мной грѣхъ творилъ,
— Да съ того я тебя дитятко спородила. —
И розгорѣлось ёго сердце богатырское
И обворачиваё своя добра коня:
«Я поѣду убью-то вѣдь старо́го пса.»
Ёнъ близко ли ѣхалъ вѣдь далёко ли,
Да наѣхалъ шатёръ да во чистомъ поли,
Да скрычалъ богатырь зычнымъ голосомъ.
И выходилъ-де Илья да изъ бѣла́ шатру,
И ухватилъ-де ево же за желты́ кудри,
И шиба́е вверхъ да ёнъ подъ облаки,
Да назадь-то ёго не подфатыватъ.
Да одно было чадушко на сёмъ свѣти спорожено,
Да и то отъ своихъ рукъ смерть-та придана.

Записано тамъ же, 15 августа.

—

234.

ОТЪѢЗДЪ ДОБРЫНИ.

Да не куревка въ чистомъ поли закурилась *),
Да выбѣгало туто стадышко звѣриное,
Да какъ звѣриное-то стадышко да сѣрыхъ волковъ.
И впе́реди бѣжитъ-то собачка лютой скимеръ звѣрь,
Да глаза-ты у собачки какъ огонь горятъ,
Еще уши у собаки какъ востры копья,
Еще шерстка на собачки да буланая,
Да ко ушамъ ли ёго шёрстка приклоняется.
И побѣжалъ тотъ воръ собака ко Нѣпру́ рѣки,
И закричалъ-де воръ собачка по звѣри́ному,
Да засвисталъ-де воръ собака по змѣйному.
И подъ нимъ бе́рёжки-то собачкой подломилися,
И какъ Смородина-то рѣка съ пескомъ смутилася,
И это синеё-то море сколубалосе,
Еще мелкая-та ли рыбица на дно ушла,
Еще бѣлая-та ли рыбица наверхъ всплыла.
Какъ во стольнёмъ ли было въ городи во Кіеви,
Да середи того ли двора-ста княженецкаго,
Да какъ то ли не бѣлая берёзка къ земли клоняетсе,
Да не шелковая ли травка устилается,
Да еще кланяется-то сынъ своей матушки,
Да онъ-де просилъ благословленьица великаго:
«Да ужъ ты свѣтъ государынь моя матушка!
«Да мнѣ-ка дай-ко благословленьицо великое,
«Да мнѣ-ка ли ѣхати во да́лече въ чисто поле,
«Да поискать мнѣ своего братца названаго,
«Да какъ старого казака-то Ильи Муромца.»
Да какъ возговоритъ-то Добрыни родная матушка:
— Да еще ой же ты дитя моё милоё!
— Да на кого ты оставляешь свою матушку,
— Да на кого ты покинаешь молоду жену,
— Да какъ прекрасную ли Катерину да Микуличну? —
Да какъ возговоритъ-то Добрыня родной матушки:
«Да ужъ свѣтъ ты государынь моя матушка!
«Да оставляю тебя матушка да я на Господа,
«Да какъ на тѣхъ ли чудотворцевъ града Кіева.
«Да какъ давно у м'ня Катеринѣ сказано,
«Да за недѣлюшку Микуличной повѣдано.»
Да возговоритъ-то Добрыни родна матушка:
— Да тебя-то Богъ проститъ Христосъ помилуётъ! —
Да какъ садился Добрыня на добра коня,
Да одна куревка въ чистомъ поли закурилась.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

235.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Да на стули на бархати,
На златомъ на ременчатомъ,
Сидѣлъ туто царь Возвягъ,
Да Возвягъ сынъ Таврольевичъ,
Да онъ суды разсуживалъ,
Да дѣла приговаривалъ,
Да князей бояръ жаловалъ,
Да селами, помѣстьями,
Города съ пригородками.
Да Ѳому дарилъ Токмою,
Да Ерёму Новымъ городомъ,
Да любимаго зятюшка,
Да Щелканя Дудентьевича,
И на дворѣ не случилосе.
Да уѣхалъ Щелканушко
Во землю жидовскую,

*) Каждый стихъ поется два раза; при второмъ запѣвѣ частица «да» въ началѣ замѣняется словомъ «и».

ни и выходу,
ртова правежу.
съ поля бралъ по колосу,
юду по курици,
ика по пяти рублей,
тутъ пяти рублей нѣту,
онъ жену беретъ,
какъ жены-то нѣтъ,
ого самого беретъ.
сана не выробишься,
а вонъ не вырядишься.
халъ Щелканушко
ли изъ жидовскіе
царю на широкій дворъ.
ъ же Щелканушко:
же ты царь Возвякъ,
звягъ сынъ Таврольевичъ!
язей бояръ жаловалъ,
ами помѣстьями,
ъ съ пригородками,
му дарилъ Токмою,
ёму Новымъ городомъ,
бимаго зятюшка,
елкана Дудентьевича,
и Тверью городомъ,
Тверью славною,
Тверью богатою,
братцами родныма,
язьями благовѣрныма,
рисомъ Борисовичемъ,
Митріёмъ Борисовичемъ.»
й же Щелканушко,
Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
ли чада милаго,
о сына любимаго,
ѣди токо чашу руды,
о чашу серебряную,
и выпей ту чашу руды,
очись передъ Звягой царемъ,
едъ Звягой Таврольевичемъ.
арю Тверію городомъ,
о Тверію славною,
о Тверію богатою,
а братцами родныма,
князьями благовѣрныма:
исомъ Борисовичемъ,
и Митріёмъ Борисовичемъ. —
о Щелканушко
ъ чада милаго,
ына любимаго,
лъ-де онъ чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпилъ ту чашу руды
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Да и тутъ царь Возвягъ
Подарилъ Тверію городомъ,
Токо Тверію славною,
Токо Тверію богатою,
Двума братцамы родныма,
Да князьямъ благовѣрныма:
Да Борисомъ Борисовичемъ,
Да и Митріёмъ Борисовичемъ.
Поѣхалъ Щелканушко
Да во Тверь-ту городъ-отъ,
Да заѣхалъ Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Да и здравствуй ты родна сетра,
«Да и Марья Дудентьевна!»
— Да и здравствуй-ко родной братъ!
— Ужъ ты по роду родной братъ,
— По прозванью окаянной братъ.
— Да чтобы тебѣ брателку
— Да туда-то уѣхати,
— Да назадъ не пріѣхати.
— Да остыть бы тѣ брателко
— Да на востромъ копьѣ,
— На булатнемъ на ножечкѣ. —
Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же. 15 августа.

—

236.

ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.

Да на что на насъ Господь Богъ прогнѣвался,
Да сослалъ намъ Господь Богъ прелестника,
И вора Гришку ростригу Отрепьева.
И не успѣлъ онъ воръ собака на царство сѣсть,
И похотѣлъ воръ собака женитися,
И не у насъ въ Москвы на святой Руси,
Да во той во земли въ проклятой Литвы.
Да у Юрья у пана орды польскіе,
Да берётъ онъ Маришку дочь Юрьевну.
Его свадьба была не въ указной день,
Да на вёшный праздникъ Миколинъ день,
Да бояры ты пошли ко заутрены.
Да Гришка съ Маришкой во банну пошолъ.
Да бояра ты идутъ отъ заутрены,

Да и Гришка съ Маришкой изъ ба́нны идё.
Да на Гришки-то шуба чернаго соболя,
На Маришки салопъ краснаго золота.
Говоритъ-де вдова благочесливая:
«Ужъ вы глупые бояра неразумные!
«Да убитъ нашъ царевичъ во Углицкомъ,
«Его мощи лежа въ каменной Москвы,
«Да въ томъ ли во соборѣ Архангельскомъ.»
Да и тутъ-де бояра догадалися,
Да и скоро до Григорья добиралися.
Да и эта Маришка дочь Юрьевна
Обернулась изъ окошка сорокою.
Да этотъ Гриша Отрепьевъ-отъ
Выпадалъ изъ окошка о се́реду,
О се́реду кирпичную убился и до́ смерти.
Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

237.

ШВЕДСКАЯ ВОЙНА.

Ой да пишё пишё-то пишё король шведскіе *),
Да государыни пишё самой:
«Ой да милосердная наша государыни!
«Ну да замиримся-ко мы съ тобой.
«Ой да ты отдай-ко мои города-ты,
«Которые прежде ты намъ побрала.
«Ой отдай Ригу ту Ригу отдай о́тдай Ревель,
«Отдай Нарву-ту крѣпкій городокъ.
«Аль да роспиши ты намъ ли полатушки
«Въ каменной Москвы постоять,
«Ой да нашой конницы нашимъ драгунамъ,
«Въ пирской въ сла́вной-то стоять улицы,
«Ой да нашимъ графамъ, графамъ офицерамъ,
«Ино да по купеческимъ стоять по́ домамъ.
«Ой да самому-то ко́ролю шведскому,
«Ему въ славномъ городѣ стоять въ Кремлѣ,
«Ему въ шелементьёвомъ стоять во́ дому.»
Ой да милосердная наша государынька
Убояласе она того̀,
Ой да ею ско́рые рѣзвые ноженки
Подломилисе стоючись,
Ой да бѣлотѣльные царскіе рученки опустились онѣ о бока.
Ой да какъ по правую царскую рученку
Стоитъ Румянцевъ-отъ енералъ,
Ой да какъ по лѣвую царскую рученку
Стоитъ Потемкинъ-отъ енералъ.
Ой да какъ возговоритъ ли-то промолвитъ
Ну да нашъ Румянцёвъ-отъ енералъ:
— Ой да милосердная наша государыни!
— Да не убойся-ко ничего.
— Ой да не бывать-то вору ему собаки,
— Ну да въ каменной во славно́й Москвы.
— Ой да не стоять-то вору собаки,
— Ну да по купеческимъ славнымъ домамъ.
— Ой да ужъ мы встрѣтимъ коро́ля шведскаго
— Середи моря во губы́. —
Ой да въ славной въ ревельской было во губы,
Сто́итъ тридцать-то караблей,
Ой да сто́итъ тридцать у насъ три карабли́ка,
Всё стопушечные.
Ой да мы столики ему поставимъ,
Черные охъ мы корабли.
Ой да мы скатиртки ему постелемъ,
Тонкіе бѣлые паруса.
Ой да ужъ мы кушанья ему составимъ,
Черные охъ мы пушечки,
Ой да ужъ мы черны пушечки поставимъ,
Чугунные охъ мы ядрышка.
Ой да мы силушку прибьёмъ прирубимъ,
Короля-то мы въ полонъ возьмёмъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

*) Каждые два стиха составляютъ одинъ куплетъ, который повторяется два раза.

—

238.

НЕБЫЛИЦА.

Старина сказать да стародавная,
Стародавная да небывалая,
Хорошо сказать, да лучше слушати.
Да побѣдна головушка бурлацкая,
Да сокопилась гривна передъ злыднямъ,
Да на кабакъ сойдё да на вино пропьё,
Да на остатній грошъ да табаку возьмё,
Да табаку возьмё да свесела́ запоё,
Да свесела запоё да свеселехонька.
Да Дунай Дунай болѣ впередъ не знай.
Да не курица на ступы соягниласе,
Корова́ на лыжахъ покатиласе,
Да свинья въ ели́-то вѣдь гнѣздо свила,
Да гнѣздо свила̀ да дѣтей вывела,
Малыхъ дѣточекъ да поросяточекъ.
Поросяточка всё по сучка́мъ вися,

По сучкамъ вися и полетѣть хотя.
По поднебесью братцы медвѣдь летитъ,
Да медвѣдь летитъ да онъ хвостомъ вертитъ.
И по чисту полю у насъ карабъ бѣжитъ,
На синёмъ мори у насъ овинъ горитъ,
Да овинъ горитъ и то со рѣпою.
Розодрался хлопотъ *) хлопотишечко,
Розодралась сношка со свекровкою,
Да рогатками ёна мутовками,
На остаткахъ поварёнками **),

Записано тамъ же, 16 августа.

—

XLVI.

ТРЯПИЦЫНЪ.

Михайло Ивановъ Тряпицынъ, крестьянинъ дер. Усть-поча у Кенозера, 58 лѣтъ, небольшаго роста, лысый, съ русою бородою. Поетъ былины, которыя заимствовалъ отъ дѣда и отца; въ молодости зналъ больше; такъ, теперь онъ не могъ припомнить былинъ про Святогора и про Илью Муромца, которыя пѣвалъ въ прежнее время. Михайло Ивановъ упоминалъ, что и съ его словъ были записываемы «старины» для г. Рыбникова тѣмъ же фельдшеромъ, который записывалъ ихъ у Сивцева. Оказывается, что былины, помѣщенныя въ сборникѣ г. Рыбникова подъ именемъ Михайлы Богданова, должны принадлежать этому пѣвцу. Имя Богданова вкралось тутъ, вѣроятно, по ошибкѣ.

—

239.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Отъ того отъ города отъ Галича,
Да ко городу было ко Кіеву
Идё калика перехожая.
Балахонишко одѣто веретномъ тряхнуть,
Татавурищомъ ***) онъ подпоясался,
Лапотци на ножкахъ ёво липовы,
Бородушка у старого сѣдёхонько,
Головушка у стара на убѣлъ бѣла.

*) жорновъ мельничный.
**) ложки кухонныя.
***) обрывокъ

Да идётъ старикъ по городу по Кіеву,
Захотѣлось зайти стару на царевъ кабакъ,
Да выпить стару зелена вина.
Идётъ-то старой потихохонько,
Да ступаетъ старой полегошенько,
Онъ молитву творитъ и воисусову,
Ёнъ крестъ кладетъ по писаному,
Клонится на всѣ четыре на стороны:
«Да здравствуйте чумаки вы цѣловальники,
«И здравствуйте бурмисты (sic) ларечные!
«А й вы чумаки цѣловальники!
«И налейте вина мнѣ полтора ведра,
«Да опохмѣльте калику перехожаго.
«Розопьюсь я старой, выпью на двѣ тысящи.»
Говорятъ чумаки цѣловальники:
— Тебѣ нё во что старому повѣрити.
— Да головушка у стараго сѣдёшенька,
— Да бородушка у стара на убѣлъ бѣла,
— На головушки у стараго зеленъ колпакъ,
— Да сорочишка одежда исприношена. —
Да снимае съ вóрота старой чуденъ крестъ,
Въ долину крéстъ онъ и двѣ четверти,
Поперёкъ-то крестъ и въ цѣлу чётвереть,
Въ толщину-ту крестъ былъ онъ и двухъ верховъ,
Онъ стараго червоннаго золота.
Не берутъ чумаки ли цѣловальники,
Не берутъ у него крéста чуднаго.
И тѣ ли бѣдны голи кабацкіе,
Да тѣ ли мужики деревенскіе,
Склали мужики оны по денежки,
Да побольше тово по копѣечки,
И купили вина полтора ведра.
Да примае старой одной рукой,
И выпилъ старой на единъ на духъ.
Говорилъ имъ старой таково слово:
«Вамъ спасибо голи кабацкіе,
«Да спасибо мужики деревенскіе!
«Напоили стара меня дó пьяна,
«Не напоили только стара роззадорили.
«И теперь у насъ дѣло поздноё,
«Приходите по утру ко мнѣ ранёшенько,
«И напою я виномъ всѣхъ васъ дó пьяна.»
Да зашолъ старикъ на печку кирпичную,
И спитъ тамъ старой просыпается.
Да ставае по утру онъ ранёшенько,
До восходу тёпла краснаго солнышка,
Да спрашивать ключовъ сталъ ларечниковъ.
Ёнъ и пришолъ ко погребамъ ко виннымъ,
Да отворяетъ старой двери дубовые,
Беретъ бочку сороковку подъ пазуху,

Да другу́ сороковку бралъ подъ другую,
Ёнъ и третью сороковку ногой катитъ,
Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
Но на ту ли площадь торговую,
Да скрычалъ да старой громкимъ голосомъ:
«Эй же вы голи кабацкіе,
«Да вы мужики деревенскіе!
«Ступайте вы ко стару на почестной пиръ,
«Напою виномъ я всѣхъ васъ до́ пьяна.»
А тѣ ли чумаки ли чѣловальники,
Собралось ихъ человѣкъ до восьмидесяти,
Отбивать ли у стара зелена вина.
Ничего не могли у стара сдѣлати,
Да пошли просить ко князю Владиміру,
Да на этого калику перехожаго.
— Ты Владиміръ князь столенъ-кіевской!
— Да у насъ-то было во вчерашной день
— Невѣдома калика появиласе:
— Борода у калики сѣдёхонька,
— Голова у калики па убѣлъ бѣла,
— Сорочинская одежда вся истаскана,
— Лапотци на ножкахъ ёво липовы.
— Да зашёлъ въ подвалы къ намъ во винные
— Бочку сороковку бралъ подъ пазуху,
— И другу сороковку бралъ подъ дру́гую,
— Да третью сороковку ногой катилъ.
— Да выкатывалъ старой на зеленой лугъ,
— На ту ли площадь торговую,
— Да собралъ мужиковъ деревенскіе (sic)
— И собралъ голей онъ и кабацкіе (sic),
— И роспоилъ вино да и безденежно.
— И гдѣ мы эту сумму сударь будемъ взыскивать? —
Говорилъ князь имъ таково слово:
«А й же чумаки вы чѣловальники!
«Посмотрю я калики перехожего,
«Да за это я вамъ росчитаюсе.»
И роспоилъ старъ зелено вино,
Говорилъ старой таково слово:
— А й вы голи кабацкіе,
— Да вы мужики деревенскіе!
— Вы ступайте теперь по своимъ мѣстамъ,
— По своимъ мѣстамъ по своимъ домамъ,
— По своимъ домамъ къ молодымъ женамъ,
— Къ молодымъ женамъ къ малымъ дѣточкамъ.
— Я пойду теперь старой на царевъ кабакъ,
— Да пойду вѣдь я на печку кирпичную,
— И буду я старой просыпатисе. —
Да по тому ли по утру по ранному
Приходя отъ князя слуги вѣрные,
Говорятъ ему таково слово:
«А й ты калика перехожая!
«Ты ступай-ко ко князю ко Владиміру.»
Говорилъ имъ старой таково слово:
— А й же вы братцы товарищи!
— Напрасно меня стара безпокоите,
— Не да́ете мнѣ старому проспатисе.
Сошолъ старикъ со печки кирпичные,
Да пошолъ старикъ по городу по Кіеву,
Мимо этія полаты княженецкіе.
И кричитъ старой громкимъ голосомъ:
— А й ты Владиміръ князь столенъ-кіевской!
— Получай-ко сумму за зелено вино
— Ты съ донского казака ли съ Ильи Муромца.
— Я пойду теперь старикъ во чисто полё,
— И на ту пойду дорогу на латынскую,
— И на ту пойду заставу богатырскую,
— Да подъ тотъ пойду старой подъ сырой дубъ.

Записано на Кенозерѣ, 11 августа.

—

240.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старый по чисту́ полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
И наѣхалъ старой во чисто́мъ поли
На тѣ на три дороги широкіе.
Лежитъ на дороги горючъ камень,
Да на томъ каменю подпись подписана:
Въ дорожку ѣхати богату быть,
Въ другую-ту ѣхати женату быть,
Да во третью-ту ѣхати убиту быть.
Стоитъ-то старой, самъ дивуется:
«Да колько по святой Руси не ѣзживалъ,
«Такового чуда вѣкъ не видывалъ.
«Да на что-то старому мнѣ-ка богачество,
«Своево у меня злата серебра,
«Своево у меня скату-жемчугу.
«На что мнѣ-ка старому женитисе,
«Да старая взять мнѣ замѣны нѣтъ,
«Да молоденька взять мнѣ чужа корысть.
«Я поѣду старой гдѣ убиту быть,
«Да убиту-то быть больнё ранену,
«На бою на драки смерть не писана.»
Да хорошъ былъ у стараго доброй конь,
Былъ маленькой бурушко косматенькой.
Грива у бурушка тре́хъ локтей,
А фостъ-отъ у бурушка трехъ саженъ.
Ёнъ рики, озёра перескакивалъ,

Мхи-ты болота впромежъ ногъ пустилъ,
Енъ широки роздолья перерыскивалъ,
Да отъ смерти меня старова й унашивалъ.
Да ѣдётъ старикъ путемъ-дорогою,
Тутъ стоитъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
Да стоятъ и денные подорожники.
Стали ёни ко старому приступывать,
Хочутъ оны старого убить-сказнить,
Да хочутъ ёго старого съ коня стащить.
Говорилъ имъ старой таково слово:
«А й же вы воры разбойники,
«А й же денные подорожники!
«Да бить-то меня старого вамъ нё-по-что,
«И бить меня старого нё-за-что.
«На кони у м'ня узда е во пятьсотъ рублёвъ,
«И оттого узда у мёня дорога,
«Драгоцённые каменья въ ею вплётены,
«Не для ради красы-басы молодецкіе,
«Для ради славы богатырскіе,
«Да для ради проѣзду полуноснаго.
«И на кони е сѣдло въ цѣлу тысящу,
«На себѣ кожанъ е во девять тысящей,
«Свому доброму коню да я цѣны не знай.»
Да стали ёны къ старому приступывать,
И хочутъ ёни старого убить-сказнить,
Да хочутъ ени старого съ коня стащить.
И видитъ-то старой неминучую,
Да беретъ старой свой-отъ вострой мечъ,
Да въ другу руку копьё да бурзомецкое.
И началъ старои поскакивать,
Да копьёмъ, мечёмъ ёнъ помахивать.
И куда-де проѣдетъ — туды улица,
И куда-де отъѣдетъ — переулокъ знать,
Да прибилъ сорокъ тысячей разбойниковъ,
Да прибилъ всѣхъ денныхъ подорожниковъ.
И ворочается старой изъ дороженки,
И та ли дорога очищена,
Эта ли подписка захѣрена,
Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.
«Я поѣду старой гдѣ женату быть.»
Да ѣдетъ старой по чисту полю,
И стоитъ въ чистомъ поли бѣлой шатёръ,
И пріѣзжае старой ко бѣлу шатру.
Привязалъ коня къ золоту кольцу.
Выходила прекрасна королевична,
Брала стара за бѣлы руки,
Уводила въ полаты бѣлокаменны.
Ставила столы ёна дубовые,
Наносила всѣи ѣствы сахарвіе,
Напоила накормила стара до пьяна.
Говоритъ прекрасна королевична:
— Старой казакъ Илья Муромецъ!
— Мы пойдемъ съ тобой во ложни во тёплые,
— Да на тѣ ли на кровати слоновыхъ костей,
— И на тѣ ли на перины на мягкіе. —
Говоритъ королевна таково слово:
— А й же донскій казакъ Илья Муромецъ!
— Ты ложись-ко ко стѣны кирпичные. —
Говорилъ ей Илья таково слово:
«А й же ты прекрасна королевична!
«Намъ ли у стѣнки спать не хочется,
«Въ насъ ли въ старикахъ мочь не держится,
«Да мы старики часто вонъ ходимъ.»
Да взялъ прекрасну королевичну,
Ёнъ бросилъ на кроватку на тисовую,
Повернуласи кроватка тисовая,
Да й упала королевна во глубокъ погрёбъ.
Да молодцовъ у нёй туды наловлено.
Тутъ донскіе казакъ Илья Муромецъ,
Да розломалъ онъ двери ты желѣзные,
Да у этого погреба глубокого,
Да выпущае молодцовъ на святую Русь,
Ворочается старой изъ дороженки,
Да та ли дорожка очищена,
И та ли подписка захѣрена
Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.
Да поѣхалъ онъ старой гдѣ богату быть,
Да ѣдетъ старой по чисту полю,
Стоитъ въ чистомъ поли царевъ кабакъ,
Да сбираются въ кабакъ воры разбойники,
Сбираются въ кабакъ и голи пьяные.
Да розбилъ Илья этотъ царевъ кабакъ,
Да розгонялъ онъ всѣхъ голей кабацкіихъ.
Ворочается старой изъ дороженки,
Да и та ли дорожка очищена,
Эта ли подписка захѣрена
Да старымъ-то казакомъ Ильей Муромцемъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

—

241.

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

А й Добрынушки мать ему наказывала,
А й государыня Добрыни наговаривала:
«А й да поѣдешь ты Добрыня во чисто полё гулять,
«А й да пріѣдешь ты Добрыня ко синю ко морю,
«А й ко синю ко морю Добрыня къ морю черному,

«И поѣдешь Добрыня о синё морё,
«И палить будешь стрѣлять гусей, лебедей,
«Да малые пернастые утицы,
«А тѣмъ будёшь Добрынюшка питатисе.
«И пріѣдетъ Добрыня ко Пучáю ко рѣкѣ,
«А й розгорится твоё сердце богатырское,
«Да захочется, Добрыня, покупáтися тебѣ,
«Заплови-тко, Добрынюшка, за пéрвую струю,
«Заплови-ко, Добрыня, за другýю за струю,
«Да не плавай-ко, Добрыня, за трéтью за струю.
«А й налетитъ тутъ змѣя, змѣя лютая,
«А й она лютая змѣя, змѣя пещерская,
«Да возьмётъ тебя на хоботы на чёрные,
«А й унесё ли тебя на горы змѣиные,
«А й да сядетъ ли къ тебѣ на бѣлые груди,
«Да роспоретъ ли тебѣ да груди бѣлыи,
«А й она вынетъ ли сердце со печенью.»
А ещё мать Добрынюшки наказывала,
И государыни Добрыни наговаривала:
«А й да поѣдешь ты Добрынюшка по Кіеву гулять,
«Да не ѣзди-ко Добрыня на царевъ кабакъ,
«Да не пей-ко ты Добрыня зелена вина,
«И не ѣзди во улицы Маринкины,
«Во тѣ ли переулочки къ Игнатьёвны.
«Эта ли вѣдь дѣвушка Мариночка
«Отравила девяти она богатырей,
«А й отравитъ тебя Добрыню десятаго.»
А й Добрыня матушки не слушаётъ,
Да садился Добрыня на дóброво на коня,
Да поѣхалъ енъ Добрыня во чистó ли во полё,
И пріѣхалъ онъ Добрыня ко синю ко морю,
И ко синю морю Добрыня ко морю чёрному.
Стрѣлялъ онъ палилъ гусей, лебедей
И малые пернастые утицы,
А й ѣдетъ тѣмъ ли Добрынюшка питается,
Да пріѣхалъ ли Добрыня ко Пучáю ко рѣкѣ,
И розгорѣлось éго сердце богатырское,
И захотѣлосе Добрыни покупáтисе ему.
Скидывáётъ онъ съ себя платьё цвѣтноё,
Да заплылъ Добрыня за пéрвую струю,
И ой заплылъ Добрынюшка за другую струю,
И обзадорило Добрыню плыть за трéтью за струю.
И налетѣла тутъ змѣя, змѣя лютая,
И взяла его на хоботы на черные,
И унесла ли его на горы змѣиные,
И да садиласе къ Добрыни на бѣлы груди,
Да хочё ли роспороти груди бѣлые,
Да вынять éво сердце со печенью.
Да говорить ли Добрыня таково слово:
— А й ты лютая змѣя пещерская!
— А й не пори-ко змѣя моихъ бѣлыхъ грудей,
— А не вымай-ко ты сердца со печенью,
— А не придавай-ко мнѣ смерти скорые.
— Да ли ты змѣя пусть мнѣ сестра родная,
— И мы пойдемъ съ тобою во чистóе во полё,
— Да палитъ будёмъ стрѣляти гусей, лебедей,
— Да малые пернастые утицы,
— И съ тѣмъ, змѣя, съ тобой будёмъ питатисе.—
И взяла змѣя на хоботы на черные,
И унёсла-де вѣдь Добрыню во чистó полё,
И во чистó полё Добрыню ко добрý коню.
И надѣваетъ онъ Добрыня платье цвѣтное,
И да садился Добрыня на дóброва на коня,
И да берётъ ли онъ саблю ли вóструю,
И во другý руку копьё бурзомецкоё,
И заздынулъ онъ саблю вострую,
Да отрубилъ ёнъ змѣи да буйну гóлову.
А й да поѣхалъ онъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
И да заѣхалъ онъ Добрыня на царевъ кабакъ,
И да напился Добрыня вина дó пьяна.
Да поѣхалъ ли ёнъ Добрыня по Кіеву гулять,
Енъ заѣхалъ вѣдь во улицы Маринкины,
И во тѣ ли переулочки къ Игнатьевны,
И ко той ли ко дѣвушки къ Игнатьевны,
А й у той Маринки у Игнатьевны,
По окошечку два голуба похáживаётъ.
Да натягаетъ Добрыня тýгой лукъ,
Накладáетъ онъ стрѣлочку каленую,
Да стрѣляетъ онъ во голубей во сизые.
Не попалъ ли ёнъ во голубей во сизые,
Да ёнъ розбилъ вѣдь околенку стекольчату,
Да рамочку ту вышибъ позолочену,
Да убилъ ли у Маринки друга милого,
Друга милого убилъ у ней Тугарина,
Да Тугарина убилъ ево Змiéвича.
Ёму жалко стало стрѣлочки калéные,
Посылаетъ ли Олёшеньку Поповича:
— Ты крестовой братъ Алешенька Поповичъ сынъ!
— И сходи-ко ты за стрѣлочкой во высóкъ терёмъ.
— Еще стрѣлочки у м'ня е наточёная,
— И точёна стрѣлка золочёная.
— Стрѣлка точенá вѣдь была нá двѣнадцать грянъ,
— Сажена была-то перьями орлинскима,
— Дарена-то была княземъ Владиміромъ. —
И сходилъ ли Олёша во высокъ терёмъ,
Да такой ли Добрынюшки отвѣтъ держалъ:

«Говорила ему дѣвушка Мариночка:
«Да которыма руками стрѣлка стрѣлена,
«Да тѣма́ руками пусть-де стрѣлка поднята.»
Самъ пошолъ Добрыня во высокъ терёмъ,
Подъ Добрынею ступени подгибаются,
Половицы подъ нимъ да шатаются.
Да берётъ ёнъ стрѣлочку каленую,
Да выхо́дитъ ли Добрыня на широкой дворъ,
Да та ли дѣвушка Мариночка,
И брала ли она ножики булатніе,
Да подрѣзала слѣды его горячіе,
И обвернула вѣдь Добрыню чернымъ соболёмъ.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 11 августа.

—

242.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Не бѣленкой кречетокъ выпорхивалъ,
Не ясёнъ соколичокъ вылетывалъ,
Выѣзжалъ удалъ дородній добрый молодецъ,
По прозванію Чурилушко сынъ Плёнковичъ.
Но не скатная жемчужинка катается,
Да Чурило по Кіеву катается.
Выѣзжае противу́ дому Бермятова,
Заигралъ онъ во доску гусельнюю.
Да перву́ доску играе про Кіевъ градъ,
А й дру́ту до́ску и́грае про свою поѣздочку,
А й третью доску игра́е про Бермятовъ домъ.
Да услыхала Катерина дочь Микулична,
Зазывала Чурилу на широкой дворъ:
«Заѣзжай Чурило на широ́кой дворъ,
«У меня Бермята-то дома не случилосе.
«Да ушолъ ли Бермята во Божью церкву,
«Да ёнъ ушолъ къ обѣдни благовѣщенской.
«Заходи ко мнѣ въ полаты бѣлокаменны,
«Да станемъ Чурило мы во шахматы играть.»
Да перву доску играли Чурило Кати матъ даё,
Да другу́ доску играли Чурило Кати матъ даё.
Да тово ли Катя не пытаючи,
Ёна крѣпче за Чурила принимается,
И уводила во ложни во те́плые.
Да служанка по терему похаживатъ,
Таковы слова да выговариватъ:
— А й Катерина дочь Микулична!
— А не за хороши порядки принимаешься,
— И Катя глупого ума ты набираешься.
— Я пойду схожу къ Бермяту во Божью церкву,
— И на тебя Катерина накучу́ й намучу́. —
Ёна спитъ-то Катя не пробудится,
Да пошла ли служанка во Божью церкву,
А стоитъ-та Бермятъ да Богу молится,
И говорила е́му дѣвушка служаночка:
— А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
— А й у тебя въ дому да за невѣжа е.
— Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
— Надъ твоимъ, Бермятъ, надъ домомъ надсмѣхается. —
Да стоитъ-то Бермятъ онъ Богу молится,
И Богу молится Бермятъ да не отве́рнется.
И во второ́й разъ служаночка гово́рила:
— А ай же Бермятъ сынъ Михайловичъ!
— А й у тебя въ дому да за невѣжа е.
— Ёнъ спитъ съ Катериной забавляется,
— Надъ двоимъ, Бермятъ, надъ домомъ надсмѣхается. —
Да говорилъ ей Бермятъ таково слово:
«А ай же ты дѣвушка служаночка!
«Да ты правду го́воришь, тебя за му́жъ возьму.
«Да ты ложно го́воришь, да я голову́ срублю.»
И достоялъ онъ обѣдню благовѣщенску,
Ёнъ пришолъ въ свою полату бѣло́каменну,
Это заперты ворота тѣ широкіе.
Да перво́й разъ Бермятъ и постучается,
Да спитъ Катерина не про́будится.
И во второй разъ Бермятъ и постучается,
Да изъ те́рема околицы вонъ посыпались,
Да крѣпко Катерина испугалясе.
И отворяла Катерина двери на́ пяту,
Да въ одной становочки *) безъ пояса,
Да въ калужскихъ чулочикахъ безъ чёботовъ.
И говорилъ ей Бермятъ таково слово:
«А ай Катерина дочь Микулична:
«Да что же сегодня не снаря́дна ходишь?»
— Да сегодня у насъ да дѣло празднично,
— Да честно́ Господне Благовѣщенье. —
«А й ты врёшь Катерина всё оманывашь!
«На дворѣ-то стоитъ ли Чуриловъ конь,
«Да шинель-сертукъ виситъ Чурилово.»
Говоритъ Катерина дочь Микулична:
— У меня въ гостяхъ есть вѣдь ро́дной братъ,
— Да съ Чуриломъ у ихъ ко́нями помѣняно,
— И сертуками шинелями побратано. —
«А й ты врёшь Катерина все оманывашь!»
И онъ зашолъ-де во ложни во теплые,
Да спитъ тутъ Чурилушко сынъ Пленковичъ.

*) рубашки.

Да не утреня зоря да знаменуется,
Да вострая сабелька промахнула,
Но не скатняя жемчужинка скатилась,
Да Чурилова голова съ плечъ свалилась.
Да не черная тафта да розстилается,
Да Чурилова кровь проливается.
И отверня Катеринѣ голову срубилъ.
Да берётъ да дѣвочку служаночку,
Да берётъ Бермятъ да за себя́ замужъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

—

243.

ДЮКЪ.

Кого нѣтъ сильняе да могучѣе,
Старика Ильи да Ильи Муромца.
Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе,
Молодца-то Дюка да Степанова:
Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
Да кругомъ двора да всё булатній тынъ,
Столбики были точеные,
Да точёные да золочёные.
Да на кажномъ столбичку́ по маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорого́ю мѣди всё казарскіе (sic),
Да пекутъ лучи да солнопечные,
По тому по городу по Галицѣ,
Да по той Волынъ-земли богатые.
Да ещё у Дюка у Степанова
Ворота были вольячные,
Подворотенки были хрустальніе,
Надворотенки да дорогъ рыбей зубъ.
Да еще у Дюка у Степанова
Надъ воротами да надъ широкима,
Да стоя у Дюка чудны о́бразы,
Да горя свѣчи неугасимые.
Да еще у Дюка у Степанова
Да стоятъ три церквы три соборные:
Да на кажной церквы по три маковки,
Маковки ты были мѣдные,
Дорогою мѣди всё ка́зарскіе (sic),
Да пекутъ лучи да солнопечные,
По тому по́ городу по Галицѣ,
Да по той Волынъ-земли богатые.
Да во перву церкву соборную
Туда ходитъ Дюкова-та матушка.
Да во другу церкву соборную
Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ.
А во третью церкву соборную
Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора его широкаво,
Да стоятъ три терема высокіе,
Да высокіе да златоверхіе.
Да во первомъ тереми высокіемъ
Да живётъ тутъ Дюкова-та матушка.
А во другомъ тереми высокіемъ
Да живетъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ.
Да во третьемъ тереми высокіемъ
Да живетъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
Да еще у Дюка у Степанова
Середи двора того широкаго
Да стояли погребы глубокіе.
Да во эти погребы глубокіе
Бочки спущены да на тетивочкахъ.
Да во эти погребы глубокіе
Да прове́дены да трубы мѣдные,
Трубы мѣдные да изъ чиста поля.
Да повіютъ вѣтры со чиста поля
Да во эти трубы да во мѣдные,
Да во эти погребы глубокіе,
Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
Оттого ли пиво да не затыхается.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 11 августа.

—

244.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

Когда возсіяло красно солнышко,
На наше ясно на́ небо,
Тогда нацарился грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Ёнъ царей казнилъ по-царскіе *),
Царя Симіона съ мѣста снялъ,
Отнялъ клюху ли его царскую
И снялъ порфиру королевскую.
На ту на пору, на то время
Хорошъ появился почестной пиръ,
На многіе (sic) на князей на бояровъ,
На русскіе (sic) могучихъ бога́тырей.
Всѣ на пиру ли пьяны веселы,
Да никто на пиру ничимъ не хвастае.

*) по-царски.

Да то грозный царь Иванъ Васильевичъ
Да ходитъ по гридни столовые,
Таково слово ёнъ выговариватъ:
«Да вывелъ измѣну изо Пскова,
«Я вывелъ измѣну изъ Скопсково,
«И вывелъ измѣну изъ Нова-города,
«Изъ матушки вывелъ каменной Москвы.»
Ставатъ изъ-за бо́льшаго стола большо́й-отъ сынъ,
Большо́й сынъ Иванъ Ивановичъ:
— Батюшко грозный царь сударь милосливъ!
— Дай одно слово мнѣ-ка молвити,
— За одно слово не повѣсити.
— Только есть у насъ измѣнщи́къ за однимъ столомъ:
— На князя сказать напрасной грѣхъ,
— На барина сказать напрасна смерть,
— На братца сказать братца тошно жаль,
— На себя сказать пожальчѣе всѣхъ.
— Братецъ-отъ Ѳёдоръ Ивановичъ
— Да по матушкѣ ѣздилъ каменной Москвѣ,
— Свои-ты подписи подписывалъ,
— Твои подписи похѣривалъ,
— Прибилъ указы ко всѣмъ столбамъ. —
На ту пору на то времечко,
Будто сине море вскулыбалосе,
Богатырско сердцо розгорѣлосе.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Да ходитъ по гридни столовые,
Таковое слово ёнъ выговариватъ:
«Да есть ли во пиру ли таки ма́стеръ,
«Казнить бы вѣшать роды царскіе,
«Царски роды государскіе?»
Вставатъ изъ-за меньшаго стола Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,
Говорилъ Малюта таково слово:
— Ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
— Дай указъ да за своей рукой,
— Да за до́рогой печатью государевой,
— Казнить буду вѣшать роды царскіе,
— Царски роды государскіе. —
Даватъ указъ и за своей рукой
И за до́рогой печатью государевой,
Да казнить-то вѣшать роды царскіе.
По тому по утру по рапному,
И до выхода тёпла краснаго солнышка,
Берётъ воръ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ,
Да того ли Ѳёдора Ивановича
За рученьки бралъ за бѣлые,
И за кудерышка бралъ его за желтые.
Повёлъ во полё во чистое,
Къ тому ли болоту къ Кули́кову,
На ту на казень на смертную.
И бы́ла у Ѳёдора матушка,
Обувала башмаки на босу ногу,
Шла къ братцу къ Никиты Романовичу.
«Братецъ Никита Романовичъ!
«А спишь и незгоды не вѣдаёшь.
«Надо мной несчастьё состоялосе,
«Не стало сына одинакаго,
«Твоего ли крестника любимаго.
«Увёлъ Малюта во чисто́ полё,
«Къ тому болоту Кули́кову,
«На ту на казень на смертную,
«Да хочётъ отрубить буйну голову.»
Не много Никита розговаривалъ,
А скочилъ Никита скоро-на́-скоро,
Обувалъ сапоги на босу́ ногу,
Одѣвалъ ёнъ шубу соболиную,
Накла́далъ шляпу пуховую,
Берётъ узду свою мѣдную,
Да идё на конюшню стоялую,
Берё жеребца да не ѣзжалаго,
Не ѣзжалаго да не сѣдла́ного,
Несѣдла́наго только́ узда́наго.
Только видѣли Никиту саждаючи,
Не видали Никиты поѣзжаючи,
Только столбъ стоитъ во чистомъ поли.
У вора Малюты-та Шкурлаткина
Лѣва ножка откинута,
Права рука заздынута.
А й скричалъ Никита громкимъ голосомъ:
— А й же Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!
— Не твоя воръ ѣства не тебѣ воръ ѣсть,
— А съѣси́ собака кусъ подавишься,
— Теперь тебѣ вору живу не быть. —
У вора Малюты-та Шкурлаткина,
Лѣвая нога его оглезнула,
Права́я рука его одрогнула,
Выпадала у Малюты сабля вострая.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ
Да берётъ своего крестника любимаго,
Да посадилъ ево ли на добра коня,
Да повёзъ ево ли въ каменну Москву.
Стоитъ Малюта пороздумалсе:
«Да какъ я молодецъ теперь къ царю пойду.»
Взялъ кобеля ли мелединскаго,
Отрубилъ кобелю ёнъ буйну голову
И вынялъ сердцо со печенью,
Подносилъ на подносы на серебряны,
Идетъ къ грозному царю Ивану Васильевичу,
Говорилъ царь таково слово:
— Ахъ Малюта-та Шкурлаткинъ сынъ!

— Да что же отъ сердца пéсей духъ пахнё? —
Говорилъ Малюта таково слово:
«Онъ закону-то былъ не нашево,
«Порядку былъ не хорошаго,
«Оттово ли отъ сердца песей духъ пахнё.»
Да прошло тово времени цѣлой годъ,
Да на ту ли заутрину христовскую,
Приказалъ грозной царь Иванъ Васильевичъ
Обрядиться всѣмъ въ платье опáльнеё,
Поминать-то Ѳедора Ивановича.
Да тотъ Никита Романовичъ
Одѣвае платье ёнъ цвѣтноё,
Со каменьёмъ да драгоцѣннымъ,
И пришолъ во церкву соборную
Да бьетъ челомъ поклоняется:
— Здравствуй Грозной царь Иванъ Васильевичъ,
— Со своимá ли дѣтями одинакима:
— И со тѣмъ ли Иваномъ Ивановицомъ,
— И со тѣмъ ли Ѳéдоромъ Ивановицомъ! —
Говорилъ царь таково слово:
«Да ты старая собака сѣдатой пёсъ!
«До вочью ты мною насмѣхаешься
«По ворахъ и по разбойникахъ.
«Много потучиковъ *) и попецельщиковъ
«По моёмъ по сыни по Ѳедори,
«Не потучики не были, ни попечальщики.»
Отстоялъ заутрину христовскую,
Да привёлъ къ обѣдени христовскіё,
Показалъ ли сына одинакова,
Да того ли Ѳёдора Ивановича.
Говорилъ царь таково слово:
«Да кто скраде своруе голову убьётъ,
«Да ступайте въ Микитину вотчину.»

Записано тамъ же, 11 августа.

—

XLVII.

КОСТИНЪ.

Александръ Давыдовъ Костинъ изъ дер. Кузминска на Почезерѣ (близъ Кенозера), крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Оставшись въ дѣтствѣ сиротою, онъ ходилъ по міру и тутъ, по его словамъ, еще будучи маленькимъ мальчикомъ, затвердилъ нѣсколько былинъ. Кромѣ печатаемыхъ здѣсь, онъ пѣлъ про Добрыню совершенно сходно съ Воиновымъ и про смерть Чурилы одинаково съ Сивцевымъ.

—

*) потучиковъ. тужителей?

245.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ПДОЛИЩЕ.

По той по дорожки по латынскіе,
Идётъ тутъ калика перехожая,
Перехожая калика бродимая,
По прозванію славнó Ивáнище.
Какъ на встрѣчу ему Илья Муромецъ,
Говорилъ ему Илья таково слово:
«Ужъ ты здравствуй-ко, славно Иванище!
«Благополучно ли есть во славномъ во Кіеви,
«Да здорово ли живётъ нашъ Владиміръ князь?»
Говоритъ ему славно Иванищо:
— Ужъ ты сильніи богатырь Илья Муромецъ!
— Какъ на нашъ-отъ на батюшко Кіевъ градъ
— Наѣзжаетъ нечисто Едолище,
— По прозванію Батыга Батыговичъ.
— Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ,
— Самого Владиміра въ полонъ побралъ.
Говорилъ ему Илья, Илья Муромецъ:
«А й же ты славно Иванище!
«У тя силы есть вдвоёмъ противъ меня,
«Только смѣтки-то нѣтъ противъ меня.»
Соходилъ Илья со добра коня,
Одѣваетъ онъ платье скоморошноё,
Наложаетъ онъ шляпу сорочинскую,
Да и пошелъ по дорожкѣ въ славный Кіевъ градъ.
И заходитъ Илья на царевъ кабакъ,
Говорилъ Илья таково слово:
«А й же вы чумаки цѣловальники,
«А й же вы голи кабацкіе!
«Вы сбирайте-ко голи по денежки,
«Да и мало тово по копѣечкѣ,
«Наливайте вина полтора ведра,
«Опохмѣльте калику перехожую,
«Перехожую калику бродимую.»
И тутъ склали ему голи по денежки,
Да и мало тово по копѣечкѣ,
Наливали вина полтора ведра,
Выпиваетъ калика черезъ край до дна.
Какъ пошолъ Илья въ погрéбъ глубокіе,
Да и перву бралъ бочку подъ пазуху.
А другýю бралъ бочку подъ другую,
А третью-то бочку ногой катитъ:
«Вы сбирайтесь чумаки цѣловальники,
«Вы сбирайтесь всѣ голи кабацкіе!
«Ужъ вы пейте вино всѣ безденежно,
«А молите вы Бога за Илью Муромца.»
А самъ пошолъ въ славный Кіевъ градъ,

А заходитъ онъ въ полаты бѣлокаменны,
Да во тѣ ли чертоги государевы.
Какъ во той ли полаты бѣлокаменной,
За тѣмъ за столомъ бѣлодубовымъ,
Да на той на скамейки изъ рыбья зуба,
Да сидитъ тутъ погано Едолище,
По прозванью Батыга Батыговичъ.
Какъ говоритъ Батыга таково сло́во:
— Ты скажи мнѣ, калика перехожая,
— Перехожая калика бродимая!
— У васъ есть сильній бога́тырь Илья Муромецъ.
— Онъ много ли хлѣба соли кушаётъ,
— А и много ли пьётъ зелена вина? —
Какъ говорилъ ему Илья Илья Муромецъ:
«Ужъ онъ хлѣба-то ѣстъ по три калачика,
«А напиточокъ пьётъ по три рюмочки.»
Какъ говорилъ ему Батыга Батыговичъ:
— Это нѣтъ богатыря Ильи Муромца.
— Какъ я хлѣба-то ѣмъ вѣдь по три́ печи,
— А напитокъ-то пью по три́ ведра. —
Говорилъ ему Илья Илья Муромецъ:
«У моево-то родителя батюшка,
«У его есть-то корова обжираная.
«Она сѣна-то ѣла по три воза,
«А напитокъ-то пила по три щану,
«Ей съ этихъ напитокъ всю прирвало,
«А тебя розорветъ погано Одолищё.»
Какъ хватаетъ погано Едо́лище
Со стола вѣдь ножичокъ булатніе,
Да кидаетъ въ Илью Илью Муромца,
И какъ ульнулъ у Ильи ножикъ въ червоной крестъ.
Какъ снимаетъ Илья шляпу сорочинскую,
Какъ махнулъ онъ въ Батыгу Батыгова,
Тутъ-то гдѣ его глава, гдѣ-ка тулово,
И возвелъ онъ тутъ князя на высо́къ престолъ.

Записано на Кенозерѣ, 13 августа.

—

246.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СЫНЪ ЕГО.

Изъ Волынца города Галича,
На ту на дорожку латынскую,
На ту на заставу богатырскую
Выѣзжало три сильнихъ могучихъ богатыря:
Первой богатырь Илья Муромецъ,
А второй Добрыня Микитьевичъ,
А третей Микита Романовичъ,
Простояли на заставы три мѣсяца.
Какъ во то ли во время трехмѣсячно,
Проѣзжаетъ тутъ сильніи могучіи бога́тыре,
По прозванью-то славно Аполовище.
Какъ воспроговорилъ Илья таково слово:
«Поѣзжай-ко ты Добрыня во чисто́ полё,
«И ты наѣдешь въ поли на бога́тыря,
«И ты сруби ему буйну голову.»
Какъ осѣдлалъ Добрыня добра коня,
Какъ поѣхалъ Добрыня за богатыремъ,
И наѣхалъ въ полѣ на богатыря.
Какъ бога́тырь ревитъ будто лютый звѣрь,
Подъ Добрынею конь пошарашился,
На конѣ-то Добрыня устрашился.
Повернулъ коня ко заставушки,
И пріѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу,
И самъ говорилъ таково слово:
— Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
— Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
— А бога́тырь ревитъ будто лютый звѣрь,
— Подо мною конь пошарашился,
— На конѣ-то я поустрашился. —
И говорилъ Илья таково слово:
«Поѣзжай-ко ты Микита Романовичъ!
«Поѣзжай-ко ты Микита во чисто полё,
«И ты наѣдешь въ поли на богатыря,
«И ты сруби ему буйну голову.»
Осѣдлалъ Микита ворона коня,
Поѣзжаетъ Микита за бога́тырёмъ,
Наѣхалъ онъ въ полѣ на бога́тыря,
Какъ богатырь ревитъ будто лютой звѣрь,
Подъ Микитою конь пошарашился,
На конѣ-то Микита устрашился,
Повернулъ коня ко заставушки,
Ко той ко заставы къ Илью Муромцу,
И говорилъ Микита таково слово:
— Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
— Какъ наѣхалъ я въ поли на богатыря,
— А бога́тырь ревитъ будто лютый звѣрь,
— Подо мною конь пошарашился,
— На конѣ-то я поустрашился. —
И воспроговоритъ Илья таково слово:
«Ужъ ты старость ты старость богатырская,
«Видно некому мнѣ замѣнитися,
«Надь покинуть мнѣ старость великую.»
И пошелъ на конюшню стоялую,
И беретъ жеребца неѣзжалово,
Неѣзжалово да и неуздана.
Какъ сѣдлаетъ Илья ворона коня,
Только видѣли людюшки сядучи,
А не видѣли людюшки поѣздучи,

Только копо́тка въ поли какъ столбъ стоитъ.
И наѣхалъ онъ въ поли на богатыря,
А богатырь ре́витъ будто лютой звѣрь,
И ужъ онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ:
«Ужъ ты конь ли мой конь травяной мѣшокъ,
«Развѣ конь въ полѣ не бы́ивалъ (sic),
«Вороньяво крыку не слыхивалъ?
«Не ворона ли въ полѣ розлеталасе,
«Не пусто ли перо поразгра́ялось.
«Я хвачу воро́ну въ карманъ брошу,
«Не бывать вороны на бѣломъ свѣту.»
Они ударились палицей въ палицу,
У обѣхъ у нихъ палицы поломалисе,
Не одинъ одново не поранили.
Ударились копіемъ въ копіе,
У обѣхъ у ихъ копья поломалисе,
Не одинъ одново не поранили.
Какъ сошлись на ручную поборотисе,
Какъ ушибъ ево Илья, Илья Муромецъ.
Онъ ставае колѣнами на бѣлу грудь,
Ужъ онъ самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты чьей земли ужъ ты чьей орды,
«Ты чьего отца коей матери?»
Говорилъ ему удалой доброй молодецъ:
— Ужъ ты старой сѣдатой Илья Муромецъ!
— Кабы я у тя былъ на бѣлой груди,
— Я не спрашивалъ ни имени ни вотчины,
— Не какой пути дорожки проѣзжіе.
— Вынималъ бы я ножичекъ булатніе,
— Я поролъ бы твои груди бѣлые,
— Вынималъ бы я сердце со печенью. —
Какъ второй разъ спросилъ Илья Илья Муромецъ:
«Ты скажи-тко удалой добрый молодецъ!
«Ужъ ты чьей земли, ужъ ты чьей орды,
«Чьего отца коей матери?»
Говорилъ ему удалой доброй молодецъ:
— Ужъ ты дядюшка Илья Муромецъ!
— Какъ по прозванію я славно Аполонище,
— А мать моя дѣвка Сиверьянична. —
Какъ берётъ Илья за ручки за бѣлые,
Поднимаетъ Илья отъ сырой земли,
Цѣловалъ во уста во сахарніе.
«Видно ты мнѣ сильній могучій богатыре,
«Видно ты мнѣ молодецъ ро́дной сынъ.»
Какъ садилисе о́ны на добрыхъ коней,
И поѣхали онѣ ко заставушки,
И наказалъ Илья Аполонищу:
«Ты свези своей матери низко́й поклонъ.»

Записано тамъ же, 13 августа.

—

247.

БРАТЬЯ ДОРОДОВИЧИ.

Поѣхалъ Михайло Дородовичъ,
Поѣхалъ гулять во чисто́ полё
И выѣхалъ на гору высокую,
Розвертывалъ трубку подзорнюю,
Глядѣлъ-смотрѣлъ во чисто поле.
Увидѣлъ онъ тамъ три знаменья:
Первое знамя бѣлымъ-бѣло,
Другое знамя краснымъ-красно,
Да и третьё-то знамя чернымъ-черно.
Какъ поѣхалъ Михайло Дородовичъ
Ко тѣмъ-то ко трёмъ онъ ко знамечкамъ,
Началъ е́во бурушко поскакивать,
Изъ-подъ копытъ-то онъ долы выметывать
По цѣлой овчины барановой.
Пріѣхалъ ко тѣмъ ко тремъ ко знаменямъ,
И первое знамя стоитъ бѣлъ шатёръ,
А другое знамя на шатри маковка,
А третье-то знамя стоитъ во́ронъ конь.
И соходилъ Михайло со добра коня,
И надовалъ коню пшена бѣлоярова,
А и самъ онъ зашолъ во бѣлой шатеръ.
Во бѣломъ шатрѣ удалой доброй молодецъ,
Ужъ онъ многима ранами раненой.
И какъ спросилъ онъ удала добра молодца:
«И ты удалой дородній добрый молодецъ!
«Ужъ ты гдѣ-ка битъ, гдѣ-ка раненой?»
Какъ сказалъ ему удалой доброй молодецъ:
— Ужъ былъ я во лугахъ во кургановыхъ,
— Ино я бился со погаными татарами,
— И наконецъ мнѣ-ка измѣна состояласе,
— И у туга лука тетивка порывалаcе,
— Булатняя палица поломалаcе,
— Копьё въ череню поросшаталосе,
— И востра сабля пополамъ переломилаcе.
— Тутъ обступили поганые татарове,
— Тутъ меня били да ранили. —
Какъ выходитъ Михайло изъ бѣла шатра,
Садился Михайло на добра коня,
Розвёртывалъ трубку подзорнюю,
Онъ смотрѣлъ во луга во кургановы.
Уже сколько стоитъ лѣсу темнаго,
Да и столько поганыхъ татаровей,
Да и сколько въ чистомъ поли кувыль травы,
А тово болѣ поганыхъ татаровей.
И тутъ-то молодца страхъ-отъ взялъ.
«Какъ куда мнѣ-ка ѣхать, куда мнѣ коня гнать.

«Какъ ѣхать мнѣ въ луга, такъ убиту быть,
«А домой мнѣ-ка ѣхать, нечимъ хвастати.»
И какъ поѣхалъ онъ въ луга во кургановы,
И ужъ онъ лукомъ перебилъ силы смѣты нѣтъ,
Копьемъ перекололъ силы смѣты нѣтъ,
Да и палицей прибилъ силы смѣты нѣтъ,
Да и саблей перерубилъ силы смѣты нѣтъ,
И наконецъ тово измѣна состояласе,
И у туга лука тетивка порваласе,
Булатняя палица поломаласе,
Копье въ череню росштаталосе,
Востра сабелька пополамъ переломиласе.
И обступили поганые татарове,
Да и хочутъ добра молодца съ коня стащить.
Ино ево была головушка удалая,
Да и вся была натура молодецкая.
Какъ скочилъ Михайло съ добра коня,
А хваталъ онъ поганаго татарина,
За его ли за поганые за ноги,
Началъ онъ татариномъ помахивать,
Куда махнётъ — туды улица,
Назадъ отмáхнё — переулочекъ.
И то оружьё по плечу пришло,
Прибилъ онъ татаръ до единаго,
И ужъ онъ самъ сказалъ таково слово:
«И ты родись-ко головушка удалая,
«А худа голова бы лучше нé была.»
Садился Михайло на добра коня,
Поѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
И какъ пріѣхалъ Михайло ко бѣлу шатру,
Надавалъ коню пшена бѣлоярова.
И заходитъ Михайло во бѣлъ шатеръ,
И спросилъ Михайло добра молодца:
«Ты удалой дородній доброй молодецъ!
«Ты котóраго отца, которой матери?
«Я тому бы отцу вѣдь поклонъ отвезъ.»
И какъ сказалъ ему удалой доброй молодецъ:
— Какъ по имени зовутъ меня Ѳедоромъ,
— А по отечеству Ѳедоръ Дородовичъ,
— А больше я съ тобой говорить не могу. —
И какъ тово часу молодцу смерть пришла.
А сказалъ тутъ Михайло Дородовичъ:
«Да и видно ты родимой мнѣ брателко,
«Да и старшой-отъ Ѳедоръ Дородовичъ.»
Да и предалъ онъ его тѣло сырой земли,
А своимъ онъ родителямъ поклонъ отвёзъ.

Записано тамъ же, 13 августа.

—

248.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

Уже за моремъ было за синіемъ,
Тамъ жила была молода вдова,
Молода вдова благочестивая.
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Во десятыхъ дочь одинакая,
Ею отдали замужъ зá море,
Зáмужъ зá море за морéнина,
Ею за вора за разбойника.
Она жила за моремъ девять годовъ,
На десятой годъ и стосковаласе.
Она стала звать моренинушка:
«Ты пойдемъ, морéнинушко, за море,
«Пóйдемъ за море къ родной маменькѣ,
«Къ родной маменькѣ, къ рóднымъ братьицамъ.»
Они пошли съ морéнинномъ зá море,
Какъ на встрѣчу имъ девять разбойниковъ.
Они морéнина въ море врѣзали,
А моряночку во полонъ взяли,
Во полонъ взяли и прибезчестили.
Они шли разбойники день до вечера,
Да и тутъ разбойники нодью *) сдѣлали,
Да и всѣ разбойники спать легли.
Какъ одинъ разбойникъ не спитъ, не лежитъ,
Не спитъ, не лежитъ и думу думаё,
Думу думаё, рѣчь проговорилъ.
— Ты скажи, моряночка, повѣдай мнѣ:
— Ужъ ты чьей земли, ты чьей орды,
— Ты чьево отца, которой матери? —
Начала моряночка высказывать:
«Уже за моремъ было за синіемъ,
«Тамъ жила была молода вдова,
«Молода вдова благочестивая.
«Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
«Во десятыхъ дочь одинакая,
«Меня отдали замужъ за море.»
Какъ скричитъ разбойникъ громкимъ голосомъ:
— Вы вставайте, братья, пробужáйтесе.
— Не моренина мы въ море врѣзали,
— Не моряночку во полонъ взяли,
— Въ море врѣзалú зятя любимаго,
— Во полонъ взяли сестру родимую,
— Прибезчестили единокровную. —
Какъ ставали разбойники пробужалисе,

*) мѣсто въ лѣсу съ огонькомъ для ночовки.

Какъ давали заповѣдь крѣпкую,
Начали вязать оны шелкóвъ неводъ,
Нé могли достать зятя любимаго.
И возвратилисе оны въ родимой домъ,
Онѣ въ родимой домъ и къ родной матери.

Записано тамъ же, 13 августа.

—

XLVIII.

КУКШИНОВЪ.

Николай Ивановъ Кукшиновъ, крестьянинъ-земледѣлецъ изъ дер. Кинозерской у того же Почезера, о которомъ упомянуто выше. Ему лѣтъ за 50. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, зналъ, но плохо, про Грознаго царя Ивана Васильевича и про Настасью королевичну литовскую.

—

249.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Изъ Волынца города изъ Галица,
Изъ Волынъ-земли невѣрные,
Изъ той Корелы изъ упрямые
Лежала дорожка широкая.
Въ ширину дорожка сорока саженъ,
Въ долину по дорожкѣ не бывано.
По той по дорожки широкіе
Идётъ калика перехожая.
Платье на немъ веретёнбмъ тряхнуть.
Идётъ калика шатается,
Своею клюхой подпирается,
Подъ каликой земля подгибается.
На той на дорожки широкіе,
Стоитъ тутъ застава великая,
Стоитъ сорокъ воровъ сорокъ разбойниковъ,
Сорокъ ночныхъ подорожниковъ,
Берутъ калику за бѣлы руки,
Говоритъ калика таково слово:
«Вы ай же воры разбойники,
«Вы ай же ночны подорожники!
«Чего вамъ у стара захотѣлосе,
«Денегъ у м'пя теперь не было,
«Только есть одинъ крестъ полтора пуда,
«Изъ самаво червонаво золота.»
Обступили воры разбойники:
— Намъ неча со старымъ разговаривать!
— Принимайтесь ребята за старова. —
У калики сила богатырская,
Ухватка была молодецкая.
Ухватилъ онъ разбойника за ногу,
Началъ разбойникомъ помахивать,
Разбойникъ-отъ гнётся — не ломится,
На жильяхъ проклятой не сорвется,
Куда махнетъ — туда улица,
Куда отмахнетъ — переулочокъ.
Прибилъ сорокъ воровъ всѣхъ разбойниковъ
И всѣхъ онъ ночныхъ подорожниковъ,
И самъ онъ калика впередъ пошёлъ
Приходитъ ко погребамъ питейнымъ.
Ходятъ тутъ голи кабацкіе,
Нáгольни горькіе пьяницы.
Онъ гóворилъ таково слово:
«Вы ай же гòли кабацкіе,
«Вы нáгольни горькіе пьяницы!
«Вы скиньте, голи, по денежкѣ,
«Еще прибавьте по копѣечкѣ,
«Купите вина полтора ведра,
«Опохмѣльте калику перехожую,
«Заутрá напою васъ безденежно.»
Скинули голи по денежки,
Еще прибавляли по копѣечкѣ,
Купили вина полтора ведра,
Подавали калики перехожіе.
Берётъ калика единой рукой,
Выпиваетъ калика на единой духъ.
«Спасибо голи кабацкіе!
«Не напоили старика лишь роззадорили.
«Приходите къ питейнымъ пóгребамъ,
«Напою я васъ, голи, безденежно.»
Приходили голи ко пóгребамъ,
Ждали калику перехожую.
Идетъ калика ко погребамъ,
Онъ двери колоды выпинывалъ,
Заходитъ во пóгреба питейные,
Онъ бочку берётъ онъ подъ пазуху,
Другýю берётъ онъ подъ дрýгую.
Краны печати взялъ оторвалъ:
«Пейте голи сколько надобно,
«Споминайте калику — Илью Муромца.»

Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

—

250.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И АЛЕША ДОРОДОВИЧЪ.

На той на дорожки латынскіе,
На той на заставы богатырскіе,
Стоитъ тутъ заставушка великая,
Три сильныхъ могучихъ три богатыря:
Во первыхъ богатырь Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Второй же Микита Романовичъ,
Подъ Микитой Олёша Поповичёвъ,
Нельзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному да и не пѣшему.
Какая невѣжа проѣхала,
Невѣрная сила прокатиласе,
Не спросилъ онъ ни имени, ни вотчины.
Илья говорилъ таково слово:
«Кому изъ насъ ѣхать за богатырёмъ?
«Послать намъ Алёшу Поповича.
«Поповскіе роды задумчивы:
«Хошь самъ онъ падетъ, хошь богатыря убьетъ,
«Не спроситъ ни имени, ни вотчины.
«Послать намъ Микиту Романова.»
Въ дорожку Микитушка справляется.
Онъ день-отъ ѣхалъ до темнóй ночи,
И темну ночь ѣхалъ до бѣлово дни.
Другой день ѣхалъ до темнóй ночи,
И другую ночь ѣхалъ до бѣлово дни.
Наѣхалъ онъ въ поли на богáтыря.
Богатырь кричитъ аки лютый звѣрь,
Онъ бьётъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А самъ говоритъ таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
— Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
— Ты развѣ конь вó поли не бывалъ,
— Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
— Не ворона ли въ полѣ розлеталасе,
— Не пустое ли перо порозграялось?
— Налетитъ ворона, я въ кормáнъ брошу.
— Не бывать изъ кармана вѣкъ и пó вѣку,
— Не видать воронѣ свѣту бѣлаво. —
Подъ Микитою конь пошарашился,
И онъ на конѣ пріустрашился.
Конь палъ на колѣни лошадиные,
Воротилъ Никита добра коня,
Поѣхалъ назадъ ко заставушки.
Встрѣчае родитель ево дяденька,
И дяденька Илья Муромецъ.
«Ты ай же Микитушка Романовичъ!
«Здорово ли ѣздилъ за богатыремъ,
«Срубилъ ли ему буйну голову,
«Спросилъ ли про имя про вотчину?»
— А й же дядюшка Илья Муромецъ!
— Я день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
— Темной ночи ѣхалъ до бѣлова дни.
— Другой день ѣхалъ до темной ночи,
— Другую ночь ѣхалъ до бѣлово дни,
— Наѣхалъ я въ поли на богатыря.
— Богатырь крычитъ аки лютый звѣрь,
— Онъ бьётъ коня по тучнымъ ребрамъ,
— А самъ говоритъ таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
— Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
— Ты развѣ конь вó поли не бывалъ,
— Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
— Налетитъ ворона, я въ кормáнъ брошу.
— Не бывать изъ кармана вѣкъ и пó вѣку,
— Не видать воронѣ свѣту бѣлаво.
— Подо мною конь пошарашился,
— А я на коня пріустрашился.
— Конь палъ на колѣна лошадиные,
— Воротилъ я Никитушка добра коня,
— Поѣхалъ назадъ ко заставушки. —
Илья Муромецъ призадумался,
И самъ онъ себѣ розговаривалъ:
«Вѣрно некѣмъ у стара замѣнитися.
«Росшатать развѣ старость богатырская,
«Ѣхать мнѣ въ поле за богатыремъ?»
Онъ день-отъ ѣхалъ до темной ночи,
Темну ночь ѣхалъ до бѣлово дни,
Другой день ѣхалъ до темной ночи,
Другую ночь ѣхалъ до бѣлово дни,
И третій день ѣхалъ до темнóй ночи,
И третью ночь ѣхалъ до бѣлово дни.
Наѣхалъ онъ въ поли на богáтыря.
Богатырь крычитъ аки лютый звѣрь,
Онъ бьётъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А самъ говоритъ таково слово:
— Конь ты мой конь, травяной мѣшокъ,
— Травяной мѣшокъ, медвѣжей обѣдъ!
— Ты развѣ конь вó поли не бывалъ,
— Не слыхалъ ты вороньяво покрику?
— Не ворона ли въ полѣ розлеталасе,
— Не пустое ли перо порозграялось?
— Налетитъ ворона, я въ кормáнъ брошу.
— Не бывать изъ кармана вѣкъ и пó вѣку,
— Не видать воронѣ свѣту бѣлаво. —
Подъ Ильею конь не шарашился,
Илья на кони не устрашился
И сталъ наѣзжать на богáтыря.

Ударились молодцы во палицы,
И палицы у нихъ приломалисе,
Ни который ни коéго не ранили.
Ударились молодцы во копія,
И копья у нихъ приломалися,
Ни который ни кóего не ранили.
Ударились молодцы во сабельки,
И сабли у нихъ приломалисе,
Ни который ни кóего не ранили.
Сошли оны́ поборотися.
Въ пошибкахъ пошибъ Илья Муромецъ,
И сталъ ему на бѣлы груди.
Самъ говорилъ таково слово:
«Скажи же удалъ дородній молодецъ!
«Ты чьей земли скажи чьей орды,
«Чьевó отца да чьево матери,
«Чьево урожденія великаго?»
Онъ говорилъ таково слово:
— Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
— Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
— Не спрошалъ бы ни имени ни вотчины.
— Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
— Поролъ бы твои груди бѣлые,
— Вымалъ бы я сердце со печенью. —
«Ты скажи удалый дородній молодецъ!
«Скажи чьей орды, скажи чьей земли,
«Чьево отца да чьéво матери,
«Чьево урожденія великаго?»
Онъ говорилъ таково слово:
— Ты старой чортъ Илья Муромецъ!
— Кабы я былъ на твоихъ грудяхъ,
— Не спрошалъ бы ни имени ни вотчины.
— Вымалъ бы ножищо-кинжалищо,
— Поролъ бы твои груди бѣлые,
— Вымалъ бы я сердце со печенью. —
«Не гордись нá меня, чадо милоё,
«Скажи чьей орды, скáжи чьей земли,
«Чьево отца да чьéво матери,
«Чьево урожденія великаго?»
— Я той орды, да я и той земли,
— Тово отца да товó матери,
— Тово урожденія великаго,
— Зовутъ меня Алёша Дорóдовичъ. —
Ильи Муромцу рѣчи прилюбилися,
Сходилъ какъ онъ со бѣлой груди,
Да поднялъ ево за бѣлы руки,
Цѣловалъ во уста во сахарніе,
Назвались они братьями крестовыми.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

251.

МОЛОДОСТЬ ЧУРИЛЫ.

Во славномъ батюшки во Кіеви гради,
У ласкова князя у Владиміра,
Было столованіе почестенъ пиръ,
На многіе князи а на бояра,
На сильни могучіи богатыри,
На всѣ поляницы на удалые.
Дологъ день идё ко вечеру,
Красное солнышко ко западу,
Почестные пиръ идё на весели.
Всѣ на пиру пьяны веселы,
Всѣ на пиру напивалисе,
Всѣ на честномъ наѣдалисе,
Князь-де Владиміръ свѣтелъ радошенъ,
Выходитъ на крылечко переноё,
Опирается въ перилицо точёное,
Зрѣлъ-смотрѣлъ въ чистóё во полё.
Изъ дáлека далéка изъ чиста поля
Идутъ мужики граждана,
Граждана мужики посадскіе,
Посадскіе рыболовщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьютъ-де челомъ жалобу кладутъ:
«Солнышко-де наше красное,
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Пьёшь-де ѣсй спотѣшаешься,
«Надъ нами побѣдушки не вѣдаёшь.
«Надъ нами побѣда состоялась,
«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
«У насъ-то ли было на Сароги на рѣки,
«Невѣдомые люди появилисе.
«Платье на нихъ дорогой скурлатъ,
«Источниками *) подпоясалисе,
«Шапки на нихъ черны мýрманки,
«Черны мурманки золоты вершки.
«Сапожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
«Дóрога сафьяну заморскаго,
«Хóроша шитья новоторскаго.
«Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
«Около носу яицó покатй,
«Подъ пяту соловей пролетй.
«Наши невода роздéргивали,
«Свои невода замéтывали,
«Рыбу сорогу повыловили.

*) не знаетъ.

«Намъ, государь, лову не было,
«Вамъ, государь, подносу нѣтъ,
«Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
«Скажутся-называются —
«Всё это дружина Чурилова.»
Онъ и говорилъ таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
— Не знаю я Чуриловой поселицы,
— Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
Та толпа мимо дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется.
Идутъ мужики граждана,
Граждана мужики посадскіе,
Посадскіе звѣрёловщички.
Кланяются князю поклоняются,
Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
«Солнышко-де наше красное,
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Пьёшь-де ѣсй спотѣшаешься,
«Надъ нами побѣдушки не вѣдаёшь.
«Надъ нами побѣда состояласе,
«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
«У насъ-то ли было во темныхъ во лѣсахъ,
«Невѣдомые люди появилисе.
«Наши они петельки задёргивали,
«Свои они петельки заметывали,
«Кунку да лиску повыловили,
«Чёрнаго соболя повыдавили,
«Сѣраго заморскаго заяца.
«Намъ, государь, лову не было,
«Вамъ, государь, подносу нѣтъ,
«Намъ отъ васъ нѣту жалованья.
«Скажутся-называются —
«Всё это дружина всё Чурилово.»
Онъ и говорилъ таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
— Не знаю я Чуриловой поселицы,
— Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
Та толпа мимо дворъ прошла,
Новая изъ поля появляется.
Идутъ мужики граждана
Граждана мужики посадскіе,
Посадскіе огороднички,
Кланяются князю поклоняются,
Бьютъ-де челомъ жалобу творятъ:
«Солнышко-де наше красное,
«Солнышко Владиміръ стольне-кіевской!
«Пьёшь-де ѣсй спотѣшаешься,
«Надъ нами побѣдушки не вѣдаёшь.
«Надъ нами побѣда состояласе,
«На нашихъ любимыхъ на заводяхъ,
«На нашихъ любимыхъ на займищахъ
«Невѣдомые люди появилисе.
«Наши заводи *) раздергивали,
«Свои они огороды заметывали,
«Травку-муравку повытоптали,
«Красныхъ дѣвицъ къ сорому привели,
«Молодыхъ молодушокъ прибезчестили,
«Старыхъ старухъ обизвичили.
«Скажутся-называются —
«Всё это дружина Чурилова.»
Онъ и говорилъ таково слово:
— Не знаю я Чуриловой вотчины,
— Не знаю я Чуриловой поселицы,
— Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ. —
За тѣмъ за столомъ бѣлодубовымъ,
На той на скамейкѣ слоновыхъ костей
Сидѣлъ тутъ удалой добрый молодецъ,
По имени Иванъ да Ивановичъ.
Онъ самъ говорилъ таково слово:
«Знаю я Чурилову вотчину,
«Знаю я Чурилову поселицу,
«Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.
«У Чурила дворъ на Сароги на рѣки,
«Супротивъ креста Леванидова,
«У святыхъ мощей у Борисовыхъ.
«У Чурила дворъ на семи верстахъ,
«Около двора есть булатній тынъ,
«На каждой тынинoчкѣ по маковкѣ,
«И маковки были золочёные.
«Посередь двора стоитъ три терема,
«Свéдены были по небесному:
«Нá неби солнцо и въ тереми солнцо,
«На неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
«На неби звѣзды и въ тереми звѣзды.
«Пó небу звѣздочка покатится,
«По терему звѣздочки посыплются.
«Въ которомъ же тереми Чурило живё,
«Трои были сѣни косѣрчатые,
«Трои были сѣни стекольчатые,
«Трои были сѣни рѣшатчатые,
«Полъ и середа изъ чиста серебра,
«Потолóка были соболиные,
«Зáвѣсы были миткалиновые.»
Справляется Владиміръ стольне-кіевской,
Со многими князьями со боярами,
Со всѣмà купцами со торговыма.
Поѣзжаетъ Чуриловой посéлицы смотрѣть,
Пріѣзжаетъ Владиміръ ко Чурилову двору,
Самъ говорилъ таково слово:

*) «заводы, т. е. огороды,» — такъ объяснилъ пѣвецъ.

— Какъ сказано да такъ и сдѣлано. —
Изъ этого терема высокаго,
Выходитъ старъ-младыи*) матéръ человѣкъ,
Кланяется князю поклоняется,
Берё его за ручки за бѣлые,
Проводитъ во тéрема высокіе.
Садилъ за столы бѣлодубовы,
Кормилъ да поилъ хлѣбомъ солію.
Князь-де Владиміръ воспотѣшился,
Сѣлъ подъ одошко косѣрчатое,
Зрѣлъ-смотрѣлъ во чистóе во полѐ.
Изъ дáлека далéка изъ чиста поля
Ѣдетъ молодцовъ сотъ до двухъ,
Всѣ молодцы одноличные.
Платье на нихъ дорогой скурлатъ,
Источниками подпоясалисѐ,
Шапки на нихъ черны мýрманки,
Черны мурманки золоты вершки.
Сáпожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
Дóрога сафьяну заморскаго,
Хóроша шитья новоторскаго.
Носъ-отъ шилóмъ — пята востра,
Около носу яицо покатѝ,
Подъ пяту соловéй пролетѝ.
Кони подъ нима были латынскіё,
Узды повода сорочинскіе,
Сѣделышка были чиста золота.
Кони бѣжа какъ соколы летя.
Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
Новая изъ поля появляется:
Ѣдетъ молодцовъ сотъ до трёхъ,
Всѣ молодцы одноличные.
Платье на нихъ дорогой скурлатъ.
Источниками подпоясалисѐ,
Шапки на нихъ черны мýрманки,
Черны мурманки золоты вершки.
Сáпожки у нихъ-де зеленъ сафьянъ,
Дóрога сафьяну заморскаго.
Хóроша шитья новоторскаго.
Носъ-отъ шиломъ — пята востра,
Около носу яицó покатѝ,
Подъ пяту соловéй пролетѝ.
Кони подъ нима были латынскіе,
Узды повода сорочинскіе,
Сѣделышка были чиста золота.
Кони бѣжа какъ соколы летя.
Та толпа къ нимъ на дворъ пришла,
Новая изъ поля появляется:
Ѣдетъ молодцовъ до четырехъ сотъ,
Всѣ молодцы одноличные.
Въ той толпѣ превеликіе,
Ѣдетъ Чурило сынъ Плёнковичъ.
Ѣдетъ Чурило на трёхъ лошадяхъ,
Съ лошади на лóшадь перескáкиваё,
Изъ рукѝ въ руку копьé перемéтываё.
Князь-де Владиміръ испужается:
— Какая-то невѣжа появляется,
— Не проситъ ли въ поле поединщика? —

*) «такъ слыхано.»

(Дальше не знаетъ.)

Записано тамъ же, 14 августа.

—

XLIX.

ПАТРИКѢЕВЪ.

Филиппъ Васильевичъ Патрикѣевъ, изъ дер. Дородницкой на Почезерѣ, крестьянинъ-земледѣлецъ, 40 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только двѣ былины, которымъ научился отъ своей матери, въ настоящее время дряхлой 70-лѣтней старухи.

—

252.

МИХАЙЛО ДОРОДОВИЧЪ.

По за Кіевомъ не ясёнъ соколъ въ перелётъ летитъ,
По той пути дорожкѣ широкіе,
Туды ѣдё Михайло Дородовичъ,
На своёмъ-то на бурушкѣ косматенькомъ.
У бурушка шерсть была трёхъ пядей,
И грива у бурушка трёхъ локотъ,
И фостъ у косматаго трёхъ сажонъ.
И билъ онъ копя по конниному,
И билъ онъ копя по тучнымъ бокамъ,
И по тучнымъ-то бокамъ по вострымъ ребрамъ.
И пошёлъ этотъ бурушко косматенькой,
И во всю пору-мѣть лошадиную,
И ископыть мечё конную,
И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
И по-пониже онъ облака ходячаго.
И рѣки озёра перескакивалъ,
И топучи мѣста промежъ ногъ пустилъ,
И выѣзжаё Михайло Дородовичъ
На ту ли на гору сорочиньскую,

И здрѣлъ-смотрѣлъ въ трубку подзорную,
И увидѣлъ Михайло три знамечка:
И перво-то знамё бѣлымъ-бѣло,
Да другое было знамё черны́мъ-черно,
И третьё-то знамё красны́мъ-красно.
И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
И ко тѣмъ ко трёмъ-то онъ знамечкамъ,
И пріѣхалъ Михайло Дородовичъ
И ко этымъ трёмъ онъ ко знамечкамъ.
И бѣлымъ-бѣло знамечко — бѣлъ шатёръ,
И чернымъ-черно́ знамечко — добрый конь,
И краснымъ-красно знамечко — добрый мо́лодецъ,
И лежитъ онъ бо́льнё пора́нёной.
И спрашиватъ Михайло Дородовичъ:
«И ты труднёй-то больнёй добрый молодецъ!
«Ужъ какъ гдѣ ты былъ бо́льнё пораненой?»
— Ужъ какъ былъ во лугахъ во кургановыхъ,
— Бился-дрался съ погаными татарами,
— И тутъ меня больнё поранили.
— И росчитывалъ раны кровавые:
— И коя была рана отъ туга лука,
— И другая была рана отъ востра копья,
— И третья была отъ палици булатныи. —
И не синеё морё сколыбалосе,
У Михайлы ли сердце розгорѣлосе,
И поѣхалъ Михайло Дородовичъ
И на ту ли на площадь широкую,
И на тѣ на луга на кургановы,
И на то ли болото куликово,
И на ту ли на плашку на липову,
И на ту ли на казень на смертную.
И началъ Михайло помахивать,
У туга лука тетивка срывалосе,
И востро копьё потупилосе.
И фатилъ онъ татарина за ноги,
И началъ татариномъ помахивать.
И впередъ онъ махнё — улица́ стоитъ,
И татаринъ-отъ гнется не ломится,
И на жилкахъ татаринъ подавается.
И всѣхъ онъ татариновъ повырубилъ,
Не оставилъ единого на сѣмена.

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

—

253.

РЕВНИВЫЙ МУЖЪ.

И женился князь во двѣнадцать лѣтъ,
Онъ ли бралъ княгиню девяти годовъ,
Онъ ли жилъ со княгиной ровно три годы,
На четвёртой годъ онъ гулять пошолъ.
Онъ гулялъ, гулялъ да ровно три́ годы,
На четвёртой годъ онъ домой пошолъ.
И идё онъ по полю по чистому,
Встрѣтилось ёму двѣ старицы,
И двѣ старицы двѣ чёрноризицы,
И спрашиватъ князь у тѣхъ старицей:
«Вы давно ли давно ли съ моего двора,
«Съ моего двора съ княженецкаго?»
— Мы топерь, топерь да топерёшенько,
— Съ твоего двора съ княженецкаго. —
«А здорово ли стоитъ мой высокъ терёмъ,
«И здорово ли живутъ добры конюшки,
«И здорово ли живутъ чайны чашечки,
«И здорово ли пьяны питьица.
«И здорово ли живутъ и цвѣтны платьицо,
«И здорово ли живётъ молода жена?»
На отвѣтъ-то дёржа и ты старицы:
— Твой высокъ терёмъ покося́ стоитъ.
— Добры кони да всё заѣзжены,
— И чайны чашечки да всё испри́биты,
— И пьяны питьица да всё испри́питы,
— Цвѣтны платьица да всё изношены,
— Молода жена во терему́ сидитъ,
— Во терему сидитъ колубёнь качатъ.
И не синёё-то морс всколыбалосе,
У князя сердце розгорѣлосе.
И приходитъ князь къ своему двору,
Къ своему двору да княженецкому,
Топне ворота правой ноженкой,
Улётѣли тѣ ворота середи двора,
Середи двора да княженецкаго.
Вышла княгина на круто крыльцо,
Въ одной тоненкой рубашкѣ безъ нитничка *),
Въ однѣхъ бѣленкихъ чулочкахъ безъ чеботовъ.
Вынималъ тутъ князь востру сабельку,
А срубилъ у княгины буйну голову.
А во теремъ-отъ заходитъ колубёня нѣтъ,
Колубеня нѣтъ всё пяла **) лежа.

*) сарафана.
**) для вышиванья.

Сколько шито было вдвое сплакано,
Все князя́ домончёкъ (sic) дожи́дано.
Ужъ какъ тутъ ли князь да закручинился,
И сходилъ во конюшенку стоялую,
Добры кони не ѣзжены,
Лучше стараго да лучше прежняго.
Чайны чашечки да не прибитые,
Пьяны питьица да не припитые,
Цвѣтны платьица да не изношены.
И не синё море всколыбалосе,
А у князя сердце розгорѣлосе,
И заставалъ онъ князь и во чистомъ поли
Этыхъ старицей да чёрноризицей.
Вынимаетъ князь и востру сабельку,
Онъ срубилъ у старицъ буйну голову.

Записано тамъ же, 15 августа.

—

L.

ЛЯДКОВЪ.

Иванъ Михайловичъ Кропачевъ, болѣе извѣстный по прозвищу **Лядковъ,** крестьянинъ деревни Мамоноза на Кенозерѣ, грамотный, 65 лѣтъ, высокій, сгорбленный старикъ съ сильною просѣдью. Заимствовалъ былины отъ своего отца, крестьянина-торговца, который зналъ очень много «старинъ» и превосходно ихъ пѣлъ; но отъ кого и гдѣ отецъ имъ научился, этого Лядковъ не знаетъ, потому что помнитъ отца только старикомъ. Когда онъ родился, отцу было 50 лѣтъ, умеръ же онъ въ глубокой старости лѣтъ 25 тому назадъ. Самъ позабылъ многое изъ того, что онъ прежде зналъ отъ отца, особенно съ тѣхъ поръ какъ научился грамотѣ отъ теткимонастырки (это было лѣтъ 15 тому назадъ) и предался чтенію церковныхъ книгъ. Онъ прочелъ всю Библію, Четью-Минею, Прологъ, Златую Цѣпь, Маргаритъ и др. Въ продолженіе 9-ти лѣтъ (въ концѣ 50-тыхъ и въ 60-тыхъ годахъ) Лядковъ былъ цѣловальникомъ и въ это время ему случилось бывать въ Каргополѣ, гдѣ онъ однажды встрѣтился съ г. Рыбниковымъ, который записалъ съ его словъ одну былину. Онъ означенъ въ его сборникѣ подъ именемъ «кенозерскаго цѣловальника». Развязавшись съ должностью цѣловальника, Лядковъ занялся опять крестьянствомъ, но, разоренный недавно пожаромъ, живетъ очень бѣдно. Былины поетъ не совсѣмъ пріятнымъ, хриплымъ голосомъ, но весьма складно.

—

254.

ВОЛЬГА И ЩЕЛКАНЪ.

Ди-ди-ди Волга рѣка̀,
Да широка-де мать рѣка,
Да подъ Казань подошла,
Да поширс-то тово
Была подъ Вастракань.
Много Волга рѣка въ себя побрала̀,
Да поболѣ того ручьевъ вѣдь пожрала̀,
Негдѣ Добрынюшки прогуливаться,
Негдѣ Микитинцу проѣзживаться.
Да во славномъ во Твéри во городѣ,
Да на томъ ли то было на стули на зóлотомъ,
Да и на томъ ли было ремéнчатомъ,
Да сидѣлъ туто царь-отъ Везвякъ сынъ Везвяковичъ.
Онъ сидѣлъ суды вѣдь разсуживаё,
Да слова онъ выговариваё,
Да князей-де бояръ онъ жалуё,
Онъ чинами ихъ, вотчинами.
Да ли Сеньшу на устьё послалъ,
А Щелкана-то Дудентьевича
Да тово-де пожаловалъ Тверію-то городомъ,
Да ли Тверію-то славною,
Да ли Твéрью богатою.
Да Щелканъ-отъ Дудентьевъ сынъ,
Да онъ съ улици бралъ-де по кýрици,
Со двора онъ бралъ по коню.
У кого коня-то вѣдь нѣтъ,
У того онъ жену возьмё.
У кого-де жены-то вѣдь нѣтъ,
А тово-де самово возьмё.
Да у Щелканушка не вы́служишься,
Изъ двора-то вонъ не вырѣжешься.
Да тотъ ли то Щелканушко Дудентьёвъ сынъ,
Да царь-отъ Везвякъ сынъ Везвяковичъ,
Да они слыша нарожденье богатырское
Сильняго могучаго богатыря,
Да Вольгу сына Щеслáвьевича.
Да по той ли по Волги по рѣки,
Взяли-де рыбоньку бѣлуженку повы́ловили,
Окуня сарожку повы́добыли,
Рябчика косачика повыстрѣляли,
Да лисицу куницу повыдавили.

Да тутъ Вольгушенька раждается,
Да Щелканушко кончается,
Да кончается Щелканова вотчина,
Да только ли Щелканушко живъ-то бывалъ.

Записано на Кенозерѣ, 12 августа.

—

255.

МИКУЛА СЕЛЯНОВИЧЪ И ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Да во славномъ городи Кіеви,
Да у младаго князя Владиміра,
Былъ любимые племникъ Иванъ сынъ Годиновичъ.
Онъ ѣздилъ по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Онъ сбиралъ дани пошлины,
Онъ со всѣхъ съ царей со всѣхъ королей,
Привозилъ-де во славный Кіевъ градъ,
Своему дядюшкѣ князю Владиміру.
Онъ-де набралъ много злата и серебра,
Да и набралъ много скатняго жемчуга,
Да и больше того онъ набралъ мѣди аравитскіс.
Котора была мѣдь аравитская,
Никогда она ни бусѣла *) и не ржавѣла,
Была дороже злата и серебра,
Дороже скатняго жемчуга.
Да за ту-де за ево службу вѣрную,
Ево дядюшка князь Владиміръ стольне-кіевской
Пожаловалъ Иванушку удѣломъ три города,
Которые были города, сударь, славные.
Тамъ въ ихъ жили люди упрямые,
Да никому-де они не были покорные,
Некому не давали ни дани, ни пошлины,
Да и некрутской съ себя-де повинности.
Да Иванушку пожаловалъ князь Владиміръ эти городы.
Да поѣхалъ Иванъ сынъ Годиновичъ,
Славной-отъ городъ былъ Курсовецъ,
А другой-отъ городъ Орѣховецъ,
А третьей городокъ былъ Орѣшечокъ.
Набралъ съ собой онъ дружины хоробрые
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Супротивъ себя голосомъ и волосомъ,
И рѣчью, походкой, пословицей,
И всей онъ поступочкой да молодецкою,
И выѣзжалъ-де Иванъ во чисто полё изъ Кіева.

*) чернѣла.

Ѣхалъ онъ бѣлый день до вечера,
Услыхалъ что сошка въ поли поскрыпывать,
Ратные въ поли посвистывать.
Пристигала его на пути вѣдь темна ночь.
Спалъ онъ со своей дружиной хороброю
Всю темну ночь до бѣла́ свѣту.
Таже на другіе бѣлой день,
Слышитъ что сошка въ поли поскрыпывать,
Да и ратные въ поли посвистывать.
Наѣзжае онъ во чистомъ поли,
Что пашетъ ратные,
Сырые дубья выарывать,
А пни-де коренья валитъ въ борозду.
Поровнялся супротивъ ево Иванъ сынъ Годиновичъ,
Закричалъ громкимъ голосомъ:
«Тебѣ Богъ помочь, ратные!
«Что же ты пашешь на кобылици,
«Можно бы тебѣ было и коня завести.»
Отвѣтъ ему дёржитъ ратные:
— Да моя-та кобылица
— Да буде лучше твоево коня.
Говоритъ ему Иванъ Годиновичъ:
«Почему же твоя кобылица лучше моево коня?»
— Потому она лучше твоево коня,
— Ей у м'ня дано прозванье «Унеси-голова».
— Когда я былъ во городи Курсовци,
— Купилъ я два куля соли Курсовской,
— Да оны были кулья вѣсу два девяносто пудъ.
— Да хоша злы были мужичоночка Курсовци,
— Да и зляе тово-де Орѣховци,
— Хотѣли у меня мужичоночка соль отнять,
— Соль отнять и самого убить,
— Я бралъ куль подъ пазуху,
— Другой подъ другую,
— Садился я на свою на кобылицу,
— Только видѣли они меня-де саждаючи,
— Да не могли-то меня увидать поѣзжаючи. —
Тогда говорилъ-де Иванъ Годиновичъ
Къ ратному да таково слово:
«А й же ты, ратные, какъ тебя зовутъ по имени?»
Въ отвѣтъ ратной слова держалъ:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Когда я пашу во чистомъ поли,
— Тогда называютъ меня люди ратнымъ.
— А когда приде весна-то красная,
— Будутъ мужички-де ко мнѣ ходить,
— Да ко мнѣ ходить да у м'ня и хлѣбъ купить,
— Да тогды меня зовутъ величаютъ по имени,
— Да Микула да сынъ я Селяновичъ.
— А я тебя-де спрошу, Иванъ Годиновичъ,

— Ты куда идешь-ѣдешь, куда путь держишь?—
Говоритъ-де Иванъ сынъ Годиновичъ:
«Я иду ѣду во славные городъ во Курсовецъ,
«Да й во славные городъ Орѣховецъ,
«Да й во малый городокъ-де Орѣшечокъ.
«Мнѣ пожаловалъ дядюшко Владиміръ князь,
«Покорить-то и съ нихъ дани побрать.»
Говоритъ-де Микула Селяновичъ:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Да тѣ много меня мужики вѣдь прогнѣвали,
— Я желаю тебѣ ѣхать на помочь.
— Да вели-тко ты Иванъ сынъ Годиновичъ
— Своей-то дружины хоробрые,
— Да обрать мою соху ратную съ борозды,
— Да обрать соху въ край снести,
— Чтобы не украли ей воры разбойники. —
Приказалъ-то Иванъ-отъ Годиновичъ,
Да своей-то дружины хоробрые,
Да обрать соху ратного,
Да соху въ край снести.
Да ихъ тридцать-то удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Пришли обирать соху ратного,
Да не могли сохи они съ мѣста двигнути,
Да не то что имъ соха въ край нести.
Говорилъ-то Микула Селяновичъ:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Да не почто везёшь дружину хоробрую. —
Подходилъ онъ къ своей сохѣ ратные,
Какъ поднялъ соху на руки,
Да онъ бросилъ-де сошку подъ облаки,
Самъ говорилъ таково слово:
— Ты прощай моя сошка ратная,
— Да болѣ мнѣ-ка вѣкъ на тебѣ и не пахивать. —
Какъ пріѣхали Иванъ сынъ Годиновичъ,
Да й Микула сынъ Селяновичъ,
Да во тотъ ли славной-отъ городъ во Курсовецъ,
Да й во славныя городъ Орѣховецъ,
Да й во тотъ городокъ во Орѣшечокъ,
Какъ собрались мужики къ имъ станичами,
Да учинили мужики съ нима великій бой
Какъ начали онѣ-де поѣзживать,
Да й Микула съ Иваномъ поскакивать,
И мужичковъ стали шалыгами пощалкивать.
Хоша злы мужичоночка Курсовци,
А злѣе тово-де Орѣховци,
Да видя они что дѣлать буде нечево,
Тутъ мужики покорилисе,
Да й Микулы съ Иваномъ поклонилисе.
Съ той поры стали они дань платить,
Ко князю Владиміру во Кіевъ градъ.
И тѣмъ-то у нихъ дѣло кончилось.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

256.

ЖЕНИДЬБА ИВАНА ГОДИНОВИЧА.

Во славномъ во Кіеви было-во городи,
Былъ сильніе славные богатырь
Иванъ сынъ Годеновичъ.
Ѣздилъ онъ по всѣмъ землямъ,
По всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
И во многіе земли невѣрные,
Сучинялъ-де онъ войска великіе,
Онъ царей устрашалъ и богатырей убивалъ,
Множество городовъ въ полонъ побралъ,
Роспространялъ онъ землю россійскую.
Былъ онъ во той земли да во Индіи богатые,
Увидалъ у гостя Митрія торговаго,
У купця у Индійскаго,
Его дочерь прекрасну красавицу,
Молодую Настасью Митріевну.
Какъ очи-ты у ей были какъ яснаго сокола,
А брови-ты у ей были какъ чернаго соболя заморскаго.
Рѣчь-та у ей была бѣлой лебеди кыкучіе,
А походочка у ей была птицы павиные.
Захотѣлъ онъ-де на Настасьѣ Митреевной свататься,
Приходилъ-де онъ въ полату къ купцу гостю Митрію торговому,
Онъ-де пришолъ безъ докладу и безспрося,
То-де купцю Митрію не показалосе.
Онъ бьё Иванъ челомъ гостю Митрію торговому
О добромъ дѣлѣ о сватовствѣ:
«А й же ты гость Митрій торговые!
«Есть у тебя вѣдь прекрасная дочь красавица,
«Красавица Настасья Митреевна,
«Ты пожалуй отдай за меня замужъ.»
Говорилъ гость Митрій торговые неразумную рѣчь:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Да у насъ изъ Индіи богатые,
— Да за тебя-де во Кіевъ градъ,
— У м'ня на двори и собачка не выросла. —
Да й немного Иванъ спрашивалъ,

Да й не горазно купцёмъ розговаривалъ,
Онъ бралъ-де Настасью Митреевну за бѣлы руки,
Повёлъ-де онъ во чисто полё.
Говорилъ ему гость Митрій торговые:
— А й же ты Иванъ сынъ Годиновичъ!
— У меня вѣдь есть дочка просватана,
— За тово за царя за Кощея Трипетова. —
Выѣзжаетъ Иванъ во чисто полё
Со прекрасной Настасьей Митреевной,
Онъ силу армію да впереди послалъ
Ко славному Кіеву городу,
Самъ-де лёгъ опочинуть во бѣломъ шатри,
Да онъ хотѣлъ ли съ прекрасной дѣвицей забавиться.
Да въ ту пору не стукъ стучитъ, не пыль пылитъ во чистомъ поли,
Ѣде поганый Кощуй сынъ Трипетовой.
Увидалъ-де Ивана съ Настасьей въ бѣломъ шатри,
Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ:
«Стой же Иванъ сынъ Годиновичъ!
«Да ты не всѣмъ повладѣлъ-де Настасьей Митреевной,
«Какъ она вѣдь есть моя Богомъ сужена,
«За меня у отца вѣдь просватана.
«Поѣдемъ-ко мы нынь во чисто́ полё,
«Сядемъ мы съ тобой на добры́хъ коней,
«Мы сдѣламъ надъ Настасьей великой бой.
«Да которому достанется прекрасна красавица
«Настасья Митреевна,
«Тому-де она буде молодой женой.»
Выѣзжали они во чисто поле на добрыхъ коняхъ,
Другъ на друга розъѣхались,
Копьями ударились,
У ихъ копья въ кольца согнулисе.
Они саблями ударились,
У ихъ сабли поломилисе,
Сами отъ удару на землю валилисе.
Имѣли на земли они рукопашной бой,
Ушибъ-де Иванъ Кощуя о сы́ру землю,
Сѣлъ-де Кощую на бѣлу грудь,
Самъ говорилъ таково слово:
— А й ты прекрасна красавица
— Настасья Митреевно!
— Подай ты мнѣ вострой булатній ножичокъ,
— Я роспорю Кощую груди бѣлые,
— И выну ёму сердцо ретивоё. —
Кощуй подъ низомъ лежитъ,
Говоритъ Кощуй да не съ упадкою:
«А й же ты Настасья Митреевна!
«Ты подумай нынь своимъ разумомъ:
«Какъ за Иваномъ жить, дакъ те служанкой слыть,
«А за мною быть, дакъ те царицей слыть.
«Будутъ земли покорятисе,
«Добры люди поклонятисе.
«А бери-ко ты Ивана за желты кудри,
«Тащи-ко ты Ивана съ моей груди бѣлые.»
Тутъ Настасьюшка раздумалась,
Брала-де Ивана за желты кудри,
Тащила-де она съ груди Кощуевой.
Выставалъ-де Кощуй со сырой земли.
Онъ беретъ тетивки шелковыи,
Связалъ-де Ивану ручки бѣлые,
Да завязалъ онъ крѣпко ножки рѣзвые.
Положилъ онъ Ивана подъ сы́рой дубъ,
Онъ поставилъ противо ножищо-кинжалищо,
Говорилъ-де онъ таковы слова:
«Вотъ тебѣ Иванъ сынъ Годиновичъ
«Тебѣ буде тутъ скора смерть,
«А я пойду съ Настасьей Митреевной въ бѣлой шатеръ,
«Я пойду позабавлюсе.»
Да зашолъ-де Кощуй во бѣлой шатеръ
Со прекрасной красавицей
Со Настасьей Митреевной.
Лежитъ-де Иванушко Годиновичъ,
Да подъ тѣмъ ли подъ дубо́мъ подъ сырымъ,
Да отъ желанья Иванъ Богу молится,
Чтобы Ивану отъ смерти избавиться.
Налетѣли на шатеръ на Кощуевъ вѣдь
Да два сизыхъ два голубя,
А не два голубя налетѣло два ангела,
Поразили Кощуя смертью скорою,
Только Кощуй вѣдь Трипетовъ и живъ бывалъ.
Оставалаcе Настасья единёшенька,
Выходила она изъ бѣла шатра,
Приходила къ Ивану Годиновичу,
Брала она отъ сырой земли въ руки острой ножъ,
Сама говорила Ивану таково слово:
— А й же ты молодой Иванъ сынъ Годиновичъ!
— Ты возмешь ли нынь меня Настасью за себя замужъ?
— Если ты взять обѣщаешься,
— То я розрѣжу тетивки шелковые
— На твоихъ на бѣлыхъ рукахъ,
— А нѣтъ дакъ предамъ тѣ смерти скорые. —
Да Иванъ на земли лежитъ,
Говоритъ Иванъ да не съ упадкою:

«А й же ты Настасья Митреевна!
«Я возьму тебя за себя замужъ,
«Только я тебѣ дамъ три грозы превеликіе:
«Перву грозу — отрублю ручки бѣлые,
«Другу́ю грозу — отсѣку ноги рѣзвые,
«А третью грозу — отсѣку твою буйную голову,
«Да и вырѣжу все твое доброё.»
Таковыхъ угрозъ Настасья испугалась,
Опустила ножъ изъ бѣлыихъ рукъ,
Палъ-де къ Ивану по тетивкамъ шелковымъ,
Онъ розрѣзалъ у Ивана на рукахъ тетивки шелковые.
Тутъ-то Иванъ сынъ Годиновичъ отъ земли возсталъ,
Бралъ-де онъ Настасью Митреевну за бѣлы руки,
Отсѣкъ онъ ей ручки бѣлые,
Самъ говорилъ таково слово:
«Эты мнѣ ручки не надобно,
«Обнимали поганаго Кощуя Трипетова.»
Отрубилъ ножки рѣзвые,
Самъ говорилъ таково слово:
«Да этые ножки мнѣ не надобно,
«Оплетали Кощуя Трипетова.»
Да отрѣзалъ ей уста тѣ сахарніе,
Самъ говорилъ таково слово:
«Этые уста мнѣ не надобно,
«Цѣловали Кощуя Трипетова.»
Да ископалъ-то у Настасьи очи ясные,
Да отсѣкъ-де у ей буйну голову,
А только-то Иванушко и женатъ бывалъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

257.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Во славномъ во Кіеви городи,
Былъ сильніе славные богатырь Илья Муромецъ.
Онъ ѣздилъ да́лече далѐче во чистомъ поли,
Онъ ѣздилъ много времени.
Цвѣтно платье ево истаскалосе,
Золота казна у ево издержалассе.
Пріѣзжаё во Кіевъ градъ,
Захотѣлъ онъ съ пути-дорожки опохмѣлиться,
Приходитъ онъ во царевъ кабакъ,
Говоритъ чумакамъ чѣловальникамъ:
«А й вы братцы чумаки чѣловальники!
«Я ѣздилъ долго въ чистомъ поли,
«Цвѣтно платье у м'ня истаскалосе,
«Золотая казна у м'ня издержалаасе,
«Я желаю теперь съ пути опохмѣлиться,
«Со своими людьми познакомиться.
«Вы позвольте мнѣ три бочки сороковые
«Зелена вина безденежно.»
Говорятъ чумаки чѣловальники:
— А й ты старая собака, сѣдатый пёсъ!
— Да не дадимъ мы безъ денегъ зелена вина. —
Да не много-то Илья у ихъ спрашивалъ,
Да не много съ нима разговаривалъ.
Приходилъ онъ ко подвалу кабачному,
Онъ пиналъ правой ногой во двери подвальніи,
Бралъ онъ бочку сороковую подъ пазуху,
Да другу́ю бралъ подъ другу́ю,
Третью бочку онъ ногой катилъ.
Выходилъ Илья да на зеленый лугъ,
Закрыкалъ онъ во всю голову человичію,
Во всю силу свою богатырскую,
Онъ зычнымъ громкимъ голосомъ:
«А й вы братцы мои пьяницы,
«Да вы голи кабацкіе,
«Кабацкіе голи мужички деревенскіе!
«Вы пожалуйте ко мнѣ на зеленый лугъ,
«Да вы пейте у м'ня зелена вина до́ пьяна,
«Да вы молите Бога за стараго.»
Да собиралисе пьяницы голи кабацкіе,
Мужики деревенскіе на зеленый лугъ,
Они пили вино да и безденежно.
Да чумаки чѣловальники
Не могли у Ильи отнять зелена вина.
Да Илья-то Муромецъ скидалъ съ себя шубу соболиную,
Обливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
Самъ волочилъ по лу́жечку зеленому,
Онъ ко шубы приговаривалъ:
«Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.
«Судитъ ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина.
«Да по этому лужечку зеленому,
«А ёму отъ моихъ бѣлыхъ рукъ плакати.»
Услыхали эти рѣчи чумаки чѣловальники,
Приходили ко князю Владиміру,
Они били челомъ низко кланялись.
— Да ужъ ты нашъ свѣтъ государь-де Владиміръ князь!
— Да мы не знаемъ у насъ вчера какое чудо сотворилосе,
— Да не знаемъ кто пришолъ:
— А чертъ ли пришолъ, али водяной пришолъ
— Къ намъ на царевъ кабакъ.

— Онъ просилъ зе́лена вина безденежно
— Три бочки сороковые,
— А мы безденежно ёму вино не́ дали.
— Да онъ не много у насъ спрашивалъ,
— Да не горазно съ нами разговаривалъ,
— Шолъ ко подвалу кабачному,
— Онъ пиналъ-де во двери подвальніе правой ногой
— Бралъ онъ бочку сороковую подъ пазуху,
— А другую бралъ бочку подъ другую,
— Да третью бочку ногой катилъ.
— Да й выходилъ онъ сударь на зеленый лугъ,
— Закричалъ-де онъ громкимъ голосомъ,
— Во всю голову человическу,
— Во всю силу свою богатырскую:
— А й вы братцы мои вы товарищи,
— Пьяници голи кабацкіе,
— Мужички деревенскіе!
— Вы пожалуйте ко мнѣ на зеленой лугъ,
— Да вы пейте у м'ня зелена вина безденежно.
— Приходили тутъ пьяници голи кабацкіе,
— На зеленой лугъ,
— Роспоилъ оно вино имъ безденежно,
— Да скипалъ съ себя шубу соболиную,
— Да уливалъ эту шубу зеленымъ виномъ,
— Да й волочилъ по лужечку зеленому,
— Да онъ ко шубы приговаривалъ:
— Да уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ,
— Да судитъ ли мнѣ Богъ волочить собаку князя Владиміра
— Да по этому лугу зеленому.
— Да намъ нечѣмъ сударь Владиміръ князь,
— Нечѣмъ буде за вино разсчетъ держать. —
Воскричалъ князь Владиміръ стольне-кіевской
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Посадить его въ погребъ глубокіе,
«Въ глубокъ погребъ да сорока саженъ.
«Не дать ему не пить не ѣсть да ровно сорокъ дней,
«Да пусть онъ помрётъ собака и съ голоду.»
Какъ узнала про это честная вдовица княгиня Апраксія,
Что посаженъ Илья Муромецъ да во глубокъ погрёбъ,
Она сдѣлала подкопъ ту тайную,
Да во тотъ ли погребъ глубокіе,
Кормила поила Илью ровно сорокъ дней.
Да прошолъ туто слухъ по всѣмъ землямъ по всѣмъ ордамъ,
Да прознали то всѣ короли иностранные,
Что не стало во Кіеви во городи
Славнаго богатыря Ильи Муромца.
Изъ той земли изъ Корельскіе
Подходилъ тутъ подъ Кіевъ градъ
Собака Галинъ царь,
Со своей силой арміей.
Да й не много не мало было силы нагонено,
Да колько было въ лиси лѣсу стоячаго,
Да й на лѣсочку-то прутья вѣсучаго,
А на прутьяхъ листочку зеленаго.
Онъ пишё во Кіевъ градъ ко князю Владиміру,
Да ли пишё къ ёму со угрозами:
— А й ты князь Владиміръ стольній-кіевской!
— Ты пожалуй-отдай добромъ мнѣ Кіевъ градъ,
— Безъ бою-то драки великіе.
— А если добромъ не дашь Кіева,
— То я возьму его силою,
— Я князей бояръ твоихъ всѣхъ повырублю,
— Да и княгины боярыней живыхъ въ полонъ возьму,
— А тебя князя Владиміра
— Предамъ смерти скорые. —
Тѣхъ-то угрозъ Владиміръ князь испугается,
Объ Ильи Муромци схватается.
«Какъ бы былъ у м'ня живъ несудимый богатырь Илья Муромецъ,
«Да я не слышалъ бы я этой угрозы великіе.»
Да приходитъ честная вдовица княгиня Апраксія
Ко князю Владиміру.
Она бьетъ челомъ да й поклоняется:
— Да ужъ ты свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
— Да ты прости меня я виновата есть:
— Да живъ-то Илья да вѣдь Муромецъ,
— Онъ сидитъ во тёмномъ во погреби.
— Я сдѣлала подкопъ тутъ тайную
— Да во тотъ ли во погребъ глубокіе,
— Я поила кормила его сорокъ дней. —
Да говоритъ ей Владиміръ князь:
«А й же ты честна́я вдова княгина Апраксія!
«Если правду говоришь до люби буду жаловать,
«А если нѣтъ жива, буду казнить твою голову.»
Приходилъ князь во погребъ глубокіе,
Тотъ погребъ сорока саженъ.
Онъ приходитъ къ Ильи поклоняется,
Говорилъ-то Владиміръ Ильи таковы слова:
«Ты прости, сударь Ильюшенка, во пе́рвой вины,
«Этому дѣлу были виновны тѣловальники.»
Да приходитъ во погребъ честная вдова княгина Апраксія,
Да приходитъ Ильи поклоняется:
— А й же ты сильній богатырь Илья Муромецъ!

— Послужи ты за вѣру христіанскую,
— Да и за землю россійскую,
— Да за славный за Кіевъ градъ,
— За вдовъ за сиротъ за бѣдныхъ людей,
— За меня молодую княгину Апраксію,
— Да за князя за стольнего Владиміра. —
Говорилъ тутъ Илья-де Муромецъ:
«А й же ты честная княгиня вдовица Апраксія!
«Я иду служить за вѣру христіанскую,
«И за землю россійскую,
«Да и за стольніе Кіевъ градъ,
«За вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей.
«И за тебя молодую княгину вдовицу Апраксію.
«А для собаки-то князя Владиміра,
«Да не вышелъ бы я вонъ изъ погреба.»
Выходилъ-то Илья изъ погреба глубокаго,
Онъ сѣдлалъ-уздалъ своего коня добраго,
Онъ садился на добра коня,
Бралъ онъ въ руки шалыгу желѣзную,
Да желѣзну шалыгу дорожную,
Да котора была вѣсу ровно сто пудовъ.
Да поѣхалъ онъ во чисто́ полё,
Гдѣ стояла сила собаки царя Галина.
Только видѣли молодца на коня вѣдь саждаючи,
Да не увидѣли куда его поѣдучи.
Онъ какъ взялъ этой шалыгой помахивать,
Да и по татарамъ пощалкивать,
Дакъ куда ли махнё — улица́ падё,
А назадъ отмахнё — переулици,
Да исприбилъ онъ всѣхъ до единаго.
Пріѣзжалъ ко шатру-де онъ царскому,
Да онъ берётъ-де въ полонъ самого царя Галина,
Предалъ его смерти скорые.
Да тѣмъ рѣшилосе царство татарское,
Покорилась земля-де Корельская.
Да стольнёму князю Владиміру,
Да стали тата́рове
Съ той по́ры дань платить,
И тѣмъ это дѣло прикончилось.

Записано тамъ же, 13 августа.

—

258.

ВАСИЛІЙ ИГНАТЬЕВИЧЪ И БАТЫГА.

Изъ-подъ бѣлые березки кудревастенькіе,
Изъ-подъ чуднаго креста Деванделидова
Шли туто четыре гнѣдые туры,
Гнѣдые туры олени златорогіе.
Они шли-де бѣжали мимо Кіевъ градъ,
Они видѣли надъ Кіевомъ городомъ
Чудо ли чудноё, диво ли дивное:
Да на той ли стѣны городовыи,
Да стоитъ-то дѣвица душа красная,
Держитъ она въ бѣлыхъ-де рукахъ
Да святую книгу-де евангелье,
Колько читатъ вдвоё плакала.
Да на стрѣчу турамъ йде турица златорогая:
«Да вы здравствуйте туры-де олени златорогіе!
«Да вы шли-де мимо Кіевъ мимо градъ:
«Что ли надъ Кіевомъ видѣли,
«Али что ли надъ городомъ слышали?»
— Да мы видѣли надъ Кіевомъ городомъ,
— Да ли чудо-то видѣли чудное,
— Да ли диво-то видѣли дивноё.
— Да на той ли стѣны-де ограды городовые,
— Да стояла дѣвица душа красная,
— Да держала-де въ рукахъ Божью книгу,
— Али Божію книгу святое евангелье.
— Сколько читала вдвое плакала. —
Возговоритъ турица златорогая:
«А вы глупые туры олени златорогіе!
«Да не дѣвица тутъ стояла душа красная,
«Да стѣна та-де ограда городовая.
«Она плакала о вдовахъ о сиротахъ о бѣдныхъ о головахъ.»
Да на ту ли пору вре́мечко,
Да ко нашему городу Кіеву
Подходилъ-то вѣдь царь Батыга Батыговичъ,
Онъ привёлъ много силы-де арміи:
Колько было-де въ лиси лѣсу стоячево,
На лѣсочку-то прутья вѣсучево,
Да на прутьицахъ листьица зеле́ненькаго, —
Только у Батыги было силы нагонено.
Да во славномъ во Кіеви во городи
Сильныхъ славныхъ тѣхъ богатырей не лучилосе.
Самсонъ Святогоръ за синимъ за морёмъ,
Славные Илья-то вѣдь Муромецъ,
Тотъ да́лече, дале́че во чисто́мъ во поли,
А Добрыня съ Олёшкой у Макарья на желты́хъ на пескахъ.
Только во Кіеви осталосе во городи
Одна-та вѣдь голь-та кабацкая,
Молодые Василей Игнатьевъ сынъ.
Да въ младые лѣта онъ во двѣнадцать лѣтъ,
Да онъ пропилъ житьё-бытьё отеческо богачество,
Онъ ходилъ темной ноченкой,
Да за стѣну онъ ходилъ городовую.
Не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
Прямо онъ скакалъ черезъ башни наугольніи,

Выходилъ онъ во чисто́ во полё,
Приходилъ онъ ко Батыгину шатру̀.
Онъ убилъ у Батыги у царя у Батыговича,
Онъ убилъ у Батыгушки три́ головы,
Да которые головушки ни лучшенькіе:
Первую головушку — мила́ сынка,
А другу̀ю-ту головушку — любимаго зятушка,
Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
А третью-ту головушку — большо́го дьяка,
Да большо́го-то дьяка ево здумщика.
Пишё-де Батыга ко князю ко Владиміру,
Али пишё Батыга со угрозами:
— А ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-кіевскіе!
— Кто-де теперь у тебя виноватой есть,
— Кто у м'ня убилъ-де три́ головы,
— Да которые головушки ни лучшенькіе:
— Первую головушку — мила́ сынка,
— А другу̀ю-ту головушку — любимаго зятушка,
— Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
— А третью-ту головушку — большого дьяка,
— Да большо́го-то дьяка моего здумщика,
— Нонь пришли ко мнѣ, сударь, виноватаго. —
Солнышко Владиміръ-отъ князь стольне-кіевскіе
Собиралъ-де почестный пиръ,
На многіе князи онъ на бояра,
Да й на сильни на могучи на богатыри.
Да на всѣ ли поляницы на удалые.
Говорилъ-де Владиміръ на пиру таково-де слово:
«А вы ли мо́и князи есть бояра,
«И всѣ вы мо́и сильни могучи богатыри,
«Всѣ тѣ поляничи удалые!
«Да ли кто ли изъ васъ винова́тъ сударь есть?
«Кто ли почесь-де ходилъ тёмной ноченкой,
«Черезъ стѣну онъ ходилъ-де городовую,
«Не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
«Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню наугольную?
«Кто ли убилъ у Батыги царя у Батыговича
«Три головы которые головушки ни лучшенькіе:
«Первую головушку — мила́ сынка,
«А другу̀ю-ту головушку — любимаго зятушка,
«Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
«А третью-ту головушку — большо́го дьяка,
«Да большо́го-то дьяка ево здумщика.
«Нынь ступай-ко ко Батыги со отвѣтами.»
Да большой-отъ столъ тулился за середняго,
А середней столъ тулился за меньшаго,
А меньшово стола́-де князю отвѣту нѣтъ.
Да со той ли скамеечки дубовенькіе,
Изъ-за того ли стола изъ-за меньшаво,
Выставае каравульніе сторожъ вѣдь,
Онъ приходитъ ко князю ко Владиміру:
— А й ты солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскіе!
— Да я знаю ли кто у насъ виноватъ сударь есть.
— Есть у насъ во Кіеви во городи голь-та кабацкая
— Молодые Василей Игнатьевъ сынъ:
— Да въ младые онъ лѣта во двѣнадцать лѣтъ,
— Онъ пропилъ всё отеческо житьё-бытье богачество,
— Онъ ходилъ-де тёмной ноченкой,
— Черезъ стѣну-ту ходилъ онъ городовую,
— Да не путёмъ онъ ходилъ не дорогою,
— Онъ-де прямо скакалъ черезъ башню наугольную.
— Онъ убилъ у Батыгушки три головы. —
Солнышко Владиміръ князь стольне-кіевскіе
Доставае онъ Василья на почестенъ пиръ.
Приходитъ Василей на почестный пиръ,
Да онъ крестъ-отъ кладё по писаному,
А поклоны-ты ведё по учёному,
Да онъ князю-то Владиміру поклоняется въ особину:
«А й ты солнышко Владиміръ-де князь!
«Да не достоенъ я притти къ тебѣ на почестенъ пиръ.»
Да возговоритъ Владиміръ-де князь:
— А й же ты Василей сынъ Игнатьевичъ!
— Да почто ты убилъ у Батыгушки три головы,
— Да которые головушки ни лучшенькіе?
— Нынь ступай-ко ко Батыгѣ со отвѣтами. —
Да отвѣтъ держитъ Василей Игнатьевъ сынъ:
«А й ты солнышко Владиміръ-де князь стольне-кіевскіе!
«Не могу я нынь итти ко Батыги со отвѣтомъ,
«Какъ болитъ у м'ня съ похмѣлья буйна́ голова,
«Да дрожа у м'ня съ похмѣлья всѣ жилья подколѣнныя.
«Да налей-ко ты мнѣ чарочку похмѣльную,
«Да опохмѣль-ко мою буйну голову
«Похмѣльною чарочкой зелёнаго вина,
«Этого вина полтора-де ведра,
«А другу налей пива-то пьянаго,
«А третью ты налей меду сладкого.»
Наливалъ Владиміръ князь-де чару похмѣльную,
И сливалъ онъ питьё въ еди́ное мѣсто,
То вѣдь этого питья было полпята́ ведра.
Да принималъ-то Василей чарочку еди́ною рукой,
Выпивалъ-то Василей на еди́ныя духъ,

Говорилъ-то Василей таково слово:
«Да топеречу Васильюшко поправился,
«Да спасибо тѣ царь Батыга Батыговичъ,
«Что пріѣхалъ ко нашему Кіеву городу,
«Да привёзъ ко мнѣ-ка чарочку похмѣльную.
«Не видать бы мнѣ-ка чарочки похмѣльные
«Да отъ ласкова князя Владиміра.»
Нонь пошолъ-де Василей во чисто́ во полё,
Да во чи́стое поле ко Батыгину шатру.
У собаки у царя у Батыги у Батыговича,
Нѣту на воротахъ-де Спасова образа,
Помолиться-то Васильюшку не кому.
Онъ приходитъ ко Батыги во бѣлые шатѐръ,
Онъ приходитъ къ Батыги поклоняется.
Говоритъ-де вѣдь царь Батыга Батыговичъ:
— А й ты голь же кабачкая,
— Молодые Василей Игнатьевъ сынъ!
— Да ты ли то топерь виноватый есть,
— Ты ли почесь приходилъ ко мнѣ во бѣлой шатѐръ,
— Ты почто у м'пя убилъ-де вѣдь три головы
— Да которые головушки ни лучшенькіе:
— Первую головушку — мила́ сынка,
— А другу́ю ту головушку — любимаго зятушка,
— Да любимаго-то зятя Торокана Кара́никова,
— А третью ту головушку — большо́го дьяка,
— Да большо́го-то дьяка мово здумщика. —
Возговоритъ Василей таковое слово:
«Да помилуй-де царь Батыга Батыговичъ!
«Да моё-то вѣдь дѣло поднево́льное,
«Да моё-то вѣдь дѣло поднача́льное.
«Да ты прости, сударь, во пе́рвой вины,
«Да пожалуй мнѣ силы-де арміи три́ста тысячъ,
«Я пойду-де подъ стольніе Кіевъ градъ,
«Да я скоро-де градъ въ полонъ безъ труда возьму.
«Да я знаю гдѣ-ка тонкая стѣна городо́вая,
«Да я знаю гдѣ-ка полы ворота ты не залóженые.»
Да сдавался Батыга на Васильевы слова,
Давалъ-де Васильюшку силы три́ста тысячъ,
Да выходилъ-то Василей во чисто́ во полё,
Да выводилъ-де онъ силушку Батыгина,
Да бралъ онъ-де татарина за ноги,
Да какъ началъ онъ татариномъ помахивати,
Куды-де махнё — улица́-де падё,
Отмахнё-де — переулочки,
Да исприбилъ онъ татаръ всѣхъ до еди́наго.
Да пошолъ онъ ко Баты́гину шатру́,
Ко Батыги ко царю ко Баты́говичу,
Увидалъ-то Батыга Василья единёшеньки,
Да садился Батыга на добраго коня,
Да поѣзжалъ онъ въ свою-де вѣдь сторону.
Проговорилъ Батыга таково-де слово:
— Да унеси-тко Господь буйну голову,
— Да отъ стольнёго города отъ Кіева,
— Да отъ молода Василья отъ Игнатьевича.
— Да не дай болѣ Богъ бывать подъ Кіевомъ,
— Да не дѣтямъ моимъ-де не внучатамъ,
— Да не роду моему-де не племени. —
Только-то Батыгушка подъ Кіевомъ бывалъ.

Записано тамъ же, 11 августа.

259.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Молодой Василій Буславьевичъ,
Да во млады лѣто былъ восемнадцать лѣтъ,
Заводилъ онъ почестенъ пиръ —
Изобрать себѣ дружина хоробрая.
Много на пиръ народу ко Василью съѣзжалосе.
Выходилъ то Василей преже пиру на широкой дворъ,
Говорилъ-то Василей таково слово:
«Кто хочё къ Василью на пиру вѣдь быть?»
Бралъ-то Василей въ руки черлёный вязъ,
Ударялъ народъ по рѣзвымъ ногамъ:
Кто отъ удару ево выстоитъ,
Тотъ ему буде дру́жина хоробрая:
Перебилъ онъ народу многи тысячи,
Только нашлося дружина хоробрая.
Ѳома толстородливой,
Да Костя Бѣлозе́рянинъ,
Ванюша Новгоро́жанинъ.
Да пошли со двора мужики отъ Василья Буславьева,
Все идутъ со двора-де ругаючи,
Все Василья проклинаючи.
— Да упито было у вора Василья не уѣдено,
— Да и въ красни́ въ хорошѣ не ухожено,
— Только на вѣкъ безвѣчья зализено. —
Услыхалъ-де солнышко Владиміръ князь да стольне-кіевской,
Созывалъ онъ Василья къ себѣ на почестенъ пиръ.
Всѣ на пиру напивалисе,
Да многіе люди на пиру поросхвасталисы:
Умной-отъ фастатъ отцемъ матерью,
А богатой-отъ фастатъ золотой казной,

А глупой-отъ фастатъ молодой женой.
А Василей-отъ Буславьевичъ,
Съ молодого ума разума,
Воспроговорилъ-то онъ словечушко глупое:
«А й ты князь Владиміръ стольне-кіевской!
«Я могу итти биться-драться со всѣмъ Новымъ-градомъ,
«Со своею дружиной хороброю,
«Оприче двухъ мочастырей Юрьева и Антоньева.»
Ударились оны о великъ закладъ:
Если Василей побьётъ съ князя два ста тысячъ,
Если побьютъ мужики Новгорожана,
То Василью голова срубить.
Бой чинить на мосту на калиновомъ,
Да на славной на рѣчкѣ на Волхови.
Тутъ на пиру припапилисе,
Тутъ на пиру припаѣлисе,
Розошолся у князя почестепъ пиръ.
Приходилъ онъ Василей въ свои полаты бѣлокаменны,
Ложился онъ во спальню во тёплую,
Спалъ онъ съ хмѣлю тёмну ночь до бѣла свѣту,
Да не могъ пробудиться, прошло много бѣла дня.
Во ту пору биласе ево дружина хоробрая
На мосту на калиновомъ,
На той ли на рѣчкѣ на Волхови.
Малая дѣвушка черниавочка,
Васильёва вѣрна служаночка,
Мыла она бѣлё на рѣчкѣ на Волхови,
Выходила она съ коромысломъ дубовымъ,
На тотъ на калиновъ мостъ,
Убила она новгорожанъ до трёхъ вѣдь сотъ.
Приходила къ Василью во спальню во тёплую,
Говорила она таково слово:
— А й же ты молодый Василій Буславьевичъ!
— А й же ты пьешь ѣсй да проклажаеться,
— Али сладко спишь забавляеться,
— А надъ собой ничего-де не знаешъ не вѣдаёшь.
— У твоей-то у дружины хоробрые,
— На мосту на калиновомъ,
— Да на той ли на рѣчкѣ на Волхови,
— На бою ихъ головки проломаны,
— Да уже платками кушаками были завязаны.—
Пробужался Василій Буславьевичъ изъ велика сну,
Бралъ на дворн онъ ось ту телѣжную,
А телѣжную ось ту дорожную,
Выходилъ-то Василій Буславьевичъ на калиновъ мостъ,
На ту ли на рѣчку на Волхово,
Говорилъ таковы слова:
«А й же вы моя дружина хоробрая!
«Поразстропьтесь, пороздвиньтесь на стороны,
«Чтобы мнѣ васъ не убить вмѣсто съ новы-горожаны.»
Какъ зачалъ Васильюшко осью помахивать,
Исприбилъ новгорожанъ онъ до единаго.
Былъ у новгорожанъ староста Ѳома Родивоновичъ,
Шолъ въ монастырь-де онъ Юрьевской,
Упросилъ-де онъ старца сильня богатыря,
Посулилъ-де онъ старцу много золотой казны,
Чтобы онъ побѣдилъ-де Василья Буславьева,
А этотъ старецъ былъ Василью крестный батюшко.
Да пошолъ-де старецъ на калиновъ мостъ,
Да на ту ли на рѣчку на Волхово,
Къ своему сыну крестному
Молодому Василью Буславьеву.
Онъ клалъ на свою голову колоколъ манастырскіи,
Который колоколъ былъ вѣсу ровно три тысячи,
Онъ идётъ-де колокольнимъ языкомъ подпирается.
Тутъ калиновъ мостъ да подгибается.
Какъ поровнялся съ сыномъ крестнымъ,
Съ молодымъ-де Васильёмъ Буславьевымъ,
Говорилъ-де Василей таковы слова:
«А й ты собака мой крестные батюшко!
«Какъ безъ тебя было у насъ съ княземъ дѣло дѣлано,
«Да й безъ тебя были записи написаны.
«Да не дождался ты яичка отъ крестника о Христовѣ дни,
«Дакъ вотъ тебѣ нынь яичко о Петровѣ дни.»
Какъ ударилъ его осью телѣжною въ голову,
Росололъ колоколъ монастырскіи,
Который былъ вѣсу пудовъ три тысящи,
И проломилъ онъ у старца ево буйну голову.
Тѣмъ тутъ бой на мосту прекращается.
Получае Василей Буславьевичъ со князя Владиміра
По залогу золоту казну до двухъ сотъ тысячъ.
Какъ Василей Буславьевичъ,
Со своей-то дружиной хороброю,
Получили они со князя залогъ золоту казну,
Пировали онѣ угощалисе
Ровно семь-де дёнъ.
Да отъ той-де великой отъ радости,
Послѣ этого пиру великаго,
Вышли на гору высокую,
Не могли никакъ у себя силы извѣдати.

Увидали на горѣ лежитъ сѣрые горючіе камешокъ,
Въ долину камѐнь да сорока́ саженъ,
Въ ширину камень да двадцати саженъ,
Въ толщину камень да десяти саженъ.
Брали они въ руки копья долгомѣрныя,
Скакали они поперекъ сѣра горючаго камешка.
Да захотѣлось скакать вдоль сѣра угрюмаго (sic) камешка.
Да мало того Василью показалосе,
Говорилъ-то своей дружинѣ хоробрые:
«А й же вы моя дружина хоробрая!
«Вы скачите вдоль камешка наперёдъ лицомъ,
«А я буду скакать назадъ лицомъ.»
Какъ скочилъ-де Василій назадъ лицомъ,
Вдоль сѣра горючаго камешка,
Какъ перенёсъ ножку правую,
А задѣлъ ножкой лѣвою,
Да упалъ-де Василій о сыру землю,
Только-де Васильюшко тутъ живъ бывалъ,
Получилъ тутъ Васильюшко скору смерть.
Оставалась дружина хоробрая:
Ѳома толстородливой,
Костя Бѣлозѐрянинъ,
Да Ванюша Новгоро́жанинъ.
Да тому молодцу такова слава,
А тѣмъ дѣло всё ихъ кончилось.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

260.

АВДОТЬЯ РЯЗАНОЧКА.

Славные старые король Бахметъ турецкіе.
Воевалъ онъ на землю россійскую,
Добывалъ онъ старые Казань городъ подлѣсные.
Онъ-де стоялъ подъ городомъ
Со своей силой арміей,
Много поры этой было времени,
Да й розорилъ Казань городъ подлѣсные,
Розорилъ Казань-де городъ на-пусто.
Онъ въ Казани князей бояръ всѣхъ вырубилъ,
Да и княгинь боярыней
Тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ.
Полонилъ онъ народу многи тысячи,
Онъ повёлъ-де въ свою землю турецкую,
Становилъ на дороги три заставы великіе:
Первую заставу великую —
Напускалъ рѣки, озёра глубокіе;
Другую заставу великую —
Чистые поля широкіе,
Становилъ воровъ разбойниковъ;
А третьюю заставу темны лѣсы —
Напустилъ звѣрьёвъ лютыихъ.
Только въ Казани во городи
Оставалась одна молодая жонка Авдотья Рязаночка.
Она пошла въ землю турецкую
Да ко славному королю ко Бахмету турецкому,
Да она пошла полону просить.
Шла-де она не путёмъ, не дорогою,
Да глубоки ты рѣки, озёра широкіе
Тѣ она плово́мъ плыла,
А мелкіе ты рѣки, озёра широкіе
Да тѣ ли она бродкомъ брела.
Да прошла ли она заставу великую,
А чистые поля тѣ широкіе,
Воровъ разбойниковъ тѣхъ о полдёнъ прошла,
Какъ о полдёнъ воры лютые,
Тѣ опочивъ держа.
Да прошла-де вторую заставу великую
Да темны ты лѣса дремучіе,
Лютыхъ звѣрей тѣхъ о полночь прошла,
Да во полно́чь звѣри лютые
Тѣ опочивъ держа.
Приходила во землю турецкую
Къ славному королю Бахмету турецкому,
Да въ его ли палаты королевскіе,
Она крестъ-отъ кладетъ по писаному,
А поклоны-ты ведё по учёному,
Да она бьё королю-де челомъ низко кланялась.
«Да ты осударь король-де Бахметъ турецкій!
«Розорилъ ту нашу стару Казань городъ подлѣсную,
«Да ты князей нашихъ бояръ всѣхъ повырубилъ,
«Ты княгинь наши́хъ боярыней тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
«Ты бралъ полону народу многи тысячи,
«Ты завёлъ въ свою землю турецкую,
«Я молодая жонка Авдотья Рязаночка,
«Я осталасе въ Казани единешенька.
«Я пришла сударь къ тебѣ сама да изволила,
«Невозможно ли будетъ отпустить мнѣ народу сколько́ нибудь плѣннаго,
«Хошь бы своево-то роду племени?»
Говоритъ король Бахметъ турецкіе:
— Молодая ты жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ я розорилъ вашу стару Казань подлѣсную,
— Да я князей бояръ я всѣхъ повырубилъ,

— Я княгинь боярыней да тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
— Да я бралъ полону народу многи тысячи,
— Я завелъ въ свою землю турецкую,
— Становилъ на дорогу три заставы великіе:
— Первую заставу великую —
— Рѣки, озёра глубокіе.
— Вторую заставу великую —
— Чистые поля широкіе,
— Становилъ лютыхъ воровъ разбойниковъ.
— Да третью заставу великую —
— Темны лѣса ты дремучіе,
— Напустилъ я лютыхъ звѣрей.
— Да скажи ты мнѣ жонка Авдотья Рязаночка!
— Какъ ты эти заставы прошла и проѣхала? —
Отвѣтъ держитъ жонка Авдотья Рязаночка:
«А й ты славныи король Бахметъ турецкіе!
«Я эты заставы великіе
«Прошла не путёмъ, не дорогою.
«Какъ я рѣки озёра глубокіе
«Тѣ я пловомъ плыла,
«А чистые поля тѣ широкіе,
«Воровъ-то разбойниковъ,
«Тѣхъ-то я о полдёнъ прошла,
«О полденъ воры разбойники
«Они опочивъ держа.
«Темные лѣса ты лютыхъ звѣрей,
«Тѣхъ-де я въ полночь прошла,
«О полночь звѣри лютые,
«Тѣ опочивъ держа.»
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилисе,
Говоритъ славныи король Бахметъ турецкіе:
— А й же ты молодая жёнка Авдотья Рязаночка!
— Да умѣла съ королемъ ричь говорить,
— Да умѣй попросить у короля полону-де головушки,
— Да которой головушки боль вѣкъ не нажить будё. —
Да говоритъ молодая жёнка Авдотья Рязаночка:
«А й ты славныи король Бахметъ турецкіе!
«Я замужъ выйду да мужа наживу,
«Да у м'ня буде свёкоръ стану звать батюшко,
«Да ли буде свекрова стану звать матушкой.
«А вѣдь буду у ихъ снохою слыть,
«Да поживу съ мужомъ да я сынка рожу,
«Да воспою вскормлю у м'ня и сынъ будё,
«Да стане меня звати матушкой.
«Да я сынка женю да и сноху возьму,
«Да буду ли я и свекровой слыть.
«Да еще же я поживу съ мужомъ,
«Да и себѣ дочь рожу.
«Да воспою вскормлю у м'ня и дочь будё,
«Да стане меня звати матушкой.
«Да дочку я замужъ отдамъ,
«Да й у меня и зять будё,
«И буду я тещой слыть.
«А не нажить-то мнѣ той буде головушки,
«Да милаго-то братца любимаго.
«И не видать-то мнѣ братца буде вѣкъ и по вѣку.»
Да тѣ ли рѣчи королю прилюбилисе,
Говорилъ-де онъ жонкѣ таково слово:
— А й же ты молодая жонка Авдотья Рязаночка!
— Ты умѣла просить у короля полону ли головушки,
— Да которой-то не нажить и вѣкъ будё.
— Когда я розорялъ вашу стару Казань городъ подлѣсные,
— Я князей бояръ-де всѣхъ повырубилъ.
— А княгинь боярыней я тѣхъ живыхъ въ полонъ побралъ,
— Бралъ полону народу многи тысячи,
— Да убили у м'ня милаго братца любимаго,
— И славнаго пашу турецкаго,
— Да й не нажить мнѣ братца буде вѣкъ и по вѣку.
— Да ты молодая жонка Авдотья Рязаночка,
— Ты бери-тко народъ свой полоненые,
— Да уведи ихъ въ Казань до единаго.
— Да за твои ты слова за учливые,
— Да ты бери себѣ золотой казны.
— Да въ моей-то земли во турецкіе,
— Да ли только бери тебѣ, сколько надобно. —
Туто жёнка Авдотья Рязаночка
Брала себѣ народъ полоненые,
Да и взяла она золотой казны,
Да изъ той земли изъ турецкіе,
Да колько ей-то было надобно.
Да привела-де народъ полоненые,
Да во ту ли Казань во опустѣлую,
Да она построила Казань городъ на ново.
Да съ той поры Казань стала славная,
Да съ той поры стала Казань-де богатая,
Да тутъ ли въ Казани Авдотьино имя возвеличилось,
Да и тѣмъ дѣло кончилось.

Записано тамъ же, 13 августа.

—

261.

КАСТРЮКЪ.

На горахъ было да Воробьёвыихъ,
На мѣстахъ было да на знакомыихъ,
Становилисе да пораздернули
Шатры да бѣлъ-полотняны,
Да той ли царици для Крыльскіе,
Для той ли Управы татарскіе,
Для Марьи Демрюковной,
Дочери королевскіе.
Туто былъ Кастрюкъ-Демрюкъ
Молодой черкашенинъ.
Кострюкъ семдесятъ побоищовъ пробилъ,
Триста борцей поборолъ,
Да и девятьсотъ городовъ выборолъ.
Похвалялся онъ выбороть
Матушку каменну Москву,
Проситъ онъ себѣ съ Москвы
Кострюкъ онъ поединщика:
Съ кѣмъ бы было поборотися,
Да ему попытатисе,
Да ли другъ друга извѣдати
Своего плеча богатырскаго.
Да у Грознаго царя,
У Ивана Васильевича,
И не было въ Москвы поединщика,
Не кому съ Кострюкомъ поборотисе,
Съ молодымъ попытатисе,
Другъ друга извѣдати,
Своего плеча богатырскаго.
Собиралъ царь почестенъ пиръ
Онъ на многи на князи на бояры,
На сильніе думные русски богатыри,
Да й на всѣ поляничи удалые.
На пиру государь слово говорилъ:
«А й вы всѣ мои князи есть и бояра,
«Да всѣ сильни могучи богатыри!
«Кто бы изъ васъ могъ съ Кострюкомъ поборотисе,
«Съ молодымъ попытатисе,
«Другъ друга извѣдати
«Своей силы богатырскіе.»
Да большой столъ тулился за середняго,
А середней столъ за меньшаво,
Отъ меньшаго стола-де отвѣту нѣтъ.
Говоритъ на пиру тутъ честная и

— Ты государь ни

— Есть у меня два сына любимые:
— Большой сынъ Ванюшка.
— Меньшой сынъ Потанюшка.
— Ты достань, сударь, ихъ на почестенъ пиръ,
— Онѣ могутъ съ Кострюкомъ поборотисе
— Съ молодымъ попытатисе,
— Другъ друга извѣдати
— Своей силы богатырскіе. —
Посылае царь государь
Призвать сыновьёвъ на почестенъ пиръ,
Приходили онѣ на почестенъ пиръ,
Говорилъ государь императоръ царь:
«Да вы дити честной вдовы-де Апраксіи!
«Да можете ли вы съ Кострюкомъ поборотисе,
«А съ молодымъ попытатисе?»
Ванюшка не хвалится,
А Потанюшка онъ похваляется.
А Потанюшка былъ ростомъ маленькой,
Собой былъ худенькой,
Самъ былъ хроменькой горбатенькой.
— Я сударь могу съ Кострюкомъ поборотисе
— Да я могу съ молодымъ попытатисе. —
Да Кострюкъ и за столомъ сидитъ,
Онъ ѣстъ-то Кострюкъ по звѣриному,
А пьё Кострюкъ по лошадиному,
Самъ во хмѣлю похваляется,
На Потанюшку ругается:
«Да мнѣ съ тобой съ дуракомъ бороться не съ кѣмъ вѣдь.»
Потанюшка на мѣсто отвѣтъ держитъ:
— А й же ты Кострюкъ-Демрюкъ,
— Молодой Кострюкъ черкашенинъ!
— Да у насъ на Россіи прежде всякаго дѣла не хвастаютъ;
— Когда дѣло сдѣлаютъ
— Тогда и пофастаютъ.
— Да пожалуй, Кострюкъ, мы пойдемъ на широкой дворъ. —
Какъ пошолъ Кострюкъ на широкой дворъ,
Онъ пиналъ правой ногой за скамейку дубовую,
Гдѣ сидѣли татаровья поганые.
Тутъ татаровя на земь повалилисе,
Много ихъ отъ разу убилосе.
Выходили онѣ на широкой дворъ,
Потанюшка хроменькой маленькой
На ножку припадаё,
Изъ-подъ ручки выглядаё.
Онъ бьё Кострюка правой рукой во бѣлую грудь,
А лѣвой ногой пинае его подъ гузно.
Его Кострюкъ упалъ на сыру землю,
Изъ его Потанюшка платьицо цвѣтное,

Оказалось его тѣло женскоё.
Тутъ узнали всѣ люди увѣдали,
Что ходила дѣвчонка мущиною.
Говорила царица та Крыльская,
Та ли Управа татарская:
«А й же ты Потанюшка хроменькой!
«Да на что Кострюкомъ надрыгаешься?
«Лучше бы было кабы ты по рукамъ локти въ жопѣ биралъ,
«А ясные очи копалъ,
«Неже нагу Кострюка по Москвы пускалъ.»
На то-де царици Потаня отвѣтъ держитъ:
— Да на то вѣдь дѣло было у м'ня дѣлано,
— Дѣло дѣлано, и съ царемъ записи были написаны,
— Чтобы знали всѣ люди и вѣдали,
— Какъ ходила дивчонка мущиной. —
Да Дунай-Дунай да Лядковъ болѣ пѣть не знай!

Записано тамъ же, 12 августа.

—

262.

МОЛОДЕЦЪ И РѢКА СМОРОДИНА.

А Богъ молодца-то не милуё,
И государь его царь не жалуё,
И нѣтъ ни чести ему похвальбы молодецкіе,
Да друзья братья товарищи
Тѣ на совѣтъ не съѣзжаются,
Да женилъ молодца родной батюшко,
Да на чужой-то дальней сторонушки.
Да бралъ-де онъ ему молоду жену,
Да бралъ за женой приданаго
Три, три чернёныхъ кóробля:
Да первóй-отъ гружонъ черёнъ корабль
Былъ златомъ и серебромъ,
А другой-отъ гружонъ черёнъ корабль
Все скатнінмъ жемчугомъ,
А третей отъ гружонъ черёнъ корабль
Все женинымъ приданымъ.
Тутъ молодцу-де жена не въ любовь пришла,
Не въ любовь-де пришла ему не по разуму.
Бралъ молодецъ себѣ онъ коня добраго,
Да бралъ себѣ онъ сѣдёлко черкальское,
Да бралъ себѣ уздицю точмяную,
Да бралъ себѣ въ руки плетку шелковую,
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ доброй конь злата и сéребра.
«Лучше мнѣ сѣдёлко уздица точмяная,
«Лучше всéво женина приданаго.
«Да лучше мнѣ-ка плетка шелковая,
«Да лучше-то мнѣ буде молодой жены.»
Шолъ да сковалъ себѣ два товарища два падѣйные,
Два ножа онъ сковалъ два булатніе.
Онъ садился вѣдь на добра коня,
Самъ поѣзжалъ на чужую на дальню на сторону.
Да ли ѣхалъ онъ путёмъ ли дорожкою,
Гдѣ-ка было на пути на дороги широкіе
Текла быстрая рѣчка Смородинка.
Было на этой рѣки на Смородинки
Три, три мосточка калиновы:
Да на первомъ-то рѣка берё нá мости
Да сѣдёлко съ коня окованоё,
Да на другомъ бéрё нá мости
Добра коня наступчива,
А на третьемъ бéре нá мости
Самово добра молодца.
Онъ взмолился-де рѣчки Смородинки:
«А й ты матушка черная рѣчка Смородинка!
«Есть ли черезъ тебя, рѣка, переходы ты узкіе,
«А переброды ты мелкіе?»
Да отвѣтъ держитъ рѣка ему Смородина:
— А й ты удалый дородній добрый молодецъ!
— Есть черезъ меня рѣчку Смородинку,
— Есть переходы ты узкіе,
— Да и переброды есть мелкіе.
— А есть три мосточка калиновы:
— Я на первомъ беру на мости
— Съ коня сѣдёлко ковáное,
— А на дрýгомъ беру нá мости
— Добра коня наступчива,
— Я на третьемъ беру на мости
— Самово добра молодца.
— А ты поѣзжай-ко дородній добрый молодецъ,
— Я тебя и такъ топерь пропущу. —
Какъ переѣхалъ молодецъ черезъ рѣчку Смородинку,
Да тѣ ли мосточки калиновы,
Да возговоритъ молодецъ неразумну рѣчь:
«Да мнѣ сказали добру молодцу,
«Что топерь на пути на дороги широкіе,
«Да текётъ черная рѣчка грозна Смородинко.»
Да онъ сталъ надъ рѣкой надсмѣхатисе,
Да онъ сталъ надъ рѣкой надрыгатисе:
«Да топерь ли вѣдь рѣчка Смородина,
«Будто текётъ болотня вода-та со ржáвчинкой.»
Да забылъ-то доброй молодецъ;
За рѣкой за Смородинкой,

Онъ забылъ два товарища два надѣйные,
Два ножичка забылъ два булатніе,
За той рѣкой за Смородинкой.
Онъ поѣхалъ черезъ рѣчку Смородинку,
Да по тѣмъ по мосточкамъ калиновымъ.
Да на первомъ брала на мости
Съ коня-де сѣдёлко кованое,
А на другомъ брала на мости
Добра коня наступчива,
А на третьемъ брала на мости
Самово добра молодца.
Возмолится удалый дородній добрый молодецъ
Онъ-де быстрои рѣчки Смородинки:
«А й ты матушка быстрая рѣчка Смородинка!
«И не губи и не топи добра молодца.»
Говоритъ-де рѣка молодцу,
Говоритъ-де рѣка человѣческимъ голосомъ:
— Да не я тебя топлю гублю,
— А топитъ губитъ похвальба молодца молодецкая. —
Только вѣдь молодецъ и живъ бывалъ,
Да тому хоробру такова слава,
И оставалась у его нелюба жена.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

263.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ѣздилъ молодецъ изъ земли въ землю,
Гулялъ удалой изъ орды въ орду,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву,
Къ королю въ Литву-де ко Прусскому.
Да тово молодца-де король во люби держалъ,
Да тутъ молодецъ съ королёмъ за однёмъ столомъ сидѣлъ,
Да вѣдь пилъ онъ ѣлъ съ одной ложечки,
Со одново-де стоканца да водочку кушали.
Тово было времени прошло три года,
Да слюбился молодецъ съ королевскою дочерью,
Да ничево-то про это король не вѣдаё.
Да донесли королю висти нехорошіе:
«А й ты король земли Прусскіе!
«Да ты котора молодца во люби держишь,
«Да ты съ которымъ молодцомъ сидишь за однимъ столомъ,
«Да ты пьёшь ѣси да съ одной ложечки,
«А съ одново стаканца винца кушаешь,
«Тотъ живё молодецъ съ твоей дочерью,
«Онъ творитъ любовь вѣдь третей годъ.»
Эти королю были рѣчи не понравились,
Приказалъ вести молодца во чисто полё,
Да на то ли болото Куликово,
Да на то ли на мѣсто на лобноё,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да отрубить молодцу буйну голову.
Повели молодца палачи во чисто полё,
Мимо тѣ вѣдь ведутъ палаты королевскіе,
Тутъ возмолися молодецъ палачамъ немилосливымъ:
— А й вы братцы палачи немилосливы!
— Не водите молодца вы по задворкамъ,
— Да мимо ту ли палату королевскую.
— Да вы ведите меня молодца по подоконью,
— Да мимо эту спальню ту тёплую,
— Гдѣ-ка мы спали съ дѣвицей королевичной.—
Повели молодца по подоконью,
Да мимо тѣ ли палаты королевскіе,
Да мимо эту спальнюю теплую,
Гдѣ-ко спалъ молодецъ съ дѣвицей королевичной.
Да онъ запѣлъ пѣсню новую,
Да онъ новую пѣсню хоронную:
— Да хорошо у м'ня молодца было пожито,
— Да хорошо было цвѣтноё платье изношено,
— Да приупито было у молодца приуѣдено,
— Да и въ красни въ хороши приухожено,
— Да и въ зеленомъ-то саду приугуляно,
— Да подъ яблонью на кроваточкѣ было приуспано,
— Да и у королевскою дочери
— На бѣлой груди было у дѣвици улёжано. —
Какъ услыхала дѣвица королевична,
Что повели молодца палачи во чисто полё,
Да во то ли болото куликово,
Да на ту вѣдь на плаху на липову,
Да хотя отрубить ему буйную голову,
Сама отворяла красно окошко косѣвчато,
Брала въ руки булатніе вострые ножичокъ,
Ставила она тупымъ концёмъ да во окошечко,
А вострымъ себѣ да въ бѣлу грудь,
Говорила она таково слово:
«Да куда полетѣлъ младъ ясёнъ соколъ,
«Да туда полетай-ко лебёдушка бѣлая,
«Да ты преже лети ясна сокола.»
Тутъ-то она сама себя и зарѣзала,
Да отрубили палачи молодцу буйну голову,
Да донесли королю-де Прусскому,
Да дошли ему вѣдь вѣсти нехорошіе,
Что ево-то любимая дочь сама себя зарѣзала,
Да еще преже дородня добра молодца.

Тутъ говоритъ-де король таково слово:
— Кабы зналъ я это вѣдалъ вѣдь,
— Что моя любима дочь вѣдь зарѣжется,
— Да я бы не приказалъ вести молодца во чисто́ полё,
— Да па то па болото куликово,
— Да па ту ли па плаху па липову,
— Да не рубить бы ему буйну голову.
— Пусть бы лучше жилъ молодецъ съ моей дочерью,
— Да пусть бы жилъ-де вѣкъ да и по́ вѣку.
— Топерь я весь потерялъ бѣлый свѣтъ изъ ясны́хъ очей,
— Я лишился милой дочёри любимые.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

264.

ПТИЦЫ.

Отчего-то зима наставала?
Наставала зима отъ морозовъ.
Послѣ той зимы — теплое лѣто.
Изъ-за тихаго дунайскаго синяго моря,
Вылетала младая дунайская птица,
Малая птица пѣвица,
Садилась на синё русское море,
Начала птица вѣдь пйти,
Голоса́ па Русь подавати,
Да слетались къ ей русьскія птицы,
Да садились птицы ко птицы рядами,
Да въ одну ли опѣ сторону головами.
Начали птицы вѣдь пйти,
Стали онѣ воспѣвати,
Младую птицу пѣвицу пытати:
«Да скажите намъ младая птица пѣвица,
«Да кто у васъ на́ мори на́большо большой,
«А кто на дунайскомъ всѣхъ выше?»
Да возговоритъ млада дунайская птица:
— Да у насъ было на мори на́большо болѣй,
— Да у насъ на дунайскомъ всѣхъ выше,
— Бѣлые клепчикъ-то бѣлые царь,
— Бѣлая птица клепица та вѣдь есть бѣлая царица.
— Гусь-отъ вѣдь на мори тотъ губернаторъ,
— А рябчикъ тотъ на мори стряпчій,
— А журавь-отъ на мори-то перевощикъ:
— Ноженки тоненьки тонёньки,
— Штаники синёньки узёньки.
— Онъ ходитъ да бродитъ,
— Да всякую птицу перевозитъ,
— А цвѣтного платья не мочитъ.
— А ку́ропать на́ мори бобыль безпомѣстной,
— Изъ куста въ кустъ вылетаетъ,
— Самъ себѣ покою не знаётъ.
— Хлюстикъ тотъ на мори плюстикъ *),
— Дроздикъ тотъ на́ мори гвоздикъ
— Сивъ тотъ на́ мори птица безсчастна,
— А сивъ роботать не умѣё,
— Казаковъ панимать онъ не смыслитъ.
— Галка-та на́ мори палка,
— Богатая на́ мори птица ворона:
— Она зиму ту живё по дорогамъ,
— А лѣто живё по суслонамъ,
— Осень живё по омётамъ,
— Всё она крестьянъ разоряё,
— Оттого она сыта пребываё,
— Тѣмъ свою голову питаё.
— Детель тотъ на́ мори плотникъ церковный:
— Церквы онъ Божіи строитъ,
— Тѣмъ свою голову кормитъ.
— А курица на мори птица несчастна:
— Всякъ у ей въ жопы копаё,
— Одно яица добываё,
— А всё тёща зятю запасаё.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

LI.

ТРЕТЬЯКОВЪ.

Игнатій Григорьевичъ Третьяковъ, крестьянинъ дер. Росляковой на Кенозерѣ, 58 лѣтъ, грамотный. Отецъ его зналъ очень много былинъ, которыя онъ отъ него и перенялъ, но теперь забылъ большую часть. Третьяковъ, хотя и поетъ былины, но сомнѣвается въ правдивости событій, которыя въ нихъ описываются. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, онъ знаетъ, но только словами, въ видѣ сказки, «исторію» про первыя поѣздки Ильи Муромца и про Михайлу Потыка.

—

*) не знаетъ.

265.

СВЯТОГОРЪ.

По той дорогѣ по латынскіе,
Стоитъ семь заставъ да богатырскіехъ.
Перва́ застава — Илья Муромецъ,
Друга́ заставушка — Добрынюшка Микитьевичъ,
Третья застава — Алёша Поповичъ младъ.
Подъ Алёшей стоялъ туто Полѣшанинъ,
Полѣшанинъ да Долгопо́лянинъ.
Было два братца родимые,
Лука, Мосей — дѣти боярскіе.
Тѣ ли роды ты боярскіе
Охвочи они были долго спать,
Они проспали житьё-бытьё богачество.
Проѣхалъ богатырь-отъ во чисто́ полё,
У коня слѣды по́ цѣло́й овчинѣ по барановы.
Поутру ставали-то ранёшенько:
«Кому у насъ ѣхать за бога́тыремъ съ уго́пою?
«Послать Лука, Мосія — боярскихъ дѣтей,
«Онѣ ли роды ты боярскіе,
«Онѣ проспали житьё-богачество.
«Послать Добрынюшку Микитича.»
Сѣдлалъ Добрыня своего коня,
Уздалъ Добрыня своего́ коня,
Садился Добрыня на добра коня,
Поѣхалъ за бога́тыремъ съ угопою,
Засталъ бога́тыря-то во чистомъ поли,
Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вёрстъ.
Сидитъ богатырь-отъ на добро́мъ кони,
Онъ мечетъ палку ту подъ облаки,
До́ земли не допускаючи,
На бѣлы руки подхватаючи.
Но смѣлъ Добрыня дати напуска,
Назадъ Добрыня ворочается,
Не путёмъ онъ ѣхалъ не дорогою,
Пріѣхалъ Добрыня къ Ильи Муромцу:
— Я засталъ богатыря-то во чистомъ поли,
— Не доѣдучи до Кіева-то двадцать вёрстъ.
— Сидитъ бога́тырь-отъ на добро́мъ кони,
— Мечетъ палку ту подъ облаки,
— До́ земли не допускаючи,
— На бѣлы руки подхватаючи,
— Не смѣлъ-то я да дати напуска. —
Говоритъ Илья да таково слово:
«Хоша й много рати удалого нѣтъ,
«Нѣтъ на Илью да нѣтъ на
Сѣдлалъ Илья да своего
Уздалъ Илья да ср

Садился Илья да на добра́ коня,
Поѣхалъ за бога́тырёмъ съ угопою,
Засталъ бога́тыря-то во чисто́мъ поли,
Не доѣдучи до Кіева пятнадцать вёрстъ.
Сидитъ бога́тырь-отъ на добро́мъ кони,
Онъ мечетъ палку ту подъ облаки,
До́ земли не допускаючи,
На бѣлы руки подхватаючи.
Закричалъ Илья да громкимъ голосомъ.
У богатыря конь-отъ на колѣни палъ,
Выскочилъ съ подъ стре́мена багро́въ жижлецъ *).
Поди жижлецъ да на свою волю,
Лови жижлецъ да осетра́ рыбу,
Споминай меня ста́раго хозяйнища,
Видно мнѣ уже живу́ не быть.
Полети́ соколъ да на свою волю,
Лови лисицу да и за́яца,
Споминай меня стараго хозяйнища.
Съѣхались онѣ ударились,
Другъ-то друга вѣдь не ранили,
Оба изъ сѣделъ вонъ выпа́дали.
Помогъ-то Богъ да Ильи Муромцу,
Сбился Илья да на бѣлы́ груди,
Выпималъ ножищо онъ кинжалищо,
Хочетъ пороть да груди бѣлые.
И сталъ Илья да е́во спрашивать:
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Какъ тебя да именёмъ зовутъ?»
— Я есть-то вѣдь изъ золото́й орды,
— Петръ царевичъ Золотнчанинъ,
— Тебѣ, Илья, да вѣдь я кре́стный сынъ.
— Тебѣ полно, Илья, ѣздить по чисту полю,
— Побивать, Илья, тебѣ богатырей,
— Пора, Илья, тебѣ душа спасти.
Ильи тѣ рѣчи прилюбилися,
Спустилъ богатыря онъ на свою волю,
Самъ поѣхалъ Илья да по чисту полю,
Засталъ бога́тыря онъ во чистомъ поли,
И думалъ: «богатырь-отъ невѣрные.»
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердцо,
Пагнивалъ коня онъ со чиста́ поля,
Со чиста́ поля онъ во перво́й наконъ,
Ударилъ бога́тыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ».
Сидитъ бога́тырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердцо,
[illegible]ивалъ коня онъ со чиста́ поля,
[illegible]мъ во второ́й наконъ,

[illegible] по чи[illegible]

Ударилъ богáтыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ.»
Сидитъ богáтырь на добромъ кони,
Назадъ богатырь не оглянется.
Розгорѣлось у Ильи да ретиво сердцо,
Наганивалъ коня онъ со чистá поля,
Со чистá поля онъ во третій наковъ
Ударилъ богатыря онъ палкою,
И думалъ: «богатыря съ конёмъ убилъ.»
Сидитъ богáтырь на добромъ кони,
Назадъ богáтырь отоглянется:
— Я думалъ кусаютъ русскіе комарики,
— Ажно славной богáтырь Илья Муромецъ. —
Взялъ Илью онъ и со конёмъ въ карманъ,
Возилъ-то онъ вѣдь трой сутки.
Святигоровъ конь провѣщился языкомъ человѣческимъ:
«Ты славный богатырь Святигоръ!
«Тяжело возить мнѣ двухъ богатырей,
«Третью лошадь богатырскую.»
Онъ выпялъ Илью да изъ кармана вонъ,
Говоритъ Ильи онъ таково слово:
— Ты поѣдемъ, Илья, да на святы горы,
— Я буду тамъ да преставлятися.
— Пойдё отъ меня ужо великой потъ,
— Ты моéво поту-то накóнъ лизни,
— Накóнъ лизни да ты другой лизни,
— Третьяво накóну, Илья, нé лижи,
— Не стане пóсить матушка сырá земля,
— Не станутъ вóзить кони богатырскіе. —
Пріѣхали онѣ да на святы горы,
Сталъ Святигоръ-отъ преставлятися.
Пошолъ отъ нево ужо великой потъ,
Илья тово поту-то наконъ лизнулъ,
Наконъ лизнулъ да онъ другóй лизнулъ,
Трéтьяво накóну Илья не лизалъ.
Святигорово было преставленіе,
Ильи Муромца было погребеніе,
Надъ верхомъ воздвигъ-то онъ чуденъ крестъ.
А й дидай-дидай болѣ впередъ знай.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—

266.

ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости.
Хорошъ былъ у старого-ли добрый конь,
За рѣку перевозу онъ не прашивалъ,
Конь рѣки, озёра перескакивалъ,
Широкіе мхи кругомъ обскакивалъ.
Наѣхалъ ли старой во чистóмъ поли
Три пути дороги три широкіе.
На разстаняхъ лежитъ сѣрый камешекъ,
На камени подпись подписана:
«Въ дорогу ту ѣхать убиту быть,
«Въ другую ту ѣхать женату быть,
«Въ третью ту ѣхать богату быть.»
Стоитъ тутъ старикъ да пораздумался,
Сѣдой головой своей пошатываетъ:
«На что мнѣ-ка старому богачество,
«У м'не есть-то своей золотой казны,
«Своей золотой казны смѣты нѣтъ.
«На что мнѣ-ка старому женитися,
«Женитися мнѣ да не нажитися:
«Худая та взять такъ замѣны нѣтъ,
«Хорошая взять, такъ чужа корысть.
«Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ убиту быть,
«А убитому быть, такъ не вѣку и жаль,
«При смерти головушка шатается.»
Ѣде старикъ да по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса,
Стоитъ тутъ станица станичниковъ,
По русски назвать такъ разбойниковъ,
Не много не мало сорокъ тысячей.
И хочутъ-то стараго пограбити,
И хочутъ у стараго коня отнять,
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Вы ой же станичники разбойники!
«И бить меня стараго некого,
«Пограбить у стараго нечего,
«Съ собой-то казны да не случилосе
«Съ собой-то казна одна пятьсотъ рублей,
«Шуба на себѣ да соболиная,
«Шуба-та стóитъ три тысящи,
«Сѣделко черкальское въ двѣ тысящи,
«Узда та течмяная въ пятьсотъ рублей.
«Можъ ушами камéньё драгоцѣнноё
«Не ради красы-басы великіе,
«Ради тёмные ночи осённые,
«Гдѣ ходитъ гуляе мой доброй конь,
«Видно за три-то вёрсты какъ мѣрные,
«Мѣрные вёрсты семисотные.»
Говорятъ-то станичники разбойники:
— Ты много старикъ да разговариваешь.—
И хочутъ-то стараго съ коня стащить.
Какъ снимае старикъ шелóмъ*) да со буйной главы,

*) киверъ или шляпа, не знаетъ что.

Вѣсомъ то шелóмъ былъ двѣнадцать пудъ,
И сталъ шеломóмъ онъ помахивать.
Куды онъ махнётъ — дакъ туды улицы,
Куда отмахнетъ — дакъ переулочки.
Прибилъ сорокъ тысячъ станичниковъ,
По русски назвать дакъ разбойниковъ.
Назадъ-то старикъ ворочается
Ко сѣрому каменю латырю,
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
«Ложно была подпись подписана,
«Я съѣздилъ въ дорожку, убитъ не бывалъ.»
«Поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть.»
Ѣдетъ ли старой по чисту полю,
Стоятъ тутъ полаты бѣлокаменны.
Изъ тѣхъ изъ полатъ бѣлокаменныхъ,
Идетъ изъ полатъ сорокъ дѣвицей,
Прекрасна идетъ королевична,
Беретъ старика да за бѣлы руки,
Цѣлуе во уста да во сахарніе,
Зовётъ во полаты бѣлокаменные
Къ себѣ хлѣба соли она кушати.
Идётъ-то старикъ да усмѣхается:
«Сколько по святой Руси не бывано,
«Экого-ли чуда вѣкъ не видано.
«Ведётъ-то прекрасна королевична,
«Ведётъ старика да за бѣлы руки,
«Цѣлуе во уста да во сахарніе,
«Зовётъ въ полаты бѣлокаменные
«Къ себѣ хлѣба соли она кушати.»
Привела она въ полаты бѣлокаменные,
Садила за столы да за дубовые,
Пили ѣли прохлаждалися.
Говоритъ-то прекрасна королевична:
— Вотъ тебѣ мѣсто старому туто спать,
— Ложись-ко ко стѣнки кирпичные.—
Говоритъ-то ли старой таково слово:
«Ты ой же прекрасна королевична!
«Мы старики да по краямъ вѣкъ спимъ.
«Нашо-то дѣло вѣдь староё,
«Охвочи мы ночію на дворъ ходить.
«Ложись-ко сама ко стѣнки ко кирпичные.»
Взялъ онъ прекрасну королевичну,
Взялъ-то ее за бѣлы груди,
Кинулъ на кровать на тисовую.
Тисóвая кровать была подложная,
Тисовая кровать та обвернулася,
Упала прекрасна королевична,
Упала во погребы глубокіе,
Во глубокіе погребы сорокá саженъ.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Вы слуги лакеи безызмѣнные,
«Покажите вы ходы мнѣ во глубокъ погрёбъ.»
Показали ему ходъ да во глубокъ погрёбъ,
Ключи старику были не надобно.
Замки ты руками роздéргивалъ,
Онъ двери-то ногами вонъ выпинывалъ.
Идётъ тутъ изъ погреба сорóкъ царей,
Сорокъ то царей идётъ царевичей,
Сорокъ королей да королевичей,
Идётъ тутъ прекрасна королевична.
Говоритъ-то старикъ да таково слово:
«Подьте цари вы по своимъ царствамъ,
«А вы кóроли да по своимъ ордамъ.
«Молите вы Бога за старово,
«За старово Илью вы за Муромца.»
И взялъ онъ прекрасну королевичну,
Посадилъ на ворота на широкіе,
Онъ всю разстрѣлялъ да изъ тугá лука,
Розсѣкъ распласталъ да тѣло бѣлое,
И всё разметалъ онъ по чистý полю.
Назадъ-то старикъ да ворочается,
Ко сѣрому каменю латырю,
Старую подпись захѣривалъ,
Новую подпись подписывалъ:
«Та ложно была подпись подписана,
«Я съѣздилъ въ дорожку, женáтъ не бывалъ.»
«Я поѣду въ ту дорогу, гдѣ богату быть.»
Ѣдетъ старикъ по чисту полю,
Заѣхалъ ли старой во темны лѣса.
Стоитъ туто погрёбъ золотой казны,
На погребѣ подпись подписана:
«Выкатить казна да Ильи Муромцу,
«Нанять хитро-мудрыихъ плотниковъ,
«Построить-то церкву соборную
«Святителю Николы Можайскому,
«Во славномъ во городи въ Кіеви,
«И тутъ-то Ильи будетъ преставиться.»
Какъ выкатилъ казну да Илья Муромецъ,
Нанялъ хитро-мудрыихъ плотниковъ,
Построилъ онъ церкву соборную
Святителю Николы Можайскому,
Во славномъ въ городи вò Кіеви,
Самъ заѣхалъ во пещеры во глубокіе,
Тутъ-то Илья уже преставился.
Попынѣ теперь мощи нетлѣнные.

Записано тамъ же, 17 августа.

—

267.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три года Добрынюшка-то стольничалъ,
По три года Добрынюшка да чашничалъ,
По три года Добрыня у воротъ стоялъ.
Тово стольничалъ-чашничалъ она девять лѣтъ,
На десятые Добрынюшка гулять пошолъ,
Гулять пошолъ по городу по Кіеву.
А Добрынюшки-ли матушка наказываетъ,
Государыня Добрыни наговáриваетъ:
«Ты пойдешь гулять по городу по Кіеву,
«Не ходи-тко ты, Добрыня, на царевъ кабакъ,
«Не пей-ко ты до пьяна зелена вина.
«Не ходи-ко ты во улицы Игнатьевски,
«Въ тѣ ли переулки во Маринкины,
«Та ли блядь Маринкинка да питравница,
«Потравила она Маринка девя́ти-ли молодцòвъ,
«Девяти-ли молодцовъ да будто я́сныхъ соколòвъ,
«Потравитъ тебя Добрынюшку въ десятые.»
А Добрынюшко-то матушки не слушался,
Заходитъ-ли Добрыня на царевъ кабакъ,
Напива́стся до пьяна зелена́ вина.
Самъ пошелъ гулять по городу по Кіеву,
А заходитъ ли во улицы въ Игнатьевски,
А во тѣ ли переулки во Маринкины.
У той у́ бляди Маринки у Игнатьевой
Хорошо-ли терема были роскрашены,
У ней теремъ-отъ со те́ремомъ свивается,
Однѣмъ-то жемчугомъ пересыпается.
На теремахъ сидѣли два сизыихъ два голубя.
Носокъ-то по носку они цѣлуются,
Прави́льныма крылами обнимаются.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво́ сердцо,
Натя́гаетъ Добрынюшка свой тугой лукъ,
Накла́дастъ Добрыня калену стрѣлу,
Стрѣляетъ ли Добрыня во сизыхъ голубей.
По грѣхамъ ли надъ Добрыней состоялосе,
Ево правая-то ноженка поглёзнула,
Ево лѣвая-та рученка подрогнула,
А не могъ згодить Добрыня во сизы́хъ голубей,
Едва згодилъ къ Маринкѣ во красно́ окно.
Онъ вышибъ прици́лину *) серебряную,
Розбилъ-то околенку стекольчатую,
Убилъ-то у Маринки друга милаво,
Милово Тугарина Змѣёвича.
Стоитъ-то ли Добрыня пороздумалсе:
«Въ теремъ-отъ итти такъ голова́ пропадётъ,
«А въ теремъ-отъ нейти такъ стрѣла́ пропадётъ.»
Зашолъ-то ли Добрыня во высокъ терёмъ,
Крестъ-отъ онъ кладётъ по писаному,
А поклонъ-отъ онъ ведётъ ученому.
Сѣлъ онъ во большо́й уголъ на лавицу,
А Маринка та сидитъ да блядь за за́вѣсою.
Просидѣли они лѣтній день до вечера,
Онѣ другъ-то съ другомъ слова не промолвили.
Взялъ-то ли Добрыня калену стрѣлу,
Пошолъ-то ли Добрыня изъ высо́ка терема̀.
Ставала-ли Маринка изъ-за за́вѣсы,
А берётъ-та ли Маринка булатній ножъ,
Она рѣзала слѣдочки Добрынюшкины,
Сама крѣпкой приговоръ да пригова́ривала:
— Какъ я рѣжу эти слѣдики Добрынюшкины,
— Такъ-бы рѣзало Добрыни ретиво сердце,
— По мнѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевной. —
Она скоро затопляла печь кирпичную,
Какъ метала эти слѣдики Добрынюшкины,
Сама крѣпкой приговоръ да приговаривала:
— Какъ горятъ-то эти слѣдики Добрынюшкины,
— Такъ горѣло бы Добрыни ретиво сердцё
— По мнѣ-ли по Маринкѣ по Игнатьевнѣ.
— Не могъ-то бы Добрынюшка ни жи́ть, ни быть,
— Ни дни бы не дневать, ни часу́ бы часовàть. —
Какъ вышелъ-ли Добрыня на широкой дворъ,
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцё
По той-ли по Маринкѣ по Игнатьевной.
Назадъ-то ли Добрыня ворочается,
Этая Маринка Игнатьевна
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ,
Послала-то ко морю ко турецкому:
— Поди-ко ты, Добрынюшка, ко морю ко турецкому.
— Гдѣ ходятъ тамъ гуляютъ девять туровъ,
— Поди-ко ты Добрынюшка деся́тымъ туромъ. —
Какъ провѣдала Добрынюшкина матушка,
Сама-то ли старуха подымаласа,
Пришла она къ Маринки ко Игнатьевной,
Сѣла-то на печку на кирпичную,
Сама-ли говорила таково слово:
«Хочешь ли Маринка блядь потравница
«Обверну я тя собакой подоконною,
«Ты будешь-ли ходить да по подо́конью.»
Этая Маринка Игнатьевна
Видитъ-ли она да неминучую.
Обвернуласе Маринка сѣрой ласточкой,
Полетѣла-то ко морю ко турецкому,
Сѣла ли Добрыни на могучи́ плеча,
Говорила-ли она да таково слово:

*) у окна поперечина.

— Возьмешь ли ты, Добрыня, за себя́ меня за мужъ,
— Отверну я тя, Добрыня, добрымъ молодцемъ. —
— Возьму я тя Маринка за себя́ за мужъ. —
Повернула-то ево да добрымъ мо́лодцомъ.
Взялъ то онъ Маринку Игнатьевну,
Посадилъ онъ на ворота на широкіе,
Всю онъ разстрѣлялъ изъ туга лука,
Розсѣкъ онъ росплосталъ тѣло бѣлое,
Всё-ли розметалъ по чисту полю.

Записано тамъ же, 17 августа.

—

268.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Выпала порошица снѣгъ молодо́й.
По той по пороши по бѣлу́ снѣжку
Да не бѣлый горностай слѣды промётываётъ,
Ходитъ-ли гуляетъ уда́лой молодецъ,
На имя Чурилушко сынъ Плёнковичъ.
Ронитъ онъ гвоздочки серебряные,
Скобочки да позоло́ченые,
И вслѣдъ ходятъ ребятушка ма́ленькіе,
Обираютъ тѣ гвоздочки серебряные,
Тѣмъ они ребята свою го́лову корма́тъ.
Приходитъ-ли Чурило ко Берма́тову двору,
И по́шолъ ли Бермята ко зау́трени.
Кто-ли отъ бѣды да откупается
Иной то на́ бѣду да накупается.
Старые Бермята Васи́льевичъ
Онъ на бѣду ту вѣдь самъ идётъ.
Посылаетъ ли Чурила во высо́къ терёмъ:
«Ты поди-тко-ли Чурило во высо́къ терёмъ.»
Заходитъ-ли Чурило во высо́къ терёмъ,
Стоитъ-то Катерина Богу мо́лится,
Назадъ Катерина огля́нулася,
Тёпла вода да по пята́мъ потекла.
Говоритъ-то Катерина таково слово:
— Сядемъ-ко Чурило мы во ша́хматы играть.
— Ты ли поиграшь такъ тебѣ сто́ рублей,
— Я ли поиграю тебя та́къ прощу. —
Поигралъ онъ Катерину во перво́й наконъ,
Взялъ казны онъ съ ней сто рублей,
Поигралъ онъ Катерину во второй наконъ,
Взялъ казны онъ съ ней двѣсти рублей,
Поигралъ онъ Катерину во третій наконъ,
Взялъ казны онъ съ ней три́ста рублей.
Говоритъ-то Катерина таково слово:
— Ты премладые Чури[illegible] [illegible]чъ Плёнковичъ!
— Хошь во шахматы играть, хошь на тебя́ смотрѣть.
— У меня по тебѣ сердце розгорѣлосе.
— По́йдемъ-ко Чурило въ ложню тёплую,
— И станемъ-ко Чурило опочикъ держать. —
Черная дѣвка служа́нка ся,
Она говорила таково слово:
«Не ходите вы во ложню во тёплую.
«Я пойду къ Бермяту накучу́ и намучу́,
«Накучу и намучу я пажа́люсе.»
Катерина-то тово да не пытаючи,
А во тёплую-то ложню убираетсе,
А черная-то дѣвка изъ те́рема пошла.
Пришла-то она да ко зау́трины,
Говорила-ли она да таково слово:
«Ты старые Бермята Васильевичъ!
«Стоишь ты Бермята Богу молишься,
«И не́ знаешь Бермята ты не вѣдаешь.
«Право у тебя да сударь го́сть гоститъ,
«Незваной-отъ гость да не приказывано́й.»
Говоритъ-то Бермята Васильевичъ:
— Черная дѣвка служа́нка моя!
— Правду донесёшь я за му́жъ тебя возьму,
— А неправду донесешь, я тебѣ го́лову срублю.—
«Поди-ты Бермята скоро-на́-скоро.»
Скоро золото кольцо забря́кало,
Маковки всѣ пошатилися,
Идётъ Катерина та Микулична,
Въ одной она рубашки бе́зъ пояса.
Говоритъ-то Бермята Васильевичъ:
— Что же Катерина не въ снаря́дѣ ты идёшь?
— У насъ-то севодня дѣло пра́здничное. —
Говоритъ-то Катерина таково слово:
«У меня-то ли севодня голова болитъ,
«Болитъ моя буйная головушка,
«Щемитъ мое сердце ретивое,
«Дрожатъ мои жилья подколѣнные,
«Не могла я хорошо да снарядитися.»
Зашолъ-то ли Бермята во высокъ терёмъ,
Вися туто кафтаны платьё цвѣтное.
Говоритъ-то ли Бермята таково слово:
— Этыя кафтаны на Чури́лы-то вида́лъ. —
Говоритъ-то Катерина Микулична:
«У мое́во у братца родимово,
«Съ Чурилом было платьями помѣняно,
«Платьями, да добрыма́ конями.»
Зашолъ-то ли Бермята въ ложню тёплую,
Спитъ туто Чурило опочикъ держитъ.
Взялъ-то ли Бермята саблю острую,
Отрубилъ-то ли Чурилу буйну голову.
Будто скатная жемчужина скатилась,

Скатилася Чурилова головушка,
Не грущатая камка да розстилаласе,
Чурилова кровь проливаласѐ.
Отрубилъ онъ Катерины буйну голову.
Двѣ ли головы да вдругъ погинуло,
Наканунѣ честнаго Благовѣщенья.
Дожили до свѣтлаго Христова дня,
Чёрную дѣвку за мýжъ онъ взялъ,
Сталъ онъ жить быть вѣкъ коротати.

Записано тамъ же, 17 августа.

—

269.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

Во Таврѣ было городи,
На стули на золоти,
На отласи на бархати,
Сидитъ Возвякъ Возвякъ царь
Возвякъ Тавроль́евичъ.
Онъ суды ты разсуживалъ,
Дѣла приговаривалъ,
Кня́зей бояръ жаловалъ,
Онъ Ѳомку ту Тотмою,
Ёрёму Новы́мъ-городомъ;
Любимаго зятюшка,
Щелкана Дуденьтьевича,
На́ дому не случилосе,
Онъ уѣхалъ въ землю жидовскую,
Во жидовскую землю литовскую.
Не для дани да выхода
Ради чо́ртова пра́вежу.
Чортъ-отъ съ улицы
Бралъ по курицы,
Со́ избы бралъ онъ по пѣтуху,
Со́ бѣла двора онъ по добру́ коню,
У ково коня нѣтъ дакъ и жену́ возьмётъ,
У ково жены нѣтъ, самово въ поло́нъ возьмётъ.
Гдѣ ли Щелканъ побывалъ,
Какъ будто Щелканъ головне́й покатилъ.
Пріѣхалъ Щелканушко Дуденьтьевичъ
Къ царю Возвяку Тавроль́евичу:
«Чѣмъ тебя Щелкана буде жаловать?
«Се́ла тебѣ ли же со присёлками,
«Ли городами тебѣ съ пригородками,
«Ли деревни тебѣ да со крестьянами?»
— Пожалуй меня государь царь Тавроль́евичъ
— Тверью-то городомъ,
— Тверью богатою,
— Двуми братьями ро́дными:
— Борисомъ Борисовичемъ,
— Митріемъ Бори́совичемъ. —

(Дальше не помнитъ).

Записано тамъ же, 17 августа.

—

LII.

ГУРЬБИНЪ.

Ива́нъ Александровичъ Гурьбинъ, изъ Кривцова, 60 лѣтъ, крестьянинъ, въ прежніе годы занимавшійся преимущественно издѣліемъ гребней, отчасти земледѣліемъ. Былины перенялъ частію отъ своего отца, частью отъ посторонпихъ старинoвъ. Кромѣ здѣсь помѣщаемыхъ, пѣлъ обыкновенную былину про Добрыню и Алешу; про Дюка Степановича и Михайлу По́тыка Гурьбинъ пѣть былины не умѣетъ, но знаетъ содержаніе ихъ, которое разсказываетъ словами, въ видѣ сказокъ.

—

270.

СВЯТОГОРЪ.

Ѣздилъ-то Илья да по чисту полю,
Да наѣхалъ Илья на полянпцу тутъ.
И да ѣдутъ съ полянпцей по чисту полю,
Да ударилъ е́во палицей по буйной главы,
Да ударилъ ёнъ тутъ во другіе разъ,
Да ударилъ ёнъ вѣдь тутъ да въ третій разъ,
И розгорѣлось у ёво сердцо богатырско,
У тово ли у Самсона Святигора у бога́тырà.
Далъ-то-ко Илью да за бѣлы руки,
И положилъ-то-ко Илью да во корманъ къ себѣ,
И далъ (sic) -то-ко Илью да во кормани у себи.
Еще сталъ туто вѣдь конь да попинатисе.
«Еще что ты туто волчья сыть да травяной мѣшокъ!
«Еще что ты туто вѣдь да запинаешься,
«Еще развѣ ты незгоду мнѣ-ка вѣдаёшь?»
И да провѣщился вѣдь конь язы́комъ человѣческимъ:
— Еще гдѣ мнѣ-ка возить да двухъ бога́тырей съ конёмъ. —
И выпималъ туто Самсонъ Илью да изъ кармана тутъ,

Да поѣхали съ Ильей да по святымъ горамъ,
Ещъ сталъ Самсонъ-Святигоръ тутъ выспрашивать:
«Да велика ли въ тебѣ да еще сила есть?»
— А й во мнѣ вѣдь еще сила небольшая есть,
— Еще только побиваю я вѣдь храбростью своей. —
«И да славные Илья да вѣдь ты Муромецъ!
«Да вѣдь во мнѣ-то сила да такая есть,
«Кабы въ земною-то обширности былъ столбъ,
«Да какъ былъ бы-то въ небесной вышины,
«Да кабы было въ столби въ этомъ кольцо,
«Поворотилъ бы я всю землю подвселенную.»
И поѣхали-то тутъ они да по святымъ горамъ,
И наѣхали на тѣхъ они на святыхъ горахъ,
Да лежитъ туто вѣдь двѣ сумы переметные,
И говоритъ тутъ Самсонъ да таково слово:
«Ужъ ты славные Илья да ты Муромецъ!
«Сходи-ко ты Илья да со добра коня,
«И каки тутó лежатъ двѣ сумы переметные,
«Поздымай-то ты сумы переметные.»
Сходилъ-то-ко Илья да со добра коня.
И онъ примается за ты сумы за переметные,
Еще тѣ ли сумы съ мѣста не здымаются.
Сходилъ-де вѣдь Самсонъ да со добра коня,
Еще самъ-то за сумы да принимается,
Еще тѣ ли-де сумы да съ мѣста не здымаются,
А всѣ жилы и суставы у Самсона роспущаются,
И по колѣну-то въ землю Самсонъ убирается.
(Тутъ Илья его и похоронилъ).

Записано на Кенозерѣ, 15 августа.

—

271.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Ѣздилъ-де старъ по чисту полю,
Отъ младости ѣздилъ онъ до старости.
И хорошій у его былъ добрый конь,
И за конёмъ-то онъ вѣдь перевозу вѣкъ не прашивалъ,
И всѣ рѣки ты озёра конь вѣдь перескакивалъ,
Мелкіе источйны прóмежъ ногъ пустилъ.
Да наѣхалъ-то-де старый на чистомъ поли
Да на тѣ ли на розстани на черниговски.
И лежитъ-то на розстаняхъ вѣдь латúнь камень,
И на камешки-то подпись написана:
«Во дороженьку ту ѣхать гдѣ вѣдь старому богату быть,
«Да во другую-ту ѣхать гдѣ женату быть,
«Да во третью-ту дороженьку вѣдь ѣхать гдѣ убиту быть.»
Да сидитъ-то-ко вѣдь старый на добромъ кони,
Да сидитъ-то-ко вѣдь старый пороздумался:
«Да на что-то мнѣ вѣдь старому богачество?
«Еще нѣтъ у м'ня любóю-то семьи да молодой жены,
«И нѣту малыехъ у м'ня да нѣту дѣтонёкъ,
«Еще некому тощить да золотой казны.
«А на что-то мнѣ да старому женитися?
«Еще старая мнѣ взять дакъ не нажитися,
«И отъ старою-то мнѣ да вѣдь замѣны нѣтъ,
«И да молодáя взять то вѣдь чужа корысть.
«Да поѣду въ ту дорожку гдѣ убиту быть.»
Да отъѣхалъ-де вѣдь старый за три поприща,
Да по-русьски-то сказать да за три верстоньки.
Вышло сорокъ-то воровъ да розбойниковъ,
Вышло сорокъ-то станичныхъ подорожниковъ,
Туто хочутъ старого-де вѣдь пограбити.
Еще что туто у стараго пограбити:
И тачмяная да есть на бурушкѣ въ пятьсотъ рублёвъ,
И черканское сѣдёлко во двѣ тысячи,
И на бурушкѣ попона есть семи шелковъ,
И въ три строкú ли-то попона была точено.
Еще первая строка да злата серебра,
А другая-та строка да чиста золота,
Да третья-та строка мѣдú казарочки,
Еще тою ли-де мѣди журавицкіе,
Да на всѣхъ-то уголкахъ да камешки самоцвѣтные,
И во гривушку тутъ вплетанъ-де скачёнъ жемчугъ,
Не для ради красы-басы,
А для ноченки-то было ради темные,
Чтобы видно старому-то ѣхать вѣдь путемъ дороженкой.
«А коню-то у меня да еще смѣты нѣтъ,
«А мнѣ-то старику да на бою смерть не писана.»
Говорятъ тутó-де воры разбойники:
— Ужъ ты старой-де вѣдь чортъ сѣдатый волкъ!
— Еще много съ нами сталъ да разговаривать.
— Сходи-тко-де вѣдь старый со добра коня,
— И тогда вѣдь будемъ мы съ тобой да бой держать. —
Сходилъ-то-де вѣдь старый со добра коня,
Снялъ-то-де вѣдь старъ шеломъ да съ буйной головы,
И да началъ-де шеломомъ онъ помахивать.
Со права-то плеча-то махнетъ — улочка,

И назадь-то отмахнётъ и переулочокъ.
Розгорѣлось ево сердце богатырское,
Ухватилъ-то вѣдь татарина онъ за ноги,
Качалъ онъ татариномъ помахивалъ,
Да прибилъ онъ приплѣнилъ всѣхъ татаръ до единово.
Да назадь-то старенькой ворóтился,
И онъ старую-то подпись вонъ выхѣривалъ,
Еще новую-ту подпись онъ подписывалъ:
«И та очищена дороженка старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ.
«И поѣду во дорожку гдѣ женату быть.»
И отъѣхалъ онъ-де старый за три поприща,
Да по русьски-то сказать да за три вéрстоньки,
Тутъ стоятъ-де терема вѣдь златоверхіе.
Выбѣгала-де прекрасна королевична,
Брала-де вѣдь стара за бѣлы руки,
Да вела-то въ терема вѣдь златоверхіе,
Да вѣдь ставила столы она дубовые,
Стлала скатерёточки вѣдь брапые шелковые,
И носила ена ѣствы вѣдь сахарніе,
И напиточки носила вѣдь медовые,
Да поила вѣдь кормила низко кланяласи,
И ложила на кроватку слоновыхъ костей.
Говорилъ тутъ старый таково слово:
«Ты хорошая прекрасна королевична!
«Ты сама-де вѣдь ложись ко стѣночки,
«А я-то-де старикъ и на краю посплю.»
Не ложится тутъ хорошая прекрасна королевична.
Бралъ тутъ старые казакъ да Илья Муромецъ
И хорошую прекрасну королевичну,
Бралъ токо вѣдь ей да за бѣлы руки,
И за ей-то вѣдь за перстни за злачёные,
И бросилъ-то на кроватку слоновыхъ костей.
А у ей-то вѣдь кроваточка подложная,
Увалиласе во погребъ сороку саженъ.
Выходилъ-то старые казакъ да Илья Муромецъ,
Выходилъ онъ съ теремовъ вѣдь златоверхіехъ,
И перстами-то замки онъ сдергивалъ,
Да ногами-то вѣдь двери вонъ вышибывалъ.
Вышло сорокъ-то царей да вѣдь царевичёвъ,
Вышло сорокъ королей да королевичёвъ,
И вышло сорокъ сильніехъ могучіехъ богатырей.
И говорилъ тутъ старые казакъ да Илья Муромецъ:
«Еще глупы вы цари да всѣ царевичи,
«И да глупы короли да королевичи!
«Вы сдаваетесь на прелесть-ту на женскую.»
И говорилъ тутъ старые казакъ да Илья Муромецъ:
«Вы поѣзжайте-тко да по своимъ мѣстамъ,
«По своимъ мѣстамъ вы ко своимъ женамъ,
«И ко малыемъ ко глупыемъ ко дѣтонькамъ.»
И туто всѣ они да съединилися,
И да стару казаку да Ильи Муромцу
И да всѣ-то вѣдь онѣ да поклонилися.
Тутъ взялъ вѣдь онъ розстрѣлялъ прекрасну королевичну,
Пресѣкъ, припласталъ, куски разметалъ по чисту полю,
И назадь-то-ко старенькой ворóтился,
И онъ старую-ту подпись вонъ выхѣривалъ,
Да вѣдь новую-ту подпись тутъ подписывалъ:
«И стали туто старому женату быть,
«Туто старенькой женатъ не бывалъ.»
И поѣхалъ въ ту дорожку гдѣ богату быть.
И отъѣхалъ старой за три поприща,
Да по русски-то сказать за три вéрстоньки,
И тутъ стоятъ-то погреба да золотой казны.
Тутъ онъ взялъ эту казну и сталъ строить монастыри.

Записано тамъ же, 15 августа.

—

272.

ДУНАЙ.

А во стольнёмъ-то городи во Кіеви,
Да у ласкова князя у Владиміра,
И хорошой-то заведенъ былъ почестной пиръ,
На всѣ сильніе могучи на богатыри,
И на всѣ ли поляницы на удалые.
И дологъ-то вѣдь день идётъ ко вечеру,
И да всѣ ли во пиру да пьяны веселы,
Самъ государь да роспотѣшился.
Еще красное солнышко Владиміръ князь,
И онъ по гринди (sic) по столовые похаживатъ,
И онъ умпльнихъ-де словъ выговариватъ:
«Еще всѣ у насъ во Кіеви поженены,
«А дѣвицы-ты вдовицы за мужъ выданы,
«Еще я-то-де Владиміръ не женатъ хожу.
«Еще кто бы мнѣ-ка зналъ да супротивницу,
«Чтобы люба-то да мнѣ была княгиною,
«Еще вамъ нарекать да государынею.»
Тутъ большой-отъ ворогъ-де хоронится за средняго,
А середней-отъ ворогъ хоронится за меньшаго,
А й отъ меньшаго отъ вóрога й отвѣта нѣту.
Изъ-за тово ли-де столика окольняго,

Ставатъ тихіе Дунай сынъ Ивановичъ:
— Бласловь-ко ты словцо промолвити. —
«Говори-тко ты тихо́й Дунай Ивановичъ!»
— И я жилъ-то я во земли во польскіе,
— А й у короля у Жимана у польскаго.
— И жилъ я во служёньицѣ двѣнадцать лѣтъ,
— И есть у нево три дочери любимые.
— Еще перва Настасья королевична,
— Еще та тебѣ не буде вѣдь царицею,
— Ѣздитъ въ чистомъ-то во полѣ поляницею.
— Есть вторая-то вѣдь Марья королевская,
— И та просватана въ землю жидовскую
— И за царя-то за Кощея за Трипетова,
— И тутъ пописаны-то записи крѣпкія.
— И третья-то есть Апракси королевична,
— Еще та тебѣ люба княгиною,
— И намъ нарекати государынею,
— Есть намъ кому покоритисе,
— И по низкому намъ поклонитисе. —
«И тихіе Дунай сынъ Ивановичъ!
«И силы ты бери сорокъ тысячей,
«Золотой ты казны сколько надобно,
«И поѣдь-ко ты ко королю посватайся.
«И добромъ отдаётъ, такъ ты добромъ возьми,
«А добромъ не даётъ, такъ ты забоёмъ возьми,
«И силою грозой княженецкою,
«И великой могутой богатырскою.»
— И красное солнышко Владиміръ князь!
— О сватовствѣ-то съ войскомъ-то не ѣздятъ вѣдь.
— Дай-ко думщичка мнѣ да вѣдь совѣтничка,
— А дай молодца Добрынюшку Микитьевича,
— А ево-то-де родительство хорошее,
— Да умѣе-то Добрыня съ людьми ричь говорить. —
Да не долго тутъ у солнышка замѣшкалосе,
И давалъ думщичка ему да вѣдь совѣтничка,
А еще молодца Добрыню-то Микитича.
И да сѣдлали да уздали вѣдь добрыхъ коней,
Не для ради красы-басы молодецкіе,
Для ради могуты вѣдь богатырскіе.
И да видѣли вѣдь молодцевъ сѣдучи,
И да не видѣли удалыехъ поѣдучи.
И да наскокъ-отъ берутъ да по цѣлой версты,
Да ископыть тутъ мечутъ по цѣлой копны.
И пріѣхали во землю во польскую,
И ко Жиману ко королю литовскому.
И оставлялъ вѣдь онъ товарища въ чистомъ поли,
И поѣхалъ-де ко Жиману на широкій дворъ,
А идётъ-де во полаты безобъявочно,
И крёстъ-отъ онъ кладётъ да по писаному,
И молитву-ту творитъ изустъ по книжному,
И поклонъ-отъ онъ ведётъ да по ученому,
Еще съ праваго колѣна до сырой земли,
И Жиману-де королю въ особину.
«Поди тихіе Дунай да сынъ Ивановичъ!
«Аль въ придверники идёшь-ли въ приворотники,
«Аль въ любимые идёшь ко мнѣ во конюхи.»
— И не въ придверники иду не въ приворотники,
— И не въ любимые иду да я во конюхи,
— Я пришолъ къ тебѣ вѣдь король польскіе
— Посвататься-то да на хорошей Апракси королевичны,
— И за солнышка Владиміра за князя. —
И росшумѣлися со королемъ о большую,
И выходилъ-то-ко тихой Дунай Ивановичъ
И на-то ли на крылечко на перёное,
И махнулъ онъ туто шелковымъ платкомъ.
— И казни-тко ты татарь да и улановей,
— И всѣхъ туто идолищёвъ поганыехъ. —
Да изъ чистого-то поля вѣдь бѣгцй бѣжатъ;
А изъ чистого-то поля вѣдь гонцй гонятъ.
И не велика-то птичка летатъ во чистомъ поли,
Еще всю-де нашу силу о полу била,
И для одной-то намъ вѣдь дѣвки не погинути.
Говоритъ туто да король Жиманъ польскіе:
«Уйми-тко ты вѣдь думщичка совѣтничка,
«Уйми молодца Добрыню Микитича.
«Отдаёмъ-ко мы честнымъ пиркомъ да за свадебку.»

Записано тамъ же, 15 августа.

—

LIII.

МЕНШИКОВЪ.

Петръ Яковлевичъ Меншиковъ, крестьянинъ 52 лѣтъ съ Тамбасезера, на Юго-западъ отъ Кенозера. Онъ считался въ прежнее время хорошимъ пѣвцомъ былинъ, которыхъ, по его словамъ, зналъ въ молодости весьма много, выучившись имъ частью отъ своего отца, частью ходя по чужимъ людямъ на заработки; но теперь уже позабылъ большую часть того, что зналъ: «крестьянство» убило въ немъ память, потому что у него большая семья, 9 человѣкъ дѣтей и хлѣба не всегда хватаетъ на ея прокормленіе.

—

273.

СВЯТОГОРЪ.

Ѣздилъ-то старъ да по чисту полю,
Въѣхалъ старъ да на святые горы,
Да наѣхалъ старъ да на богатыря...
А богатырь ѣдетъ на коня, да дремлетъ онъ.
«Что это за чудо есть,
«Сильніе и могучіе богатыре
«Могъ-ба выспаться да во бѣломъ шатри?»
Да розъѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ богатыря крѣпко-на-крѣпко.
Богатырь ѣде всё впередъ.
«Ахъ да что я за сильніи богатыре,
«Отъ моей руки никакой богатырь не могъ на коня усидѣть,
«Дай-ко розъѣдусь во второй разъ.»
Какъ розъѣхался Илья Муромецъ,
Да ударилъ крѣпко-на-крѣпко,
Богатырь ѣде всё впередъ.
«Что это за чудо есть,
«Видно я ударилъ худо ево.»
Какъ розъѣхался Илья да онъ вѣдь въ третій разъ,
Какъ ударилъ богатыря крѣпко на крѣпко,
Да ударилъ ево плотно-на-плотно,
Тутъ-то богатырь пробудился ото сна.
Хватилъ-то Илью да своей правою рукой,
Положилъ-то Илью да къ себѣ въ карманъ,
Возилъ-то Илью да двои суточки,
Да на третьи суточки конь и сталъ потыкатися,
У коня-то стали ножки подгибаться.
Какъ ударилъ Святогоръ да своего добраго коня:
— Что ты, конь, потыкаешься? —
Говорилъ-то конь таково слово:
«Какъ мнѣ-ка-ва да не поткнутися?
«Вожу я третьи суточки
«Двухъ сильніехъ могучіехъ богатырей,
«Третьёго вожу коня да богатырскаго.»
Тутъ Святогоръ вынималъ Илью да изъ кармана вонъ,
Но раздёрнули шатёръ бѣлополотняной,
Стали съ Ильей да опочикъ держать.
А побратались они крестами съ Ильей Муромцемъ,
Назвались они крестовыми братьями,
Но ѣздили гуляли по святымъ горамъ,
Съѣзжали-то они да со святыхъ вѣдь горъ
На тѣ-ли на площади широкіе,
На тѣ-ли лужка они зелёные.
Какъ увидѣли-то они чудо чудноё,
Чудо чудноё да диво дивноё,
Какъ состроенъ стоитъ да вѣдь бѣлой гробъ.
Говорилъ-то Илья да таково слово:
— Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко,
— Для ково-жъ этотъ гробъ состроенъ есть? —
Соходили они да съ коней добрыихъ,
Ложился-то Илья да во сей-отъ гробъ,
А Святогоръ-отъ говорилъ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко,
«Не для тебя сей гробъ состроенъ есть,
«Дай-ко я вѣдь лягу да во сей-отъ гробъ.»
Дакъ лёгъ Святогоръ во сей гробъ спать,
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой мой ты брателко!
«Да закрой-ко меня дощечками дубовыми.»
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой мнѣ ты брателко!
«Хорошо здѣсь во гробѣ жить.
«Ну-тко крестовой мой ты брателко,
«Отокрой-то дощечки дубовые.»
Какъ Илья Муромецъ сталъ открывать дощечки дубовые,
Да не можетъ оторвать ни какой доски.
— Да ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
— Не могу я открыть ни какой доски. —
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко,
«Да Илья вѣдь Муромецъ!
«Бей-ко своей боевою-то палицею.»
Илья то началъ палицей бить:
Куды ударитъ—туды обручи желѣзные.
Говорилъ-то Илья да таково слово:
— Да ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
— Куды ударю—туды обручи желѣзные. —
Говорилъ-то Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
«Видно мнѣ-ка туто Богъ и смерть судилъ.»
Тутъ Святогоръ и помирать онъ сталъ,
Да пошла изъ его да пѣна вонъ.
Говорилъ Святогоръ да таково слово:
«Ты послушай-ко крестовой ты мой брателко!
«Да лижи ты возьми вѣдь пѣну мою,
«Дакъ ты будешь ѣздить по святымъ горамъ,
«А не будешь ты бояться богатырей,
«Ни какого сильнаго могучаго богатыря.»

Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

—

274.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Ѣздилъ-то старой въ чистомъ поли,
Въ тѣхъ-ли во долинушкахъ широкіехъ.
Пріѣзжаетъ старъ ко лѣсамъ да дремучіемъ,
Выѣзжаетъ старой на дороженку широкую,
А прямою дороженькой ѣхать надо трои суточки,
А окольною дорожкой ѣхать надо три мѣсяца,
А на этой дорожки есть заставушка великая.
«Да поѣду я прямой дороженкой.»
Ѣхалъ онъ день ко вечеру,
Наѣхалъ на сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
На сорокъ ночныхъ да подорожниковъ.
Начали они да ево спрашивать:
— Ты давай-ко старой намъ имѣньицо. —
«Пограбить-то у мѐня у стараво нечево,
«Но убити-то меня стараво не за что.
«Уздица на кони да во сто рублей,
«А сѣдёлка на кони да во пятьсотъ рублей,
«А попонка на кони да въ цѣлу тысячу,
«А самому-то я коню цѣны не знай.»
— Но давайте-тко, ребята, принимайтесь-ко за стараго. —
Но такъ у стараго сердцё розгорѣлосе,
Да и началъ плёточкой помахивать,
Началъ плёточкой посвистывать,
Куды онъ махнётъ — да туды улушка,
А назадъ онъ отмахнётъ — да переулочокъ.
Да прибилъ онъ всѣхъ-то сорокъ воровъ, сорокъ разбойниковъ,
Да убилъ-то онъ сорокъ ночныхъ-то подорожниковъ.
Да садился старой на добра коня,
Да поѣзжаетъ старой ко Соловьиному ко гнѣздышку.
Не доѣхалъ до гнѣзда да за три поприща,
Услыхалъ Соловей-отъ разбойникъ-отъ:
«А какая невѣжа проѣхала
«Мимо мою заставу ту великую?»
Засвисталъ Соловеюшко въ полъ-свиста,
Конь подъ Ильей да на колѣнци палъ.
Бьётъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,
Говорилъ Илья да таково слово:
— Что же ты конь и потыкаешься,
— Не слыхалъ ты соловьинаго посвисту? —
Пріѣзжае къ соловьиному гнѣздышку,
У Соловья гнѣздо на двѣнадцати дубахъ.
Началъ Соловей посвистывать,
Илья на конѣ сидитъ не ворохнется,
А кудёрышка на немъ да не стряхнутся.
А натягае старый свой тугой лукъ,
Да накладае старый калену стрѣлу,
А спущалъ въ Соловья вора разбойника,
Вышибъ у Соловья да правой глазичокъ,
А отшибъ у Соловья да право ухо прочь,
Увалился Соловей да со гнѣзда долой.
Соходилъ Илья да со добра коня,
Привязалъ Илья Соловья вора разбойника,
Привязалъ Соловья да ко стремянышку,
А садился Илья да на добра коня,
Да спущался въ долинушки широкіе.
Изъ далеча далеча изъ чиста поля
Да не солнце тамъ выкаталосе,
Выѣзжаетъ старый казакъ Илья Муромецъ.
Выходила Соловьиная дочка вонъ,
Да смотрѣла въ подзорную трубочку.
Говорила она да таково слово:
«Ай мужья наши любезные!
«Батюшко ѣдетъ изъ чиста поля,
«Да какого-то богатыря везётъ у стремянышка.»
Средняя дочи вышла на улушку,
Глядѣла въ подзорнюю трубочку.
— Ай мужья наши любезная!
— Да сѣдлайте-тко добрыхъ коней.
— Какой-то богатырь ѣдетъ везетъ нашево батюшка,
— Ѣдьте-тко да отбивайте нашево батюшка. —
Меньшая дочи вышла на улицу,
Глядѣла въ подзорнюю трубочку.
«Мужья наши любезные!
«Садитесь на добрыхъ коней,
«Ѣдьте-тко да вы встрѣчайте-тко,
«Просите-тко сильняго могучаго богатыря
«Къ себѣ ево въ гость.»
А больша-то дочи говорила таково слово:
— Я пойду сяду на ворота *),
— Здыву я подворотенку желѣзную,
— Какъ онъ и въѣдетъ подъ ворота,
— Тутъ спущу я подворотенку желѣзную,
— Убью сильняго могучаго богатыря. —
Не доѣхалъ Илья да до двора да къ нимъ,
Увидѣлъ невѣжу на воротахъ сѣжучись.
Но ударилъ коня по тучнымъ ребрамъ,
Да пустился Илья во Кіевъ градъ.
Пріѣзжаетъ-то Ильюшка во Кіевъ градъ,

*) самъ сознается, что не складно.

Да заѣзжалъ Илья да на широкой дворъ,
Становилъ коня да середи двора,
Ко тому ли столбичку къ точёному,
Да къ тому ли-то къ крылечку къ золочёному,
Заходилъ Илья въ полаты бѣлокаменны.
«Ужъ ты здравствуй-ко батюшко Владиміръ князь!
— Ужъ ты здравствуй Илья да Илья Муромецъ!
— Гдѣ ты ѣздилъ, гдѣ гулялъ? —
«Ѣздилъ-гулялъ во долинушкахъ широкіехъ,
«Ѣздилъ-гулялъ я во чистомъ полѣ,
«Привёзъ-ка тебѣ Соловья вора разбойника.
«Слыхалъ ли ты Соловьинаго посвисту?»
— А й же ты Илья да Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать Соловью вору разбойнику
— Во весь-отъ свистъ. —
Говорилъ Илья князю Владиміру:
«А й же ты батюшко Владиміръ князь!
«Прикажу я засвистать да въ полной свистъ,
«Да розсыплются твои полаты бѣлокаменны.
«А прикажу я засвистать въ четверетъ свиста.»
Выходятъ со княгиной на балхончикъ смотрѣть,
А приказалъ Илья одѣть имъ шубы-то енотовые,
А завязать-обвить свои буйныя головушки,
Говорилъ Илья да таково слово:
«Ты послушай Соловей воръ разбойникъ-отъ!
«Засвищи-тко въ четверетъ свиста.»
Соловей воръ разбойникъ-отъ осмѣлился,
Засвисталъ Соловей въ полъ свисту.
Задрожали полаты бѣлокаменные,
Посыпались стёкла хрустальніе.
Тутъ у Ильюшки сердце розгорѣлосе
На Соловья вора разбойника.
Да приходитъ Илья да къ Соловью вору,
Вынимаетъ Илья да саблю вострую,
Отрубилъ у Соловья вора разбойника,
Отрубилъ буйну голову.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

275.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ-то во городи во Кіеви,
У ласкова князя у Владиміра
Да заведенъ былъ почестной пиръ
Да на многіе ты князей бояровъ,
Да на сильніехъ могучіехъ богатырей,
Да на всѣ-ты поляницы на удалые.
Честной-отъ пиръ идетъ по веселу,
Катится красно солнышко ко вечеру.
Всѣ на пиру понапивалисе,
Всѣ на почестномъ наѣдалисе,
Всѣ на пиру поросхвасталисѐ:
Умной хвастатъ отцемъ матерью,
Безумной отъ хвастатъ молодой женой,
А иной-отъ хвастатъ коньми добрыма,
А иной-отъ хвастатъ золотой казной,
Золотою-то казной несчотною.
А сидитъ Иванушко Годѣновичъ,
Не веселъ сидитъ онъ и нерадошенъ.
Приходитъ къ нему дядюшка Владиміръ князь,
Владиміръ князь стольнё-кіевской:
«Что же ты любезной мой племянничекъ
«Не веселъ сидишь нерадошенъ?
«Развѣ тебѣ чарочка винца да не рядомъ дошла,
«Ли безумница тобою осмѣяласе,
«Ли злые-ты собаки облаяли,
«Ли черные вороны тебя ограяли?»
— А й же ты любезный мой ты дядюшка!
— Мнѣ-ка чарочка винца рядомъ дошла,
— И безумница-то мной не осмѣяласе,
— И злые-ты собаки меня не облаяли,
— И черные вороны меня да не ограяли.
— А всѣ-ты на пиру у тебя да испоженены,
— А одинъ я молодецъ холостой сижу,
— И холостой сижу да и жениться хочу.
— Дай-ко ты мнѣ силы сколько надобно,
— Золотой казны да сколько я возьму,
— Да поѣду я ко Митрею гостю торговому свататься
— На прекрасной Настасьѣ дочкѣ Митрьевной.
— Онъ добромъ отдастъ — дакъ я добромъ возьму,
— А добромъ онъ не отдастъ — дакъ забоёмъ возьму,
— Своей силой могутой да богатырскою. —
«А й любезной мой племянничокъ!
«Да бери-тко силушки да сколько тебѣ надобно,
«Казна тебѣ не затворёная.»
Да беретъ-то Иванъ да сынъ Годиновичъ
А и силы сколько надобно,
А й золотой казны да сколько самъ возьмётъ,
Да въ походъ-отъ отправилъ свою силушку,
Впереди себя да за два мѣсяца.
Но онъ засталъ-то силу въ едной день,
Но объѣхалъ всеё силу въ чистомъ поли,
Да пріѣзжаетъ къ Митрію гостю торговому,
Не спрашивалъ онъ у дверей придверничковъ,
Да у воротъ да приворотничковъ,
Да прямо приправилъ своего бурушко

Прямо черезъ стѣну городовую.
Становилъ коня да середи двора
Ко тому ли столбичку точеному,
Да ко тому колечку золоченому,
Да приходитъ прямо къ Митрею гостю торговому,
Прямо-то въ полаты бѣлокаменны.
Крестъ-отъ кладетъ и по писаному,
Да молитву творитъ да воисусову,
Кланяется да покланяется
Да на всѣ ли на четыре и на стороны,
Митрею гостю въ особинку.
— Здравствуй-ко ты Митрей гость торговые!
— Я пріѣхалъ къ тебѣ вѣдь свататься,
— Да на прекрасные Настасьи дочки Митрьевной.
— Ты добромъ отдашь — дакъ я добромъ возьму,
— А добромъ ты не отдашь — дакъ забоёмъ возьму,
— Своей силой могутой да богатырскою. —
А й заходитъ Иванушко Годиновичъ,
Да заходитъ онъ во спаленку во теплую,
Да отдёрнулъ онъ вѣдь завѣсу шелковую,
Да берётъ онъ Настасью за бѣлы руки,
Да цѣлуетъ онъ Настасію въ уста сахарніе,
Да говорилъ-то Иванъ да таково слово;
— Да прощай-ко, Митрей, гость торговые. —
Да выходилъ Иванъ-то на широкой дворъ,
То садились-то съ Настасьей на добра коня,
Да отправились съ Настасьей во чисто полё.
Да засталъ онъ силушку въ чистомъ поли,
И говорилъ-то онъ да таково слово:
— Отправляйтесь вы да вѣдь во Кіевъ градъ. —
Онъ поѣхалъ Иванушко Годиновичъ во Кіевъ градъ.
Не доѣзжая Иванъ до Кіева,
Раздернулъ Иванъ шатеръ бѣлополотняной,
Сталъ-то Иванъ да опочикъ держать,
Дакъ съ прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
Въ тое само времечко,
Да наѣхалъ Кощей-отъ безсмертные,
Биться-рубиться съ Иванъ Годиновичемъ.
Выходитъ тутъ Иванъ да изъ бѣла шатра,
А садился Иванъ да на добра коня,
Да съѣхались съ Кощеемъ да безсмертныемъ,
Да вышибъ Иванъ Кощея да изъ сѣдла,
Да садился Иванъ Кощею на бѣлы груди.
Вострой сабельки при себѣ да не случилосе,
А кинжалища у его не пригодилосе
Роспороть-то у Кощея груди бѣлые.
— Ой да ты прекрасная Наст-
— Да подай-ко мнѣ-ка-ва саблю вострую
— Роспороть-то у Кощея груди бѣлые,
— А и вынять-то сердечушко со печенью. —
Говорилъ-то Кощей да таково слово:
«А й же ты Настасья дочка Митрьевна!
«Пособи-тко мнѣ Ивана приобдюжати.
«Да за мной-то жить дакъ царицей слыть,
«А за Иваномъ-то жить дакъ портомойницей слыть.»
Настасья пороздумалась,
Да и взяла-то Ивана за желты кудри,
Да стащила-то съ Кощея со безсмертнаго.
Да и двое одного да приобдюжали,
Да связали у Ивана ручки бѣлые,
Да сковали у Ивана ножки рѣзвые,
Да привязали-то Ивана ко сыру дубу.
Да пошолъ-то Кощей опочикъ держать
Съ прекрасные Настасьей дочкой Митрьевной.
Но налетѣло-то два голуба съ голубушкой,
Сѣли они да на сырой дубъ,
Да голубъ-отъ съ голубушкой воркуется,
А носочикъ къ носочику цѣлуются,
А правильнима крыльями обнимаются.
А выходитъ-то Кощей да изъ бѣла шатра,
Да натягаё Кощей да свой вѣдь тугой лукъ.
Да наклáдаё Кощей да калену стрѣлу,
Да спущалъ-то Кощей въ двухъ сизыхъ голубей,
Да не попалъ-то онъ въ двухъ сизыхъ голубковъ.
Высоко-то стрѣла да поднималасе,
Да назадъ-то стрѣла да ворочаласе,
Росколола у Кощея буйну голову,
Роспорола у Кощея груди бѣлые.
Выходила-то Настасья изъ бѣла шатра,
Говорила-то Настасья таково слово:
— А й же ты Иванъ да сынъ Годиновичъ!
— Возьмешь ли, Иванъ, меня да за себя за мужъ,
— Да отвяжу я тебя да отъ сыра дуба. —
«А и взяти возьму да за себя за мужъ,
«Только дамъ тебѣ я три грозы великіе:
«Первую грозу да бѣлы ручки óтсѣку,
«А вторýю-то грозу дамъ тебѣ
«Сахарніе уста прочь óтрублю,
«А третью то грозу дамъ тебѣ,
«Да рѣзвы ножки óтрублю.»
Тутъ-то сердце-то женско испугалосе,
Бѣлы рученки у ней да задрожалисе,
Востра сабелька изъ ручекъ повалилась,
Да на тѣ ли-то тетивочки шелковые,
Тутъ-то Иванушко на воли сталъ.
Да беретъ-то Иванъ саблю вострую,
Отрубилъ-то у Настасьи ручки бѣлые,

Отрубилъ-то у Настасьи уста сахарніе,
Отрубилъ у Настасьи ножки рѣзвые.
Говорилъ-то Иванъ да таково слово:
«Только Иванъ да женатъ бывалъ,
«Только Иванушко съ женой сыпалъ.»
Да не всякому женитьба издавается;
Издалась-то женитьба Олешу Поповичу,
Да Ивану Годѣновичу.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

276.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Въ славномъ-то во городи во Вáстракани
Очудился-проявился тамъ дѣтинушка незнáмый человѣкъ,
Да незнамой, незнакомый чей, невѣдомый откуль.
Баско-щепетко по городу погуливатъ,
Черной бархатній кафтанчикъ на распáшечку таскалъ,
Перстирску опояску нóсилъ въ прáвые руки,
Зелены сафьянны сапожки нóсилъ на шелковыхъ чулкахъ,
Черну шляпу со полями носилъ на жéлтыхъ кудряхъ.
Онъ вѣдь штафамъ офицерамъ не кланяется,
Востроканьскому губернатору челомъ не бьётъ,
А челомъ-то ему не бьётъ да подъ судъ нейдётъ.
А й увидѣлъ губернаторъ изъ окóшка молодцá,
Воскричалъ-то губернаторъ громкимъ гóлосомъ своимъ,
Громкимъ голосомъ своимъ на своихъ вѣрныхъ слугъ:
«Ужъ вы слуги мои слуги слуги вѣрные мой,
«Слуги вѣрные мои да банбандéры урванцй!
«Ужъ вы подьте — приведите удалóго молодцá,
«Удалого молодцá да къ губернáтору на дворъ.»
Приводили молодца да къ губернатору на дворъ,
Становили молодца протúвъ паратняго крыльца.
Выходилъ-то губернаторъ на парáтнеё крыльцо,
И говорилъ-то губернаторъ таково слово:
«Ты скажись-ко, скажись, дѣтинушка, незнáмый человѣкъ,
«Да незнамый, незнакомый, невѣдомый откуль!
«Да ты какой орды, какой земли,
«Да какого отца, да чьею матери?
«Али со Дону казакъ, али казачій сынъ?»
Отвѣчалъ-то молодецъ не съ упадкою:
— Я не сó Дону казакъ да не казачій сынъ.
— Я изъ-за матушки Москвы да я со Камы со рѣки.
— Со Камы со рѣки да Сеньки Разина сынъ.
— Завтра батюшко пріѣдетъ, дакъ ты умѣй-ко гостя встрѣтити.
— Хорошо ты гостя встрѣтишь — кунью шубу подарúтъ,
— Ужъ ты худо гостя встрѣтишь — во тюрьмý тя посадúтъ,
— А й мало-то тово — дакъ и на вúсѣлицу. —
Ахъ по утру во полдёнъ да красно солнышко пекётъ,
Ахъ по Камы по рѣки да лёкка лóдочка бѣжитъ,
И всѣмъ-то лодка изукрашена,
Да молодцами вѣдь эта лодка изусажена.
Въ этой лодочкѣ гребцовъ да сúдитъ сóрокъ молодцóвъ,
Посреди-то этой лодки Сенька Рáзинъ сидúтъ.
Какъ грянули прихватили прямо къ губернатору на дворъ,
Не успѣлъ-то губернаторъ Сеньки встрѣтити,
Ахъ посадилъ-то Сенька Разинъ губернáтора въ тюрьмý,
Мало-то тово ево на вúсѣлицý.

Записано тамъ же, 14 августа.

—

LIV.

Г-жа ГЕОРГІЕВСКАЯ.

Авдотья Васильевна Георгіевская, супруга кенозерскаго іерея о. Никиты и дочь прежняго іерея о. Василья Кенозерскаго. Родилась и всю жизнь провела на Кенозерскомъ погостѣ; ей лѣтъ подъ 40. Выучилась былинамъ отъ крестьянина «Швеца» изъ Масельги Лекшмозерской (Лекшмозеро лежитъ къ югу отъ Кенозера въ Каргопольскомъ уѣздѣ), который по зимамъ живалъ для портняжныхъ работъ въ домѣ ея отца. По словамъ г-жи Георгіевской, причина, подавшая ей поводъ усвоить себѣ былины, состояла въ томъ, что ея отецъ, отличавшійся особенною суровостью характера, запрещалъ своимъ дочерямъ пѣть хороводныя и другія веселыя пѣсни, которыя онъ называлъ грѣховными, и за-

ставлялъ ихъ пѣть божественные стихи. Вмѣстѣ съ такими стихами она отъ скуки выучилась и былинамъ, которыхъ знала въ молодости гораздо больше, чѣмъ теперь.

—

277.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Было на пиру двѣ почестныхъ вдовы:
Первою была Садоваго жена,
А друга́ была вдова да Огоро́дникова
Наливала вдова да Огородникова,
Еще чарочку да зелена вина,
Подносила вдовы да Садоваго жены:
«Ужъ ты пей-ко, вдова да Садоваго жена!
«Какъ буду я тебѣ да сло́во говорить,
«А слово говорить да буду свататься.
«У меня-то есть Ѳадеюшко Игнатьевичъ,
«У тебя-то есть да лебедь бѣлая,
«Лебедь бѣлая да одина́кая дочь.»
Уразила вдова да Садоваго жена
Она чарочку да о сыру землю:
— Ты не хвастай-ко вороной погумённою,
— Пусть-ко ворона полетае по загу́меньямъ. —
И отправилась вдова Огородникова,
И встрѣчаетъ ей Ѳадеюшко Игнатьевичъ.
«Что же ты, родитель моя маменька, не ве́село идёшь?
«Развѣ мѣстечко да не по вотчины,
«Али чарочка тебѣ да не рядомъ дошла,
«Али пьяница тебя да обезчестила?
— А й же ты дитятко да моё ми́лое!
— Мнѣ-ка мистечко было по вотчинѣ,
— И мнѣ-ка чарочка да вѣдь рядомъ дошла,
— Пьяница меня не обезчестила.
— А что же ты родился нехоро́шъ непригожъ:
— Красотою бы родился въ Олёшеньку Поповича,
— А походочкой бы родился въ Чурила Плёнковича,
— А поѣздочкой да въ Илью Муромца,
— А богатчествомъ да въ Дюка Степановича.—
«А й ты родитель моя матушка!
«Ты ложись-ко на кроваточку тисовую,
«А на ту ли на перинку на пуховую,
«Пусть-ко дикой-отъ хмѣль да выкуряется
«Какъ наѣдетъ-то къ тебѣ да лебедь бѣлая.»
Какъ садился Ѳадей да на добра коня,
Да берётъ-то Ѳадей полу́ратовьё.
Пріѣхалъ Ѳадей ко той ли ко вдовы да ко Садоваго жены,
Какъ задѣлъ-то Ѳадей да полуратовьёмъ,
Сини новые да пошаталисе,
А крылечушко да приломалосе,
Выходила тутъ да лебедь бѣлая:
— А й же ты ворона погумённая!
— Летала бы ворона по загу́менью.
— У меня-то есть да де́вять братовъ,
— Какъ стоятъ они да во чисто́мъ во полй,
— А тебя-то вороны дожидаются. —
Какъ поѣхалъ Ѳадейко во чисто́ полё,
А задѣлъ-то Ѳадей да полуратовьёмъ.
Какъ убилъ-то Ѳадеюшко пяти́ братовъ,
А остатніе братья помирилися,
Да Ѳадеюшку въ ноги поклонилися:
«Ты бери́-тко съ насъ да золотой казны.»
Ужъ какъ вта́кнулъ Ѳадей да полуратовьё:
— Насыпайте-тко мнѣ да полуратовьё. —
Они пять-то саженъ да насыпали,
А три-то сажени не дохва́тило,
И пошли они къ Чурилушку займовать.
Говорилъ имъ Чурило таково слово:
«Не давайте Ѳадею золотой казны,
«А отдайте за Ѳадея сестру ро́дную.»
Говорили они Ѳадею таково слово:
— Не бери-тко съ насъ да золотой казны,
— А возьми-тко за себя да лебедь бѣлую. —
И на то Ѳадей да соглашается,
Заѣзжаетъ къ вдовы да Садоваго жены,
Онъ берётъ себѣ да лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую да одинакую дочь.
Онъ привозитъ ко родители ко матушки:
«Ужъ ты матушка да моя родная!
«И вотъ тебѣ привёзъ я лебедь бѣлую,
«Лебедь бѣлую да одина́кую дочь.»

Записано на Кенозерскомъ погостѣ, 16 августа.

—

278.

ДАНИЛО ИГНАТЬЕВИЧЪ.

Гулялъ молодецъ загуливалъ,
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Полонилъ его король и сталъ выспрашивать:
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Какого отца да ты коей матери?«
— Ужъ какъ есть да со тиха́ Дову,

— Со тихого Дону есть донской казакъ,
— Да Данило сынъ Игнатьевичъ. —
Полюбилъ король да добра молодца,
За однѣмъ столомъ да хлѣба кушалъ,
Съ одной чарочки пили сладкой водочки.
А жилъ молодецъ да то тринадцать лѣтъ,
Еще сталъ молодецъ да онъ сталъ погуливать,
По царевымъ кобачкамъ да онъ похаживать,
А королевскимъ житьемъ онъ похвастывать:
— Какъ жилъ въ королевствѣ тринадцать лѣтъ,
— Со той прекрасной королевичной двѣнадцать лѣтъ.
Какъ стали къ королю вести донашивать,
Говорилъ король да таково слово:
«Палачи палачи да немилосливы!
«Отыщите Данилушку Игнатьева,
«Отведите къ болотичку Куликову,
«А й на-ту ли на плашечку на липову,
«Отсѣките Данилу буйну голову.»
Отыскали палачи ево Данилушку,
Вели-то ево да ко болотечку,
Говорилъ-то Данило таково слово:
— Проведите меня по королевству,
— Позвольте-ко спѣть да пѣсню новую,
— Пѣсню новую да вѣдь побѣдную. —
Какъ вели палачи по королевству,
Запѣвалъ-то Данило пѣсню новую,
Пѣсню новую да вѣдь побѣдную:
— Какъ во этомъ-то садичкѣ погуляно,
— Да со той со прекрасной королевичной,
— И попито-то было да й поѣдено. —
Услыхала прекрасна королевична,
Не разбирала она частыхъ мелкихъ да лѣсенокъ,
Выпадала съ окошечка косѣрчата,
И бѣжала ко родителю ко батюшку.
«Ужъ ты батюшко мой родненьки!
«Не сѣки-тко Данилы буйной головы.»
Говорилъ отецъ да таково слово:
— Ты бѣжи-тко къ болотечку Куликову,
— Если можешь застать жива да добра молодца,
— Не казните ему да буйной головы. —
Еще брала она два ножечка булатніе,
Отправлялась къ болотечку Куликову,
И не застала жива да добра молодца.
Ена втакнула ножечки въ сыру землю,
А ко ножечкамъ сама да выговариватъ:
«Гдѣ тутъ палъ да палъ ясёнъ соколъ,
«Тутъ пади-тко пади да лебедь бѣлая.»
Она пала на ножечки, скололасс.

Записано тамъ же, 16 августа.

279.

ДЮКЪ.

Изъ Волынца-то города изъ Далеча,
Изъ Волынъ-земли было богатые
Не ясёнъ ли соколичекъ выпархиватъ,
Какъ не Дюкъ ли на бурушкѣ выѣзживатъ,
Онъ на сивушкѣ да онъ на бурушкѣ,
Онъ на маленькомъ да на косматенькомъ.
Еще шерсть-та у бурка ровно трёхъ пятей,
Ужъ какъ грива у бурка ровно трёхъ локотъ,
Ужъ какъ хвостъ у бурка ровно трёхъ саженъ,
Изъ кольца да въ кольцо да завивается,
Изъ замочка въ замочекъ замыкается.
Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полё,
А Дюку матушка да вѣдь наказыватъ:
Государыни Дюку выговариватъ:
«Ужъ ты Дюкъ, ты Дюкъ, да Дюкъ Стёпановичъ!
«Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полё,
«Ты не бей-ко удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
«Ты поѣзди-ко, Дюкъ, да ко синю морю,
«А на тѣ ли-то тихіе на заводи.
«Ужъ ты бей-ко налй да гусей лебеди,
«Сѣру малую заморскую да утушку.»
Дюкъ-отъ матушки да онъ послушаётъ,
Онъ сѣдлаетъ уздаётъ добра коня,
Онъ и уздицю кладётъ тесмяную,
Да сѣдёлко кладётъ да Дюкъ черкальское,
А подпруги кладётъ да Дюкъ шелковые,
Еще славнаго шолку Шемахинскаго.
Какъ поѣхалъ-то Дюкъ да ко синю морю,
Да на тѣ ли-то тихіе на заводи,
Еще нѣтъ-то ни гуся да ни лебеди,
Нѣтъ ни сѣрыя заморскія да утушки.
Онъ палилъ-то стрѣлялъ да въ бѣла заюшка,
Онъ повыстрѣлилъ да ровно тридцать стрѣлъ,
Еще тридцать-то стрѣлъ, ровно три стрѣлочки.
— Тридцати-то стрѣламъ да цѣну вѣдаю,
— Ужъ я трёмъ-то стрѣламъ цѣны не вѣдаю,
— Еще чѣмъ-то стрѣлки были дороги,
— Чистымъ серебромъ стрѣлки изнавѣдены.
— Какъ не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
— Какъ изъ камешка были драгоцѣннаго.
— А и не тѣмъ-то стрѣлки были дороги,
— Развѣ тѣмъ эты стрѣлки были дороги,
— Какъ изъ перышка были изъ орлинаго,
— Еще славнаго орла да изъ чиста поля. —
Поѣзжаетъ-то Дюкъ да во чисто полё,
Ко тому ли ко бѣлому ко шатрику.

На шатричкѣ подписочка подписана:
Кто во этой-отъ шатёръ зайдётъ тому убиту быть.
Богатырское сердце не удрóгнуё,
Богатырская кровь да розгорѣласе,
И пришолъ это Дюкъ да во бѣлой шатёръ,
Онъ и крестъ-отъ кладётъ да по писáному,
Онъ поклонъ-отъ ведётъ да по учёному,
Онъ бьётъ-то челомъ да поклоняется.
А сидитъ тутъ старóй да хлѣба кушаётъ,
И говорилъ-то старóй да таково слово:
«А й же ты удалъ доброй молодецъ!
«Ты на что идёшь да во бѣлой шатёръ,
«Какъ на шатричкѣ-то написано?»
— Я зашёлъ къ тебѣ, старой, роспроситисе. —
«Ты куда ѣдешь, куда путь держишь,
«Ты коей земли, да ты коей орды,
«Каковагó отца да ты и матери,
«Еще какъ тебя зовутъ на имя на отечество?»
— Какъ есть я изъ Волынца города изъ Дáлеча,
— Изъ Волынъ-то земли да изъ богатые,
— Ужъ я Дюкъ-то Дюкъ да Дюкъ Степановичъ.—
«А й же ты молодой Дюкъ Степановичъ!
«Мы поѣдемъ съ тобою да силы пробовать.
«А розъѣдемся мы да по чистý полю.»
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Ты скажись-тко, да ты повѣдайся,
— Ты коей земли, ты коей орды,
— Какого отца да ты матери,
— Еще какъ тебя зовутъ на имя на отечество?—
«Ужъ какъ есть-то есть да со тихá Дону,
«Со тихого-то Дону есть донской казакъ,
«А донской-отъ казакъ да Илья Муромецъ.»
Говорилъ это Дюкъ да таково слово:
— Какъ одно-то нá небѣ да красно солнышко,
— А одинъ-то нá Руси да Илья Муромецъ.
— Я не ѣду съ тобой да во чистó полё. —
Еще это-то слово показалосе,
За однимъ-то столомъ да хлѣба кушали,
Изъ одной-то чарочки пили сладку водочку.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

280.

ПТИЦЫ.

Ди-ди-ди-ди отчего же зима становилась?
Становиласе зима да отъ морозовъ,
Отъ зимы становилась веснá красна,
От[illegible]ъ лѣто тёпло,
А отъ лѣта становилась богатая осень.
Изъ-за синяго дунайскаго моря
Налетѣла малая птица пѣвица.
Садиласе птица пѣвица
Во зеленой да во садочекъ,
Ко тому ли ко бѣлому шатрочку.
Налетали малыя птицы стадами,
Садилисе птички рядомъ,
И въ одну сторону да головами,
И начали птицу пытати:
«А й же ты малая птица пѣвица!
«И кто у насъ за мóремъ бóльшой,
«Кто за дунайскіемъ меньшой?»
— На морѣ колпикъ-отъ царикъ,
— Бѣлая колпица царица.
— На морѣ гуси бояра,
— А лебедушки были княгины.
— На мори рябчикъ стряпчой,
— Нá мори жерáвъ перевощикъ.
— Ножки бѣленьки тоненьки,
— Штаники синеньки узеньки,
— Пó морю ходитъ и бродитъ,
— Штаничковъ не смочитъ,
— Кажную птицу перевозитъ,
— Тѣмъ свою голову кормитъ.
— На мори дятелъ-отъ плотникъ,
— Кажное дéрево пытаётъ,
— Съ тово ради сытъ пребываётъ.
— А ластушки были дѣвицы,
— Утушки молодицы,
— Чаюшки водоплавны,
— Гагары были рыболовки,
— Много-то рыбы паловили;
— Рыба на горы не бывала,
— Крестьяны рыбы не ѣдали,
— Всё она крестьянъ розоряётъ,
— Съ того ради сыта пребываетъ.
— А синочка она худая,
— Часто милая она хвораётъ,
— Долго она не умираётъ.
— Роботы роботать не умѣётъ,
— Казаковъ нанимать не смыслитъ.
— А ворона богатая птица:
— Въ лѣтнюю пору по суслонамъ,
— А въ зимную пору по омётамъ,
— Всё она крестьянъ разоряётъ,
— Съ тово ради сыта пребываетъ.
— А воробьи были царскіе холопы,
— Кольё-жердьё подбираютъ
— И загороды подпираютъ,
— Всё они крестьянъ розоряютъ,

— Съ тово ради сыты пребываютъ.
— А голубь-отъ на мори попикъ,
— А голубушки попадьюшки,
— А сорока кабацкая жонка,
— Съ ножки на ножку ступаётъ,
— Черные чёботы топтаётъ·
— Высоко чёботы топтаётъ,
— Удалыхъ молодцовъ прельщаётъ.
— Пѣтушки казачки были донскіе,
— Имѣютъ по хозяйки и по двѣ,
— По цѣлому да по десятку,
— И не такъ какъ на Руси крестьянинъ,
— Одну-то онъ женку имѣетъ,
— А той нарядить не умѣетъ,
— А бить-то ей бѣдной не смѣётъ.
— Курица побѣдная птица,
— По улицѣ ходитъ и бродитъ.
— Кто вѣдь ей изымаётъ,
— Всякъ яйца у ей пытаётъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

LV.

МАТРЕНА МЕНЬШИКОВА.

Матрена Григорьевна Меньшикова, крестьянка лѣтъ около 40, подруга г-жи Георгіевской, съ которою росли вмѣстѣ; уроженка дер. Якимовой на Кенозерѣ, нынѣ замужемъ въ сосѣдней деревнѣ Горкѣ. Выучилась пѣть былины отъ своего отца. Ея отецъ, также какъ и сынъ, грамотные; сама она грамотѣ не знаетъ. Она поётъ, такимъ же складомъ какъ былины, «старину» про Іову и Мару (въ переводѣ Щербины), вовсе не дѣлая различія между этою пѣснью и настоящими былинами. Меньшикова знаетъ, кромѣ печатаемыхъ здѣсь, былины про Добрыню и Маринку, про молодость Чурилы и Молодца и королевну. Про Садка купца богатаго она разсказываетъ словами, изрѣдка переходя къ стихотворному складу, варіантъ, одинаковый по содержанію съ напечатаннымъ выше подъ № 70.

—

281.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И ГОЛИ КАБАЦКІЕ.

Ото стольняго города Кіева
Ко славному городу Чернигову
Пролегала дорога-путь широкая.
Въ ширину-то дорожка двадцати саженъ,
А въ долину-то дороженка не бывана,
А боемъ та дороженка не выбита.
И по той дорожкѣ прямоѣзжія
Идетъ тутъ калика перехожая.
Ёнъ волосомъ бѣлъ а бородой сѣдатъ,
А гуня на калики сорочинская,
А трунь на калики трипетова,
И шляпа у калики шестьдесятъ пудовъ,
И костыль у калики девяти сажонъ,
И клюхой идё калика подпирается,
И подъ имъ мать земля вся колубается.
И заходитъ калика по кабакъ,
А по кабаку калика-та покликивалъ,
Съ ноги на ногу калика переступывать,
Всѣ дубовые половки подгибалися.
Говоритъ чумакамъ онъ цѣловальникамъ:
«Отпустите вина мнѣ полтора ведра.»
Говорятъ чумаки-де цѣловальники:
— Какъ не во что старому тѣ вѣрити.
— Муниця*) на тебѣ вѣдь веретномъ тряхнуть.—
«А берите въ закладъ у м'ня чуденъ-крестъ,
«Золотаго крестъ червоннаго золота,
«А вѣсу-то крестъ тяне полъ-сема пуда.»
Не смѣютъ за крёстъ оны принятися,
Не смѣютъ ему дати зелена вина.
Какъ онъ вышелъ на площадь на торговую,
И скрыкнулъ-де калика зычнымъ голосомъ:
«Собирайтесь-ко всѣ голи до единого,
«А купите вина мнѣ полтора ведра,
«А опохмѣльте калику перехожою.»
Собиралися голи до единаго.
Какъ собрали калики да по денежки,
И мало того по копѣечкѣ,
И купили калики полтора ведра.
И принялъ калика единой рукой,
И выпилъ калика на единой вздохъ,
И уже самъ говоритъ ёнъ таково слово:
«Не напоили старика лишь роззадорили.»
Какъ шолъ ёнъ ко погребу княженецкому,
Ёнъ вѣдь замочки руками-то отщалкивалъ,

*) «рипсишка», худое платье.

А двери колоды вонъ выпинывалъ.
И заходитъ во погребы княженецкіе,
И берё бочку сороковку подъ пазуху,
Дру́гу сороковку бралъ подъ другую,
А третью-ту бочку ёнъ ногой катилъ.
И выходилъ на площадь на торговую,
И скрыкнулъ-де самъ онъ зычнымъ голосомъ:
«Собирайтесь вы голи до единаго!
«Пейте-тко голи зелено вино,
«Зеленого вина вы пейте до пьяна.»
Собиралися голи на площадь торговую,
Пили-де голи зелено вино,
Зелено вино да пили до пьяна.
Туто всѣ голи напивалисе,
Напивались голи упивалисе.

Записано на Кенозерѣ (дер. Нематова), 16 августа.

—

282.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Какъ во стольнемъ городи во Кіеви
И у ласкова князя у Владиміра
Хо́рошъ заведенъ да былъ почестной пиръ,
На многіе князи пиръ на бояра,
На всѣ сильни могучіе бога́тыри,
На всѣ поляницы на удалые.
И была-де на томъ на почестномъ пиру
Славна богата Часо́венна вдова,
Другая вдова-де была Збудова.
Такъ эта вѣдь Збудова вдова,
Ена наливала чару зелена вина,
Подносила ту чару славные богатые Часовенной вдовы:
«Выпей-тко ты славная богатая Часовенна вдова.»
— И я же вѣдь теперь не у тебя въ гостяхъ. —
«А есть у меня премладый Фотей Збудовича,
«А у тебя есть единка та Часовенна.
«И отдай-ко ты Чединку за Фотея замужъ.»
И она хлопъ по подносу и стоканъ улетѣлъ,
И такъ-де вдову вѣдь обезчестила,
И одва вдовица и пиръ кончала,
И не весела вдова пріѣзжала домой.
И встрѣчае Фотей да родну матушку:
— Ты свѣтъ государынь моя матушка!
— Развѣ мѣсто тѣ было не во вотчины,
— Развѣ винная чара да не рядомъ дошла,
— Развѣ пьяница тобою осмѣялась,
— И безумница да слово молвила. —
«Ты премладый Фотеюшко сынъ Збудовичъ!
«И мѣсто-то мнѣ было по вотчины,
«И винная чара мнѣ рядомъ дошла,
«И пьяница-та мной не осмѣялась,
«И вдова-та м'ня и прибезчестила.
«Я за тебя Фотеюшко посваталась,
«И у славные богатые Часовенной вдовы.
«Ена хлопъ по подносу и стаканъ улетѣлъ.»
Говорилъ Фоте́й да родной матушки:
— Свѣтъ государынь мо́я матушка!
— Я насмѣшку эту о́тсмѣюсь. —
Говоритъ слугі́й онъ сво́ей вѣрные:
— А й слуга ты моя вѣрная!
— Поди на конюшню на стоялую,
— Выбирай-ко ты двухъ добрыхъ лошадей,
— И сѣдлай-уздай да скоро-на-скоро,
— Скоро-на-скоро и крѣпко-на-крѣпко,
— И не ради красы-басы молодецкіе,
— Ради крѣпости да богатырскіе. —
И шолъ слуга на конюшню на стоялую,
Енъ сѣдлалъ-уздалъ да двухъ добрыхъ лошадей,
И не ради красы-басы молодецкіе,
Ради крѣпости да богатырскіе.
И поѣхалъ со слугой онъ въ стольній Кіевъ градъ,
И заѣхали ко вдовы да во широкій садъ,
Приломали притоптали всё притра́вили.
И вдовы-то дома не случилосе,
И одна Чадинка пригодилосе.
Выходила на балхончикъ на точеные,
Сама говорила таково слово:
«И что за невѣжа появилосе,
«И падъ нашимъ домомъ насмѣхается!»
У Фотея-то ратовьё шести сажёнъ,
Ёнъ-де хлоннулъ по балхончику точеному,
И балхончикъ точеный весь розсыпался.
И пріѣзжала вдова-де на широкой дворъ,
Говоритъ Фотей да таково слово:
— Вотъ тѣ славная богата Часовенна вдова,
— И обсыпь-ко это ратовьё ты золотомъ,
— И не увезу Чади́нки за себя́ замужъ. —
Самъ уѣхалъ Фотей да во чисто поле,
И роздёрнулъ Фотей да тонкой бѣлъ шатёръ,
И сказалъ слуги онъ сво́ей вѣрные:
— Какъ появится силушка изъ Кіева,
— Ты буди-ко меня да скоро-на-скоро. —
Эта славна богата Часовенна вдова,
Она начала сбирать да злато серебро
И обсыпа́ть это ратовьё шести саженъ.
И пять она саженъ вѣдь насыпала,
И шестой сажени вѣдь нечѣмъ насыпать.

И выѣхала она вѣдь въ стольней Кіевъ градъ,
И сама говорила таково слово:
«А й мужики вы всѣ мнѣ должные!
«Ваши головы всѣ запоручены.
«А поѣдьте, мужики, вы во чисто полё,
«Убейте Фотеюшка въ чистомъ поли,
«Я всѣхъ мужиковъ васъ во долгахъ прощу.»
Она справила срядила семи сыновьёвъ,
И появиласе силушка изъ Кіева.
Да будитъ слуга Фотеюшка Збудовича:
— А вставай Фотеюшко Збудовичъ!
— Появиласе силушка изъ Кіева. —
И вставае Фотеюшко Збудовичъ,
И наразъ зашибъ онъ всѣхъ семи сыновьёвъ.
«И васъ, мужики, не трону́ я не единого,
«Ваше дѣло поневольнёё.»
И пріѣхалъ Фотей ко вдовицы на широкой дворъ,
И скрыкнулъ-де Фотей да зычнымъ голосомъ:
«Неси, вдова, записи закладніе,
«По которымъ золота казна роздавана.»
И несла-де вдова записи закладніе,
По которымъ золота казна роздавана.
Роздалъ Фотеюшко эти записи,
И всѣ мужики поѣхали да кланялись.
— Какъ спасибо Фотеюшко Збудовичъ! —
И взялъ ту Чадинку Часовенну,
И увелъ ту Чадиночку замужъ за себя.
Привозилъ Фотей ей къ родной матушки:
«Свѣтъ государынь моя матушка!
«Эту пасмѣшку ты ей отсмѣйся,
«И втрое ты вдвое и впятеро,
«Хоть въ портомойницы клади, хоть въ бѣломойницы.»

Записано тамъ же, 16 августа.

—

283.

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЪ.

А на стулѣ на бархатѣ,
На златомъ на ременьчатомъ
Сидѣлъ тутъ царь Возвягъ,
Возвягъ сынъ Таврольевичъ.
Енъ-де суды разсуживалъ
Всѣ дѣла приговаривалъ
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городамъ съ пригородками.
И Хому дарилъ Токмою,
И Ерёму Новымъ-городомъ.
И Щелканушка дома не случилосе,
И уѣхалъ Щелканушко
Ёнъ во землю жидовскую,
Ёнъ для чёртова пра́вежу
Ради дани и выходу.
Ёнъ-де съ поля по ко́лосу бралъ,
Съ улицы по курицы,
Съ мужика по пяти́ рублей.
У ково-де пяти́ рублей нѣтъ,
У того онъ жену́ берётъ.
У кого какъ жены-то нѣтъ,
И того самого́ берётъ.
Какъ у Щелкана не вы́робишься,
Со двора́ вонъ не вы́рядишься.
Какъ пріѣхалъ Щелканушко
Изъ земли изъ жидовскіе
Ко царю на широкой дворъ:
«Токо токо ты царь Возвягъ,
«Царь Возвягъ сынъ Таврольевичъ!
«И ты су́ды разсуживалъ,
«Всѣ дѣла приговаривалъ
«Всѣхъ князьёвъ бояръ жаловалъ.
«И селами помѣстьями,
«Городамъ съ пригородками.
«И Хому дарилъ Токмою
«И Ерёму Новымъ-городомъ.
«Подари-тко Щелканушка,
«Ты любимаго зятюшка,
«Ме́ня Тверію городомъ,
«Ме́ня Тверію славною,
«Меня Тверью богатою.
«Двума братцами родными
«И князьёмъ благовѣрными,
«И Борисомъ Борисовичомъ,
«И Митріёмъ Борисовичомъ.»
Говоритъ ёму царь Возвягъ:
— Ты любимые зятюшко,
— Щелканъ сынъ Дудентьевичъ!
— Заколи́-ко чада милаго,
— Своего сына любимаго,
— Ты Гордѣя Щелкановича.
— Нацѣди́-ко ты чашу руды,
— Токо чашу серебряную;
— Выпей ту чашу руды
— Стоючись передъ Звягой царёмъ,
— Передъ Звягой Таврольевичемъ. —
Токо взявши Щелканушко,
Закололъ чада милаго
Своего сына́ любимаго
И Гордѣя Щелкановича.

Нацѣдилъ же ёнъ чашу руды
Токо чашу серебряную.
Выпилъ ту чашу руды,
Стоючись передъ Звягой царёмъ,
Передъ Звягой Таврольевичемъ.
Подарилъ ёго царь Возвягъ
Ёго Тверію городомъ,
Ёго Тверію славною,
Ёго Тверью богатою,
Двума братцами родными
И князьёмъ благовѣрными,
И Борисомъ Борисовичомъ
И Митріёмъ Борисовичемъ.
И поѣхалъ Щелканушко,
И заѣхалъ Щелканушко
Къ родной сестры проститися,
Токо къ Марьѣ Дудентьевной:
«Ты прощай моя родна сестра
«Токо Марья Дудентьевна.»
— Ты прощай же мой родной братъ,
— Ужо по роду родной братъ,
— По прозванью окаянной братъ.
— И кабы ти уѣхати,
— И назадь не пріѣхати.
— Кабы ти самому на ножи остыть
— И на сабли на вострые. —
И уѣхалъ Щелканушко
Еще самъ головой вершилъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

LVI.

ЛОСКУТОВА.

Марья Семеновна Лоскутова, крестьянка вдова дер. Горка, лѣтъ 60-ти отъ роду. Былинамъ научилась отъ своего отца, который, по ея словамъ, пѣлъ очень много и между прочимъ зналъ большую былину про Михайлу Потыка, ею теперь забытую. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она пѣла отрывокъ изъ былины про молодость Чурилы и про братьевъ-разбойниковъ и сестру.

—

284.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

Былъ у вдовы единой сынъ,
Былъ Василій сынъ Буслаевичъ.
Ходилъ Василій на великій пиръ,
Всѣ на пиру да напивалисе,
Всѣ на пиру да наѣдалисе,
Всѣ на пиру да приросхвастались.
Васильюшко да тѣмъ похвастыватъ,
Кабы биться-рубиться со Новымъ градомъ,
Со тѣмъ-ли новгородскимъ новымъ старостой.
Сдѣлали залоги ты великіе,
Пописали записи за болѣ того,
Что заутра Василью стать да на великій бой,
Биться-рубиться со Новымъ градомъ.
Пошолъ Василій съ пиру вѣдь не веселъ ёнъ не радошенъ,
Буйну голову да понизилъ онъ Васильюшко.
Встрѣчае ёго родна матушка:
«Что ты, Васильюшко, съ пиру идёшь,
«Да не веселъ вѣдь не радошёнъ?
«Мѣсто тебѣ бѣло не по разуму?
«Ли рюмка тебѣ не рядомъ пришла,
«Али пьяница да осмѣяласе?»
Говоритъ Васильюшко да родной матушки:
— Мнѣ мѣсто было да по разуму,
— Мнѣ рюмочка да вѣдь рядомъ пришла,
— Мною пьяница не осмѣяласе.
— Сдѣлали мы записи великіе
— Со тѣмъ ли новгородскимъ новымъ старостой,
— Что заутру мнѣ стать Василью на великій бой. —
Говоритъ же ёму родна матушка:
«Не за дѣло, Васенька, примаешься,
«Что гдѣ-тѣ биться со Новымъ градомъ,
«Со тѣмъ ли новгородскимъ новымъ старостой.»
Ёна брала мису злата серебра,
Другую брала скатня жемчугу,
Пошла ёна да къ новгородскому да новому старосты:
«Ты новгородскіе да новой староста!
«Ты возьми-тко мису злата серебра,
«А другу бери да скатня жемчугу,
«Оставь моего да сына роднаго.»
Говоритъ же новгородскій новый староста:
— Мнѣ не надо миса злата серебра,
— Не надо скатня жемчуга,
— Надо мнѣ Васильева головушка. —

Приходила ёво родна матушка,
Брала Василья за бѣлы руки,
Поводила Василья въ чисто́ полё,
Посадила Василья во глубокой погребъ,
Рѣшоточкой задёрнула желѣзною,
Чтобы не вийти Васё да не выѣхать.
Какъ дѣвочка её служаночка,
Со дубовымъ да со ведёрышкомъ,
Пришла къ Василью во (sic) ту погребу,
Говорила Василью таково слово:
«Ты Василій сынъ Буславьевичъ!
«Ты сидишь да вѣдь во погребѣ.
«Какъ идё да шумъ да громъ да во Нового́мъ градѣ,
«Какъ твои тѣ дружинушки хорабрые,
«Какъ тебя Василья дожидаются,
«Еще гдѣ у насъ да славной воинъ есть,
«Славный воинъ-отъ Василій сынъ Буславьевичъ?
Говоритъ же дѣвочки служаночки:
«Ты одерни-ка рѣшоточку желѣзную,
«Выпусти Васильюшка на бѣлый свѣтъ.»
Какъ отдернула рѣшоточку желѣзную,
Выходилъ Васильюшка на бѣлый свѣтъ,
Ухватилъ Васильюшко черлёный вязъ,
Пошолъ Василій по Нову́ граду.
Еще сталъ Васильюшко помахивать,
Какъ куды махнётъ — такъ тутъ улица,
Назадъ отмахнетъ — переулочекъ.
Ёнъ прибилъ всю силу богатырскую,
Не оставилъ силы онъ на сѣмена.
Какъ прослышала да ёго родна матушка,
Выходила она на крылечко на перёное,
Кричала она да зычнымъ голосомъ:
— Ахъ ты Василій мой да сынъ Буславьевичъ!
— Сокроти-тко свою силу богатырскую. —
Ёнъ идётъ по мосту то по Во́лховскому,
Идё старичищо-то Угрюмищо,
На головѣ несе колоколъ да стопудовые,
У колокола языкъ двадцати пудовъ.
Говоритъ старичищо-то Угрюмищо:
«Молодоё ку́ро, не попа́дай мнѣ,
«Молодоё ку́ро, не попорхивай.».
Какъ хватилъ Василій онъ черлёной вязъ.
Тесну́лъ Василій по буйной главѣ,
Слетѣлъ колоколъ да стопудовые.
Ухватилъ языкъ-отъ колокольніе,
Зашибъ старичища съ одного́ разу.
Не старичища ёнъ убилъ да крёстна батюшка.
Какъ прослышала ево да родна матушка,
Выходила она на крылечко на перёное,
Какъ крика́ла ему да сыну родному:
— Ахъ ты чадо, чадо моё милоё!
— Ты зачѣмъ убилъ да крёстна батюшка,
— Тебѣ самому да вѣдь така же смерть придё. —
Пошолъ да вѣдь Василій въ дороженку,
Какъ стоитъ же камень превелича́ющей,
Какъ на камешку́ подпись да вѣдь подписана:
«Еще кто этотъ камень вѣдь перескочитъ,
«Такъ вѣдь богато будетъ жить.»
Василій разъ скочилъ, такъ ёнъ не до́скочилъ,
А другой скочилъ, такъ тутъ и смерть пришла.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—

285.

ДВА ЛЮБОВНИКА.

Было у вдовы тридцать три́ дочери,
Да всё ёны во грамотѣ повы́учены.
Всё ёны пошли по Божьимъ церквамъ,
Всё ёны сказали: «Боже мой,
«Боже мой да помилуй насъ!»
А одна бёдна́ Софіюшка промо́лвилась:
— Князь молодой ты Васильюшко,
— Ты, Васильюшко, подвиньсь сюда.—
Бралъ онъ Софію за бѣлы руки,
Поводилъ онъ Софію въ Божью церкву,
Накладали имъ да золоты вѣнцы.
Да провѣдала Васильюшкова матушка,
Да садилась она на ворона коня,
Поѣзжала во Китай-города.
А на гривенку взяла зелёного вина,
А на другую взяла люта́ зелья,
Да Василью наливала люта зелья,
А Софіи наливала зелёнаго вина.
«А Василій испивай, ты Софіи не давай.»
А Василій испивалъ, онъ Софіи подавалъ,
А къ утру свѣту преставилась.
А Васильюшку тёшутъ изъ кленóва дерева,
А Софіюшки тёшутъ изъ елушки молодой.
А Васильюшка несутъ на буйны́хъ головахъ,
А Софіюшку несутъ на бѣлы́хъ на рукахъ.
А Васильюшка хоронятъ по правую по руку,
А Софіюшку хоронятъ по лѣву́ю по руку.
На Софіи выростало кипарисное древо,
На Васильѣ выростала золота́ верба.
А старой отъ идётъ такъ наплачется,
А посередъ вѣку идё надивуется,
А маленьки ребятка тѣ натѣшатся.

Записано тамъ же, 17 августа.

—

LVII.

ШУМАНОВЪ.

Ѳедоръ Григорьевичъ Шумановъ, крестьянинъ 68-ми лѣтъ изъ дер. Тамницкой-лахты на Кенозерѣ, по ремеслу каменотесъ, ослѣпшій лѣтъ пять тому назадъ. Знаетъ хорошо только одну былину, здѣсь печатаемую. Онъ ее перенялъ отъ старика Ивана Григорьева изъ дер. Ряпусовой, который былъ отличный мастеръ пѣть былины.

286.

ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЪ.

И жилъ-то Буславьюшко сто годовъ,
И жилъ-то Буславьюшко не старѣлся,
И теперь-то Буславьюшко преставился
Оставалось у Буславья чадо милое,
И премладый Вася Буславьевичъ.
И сталъ-то ли Васенька конёмъ владать,
Конёмъ-то владать и копьемъ шурмовать.
И сталъ-то Вася по улки похаживать,
И нелёккія шутки пошучивать,
И нелёккія шутки непомѣрные:
Ково за руку хватитъ — ручку выдернё,
Ково подъ ногу пнё — ножку выпинывалъ,
Ково въ голову ударитъ и въ смерть убьётъ.
И тутъ ли новгородскіе староста,
И приноситъ великіе жалобы,
И къ той ли вдовѣ благочестивые,
И премлады Амельфы Тимоѳеевны.
«Ай же ты вдова благочестивая,
«И премлада Амельфа Тимоѳеевна!
«Уйми своево чада милово,
«И премладова Васю Буславьева,
«И много обидушку дѣлаё.»
У тово-ли новгородскаго старосты
И хорошъ былъ заведенъ почестной пиръ
И на сильни могучи богатыри,
И на всѣ полчищи удалые,
И на всѣ на добрые молодцы.
И какъ всѣ на пиру напивалися,
И какъ всѣ на пиру наѣдалися,
И всѣ на пиру пьяны веселы,
И всѣ на пиру поросхвастались.
И которой-то хвастаетъ добрымъ конемъ,
И которой-то хвастаетъ золотой казной,
И безумной похвасталъ молодой женой.
И сидитъ-то Василій Буславьевичъ
И ничѣмъ-то Василій не хвастаетъ.
И говоритъ-то новгородскій староста:
«И что ты Василій Буславьевичъ,
«И что ты ничѣмъ не похвастаешь?
— И чѣмъ мнѣ-ка братцы похвастать?
— Да нѣту у м'ня вѣдь добрыхъ коней,
— И нѣту у м'ня золотой казны,
— И нѣту у м'ня молодой жены;
— И похвастаю силой могучіе,
— Итти-то вѣдь биться-драться на весь Новый градъ
— И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой. —
И тутъ-то ли они записи записывали,
И къ записямъ бѣлы ручки прикладали,
И заутра-то итти да на Волховъ мостъ,
И биться-то драться со Новымъ градомъ,
И съ тѣмъ ли новгородскіемъ старостой.
И пріѣзжаетъ Василій къ своей матушки,
И премлады Амельфы Тимоѳеевны.
Онъ не весёлъ пріѣзжаетъ не радошёнъ.
Говорила ему родна матушка,
Премлада Амельфа Тимоѳеевна:
«И что ты ли Вася Буславьевичъ,
«Али что ты не веселъ не радошёнъ?
«Али мѣсто тебѣ было не по разуму,
«Али цара тебѣ не рядомъ дошла,
«Али безумьица тобой осмѣялась.»
— Ай ты же родная матушка!
— И мѣсто-то было по разуму,
— И цара та мнѣ вѣдь рядомъ дошла,
— И безумьица мной не осмѣялась.
— И какъ всѣ на пиру напивалисе
— И какъ всѣ на пиру наѣдалисе,
— И всѣ на пиру поросхвастались:
— Которой-то хвастаетъ добрымъ конёмъ,
— А которой-то фастатъ золотой казной,
— И безумной пофасталъ молодой женой.
— Я похвасталъ-то силой могучіе
— Итти-то биться-драться на весь Новый градъ,
— И съ тѣмъ-ли новгородскіемъ старостой. —
И повела ево да и во чисто полё,
И садила ево во темной погрёбъ,
И темной отъ погрёбъ сорока сажонъ,
И навалила плиту ровно сто пудовъ,
И наклала кису злата серебра,
И другую наклала скатня жемчуга,
И понесла-то великіе даровья

И тому ли новгородскому старосты.
«Ай же новгорочкіе староста!
«И прими-ко великіе даровья,
«И отмѣни-ко моего чада милова,
«И премладаго Васю Буславьева,
«Отъ тово ли побоища кроваваго.»
И говорилъ-то новгорочкіе староста:
— Ай же ты вдова благочестивая,
— Премлада Амельфа Тимоѳеевна!
— Не дорого ни злато ни серебро,
— И не дорого ни скатніе жемчуго,
— Тольки дорога похвальба молодецкая. —
И были дружины хорабрые,
И были слуги были вѣрные,
Слуги вѣрные и неизмѣнные,
И пошли оны да и на Волховъ мостъ,
И биться-то драться съ Новымъ-градомъ,
И съ тѣмъ-ли новгорочкіемъ старостой.
Оны бились ровно три вѣдь дня,
И эта-то дѣвка чернавушка,
И выходила на Дунай рѣку,
И увидала это побоищо кровавое.
И эти ево слуги вѣрные,
И стоятъ оны и по колѣнъ въ рудѣ,
И буйны головки проломаны,
И платками головки повязаны.
И тутъ-то ли дѣвка Чернавушка,
И тутъ-то она слезно всплакала,
И приходила она да и во чисто полё,
И во чисто полё да и во темной погрёбъ,
И говорила она таково слово:
«А й же ты, Вася Буславьевичъ!
«И спишь ли ты Вася просыпаешься,
«И надъ собой ты невзгодушки не вѣдаёшь.
«И твои-ты вѣдь слуги вѣрные,
«И стоятъ оны да по колѣнъ въ руды,
«И буйны головки проломаны,
«И платками головки повязаны.»
И скидывала эту плиту ровно сто пудовъ,
И выпущала Василья на святую Русь.
И выходилъ-то ли Вася на святую Русь,
И не попало оружьицо звѣриное,
И не попало копьё бурзомецкое,
И ратовьё до девяти саженъ,
И попала осйца телѣжная.
И пошолъ-то ли Вася на Волховъ мостъ,
И на то ли кроваво побоищо,
И началъ-то Вася помахивать.
А куды-то махнётъ — улица падё,
И повымахнетъ—дакъ переулочёкъ.
И прибилъ-то народу и смѣты нѣтъ
И тотъ ли новгорочкіе староста,
И наклалъ-то кису злата серебра,
И другую наклалъ скатня жемчуга,
И понёсъ-то великіе даровья,
И той ли вдовѣ благочестивыя,
И премлады Амельфы Тимоѳеевной.
— Ай же ты вдова благочестивая!
— И уйми своево чада милаго,
— И премладаго Васю Буславьева,
— И оставь хоть народу на симена. —
И говорила ему родна матушка,
И премлада Амельфа Тимоѳеевна:
«А й же ты Василій Буславьевичъ!
«И окроти своё сердцо богатырское,
«И оставь хоть народу на симена.»

Записано на Кенозерѣ, 14 августа.

—

LVIII.

АНДРЕЙ ГУСЕВЪ.

Андрей Тимоѳеевичъ Гусевъ, изъ Заболотья на Кенозерѣ, худенькой, маленькаго росту старичокъ-крестьянинъ, 70 лѣтъ. Оставшись въ дѣтствѣ сиротой, выучился былинамъ отъ стороннихъ людей, у которыхъ жилъ въ работникахъ; потомъ завелъ-себѣ крестьянское хозяйство, подъ старость впалъ почти въ нищету. Кромѣ былинъ, здѣсь печатаемыхъ, онъ зналъ, но довольно плохо, былины про Василья Игнатьевича и Батыгу и про Братьевъ-разбойниковъ и сестру.

—

287.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А ѣздилъ-то старъ по чисту полю,
Ото младости ѣздилъ до старости,
Ото старости ѣздилъ до гробной доски.
Хорошъ былъ у старого доброй конь,
А батюшко бурушко косматенкой.
А фостъ-отъ у бурушка трёхъ сажонъ,
А грива у бурушка трёхъ локотъ,
А шерсть-та у бурушка трёхъ пядей.
А й рѣки озёра перескакивалъ,
А мхи-ты болота промежъ ногъ пустилъ.

Поѣхалъ путёмъ по дороженки,
На той на пути на дороженки,
На дорожки лежитъ сѣръ горючъ камень,
На камешки подпись подписана,
Написана подпись напечатано.
Отъ камешка три дороженки:
И во дороженку ѣхать — убиту быть,
Убитому быть, биту, граблену.
И во другую ѣхать — женату быть,
А въ третью-ту ѣхать — богату быть.
И тутъ-де какъ старъ пороздумался,
А въ каку ѣхать дорожку широкую.
А во дорожку ту ѣхать богату быть?
А на что мнѣ-ка старо́му богачество,
Своево живота класть какъ некуда?
Въ дорожку-ту ѣхать — женату быть?
На что мнѣ-ка старо́му жёнитися,
И старой-то взять не захочется,
Молодая-та взять дакъ чужа корысть.
Я поѣду въ ту дорожку широкую,
И во которой дорожкѣ-то убиту быть,
А убитому быть, биту, граблену.
И поѣхалъ путёмъ по дороженки,
И по дороженки сорокъ тысячъ разбойниковъ,
И тутъ атаманъ со ата́манью,
И захватили у стараго добра коня.
«А сходи-тко ты, старъ, со добра коня,
«Давай-ко намъ злата да серебра́,
«Давай-ко намъ скатняго жемчуга.»
Говоритъ туто старъ не съ упадкою:
— И ой же станичны разбойники!
— У м'ня-то у стараго взять нечего.
— Уздица у м'ня во пятьсотъ рублёвъ,
— А сѣдёлышко-то въ цѣлу тысячу,
— А батюшку бурушку смѣты нѣтъ,
— Самому старику мнѣ-ка смерти нѣтъ,
— На бою мнѣ-ка смерть не написана. —
«Ой же ты старой матёрой человѣкъ!
«Почему у тя сѣдёлышко да до́рого?»
— Потому у м'ня сѣдёлышко до́рого,
— Орлено́ было перьемъ орлинымъ.
— А не тотъ ли орёлъ по горамъ леталъ,
— А тотъ ли орёлъ по морямъ леталъ,
— Да ушибся орёлъ о сыръ горючъ камень,
— Ломалъ ёнъ перья да орлиные.
— Ѣхали купцы́ зъ-за синя́ моря,
— Обирали эты перья орлиные,
— А врѣзаны каменья самоцвѣтные,
— Самоцвѣтны каменья драгоцѣнные.
— Не ради красы-басы молодецкіе,
— Не ради крѣпости богатырскіе,
— Ради тёмныя ночки да осенніе.
— Ходитъ батюшко бурушко въ чисто́мъ поли,
— Отъ батюшка бурушка лучи́ пекутъ. —
«А й ты же старъ матёръ человѣкъ!
«А много ты сталъ розговаривать.»
Говоритъ же старъ не съ упадкою.
Хватилъ какъ разбойника за ноги,
Какъ взялъ онъ разбойникомъ помахивать,
Прибилъ онъ станичныхъ разбойниковъ,
Убилъ атама́на со ата́манью.
Пріѣхалъ ёнъ ко тому ли ко камешку,
Ту вѣдь онъ подпись сорѣзывалъ,
А другую-то подпись нарѣзывалъ,
А эта-то подпись была ложная:
А пусть-ко дорожка прямохожая,
Прямохожая дорожка прямоѣзжая,
Прочистилъ Илья старый Муромецъ.
— Я поѣду въ ту дорожку гдѣ женату быть. —
Ѣдетъ путёмъ по дороженки,
А стоятъ терема златоверхіе.
Заѣхалъ-то старъ на широкой дворъ,
Привязалъ-то коня онъ вѣдь добраго,
Ко тому-то столбу ко точёному,
Ко тому ли къ кольцу къ золочёному.
И выходила прекрасна королевична,
На ей было платье самоцвѣтноё,
Самоцвѣтноё платьё драгоцѣнноё,
На денежку мѣста рублёмъ не купить.
Берётъ же за ручки за бѣлые,
Цѣлуе во уста во сахарніе,
Заводитъ ево во высокъ терёмъ,
Становила столы́ ты дубовые,
А стлала-то скатерти браные,
Носила-то кушанья сахарніе,
Питья носила медвяные,
Сама говоритъ таково слово:
«Не упивайся-то, старъ, не уѣдайся-тко,
«Чередъ со дѣвицей забавлятисе.»
Приводила къ кроватки тисовые,
Ко той ко перинкѣ пуховые.
«А ложись-ко старой ко стѣночкѣ,
«Я молода на краю просплю.»
— Ой же ты дѣвица душа красная!
— Да нашё-то дѣло дорожное,
— И нашё-то дѣло походноё.
— Ложись-ко дѣвица ко стѣночкѣ,
— А я вѣдь старъ на краю просплю. —
И хватилъ какъ вѣдь ёнъ по серёдочкѣ,
Уложилъ какъ ей да ко стѣночкѣ,
Кроваточка была у ней ложная,
Упала во погребъ глубокіе,

Глубокіе погребъ сорока сажонъ.
Въ тѣхъ погребахъ во глубокіехъ,
Наспускано народу у ней — смѣты нѣтъ:
Много царей, много царевичёвъ,
Много королей и королевичёвъ,
Много сильнихъ могучихъ богатырёвъ.
И ключёвъ ёнъ не роспрашивалъ,
Двери колоды ногами выпинывалъ,
И роспустилъ ёнъ народъ по своимъ землямъ,
По своимъ онъ землямъ, по своимъ ордамъ,
По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.
Захватилъ онъ прекрасну королевичну,
Ухватилъ ю за ноженку,
Да роздёрнулъ прекрасну королевичну.
И воротился старикъ на дороженку,
И на тѣ розстáни на широкіё,
Да съ каменя онъ попись ту сорѣзывалъ,
Да новую ту попись самъ нарѣзывалъ:
Да прочистилъ Илья да какъ дороженку.
«Да поѣду я въ дороженку,
«Гдѣ ка старому богату быть.»
А ѣде старикъ путёмъ-дорогою,
Да наѣхалъ на дороги сѣръ горючъ камень,
Да на камешки, гдѣ попись подписана,
Насыпано злата серебра,
Отвалить старику да Ильи Миромцу,
Отобрать-де злато серебро,
Поставить три церкви три соборные:
Первая-та церковь Спасу́ пречистому,
А другая-та церковь Миколы Можайскому,
А третья-та церковь Егорью храброму.
Отправился старикъ по розстани широкіе
И старую-ту попись срѣзывалъ,
Да новую-ту подпись старъ подрѣзывалъ:
Прочищены дорожки широкіе,
У старика да Ильи Муромца.

Записано на Кенозерѣ, 16 августа.

—

288.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

По три годы Добрынюшка столарничалъ,
По три годы да пивоварничалъ,
И на четвёртой годъ Добрынюшка коня сѣдлалъ,
Коня сѣдлалъ, да со двора съѣзжалъ.
Добрынюшкѣ матушки наказыватъ,
А Микитичу да наговариватъ:
«А поѣдешь, Добрынюшка, по Кіеву гулять,
«Поѣдешь, Микитичъ, да по славному гулять,
«И не завёртывай-ко въ улицы мѣщаньскіе,
«А во тѣ переулочки Маринкины.
«И курва-блядь Мариночка Игнатьевна
«Отравила провела да девятй молодцовъ,
«Отравитъ тебя, Добрыня, во десятыхъ.»
А Добрынюшка матушки не слушаё,
Поѣхалъ Добрынюшка по Кіеву гулять,
Заѣхалъ во улочки мѣщаньскіе,
А во тѣ переулочки Маринкины.
А курва-блядь Мариночка догадлива,
Сама отравчивая.
У курвы у Маринки у Игнатьевной
Сидитъ голубокъ да со голубушкой,
На её на окошкѣ на косѣрчатомъ,
А рыльцо-то въ рыльцо оны цѣлуются,
Правильныма крылами обнимаются.
А натягивалъ Добрынюшка ёнъ тугой лукъ,
А накладывáе стрѣлочку каленую,
И стрѣлилъ въ голубка да со голубушкой.
А не убилъ онъ голубéюшка съ голубушкой,
А пролетѣла стрѣлка во высóкъ терёмъ,
Убила у Маринки друга милаго,
Друга милаго Тугарина Змiéвича.
— А поди-тко, слуга да мóя вѣрная,
— Маринкинымъ богамъ поди не кланяйся,
— Да дѣвкѣ Маринкѣ ты челомъ не бей,
— Стрѣлку возьми да самъ вóнъ поди. —
Пошолъ-то слуга да слуга вѣрная.
Говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:
«Кто застрѣлилъ да пусть-ко самъ идётъ.»
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердцё,
Маринкинымъ богамъ идё не молится,
И дѣвкѣ Мариночкѣ челомъ не бьё,
Стрѣлочку взялъ да самъ вонъ пошолъ.
А курва Мариночка догадлива,
Да брала ёна да свой-отъ вострой ножъ,
А срѣзыватъ слѣдочики Добрынины,
И мечё во пéченьку кирпичную,
Сама ко слѣдамъ да приговариватъ:
«А горятъ какъ слѣдочики Добрынины,
«Такъ розгорись-ко у Добрыни ретивó сердцё.»
И розгорѣлось у Добрыни ретивó сердцё,
По дѣвки Маринки по Игнатьевной.
Маринкинымъ богамъ да идетъ молится,
Дѣвкѣ Маринкѣ да челóмъ-то бьётъ:
— Здравствуй, Мариночка Игнатьевно!
— Ты ли, дѣвица, на выдаваньи,
— А я молодецъ да неженáтъ, холостъ,
— Идешь ли, дѣвица, за меня замужъ? —
И говоритъ-то Мариночка Игнатьевна:

«Теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ,
«Какъ захочу такъ и поворочу.
«Обверну тебя во чисто́ поле сѣры́мъ волкомъ,
«А нѣтъ дакъ во темны́ лѣса гнѣды́мъ туромъ.»
И обвернула вѣдь въ темны́ лѣса гнѣды́мъ туромъ.
Прознала его да вѣдь провѣдала,
Родитель его тётушка.
— Ужъ ты курва Маринночка Игнатьевна!
— Теперь ты, Маринка, во моихъ рукахъ,
— Какъ захочу такъ и поворочу.
— Обверну́ тебя сорокой щекотливой,
— А нѣтъ дакъ кобылой водовозницей,
— Вози-тко ты воду на весь Кіевъ градъ. — *)

Записано тамъ же, 16 августа.

—

289

ДОБРЫНЯ И ЗМѢЙ.

Добрынюшки матушка наказывала,
А Микитичу да наговаривала:
«Поѣдешь, Добрынюшка, ко ричёнки,
«Поѣдешь, Микитичъ, да ко быстрые,
«И не задумай-ко, Добрыня, ты купатися,
«И не задумай ты, Микитичъ, да нырóмъ ходить.»
Добрынюшка матушки не слушаё,
Задумалъ Добрынюшка купатисе,
Задумалъ Микитичъ онъ нырóмъ ходить.
А на бережку ны́рне, на дру́гомъ вы́нырне.
Налетѣла змѣя, да змѣя лютая,
А ладитъ Добрынюшку глотомъ сглотить.
И говоритъ-то Добрынюшка Микитичъ младъ:
— А нагого сглотить да будто мёртваго,
— Дай надѣть платьё богатырское. —
И надѣвае ёнъ пла́тьё богаты́рское,
Берётъ-то же ёнъ да саблю вострую,
Отсѣкъ у змѣи да ёнъ три хóбота.
А на ту ли пору на то времечко,
Летитъ-то змѣя, да змѣя лютая,
Несё ёна да красну дѣвушку.
Сидитъ-то дѣвица да причитыватъ
И ко своей-то косы да желто-русые:
«И моя-та коса да желто-русая,
«Плетена́ у родители у матушки,
«Во новомъ во высокомъ во тереми.
«Росплетáть станутъ маленьки змiёныши,
«Да во тѣхъ во пещерахъ во глубокiехъ.»
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
Поѣхалъ за змѣёй да онъ за лютой,
Во тѣ во пещеры во глубокiе.
А эта змѣя, да змѣя лютая,
Да хоче его да вѣдь глотóмъ сглотить,
И убирается во пещеры во глубокiе.
А во тѣхъ во пещерахъ во глубокiехъ,
А наношено народу тамъ вѣдь смѣты нѣтъ,
Смѣты нѣтъ да смѣтить нéмошно.
Сидятъ старички-ты — посѣдатѣли,
Сидятъ старушки-то — посѣдатѣли,
У грудей висятъ маленьки змiёнышки.
Розгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
Розбилъ эты пещеры онъ глубокiе,
Прибилъ онъ вѣдь маленькихъ змiёнышковъ,
Роспустилъ онъ народъ-отъ по своимъ землямъ,
По своимъ землямъ, да по своимъ ордамъ,
По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

290.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ-то городи Кiеви,
У ласкова солнца Владимiра,
Хорошъ заведенъ былъ почестной пиръ
На многи на князи, на бояра,
На сильни могучи богатыри,
На всѣ поляницы удалые.
А всѣ на пиру напивалисе,
И всѣ на почестномъ наѣдалисе,
А тутъ всѣ молодцы поросхвастались:
Иной-отъ хвастаетъ: «у м'ня домъ хорошъ»,
Иной-отъ хвастаетъ силой богатырскою,
Иной-отъ хвастатъ: «у м'ня платьевъ много»,
Иной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
Безумный-отъ хвастаетъ молодой женой.
Одинъ молодецъ онъ не пьётъ, не ѣстъ,
Не пьетъ онъ не ѣстъ да не кушаё,
Не кушаё да ёнъ не хвастаё.
А солнышко-то нашъ Владимiръ князь,
И ходитъ по полатамъ княженецкiемъ,
А самъ государь выговаривалъ.
Накидыватъ службу на бóльшаго,
А бóльшой тулялся за средняго,

*) Гусевъ досказалъ словами, что Маринка испугавшись «отвернула» Добрыню по старому.

Сре́дней тулялся за ме́ньшаго,
А отъ меньшой-то братьи отвѣту нѣтъ.
Накинули службу великую,
А великую службу непомѣрную,
А на молодца Добрыню Микитича:
Завтра ему ѣхать въ чисто поле,
Биться-рубиться съ богатыремъ,
Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
«Послушай, моя молода жена!
«Жди-тко меня ровно три года,
«Другое-то жди меня три года,
«И жди меня третье три́ года.
«Пройдетъ того времечка девять лѣтъ,
«На десятый годъ домой не жди.
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«Хоть за́ князя поди, за боярина,
«И за сильня могуча богатыря,
«Не ходи ты за Олешу Поповича,
«Олеша Поповичъ — крестовой братъ,
«Крестовой братъ онъ да насмѣшникъ мой.»
Поѣхалъ Добрыня во чисто́ полё,
А биться-рубиться съ бога́тыремъ,
Съ богатыремъ биться съ Ягой-бабой.
Подъ краснымъ-то боромъ стоялъ три́ годы,
Подъ крутой-то горой стоялъ три́ годы,
Подъ ракитовымъ кустомъ стоялъ три́ годы,
Туто времечки прошло девять лѣтъ.
Ой поѣхалъ Илья славный Муромецъ,
Ой искать онъ баженаго племянничка.
— Ой же Добрыня Никитичъ младъ!
— И пьёшь ты, ѣсй, проклажаешься,
— Не знаешь незгоды, не вѣдаёшь:
— Твоя молода жена замужъ пошла
— А й за вора Алешу Поповича.
— Поневолилъ ей солнышко Владиміръ князь.
— Севодни у нихъ рукобитьицо,
— А завтра у ихъ буде свадебка. —
«Ой же родитель мой дядюшка!
«Подломились у меня ножки рѣзвые,
«И трёпа́ли у меня ручки бѣлые,
«И не могу я убить-то богатыря.
«Пособи-тко убить мнѣ богатыря,
«А богатыря убить мнѣ Ягу-бабу.»
— Не честь похвала молодецкая
— Биться двумъ богатырямъ съ Ягой-бабой,
— А бей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
И бьетъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ гузно,
Да вѣдь тутъ же баба и умерла.
Розсѣкъ эту бабу на мелки куски,
Розметалъ эту бабу по чисту полю,
Поѣхалъ путемъ по дороженкѣ,
Ёнъ встрѣтилъ калику перехожую,
Перехожу калику переѣзжую:
«Ты ой же калика перехожая!
«А скидывай-ко, калика, платье чёрное,
«И надѣвай-ко ты платьё Добрынино.
«Добромъ не дасй — забоёмъ возьму.»
И скидыва́е калика платье калическо,
И поѣхалъ каликой перехожею.
Пріѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ
Ко своей ко родители къ матушкѣ:
«И здравствуй Добрынина матушка,
«А й матушка Омельфа Тимоѳеевна!
«И дай-ко гусёлка яровчаты,
«И дай же шалыгу подорожную.
«Я поѣду къ Алёши на свадебку.»
И говоритъ-то Добрынина матушка:
— И ой же калика перехожая!
— Пришолъ ты, калика, насмѣхаешься,
— Надо мной безсчастной надъ матерью.
— Потерялось у ме́ня солнце красное,
— А сегодня закатился младъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— У Добрыни молода жена заму́жъ пошла. —
Несё ёна блюдо злата серебра,
А другоё несё скатня жемчуга,
И третьё мѣди жаровически.
Поминаетъ Добрыню Микитича.
«И ой же Добрынина матушка!
«Како́е у Добрыни было знамечко!»
— Знамечко было на головушки. —
Ущупала ёна знамечко.
Роспекло тёплое красное солнышко,
Пріѣхалъ Добрыня Микитичъ младъ,
И несё она гусёлка яровчаты,
И несё она шалыгу подорожную.
Ёнъ поѣхалъ къ Олёши на свадебку,
Пріѣхалъ къ Олёшѣ на свадебку,
Ёнъ и́грищо игралъ отъ Царяграда,
Другое игралъ отъ Еросолима,
Третьё играе отъ Кіева,
И похожденья выигрывалъ Добрынины.
Которы на пиру догадалисе,
А зъ-зара́нья съ пиру убиралисе.
И самъ говорилъ таково слово:
«Послушай, Алёша Поповичъ младъ!
«Прикажи налить чару зелена вина,
«Поднести-то твоей молодой жены.»
Наливали ту чару зелена вина.
Съ руки онъ спустилъ свой злачёнъ перстень:
«И выпьешь до дна — увидашь добра,
«Не выпьешь до дна — не видать добра.»

И выпила до дна й увидала добра,
А спущонъ съ руки-то злачонъ перстень.
Она говоритъ таково слово:
— Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ меня сидитъ.
— Да тотъ мнѣ мужъ, супротивъ меня стоитъ. —
Хватилъ какъ шалыгу подорожную,
А взялъ какъ шалыгой помахивать,
Куды онъ махнётъ — туды улица,
Куды отмахнётъ — переулочка.
А въ бухка́ньѣ какъ не слышно о́ханья,
А въ охканьѣ какъ не слышно бухканья.
Хватилъ какъ Алёшу за желты кудри,
Ушибъ ёнъ Алёшу о сыру землю.
«Кабы ты вѣдь былъ не крестовой братъ,
«Я придалъ бы тобѣ скору смёртоньку.»
И говоритъ-то Алёша Поповичъ младъ:
— И всѣ-то у насъ братцы женятся,
— А не всякому женидьба издавается. —
И только и Алёша и женатъ бывалъ.

Записано тамъ же, 16 августа.

—

LIX.

ХАРЛАМЪ ГУСЕВЪ.

Харламъ Андреевичъ Гусевъ, сынъ предъидущаго сказителя. Ему лѣтъ 40. Былины заимствовалъ отъ отца. Кромѣ здѣсь помѣщаемыхъ, онъ зналъ еще былины про Добрыню и Маринку и смерть Чурилы.

—

291.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

Былъ старъ матёръ человѣкъ Илья Муромецъ,
Былъ у стараго хорошъ добрый конь,
Рѣки, озёра перескакивалъ,
Грива-та была да трёхъ локотъ,
Да фостъ-отъ былъ да трёхъ сажёнъ,
Шерсть-то была да трёхъ прятей *).
Осѣдлалъ-то старой коня добраго,
Поѣхалъ во чисто полё,
Ко тому ли камешку горючему.
На камешки подпись подписана:
Во перву дорожку ѣхать — убиту быть,
Въ другу́ю-ту ѣхать — женату быть.
Тутъ-то старъ пораздумался:
«На что мнѣ старому женитися?
«Старой-то взять мнѣ не хочется,
«Молодая-то взять дакъ чужа корысть.
«Поѣду въ дорожку гдѣ убиту быть,
«А биту-то быть, биту, граблену.»
Поѣхалъ въ дорожку гдѣ убиту быть.
Началъ бурушко поскакивать,
Началъ косматушко помахивать,
Онъ рѣки, озёра перескакивалъ,
А мхи ты болота промежъ ногъ пустилъ,
Наѣхалъ на заставу великую,
Сорокъ тысячъ разбойниковъ.
Атаманъ стоитъ со ата́манью,
Захватилъ у стара добра коня.
— Отдай-ко, старой, золоту казну. —
Говоритъ-то старой не съ упадкою:
«А й же станичны разбойники!
«У м'ня у стара грабить нечего.
«Сѣделко у м'ня во пятьсотъ рублей,
«Уздица у м'ня во тысящу.»
— Почему у тебя она дорога? —
«Врѣзываны каменья самоцвѣтные,
«Самоцвѣтны каменья драгоцѣнные,
«Не для красы-басы молодецкія,
«Для крѣпости богатырскіе,
«Чтобы видно въ осеннія ноченьки,
«Чтобы видно добра коня во чистомъ поли.
«Еще шуба у м'ня во пятьсотъ рублей,
«Шапка у м'ня да во тысящу.»
— Почему у тебя она дорога? —
«Перена она перьемъ ординымъ.
«Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
«И того ли орла, кой леталъ по круты́мъ горамъ,
«Ударился онъ горю́чь камень,
«Обломалъ онъ перья орлинныя.
«Ѣхали купцы Измайловски,
«Собирали перье орлиноё,
«Везли-то старому въ подарочкахъ.
«Коню моему цѣны вѣдь нѣтъ,
«А мнѣ старику вѣдь смерти нѣтъ.»
Хватилъ онъ разбойника за ноги,
Началъ разбойникомъ помахивать,
Началъ онъ поворачивать.
Куда махнё — туда улушка,
Куда отмахнё — переулочёкъ,
Прибилъ онъ сорокъ тысячъ разбойниковъ,
Убилъ атама́на со ата́манью,
Самъ ли онъ выговаривалъ:
«Пусть эта дорожка прохожая,

*) масть — такъ объяснилъ сказитель.

«Прохожа и проѣзжая.»
«Поѣду въ дорожку гдѣ женату быть.»
Началъ бурушко поскакивать,
Онъ рѣки, озёра перескакивалъ,
Мхи ты болота промежъ ногъ пустилъ.
Пріѣхалъ къ терему златоверхому,
Къ той ли стѣны да высокія,
Къ той ли башни треугольніе.
Скочилъ онъ черезъ стѣну высокую,
Черезъ ту ли башню треугольную.
Пріѣзжаетъ онъ на широкой дворъ,
Слѣзаетъ старъ со добра коня,
Привязывалъ старой добра коня
Къ тому ли столбу да точёному,
Къ тому ли кольцу золочёному.
Выбѣгала дѣвица душа красная,
Брала стара за бѣлы́ руки,
Цѣловала въ уста сахарніе,
Проводила во полаты бѣлокаменны,
Садились за столы за дубовыя,
За тѣ ли скатерти́ браныя.
Приносила вина полтора ведра,
Бралъ старой единой рукой,
Выпивалъ-отъ старой на единой духъ.
Возговоритъ дѣвица душа красная:
— А й же ты старъ матёръ человѣкъ!
— Полно пить, ѣсть, веселитися,
— Пора времечко со мной забавлятися.
— Ложись-ко ты, старой, на кроваточку,
— На кроваточку ко стѣночкѣ,
— Я молода на краю просплю. —
Говоритъ-то старъ таково слово:
«А й же дѣвица душа красная!
«Ты ложись-ко ко стѣночкѣ,
«А я старичокъ на краю просплю,
«Потому что часто вонъ хожу.»
Не ложится дѣвица ко стѣночкѣ.
Хватилъ-то старой за бѣлы руки,
Бросилъ ей на кроваточку,
Кроваточка была ложная,
Кроватка у ней провалиласе,
Сама во погребъ увалиласе,
Погреба были сорока сажонъ.
Выходилъ-то старой на широкой дворъ,
Розломилъ онъ двери дубовыя.
Выходило изъ погреба глубокаго,
Сорокъ царей, сорокъ царевичёвъ,
Сорокъ королей, королевичёвъ,
Сорокъ сильнихъ могучихъ богатырей,
Простого народу и смѣты нѣтъ,
Стары старички — посѣдатѣли.
Возговоритъ старъ таково слово:
«А й же вы люди добрые!
«Росходитесь по своимъ землямъ, по своимъ ордамъ,
«По своимъ отцамъ, по своимъ матерямъ.»

Записано тамъ же, 16 августа.

—

292.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Во славномъ во городи Кіеви,
У ласкова солнца Владиміра,
Былъ заведенъ хорошъ почёстной пиръ
На многихъ на князей и на бояровъ,
На сильни могучи богатыри,
На всѣ поляницы удалые,
На всѣ ли татары улановы.
Всѣ на пиру напивалися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру роспотѣшились,
Всѣ на пиру поросхвастались:
Умной-отъ хвастатъ отцомъ матерью,
Безумной-отъ хвастатъ молодой женой,
Иной-отъ хвастатъ: «у м'ня конь хорошъ»,
Иной-отъ хвастатъ: «у м'ня домъ хорошъ»,
Иной-отъ хвастатъ силой богатырскою.
Добрыня Микитичъ младъ
Не пьётъ онъ не ѣстъ да не кушаё,
Не кушае Добрыня не хвастаё.
Солнышко Владиміръ князь
По княженецкимъ полатамъ похаживалъ,
Руки въ карманахъ понашивалъ,
Самъ государь выговаривалъ:
«Кому-то, братцы, ѣхать съ утра во чисто́ поле
«Биться-рубиться съ богатыремъ,
«Съ богатыремъ биться съ поляницею,
«Съ поляницею биться со Ягой-бабой?»
Накинывали службу великую
На того ли Добрыню Микитича.
Пошолъ-то Добрыня ко матушки,
Не веселъ идё не радошенъ,
Спустилъ онъ очи́ ясны въ сыру́ землю,
Буйну голову въ плечи могучіе.
Встрѣчаетъ родитель ево матушка,
Та ли Омельфа Тимоѳеевна:
— А й же Добрыня Микитичъ младъ!
— Что ты не веселъ не радошёнъ,
— Спустилъ ты очи ясны въ сыру́ землю,

— Буйну голову въ плечи могучіе.
— Развѣ мѣсто было не по разуму,
— Развѣ чарка тебѣ не рядомъ дошла,
— Или дворянски собаки облаяли,
— Невѣжа тобой осмѣяласе?
«А й же родитель моя матушка!
«Мѣсто-то было по разуму!
«Чарка-та мнѣ-ка рядомъ дошла,
«Дворянски собаки не облаяли,
«Невѣжа-то мной не осмѣяласе.
«Солнышко Владиміръ князь
«Накинывалъ службу великую:
«Заутра́-то ѣхать въ чисто́ полё,
«Биться-рубиться съ богатырёмъ,
«Съ богатыремъ биться съ поляницею,
«Съ поляницею биться съ Ягой-бабой.»
Наказывалъ Добрыня молодой женѣ:
«А й же моя молода жена,
«Катерина Микулична!
«Жди-тко меня ровно три года,
«Другое-то жди меня три́ года,
«Третье-то жди меня три́ года.
«Того времечки пройде девять лѣтъ,
«На десятый годъ домой не жди,
«Хоть вдовой живи, хоть за мужъ поди,
«Хоть за́ князя поди за боярина,
«Хоть за сильня могуча богатыря,
«Не ходи за Олёшу Поповича,
«Олёша Поповичъ — крестовой братъ,
«Крестовой братъ да насмѣшникъ мой.»
Осѣдлалъ Добрыня коня доброва,
Поѣхалъ Добрыня во чисто́ полё,
Ко тому ли камешку горючему.
Начали биться со Ягой-бабой,
Подъ сѣрымъ-то камешкомъ бились ровно три́ года,
Подъ красной-то со́сной друго три́ года,
Подъ крутой-то горой третье три́ года.
Того времечки прошло девять лѣтъ.
Солнышко Владиміръ князь
Обневолилъ Добрынину молоду жену
Итти за мужъ за вора Олёшу Поповича.
Севодни у ихъ рукобитьицо,
Завтра будетъ у нихъ свадебка.
Былъ у Добрынюшки дядюшка,
Славный-то храбрый Илья Муромецъ.
Осѣдлалъ онъ коня добраго,
Поѣхалъ искать онъ племянничка,
Нашелъ онъ племянничка въ чисто́мъ поли,
Говорилъ-то ему таково слово:
— А й же Добрыня Микитичъ младъ!
— Что ты пьешь, ѣси́, проклажаешься,
— Не знаешь незгоды не вѣдаешь.
— Твою ли молоду жену
— Солнышко Владиміръ князь
— Обневолилъ итти за мужъ за Олёшу Поповича.
— Севодня у ихъ рукобитьицо,
— Завтра будетъ у нихъ свадебка.
«А й же родитель мой дядюшка!
«Пособи-тко убить мнѣ бога́тыря,
«Богатыря убить мнѣ Ягу́-бабу.»
Возговоритъ дядюшка:
— Не честь-то хвала молодецкая,
— Двумъ бога́тырямъ биться съ Яго́й-бабой.
— Бей бабу по титкамъ, пинай подъ гузно. —
Билъ онъ бабу по титкамъ, пиналъ подъ гузно,
Тутъ-то ей да скора смерть пришла.
Разсѣкъ онъ бабу на мелки́ куски,
Росшибалъ онъ бабу по чисту́ полю,
Сорокамъ воронамъ на пожраніё.
Самъ поѣхалъ путёмъ-дорогой широкою,
Стрѣтилъ калику прохожую.
«Здравствуй, калика прохожая!
«Скинавай-ко платье калическо,
«Надѣвай-ко платье цвѣтное,
«Платьё цвѣтно богатырское.»
Надѣлъ калика платье богатырское,
Надѣлъ Добрыня платье калическо,
Пришолъ-то Добрыня ко матушки.
«Здравствуй Добрынина матушка!»
— Здравствуй, калика прохожая! —
Несетъ она блюдо злата серебра,
Другое несётъ скатня жемчугу,
Третьё несётъ мѣди жаровической.
— Поминай Добрыню Микитича. —
Примае блюдо злата серебра,
Другое примае скатня жемчугу,
Третье примае мѣди жаровической,
Поминае Добрыню Микитича.
«А й же Добрынина матушка!
«Како у Добрыни было знамечко?»
— Знамечко было на головушкѣ,
— Кружокъ-отъ былъ да съ копѣечку. —
«Погляди-ко у м'ня на головушки.»
Поглядѣла у калики на головушки,
Кружокъ-отъ былъ да съ копѣечку.
Говорила она таково слово:
— Роспекло-то севодни красно солнышко,
— Освѣти́тъ-то севодни младъ свѣтёлъ мѣсяцъ.
Возговоритъ Добрыня таково слово:

«А й же родитель моя матушка!
«Принеси мнѣ шалыгу подорожную,
«Принеси мнѣ гусёлка муравчаты,
«Пойду я къ Олёши на свадебку.»
Принесла она шалыгу подорожную,
Принесла ему гусёлка муравчаты,
Пошолъ-то Добрыня на свадебку.
Приходитъ Добрыня на свадебку,
Игрище игралъ отъ Царяграда
Другое игра́лъ отъ Еросо́лима,
Третье игралъ отъ града отъ Кіева,
Отъ того ли отъ солнца Владиміра,
Похожденья выигрывалъ Добрынины.
Которы на пиру́ здогадалися,
Тѣ заранья съ пиру убиралися.
Которы на пиру́ не догадалися,
Тѣ на пиру оставалися:
Оставались воры-разбойники,
Оставались голи кабацкіе.
Разгорѣлось у Добрыни ретиво сердце,
Хватилъ онъ шалыгу подорожную,
Началъ шалыгой помахивать,
Началъ шалыгой поворачивать.
Куда махнё — туда улица,
Куда отмахнё — переулочёкъ,
Онъ силы прибилъ и смѣты нѣтъ.
Говоритъ онъ Алёши Поповичу:
«А й же Алёша Поповичъ младъ!
«Прикажи-ко своей молодой женѣ,
«Налить-то чару зелена вина,
«Подать-то калики прохожія.»
Приказалъ Алёша молодой женѣ
Налить-то чару зелена вина,
Подать-то калики прохожія.
Примае калика прохожая,
Полагае перстень со правой руки
Въ чару зелена вина,
Подавае Алёшиной молодой женѣ:
«А й же Алёшина молода жена!
«Пей чару до дна — дакъ увидашь добра,
«Не выпьешь до дна — не видать добра.»
Она пила до дна увидала добра,
Увидала злачёнъ перстень
Мла́даго Добрыни Микитича.
Говорила таково слово:
— Не тотъ мой мужъ, кой подлѣ́ стоитъ,
— Тотъ мой мужъ, кой супротивъ стоитъ. —
Хватилъ Добрыня Алёшу за желты́ кудри,
Ударилъ Алёшу о сыру́ землю:
«Кабы былъ Алёша не крестовой братъ,
«Придалъ-бы тебѣ скору смёртоньку.»
Столько Алёша и женатъ бывалъ.
Всякой у насъ, братцы, женится,
Не всякому женитьба издавается.

Записано тамъ же, 15 августа.

—

LX.

АНДРЕЕВА.

Ирина Андреева, крестьянка 60-ти лѣтъ. Вдова, въ дер. Немятовой на Кенозерѣ; слыхала былины отъ стариковъ и поетъ нѣкоторыя изъ нихъ, впрочемъ, довольно нескладно. Кромѣ былинъ, здѣсь помѣщаемыхъ, она пѣла еще общеизвѣстную женщинамъ старину про двухъ любовниковъ и весьма плохой пересказъ того самаго варіанта былины про Молодца и рѣку Смородину, который поетъ Лядковъ (см. № 262).

—

293.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

А й да во славномъ городѣ во Кіевѣ,
А у ласкова князя Владиміра,
А й да пошло пированье почестной пиръ
А й да на многіи князи на бояре,
А й да на сильніе могучіе богатыри,
А й да на всѣ поляницы удалые.
А й лѣтной день идётъ ко вечеру,
А красное солнышко ко западу,
А й честенъ-отъ пиръ на весели.
А й всѣ-то на пиру да напивалисе,
А й всѣ-то на почестномъ наѣдалисе,
А й всѣ-то на пиру да порасхвасталисе:
А умной-отъ хвастатъ отцемъ матерью,
А й да безумный хвастатъ молодой женой.
Да одинъ на пиру да все не весёлъ сидитъ,
Не весёлъ ёнъ сидитъ не ра́дошенъ:
«А й что ты Иванъ сынъ Годиновичъ,
«Не весёлъ ты Иванушко не радошенъ.
«Развѣ мѣсто-то тебѣ да не по вотчины,
«А чара та да не рядомъ дошла,
«А й ли умница прибезчестила,
«Аль безумница насмѣяласе,
«Али пьяница надрыгаласе.»
— А й послушай-ко, любезный мой дядюшко!
— А й умница не насмѣяласе,

— А й пьяница не нарыгалась.
— А во славномъ городи въ Черниговы,
— А у Митрея гости торговаго,
— Есте у него любимая дочь,
— Любимая Настасья дочь Митреевна.
— Тѣломъ-то бѣла ёна, лицомъ свёрстна,
— А походочка-то лани златорогіе,
— Щечки у неё будто маковъ цвѣтъ,
— Брови у неё соболиные,
— А глаза-то у неё соколиные,
— А дородно бы, дядюшка, посвататьсе.
— А добромъ ёнъ отдастъ, я добромъ возьму,
— А добромъ не отдастъ, забоёмъ возьму.
— А й силушки дай колько надобно,
— Золотой-то казны колько требуется,
— Поѣду я къ Митрію свататься,
— А на той ли Настасьи Митрѣвичной. —
А видѣли молодчика саждаючи,
А не видѣли молодчика поѣзжаючи.
А пріѣхалъ ёнъ въ городъ Черниговской,
А ко тому ли-то къ Митрею ли гостиному,
А ко тому ли терему златоверхому,
А ко тому ли крылечку къ перёному,
А ко тому ли столбичку ко точеному,
А къ колечушку къ золоченому.
А й да заходитъ Иванъ во высокой въ терёмъ,
Крестъ-отъ кладётъ по писаному,
Поклоны ты ведетъ по ученому,
Да на всѣ-то четыре сторонушки,
А й Митрею гостю въ особинку.
— Ай здравствуй, Митрей торговый гость!
— А пріѣхалъ у тебя я посвататься
— А на той ли Настасьи Митрѣевной.
— А й добромъ-то отдашь, я добромъ возьму,
— А добромъ не отдашь, такъ забоёмъ возьму. —
Говоритъ тутъ Митрей таково слово:
«У меня про тебя и собачки нѣтъ.
«А у м'не Настасьюшка просватана,
«А й да великіе записи пописаны,
«А къ записямъ-то рученки прикладены,
«А буйные головушки приложены.»
Не много Иванушко спрашивалъ,
Да не долго Иванъ разговаривалъ,
Захватилъ онъ Настасью за бѣлы руки,
Да за тѣ-ли за перстни за злаченые,
Цѣловалъ во уста во сахарніе,
Выходилъ съ Настасьей на широкой дворъ,
А садился съ Настасьей на добра коня,
А поѣхалъ съ Настасьей во чисто полё.
А видѣли молодчика саждаючи,
А не видѣли куды поѣзжаючи.
Выѣхалъ съ Настасьей во чисто полё,
А раздернулъ шатёръ бѣлополотняной,
Надавалъ коню бѣлоярова пшена,
Сталъ съ Настасьей опочивъ держать.
А нё стукъ стучитъ да не громъ гремитъ,
Лётитъ тутъ Кощей сынъ Трипётовичъ,
— А й станемъ, Иванушка, мы бой держать,
— А кому-то будетъ на бою Божья помочь. —
Какъ ура́зилъ Кощея о сыру́ землю,
А уда́рилъ ёнъ Иванъ сынъ Годиновичъ.
«А й же ты Настасья дочь Митрѣевна!
«А подай-ко ты мнѣ булатній ножъ,
«Стану рѣзать пороти ёго бѣлу грудь,
«Вынимать сердечушко со печенью.»
Говоритъ Кощей сынъ Трипётовичъ:
— Не давай-ко, Настасьюшка, булатняго ножа.
— А за имъ-то жить тебѣ служанкой слыть,
— А за мной-то жить тебѣ царицей слыть. —
А й женское сердце разгорѣлосе,
А фатила Ивана за желты́ кудри,
Ударила Ивана о сыру землю.
Привязали Ивана ко сыру дубу,
А сами зашли во бѣлой шатёръ,
А й стали со Кощеюшкомъ опочивъ держать.
А й на этотъ на сырой на дубочекъ
Налетѣло тутъ два сизыхъ голуба́,
А й голубъ налетѣлъ да со голубушкой,
А носокъ къ носку ёны цѣлуются,
Правильными крылышками обнимаются.
Направливалъ Кощеюшко тугой лукъ,
Натягивалъ Кощеюшко калёную стрѣлу́.
А этая стрѣла Кощеюшку
Прилетѣла Кощею въ бѣлу грудь,
Роспорола у Кощеюшка бѣлу грудь.
А сидитъ тутъ Настасья дочь Митрѣевна,
Сидитъ тутъ Настасья разгорюнилась,
А й отъ бережку да откачнуласе,
А къ другому-то не прикачнуласе.
Говоритъ тутъ Иванъ сынъ Годиновичъ:
«Отвяжи-тко ты, Настасья, отъ сыра дуба,
«Я не стану тебя да не бить бранить,
«Только дамъ тебѣ три грозы три великіе.»
Женское сердце розгорѣлосе,
Отвязала Ивана отъ сыра дуба.
Отрѣзалъ Иванъ бѣлы рученки:
«А мнѣ-то эты рученки не надобно,
«Которы обнимали Кощеюшка.»
Да отрѣзалъ у нею да сахарніе уста:
«А мнѣ эти устика не надобно.
«Которы цѣловали Кощеюшка.»
А отломилъ у ей рѣзвы ноженки:

«А мнѣ эти ноженки не надобно,
«Которы заплетали Кощеюшка.»
Да стольки Иванъ и женатъ бывалъ.
А Дунай, Дунай, Дунай,
Болѣ впередъ не знай.

Записано на Кенозерѣ, 12 августа.

—

294.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА.

А жила была да молода вдова,
Молода вдова благочеславая.
А у той вдовѣ было девять сыновъ,
А девять сыновъ да ясныхъ соколовъ,
Во десятые да дочь любимая,
Дочь любимая да одинокая.
А пріѣхали да на ей свататься,
Да за мужъ за море да за морянина.
А ею отдала да родна матушка,
Поневолили вѣдь родны братьица,
А ушла съ морянипомъ она за море,
А девять годовъ да не стоснулосе,
На десятой годъ да стосковалосе,
Стала звать просить морянина:
«А пойдемъ, морянинъ, со мной за море,
«Со мной за морё да къ моей матушки,
«Къ той ли ко вдовѣ благочеславые.»
Какъ шли-прошли да путь-дороженку,
А намъ встрѣтилосе девять школьничковъ,
Девять школьничковъ, девять разбойничковъ.
Какъ морянина да въ море врѣзвили *),
А моряночку да съ собой взяли.
Всѣ разбойнички да опочивъ держа,
А одинъ разбойникъ не спитъ нечто (sic),
У моряночки да сталъ выспрашивать:
— Ты скажись, моряночка, коей земли,
— Ты коей земли да ты коей орды,
— Коего отца да коей матери?
«Есть морянка изъ за синя моря,
«Той вдовы благочеславые.
«Меня отдали да родны братьица,
«Поневолила да родна матушка.»
Говоритъ разбойникъ таково слово:
— Вы ставайте, братцы разбойники!
— Не морянина да въ море врѣзвили,
— Не моряночку да вособой взяли:
— Въ море врѣзвили зятя любимаго,
— Да вособой взяли да сестру родную. —
Всѣ разбойнички да перепалисе,
За рогатинки да пофаталисе,
Три дни, три ночи да не пиваючи,
Не пиваючи да не ѣдаючи,
У морянина душу добываючи.

*) потопили.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

295.

НЕБЫЛИЦА.

Старинà скажу стародавную,
Стародавную да небывалую.
Хорошо сказать, да лучше слухать.
Побѣдна головушка бурлацкая,
Соскопилась гривна передъ злыми дни.
«На кабакъ иду да на вино пропью,
«На остатній грошъ да табаку возьму,
«Дунай, Дунай, Дунай, впередъ болѣ не знай.»
А не курица подъ стопою агнилосе,
Не кобыла на лыжахъ прокатилосе,
Клепина въ ели да бѣлку слаяла,
Бѣлку слаяла да дѣтокъ вывела.
Малы дѣточки да поросяточка,
По сучкамъ вися, да полетить хотя,
Полетить хотя да по поднебесью.
По поднебесью братцы медвѣдь летитъ,
Медвѣдь летитъ, самъ фостомъ вертитъ.
А за плотнóй стѣной было за жарновомъ,
Роздралась свекрова со невѣсткою,
Ёна мутовками да поварёнками,
Тараканъ шельмà да ёнъ въ портки насралъ.

Записано тамъ же, 12 августа.

—

LXI.

СТЕПАНЪ МАКСИМОВЪ.

Степанъ Ильичъ Максимовъ, крестьянинъ-земледѣлецъ и отчасти каменотесъ, изъ дер. Немятовской. Выучился былинѣ про Илью Муромца отъ Трофима Романова изъ дер. Пирзаковской, чтò на Колодозерѣ (Пудожскаго уѣзда), извѣстнаго, сказителя со словъ ко-

тораго записано 8 былинъ въ сборникѣ г. Рыбникова (этотъ Трофимъ Романовъ умеръ въ 1870 году). Прочія «старинки» Максимовъ перенялъ дома, у своей тетки.

—

296.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

Во стольномъ городи во Кіевѣ,
Да у ласковаго князя у Владиміра,
Да собранъ-то былъ почестной пиръ,
Да на многіе князи всихъ на бояровъ,
Да и сильнихъ на могучихъ богатырей,
Да на ихъ полянницу *) на удалую,
Да на всѣхъ-то купцей-гостей торговыихъ.
Самъ ли солнышко спотѣшился,
Да кого дарилъ онъ городами то,
Да кого-то дарилъ и съ пригородами,
Да кого-то дарилъ и селами-то,
Да селами-то дарилъ да съ присёлками,
А Ильи-то подарилъ да шубу кунью-ту,
Да-де тотъ воротникъ соболиные.
Да Ильи-то шуба не въ честь пришла,
Да не въ честь пришла, не въ хвалу дошла.
Да понёсъ-то-де шубу онъ на кухиньку,
Да таскалъ-то-де шубу онъ по кухинькѣ,
Да самъ-то-де шубѣ приговариваетъ:
«Таскаю я какъ шубу соболиную,
«Оттаскаю змѣя царя Калина,
«За его-ль-то за кудерышка желтые.
«И обливаю шубу зеленымъ виномъ,
«И обольется его сердцо ретивое,
«Да ево ли-то кровью горячею.»
Да-де была тутъ дѣвушка чернавушка,
И доложила то солнышку Владиміру:
— Ужъ ты солнышко Владиміръ князь!
— Какъ и былъ-то Илья у м'ня на кухеньки,
— Да таскалъ ёнъ шубу какъ и кунью-ту,
— Да-де самъ-то онъ шубѣ приговариваётъ:
— Оттаскивать-ли мнѣ князя да Владимира
— И за его ли-то кудёрышка за жолтые,
— Обливалъ-то де шубу зеленымъ виномъ,
— Самъ-то ли шубѣ приговариваётъ:
— Обольется ли солнышко Владиміръ князь
— Да своей-то ли кровію горячею
— И отъ моихъ-то рукъ да отъ бѣлыихъ.
Да разсерчался-то солнышко Владиміръ князь,
Да скричалъ своимъ да громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы сильніе могучіе богатыри!
«Да отведите вы Илью да вѣдь во погребъ,
«И навалите чугунную рѣшеточку,
«И завалите дубъ-колодья со всѣ стороны,
«Да заройте песками ёво жёлтыма.»
Пріѣзжаютъ тутъ богатыри:
— Ужъ ты старые казакъ Илья Муромецъ!
— Приказалъ намъ солнышко Владиміръ князь
— Посадить тебя въ погребы глубокіе,
— И навалить-то рѣшеточку чугунную,
— И завалить-то дубъ-колодьемъ со всѣ стороны,
— Да зарыть-то песочками желтыма. —
И говоритъ-то Илья да таково слово:
«Да-де что со мною подѣлаете?»
Да говорятъ богатыри таково слово:
— Да не одно ли солнышко на небѣ,
— Не одинъ ли богатырь на святой Руси,
— Старые казакъ Илья Муромецъ.
— Да выведи изъ неволи изъ великія,
— Побѣдитъ насъ солнышко Владиміръ князь.—
Да садился Илья да на добра коня,
Да поѣхалъ Илья да и во Кіевъ градъ,
Не заѣхалъ Илья во Кіевъ градъ,
Да поѣхалъ ко погребу глубокому.
Сходилъ-то съ коня да онъ со добраго,
Да снимае сѣделышко черкальское,
Да снимае узцицу да тесмяную,
Да спущае онъ бурушка на Божью волю.
Да спущался Илья во погребы глубокіе,
И навалили рѣшеточку навалили,
И навалили дубъ-колодье со всѣ стороны,
Да зарыли песочками какъ желтыми.
Какъ провѣдала княгиня да Апраксія,
Да копала-то ли коши да глубокіе,
Да къ старому казаку да къ Ильи Муромца
Да носила-то ѣствы сахарніе,
Да ставила напитки медовые.
Да сидѣлъ-то Илья да онъ три годика,
Да провѣдалъ-то царь-змѣи Калиновъ,
Да собралъ силы сорокъ тысячей,
Подошолъ ёнъ къ городу ко Кіеву,
Посылае посланника строгаго:
«Ужъ ты солнышко Владиміръ князь!
«Ваше-то царство пожрёмъ-поплѣнимъ
«И головней покатимъ,
«А тебя-то возьмемъ во поварники,
«Молодую-то княгину да въ постельницу.»
Да некому-то князя замѣнити-то.
Говорила княгиня-то Апраксія:
— Да иди-тко ты къ погребамъ глубокіемъ

*) дружина богатырей, — у каждаго богатыря дружина.

— Да отрой-ко песочки ты желтые.
— Отвали-ко ты дубъ-колодья на всѣ стороны,
— Отвали-тко рѣшоточку чугунную,
— Да проси старика да Илью Муромца. —
И говоритъ-то-де солнышко Владиміръ князь:
«Да вѣдь нѣтъ-то Ильи да въ живностяхъ.»
Да приходитъ ко погребамъ глубокіемъ,
Да отрылъ-то песочки да желтые,
Отвалилъ-то ли дубъ-колодья на всѣ стороны,
Отвалилъ-то рѣшоточку чугунную,
Да сидитъ-то Илья вѣдь въ живностяхъ.
И говорилъ-то де солнышко Владиміръ князь:
«Ужъ ты выдь-то Илья да изъ погреба.
«Какъ подступилъ-то змѣй-царь Калиновъ
«Подъ нашъ да подъ Кіевъ градъ.»
— А нѣтъ у м'ня силы теперь по старому. —
И приходила-то княгиня какъ Апраксія
Съ сиротами да съ вдовами людьми бѣдныма,
Да просила-то Илью да съ униженіемъ:
«Да встань ты, Илья, да какъ изъ погреба,
«Да ли выдь ты, Илья, да на святую Русь.»
И выходилъ-то Илья да какъ изъ погреба,
Да скрикалъ ёнъ теперь да громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты бурушко да ты косматые! —
Да накладывалъ уздечку тесьмяную
Да накладывалъ сѣдёлышко черкальское,
Да поѣхалъ-то Илья да во Кіевъ градъ.
Да заѣхалъ-то Илья да на широкой дворъ,
Да заходитъ-то въ полаты княженецкіе.
Да встрѣчае ево солнышко Владиміръ князь
Да не одно-то ли солнышко на небѣ,
Не одинъ ли богатырь на святой Руси,
Старые казакъ да Илья Муромецъ.
Да на эту пору да на времечко,
Да является посланникъ и какъ строгіе,
Да и требуетъ отъ солнышко Владиміра,
Да и требуетъ ево да во чисто полё.
Говоритъ-то Илья да какъ и Муромецъ:
— Ахъ ты солнышко да Владиміръ князь!
— Принеси-тко вина да полтора ведра,
— Да ты потчуй посланника строгаго. —
Да берётъ-то посланникъ вино едной рукой,
И выпиваетъ ёнъ на единый духъ.
— Принеси еще вина полтора ведра. —
Да берётъ-то вино онъ едной рукой,
И выпиваетъ ёнъ на единый духъ.
— Принеси-тко ты да пива крѣпкаго,
— Да подай-то ему да полтора ведра. —
Да берётъ-то-де пиво онъ едной рукой,
Выпиваетъ на единый духъ.
Говоритъ-то старина таково слово:
— Ахъ ты солнышко да Владиміръ князь!
— Да хорошъ къ намъ пріѣхалъ гостюшко,
— Да выпилъ напитка полпята ведра. —
И говоритъ-то старикъ таково слово:
— Да й отсрочьте вы время трои суточки. —
Да садился Илья да на добра коня,
Да поѣхалъ Илья да во чисто полё,
Да искать-то дружины своей храбрые.
Говоритъ ему бурушка косматая:
«Поѣзжай-ко, Илья, да ко синю морю,
«Да стоитъ-то дружина у синя моря,
«Да служила молебные богомольніе.»
Да розъѣхался старикъ да Илья Муромецъ
И поклонился-то имъ съ униженіемъ.
— Да заступимъ мы да за Кіевъ градъ,
— Да не для ради князя Владиміра,
— Съ молодой-то княгиной Апраксіей,
— Да для ради дому Богородицы
— Да для ради вдовъ сиротъ людей бѣдныхъ. —
И отвѣчатъ-то дружина и какъ храбрая:
«Ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
«Да однажды отъ Кіева отказаны.»
И воротился Илья да онъ ко Кіеву,
И пріѣхалъ онъ къ дядюшку родимому.
— Да любимый мой какъ дядюшка Самсонъ богатырь!
— И пособи защитить да за Кіевъ градъ.
— Да не для ради князя Владиміра,
— Да не для ради княгини Апраксіи,
— Да для ради дому Богородицы,
— Да для ради вдовъ сиротъ людей бѣдныхъ.
— Да не много то я да не поправился. —
Да подъѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву.
Обступила-то сила больша армія
Да ко нашему городу ко Кіеву,
Да ли бьютъ въ колоколы во церковные,
Проклинаютъ старика да Илью Муромца.
И разсерчался Илья Муромецъ,
Да заѣхалъ-то въ рать силу великую,
Да вынимае старикъ шалыгу подорожную,
Да и началъ шалыгою помахивать.
Да куда-то махнётъ — да какъ улица,
Да куда й отмахнётъ — переулочокъ.
Да скричалъ-то ли царь громкимъ голосомъ:
«Ужъ ты старые казакъ да Илья Муромецъ!
«Да отсрочь-ко ты времени трои суточки.»
Говоритъ-то старикъ да Илья Муромецъ:
— Да не дамъ-то тебѣ да нисколёшенько. —
«Да отсрочь-ко ты мнѣ хоть на суточки.»
Да дозволилъ Илья да какъ на суточки.

Да-де въ эту пору въ это времечко
Да копали-то копи глубокіе,
Да спущали телѣги ордынскіе,
Становили-то копья бурманецкіе,
Зарывали песочками желтыма.
Да заслышалъ-то бурушко незгодушку,
И говоритъ-то Ильи да таково слово!
— Да великое несчастьицо подведено.
— Да на той-то дорожкѣ на латышкиной,
— Да на тѣхъ-то скокахъ богатырскіехъ,
— Да ли выкопаны копи глубокіе,
— Да ли спущены телѣги ордынскіе,
— Становили-то копья бурманецкіе.
— Да перву-то копь перескочимъ мы,
— И другу́ю-то копь перескочимъ мы,
— А въ третью-ту копь сами врѣжемся. —
И разсерчался старикъ да Илья Муромецъ,
И да садился на бурушка косматаго,
Да и билъ-де бурушка по тучнымъ ребрамъ.
И на бою-то Ильи смерть не писана.
Да поѣхалъ Илья по дорожкѣ по латышкиной,
Да по тѣмъ-то скокамъ богатырскіемъ.
Да-де первую копь перескакивали,
Да другую-ту копь перескакивали,
Да-де въ третью-ту копь сами врѣзалисе.
Да взлетѣлъ-де бурушко косматые,
Да изъ тѣхъ-то копей изъ глубокіехъ,
Да свалился старикъ да Илья Муромецъ,
Да схватила его сила больша армія,
И завязали ему очи ясные.
И повели-то Илью да по чисту полю,
И говоритъ-то царь таково слово:
«Да й отправьте его да во свою землю *).»
И говоритъ-то Илья да таково слово:
— Да повѣсьте меня да во своей земли **),
— Да во славномъ-то городѣ во Кіевѣ. —
И повели-то Илью да ко висѣлицѣ,
И сопровожаютъ Илью да какъ и Муромца,
Со всѣми звонами-то съ церковныма.
Да идётъ-то старикъ потихохонько,
Да разглядывалъ старикъ помелёхонько,
И осмотрѣлъ-то онъ да й богатыря,
Да который бо́гатырь пилъ вина да полъ-пята ведра,
И ухватилъ-то богатыря за́ ноги,
Да и началъ онъ богатыремъ помахивати:
Такъ куда-то махнетъ — туда улица,
Да куда отмахнётъ — переулочёкъ.

*) т. е. въ землю царя Калина.
**) т. е. на Руси.

Да прибилъ-то всѣхъ до единого,
И самого-то царя да во плѣнъ ёнъ бралъ,
Да садилъ-то въ засадушки во крѣпкіе.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—

297.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

Да всѣ-то теперь розбѣжалися,
Да всѣ-то теперь роскучалися
И со того со двора со боярского,
Да со того помѣстья государскаго:
«Да, князья, послушайте,
«Да, бояра, послушайте,
«Да мужички, ты земскіе,
«И старички деревенскіе,
«Да ребятушка ма́хотные,
«Да крестьянушка па́хотные,
«И не шумите — послушайте.
«Да я вамъ старинушку скажу
«Про тово-де большо́во быка,
«Робода́новика,
«У котораго степи *) рукой не достать.
«Промежду-то рогами коса́я сажень,
«На рогахъ была подпись-та книжная,
«Того Василья Богдановича,
«Самого де Робода́новича.»
Да ли былъ Алёшенька Кутятинъ-отъ,
Да не ѣлъ ли онъ да ни утятинки,
Да не ѣлъ ли онъ ни лебедятинки,
Захотѣлъ поѣсть уроcлой телятинки,
Да-де собралъ ёнъ почестной пиръ.
И говорилъ-то Алёша таково слово:
— Да кто бы у м'ня да во честно́мъ пиру,
— Да кто бы у м'ня да на ножку скоръ,
— Да кто бы у меня да на похо́дку легокъ,
— Да скочилъ бы за Москву́ за рѣку,
— Да на тотъ бы на боярской дворъ,
— Ко тому бы бояриву,
— Да къ Василью Богдановичу,
— Къ самому Рободановичу. —
Да былъ Зеновка на ножку скоръ,
Да былъ на походку легокъ,
Да скочилъ за Москву́ за рѣку,
Да на тотъ ли на широкій дворъ,
Да къ тому ли Василью Богдановичу,

*) мѣсто надъ передними ногами.

Къ самому ёнъ да ли Рободановичу.
Да обулъ-то бытца*) въ лапотци,
Да повернулъ быка пятами нá перёдъ,
Да самъ-то быку да приговаривалъ:
«Да кто-то быка какъ увёлъ,
«Да тому бы какъ безвѣстно уйти.
«Да кто-то быка къ дéреву вязалъ,
«Да тому бы какъ въ то вéзиво**) попасть.»
Да былъ Алёшенька мясникъ,
Да были у его кулаки толсты.
И розскочился быка палкой въ лобъ,
Да ткнулъ-де ево ножóмъ въ бокъ.
Да сдирали кожу съ бычоночка,
Совивали кожу трубочкой,
Завязали кожу урывочкомъ,
Поносили кожу кожевнику.
Ихніе урывочёкъ срывается,
Ихна кожа розвивается,
Да собаки ты облаяли,
Да черные вороны ограяли,
Пала кожа — дѣло не ýдало***).
Три года въ дѣли была,
Да середочка у ей повыгнила,
Да краёчкой у ей да не осталосе,
Да-де вовсе-то кожа потеряласе.
Да тому-то кожевнику
Да набили-то спи́ну кнутомъ,
Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
Да двѣстѣ съ полтиною,
Да полно, дѣло покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-ты Стрóганые,
Да только кожевнику бы головóй вершить.
Да та бѣда не бѣда,
Лишь бы бóльше впередъ не была.
Да была Марья Кишочница,
Она старая харчевница.
Да состроила харчевенку,
Наварила она студенца,
Наварила она хорошаго,
Да сварила она съ прóросью,
Господамъ-то ѣсть было съ лёгостью,
Да не съ того ли большого быка,
Рободáновика,
У котораго стéпи рукой не достать,
Промежду-то рогами косáя сажень,
На рогахъ была подпись-та книжная,
Того Василья Богдановича,
Самого-де Рободáновича.
Да той-то Марьѣ Кишочницѣ
Да набили-то спину кнутомъ,
Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
Да двѣстѣ съ полтиною,
Да полно, дѣло покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-ты Стрóганые,
Да только бы Марьѣ и головой вершить.
Да та бѣда не бѣда,
Лишь бы больше впередъ не была.
Да былъ у ихъ Васенька,
Да былъ у ихъ Васильюшко,
Да строилъ онъ волыночку
Да на новую переладочку.
Да сталъ-то Васенько пощалкивать,
Да стали господа-ты посматривать,
Да стали Василья подхваливать.
— Да то-то нашъ Васенька,
— Да тотъ нашъ Васильюшко!
— Какъ состроилъ онъ волыночку,
— Да не съ большого ли быка,
— Рободановика,
— Промежду-то рогами косáя сажень,
— На рогахъ была подпись-та книжная,
— Того Василья Богдановича,
— Самого-де Рободáновича. —
Да тому-то ли Васенькѣ
Да набили спину кнутомъ,
Да справили двѣстѣ съ рублёмъ,
Да двѣстѣ съ полтиною,
Да полно, дѣло покинули.
Да не люди-ты добрые,
Да не заступы-ты крѣпкіе,
Да не гости-ты Стрóганые,
Да только Василью и головой вершить.
Да тотъ-то быкъ сталъ во шестьсотъ рублёвъ,
И во шестьсотъ рублёвъ кромѣ становыхъ костьёвъ.
Дунай, Дунай — больше впередъ не знай.

Записано тамъ же, 17 августа.

---

*) быка.
**) веревка, привязанная къ рогамъ.
***) плохо.

LXII.

АНДРЕЙ МАКСИМОВЪ.

Андрей Ильичъ Максимовъ, меньшой братъ предъидущаго, крестьянинъ-земледѣлецъ, 35 лѣтъ отъ роду. Знаетъ только одну нижеслѣдующую «старину», которую пѣвалъ его дѣдъ, жившій въ той же деревнѣ Немятовой.

—

298.

ПТИЦЫ.

Изъ-за синяго дунайскаго моря
Вылетѣла малая птица,
Малая птица синица.
Садилася птица синица
На высокое дерево калину,
Начала птица та пѣти,
На́ Руси голосъ подавати.
Услышали руськія птицы,
Слёталися птицы стадами,
Садились около рядами,
Въ одну сторону да головами.
Начали птицы ты пѣти,
Заморскую птицу пытати:
«Скажи-ко, заморская птица,
«Всю-ту сущу правду неутайну:
«Кто у васъ за́ моремъ больше,
«Кто за дунайскіемъ меньше?»
— Глупая руськая птица!
— Зачѣмъ же сюда налетѣла,
— Про синее море спросила?
— Всѣ у насъ за́ моремъ большія,
— Нѣтъ за дунайскіемъ меньшіе:
— Цари ты всѣ ца́ря по царствамъ,
— Попы ты по́пя по погостамъ,
— Купцы бояра по посадамъ,
— Крестьяна живутъ по деревнямъ.
— Колпикъ былъ на́ мори царикъ,
— Бѣлая колпица царица.
— Соло́вьюшко былъ веселы́е,
— Всякіе свирёла играе,
— Всё ли царя спотѣшае.
— Голубъ-отъ на́ мори попикъ,
— Голубушка та попадейка.
— Ко́сачки дьячки церковны.
— Тетери были дьячицы,
— Ку́ликъ пономарь церковный,
— Травникъ былъ на́ мори трапезникъ,
— Зуй-отъ ли былъ портомойникъ,
— Жеравъ-отъ былъ перевозникъ:
— Всякую птицу перевозитъ,
— Ноженки тоненьки доле́ньки.
— Штанички были узе́ньки,
— Глу́боко по берегу бродитъ,
— Цвѣтнаго платьица не мочитъ.
— Гуси-ты на́ мори бояра,
— Бѣлыя лебеди княгины,
— Ластушки были дѣвицы,
— Утушки ты молодицы,
— Се́лезни гости торговы,
— Чаюшка та водоплавка,
— Га́гара была рыболовка:
— Всю-то ли рыбу приловила,
— Та-то ли рыба
— На го́ры не бывала,
— Той-то ли рыбы
— Крестьяна не ѣдали.
— Мошни́къ-то на мори крестьянинъ,
— Ко́пала крестьянская жонка,
— Дрозд-отъ у ихъ казачёнко:
— Колья жердьё подбирае,
— Вы́городы подпирае.
— Ястребъ на мори разбойникъ,
— Сова-то ли былъ подорожникъ,
— Въ де́ревни оны летаютъ,
— Великую дань собираютъ.
— По куры берутъ по другой,
— Для сердія ради по четыре.
— Дя́тель-отъ на мори плотникъ,
— Желна́-то церковные мастеръ.
— Галушки были циганки,
— Во́ронъ-отъ вѣщая птица,
— Воробушки были холопы,
— Рябчикъ-отъ на́ мори стряпчикъ,
— Пи́щикъ-отъ на́ мори писчикъ,
— Ко́кушка побѣдная птица:
— День она ночь кокуе,
— Дѣтей выводить не толкуе.
— Ворона богатая птица:
— Зи́мой она да по гумнамъ,
— Вёсной она по дорогамъ,
— Осенью по суслонамъ.
— Сорока кабацкая блядка:
— Съ ножки на ножку скакала,
— Высоко фостъ залупала,

— Всё молодцовъ прелещала.
— Ку́ропоть безпомѣстная птица:
— Изъ куста въ кустъ онъ и бродитъ,
— Себѣ подворья не имѣё.
— Пѣтушки ты казачки донскіе,
— Тѣ ли молодцы удалые,
— По́ куры дёржитъ, по другой,
— По́ другой дёржитъ, по четыре,
— И по цѣлому ли по десятку.
— Не такъ какъ мужикъ крестьянинъ:
— Одну бажёну женушечку держитъ
— И той нарядить не толкуе.
— Курица побѣдная птица:
— Кто ли ей ни изымае,
— Кажный въ жопы ковыряе,
— Всё какъ яица пытаетъ.
— Кошечки были вдовицы:
— День они ночь вдовѣютъ,
— Днёмъ-то ли спя по печуркамъ,
— Ночью-то ходя по добычамъ,
— Молочные крынки ломаютъ,
— За то ихъ и бьютъ непощадно.
— Волкъ-отъ на мори овчинникъ,
— Медвѣдь-отъ ли былъ кожедерникъ,
— Заюшко былъ калачникъ,
— Лисица лукавая свекрова:
— Сдѣлае вину́ да не скаже,
— Дологъ фостъ, не наступишь. —
Дунай, Дунай — болѣ впередъ не знай.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—

LXIII.

ВАРВАРА МАКСИМОВА.

Варвара Ивановна Максимова, жена предъидущаго, лѣтъ 30 отъ роду, уроженка дер. Шуй-лахты на Кенозерѣ. Перепяла былины отъ своего отца, нынѣ умершаго.

—

299.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО.

Женился не спросился,
Повѣнчался не сказался.
Его матушка родима,
Скоро со двора спроводила,
Парну баенку топила,
Горючъ камень нажигала,
Горючъ камень до калины*).
Выжигала мать**) младеня,
Мать младеня изъ утробы.
Завивала мать младеня
Въ мелкотравчату бумажку,
Кладала мать младеня
Во бѣлодубову колоду,
Набивала на колоду
Что ты обруча желѣзныхъ,
Поносила ту колоду
Во Онего великое.
И какъ ѣдо князь Михайло,
Вороной-отъ коня попялся,
Востра сабелька сломилась,
Очи ясны помутились,
Изъ глазъ слёзы покатились.
Видно дома нездорово,
Родна матушка не можетъ.
Ко крылечку пріѣзжае,
Его няночки встрѣчая,
Со слезами проздравляли.
Князь Михайло прослезился,
Во Онегушко бросился,
Во Онего великое,
Во Онего къ рыболовамъ.
Рыболовцы рыбу ловятъ.
«Вы закиньте шолковъ нёводъ,
«Вы достаньте ту колоду
«Изъ Онего великого.»
Ёнъ примае ту колоду
Со горючима со слезами.

Записано на Кенозерѣ, 17 августа.

—

300.

НЕВОЛЬНОЕ ПОСТРИЖЕНІЕ.

Батюшко съ матушкой споръ сучинилъ:
Батюшку надо за́ князя отдать,
Матушкѣ надо да въ стару́шки постричь.
«Садись-ко ты, дитятко, да на зо́лотой на стулъ,
«Постригёмъ тя ди́тятка ста́рушкою.»
— Дай волю, матушка, въ баенку схожу. —
«Вытопишь ты, дитятко, ста́рушкою,

*) калены.
**) мать князя Михайлы.

«Да садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стулъ,
«Постригёмъ тя дитятка стáрушкою.»
— Дай волю, матушка, божатушку дождусь. —
«Садись-ко ты, дитятко, да на зóлотой на стулъ,
«Постригёмъ тя дитятко стáрушкою.»
— Дай волю, матушка, я косы заплету. —
«Остригёмъ у дитятка ножницами.»
Мало по малу да стукъ во крыльцо,
Стукъ во крыльцо да еще брякъ во крыльцо,
Да батюшко идё да молодá князя ведетъ.
Молодой князь идё да золоты вѣнцы несё,
Матушка на ей да ли роспрогнѣвалась.
Хватила она дитятка за бѣлые волоса,
Ушибла она дитятка о сырую о землю *).

Записано тамъ же, 17 августа.

—

LXIV.

ЛОСКУТОВЪ.

Ѳедоръ Никифоровичъ Лоскутовъ, крестьянинъ дер. Вершинина у Кенозера, 50 лѣтъ. Большой мастеръ пѣть божественные стихи (что, впрочемъ, не имѣетъ для него значенія ремесла). Изъ былинъ знаетъ только нижеслѣдующую, составляющую переходъ отъ былинъ къ духовнымъ стихамъ.

—

301.

СОРОКЪ КАЛИКЪ.

Изъ-за славнаго батюшка Царя-града,
Изъ-за тово ли изъ-за озера Москова,
Вышло сорокъ каликъ да со каликою,
Да калики тѣ всѣ были ученые,
Ученые калики были грамотные.
Да шубы на каликахъ соболиные,
Подсумки у каликъ рыта бархату,
Да шляпы на главахъ земли грецкіе.
Пришли эти калики ко Ясень ко рѣкй,
Да рѣзали калики по жеребью,
Метали тѣ жеребьи во Ясень во рѣку.
«А й да чей у насъ жеребей противъ воды пойдетъ,
«Тому у насъ братцы атаманомъ быть.»
Да всѣ какъ вѣдь жеребьи внизъ пошли,
Одинъ у насъ жеребей противъ воды пошолъ,
Противъ воды пошолъ, будто соколъ полетѣлъ.
«Пошолъ жеребей Касьяна Михайловича,
«Тому у насъ братцы атаманомъ быть,
«Податаманьемъ Терентью Михайловичу.
«Какъ сдѣлаемте заповѣдь великую:
«Кто скраде своруе за блудомъ пойдетъ,
«По титкамъ копать да во сыру землю,
«Языкъ-отъ тянуть у него теменемъ,
«Глазá ты копать да вонъ косицами.»
А пошли эти калики во Кіевъ градъ *).

Записано тамъ же, 17 августа.

*) Забыла конецъ этой старины, гдѣ разсказывается, что все-таки отецъ, не смотря на сопротивленіе матери, выдалъ дочь за князя замужъ.

*) Конецъ былины Лоскутовъ разсказывалъ плохо, сбиваясь на сказочный складъ.

—

LXV.

ЗАВАЛЪ.

Ефимъ Яковлевичъ Завалъ, крестьянинъ-коновалъ, 84 лѣтъ, изъ Ошéвенска (волость эта лежитъ къ югу отъ Кенозера, по дорогѣ къ Каргополю). Онъ—старообрядецъ и пользуется репутаціею мудреца, лѣкаря и чуть ли не знахаря. Въ качествѣ коновала, исходилъ почти всю Россію отъ Петербурга до Кавказа, былъ въ 20-ти губерніяхъ; на старости лѣтъ поселился на родинѣ и имѣетъ нѣкоторый достатокъ. Онъ мастеръ разсказывать сказки и шутливыя повѣстушки, которыхъ набрался въ своихъ странствіяхъ. Изъ старинъ помнитъ только двѣ, которыя пѣвалъ его отецъ.

—

302.

КОРОЛЕВИЧИ ИЗЪ КРЯКОВА.

Какъ во ту было пору во то время,
Какъ во славномъ было градѣ во Кряковѣ,
Какъ не бѣлая берёза къ земли клонится,
Приклоняется сынъ ко матери
Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты матушка честна вдова,

«Честна вдова Катерина Ивановна!
«Ты дай мнѣ прощенье благословеньицо,
«Ѣхать во далечо во чисто́ поле
«Да ко славному морю Каспицкому,
«Тамъ стрѣляти гусей и лебедей,
«Сѣрыхъ малыхъ пернатыхъ утенышковъ.»
Не дала она ему не прощенья, не благословеньицо.
Выходилъ онъ на свой на широкій дворъ,
Выводилъ онъ коня себѣ бураго.
Въ вышину тотъ бурушко трёхъ аршинъ,
Въ долину тотъ бурушко трёхъ сажёнъ,
Какъ у бурушка грива трёхъ аршинъ,
Какъ у бурушка чолка трёхъ пядей,
Какъ у бурушка фостикъ трёхъ сажёнъ.
Полагалъ онъ войлоки на войлоки,
А на верхъ наложилъ сѣдельцо черкаское.
Подтягивалъ онъ двѣнадцать подпругъ подъ брюхо,
А тринадцатую по́дъ груди,
Не ради красы-басы молодецкіе,
А ради крѣпости богатырскіе.
Видѣли добраго молодца на коня сѣдучи,
А не видали въ кою сторону поѣдучи.
Выѣзжалъ онъ изъ града изъ Крякова.
Онъ бьетъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Какъ конь его разгорается,
Отъ земли его конь отдѣляется,
Онъ пошолъ выше лѣсу стоячаго
А ниже облака ходячего.
Онъ рѣки, озёра перескакиватъ,
А мхи да болота промежъ ногъ пуститъ.
Онъ пріѣхалъ во далечо чисто́ полё,
Онъ ко славному морю Косницкому.
Онъ ѣздилъ цѣлый день до вечера.
Не нашолъ онъ не гуся, не лебедя,
Да не сѣраго малаго пернатаго утёнышка.
И тутъ говоритъ Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты мать пресвята Богородица!
«Не дала мнѣ не гуся, не лебедя,
«Да не сѣраго малаго пернатаго утёнышка.
«Теперь поѣду ли я во тѣ ли во́ лѣсы во темные,
«Да во тѣ ли-то грязи топучіе.»
Заѣхалъ онъ во тѣ ли во темны́ лѣсы,
Привязалъ коня онъ ко сыру́ дубу,
Онъ насыпалъ пшена бѣлоярова,
А самъ сталъ вынялъ колачикъ крупичатой,
И не по множечку ножичкомъ порушиватъ.
Да вдругъ со восточною стороны,
Не тёмной облакъ накатается.
Налетѣлъ на́ дубъ черно́й воронъ,
Какъ заграялъ воронъ по воронину,
Да какъ дубъ по коренью шатается,
Говоритъ Лука Петровичъ дворянской сынъ:
«А ой же ты черно́й воронъ!
«Какъ я выну свой ту́гой лукъ изъ залучника,
«А каленую стрѣлу изъ заплечника.
«Натяну я свой ту́гой лукъ,
«Я пущу въ тебя, чернаго ворона.
«Ушибётъ твоё черно мясо о сыру́ землю,
«Потекётъ твоя черна кровь во кореньё дубовоё,
«Полетитъ твое черно перьё по чисту полю
«Полетитъ твой бѣлой пухъ по поднёбесью.»
Во ту было пору во то время,
Возговоритъ воронъ по человѣчески:
— А ой же ты молодый Лука Петровичъ дворянской сынъ!
— Тебѣ ворона убить — не корысть получить,
— А тебѣ старца убить — спасенья нѣтъ.
— А лучше ты молодой Лука Петровичъ,
— Ты стань по утру ранешенько,
— Ты до самой красной зори до утренной.
— Поѣзжай ты во да́лечо чисто полё,
— Тамъ пріѣдетъ татаринъ Касимовской,
— Тамъ побейся подерись съ татариномъ Касимовскимъ. —
И во ту пору воронъ не видимъ бысть.
Какъ ставае поутру Лука Петровичъ до зори до утренной,
Онъ садился на своево на добра коня,
Выѣзжаетъ во да́лечо чисто́ полё,
Онъ раскинулъ шатёръ бѣлополотняной,
Какъ насыпалъ коню пшена бѣлоярово.
Какъ не долго поры миновалосе,
Да какъ ѣдетъ татаринъ Касимовской.
Подъ татариномъ бѣжитъ бѣлой конь,
У коня изъ ушей дымъ валитъ,
Изъ ноздрей у коня искры сыплются,
Изо рта у коня пламя́ машетъ.
Тутъ садится Лука Петровичъ дворянской сынъ,
Садится Лука Петровичъ на добра коня,
Поѣзжаетъ противо татарина Каси́мовскаго.
Они съѣхались съ татариномъ Касимовскимъ,
И ударились они палицами боёвыми.
У нихъ палицы въ рукахъ поломалисе.
Съѣзжаются они во второ́й разъ,
И ударились они саблями вострыми.
У нихъ сабли въ рукахъ поломалисе.
Какъ съѣзжаются онѣ въ тре́тей разъ,
Да ударились они бѣлыми ру́ками.
Какъ сшибъ Лука Петровичъ татарина на сыру́ землю,

Какъ притиснулъ конь ногой татарина къ сырой земли.
Какъ сходитъ Лука Петровичъ со своево добра́ коня,
Садится къ татарину на бѣлу грудь,
Вынимаетъ ножищо кинжалищо,
И самъ говоритъ таково слово:
«А ой же ты татаринъ Касимовскій!
«Ты скажи какой орды ты какой земли,
«Какого роду ты какого племени.»
Говоритъ татаринъ Касимовской·
— А ой же ты удалъ доброй молодецъ!
— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлыхъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;
— Я поролъ бы твои бѣлы груди,
— Вынималъ бы твоё сердце со печенью. —
«Да однако скажи татаринъ Касимовскій,
«Ты какой орды какой земли,
«Ты какого роду и племени.»
Говоритъ татаринъ Касимовской:
— А ой же ты удалъ доброй молодецъ!
— Кабы я сидѣлъ на твоихъ на бѣлыхъ грудяхъ,
— Я не спрашивалъ бы не роду, не племени;
— Я поролъ бы твои бѣлы груди,
— Вынималъ бы твоё сердце со печенью. —
Въ трётьихъ говоритъ Лука Петровичъ:
«Ты скажи татаринъ Касимовской!
«Ты какой орды, какой земли,
«Ты какого роду и племени.»
Говоритъ татаринъ Касимовской:
— Я изъ славнаго города изъ Крякова,
— Я Василей Петровичъ дворянской сынъ. —
Какъ ставаетъ Лука Петровичъ дворянской сынъ
На свои на рѣзвы ноги,
Какъ примаетъ его за бѣлы руки,
Какъ становитъ его также на рѣзвы ноги,
Да цѣлуетъ его во уста во сахарніе:
«А ой же ты любезной мой брателко,
«Я и самъ изъ того града изъ Крякова,
«Молодые Лука Петровичъ дворянской сынъ.»
Говоритъ татаринъ Касимовскій:
— А ой же ты родимый мой брателко,
— Молодой Лука Петровичъ!
— Какъ наѣхали татара Касимовски,
— Какъ на славный нашъ на Краковъ градъ,
— Отца нашего Петра смерти предали,
— А меня малолѣтнаго въ полонъ взяли,
— А ты остался отъ меня во качелюшки. —
Тутъ садятся они на добрыхъ коней,
Пріѣзжаютъ во славный городъ во Кряково.
Заѣзжаетъ Лука Петровичъ на свой на широкій дворъ,
Говоритъ Лука Петровичъ таково слово:
«А ой же ты матушка честна вдова Катерина Ивановна!
«Ты встрѣчай-ко меня съ дорогимъ гостемъ,
«Я привёзъ тебѣ въ гости татарина Касимовскаго.»
Говоритъ Катерина Ивановна:
— А ой же ты мой любезный сынъ,
— Молодой Лука Петровичъ дворянской сынъ!
— Я и чуть не могу про татарина Касимовскаго.
— Какъ плѣнили татара нашъ Краковъ градъ,
— Твоего отца Петра дворянина смерти предали,
— А брата Василья Петровича въ полонъ взяли.—
«А ой же ты любезная матушка,
«Честна вдова Катерина Ивановна!
«Я не татарина привёзъ тебѣ Касимовскаго,
«А своего я привёзъ братца роднаго,
«Я Василья Петровича сына дворянскаго.»
Тутъ пошли оны въ полаты бѣлокаменны,
Тамъ садились они за столы за дубовые,
Тамъ веселились пировали много времени,
А потомъ остались въ покоѣ и веселіи.

Записано въ Ошевенскомъ, 18 августа.

—

303.

СТАРИНА О БОЛЬШОМЪ БЫКѢ.

А й диди диди диди дидй,
Князи послушайтѐ,
Да бояра послушайтѐ,
Да вы всѣ люди земскіѐ
Мужики вы деревенскіѐ,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькіе,
Не шумите послушайте.
Да старушки вы старенькіе,
Не дремлите послушайте.
Молоды́е молодушки
Не прядите послушайте.
Да красныя дѣвушки
Дя не шейте послушайте.
Да какъ я вамъ пословицу скажу,
Да пословицу хорошенькую,
Про того ли про большо́го быка̀,
Про быка Рободановскаго.
Да какъ тотъ ли великіе быкъ,
Да какъ степи рукой не добыть,

Промежу роги косая сажѐнь,
На рогахъ подпись княжеская:
Василья Богдановскаго,
Да еще Рободановскаго.
Да какъ нашъ-отъ великіе князи,
Аѳонасій Путятинской,
Да не ѣстъ онъ гусятинки,
Да не бѣлые лебедятинки,
Да не сѣрые утятинки,
Не индѣйской курятинки.
Да свинина отъѣласе,
Баранины не хочется.
Захотѣлосе говядинки,
Да уросло́й телятинки.
Да какъ самъ-то похаживаётъ,
Да какъ самъ-то покрякиваётъ,
Бородой-то потряхиваётъ,
Да какъ самъ выговариваётъ:
«Да какъ есть ли у меня на дворѣ,
«Да такіе люди по́добные.
«Да сходили бы на барской дворъ,
«Да на помѣстьё дворянское
«По того ли по большого быка,
«По быка Рободановскаго.»
Да какъ былъ-то Зеновей слуга,
Да онъ часто на Волги ходилъ,
Да онъ много-то сѣлъ тамъ громилъ,
Да и тѣмъ голову кормилъ.
Хватилъ конопля на плетѐнь,
Да скочилъ за Москву за рѣку
Ко двору-то боярскому,
Да къ помѣстью-то дворянскому.
Да какъ свилъ-то вѣдь вязивцё,
Да какъ онъ воръ догадливъ былъ,
Быку липовы лаптицы обулъ,
Напередъ онъ пятами повернулъ
Да какъ такъ-то быка увёлъ.
Да завёлъ быка въ рощицу,
Привязалъ быка къ деревцу.
Да какъ самъ-то похаживаётъ,
Да какъ самъ поговариваётъ:
— Да какъ кто-то быка-то увёлъ,
— Да и тотъ-то безвѣстно ушолъ,
— Да какъ кто съ быка кожу сдерётъ,
— Да и тотъ концомъ пропадётъ. —
Да какъ былъ-то Алёша мясникъ,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики́ востры.
Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ,
Да какъ ткнулъ клепико́мъ-то въ бокъ,
Да какъ взялъ съ быка ко́жу слупилъ,
Да слупилъ въ трубу завертѣлъ,
Завязалъ его вязивцёмъ,
Да и чуть на плечо воротилъ.
По несчастью Алёшенькину,
По навожденью по дьявольскому,
Да какъ люди тѣ пробаяли,
Да собаки тѣ облаяли,
Да обстали собаки въ кругъ,
Да лише тольки кожа кинуть съ рукъ.
Да скочилъ за Москву́ за рѣку́,
Да какъ къ Митькѣ къ кожевникову,
Полтора́ годы въ дѣлѣ была́,
Да не у́дала изъ дѣла вышла́:
Да серёдочка выгнила,
По краямъ не осталось ничто,
Да Алёши-то мясникову,
Да какъ Митьки-то кожевникову,
Какъ кожи по ряда́мъ провели́,
Да кожи тѣ кнуто́мъ набили́,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не накинули,
Кабы не́ люди добрые,
Да не заступы тѣ крѣпкіе,
Да не гости тѣ Строганова́,
Да лише только головы́ отстать.
Та-то бѣда не бѣда,
Да лишь бы болѣ той не была.
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому,
Да били два тѣ харчевника,
Да молодые тѣ поспѣшнички,
Да какъ губки обрѣзывали,
Да бедёрки обрѣзывали,
Да какъ сдѣлали студенцу,
Молодую да съ про́рѣзью,
Да на здоровье и съ лёгостью,
Да не на что не подумати.
Выносили на база́ръ продавать,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да студене́чку подкушивали,
Да какъ ей-то подхваливали:
Да какъ-то это студеньца,
Молодая да съ про́рѣзью,
На здоровье и съ лёгостью,
Не на что не подумати,
Да не тово ли большого быка
Да быка Рободановскаго,
Да какъ двумъ-то харчевникамъ,
Да молоды́мъ-то поспѣшникамъ.

Да какъ кожи по ряда́мъ провели̇̀,
Да какъ кожи тѣ кнутóмъ набили̇̀,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы тѣ крѣпкіе,
Да не гости тѣ Строга́новà,
Лише только головы́ отстàть,
Да какъ то-то бѣда не бѣда,
Да лишь бы больше той не была,
Къ тому ли къ большому быку,
Да быку Рободановскому.
Да била Марья харчевенка,
Молодая поспѣшенка,
Да кишочки обрѣзывала,
Да какъ ихъ-то начинивала
Толоконцемъ да крупочкой,
Да лучкомъ да и пе́речкомъ,
Выносила на базаръ продавать.
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да кишочки подкушивали,
Да какъ ихъ-то подхваливали:
Да какъ-то это ки́шечки,
Молоды́е да съ прорѣзью,
На здоровье и съ лёгостью.
Не на что не подумати,
Не того ли большого быка,
Да быка Рободановскаго.
Да какъ Марьи-то харчевенки,
Да молодой-то поспѣшенки.
Да какъ кожу по ряда́мъ провели̇̀,
Да какъ кожу-ту кнутóмъ набили̇̀,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы тѣ крѣпкіе,
Да не гости тѣ Строга́новà,
Лише только головы́ отстàть,
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да какъ больше той не была,
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому
Да былъ нѣкаковъ волынщичёкъ,
Да молодóй-отъ гудошничёкъ.
Да онъ дру́гомъ *) пузы́рь доступи̇̀лъ,
Да какъ сдѣлалъ волыночку,
Да на новую перегудочку.
Да какъ сталъ онъ на ры́нокъ гулять,
Да какъ сталъ онъ въ волы́нку играть,
Да какъ гости подхаживали,
Да бояра подхаживали,
Да волынку послушивали,
Да какъ ей-то подхваливали:
Да какъ-то это волыночка,
На нову́ю перегудочку,
Да не на что не подумати,
Но того ли большáго быка,
Да быка Рободановскаго.
Да тому ли-то волынщику,
Да молодому-то гудошнику,
Да какъ кожу-ту кнутомъ набили,
Да какъ справили двѣсти рублей,
Да по двѣсти съ полтиною,
Да еще не покинули,
Кабы не́ люди добрые,
Не заступы ты крѣпкіе,
Да не гости тѣ Строга́новà,
Лише только головы́ отстàть,
Да какъ та-то бѣда не бѣда,
Да какъ болѣ бы той не бѣды,
Да къ тому ли къ большому быку,
Да къ быку Рободановскому.
Да какъ кажнея косточка,
Да какъ стала-то въ пять рублей,
Да какъ кажное рёбрышко,
Да какъ стало-то въ семь рублей,
Опричé становы́хъ костей,
Ровно тысяча сéмьсотъ рублей,
А становы́мъ костямъ,
И цѣны не знай.

Записано тамъ же, 18 августа.

*) черезъ друзей досталъ.

VII.

МОША.

МОША.

LXVI.

ШВЕЦОВЪ.

Николай Михайловичъ Швецовъ, крестьянинъ дер. Орьмы, Лимскаго прихода (сосѣдняго съ Мошенскимъ), 65 лѣтъ, грамотный. Его дѣдъ, Леонтій Игнатьевичъ, славился какъ знатокъ былинъ; занимаясь преимущественно рыболовствомъ на р. Мошѣ, онъ бралъ съ собою внука, который тутъ и наслышался отъ него былинъ, потому что дѣдъ, во время рыбной ловли, почти всегда пѣвалъ. Самъ Швецовъ мало занимается рыболовствомъ, а болѣе «крестьянствуетъ», по зимамъ же обыкновенно ѣздитъ къ Бѣлому морю, въ Сороку, покупать тамъ сельдей, которыя доставляетъ для продажи въ Вельскъ, Верховажье и Вологду. Онъ одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ и уважаемыхъ крестьянъ въ его мѣстности. Одинъ изъ его сыновей, по словамъ Швецова, перенялъ почти всѣ былины, которыя онъ знаетъ.

—

304

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ И КАЛИНЪ ЦАРЬ.

А й вѣдь чужда Калинъ Смарадоновичъ
Собиралъ онъ силы съ сорока земель,
Съ сорока земель и съ сорока царей,
Со *и*каженнымъ силы по сту тысячей,
А съ самимъ собакою сила́ несчетная.
Поднимался онъ чужь да на святую Русь,
На святую Русь, на красенъ Кіевъ градъ,
Не дошелъ до Кіева пятнадцать верстъ,
Розоставилъ онъ шатры бѣлополотняны,
Выбиралъ татарченка малава,
Которой по-русьски умѣлъ говорити,
Онъ гораздъ толмачить по татарскому,
Онъ и писалъ ему грамоту скорописчату,
А на верхъ словами наговаривалъ:
— Ты поди, татарченко, во Кіевъ градъ,
— Ты поди ко князю ко Владиміру,
— Да поди въ палаты бѣлокаменны,
— Отворяй ты двери ты на́ пяту,
— Не клади креста ты по писаному,
— Не веди поклона по ученому,
— А Владиміру князю ты не кланяйся,
— Да й княгини Опраксіи такожде,
— Выкидай ты грамоту на дубовый столъ,
— Да й на верхъ словами наговаривай:
— «Ужъ ты ой Владиміръ столенъ-кіевски!
— «Выбирайсе изъ города изъ Кіева,
— «Аль встрѣчай собаку царя Калино». —
Онъ пошелъ татарченко во Кіевъ градъ,
Да й приходитъ ко князю ко Владиміру,
Онъ заходитъ въ палаты бѣлокаменны,
Не кладетъ креста онъ по писаному,
Не ведётъ поклона по учёному,
Онъ Владиміру князю не кланялся,
Да й княгины Опраксіи такожде,
Выкидалъ онъ грамоту на дубовой столъ,

А онъ самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты ой Владиміръ столенъ-кіевской!
«Выбирайся изъ города изъ Кіева,
«Али стрѣчай собаку царя Калина.
«Ты мости мосточки каленыя,
«Усыпай песочками желтыма,
«Утяни всё сукна багречевыя,
«Убивай гвоздьёмъ шеломчатымъ,
«Да куда итти куда ѣхати,
«Самому собакѣ царю Калину.»
А вѣдь тутъ Владиміръ призадумался,
Онъ задумался и запечалился,
Собиралъ онъ скоро князь почестной пиръ,
Да онъ самъ говорилъ же таково слово:
— Ужъ вы ой князья вы мои бояра,
— Вы сильнй могучіи богатыри,
— А й всѣ поляницы вы удалыи,
— Пособите князю думу думати,
— Выбираться изъ города изъ Кіева,
— Али намъ съ собакой попротивиться. —
А большей хоронится за среднево,
А средній хоронится за меньшево,
А отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
Изъ тово ли стола было изъ заднево,
Да изъ той скамельки бѣлодубовой,
Выставалъ удалой доброй молодецъ,
А вѣдь храбрыя сударинъ Илья Муромецъ,
Да онъ самъ говорилъ таково слово:
«Ужъ ты ой Владиміръ столенъ-кіевской!
«Когда заведенъ ты князь почестной пиръ,
«Тогда много есть у тебя думщиковъ,
«Много думщиковъ, много совѣтниковъ,
«А теперь вѣдь нѣту ни единово.
«Еще я тебѣ да что придумаю,
«Я придумаю да присовѣтую:
«Ты дари татарченка шубою,
«Ево шубою ты соболиною,
«Ты дари татарченка шапкою,
«Ево шапкой чёрной мурманкой,
«А осиста пушиста была завѣсиста,
«Насыпай ему мису злата серебра,
«Я поѣду просить строку на три годичка,
«Къ самому собакѣ къ царю Калину.»
Онъ сѣдлалъ-уздалъ скоро добра коня,
Да й поѣхалъ Илеюшка во чисто полё,
А Владиміру князю онъ наказывалъ:
«Запирай ворота ты на крѣпко.»
Онъ пріѣхалъ къ собакѣ царю Калину,
Онъ заходитъ Илеюшка во бѣлъ шатеръ:
«Ужъ ты чужь да Калинъ Смарадоновичъ,
«А ты дай намъ строку на три годичка —
«Намостить мосточки каленыя,
«Усыпать песочками желтыма,
«Утянуть всё сукна багречевыя,
«Убивать гвоздьёмъ шеломчатымъ,
«Да куда встрѣчать собаку царю Калину,
«А куда итти да куда ѣхати,
«Самому собакѣ царю Калину.»
— Я не дамъ вамъ строку на три годика. —
«Ты хоть дай намъ строку на полъ-годичка.»
— Я не дамъ вамъ строку на полъ-годичка. —
«Ты хоть дай намъ строку на три мѣсяца.»
— Я не дамъ вамъ строку на три мѣсяца. —
«Ты хоть дай намъ строку на три денечка.»
— Я не дамъ вамъ строку на три денечка. —
А проговоритъ татарченко малоё:
«Ужъ ты чужь да Калинъ Смарадоновичъ,
«А безстрочныхъ людей-то вѣдь на свѣтѣ нѣтъ.»
Онъ вѣдь далъ имъ строку на три денечка.
А й поѣхалъ Илеюшка отъ бѣла шатра,
Онъ вѣдь тутъ Илеюшка роздумался,
Онъ роздумался и запечалился:
«Не знай въ Кіевъ ѣхать, не знай — во чисто поле,
«Я поѣду развѣ да въ чисто полё,
«А искать поѣду своёво дядюшки,
«Дядюшки Самсона Нанойловича.»
А онъ ѣздилъ день да и до вечера,
Да не могъ наѣхать своёво дядюшки.
А стоитъ гора да превысокая,
Да вѣдь тутъ Илеюшка раздумался:
«Я выѣду на гору на высокую,
«Я поѣду впрямъ да со крутой горы,
«Упаду ли я да со добра коня,
«Ушибуся я о сыру землю,
«Хошь бы мнѣ не отъ собаки скору смерть принять.»
А онъ выѣхалъ на гору на высокую,
А онъ здрѣлъ-смотрѣлъ да на всѣ стороны,
А увидѣлъ въ поли стоятъ бѣлы шатры,
А вѣдь бѣлыя шатры полотняныя,
А вѣдь маковки были золочёныи,
Да й поѣхалъ Илеюшка ко бѣлымъ шатрамъ,
Ажно тутъ въ шатрѣ ево дядюшка,
Ево дядюшка Самсонъ Нанойловичъ,
Да проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
«Ужъ ты ой родимой ты мой дядюшко,
«А поѣдемъ скоро въ красенъ Кіевъ градъ,
«Обступилъ собака красенъ Кіевъ градъ.»
А проговоритъ Самсонъ Нанойловичъ:
— Ужъ ты ой любезной мой племянничекъ,
— Отказалъ меня Владиміръ князь отъ Кіева.—

А проговоритъ Илья Муромецъ:
«Не для Владиміра князя со княгиною,
«Для Божьихъ церквей для монастырей,
«Для сиротъ-то маленькихъ дѣточокъ.»
Закрычалъ Самсонъ да громкимъ голосомъ:
— Ужъ вы ой, мои слуги вѣрныя,
— Вы двѣнадцать сильніи богатыри,
— Вы сѣдлайте-уздайте скоро добрыхъ коней.—
А срядились они да и поѣхали.
Не доѣхали до Кіева пятнадцать верстъ,
Сходилъ Самсонъ со добра коня,
Розоставили шатры бѣлополотняны,
Онъ ложился спать опочивъ держать,
А Илеюшки Муромцу недосугъ вѣдь спать,
Онъ вѣдь билъ коня съ поры на́ пору,
Онъ вѣдь скачетъ конь съ горы на́ гору,
Онъ пріѣхалъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
Обступила сила красенъ Кіевъ градъ,
А вѣдь бьютъ въ колоколы да во плакущія,
Проклинаютъ Илеюшку Муромчо,
Не велѣлъ выбираться да намъ изъ Кіева,
А теперь приходитъ смертка скорая.
У Илеюшки побоища не случилосе,
Ухватилъ татарина онъ за́ ногу,
Да й началъ татариномъ помахивать,
Онъ вѣдь гдѣ махнётъ тутъ и улочка,
А назадъ отмахнётъ переулочекъ,
Да и отбилъ онъ силу на три поприща.
Тутъ забили въ колоколы да въ радущія,
Моля здравія здоровья, вѣку долгаго
А за свѣта сударя Илью Муромча.
Да й проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
«Ужъ ты ой Владиміръ столенъ-кіевской,
«Ты подай съ полицы мнѣ-ка тугой лукъ,
«Ты подай съ польца́ мнѣ калену́ стрѣлу.»
Да й натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,
А накладывалъ стрѣлочку каленую,
А онъ самъ ко стрѣлки приговаривалъ:
«Полети моя ты калена стрѣла,
«Далеко́ далече во чисто полё,
«Не пади не на́ воду не на́ землю,
«Пади къ дядюшки Самсону на бѣлы груди,
«А сбуди его да отъ великаго сна.»
Ото сна Самсонъ пробужается,
Закрычалъ Самсонъ громкимъ голосомъ:
— Ужъ вы ой мои слуги вѣрныя,
— Вы двѣнадцать сильнія богатыри,
— Пошто ѣхали мы-то и проспали,
— А мы выдали Илью Муромча,
— Вы сѣдлайте-уздайте скоро добрыхъ коней.—
А срядились они да и поѣхали,
Да й пріѣхали во красенъ Кіевъ градъ.
А проговоритъ Самсонъ Нанойловичъ:
— Ужъ ты ой любезной, мой племянничокъ,
— Поѣзжай теперь ты во чисто полё,
— А ложись ты спать да опочивъ держать,
— А мы будемъ здѣсь оберегатели. —
Онъ поѣхалъ Илеюшка въ чисто полё,
Онъ розставилъ себѣ скоро бѣлъ шатеръ,
А ложился спать и опочивъ держать.
Онъ вѣдь спалъ девять дней да и девять нощей
Поутру ставаетъ ево добрый конь,
Онъ провѣштвуетъ языкомъ человѣческимъ:
— Ужъ ты ой любезной мой хозяйнушко,
— Мнѣ ночёсь коню добру мало́ спалось,
— А мало́ спалось, да много видѣлось,
— Будто копаетъ Калинъ Смарадоновичъ,
— Онъ копаетъ три подкопи глубокія,
— Упаду я доброй конь въ перву́ подкопь,
— А я самъ-то добро́й конь выскочу́,
— Тебя добраго молодца вынесу;
— Упаду я доброй конь во втору́ подкопь,
— А я самъ-то доброй конь выскочу,
— Тебя добраго молодца вынесу;
— Упаду я доброй конь въ третью́ подкопь,
— Я вѣдь самъ-то доброй конь выскочу,
— Тебя добраго молодца не вынесу. —
А проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
«А тебѣ не спалось дакъ тебѣ видѣлось,
«А вѣдь мнѣ Илеюшки на здоровьицо.»
Онъ сѣдлалъ-уздалъ скоро добра коня,
Да поѣхалъ Илеюшка изъ чиста поля.
А упалъ ево доброй конь въ перву́ подкопь,
А онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
Ево доброво молодца выносилъ;
Да упалъ онъ доброй конь въ втору подкопь,
Онъ вѣдь самъ-то доброй конь выскочилъ,
Ево добраго молодца выносилъ;
Да упалъ онъ доброй конь въ третью́ подкопь,
Да онъ самъ вѣдь доброй конь выскочилъ,
Ево добраго молодца не выносилъ.
Тутъ схватали-сымали вѣдь добраго молодца
Да й сковали въ желѣза во нѣмецкія,
А въ ручныя въ ножныя да и въ заплечныя,
Повели къ собакѣ къ царю Калину.
А проговоритъ чужда Смародоновичъ:
— Ужъ ты ой Илеюшка Муромецъ,
— У меня вѣдь есть двѣ дочери,
— Ты посватайся на мо́ихъ дочеряхъ,
— Я любую отдамъ за тебя замужъ. —
Говорилъ Илеюшка не съ упадкою:
«Ужъ ты чужда Калинъ Смарадоновичъ,

«Не случилось у меня сабли вострыя,
«Я посватался бы на твоей шеи.»
Да на толи чужда порозсердился,
Приказалъ вести да во чисто поле —
Отрубить ему буйну голову.
Повели Илеюшку въ чисто полё,
Да вѣдь вывели ево во чисто полё,
Онъ стряхнулся Илеюшка Муромецъ,
Всѣ нѣмецкія желѣза попадали,
А ручныя ножныя да и заплечныя.
А вѣдь тутъ Илеюшка на воли сталъ.
У Илеюшки побоища не случилосе,
Ухватилъ татарина онъ за ногу,
Да началъ татариномъ помахивать.
Онъ гдѣ махнетъ а тутъ и улица,
Назадъ отмахнётъ — тутъ переулочекъ,
А прибилъ онъ силы и смѣту нѣтъ.
Самъ пошолъ Илеюшка во Кіевъ градъ,
Да приходитъ ко князю ко Владиміру.
А вѣдь тутъ Самсонъ и Напойловичъ,
А съ двѣнадцатью онъ богатырями.
Они стали метати во жеребей,
Да кому итти по праву руку,
А кому итти по лѣву руку.
На паю Илеюшки не обидѣли,
Доставалось итти по серёдкѣ по матицы
Противо собаки царя Калина.
Выходили они да во чисто полё
Они стали силу бить какъ траву косить,
А прибили силу всю до единово,
Не оставили и не единово,
Самого собаку царя Калина
А отсѣкли ему да руку праную,
Отрубили ему да ногу лѣвую,
Да вѣдь выкопали ему-то вѣдь правый глазъ,
Посадили ево да на добра коня,
Да спустили ево да во чисто полё:
«А ты ѣзди вѣкъ да и по вѣку,
«А мы будемъ за Кіевъ обстоятели
«Отъ всѣхъ сторонъ оберегатели.»

Записано на Мошѣ, 24 августа.

—

305.

ТРИ ПОѢЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА.

А старыя сударинъ Илья Муромецъ,
Хорошъ былъ у старова доброй конь,
А онъ ѣздилъ въ чистомъ полѣ день до вечера,
А темную ночь до бѣла свѣту,
Да наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ три дороженки,
Три дорожки наѣхалъ три розстанюшки.
На розстаняхъ лежитъ тамъ вѣдь бѣлъ камень,
На камешкѣ подпись написана:
«А въ дорожку ту ѣхать — богату быть,
«Въ другую ту ѣхать — женату быть,
«А во третью ѣхать — убиту быть.»
А тутъ вѣдь какъ старъ порозсудумался,
Да въ которую дорожку будетъ ѣхати:
«На что мнѣ-ка старому богачество?
«Я самъ-то умру животъ останется,
«Животомъ-то владѣть будетъ некому.
«А по что мнѣ старому женитися?
«А женитися мнѣ — не нажитися,
«Худой-то мнѣ взять — не захочется,
«А хорошая-то взять — такъ чужа корысть.
«Поѣду въ ту дорожку, гдѣ убиту быть,
«А убитому быть и замучену,
«А души-то со тѣломъ быть разлученой.»
А онъ ѣхалъ по пути по дороженки,
Наѣхалъ стаметниковъ разбойниковъ,
Не мало число сорокъ тысячей.
Говорятъ эти стаметники разбойники:
— Это что-ли за шаль къ намъ пріѣхала,
— Съ коня-то вѣдь снять ево нѣково,
— Да развѣ взять-то у старово нечево. —
Говорилъ съ нима старъ не съ упадкою:
«А вы глупыя стаметники разбойники!
«Съ коня-то вѣдь снять ево нѣково,
«Да и взять вамъ у старово нечево,
«Одна кунья вѣдь шубочка въ пятьсотъ рублей,
«По карманамъ казны сорокъ тысячей,
«А доброму коню и цѣны вѣдь нѣтъ,
«А мезъ уши вплетанъ былъ свѣтёлъ камень,
«Онъ не ради красы молодецкія,
«А онъ ради вѣдь ноченки темныя.
«Осередь-то вѣдь было темной ноченки
«Розстрѣлялъ я всѣ стрѣлки каленыя,
«Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ.»
Да натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,
Накладывалъ стрѣлочку каленую,
Да стрѣлялъ онъ вѣдь стрѣлку въ сыру землю,
Рвала стрѣла землю въ косу сажень,
Тому они весьма испугалисе,
Со дубовъ они на землю попадали,
Да сами говорятъ таково слово:
— Одно красное солнцо на бѣломъ свѣтѣ,
— Одинъ сильней богатырь Илья Муромецъ,
— А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
— Бери ты казны колько надобно,
— Да табунъ лошадей ты любыхъ бери,

— А спусти ты насъ, свѣтъ, по своимъ домамъ,
— Да къ отцамъ, къ матерямъ, къ молодымъ женамъ,
— Не будемъ мы стоять при пути при дороженкѣ,
— Проливати вѣдь кровь христіанскую. —
Натягивалъ Илеюшка тугой лукъ,
Да накладывалъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ онъ стаметниковъ разбойниковъ,
Прибилъ онъ вѣдь всѣхъ до единово,
Не оставилъ онъ тутъ ни единово.
Да оттудова назадъ онъ ворочался,
На камешкѣ подпись переписывалъ:
«Хоть я ѣздилъ въ дорожку мнѣ-ка смерти нѣтъ,
«Росчистилъ дорожку широкую.»
Да поѣду въ ту дорогу гдѣ женату быть.
Доѣхалъ, стоятъ теремы высокія,
Идетъ вѣдь толпа красныхъ дѣвушекъ.
Выходила тутъ прекрасна королевична,
Брала ево за руки за бѣлыя;
За тѣ ли за перстни злаченыя,
Повела ево въ высоки новы теремы,
Садила за столы за дубовыя,
Да поила-кормила хлѣбомъ-солію:
— Ты гой еси удалой доброй молодецъ,
— Пожалуй со мною опочинуться
— На ту на кроватку тисовую
— Да на ту ли на перину пуховую. —
Привела она во спальню во теплую,
Да сама говоритъ таково слово:
— Ты къ стѣнкѣ ложись, я на край съ тобой.—
А видитъ Илеюшка Муромецъ,
Онъ видитъ, что кроватка фальшивая,
Фальшивая кроватка, подломная.
Ухватилъ какъ онъ прекрасну королевичну,
Да онъ бросилъ на кроватку тисовую
На ту ли на перину пуховую,
Да и въ тотъ часъ кроватка подломилася,
Упала она во погребы глубокія,
Оттудова назадъ онъ ворочался,
Пошолъ онъ во погребы глубокія,
У дверей онъ придверниковъ не спрашивалъ,
У воротъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
Вѣсучія замочки онъ на руку беретъ,
Подворотенки ногами вышибывалъ,
Отворялъ онъ воротца широкія,
Побралось тамъ вѣдь много князьей *) да бояръ
Много сильныхъ могучихъ богатырей.
Проговоритъ Илеюшка Муромецъ:
«Проздравляю васъ съ прекрасной королевичной.»

*) такъ вездѣ.

Они молятъ здравія здоровья вѣку долгаго
Да за свѣта сударя Илью Муромца,
Проклинаютъ всё прекрасну королевичну,
Отрубили королевны руку правую,
Отсѣкли королевны ногу лѣвую,
Посадили ея на добра коня,
Спустили ея во чисто полё.

(Дальше не знаетъ).

Записано тамъ же, 24 августа.

—

306

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Повышла, повышла-повыкатила
Наша славная матушка быстра Волга рѣка,
Много она рѣкъ и ручьей побрала.
Широкъ перевозъ подъ Нижнимъ городомъ,
Поширь-подалъ подъ Вастраканью;
Долгіе плеса Чижиковскія,
Высокія горы Сорочинскія,
Темныя лѣсы Смоленскія.
Ростояньица шла она три тысячи,
А устьевъ ровно она семьдесятъ дала
Во славное морё во Персидское.
Это вѣдь Добрынюшки не сказочка.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова князя Владиміра
Было столованьё почестной пиръ.
Да самъ государь князь роспотѣшился,
Выходилъ онъ на крылечко на красное,
Приходитъ въ палату розговариватъ:
— Гой вы есть князья мои бояра,
— Вы сильніи могучи богатыри,
— Да всѣ поляницы удалыи!
— Ково намъ послать будё въ чисто поле —
— Стоять на заставы на крѣпкія,
— Биться со невѣжей во чистомъ полѣ,
— Пишетъ вѣдь невѣжа за угрозою ко мнѣ. —
Большой-отъ хоронится за среднево,
Середней хоронится за меньшево,
Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
Изъ тово стола было изъ задняво
Выставалъ удалой доброй молодецъ
Храбры сударинъ Илья Муромецъ,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
«Хоть долго молчать да говорить же будё.

«Вчара́ я пріѣхалъ изъ чиста поля,
«Стоялъ на заставѣ двѣнадцать лѣтъ,
«Бился со невѣжей во чистомъ полѣ,
«У ево ли у невѣжи крылатой конь.»
А службу-работу накладывали
На премладова Добрыню Микитича,
А ѣхать Добрыни во чисто́ полё,
Стоять на заставѣ ему шесть годовъ,
Биться со невѣжей во чистомъ полѣ.
Пошолъ вѣдь Добрынюшка домо́й со пиру́,
Не веселъ пришолъ онъ не радоченъ.
Матушка Добрыни вѣдь спрашиватъ:
— Что же ты Добрынюшка Микитьевичъ
— Не веселъ пришолъ и не радоченъ?
— Мѣсто тебѣ было не по разуму,
— Чара-та была развѣ не рядовая,
— Княгина въ пиру развѣ обезче́стила тебя. —
«Гой еси родитель моя маменька!
«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгина въ пиру не обезчестила.
«На что такова меня споро́дила,
«Силою родила м'ня не сильняво,
«Кра́сотой родила не кра́сиваво,
«Счастьицомъ да не счастливаго.»
Проговоритъ родитель ево маменька;
— Гой еси Добрынюшка Микитьевичъ,
— Какъ бы я могла тебя споро́дить молодца
— Силою въ Самсонища сильняво,
— Красотою я въ Осипа прекраснова,
— Смѣлостью въ Илеюшку Муромца,
— Богачествомъ въ Дюка Степановича,
— Пощапкой въ Чурила сына Плёнковича,
— Премудростью въ Соло́мона премудраго,
— Кудрями въ царища Кудреянища, —
— Такова-то тебя, дитятко, Госпо́дь же спородилъ. —
Прощается Добрыня съ своей маменькой,
Напаче со своей онъ молодой женой.
Молодой жены Добрыня нака́зываетъ:
«Гой еси моя молода жена!
«Пройдетъ какъ вѣдь времечка шесть годовъ,
«Не вѣсти не будетъ, ни грамотки,
«Такъ тебѣ, Авдотья, своя́ воля:
«А хошь ты, Авдотья, вдовой сиди,
«А хошь ты, Авдовья, замужъ поди,
«Прибирай ты молодца́ супротивъ меня;
«Не ходи ты за Алёшу Поповича,
«Алёша Поповичъ мнѣ-ка крестный братъ,
«А крестный-отъ братъ паче ро́днаго.»
Поѣхалъ Добрынюшка въ чисто́ полё,
Стоялъ на заставы на крѣпкія,
Бился со невѣжей въ чисто́мъ полѣ,
У ево ли у невѣжи крылатый конь.
Прошло вѣдь какъ времечка шесть годовъ,
Не конново нѣту, не пѣшево,
Ко славному городу ко Кіеву
А не съ кѣмъ послать ему вѣсточки,
А не съ кѣмъ послать ему грамотки.
Алёша Поповичъ догадливъ былъ,
Онъ ѣздилъ Алёша въ чисто́мъ полѣ,
Пріѣхалъ онъ къ князю розска́зываетъ:
— Убитъ лежитъ Добрынюшка въ чистомъ полѣ,
— Буйной головой въ ракитовъ кустъ,
— А рѣзвыя ноженки въ ковыль травы,
— Сабелька лежитъ на сырой земли,
— А добрый конь ходитъ во чистомъ полѣ,
— Черны вороны вѣдь тѣло ево притрынкали,
— Пойдемъ же, Владиміръ, станемъ свататься
— На Добрынниной на молодой жены. —
Пришли на Авдотьи стали свататься.
Авдотьи итти не хотѣлосе,
На силу Владиміръ понево́лилъ ей итти.
Въ пятницу было рукобитьице,
Въ суботу было у нихъ сватовство *),
Въ воскресенье-то у нихъ буде свадебка.
Премладый Добрынюшка Микитьевичъ
Износилъ Добрыня платье своё цвѣтноё,
Надѣвалъ на себя платьё звѣриное,
Поѣхалъ Добрыня изъ чиста поля,
Наѣхалъ Добрыня въ полѣ бѣлъ шатеръ.
Ко бѣлу шатру Добрыня приворачивалъ,
Ажно тутъ въ шатрѣ Илеюшка Муромецъ.
Первое сло́вчо нерадошно:
«Твоя-то жена вѣдь замужъ пошла
«За премладаго Алёшу Поповича,
«Авдотьи итти не хотѣлосе,
«На силу Владиміръ понево́лилъ ей итти,
«Во пятницу было рукобитьице,
«Въ суботу у нихъ было сватовство,
«Въ воскресеньё у нихъ дакъ буде свадебка.»
Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
Поѣхалъ Добрыня отъ бѣла́ шатра
Ко славному городу ко Кіеву.
Поѣздку даваетъ лучше прежнаво:
Скачетъ конь по вёрсты по мѣрныя,
Ископыть по ямы по рѣпныя.
Пріѣхалъ Добрынюшка во Кіевъ градъ,
Пришолъ онъ къ родитель своей маменькѣ,
Матушка Добрыни не у́знала:

*) такъ поётъ.

— Гой еси удалый добрый молодецъ!
— Коей ты орды а ты коей земли,
— Какъ же вѣдь тебя именемъ зовутъ
— А какъ звеличаютъ изъ отечества? —
На Добрынюшки была замѣточка,
На бѣломъ лицѣ была барýздинка,
Узнала родитель ёво матушка:
— Обогрѣло меня красное солнышко,
— Потухъ у насъ младой-отъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
— Твоя-та вѣдь жена да замýжъ пошла.
— Авдотьи итти не хотѣлосе,
— Насилу Владиміръ поневóлилъ ей иттй,
— Въ пятницу было рукобитьице,
— Въ суботу у нихъ было сватовство,
— Сёводня у нихъ да йдетъ свадебка. —
Не досугъ Добрыни долго разговаривать:
«Гой еси родитель моя маменка!
«Пóдай мнѣ-ка платье скоморочиноё,
«Подай мнѣ-ка доску гусельную,
«Подай мнѣ шалыгу подорожную,
«Пойду я къ Алёши на свадебку.»
Приходитъ въ палаты бѣлокаменныя,
Отворяетъ двери онъ на пяту,
А крестъ-отъ кладетъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ по учёному,
На всѣ онъ вѣдь стороны поклонятся,
Владиміру князю на особинку.
Садился на печку на муравленую,
Дай й началъ играть онъ вѣдь въ гýсельцы:
Струночку играетъ отъ синя́ моря,
Другую играетъ отъ Царя-града,
А третьюю отъ Ерусалима,
А всё похожденьицо Добрынюшкино.
Не кто-ли тому не догадается,
Добрынина жена вразумляется.
Владиміру игра полюбилась:
— Гой еси удалой доброй молодецъ!
— Любо тебѣ мѣсто подлй меня — садйсь,
— Друго тебѣ мѣсто — супротивъ меня,
— А третьеё мѣсто — куды хóчешь ты садйсь.—
Садился Добрынюшка въ скамелечку
Противо Авдотьи Микулины.
Премлада Авдотья Микулична
Налила стоканъ зелена вина,
Подавала она Добрыни Микитичу,
Бралъ онъ вѣдь стоканъ единóй рукой
Выпивалъ стоканъ на единый духъ,
Положилъ въ стоканъ Добрынюшка злаченъ перстень,
Наливалъ стоканъ зелена вина,
Подносилъ Авдотьи Микуличны,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
«Пить до дна — такъ видать добра,
«А не пить до дна — не видать добра.»
Брала она стоканъ единой рукой,
Выпила стоканъ на единый духъ,
Брала вѣдь Авдотья злачёнъ перстень,
Наложила на руку на правую,
Сама говоритъ таково слово:
— Этимъ мы съ Добрыней обручалисе.
— Не тотъ мнѣ-ка милъ, кой подлй меня сидйтъ,
— А тотъ мнѣ-ка милъ, кой супротивъ меня,
— Премладый Добрынюшка Микитьевичъ. —
Не досугъ Добрыни долго разговаривать,
Хватилъ какъ Алёшу за желты кудри,
Черезъ столъ бросилъ на чéреду *) кирпичную,
Да началъ шалыгой охобачивать:
Въ охканьѣ нé чуть бухканья,
А въ бухканьѣ дакъ нé чуть охканья.
Прибилъ онъ Алёшу до полу-смерти,
Только Алёшенька женатъ бывалъ,
Лучше бы Алёши не родитися,
Родитися, мнѣ бы не женитися,
Всякъ-то на сёмъ свѣтѣ женится,
Не всякому женитьба издается.
Премладый Добрынюшка Микитьевичъ
Бралъ онъ вѣдь Авдотью за праву руку,
Пошолъ онъ къ родитель своей маменькѣ,
Да сталъ онъ жить быть да вѣкъ коротати,
Отнынѣ живётъ да и дó вѣку.
А мы вѣдь Добрыню въ старинáхъ поёмъ,
Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай!

Записано тамъ же, 24 августа.

—

307.

ИВАНЪ ГОДИНОВИЧЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У князя Ивана Васильевича
Было столованьё почестной пиръ.
А самъ государь князь роспотѣшился,
Выходилъ середь полаты бѣлокаменной,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
— Гой вы есть мой князья бояра,
— Сильніи могучіи богатыри,
— Да всѣ поляницы удалыи!
— Есть у меня три добры́я три коня,

*) полъ.

— Кто ударится со мною о великъ закладъ,
— Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ —
— Изъ Кіева ѣхать въ Черниговъ градъ,
— Изъ Чернигова ѣхать въ чисто́ поле́,
— Изъ чиста поля ѣхать во Кіевъ градъ,
— Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую. —
Большей-отъ хоронится за средняво,
Сере́дней хоронится за меньшево,
Отъ меньшево князю отвѣту нѣтъ.
Изъ тово стола было изъ заднева,
Изъ той ли скамельки бѣлодубовой
Выставалъ удалой доброй молодецъ
Премладый Иванушко Годиновичъ,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
«Гой еси князь Иванъ Васильевичъ!
«Есть у меня маленькой бурушко,
«Селяточкомъ купленъ былъ за́ моремъ,
«За селяточка дано было пятьсотъ рублей,
«Съ пошлиной съ провозомъ сталъ въ тысящу.
«Я ударюся съ тобою о великъ закладъ —
«Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ.»
Написали записи крѣпкіе,
Къ записямъ-то руки прикладывали.
По князѣ-то всѣ поручаются,
По Иванѣ-то никто не поручается,
Поручилося двѣ голи двѣ кабацкія,
Пошолъ вѣдь Иванушко домо́й да со пиру́.
Матушка Ивана вѣдь спрашиватъ:
— Что же ты не веселъ не ра́доченъ пришо́лъ?
— Мѣсто было тебя не по разуму,
— Али чара-то́ была развѣ не рядовая,
— Княгина въ пиру развѣ обезче́стила тебя́? —
Проговорилъ Иванушко Годиновичъ:
«Гой еси родитель моя маменька!
«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгина въ пиру не обезчестила.
«Я самъ во хмѣлю призахвастался,
«Ударился со княземъ о великъ закладъ —
«Розъѣзжать вѣдь намъ на добрыхъ коняхъ,
«Князь прописалъ золоту казну,
«А я прописалъ буйну го́лову свою́.»
Проговоритъ родитель е́во маменька:
— Поди на конюшню стоялую,
— Падай малу бурушку въ ноженки,
— Чтобы збавилъ онъ хозяина отъ смёрточки. —
Пошолъ онъ на конюшню стоялую,
Падалъ малу бурушку въ ноженки.
Онъ провѣщтвуетъ язы́комъ человѣческимъ:
— Гой еси любезный мой хозяйнушко!
— Выпусти меня во чисто поле́:
— Поѣсть-то вѣдь мнѣ муравой травы,
— Попить-то вѣдь мнѣ ключевой воды. —
Конь наѣлся-напился онъ домой идетъ,
Самъ провѣштвуетъ языкомъ человѣческимъ:
— Гой еси любимый мой хозяйнушко!
— Сѣдлай-уздай ты скоро добра коня,
— Поѣзжай ко князю на широкой дворъ,
— Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую,
— Станови добра коня середи двора,
— Приказана станови а не привязана,
— Самъ соболину шубочку порывай *),
— Маленьково бурушка подрачивай. —
Сѣдлалъ-уздалъ онъ скоро́ добра коня,
Поѣхалъ ко князю на широкой дворъ,
Не воротами прямо, черезъ стѣну городовую,
Становилъ добра коня середи двора,
Приказана становилъ, а не привязана,
Самъ соболину-ту вѣдь шубочку порыватъ,
Маленькаво бурушка подрачиватъ.
Набралось тутъ много князе́й да бояръ,
Сами говорятъ таково слово:
«Пропала у Ивана буйна голова.»
Донесли вѣдь князю Ивану Васи́льевичу́.
Выходилъ вѣдь князь на широкій дворъ,
Да самъ говорилъ онъ таково слово:
— Гой еси мои слуги вѣрныя!
— Выпущайте коней вы на́ берегъ. —
Бѣжатъ ево кони со ярости,
Хотятъ мала бурушка на сме́рть да затоптать,
Хотятъ мала бурушка на сме́рть залягать.
Какъ маленькой бурушко справился,
Закусилъ онъ губу ту нижнюю,
Ударилъ копытомъ о сыру землю,
Мать-земля пріудрогнула,
Красное крылечко разсыпалось,
Всѣ князья-бояра попадали,
Златогривова коня онъ на сме́рть затоптàлъ,
Сивогриваво коня онъ на сме́рть залягàлъ,
Полоне́ной воронко́ Ильи Муромца,
Полоненой воронко одва выскочилъ.
Приходитъ вѣдь князь Иванъ Васильевичъ,
Бьётъ онъ челомъ до сырой земли:
— Спасибо, Иванушко Годиновичъ!
— Спасибо на маленькомъ бурушкѣ,
— Не́ на комъ мнѣ ѣхать въ чисто́ поле,
— Получай поди со князя золоту казну. —
Получилъ вѣдь онъ Иванъ и золоту казну,
Зашелъ онъ въ канторы питейныя,
Откупилъ двѣ бочки зелена вина:

*) гоняхивай.

«Гой вы есть мои поручители!
«Пейте зелено вино безденежно.»
Садился Иванъ на добра коня,
Поѣхалъ къ родитель своей матушкѣ.
Да сталъ онъ вѣдь жить быть да вѣкъ коротать,
Отнынѣ живётъ да и до́ вѣку.

Записано тамъ же, 24 августа.

—

308.

ХОТЕНЪ БЛУДОВИЧЪ.

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ
У ласкова у князя у Владиміра
Было сто́лованьё почестной пиръ.
Да было у князя во честно́мъ да во пиру̀
Двѣ славны двѣ богаты двѣ Часо́выя вдовы̀.
Первая славная Часо́вая вдова,
Вторая богатая Збу́дова жена̀.
Наливала она чару зелена вина,
Заливала чарочку сладкимъ медомъ,
Засыпала чару бѣлымъ сахаромъ,
Подносила эту чарочку Часо́выя вдовы̀:
— Ты славна богата Часо́вая вдова,
— Выпьемъ мы по чары зелена вина,
— Да мы вѣдь за чары̀ порозго́воримся съ тобо̀й.
— У тебя ли у вдовы есть вѣдь де́вять сыновѐй,
— Будто ясные хороши твои соколы. —
«Еще у вдовы есть единака дочь,
«Премлада Чадиночка Часо́венная.»
— У меня ли у вдовы есть единокій сынъ,
— Премладый Хотеюшко сынъ Збудовичъ.
— Отдай-ко ты Чадиночку Часо́венную
— За моево Хотея любимой семьей. —
На то ли вдова порозсе́рдилася,
Бросила она чару зелена вина,
А платьё-то всё перепозорила,
Пристрамила она Хотея, въ безче́стьицо ввела̀,
Называла она вороной погумённою.
На то ли вдова же порозсердилась,
Пошла вѣдь вдова домо́й со пиру̀,
Не ве́села пришла она не радо́чна.
Началъ вѣдь Хотей да е́е спрашивать:
— Гой еси родитель моя маменька!
— Что же ты не ве́села не ра́дочна пришла?
— Мѣсто было тебѣ не по разуму,
— Чара та была развѣ не рядо́вая,
— Княгина въ пиру развѣ обезчестила. —
Про́говоритъ родитель ево матушка:
«Мѣсто мнѣ-ка было по разуму,
«Чара-та была мнѣ-ка рядовая,
«Княгина въ пиру не обезчестила,
«А я за тебя Хотей посваталась
«У той ли у вдовы у Часовыя
«На премладыя Чадиночки Часовенныя,
«Пристрамила она тебя Хотей въ безчестьицо ввела,
«Называла она вороной погумённою.»
Проговоритъ Хотей своей маменькѣ:
— Гой еси родитель моя маменька!
— Напейся ты съ горя зелена вина,
— Ложись-ко ты спать опочивъ держать,
— Эту я насмѣшку отсмѣю́ся я вдовы̀. —
Вѣрному слуги онъ приказывалъ:
— Гой ты есь моя слуга вѣрная!
— Сѣдлай ты уздай скоро двухъ лошадей. —
Срядилися они да и поѣхали.
Видѣли они какъ садилися,
Не видали въ кою сторону поѣхали.
Приворачивали ко вдовѣ ко Часовыя.
Вдовы-то вѣдь дома не случилосе,
Девять сыновей дома не было,
Одна въ домѣ Чадиночка Часовенная.
Поѣхалъ Хотей на широкой дворъ,
У дверей придверниковъ не спрашивалъ,
У воротъ онъ приворотниковъ не слѣдовалъ,
Подворотенки ногами выпинывалъ.
Выходила тутъ Чадиночка Часовенная
На то на крылечко на красноё,
Сама говоритъ таково слово:
— Настояща ты ворона погумённая,
— Надъ нашимъ ты домомъ надсмѣхаешься. —
На то ли Хотей поразсердился,
Бралъ онъ вѣдь копьё буржомецкое,
А ратовьё было девяти сажонъ,
Хотѣлъ ударить по Чадиночкѣ Часовенной,
Ударилъ по крылечку по красному,
Росшибъ на щепу онъ на мелкую.
Оттудова назадъ онъ ворочался,
Поѣхалъ Хотей во чисто полё,
Розставилъ Хотей себѣ бѣлъ шатёръ,
Ложился онъ спать опочивъ держать,
Вѣрному слугѣ онъ наказывалъ:
«Гой еси слуга моя вѣрная,
«Поберется когда сила изъ Кіева,
«Тогда ты меня отъ сна́ разбуди̇̀.»
Часовая вдова домой прибыла,
Девять сыновей домой пріѣхали,
Чадиночка имъ и порозжалилась.
Проговоритъ вдова та Часовая:

— Ой вы сыновья мои ясны соколы!
— Убейте Хотея во чистомъ поли. —
Проговорятъ сыновья ея ясны соколы:
«Гой еси родитель наша маменька!
«Были мы во земли во Шведскія,
«Были у Хотея мы во вѣрныхъ во слугахъ,
«Не убить вѣдь намъ Хотея во чистомъ поли.»
На то ли вдова порозсердилась,
Бросалась въ сундуки окованыя,
Вымала вѣдь записи крѣпкія,
По которымъ были денежки роздавапы,
Собрала мужиковъ своихъ должниковъ:
— А вы мужики, мои должники!
— Убейте Хотея во чистомъ поли
— Во всѣхъ-то васъ денежкахъ Господь проститъ. —
Видятъ мужики, что бѣда пришла,
Дѣться мужикамъ стало некуда,
Срядилися они да и поѣхали.
Побралася сила изъ Кіева,
Началъ вѣдь слуга Хотея-то бужать.
Ото сна Хотей пробужается,
Садился Хотей на добра коня,
Бралъ онъ коньё буржамецкоё,
А ратовьё было девяти сажонъ.
Трёхъ-то вѣдь сыновъ у ей на смерть убилъ,
А шесть-то сыновъ онъ во полонъ побралъ:
«А вы мужики ея должники,
«Ваше-то вѣдь дѣло поневольноё,
«Скажите вдовѣ вы Часовыя,
«Этою вѣдь силою меня не взять.»
Самъ поѣхалъ онъ къ родитель своей матушкѣ.
Не хотѣлося вдовѣ покоритися,
Пришло вѣдь вдовы да поклонитися,
Пришла она къ Хотею низко кланялась:
— Премладый Хотеюшко сынъ Збудовичъ!
— Возьми мою Чадиночку Часовенную
— За себя возьми любимой семьей,
— Отдай мнѣ-ка шесть сыновъ изъ полону. —
Проговоритъ Хотей таково слово:
«Мнѣ твоя Чадиночка не надобно,
«Я за вѣрного слугу замужъ ея не возьму.»
Бралъ онъ вѣдь коньё буржамецкоё,
А ратовьё было девяти сажонъ,
Поставилъ тупымъ концомъ въ сыру землю:
«Засыпь это ратовьё златомъ-серебромъ,
«Отдамъ тебѣ шесть сыновъ изъ полону.»
Сбирала вдова злато серебро,
Шесть-то вѣдь сажонъ призасыпала,
А трёхъ-то вѣдь сажонъ мнѣ-ка не гдѣ взять.
Пошла она ко князю ко Владиміру
Займовати злата и серебра,
Выкупити шесть сыновъ изъ полону.
Проговоритъ Владиміръ столенъ Кіевской:
— Соберу я скоро князь почестной пиръ,
— Попросимъ Хотея на почестенъ пиръ,
— Не-что моево разговору онъ послушаетъ,
— Возьмётъ твою Чадиночку Часовенную,
— Отдастъ тебѣ шестъ сыновъ изъ полону. —
Собиралъ вѣдь скоро князь почестной пиръ,
Просили Хотея на почестенъ пиръ,
Да началъ Владиміръ уговаривать,
Послушалъ онъ князя Владиміра,
Да взялъ онъ Чадиночку Часовенную.
Да шли во Божью церковь обвѣнчалися,
Со той ли Чадиночкой Часовенныя,
Бралъ онъ вѣдь за руку за правую,
Повёлъ онъ къ родитель своей маменькѣ:
«Гой еси родитель моя маменька!
«Вотъ тебѣ Чадиночка Часовенная,
«Хоть ты держи ся подворницей,
«А хоть ты держи портомойницей,
«Какъ тебѣ надо-ть поворачивай.»
А мы вѣдь Хотея въ старинахъ поёмъ.
Ахъ дудай-дудай, больше впередъ не знай.

Записано тамъ же, 24 августа.

—

309.

СМЕРТЬ ЧУРИЛЫ.

Супротивъ праздника велика дни,
На канунѣ было Благовѣщенья,
Выпала пороха, снѣжокъ молодой.
По той по порохѣ, по бѣлу снѣжку,
Ходилъ тамъ вѣдь гулялъ купатъ*) молодецъ,
По имени Чурилушко сынъ Плёнковичъ.
Дорого на нёмъ было цвѣтно платьё,
Шапочка была соболиная,
На ножкахъ сапожки — зелёнъ сафьянъ,
Зелена сафьяну турецкаво,
Мудрово покрою нѣмецкаво,
Крѣпкаво шитья ярославскаво;
Около посочка — яичко катитъ
Подъ пяту Чурилу соловей пролетитъ.
Ходилъ-щапилъ по городу по Кіеву,
Красныя тѣ дѣвки вѣдь стёкла рвутъ,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,

*) не знаетъ.

На ево ли на дороднее дородинство,
Молоды молодки въ голенища сцатъ.
Старыя старухи вѣдь клюхи тѣ грызутъ,
Смотрючись да на Чурилкову на красоту,
На ево ли на дороднее дородинство.
Зашолъ-загулялъ онъ ко Бермятину двору,
Ко ему ли-то Бермяты высокому терему.
Бермяты во домѣ не случилосе,
Ушолъ къ благовѣщинской заутрины,
Одна въ домѣ Катерина дочь Микулична,
Отпирала она окошко косивчатоё,
Отворяла она околенку стокольчатую,
Сама говоритъ таково слово:
— Премладый Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
— Пожалуй ко мнѣ на высокъ теремъ. —
Отворяла она воротца широкія,
Пошли они въ высоки новы терема,
Брали они доску ту шахматную,
Да стали играти они шашками.
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
— Буде ты меня поиграешь, съ меня сто рублей,
— А какъ я тебя поиграю, тебѣ Богъ проститъ. —
Разъ сыгралъ, да онъ мата ей далъ,
Наигралъ на Катерину онъ вѣдь сто рублей;
Другой разъ сыгралъ, да онъ мата же ей давалъ,
Наигралъ на Катерину онъ вѣдь два ста рублей;
Третій разъ сыгралъ, онъ мата же ей давалъ,
Наигралъ на Катерину онъ вѣдь триста рублей
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
— Гой еси Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
— Полно намъ играть съ тобой шашками,
— Пойдемъ мы во спальню во тёплую,
— На ту на кроватку тисовую,
— На ту на перину пуховую.
— Лягемъ-ко мы спать — забавлятися. —
А дѣвка вѣдь ходитъ служанка ево,
Ходитъ она дѣвка стучитъ да ворчитъ:
«Я пойду къ Бермяты накучу да намучу.»
Тому Катерина не пытается,
Съ Чуриломъ на перины забавляются.
Надѣвала дѣвка платье-то цвѣтноё,
Пошла къ благовѣщенской заутрены,
Приходитъ она въ церковь соборную,
Отворяетъ двери-ти на пяту,
Да крестъ-отъ кладётъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведётъ по учёному,
На всѣ она стороны поклоняется,
Старому Бермяты на особинку:
«Престарѣлыя Бермята сынъ Васильевичъ!
«Не хорошо у насъ въ домѣ учинилосе,
«Есть у тебя вѣдь и гость гоститъ,
«Гость щапливъ есть и гость ломливъ,
«Незванъ у тебя и не приказыванъ,
«Премладый Чурилушко сынъ Плёнковичъ,
«Съ Катериной на перины забавляются.»
Проговоритъ Бермята таково слово:
— Гой еси дѣвка служанка моя!
— Буде правду говоришь, дѣвка, пожалую тебя;
— А неправду говоришь, тебѣ голову срублю.—
Проговоритъ дѣвка служанка ево:
«Буде мнѣ вѣры не имёшь, поди самъ досмотри».
Пошолъ отъ благовѣщенской заутрены,
Ко своимъ пошолъ онъ ко высокимъ теремамъ,
Здымался на крылечко на красноё,
Да брякалъ въ колечко серебряное.
Какъ разъ онъ побрякалъ, да нѣтъ никово,
Другой разъ побрякалъ, да нѣтъ же никово,
Третей разъ побрякалъ попуще тово,
Высокіе терема пошаталисе,
Маковки со теремовъ попадали,
Выходила Катерина дочь Микулична,
Сафьяны башмачки на босой ноги.
Проговоритъ Бермята сынъ Васильевичъ:
— Что ты Катерина не уборна идёшь,
— Севодня у насъ праздникъ Благовѣщеньё. —
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
«Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
«Угорѣла я севодня, голова болитъ,
«Щемитъ у меня ретиво сердцо,
«Не могла такъ хорошо обрядитисе.»
Тому ли Бермята не пытается.
Пошолъ онъ въ высоки новы теремы,
Увидѣлъ на стопкѣ шапочку Чурилкову:
— Эту я вѣдь шапку на Чурилѣ видалъ. —
Проговоритъ Катерина дочь Микулична:
«Гой еси Бермята сынъ Васильевичъ!
«У моево родимово у брателка,
«Съ Чуриломъ вѣдь платьицомъ помѣнянось,
«А добрыми конями побратанось.»
Тому ли Бермята не пытается,
Пошолъ онъ во спальню во тёплую,
Увидѣлъ подъ кроваткой сапожки Чурилковы,
Увидѣлъ на кроватки Чурилко лежитъ.
Какъ бралъ онъ со стопки саблю вострую,
Не утрена зорюшка просвѣтила,
А вострая сабелька просвиркала,
Не скачёная жемчужинка катиласе,
Чурилкова головушка съ плечъ свалиласе
На ту ли на череду кирпичную,

Не красная камка розстилается,
Чурилкова кровь проливается
На ту ли на череду кирпичную.
Не бѣлой горохъ розсыпается,
Чурилковы желты кудри валяются,
По той ли по чéреды кирпичныя.
Видитъ Катерина, что бѣда пришла,
Дѣться Катерины стало нé куда,
Брала Катерина востръ булатній ножъ,
Поставила тупымъ концомъ въ сыру землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердцо.
Погинуло втáпоръ двѣ головушки,
Чурило съ Катериной со Микуличной.
Прожили говѣнье великоё,
Пропустили вѣдь недѣлю они свѣтлую,
Старыя Бермята сынъ Васильевичъ
Да шли съ дѣвкой въ церковь обвѣнчалисе
Со той ли со дѣвкой служанкой евò,
Стали жить и быть да вѣкъ коротати.
А мы вѣдь Чурила въ старинáхъ поёмъ.
Ахъ дудай-дудай больше впередъ не знай!

Записано тамъ же, 24 августа.

—

310.

КОСТРЮКЪ.

Изволилъ нашъ царь государь
Царь Иванъ да Васильевичъ,
Онъ изволилъ женитися
Да онъ, свѣтъ, обручитися,
Не у насъ на святой Руси,
Не у насъ въ каменной Москвѣ,
Во земли во литовскія,
Да во той во черкасскія
На премладой Черкашеньки,
А на Марьѣ Демрюковны.
Да онъ много въ приданы бралъ,
Онъ триста улановей,
Да пятьсотъ улыбановей.
Еще онъ въ приданы бралъ
Молодого-де турина
Кострюка-то Демрюковича.
На радостяхъ завёлъ онъ пиръ,
Да онъ всѣхъ по мѣстамъ садилъ.
А всѣ во пиру напивалися,
Да всѣ во хмѣлю пьяны веселы сидятъ,
Одинъ во пиру какъ не пьётъ не ѣстъ,
Зелена вина не кушаетъ,
Бѣлой лебеди не рушаетъ.
Проговоритъ царь государь:
— Ужъ ты гой еси шуринъ мой,
— Кострюкъ ты Демрюковичъ!
— Молодой Черкашенко!
— Для че'же ты хлѣба и соли не ѣшь,
— Зелена вина не кушаёшь,
— Бѣлой лебеди не рушаешь,
— На царя лихо думаешь,
— Али на мать каменну Москву. —
Проговоритъ Кострюкъ Мастрюкъ
Да Кострюкъ-отъ Демрюковичъ:
«Ужъ ты гой еси царь государь,
«Царь Иванъ да Васильевичъ!
«Хошь и хлѣба и соли не ѣмъ,
«Зелена вина не кушаю,
«Бѣлой лебеди не рушаю,
«На царя лиха не думаю,
«И на мать каменну Москву.
«Захотѣлось какъ мнѣ Кострюку,
«Захотѣлось какъ мнѣ Демрюку
«Молодому Черкашенкѣ —
«Въ Москвѣ поборотися,
«Да въ Москвѣ поломатися,
«По двору покататися,
«По двору-ту по царскому,
«По тому государскому.»
Борцовъ не случилосе
Молодцовъ не сгодилосе,
Одинъ князь Микита Романовичъ
Выходилъ на широкой дворъ,
На крылечко на красноё,
Да кричалъ громкимъ голосомъ:
— Еще есть ли у насъ въ Москвы,
— Еще есть ли у насъ борцы,
— Удалые молодцы? —
Борцовъ не случилосе,
Молодцовъ не сгодилосе.
Изъ тово изъ села изъ Иванова
Да шло вѣдь три родные брателка,
А первой-отъ брателко
Былъ Василей Андреевичъ,
Второй-отъ брателко
Былъ Андрей да Андреевичъ,
А третей-отъ брателко
Былъ Потапей Андреевичъ.
Большой-отъ вѣдь братъ говоритъ:
«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися.»
Середней-отъ братъ говоритъ:

«Да мнѣ не съ кѣмъ боротися,
«Да мнѣ не съ кѣмъ ломатися,
«По двору-ту кататися.»
А малой-отъ брателко
Былъ Потапюшко хроменькой,
А на ножку былъ легонькой,
Онъ на ножку припадыватъ,
Изъ-подъ ручки поглядыватъ:
«Развѣ мнѣ поборотися,
«Развѣ мнѣ поломатися,
«По двору покататися?»
Ухватилъ какъ вѣдь онъ Кострюка,
Ухватилъ какъ вѣдь онъ Демрюка,
Молодово Черкашенку,
Да ушибъ о сыру землю,
О чéреду кирпичную.
Изъ холы́ ногу выставилъ,
Изъ плеча руку выломилъ,
Да нагá по двору спустилъ,
А былъ доброй молодецъ,
Стала красная дѣвица,
Онъ рукой закрывается,
За людей убирается.
За бѣду пришло
Марьи Демрюковны:
— Не поставлю я пени въ томъ,
— Что крестьянской-отъ сы́нъ одолѣлъ
— А царева-то шурина,
— А поставлю я пеню въ томъ
— Что нагá по двору спустилъ. —

Записано тамъ же, 24 августа.

—

311.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

Ходилъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды онъ въ орду, къ королю въ Литву,
Служилъ королю ровно тридцать лѣтъ.
Король молодца любилъ-жаловалъ,
Королевна любила паче короля.
Да онъ сталъ молодецъ по пирамъ ходить,
По пирамъ-то ходить сталъ упиватися,
Королевскимъ-то домомъ похвалятися,
Королевскимъ-то домомъ, ево дочерью.
А злы палачи, бурзы-гетманы
Донесли королю они Шведскому:
«А батюшка ты ль нашъ, Шведскóй король!
«А есть у тебя съ Руси молодецъ,
«По пирамъ онъ вѣдь ходитъ упивается,
«Королевскимъ твоимъ домомъ похваляется,
«Королевскимъ-то домомъ, твоей дочерью.»
Король-то на молодца прогнѣвался:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
— Отведите молодца во чистó полё,
— Да на то ли на поле кровавое,
— Да на ту ли-то на плашку на липову,
— Отрубите молодцу буйну голову. —
А злы палачи, бурзы-гетманы
Повели молодца позади дворца.
Да речé молодецъ таково слово:
«А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
«Не водите молодца позади дворца,
«А ведите молодца попередь дворца,
«Мимо тотъ ли-то садъ, мимо зéленой.»
Палачи молодца вѣдь послушали,
Повели молодца попередь дворца,
Мимо тотъ ли-то садъ мимо зéленой.
Запѣлъ молодецъ съ горя пѣсенку:
«А садъ ты мой садъ ты мой зéленой,
«А яблонь ты яблонь кудреватая,
«Приупито вѣдь было приуѣдено,
«Съ королевной-то было прогуляно,
«А теперь вѣдь приходитъ смертка скорая.»
Да услышала прекрасна королевична,
Она пó поясъ въ окошко бросалась:
— А вы злы палачи, бурзы-гетманы!
— Не ведите молодца во чистó полё,
— По локóтъ вы берите золотой казны. —
Палачи королевны не послушали,
Повели молодца во чистó полё,
Да на то ли-то на поле кровавоё,
Да на ту ли-то на плашку на липову,
Отрубили молодцу буйну голову.
Да скорёшенько королевна сряжалась,
Пришла королевна во чистó полё,
Ко той ли ко плашкѣ ко липовой,
Брала королевна востръ булатней ножъ,
Поставила тупымъ концомъ во сырý землю,
А вострымъ концомъ въ ретиво сердцо.
Да погинуло втапоръ двѣ головушки.

Записано тамъ же, 25 августа.

—

312.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНКА.

Со Щукина двора
Идетъ сѣдая борода,
Тотъ милёнькой мой,
Пріятель дорогой.
Во всё лѣтушко гуляли,
Картофельку копали,
Денежку брали́.
У насъ не было работы,
Только прибыло заботы,
Гдѣ бы деньги брать,
Кому работать.
День и два живёмъ не ѣтчи,
Съ горя пѣсенку запѣвши,
По́шли во Тычокъ,
Славный кабачокъ.
Ужъ мы двери отворяли,
Насъ вѣдь за руки примали
Дьяконъ и дьячокъ.
— Вы здорово ли живёте,
— И куда теперь идёте? —
Спрашивали насъ.
«Ужъ вы видите вы сами,
«Что въ трактирѣ вмѣстѣ съ вами.»
Мы имъ говоримъ.
«Давай пива и вина,
«Еще есть у насъ казна
«Роздѣлаться съ вамъ.»
Мы наѣлись-напились,
Домой скоро поплелись,
Захотѣли спать.
Зашли въ улицу Садову,
Во ту харчевню нову,
Послуха́ть часовъ.
Скоро частной прибѣгалъ,
На допросы призывалъ,
Очень хорошо.
Не успѣли мы сказать,
Намъ вѣдь рученки назадъ,
Въ по́лицу свели.
Что во темную тюрьму
Во холодную стѣну:
«Си́дите-тко тутъ.»
Мы хотѣли оправдаться,
Велятъ скоро роздѣваться,
Очень поскоряй.
Не успѣли платья свлечь,
Начинаютъ спину сѣчь
Моржовымъ ремнёмъ,
Большимъ шелепнёмъ.
Спину, жопу отстегали,
Впередь вотъ что наказали:
«Ходите умняй,
«Очень посмирняй.»
Ужъ мы вышли изъ полицы,
Намъ на встрѣчу по дѣвицы,
Лапушки драги́.
Мы наказы забывали,
Дѣвокъ за́ руки примали,
Радошны были́,
Ихъ съ собой вели́.

Записано тамъ же, 25 августа.

—

LXVII.

ЮРЬЕВЪ.

Антонъ Степановичъ Юрьевъ, 82 лѣтній старикъ, крестьянинъ изъ дер. Пророкова, Мошенскаго прихода, выучился пѣть былины отъ старика изъ Онеги-города, который часто у него ночевалъ по зимамъ, когда проѣзжалъ черезъ Мошу. Кромѣ «старинъ», здѣсь помѣщаемыхъ, знаетъ о похожденіяхъ Ильи Муромца, но сказочнымъ, а не пѣсеннымъ складомъ.

—

313.

ДОБРЫНЯ.

У князя у Владиміра заводился почестенъ пиръ
На многи князя многи боярà,
А на всѣ поляницы на удалые.
А какъ всѣ ли во пиру да напивалисе,
А какъ всѣ ли во честномъ да наѣдалисе,
Ужъ какъ всѣ ли во пиру да пьяны веселы сидятъ,
Ужъ какъ всѣ ли во пиру да поросхвастались.
Ужъ какъ кто ли-то похвастатъ золотой казной,
А другой-отъ похвастатъ добры́мъ конемъ,
Глупой-отъ похвастатъ молодой женой,
Неразумный-отъ похвастатъ своей дочерью.
А сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
По концу онъ столика дубоваго,
Говоритъ онъ рѣчи таковы слова:

— А ты князь ты князь да вѣдь Владимірской!
— А спусти-ко вѣдь меня да во чисто́ поле,
— А во то ли поле во широкое,
— А ко той рѣки да ко Пучи́-рѣки,
— Обвалитъ тамъ сила всё татарская,
— А татарская та сила всё уланская. —
Говоритъ-то князь вѣдь тутъ владимірско:
«Молодой воробыкъ не вылетывай,
«Молодой Добрыня не выскакивай.»
Говоритъ тутъ Добрынюшка Микитинъ сынъ:
— А ты князь ты князь да вѣдь владимірскій!
— Ахъ дамъ тебѣ вѣдь я добра коня,
— Выѣзжай ты во чисто поле,
— Помолись ты матери пресвятой Богородицѣ.—
Далъ вѣдь онъ ему добра коня,
Онъ какъ сѣлъ да вѣдь на добра коня,
А поѣхалъ онъ да во чисто́ поле,
А ко той ли ко матушки ко Пучи-рѣкѣ,
Обвалитъ тамъ сила вся татарская,
Татарска́я сила все уланская.
А пріѣхалъ Добрынюшка Микитинъ сынъ
А ко той ли ко матушки къ Пучи-рѣкѣ,
Какъ махнётъ на право — туды улочка,
А махнётъ на лѣво — переулочекъ,
Прирубилъ онъ силу всю татарскую,
А татарску силу всю уланскую.

Записано на Мошѣ, 24 августа.

—

314.

МОЛОДЕЦЪ И КОРОЛЕВНА.

А й дюрди-дюрди да дюрди гетманы,
Заигралъ молодецъ изъ орды въ орду,
Изъ орды въ орду да къ королю въ Литву,
А й полонилъ молодца да тутъ шведско́й король,
А й король король да король батюшко.
Привели молодца да на конюшенку,
А на ту ли на конюшню на дубовую,
А запѣлъ молодецъ да пѣсни царскія,
Пѣсни царскія пѣсни умильнія,
А услышала королёвна пѣсни царскія,
А пришла къ ему да на конюшенку,
А на ту ли на конюшню на дубовую.
Она стала съ молодцомъ да въ шахматы играть,
Онъ игралъ сыгралъ да е́я о́быгралъ,
Онъ другой игралъ да е́я обыгралъ,
Онъ третей игралъ да е́я обыгралъ,
Онъ третей игралъ да и на верхъ полѣзъ,
Увидѣли палачи да бурзы-гетманы,
Донесли королю да вѣдь таковы рѣчи.
У ево розгорѣлось ретиво сердце,
У ево роскипѣлась кровь горячая:
— А й вы палачи палачи, да бурзы-гетманы!
— Вы возьмите молодца да за желты кудри,
— Поведите молодца да во чисто полё,
— А во то ли во поле во Куликово,
— А на ту ли плашку вы на липову,
— Отрубите молодцу вы буйну голову. —
Повели молодца да во чисто поле,
Повели молодца да поперёкъ дворца,
А запѣлъ молодецъ да пѣсню новую,
Пѣсню новую запѣлъ да все умильную:
«А й со королёвной было приупито, приуѣдено
«А съ съ королёвной было приулёжано.»
Ахъ услышала королёвна пѣсню новую,
А бросалась да вѣдь по плечъ въ окно:
— А й вы ай вы палачи да бурзы-гетманы,
— Не ведите молодца да во чисто поле,
— Не рубите молодцу да буйной головы,
— А й берите вы казны да сколько надобно. —
А повели молодца да во чисто полё,
Отрубили молодцу да буйну голову.
А какъ тутъ она да воскипѣласе,
Ея сердце розгорѣлосе,
Обвернулась она да лебедью бѣлою,
А брала съ собою ножечки булатніе,
Прилетѣла она въ полё Куликово,
А ко той ко плашкѣ ко липовы,
Она ставила ножечки булатніи,
А тупымъ концёмъ да во сыру землю,
Вылетала сама да высокошенько,
Говорила рѣчь да помалёшенько:
— А гдѣ палъ какъ вѣдь сѣрой гусь,
— А пади тутъ лебедь бѣлая.

Записано тамъ же, 24 августа.

—

LXVIII.

МАКУШКИНЪ.

Андрей Ѳедоровичъ Макушкинъ, крестьянинъ дер. Мелехинской на Мошѣ, земледѣлецъ, лѣтъ 40. Знаетъ только былину, здѣсь помѣщаемую, да еще про Ивку-воина.

315.

ДОБРЫНЯ И АЛЕША.

Было во славномъ городѣ во Кіевѣ,
При славномъ князѣ было при Владимірѣ,
Были у его слуги вѣрныя,
Былъ Алеша богатырь Поповичъ,
А другой Добрынюшка Микитинъ сынъ.
И завелъ Владиміръ онъ почестенъ пиръ.
Собрались на пиръ князья да и бояра
И вси думныя министры.
На пиру сидѣли, напивалисе,
На честномъ сидѣли, наѣдалисе,
На пиру сидѣли, приросхвастались:
И кто хвастаетъ добрымъ житьемъ,
И кто хвастаетъ имѣніемъ - богачествомъ,
И кто хвастаетъ своей силой богатырскою.
Пріѣзжало на пиръ чудовищо-издолищо,
Просило себѣ поединщика.
Говорилъ и тутъ Владиміръ стольне-кіевской,
Говорилъ онъ таково слово:
— А кому у насъ ѣхать на бо́льшину,
— А й на ту границу на турецкую
— Битися да съ непріятелемъ.
Говорилъ ему Алёша вѣдь Поповичъ:
«Ѣхать Добрынюшки Микитичу
«И на ту границу на турецкую
«Битися да съ непріятелемъ.»
Приходилъ Добрыня къ своей матери:
— И прощай же матушка Омельфа Тимоѳеевна!
— Поѣзжаю я на ту границу на турецкую
Битися да съ непріятелёмъ,
Мнѣ-ка времени намѣченъ я на три года.
какъ три года да времё продлится
когда не возвращусь назадъ,
Гов ту поръ меня вы поминайте. —
— К онъ вѣдь своей жены и таково слово:
— И вѣдь три года да сполнится,
— И въ я назадъ да не возвращусь,
— И ты поръ меня вы поминайте,
— Только вдовой живи, хоть замужъ поди,
Тому времё ходи ты за Алёшу за Поповича.—
Выѣзжалъ Але длилося только три года.
Пріѣзжалъ ко во чисто полё,
Говорилъ Алёша зю ко Владиміру,
«И увидѣлъ я Доб ково слово:
«И лежитъ и голово нюшку въ чистомъ полѣ,
«Голова копьемъ вся да во ракитовъ кустъ,
«Голова копьемъ вся сприколота.»

Говорилъ Владиміръ таково слово:
—И не врёшь ли ты Алёша и Поповичъ. —
«И не вру, не вру, Владиміръ князь, да стольне-кіевской.»
Говорилъ Алёша ему таково слово:
«И Владиміръ князь да стольне-кіевской!
«Ты меня на той же ты вдовы жени
«И на той Добрынюшки да на Микитиной.»
Говорилъ ему Владиміръ таково слово:
— А й Алёша и Поповичъ,
— Я съутра же вѣдь тебя женю. —
И на ту да пору время
Пріѣзжалъ Добрыня вѣдь со той границы со турецкой
И ко той вдовы къ Амельфы Тимоѳеевны.
Пріѣзжалъ да вѣдь на бѣлый дворъ,
Становилъ и своего добра коня
Середи же онъ бѣла двора,
И къ тому кольцу да къ золочёному.
Приходилъ онъ тутъ къ своей матери:
— Здравствуй, здравствуй, бабушка Амельфа Тимоѳеевна!
— Гдѣ у тя Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
«А и ты удалый добрый молодецъ!
«Кабы былъ Добрынюшка Микитинъ сынъ,
«Ты бы безъ докладу и сюда бы не пришёлъ.»
— Ужъ ты бабушка Амельфа Тимоѳеевна,
— Гдѣ его обручная княгина? —
«А й удалой доброй молодецъ,
«А й увёлъ Алёша и Поповичъ
«И увёлъ онъ за себя замужъ,
«И волей ушла ли по неволѣ,
«И увёлъ ее Владиміръ князь да по неволѣ.»
Обрядился Добрыня скоморошкою весёлою,
И пошёлъ Добрыня вѣдь на честёнъ пиръ,
Говорилъ и скоморошка вѣдь весёлая:
— И Владиміръ князь да стольне-кіевской,
— Прикажи же поиграть да скоморошки мнѣ весёлыя
— И на вашемъ на честномъ пиру. —
«А играй, играй же скоморошка ты весёлая.»
Заигралъ тутъ скоморошка да весёлая
А во тѣ ли звонцаты гусли.
Выходилъ Владиміръ князь изъ-за бѣла стола,
Бралъ онъ скоморошку вѣдь веселу за праву руку,
Говорилъ ему да таково слово:
«Скоморошка ты весёлая
«И тебѣ три мѣста три любимыя:
«И перво́ мѣсто́ хоть въ рядъ меня садись,
«А й друго мѣсто́ хоть въ рядъ княгины,

«Третьеё мѣсто гдѣ-ка́ вѣдь тебѣ́ любо:»
И садился онъ насупротивъ княгины многобраныя.
Наливала тутъ княгина чару зелена вина,
Подава́ла скоморошкѣ вѣдь весёлыя:
— Выпей, выпей чару зелена вина. —
Принималъ и скоморошка чару зелена вина:
«Здравствуй, здравствуй и княгина многобраная,
«Выпить чара мнѣ-ка зелена́ вина.»
И онъ сни́малъ съ ру́ки свой злачёнъ перстень,
Подавалъ онъ въ чары вѣдь княгины многобраныя,
И брала княгина многобраная,
И брала́ вѣдь о́на свой злачёнъ перстень,
Говорила вѣдь она́ да таково слово:
— А й Владиміръ князь да стольне-кіевской,
— И не тотъ-то мужъ, да кой вѣдь въ рядъ меня сидитъ,
— То мнѣ мужъ, которой прямъ меня сидитъ,
— И сидитъ Добрынюшка Микитинъ сынъ. —
Не стерпѣло тутъ Добрынюшки Микитича
И его да ретиво сердцо,
Ухватилъ онъ тутъ Алёшу вѣдь Поповича
Зъ-за того ли онъ вѣдь зъ-за бѣла стола.
Тутъ Алёша только живъ бывалъ.
Выскочилъ же тутъ Владиміръ князь
Зъ-за за того ли онъ изъ-за бѣла стола,
Говорилъ онъ тутъ да таково слово:
«А й Добрынюшка да ты Микитинъ сынъ!
«Хочешь ты теперь что надо мной дѣлай.»
Бралъ Добрыня свою молоду жену,
Бралъ Добрыня за праву руку,
И повелъ и къ своей матери Амельфы Тимоѳеевны:
— Здравствуй матушка родимая Амельфа Тимоѳеевна! —

Записано на Мошѣ, 23 августа.

—

LXIX.

МАЛЫГИНЪ.

Петръ Саватьевичъ Малыгинъ, 18-лѣтній огромнаго роста юноша, изъ дер. Полинской на Мошѣ; знаетъ только одну былину, которую слыхалъ отъ стариковъ.

—

216.

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА.

Ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,
Да Добрынюшки-то матушка наказывала:
«Не ходи-ко ты по городу по Кіеву,
«Не ходи-ко ты во улочку возвратную,
«Во тѣ ли переулки во Маринкины,
«Тутъ живё курва Маринка Игнатьёвна,
«Она отравщица да ожеленщица,
«Отравила она много добрыхъ молодцовъ,
«Еще сильнихъ могучихъ богатыревъ.»
Ну ходилъ-гулялъ Добрынюшка по городу,
Да ходилъ-гулялъ Микитиничъ по Кіеву,
Зашолъ какъ онъ въ улочку возвратную,
Да во тѣ ли переулки Маринкины.
Увидала тутъ Маринка Игнатьёвна,
Выпускала голубка да со голубушкою.
Тутъ увидѣлъ какъ Добрынюшка Микитичъ младъ,
Онъ натягивалъ Добрыня свой-отъ ту́гой лукъ,
Онъ накладывалъ стрѣлу ту калёную,
Ко стрѣлы-то онъ Добрыня приговаривалъ:
— Ты убей-ко голубка да со голубушкою. —
Не убила голубка да со голубушкою,
А убило у Маринки оклёнку,
Оклёнку да дружка милого,
Дружка милого Идолища,
И поганого да некрещоного.
Стоючись какъ самъ Добрыня пороздумался:
— Не честь мнѣ хвала да молодецкая,
— Не есть слуга́ да богатырская,
— Не пропасть моей да каленой стрѣлы,
— У дѣвки у Маринки у Игнатьевны. —
Заходилъ какъ-то Добрыня во высо́къ тѣремъ,
Онъ и крестъ-то кладетъ да по писаному,
И поклоны тѣ ведётъ да по ученому,
Ну Добрынюшка Марины-то челомъ бьетъ.
А Марина-то Добрыни низко кланяясь,
Онъ и бралъ свою да калену стрѣлу,
Ну пошолъ Добрыня вонъ изъ тѣрему.
Марины тутъ да за бѣду́ стало,
За бѣду стало да за досадушку
За досаду-ту да за великую.
Брала она два ножичка булатнія,
Ставала-то она да на рѣзвы ноги,
Ну подрѣзывала слѣды-ты Добрынины,
Она клала на дрова-тѣ на дубовыя:

«Ужъ вы пойте, вы пойте, слѣдочки вы Добрынины,
«Чтобы ныло у нево да ретиво сердце,
«Ну по той ли по Маринки по Игнатьёвны.»
Приходилъ какъ-*но* Добрыня къ родной матушки.
— Ну ходило, моё дитятко, догулялосѐ. —
Какъ не може ну Добрынюшка ни пить, ни ѣсть,
Ну не може какъ Добрыня тёмной ночки спать.
Зазвонили какъ ко ранней ко заутрины,
Выходилъ какъ-*но* Добрыня на крылечушко,
Стоючись какъ самъ Добрыня пороздумался.
— Что мнѣ дѣлать какъ у церкви у соборныя
— Да у той ли у заутренки у ранныя,
— Ну пойду я ко Марины ко Игнатьёвны. —
Заходилъ какъ-*но* Добрыня во высо́къ теремъ,
Онъ крестъ-то кладетъ да по писа̀ному,
Поклоны тѣ ведётъ да по учёному,
На всѣ стороны Добрыня поклоняется,
Тутъ Добрыня-то Маринки на особицу.
Ну Марина-та Добрынюшки челомъ не бьётъ:
— Ты теперь-то ты да во моихъ рукахъ,
— Во моихъ-то рукахъ да подъ моей грозой,
— Обверну я тебя жабой подземельною,
— Ну которой жабы отвороту нѣтъ. —
Обвернула какъ Добрынюшку Микитича
Обвернула какъ она ево да мірски́мъ кобелемъ:
— Ты ходи-ко-се по городу по Кіеву,
— Ты сбирай-ко кусочки тѣ подстольнія. —
Тутъ ходилъ какъ-*но* Добрыня ровно суточки,
Приходилъ какъ тутъ Добрынюшка къ Маринушки,
Насбирался ли кусочковъ подстольнихъ-то?
— И возьми-ко си теперь да за себя́ замужъ.»
— Не подобаетъ-де взять дѣвка невѣрная,
— Не невѣрная да некрещёная. —
«Обы[illegible]ну-то я Добрынюшку морскимъ туромъ
«Есть [illegible] меня да во чисто́мъ полѣ,
«Есть [illegible]еня да девять туровъ,
«Девять [illegible]ровъ да девя́ть гнѣдыхъ,
«Пусть ты[illegible]есятыи да ты на бо́льшины,
«Я тура да[illegible]ебя да изукрашу всѣмъ,
«Рожка тѣ у [illegible]ура да позолочёныя,
«Бочка тѣ у т[illegible]а да рыта бархату.»
У царя-то было [illegible]а у Владиміра
Собирался у нево[illegible]да и великой пиръ.
На на пиру-то они[illegible]а напивалися,
На пиру-то они да [illegible]ѣдалися,
На пиру-то они да по[illegible]осхвасталися,
Кто хвастатъ видно да молодой женой,
А другой-отъ хвастатъ золотой казной *),
А четвертой-отъ хвастатъ добрымъ конемъ.
Тутъ Добрынюшкой Марина та похвастала:
— Есть у меня да во чистомъ полѣ,
— Есть у меня да девять туровъ,
— Да девять туровъ да девять гнѣдыхъ,
— А десятой-отъ да изукрашенъ всѣмъ,
— У тура-то рожка́ да позолоченые,
— Ну бочка тѣ у нево да рыту бархату. —
Тутъ ставала Парасковья какъ Микитична,
Какъ ставала она да на рѣзвы ноги,
Ну брала она Марину рукой за́ воротъ,
А другой-то рукой она била по бѣлу лицу:
«И какъ курва Маринка ты Игнатьевна,
«Отверни-ко Маринка всѣхъ да добрыхъ молодцевъ,
«Отверни-ко всѣхъ могучихъ да бога́тыревъ.
«Отверни-ко ты Добрынюшку Микитича.»
Отвернула какъ Маринушку сорокою
Улетѣла она да во чисто́ полё,
Сѣла Добрыни она на золотой рожокъ:
— Находился ли ты да по чисту полю,
— Наѣлся ли ты да ну ковыль травы,
— Напился ли ты да водушки болотнія,
— Дашь ли теперь клятву мнѣ великую,
— Ты возьмешь ли меня да за себя замужъ? —
Далъ онъ теперь клятву ту великую.
Отвернула тутъ Добрынюшку Микитича,
Отвернула она да всѣхъ сильнихъ добрыхъ молодцевъ,
Всѣхъ да могучихъ богатырёвъ.
Приходилъ какъ ко царю тутъ ко Владиміру:
— Далъ я Маринки Игнатьевны,
— Далъ ужъ какъ клятву я великую,
— Взять-то ея да за себя́ замужъ. —
Тутъ-то они да обручалися,
Тутъ-то они да повѣнчалися.
У Добрыни-то какъ слуги тѣ здогадливыя:
— Ужъ вы дайте мнѣ-ка чару ту оправную. —
Ужъ какъ дали Добрыни саблю вострую,
Онъ срубилъ какъ-*но* Марины буйну голову,
Онъ сожёгъ какъ на дровахъ да на дубовыхъ,
Роскидалъ какъ онъ песокъ да по чисту полю.
Приходилъ какъ-*но* ко ранней ко заутринкѣ,
Проздравляютъ ево да съ молодой женой.
«Я вчера-то былъ да я женатъ ходилъ,
«Сегодня я да какъ и вдовъ хожу.»

Записано на Мошѣ, 24 августа.

---

*) третьяго нѣтъ.

LXX.

КУРНИКОВЪ.

Иванъ Ивановичъ Курниковъ, 70-тилѣтній крестьянинъ изъ Ка́накши (волость на юго-востокъ отъ Моши, на границѣ Вельскаго уѣзда), зажиточный и уважаемый въ своей мѣстности домохозяинъ. Знаетъ много сказокъ и прибаутокъ, а изъ былинъ только про Кострюка, да еще ту самую буквально былину про Добрыню и Маринку, которую пѣлъ Малыгинъ (см. выше № 216). Курниковъ разсказывалъ, что эту послѣднюю былину онъ перенялъ незадолго передъ тѣмъ (именно въ 1870 году) отъ прохожаго мужичка изъ Шалекужской волости (къ сѣверу отъ Моши), который, зная только одну эту былину, ходитъ изъ дома въ домъ просить милостыни и тутъ поетъ свою былину.

—

317.

КОСТРЮКЪ.

А не тките-то дѣвушки,
Не прядите молодушки,
Ужъ вы сядьте послушайте,
Я вамъ сказку скажу,
Прибаулушку немаленькую,
Ай диди-диди-диди
И про того Кострюка Кострюкановича
Про того Дебрюка Дебрюкановича.
И какъ у насъ было братцы въ каменной Москвы,
У великаго царя Ивана Васильевича,
Заводился тутъ пиръ пированьицо,
Собирались гости честные почестные,
Пріѣзжалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Пріѣзжалъ Дебрюкъ Дебрюковичъ,
Садили ево за столы тѣ дубовые,
Подносили напиточки сладкіе медовые,
Еще тутъ Кострюкъ напивается,
Еще тутъ молодой наѣдается,
Еще тутъ Кострюкъ приросхвастался,
Еще тутъ молодой разбохвалился
Да своей ли то силой богатырскою:
— У васъ есть ли борцы молодцы
— Да московскіе ухватчики
— А со мной поборотися,
— Да со мной поломатися,
— Отвѣдати силы богатырскія. —
У царя была слуга вѣрная
Слуга вѣрная благовѣрная
Да Микита Романовичъ.
Выходилъ на крылечко перёное,
Кричалъ во всю голову,
Чтобы слышно на всю Москву,
Собирались бы борцы молодцы,
Да московски ухватчики
И съ Кострюкомъ поборотися
И съ молодымъ поломатися.
Ай диди-диди-диди!
Вотъ на пору на таково время,
Въ Москвы борцовъ не лучилосе,
Въ Москвы удальцовъ не лучилосе,
И только было въ малой улицы,
У старухи врядѣ (sic) кузницы
Было три сына милые,
Было три родимые:
Первой былъ Васенька,
Другой Потанюшка,
Третій былъ Мишенька,
Маленькой хроменькой,
На ножку припадываетъ
Изъ-подъ ручки посматриваетъ.
Обряжались братаны
Въ кафтаны тѣ синіе,
Кушаки были шелковые,
На ножкахъ сапожки сафьяненькіе,
На головушкѣ шляпоньки пуховенькіе.
Идутъ-то по мосту калиновому.
Говорятъ царю да не съ упадкою:
— Ужъ если поборемъ Кострюка Кострюкановича
— Дебрюка Дебрюкановича.
— Дакъ не будемъ ли гнѣвны мы,
— Да не будемъ ли судёбны мы. —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«Да борите борьцы молодцы,
«Да московски ухватчики,
«И не будете гнѣвны вы,
«Да не будете судёбны вы,
«И дамъ я вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,
«И по кафтану голу́бому,
«Дамъ я вамъ похвальный листъ
«Ѣздить по и́нымъ городамъ и по ярмонкамъ
«Торговать всё товарами разными,
«И безъ дани безъ пошлины,
«Безъ государевой подати,

«И пить вино въ кажномъ кабакѣ безденежно.»
А й диди-диди-диди!
Услыхалъ Кострюкъ Кострюкановичъ,
Услыхалъ Дебрюкъ Дебрюкановичъ,
Выходилъ изъ-за столовъ-то дубовыихъ,
Столы-тѣ всѣ пошаталисе,
Уже напиточки поплескалисе,
Уже скатерти шелковыи да заливалисе,
Пошолъ по полу — половочки да погибалисе,
Уже петелки у дверей разгибалисе,
Уже лиственки дубовыи порозсыпались:
— Уже гдѣ борцы, гдѣ молодцы,
— Да Московски ухватчики? —
Говорятъ борцы да не съ упадкою,
Говоритъ бо́льшій братъ Васенька:
«Развѣ я пойду поборотися,
«Развѣ я пойду поломатися
«И захвачу я тебя осере́дь кишки,
«Да брошу́ я тебя осередь Москвы.»
А говоритъ дру́гой Потанюшка:
«Какъ я пойду поборотися,
«Какъ я пойду поломатися,
«Захвачу твою буйную голову,
«Отверну твою буйную голову,
«Да брошу́ за Москву за рѣку,
«Чтобы слышно на всю на Москву.»
Говоритъ имъ третій братъ Мишенька:
«Развѣ я пойду поборотися,
«Развѣ я пойду поломатися?»
Пошолъ Мишенка да пошолъ маленькой,
Не припадывалъ онъ не на ногу и не на́ руку,
Онъ припадывалъ къ правому плечику,
Какъ гнянулъ *) Кострюка о сыру́ землю,
Тутъ рубашка та треснула
И брюшинка вере́снула,
Да нага-то нага Кострюка по двору спустилъ,
Да Кострюкъ-отъ былъ дѣвушка,
Да Кострюкъ-отъ былъ красная,
У ево п...а какъ сильная вачуга **),
Закрыла она долонью-то правою
Побѣжала по двору-то широкому,
Хоронится за лиственни дубовые
Говоритъ имъ сестра Марья Добрюковна:
— А й вы борцы молодцы
— Да московски ухватчики
— Онъ какой борецъ какой молодецъ
— Она красная дѣвушка. —
Говоритъ имъ царь Иванъ Васильевичъ:
«А й спасибо борцы молодцы,
«Да московски ухватчики,
«И ступайте ко мнѣ въ каменный домъ,
«Дамъ вамъ по двадцати пяти рублей деньгами,
«И дамъ я вамъ пофальной листъ,
«Ѣздить по инымъ городамъ и ярмонкамъ
«Торговать всё товарами разныма,
«Безъ дани безъ пошлины,
«Безъ государевой подати,
«Ужо пить вино въ каждомъ кабакѣ безденежно!»
Да диди-диди-диди!

*) пригнулъ.
**) рукавица.

Записано въ Канакшѣ, 25 августа.

—

LXXI.

СИВЦЕВЪ.

Тимоѳей Михайловичъ Сивцевъ крестьянинъ дер. Парфеновской, Лимскаго прихода, 60-ти лѣтъ, знаетъ много сказокъ про Илью Муромца и другихъ богатырей; поетъ только одну, нижеслѣдующую «старинку», сложенную на Мошѣ объ истинномъ происшествіи, тамъ случившемся.

—

318.

СОБЫТІЕ 1830-тыхъ ГОДОВЪ.

Вотъ по Моши по рѣки
Живутъ богаты мужики

Вотъ ка|лина,
Вотъ ма|лина!

Околъ масляной гуляли,
Коневала признавали.

Коневалушко знако́мъ,
Стало ѣхать не на комъ.

Взяли лошадь заложили,
Коневала придружили.

Еще лошадь-та берёжа,
Что дорожка нехороша.

А лошадка ворона́,
Дороже́нька не торна́.

Только сѣлъ Кузька съ кнутомъ,
Коневалко съ багоркомъ.

Кузьма сзади обнимае *),
Коневалъ дѣла́ не знае,

Они ѣхали страдали,
Пѣтушкова **) вслѣдъ дождали,

Пѣтушкова обождали,
Коневала повалили,

Онъ сказалъ добромъ не лихомъ,
Что вы ѣдете-то тихо.

Это слово не по ндраву,
Пѣтушкова обругали.

Пѣтухъ, Пѣтухъ, Пѣтушокъ!
Ты табашной корешокъ.

Потому ты корешокъ,
За́чѣмъ дёржишь дѣвушо́къ.

Коневала повалили,
Къ Ѳедькѣ на груди напали.

Съ него сумочки сорвали,
Всѣ мѣшочки розвязали.

Въ сумкѣ денежки нашли,
Въ разны стороны пошли.

Коневалъ опамятился,
На погостъ бѣжать спѣшился.

Къ подомарю прибѣжалъ
У воротъ-то постучалъ.

Подомарь-отъ отложилъ ***),
Коневалъ стоитъ дрожитъ.

Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ туда же къ имъ бѣжалъ.

Онъ по утру-то ставалъ,
Онъ въ Зашондомьё бѣжалъ.

Изъ Зашондомья-то шелъ,
Къ Пѣтушкову гость зашёлъ.

Ужъ ты батюшко Романъ,
Что пустой-то сталъ карманъ.

Не можно́ ли тому статься,
О мои деньги́ стараться.

Когда денежки взыщу,
За работу заплачу.

Какъ Романъ со стула всталъ,
Коневалу руку далъ.

Еще сядь, дуракъ, послушай,
Чаю кофею покушай.

Коневалушку не пьется,
О своихъ деньгахъ пекется.

Романъ кофею напился,
Во дѣлахъ распорядился.

Взялъ записку написалъ,
За Кузьмой скоро послалъ.

По чужой Кузьма наслышкѣ,
По Романовой запискѣ,

Какъ сейчасъ скоро явился,
Во дѣлахъ своихъ винился.

Романъ Кузьмѣ говорилъ:
Небось, Кузька, не тужи.
У тя много старой ржи.

Ничево тебѣ не будетъ,
Только старой ржи убудетъ.

Старшина у насъ Морозъ,
Онъ вѣдь любитъ стару рожь.

Для сѣменъ для ѣды,
Онъ избавитъ отъ бѣды.

Небольшимъ судомъ судили,
Мы въ расправы замирили.

Вотъ Кокора ковыляе,
Становому объявляе.

---

*) чтобы деньги ущупать.
**) Богатый крестьянинъ держалъ (носилъ) нѣмецкое платье, былъ временщикомъ.
***) отперъ ворота.

Становой дѣлó узналъ,
Сейчасъ на глазички призвалъ.

Онъ и бить-то ихъ не бьётъ,
Ручки ноженки куётъ.

Кузька скоро догадался,
Онъ ночью домой бросался.

Золотыма подарили,
Съ рукъ желѣзо-ти сложили,

Съ рукъ желѣза-ти сложили,
По домамъ ихъ роспустили.

Трои суточки гулялъ,
Дни ни ноченки не зналъ.

Записано на Мошѣ, 24 августа 1871 года.

КОНЕЦЪ.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького